THE YEAR'S BEST

ЛУЧШЕЕ ЗА ГОД

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА
КОСМИЧЕСКИЙ БОЕВИК
КИБЕРПАНК

Гарри ТЕРТЛДАВ, Майкл СУЭНВИК,
Кейдж БЕЙКЕР, Джон ВАРЛИ, Вернор ВИНДЖ
и многие другие

Под редакцией Гарднера Дозуа

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ежегодные сборники «The Year's Best», выходящие в США уже более пятнадцати лет, публикуют повести, рассказы, эссе, отобранные по всему миру, и попасть в число их авторов не менее престижно, чем завоевать Всемирную премию фэнтези или «Небьюлу».

Гигантские звездолеты, беззвучно глотающие парсек за парсеком в бескрайней ночи, роботы, похожие на неуклюжих бронированных крабов, запутанные лабиринты «киберпространства», странные механизмы, дающие людям власть над самим Временем. Согласно западной традиции все вместе это называется «Science Fiction», научной фантастикой. На страницах ежегодной антологии Гарднера Дозуа собраны лучшие образчики этого направления. Самые удачные рассказы ведущих авторов, работающих в жанре киберпанка, антиутопии, космического боевика, — Гарри Тертлдава, Майкла Суэнвика, Джона Варли, Вернора Винджа и многих других. Впервые знаменитая антология выходит на русском языке. Двадцать девять блистательных образцов малой прозы помещены под одной обложкой с целью познакомить читателя с наиболее яркими новинками жанра.

- ЛУЧШЕЕ ЗА 2004 ГОД:
  - Уильям Бартон — Полет на космическом корабле
  - Джон Кессел — Все это правда
  - Чарльз Стросс — Бродячая ферма
  - Стивен Попкес — Лед
    - ■
    - ■ Действие I
    - ■ Действие II
    - ■ Действие III
    - ■ Действие IV
  - Нэнси Кресс — ЭЙ-ЭС
  - Джон Варли — Звонарь
  - Джудит Моффетт — Медвежонок
  - Говард Уолдроп — Позвать по имени
  - Кристина Кэтрин Раш — Шестнадцатое июня у Анны
  - Уолтер Джон Уильямс — Зеленая Леопардовая Чума
  - Паоло Бачигалупи — Девочка-флейта
  - Джек Скиллингстед — Мертвые миры
  - Майкл Суэнвик — Король-Дракон
  - Пол Мелко — Любовь одиночек
  - М. Шейн Белл — Аномальные структуры моих грез

- Вернор Виндж — Куки-монстр
- Гарри Тертлдав — Джо Стил
- Джеф Райман — Дни рождения
- Джон К. Райт — Неспящий в ночи
- Джеймс Ван Пелт — Долгий путь домой
- Джеффри А. Лэндис — Глаза Америки
- Кейдж Бейкер — Добро пожаловать на Олимп, мистер Херст
  -
  - Начало фильма: 1926 год
  - Семь лет спустя: 1933 год
  - Конец фильма: 2333 год
- Роберт Рид — Во мраке времени
- Уильям Шанн — Чудодейственное средство
- Доминик Грин — Ментагра
- Пол Ди Филиппо — И сбежала вилка с тарелкой вослед
- Терри Доулинг — Ликвидаторы
- Ник Дикарио — Змееголовник
- Терри Биссон — Дорогое аббатство
  -
  - 1
  - +1
  - 1+
  - +500
  - +1000
  - +10 000
  - 1+
  - +100 000
  - +1 000 000
  - +10 000 000
  - 1+
  - +225 000 000
  - +2,4 миллиарда
  - 1+

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96

- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140

- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184

- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227

ЛУЧШЕЕ ЗА 2004 ГОД:
Научная фантастика. Космический боевик. Киберпанк:
Антология современной зарубежной прозы

Уильям Бартон — Полет на космическом корабле

William (Renald) Barton (III). Off on a Starship (2003). Перевод Н. Фроловой

Предлагаемая повесть — яркая, захватывающая, во многом более интригующая, чем большинство трилогий Бартона, — это история молодого человека и его неожиданные приключения. Тут есть и опасности, и чудеса, и тайны, о которых мечтает каждый мальчишка, и неожиданности, которые вряд ли могут представить даже самые изобретательные из нас. Уильям Бартон родился в Бостоне в 1950 году, а сейчас живет в Дареме, штат Северная Каролина. Большую часть своей жизни он проработал инженером в области военных и промышленных технологий. Одно время был сотрудником Министерства обороны, служил на атомных подлодках, а теперь стал писателем и консультантом-программистом. Его рассказы публиковались в журналах «Aboriginal SF», «Asimov's Science Fiction», «Amazing», «Interzone», «Sci Fiction», «Tomorrow», «Full Spectrum». Он написал несколько романов: «Hunting on Kunderer», «Aplange of All Cowards», «Dark Ski Legion», «When Heaven Fell», «The Transmigration of Souls» (был выдвинут на премию Филипа К.Дика), «Acts of Conscience»; совместно с Майклом Капобианко — «Iris», «Fellow Traveler», «Alpha Centauri». Последние его романы: «White Light» совместно с М. Капобианко и «When We Were Real».

Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время [1]. Разве не так все и должно быть? Кажется, была середина ноября 1966 года; вечер, — наверное, часов семь; на улице, конечно, темно, холодно и тихо. Небо над городком Вудбридж, штат Виргиния, просто усыпано звездами — их было так много, что темный, холодный вечерний воздух казался подсвеченным каким-то необычным зеленоватым светом. Может быть, правда, это отражалось освещение небольших заправочных станций и магазинчиков, расположенных неподалеку вдоль автострады № 1.

Я шел домой с ярмарки не пользующихся спросом товаров в торговом центре Фишера, который находился рядом с шоссе. Сам я начитался комиксов и съел две порции жареной картошки-фри с кетчупом, но все равно хандру это не развеяло. Я здорово

задержался — прочитал почти целиком «Фантастическую четверку», теперь можно было и не покупать книгу. Я должен был вернуться домой к половине седьмого, потому что мать спешила на свидание.

С каким-нибудь толстым рабочим, эдаким пропахшим пивом парнем с сальными волосами; она обычно говорила, что «встречается» с ними (но я-то знал, что имеется в виду); в течение двух лет после того, как она выгнала моего отца, один парень сменял другого, и мать оставляла меня дома присматривать за двумя маленькими сестренками, которым было три и семь.

Помню, я часто думал, что мать совсем опустилась.

Сейчас я стоял на восточном краю долины Дорво, смотрел вниз и удивлялся, как же там темно (долина напоминала пустую чашу и была такой же таинственной, как всегда). Мы с Марри обнаружили ее три года назад и сами дали ей название; почти полмили заброшенной земли, на которой даже кусты и трава не росли, а вокруг были деревья. Мы назвали ее в честь одного места из книги, которую тогда пробовали писать, — «Жители Венеры». Это был наш личный вклад в жанр научной фантастики, но после выхода в свет «Пиратов с Венеры» мы отказались от своей затеи.

Марри. Черт бы его побрал. Именно из-за него я оказался один на ярмарке. Когда я позвонил ему, в трубке сначала долго молчали, потом его мать сказала:

— Извини, Уолли. Марри снова ушел сегодня с Ларри. Я не знаю, когда он вернется, но передам, что ты звонил.

Я чувствовал полное опустошение. Сколько раз мы сидели вместе на таких же ярмарках, бесплатно читали комиксы, пили кока-колу и поедали картошку-фри с кетчупом. Потом я вспомнил, как прошлым летом мы в последний раз тут, в Дорво, играли «в Венеру», размахивали мечами из тростника и сбивали грозди ягод с кустов Контака — ведь это были зловредные существа, которых мы называли Красными Дьяволами. Мы хохотали и делали вид, что стали героями настоящего романа. Нашего романа.

Контаком назвал эти кусты отец Марри, он же объяснил нам, что на самом деле они называются эфедра и именно из них изготавливают лекарства против аллергии.

Но потом снова начались занятия в школе, одиннадцатый класс, и мы познакомились с Ларри. Тем самым Ларри, который встречался с Сузи. Хорошенькой блондинкой Сузи, а у той была толстая подруга-коротышка в очках по имени Эмили.

Нечто подобное случалось и раньше. Когда нам было лет десять или одиннадцать, Марри вступил в «Малую лигу» [2], он еще сказал тогда, что это поможет ему добиться успехов в

многоборье. Теперь же место бейсбола заняла «киска».

Я молча стоял и смотрел на темную долину, за ней простирался лес, а над деревьями поднимался золотой шпиль католической церкви Божьей Матери. Церковь подсвечивалась снизу. Мне приходилось бывать там до того, как родители развелись. В наших мифах о долине Дорво, о прекрасной планете Венере, утраченной Венере, мы называли эту церковь собором Венусии, а город, расположенный рядом, из торгового центра превратился у нас в столицу Дорво Ангор.

Я понимал, что пора идти. Через темный лес, вниз по Зеленой дороге, мимо дома Марри (его родители наверняка молча сидят перед телевизором, попивают пиво Пабст [3]), потом через ручей, через площадь Стэггс домой, где меня поджидает бешеная, вечно ко всему придирающаяся мать.

Если мне повезет, она не вернется домой до утра, и тогда мне не придется лежать всю ночь без сна в темноте и слушать, чем они там занимаются.

Я сделал глубокий выдох — струя теплого воздуха, которая заблестела в темноте при свете мириадов звезд; и тут я замер: в темноте долины показался какой-то слабый свет. Сердце у меня готово было выскочить из груди. Смотри, Марри! Межоблачный гидроплан!..

Да. Точно. Где же теперь Марри? Где-нибудь в темном кинозале, щупает там себе девчонку, словно взрослый парень.

Свет не исчезал, и спустя мгновение я принялся спускаться вниз, сквозь высокую траву, продираясь через Красных Дьяволов и сорняки, огибая ямы, которые и не разглядеть было, но ведь я прекрасно все знал здесь. Чем дальше я уходил в темноту, тем острее становилось ночное зрение.

Я всмотрелся в призрачный свет, приставил ладонь ко лбу, чтобы заслонить собор и свет звезд.

И встал как вкопанный.

Нет, не может быть.

Я отвернулся и заморгал как сумасшедший. Потом снова взглянул в ту сторону.

Летающая тарелка ничего особенного собой не представляла — обычный диск, едва касается земли, примерно шестьдесят футов [4] в диаметре. Размером с дом. Не блестит, иначе в ней отражались бы звезды. Под тарелкой, там, где еще больше сгущалась темнота, виднелось что-то, — может, амортизирующие посадочные модули, и еще какие-то тени — и эти тени двигались, даже слышно было, как шелестит трава.

Совсем рядом. Что-то сжалось в груди.

Защекотало между ног. Захотелось писать.

Я медленно спустился вниз, до самого дна долины. Двигающиеся в траве и кустах тени были совсем маленькими — по размерам не больше крабов, только без клешней, и я никак не мог разобрать, что же у них там вместо клешней.

Казалось, что тени хватают кусты Красных Дьяволов, пригибают их к земле и срывают с них гроздья ягод. Зачем крабам без клешней понадобились ягоды Контака?

Роботы. В книжке комиксов они были бы роботами.

Во всяком случае на меня они никакого внимания не обращали.

У меня было такое чувство, что все это происходит не со мной, как будто я принял три таблетки Контака или выпил целую бутылку сиропа от кашля.

Снизу под тарелкой виднелся длинный узкий трап, он вел к люку; изнутри лился неяркий синеватый свет, — может, как раз этот свет я и заметил, стоя наверху. Я подошел ближе, хотя сердце у меня колотилось все быстрее и быстрее; потом поднялся по трапу и зашел внутрь.

В кино летающие тарелки бывают оснащены лучевыми пушками, они прямо-таки сжигают целые города. Мысленно я слышал, как Марри, совершенно забыв о девчонке, с завистью говорит, что не ожидал от меня такого смелого поступка.

Как бы там ни было, я зашел внутрь.

Тарелка оказалась очень похожей на звездный корабль из книги «День, когда Земля остановилась». Вот изогнутый коридор, одна стена цельная, вторая решетчатая и слегка вогнута. Вот несколько лампочек над чем-то похожим на дверь. За поворотом…

Дыхание у меня перехватило, я замер, только сердце бешено колотилось в груди.

Я еще раз успел подумать, зачем вообще тут оказался.

То, что я увидел, мало походило на торга из фильма. Тот был совсем никакой. А у этого все как у людей — локти, запястья, колени, бедра, но на месте лица — пусто, лишь серебристый щиток, такой выпуклый пятиугольник, напоминающий бляху городского полицейского. У моего дяди Ала похожий значок работника Бостонского метро.

Я стоял прямо перед ним. Ростом он был примерно как мой отец, то есть всего на дюйм или два выше меня. Чем-то он походил на тех роботов, которых я сам рисовал, когда пытался писать рассказы о Звездах; я изображал их на заднем плане, а на переднем были герой Золтан Тарки, полицейский Декстеран Келенн и те негодяи и разбойники, с которыми им приходилось сталкиваться.

Я вспомнил, как мы с Марри, бывало, сидели на ярмарке и рассматривали картинки в комиксах и раскрасках, добавляли свои персонажи: Тарки, Келенна, роботов, а также Элендара и Райтериона с Венеры. У этих даже были девушки…

Тут я остановился и содрогнулся.

Протянул руку и дотронулся до него.

Холодный. Неподвижный.

Голос меня совсем не слушался, но я все же пробормотал:

— Клаату, барада…

С трудом сдержал смешок, вместо этого чихнул. Вспомнил, что Патрисия Нил никак не могла произнести эти слова, как Майкл Рении, вместо этого у нее получалось что-то вроде «Клатту, бородда» — чисто по-американски. Стоп! О боже!

Спокойно.

Я отвернулся от серебристого призрака; может, это всего лишь скафандр, пустой внутри? Я провел рукой по панели с лампочками. Совсем как в кино, дверь бесшумно отворилась, и я вошел.

— О-о-о-о-о!..

Я даже голоса своего не узнал.

За дверью начинался еще один коридор, задняя стена его была прозрачной, — наверное, сделанной из толстого стекла. В комнате за ней был мутный желтый свет, много воды и какие-то вещи, похожие на папоротники. Что-то шевелилось в этом призрачном тумане…

Я прислонил нос к теплому стеклу и впился глазами в помещение; тут же вспомнил последнюю сцену из комикса «Том Свифт и побег на Луну» — это всегда была моя любимая книга, там им в самом конце все-таки удается попасть на борт тарелки, управляемой роботами, которую послали за ними друзья из космоса.

Маленькие динозавры. Маленькие тиранозавры. Маленькие бронтозавры. Маленькие птеранодоны, летающие в тумане.

— Но не совсем бронтозавры, — сам себе сказал я, почти прошептал. — Головы длиннее и костлявее. Но и не диплодоки. Ноздри не там. — Вдали в тумане двигалось что-то еще. Может, младенцы? Только что вылупившиеся из яйца? Наверное, целый выводок.

Медленно я двинулся дальше, миновал еще одну дверь, прошел еще один коридор. Через какое-то время я вдруг подумал, как же им удалось разместить в одной летающей тарелке столько помещений, ведь вся тарелка целиком спокойно приземлилась в долине Дорво.

Еще один робот, еще одна дверь, и вот я уже в изогнутой

комнате с большими окнами вдоль одной стены. Палуба наблюдения, вспомнил я; этот термин использовался в одной из книг. Я снова прижался к холодному стеклу и уставился в зеленоватые ночные сумерки.

Долина Дорво. Небольшие сухопутные роботы, похожие на крабов. Откуда-то из-за леса яркий зеленый свет. Странно. Снаружи совсем не так светло. Сейчас ведь часов восемь вечера.

Перед моим мысленным взором мелькнуло лицо матери.

Скоро она начнет звонить в полицию.

Я отогнал эту мысль.

Что же мне делать?

Сейчас же выбираться отсюда! Бегом домой. Надо самому вызвать полицейских.

Я представил себе, как это будет. Как они будут смеяться надо мной перед тем, как повесить трубку, а мне потом придется объясняться с разъяренной матерью. «Негодяй!» — закричит она. Боб даже не стал ее ждать.

Потом я проиграл другой сценарий. Вот приезжают полицейские, вместе мы отправляемся в долину Дорво. Там пусто, даже трава не примята. А в школу утром мне нужно идти в любом случае. Так или иначе, но там обо всем узнают.

Неожиданно замигали огни и раздался спокойный женский голос:

— Ратан адун дахад, шай ункахан амараналей. — Снова замигали огни. Я видел, как снаружи маленькие крабоподобные роботы принялись спускаться по склону, таща за собой собранный урожай Красных Дьяволов.

Внутри у меня все похолодело.

Я повернулся и побежал, через дверь, по коридору, снова через дверь, потом опять по коридору, повернул за угол, снова через… Палуба наблюдения! Я повернулся и чуть не наткнулся на безликого робота. Он так и не двигался. Я еле выдавил из себя: «Пожалуйста…» Откуда-то снизу раздался громкий вой, корабль весь затрясся. Огни снова замигали, а женский голос тихо произнес:

— Амеоглат оррис темтуил аглат эотаэо.

Опять замигали огни, где-то далеко раздался звук, похожий на вой сирены.

Я почувствовал, что могу наделать в штаны, крепко сжал ягодицы и прорычал:

— Дурацкая история! Думай! Делай же что-нибудь, недоносок! — Словно привычные слова отца могли мне сейчас помочь.

Я повернулся и выглянул в окно. Земля куда-то опускалась. Я

как на ладони увидел за лесом поселок Марумско в свете ночных фонарей. Вот Зеленая дорога, родители Марри уже, наверное, допивают свое пиво. Дальше темная полоска реки, где-то там, на площади Стэггс, должно светиться крыльцо моего дома. Мать, конечно, уже готова меня убить.

Поселок быстро уменьшался, да и окружавший его Вудбридж тоже. Я прижал лицо к стеклу и глядел на север. Как же все-таки здорово, что отсюда видны и огни Пентагона, и залитый светом купол Капитолия, и желтоватый памятник Вашингтону.

Куда ни глянь, везде огни городов. Маленькие и большие, настоящие потоки огней, они ярче и многочисленнее, чем все звезды на небе. Я никогда раньше не летал ночью на самолете. Я никогда раньше…

Лицом я чувствовал холод.

И внимательно смотрел, как удаляются огни городов.

Вдруг на западе появился какой-то свет — так обычно восходит солнце.

Нет! Я уже так высоко, что солнце светит оттуда, где сейчас в разгаре день!

Я посмотрел на голубую полоску над изогнутой линией горизонта — узкая голубая полоса, сверху все черное, и солнечный свет затмевает звезды.

Изогнутая линия?

Неожиданно я понял.

Я вижу изгиб поверхности Земли, а это значит, что… Я содрогнулся, а потом вдруг подумал; а что если где-то рядом за взлетом моей тарелки наблюдают из своего «Джемини XII» [5] Базз Элдрин и Джим Лоуэлл?

Теперь внизу ясно была видна выпуклая поверхность Земли. На какую-то долю секунды я вспомнил изображения, которые присылали астронавты «Джемини XI». Наша выпуклая голубая планета быстро уменьшалась.

Что-то пронеслось мимо, огромное и желто-серое.

Луна! Это ведь Луна!

С какой скоростью мы летим?

Ведь и летим-то всего минут пять, не больше.

Я попытался подсчитать скорость в уме, но не смог. Я никогда не был силен в математике. В любом случае наша скорость намного меньше скорости света.

Я вспомнил последнюю сцену из фильма «Захватчики с Марса». Там маленький мальчик просыпается после того, как ему приснился страшный сон. Сердце у меня защемило. А что если и я сейчас вот проснусь и нужно будет идти в школу?

Но корабль улетал дальше и дальше в темное звездное

пространство, и я вдруг понял, что, пока на секунду отвлекся, Земля и Луна совсем исчезли из виду. Куда мы летим?

И почему я лечу?

Я очнулся от тяжелого сна без сновидений, медленно открыл глаза. Я лежал на боку, порядком замерз, аж до судорог; спиной я уткнулся в изогнутую стену палубы наблюдения, а глаза, когда я их открыл, уставились в неподвижную фигуру торга у двери. Я прошептал:

— Горт. Меренга. — Ноль эмоций.

Я всегда просыпаюсь вот так, всегда знаю, где именно нахожусь, никогда ничего не путаю. Может, потому, что между самим просыпанием и тем моментом, когда открываешь глаза, проходит несколько секунд, и в эти несколько секунд я успеваю вспомнить, кто я такой и где я находился, когда заснул, а значит, знаю, где проснусь.

Я сел, опершись спиной в обшивку, что-то в затылке хрустнуло. Не знал, что позвоночник может так хрустеть.

Теперь, после сна, все казалось мне более реальным; между прошлым вечером и настоящим моментом пролегала пропасть. Я здесь. Точка. Около полуночи мы пролетели мимо Юпитера. Планета выглядела как толстый, слегка приплюснутый оранжевый мяч, совершенно не похожий на то, что я себе представлял.

Три часа, думал я. Какая же должна быть скорость? Пятьдесят тысяч миль в секунду? Больше? Мы пролетели мимо какого-то предмета, напоминавшего моток розовых крепких ниток, и тут я обнаружил, что, если провести пальцем по стеклу иллюминатора вокруг предмета, он становился больше, если же постучать по стеклу, предмет снова уменьшался.

Я выбрал пять небольших полумесяцев. Сначала обвел их пальцем, потом постучал по стеклу. Вон та красноватая картофелина, должно быть, Амальтея, а розовый шар — Европа. Может, некрасивый желтый шар — это Ио? Две другие планеты, почти одинаковые, серые, изъеденные кратерами, чем-то схожие с Луной, это Ганимед и Каллисто [6], но я не мог различить, где какая.

Марри смог бы. Все ребята в округе, кроме меня, не могли надивиться на Марри, который в летнюю ночь спокойно называл все звезды на небе, он знал и научные, и мифологические имена. Но однажды я поймал его на ошибке. И тогда он сказал:

— Не знаю, захочу ли я дальше с тобой дружить.

После этого я предпочитал молчать.

Лампочки снова замигали, а тихий женский голос произнес:

— Ля гринеао друай лек аиорра… — Фраза оборвалась, словно женщина хотела сказать что-то еще, но не знала, что именно.

Я постоял немного, потом повернулся и посмотрел в окно.

Похоже на желтый мяч, немного подернутый дымкой, что ли, а вокруг него желто-белое полосатое кольцо, рифленое, как пластинка на сорок пять оборотов. И по цвету похоже на те пластинки, что были у меня в детстве, особенно одна, она еще называлась «Уилли, свистящий жираф». Мне очень нравилась та песня, и я так часто ее слушал, что до сих пор помню наизусть. Много лет спустя я с удивлением узнал, что написал эту песню Руб Голдберг.

Сатурн в окне становился все больше, медленно рос… и тут я подумал, что он должен бы оказаться уже позади, должен уменьшаться. «Мы замедляем ход». Я взглянул на робота, словно ждал от него подтверждения своих мыслей.

Ничего.

Когда я снова посмотрел в окно, там появился дымчатый красный шар, мы пролетали мимо него. Я обвел шар пальцем по стеклу, он остановился и замер; теперь двигалось лишь небо за ним. И Сатурн.

— Титан.

Ничего.

— Черт побери, Титан!

Как будто я что-то мог сделать — разве что вспомнить капитана Нордена из «Песков Марса», который все время говорил о холодных, завывающих ветрах на Титане, да еще Така и Дейви из «Беды на Титане» и их доморощенный кислородный летательный аппарат, на котором они преодолели метановую атмосферу.

Неужели и спустя много лет я буду все это помнить?

Перед глазами у меня промелькнул образ взрослого мужчины, каким я мог стать: толстяк в помятом костюме, продающий невесть что. Такими были все мужчины площади Стэггс. Такими были все мужчины в Америке в 1966 году.

Снова раздался женский голос:

— … кагат вреканай сео ке эгга.

Опять замигали огни, словно знаки препинания. Я постучал по изображению Титана на стекле, чтобы убрать его, и прижался носом к стеклу.

Я ожидал, что здесь будет холоднее. Сатурн ведь достаточно далеко от Солнца.

Вот мелькнула искорка бледно-желтого света.

Она молниеносно разрасталась и без моей помощи заполнила

уже все окно, остановившись прямо напротив меня. Серый каменный цилиндр, на поверхности которого имелись разные строения. Я даже видел, что он вращается вокруг своей длинной оси.

Вращается, значит, должен обладать искусственной гравитацией, центробежной силой. А внутри он, наверное, пуст. Может, это то самое, что Айзек Азимов в своих научно-фантастических рассказах называл «споумом», «космическим домом». Это было в той книге, которую отец принес домой, что-то там еще насчет Каммермейера… Так вот, там была статья Азимова… «Нет места лучше споума» [7]. За год или два до этого отец уезжал на конференцию Американского химического общества, а когда вернулся домой, все время посмеивался над маленьким толстым мужчиной с «ярко выраженным нью-йоркским акцентом».

Я помню, как он тогда говорил:

— Азимов? Теперь я вижу его совсем в ином свете!

Когда я был маленьким, мы жили где-то в Бостоне, — может, в Бруклине, — в квартале, где селилось много российских евреев, и отец прекрасно различал их акцент и особенности выговора. У нас в семье было даже много шуток на эту тему.

Цилиндр, вращаясь, приближался к нам, хотя, наверное, это наша тарелка летела к нему. Вдруг цилиндр раскрыл свой черный клюв, как у попугая, оттуда вырвался яркий желтый свет, и мы залетели внутрь.

Прямо вот так залетели внутрь, пролетели мимо каких-то зеленых лужаек, зависли над большой белой площадкой (наверняка бетон) и аккуратно приземлились на свободное место — вокруг было полным-полно таких же летающих тарелок.

Огни снова замигали.

Раздался приветливый женский голос:

— Тодос пасажейрос сай…

Тут тарелка вся задрожала и застонала, вниз опустился трап. Я сообразил, что надо найти хотя бы одного крабоподобного робота, тогда я смогу попасть к входному люку. И спустя каких-нибудь четверть часа я уже был на улице.

По бетонной площадке гулял прохладный ветер, запах тут был какой-то сладковатый, у меня даже защекотало в носу. Может, пыльца каких-то неизвестных растений? У меня на многие вещи аллергия. Я прошептал: «А если я заболею?» В окружающей тишине голос мой прозвучал как-то странно. Тогда я прокричал:

— Э-э-э-эй!

Даже эхо не ответило мне, ветер просто сдул мой крик.

— Кто-нибудь… — Конечно нет. Я нахмурился, прошел мимо

двух других летающих тарелок, потом вдруг остановился, в животе все прямо свело — я обернулся, посмотрел на свою тарелку и подумал, как же легко тут запутаться и потеряться. Но разве это так важно?

Откуда мне знать, полетит ли моя тарелка снова на Землю? С того места, где я стоял, мне было видно пространство за последними тарелками. Там возвышался высокий сетчатый забор, сверху была натянута колючая проволока; а еще дальше, за забором, простирался темно-зеленый лес. Нигде никакого движения.

В лесу никаких динозавров, ни больших, ни маленьких; в небе никаких птеранодонов. В небе? Ну не совсем.

Сверху была такая длинная желтая полоска яркого света. В научно-фантастическом романе ее назвали бы термоядерной трубкой или как-то в том же духе, «внутренним солнцем» этой длинной планеты, суррогатного Пеллусидара. Слева и справа от трубки были полосы такого же темно-зеленого цвета, как и лес. А между ними еще три полосы черного цвета.

В одной из них был виден Сатурн, его яркие кольца напоминали отсюда уши, а может, большие ручки, как у кувшина. А это что за яркая звезда? Наверное, солнце. Стекло? Почему же снаружи я не заметил никаких окон? Почему поверхность цилиндра казалась мне каменной?

В памяти начали всплывать отрывки из романов и рассказов. Что-то двигалось вдалеке. Я всмотрелся внимательнее и весь похолодел, когда понял, что это такое. Одно из тех бронтозавроподобных существ, кажется взрослое, но голова какая-то маленькая и качается на змеиной шее, выискивая добычу среди деревьев. Хорошо, что я за колючей проволокой. Несмотря на страх, я чувствовал и возбуждение. Словно… словно…

Послышался глухой бренчащий звук, будто кто-то рыгнул далеко-далеко. Бронтозавр посмотрел наверх. Внутреннее солнце внезапно стало ярче и наполнило все вокруг ослепительным лиловым светом.

Я заморгал, в глазах появились слезы, потом взглянул наверх и сообразил, что Сатурна там уже нет. Зато у меня внутри все куда-то потянуло. Голова кружилась. Меня подташнивало. Было такое ощущение, будто корабль совершил неожиданный маневр.

Потом раздался громкий треск.

Большие окна прорезала белая зигзагообразная трещина, она протянулась от одного оконного отверстия к другому, словно раскололось само небо. Я тут же представил, что может случиться, если сейчас исчезнет стекло на окнах, — весь воздух, как в трубу, улетит в космос, а вместе с ним и лес, и деревья, и

бронтозавры, и летающие тарелки, и Уолли, и все-все-все.

Трещина разошлась в стороны, образовав что-то вроде двух огромных губ, за ними была видна сине-лиловая глотка, в которую, казалось, странным образом влетел корабль. После этого термоядерная труба внутреннего солнца постепенно поблекла, приняв прежний желтый оттенок, странные ощущения, будто меня куда-то тянет и выворачивает наизнанку, прекратились, только дул легкий ветерок.

«Будь это роман, — подумал я, — мы бы сейчас неслись быстрее света».

И тут я сказал:

— Черт побери! Такого еще ни с кем не случалось! Марри с ума сойдет от зависти!

Да, точно. Я даже представил себе, как он был бы потрясен и рассержен, с какой глупой улыбкой отвернулся бы от меня, тут же забыв и обо мне, и о Венере, и обо всех наших совместных делах и мечтаниях.

А люди на Земле тоже скоро забыли бы обо мне и продолжали бы жить своей обычной жизнью.

Прошло несколько дней, точно не могу сказать сколько. Я здорово похудел с той ночи, когда по пути домой с ярмарки решил сократить путь и пройти по долине Дорво. Я сидел у небольшого костра, который развел прямо на бетонной площадке у моей верной летающей тарелки, и жарил себе на ужин несколько свежих плодов хлебного дерева.

Мангустан! Я видел этот плод в детской книжке, которую раскопал на чердаке у деда, когда года четыре тому назад мы ездили на похороны. Называлась книжка «Дети на затерянном острове». С тех самых пор я пытался найти продолжение, в котором Лебек и Дюбуа посылают мальчишек в Страну Пещерных Жителей.

Плод хлебного дерева? Наверное, нет. Наверное, в юрский период не было никаких хлебных деревьев.

Неожиданно я представил себе, как выхожу через калитку, ведущую в Большой лес, а там чего только не растет. В основном орехи и еще вот эти штуки. Папоротники. И дерево, — наверное, настоящее гинко. А вокруг маленькие ящерицы, — может, семейства сцинковых, а может, какие-то змейки.

Я аккуратно достал один плод из огня палкой и разрезал его второй палкой, которую мне удалось заострить под определенным углом. Бело-желтая мякоть плода была вполне съедобна, чем-то похожа на разваренный картофель, но без запаха.

Больше плодов у меня не было. Завтра придется снова отправиться за новой партией… При мысли об этом мне стало слегка не по себе. В последний раз, когда я бродил по лесу и собирал орехи, ягоды и другие плоды, я услышал тихий шорох, поднял голову — и не сдержался, намочил штаны.

Аллозавр меня не заметил. Он даже не поднял головы, а я потихоньку отполз в сторону и также ползком добрался до калитки. Я молча приготовил еду и поел, а штаны повесил сушиться у огня, использовав в качестве вешалки своего безмолвного друга.

Тут я поднял на него глаза — маленький человекоподобный робот, ростом не больше двух футов, напоминает детскую игрушку из каталога «Сире». У меня был похожий, когда мне было лет восемь-девять, — в одной руке он держал электрический воспламенитель, а в другой — огнетушитель. Робот неуклюже подошел ко мне, когда я разрыдался над жалкой грудой сухих палочек, с помощью которых хотел добыть огонь. С криком «К черту!» я отбросил палочки в сторону.

Я спросил тогда:

— Что скажешь, старина? Почему у этого космического корабля биом юрского периода?

Молчание.

— То-то. Я тоже не знаю.

Я подобрал немного остывший плод хлебного дерева и откусил безвкусную мякоть.

— М-м-м-м… — Даже масло с перцем и сметаной не помогли бы. Не очень, по крайней мере.

— Что скажешь, приятель? День Благодарения уже наступил?

Скорее всего, нет. Ведь даже недели еще не прошло. Но я представил себе младших сестренок, Милли и Бонни, — вот они вместе с матерью усаживаются за стол, на котором стоит жареная индейка. Бонни, наверное, скучает без меня. А Милли — та просто рада, что ей достанется и моя порция.

Рождество. Интересно, что подарит мне отец? Я просил его достать мне книгу «Русский вкратце». Два года. А что потом? Колледж — это не для меня. Оценки плохие, да и денег нет.

Вьетнам?

Наверное. У некоторых из моих друзей старшие братья попали туда. А один парень, который дразнил меня, еще когда я был совсем маленьким, погиб там. Помню, я читал даже статью в газете «Пост» [8] о том, как много хороших американских парней развращают порочные маленькие азиатские проститутки.

Мы с Марри обсуждали статью на следующий день, и он так странно посмотрел на меня, усмехнулся, а потом заговорил о чем-

то другом. Я вспомнил еще, как мы говорили о Вьетнаме на уроке социологии в восьмом классе. Я сказал тогда, что меня это не волнует, что к тому времени, когда я дорасту до призывного возраста, то есть к концу 1969 года, все благополучно закончится. Ну да. Закончится.

И в этот момент раздался низкий гудящий звук, словно кто-то беспрестанно бил в гонг. Я посмотрел наверх — голубой бархат неба снова прорезала белая трещина, белые губы раскрылись, и над нами разверзлось полное звезд небо.

Я поднялся на ноги, отбросил в сторону наполовину недоеденный плод и побежал в сторону трапа моей летающей тарелки. Сзади я услышал резкий шипящий звук — это мой приятель-робот заливал костер из огнетушителя.

Когда мы приземлились на желто-серой планете, я спрятался под трапом летающей тарелки и всмотрелся в горизонт — ровный ландшафт под бледным бело-голубым небом. В первый момент я рванул было туда прямо с трапа, высоко подпрыгивая на ходу, ведь гравитация здесь была примерно вдвое меньше земной.

Но тут яркая точка крошечного голубого солнца, казалось, разлетелась на сотни миллионов иголок и булавок, которые вонзались в мою по-осеннему белую кожу, и я вынужден был снова спрятаться в тень. Когда я дотронулся до лица, то почувствовал, что кожа на нем уже успела обгореть.

Господи. Как глупо.

Что же дальше? Ведь и воздух здесь может быть опасным, смертельно ядовитым. Я могу подхватить какую-нибудь болезнь. А может, я вообще уже мертв, только еще не упал.

Да, да, знаю. Герой романа никогда не умирает. Кроме той книжки Фолкнера, над которой посмеивалась учительница литературы в десятом классе. Она еще говорила: «Как же нам все это понимать? Герой бродит с ручкой и бумагой по берегу реки, а потом прыгает в воду, тонет и при этом все записывает?»

Из космоса планета была похожа на желто-серый мячик, ничем не примечательный. Правда, на полюсе виднелась маленькая шапка ледяного покрова. И еще несколько бледных тучек рядом с какими-то горными вершинами. Небольшие каньоны, дюны. Марс, только не красный?

Арракис, подумал я. Мне очень понравился тот сериал из пяти частей в «Аналоге», хотя сбивали с толку вечные перемены формата, которыми так увлекался Кэмпбелл: то он издавал журнал так, как обычно издают дайджесты, то возвращался к нормальному размеру, и так постоянно; а у меня из-за этого вся коллекция на полке была перепутана. Помню, я еще решил, что мир Дюны, наверное, пошел с Марса, — Герберт, скорее всего, в

какой-то момент понял, что для его романа места в Солнечной системе маловато.

Я вспомнил свою спальню. Свою кровать. Маленький стол. Книжные шкафы, до отказа набитые детскими книжками в твердых переплетах, которые я собрал на чердаке у деда, а еще книгами в мягких обложках и журналами, купленными на ярмарке: «Удивительное рядом», «Фантастика», «Таинственные миры»…

Крабоподобные роботы с ведрами и небольшими автоматическими тачками на солнцепеке нагружали розовато-лиловый песок. Какая-то смесь? Что бы это ни было, но лежала смесь не толстым слоем. Я принюхался, но никакого особого запаха не заметил. А чего я ждал, чтобы запахло корицей? Здесь скорее пахнет, как на салюте или фейерверке. Порох. Здесь пахнет порохом.

С палубы наблюдения я смог разглядеть нечто напоминавшее город — далеко на горизонте виднелись низкие белые здания, ярко блестевшие в свете солнца. Я обвел их пальцем по стеклу, и изображение тут же увеличилось. Необожженный кирпич? Никакого движения, некоторые здания полуразрушены. Может, это развалины Кораада?

В любом случае до развалин очень далеко. Я могу дождаться темноты, а потом отправиться туда, — наверное, дорога займет часа три-четыре. Да? А что если корабль улетит без меня? Что тогда? Я вдруг вспомнил книгу «Брошенные в Галактике». Нет. Я совсем не хочу стать одним из мальчишек Андре Нортон. Уж лучше приключение в духе Хайнлайна.

А может, из меня выйдет настоящий Джон Граймз? Может, меня уже поджидает прекрасная шпионка? Бог ты мой! Какой же я глупый. Мне повезет, если я продержусь еще хотя бы неделю!

А что если сценарий моего романа разыгрывается, как у Ларри Найдена? Что если мы приземлимся на планете, где есть заселенная область? Я представил, как сбегаю по трапу прямо на песок, и тут меня подхватывают убийственные ветры и несут в чертову страну Оз.

Немного погодя я поднялся по трапу. Выглянул в окно. Увидел маленьких динозавров или кого-то в этом роде. Одно известно точно: тарелка улетит, космический корабль отправится дальше в космос, рано или поздно мы окажемся где-то еще. Но кто стоит за всем этим? Роботы? Вряд ли, приятель. Может, вся эта штука — просто некий суперсовременный зонд? Рано или поздно он соберет все образцы и повезет их домой.

И что будет, когда меня обнаружат вместе с другими образцами?

Я наблюдал, как крабы-роботы собирают спайс, и вдруг… мне так сильно чего-то захотелось. Все равно чего. Например, увидеть вдалеке песчаного червя. Или чтобы сейчас сюда подъехал Пол Атридес? Нет. Тогда, может, Чани.

Я думаю, что в следующий раз мы приземлились на очередную планету недели через три, хотя слово «приземлились» тут вряд ли подходит. За эти три недели я уже видеть не мог плоды хлебного дерева. Примерно на полпути я набрался храбрости, поймал и приготовил несколько маленьких ящериц, но они оказались слишком костлявыми и солеными — как копченая селедка. Тогда я поймал двух коричневых змеек, каждая длиной около двух футов.

По вкусу они напоминали… нет, не курицу, скорее рыбу, но зато во время готовки из них вытекал сочный жир, который придавал особый вкус плодам хлебного дерева.

Следующую планету я даже не берусь описать… Я сошел вниз по трапу, соблюдая предельную осторожность, да так и остался стоять, разинув рот. А что тут можно сказать? Похожа на Землю, но какая-то чужая?

Космодром, если это был он, представлял собой простую бетонную площадку, не больше посадочной площадки для вертолетов, что возле Пентагона. А рядом высились стены города — или так мне показалось. Ни на средние века, ни на Древний Рим не похоже. Стены простые, без украшений, ни зубцов, ни бойниц, ни башен. Я вспомнил, что египтяне называли Мемфис Инеб-хед. Белые Стены.

За стенами я видел невысокие белые квадратные здания.

Небо наверху было темно-зеленым, словно выкрашено краской, то тут, то там по нему проплывали маленькие коричневые облака. Солнце, если это было солнцем, имело тускло-красный цвет и висело посреди неба, окаймленное, как Юпитер, какими-то крапчатыми пятнами. Пятна на Солнце? Или на звезде? Может, это планета. А пятна — отраженный свет?

В стороне от города рос невысокий лес, эти растения даже и деревьями-то было не назвать, какие-то сероватые, голубоватые, красновато-фиолетовые. Амторский гелиотроп? В тени леса что-то двигалось. Какие-то предметы, похожие на коконы или стручки. Растения с губами.

Из тарелки появились роботы-крабы, они выстроились ровными рядами и направились к ближайшим городским воротам. Я пошел за ними. Какого черта? Если они пойдут назад, то я вернусь вместе с ними. Вполне безопасно.

В городе было мрачно, кругом серо-зеленые тени. Мрачно и

тихо, никакого движения, мне это напомнило тот момент, когда Гэн из Гатола сходит на Манатор, вроде бы покинутый всеми. Ну да, а крабороботы очень похожи на калданесцев.

Перед моим мысленным взором предстал Гхек, пробирающийся по бесконечным норам и лазам Манатора.

Я заглянул в открытую дверь, закричал, споткнулся и упал на колени, не в силах отвести взгляд. Боже мой! Хорошо, по крайней мере, что оно не двигается.

Когда я подобрался ближе, то разглядел, что существо было примерно три фута ростом и все словно сделано из черной кожи. Широко раскрытые черные кожаные глаза, черные кожаные клыки, черные кожаные руки, похожие на трехпалые механические захваты.

Я дотронулся до него, а сам подумал: «Интересно, а что я буду делать, если оно вдруг проснется и окажется настоящим? Черт побери. Наверное, сделаю все, что оно ни пожелает». Но существо не двигалось, несмотря на мои пинки, в нем не было ни капли жизни. Холодный черный металл, приклеенный к земле.

Может, это статуя? Или еще один отключенный робот?

Что же здесь такое происходит?

И где все?

Я снова вышел на улицу, крабороботов нигде не было вид но. О'кей. Еще немного осмотрюсь, а потом вернусь к тарелке. Я дошел до конца улицы, она вела на какую-то восьмиугольную площадь. Посреди площади возвышалось нечто, напоминавшее отключенный фонтан, а за ним здание с куполом, почти полностью стеклянным. Внутри здания игра света и тени.

Я толкнул стеклянную дверь, и она отворилась. Я вошел.

Внутри были сплошные широкие коридоры, полы устланы коврами того же цвета, что и небо. А вдоль стен стояли… понятия не имею, экспонаты, что ли? Что-то похожее на картины. Диорамы. Куски какого-то материала вроде стекла, а в них неподвижные фигуры. Наверное, животные. Некоторые могли быть только механизмами. И какие-то изображения — фигуры ходят по городу и что-то делают.

Так что, это инопланетяне? Может, все они в каком-то оцепенении? В состоянии временного бесчувствия?

Я вдруг осознал, что все романы, которые я читал с тех самых пор, как научился читать, были достаточно однообразными, будто у авторов не было других источников новых идей, кроме чужих произведений, и они пародировали друг друга.

Посреди здания, занимая почти все пространство под куполом, находилась наклонная спираль; она была сделана из какого-то материала, похожего на металлическую пыль, и висела

в воздухе без движения. Похожа на галактику Андромеды, голубого, красного, белого цветов, да еще… Тут у меня даже во рту пересохло. Карта звездного неба!

Я все кружил вокруг этой спирали, заглядывал внутрь и пытался понять, узнать хоть что-нибудь, но спираль ничем не отличалась от других изображений спиральных галактик, которые мне доводилось видеть раньше. Она была похожа на них всех. И в то же время ни на одну. Если это какая-нибудь NGC 7006, то, значит, я уже дальше самой далекой звезды.

С другой стороны спирали находился коридор, по бокам которого стояли предметы, выглядевшие как модели космических кораблей. Некоторые из них почти не отличались от тех, что создают на Земле люди. Бот, например. Очень напоминает капсулу «Джемини». Не точно такая же, но похожа. А это? Кто-то карабкается по пыльной поверхности какой-то Луны?

Чем дальше я шел, тем совершеннее становились модели кораблей. Интересно, а где тут летающие тарелки? Ага. Вон там. В самом конце. Вот летающая тарелка, вокруг нее существа держат в руках что-то похожее на оружие, а рядом еще танки и пушки… Да, точно, все они стоят у края летающей тарелки.

И а земле под краем тарелки расставлено дюжины две фигурок, причем все разные.

Ох ты! Неужто Федерация Галактик? Ну и сообразительный же я. Тут я повернул назад к бесполезной карте звездного неба. А может, мне повезло, и это моя родная галактика. Может, я не так уж и далеко от дома. Ну и что? Как домой-то добираться, ведь не пешком же!

Я остановился у модели аппарата для полетов к Луне. Может быть, это их луна? Довольно примитивный космический корабль, немного напоминает самые первые экскурсионные модули серии «Аполлон» для высадки на Луну. Луна. Я запрокинул голову, пытаясь разглядеть, что там наверху, над куполом. Может, мне удастся увидеть лунный серп на этом темно-зеленом небосводе?

Очень темном зеленом небосводе.

Во рту стало так сухо, что просто терпеть невозможно. Никакого солнца, хотя с одной стороны неба я заметил какие-то красные проблески. Так сколько же времени я пробыл здесь, черт побери?

Я прошел назад по коридору, обогнул спиральную галактику и по второму коридору вышел из здания. На улице немного похолодало, но я чувствовал, что начинаю потеть, особенно под мышками. Что ж. Я пошел той дорогой, которая, по моему мнению, должна была привести меня к космодрому. Главное, выйти за городские стены. Там я все увижу.

Я побежал, задыхаясь на ходу, горло сжало, словно железом, и я чувствовал, что сейчас заплачу, как маленький ребенок, который потерялся в супермаркете.

А впереди над стенами вдруг взлетела в воздух моя маленькая летающая тарелка, зависла там на секунду, а потом поднялась в темно-зеленое небо и улетела.

Я стоял и смотрел вверх, по щекам катились горячие слезы, в глазах затуманилось, и я прошептал:

— Вечно я делаю глупости. Отец прав. — Я отер рукой слезы, неожиданно разозлился и подумал: «Все равно Марри теперь умрет от зависти, вот».

Я проснулся, открыл глаза. Сквозь окно пробивался ярко-красный солнечный свет, он, как прожектор, светил прямо на меня, и я неожиданно пожалел, что не отношусь к той категории людей, которые, просыпаясь, долго не могут сообразить, где находятся. Сон свой я помнил плохо — что-то про школу; чувствовал я себя отвратительно, но, возможно, сон к этому не имел никакого отношения.

Боже, как сухо во рту.

Я повернулся на бок и огляделся; голова у меня кружилась и болела, очень хотелось есть. Ковер, на котором я спал, покрывал весь пол и был светло-серого цвета, гораздо мягче и пушистее, чем ковер в доме моих родителей. Теперь это, правда, дом матери. Стены темно-зеленого цвета с коричневой отделкой. Нечто напоминающее мебель, странной формы диваны, стулья и маленькие столы. Не знаю почему, но я боялся до них даже дотрагиваться.

Слишком много книг начитался. Вечный вопрос: «А что если?…»

Я обошел все кругом. Тем временем стало темнеть, а я все думал, что же мне теперь делать, и смотрел, как на небе загораются не известные мне звезды. В конце концов встал на колени и напился из канавы. Горький металлический привкус, куда хуже, чем вода в речке Марумско. В последний раз, когда я выпил воды из этой речки, меня выворачивало, как бродячего пса, потом подскочила температура и обострился тонзиллит, в результате я пять дней не ходил в школу, мне сделали какой-то укол и напичкали лекарствами.

Помню, как Марри смотрел на меня с удивлением и презрением. Почему ты вес время болеешь, Уолли?

Не знаю.

Прошло еще немного времени, совсем стемнело, и начался дождь. Дождь был горячим, он обжигал глаза и голову, и я бегом

пустился к ближайшему укрытию. Так я оказался на крыльце какого-то дома, как в обычном пригороде. Нет, не в пригороде. В маленьком городишке. Из фильмов тридцатых годов. С Джуди Гарланд и Мики Руни в главных ролях. Я толкнул дверь, она открылась. Я зашел внутрь и сел посреди комнаты на пол — просто сидел там и слушал шум дождя, а еще думал, есть ли у них тут громы и молнии.

Через какое-то время я поднялся, чувствуя себя усталым; все тело у меня занемело. Я потер рукой пустой живот. Он больше не выпирал вперед. Такими темпами я скоро стану худышкой, как когда-то в детстве. Вообще-то я всегда об этом мечтал. Почему я вообще растолстел? Это произошло тогда, когда я сдружился с Марри, мы все время болтались где попало, ели что попало и когда попало. Помню только, что мама радовалась, когда я начал толстеть.

Рядом с комнатой, которую я про себя назвал гостиной, была другая, маленькая, без окон и очень душная. В сумеречном свете я разглядел, что там рядом с отверстием в полу было нечто напоминавшее каменную раковину. Может, здешние существа не могли садиться, они приседали на корточки над дырой. Нет, погоди, тринтуны обычно отрыгивают излишки и шлаки, значит, они просто наклонялись над дырой и…

Я почувствовал, как внутренности у меня скрутило. Ну вот, теперь и мне надо справить нужду. Замечательно.

Я сделал шаг вперед и остановился, лоб у меня покрылся испариной, мышцы свело. Я боялся присесть на корточки над дырой. А что если я поскользнусь и упаду, а назад не выберусь? Что если все смывается смертоносным лучом? Дезинтегратором? «Черт побери, откуда во мне столько глупости? Неудивительно, что в школе меня не любят».

Лучше выйти на улицу и присесть там.

Рядом с отверстием в полу имелась и настоящая ванна, сделана она была из такого же серого камня, что и раковина, с одного края располагался целый ряд прозрачных «кнопок». Световой пульт управления? Я дотронулся до одной «кнопки». Раздалось шипение, и ванна стала заполняться водой, хотя ничего похожего на кран я не заметил. Жидкость поступала непонятно откуда, и вся комната вскоре наполнилась уже знакомым острым и неприятным запахом.

Серная кислота? Я помню этот запах с уроков химии. Интересно, как там у них дела. На лабораторных работах со мной всегда сидел большой и крепкий парень, звали его Эл, он вечно отпускал глупые шутки и готов был все время говорить о спортивных состязаниях.

Была в доме еще одна комната, похожая на кухню. Там был также черный ход, расположенный с боковой стороны здания, совсем как в доме моих родителей. На кухонном столе стояла небольшая плитка с дверцей. Я открыл ее, но не увидел никаких газовых конфорок или электрических нагревательных элементов, только одну маленькую лампочку.

Ну да. Я вспомнил, что у моей сестры Милли была игрушечная плитка, и в ней можно было по-настоящему готовить с помощью одной только лампочки на сто ватт. Например, омлет или малюсенькие печеньица, а еще праздничный пирог размером с карточную колоду. Если бы я знал…

А как же холодильник? Вот длинный, узкий желоб под одним из окон — может, раковина для мытья посуды? Рядом на стене висит рулон белых бумажных полотенец. Прекрасно. Мать Марри уже перешла на такие, хотя в моем доме мы все еще пользовались обычными полотенцами, они вечно так ужасно пахнут. Мать еще называла их «тряпками для посуды».

Я нажал одну из прозрачных кнопок над желобом, и он тут же наполнился серой пузыристой грязью с запахом кислоты. Я стоял, как парализованный, боясь даже дотронуться до этой грязи. Все верно. «Заколдованная деревня».

Может, и правда я попал в книгу А. Е. Ван Вогта?

Тут я совсем рассердился, сорвал бумажные полотенца с деревяшки и прошел назад в гостиную. Я хотел снова выйти на улицу. Черт побери, теперь у меня по крайней мере есть туалетная бумага…

— Уух! — Я отскочил назад и повернулся, чтобы бежать, но ударился головой о стену. Я попытался успокоиться и заставил себя посмотреть еще разок.

У открытой наружной двери стоял двуногий, похожий на человека, не совсем горт, но почти такой же, и ростом не больше четырех футов. Он смотрел на меня своими горящими красными стеклянными глазами. Нет, он все же не такой, как горт. Ноги у него птичьи, а руки трехпалые. Два пальца и еще большой — это уже скорее тринтун.

Неужели он что-то напевает или мурлычет? Нет, все тихо.

Я проглотил комок к горле и, заикаясь, произнес:

— Генри Стенли, если не ошибаюсь?

Молчание.

— Эй, приятель, извини, но должен сказать, что я совсем не Дэвид Ливингстон [9]. Просто маленький человечек, попавший в беду.

Голова у него слегка повернулась, красные линзы сфокусировались на моем лице. Казалось, он смотрит прямо мне

в глаза. Потом он проговорил:

— Биииоп-клик, зинг?

Ничего себе! Я ответил:

— Приятно познакомиться.

Черт побери. Живот совсем свело, я и забыл на секунду, что хотел в туалет, а теперь быстро прошел к двери, обогнул робота, а он повернулся ко мне. На тротуаре старался не наступать на волокнистую сине-желтую траву гаяона (вчера вечером, когда я шел по ней, трава вся извивалась и пыталась схватить меня за ботинки). Я вышел на середину улицы и принялся стягивать штаны, потом сбросил ботинки и гитаны — все вместе.

Я сел на корточки и еще раз порадовался, что у меня есть с собой бумажные полотенца. На космическом корабле я пользовался похожим на мох растением, которое собирал в лесу, но оно было колючим. Боже, как бы я хотел залезть в ванну!

Когда я поднял глаза, то увидел робота — он стоял на крыльце и наблюдал за мной.

Спустились сумерки, и на западе (я думал, что запад именно там) на темно-зеленом небе разлились красные всполохи — это заходила за горизонт красная планета-солнце. Вконец измученный, я брел по одной из радиальных дорог, ведущей в сторону от центра города. Мы уже побывали на космодроме, на этой небольшой бетонной площадке, потом снова вернулись в музей и внимательно осмотрели там все экспонаты, пытаясь найти какой-нибудь знак, ключ. Любой ключ.

Мы. Я и мой маленький приятель-робот, который везде ходил за мной, словно безмолвный щенок. Его крохотные птичьи лапки постукивали по тротуарам и каменным полам зданий, которые не были устланы коврами, но таких было не много.

— Видения курильщика опиума, — прошептал я, голос у меня стал скрежещущим, как у персонажей мультиков, потому что во рту пересохло и на зубах скрипела пыль.

Робот тихонько произнес что-то вроде «уут-буул», словно пытался меня успокоить. По утрам на улице всегда было много луж, но к полудню они все высыхали. Я подошел к одной из них, вода была скорее похожа на маслянистую грязь. Я встал на колени и склонился над лужей.

— Фууу? — На плечо мне легли длинные металлические пальцы.

Я поднял голову.

— Приятель, может, ты знаешь, где можно найти воды?

Робот склонил голову набок, так обычно собаки слушают то, что говорят им люди. Вряд ли он меня понимал. Собаки тоже

хотят понять, но не могут. Я отвернулся, наклонился над лужей и глотнул. Чуть не задохнулся. Сплюнул.

— Боже мой.

Я провел рукой по зудящим губам, огляделся и, выбрав один из домов, поднялся на крыльцо, открыл дверь и зашел внутрь. В доме было уже темно, никакого освещения, кроме окон, не было. В конце концов я сел на ковер посреди комнаты, думая, что же будет дальше.

— А что вообще я могу найти в этом чертовом музее?

Робот стоял и смотрел на меня, его красные глаза ярко поблескивали, словно он пытался сконцентрироваться. Но вправду ли он хочет меня понять? Откуда мне это знать? Это же просто робот. Робот, которого сделали инопланетяне.

Перед глазами у меня пронеслось видение: вот мы с роботом находим на большой карте звездного неба Землю, а потом еще раз находим ее ночью в небе над куполом. После этого робот ведет меня к какому-нибудь древнему аппарату, одному из экспонатов этого музея тринтунов.

— Уолли на Землю! Уолли на Землю! Слышите, парни?

Робот по-прежнему стоял на месте и смотрел на меня своими красными глазами.

— Все верно. Только в книгах…

Но это… что это?! Я прошептал:

— И как же мне, черт возьми, называть тебя? Пятницей? Нет, слишком уж это избито.

Робот издал несколько звуков, будто играл на флейте. Милли в прошлом году на Рождество подарили флейту, и она так вот именно и играла.

— Звукоподражание? — В одной книге так делал паровоз. — Наверное, я смогу…

Неожиданно робот протянул свой металлический палец и хотел было сунуть его мне в рот.

— Эй!

Он замер, потом произнес:

— Уиии. Дот-дот.

Грустно. Я лег на ковер, свернулся калачиком, закрыл лицо руками и принялся всхлипывать. Слез у меня не было. Наверное, я весь высох. Потом я перевернулся на спину, вытянулся и уставился на бессмысленные темные тени. Я пытался проглотить комок в горле, но вместо этого издавал какие-то клохтающие звуки.

Что ж. Утром будет вода. Горячая, горькая, но ведь пока что я не умер. Я посмотрел на робота.

— Ты знаешь, как зажечь свет, приятель? Может, где-нибудь и

телевизор найдется?

К черту. Я соскучился по ящику. Когда только снова увижу «Остров Джиллигана»? Что на моем месте сделал бы Профессор? Или мистер Уизард? Нет, не этот. А тот, что похож на сову. «Дризл, дэзл, дои, ему пора домой…»

Господи, как многого мне не хватает. Даже того, что раньше мне так не нравилось. Мамы и папы. Сестричек. Моих так называемых друзей. Марри. Даже школы. В какой-то момент, когда в комнате стало совсем темно и видны были только блестящие красные глаза робота, я, наверное, заснул.

Проснулся я внезапно, открыл глаза — кругом темно, а в руке нестерпимая боль. Я сел, пытаясь разобраться, что к чему, а голос, мой голос так и кричит — будто я начал кричать во сне и так и не останавливаюсь.

Красные глаза робота совсем рядом, в их свете я могу раз глядеть и его самого, руки, ноги, бесстрастное лицо, даже очертания вещей в комнате, мебели тринтунов.

Я попробовал встать, споткнулся и изогнулся, чтобы посмотреть на плечо сзади. Боль пронзила меня насквозь. Какое-то темное и мокрое пятно. Кровь! Я истекаю кровью! Я издал какой-то неопределенный звук, посмотрел на робота и заметил, что он держит что-то в руке, аккуратно зажав это пальцами.

Он на секунду поднес руку к своему бесстрастному лицу, словно желая съесть это что-то, хотя рта у него не было, потом потянулся и схватил меня за руку, как раз под темным пятном.

— Нет! Нет! Пусти! — Голос у меня срывался.

Робот протянул вторую руку и коснулся моей раны.

Вспыхнул белый свет.

Невыносимая боль.

Вот так. Я потерял сознание.

Потом снова проснулся. Голова была ясной. Комнату заливал розовый солнечный свет. Надо мной неподвижно стоял робот, его красные глаза неотрывно следили за мной. Глаза без век. Точно. Я сел, чувствовал я себя не хуже обычного, во рту было по-прежнему очень сухо, левая рука у плеча болела, как от сильного удара.

Память.

— Кее-рист… — шепотом.

Сон?

Нет. Больное место на руке отмечено белым шрамом, словно я когда-то давно сильно порезался. Точно. Свежие шрамы обычно красные, потом они еще долго остаются розовыми. А такой

большой и подавно. Я дотронулся до шрама. Чувствительно, но не больно.

— Какого черта…

Я поднялся на ноги, облизал губы, и робот отступил на несколько шагов, продолжая при этом смотреть мне прямо в глаза. Потом он поднял руку, будто звал меня за собой. Сюда. Сюда. Пошли. Повернулся и медленно побрел к двери в ванную комнату. Снова обернулся ко мне. И снова тот же жест рукой. Пошли. Чего же ты ждешь?

Я прошел вслед за ним в ванную.

— Ну и?…

Робот протянул руку и ткнул в прозрачную кнопку, комната тут же заполнилась бледным розовым светом, и кожа моя словно тоже порозовела, я прямо-таки чувствовал, как набираюсь сил и бодрости. Затем он стукнул по кнопке над отверстием в полу, и внизу мелькнул слабый голубой свет, послышалось негромкое шипение. Я почувствовал электрический запах.

Ага. Дезинтегратор.

Почему я сам не догадался проверить все кнопки в доме? Боялся? Господи, я ведь заполнил и ванну, и раковину на кухне…

Робот постучал по кнопке над ванной, по той самой, на которую нажимал я, тогда еще у меня набралась полная ванна кислоты. На сей раз в ванной появилась прозрачная, чистая вода. Я не мог оторвать взгляд от нее, смотрел, как наполняется ванна, и потирал шрам на руке. Сердце у меня бешено колотилось в груди.

— Ладно, — сказал я и посмотрел на робота. Он, как и прежде, бесстрастно взирал на меня. — Что-то проясняется. Но что? Черт побери. — Я протянул руку и потрогал пальцем воду. Ни какого шипения. Никакого ожога. Теплая вода. Я зачерпнул пригоршню, поднес ее к лицу. Понюхал. Никакого запаха. Набрал полный рот. Никакого вкуса. Проглотил.

— Вода.

Голосочек, как у попугая, повторил:

— Ва. Та.

По спине у меня пробежали такие мурашки, словно кто-то там прополз. Я повернулся к роботу и спросил:

— Ты что-то сказал, приятель?

— Биии-ууууу.

— Ага. — Я снова повернулся к ванне, перевел дыхание. Потом стащил с себя грязную одежду, залез в ванну и сел. Окунулся в теплую воду и, наклонившись, погрузил в нее лицо и принялся растирать щеки — они покрылись местами жесткой, местами шелковисто-мягкой щетиной. Я открыл рот и попробовал

выпить воды, но вместо этого чуть не захлебнулся и расхохотался.

Я поднял взгляд на робота и прокричал:

— Господи! Как здорово!

Он ответил:

— Ва. Та. Сдо. Ра. Ва. — Потом неожиданно отвернулся и медленно вышел, а я остался один в ванной.

Я откинулся назад и погрузился в воду. Как приятно, когда вода вот так обволакивает тебя, отдирает чешуйки старой, отмершей кожи, слой старого пота, грязи и бог его знает чего еще; неожиданно я вспомнил о шампунях, мыле, зубной пасте и щетке.

Откуда робот узнал, что я хочу вымыться? Тут в памяти всплыло, как я кричал, пытался вырваться, на руке была кровь, а робот поднес что-то к лицу, потом зашипел заживитель ран, и остался вот этот шрам.

Я дотронулся до него и подумал: «Образец». Наверное, робот взял образец моей плоти для анализа. Что там говорили на уроках естествознания? Мы на семьдесят процентов состоим из воды. Что-то вроде этого.

Как я мечтал о пузырьке «Микрин», противного голубого ополаскивателя для рта, который обычно стоял у нас в ванной! Я всегда просил мать покупать ополаскиватели марки «Скоун», как делала мать Марри, но «Скоун» зеленого цвета, а моя мать всегда, видите ли, предпочитала голубой.

Я решил, что даже если просто прополощу одежду в воде, все равно она станет чище. Разве нет?

Лучше, чем вообще ее не стирать.

Робот вернулся, в руках он нес каменное блюдо с чем-то дымящимся и коричневым. Вся ванная наполнилась запахом жареной свинины. Боже мой, настоящие свиные отбивные! У меня даже слюнки потекли.

Я поставил блюдо на край ванны. Еда внешне была похожа на гамбургер с толсто нарезанным мясом, немного светлее по цвету, чем обычная говядина. Я потрогал еду пальцем, потом облизал его и понюхал.

Ага. Похоже на жир от свиной отбивной, но… Я вздрогнул и уставился на робота.

— Синтезировано из?…

Молчание.

Какой же он умный. Умнее меня. Что еще можно ожидать от цивилизации, освоившей жизнь в космосе? Внутри у меня все замерло. Это лучше, чем «Арсенал чудес». Не считая, конечно, книжки о Пеганне Серебряные Волосы.

Я взял кусочек жареного мяса и положил его в рот. Разжевал.

Проглотил. Взял второй. Не совсем, конечно, свинина. Похоже на дичь, но и не оленина. Вдруг я понял, что тарелка наполовину опустела, а живот уже не сводит от голода.

Я произнес:

— Ну что ж, рубленое мясо «Уолли» вполне ничего. А вустерского соуса [10] случайно у тебя нет? Мне больше всего нравится соус марки «Ли и Перринс».

Робот повторил:

— Рубленое. Уолли. Ничего. Нет. Соус.

— Ну ладно, я… — начал я и замолчал. Вгляделся в его красные глаза и внезапно понял, что мой маленький механический друг только что произнес целое предложение.

Посреди ночи я очнулся от сна и понял, что это был сон. Я ненавидел себя и сам сон, но ничего уже не мог поделать. Лицо у меня было мокрое, кто-то поглаживал голову. Я стряхнул с себя остатки сна, открыл глаза — вокруг разливался неяркий розовый свет, исходивший непонятно откуда, явно не из окон, но заполнявший всю комнату.

С улицы доносился тихий шум дождя — здесь каждую ночь шли кислотные дожди.

Робот гладил меня по голове тремя своими длинными тонкими пальцами.

— Уолли. Проснись. Сейчас.

Я прошептал:

— Да. — Вздрогнул, подумал, что чего-то очень хочется. Все равно чего.

— Уолли. Плачет. Во сне. — Говорил он все еще словно лаял, хотя уже намного лучше — слова стали похожи на слова, не были какими-то отрывистыми, разрозненными слогами.

Что же такое мне снилось? Я уже не мог вспомнить — так обычно бывает со снами. Что-то о родителях, о какой-то ссоре, произошедшей несколько недель тому назад. Отец тогда ушел из дома. Помню, мать назвала его «дерьмом», а он ее «шлюхой». Они вечно так ругались, будто пытались выяснить, кто же главный в доме.

Я спросил:

— Можешь приготовить мне поесть?

— Что. Поесть. — Без какой-либо интонации, но уже кое-что понимает.

А действительно, что? Он уже умеет делать мясной фарш и желтоватый напиток, похожий на сладкое жирное молоко. Молоко «Уолли»? Тоже каннибализм? Неожиданно я понял, чего мне так сильно не хватало: представляете, брюссельской капусты!

— Мороженое?

— Что. Мороженое.

Действительно, что?

— М-м-м… Молоко. Сахар. М-м-м… — Какого черта, почему я не знаю, из чего оно делается? Я прекрасно могу себе его представить, даже на вкус — аж мурашки по спине побежали и в животе свело. Ванильное мороженое. Я его больше всего люблю. Я даже знаю, как выглядит плод ванили. Но не думаю, что плод ванили можно получить из содержимого тела Уолли Мансена.

Робот протянул руку и еще раз медленно погладил меня по голове.

Я сказал:

— Оно холодное. Замороженное. Но не такое твердое, как лед… — И тут я понял, что на планете не холодно, может, робот вообще не знает, что такое лед. — Оно мягкое. Кашеобразное. — Я беспомощно пожал плечами. — Наверное, оно такое из-за жирности.

Я прошел вслед за роботом на кухню. Мне было интересно, что же он собирается делать. К черту, возможно, и я смогу запускать синтезатор? Робот всего-навсего дотронулся пальцами до четырех кнопок — две были расположены с одной стороны панели управления, две с другой. Кнопки стали голубого цвета, а дотом робот замер и стоял без движения примерно минуту.

Раздался тихий булькающий звук, и неожиданно из нижнего желоба появился шарик белого мороженого. Наверное, около кварты. Робот достал из буфета тарелку, положил мороженое на тарелку и протянул мне.

— Мороженое.

Я взял тарелку, понюхал шарик мороженого.

— Наверное. — Но пахло оно совсем не как мороженое. Вернее, не совсем как мороженое. — А ложка у тебя есть?

— Нет. Ложка.

Я вздохнул. Его можно попросить даже коктейль из Макдональдса. Я высунул язык и лизнул шарик. Нет. Это не мороженое? Больше похоже на жирные сливки. Наверное, таким было бы мороженое без вкусовых добавок.

— Ничего, вполне. Спасибо. — Я откусил кусок побольше и запачкал все лицо. Да, с консистенцией все в порядке.

Потом я умылся над раковиной в ванной комнате, вернулся в гостиную и свернулся клубочком на полу, намереваясь заснуть. Я еще не спал, когда вернулся робот. Он сел рядом со мной на корточки, протянул руку и нежно погладил меня по волосам. Холодные, металлические пальцы, но все равно приятно.

Бывали дни, когда я просыпался с ощущением какого-то неописуемого счастья. Я вволю ел. Отдыхал. Мне было с кем поговорить. Если это можно так назвать. Свет из окна падал наискось, будто я проспал. На сером ковре этот свет казался оранжевым.

Я встал, потянулся, прислушался, как хрустнули хрящи на спине. Оттого, что я спал на полу, я чувствовал себя намного лучше, чем после всех мягких матрасов в родительском доме. Мать обожает мягкие матрасы и считает, что они должны нравиться и всем остальным.

Помню, как по утрам потягивался и хмурился отец. Интересно почему?

Я подошел к двери и вышел на крыльцо. Было тепло, легкий ветерок ласково касался моего обнаженного тела. На перилах висели мои вещи. Они высохли, но словно задубели. Стирка в простой воде не дала почти никакого результата. Я попробовал объяснить роботу, что такое мыло, но у него получилось что-то вроде кулинарного жира «Криско» — приятное на вкус и на запах вещество, которое я в результате просто-напросто съел.

Я вывесил вещи на улицу для просушки и позабыл о них, они вымокли под кислотным дождем, и брюки даже посветлели, местами на них видны светлые подтеки.

Господи. Мать меня за это убьет.

Ботинки я оставил в доме. На планете было тепло, так что я спокойно ходил нагишом. По крайней мере пока. Я снова потянулся, помочился за перила на траву — мне показалось, что она при этом извивалась, словно пыталась увернуться от моей струи. Потом вернулся в дом.

— Робот?

Молчание.

Какое-то уж очень грозное молчание. Я прошел на кухню.

Рядом с желобом стояла тарелка с холодным, светло-коричневым куском мяса и кружка с желтоватым молоком Уолли.

— Робот?

Сердце у меня бешено забилось в груди. На заднем дворике его тоже не было. И в ванной комнате не было. Ни в одной комнате этого дома, который стал мне почти родным. Не было его и на улице. В принципе на улице вообще никого не было. Одна лишь трава. И еще медленно плывущие по небу облака.

Никаких птиц.

Никаких крыс. И жуков.

Я вернулся на кухню и медленно съел холодный завтрак. Робот позаботился обо мне — оставил еду. И дал мне вы спаться.

Черт побери.

После завтрака я прошел в ванную, набрал воду. Я старался не паниковать.

Полдень. Ни обеда. Ни робота.

Наконец я натянул носки и ботинки, вышел голышом на улицу и занялся своими обычными делами, только не разговаривал. К чему говорить, когда тебя никто не слышит. Я вышел через ближайшие городские ворота и прошел к пустому космодрому, постоял там, всматриваясь в зеленое, словно трава, небо и прикрыв рукой глаза от яркого света красно-оранжевого полуденного солнца. Никаких тарелок. И робота тоже не видно. Я вернулся домой и осмотрел все там.

Робота нигде не было.

Очень медленно я прошел в центр города, к музею. Всю дорогу я размышлял над тем, что же мне делать, если робот исчез навсегда. Да, конечно, у меня есть раковина, туалет, ванная. Есть вода для питья, вода для умывания, я могу спокойно справить нужду в доме.

С другой стороны, я так и не научился управлять синтезатором. Сколько раз я стоял рядом с ним, положив пальцы на нужные кнопки, но чувствовал себя при этом крайне глупо. Мне так хотелось, чтобы у меня получилось, я бормотал про себя всякую чушь типа: «Абракадабра, сезам, откройся, черт бы тебя побрал…»

Робот стоял рядом и наблюдал за мной своими красными глазками, а потом произнес:

— Уолли нет может делать. — Он уже говорил намного лучше, чем в начале, но все равно делал ошибки.

— Ну же, негодяй. Можешь посмеяться надо мной!

Но он повторил:

— Нет может делать, Уолли.

И каждую ночь он усаживался рядом со мной и гладил меня, пока я спал, по волосам. Мне этого будет недоставать, пусть даже я не умру с голоду. Я зашел в музей, думая о том, как бы не заплакать. А что если он не вернется? Ведь космический корабль может вообще не прилететь. Что если мне придется остаться здесь навсегда? Остаться одному? Одному, а если повезет, вместе с несчастным роботом?

Нет, не навсегда.

Мне всего-навсего шестнадцать лет.

Что если мне придется прожить здесь лет пятьдесят?

Пятьдесят лет питаться своей собственной синтезированной плотью.

У меня по коже мурашки забегали. Я стоял под прозрачным куполом музея перед бесполезной картой звездного неба.

— Где я, черт побери? — Голос мой разнесся эхом по большому залу и оглушил меня.

Я прошел в исторический отдел, где был в самый первый день, в коридор с экспонатами, относящимися к эпохе, когда тринтуны вышли на первый контакт и когда их радостно приняли в Федерацию Галактик. Здесь было много интересных диорам — на каждой из них тринтун, рядом с ним другие существа, а сзади большое изображение другого мира — с розовыми солнцами и небом зеленого или желтого, голубого, фиолетового, золотого и самых разных других цветов. Обычно во всех мирах растительность по расцветке дополняла цвет неба, как на Земле: голубое небо и зеленая трава.

Словно Бог творил все по определенному плану.

Моей любимой была диорама с бледно-бледно-желтым небом; казалось, тот мир состоял из сплошных высотных зданий — эдакая инопланетная версия азимовского Трантора. Тут было много разных существ и крабоподобных роботов. В небе над зданиями висела летающая тарелка, а над ней завис в пространстве споум — такой большой, что его было видно с поверхности планеты.

Интересно, все эти планеты все еще существуют?

Или исчезли?

Что если все эти миры опустели, как и тот, где оказался я, как все те, в которых мне довелось побывать? Про себя я даже иногда называл этот мир Затерянной Империей и не раз думал, что же тут могло приключиться. Интересно, робот это знал? Я не раз спрашивал его, но он ничего не отвечал.

Либо не знал, либо не умел ответить.

Вдруг раздался свистящий голос:

— Уолли?

Сердце оборвалось у меня в груди, я обернулся:

— Ты… уух.

Я хотел сказать «Ты вернулся!», но передо мной стоял вовсе не робот. По крайней мере не мой робот. Существо было такого же роста, но… у него была светло-серая кожа. Большие, темные, слегка раскосые глаза. Лицо без носа. Рот без губ. На каждой руке по три пальца. И птичьи ноги.

Очень похоже на рисунки, которые обычно встречаются в книжках про инопланетян и летающие тарелки, таких книжек в мягких переплетах навалом на ярмарках-распродажах, из-за них трудно бывает разглядеть настоящую научную фантастику, которую я люблю. Интересно, кто вообще читает такие книжонки? Кенни. Кенни всегда брал Чарльза Форта, в то время как мы с Марри набрасывались на книги Андре Нортон — «Принц

опасностей» и все, что у нее выходило. Как называлась та книга? «Слушай!» Что-то в этом духе.

Существо приблизилось ко мне, подняло одну трехпалую руку в воздух.

— Извини, я тебя напугал.

— Кто… Что?

Он сказал:

— Это я, Уолли.

— Робот?

Тонкий рот без губ расплылся в улыбке.

— Да, можешь меня по-прежнему так называть, если тебе это нравится, но я поднялся на одну ступеньку вверх. Теперь я скорее искусственный человек.

Искусственный… В голове проносились беспорядочные мысли: «И что теперь? Тор-Дур-Бар? Пиноккио?» Я вспомнил шутку о «единственном, единородном сыне» и ухмыльнулся.

Робот продолжал:

— Пошли, Уолли. Пошли домой. Ты, наверное, умираешь с голоду. — Я заметил, что он теперь говорил с правильными интонациями.

Наступила ночь. Я лежал на полу, завернувшись в одеяло, которое Робот достал неизвестно откуда, и прислушивался к шуму дождя. Комнату этого инопланетного дома освещал неяркий оранжевый свет. Даже если бы у меня и была с собой книга, читать при таком свете было бы невозможно.

Но мне все равно очень хотелось почитать.

Я склонил голову к груди и всеми способами пытался забыться. Вспоминал книги, которые прочитал. Бог ты мой. Да я прочитал тысячи книг, я только чтением и занимался! Почему я так плохо помню, что в них было написано?

Я попробовал представить себя Гхеком, который в одиночку крадется во тьме под пещерами Манатора, пьет кровь Ульсиоса, а потом оказывается на скале, возвышающейся над подземной рекой, которая, возможно, течет к… Омеану? Затерянному морю Коруса? Черт побери.

Но я был Тарсом Таркасом и пытался протиснуть свой толстый зад в отверстие между корнями дерева, а Джон Картер тем временем защищал меня от Агоде и Растений, или нет, погодите, его звали Карторис… И это были цветки пималии из садов Птарта в Тувии…

Ничего не помогло, я никак не мог забыться. Теперь я пробирался сквозь репродуктивные дебри Красных Марсиан. Однопроходные, судя но всему. Помню, на уроках естествознания

нам однажды показывали такой фильм. Биолог в том фильме перевернул утконоса, а все ребята в классе еще хихикали над отверстием на брюхе животного, покрытым шерстью. Биолог раздвинул в стороны края отверстия, ребята захихикали еще больше, а там — черт побери! — оказалось яйцо!

Он молчал, но через минуту спросил:

— Что-то не так, Уолли?

Я почувствовал, как эрекция уходит, но тут робот спросил снова:

— Хочешь, я помогу? — И я опять почувствовал необычное возбуждение — к своему ужасу. Вместо промежности Деджи Торис я представил, как к моему члену тянутся три пальца и делают то, что еще дня три тому назад я сам проделывал перед роботом в ванной. Он так же бесстрастно стоял у двери и спокойно наблюдал за всем происходящим своими тогда еще красными глазами — похожими на лампочки, украденные с рождественской елки.

Робот сказал:

— У тебя изменился цвет лица, Уолли. Ты покраснел. Такого с тобой раньше не случалось.

Член выскочил из моей руки и совсем опал, стал намного меньше обычного. Я ответил:

— Уух. Извини. Теперь все в порядке. Я…

А чего я хочу? Может, мне и вправду хотелось, чтобы он помог? Неожиданно передо мной пронеслось видение моего возможного будущего — вот я живу здесь вместе с роботом, живу до самой старости, а потом умираю. Ну уж нет.

Казалось, робот улыбается. Я тут же вспомнил все сальные шуточки, которые слышал в школе. Он же не живой, не живой. Словно мастурбируешь в носок. Хороший такой, мягкий носок. Робот сказал:

— Я буду на кухне. Позови меня, когда закончишь. Я принесу тебе молока.

И ушел.

Я вдруг почувствовал, что страшно замерз, и завернулся в одеяло.

Вы когда-нибудь просыпались прямо после того, как увидели сон? Нет, не так. Прямо посредине сна? Сон словно еще продолжается, действие разворачивается так же реально, как в настоящей жизни, и вдруг вы становитесь самим собой, прекрасно осознаете, что все это вам снится, вы знаете, что все это лишь сон, но он все равно продолжается.

В моем сне стояло лето, — наверное, июнь. Мне было лет десять-одиннадцать, значит, класс пятый-шестой — 1961 или 1962 год. Занятия в школе либо только-только закончились, либо вот-вот должны были закончиться, следовательно, было примерно восьмое июня.

Мы сидели у большого пустыря, грязного и заброшенного, в самом конце Картер Лейн, напротив дома Кенни. Иногда мы, мальчишки, собирались там, чтобы поиграть в настоящий бейсбол. В этом месте почти у самой дороги протекала небольшая речка, там собирались построить большой частный бассейн, а мои родители не захотели купить семейный абонемент на лето 1963 года, а пока там были редкие деревца и чвакающее болотце, сплошная грязь, которая вдруг обрывалась у самой воды.

Мы с маленькой светловолосой девочкой сидели на стволе склонившегося почти горизонтально дерева и смотрели друг на друга. Как же ее звали? Ну конечно, я помню. Трейси. Ей столько же лет, сколько мне, и она учится в моей школе в параллельном классе. Я встречался с ней лишь на площадке во время переменок, да вот еще здесь в выходные дни.

У нее были белокурые волосы, голубые глаза, светлая кожа и любопытный взгляд. Совсем худенькая, даже трудно представить, что она вырастет и превратится во взрослую женщину. Всему свое время. Волосы у нее были заплетены в длинные косы и уложены кругами на голове. Однажды я спросил ее, почему она всегда носит такую прическу.

— Тебе бы пошли длинные распущенные волосы.

Своими голубыми, любознательными глазами она заглянула прямо мне в душу.

— Мама считает, что так я буду выглядеть слишком взрослой.

— А для меня распустишь их?

По-моему, она никогда не улыбалась. Нет, она не была печальной, просто очень серьезной. Похожа на меня больше, чем кто-либо другой. Она ответила:

— Я не смогу сама их так же заплести. Мама убьет меня. — На секунду она перестала хмуриться. — Но мне бы очень этого хотелось. Для тебя, Уолли, я сделала бы все, что угодно.

Я улыбнулся.

Во сне можно увидеть то, чего не было на самом деле.

Одиннадцатилетние дети влюбляются друг в друга, несмотря на то что мама девочки не хочет, чтобы она была «слишком взрослой», несмотря на то что девочка никогда ни слова не сказала о своем отце или о том, почему она всегда такая… Нет, не печальная. Просто очень серьезная. Что бы там ни было, она видела меня насквозь. Может, эти дети могли бы подождать лет

десять, а потом зажили бы свободно и счастливо?

В реальной жизни в тот самый день она сказала мне, что ее отца перевели на другое место работы и что они теперь уедут в Техас. Когда? Завтра. Утром.

Потом она посмотрела на солнце, заслонив глаза рукой, и сказала:

И что дальше? Если Джон Картер будет совокупляться с Деджа Торис, он что, наткнется, на яйцо? Как все это будет называться?

В моих фантазиях все время, пока они беседовали, он наседал на нее и…

О боже. Теперь у меня появилась эрекция, настоящая, какая появляется иногда, даже если ничего не делаю руками. С другой стороны… ну да.

Я откинул одеяло, перевернулся на спину, сомкнул пальцы на чертовом члене и… замер, затаив дыхание. Робот неподвижно стоял у двери в ванную комнату, сложив руки на своей светло-серой груди. Его черные глаза блестели в оранжевом свете.

— Мне пора идти. Мама не знает, что я здесь. — К моему удивлению, когда мы поднялись на ноги, девочка крепко обняла меня, потом повернулась и убежала.

Я брел домой под палящим полуденным солнцем, и у меня щипало в горле. Так всегда бывает, когда хочется плакать. Когда я пришел домой, мама готовила ланч — сэндвичи с тунцом и огромным количеством сельдерея. Она взглянула на меня и сказала:

— Что произошло? — Потом потрогала мой лоб, наверное, думала, что у меня поднялась температура.

Я открыл глаза — вокруг все было розовым, как всегда по утрам в Затерянной Империи. Рядом со мной, скрестив ноги, сидел робот, он медленно гладил меня по голове. Волосы у меня прилично отросли, а из-за отсутствия шампуня выглядели не очень-то чистыми. Интересно, как первобытные люди мыли волосы? Я…

Откатился в сторону, сердце бешенно колотилось.

Робот сказал:

— Извини, Уолли. Если тебе неприятно, больше я этого делать не буду.

Я проглотил комок в горле. Боже, уж лучше бы у меня не было этих эрекций при пробуждении. Да вряд ли.

— Нет, нет. Ты просто меня напугал. Я все еще не могу к тебе

такому привыкнуть.

— Извини. Процесс необратим.

Я почувствовал, что краснею.

— Да ладно. Все в порядке.

— Хочешь позавтракать?

— Ага. — Бутерброды с тунцом? Ну, тут все возможно. Робот поднялся на ноги, а я поймал себя на том, что осматриваю его бесполую промежность. Ну нет, не совсем. Сзади у него есть какое-то подобие задницы, так иногда выглядят молодые мамаши летом, когда надевают белые шорты в обтяжку.

Робот повернулся и направился на кухню, а я подумал, что вообще-то он чем-то напоминает девочку в комбинезоне. Что-то там под этим комбинезоном есть.

Снова всплыл в памяти образ Трейси. Конечно, в том возрасте у нее никаких особых форм не было. Я видел ее волосы, глаза, лицо.

Ну что ж. Значит, робот может удовлетворить меня вручную. Он сам вызвался. А ты, подонок, уже и о другом подумал. А о чем другом? Что может обыкновенный тринтун? А может, у него опыт общения с другими расами Затерянной Империи?

Может, народ Летающих Тарелок из книжек в мягких обложках существовал на самом деле, а мой робот сейчас сделал огромное усилие, чтобы стать как можно больше похожим на человека. Он всегда так старался накормить меня и сделать все, о чем я просил. Помнишь мороженое? Не говоря уже о «мыле».

Эх!

Такое вкусное мыло. Я даже попросил его еще раз сделать такое же — на десерт.

А что если попросить его обрести половые признаки — для меня?

Как и о чем именно просить?

Иногда я видел своих младших сестренок в ванной. Ничего особенного. Однажды летом мельком видел мать — она переодевалась в комнате и забыла прикрыть дверь, не подозревая, что я вижу ее отражение в зеркале. Наверное, тогда мне было лет пять. Она, возможно, и не придавала значения тому, вижу я ее или нет. Тогда еще не придавала.

Помню, меня тогда поразили черные волосы.

А что еще?

Ну, в одной энциклопедии дома я видел подробный рисунок. Черно-белый рисунок, назывался он «Наружные женские половые органы», и я мало чего там понял.

А те журналы, которые отец Марри хранил в подвале? Ничего. Я достаточно разбирался в анатомии и в рецептах журналистской кухни, чтобы понимать, что девочки в этих журналах слишком уж прилизанные.

Я ухмыльнулся. Бог ты мой, до чего я дошел. Может, лучше просто есть «мыло»? Может, заказать роботу настоящий торт?

На кухне робот заканчивал приготовление завтрака для меня

— мясо, нарезанное кусочками, сочное и аппетитное, а к мясу чашка молока. Несколько раз мы пытались сотворить хлеб, но все заканчивалось каким-то серого вида пластилином, на вкус гораздо больше похожим на мыло, чем то мыло, что я ел на десерт.

Я положил руку ему на плечо. Мне уже надоело постоянно есть мясо со вкусом свинины или оленины и пить сладковатое молоко.

— Робот?

— Что, Уолли?

— Ты можешь помочь мне вернуться домой?

Он обернулся и долго-долго смотрел на меня своими пустыми черными глазами.

— Тебе так одиноко тут, Уолли?

В горле у меня был комок, и я кивнул, говорить я не мог. Да, черт бы тебя побрал, одиноко. Мне не хватает всего на свете, пусть даже это все дребедень. Мне не хватает даже того, от чего я раньше страдал. Никогда бы не подумал, что буду так страдать без всего этого. То же самое было с отцом — я никогда не думал, что буду скучать по нему, пока он не ушел от нас.

Робот ответил:

— Тебе известно что-нибудь об ускоренных рамках соответствия и вероятностных аттракторах пространства и времени?

— Ну…

Он опять долго смотрел на меня, потом сказал:

— Ешь свой завтрак, Уолли. Прими ванну, а потом решим, что делать.

Часов в десять утра он провел меня через город к так называемому космопорту. Мы вышли на пустую бетонную площадку, на улице тепло и приятно пригревало красновато-желтое солнце. Я даже чуть не скинул ботинки, но робот остановил меня.

— Ты ведь не хочешь поранить палец, правда?

Я сразу же вспомнил, как в детстве, еще до школы, я как-то гулял по пляжу вместе с родственниками матери. Мы тогда жили в Массачусетсе, в небольшом городке неподалеку от Бостона, а пляжи Новой Англии достаточно каменистые. Куда же мы обычно ездили? Не в Нантакет. Это остров, на котором живут богатей. Натаскет, может? Да, точно. Помню, однажды утром дед водил меня смотреть грузовое судно.

Но я там всегда ранил пальцы на ногах. Постоянно.

Робот сказал:

— Встань тут, Уолли. Рядом со мной.

Он поднял руки и сделал медленный жест.

В животе у меня все замерло — мы медленно поднялись в воздух, а с нами вместе и кусок бетонной площадки космопорта.

— Эй!

— Стой спокойно, Уолли.

Мы поднимались все выше и выше, а из бетона под нами вдруг стали появляться какие-то антенны, гигантские радиотелескопы, такие еще бывают на телебашнях.

Я прошептал:

— Сезам, откройся. — Откуда это я взял? Из каких-то комиксов?

Мы остановились, и тут неожиданно в бетонной площадке открылся люк. Робот позвал меня за собой:

— Пойдем?

— Что это?

— Информационный центр космопорта и межзвездный центр связи.

— Ого. — Я обомлел.

Когда мы спустились, внизу оказался большой зал, похожий на центральный диспетчерский зал любого аэропорта, — с такими же наклонными окнами и экранами радаров. Множество мерцающих огней. Красные, зеленые, голубые, желтые — все цвета радуги.

Робот помахал пальцами в сторону огней, и наружные антенны со стоном закружились в разные стороны, закивали огромному зеленому небосводу.

— Что ты собираешься делать? Ты вызываешь Землю?

Робот уставился на меня своими пустыми черными глазами:

— Нет, Уолли. Я могу вызывать только станции с такими же системами межзвездной связи, как эта.

— Ага. Значит…

Он ответил:

— Я должен выяснить, что произошло, Уолли, только после этого я смогу придумать, что следует делать, если вообще что-либо можно сделать. — Мне стало не по себе, а робот продолжал: — Это займет какое-то время. Ты ведь сможешь сам добраться отсюда до музея?

— Ну да, конечно. — Неужели робот считает меня таким идиотом? Наверное, да. Не так уж много людей попадает на автоматический космический зонд, а потом теряется на заброшенной планете.

— Я сам разыщу тебя, когда подоспеет время ужинать. Вон в том лифте-клетке ты сможешь опуститься на поверхность. — Сказав это, робот отвернулся и снова принялся что-то делать с

разноцветными огоньками, а огромные антенны при этом скрипели и раскачивались в разные стороны.

Какое-то время я в полной растерянности стоял и наблюдал за ним. Чего же мне надо? Действительно ли я хочу вернуться домой, к той обыденной, незаметной жизни, которая вряд ли хоть капельку изменится в будущем? А что если Империя вовсе не Затерянная? Что если тарелки снова вернутся, и на этот раз в них будут живые существа? Что если жизнь снова забьет тут ключом?

Ведь, возможно, меня ждут настоящие приключения.

В конце концов я залез в лифт и спустился вниз, думая о том, чем буду теперь заниматься.

«Займет какое-то время», — сказал робот, но он явно переоценил свои возможности. Прошло два, три, четыре дня, и я уже отчаялся: перестал ходить в космопорт и наблюдать за раскачивающимися антеннами и мигающими разноцветными огнями, которые отражались в слегка раскосых глазах робота, немного напоминавших защитные очки.

Солнцезащитные очки.

А что за очками, приятель?

Робот готовил мне завтрак и что-нибудь на ланч, а потом уходил, и я на весь день оставался один. Так муж уходит на работу, а жена остается дома.

Помню, мать всегда орала по этому поводу, еще до разрыва с отцом. Отец возвращался после работы такой усталый, что был способен только поужинать и плюхнуться перед телевизором, а мать постоянно его подзуживала: «Я тут сижу целый день, постоянно перед глазами одни и те же четыре стены, черт бы их побрал. Мне тоже хочется куда-нибудь сходить, хоть изредка!»

А отец смотрел на нее мутными глазами, лежа в трусах на диване, и отвечал: «Я устал».

Тогда в глазах у матери вспыхивали красные огоньки. «Устал? Ну, попозже ночью ты уже не так чувствуешь усталость, уж я-то знаю».

«Сучка».

Теперь, когда отца с нами не было, мать сама работала и тоже возвращалась домой уставшая. Мы в основном питались макаронами с сыром. Макароны с сыром и мясным хлебцем. Я часто задумывался, вспоминает ли мать отца, думает ли о том, как он уставал, и что она чувствует теперь сама.

На пятый день уже стемнело, а робот все не возвращался. Я успел проголодаться и начинал беспокоиться, как обычно беспокоилась мать, когда отец позже обычного приходил домой с работы — на автостраде 113-1 часто бывали пробки. Может, сходить в космопорт и посмотреть, что там такое? А если робота

там нет? А если начнется дождь?

Но тут открылась дверь, и появился робот. Он шел медленнее обычного.

— Извини, я задержался. Сейчас приготовлю тебе ужин.

Я прошел вслед за ним на кухню; он нажал на голубую кнопку над желобом — так обычно он начинал процесс приготовления мяса и молока для меня, — но сегодня он казался очень уставшим.

— С тобой все в порядке?

Он выложил мясо на тарелку и произнес:

— Непросто овладеть этой органической формой. Мне понадобилось еще усовершенствовать себя с физиологической точки зрения. — Тут он вытащил из желоба вторую тарелку с дымящимся куском мяса, точно такую же, как первая, а потом и две кружки прохладного желтоватого молока. — Теперь есть будем вместе.

Мы устроились на полу в гостиной. Первым начал есть я. Робот рукой взял кусок мяса и долго крутил его, словно был озадачен.

«Кусок меня», — подумал я и спросил:

— Что-то не так?

Робот взглянул на меня и ответил:

— У меня есть некоторые предрассудки: не могу есть то, что выглядит как кусок живого существа.

— Оно же синтетическое.

— Когда я был настоящим роботом, я это знал. Но органическому процессору с этим труднее справиться.

— Слушай, если даже я спокойно поедаю свою плоть, то почему это волнует тебя?

— Верно. — Робот сунул кусок мяса Уолли в рот и принялся жевать. Я даже мурашками покрылся.

После мяса было мороженое, теперь оно уже стало намного слаще и даже походило на то самое, ванильное, о котором я так мечтал. Робот попробовал его и сказал:

— Вот это нормально. Может, в следующий раз мне удастся его усовершенствовать, ведь теперь я понимаю, каким оно должно быть.

Но он почти ничего не съел и поставил тарелку на пол.

Я протянул руку и спросил, так и не дотронувшись до его руки:

— Скажи, в чем дело.

Казалось, он вздохнул.

— Так много всего, Уолли.

Внутри у меня похолодело.

— Например?

— Я не знаю, как доставить тебя домой.

— Ага.

— И еще я не могу понять, что произошло с цивилизацией моей планеты. Не знаю, куда они все подевались. И почему, тоже не знаю. — Он пододвинул ко мне вторую тарелку с мороженым: — Съешь.

— Хорошо.

Спустя какое-то время я спросил:

— Ты хоть знаешь, где мы находимся?

— Да. В моей галактике. В моем мире.

— Земля тоже в этой галактике?

— Думаю, что нет, Уолли.

— Ага.

Я доел мороженое. Робот убрал посуду. Двигался он, правда, очень медленно. Когда он вернулся, я уже встряхивал одеяло и устраивался на ночлег. Мне так хотелось, чтобы у меня была хоть какая-нибудь книга. Боже мой, я был согласен даже на «Зеленые дворцы» [11] или на «Лорда Джима» [12]. И даже на «Алый знак доблести» [13].

Робот остановился и посмотрел на меня; руки безжизненно болтались у него по бокам. Это не просто усталость. Я отбросил одеяло и позвал его прилечь рядом.

— Давай. Раз тебе теперь нужно есть, то, наверное, нужно и спать.

Он свернулся рядом со мной под одеялом. Вскоре стало тепло, а потом я, видимо, заснул.

Я проснулся, но глаза у меня еще были закрыты, и я плохо помнил, что видел во сне. Что-то из реальной жизни; скорее всего, что-то хорошее, иначе бы я точно помнил. А сейчас в груди какое-то теплое чувство, даже если спать в обнимку с подушкой, так тепло не будет. Ну и, конечно, эрекция, — правда, тут что-то не совсем как обычно.

О боже, я обнимаю робота.

Я попытался высвободить руку, спокойно, без паники. Интересно, что так щекочет кончик носа.

С трудом открыл глаза. Прямо перед моим лицом чья-то шея. Худощавая, с белой кожей, в обрамлении курчавых светлых волос. Длинные светлые волосы, заплетенные в длинные косы, которые аккуратно уложены вокруг головы…

Наверное, все мышцы у меня напряглись, как при хорошем столбняке. Я глубоко вздохнул, воздух так быстро проскочил по напряженной гортани, что из горла вырвался странный вскрик. Я

мгновенно откатился в сторону, поднялся на руки и колени. Одеяло висело у меня на спине, а я так и стоял на четвереньках, выпучив глаза, и сердце бешено колотилось в груди.

Рядом со мной под одеялом, оказывается, лежала нагая девочка. Она повернулась лицом вверх, подняла голову, посмотрела на меня своими голубыми глазами и сказала уставшим и смущенным голосом: «Уолли…»

У меня изо рта опять вырвался странный звук — точно та кой же, какой испускает ошеломленный Джеки Глисон в каждой новой серии «Новобрачных», что-то вроде «хаммминахуммина…».

Девочка медленно села, скрестив ноги, и повернулась ко мне. Глаза ее прояснились, как всегда бывает, когда человек медленно пробуждается от сна. Бледная гладкая кожа, маленькие розовые соски на гладкой, ровной груди, курносый нос с россыпью веснушек, огромные, огромные голубые глаза и никакой одежды, кроме шпилек цвета латуни в волосах.

— Доброе утро, Уолли!

Я плюхнулся на пол. Проглотил комок в горле. По крайней мере попробовал.

— Трейси?

Девочка наклонила голову набок, улыбнулась, и вся комната наполнилась солнечным светом.

— Наверное, так, Уолли. Я та девочка, которая снилась тебе в снах.

— Мои… сны.

Странно. Обычно, когда во рту пересыхает, то пересыхает сразу, и человек замечает это уже потом, а мне сейчас казалось, что язык впитывает слюну, как сухая губка, — медленно и постепенно.

Девочка сказала:

— Да, Уолли.

Как же назывался тот рассказ? Кажется, Сильверберга. Точно помню на обложке цифру семь — седьмая подборка лучшего либо из «Гэлакси», либо из «НФ и фэнтези». Там еще телепат видит мысли людей, как целые предложения бегущей рекламы, соединенные специальными значками.

— Ты… читаешь мои мысли. — Без интонаций. Мне было не по себе.

Девочка поднялась на ноги, потянулась, как потягиваются все люди после сна. У нее еще по-девичьи узкие бедра, а между ног лишь немного светлых волос.

«Ей одиннадцать лет», — подумал я. Я вспомнил, что у большинства девочек груди начинали расти классе в седьмом.

Она заметила мой взгляд, улыбнулась и сказала:

— Ну да. Может, не совсем, как мне хочется. — Потом странно так на меня посмотрела. — А как, по-твоему, я научилась говорить по-английски? Думаешь, простое подражание твоей постоянной болтовне?

Я отвел глаза, щеки у меня пылали. Да. Именно так я и думал.

— Угу. Тебе мешает, что я все время разговариваю? — Я знаю, что это многих доставало, в том числе и моих родителей. Наверное, даже и Марри, хотя обычно он с удовольствием меня слушал.

Девочка сказала:

— Что ты, Уолли! Мне нравится с тобой разговаривать! — Глаза ее засветились. Я вдруг вспомнил, что настоящая Трейси именно так и говорила мне тогда. А эта Трейси (какой-то противный голос в мозгу напомнил мне, что это вовсе не Трейси, а робот) продолжала: — Со мной никогда не происходило ничего более прикольного!

Не происходило с Трейси? Или с роботом?

Я ответил:

— Со мной тоже. — И сел, подтянув колени к подбородку и сжав пятки. Черт побери, ушла бы эта эрекция! Туалет. Надо просто помочиться, вот и все.

Трейси… Нет! Боже мой. Робот! Его светло-голубые глаза неотрывно смотрели прямо мне в лицо, и в них читалось сочувствие. Девочка подошла ко мне, присела на колени, положила свою мягкую, теплую руку мне на колено и, нагнувшись, заглянула прямо в глаза.

Это он. Он, не она.

Мне трудно даже описать, как я струсил в этот момент.

Девочка сказала:

— Хочешь попробовать то, что тебе снилось во сне, Уолли? В твоих снах, правда, мало подробностей, но мне удалось добыть достаточно программного обеспечения на основе Х-хромосом и скопировать инстинктивные модели поведения из твоей генетической матрицы.

Я даже содрогнулся. Какой ужас. Запинаясь, я с трудом произнес:

— Но… ты же еще ребенок! — Настоящей Трейси, моей Трейси, сейчас шестнадцать лет, и она уже девушка. А эта… этот…

Девочка села на пятки. Вид у нее был очень грустный, так всегда выглядела настоящая Трейси — печальной и серьезной.

— Извини, Уолли. Я не знал, что это имеет значение.

На завтрак роботу удалось приготовить французские тосты.

Даже желтые шарики сверху, — наверное, их можно назвать масло «Уолли». Правда, кленового сиропа не получилось, даже противного заменителя, который всегда ели мои сестры (они вечно сдирали все с телевизионных реклам, и этот сироп покупали только для того, чтобы подражать тому жуткому ролику).

Каждый раз, когда они это делали, я вспоминал, как менее десяти лет тому назад сам подражал за столом другому рекламному ролику. Но мое поведение меня почему-то не раздражало.

Робот принес мне тарелку прямо в ванную, я нежился в теплой воде.

— Смотри, Уолли. Скоро я научусь делать для тебя настоящий хлеб! — Потом она перелезла через край ванны и с улыбкой погрузилась в воду напротив меня.

— Ага. — Я взглянул на дымящиеся кусочки тостов с желтым маслом сверху. — Ты и себе приготовила?

Девочка взяла один тост, окунула его в масло и откусила.

— М-м-м-м…

После ванны мы вышли на улицу. Волосы у робота были такие чистые, это и понятно, они ведь совсем новые. Он настоял, чтобы я надел свои грязные носки и ботинки, хотя сам шел босиком. Я хотел было и одеться, но вещи мои все это время оставались на перилах крыльца и так задубели и выцвели, что я побоялся их надевать.

Я старался не смотреть на идущую рядом девочку.

— Куда направляемся, робот?

Она вдруг остановилась, повернулась ко мне, заглянула прямо в лицо, а глаза ее при этом стали еще больше и еще печальнее… нет, тоскливее? Наверное, так выглядела и Трейси, вовсе не печально и не серьезно, но я, одиннадцатилетний я, просто не разобрался в этом.

Она сказала:

— Мне было бы приятно, если бы ты называл меня Трейси.

Я был потрясен, в голове была только одна мысль: это ведь робот. Не девочка. Не Трейси. Трейси, моей Трейси, сейчас шестнадцать лет, и она живет где-то там на Земле, скорее всего в своем Техасе, а я… Тот второй голос, строгий, немного похожий на голос отца, шептал мне: «Это всего лишь робот». А если это всего лишь робот, то какая разница, если?… Я резко оборвал сам себя.

И сказал:

— Извини, Трейси.

Она улыбнулась. И день стал светлее.

— И куда же мы направляемся?

Она показала на купол музея, он был совсем недалеко, в самом центре города, там сходились в одну точку все улицы-лучи.

Когда мы зашли в музей, она подвела меня к большой сине-бело-красной галактике, висевшей прямо под куполом. Она смотрела вверх, запрокинув голову и уперев руки в бока. На секунду я задумался, откуда у нее заколки для волос. Наверное, тоже из моих снов, из моей памяти. Неужели они сделаны из гемоглобина моей крови? А почему они цвета латуни? Обычно такие заколки бывают стального цвета. Но заколки у Трейси действительно были цвета латуни. Может, в образце моей ткани оказались молекулы меди.

Трейси принялось что-то нажимать на панели управления, находившейся в самом низу. Галактика исчезла, вместо нее появилось бесформенное пятно света и тени, чем-то похожее на взрыв.

Она посмотрела на меня:

— Твоя культура только сейчас начинает постигать подобные космические объекты и называет их сверхскоплениями, Уолли. Это карта того мира, который ты называл Затерянной Империей.

У меня волосы зашевелились на голове, но… черт побери. Я знал, что существует телепатия. Может, поэтому мне было легче, чем кому-либо другому. Представляю, что бы было с моей матерью, осознай она, что кто-то может заглянуть в ее мысли.

Все выглядело не похожим ни на что на свете. Но если она знает, как это называется, то, значит, и у меня в голове где-то должно быть это название. Может, я читал об этом в «Сайентифик Американ» [14]. Я был так рад, что публичная библиотека округа Принца Уильяма всегда получала этот журнал.

— Он большой?

Она ответила:

— Около трехсот миллионов световых лет в поперечнике. — С одного боку в пятне загорелась яркая точка. — Это мы.

— А… Земля?

— Твоих знаний о структуре вашей галактики недостаточно, чтобы я могла определить.

— Ага. Извини.

Она улыбнулась, потом нажала на какую-то кнопку, и с другой стороны пятна засветилась еще одна точка.

— Там может находиться твоя местная группа. Примерно пять галактик отвечают твоим описаниям Млечного Пути, Андромеды, Треугольника и Магеллановых Облаков. Они приблизительно так же расположены, но твои представления об их размерах и местонахождении очень неточны.

— Извини.

— А рядом с этими галактиками есть еще примерно двадцать других; ваши астрономы, должно быть, знают о них.

— Но не я.

— Нет, Уолли.

— Но даже если это и есть Земля, мы не можем…

Она зажгла еще одну точку, на этот раз рубиново-красного цвета, в самом центре сверхскопления Затерянной Империи.

— Это исследовательская станция, она расположена в одном из главных образовательных учреждений Империи. Там можно попробовать разузнать… что возможно сделать.

— Но…

Она ответила:

— Если бы нам удалось достать космический корабль, мы бы долетели туда за несколько недель, Уолли.

Я неожиданно почувствовал себя очень странно.

— А… Земля?

Опять тоскливый взгляд.

— Если это действительно твоя местная группа, тогда и до нее ненамного дальше.

— А где еще может быть Земля?

— Уолли, ты прибыл сюда на автоматическом космическом зонде, как ты и сам догадался. Мы долгое время исследовали другие сверхскопления.

— Значит, Земля может быть где угодно? — По какой-то причине я почувствовал себя… даже не знаю, как это выразить. Свободно, беспечно, что ли?

Она сказала:

— Да.

— А что если она на обратной стороне Вселенной?

Она рассмеялась:

— Обратной стороны нет, Уолли.

— Ну, тогда очень-очень далеко. Ваши корабли летают так быстро.

— Если Земля где-то очень далеко, нам, возможно, не удастся найти ее вообще. Ты, похоже, даже не представляешь себе истинных размеров Вселенной.

— Один из ваших зондов нашел же ее.

— Да. Это вселяет надежду. У зондов тоже есть свои пределы дальности полета.

— Но космического корабля у нас все равно нет.

Тут она отвернулась от меня и посмотрела наверх сквозь купол музея в далекое зеленое небо:

— Я не знаю, куда подевались все, не знаю почему, но

система связи работает отлично. Мне удалось активировать узлы, находившиеся в режиме ожидания, удалось ввести код программы и необходимые данные. Нам скоро должны прислать корабль.

Она снова взглянула на меня и рассмеялась, — наверное, выражение лица у меня было крайне глупым.

Пустой мир с темно-зеленым небосводом остался в прошлом, я уже никогда туда не вернусь. Мы с Трейси теперь жили у журчащего ручья в лесу светло-оранжевого споума. Над светло-оранжевым пейзажем протянулись широкие полосы голубого бархатистого гиперпространства. Динозавров тут не было. Мне даже в какой-то степени их недоставало. Зато по воздуху летали то ли бабочки, то ли летучие мыши серебристо-красного цвета, они садились на светло-оранжевые деревья; а по светло-оранжевой траве ползали то ли мыши, то ли пауки, кругом был слышен их шелест.

Все здесь было маленьким, нежным, неопасным.

Когда мы прибыли сюда, то спокойно вышли за пределы космопорта для летающих тарелок — здесь не было никакого заграждения из колючей проволоки. Тем временем зеленая планета все удалялась и наконец совсем исчезла из виду. Кругом было одно лишь звездное небо, и Трейси сказала:

— Слушай, Уолли, ты опять-таки все перепутал. Тринтун — это название планеты, а жители называли себя просто тринтами.

— Ты уверена?

Она улыбнулась:

— В твоей долговременной памяти то же самое, а вот в кратковременной произошла путаница. Но я, конечно, не могу гарантировать, что в книжке все было именно так.

— Ага.

Она подвела меня к длинному низкому зданию, похожему на склад, там мы забрали волшебные игрушки и ушли в лес. Тем временем космический корабль летел все дальше и дальше, в верхние окна было видно голубое небо, так контрастировавшее с окружавшим нас пейзажем. Наконец мы вышли на луг, заросший оранжевой травой и редкими оранжевыми деревьями — маленькими, узловатыми, как дикие яблоньки; на них даже висели небольшие плоды оранжевого цвета. Еще в траве попадались красновато-желтые цветы, а ручей с журчанием омывал круглые коричневые камешки.

Мы установили палатку, расстелили одеяло для пикника. Оказалось, что Трейси среди волшебных игрушек прихватила термосумку с горячими гамбургерами, от них исходил такой аппетитный запах, что у меня слюнки потекли.

Я потрогал один гамбургер, он был как раз таким, как надо.

— Что это такое?

Трейси ответила:

— Не знаю. Химический состав соответствует нашим телам.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что это вовсе не гамбургеры. Круглые, хорошо прожаренные кусочки хлеба. Я надкусил один.

— У-у-ух.

В глазах Трейси мелькнула тревога.

— Невкусно?

Я откусил еще и поморщился.

— Ужас. Разве можно мешать горчицу с корицей?

Она улыбнулась.

— Но даже это тебя не останавливает.

— Нет. — Я доел первый «гамбургер» и принялся за второй. — А сосиски этот аппарат делать умеет?

— Наверное.

Сосиски с булочками. Замечательно. В какой книжке я вычитал выражение societe anonyme d'hippophage [15]. Я встряхнул головой, чтобы отделаться от дурацких мыслей. Если это возможно. Боже. По крайней мере, я больше не ем Уолли. Уже одно это хорошо.

— Кто жил здесь, Трейси? В этом оранжевом мире?

— Здесь никто никогда не жил, в споумах вообще не живут, Уолли. Они нужны были для автоматизированной транспортировки. Я думаю, что в них просто разрослись экологические образцы. Споумы уже так давно предоставлены сами себе.

— Как давно?

Задумчивый взгляд.

— Ну, со времени первого полета к звездам до момента моего производства прошло около миллиарда ваших лет.

Во рту снова пересохло — уже знакомое чувство.

— Я не то имел в виду.

Она сказала:

— Судя по астрономическим данным, большую часть этого времени я провела в латентном сне. Может, сто миллионов лет.

— Значит, еще до конца мелового периода и тех страшных событий, из-за которых вымерли динозавры? — Теперь понятно, откуда в автоматических споумах эти животные. Помнится, некоторые ученые выдвигали разные теории о сверхновой звезде.

— Не думаю, что тут была какая-либо связь, — сказала она. — Где бы ни находилась Земля, она должна быть за пределами… на нее не распространилось то, от чего погибли или

исчезли все. — В ее кукольных фарфоровых глазах появилось задумчивое выражение, но тут же исчезло.

— И ты не знаешь, из-за чего наступил конец Затерянной Империи?

— Нет, пока не знаю. Но, похоже, исчез лишь органический разум.

— Мне трудно в это поверить. — Я обвел рукой окружавший нас пейзаж. — Все это, все то, что я видел на планетах, существовало и сохранялось без всякого присмотра на протяжении сотни миллионов лет, а может, и больше того.

Она снова улыбнулась:

— Нельзя говорить «без присмотра», Уолли. Без присмотра людей — это да.

— Ну да.

Я лег на спину и взглянул на небо, голубое гипернебо. Интересно, что ждет меня? Что будет, если нам все же удастся найти Землю? Что тогда? Просто так вот отправлюсь домой? Я пытался представить себе, как снова окажусь в долине Дорво, — вот так, с голой задницей, держа за руку обнаженную девочку. Привет, мама! Извини, я опоздал! Смотри, что я зато нашел!

— Уолли, у тебя снова эрекция, — сказала Трейси.

Я перекатился на бок, лицом к ручью и деревьям, прижал колени к животу.

— Извини.

Она ответила:

— Слушай, я понимаю, что мы не можем сделать того, о чем ты мечтал во сне. Мы рискуем разрушить это незрелое тело. Но я бы могла тебе помочь, я видела, как ты это делаешь.

Я подумал: «А что если мы разрушим меня?»

Через какое-то время она осторожно дотронулась рукой до моей спины.

Я вздрогнул. Она сказала:

— Я вырасту, ты ведь знаешь. Это тело настоящее, все сделано с помощью твоего генома.

Я ответил:

— Тебе одиннадцать лет, Трейси. Пока ты вырастешь, пройдет немало времени.

— Я созрею для нормального полового акта через год-полтора. Если, конечно, ты не против подождать.

Я посмотрел на нее через плечо:

— Не могу поверить, что обсуждаю такие вопросы с маленькой девочкой.

Она тихо ответила:

— Я не маленькая девочка, Уолли. Я робот, ты не забыл?

Я отвернулся. Она ведь сама просила, чтобы я называл ее Трейси, не робот.

Она снова по-девичьи вздохнула:

— Мне трудно понять, что хорошо, что плохо, Уолли. Твои воспоминания о реальной жизни перемежаются тем, что ты читал в своих бесчисленных книжках. Похоже, и ваша цивилизация запуталась, не может отличить мечту от реальности.

Я расхохотался.

К полному разочарованию Трейси, Главная планета оказалась в руинах. Причем каких!

Руины, настоящие развалины обычно почти сравниваются с землей. Это знает любой американский мальчишка 60-х годов. Мы часто спорили на эту тему с Марри, когда пытались писать собственные рассказы о нашей Венере. Марри все время настаивал, что развалины должны напоминать Помпеи или Колизей, как их описывают в книгах и показывают в кино или по телевизору. Как затерянные африканские города, описанные Берроузом, или Кораад на Барсуме. Марри просто никогда не видел настоящие развалины, он ведь мало путешествовал, всю жизнь прожил в Нью-Йорке и пригородах Вашингтона. А я жил на Юго-Западе, родители возили меня в Меса Верде, в каньон Чако [16].

Руины оставленных городов, которые в течение веков подвергаются воздействию непогоды, отличаются от охраняемых руин типа Колизея или тех, которые несколько тысячелетий оставались под слоем вулканического пепла. Берроуз в 1890 году служил в армии на Юго-Западе. Почему же он этого не знал?

Небоскребы Главной планеты выглядели теперь простыми обрубками. Сохранились в основном лишь фундаменты. Стены разрушены. Везде какая-то дымка.

Мы стояли рядом с нашей летающей тарелкой. Трейси сказала:

— Что бы ни произошло, произошло оно здесь. И потому не осталось ничего и никого, кто поддерживал бы жизнь.

Поддерживал бы жизнь, подумал я, и ждал бы возвращения хозяев.

Спустя несколько дней мы оказались на «подстанции» (термин Трейси) невдалеке от Главной планеты. Таких станций множество, и разбросаны они по всем просторам Затерянной Империи. Из окна летающей тарелки станция была похожа на небольшую луну голубого цвета, даже планетой-то ее трудно было назвать, такая маленькая голубая луна, окруженная

призрачным белым сиянием. Я пристально всматривался, но ничего рядом с ней не заметил. Ни солнца, никакой особо яркой звезды, никакого газового гиганта, вокруг которого она могла вращаться по орбите, вообще ничего.

На земле… нет, какая земля. Кругом один огромный город, но здания построены вроде как из листового металла — олова, меди, цинка, разноцветного анодированного алюминия; мостовые вымощены листами золотистого цвета — все из металла, кроме неба.

Я стоял под навесом тарелки и смотрел на черное небо, в котором было так много звезд, что они освещали все вокруг.

Время от времени по небу пролетал метеор, а за ним тянулся желтый хвост.

— Где мы, черт побери? — Впечатление было такое, что за каждой звездой прячется какая-то бесформенная масса, а когда я смотрел на них, то видел лишь полоски света, которые тут же исчезали.

Трейси положила свою прохладную руку мне на спину, у меня даже мурашки пробежали по коже.

— Мы находимся в нестандартной галактике. Здесь много звездной пыли. Туманности. И множество по-настоящему молодых звезд.

Как Магеллановы Облака. Я… ох…

— А эта галактика была здесь сто миллионов лет тому назад?

— Да. Эти галактики быстро развиваются и существуют не очень долго, но все же они не эфемерны. Они не похожи на обычные, заселенные планеты. Мы использовали эти галактики как центры добычи ресурсов. Промышленные комплексы.

Мы. Моя маленькая Трейси. Инопланетянка.

Она продолжала:

— У меня много дел, Уолли. Может, сходишь сам все посмотришь? Я потом найду тебя.

— Угу… — Я внезапно вздрогнул и обернулся, чтобы посмотреть на нашу тарелку. Она улыбнулась.

— Я не отпущу ее, Уолли. — Она похлопала меня по руке, потом повернулась и быстро исчезла в сумерках.

Все посмотреть. А что здесь смотреть? Я тронулся с места, но достопримечательностей никаких не заметил. Металлические здания. Нет, даже не это главное. Все это похоже на внутренний механизм какой-то огромной машины. Или старый телевизор. Только нет вакуумных трубок. Словно я поднял капот машины, заглянул внутрь, а что искать — не знаю.

Я вспомнил, что всегда недолюбливал мальчишек, которые хорошо разбирались в машинах. Я не мог принять того, в чем сам

разобраться не мог. Отец не разрешал мне помогать ему, когда чинил нашу машину. Он вечно называл меня кретином или тупицей. Говорил, что я либо что-нибудь сломаю, либо поранюсь. Когда я скучал по отцу, то о таких вещах обычно не вспоминал.

На меня всегда все сердились по тому или иному поводу.

Впереди я увидел нечто похожее на озеро. Нет, скорее на бассейн. Круглый, с прохладной, свежей водой, а вокруг гладкий, немного наклонный берег. Жаль, что нет травы, здесь все будто затянуто каким-то атласным одеялом. На нем очень приятно сидеть голышом.

Но вообще-то тут прохладно без одежды.

Я вернулся к тарелке, достал одно из одеял, которые мы захватили из споума, потом снова пошел к бассейну, завернулся в одеяло и сел, осматривая город-эрзац. Я вспомнил, что отец Марри учил в колледже французский, а мой отец — немецкий, поэтому я всегда говорил «эрзац», а Марри — «фо» [17].

А если бы я мог выбрать кого-то себе в спутники? Кого бы я взял?

Марри? Хочу ли я, чтобы тут со мной оказался Марри? Он был моим лучшим другом начиная со второго класса, а правильнее сказать, у меня вообще не было больше друзей. Помню, за день до моего исчезновения я наткнулся на Марри в школьном коридоре. С ним вместе стоял Ларри, они что-то горячо обсуждали, а увидев меня, замолчали. Ларри улыбнулся, и глаза Марри выражали уже хорошо мне известное презрение.

Что такого я сделал, Марри?

Чем больше я смотрел в небо, тем лучше начинал различать очертания скоплений за звездами. Надо было просто не смотреть прямо на них, делать вид, что рассматриваешь что-то другое, но при этом удерживать внимание краешками глаз, следить боковым зрением, и тогда вроде бы ниоткуда появлялись тусклые, бледные световые пятна и формы.

Если бы тут со мной был Марри, он наверняка прочитал бы мне лекцию о боковом зрении. При этом вид у него был бы самый восторженный, он никогда не упускал случая продемонстрировать свою крутизну, показать, что он умнее и лучше меня во всем.

Я почувствовал резь в глазах и потому отбросил все волновавшие меня вопросы. Я точно знал, что не хочу, чтобы рядом со мной сейчас был хоть кто-нибудь. Интересно — почему?

Над головой небо прорезали три ярко-желтых следа от метеоров, они летели рядом друг с другом. Похоже на след от кошачьих когтей, только уж слишком длинный.

Наверное, потом я заснул.

Очнулся я, так и не поняв, спал или нет, потому что небо оставалось здесь неизменным. Темнота, звезды и неясные формы за ними. Неожиданно я заметил, что на краю бассейна стоит маленькая девочка и смотрит прямо на меня.

— Трейси?

Она подошла ко мне по атласному покрытию, теперь я мог разглядеть ее в свете звезд — огромные глаза, мягкое и прекрасное лицо. Что было бы, если бы ты не уехала тогда, пять лет тому назад? Ничего. Твоя мама обнаружила бы, что мы встречаемся, переговорила бы с моей матерью, и нам запретили бы видеться — «на всякий случай». Мальчики и девочки в этом возрасте не должны проводить так много времени вместе.

Но что-то с ней не так.

Я спросил:

— С тобой все в порядке? У тебя нездоровый вид.

Она опустилась на колени рядом со мной, я заметил, что кожа ее блестит от пота.

— Что случилось?

Она ответила:

— Все будет в порядке. Мне пришлось еще кое-что в себе изменить, раз уж я оказалась здесь. Технические возможности здесь гораздо шире, чем на Зеленой планете. — Она дрожала.

— Ох, Трейси… — Я притянул ее к себе и закутал в свое одеяло. Она была горячая и вся какая-то вялая, обмякшая; но это был не жар — такое впечатление, что внутри у нее что-то нагревалось, от этого она и потела, а ночь вокруг казалась холодной.

Когда мне было лет пять, мой дед (который и умер-то в состоянии алкогольного опьянения) дал мне выпить стакан виски. Он еще очень смеялся, когда я спокойно все проглотил и даже не поперхнулся. Но потом я вот так же потел. Помню, мать тогда совсем с цепи сорвалась, она так ругала деда, как никогда раньше, но сделать ничего не могла. Я просто заснул тогда, а на следующий день проснулся, ощущая себя как шарик, надутый гелием и готовый вот-вот взлететь.

Она прижалась ко мне, обхватила руками мою грудь; ее пот стекал по моей коже, и я тоже начал дрожать.

— Все будет хорошо. Правда, — чуть слышно прошептала она. Ну и ладно.

Она сказала:

— Я нашла Землю.

Я неожиданно испугался:

— Хм-м-м…

Она продолжала:

— На самом деле не так уж и далеко. Не больше двухсот миллионов парсеков. На другой стороне следующего сверхскопления.

— И сколько времени нужно, чтобы туда добраться?

Я почувствовал, как ее лицо, прижатое к моей груди, изменило форму. Улыбается?

Она ответила:

— Это зависит от многих факторов.

— Например?

Она слегка сжала меня и задрожала еще больше:

— Ну, ты долетел до Зеленой планеты всего за несколько недель, поэтому и назад можно будет добраться почти так же быстро.

Черт побери. Мать. Школа. Марри.

И как же я смогу им объяснить, где я был все это время или кто такая эта маленькая девочка? Меня охватила волна ужаса. Когда я сойду на землю в долине Дорво, Трейси, моя Трейси, — а теперь она действительно моя Трейси, — вернется на тарелку и улетит?

Я услышал щелчок, а потом ее голос:

— Но на сверхдвигатели оказывает воздействие теория относительности, Уолли.

Я подумал о возвращении домой — вот я в своей старой задубевшей одежде появляюсь на пороге материнского дома на площади Стэггс. Наверное, уже март 1967 года? «Аполлон-1» уже, видимо, улетел. И еще мне придется второй год учится в одиннадцатом классе.

Ну и ладно. Марри все равно с ума сойдет от зависти.

Тут я спросил:

— Ну и что?

Еще щелчки.

— С тех пор как ты оставил Землю, прошло двадцать три года, Уолли. — Опять щелчки. — Часть времени затрачена на небольшие перелеты и остановки на планетах. — Еще щелчки. — Если я отвезу тебя прямиком домой, на это уйдет еще двадцать лет. — Щелчки. — А по космическому времени всего три недели.

Тут она принялась сильно дрожать, я только теперь понял, что это за щелчки: она так дрожала, что стучала зубами.

— Боже мой, ты больна!

Пот с нее лил ручьем, у меня вся грудь и живот были залиты ее потом, он стекал даже на атласное покрытие. Она сказала:

— Прижми меня покрепче, Уолли. Утром со мной все будет в порядке. Обещаю.

Я крепко завернул ее и себя в одеяло, стало теплее. Я так и сидел, уставившись в небо, а Трейси дрожала и стучала зубами, что-то шептала сама себе, иногда я даже различал отдельные слова, иногда мне казалось, что она говорит на каком-то иностранном языке.

Двадцать три года. 1989? А потом еще двадцать?

Высоко в небе медленно двигались звезды, старые садились, новые поднимались. Так я немного разобрался в направлении оси голубой луны. Метеоры сгорали в атмосфере — то один, то сразу два или три. Потом я вгляделся внимательнее и обнаружил источник дождя метеоритов. Туда, подумал я, и мы должны будем двигаться в межзвездном пространстве.

Один раз из ниоткуда появилось нечто, похожее на розовую луну Боунстелл, — сначала просто точка на небе, которая быстро разрослась в рябой шар, а потом снова исчезла.

Прошло немало времени, и Трейси понемногу успокоилась, перестала дрожать. Я решил, что кризис прошел. Я долго держался, но, несмотря на свое решение не спать до утра, охранять Трейси и помогать ей, я все же заснул.

Когда я проснулся, вокруг, конечно, было темно.

Я лежал на боку, а надо мной было звездное небо. Я обнимал Трейси, она прижалась спиной к моей груди, а я уткнулся лицом в ее затылок. Волосы, которые давно уже расплелись, щекотали мне нос. Пот уже не тек с нее ручьем, но волосы были какими-то жирными и пахли странно. Вначале они были совсем другими.

У меня, как всегда, была эрекция, даже сильнее обычного.

Жара у нее не было.

Кожа была прохладной и не потной, но и не сухой. Словно смазана маслом. Жирная, как и волосы.

И очень прохладная. Настолько прохладная, что…

Я почувствовал, как сердце колотится в груди.

О боже.

Какая-то она странная стала, словно поправилась, что ли. Стала мягче. Я…

Я протянул руку к ее груди, чтобы послушать, бьется ли сердце. У меня дыхание перехватило, я пытался подавить все мысли, но вот же — я так и знал. Что же мне теперь делать?

Она зашевелилась, глубоко вздохнула, а я замер. Она еще раз вздохнула, потянулась, потом снова свернулась клубочком, коснулась моей руки грудью.

Я прошептал:

— Трейси…

Голос у нее был хриплый, будто она очень сильно устала.

— Вот, Уолли.

Я прижал руку к ее груди и подумал: «Погоди, погоди немного…»

Она перевернулась, перевернулась на спину, посмотрела мне в глаза, ее собственные глаза блестели в свете звезд, зубы белой полоской выделялись в темноте.

— Ускоренное созревание. Да, я знаю, я еще не совсем выросла. Я не могу за одну ночь набрать такую массу тела, но приборы быстро сообразили, как сократить процесс.

Она взяла мою руку, стянула ее с груди и положила себе между ног, туда, где было так горячо и влажно.

— Теперь отступать некуда, Уолли.

Как ни странно, но я прекрасно знал, что нужно делать.

Мы по-прежнему сидели, обнявшись, у озера под звездным небом, но потом я так проголодался, что у меня даже закружилась голова. Я попробовал прилечь, но это не помогло. Идти назад к тарелке оказалось непросто — не потому, что трудно было уйти с волшебного берега, а потому, что Трейси тесно прижималась ко мне, и я постоянно спотыкался.

Наконец мы решили идти, просто держась за руки. Я не мог сдержать улыбки. Мне казалось, что я лечу по воздуху. Все по-другому. По-другому. Так…

Я сказал:

— Теперь я ощущаю себя взрослым! Интересно, почему от одного совокупления все чувства так меняются?

Трейси рассмеялась, потом остановилась и посмотрела на меня снизу вверх, взяла обе мои руки в свои:

— Ну не совсем одного…

Наверное, она была права.

— Ты все еще хочешь домой?

Улыбка исчезла с моего лица, меня словно выключили.

— Уолли?

Я ответил:

— Если только вы не изобрели путешествие во времени, моего дома уже нет. Мне трудно представить, какой станет Земля в две тысячи девятом году. Может, там уже прошла атомная война.

Помню, в восьмом классе я пробовал написать рассказ, я назвал его «Разрыв бомбы». Действие происходило в далеком будущем — в тысяча девятьсот восемьдесят первом году. Я примерно знал, сколько атомного оружия было в Америке в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, и попытался экстраполировать это число на два десятилетия в будущее — получилось что-то около тридцати тысяч боеголовок. О'кей. Пусть и у русских будет то же количество. И я попытался описать войну,

во время которой в один день разорвется шестьдесят тысяч водородных бомб.

Я не смог написать рассказ, но представил себе, каковы будут последствия такой войны.

Трейси ответила:

— Ты прочел столько книг, а все же не можешь представить себе две тысячи девятый год. К чему тогда книги?

— Не знаю.

Она продолжала:

— Если домой к тебе мы не полетим, то что будем делать?

Я провел рукой по ее обнаженной спине, однако то ли она была слишком невысокой, то ли у меня руки слишком короткими, но я не смог ухватить ее за мягкое место.

Она хихикнула:

— Если ты ни о чем другом и думать не можешь, значит, этим и будем заниматься.

— Я согласен.

Она сжала мою руку.

— Рано или поздно тебе это надоест, Уолли.

— Невозможно.

— Ну, тогда пошли. Когда-нибудь позже что-нибудь придумаем.

Всю дорогу назад к тарелке я думал о своем.

— Трейси? — Она посмотрела на меня. — А тебе удалось узнать, что стало с твоим народом?

На секунду она отвела глаза.

— Я никогда не была «народом», Уолли.

Мне стало не по себе — зачем я ей напомнил?

— Но теперь ты человек.

Она улыбнулась — мне всегда хотелось, чтобы именно так улыбалась та, первая Трейси.

— Да. Благодаря тебе.

— Мне?

Она ответила:

— Кое-что мне удалось узнать, Уолли. Я ведь говорила тебе, что сверхдвигатели восприимчивы к растяжению времени.

Я кивнул.

— Так вот, граждане Империи жили достаточно долго по сравнению с людьми, в основном благодаря усовершенствованию медицины, но и они не были бессмертны. В каком-то смысле Вселенная была им неподвластна — ведь и для землян многие звезды недостижимы.

Верно. «Аполлон-Сатурн» долетит до Луны через десять лет, до Марса к 1984 году, к концу столетия до лун Юпитера. Но до

звезд? Никогда.

Тут передо мной предстала другая картинка Земли в 2009 году. Хорошая. Не разорванная десятками тысяч атомных взрывов планета. Вот Марри, например, мог стать первым человеком, высадившимся на Марс, ведь он так и хотел. Марри тридцать с небольшим лет, и он на Марсе. Вот я возвращаюсь домой, а он готовит новую экспедицию — на Сатурн.

Ревность?

Нет. Я же держу за руку Трейси.

Она сказала:

— Я думаю, они разрабатывали новый тип космических двигателей, которые могли бы переносить корабли мгновенно, чтобы в любой момент времени попадать в любую точку пространства.

Какую же, к черту, книгу я читал, в которой было такое мгновенное радио? «Мир Роканнона»?

— Доказательств моей теории немного, но похоже, что все процессы прекратились после того, как они включили одну из опытных установок.

— И?… Куда они делись?

Глаза ее затуманились.

— Не знаю, Уолли. Может, они улетели к точке Омега.

Я молчал, она тоже. Я решил больше не расспрашивать. Спустя какое-то время мы поднялись по трапу на борт и отправились в сторону нашего споума.

Путешествия.

Путешествия и секс.

Мы так много занимались сексом, что я спокойно мог бы потерять еще двадцать фунтов и превратиться в поджарого рок-певца, но Трейси настаивала на том, что ей нужно есть, чтобы расти. Я бы не возражал, если бы она осталась прежнего роста (четыре фута девять дюймов), но ведь несправедливо не давать ей вырасти; а когда она ела, что оставалось делать мне? Я тоже ел.

В конце концов мы отправились в мир, который Трейси обнаружила в одном из электронных информационных узлов.

Мне они казались чуть ли не волшебными, но она умела с ними обращаться. Она сказала, что там будет интересно нам обоим. И правда: планета-музей, главная достопримечательность Затерянной Империи. Смитсоновский институт [18], музей Гуггенхейма [19], Лувр, все музеи, какие только можно себе представить, в одном.

Как можно рассказать об истории цивилизации, которой миллиард лет? Миллиард лет, сто миллиардов галактик — и все это сосредоточено в одной точке.

Я стоял в зале, который по площади был больше, чем Пентагон; здесь подробно рассказывалось о развитии нетехнологической расы разумных существ, внешне напоминавших устриц без раковины, — склизкие сероватые существа, которые сто тысяч лет занимались оттачиванием особого вида искусства, чьи произведения были, на мой взгляд, похожи лишь на кипящий свиной жир.

Меня постоянно мучила одна мысль — в книжках все неправильно. В них все инопланетяне похожи на китайцев или на индусов, только одеты в дурацкие резиновые костюмы и делают вид, что они такие необычные и такие замечательные. Даже в самых лучших книгах… Говорящие медведи из детских сказок. Марионетки? Помню, раньше мне все это даже нравилось. Разумные коровы и огромные двуногие кошки расширяли круг друзей.

Мы с Трейси бродили по залам музея, занимались сексом, ели. В один прекрасный день мы оказались в пещере, где к своду были подвешены межзвездные боевые корабли — около десяти тысяч. Они ощерились дулами своих орудий, пушками и лучевыми огнеметами.

Автоматический гид сообщил нам название — флот чукамагов; наверное, по просьбе Трейси, он изобрел слово, которое я бы смог воспроизвести. Их задел фронт волны расширяющейся Империи, а так как они были воинственной цивилизацией, то решили постоять за себя и объявили войну. Местная полиция, если их можно так назвать, насильно завела весь флот сюда, заставила экипажи покинуть свои корабли и отправила их общественным транспортом на родные планеты.

Мы лежали на полу на разостланном одеяле, усталые, все еще потные, а перед нами висел звездный боевой корабль примерно с километр длиной. Я даже в кино такого никогда не видывал.

Взгляни только на эту штуковину! Тут можно написать целый роман!

Черт, может, кто-то уже и придумал нечто подобное.

Может, написал роман и опубликовал, просто я его пропустил.

А может…

Я повернулся на бок, взглянул на Трейси и улыбнулся.

Я видел, что она ждет, чтобы я снова залез на нее, но я лишь сказал:

— Слушай, у меня есть идея! Скажи, что ты думаешь о…

Автопилот остановил наш корабль неподалеку от орбиты

Юпитера, как мы и рассчитывали. Чтобы привлечь наше внимание, он проиграл негромкую мелодию. Но мы и так уже закончили, поднялись с пола, вытерлись одеялом и сели голышом в прекрасные кожаные кресла, которыми так гордились чукамаги.

Не совсем удобно, особенно если учесть, что член у меня все время проваливался в углубление, которое чукамаги сделали специально для своих бобровых хвостов, но ничего.

— Давай посмотрим, что там у нас.

Я наблюдал, как автопилот нашел Землю с помощью телескопических приборов — на наших экранах появился покрытый инеем бело-голубой шар. Хм-м-м. Не совсем, как я представлял. Наверное, когда я улетал, я плохо его разглядел, поэтому теперь ожидал увидеть континенты, как на глобусе, а вместо этого вижу какие-то бело-голубые полоски и небольшие светло-коричневые пятна. А что это там светится? Антарктида?

Я сказал:

— Надеюсь, до атомной войны не дошло.

Трейси ответила:

— Не так-то часто встречаешь подобное. Насколько мне известна ранняя история Затерянной Империи, на миллион цивилизаций с трудом найдется одна такая, которая сама себя взрывает. Чаще случаются экологические кризисы.

Какие такие кризисы? Как можно стереть с лица Вселенной целую межгалактическую цивилизацию? Нет, она говорит о другом. Она не рассказывает, что такое точка Омега, почему она притянула к себе лишь органические формы жизни, способные ощущать, а роботов оставила на месте. Ладно, оставим это на потом. Может, расскажет, а может, и нет.

Я проверил электромагнитный спектр. Со стороны Земли много шумов — этого и следовало ожидать. Можно послушать.

— Боже мой!

Трейси склонила голову набок, а на экране появилось изображение двух моряков.

— Узнаешь?

— Да. Не думал только, что «Остров Джиллигана» будут показывать и спустя полвека.

— Но говорят они не на твоем языке.

— Наверное, фильм дублирован на арабский или японский. Я проверил всю Солнечную систему…

— Почти пусто. Пара спутников у Юпитера и Сатурна. Черт побери, я был уверен, что они уже устроили большую базу на Марсе.

Никаких сигналов с Луны. А как же лунные станции? Что, черт побери…

На одной из близких к Земле орбит была небольшая станция, похожая на детскую оловянную игрушку. Никакого управления. Никакого вращения. Никакой искусственной гравитации. Но зато меня потряс пришвартованный с одного из ее боков большой корабль с треугольными крыльями.

— По крайней мере доросли до настоящих космических кораблей!

Трейси ответила:

— Приборы дальнего сканирования говорят, что на борту одиннадцать человек.

Одиннадцать. Даже у Фон Брауна в его кораблях 1950 года было всего семь человек.

— А сколько человек на станции?

— Всего одиннадцать — на станции и на корабле. — Она внимательнее всмотрелась в данные сканирующих приборов и сказала: — Кажется, станция рассчитана на одновременный прием трех человек. Вон та маленькая штука с солнечной батареей, наверное, спасательная капсула.

Я посмотрел, но ничего не увидел. Меньше «Аполлона», больше «Джемини». Чем-то похожа на «Восход» с двумя блоками возвращения; все затянуто чем-то зеленым.

Я откинулся в кресле пилота и сказал:

— Черт побери, ничего не понять! Может, у них там уже закончилась атомная война, а этим удалось спастись?

Трейси улыбнулась:

— Ты несправедлив к ним.

Теперь, когда она стала взрослой, она научилась проявлять характер. Хотя с точки зрения секса так было намного удобнее: она была теперь ростом пять футов восемь дюймов, а я шесть футов.

Она спросила:

— Ну что, мы готовы?

Я печально взглянул на старушку Землю, вспомнил о Марри — что-то он там теперь делает, шестидесятилетний старичок? Потом сказал:

— Давай. — Побыстрее закончить бы и заняться чем-нибудь более интересным.

Я послал сигнал, и основные силы флота вынырнули из гиперпространства — управляемые роботы боевые корабли волна за волной. Через несколько минут экраны радаров словно с ума сойдут.

И после этого на всех экранах телевизоров и кинотеатров, на всех аудиокассетах, во всех книгах, журналах, газетах, на всех рекламных щитах, на всех придорожных знаках, где обычно

указывают предел скорости и направление движения, на всех бутылочных наклейках, на всех коробках с сухими завтраками, на всех волшебных вещах, о которых поведала мне Трейси, — маленьких экранах электронных калькуляторов (!), блестящих маленьких штучках, называемых компакт-дисками, которые пришли на смену нашим старым долгоиграющим пластинкам, на каждой странице каждого браузера (понятия не имею, что это такое, но Трейси говорит, что это связано с какой-то штукой под названием «Интернет») — так вот, по всему миру, кругом и везде появилось яростное лицо Бога и его слова:

«Смотрите! Я накажу каждого за то, что он сделал, и за то, чего не смог сделать».

На секунду я представил себе выражение лица Марри, еще успел подумать, помнит ли он меня вообще. А потом мы принялись за работу.

Семя человечества было отправлено в триллионы миров Затерянной Империи: одну семью сюда, общину туда, в одно место целую нацию, в другое население небольшого городка, кое-куда просто мужчину или женщину по одиночке. И каждый остался наедине со своими мыслями: «За что мне это наказание?», «За что мне эта награда?»

Прошло много-много времени, прежде чем они поняли, что произошло; и еще больше воды утекло, прежде чем они начали разыскивать друг друга.

Но это, малыш Адам, уже другая сказка.

Джон Кессел — Все это правда

John (Joseph Vincent) Kessel. It's all True (2003).

Перевод Н. Фроловой

Джон Кессел родился в г. Буффало, штат Нью-Йорк, сейчас проживает с семьей в Роли, штат Северная Каролина. Преподает американскую литературу и руководит программой обучения писательскому мастерству в университете штата. Печататься Кессел начал в 1975 году, первое крупное произведение, роман «Good News from the Outer Space», вышло в 1988 году, но еще до этого Кессел успел прославиться как автор ярких фантастических рассказов, многие из которых были включены в его сборник «Meeting in Infinity». В 1983 году Кессел получил «Небъюлу» за прекрасную новеллу «Another Orphan», которая в том же году номинировалась на «Хьюго» и была выпущена отдельным изданием. В 1991 году рассказ «Buffalo» завоевал премию Теодора Старджона, а в 2003 году новелла «Stories for Men» получила престижную премию Джеймса Типтри-младшего. Кроме того, в соавторстве с Джеймсом Патриком Келли Джон Кессел написал роман «Freedom Beach» и опубликовал несколько рассказов в сборнике «Intersections», выпущенном писательским сообществом «Сикамор Хилл» под редакцией Марка Л. Ван Нейма и Ричарда Батнера. Последние произведения Кессела — это «Corrupting Dr. Nice» и сборник рассказов «The Pure Produkts». Рассказы Кессела неоднократно печатались в ежегодных сборниках «The Year's Best Science Fiction». В представленном ниже рассказе Кессел уводит нас в «город мишуры» двадцатого века, Голливуд, чтобы показать, что зачастую второй шанс не так хорош, как его представляют…

На столе в офисе яхт-клуба стоял черный блестящий вентилятор, он бешено крутился, разгоняя горячий воздух и перелистывая страницы спортивной газеты. Прекрасное время и место действия. Поворачиваясь в сторону директора клуба, вентилятор каждый раз раздувал его седые волосы. Директор внимательно изучил мои бумаги, сложил их и протянул обратно.

— О'кей. Яхта мистера Видора последняя во втором ряду. — И он ткнул пальцем в окно в сторону причала, у которого скопилось множество судов. — Большая яхта черного цвета.

— Остальные члены экипажа на борту?

— Понятия не имею, — ответил директор, глотнул чая со льдом и поставил запотевший стакан на мокрый след, отпечатавшийся прямо на заголовке «Карды» обходят «Доджеров» на 12 очков; сократили разрыв с лидерами до $5^1/_2$». На полу рядом со столом валялась первая страница газеты. «Новая воздушная битва над морем у Соломоновых островов. Японцы наносят ответный удар по острову Гуадалканал».

Я вышел на пристань, перекинул сумку через плечо и направился к яхте. Солнце припекало макушку, воротник рубашки промок от пота. Я вытащил из кармана платок и отер лоб. Учитывая, что была середина недели, кораблей и людей на причале было слишком много. Голливудские ласточки любят провести день-другой на яхте, а кое-кто решил, видимо, и уикенд начать пораньше. У нефтеперегонного завода на той стороне гавани скопились танкеры.

«Синара» была большой (96 футов в длину) двухмачтовой шхуной с каютами на десятерых пассажиров. Обслуживал шхуну экипаж, состоявший из четырех человек. Большая и дорогая яхта, но ведь Кинг Видор считался одним из наиболее преуспевающих режиссеров в Голливуде. Правда, о его скупости складывали легенды, но все же побаловать себя он умел. Светловолосый юноша начищал до блеска медные ручки. Когда я поднялся на борт, он оторвался от своей работы и посмотрел на меня. Через открытую дверь я прошел в кают-компанию, отделанную лакированными дубовыми панелями, потом поднялся в рулевую рубку. Капитан склонился над картой.

— Мистер Онслоу?

Он поднял голову. На вид лет пятьдесят пять, волосы черные с проседью.

— Кто вы? — спросил он.

— Дэвид Фарроу, — ответил я и протянул свои документы. — Мистер Уэллс [20] послал меня в помощь вам на этот круиз.

— Почему я никогда о вас не слышал?

— Он должен был позвонить вам. Может, он попросил это сделать мистера Видора?

— Никто мне ничего не говорил.

— Тогда позвоните мистеру Уэллсу.

Онслоу посмотрел на меня, потом перевел взгляд на мои документы. Письмо от Уэллса, в котором меня характеризовали как матроса с трехлетним стажем, было поддельным. Совершенно очевидно, Онслоу не хотел звонить Уэллсу и выслушивать злобные тирады.

— А он говорил вам, чем вы тут будете заниматься?

— В основном я должен помогать с едой.

— Отнесите вещи в кормовой кубрик, — сказал он, — и возвращайтесь.

Я нашел свободную койку и положил сумку с переносным устройством в ящик под ней. Ящик не запирался. Что ж, делать нечего.

Онслоу представил меня коку Маноло, который тут же поручил мне носить на борт продукты, птицу и вино, присланные поставщиками. Я сказал ему, что Уэллс хотел, чтобы я помогал прислуживать во время еды, и он, казалось, вздохнул с облегчением. Около полудня прибыл Чарльз Кернер, исполняющий обязанности главного продюсера RKO [21], вместе с женой и дочерью. Они явно думали, что встретят на борту не только членов экипажа, и Кернер ворчал, усаживаясь за стол из красного дерева на корме. Маноло выдал мне белый жакет и велел отнести им напитки. Жена продюсера спокойно сидела в кресле, обмахиваясь небольшим веером, а дочка, некрасивая костлявая девочка лет двенадцати-тринадцати, осматривала шхуну.

Спустя час у причала остановился красно-коричневый «Паккард», из него вышел Уэллс, вслед за ним — стройная темноволосая женщина, которую я узнал по виденным ранее фотографиям, — его ассистент Шифра Харан. Уэллс поднялся на палубу.

— Чарльз! — воскликнул он и заключил Кернера в свои медвежьи объятия. — Как я рад тебя видеть!

Кернер представил Уэллса своей жене Мэри.

Уэллс был одет в легкий костюм; у него были темные длинные волосы и усы, которые он отрастил в Бразилии, думая, что тем самым подчеркивает свою мужественность. Ростом он был выше шести футов, под костюмом угадывался растущий живот, но пока еще трудно было предположить, что он сильно располнеет в будущем. Огромная голова, круглые щеки, красивые губы и миндалевидные монгольские глаза.

— А это кто? — Уэллс повернулся к дочке Кернера. Он словно направил на нее прожектор своего внимания, и девочка сильно смутилась.

— Наша дочка Барбара.

— Барбара, — вздохнул Уэллс, — ты всегда носишь ключ от дома в ухе? — Он вытащил из левого уха девочки медный ключ и поднес ей к лицу. Пальцы у него были необычайно длинными, руки — изящными.

Девочка хитро улыбнулась и сказала:

— Ключ не мой.

— Может, это и вообще не ключ. — Уэллс провел левой рукой

над правой, и ключ превратился в серебряный доллар. — Хочешь?

— Да

Он снова провел левой ладонью над правой, и доллар исчез.

— Посмотри в своем кармане.

Девочка сунула руку в карман закатанных джинсов и вытащила оттуда доллар. В глазах ее светился восторг.

— Но запомни, — предупредил Уэллс, — не в деньгах счастье.

И сразу переключил все внимание на Кернера. Он вел себя подобно принцу, окруженному толпой приближенных, одаривал их благосклонностью и вниманием, как золотом. А Харан, подобно птичке-колибри, кружилась вокруг босса. Она держала в руках большую папку, готовая в любой момент дать то, что ему понадобится: карандаш, сигару, спички, чашку чая, копию контракта RKO. Герман Манкевич [22] как-то сказал о нем: «Вот идет сам Бог, ему недостает лишь Божьей благодати».

— Шифра! — завопил Уэллс, несмотря на то что она была рядом. — Принеси вещи из машины.

Харан попросила меня помочь. Я спустился с ней на причал и достал из багажника восьмиугольную коробку на несколько бобин кинопленки и большой переносной кинопроектор. На коробке черным гримерным карандашом было выведено: «Великолепные Эмберсоны». Харан внимательно следила за мной, пока я относил коробку и проектор в салон яхты, потом поспешно вышла на палубу к Уэллсу.

Какое-то время я помогал Маноло на камбузе, потом раздался голос Онслоу: время отчаливать. Онслоу завел дизельный мотор. Светловолосый юноша и еще один член экипажа отдали швартовы, а Онслоу вывел «Синару» из гавани. Стоило яхте выйти в залив Сан-Педро, как мы подняли паруса: грот, стаксель и фок. Ветер надул парусину, Онслоу выключил двигатель, и в свете заходящего солнца мы поплыли в сторону Каталины.

По дороге назад на камбуз я спросил пассажиров, не принести ли им еще что-нибудь выпить. Уэллс снял пиджак, растянулся в одном из шезлонгов на палубе и рассказывал Кернерам о ритуалах вуду, которые видел в Бразилии. Он мрачно посмотрел на меня, но Кернер воспользовался случаем и попросил еще виски. Я поинтересовался, не принести ли лимонаду Барбаре. Из-под прикрытых век Уэллс метал громы и молнии, и я бегом спустился вниз.

Когда я подавал ужин, сгустились сумерки, на западе горизонт светился оранжевым и красным светом; над столом, расставленным на палубе, хлопал натянутый тент. Я открыл несколько бутылок вина. И подслушивал, о чем они говорили,

пока ели сначала салат из авокадо, потом цыпленка в винном соусе и, наконец, слоеный торт с клубникой. Правда, была одна неприятная минута, когда на палубу поднялся Онслоу, чтобы пожелать всем спокойной ночи.

— Надеюсь, ужин прошел хорошо. — Он склонился над Уэллсом, положил руку ему на плечо и кивнул в мою сторону. — Знаете, обычно мы не берем помощников в самую последнюю минуту.

— Кому еще бренди? — тут же спросил я.

Уэллс был поглощен разговором с Кернером и отмахнулся от Онслоу.

— Он очень нам помогает.

Онслоу удалился, а я принес на серебряном подносе бутылку бренди и стаканы.

Уэллс убеждал Кернера, что необходимо довести до конца проект «Все это правда», который он снимал в Рио. Дирекция RKO не одобрила появления орд беснующихся чернокожих на карнавале и потому решила оставить затею.

— Три части, — убеждал Уэллс. — «Джангладеросы», «Мой друг Бонито» и история самбы. Если вы просмотрите отснятый материал, я смогу закончить все ко Дню Благодарения; при небольших дополнительных вложениях студия сможет продемонстрировать, что средства потрачены не зря. Нельсон Рокфеллер преуспеет в своем проекте «Добрый сосед», а я буду снимать фильмы, ради которых меня пригласила компания RKO.

Кернер старался не смотреть в глаза Уэллсу, он чертил десертной вилкой по белой скатерти стола.

— Орсон, при всем моем уважении, я думаю, что студия больше не заинтересована в фильмах, ради которых вас сюда пригласили. «Кейн» провалился, «Эмберсоны» вряд ли будут приняты лучше, скорее еще хуже.

Уэллс как-то слишком быстро улыбнулся.

— Тот вариант «Эмберсонов», который сейчас показывают на экранах, имеет мало общего с тем, который снимал я.

— Я не видел ни того ни другого, но читал отзыв о просмотре в «Помоне». Зрители плакали от скуки над вашей трагедией и писали в своих отзывах: «Людей надо веселить».

— Я видел эти отзывы, Чарльз. Половина зрительного зала написала, что лучшего фильма они не видели в жизни. Те же, кому фильм не понравился, даже писать грамотно не умеют. Слово веселить они писали через «и». Неужели вы хотите, чтобы мнение о фильмах, выпускаемых вашей студией, определялось такими неграмотными людьми?

— Но мы не можем зарабатывать деньги на полупустых залах.

Я сновал между палубой и камбузом, уносил со стола посуду, а они все продолжали спорить. Харан была чем-то занята в салоне, Маноло пошел спать. Из всего экипажа на ногах были только я и рулевой. В темноте я сидел на корме, курил сигарету, забытая ныне привычка двадцатого века, и подслушивал. Пока что Кернер зарекомендовал себя достойным предком всех исполнительных директоров киномира, которых мне приходилось знать. И через сто лет типаж сохранился. Барбара, которой наскучили разговоры взрослых, растянулась на скамье, положив голову на колени Мэри Кернер. Мэри гладила Барбару по волосам и шептала:

— Утром, когда приплывем на Каталину, ты сможешь нырять прямо с яхты.

— Мама! — воскликнула девочка. — Неужели ты не знаешь, что здесь вода кишмя кишит акулами!

Мать с дочерью принялись спорить, может ли хорошо воспитанная молодая девушка употреблять выражение «кишмя кишит». К общему мнению они так и не пришли. Стояла ночь, поднялась луна. На мачтах, носу и корме яхты горели огни. Слышно было лишь, как хлопает на ветру флаг, как бьются о борт волны и как настойчиво уговаривает Кернера Уэллс.

— Чарльз, послушайте… у меня с собой оригинальный вариант картины, тот, что перед просмотром был отослан в Рио. Шифра! — позвал он. — Ты подготовила проектор? — Уэллс допил бренди. — По крайней мере хотя бы взгляните. Вот увидите, вы не пожалеете.

Барбара подскочила на месте:

— Пожалуйста, папа! Давай посмотрим!

Кернер не обратил на дочь никакого внимания.

— Дело не в том, хорошая или нехорошая картина. Дело в деньгах, Орсон.

— Деньги! Как узнать, принесет она денег или нет, если не попробовать? — Голос его звучал слишком громко. Миссис Кернер явно была обеспокоена. — Какой бизнес в Америке не тратит деньги на эксперименты? Иначе в будущем вас поджидают сюрпризы, можно оказаться и вообще без денег!

В проеме двери показалась голова Харан:

— Я установила проектор, Орсон.

— Послушайте, Орсон, я совсем не хочу… — начал Кернер.

— Пойдемте, Чарльз, хотя бы взгляните на то, что я снял. Обещаю, больше ни о чем просить не буду.

Они прошли в салон. Я прокрался к окну и заглянул внутрь. В одном конце салона на раскладном столе Харан установила кинопроектор, в другом конце повесила экран. На скамье стояла

открытая коробка с пленкой, и первая бобина уже была установлена на проектор.

— Я устала, — призналась Мэри Кернер. — Извините, но я пойду спать.

— Мама, я хочу посмотреть фильм, — попросила Барбара.

— Думаю, тебе тоже нужно идти спать, — ответил Кернер.

— Нет, пусть посмотрит, — настаивал Уэллс. — Может, конечно, фильм немного тяжелый, но ничего предосудительного.

— Я не хочу, чтобы она смотрела тяжелые фильмы.

Уэллс сжал кулаки и сказал уже более тихим голосом:

— Жизнь тоже тяжела.

— В том-то и дело, Орсон, — промолвил Кернер, словно не замечая, что затронул опасную тему. — Идет война. Люди не хотят смотреть тяжелые фильмы. — И, подумав, вдруг прибавил: — Да и вообще вряд ли когда-либо хотят.

— Что вы сказали?

Кернер, сидевший спиной к Уэллсу, выпрямился и, обернувшись, переспросил:

— Что?

Уэллс прошел мимо Харан и резким движением снял бобину с проектора.

— Шифра, мы не будем ничего показывать. Зачем тратить время на обывателей?

Напряженную тишину прервала Барбара:

— Кто такой обыватель?

Уэллс повернулся к ней:

— Обыватель, дорогая моя девочка, близкий родственник слабоумного идиота, только немного лучше одетый. Обыватель не в состоянии отличить произведение искусства от сосиски. Тебе не повезло, потому что твой отец законченный и закоренелый обыватель.

— С меня довольно! — брызгая слюной, выкрикнул Кернер.

— С ВАС довольно? — взорвался Уэллс. — Я СЫТ ПО ГОРЛО вечными фокусами ваших презренных мошенников и лгунов, у которых только деньги на уме! Вы нарушили все свои обещания. Предатели! — Он рванулся вперед и спихнул проектор со стола. Жена и дочка Кернера отпрянули, услышав грохот, и тут же устремились прочь по трапу, ведущему в каюты. Харан, очевидно и раньше видевшая подобные сцены, спокойно стояла в стороне.

Кернер побагровел.

— Боже мой, — произнес он. — Зачем только я согласился и привез сюда свою семью? Разве можно подвергать их опасности общения с вами, вы же сумасшедший. Уверяю вас, если это будет зависеть от меня, вы больше никогда не будете работать в

Голливуде.

— Негодяй! Мне не требуется вашего разрешения! Я буду работать…

Кернер ткнул пальцем в грудь Уэллсу.

— Знаете, что говорят во всех клубах города? А говорят: «Все хорошо, что покончит с Уэллсом». — Он повернулся к съежившейся секретарше: — Спокойной ночи, мисс Харан.

И вышел вслед за женой и дочерью.

Уэллс стоял на месте, как пригвожденный. Я отошел от окна и поднялся в кабину рулевого.

— Что там случилось? — спросил меня вахтенный.

— Мистер Уэллс только что столкнулся с айсбергом. Но не волнуйтесь, мы не утонем.

Rosebud, розанчик. Одинаково и по-немецки, и по-английски.

Моя мать считала себя художницей. Она была связана с Les Cent Lieux [23], сетью публичных художественных салонов, существовавших на средства Брюсселя, а я вырос в жалкой галерее в Швабинге, в которой она выставляла свои пресловутые изыски. Помню один из ее «шедевров» — скульптурное изображение женского влагалища, в середине которого, стоило встать перед ним посетителю, появлялись различные голограммы, в том числе рот мужчины с усами над верхней губой. Рот открывался и шептал: «Rosebud».

Я понимал, что изображение взято из архива, что мужчина, который шепчет слова, не немец, но кто он именно, я не знал. И лишь когда уехал из Мюнхена, чтобы поступать в киношколу Нью-Йоркского университета, впервые увидел фильм «Гражданин Кейн».

Я собирался стать художником, воплотить мечту, которую не смогла воплотить мать; порвать со старушкой Европой и унылым двадцатым столетием. Я был сообразителен, талантлив, умел убеждать людей. Я мог обрисовать потенциальным спонсорам такие перспективы будущего сотрудничества искусства и коммерции, что они сами рвались отдать мне все свои деньги. К двадцати шести годам я снял два собственных фильма: «Бастионы одиночества» и «Слова Христа красным цветом». Второй фильм даже завоевал приз за лучший оригинальный сценарий на кинофестивале в Триесте в 2037 году. Мое имя еще мало кто знал, и в дамки я так и не вышел. Кроме избранного узкого круга, мои фильмы смотрели немногие.

Сам себе я говорил, что зрители дураки, а мир вообще катится в тартарары, настоящему искусству в нем нет места; деньги делают только те, кто поставляет публике дешевые

развлечения. Потом люди стали путешествовать во времени, и для киноиндустрии это стало полным крахом. Теперь, чтобы сделать коммерческий фильм, нужно было заручиться контрактом с Элизабет Тейлор или Джоном Уэйном. Я устал от такой жизни. Когда мне исполнилось тридцать лет, я как-то взглянул на себя в зеркало, плюнул на все и устроился работать в «Метро» [24] агентом по выявлению и поиску талантов.

Звучит вполне правдоподобно, да? Но можно взглянуть на мою карьеру и с другой стороны. Это как с теннисом. Я всегда неплохо играл в него, только удар слева был слабоват, сколько я ни тренировался, он у меня так и не получался. В критический момент в каждой партии противник подавал мне мяч налево, и когда я его отбивал, то всегда задевал за самый верхний край сетки, и мяч рикошетом летел назад. Это был мой предел; гением на пустом месте не становятся. То же самое с фильмами. Поэтому я и отправил все пленки, диски и даже приз кинофестиваля в Триесте в кладовку.

Я как раз разбирал вещи в кладовке и раскладывал их по коробкам, когда мне позвонили из агентства рекламы. У меня сильно болела голова, словно кто-то прокалывал спицами мозг, а тут еще явилась хозяйка квартиры, Мойра. Все, что можно было продать, я давно уже продал, и все равно должен был ей за полгода.

Загудели очки, лежавшие на ночном столике, у меня голова чуть не разорвалась.

Мойра, стоя в дверях, скептически заметила:

— А я думала, тебя давно отключили.

— Так и есть.

Нащупал очки, сел, широко расставив ноги, на пол и надел их. Живот свело. На противоположной стене появилось изображение Гвенды, моей электронной секретарши. Я сам составлял программу ее внешности — вылитая Луиза Брукс [25].

— Вас разыскивают «Вэнником Лимитед», — сказала Гвенда. — С вами хочет говорить Роузтраш Вэннис.

Я снял очки.

— Мойра, дорогая, оставь меня одного минут на пять, пожалуйста.

Хозяйка усмехнулась:

— Хорошо бы она одолжила тебе денег. — И вышла.

Я порылся в свалке на ночном столике, нашел неиспользованный шприц и сделал себе укол. Сердце бешено забилось в груди, но глаза открылись окончательно. Я снова надел очки и сказал:

— О'кей.

Гвенда исчезла, на ее месте появилось красивое лицо Вэннис.

— Дет? Это ты?

— Я. Как ты меня нашла?

— Мне пришлось оплатить твои телефонные счета. Можно на тебя взглянуть?

По виду моей спальни сразу было заметно, что меня собираются выселять, и мне не хотелось, чтобы она все это видела, да и меня тоже.

— Нет… я в очках. Что тебе нужно?

— Хочу подкинуть тебе работу.

После того как я помог Стерджесу сбежать со студии, Вэннис пообещала мне, что работать я там больше никогда не буду. Хоть ее речь и пестрела фразами из фильмов Николаса Рэя и Квентина Тарантино, но интересовали ее не фильмы, а деньги, а из-за меня компания потеряла немалые средства. За последние полгода никто не хотел брать меня на работу.

— У меня много дел, Роузтраш.

— Так много, что некогда заплатить за телефон?

Я сдался.

— Что ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты наконец разыскал этого Уэллса.

Хоть я и основательно выпал из жизни, но весь город гудел о том, как гоняются за Орсоном Уэллсом. Четыре раза за ним засылали в прошлое специальных агентов, они пытались завладеть им — в разные моменты его жизни, но у них так ничего и не вышло. «Нет», — ответил Уэллс, когда ему было 42 года, несмотря на то что после «Печати Зла» его изгнали с «Юниверсал» [26]. В следующий раз агенты выходили на него в 1972 году, когда Уэллсу было 57 лет и Полин Кел окончательно испортила его репутацию. Он снова ответил: «Нет». «Метро» даже послала в 1938 году Дарлу Рашнамурти, с тем чтобы она соблазнила 23-летнего вундеркинда. У Дарлы и молодого Уэллса был бурный роман, но она вернулась тоже ни с чем, разве что привезла видеозапись сексуальных сцен, которую показывали с большим успехом; позже она написала книгу мемуаров. Я все это знал, а Роузтраш знала, что я знаю, но какая разница — мне ведь нужна работа.

— Можешь выслать мне денег через Сеть? — спросил я.

— Сколько?

Я подумал о Мойре.

— Ну… пока тысяч десять — пойдет?

— Через час получишь. И к этому времени должен быть у меня в офисе. Договорились?

— Буду.

Спустя неделю, накачанный нужной информацией, побритый и прилизанный, я стоял в офисе Вэннис, готовый к путешествию во времени. В сумке у меня лежали вещи, какие носили в 1942 году, и переносной аппарат для путешествия во времени. Я кивнул Норму Пейджу, сидевшему в кабине управления, снаружи у блестящих поручней стояла Вэннис.

— И давай на сей раз без провалов, Дет.

— Разве я хоть раз подводил тебя?

— Можно составить список…

— Десять секунд, — сказал из кабины Норм.

Вэннис ткнула в мою сторону пальцем, словно это был пистолет, сделала вид, что нажимает на курок, и процедила мужским голосом:

— Бутон розы — живой или мертвый! — И в тот же миг все вокруг исчезло.

Единственное, что отличает мою работу от работы обыкновенного агента, это возможность самостоятельно планировать свои действия и импровизировать на месте. Сначала надо все хорошенько подготовить. Нужно изучить своего кандидата. Ведь вы будете убеждать его оставить в прошлом всю прежнюю жизнь; вряд ли кто-либо может легко пойти на такое. Нужно выбрать момент, когда человек находится в унынии, когда у него что-то не клеится, но в то же время талант его должен быть на высоте.

Все складывалось как нельзя лучше. Я прошел на корму и выкурил еще одну сигарету. Табак, утраченная роскошь двадцатого века. Никотин слегка ударил в голову, но я слышал, как Уэллс кричит в салоне на Харан, как он расправляется с остатками проектора. Слышал, как она послала его к черту. Луна повисла высоко в небе, поверхность моря бороздили небольшие волны, тихо бившиеся о борт яхты, державшей курс на юг. Сзади в кильватере отражались огни Сан-Педро.

Прошло несколько минут, и на палубе появился Уэллс. Он вынес коробку с фильмом и бухнул ее на стол. Потом сел и уставился на нее. Взял бутылку бренди, налил себе стакан и залпом осушил его, налил второй. Если он и знал, что я рядом, то виду не подавал.

Я подождал, потом спокойно произнес:

— Все могло бы сложиться иначе.

Уэллс поднял свою большую голову. Лицо его оставалось в тени, и на какое-то мгновение он напомнил мне Гарри Лайма из «Третьего человека».

— Мне нечего вам сказать, — произнес он.

— Зато мне есть что, Орсон. — Я подошел к столу.

— Уходите. Я не позволю, чтобы один из лакеев Видора читал мне лекции.

— Я не работаю на мистера Видора. Я вообще не работаю ни на кого из ваших знакомых. Я здесь для того, чтобы встретиться с вами.

Он поставил стакан на стол.

— Мы с вами знакомы?

— Мое имя Детлев Грубер.

Он фыркнул.

— На вашем месте я бы его сменил.

— Я часто именно так и делаю.

Тут он впервые внимательно посмотрел на меня.

— Ну так выкладывайте, что там у вас, и оставьте меня в покое.

— Для начала я вам кое-что покажу.

Я достал платок из кармана, расстелил его на столе. Натянул за краешки, и он стал твердым, потом повернул выключатель. Бело-голубой рисунок на платке исчез, вместо этого засветился экран.

Уэллс с интересом наблюдал за мной.

— Что это такое?

— Демонстрация. — Я нажал на кнопку пуска, экран стал темным, потом появилась надпись:

Компания «Меркьюри». Постановщик Орсон Уэллс.

Дальше шло название:

ГРАЖДАНИН КЕЙН

Раздалась зловещая музыка. Ночь, металлическая ограда с табличкой «Посторонним вход запрещен».

— Что за черт… — начал Уэллс.

Я нажал на «паузу», изображение замерло на экране.

Уэллс взял плоский экран в руки, потряс его — экран был твердым, словно сделанным из картона, он перевернул его и внимательно осмотрел с другой стороны.

— Потрясающе. Где вы это взяли?

— Обычный продукт человеческих рук… выпуска две тысячи сорок восьмого года.

Уэллс положил экран на стол. Его лицо освещалось светом экрана, придававшим ему мальчишеский вид. На самом деле ему было двадцать семь лет.

— Продолжайте, — произнес он. — Я люблю выдумки.

— Я прибыл из будущего, вот откуда у меня этот экран. Я здесь, чтобы встретиться с вами. И я хочу, чтобы вы отправились в

будущее вместе со мной.

Уэллс оглядел меня и рассмеялся глубоким, рокочущим смехом, достал сигару из кармана пиджака и закурил ее.

— Что будущему… нужно… от меня? — спросил он между затяжками.

— Я представляю развлекательную компанию. Мы хотим, чтобы вы снимали фильмы. В нашем распоряжении технологии и средства, о которых вы и помыслить не можете. Экран перед вами — самый тривиальный тому пример. Вы думаете, что оптическая печать невозможна? Мы можем из ничего создавать пейзажи, превратить троих статистов в целую армию — и все это не будет стоить и десятой доли того, на что вы тратите миллионы, а качество получится намного выше. Кинотехнологии будущего — это самый лучший электропоезд, о каком только может мечтать десятилетний мальчишка. А главное, Орсон, вы можете обвести вокруг пальца всех, кто вас тут окружает, но только не меня. Я знаю все ошибки, которые вы допустили с самого первого дня в Голливуде. Знаю всех, кого вы настроили против себя. Враждебность Кернера — это лишь самая верхушка айсберга.

— Спорить не буду. Но и возможности у меня тоже есть. Во всяком случае, я не готов исчезнуть с вами, подобно Баку Роджерсу [27]. Дайте мне пару лет, прилетайте в тысяча девятьсот пятидесятом году — там посмотрим.

— Вы забываете, Орсон: то, что для вас является будущим, для меня прошлое. Я знаю всю вашу жизнь. Знаю, что случится с вами от нынешнего дня до того самого момента в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году, когда вы умрете от сердечного приступа — один, в заброшенном доме в Лос-Анджелесе.

На какое-то время мысль о смерти Уэллса повисла в воздухе, как дым от сигары. Он взял сигару между большим, указательным и средним пальцами, внимательно осмотрел ее.

— Может, и так, но это будет моя жизнь и моя смерть, сэр, — сказал Уэллс, как будто разговаривал с сигарой, потом перевел холодный взгляд на меня.

— Шутите сколько угодно, — произнес я, — но вы не сможете снять ни одного фильма так же свободно, как делали «Кейна». Безжалостное кромсание «Эмберсонов» в RKO — лишь начало. До тысяча девятьсот сорок шестого года ни одна студия не даст вам снимать фильмы, да и потом будут предлагать одну только халтуру — то, что нужно системе. Когда же вы попробуете создать нечто более серьезное, «Леди из Шанхая», фильм у вас отберут и вырежут из него целый час. Из Голливуда вас выбросят, вы уедете в Европу. Последние сорок лет своей жизни будете везде и у всех просить денег, играть маленькие роли во все более и более

ужасных фильмах. Все время пытаясь снимать собственные фильмы. Результат? Одиннадцать фильмов за всю карьеру, в том числе «Кейн» и «Эмберсоны».

— Жизнь неудачника. Но зачем я вам?

— Видите ли, несмотря на то что все вас кусают, несмотря на то что вас никто не поддерживает, некоторые из ваших фильмов просто гениальны. Представляете, что бы вы могли создать, будь в вашем распоряжении хорошая киностудия!

— А вы не подумали, что, даже если я соглашусь, я могу так никогда и не выпустить первоклассные фильмы, которые вы от меня ждете?

— Почему же, я могу прямо здесь показать вам все, что вы выпустите. Я всего лишь пытаюсь забрать вас из одного из ваших альтернативных существований. В нашем мире вас ждет именно то будущее, о котором я говорил. Вы создадите те же самые фильмы, только делать их будет намного легче. Да еще к тому же сможете осуществить много новых проектов, которые в этом вашем существовании никто не поддержит. До «Кейна» у вас был замысел фильма по книге «Сердце Тьмы». В две тысячи сорок восьмом году никто еще толком не экранизировал это произведение, словно мир ждет вас. В две тысячи сорок восьмом году мир признает вас, над вами никто не будет смеяться. Если же вы останетесь здесь, то проживете остаток жизни как изгнанник. Если уж быть изгнанником, то лучше вы брать время и место, где по крайней мере можно заниматься любимым делом.

Уэллс подвинул кофейную чашку, стряхнул пепел в блюдце и положил сигару на край.

— Здесь у меня друзья. Родственники. Что будет с ними?

— Родственников у вас нет: родители умерли, брат чужой человек, с женой вы развелись, а дочерью, если честно, никогда не интересовались. Большинство друзей тоже бросили вас.

— Джо Коттен не бросил.

— Хотите Джо Коттена? Смотрите же. — Я вывел на экран клип и положил его перед Уэллсом. На экране показался внутренний дворик кафе. Уличный шум, пешеходы в ультрафиолетовых шляпах, футуристические авто. За столиком под пальмой сидят мужчина и женщина. Вот пара крупным планом: Джозеф Коттен в белых брюках и рубашке с открытым воротом вместе со своей женой Ленорой. «Привет, Орсон», — улыбаются они. Коттен смотрит прямо в камеру: «Орсон, Детлев говорил мне, что собирается показать тебе этот клип. Прислушайся внимательно к тому, что он тебе скажет. Это правда. Здесь гораздо лучше, чем ты думаешь. Если честно, то больше всего мне здесь недостает тебя. Очень недостает тебя».

Я остановил клип и сказал:

— Его вытащил в будущее другой агент, это случилось четыре года тому назад.

Уэллс глотнул бренди и поставил стакан прямо на нос Коттену.

— Если бы Джо остался со мной, студия не посмела бы переснять концовку «Эмберсонов».

Я видел, почему все мои предшественники потерпели неудачу. В ответ на каждый мой аргумент у Уэллса находился контраргумент. Однако его доводы основывались не на здравом смысле. Уэллса следовало убеждать на ином, более примитивном уровне, воздействуя на инстинкты. У меня был в запасе жестокий, но верный способ; придется прибегнуть к нему.

Я отодвинул стакан бренди с экрана и сказал:

— Мы еще не закончили с фильмами. Вам трудно бороться с ожирением? Ну что ж, смотрите, я кое-что покажу вам.

Сначала появился Уэллс времен «Чужестранца» — настолько стройный, что даже кадык был виден.

— Это вы в тысяча девятьсот сорок шестом году. Еще похожи на себя. Но вот «Печать Зла», это уже спустя десять лет. — Расплывшаяся туша, небритая, потная. Одна фотография сменяла другую: все больше отвисает нижняя челюсть, все более одутловатыми становятся щеки, вместо симпатичного молодого человека появляется какая-то сальная туша, вместо импозантного мужчины — заплывший жиром кошмар. У меня были в запасе и клипы, на которых он, раскачиваясь, двигался по комнате или, сотрясая вторым подбородком, ораторствовал в каком-то второсортном историческом фильме. Несколько клипов, сделанных на разных ток-шоу, — он сидит, а огромный живот свисает между колен, пальцы рук сжимают сигару и даже окладистая борода не может скрыть обвислых подбородков.

— К концу жизни вы будете весить от трехсот до четырехсот фунтов. Точно неизвестно. Вот фотография актрисы Энджи Дикинсон, которая пытается сесть вам на колени. Но коленей нет. Смотрите, ей приходится крепко держать вас за шею, чтобы не упасть. Вам трудно дышать, трудно передвигаться, спина разламывается, отказывают почки. В восьмидесятых годах вы застрянете в автомобиле, и, чтобы достать вас из него, придется разбирать машину на части. Последние годы своей жизни вы будете создавать телерекламу дешевого вина, которое даже пить-то сами не сможете из-за проблем со здоровьем.

Уэллс в ужасе смотрел на фотографии, потом прошептал:

— Выключите.

Какое-то время он сидел молча. Лоб нахмурен, в темных

глазах презрение к самому себе. Но по излому бровей я понял, что он испытывает удовлетворение от такого унижения, словно то, что я показал, явилось исполнением предсказания, оброненного над колыбелью.

— Я вижу, вам пришлось много потрудиться, — спокойно сказал он.

Я почувствовал, что близок к цели, и наклонился вперед:

— Всего этого можно избежать. Наша медицина может сделать так, что вы не станете жалкой пародией на самого себя. На протяжении всей оставшейся жизни у нас вы будете таким же молодым и здоровым, как и сейчас.

Уэллс пошевелился.

— Я ослеплен вашей щедростью. Но ведь и у вас должен быть свой интерес?

— Прекрасно. Отрицать не стану — благотворительностью мы не занимаемся. Вы даже не представляете себе, насколько высоко ваши работы ценятся в будущем. Через сто лет «Гражданина Кейна» будут считать одним из величайших фильмов за всю историю кинематографа. Одна реклама вашего возвращения принесет миллионы. Люди жаждут ваших новых фильмов.

— Джордж Шефер говорил примерно то же самое, когда уговаривал меня приехать в Голливуд после «Войны миров» [28]. Я гений, мне обеспечена безграничная поддержка, людям нравятся мои работы. А ножи против меня точились еще до того, как я сошел с трапа самолета. Прошло три года, Шефер выброшен на улицу, я изгой. Его преемник не желает даже вместе со мной посмотреть мой фильм. Так что же, исполнительные директора киностудий в будущем будут святыми?

— Конечно же нет, Орсон. Но у будущего есть преимущество — мы можем видеть все сквозь призму времени. Хоть RKO и порезали «Эмберсонов», но этим они не спасли свое финансовое положение. Ваши инстинкты оказались вернее, чем их, и не только с художественной точки зрения, но и с финансовой тоже.

— Скажите это Чарльзу Кернеру.

— Зачем? Ваш фильм считается величайшей трагедией в истории кино. В две тысячи сорок восьмом году вашего фильма никто не увидит. Это, — и я дотронулся до коробки с фильмом, — единственная копия вашей версии фильма. Она пропадет, а негативы вырезанных кусков будут выброшены, и останется лишь изуродованный, искромсанный студийный вариант.

— Это единственная копия?

— Да. Единственная.

Уэллс взъерошил волосы своими длинными пальцами. Потом с трудом поднялся на ноги, подошел к поручням, схватился за ванты и уставился в ночное небо. Он, конечно, знал, что немного позирует. Не оборачиваясь, он спросил меня:

— А где же ваша машина времени?

— У меня в сумке переносной аппарат. На корабле им воспользоваться нельзя, но как только вернемся на сушу…

— … то сразу отправимся в год две тысячи сорок восьмой! — расхохотался Уэллс. — Похоже, я инсценировал не тот роман Герберта Уэллса. — И тут он повернулся: — Или нет, мистер?…

— Грубер.

— Мистер Грубер. Боюсь, что вам придется вернуться в будущее без меня.

Роузтраш потратила столько денег, чтобы послать меня сюда. Если я вернусь ни с чем, других шансов у меня не будет.

— Но почему? Все, что я говорил, сущая правда.

— А значит, благодаря тому, что я ее знаю, у меня в течение ближайших сорока лет будут определенные преимущества, не так ли?

— Не глупите. Ваш завтрашний день ничуть не лучше вчерашнего. — Одно из первых правил в нашем деле — действовать незаинтересованно, а я нарушил его. Мне было очень важно, прислушается он к моим словам или нет. Все дело было в моем финансовом положении. Я ткнул в сторону кают, где спали Кернер с семейством. — После сегодняшнего вечера все только ухудшится. Вы отбрасываете свой единственный шанс изменить судьбу. Хотите заложить свой талант людям вроде Чарльза Кернера? Продать себя ради одобрения тех, кто никогда вас не поймет?

Уэллс развеселился.

— Кажется, вы принимаете все слишком близко к сердцу, как вас там… Детлев? Детлев, почему для вас это так важно? — Он не столько спрашивал меня, сколько рассуждал вслух. — Ведь вы просто выполняете поручение. Меня вы толком не знаете. Но вкладываете в это всю свою душу. Я могу истолковать это так, что вам на самом деле нравятся мои фильмы. Я польщен, конечно. Или же вас беспокоит судьба режиссера в мире бизнеса. Но ведь вам каждый день приходится вращаться в мире бизнеса. Выслушайте мое предложение: вы не забираете меня в будущее, вместо этого сами остаетесь тут со мной. Я сомневаюсь, что художник может добиться успеха вне своей эпохи. Я родился в тысяча девятьсот пятнадцатом году. Как же я смогу понять две тысячи сорок восьмой год, не говоря уже о том, чтобы создавать фильмы в той далекой эпохе? С другой стороны, вы неплохо

ориентируетесь в нашем времени. Вы говорите, что вам известны все трудности моей будущей жизни. Могу поклясться, что и всю историю двадцатого века вы знаете ничуть не хуже. Подумайте о преимуществах, которые вы получаете! Несколько правильных вложений, и вы становитесь богачом! Хотите снимать фильмы, будем делать это вместе! Вы можете стать моим партнером! С вашим знанием будущего мы сможем основать собственную студию и финансировать ее!

— Я агент по поиску талантов, не финансист.

— Агент по поиску талантов — что ж, это тоже можно будет использовать. Вы должны знать, кто в ближайшие тридцать лет станет известным актером или актрисой. И мы будем первыми выходить на них. Будем подписывать с ними эксклюзивные контракты. Через десять лет мы станем первыми в кинобизнесе!

Он быстро подошел к столу, поставил передо мной стакан и наполнил его.

— Знаете, если бы вы мне не сказали, я и не подумал бы, что вы не простой официант. Вы и сами неплохой актер, так ведь? Умеете менять внешность. Яго, нашептывающий мне на ухо. Прекрасно, это тоже можно использовать. И не говорите, Детлев, что в будущем нет таких моментов, которых и вы хотели бы избежать. Вот ваш шанс. Мы можем вместе распрощаться с чарльзами кернерами этого мира, а еще лучше, добиться успеха в их мире и утереть им нос!

Это было что-то новенькое. Мне и раньше оказывали сопротивление, велели убираться прочь, часто я сталкивался с паникой и неверием. Но еще никогда намеченный нами кандидат не пытался уговорить меня самого сменить эпоху.

И самое главное, в словах Уэллса было немало здравого смысла. Если бы я смог доставить его в будущее, то существенно поправил бы свои дела, но этому, похоже, не суждено было случиться — не очень-то он рвался туда. А все, о чем я говорил ему: отсутствие родственных связей, сложности с работой, мрачные перспективы — все это можно было с успехом применить и ко мне в 2048 году. А из будущего никто никогда не сможет прибыть сюда за мной, даже если захочет. Буду иметь возможность делать фильмы с Орсоном Уэллсом, а потом и без него.

Я, не отрываясь, смотрел на коробку с «Эмберсонами», стоявшую на столе. Пробовал урезонить себя. Ведь мне была известна биография Уэллса. Да, его оставляли близкие и друзья, но когда ему было нужно, он использовал, а потом бросал самых преданных друзей. Любовь он признавал лишь на своих условиях.

— Спасибо за предложение, — ответил я. — Но я должен

вернуться. Поедете со мной?

Уэллс сел рядом. Улыбнулся.

— Думаю, вам придется сказать своему начальству, или кто там вас послал, что я оказался крепким орешком.

— Будете жалеть.

— Увидим.

— Я и так уже знаю. Я ведь показал вам.

Уэллс помрачнел. И сказал каким-то отстраненным голосом:

— Да, это было очень интересно. Но больше нам с вами говорить не о чем.

Итак, провал. Я очень хорошо представлял, что меня ждет по возвращении. Оставался один-единственный шанс для спасения репутации.

— Тогда, если не возражаете, я возьму с собой это. — И я потянулся через стол к коробке с «Эмберсонами».

Уэллс на удивление прытко ринулся вперед, выхватил коробку прямо у меня из-под носа, прижал ее к себе и сказал, покачиваясь на ногах:

— Нет.

— Ну же, Орсон. Почему не отдать нам фильм? Спустя сто лет после просмотра изрезанного фильма в Помоне никто так и не видел вашего шедевра целиком. Это Святой Грааль среди утраченных фильмов. Почему вы не хотите отдать его миру?

— Он мой.

— Но если вы его отдадите, он все равно останется вашим. Вы же снимали его, чтобы им восхищались люди, чтобы он тронул их сердца. Подумайте о…

— Я скажу вам, о чем следует думать, — прервал меня Уэллс. — Думайте вот об этом.

Он взял коробку за тонкие проволочные ручки, развернулся, замахнулся ею, как метатель молота, и выбросил за борт. При этом он споткнулся и еле удержался за поручень борта. В лунном свете коробка взлетела в воздух и, с плеском упав в воду, тут же исчезла.

Когда в квартиру пришла Мойра, я работал с видеоредактором. Она даже не постучала в дверь, она вообще никогда этого не делала. Я допил остатки джина, задержал на экране изображение Анны Бакстер и повернулся на стуле в сторону Мойры.

— Боже мой, Дет, ты когда-нибудь разберешь свои вещи? — Она окинула взглядом нагромождение коробок в комнате.

Я направился на кухню, чтобы налить еще джина.

— Это зависит от того, не соберешься ли ты снова выселять

меня.

— Ну, ты ведь знаешь, что это не я, — запротестовала она. — Не я, а Виджей. Он все время за мной следит. — Она прошла за мной на кухню. — Это тот самый джин из двадцатого века? Дай попробовать. — Она внимательно осмотрела сморщенный лайм, лежавший на подоконнике над раковиной с самого моего возвращения из 1942 года, положила его назад и сказала: — К тому же ты расплатился.

Да, пока. Роузтраш не стала брать меня к себе на постоянную зарплату. Когда я вернулся без Уэллса, она впала в ярость, хотя, кажется, ей такое удовольствие доставляло унижать меня, что уже одно это, я думаю, возмещало ее затраты. В ее тоне при разговоре со мной звучали одновременно и снисхождение, и презрение; я сам был неудачником, но мне же еще доставалось и за неудачника Уэллса.

По мнению Роузтраш, то, что Уэллс отказался от моего предложения, только доказывало, что у него кишка тонка.

— Он трус, — сказала она мне. — Если бы он поехал с тобой, ему пришлось бы стать гением, которого он всегда из себя изображал. И здесь уже ему было бы не отвертеться. Но вся его гениальность — это просто ловкость рук.

Я ничего не сказал ей о том, что предложил мне, в свою очередь, Уэллс. Я не спорил с ней, это была моя плата за то, что она давала мне работу.

С помощью редактора я восстанавливал «Великолепных Эмберсонов». Когда Уэллс выбросил за борт единственный полный экземпляр фильма, он тем самым, конечно, затруднил мою работу, но все же кое-что сделать я мог. Негативы вырезанных кусков сохранились в архивах RKO до декабря 1942 года, так что перед возвращением назад я успел-таки их выкрасть. Конечно, Роузтраш не интересовали «Эмберсоны», ей нужен был Уэллс. Голливуд всегда думал только о практических результатах; черно-белый фильм столетней давности мог заинтересовать лишь горстку критиков и фанатов, даже несмотря на сделанную мною рекламу. И все же я надеялся, что с его помощью смогу заново начать карьеру.

А может, у меня были и другие причины. Я не редактировал фильмы с тех самых пор, как двенадцать лет тому назад распрощался с мыслью стать режиссером, и только сейчас понял, насколько мне не хватало такой работы — когда своими руками создаешь настоящее произведение искусства. В восстановленном виде из «Эмберсонов» получился великолепный, душераздирающий и печальный фильм. В нем рассказывалась история упадка старинного торгового рода, который погубили

прогресс, неудачи, слепое упрямство и автомобиль. Это был первый талантливый фильм о разрушительном действии технического прогресса на взаимоотношения людей в обществе и вместе с тем человеческая трагедия и история несчастной любви. В основе сюжета лежала история жизни Джорджа Минафера, испорченного молодого богача, погубившего себя и приносившего всем окружавшим его людям одни лишь несчастья.

Мойра не выдержала и забрала лайм с подоконника.

— Где нож? Тоник у тебя есть?

Мне нравилась Мойра; один тот факт, что ее абсолютно не интересовали фильмы, уже делал ее в моих глазах человеком привлекательным. Но мне нужно было работать. Я оставил ее на кухне и вернулся к фильму. Включил экран. Анна Бакстер, игравшая Люси Морган, рассказывала отцу, которого играл Джозеф Коттен, легенду о мифическом молодом индейском вожде по имени Вендона. В переводе Вендона означает «Сшибает-Все-На-Своем-Пути».

«Вендона был таким, — говорила Люси, когда они с отцом прогуливались по саду, — таким гордецом, что носил железную обувь и ходил по лицам людей. Соплеменники в конце концов решили, что его молодость и неопытность не служат ему оправданием. Они отвели его к реке, посадили в каноэ и оттолкнули каноэ от берега. Течение отнесло лодку в океан, и Вендона так и не вернулся назад».

Я и раньше видел эту сцену, но сейчас впервые от слов героини у меня по спине пробежал холодок. Я нажал на кнопку паузы. Я хорошо помнил, с каким отвращением смотрел Уэллс на собственные фотографии, сделанные в позднем возрасте, но теперь только понял, что он снял фильм про самого себя, даже не один, а два фильма. И Кейн, и Джордж Минафер были различными ипостасями самого Уэллса. Испорченные, агрессивные молодые люди, которые напрашивались на хорошую взбучку. И они ее получили, все трое, словно сами и подготовили ее, манипулируя людьми, чтобы добиться этого эстетического результата. Неудивительно, что Уэллс оскорблял людей вокруг себя, злоупотреблял ими, давил на них до тех пор, пока ему не говорили «нет», потому что в глубине души он чувствовал, что заслуживает отказа. Может быть, он и мое предложение отверг потому, что жаждал лишь своего «нет». Бедняга.

Я смотрел на экран. Нет, здесь не просто ловкость рук, а если и ловкость рук, то высшего класса. Уэллс создал свой шедевр из ничего точно так же, как вытащил ключ из уха Барбары Кернер. Но чтобы до конца остаться самим собой, он выбросил последний экземпляр этого шедевра в океан.

Еще неделя, и я восстановлю фильм, верну его к жизни, смогу отдать миру — покажу людям огромный талант Уэллса и в то же время нарушу его последнюю волю, спустя шестьдесят три года после его смерти. Я снова вступаю в игру.

Если вообще дам кому-либо посмотреть этот фильм. А если не дам? Что буду делать тогда весь остаток жизни?

Я услышал, как из кухни вышла Мойра; в ее стакане гремели кусочки льда. Она собиралась что-то сказать, что-то неуместное, и мне тогда пришлось бы выставить ее из квартиры. Но она промолчала. Наконец я обернулся, а она спросила:

— Что это?

Мойра рассеянно перебирала содержимое коробки с разным барахлом. В руке она держала приз кинофестиваля, зазубренный шпиль из прозрачного термопластика на черном основании.

— Это? — переспросил я. — Это приз за лучший киносценарий фестиваля в Триесте две тысячи тридцать седьмого года.

Она еще повертела в руках шпиль, потом убрала его назад в коробку, посмотрела на меня и улыбнулась.

— Слушай, Дет, вообще-то я пришла, чтобы спросить тебя, не хочешь ли ты поплавать. На этой неделе рекордно низкое ультрафиолетовое излучение.

— Поплавать?

— Ну да. В воде. На пляже. Обнаженные женщины. Пошли, дорогуша, и я обещаю, что ты не обгоришь на солнце.

— Ожога я не боюсь, — ответил я. — Но эти воды кишмя кишат акулами.

— Правда? С чего ты это взял?

Я выключил экран, поднялся со стула и сказал:

— Не важно. Погоди секунду, найду плавки.

Чарльз Стросс — Бродячая ферма

Charles Stross. Rogue Farm (2003). Перевод Н. Фроловой

Первый свой рассказ английский писатель Чарльз Стросс опубликовал в 1987 году, но широкую известность получил лишь недавно. В последние годы из-под его пера вышла целая серия острых, неожиданных, напряженных рассказов («Antibodies», «A Colder War», «Bears Trap», «Dechlorinating the Moderator», «Toast: A Con Report», «Lobsters», «Troubadour» «Tourist», «Halg», «Nightfall», «Router», «Curator» и другие, представленные в «Interzone», «Spectrum SF», «Asimov's Science Fiction», «Strange Plazma» и «New Worlds»). Его первый сборник рассказов «Toast and Other Burned Out Futures» вышел в 2002 году. В последнее время Стросс начал писать и романы: «Scratch Monkey» (его можно найти на сайте www.antipod.org/charlie/), «Singularity Sky» (2003); в 2004 году вышли сразу три его романа: «The Iron Sunrise», «A Family Trade» и «The Atrocity Archive»; в 2005 году еще один роман «The Clan Corporate». Естественно, писатель работает и над новыми романами. До того, как Стросс сконцентрировал все свои усилия на создании художественных произведений, он писал и статьи для журнала «Computer Shopper». Чарльз Стросс живет в Эдинбурге. Представленный ниже яркий, смешной рассказ демонстрирует необычный взгляд на будущее, которое нам почему-то рисуется в розовых тонах, на самом же деле все не так просто и не так безмятежно…

Стояло ясное, прохладное мартовское утро; по небу на юго-востоке навстречу восходящему солнцу тянулись разно цветные полосы, напоминавшие конские хвосты. Джо сидел на водительском месте старого трактора-погрузчика, с помощью которого чистил стойла; слегка передернувшись, Джо нажал на стартер. Как и его хозяин, погрузчик знавал лучшие Дни; но прежние владельцы обращались с ним гораздо хуже, чем Джо. Затарахтел дизельный двигатель, из выхлопной трубы вылетело облако густого голубоватого дыма. Джо ни о чем не думал, просто включил передачу, поднял передний ковш и начал поворачивать его в сторону открытых дверей хлева, когда заметил на дороге бродячую ферму.

— Черт побери, — выругался Джо.

Двигатель со страшным скрежетом заглох. Джо еще раз взглянул на дорогу, потом вылез из трактора и побежал к кухонной двери, находившейся с боковой стороны фермерского

дома.

— Мэдди! — выкрикнул Джо; о переговорном устройстве, прикрепленном к свитеру он, и думать забыл. — Мэдди! Идет ферма!

— Джо? Это ты? Ты где? — раздался в глубине дома приглушенный голос Мэдди.

— А ты где? — прокричал он в ответ.

— В туалете.

— Черт побери, — снова повторил Джо. — Только бы не та, которая была тут в конце прошлого месяца…

Мысли его прервал звук спускаемой воды. Потом он услышал, как Мэдди идет вниз по лестнице, вот она уже на кухне.

— Где же ферма? — спросила Мэдди.

— Там, в четверти мили от нас на дороге.

— Точно. — Волосы растрепаны, глаза злые — вот ведь, прервать в самый неподходящий момент. Мэдди накинула поверх рубашки теплую зеленую куртку. — Ты открыл шкаф?

— Я подумал, ты захочешь первая поговорить с ней.

— Точно. Если это та самая, что пряталась в подлеске у пруда Эдгара, мне необходимо кое-что у нее выяснить. — Джо даже головой покачал от удивления, но пошел открывать шкаф, стоявший в дальней комнате. — Бери дробовик и к нам на территорию ее не пускай, — выкрикнула ему вдогонку Мэдди. — Я сейчас.

Джо кивнул сам себе, осторожно взял винтовку двенадцатого калибра и заранее заряженный магазин. Беспорядочно замигали лампочки самопроизвольной проверки винтовки, но заряжена она была нормально. Джо перебросил винтовку через плечо, аккуратно закрыл шкаф и вышел во двор, чтобы встретить непрошеного гостя.

Ферма остановилась на дороге у Армитидж-Энда, присела и принялась жужжать и щелкать. Джо внимательно наблюдал за ней из-за деревянных ворот, крепко сжимая в руках винтовку. Ферма среднего размера — что-нибудь с полдюжины человеческих компонентов. Приличный коллектив. Живет уже, вероятно, по собственным законам и с трудом общается с людьми из внешнего мира. Под кожистой черной оболочкой Джо угадывал очертания внутренних структур, цитоклеточных макроагрегатов, и все это хаотично сжималось и расширялось, беспокойно шевелилось. Хотя ферма была всего лишь подростком, по размеру она не уступала старинному тяжелому танку и занимала всю дорогу, подобно некоему апотозавру. Пахло от нее дрожжами и бензином.

У Джо было неприятное ощущение, что ферма тоже за ним

наблюдает.

— Черт побери, у меня совсем нет времени заниматься этой ерундой, — пробормотал он.

В стойлах, куда он предполагал загнать небольшое стадо клонированных коровопауков, пасущихся сейчас на северном пастбище, навоза по колено; пока он здесь дрожит на холоде, трактор тоже остывает, а Мэдди, которая должна все уладить, не идет и не идет. Стадо, конечно, небольшое, но он большее и не потянет, да и земли не хватит. Биофабрикатор, стоящий под навесом, быстрее справляется со своей задачей сборки млекопитающего скота, чем Джо успевает их накормить и продать под честным лозунгом «Выращены вручную, не в чане».

— Что тебе от нас нужно? — выкрикнул он спокойно жужжащей ферме.

— Мозги, свежие мозги для младенца Иисуса, — мягким контральто проворковала ферма, перепугав Джо чуть не до смерти. — Купите мои мозги! — В задней части фермы показалось с полдюжины предметов, похожих на кочаны цветной капусты, но они тут же застенчиво скрылись из виду.

— Нам тут не нужны никакие мозги, — упрямо ответил Джо, а пальцы его, сжимавшие курок, побелели от напряжения. — И такие, как ты, нам тут не нужны. Убирайся.

— Я полуавтоматическая деревообрабатывающая машина с девятью ногами! — продолжала ворковать ферма. — Направляюсь с миссией любви на Юпитер! Купите, пожалуйста, мои мозги. — Сверху показались три любопытных глаза на длинных ножках.

— О-ох… — Но тут появилась Мэдди, и Джо вздохнул с облегчением. Мэдди когда-то удалось тайком провезти домой свои старые боевые доспехи (после миротворческой миссии в Месопотамии двадцать лет тому назад), а сама она умудрилась ни капли не располнеть и сейчас надела именно этот наряд. При ходьбе левое колено сильно скрипело, но не так уж часто приходилось ей облачаться в доспехи — только для того, чтобы отпугнуть незваных посетителей.

— Ты. — Мэдди подняла свою почти прозрачную руку и ткнула пальцем в сторону фермы. — Убирайся с моей земли. Немедленно.

Джо тут же вскинул винтовку и нажал на селекторе кнопку автоматического режима. Конечно, это далеко не Мэдди в ее доспехах, но все же.

Ферма горестно заухала:

— Почему вы меня не любите?

— Убирайся с моей земли! — так громко закричала Мэдди, что даже Джо попятился. — Десять секунд! Девять! Восемь… —

На руках Мэдди выдвинулись в сторону кольца, доспехи кряхтели и тужились — столько времени ими никто не пользовался! — но все же готовили к действию магнитную пушку.

— Ухожу! Ухожу! — Ферма поднялась и попятилась. — Не понимаю. Я лишь хотела освободить вас, чтобы вы сами могли исследовать Вселенную. Никто не хочет покупать у меня свежие фрукты, овощи и мозги. Что происходит с миром?

Они подождали, пока ферма не исчезла за поворотом на холме. Первой опустила руки Мэдди, кольца сложились и исчезли в рукавах ее доспехов, которые теперь из эфирно-прозрачных стали нейтрально-оливковыми, — опасность миновала. Джо убрал дробовик и произнес:

— Негодяйка.

— Чертова дрянь. — Вид у Мэдди был изможденный. — Нахальная ведь какая. — Джо видел, что лицо у Мэдди бледное и уставшее, кулаки сжаты. Впереди еще одна ночь с кошмарами, это уж точно.

— Ограда. — Весь последний год они постоянно возвращались к этой теме: необходимо натянуть колючую проволоку вокруг небольшого метанового заводика и подвести к ней электричество от базисной электростанции.

— Да, наверное, пора. — Мэдди не очень-то одобряла идею поджаривать прохожих без предупреждения. Единственное, что могло ее убедить, — это перспектива нашествия бродячих ферм. — Помоги мне снять это, и я займусь завтраком, — сказала она.

— Мне надо чистить стойла, — запротестовал Джо.

— Это может подождать, сделаешь после завтрака, — дрожащим голосом произнесла Мэдди. — Ты мне нужен.

— О'кей, — кивнул Джо. Выглядела она плохо; со времени последнего серьезного срыва прошло несколько лет, но уж если Мэдди говорит: «Ты мне нужен», то лучше не оставлять ее одну. Скорее всего, опять придется трудиться в поте лица с биофабрикатором и загружать в новое тело ее запасные программы, а это всегда непросто. Джо взял ее под руку и повел в сторону кухни. Они почти дошли, когда он вдруг остановился.

— Что такое? — спросила Мэдди.

— Что-то я давно не видел Боба, — медленно произнес Джо. — Я отправил его выпустить коров после дойки на северное пастбище. Ты не думаешь, что…

— Можем проверить из комнаты управления, — устало ответила Мэдди. — Ты правда волнуешься?

— Когда в округе бродит эта штука? А как по-твоему?

— Боб хороший рабочий пес, — неуверенно сказала Мэдди —

Она не сможет причинить ему вреда. С ним все будет в порядке, надо просто позвать его.

Джо помог Мэдди снять доспехи, потом она еще долгое время приходила в себя. Наконец они позавтракали — яйца от своих несушек, домашний сыр и тосты (рожь для выпечки которых они брали в коммуне хиппи, находившейся на другом конце долины). На кухне с каменным полом было тепло и уютно, дом давно уже разваливался, но они вместе приводили его в порядок последние двадцать лет. Единственное, что в долине невозможно было вырастить, — это кофе; его приходилось покупать на стороне — зерна неприхотливого генномодифицированного штамма росли, подобно щетине на лице подростка, на холмах Камбрии [29]. Говорили за завтраком мало. Джо вообще был неразговорчив, а Мэдди в данный момент не хотела ничего обсуждать. Так она чувствовала себя спокойнее. Они много лет прожили вместе и прекрасно могли понимать друг друга без слов. Радио на подоконнике напротив чугунной плиты было отключено, и телевизор, висевший на стене рядом с холодильником, тоже. Завтрак был самым спокойным временем.

— Собака не отвечает, — заметил за кофе Джо.

— Он хороший пес. — Мэдди неуверенно взглянула в сторону ворот. — Боишься, что он сбежит на Юпитер?

— Он был со мной у навеса. — Джо взял тарелку, отнес ее в раковину и включил горячую воду. — Я убрал там все и послал его отвести стадо на пастбище, пока я прочищу стойла. — Он встревоженно выглянул в окно. Трактор-погрузчик стоял перед открытыми дверьми хлева, словно единственная преграда вползающей оттуда огромной куче навоза, соломы и силоса, скопившейся за всю суровую, холодную зиму.

Мэдди тихо отстранила его и взяла с подоконника одну из раций, которые были включены в зарядное устройство. Рация что-то пропищала и пощелкала.

— Боб. Возвращайся домой. Все. — Она нахмурилась. — Наверное, он снова потерял наушники.

Джо поставил мокрые тарелки в сушилку.

— Я буду убирать навоз. Хочешь отправиться на поиски Боба?

— Да, пойду. — Мэдди улыбнулась — можно было представить, как достанется псу, когда она его найдет. Но Боб не очень-то обращал внимание на ругань, с него все было как с гуся вода. — Сначала надо посмотреть камеры. — Она включила старый телевизор, и на экране появились нечеткие изображения огорода, внутреннего двора, навеса для сена, северного пастбища, восточного пастбища, главного поля, рощи. — Хм-м.

Она все еще возилась с системой наблюдения усадьбы, а Джо

уже снова уселся на трактор и завел мотор. На этот раз никакого облака черного дыма. Он вывозил навоз из стойла, по четверть тонны за раз, складывал в большую кучу и в результате почти забыл об утреннем непрошеном визите. Почти.

Дело шло к полудню, над трехметровой навозной кучей гудели мухи, а вокруг стоял убийственный запах, но зато стойла были вычищены; теперь можно было промыть все водой из шланга и подмести метлой. Джо уже собирался перевезти кучу в ферментационные емкости, вырытые в земле за домом, и тут увидел, что к нему по тропинке спешит Мэдди. На ходу она качала головой, и Джо сразу понял: что-то произошло.

— Боб? — выжидательно начал он.

— С Бобом все в порядке. Я оставила его с дробовиком следить за козами. — На лице у Мэдди было очень странное выражение. — Но вот ферма…

— Где? — Джо уже шел вслед за Мэдди.

— Устроилась в лесу у ручья, — кратко ответила Мэдди. — У самой ограды.

— Но ведь не за ней.

— Она пустила корни! Ты понимаешь, что это значит?

— Я не… — Джо наморщил лоб. — О-ох.

— Именно. О-ох. — Она взглянула на строения, стоявшие между домом и лесом в нижней части усадьбы. Если бы взглядом можно было убить, то ферма бы уже тысячу раз погибла. — Она собирается остаться тут на лето, Джо, и будет расти на нашем участке или почти на нем. А ты помнишь, куда она собирается, когда вырастет? На Юпитер!

— Черт бы ее побрал, — еле выдавил Джо, он только теперь понял всю сложность положения. — Надо что-то делать.

— Я не о том, — ответила Мэдди, но Джо уже направлялся к двери. Она посмотрела ему вслед и покачала головой. — И по чему я вообще застряла тут? — спросила Мэдди, но плита ей ничего не ответила.

Деревня Дальний Чезуик находилась в четырех километрах от Армитидж-Энда. Вдоль ведущей к ней дороги стояли в основном разрушенные дома, сломанные сараи, простирались заросшие сорняками поля с полуразвалившимися оградами. Первая половина двадцать первого века не способствовала успешному развитию британского агробизнеса, а если учесть снижение численности населения и, как следствие этого, огромное количество опустевшего жилья, можно представить, в каком состоянии находилось сельское хозяйство. Люди,

бросившие работу в городах в сороковые-пятидесятые годы, выбирали понравившиеся им старые фермерские дома и усадьбы и переселялись в них. Они жили в покинутых домах, сажали огороды, заводили скотину, учились сами строить и вести хозяйство, а спустя еще одно поколение в какой-нибудь пустынной местности, где и машины-то уже не ездили, можно было наткнуться на особняк, достойный настоящего сквайра. Правда, говорить о смене поколений можно было лишь относительно, потому что детей почти не было; на планете отмечался резкий демографический спад, с которым не могли справиться даже колонии по воспроизводству потомства. Семейные пары в большинстве своем были бездетными. В этом смысле Джо и Мэдди ничем не отличались от других, но вот в остальном… Мэдди в свое время служила в составе миротворческих бригад, и теперь как следствие той работы — ночные кошмары, отвращение к алкоголю и общению с людьми. Что касается Джо, ему очень нравилось жить в усадьбе. Он ненавидел города, ненавидел Интернет, ненавидел все новое. Больше всего на свете он ценил спокойную жизнь…

«Хряк и хрюшка» на окраине Дальнего Чезуика был единственным пабом [30] в радиусе десяти километров, а для Джо, нагрузившегося пивом, так и вообще единственным. К тому же в пабе обсуждались все местные сплетни. Этому в немалой степени способствовало и то, что Старушка Бренда не разрешала проводить в паб электричество, не говоря уже о радио или телевидении. (Дело было не в особом случае технофобии, просто раньше Бренда служила атакующим хакером Европейского защитного корпуса.)

Джо остановился у стойки.

— Пинту пива? — спросил он.

Бренда взглянула на него, кивнула и снова стала загружать посуду в старинную посудомоечную машину. Наконец достала с полки чистый стакан и подставила его под пивной кран.

— Говорят, у вас проблемы с фермой? — как бы между прочим заметила она, качая насос.

— Ага. — Джо уставился на стакан с пивом. — Кто говорит?

— Какая разница. — Она поставила стакан на стойку. — Тебе надо перекинуться словечком с Артуром и Уэнди Крысой, у них тоже в прошлом году ошивалась одна ферма.

— Бывает. — Джо взял свое пиво. — Спасибо, Бренда. Как всегда?

— Да. — Она снова повернулась к посудомоечной машине.

Джо направился в дальний угол, где у холодного очага

стояли друг против друга два огромных кожаных дивана (спинки и подлокотники у них были изорваны многими поколениями полудиких кошек, вечно живших у Бренды). — Арт, Крыса, привет. Как дела?

— Спасибо, нормально. — Уэнди Крысе было за семьдесят, но она прошла блокировку гена p 53 и превратилась в существо без возраста: множество седых косичек на голове, слишком большие ноздри и уши, кожа словно высушена на ветру в пустыне. Арт был когда-то ее любовником, пока старость не сковала его своими объятиями. Он отказался от манипуляций с генами и выглядел теперь намного старше Уэнди. У них была небольшая усадьба, где они в основном разводили вакцинированных цыплят да еще незаконно приторговывали по ночам нитратными удобрениями.

— Говорят, у вас там проблемы.

— Ну да. — Джо осторожно глотнул пива. — М-м-м, хорошо. У вас когда-нибудь были сложности с фермами?

— Может, и были. — Уэнди искоса, прищурившись, посмотрела на него. — Что там у вас случилось?

— У нас объявилась ферма, целый коллектив. Говорит, собирается на Юпитер или что-то в этом духе. И эта негодяйка устроилась в лесу у ручья Старика Джека. Послушай… Юпитер?

— Ну да, туда многие направляются. — Арт закивал со знанием дела.

— Да, плохи дела, — нахмурилась Уэнди Крыса. — А ты не знаешь, многоступенчатые деревья она выращивает?

— Деревья? — Джо покачал головой. — Если честно, я не ходил туда и не смотрел. Зачем, черт побери, люди с собой такое вытворяют, а?

— А кому до них какое дело? — Лицо Уэнди расплылось в широкой ухмылке. — Наверное, это все те, кто уже и человеком-то быть перестал.

— Она пыталась умаслить нас сначала, — сказал Джо.

— Ага, они всегда так делают, — кивал Артур. — Где-то я читал, что они нас не считают больше людьми. Говорят, что мы превратились в набор инструментов и сельхозмашин, представляешь? Поддерживаем якобы пре- и постиндустриальный образ жизни вместо того, чтобы улучшать наш геном и жить на земле, как повелел нам Господь Бог.

— Но как может существо с девятью ногами и глазами на стебельках называть себя человеком? — возмутился Джо и одним глотком выпил полпинты пива.

— Когда-то они были людьми, — может, из нескольких людей вышла одна ферма. — Глаза Уэнди засверкали таинственным блеском. — Лет тридцать-сорок тому назад у меня был парень,

так вот он тоже стал членом Ламаркийского клана. Они обменивались генами, как другие обмениваются вещами, и всякое тому подобное. Когда-то он был активистом движения за окружающую среду, против глобализации и больших корпораций, готовых пожертвовать простыми людьми ради своих доходов. Потом стал генным хакером и увлекся самодостаточным существованием. Я вытолкала его за дверь, когда он примкнул к зеленым и занялся фотосинтезом.

— Негодяи, — проворчал Джо.

Именно «великие зеленые» окончательно уничтожили в начале двадцать первого века агропромышленный комплекс, превратили большую часть страны в опустошенные районы, обреченные на гибель. Из-за них миллионы людей, живших в сельской местности, остались без работы; а теперь они еще отращивали себе дополнительные конечности, эмигрировали на Юпитер — это уже просто нахальство. Да еще наслаждались всем этим.

— А у вас пару лет тому назад разве не было таких же проблем с фермой?

— Ну да, были, — ответил Арт и крепко сжал в руке кружку пива.

— Она ушла, — вслух рассуждал Джо.

— Ну да, — осторожно взглянула на него Уэнди.

— Без шума, без выстрелов. — Джо посмотрел Уэнди прямо в глаза. — И никаких трупов, да?

— Метаболизм, — ответила Уэнди. Она, кажется, приняла какое-то решение. — Вот так.

— Мита… — Джо с раздражением пытался выговорить незнакомое слово. — До того как попасть сюда, я занимался программным обеспечением, Крыса. Прежде чем говорить на своем жаргоне, объясни мне, что значит этот термин.

— Ты когда-нибудь задавался вопросом, как этим фермам удается добраться до Юпитера? — начала Уэнди.

— Ну… — Джо покачал головой. — Ну, сначала они вроде бы выращивают многоступенчатые деревья. Как бы ракетные стволы. Потом выбирают подходящее место для летней стоянки, и не дай Бог, чтобы это было рядом с вашим домом, потому что когда деревья взлетают, то сгорает все на сто гектаров вокруг.

— Прекрасно, — мрачно сказала Уэнди, сжала пивную кружку двумя руками и припала к краю, стреляя при этом глазами, словно выискивая полицейских агентов. — Давай-ка прогуляемся.

Уэнди остановилась у стойки, и Старушка Бренда заново наполнила ее кружку пивом; потом Уэнди провела Джо мимо

Спиффи Берк, ходившей в зеленых резиновых сапогах и непромокаемой куртке Барбур [31], и вывела на улицу. Когда-то здесь была автостоянка, а теперь все пространство за пабом представляло собой заброшенный пустырь. На улице было темно, никакого остаточного светового загрязнения воздуха; на небе был четко виден Млечный Путь и красное облако размером с горошину — орбитальные станции, поглотившие за последние годы Юпитер.

— Ты подключен? — спросила Уэнди.

— Нет, а что?

Она достала коробочку размером с кулак, нажала на кнопку сбоку и, дождавшись, когда загорелся зеленый свет, кивнула:

— Чертовы полицейские жучки.

— Разве это не…

— Ни о чем не спрашивай, я не собираюсь отвечать, — улыбнулась Уэнди.

— Ага. — Джо глубоко вздохнул. Он и сам догадывался, что Уэнди еще та штучка, а тут такое доказательство — переносная станция местных помех; сколько бы жучков ни было в радиусе двух-трех метров, они все равно ничего не уловят и не смогут передать в вышестоящие инстанции, которые призваны пресекать любые заговоры и готовящиеся правонарушения. Пережиток эры Интернета, когда энтузиасты-законодатели покусились на право свободно разговаривать в публичных местах, потребовав, чтобы вокруг каждого имеющегося сетевого терминала велся тщательный мониторинг всего сказанного и сделанного, и не думая о том, что спустя несколько десятилетий сетевые терминалы станут вездесущими самовоспроизводящимися роботами размером с блоху. (Сама Сеть развалилась под воздействием вирусов, но публичный мониторинг остался.) — О'кей, теперь расскажи мне о метал… мета…

— Метаболизме. — Уэнди направилась в сторону поля за пабом. — И многоступенчатых деревьях. Все это началось с научной фантастики, понимаешь? Был такой писатель по фамилии Нивен… Ну так вот, берется сосна, срубается. При этом внутренние ткани отмирают, но это в обычном дереве. С многоступенчатыми деревьями по-другому: до того как клетка отмирает, она нитрирует целлюлозу в своих стенках. Для этого требуется огромное количество ферментов, так? И энергии тоже — гораздо больше, чем обычно потребляют деревья. Так вот, к моменту смерти дерева оно процентов на девяносто состоит из нитроцеллюлозы плюс встроенные загустители, замедлители и другие микроструктуры. Получается не простой взрыв, дерево детонирует клеточка за клеточкой, а некоторые ткани… ну, дело

в том, что ферма выращивает специальные грибницы с деполяризующей мембраной, взятой из человеческих аксонов, чтобы запустить эту цепь реакций. Эффект почти как у старинных ракет «Ариан» и «Атлас». Достаточный, чтобы взлететь в космос.

— Ага, — заморгал Джо. — Я должен был что-то из этого понять?

— Боже, Джо. — Уэнди покачала головой. — А для чего я это все тебе рассказываю?

— О'кей, — серьезно кивнул Джо. — Что же мне делать?

— Ну… — Уэнди остановилась и взглянула на небо. Высоко высоко над ними мерцала полоска из миллиона малюсеньких огоньков — «зеленый поезд» с множеством вагонов, вращающийся по орбите и состоящий из самодостаточных ламаркийских колонистов, которые поднялись на одну ступень выше людей, адаптировались к космическому пространству и направлялись к Юпитеру.

— Что? — с нетерпением спросил Джо.

— Как ты думаешь, откуда мы берем удобрения? — спросила Уэнди.

— Удобрения? — Джо перестал вообще что-либо соображать.

— Нитраты.

Джо опустил голову, заметив, что Уэнди улыбается. В зеленых отсветах маленького генератора помех светились ее ровные белые зубы — пятый по счету набор.

— Вот так, — прибавила Уэнди и выключила генератор.

Когда рано утром Джо наконец добрался нетвердой походкой домой, из конуры Боба поднимался тонкой струйкой дым. Джо остановился у кухонной двери, настороженно принюхался и успокоился. Выпустил из рук ручку двери, подошел к конуре и присел на корточки. Боб тщательно следил за своим жилищем, без его личного приглашения даже Джо и Мэдди не могли зайти к нему. Потому Джо ждал.

Спустя минуту изнутри раздался вопросительный кашель. На улицу высунулась темная заостренная морда, из ноздрей Боб выпускал струйки пара, словно какой-то кровожадный дракон.

— Р-р-р-р?

— Это я.

— Р-р-р-гх. — Металлический щелчок. — Подымим хорошо подымить пошутить кха-кха забавно приятно гав-гав?

— Да, я не прочь присоединиться.

Собачья морда исчезла внутри, но спустя мгновение снова появилась, в зубах Боб сжимал шланг с насадкой для рта на одном конце. Джо с благодарностью принял шланг, вытер

насадку, облокотился о стенку конуры и затянулся. Травка была достаточно крепкой, но не слишком забористой; через несколько минут смутные мысли покинули Джо.

— У-ух, здорово.

— Гав-гав-йап.

Джо почувствовал, что приходит в себя. Мэдди, наверное, спокойно спит себе наверху в их старой постели, может, даже ждет его. Но иногда мужчине надо побыть наедине со своим псом, покурить вот так, побеседовать. Мэдди это понимала и не докучала Джо. И все-таки…

— Что тут эта ферма, бродит вокруг пруда?

— Рычать кричать йап-йап! Овцы у-ух.

— Гонялась за нашими ягнятами?

— Р-р-р-р. Бр-р-р.

— Что же тогда?

— Гр-р-р. Мэдди йап-йап говорила. Овцы у-ух.

— Мэдди разговаривала с ней?

— Гр-р-р да-да!

— Бог ты мой. Ты помнишь, когда она последний раз перегружалась?

Боб кашлянул, и в небо поднялась струйка голубоватого дыма.

— Чан бух-бух полон клон корова му-у.

— Да, на всякий случай надо завтра разобраться, — заметил Джо.

— Йур-р-рп. — А пока Джо думал, соглашается с ним Боб или это просто собачья отрыжка, из конуры показалась изящная лапа, схватила кальян и втащила его внутрь. Последовали булькающие звуки, в воздух поднялись клубы ароматного голубоватого дыма, а Джо почувствовал, что у него слегка кружится голова, и пошел в дом.

На следующее утро за завтраком Мэдди была на удивление молчалива. Можно было подумать, что она медитирует.

— Боб говорит, ты разговаривала с фермой, — сказал Джо, уплетая яичницу.

— Боб… — По лицу Мэдди ничего нельзя было понять. — Чертов пес. — Она подняла крышку с тостера и проверила, как поджаривается хлеб. — Вечно болтает лишнее.

— Ты правда разговаривала с фермой?

— Да. — Она перевернула тост и снова накрыла тостер крышкой.

— И что?

— Это ферма. — Мэдди выглянула в окно. — Волноваться не

о чем, просто она хочет взлететь от нас на Юпитер.

— Она…

— Он. Она. Они. — Мэдди тяжело села на стул. — Это коллективная ферма. Вначале их было шесть человек. Молодые, старые, не важно, они решили лететь на Юпитер. Одна из них рассказала мне, как было дело. Она работала бухгалтером в Брэдфорде, у нее был нервный срыв. Она хотела жить самостоятельно и самодостаточно. — На какое-то время Мэдди замолкла. — Ей казалось, что она становится старой и все теряет, если ты меня понимаешь.

— Ну и что, так лучше? — проворчал Джо, подцепив вилкой последний кусок яичницы.

— Они сохраняют свою индивидуальность, хотя тела, конечно, меняют свои функции. Но подумай о преимуществах такого существования: никакой тебе старости и угрозы одиночества, новые возможности, обеспеченный тыл… — Мэдди принюхалась. — Черт бы побрал этот тост, опять сгорел!

Из-под крышки тостера появился дымок. Мэдди вытащила тостерную решетку и бросила ее в раковину, дождалась, когда на поверхности воды появились набухшие черные крошки, и только после этого вынула решетку, прочистила ее, вставила в тостер и положила новые куски хлеба.

— Черт побери, — сказала она при этом.

— У тебя не обеспечен тыл? — спросил Джо.

Снова? Интересно.

Мэдди таинственно улыбнулась:

— Ты в этом не виноват. Просто жизнь штука тяжелая.

— Жизнь. — Джо понюхал воздух и чихнул. — Жизнь!

— Горизонт совсем опустился, — спокойно сказала она. — Нужно сменить горизонт.

— Ну, покоя нет нигде. Да? А мне надо прочистить зимние стойла, — сказал Джо, повернулся, чтобы уйти, и неуверенно улыбнулся Мэдди. — Я заказал большую партию удобрений.

Джо доил стадо, кормил овец, выгребал навоз из зимних стойл, подробно расспрашивая при этом всех полицейских роботов относительно ферм и силиконовой жизни после смерти.

Прошло два дня, прежде чем он добрался до домашнего фабрикатора. Аппарат щелкал и урчал, словно вышедшая из строя вязальная машина, но все же принял все, что заказал Джо: модифицированный полевой опрыскиватель с особо прочными емкостями и шлангами, воздушное ружье с иглой, заряженной мощным коктейлем из тубокурарина и эторфина, и респиратор с автоматической системой подачи кислорода.

Мэдди он почти не видел — она занималась чем-то в комнате управления, но чаще куда-то исчезала, возвращалась домой с наступлением темноты и, усталая, засыпала. Кошмары у нее, кажется, прекратились. Хороший знак. Джо ни о чем ее не спрашивал.

Прошло еще пять дней, силовое поле усадьбы сконцентрировало достаточно энергии, чтобы произвести на свет убойные орудия. В течение этого срока Джо отключил дом от Сети самым правдоподобным способом: кабель якобы оказался перегрызен белками, а генератор переменного тока был плохо экранирован. Он ждал, что Мэдди будет жаловаться, но она промолчала. Все больше времени она проводила в Дальнем Чезуике или Нижнем Грантлингторне — в общем, там, куда зачастила в последнее время.

Наконец емкость была заполнена. Джо собрался с силами, нацепил доспехи, взял оружие и отправился сражаться с драконом на берегу пруда.

Когда-то лес вокруг пруда был будто специально огорожен изгородью — замечательной рощей старых лиственных деревьев: вязов, дубов, буков, которые вместе с густым кустарником спускались почти к самой воде. Вода в пруду была стоячей, лишь в дождливые месяцы к нему пробивался сквозь корни плакучих ив небольшой ручеек. Раньше тут обычно играли дети, делая вид, что обследуют дикий уголок, но за ними постоянно наблюдали с помощью камер слежения родители.

Это было давным-давно. Теперь лес и вправду стал диким. Ни детей, ни горожан, приехавших на пикник, ни машин. В знойные летние месяцы иссушенные английские леса населяли барсуки, дикие нутрии и маленькие испуганные кенгуру-валлаби. Вода отступила, оставив полоску растрескавшейся грязи с жестяными банками и тележкой из супермаркета, у которой давно перегорела система глобального слежения. Останки технической эпохи торчали из предательски ненадежной почвы. А вокруг этой несчастной лужи росли многоступенчатые деревья.

Джо включил генератор помех и зашел под сень конических елей. Иголки казались матово-черными и имели распушенные разрезы на концах, чтобы лучше поглощать солнечный свет.

Земля была покрыта сетью корней, обвитых чем-то мохнатым и черным, похожим на траву. В ушах у Джо свистело его собственное дыхание, он уже вспотел в своем воздухонепроницаемом костюме, но методично опрыскивал корни каждого баллистического ствола бесцветной дымящейся жидкостью. Жидкость с шипением моментально испарялась, в

опрыснутых местах древесина светлела. Джо старательно избегал контакта со струей жидкости, он-то знал, что это такое. Деревья тоже знали. Но единственным средством, которое он смог придумать для уничтожения деревьев без риска спровоцировать реакцию взрыва, оказался жидкий азот. Ведь у всех этих стволов сердцевина была из чистой нитроклетчатки — сильного взрывчатого вещества, и от сильного удара или от вибрации бензопилы деревья могли взорваться. Он случайно задел одно дерево, и оно угрожающе заскрипело; казалось, еще чуть-чуть, и упадет набок. Джо обошел дерево, опрыскал остальные корни и оказался прямо перед обезумевшей фермой.

— Мой драгоценный сад земного наслаждения! Лес моей мечты! Моя радость, мои деревья, мои деревья! — Глаза на стебельках поднялись высоко вверх и моргали оттуда, в ужасе глядя на Джо. Сама же ферма присела на шесть или семь задних конечностей, а остальными размахивала в воздухе перед носом Джо. — Губитель молодой поросли! Насильник матери-Земли! Кромсатель живых существ!

— Отойди, — сказал Джо, выронив криогенный опрыскиватель и доставая воздушное ружье.

Ферма с шумом грохнулась перед ним на землю и вытянула глаза на стебельках, чтобы со всех сторон оглядеть его. Глаза мигали, над злыми булавочными зрачками трепетали длинные черные ресницы.

— Как ты смел? — начала ферма. — Мои драгоценные ростки!

— Заткнись, — пробурчал Джо и приложил ружье к плечу. — Думаешь, я позволил бы тебе спалить мою усадьбу при запуске ракеты? Убери это, черт тебя побери! — прибавил он, заметив, что ферма потянулась к нему одним из спинных щупальцев.

— Мои деревья, — тихо простонала ферма. — Я в изгнании! Еще шесть лет, шесть долгих лет оставаться прикованной к этому несчастному источнику гравитации, ждать, пока откроется следующее окно! Никаких мозгов для младенца Иисуса! Мошенник, преступник! Если бы не ты, мы могли бы быть счастливы! Кто надоумил тебя? Леди Крыса? — Ферма собиралась с силами, под кожистым покровом напряглись мускулы.

И Джо выстрелил.

Тубокурарин является миорелаксантом, он парализует скелетные мышцы, которыми обычно сознательно управляет нервная система человека. Эторфин — очень сильный наркотик-опиат, в тысячу двести раз мощнее героина. Со временем ферма с ее чужеродным адаптивным метаболизмом и сознательно

контролируемым белковым обменом могла бы выработать иммунитет к эторфину, но Джо всадил в иглу дозу, которая была способна оглушить синего кита, и он не собирался давать ферме никакого шанса выжить.

Ферма содрогнулась, опустилась на одно колено, а Джо набросился на нее, занеся свое самое грозное оружие.

— Но зачем? — печально спросила ферма, и Джо пожалел, что спустил курок. — Ты мог бы полететь с нами!

— С вами? — переспросил он. Глазные стебельки уже опали, огромные легкие с трудом вдыхали воздух, ферма пыталась что-то сказать.

— Я хотела спросить… — начала было она, но теперь не выдержала половина ее ног, и звук от падения фермы был похож на грохот маленького землетрясения. — Ох, Джо, если бы только…

— Джо?… Мэдди?! — переспросил Джо и опустил ружье с транквилизатором.

Спереди у фермы появился рот, знакомые губы прошептали последние слова, слова о Юпитере, о забытых обещаниях. Джо в ужасе отступил назад. Проходя мимо первого мертвого дерева, он выронил канистру с жидким азотом, потом, сам не понимая почему, повернулся и побежал — побежал к дому, а глаза его застилали слезы и пот. Но он все же опоздал, и когда он снова опустился на колени перед фермой с аптечкой в руках, оказалось, что та уже умерла.

— Черт побери! — промолвил Джо и поднялся на ноги, тряся головой. — Черт побери. — Нащупал рацию: — Боб, сюда, Боб!

— Р-р-р-р?

— У мамы очередной срыв. Емкость свободна?

— Йап!

— О'кей. Ее программы в моем офисе, в сейфе. Давай включим емкость на разогрев, а потом пригоним сюда трактор, чтобы убрать грязь.

В ту осень на северном пастбище Армитидж-Энда выросла особо сочная и зеленая трава.

Стивен Попкес — Лед

Steven (Earl) Popkes. The Ice (2003). Перевод Н. Фроловой

Перед вами трогательный, лирический и глубокий рассказ о жизни одного человека и о том, как резко и неожиданно она может измениться. Стивен Попкес начал публиковаться в 1985 году, в последующие годы он написал немало ярких рассказов для журналов «Asimov's Science Fiction», «Sci Fiction», «The Magazine of Fantasy amp; Science Fiction», «Realms of Fantasy», «Science Fiction Age», «Full Spectrum», «Tomorrow», «The twilight Zone Magazine», «Night Cry» и других. В 1987 году в свет вышел его первый роман «Caliban Landing», в 1991 году расширенная до романа версия популярного рассказа «The Egg» вышла под новым названием «Slow Lighting». Попкес принимал участие в работе Кембриджского писательского сообщества, где готовились научно-фантастические сценарии о будущем Бостона и Массачусетса, объединенные в 1994 году в антологию «Future Boston», куда вошли несколько рассказов Попкеса. В двадцатой выпуске «The Year's Best Science Fiction» был опубликован его рассказ «Winters Are Hard». Стивен Попкес проживает в Хопкинтоне, штат Массачусетс, вместе с семьей; работает в фирме, занимающейся авиационным приборостроением, и учится на пилота.

НетБио, 26 апреля 2017 г.

Хау Горди (Гордон Хау), р. 1928, канадский хоккеист. Возможно, самый великий и самый заслуженный форвард в истории хоккея; с 1946 по 1971 г. играл за команду «Детройт ред вингз» в составе Национальной хоккейной лиги (НХЛ). Вместе с двумя сыновьями в 1973 году играл за «Хьюстон Аэрос», а в 1977-м — за «Нью Инглэнд вейлерс», входящую в Международную хоккейную ассоциацию. Карьеру закончил в 1980 году в команде «Хартфорд вейлерс» (НХЛ). В составе НХЛ Хау сыграл 26 сезонов, 1767 игр; его рекорд — 801 забитая шайба — был побит только Уэйном Грецки в 1994 году.

Действие I

Хоккейный сезон заканчивается в конце апреля. Через две недели начинается серия игр плей-офф [32]. Фил Берджер думает одновременно о тренировках, о колледже, о своей девушке

Роксане. В начале недели он получил письма от Колби и Дартмута относительно хоккейной стипендии. Сам он предпочел бы университет получше, с хорошей хоккейной командой, например Бостонский. Но в Бостонском университете им не заинтересовались, хотя он и встречался с одним из их тренеров во время игры три недели тому назад. Фил ворчит про себя. Не надо было раньше времени себя настраивать. Теперь много парней умеют неплохо играть в хоккей.

В доме темно, но машина матери стоит на месте. В свете луны тени, отбрасываемые старинным домом викторианской постройки, мешаются с тенями деревьев. Филу становится не по себе. В полутьме он с трудом находит ключ от входной двери, а зайдя внутрь, тут же зажигает свет в холле.

Тишина.

Слышно, как кто-то дышит в гостиной. Он подходит к двери. Лампочка светит у него за спиной, поэтому он ничего толком разглядеть не может. Он спрашивает:

— Мам?

В комнате вспыхивает свет, и Кэрол Берджер, его мать, отводит руку от лампы.

Она протягивает ему какую-то газету. Фил видит, что это спортивная страница газеты «Мидлсекс Ньюс»; он узнает фамилию автора — он уже сталкивался со статьями Фрэнка Хэммета. Мать Фила скрупулезно хранит все статьи, в которых упоминается его имя. Перед текстом помещена фотография Фила. Он читает заголовок: «За «Хопкинтон Хиллерз» играет клон Горди Хау».

Фил ухмыляется. Ну и шутник же автор. Он даже головой трясет от изумления. Фил неплохо играет, но разве ему сравниться с Горди Хау?

— В этом все дело? — Он держит в руках газету. — Запоздавшие первоапрельские шутки.

— Ты был выращен в пробирке, — медленно отвечает мать.

— Что?

— Мы с отцом не имеем к твоему зачатию никакого отношения. Мои яйцеклетки были… бесплодными, а у твоего отца серьезная наследственная болезнь. Он не хотел, чтобы это передалось и его ребенку. Эмбрион был донорский. Родителей мы не знали. — Мать проводит рукой по лицу. — Мы знали лишь, что деньги на всю процедуру выделил богатый спонсор. — Она смотрит на Фила. — Мы согласились. Денег у нас не было. Мы жили в Нью-Гемпшире, там медицинская страховка не оплачивает искусственное оплодотворение. А мы очень хотели ребенка.

Фил встряхивает головой.

— Ну и что? Все равно этого не может быть.

Она пожимает плечами.

— Не знаю. Знаю лишь, что мне позвонили два адвоката: один предложил от нашего имени требовать у Горди Хау компенсации через суд, второй защищал самого Горди Хау и предупреждал нас, чтобы мы не совались в это дело. Еще мне позвонил доктор Робинсон.

— Робинсон?

— Акушер, который проводил имплантацию эмбриона.

— И что сказал доктор Робинсон?

— Сказал, что на него выходил Фрэнк Хэммет с какими-то документами относительно «нарушений в процедуре имплантации». — Она поднимает руку, а потом опускает ее — рука падает на колени. — «Нарушений».

Фил пытается осознать все сказанное матерью.

Она смотрит в окно.

— Есть люди, которые серьезно относятся к тому, что написал в этой статье Хэммет.

В течение следующей недели им звонят адвокаты, журналисты, репортеры. В Массачусетсе хоккей любят больше всех остальных видов спорта. Хопкинтон жужжит, как пчелиный рой, все в восторге, что среди них, возможно, живет двойник Горди Хау.

Отец Фила, Джейк, настаивает на том, чтобы отключить видеоканалы, а по радио слушать лишь надежные. Он не подходит к телефону. Джейк всю жизнь старался жить по правилам, обеспечивал жену и сына. Он много работает, управляет фабрикой по производству пластмассовых изделий неподалеку от дома. Дома он хочет забыть о технике. Дом Берджеров — старинный особняк, ему более ста лет, он минимально оснащен современной техникой. Филу всегда приходилось отправляться к друзьям, если он хотел поиграть в игры «с погружением» или скачать серьезную информацию из Сети. Летом большую часть своего свободного времени Джейк работает в огороде, зимой — в оранжерее.

Фил не представляет, что делать с отцом. Джейк даже в глаза глядеть избегает. Джейк вообще избегает Фила, несмотря на то что дом небольшой. Обычно Джейк в это время готовит огород к весне. Но в этом году апрель выдался холодный, и Фил беспокоится за отца. Джейк в последнее время часто сидит в своей оранжерее, уставившись через стекло на улицу. Ягоды так и останутся несобранными. Филу хотелось бы обсудить все происходящее с Роксаной, но та уехала на месяц во Францию

изучать французский язык, а звонить в Европу не хочется.

Кроме того, Фил не очень-то верит этим сплетням. Он считает, что все это чья-то ужасная мистификация. Фил много читает об истории хоккея. Интересно, каково это — оказаться в шкуре Горди Хау?

Местные каналы в течение всей недели обсуждают только статью Хэммета. К воскресенью настрой дискуссий меняется; если вначале обсуждали этический вопрос: может ли клон Гордона Хау играть против обыкновенных игроков, то в конце недели уже вовсю звучат возмущенные голоса: как смеет Фрэнк Хэммет писать такую отъявленную ложь. Однако ни окружные, ни тем более национальные каналы дискуссию не поддержали. Фил чувствует облегчение. Пока ведущие каналы молчат, есть надежда. Хэммет, как ни странно, тоже молчит и не отвечает на звонки журналистов. Кое-кто предполагает, что его досконально допрашивают относительно источников информации. Обсуждается соответствие Хэммета занимаемой им должности репортера «Глоуб». Вспоминают старый скандал, связанный с Майклом Барниклом; в одной из передовиц высказывается предположение, что и Хэммета ждет увольнение. Кажется, что внимание публики с Фила переключилось на Хэммета. Фил только доволен.

Вечером в понедельник у «Хиллерз» очередная игра против «Блу Девилз» в Леоминстере. Статья Хэммета произвела на людей впечатление, трибуны забиты до отказа. Фил не может протиснуться. Адвокат по имени Далтон угрожает ему судебным запретом и говорит, что представляет Горди Хау. Джейк и Фил плохо представляют, что тут можно сделать, они просто разворачиваются и уходят со стадиона. Но потом паркуют машину на соседней улице и осторожно пробираются внутрь через задний ход. Ни Фил, ни другие игроки не могут сконцентрироваться на игре. «Хиллерз» падают духом и проигрывают со счетом 4:2.

После игры за машиной Джейка и Фила пристраиваются другие машины. Джейк петляет по боковым улочкам и в результате уходит от них. Фил не понимает, что это за люди. Он лишь разглядел, что одеты они были в ветровки или спортивные шерстяные куртки; еще заметил перчатки, но лиц не запомнил.

Когда Джейк и Фил возвращаются домой, Кэрол протягивает им номер бостонского «Глоуба». Передовица, написанная Фрэнком Хэмметом и Карлом Уэзерспуном, называется «Клон Горди Хау». Статья занимает почти весь лист, в ней много ссылок. Несколько фотографий с изображением хроматограмм ДНК и хромосом, которые, как заявляют авторы, подтверждают сходство

генотипов Хау и Фила Берджера.

У Фила такое ощущение, что весь мир превратился в какой-то длинный ужасный тоннель. Он трясет головой и вглядывается в фотографии. Без его согласия выставлена напоказ его жизнь. Нет. Дело намного серьезнее. У него такое чувство, что его выставили голым перед незнакомыми людьми. И ему стыдно, хотя он не знает, за что и почему.

Он смотрит на родителей.

— Откуда у них эти фотографии? Разве они не должны получить разрешение или… что-нибудь в этом духе? Разве я не должен подписать какие-нибудь бумаги?

Джейк пожимает плечами.

— Не знаю, сынок.

Звонок в дверь. На крыльце стоят четверо мужчин.

— Черт побери, — говорит Джейк.

Фил никогда раньше не слышал, чтобы отец ругался.

В холле Джейк поворачивается к Филу и говорит:

— Фил, это доктор Сэм Робинсон. Твоя мать рассказывала тебе о нем. Остальных я не знаю.

Фил узнает Далтона, он видел его на катке. За Далтоном входят еще двое. Одного представляют как доктора Марри Хау, сына Горди Хау. Последний мужчина в представлениях не нуждается, Фил сразу его узнает — это сам Горди Хау.

Фил крупный парень. Он больше шести футов ростом, а весит около ста девяноста фунтов. Фил знает это, ему нравится ощущать себя большим и сильным, особенно, например, когда идешь в толпе других людей. Когда Хау входит в их дом и Фил встречает его лицом к лицу, он вдруг понимает, что все, о чем говорят, — правда. Хау около девяноста лет; как все старики, он немного высох. Возраст и тяготы жизни наложили свой отпечаток на внешность Хау, но дело не в этом, главное сходство не в лице. Больше всего Фила поражает и убеждает крупное и все еще мощное тело Хау — в нем так и сквозит молодой Горди Хау, хотя видно, что он перенес немало травм, особенно травм ног; руки расслаблены, но готовы к действию, как у настоящего спортсмена.

Хау в свою очередь также внимательно рассматривает Фила, и Фил видит, что Хау тоже поверил.

— Это сделали вы? — спрашивает Фил.

Хау качает головой.

— У меня и так три сына. Больше мне не нужно. — Склонив голову набок, критически осматривает Фила. — Ты будешь добиваться официального признания, что я твой отец?

Фил в ответ также трясет головой:

— У меня уже есть отец. Второго мне не надо.

Они сказали друг другу все, больше говорить нечего. Но у других есть что обсудить. Все рассаживаются в гостиной. Хау говорит мало. И Фил, и Хау сосредоточили свое внимание друг на друге.

Робинсон объясняет, что произошло.

— В тысяча девятьсот девяносто седьмом году на нас вышли адвокаты «Мил и Уид» из Детройта. Они представляли семейную пару, погибшую в автомобильной катастрофе, но оставившую на сохранение свои эмбрионы. В те времена лишние эмбрионы обычно замораживали, а позже их могли использовать либо по назначению, либо в исследовательских целях. Родители погибшей пары изъявили желание, чтобы эмбрионы были отданы бездетным парам. Все участники сделки должны были остаться анонимными. — Робинсон снял очки и потер переносицу. — Такое происходило тогда, происходит и сейчас. Кроме того, клиенты компании «Мил и Уид» были людьми состоятельными и могли предоставить необходимые гранты нуждающимся парам. В Нью-Гемпшире тогда медицинская страховка не покрывала расходов на искусственное оплодотворение. Все бумаги «Мил и Уид» были в порядке, мы также проверили лабораторию, где хранились эмбрионы. Мы не наводили справки о самих клиентах, ибо они пожелали остаться неизвестными, но мы внимательно проверили их истории болезни. Такие ситуации тоже не редкость. Когда мы получили эмбрионы, то вызвали Берджеров.

Робинсон молча оглядывает всех присутствующих:

— На днях я обнаружил, что бумаги «Мид и Уид» были поддельными. Лаборатории, которую мы проверяли, больше не существует. Их бумаги тоже оказались липовыми. Я даже пред ставить себе ничего подобного не мог. И главный прокурор штата Мичиган тоже. Он сейчас расследует это дело, но прошло восемнадцать лет, так что вряд ли удастся что-либо найти.

Кэрол смотрит на Хау и Фила.

— Не так уж они и похожи. Может, тут произошла ошибка.

Робинсон кивает головой:

— Ничего удивительного. В тысяча девятьсот девяносто девятом году мы пользовались методикой Долли. Клон Долли существенно отличается от генетического родителя. На эмбрион оказывают влияние три фактора: содержимое самой яйцеклетки вне ядра, нуклеарная ДНК яйцеклетки и спермы и внутренняя среда материнского организма. От мистера Хау Фил получил лишь один из этих факторов. Остальное — от неизвестного донора яйцеклетки и от миссис Берджер.

Фил поднимает глаза:

— А другие человеческие клоны существуют? Прошло

семнадцать лет. Не может быть, чтобы я был единственным.

— Хороший вопрос. — Робинсон поправляет очки. — До сих пор клонирование людей не сертифицировано Управлением по контролю за продуктами и лекарствами; даже учитывая современные технологические возможности, велика доля риска, слишком много дефектов у эмбрионов. Ну и что? Клонирование незаконно, но всех это не остановит. Процедура сложная, даже в наше время, но это вовсе не означает, что никто не будет пробовать ее провести. Правда, об этом не кричат на каждом углу.

Кэрол тихо спрашивает:

— И кто может рискнуть?

Робинсон отвечает:

— Это как лотерея. В первом порыве энтузиазма, сразу после клонирования Долли, на свет было произведено несколько человеческих клонов. — Робинсон закрывает глаза и качает головой. — В том числе и Фил, хотя в основном случаи оказались неудачными. Опыты по клонированию человека начались незадолго до того, как на свет была успешно произведена Долли. Рождались дети без мозга или без глаз, с серьезными мозговыми нарушениями. Это надолго приостановило опыты по клонированию людей. Люди боятся даже синдрома Дауна, не говоря уже о таких уродствах. К тому же существовало достаточное количество законных, безопасных и более дешевых методик искусственного оплодотворения. Методика клонирования могла заинтересовать лишь тех, кого не волновал вопрос, сколько уродцев он произведет на свет, пока не будет достигнут желаемый результат, кто обладал достаточной силой и властью, что бы держать все в тайне, и кого при этом не слишком мучили бы угрызения совести.

Фил кладет руки на колени.

— Например, если кому-то нужно было клонировать Горди Хау?

— Именно. — Робинсон грустно улыбается. — Конечно, в последние годы все изменилось. Открыто много новых методик. И дебаты относительно этической стороны клонирования начинаются заново.

— Почему? — У Фила голова идет кругом. — Зачем вообще это нужно? Зачем делать это здесь? Почему выбрали именно Горди Хау? — Он смеется, но смех его звучит как собачий лай. — Мы ведь в Новой Англии! Почему тогда не Бобби Орр? Не Рей Борк?

— А кто такой Бобби Орр? — спрашивает Робинсон.

— Не важно.

Робинсон пожимает плечами и берет в руки дипломат,

который принес с собой.

— Я захватил с собой все необходимое для анализов. Если Фил и мистер Хау не возражают, к утру мы можем расставить все точки над i.

После того как Робинсон берет образцы на анализ, все поднимаются на ноги и ждут только, когда он их упакует. Неожиданно Фила осеняет:

— Доктор Робинсон, а сколько эмбрионов вы получили от «Мил и Уид»?

Робинсон поднимает лицо от стола, он вдруг как-то сникает.

— Четырнадцать.

— И что сталось с ними?

— Два эмбриона ушло на тебя. Остальные двенадцать были отданы еще пяти парам. — Он останавливается, потом продолжает: — В трех случаях эмбрионы не прижились. Еще в одном получился выкидыш. Всего две пары произвели на свет детей.

— Две?

У Фила, возможно, есть брат. Человек, который разделит его беду.

— Да. Он вместе с родителями живет в Нашуа. — Робинсон опять замолкает. — Черт побери, ты должен это знать. Зовут его Дэнни Хелстром. У него тяжелый случай церебрального паралича, ничего более страшного я в жизни своей не встречал.

На следующее утро заезжает Робинсон. Результаты анализов уже никого не удивляют. Да, Фил настоящий клон Горди Хау. Фил опускается в кресло. Хотя он и готов был к таким результатам, но им овладевает депрессия.

Национальные каналы пока что молчат, и Фил облегченно вздыхает. Даже мимолетное замечание по ведущим каналам может сильно испортить его жизнь. Местные каналы тоже молчат. Фил надеется, что на этом все и закончится.

Он выглядывает на улицу. Небо ясное и холодное, такое голубое, что похоже на жидкий кислород. Вместо того чтобы идти в школу, он берет коньки и направляется к озеру. Старшеклассникам иногда разрешается пропускать занятия.

Он усиленно тренируется: забег, остановка, смена направления, забег, резкий поворот назад, резкий поворот вперед. Понемногу из тела уходит напряжение. Дышит он тяжело, рот и горло обжигает ледяной воздух, мышцы похожи на растопленное масло. Ни на секунду не задумываясь, он проскакивает мимо двух рыбацких лунок, объезжает места с тонким льдом и проезжает под мостом на канал, впадающий в озерцо.

Зима стоит сухая и холодная, канал тоже покрыт льдом. Фил дотрагивается до льда рукой. Пальцы на какое-то мгновение приклеиваются ко льду. Потом он скользит рукой дальше по гладкому и очень толстому льду. На катке такой лед считают идеальным для игры в хоккей. Однако здесь, на канале, лед неровный, он кочковат. У берега в лед вмерзло много веток и корней, а ветви склонившихся надо льдом деревьев совсем высохли и сморщились. Вот поворот, отсюда дорогу не слышно и не видно, а сам канал расширяется, превращаясь в длинный пруд. Огромные валуны торчат прямо изо льда, и Фил осторожно объезжает их, небольшие преграды он просто перескакивает. Интересно, а получился бы из него фигурист, и что бы тогда думал о нем Хау? Фил сердится на себя из-за того, что ему небезразлично мнение Хау. А что испытывает фигурист при исполнении двойного акселя?

Он пытается вспомнить, как случилось, что он увлекся хоккеем, а не каким-то другим видом спорта. Вспомнить он ничего не может. Смутно припоминает, как учился держаться на коньках, как ездил, толкая перед собой пустую тележку для бидонов с молоком, а на голове у него был такой огромный шлем. Потом, уже в четыре года, он катался на озере, играл в хоккей с мальчиками постарше.

Фил останавливается и склоняется над валуном. Да, конечно, другие четырехлетки катались еле-еле, но какое ему до них дело. Тут как в математике или музыке: ты или делаешь что-то хорошо, или нет. Можно играть на пианино, но не быть при этом Моцартом; можно складывать и вычитать, но не быть Эйнштейном; можно играть в хоккей, но не быть Горди Хау. Фил всегда был крупным мальчиком. Когда ему было четыре года, многие давали ему шесть. А те, кому было по шесть-семь лет, катались много лучше его. Он всегда мечтал играть за НХЛ, мечтал стать вторым Уэйном Грецки или Бобби Орром. Да. А какой мальчишка не мечтал? Но особенным он себя никогда не чувствовал. Горди Хау был потрясающим игроком. Интересно, а он чувствовал себя особенным?

Фил думает, как будет здорово, когда в пятницу вернется Роксана. Но как она отнесется к тому, что встречается с клоном Горди Хау?

В этот день кажется, что к дому Берджеров стекаются все, у кого есть фотоаппарат и выход на какой-нибудь канал, — и профессионалы, и любители. Фил не выходит на улицу и никому не открывает дверь. Фила спасает только то, что в электронном адресном справочнике перепутали названия улиц и большая часть репортеров, журналистов и зевак обрушилась на дом неких

Кознов.

Но и отсутствие Фила не останавливает коммерческую прессу. Вечером того же дня, когда по всем местным каналам передают подробности его истории, Фил с удивлением видит на экране двух учащихся средней школы Хопкинтона — они оживленно отвечают на вопросы о его, Фила, жизни. Директор школы и его заместитель сообщают репортерам другого канала, что Фил Берджер пользуется в школе огромной популярностью. Фил в жизни не встречался ни с директором, ни с его замом. И вообще он никогда не видел ни одного из тех людей, кто так увлеченно о нем рассказывает. По Сети распространяют видеозаписи — Фил катается на коньках.

Когда Джейк и Кэрол приходят домой, им приходится с трудом пробираться через толпу. Перед домом один за другим припаркованы четыре телевизионных фургона. У самого крыльца в полицейской машине сидят шеф полиции и тренер Фила. Фил не просил их об этой услуге, но рад, что они здесь. Именно они сдерживают натиск репортеров.

В течение нескольких следующих дней утром Фила отвозят на занятия тоже в полицейской машине. После тренировок его везет домой тренер. Фил часто украдкой подходит к окну гостиной и разглядывает людей на улице.

Через несколько дней люди меняются. Вместо местных компаний появляются национальные, страсти накаляются. Нуклеарная ДНК Фила получена от Горди Хау, но митохондриальная ДНК и цитоплазма — от анонимной женщины-донора. Гормональная среда и эмоциональная окраска — от Кэрол Берджер. Так разве его можно назвать нормальным человеком? Чей он ребенок? Может ли Фил быть наследником Горди Хау? Может ли Горди Хау предъявлять родительские права на Фила? А анонимная женщина-донор? Горди Хау и Фил Берджер легко решили ситуацию между собой, но репортеров это не волнует; слава Горди Хау и сам факт существования Фила не дают им покоя.

Репортеры национальных телекомпаний делают очередные снимки дома Берджеров, а потом их место занимают журналисты бульварных изданий, компьютерных чат-каналов и прочий сброд.

В тот же день Фила навещают тренеры Бостонского колледжа и Бостонского университета. На лужайке перед домом они затевают яростный спор о преимуществах своих учебных заведений, а тем временем представитель Национальной хоккейной лиги отводит Фила в сторону и пробует уговорить его подписать контракт с «Бостон Бруинз». «Чего тебе ждать?» — спрашивает он.

Звонит Роксана. Она сообщает, что уже дома, но в полном смятении. Им какое-то время не стоит видеться. Фил непонимающе смотрит на трубку, ему хочется хорошенько кого-то ударить.

К пятнице, когда назначена первая игра серии плей-офф против «Мальборо Пантерз», у Фила развивается клаустрофобия, он полон злобы и горечи. «Пантерз» быстро выходят вперед и к концу первого периода забивают две шайбы. «Хиллерз» заранее готовы к проигрышу, на льду они ведут себя неорганизованно.

«Пантерз» выигрывают вбрасывание, но Фил перехватывает их передачу и на полном ходу проходит с шайбой в зону ворот противника. В этот момент злоба и горечь в нем достигают максимального накала, он чувствует, что способен горы свернуть. Он видит, как защитник пробует остановить его, но легко обходит противника. Вратарь выходит вперед, чтобы поймать шайбу, Фил разворачивается и посылает шайбу в ворота.

Словно издалека до него доносится рев толпы. А сам он видит один только лед. Товарищи по команде берут с него пример, и к концу второго периода счет равный.

В третьем периоде команды пытаются измотать друг друга, «Пантерз» никоим образом не намерены уступать. Игроки прибегают к грубым приемам борьбы, в основном игра идет в средней зоне. Когда до конца игры остается три минуты, Фил делает рывок влево, обходит защитника и передает шайбу центральному нападающему, а тот посылает ее в ворота.

Теперь «Пантерз» рвутся во что бы то ни стало сравнять счет. Они снимают вратаря и выпускают на лед шестого игрока. Но сегодня звездный день Фила. Лед безграничен, слов но море. Он ощущает свое дыхание, силу своих мускулов. Чем быстрее он скользит, тем становится легче. Ему на миг предоставляется возможность — с угла синей линии ему передают пас, и он моментально направляет шайбу в свободный угол ворот. Защитник сзади налетает на него уже после свистка.

Реакция Фила совершенно неожиданна и неосознанна. Он разворачивается и наносит удар защитнику. В одну секунду образуется куча мала. Его удаляют с площадки. «Хиллерз» пропускают одну шайбу, но выигрывают с общим счетом 4:3.

Фил принимает душ в раздевалке, подставив голову под потоки воды. Он еще никогда в жизни так здорово не играл. Может, ему недоставало злости. Он ведь не был самым младшим из шестерых детей в семье, как Хау. Случайно до него долетает обрывок фразы:

— Так вот что значит играть с Горди Хау!

Хэммет подробно описывает игру, он называет происшедшее

коронным трюком Горди Хау: один гол, одна передача, одна драка.

Фила не допускают к следующей игре, «Хиллерз» проигрывают серию игр плэй-офф и выходят из игр сезона. Фил возвращается в школу, шумиха постепенно затихает. Иногда он встречает Роксану в кругу общих знакомых, но она не подходит к нему. Он тоже не подходит к ней.

Действие II

Летом Фил работает на заводе отца, дает согласие на стипендию хоккеиста в Бостонском университете (БУ); ему исполняется восемнадцать лет. Разговоры о нем продолжаются, но он уже не принимает их близко к сердцу. Ни национальные, ни массачусетские средства массовой информации больше не обсуждают его. Дискуссии ведутся на уровне законодательного собрания штата и Конгресса. В некоторых штатах предлагают принять новые правила по ограничению клонирования. «Массачусетский ПИРГ» обращается к Филу с просьбой поддержать их выступления против Конгресса. Фил не отвечает на их звонки. Шумиха вокруг его имени дело прошлое, и он этому очень рад. Они с Роксаной даже ходят пару раз в кино, но ведут себя крайне настороженно.

Тренировки «БУ териэрз» начинаются на две недели раньше начала занятий в университете. Фил приступает к ним. Никто ничего не говорит о Горди Хау. Фил чувствует, что за ним внимательно наблюдают, оценивают. Он решает игнорировать это. Кажется, все потихоньку встает на свои места. Он играет на третьей линии, его это вполне устраивает. С него хватило весны, когда он оказался в центре всеобщего внимания.

Тренировки проходят нормально. То ощущение, которое он испытал в последней игре, чувство, что он может горы свернуть, так и осталось. Ко времени первой встречи с командой ВВС «Фолкенз» его уже переводят с третьей линии на вторую.

Играют «Териэрз» хорошо, выигрывают 1:0, шайбу забивает Фил. Он просто оказался в нужном месте, когда шайба отскочила от перчатки вратаря «Фолкенз». Да, играл он неплохо, но гол — не что иное, как просто удача.

На следующее утро на спортивной странице «Глоуб» появляется большая статья под заголовком «Горди Хау побеждает ВВС».

Фил читает статью рано утром за завтраком в общежитии. Интересно, кто же прав? Сам он считает, что этот гол — счастливая случайность; Хэммет утверждает, что гол — результат

превосходной игры, а это, в свою очередь, заслуга генов Горди Хау. Оказывается, что Горди Хау когда-то даже играл за БУ, правда, заменяя какого-то другого игрока.

Теплые товарищеские отношения, которые зародились у него с другими членами команды во время тренировок, моментально исчезают. Стоит ему появиться в помещении, как все тут же замолкают. Когда прорабатывают предстоящую игру или обсуждают прошедшую, он принимает участие в дискуссии вместе со всеми, но тут разговоры не переходят профессиональных рамок. Фил понимает, что большинство игроков сидят в университете на хоккейной стипендии, но в профессиональный хоккей не собираются. Им просто иначе не на что учиться. Если Фил будет помогать им выигрывать, замечательно. Но они не обязаны любить его.

Как ни странно, но это играет ему на руку. В средней школе Фил пользовался достаточной популярностью. Он никогда не был ленивым, но мог пошутить и посмеяться, а то и сачкануть. Выкручивался благодаря своим способностям.

Здесь же он мало с кем общается и никому не доверяет. Занимается лишь учебой и хоккеем. Раз от него ждут профессионализма, он покажет им настоящий профессионализм. Товарищи по команде не обязательно должны быть товарищами, они просто коллеги. Его способности — как наковальня, а холодность и безразличие — молот, и в результате он выкует на стоящее мастерство.

На льду все забывают о личном. Игра прежде всего. На льду Фил становится свободным.

Неудивительно, что к середине сезона его ставят на линию нападения.

Хэммет все свои статьи пишет по определенному плану: если «Териэрз» играют хорошо, то это лишь благодаря тому, что за них играет Горди Хау; если же они проигрывают, то потому, что в клоне Горди Хау допущены нарушения. Так он поддерживает интерес к теме. Нередко по вечерам, когда от усталости Фил не может заснуть, он ловит какой-нибудь спортивный канал и натыкается на горячее обсуждение проблемы клонирования, причем в центре обсуждения — он сам. В ноябре в приступе внезапной бешеной ярости он срывает экран со стены и выбрасывает его в окно. Комната Фила расположена на шестом этаже. Ему повезло — никто не пострадал. Тем же вечером он убирает мусор на улице, чтобы не дать повод репортерам для очередных сплетен. Но новый экран не вешает. Он даже думает, не начать ли заниматься йогой или чем-нибудь еще, чтобы отвлечься и снять напряжение. Останавливает его лишь мысль,

что Хэммет тут же напишет статью «Горди Хау занимается йогой».

Фил постоянно напоминает самому себе, что произошло во время последней игры в составе «Хиллерз»: как из-за внезапной вспышки ярости он был отстранен от игр на всю серию плэй-офф. В колледже в хоккей играют по тем же правилам: устроил драку на льду — выбываешь из текущей игры и следующей. Он старается держать себя в руках. Однако иногда слишком грубо останавливает противника или слишком резко сталкивается с ним. Штрафных становится все больше и больше.

К февралю Хэммет обвиняет его в том, что он «привнес в команду Бостонского университета стиль НХЛ». Фил мало разговаривает, много тренируется и занимается, но оживает, кажется, лишь на льду. Родители пытаются поговорить с ним, он отвечает односложно.

Потом пришла пора Бинпота.

Начиная с 1952 года четыре хоккейные команды (Бостонского колледжа, Бостонского университета, Северо-Восточного университета и Гарварда) оспаривают шуточное первенство с вручением специального приза победителю — горшка запеченных бобов, он-то и называется Бостонский Бинпот. Первая игра идет между старыми соперниками: командами Бостонского колледжа и университета. Это настоящая траншейная война, никто не уступает ни дюйма, не открывает счета. Наконец команда колледжа забивает первую шайбу. Вторую забивает, уйдя от защитников, Фил. Обе команды на высоте, игра грациозна и красива. Фил прекрасно чувствует себя на льду, хорошо взаимодействует с товарищами по команде.

В середине второго периода Фил проходит с шайбой в зону противника. Он обходит защитника, тот поворачивается и пробует остановить Фила, но во время поворота теряет равновесие. Клюшка описывает полукруг высоко в воздухе и обрушивается сбоку на шлем Фила, прямо над ухом. Фил падает. Травмы нет, но боль такая, что какое-то мгновение он не в силах подняться. Потом медленно встает и так же медленно отъезжает к кругу вбрасывания. Защитник протестует против наказания. Фил обводит взглядом каток, замечает за стеклом Фрэнка Хэммета. Тот внимательно следит за Филом и качает головой. Фил словно слышит его слова: «Совсем не как Горди Хау. Горди Хау не стерпел бы ничего подобного. Только не он». Перед глазами Фила мелькает завтрашняя статья: «Клон Горди Хау не может сравниться с оригиналом». Сердце бьется в такт мыслям. Остальное нетрудно представить.

Защитник прекращает спор с судьей и направляется к скамье штрафников. Когда он проезжает мимо, Фил подставляет клюшку,

и защитник падает на спину. Не раздумывая, Фил прижимает его коленями ко льду, стаскивает шлем и бьет по лицу. Это не поза, как в НХЛ. Фил готов убить защитника. «Я не Горди Хау, — думает он. — Я это я».

Товарищи по команде оттаскивают его. Защитник остается лежать на льду. Судьи удаляют Фила с площадки. В раздевалке тренер орет на него: «Горди Хау никогда бы ничего подобного не сделал!» Фила отстраняют от игр на две недели, а может, и на больший срок, может, навсегда. Он воспринимает все, словно это происходит не с ним.

Одевается и выходит на улицу. Его окружает толпа репортеров. Они везде и повсюду. Фил идет по Уэст-Энду и дальше по центральным улицам Бостона. Мимо палаты общин. Наконец репортеры отстают, и он оказывается один в Саут-Энде.

Он находит небольшой бар на Коламбус-авеню и, не раздумывая, заказывает кружку пива. Его тут же обслуживают, не смотря на то что он еще несовершеннолетний. Из-за рассеянного вида и крупного телосложения он выглядит старше своего возраста.

«Значит, мне остается только НХЛ», — думает он. А почему бы и нет? Или низшая лига, там и драться почти что дозволено. Сейчас Филу кажется, что ему даже понравится в низшей лиге. Все происходит неожиданно. По дороге в туалет его задевает какой-то мужчина, они обмениваются оскорблениями, Фил быстро наносит удар, в результате оба оказываются на полу. Фил находится сверху и бьет своего обидчика так, как хотел избить защитника в матче, как с радостью бы избил Фрэнка Хэммета и даже самого Горди Хау. Его даже охватывает приступ любви к этому незнакомцу.

Бармен оглушает его дубинкой. Когда он приходит в себя, у него кружится голова. Он в полицейском фургоне. Незнакомца рядом нет. Только Фил и какой-то пьянчужка, напившийся До потери сознания. Фил прислоняется к стенке фургона и думает, что же будет дальше.

Когда Филу предъявляют обвинение, оказывается, что незнакомца зовут Кеннет Роже. Его выписали из больницы, у него неопасное сотрясение мозга и несколько выбитых зубов.

Фил получает шесть месяцев условно и двести часов общественно-полезных работ. Роже грозится подать на него в суд, но окружной прокурор говорит, что Роже часто ввязывается в пьяные драки и у него уже есть условный срок за избиение бывшей жены. Он уговаривает Роже удовлетвориться оплатой медицинских счетов.

Статья Хэммета выходит под заголовком «Клон Горди Хау в

тюрьме за избиение человека».

Его исключают из команды БУ и из самого университета. Фил возвращается домой, он вполне готов заняться общественно-полезным трудом. Родители пытаются поговорить с ним, но он мрачен и разговаривать не желает. Родители предлагают ему позвонить школьному другу. Фил даже не дотрагивается до телефона.

Общественно-полезным трудом он занимается в должности вахтера в больнице Фрэмингэм. Его устраивает простая и тихая работа. Он протирает тряпкой полы, отвозит тележку с мусором — и никто его при этом не замечает. Мимо проходят врачи, посетители, никто не обращает на него внимания. Иногда с ним заговаривают пациенты, особенно те, кто болен хронически. Один мужчина, страдающий параличом нижних конечностей после автомобильной катастрофы, напоминает ему еще об одном клоне Хау — о Дэнни Хелстроме.

Ночью он находит адрес и телефон единственного человека по фамилии Хелстром в Нашуа, хотя в соседних городках есть еще два других. Фил не уверен, что нужно делать дальше. Позвонить? А может ли Дэнни Хелстром говорить?

Трубку берет женщина. Голос усталый. Фил удивлен. Он был готов услышать автоответчик. Джейк и Кэрол вот уже год как проверяют все звонки.

— Добрый день. — Фил не знает, что сказать. — Меня зовут Фил Берджер.

— Да?

Молчание.

— Здесь живет Дэнни Хелстром?

— Ох, — раздается в трубке. — Тот самый Фил Берджер. Робинсон предупреждал меня, что вы можете позвонить. Но я поняла, что это должно было произойти прошлой весной.

— Да. — Снова молчание. — А вы мать Дэнни Хелстрома?

— Ну да. Грейс Бейкер.

— Бейкер?

— Отец Дэнни не вынес всего этого. Он ушел от нас, когда Дэнни было два года. Смешно, правда? — Она горько смеется. — Хотите посмотреть на своего брата по клону? Думаю, не стоит, но Дэнни будет рад.

Дэнни Хелстром похож на Фила. Если бы Фил сильно похудел и иссох, если бы его потом разобрали на части и сложили заново, то получился бы Дэнни. Дэнни никогда не мог сидеть прямо. Он полулежит в своей инвалидной коляске, склонившись вправо. У него длинные, изящные пальцы, они все время в движении,

которое сам он не контролирует, — словно усики морской анемоны. Голос у него высокий, немного гнусавый. Весит он не больше девяноста фунтов. Глядя на Дэнни, Фил ощущает чувство стыда — вот ведь он, стоит на ногах, ощущает свои напряженные, сильные мышцы, может легко говорить. Когда Дэнни смотрит на Фила, тому кажется, что это сам он смотрит на себя.

Дэнни улыбается своей странной улыбкой, половина лица напрягается в гримасе, потом расслабляется. Он говорит. Дэнни лишь частично контролирует мышцы языка и губ, поэтому вместо слов получаются размазанные гласные звуки, мычание и шипение.

Грейс переводит:

— Он очень рад, что вы приехали. Он считает вас своим братом.

Сначала Фил даже не знает, что ответить. Он не может объяснить, зачем вообще сюда приехал.

— Это хорошо, наверное, — неуверенно произносит он. — Вас доктор Робинсон тоже проверял? — Он никак не может поверить, что этот несчастный инвалид может быть клоном Горди Хау, как и он сам.

— Да, — отвечает Грейс. — Горди Хау. Как и вы.

Дэнни что-то говорит Грейс. Она хмурится.

— Ты уверен? Я должна быть тут.

Дэнни улыбается ей своей полуулыбкой и что-то снова говорит. Она пожимает плечами и выходит из комнаты, потом возвращается с черной коробкой, в которую вмонтирован громкоговоритель. Микрофон она прикрепляет к рубашке Дэнни, потом долго и пристально смотрит на Фила и уходит.

Дэнни издает звук — нечто среднее между стоном и заиканием. Теперь его речь переводит автомат:

— Она оберегает меня.

Один на один с Дэнни Фил чувствует себя спокойнее. Он садится на постель.

— Почему?

— Она боится, что ты можешь обидеть меня, потому что испугаешься. — Дэнни снова улыбается. — Ты боишься меня?

Фил смотрит на Дэнни. У него такое чувство, что внутри у него что-то ломается.

— Да. Боюсь.

Дэнни кивает головой.

— Я мог бы оказаться тобой. А ты мной.

Фил вздыхает.

— Да.

— Я знаю. Могло бы быть и хуже. — Дэнни опять

улыбается. — Я мог бы и вообще погибнуть.

Фил сжимает руки. Перед ним брат-близнец.

— Ты и правда так думаешь?

Дэнни внимательно смотрит на него.

— Ты имеешь в виду мое состояние?

— Да.

— Но я все равно предпочитаю жизнь.

— О'кей.

— А ты мне кое-что должен.

Фил разводит руки в стороны.

— Как так?

Дэнни пытается что-то показать пальцем, но палец дрожит. Он просто кивает в сторону Фила и говорит:

— У тебя есть ноги.

Фил оглядывает сам себя.

— Да.

— Расскажи мне про хоккей. Расскажи, что ты чувствуешь, когда играешь. Когда играешь, как Горди Хау.

Фил медленно выдыхает воздух. Дэнни прав. По чистой случайности ему выпало крепкое, здоровое тело, а Дэнни нет. И из-за этой случайности он теперь должник Дэнни. Он обязан ему, своему брату-близнецу.

Фил долго думает. Очень важно правильно передать свои ощущения. Наконец говорит:

— Если бы я мог летать, то чувствовал бы то же самое, что чувствую на льду.

Ему звонит представитель «Бостон Бруинз». Он не отвечает. Потом вустерские «Айс Кэтс», чикагские «Фриз», флоридские «Эверглейдз». Он никому не отвечает. Он установил на телефоне запрет на звонки спортивных агентов и представителей. Он сам не понимает, почему делает это. Ничего такого уж страшного он не натворил. Обычная драка. Профессиональные хоккеисты часто совершают проступки и похуже, несут гораздо более серьезные наказания, но продолжают играть. Может, из него и не вышел бы Горди Хау, но он мог бы прекрасно играть в составе каких-нибудь «Амарилло ретлерз». Уж на этот уровень он потянет.

Статья Фрэнка Хэммета называется «Клон Горди Хау работает вахтером в Фрэмингэме».

У Фила что-то ломается внутри.

К июню он отрабатывает свои часы общественных работ. Джейк выдает ему две тысячи долларов. Фил берет свою машину и уезжает из города. Он никому не говорит, куда собирается ехать, потому что и сам этого не знает.

Пусть об этом напишет Фрэнк Хэммет.

Основным фактором, определяющим жизнь в городе Остин, штат Техас [33], является жара.

Уже поздно. Фил лежит на постели и смотрит в потолок. Скоро ему пора на работу. Голова его покоится на подушке рядом с открытым окном — это самое прохладное место в комнате, но от этого ему ничуть не легче. Фил снимает этот дом вместе с тремя незнакомцами. Когда в июне он приехал в Остин, он нашел дом по объявлению в газете. Цена была невысокая, он как раз хотел жить с людьми, которых не знает и которые не знают его. Позже он понял, почему с него взяли так мало денег. Дом был выстроен из кирпича, и в летнюю жару, которой так славится Техас, превращался днем в настоящую каменную печь, а ночью почти не остывал, так как кирпичи отдавали жар, накопленный за день. Зимой в доме тоже было неуютно.

Сейчас в каждом городе есть своя хоккейная команда, и Остин не исключение. «Остин айс бэтс» всегда были в самом конце турнирной таблицы Международной лиги профессионального хоккея. На прошлой неделе Фил пошел посмотреть, как они сыграют с «Амарилло ретлерз». Стоило игре начаться, как он сразу понял, что, если «Айс бэтс» узнают о его существовании, они обязательно будут зазывать его к себе.

Фил работает в баре в мексиканской части города. Все, что он может сказать по-испански, это «orta cerveza», «un tequila» [34] и еще несколько слов, так или иначе связанных с алкогольными напитками. Обычно он принимает от посетителей деньги — доллары или песо — и молча обслуживает их.

Почти все время стоит жара. Даже в феврале. Один из барменов прожил в Остине всю жизнь. Он говорит, что раньше зимой было не так жарко. Но теперь февральское солнце пригревает почти так же, как и летнее, и каждый день температура поднимается градусов до восьмидесяти [35]. На севере, вспоминает Фил, в январе бушуют метели, а в феврале земля промерзает настолько, что даже человека похоронить невозможно, надо ждать весенней оттепели. Потом наступает март, и земля медленно оттаивает под влажным снегом, в апреле везде стоит грязь, зато в мае становится тепло и все зеленеет.

Фил убирает столики и думает о зиме в Массачусетсе, когда температура опускается до нуля и ниже [36], когда все пруды затягиваются толстым слоем льда, когда промерзлая земля под ногами кажется каменной. В Новой Англии зима бедна красками — голые деревья, снег, замерзшая земля, лед.

Здесь зима совсем не страшна. Американцы английского происхождения плавают под парусами на искусственном озере.

Поливают траву на лужайках. Выращивают цветы. Февраль ни чем не отличается от других месяцев в году.

Фил регулярно переписывается с Дэнни. Они пишут друг другу не электронные, а обычные письма, письма на бумаге. Теперь уже практически никто не пользуется услугами простой почты, разве что для пересылки посылок или заказных писем. На смену простым письмам пришли фотоновые сгустки, которые перемещаются со скоростью света. Начал писать в старой манере Дэнни, а Фил поддержал его. Они никогда не обсуждали друг с другом, насколько приятно держать в руках обычное письмо. Вот одно из писем Фила:

«Дэнни!

Я все еще работаю в баре. У нас сейчас жара, поэтому по вечерам в баре не протолкнуться. Шумная музыка. Я работаю по выходным, поэтому получаю больше денег. Между прочим, представляешь, кого я тут встретил? Роксану, девушку, с которой встречался в школе. Она, кажется, поступила в Техасский университет. Она все это время жила здесь, но мы ни разу не встречались. А тут она пришла в бар и узнала меня. Я был рад встрече. Она помолвлена с хорошим парнем.

Две недели тому назад мой хозяин Гильермо вытащил меня за город. Одно можно сказать точно: в Техасе небо без конца и края. Мы лежали прямо на земле в спальных мешках, попивали виски и смотрели на луну.

Пиши мне, как там дела у вас на севере.

Фил».

Фил прекрасно представляет, каково Дэнни писать письмо. Если он пользуется преобразователем голоса, то ему приходится сильно напрягать связки, особенно когда прибор не может разобрать какое-либо слово или допускает ошибки. Фил видел, как даже после короткой записки матери Дэнни был весь в поту и дрожал.

Обычно Дэнни предпочитает пользоваться специальной клавиатурой. Процесс все равно очень замедлен и трудоемок, Дэнни приходится продумывать все комбинации клавиш, а потом нажимать их по очереди своими непослушными, дрожащими пальцами. Но все же это легче, чем речь. Чтобы написать письмо, Дэнни требуется неделю усиленно корпеть над ним. Каждое письмо, которое получает Фил, кажется ему более тяжелым, чем то, что отправил он сам, словно усилия Дэнни придают написанному дополнительный вес. У Фила в комнате стоит специальная коробка, туда он, аккуратно сложив и разгладив, кладет все письма Дэнни.

Фил сам удивлялся, почему он так бережно хранит эти

письма. Наверное, его привлекает то, как Дэнни воспринимает все, что происходит вокруг. Большую часть своего времени Дэнни проводит дома и видит в основном только то, что находится в непосредственной близости от него. Иногда Фил вспоминает, что просто по счастливой случайности Дэнни родился калекой, а он здоровым, крепким парнем. Оба могли погибнуть, оба могли быть нормальными, либо калекой мог стать Фил, а Дэнни занял бы его место. Как сказал Дэнни в первый день их знакомства, Фил его должник. Он не имеет права вычеркнуть Дэнни из своей жизни. Не имеет права забыть о нем, не имеет права относиться к нему с презрением.

Часто, разглаживая смятые в пути письма, Фил думает, что сохраняет таким образом нечто очень важное, послание, приплывшее в бутылке из другой страны. Не работы великого художника или поэта — нет, даже к произведениям искусства он бы не относился с таким почтением. Это даже важнее, чем письма от отца, ушедшего на войну, или от брата, живущего на другом конце планеты. Письма проверяют твое отношение к людям, их написавшим. Человек относится к письмам так же, как относился бы к этим людям, будь они больны или при смерти, и, храня письма, он выказывает заботу об отце, брате, друге.

Вот что пишет Дэнни:

«Дорогой Фил!

У меня был хороший день. Пока Грейс была на работе, я перевернул все вверх дном, но выкатил-таки свою коляску на улицу. Грейс не любит, когда я это делаю, потому что боится, что я попаду в какую-нибудь историю. Но небо было такое красивое — как чаша из голубого стекла, а на земле лежал снег. Мне даже удалось разбросать семечки для птиц, и вскоре вокруг меня прыгали два зяблика, кардинал и целая стайка синиц. Понятия не имею, откуда взялся кардинал. Я всегда думал, что они на зиму улетают в теплые края.

Хотелось бы мне увидеть небо, которое видишь ты. Может, мы с Грейс приедем к тебе в этом году.

Заезжал доктор Робинсон. Думаю, он испытывает чувство вины. Я сказал ему, что хочу попробовать лечиться по методике Твейна. Там используют специальное приспособление, соединяющее в себе принцип действия буравчика, рычага и наклонной плоскости. Приспособление закрепляется на верхней челюсти и вытягивает весь скелет. Потом пациента в мешке отправляют домой. Он внимательно слушал меня почти до конца, он ведь такой серьезный человек, потом на секунду задумался и только тогда понял, что я подшучиваю над ним. Тут он рассмеялся.

В какой-то момент я выехал к нему на кухню и пару раз

ударил его своей коляской. Он каждый раз извинялся — извинялся за то, что я толкал его, только потом все понял. Он рассказал мне все, что знает о клонировании и о том, какие нарушения произошли в моем случае.

Последние пару месяцев я искал в Интернете что-нибудь относительно клонирования. Я ничего не нашел. Тебе следует разыскать детектива, с которым был связан Далтон. Имя детектива Раис.

Судя по твоему письму, Остин прекрасный город, но твое место здесь. Ты все равно рано или поздно вернешься сюда. Я чувствую это всеми своими искореженными костями. Там, в Остине, ты лишь тянешь время, а три года — это немалый срок. Здесь ты бы мог многое изменить и в своей, и в моей жизни — в наших жизнях. Даже если тонешь, есть вещи поважнее, чем просто бить руками по воде.

По крайней мере, можешь за меня съездить в Детройт и встретиться там с Райсом. Мне бы хотелось самому поговорить с ним. Хотелось бы узнать, зачем вообще нас клонировали, а еще — почему раскрыли только тебя. Может, у них какие-то далеко идущие планы.

Послушай, а можешь взять с собой и меня, тогда я увижу еще один большой город — два за одну жизнь!

Дэнни Хелстром».

Ему звонит Грейс. Дэнни в больнице. У него застойная сердечная недостаточность. Если можешь, приезжай.

По пути из Остина в Массачусетс Фил думает о Дэнни, о его изуродованном теле, его полуулыбке, его письмах. Фил везет с собой, как талисман, коробку с двадцатью письмами. Перед отъездом он перечитал их все и по дороге обдумывает прочитанное. Ему кажется, что сам он писал в ответ жалкие, никчемные письма.

Когда Фил приезжает в больницу, Дэнни находит в себе силы, чтобы улыбнуться ему, но больше он ни на что не способен и сразу снова проваливается в состояние комы. Грейс делает знак: «Не приводите его в сознание»; по прошествии двух ужасных дней сердце Дэнни не выдерживает, и он умирает.

Фил и Грейс сидят в комнате, где лежит тело. Они говорят о мелочах: о погоде, о солнце, которое заглянуло в комнату, о письмах Дэнни. Тело Дэнни на кровати такое крошечное и неподвижное. Кажется очень естественным, что они сидят и разговаривают здесь.

Спустя какое-то время они выходят из комнаты. Сообщают медсестре. По пути к машине Грейс берет его за руку,

разворачивает и заглядывает в глаза.

— Дэнни хотел, чтобы ты знал — он и мечтать не мог о таком брате, как ты.

— Спасибо, — мямлит в ответ Фил.

Похороны проходят тихо. Только Грейс, Фил, родители Фила, Густаво (ассистент, помогавший Грейс ухаживать за Дэнни после отъезда Фила), доктор Робинсон. Горди Хау присылает короткое письмо с выражением соболезнования. Он плохо себя чувствует, иначе приехал бы сам. Дэнни просил, чтобы его кремировали и его тело исчезло навсегда.

Фил едет в Детройт. Он хочет встретиться с частным детективом Райсом. Это его долг. Офис Раиса выходит окнами на реку, в отдалении Фил видит центр города, а еще дальше Виндзор, штат Онтарио. Когда он входит в кабинет, на прикрепленном к стене экране мелькают изображения его самого, Дэнни, его родителей, Горди Хау, а также разных бумаг и документов.

— Я проверил файлы, просмотрел, нет ли какой-либо новой информации, — говорит Раис и показывает рукой на стену. — За последние несколько лет ничего нового.

— Дэнни считал, что «Мил и Уид» были как-то связаны с Горди Хау. Горди Хау долгое время играл за «Ред вингз», когда они базировались в Детройте. Это может быть так?

Вид у Раиса сразу становится усталым.

— Знаете, Далтон тоже пытался доказать это. — Раис проводит большим пальцем по краю стола. — Скажите, Фил, как познакомились ваши родители?

— В колледже. Они оба учились в Университете Брауна.

— Но ваша мать выросла в Хопкинтоне. И отец тоже из Хопкинтона. Разве они не были знакомы в средней школе? — Он снова машет рукой в сторону стены. — У нас тут все документы, ведь несколько лет тому назад мы работали на Далтона.

Фил качает головой:

— Они не были знакомы в школе.

— Нет, были, и, судя по всему, даже были влюблены друг в друга. После университета поженились и вернулись в Хопкинтон. Может, все это неспроста?

— Нет, они познакомились в университете.

— Ну да. Простое совпадение, никаких далеко идущих планов. Совпадение еще ничего не доказывает, Фил. «Иногда сигара — это просто сигара». — Раис машет рукой в воздухе. — Дело в том, что, когда мы начали расследовать дело «Мил и Уид», у нас почти не было исходного материала. И даже последующие

расследования, включавшие регулярные проверки новой информации, ничего не дали. Иногда преступникам удается скрыться, не оставив следов, и это дело, похоже, прекрасный тому пример.

На секунду Раис умолкает, потом продолжает:

— Я работаю уже двадцать пять лет. Когда я был моложе, у меня как-то раз было похожее дело. Ко мне обратилась женщина, которая после смерти родителей случайно обнаружила, что ее в свое время удочерили. Ее родители не знали, что малютку выкрали в Техасе у незаконных мексиканских иммигрантов. Женщина хотела найти своих кровных родителей, но ей не удавалось сделать это обычным путем. Она обратилась ко мне. Удочерили ее за сорок лет до этого. С тех пор прошло шестьдесят пять лет. Я поехал в Техас и в течение двух недель рылся в записях о рождениях и смертях в Мексике и приграничных районах. В конце концов я вернулся и вынужден был сказать женщине, что помочь ей не смогу. Она была безутешна.

Какое-то время Раис разглядывает свой большой палец.

— Я много лет обдумывал это дело. Это одна из тех проблем, которые пытаешься разрешить, даже когда знаешь, что не сможешь этого сделать. Я до сих пор иногда посылаю запросы по этому делу, если мне вдруг приходит на ум свежая идея. Даже, бывает, звоню. Сейчас я скажу вам то, что не смог сказать тогда той женщине: что сделано, то сделано. Вы молодой человек. Ваше прошлое не определяет раз навсегда вашего будущего. — Раис снова показывает на стену. На этот раз изображения исчезают. — Это не определяет вашу личность. Кем вы станете — зависит от вас.

Раис поднимается и жестом дает понять, что он закончил.

Фил тоже встает со стула.

— А та женщина нашла своих кровных родителей?

Раис улыбается.

— Нет, но мне удалось ее успокоить. Я женился на ней.

Когда Фил возвращается из Детройта, его поражает, какими слабыми выглядят родители. Дом кажется ему пустым. Они спрашивают его, что он собирается делать дальше, но он не знает, что ответить. У него есть небольшие сбережения, и машина все еще на ходу. Родители просят его остаться, но он отказывается. Он испытывает ощущение, что больше никогда не сможет здесь жить.

Действие III

Такое впечатление, что городок Порталес, штат Нью-Мексико,

находится в другой стране. Здесь, в пустыне, на полпути между Санта-Фе и Лаббоком, названия городов больше похожи на насмешки: Кловис, Литтлфилд, Хаус, Флойд. До Розуэлла [37] всего час езды, и население Порталеса обсуждает НЛО и летающие тарелки так, словно речь идет о мойке машины или о посещении аптеки.

Фил оказался в Порталесе случайно. В Амарильо он вдруг понял, что до гор еще не меньше ста миль, и тут же решил ехать дальше на юго-запад. Машина у него перегрелась, сцепление вышло из строя. Стояла весна, кругом цвели цветы — вдоль дороги, перед домами из необожженного кирпича и глины. Таких красок он еще нигде не видывал. Словно все цветы, которые он встречал до сих пор, громко кричали ему. Эти же застенчиво улыбались и шептали что-то. Он шел вдоль дороги и не мог подобрать подходящих слов, чтобы описать окружающие краски. Лазурно-голубые? Персиковые?

Он снова устраивается работать барменом. В Порталесе всего-то около шестисот кварталов, да еще ранчо и фермы. А потом пустыня. Фил постоянно вспоминает зимы в Массачусетсе: деревья, холод, лед. Здесь о погоде начинают говорить, если температура поднимается выше ста градусов [38]. Пот высыхает в одну секунду — не успеваешь заметить. Открытая вода воспринимается как чудо. В Массачусетсе кожа у людей в основном светлая — у кого больше, у кого меньше; здесь все смуглые.

В Массачусетсе Джейк отказывался подсоединяться к каналам Сети, которые его соседи считали обязательными. Здесь компьютеры и доступ в Сеть тоже вполне доступны, но никаких местных каналов не существует вообще.

Фил снимает комнату над баром. Сейчас это его дом.

Каждый вечер в пятницу в бар приходит смуглый мужчина небольшого роста. У него тонкие черты лица, он никогда не улыбается, а глаза смотрят на все ровно и безучастно. Владелец бара Фрэнк называет имя мужчины — Эстебан Коррелеос. Мужчина всегда сидит один и пьет текилу, а около полуночи отключается. Закрывая бар, Фрэнк осторожно выводит Эстебана под руки и усаживает его на крыльце. Когда утром Фил спускается вниз, Эстебана там уже нет.

После того как Фил проработал в баре несколько месяцев, Фрэнк разрешил ему закрывать бар по выходным. Так Филу выпала честь выводить Эстебана на улицу.

Однажды ночью, когда он вытаскивает Эстебана на крыльцо, тот неожиданно пробуждается. Он смотрит прямо в лицо Филу, а потом долго что-то говорит по-испански. Фил не понимает ни

слова и только глядит на мужчину.

— Текила? — наконец спрашивает Эстебан.

— Извини, приятель, — отвечает Фил и усаживает того на крыльцо. — Бар закрыт.

— Si [39], — грустно замечает Эстебан.

Фил жалеет Эстебана и идет проводить его домой, а по дороге покупает бутылку куэрво [40]. Остаток ночи они пьют и беседуют. Эстебан всю жизнь прожил в Порталесе. Он зарабатывает на жизнь тем, что чинит старые орудия труда и технику на бедных фермах и ранчо, окружающих город.

Просыпается Фил на диване Эстебана. Он чувствует приступ тошноты и горечи, характерный для похмелья после большой дозы текилы. Первое, что он видит, это большое старинное пианино, выкрашенное в ярко-оранжевый цвет. Сбоку на нем вырезаны инициалы С. Дж. С., тонкий верхний слой шпона кое-где отходит. На половине клавиш уже не осталось белых пластинок, просто дерево со следами старого клея. На пюпитре стоят открытые ноты, стул у инструмента очень старый — на нем явно много сидят.

Неожиданно появляется жена Эстебана, Матиа, — огромная женщина; с необычайным изяществом она склоняется над Филом. Фил смотрит на нее, а она молча протягивает ему сухую лепешку-тортилью — лучшее лекарство от похмелья. Фил слышит чей-то кашель и поворачивается, чтобы взглянуть, кто это. Эстебан сидит на стуле и задумчиво покусывает палец. Фил медленно садится на диване и оглядывает комнату. Дом двухэтажный, это необычно для Порталеса; на второй этаж ведет лестница с резными перилами. Фил слышит сверху неясные голоса. В соседней комнате играют дети — минимум четверо, хотя от похмелья голова у него туманная и он, возможно, ошибается.

— Как ты оказался в наших краях? — спрашивает наконец Эстебан. Голос у него неожиданно глубокий, хотя сам он такой маленький. По-английски он говорит правильно и уверенно.

— Приехал из Амарильо, — отвечает Фил.

Он с трудом держит голову прямо.

— Я не то имел в виду. — Эстебан качает головой. — Ты слишком умен, чтобы быть барменом.

— Ну, Фрэнк тоже не такой уж дурак.

Эстебан не обращает на его слова никакого внимания.

— Где ты живешь?

— Фрэнк сдает мне комнату.

— Переноси вещи сюда. Матиа приготовит для тебя комнату.

— Что?

— Будешь работать на меня.

Сначала Фил возражает. Он уже столько времени живет самостоятельно и совсем не собирается быть от кого-либо зависимым. Но Эстебан не обращает никакого внимания на протесты Фила, и в результате Фил даже и не замечает, как перебирается в комнату на втором этаже дома Эстебана. Он бросает работу в баре, хотя Фрэнк не одобряет его поступка; вместо этого он возится с перегретыми, проржавевшими тракторами в пустыне. Эстебан ничему его не учит. Он просто тычет в сторону допотопного трактора, увитого проволокой и проводами, и говорит, показывая на отверстие в моторе: «Это сюда». Фил учится в процессе работы. Со временем он даже понимает, что у него есть определенный талант. Интересно, разбирал ли Горди Хау в молодости машины? И вообще, интересно, чем, кроме хоккея, любил заниматься Горди Хау?

У Эстебана шестеро детей от шести до двадцати лет. Старшую дочь зовут Чела. Фил знает только, что она работает с археологами недалеко от Альбукерке и приезжает домой только в перерывах между раскопками. Впервые он встречает ее, прожив в их доме несколько недель. Как-то он возвращается домой, открывает дверь, и на него обрушивается музыка — кто-то играет на пианино. Он удивленно осматривается по сторонам и замечает, что за пианино сидит смуглая женщина и увлеченно играет. Фил догадывается, что это Чела.

Чела хрупкая и маленькая даже по сравнению с Эстебаном. Какое-то время она продолжает играть, потом поднимает глаза и замечает Фила. Глаза у нее немного сонные, улыбка медленная. Нос большой и слегка кривой.

— Кто ты, черт побери? — спрашивает она.

— Фил Берджер. Я здесь живу.

— Хм. — Она внимательно осматривает Фила. — Ты говоришь по-испански?

Он отрицательно качает головой:

— Не очень хорошо. Я учусь.

Она тут же поворачивается и что-то кричит в сторону кухни на испанском. Из кухни появляется Матиа, руки у нее в кукурузной муке. Женщины горячо и быстро о чем-то говорят, Фил ничего не может понять. Матиа с презрением отмахивается от Челы и возвращается на кухню.

— О чем это вы?

Она не обращает внимания на его вопрос.

— Ты когда-нибудь попадал в полицию?

— Что?

Она пристально смотрит на него.

— За что?

— За драку, — нервно отвечает он. — Я напился и ввязался в драку.

— Много пьешь?

— Нет! Совсем немного.

Она разводит руки в стороны.

— Ты уверен? Эстебан привел тебя сюда пьяным.

— Это не так. Это я привел его домой. После этого я пил с ним вместе.

— И сколько ты собираешься пробыть здесь?

Фил садится на диван.

— Понятия не имею.

— Ясно. — Она спокойно сидит на стуле у пианино и рассматривает его. Филу настолько не по себе, что он готов выскочить из комнаты. Он сердится сам на себя.

Фил никогда не может предугадать, что скажет Чела. От ее уверенности и непоколебимости ему становится неуютно, он избегает ее, предпочитая проводить время в компании младших детей, которые обожают его. В те редкие минуты, когда они все-таки общаются с Челой, Эстебан и Матиа так ненавязчиво за ними присматривают, что Фил даже не замечает этого.

Эстебан родом из Сан-Луиса-Потоси в Мексике. Каждый год в ноябре он везет туда Матиа и детей на праздник *Dia de los Muertos,* День умерших. Он зовет с собой и Фила, но тот отказывается. В другой раз, говорит он.

Вместо этого он решает провести несколько дней в горах Сангре-де-Кристо, неподалеку от Таоса [41]. Там в горах берет начало река Пекос. Фил очень устал от жары и соскучился по холоду и льду.

Разговор прерывает Чела:

— Там очень красиво. Я подброшу тебя. Мне все равно нужно в Ратон.

Эстебан смотрит на молодых людей и пожимает плечами. Матиа хочет было что-то сказать, но Эстебан бросает на нее быстрый взгляд, и она замолкает.

— У меня тоже есть машина, — спокойно говорит Фил.

— Лучше не ездить одному, — улыбается ему в ответ Чела, — да и дешевле.

Бензин снова подорожал; в семействе Коррелеосов постоянно обсуждается вопрос, стоит или нет покупать новую машину с электродвигателем. Эстебан долгое время удерживал своих родственников от покупки такой машины, так как почти все его клиенты до сих пор пользуются старыми машинами и тракторами, работающими на бензине.

Фил и Чела едут на север; как ни странно, но они не испытывают никакой скованности и легко беседуют. Маленький автомобиль Челы с трудом поднимается в горы, и Фил смотрит в окно. Настоящий хребет планеты; в Новой Англии, где он вырос, камни совсем другие, они навалены кучей. Эти же выпирают тут и там из земли, как лезвия ножей.

Тут намного холоднее, чем он думал. Он теперь боится, что может замерзнуть.

Они останавливаются у въезда в Национальный парк Таос, я Чела паркует машину. Фил достает с заднего сиденья свой рюкзак и надевает его. Чела любуется горами.

Неожиданно он предлагает:

— Хочешь пойти со мной?

Чела улыбается:

— Я надеялась, что ты предложишь это.

Она достает из машины теплые вещи и протягивает их Филу, потом вытаскивает из багажника свой рюкзак.

— Послушай, — говорит Фил, — но разве тебе не нужно в Ратон?

Она кивает:

— Да, конечно, но только на следующей неделе. Неужели ты думаешь, папа отпустил бы меня, если бы заподозрил, что я могу отправиться с тобой в горы?

— А ты именно этого хотела?

Она снова улыбается. Филу нравится, как при этом сияет ее лицо.

— Ну, скажем, я надеялась. — Она смеется, Фил тоже улыбается. Смех у нее веселый, заразительный. — Да ведь и ты никогда еще тут не бывал. А я бывала. И могу показать тебе такое, о чем ты и представления не имеешь.

— Не сомневаюсь.

Она смотрит на него с веселым видом, закидывает рюкзак за спину и идет вперед по крутой тропе.

Сначала Фил не знает, о чем с ней говорить. Он больше не чувствует себя так же свободно, как в машине. Чела, со своей стороны, не форсирует события, и в первый день они говорят только о горах: где разбить лагерь, у дальнего пика или у ближнего, идти дальше вдоль мессы [42] или спуститься по тропе в долину.

Тропа, которую они выбрали, сначала ведет наверх в горы, а потом уже вниз к одной из лагерных стоянок. Вдалеке на вершине горы Фил видит стадо оленей. Он смотрит на Челу. Она кивает и говорит:

— Да, олени. Когда станет холоднее, они спустятся вниз.

— А можно подойти к ним ближе?

Чела качает головой:

— Нет, они убегают. Обычно.

— Обычно?

Какое-то время Чела молчит.

— Когда я была девочкой, папа привез меня сюда. Мы разбили лагерь в небольшой долине на западном склоне. Мне, наверное, было лет десять. Мы наткнулись на оленей на заходе солнца. Они стояли неподвижно. Мы подобрались к ним так близко, что я почти дотронулась до одного из них рукой. — Она молча смотрит на оленей. — Папа сказал, что они знали, кто я.

Фил поворачивается к ней. Уже поздно, горные вершины отбрасывают тени в долине, но еще хорошо все видно. Воздух морозный, пахнет снегом. Лицо Челы приобретает красновато-коричневый оттенок, как сама земля. Кажется, что светится все: и ее лицо, и весь мир, их окружающий.

«Кто же ты?» — думает Фил.

Ночью от их дыхания внутренняя сторона палатки покрывается инеем. Они разговаривают. Чела рассказывает, как впервые нашла на поле глиняные черепки, как ей стало интересно, откуда они там взялись. Фил рассказывает ей о письмах Дэнни. Все как-то меняется. Теперь они ближе друг другу и вполне естественно ложатся рядом. Фил прижимает Челу к себе, наслаждаясь ее запахом, ее кожей, ее голосом. Какие-то тиски внутри у него разжимаются и отпускают его, он спокойно закрывает глаза и засыпает. Он уверен, что чувствует, как земля под ним вращается.

На Рождество в возрасте девяноста девяти лет умирает Горди Хау. Филу двадцать восемь. Он уже пять лет работает у Эстебана. Он посылает цветы Марри Хау. Тот отвечает коротким письмом, завязывается переписка. На следующий год Марри приезжает на свадьбу Фила и Челы.

В Порталесе стоит теплый осенний вечер. Воздух немного прохладный, но земля все еще излучает тепло. Марри и Фил пьют пиво, сидя в темноте за домом за старым складным столом. Они наблюдают за людьми в доме. Фил видит, как Джейк и Кэрол беседуют с Матиа и Эстебаном. Интересно, о чем. Он до сих пор не может понять, как это его родители так легко сошлись с родственниками жены.

Веселье подходит к концу, хотя многие гости все еще танцуют. Эстебан специально привез небольшой оркестр из Санта-Фе, и теперь высокий тенор певца разносится далеко вокруг.

— Твоя жена знает о связи между тобой и моим отцом?

Фил кивает:

— Я рассказал ей все пару лет назад. И Эстебан тоже знает. Мне пришлось объяснять ему, кто такой Горди Хау.

Марри смеется:

— Никогда бы не подумал.

Фил вытягивает из кармана пиджака пластиковую бутылку и два пластиковых стакана. Наливает в стаканы вязкую желтую жидкость и протягивает один стакан Марри.

— И что это?

— Пульке [43]. Эстебан сам его делает.

— Я не ослепну?

— Нет, по крайней мере не навсегда.

Марри пробует напиток. Закрывает глаза и корчит гримасу.

— Такого вкуса в природе быть не может.

— Со временем привыкаешь.

Марри пробует открыть рот.

— У меня во рту все онемело.

— Да, так и должно быть.

Марри кивает головой, они замолкают. Марри показывает в сторону дома.

— Я рад, что приехал. Отец всегда немного за тебя волновался.

Фил улыбается:

— А мне не хотелось тревожить его.

— Да. Это я понимаю. Он очень жалел, что ты не стал играть за НХЛ. Он говорил… — Марри задумывается. — Он говорил, что рад, что узнал о клонировании сам, но тебе об этом говорить не следовало. Тогда он мог бы наблюдать за тобой. Он считал, что ты неплохой хоккеист. — Марри опять помолчал. — Он думал, что ты совершил ошибку, когда уехал из Бостона. Тебе следовало продолжать играть в низшей лиге. В конце концов ты бы очутился в НХЛ. — Тут Марри тычет Фила пальцем в грудь. — Но он прекрасно тебя понимал и не осуждал.

Фил снова смотрит в сторону дома Эстебана. Чела теперь присоединилась к Джейку и Кэрол. Кто-то что-то говорит, — наверное, Кэрол, — и Чела громко смеется. Фил слышит ее смех — он разносится подобно музыке. Наконец он отвечает:

— Спасибо, но у меня все отлично получилось.

Марри пожимает плечами:

— И ты собираешься остаться тут?

Фил качает головой:

— Чела хочет вернуться в Альбукерке. Хочет закончить учебу. Хочет, чтобы и я вернулся в университет.

— Ага. Она археолог?

— Да. Говорит, что устала пахать на чужих раскопках. Хочет сделать что-нибудь свое.

— А ты?

Фил пожимает плечами.

— Не знаю. Мне нравится работать с Эстебаном. Мне нравится работать с машинами. — Он снова смотрит на людей в доме. — Но мне скоро будет тридцать. Наверное, надо попробовать что-то еще.

Марри снова пробует мескаль и снова строит гримасу.

— Сам разберешься.

— Скажи, Горди любил копаться в старых машинах?

Марри долго смотрит на Фила.

— Понятия не имею. А почему ты спрашиваешь?

Фил наблюдает через окно за Челой. Чела замечает его и машет рукой. Он машет ей в ответ. Он уверен в ней так, как не был уверен ни в чем другом в своей жизни.

— Так просто. Любопытство.

Альбукерке настоящий большой город, тут много зданий, много компаний. Сердце города — университет штата Нью-Мексико. После шести лет в таком маленьком городке, как Порталес, Филу вначале приходится туго. Оказывается, пока для него в Порталесе время практически остановилось, в остальном мире оно мчалось вперед, как всегда. Наука успела разобраться со всеми сложными моментами в технике клонирования, благодаря которой он появился на свет. Но все равно клонирование людей пока еще не поставлено на поточный метод. В области лечения бесплодия также достигнуты немалые результаты, поэтому к клонированию прибегать не обязательно. Теперь при обсуждении проблемы клонирования соблюдают некоторую осторожность, которой он не замечал, когда сам был центром подобных дискуссий. Он тщательно просматривает все новости в поисках своего имени, но находит лишь небольшую заметку о том, что Фрэнк Хэммет покинул «Глоуб» и вернулся в агентство новостей «Мидлсекс Вустер».

Фил и Чела находят подходящий дом в нескольких кварталах от университета. Он небольшой, всего четыре комнаты. За домом маленький дворик, примерно двадцать квадратных футов, с трех сторон к нему примыкают такие же дома. Как и все молодожены, они в основном заняты друг другом. Обычно они говорят по-английски. А в постели по-испански.

Несколько раз за последние пару лет, когда Эстебану не удавалось смастерить, выменять или купить какую-нибудь

запчасть для старого трактора одного из фермеров Порталеса, он обращался в компанию «Фрост Фэбрикейшнз» в Альбукерке, и деталь делали на заказ. Поэтому Фил знает Джона Фроста. Он устраивается на работу в компанию.

Чела много занимается. Фил работает за двоих. Филу нравится отливать детали из металла. Челе нравится учиться. Оба довольны.

У «Фрост Фэбрикейшнз» много таких клиентов, как Эстебан; для выполнения заказов используется несколько прокатных станов и других машин и механизмов. Все шутят, что в компании работают в основном люди с седыми волосами — такие же древние, как и их техника. Фил самый молодой из всех работников, и ему достается больше других.

На заводе есть и современный цех, туда поступают заказы из разных точек страны. Некоторые механизмы работают автоматически, они могут выполнять простую работу без наблюдения человека. Филу это очень нравится, и вскоре он уходит из отдела ручной отливки и переходит в современный цех.

Но по сравнению с тем, что делают на других заводах, даже этот цех можно считать устаревшим. Фил читает о телеуправлямых системах, которые не только автоматически производят какие-то детали, но и умеют сначала сделать микроскопические автоматические инструменты, а потом с их помощью изготовить необходимую деталь. В университете работает человек по фамилии Мишра, он как раз занимается подобными разработками. Джон знакомит Фила с Мишрой, и на протяжении года они тесно сотрудничают.

Спустя два года Чела получает диплом и начинает работать на факультете археологии.

Фил поступает на инженерно-механический факультет и учится под руководством Мишры. Он успевает и учиться, и работать на заводе. Больше ни на что времени не хватает. Фил много занимается и умудряется получить диплом за три года. Взяв у Эстебана денег взаймы, они с Челой выкупают современный телеуправляемый цех у Джона Фроста и основывают компанию под названием «Мастерские Берджера».

Как-то теплым февральским вечером, выпив по бокалу шампанского за ужином, они торжественно спускают в туалет противозачаточные таблетки, прописанные Челе. После этого долго и упоенно занимаются любовью.

К апрелю Чела беременеет.

Ребенок рождается в январе. Мальчика называют Джейк Эстебан Берджер. Оба деда гордятся этим. Уже через несколько дней после родов Фил держит ребенка на руках и внимательно

всматривается в его лицо, пытаясь разглядеть в нем черты Горди Хау. Кое-что, наверное, мальчик унаследовал от Фила: голубые глаза, форму рук. Остальное — от Челы. Глаза Фила на смуглом лице Челы, обрамленном темными волосами Челы. Фил успокаивается.

Стоит теплый январь. Фил и Чела строят планы на конец лета — они хотят поездить по Техасу и Глубокому Югу [44] до побережья Атлантического океана, потом заехать в Вашингтон, Филадельфию и Нью-Йорк, а уж в самом конце к родителям Фила. Но повторный сердечный приступ Джейка срывает все их планы.

Фил оставляет все дела на Мишру и вместе с Челой и малышом Джейком летит в Провиденс. Автотакси подвозит их до гостиницы.

В Массачусетсе необычная весна. Воцарившееся уже было тепло отступило под натиском зимних бурь. Деревья, цветы, кусты покрыты инеем. Кругом красиво и таинственно. Фил замечает цветы азалии, замурованные в лед, как в стекло. Березки перед домом склонились почти до земли — впечатление такое, будто попадаешь в собор.

Они оставляют сумки в гостинице, а сами едут в больницу Метро-Уэст во Фрэмингэме. Кэрол сидит у постели Джейка в коронарном отделении. Тело Джейка обвито проводами, трубками, облеплено сенсорами. За постелью расположен большой дисплей, примерно на двух десятках экранов отражаются частота сердечных сокращений Джейка, потребление кислорода, дыхание и другие медицинские показатели, которые для Фила равносильны китайской грамоте. К сердцу Джейка подсоединен искусственный вспомогательный механизм; вид у Джейка бледный, он сильно ослаб. Когда он видит малыша Джейка, глаза его ненадолго оживают. Он протягивает к мальчику руку.

Фил смотрит на Челу. Она кивает. Фил осторожно передает малыша на руки Джейку. Малышу всего четыре месяца от роду. Фил готов поймать младенца, если руки Джейка подведут его, но Джейк аккуратно держит малыша у груди так, чтобы того не касались провода и трубки. Он что-то тихо напевает мальчику. Маленький Джейк смотрит на старика не моргая, взгляд его так же вечен и таинствен, как взгляд сфинкса.

Кэрол разъясняет им ситуацию. Джейку могут пересадить искусственное сердце, сердце от человека-донора или от свиньи или же оставить вспомогательный механизм, который вживили сейчас. Правда, похоже, Джейк не очень хорошо переносит этот

механизм, а сердечного донора в данный момент нет. Так что остается два варианта: искусственное сердце или сердце от свиньи. Раз Джейк плохо переносит вживление вспомогательного механизма, очевидно, он плохо перенесет и искусственное сердце. Врачи настаивают на сердце от свиньи. Джейк против, он согласен на донорское сердце, но от человека.

Кэрол качает головой. Она вот-вот расплачется.

— Не знаю, что с ним делать. Совсем не знаю.

Чела обнимает Кэрол и беспрестанно повторяет:

— Мы что-нибудь придумаем. — Она смотрит на Фила и подбородком показывает в сторону Джейка.

Фил стоит рядом с отцом. Тот щекочет малыша под подбородком. Малыш хохочет и срыгивает. Джейк вытирает его салфеткой с ночного столика.

— Отец…

— Тихо, — говорит Джейк. — Я занят. — Он воркует с малышом и снова щекочет его. Малыш хохочет и сучит ручками в воздухе.

Джейк смотрит на Фила.

— Это лучший подарок, который вы мне могли привезти.

— Отец. Нам надо поговорить о твоем сердце.

— Нет, — отвечает Джейк. — Не надо. Решение принимать не тебе, Фил.

— Я знаю, но…

— Послушай меня. — Джейк укладывает малыша рядом с собой. — Я не хочу, чтобы во мне билось сердце свиньи.

— Это не сердце свиньи. В свинье выращивали человеческое сердце.

— Я его не хочу. Это… — Джейк показывает на разрез на груди. — Этого достаточно, чтобы поддержать во мне жизнь. Ничего другого мне не нужно.

— Отец…

— Этот механизм поможет мне протянуть до тех пор, пока не достанут настоящее донорское сердце.

— Даже если он создает угрозу твоей жизни?

Джейк медленно кивает:

— Да. Даже если.

— О'кей. — Фил закрывает глаза и набирает полную грудь воздуха. — О'кей. Я принимаю то, что ты сказал. А теперь объясни мне свою точку зрения.

— Сердце свиньи… я не хочу носить в себе орган, принадлежавший животному. Меня не волнует, чьим это сердце было вначале: козлиным или человеческим. Я его просто не хочу. — Он замолкает. — Я много об этом думал после первого

приступа. Знаешь, для чего человеку сердце? Кроме, конечно, поддержания жизни в организме.

— Для чего?

— Сердце должно выполнять свою работу. Оно должно бес перебойно *биться* в груди, чтобы человек не ломал над этим голову, не отвлекался, не задумывался бы над тем, не будет ли остановки из-за ошибки программы или нехватки батареи. — Джейк трогает лобик малыша. — Сердце должно быть живым и здоровым, оно должно быть частью человека. Я хочу, чтобы у меня в груди билось человеческое сердце, Фил. Разве это такая уж сумасшедшая идея?

— Нет, — отвечает Фил. Он наклоняется, осторожно берет малыша Джейка на руки и поднимает его. — А теперь послушай меня. Я хочу, чтобы мой сын знал своего деда. Хочу, чтобы он вырос сильным и здоровым, чтобы он знал тебя так же, как знал тебя я. Я хочу, чтобы он знал своих родственников, чтобы он знал, от кого родился и почему. Я не смогу ему этого рассказать. Только ты сможешь. — Фил замолкает, потом говорит: — Поэтому я хочу, чтобы ты жил, и не важно, с каким сердцем: искусственным или от свиньи. Для меня это ровным счетом ничего не значит.

Пораженный Джейк смотрит на Фила.

— Ты возмужал там у себя в Нью-Мексико.

— Ну, без хорошего семени ничего не вырастить. Я унаследовал это от тебя.

— Не от мистера Хау?

— Горди Хау и те сукины дети, что клонировали его, наградили меня этим телом. — Фил склоняется над Джейком и дотрагивается до надреза на его груди. — Но только ты и мама могли вложить в это тело душу и сердце.

Джейк ничего не отвечает.

— О'кей. Твоя взяла. Сердце свиньи. Может, так и лучше, чем носить в себе этот проклятый механизм.

На какое-то мгновение в маленькой палате воцаряется радостное молчание. Врачи, которые ждут только согласия пациента, назначают операцию на следующий день. Джейк целует малыша. Потом ему дают легкое успокоительное. Когда он засыпает, его увозят.

Он больше не просыпается. Внезапная эмболия во время операции приводит к обширной стенокардии, и он умирает.

Фил в шоке возвращается в гостиницу. В течение нескольких дней, пока идут приготовления к похоронам, он в основном молчит. После похорон они прощаются с Кэрол и собираются назад в Альбукерке. Чела осторожно ведет Фила в самолет,

сажает в машину и везет их всех домой. Целыми днями Фил просто сидит на заднем дворике, уставившись на забор. Он непрестанно задает себе один и тот же вопрос: если бы он тогда не уговорил Джейка на операцию, остался бы отец в живых?

Проходит неделя, и Фил понемногу возвращается к обычной жизни. Он поднимается рано утром и играет с Джейком, пока не проснется Чела. Когда же встает и она, они все вместе завтракают, после чего он отправляется в мастерские. Он настраивает аппараты на получение электронных заказов, отлаживает программы сложных процессов отливки металла и сам готовит сталь, когда автоматические системы перегружены. К вечеру он очень устает. Когда он возвращается домой, Чела уже ждет его. Она успевает забрать Джейка из яслей. Они вместе ужинают. Чела укладывает Джейка спать, а Фил пьет пиво. Потом они сидят вдвоем. Иногда разговаривают. Но часто Фил молчит. Он ощущает полную опустошенность — с самого утра, когда он встает с постели, и до вечера, когда наступает пора снова ложиться спать. Его мучают угрызения совести. Он обеспокоен этим, пытается уговорить себя, что он ни в чем не виноват, сделать вид, что ничего не происходит, пытается не замечать проблему. Но она подобна валуну на дороге, который задерживает путника в пути и заставляет его идти другой дорогой.

Однажды вечером он рассказывает обо всем Челе. Она расчесывает волосы в ванной. Малыш Джейк спит в своей люльке у стены.

Чела замирает и осторожно откладывает расческу в сторону. Она идет в спальню, садится на кровать рядом с Филом и мягко, спокойно говорит:

— Ничего более глупого я в своей жизни не слышала.

Фил в растерянности.

— Все могло получиться по-другому. А может быть, у него такая судьба.

Она качает головой.

— Твоя машина могла сломаться в Амарильо, тогда бы мы никогда не встретились. Тогда Джейк не приехал бы сюда на нашу свадьбу после своего первого приступа. А кто знает, может, именно в той поездке он истратил силы, которых ему не хватило во время операции. Так что же, винить во всем машину? Разве дело в ней? — Она замолкает, а Фил с нетерпением ждет, что она скажет еще. — Это судьба, — наконец говорит она. — Мы все ходим под Богом. Ты должен был оказаться в Порталесе. Должен был задержаться здесь и начать работать у Фрэнка. Я чудом не была изувечена в автомобильной катастрофе, когда мне было

десять лет. Пострадала другая девочка. Мне было суждено встретить тебя, и потому я не встретила кого-то раньше. И у тебя тоже никого тогда не было.

— Я должен был встретить Эстебана? — улыбается Фил.

Она улыбается ему в ответ.

— Не совсем. Эстебан в течение трех лет ходил в тот бар в поисках мужа для меня. И вот нашел подходящего, который, он знал, понравится мне.

Фил громко смеется.

— Не может быть!

Чела кивает.

— Нет, может. Он решил, что таким образом не пропустит никого из людей, проезжающих через наш город. Чего он только не придумывал — с тех пор как мне стукнуло шестнадцать.

— Разве он хотел, чтобы зять его был пьяницей?

— А разве ты пьяница? Тебе было предначертано оказаться там. Эстебан воспользовался этим. — Она кладет руку ему на грудь. — Ты ни в чем не виноват. И я ни в чем не виновата. И Джейк ни в чем не виноват. Все дело в судьбе.

Фил разбивает небольшой огород — какой был у отца в Массачусетсе. По утрам, пока Чела не проснулась, он выносит малыша на задний дворик. Джейку пять месяцев. В это время прохладно, но не холодно. Малыш лежит на толстом одеяле и смотрит, как Фил копается в земле.

Фил даже не замечает, как начинает разговаривать с Джейком. Он рассказывает ему о Горди Хау, о зиме в Массачусетсе, о сложностях на работе. Рассказывает малышу о его дедушке Джейке. Описывает ему Джейка, вспоминает, как тот всегда ровно и спокойно говорил, делая между фразами долгие паузы, и как это всегда раздражало Фила-подростка. Он рассказывает малышу о Дэнни, каким корявым и несуразным был он внешне и насколько ясен при этом был у него ум, какие письма он писал Филу. Фил до сих пор хранит эти письма в коробке. Он рассказывает о Челе, о том, что он так и не научился предугадывать, что же она сделает в следующий момент. И несмотря на эту ее непредсказуемость, она умудряется всегда поступать правильно. Фил рассказывает малышу о том, как учил испанский, о том, как языком ощущал все звуки, как не мог одновременно воспринимать испанскую и английскую речь, хотя у Челы это получалось достаточно легко. Он рассказывает о пустыне, о Порталесе, Альбукерке, Остине и Хопкинтоне, о том, как похожа и не похожа пустыня зимой на Массачусетс; рассказывает, какими впервые увидел горы, — они показались

ему похожими на гигантскую рептилию, заснувшую на боку.

Все лето он работает в саду и беседует с малышом Джейком. Чела не останавливает их, хотя иногда Фил видит, что она наблюдает за ними в окно. Малыш постепенно начинает переворачиваться, ползать, и Фил замечает у него некоторые движения, которые всегда подмечал у отца: малыш так же поворачивает голову, так же закатывает глаза, так же сцепляет руки. Фил не понимает, как такое возможно, ведь малыш никогда толком не общался с Джейком, а генетически Джейка нельзя даже считать его дедом. Однажды он моет руки в ванной и вдруг замечает в зеркале, что и сам так же сцепляет руки. Он оторопело смотрит на свое отражение. Внешне он совсем не похож на отца, но вот ведь, наверное, именно в ванной перенял у него этот жест. А маленький Джейк подцепил и это, и остальные движения деда у него самого. Филу становится легче на душе. Джейк Берджер не оставил наследника в генетическом смысле, но он продолжает жить в Филе, в маленьком Джейке. В ноябре приезжает погостить Кэрол. Она снимает квартиру неподалеку и остается на всю зиму. В апреле она собирается возвращаться в Хопкинтон.

Фил бросает аспирантуру, так и не получив ученой степени. Они с Мишрой становятся партнерами, и всего за несколько месяцев объем их производства удваивается. Постепенно они прибирают к рукам все заказы, проходящие по стране, и направляют их в другие фирмы.

Чела, в свою очередь, все больше и больше интересуется местными археологическими раскопками. Она налаживает отношения между индейскими племенами юго-запада и археологами. Индейцы считают, что нельзя нарушать покой умерших, для них это табу; поэтому большинство из них не доверяет археологам. Однако, работая с ними на протяжении многих лет, Чела завоевала уважение индейцев навахо, хопи и других племен; они доверяют ей. Она занимается раскопками их древностей.

Фил и Чела присматривают дом побольше. К дому примыкает еще одна небольшая квартира, а до мастерских Фила рукой подать. В ноябре, когда Кэрол приезжает к ним на зиму, они готовы принять ее в своем новом доме. Пять месяцев она проведет в отдельной квартире на втором этаже.

Джейк растет, эдакий спокойный, серьезный мальчик. Он больше улыбается, а не смеется, рано начинает говорить и любит помогать Филу в огороде. Фил старается свести ущерб к минимуму, но, пока Джейк не научился отличать брокколи от бразильского перца, а помидоры от льнянки, приходится

мириться с некоторыми потерями. Наблюдая за маленьким Джейком, Фил все время узнает что-то новое о своем отце и о Челе. Малыш отражает мать, как луна отражает солнце. Фил радуется, когда видит в мальчике свои черты. Он даже удивлен, что вовсе не расстраивается из-за того, что мальчик больше похож на Челу, чем на него. Когда он говорит об этом Челе, та возражает — он просто не видит своих черт.

Горе Фила понемногу притупляется и уходит. Он снова без видимых причин чувствует себя счастливым. Это ощущение для него внове и заставляет его задуматься. Неужели все эти годы он был несчастлив? Он не может дать точного ответа.

Фил и Чела отмеряют время по Джейку: когда умер дед, Джейку было четыре месяца; когда ему стукнул годик, они купили дом; когда исполнилось два, они ездили туда-то и туда-то.

За неделю до того, как Джейку должно исполниться три года, Чела принимает участие в очень серьезных переговорах между племенами навахо, хопи и пайютов относительно археологических раскопок в горах Колорадо. В пятницу она несется домой из Шипрока по автостраде № 64, соединяющей оба штата. Ночь темная, безлунная. На обледеневшем мосту через реку Вэствотер Арройо в Вотерфлоу машину заносит, она падает в пропасть и переворачивается вверх дном. Чела погибает на месте.

Действие IV

Когда приходят полицейские и сообщают Филу ужасную новость, малыш Джейк спит. Фил, едва завидев полицейских, сразу понимает, что произошло. Земля разверзлась, все поглотила необъятная тишина, все кажется ему далеким, нереальным, холодным.

Полицейские уходят, а Фил продолжает сидеть в темноте рядом с телефоном. Надо позвонить Эстебану. Надо взять трубку и позвонить Эстебану. Но он не может заставить себя даже поднять руку, не может встать. Кэрол. Она наверху. Позови ее. Он не в силах повернуть голову. До него доносится лишь один звук — сонное дыхание Джейка, вдох-выдох. Такое впечатление, что всю жизнь смерть потихоньку подбирается к нему. Сначала Дэнни. Потом Джейк. Теперь Чела. Малыш Джейк слегка присвистывает во сне. А что если он перестанет дышать? Что тогда делать Филу? Сможет ли он после этого двигаться? Или тоже перестанет дышать?

«Я могу умереть прямо тут, — думает он. — Могу плюнуть на все и умереть. Интересно, что чувствовала она?»

На земле, похоже, его удерживает только дыхание Джейка.

Он мысленно представляет себе шоссе, идущее через Вотерфлоу. Он и сам раньше ездил по этой автостраде. Он видит корку льда на мосту, видит, как Челу заносит, видит, как она паникует и пытается справиться с машиной.

«Я так и не научил ее водить машину по льду, — думает он. — Просто не было необходимости».

На рассвете малыш начинает просыпаться, и дыхание у него на секунду прерывается. Фил трясет головой и наконец-то встает на ноги. Первым делом он зовет Кэрол и сообщает новость ей. Потом моет лицо холодной водой, берет трубку и набирает по памяти номер Эстебана.

— Эстебан, — говорит он по-испански. — Произошел несчастный случай.

Потом ждет, когда проснется Джейк.

Фил поражается, какая тягучая скука сопровождает смерть. Так же как и тогда, когда Чела с его матерью хоронили отца, родственники сейчас обсуждают всякие малозначимые, с его точки зрения, детали. Как похоронить Челу? Кремировать ли ее? И где? Какой гроб заказывать? Какую урну?

Всем заправляет Матиа. Она очень постарела, вид у нее печальный, но величественный. Похороны превращаются в большое, яркое событие. Фил чувствует себя чужим. Матиа знает, каких родственников нужно пригласить, как задрапировать гроб, какие цветы послать в какой храм. Эстебан разделяет горе Фила. Фил разделяет горе своего сына.

Малыш Джейк сначала не плачет. Он спрашивает, когда мама будет дома. Фил снова и снова рассказывает ему, что случилось. Мама уехала. Она никогда не вернется. Она всегда будет любить тебя, но не может больше быть с нами. Джейк слушает и внимательно смотрит на отца своими голубыми глазами. Потом снова задает тот же самый вопрос.

Ко дню похорон Джейк уже ни о чем не спрашивает. Он делает все, о чем его просят, и ни о чем не говорит. Он позволяет всем обнимать, целовать и ласкать себя, словно это не он сам. Только крепко сжимает руку отца. Так крепко, что Филу приходится часто менять руку.

После похорон Филу надо позаботиться о всех делах. Страховка, документы относительно дома. Получив страховку, он тут же оплачивает закладную на дом, остальное кладет на счет Джейка. Звонит Мишра, хочет узнать, все ли в порядке. Спрашивает, когда Фил выйдет на работу. Фил хочет крикнуть в трубку: «Никогда!» — но вместо этого отвечает, что не знает.

Все свое время он проводит с Джейком и Кэрол. В первую ночь после случившегося Джейк забирается к нему в постель. Фил не может прогнать малыша. Теперь каждую ночь он обнаруживает Джейка у себя в кровати.

Наконец, спустя месяц, он идет в цех. Стоя в окружении машин-автоматов, он понимает, что никогда больше не захочет сюда прийти. Он идет в офис, садится напротив Мишры и спокойно говорит:

— Выкупи мою долю.

Мишра достает из ящика стола бумагу, протягивает ее Джейку и отвечает:

— Я подозревал, что ты захочешь это сделать.

Он обсуждает случившееся с Джейком, насколько тридцативосьмилетний мужчина может что-либо обсуждать с трехлетним малышом. Когда весной Кэрол собирается домой, они продают дом и решают ехать вместе с ней в Хопкинтон. Приезжают, чтобы проводить их, Матиа и Эстебан.

— Ты вернешься, — говорит Эстебан, глядя ему в глаза. Он кладет руку на грудь Филу. — Мы у тебя в крови.

Фил согласно кивает.

— Когда-нибудь. — Больше он ничего не может сказать. Он обнимает их раза три-четыре. Они никак не могут отпустить Джейка. Наконец Джейк, Кэрол и Фил садятся в грузовик и отправляются в дальний путь до Массачусетса.

На этот раз ему приходится намного труднее, чем после смерти отца. Сейчас все кажется настолько неестественным, настолько горьким, что он временами приходит в ярость. По дороге в Массачусетс Джейк впервые видит Большой Каньон. Фил наблюдает за восхищенным сыном и понимает, что он сейчас смотрит на малыша и своими глазами, и глазами Челы. Он теперь должен все видеть и за нее тоже. Когда они делают остановку на день, чтобы погулять в парке на берегу Миссисипи, он старается воспринимать все так, как восприняла бы это она. Она ведь никогда не бывала здесь. Интересно, что испытывал Горди Хау, когда умерла его жена.

Наконец они приезжают в старый дом в Хопкинтоне. Уже начало лета, и лужайка с огородом заросли сорняками. Здесь все так разительно отличается от Нью-Мексико. Филу хочется понять, что бы испытывала Чела, предки которой были испанцами; ему хочется увидеть этот город, этот дом новыми глазами.

Проходят лето и осень. Иногда из событий целого месяца Фил запоминает только то, что произошло с Джейком. Словно Фил живет только лишь малышом, видит все его глазами, трогает

все его руками.

Четвертый день рождения Джейка совпадает с годовщиной смерти Челы. Фил старается не думать об этом. Он не хочет, чтобы день рождения Джейка навсегда был омрачен печальными воспоминаниями. Вместе с Кэрол он устраивает небольшую вечеринку, приглашает новых друзей Джейка и их родителей. За день до дня рождения Фил натыкается на Джейка в гостиной. Тот стоит перед старым, разбитым пианино. Оранжевая краска также безвкусно смотрится на фоне модных обоев Кэрол, как и в Нью-Мексико. Джейк положил правую руку на клавиши, но не нажимает их, словно пытается прочувствовать. По его щекам стекают слезы.

— Джейк? — осторожно окликает его Фил. — Что случилось?

Джейк осторожно и беззвучно проводит рукой по клавишам.

— Мама любила играть на пианино, да?

Фил подходит к нему и садится на пол. Джейк не снимает руки с клавиш.

— Да, — отвечает Фил.

Джейк отпускает руку и садится на колени к Филу.

— Я тоже хочу играть, — говорит он. — Я смогу научиться?

Фил с трудом выдавливает слово «да».

Когда Джейк начинает ходить в детский сад, Фил не знает, что делать в свободное время. Пока погода позволяет, он ремонтирует дом Кэрол. Кэрол скоро будет восемьдесят лет. Силы еще не покинули ее, но годы дают себя знать. Фил пристраивает к дому небольшое крыльцо-веранду для нее и для Джейка.

В течение осени Фил и Джейк просыпаются рано утром и до прихода автобуса успевают прогуляться вокруг озера в близлежащем парке. Фил очень ценит эти часы. Он любит проводить время с Джейком. В этом году зима наступает рано, и к Рождеству озеро уже затянуто ровным слоем льда. Вдалеке мальчики играют в хоккей. Фил склоняется надо льдом. Под верхним шершавым слоем лед твердый и гладкий. Идеальный лед для игры. Он задумчиво поднимается на ноги и натягивает перчатку.

Джейк внимательно наблюдает за мальчиками вдали.

— Пойдем посмотрим, как они играют.

Джейк немного встревожен, но не возражает. Вместе они идут по берегу озера. Наконец доходят. Все так напоминает Филу его собственное детство. Он нервно откашливается.

— Это хоккей? — спрашивает Джейк.

Фил кивает. Наверное, Джейк в садике слышал разговоры о хоккее. С тех пор как родился Джейк, ни Фил, ни кто-нибудь

другой в его окружении не говорил о хоккее.

— Ты умеешь играть?

Фил смотрит на Джейка. От него у мальчика только глаза, голубые глаза. Остальное все от Челы.

— Да, — наконец отвечает он. — Играл когда-то давно.

— А ты хорошо играл?

Фил кивает в ответ.

— Нормально. Но с тех пор прошло много времени.

— Это интересно?

— Похоже на полет. — Фил задумывается. — Когда я был мальчиком, хоккей нравился мне больше всего на свете.

Джейк на секунду замолкает.

— Почему же ты больше не играешь?

Фил пожимает плечами.

— Трудно сказать. Мне пришлось уехать из дома. Мне надо было повзрослеть. Играть было некогда.

Джейк снова задумывается.

— Можешь научить меня?

Фил смотрит на сына. Тревога и страхи исчезают. Боже мой, прошло больше двадцати лет! Ему сорок один год. Может, пора все забыть?

— Да, могу.

Сначала ему непривычно на коньках. Но после нескольких дней тренировок, болей во всем теле и множества синяков он снова обретает форму. Словно просыпаются давным-давно заснувшие мышцы. И ему очень нравится кататься на коньках.

Джейк легко учится держаться на льду, скоро он уже хочет играть в хоккей. Фил и не замечает, как превращается в тренера целой команды. Дети абсолютно разные, от пяти до семи лет. Фил вовсе не уверен, что сможет их чему-либо научить. Зима стоит прекрасная. Фил продолжает тренировать ребят и летом.

Каждое утро, какая бы жара ни стояла, Фил ждет не дождется начала тренировок; он уже забыл, что способен на подобное рвение. Каждый вторник он с самого утра на катке; учит мальчишек правильно держаться на коньках, бегать, удерживать равновесие при столкновениях. В детской лиге не разрешается задерживать противника, для этого они должны немного подрасти. Но Фил помнит и об этом. Все равно их надо готовить к такой возможности, им самим же потом будет легче.

Каждое утро у катка собирается группа родителей и просто зрителей. Большинство из них Фил уже знает, ведь это родители его мальчишек. Он научился выслушивать их жалобы и советы, их крики и угрозы. Два раза чуть не схватился с папашами, но ему удалось-таки все уладить мирным путем. Он настолько физически

крепче и больше остальных, что они стараются вести себя с ним осторожно. К тому же его команда успешно играет в своей лиге.

Постоянно приходит и наблюдает за игрой некий пожилой мужчина. Когда-то он был достаточно крупным, но давно потерял былую мощь. Одет он неопрятно, на локтях и коленях одежда засалена. Фил определяет появление мужчины на катке прежде всего по сильному запаху табака. Хотя тот никогда не курит, запах настолько въелся в его одежду, что сразу дает о себе знать, особенно в морозном воздухе катка. Мужчина этот не связан родственными узами ни с кем из мальчиков, и Фил на всякий случай приглядывает за ним — а вдруг у того что-нибудь нехорошее на уме. Но нет, скорее всего мужчина просто спасается здесь от жары. Проходит несколько недель, и Филу уже кажется, что он знает этого человека, только не помнит откуда.

Как-то в августе, ближе к концу сезона, мужчина в самом начале тренировки машет рукой Филу. Филу становится интересно, и он подкатывает к бортику.

— Чем могу быть полезен?

Мужчина откашливается, потом аккуратно вытирает рот.

— Я думаю, нам надо поговорить. Давайте встретимся после тренировки. — Голос у него слабый, говорит он неторопливо.

Фил пожимает плечами.

— Извините, у меня свои планы. Может, на следующей не деле…

— Нет. — Мужчина слабо улыбается. — У меня каждый день на счету.

— У меня тоже. Извините, но…

Фил внимательнее всматривается в лицо мужчины. Что-то есть в нем до боли знакомое, но Фил никак не может вспомнить, где видел этого человека.

— Мы с вами знакомы?

Мужчина кивает.

— Извините. Я думал, вы меня узнали. Меня зовут Фрэнк Хэммет.

Фил долго, не отрываясь, смотрит на мужчину, потом переводит взгляд на мальчишек на льду.

— О'кей. Но почему именно сейчас?

Хэммет откашливается.

— У меня эмфизема. До следующей недели я могу не дожить.

Фил отправляет Джейка домой к одному из мальчиков и обещает заехать за ним, как только освободится. Они с Хэмметом садятся за столик в ресторане на втором этаже, над катком.

Фрэнк пододвигает Филу чашечку кофе.

— День еще только начался. Я подумал, вам неплохо бы

взбодриться.

— Знаете, — начинает Фил, но останавливается, не договорив. Потом продолжает: — Я все эти годы думал, что бы я сказал вам при встрече. А теперь даже не знаю, что сказать.

Хэммет смеется, потом закашливается.

— Растерялись, увидев меня вот так, да?

— Да нет.

Хэммет кивает головой.

— Трудно сказать что-либо человеку, который сломал твою жизнь.

— Вы не ломали мою жизнь.

Хэммет трясет головой.

— Эй, давай не будем хитрить с прошлым! Я ведь видел, как ты играл, когда ты сам был еще мальчишкой. Я прекрасно знал, что ты выбьешься в люди, хотя бы в низшей лиге. А потом я выложил прессе всю историю про тебя, и ты вынужден был уйти. Не пытайся обелить меня, снять вину за то, что я действительно совершил.

— А я и не пытаюсь. — Фил какое-то время рассматривает свои руки. — До того как вы начали писать обо мне, у меня была определенная жизнь. И теперь у меня есть своя жизнь. — Фил вспоминает малыша Джейка, Челу, Эстебана, Кэрол и отца. — Никто ничего в моей жизни не ломал.

Хэммет ворчит:

— Понятно. Эта мысль тебя немного успокаивает.

— И вы все это время все обо мне знали?

Мужчина трясет головой.

— Нет, я наблюдал за тобой с самого детства. Но я наблюдал за многими мальчишками. За месяц до появления первой статьи я получил по почте конверт, в нем были фотографии хроматограмм ДНК. Одна серия — Горди Хау, вторая твоя. У меня был приятель, который работал в бостонской полиции, он проверил подлинность этих снимков по национальной базе данных. — Мужчина нащупывает сигарету в кармане, но передумывает и кладет обе руки на стол. — Так появилась статья.

— Но зачем? — Фил склоняется к мужчине. — Зачем вы взялись за это? Вы же должны были знать, чем это кончится. Для меня.

— Мне показалось, ты сказал, что я не сломал твою жизнь.

— Но я же не говорил, что мне не было больно.

Хэммет кивает и смотрит сквозь окно ресторана на лед катка. Там теперь занимаются юноши.

— Я написал статью потому, что материал был сенсационным. И еще потому, что боялся, что не я один владею

информацией, и хотел опередить остальных. Я сразу взял правильный тон и стал писать дальше в том же духе. Я быстро бросил «Мидлсекс», перешел в «Глоуб» и замечательно их доил. А ты что думал, зачем еще я взялся за это дело?

Фил откидывается на стуле, пожимает плечами.

— Наверное, я подозревал все эти причины. Кто прислал вам снимки?

Хэммет разводит руками:

— Я так и не узнал. Я слышал, что и ты пытался разузнать. Еще больше старался Далтон. Но кто бы там ни стоял за этим, им удалось здорово замести следы, а за семнадцать лет и тем более ничего не осталось. Теперь след настолько остыл, что уже ничего не узнать.

— Зачем вы пришли ко мне?

— Чтобы поделиться с тобой моей бесценной мудростью и жизненным опытом, — быстро отвечает Хэммет. Он вытаскивает из кармана старый, туго набитый конверт. — И чтобы передать тебе вот это.

Фил открывает конверт и достает пачку снимков. Черно-белые, разграфленные на клетки.

— Хроматограммы.

— Я решил, что должен передать их тебе.

Фил долго смотрит на снимки. Он уже видел такие фотографии, когда Робинсон сравнивал его ДНК с ДНК Горди Хау, а потом еще раз, когда через день после рождения Джейка сравнивали ДНК малыша и ДНК его родителей — Фила и Челы. Но сейчас он держит в руках те самые снимки, которые в корне изменили его жизнь. Они кажутся ему очень тяжелыми. Фил аккуратно складывает их обратно в конверт.

— Спасибо, Фрэнк, — искренне благодарит он.

Хэммет отмахивается.

— Я совсем не сожалею, что сделал это. Плохо, что ты так тяжело все воспринял.

Какое-то время они сидят молча. Фил задумчиво пьет кофе.

— Вы сказали, что у вас эмфизема?

— Да, — быстро отвечает Хэммет. — Затронуты оба легких, а трансплантаты на мне не приживаются.

— Ну, они ни на ком хорошо не приживаются. — Фил пьет кофе и думает об отце. — А как вы думаете, зачем они это сделали?

— Что именно? Клонировали вас или послали мне снимки?

— Не знаю. Наверное, и то и другое.

— Хорошие вопросы, — замечает Хэммет. — Они меня мучают последние двадцать пять лет. Но ответить на них я так и

не могу. Это все, что я знаю. Хотя протолкнуть историю в прессу стоило им немалых денег, но гораздо больше стоила сама процедура клонирования. То есть те, кто это сделал, люди не бедные. Они не стали клонировать первого попавшегося человека, а выбрали средней руки знаменитость. Человека, которого большинство людей хорошо знает, но кого в то же время нельзя назвать звездой. Ни один человек на свете не считает себя негодяем, значит, можно предположить, что и они думали, будто делают нечто полезное и нужное. Они клонировали тебя и долгое время держали это в тайне. Потом раскрыли тайну, но только твою. Может, ты был единственным. Может, были сотни попыток. Сотни Хау. А может, и нет. После того как все раскрылось, многие люди проверяли свое родство с Горди Хау. Но только ты был признан официально, и они раскрыли информацию только о твоем деле. Никто не знает, какие еще клоны они получили.

Фил понимает, что Хэммет ничего не знает о Дэнни. Он решает не выдавать этот секрет.

— Продолжайте.

Хэммет размахивает руками перед лицом, словно делает зарядку.

— Остальное нетрудно просчитать. Может, они клонировали тебя, чтобы проверить, насколько это вообще возможно. Хотели обойти других. Или речь шла о каком-то большом куше, или о капризе старика-миллионера. А потом в течение многих лет они хранили в тайне эксперимент и секретно наблюдали за всем происходящим.

— Но почему именно Горди Хау?

— А почему бы и нет? Если бы тебе нужна была кандидатура для клонирования, кого бы ты выбрал? Какого-нибудь ни кому не известного парня из Медфорда? — Хэммет отрицательно качает головой. — Если ты вкладываешь такие деньги, то есть смысл выбирать знаменитость. У них были свои причины на то, чтобы остановиться именно на Хау.

Фил согласно кивает головой.

— О'кей.

— А когда тебе исполняется семнадцать лет, тебе рассказывают, кто ты такой. И это очень интересно. — Хэммет останавливается, отпивает кофе и какое-то время, собираясь с мыслями, крутит чашечку. — Великобритания дала «добро» на исследования в области клонирования человека в двухтысячном году. В США все было гораздо сложнее. В Италии нашлись люди, которые клонировали детей для двух семейных пар, но кончилось все полным провалом. К тому времени, когда ты учился в средней школе, никто в мире официально клонированием не занимался.

Но исследования продолжались и приносили положительные результаты. Например, им удалось вести непрерывные линии стволовых клеток, выращивать настоящую кожу и роговицу глаз; они научились лечить близорукость и пересаживать органы. Люди снова заговорили о том, что пора уже освоить исправление дефектов у младенцев, пора начинать клонировать идеальных людей. И тут на сцене появляешься ты, и все акценты смещаются. Теперь разговоры становятся более конкретными. Потом твоя карьера обрывается, а сам ты исчезаешь. Но дебаты продолжаются. Неожиданно даже те, кто уже готов был заняться клонированием, спускают на тормозах. И вот после стольких лет мы с тобой сидим тут, беседуем, а о клонировании никто уже не вспоминает.

Хэммет наклоняется ближе к Филу.

— Когда впервые появились машины, люди ездили на них, словно это легкие экипажи. Они не думали о том, что следует ввести правила дорожного движения. Не было никаких дорожных знаков, не было ремней безопасности. Водители считали, что не должны уступать друг другу дорогу, иначе пострадает их мужская гордость, поэтому было немало столкновений. Прошло много лет, прежде чем люди поняли, что без правил на улицах города не обойтись. Через пятьдесят лет после появления первых машин водитель тоже мог сознательно нарушить правила уличного движения, но это означало, что он либо дурак, либо в стельку пьян.

Хэммет машет в воздухе рукой.

— И здесь то же самое. Да, теперь мы можем клонировать людей, и если есть возможность ждать лет двадцать, то, наверное, можно увидеть, что эти дети чем-то схожи со своими генетическими родителями. Но нам уже не нужно клонировать людей. Клонирование — это, скорее, феномен общественного сознания. Поводом для клонирования может стать лишь желание воспроизвести какого-либо конкретного человека. И именно ты, Фил Берджер, развеял эту иллюзию. Ты так и не стал Горди Хау, хотя я всячески стремился тебя на это подвигнуть. И все мы теперь знаем: клон не становится копией оригинала. Наследственность сильна, но все же человек получается совершенно другой. Когда тебе было семнадцать лет, люди еще не знали этого наверняка. — Хэммет с трудом переводит дыхание.

Фил откидывается на спинку стула и смеется.

— Успокойтесь, старина! Вы что же, считаете, что они по-своему помогли нам?

Хэммет упирается ладонями в стол и улыбается.

— Думаю, они помогли нам поумнеть, чтобы мы научились

правилам дорожного движения.

— Тогда кто же они такие?

— Одному богу известно, Фил. Но они не глупцы. Они понимали нашу суть.

Стоит раннее февральское утро. Небо еще темное. Фил припарковывает машину у катка и ждет, пока директор откроет дверь. Он достает свои вещи из багажника и идет в раздевалку. Как всегда, он появляется на катке первым.

Он быстро одевается: щитки на голени, коньки, штаны, про кладки на локти и плечи, шлем, перчатки. Выходит из раздевалки и идет на лед, начинает разогреваться. Он любит быть на катке в одиночестве. Когда так вот катаешься, на ум приходят разные мысли.

Взрослый любительский хоккей. Не НХЛ. Ему сорок девять лет. Не восемнадцать. В который раз он задумывается: как бы повернулась его жизнь, если бы никто не узнал тайны его рождения? Стал бы он вторым Горди Хау? Сделал бы карьеру в хоккее? Чела говорила, что все мы ходим под Богом. Фил думает о ней. Думает о Дэнни.

После утренней игры он отвезет Джейка в школу. Он счастлив, что у него есть Джейк. Он счастлив, что в его жизни была Чела. И счастлив, что снова на льду. Но ведь лед никуда не исчезал.

После разогрева он начинает разминаться. Потом снимает перчатки, встает на колени и проводит пальцами по поверхности льда.

Ровная и твердая поверхность. Идеальный лед для игры в хоккей.

Нэнси Кресс — ЭЙ-ЭС

Nancy Kress (Nancy Anne Koningisor). EJ-ES (2003). Перевод Н. Фроловой

Нэнси Кресс начала писать свои изящные, остроумные рассказы в середине 70-х годов, с тех пор ее произведения часто печатались в «Asimov's Science Fiction», «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Omni» и других журналах. Ее перу принадлежат романы «The Prince of Morning Bells», «The Garden Crove», «The White Pipes», «An Alien Light», «Bright Rose», «Oaths and Miracles», «Stinger», «Maximum Light»; рассказ «Beggars in Spain», завоевавший премии «Хьюго» и «Небъюла», Нэнси Кресс расширила до романа и написала продолжение «Beggars and Choosters», а в последнее время еще одну серию романов: «Probability Moon», «Probability Sun» и «Probability Space». Рассказы были объединены в сборники «Trinity and Other Stories», «The Aliens of Earth», «Breaker's Dozen». Недавно вышли в свет два новых романа Нэнси Кресс, «Crossfire» и «Nothing Human», скоро появится еще один, «Cricible». Нэнси Кресс получила премию «Небъюла» за рассказы «Out of All Them Bright Stars» и «The Flowers of Aulit Prison». Ее произведения печатались в сборниках «The Year's Best Science Fiction» за 1985, 1986, 1989–1998, 2001–2003 гг. Ниже она приглашает нас на далекую планету, где предстоит распутать медицинскую тайну — чего бы это ни стоило.

* * *

Ах, вернись, вернись, мой Джесс, поскорей домой,
Стосковалась по тебе, милый, милый мой.
И родному очагу не согреть меня:
Замерзаю, не могу, даже у огня,
И, пустая, холодна без тебя постель,
И без сна ночь длинна… Словно бы метель
Веет-веет надо мной, и ложусь как в гроб,
Ложе наше для меня стало что сугроб.
Воротись, мой Джесс, домой, горько мне одной,
Слезы капают из глаз, в сердце — волчий вой.
Джепис Ян. Джесс, 1972 [45]

Почему вы вступили в Корпус? — спросил ее Лолимел перед

самым приземлением; они сидели в концевом отсеке шаттла. Мия беспомощно взглянула на молодого человека — как можно ответить на такой вопрос? Особенно если его задают идеалистически настроенные, фанатичные рекруты, которые даже еще не подозревают, что война — это пустая трата времени, а такие бессмысленные разговоры — тем более.

— Причин много, — мрачно и расплывчато ответила Мия.

Парень был похож на всех остальных медработников, с которыми ей приходилось сталкиваться в течение многих десятилетий на многих планетах: серьезный, с густыми волосами и красивой модификацией генов, немного сумасшедший. Но ведь для того, чтобы оставить Землю и вступить в Корпус, как раз и нужно быть слегка сумасшедшим. Всем известно, что, когда ты вернешься (если вообще вернешься), все, что ты прежде знал, давно превратится в прах.

Этот был настойчивее других.

— Какие именно причины?

— Те же, что и у тебя, Лолимел, — ответила она, стараясь не повышать голос. — А теперь помолчи, пожалуйста, мы входим в атмосферные слои.

— Да, но…

— Помолчи. — Ему гораздо легче переносить вход в атмосферу, ведь у него кости еще крепкие. А костный скелет в космосе сильно размягчается независимо от того, тренируется ли человек, принимает ли специальные добавки или проходит генную терапию. Мия откинулась в кресле и закрыла глаза. Десять минут ломки или чуть больше, потом приземление. Ну, десять минут она выдержит. А может, и нет.

Вот она почувствовала тяжесть, становилось все тяжелее и тяжелее. Глазные яблоки вообще не выдерживают — как всегда; у нее слабые мышцы глазницы. Странно, но факт. Ну, осталось совсем немного. Это ее последний полет. На следующей станции она подает в отставку. Она уже перешла возрастной предел, а тело не обманешь. Да разве только тело? Нет, ум тоже. Сейчас, например, она даже названия планеты, к которой они летят, не помнит. Помнит номер по каталогу, но не помнит, как назвали ее колонисты, которые теперь не отвечают на сигналы с корабля.

— Почему вы вступили в Корпус?

— Причин тому много.

Правда, мало что сбылось. Но рассказывать об этом молодым не стоит.

Колония расположилась на берегу реки. Стоял вечер, на небе светили три яркие луны, воздух был пригоден для людей. Город

довольно приличных размеров был усеян клумбами с умопомрачительными цветами. Дома из пенобетона с вкраплениями блестящих местных камней — красивые, просторные комнаты вокруг открытого дворика-атриума. Минимум мебели, такой же изящной, как и сами строения; даже машины органично вписываются в красивый пейзаж. У колонистов были развитый вкус и чувство прекрасного. Все они теперь мертвы.

— И погибли давно, — заметила Кенни.

Официально она считалась начальником экспедиции, хотя на границах галактики разница в званиях и порядке подчиненности сглаживалась. Кенни признавали главной не столько из-за высокого звания, сколько по общему согласию, из уважения к ней. Не раз спокойствие Кенни спасало всех. Лолимел был потрясен, хотя и пытался это скрыть.

Кенни внимательно осмотрела скелет.

— Посмотрите на кости — совершенно чистые.

Лолимел еле выдавил:

— Может, их сразу же обглодали хищники, или плотоядные насекомые, или… — Он не договорил.

— Я отсканировала их, Лолимел. Никаких, даже микроскопических следов укусов. Женщина разложилась прямо тут, в постели, вместе с одеждой и постельным бельем.

Втроем они смотрели на кости, лежавшие на пружинах матраса, сделанных из стойкого сплава, название которого Мия когда-то знала. Длинные белые кости, аккуратно разложенные, словно кто-то готовился читать лекцию по анатомии для первокурсников. Дверь в спальню была закрыта, система осушения воздуха, как ни странно, до сих пор работала; окна в порядке. Ничто не нарушало долгий процесс разложения женщины в сухом воздухе комнаты, пока от нее ничего, кроме костей, не осталось, даже микроорганизмов, с помощью которых произошло разложение, даже запаха.

Кенни закончила переговоры с другой командой и повернулась к Мие и Лолимелу. Взгляд ее красивых темных глаз был безмятежен.

— Скелеты по всему городу — кого-то смерть застигла дома, кого-то в местах, которые можно считать общественными. Что бы это ни была за болезнь, сразила она всех очень быстро. Джамал говорит, что компьютерная сеть погибла, но некоторые регистрационные кубы, возможно, сохранились. Они практически вечные.

«Ничто не бывает вечным», — подумала Мия и принялась искать кубы в ящиках стола. Чтобы хоть немного отвлечь

Лолимела, она спросила его:

— Я забыла, когда была основана эта колония?

— Триста шестьдесят лет тому назад, — ответил Лолимел и стал помогать ей.

Триста шестьдесят лет тому назад корабль с колонистами, полными радужных надежд, покинул обжитой мир и прибыл в этот смертельный Эдем. Колонисты основали тут город, который процветал, а потом все погибли. Сколько же это будет, если сравнить с жизнью Мии, которую она провела в перелетах по космическому пространству? Когда-то ей доставляло удовольствие производить математические выкладки, сравнивать полученные результаты и прикидывать, родилась она ко времени высадки очередных колонистов на очередной планете или нет. Но сейчас у нее за плечами было столько экспедиций, столько колоний, столько ускорений и торможений, что она уже сбилась со счета.

Вдруг Лолимел сказал:

— А вот и куб с записью.

— Проверь его, — ответила Кенни, но Лолимел продолжал стоять, держа куб на ладони; тогда Кенни взяла у него куб и сама вставила его в устройство.

То, что она и думала. Какая-то местная эпидемия, опасная для видов, чьи клетки содержат ДНК (иначе говоря, благодаря явлению панспермии — для всех биологических видов, населяющих галактику). Эпидемия разразилась, когда колонисты решили, что уже провели вакцинацию против всех возможных опасных заболеваний. Хотя, конечно, они не могли быть уверены, даже триста шестьдесят лет тому назад врачи уже знали о чужеродных межвидовых микробах. Некоторые из них вызывали лишь неудобства, другие были опасны, а третьи становились источником фатальных эпидемий. И раньше случалось, что погибали целые колонии, и в будущем никто от этого не был застрахован.

— Все медицинские данные записаны на кубах зеленого цвета. — Человек на экране говорил с необычным акцентом — так три века тому назад говорили на международном языке. Он явно умирал, но смотрел прямо — спокойными, печальными глазами. Отважный человек. — Те, кто в будущем прилетит на Удачу, должны иметь это в виду.

Удача. Вот как они называли планету.

— Хорошо, — промолвила Кенни. — Скажите охране, чтобы искали кубы зеленого цвета. Мия, подготовь лабораторию для забора анализов в походных условиях и скажи Джамалу, чтобы он поискал места захоронений. Может быть, они успели похоронить

кого-то из умерших — если, конечно, они вообще хоронили своих умерших, — тогда можно попробовать выделить возбудителя инфекции, чтобы создать необходимую вакцину и лекарства против этой чумы. Лолимел, а ты помоги мне…

Одна из охранниц, державшая в руках оружие, которое Мия не смогла бы даже и назвать, выпалила:

— Мэм, но мы ведь тоже можем заразиться этой гадостью, от которой погибли колонисты.

Мия взглянула на нее: как и Лолимел, девушка была очень молода. И как у всех, у нее была своя история, свои причины, по которым она вступила в Корпус.

Молодая охранница покраснела.

— То есть, мэм, я хотела сказать, мы можем заразиться до того, как вы проведете вакцинацию.

Мия спокойно ответила:

— Можем.

Однако никто не заболел. У колонистов существовал обряд погребения, и они успели предать земле первых умерших. Похоронены они были в крепких, водонепроницаемых гробах; трупы перед захоронением не бальзамировали. Мия на такое даже не надеялась. Действительно Удача.

Пять дней кропотливой работы, и они выделили микроорганизм, определили последовательность нуклеотидов ДНК и проанализировали ее. Это был вирус или аналог вируса, который каким-то образом попадал в мозг, в лимбическую систему и вызывал сначала болезнь, а потом и смерть. «Совсем как бешенство», — подумала Мия. Оставалось надеяться, что в данном случае людям не пришлось пережить такого же ужаса и сумасшествия. С бешенством не смогли сладить даже на Земле.

Еще через два дня вакцина была готова. Кенни выдавала вакцину на улице, стоя перед большим зданием на окраине города, которое стало теперь штабом Корпуса. Каковы были его функции раньше, осталось неизвестным.

Мия приклеила пластырь с вакциной к руке, как всегда, с отвращением поглядев на свою сморщенную кожу. Когда-то у нее была прекрасная кожа… Что тогда сказал ей давний любовник?… Как же его звали?… Да, старость не радость.

Краем глаза она заметила какое-то движение.

— Лолимел… ты видел?

— Что?

— Ничего. — Иногда стареющие глаза подводили ее, и ей совсем не хотелось, чтобы Лолимел стал жалеть бедную старушку.

Но движение повторилось.

Мия как бы невзначай встала, сделала вид, что отряхивает сзади форму, и прошла к кустам, в которых заметила движение. Достала из кармана пистолет. Конечно же, на планете водились животные, хотя до сих пор они видели их лишь на большом расстоянии. Бешенство передается через укусы животных…

Это было не животное. Это был ребенок.

Нет, не ребенок. Мия обогнула заросли кустов и с удивлением увидела, что девочка не убегает. Девочка-подросток, может, даже старше, но такая худенькая и невысокая, что Мия невольно приняла ее за ребенка. Костлявая молодая женщина со смуглой кожей и длинными, спутанными черными волосами. Одета она была в какую-то тряпку типа саронга. И без страха смотрела прямо на Мию.

— Привет, — мягко промолвила Мия.

— Эй-эс? — ответила девушка.

Мия сказала в переговорное устройство, закрепленное на запястье:

— Кенни, у нас тут… местные жители.

Девушка улыбнулась. С одной стороны головы в волосах у нее были проплешины с маленькими белыми кружочками. «Грибок», — рассеянно подумала Мия. Девушка шла прямо к ней, не замедляя шага, словно собиралась пройти сквозь Мию. Инстинктивно Мия выставила вперед руку. Девушка наткнулась на руку, шлепнула себя по лбу и свалилась на землю.

— Мия, нельзя бить местных жителей, — упрекнула ее Кении. — Боже, она совсем нас не боится. Как же так? Из-за тебя она чуть не получила сотрясение мозга.

Мия была в замешательстве не меньше Кенни, не меньше всех остальных. Она подняла девушку с земли, та тоже ничего не могла понять, но совсем не сердилась. Мия отступила, думая, что девушка убежит. Но девушка осталась стоять на месте, она потирала рукой лоб и что-то все время говорила. Теперь Мия заметила, что саронг сделан из простого куска синтетической ткани, ткань выцвела и стала теперь серой в крапинку.

Подбежали Кенни, Лолимел и два охранника. Девушка все равно не испугалась. Она все говорила и говорила, иногда останавливалась, словно ожидая, что кто-нибудь скажет что-то в ответ. Так и не дождавшись от них ни слова, она наконец повернулась и спокойно пошла куда-то.

Мия сказала:

— Я иду с ней.

Охранник предупредил ее:

— Это небезопасно, мэм.

А Кенни добавила:

— Мия, нельзя же так вот…

— Я вам тут не нужна, — бесцеремонно ответила Мия, ей вдруг показалось, что сейчас просто необходимо пойти вместе с девушкой. Откуда такое странное желание? — Со мной ничего не случится, у меня ведь есть пистолет.

Это прозвучало настолько глупо, что ей никто не ответил. Но Кенни больше ее не останавливала. Мия взяла у охранника пену-проволоку, а у Кенни — видеокамеру и пошла вслед за девушкой.

Не так-то просто было поспеть за ней. Мия крикнула: «Погоди» — но та ничего не ответила. Тогда она попробовала повторить то же слово, которое сказала ей девушка:

— Эй-эс!

Девушка тут же остановилась и обернулась к Мие, глаза у нее горели, а на лице сияла улыбка. Если бы на Удаче существовали ледники, она бы их растопила одним своим видом. Но на планете был мягкий климат, и у ее обитательницы был мягкий характер. Наверняка она потомок умерших колонистов. А может, нет? В «Интергалактике» никто не слышал, чтобы в эту звездную систему улетал какой-либо другой корабль, но это ничего не значит. В «Интергалактике» знают далеко не все. А иногда Мие казалось, что если учесть растяжение времени, связанное с полетами в космическом пространстве, то они вообще ничего не знают.

— Эй-эс, — кивнула девушка, подбежала к Мие и взяла ее за руку. Она замедлила шаг, приноравливая его к походке старшей женщины, которую она держала за руку и вела к себе домой.

Дома стояли далеко друг от друга, словно не могли окончательно решить, стоит им объединяться в деревню или нет. В сотне ярдов от них еще один местный житель направлялся к дому, стоявшему в отдалении. Они не обращали внимания друг на друга.

Мие трудно было молчать. Она сказала:

— Я Мия.

Девушка остановилась у своей хижины и взглянула на Мию.

Мия ткнула себя в грудь:

— Мия.

— Эс-еф-еб. — Девушка дотронулась рукой до груди и снова просияла.

Не «эй-эс», следовательно, это значило что-то другое. Мия показала в сторону хижины — примитивного строения из неотесанных бревен, кусков пенокерамики, принесенной из города, и листов выцветшей пластмассы.

— Эф-эф, — сказала Эсефеб, видимо, это слово означало

«дом». С языком придется трудно — он деградировал, могла возникнуть путаница.

Неожиданно Эсефеб отпрыгнула в сторону, расхохоталась и ткнула пальцем в воздух, указывая на что-то. Потом взяла Мию за руку и завела в дом.

Сплошная деградация и запустение. Жилище состояло из одной-единственной комнаты, посередине которой находился открытый очаг, дым уходил в отверстие в крыше. Постель на высоких сваях (почему?) с полуразвалившейся лестницей из прогнивших жердей. В одном углу комнаты стояли огромные горшки, в них росли какие-то зеленые растения. Мия заметила три необожженных глиняных горшка, один из них так накренился, что земля из него вывалилась на грязный пол хижины. Красивая титановая ваза и потрескавшаяся гидропонная кадка. На одном растении, которое напоминало небольшое деревце, висел второй синтетический саронг сине-зеленого цвета и совсем не выцветший. На полу валялись предметы домашней утвари, некоторые очень грубой домашней работы, другие явно взяты в городе. В хижине пахло гнилой пищей и грязным постельным бельем. Никакого источника света, никаких приборов.

Из переговорного устройства на запястье раздался голос Кенни:

— Видеокамера работает нормально. Даже в самых примитивных сообществах можно встретить произведения искусства.

Мия ничего не ответила. Она во все глаза смотрела на Эсефеб.

Девушка взлетела вверх по «лестнице» и села на кровати лицом к стене. Улыбка, которую раньше видела Мия на лице девушки, ни в какое сравнение не шла с тем радостным, светлым выражением, которое озарило сейчас ее лицо. Эсефеб дрожала в экстазе и ворковала что-то, обращаясь к пустой стене:

— Эй-эс. Эй-эс. А-а-а-а-а, Эй-эс!

Мия отвернулась. Она была врачом, но то, что происходило с Эсефеб, было слишком личным, Мия не могла стоять и смотреть на этот экстаз оргазма, религиозного преображения, а может, сумасшествия.

— Мия, — раздался голос в переговорном устройстве, — мне нужен снимок мозга девушки.

Все было просто, слишком просто. Так говорил потом Лолимел, и он был прав. Нормальные живые существа, сознательные или нет, не ведут себя подобным образом.

— Мы можем привезти в деревню все нейрооборудование, —

с сомнением предложила Кенни.

— Это не деревня, и я не думаю, что в этом есть необходимость, — тихо ответила Мия. Но Эсефеб ничего не слышала, она спала как убитая на своей высокой постели. В хижине было очень темно, сквозь отверстие в крыше пробивался свет звезд. Мия с трудом могла разглядеть переговорное устройство на запястье. — Думаю, Эсефеб придет сама. Попробую утром, когда будет светло.

Кенни была младше Мии, но все же понимала, как тяжело спать на земле. Она спросила:

— Тебе там будет удобно?

— Не очень, но обойдусь. Что говорит компьютер о языке?

На этот раз ответил Лолимел. Видимо, у них там происходило обычное совещание.

— Они говорят на крайне деградировавшем международном языке — вы, наверное, уже и сами догадались. Переводчик готовит словарь и краткий курс грамматики. Предметы быта, запасы пищи, жилища — все, что можно найти и увидеть, не дает никаких подсказок. Они не должны были так деградировать за двести пятьдесят лет, если только у тех, кто выжил после вирусной эпидемии, не развилась в качестве побочного эффекта некая форма слабоумия, умственная неполноценность. Но Кении считает… — Лолимел замолчал.

— Можете говорить за меня, — услышала Мия насмешливый голос Кенни. — Вы потом привыкнете, что со временем воинская субординация тоже деградирует. Особенно на окраинах галактики.

— Ну, я… Кенни считает, у девушки мутированная форма того самого вирусного заболевания. Может, оно заразное, может, передается по наследству, может, инфекция внутриутробная.

Слова Лолимела тяжким грузом ложились ей на сердце.

Она ответила:

— Значит, мутировавший вирус может все еще быть активным.

— Да, — подтвердила Кенни. — И нам нужны не только нейроснимки, но и образец цереброспинальной жидкости. Судя по ее поведению…

— Знаю, — резко оборвала ее Мия.

Такая необъяснимая радость, дрожь в экстазе… Судороги отдела лимбической системы, отвечающего за примитивные эмоции и продуцирующего состояние восторженного транса. Религиозные мистики, Савл по пути в Дамаск, видения Богоматери, нирвана. А вирус мог все еще быть активным, и вакцина, которую они приготовили, не поможет. Правда, если

инфекция передается внутриутробно, им ни чего не грозило. Но если нет…

Мия сказала:

— В остальном поведение Эсефеб не объясняется лимбическими припадками. Она, похоже, видит то, чего нет в действительности, и тогда, когда судороги отпускают ее, даже разговаривает со своими видениями-галлюцинациями.

— Не знаю, — ответила Кенни. — Возможно, в мозгу несколько очагов инфекции. Она нужна мне, Мия.

— Мы придем, — сказала Мия, хотя сама была совершенно в этом не уверена.

Но они пришли. Спала Мия плохо, завернувшись в кусок сине-зеленого синтетического материала. Когда Эсефеб спустилась по шаткой лестнице, Мия уже проснулась и ждала девушку. Та спрыгнула на пол и принялась что-то говорить, обращаясь куда-то вправо от Мии. Пахло от девушки намного хуже, чем вчера.

Мия вдохнула воздух ртом и твердой походкой подошла к ней.

— Эсефеб! — Мия ткнула пальцем в грудь девушки. Чувствовала она себя очень глупо.

— Мия, — ответила девушка и показала на Мию.

— Да, хорошо. — Мия обвела рукой жалкую хижину и сказала: — Эфеф.

— Эфеф, — подтвердила Эсефеб и радостно улыбнулась.

— Эсефеб эфеф.

Девушка согласилась, что это ее дом.

Мия театральным жестом показала в сторону города.

— Мия эфеф! Мия эб Эсефеб этей Мия эфеф! — «Мия и Эсефеб идут в дом Мии». Мия уже просмотрела словарь языка планеты Удача, составленный компьютером-переводчиком.

Эсефеб наклонила голову набок и критически уставилась на Мию. Из ее волос выполз червяк.

Мия повторила:

— Мия эб Эсефеб этей Мия эфеф.

Эсефеб разразилась потоком повторяющихся слогов, но Мия, кроме «Эй-эс», ничего не поняла. Девушка с таким наслаждением произносила это слово, что, скорее всего, решила Мия, это было чье-то имя. Может, любовник? Может, эти люди и не живут поодиночке, как ей показалось вначале?

Мия взяла Эсефеб за руку и легонько потянула ее к двери. Эсефеб вырвалась и села посреди комнаты, уставившись на пустую стену из неотесанных бревен. Она принялась что-то

говорить, иногда смеялась и даже протягивала руку, будто до чего-то дотрагиваясь. «Эй-эс, Эй-эс!» Мия внимательно следила за девушкой, она была в растерянности, но подмечала каждую деталь, делала выводы и все записывала с помощью камеры. Эсефеб нельзя было назвать истощенной, это и понятно, растительность на планете была богатая. Но девушка была очень грязной (хотя вода тут тоже имелась), кишела паразитами и жила одна. Может быть, одна.

— Лолимел, — тихо спросила Мия через переговорное устройство, — как правильно сказать «одна»?

Лолимел ответил:

— Мы не смогли найти слова, означающего «незамужняя». «Одна» — «экет».

Когда счастливая Эсефеб поднялась на ноги, Мия спросила:

— Эсефеб экет?

Девушка была шокирована.

— Эк, эк, — выпалила она («нет, нет»). — Эсефеб эк экет! Эсефеб эб Эй-эс!

Эсефеб и Эй-эс. Она не одна. У нее есть Эй-эс, она видит его в своих галлюцинациях.

Мия снова взяла Эсефеб за руку и потянула ее к двери. На этот раз Эсефеб пошла с Мией. Они шли в сторону города, и Мия заметила, что у девушки дрожат ноги. Может, за ночь в ножных мышцах активизировались какие-то паразиты? Что бы там ни было, Эсефеб не обращала на ноги никакого внимания, хотя шли они намного медленнее, чем накануне. Направлялись они в походную лабораторию Кенни в разрушенном городе. По пути Эсефеб не раз останавливалась, всматривалась во что-то, смеялась или разговаривала с тем, что или кого видела только она.

— Несмотря на то что она совсем не следит за собой, она красивая, — заметил Лолимел, уставившись на девушку, которая лежала под наркозом на столе.

Кенни собиралась делать нейроснимки и спокойно ответила:

— Если вирус-мутант передается внутриутробно, он также может передаваться и половым путем.

Молодой человек горячо запротестовал:

— Я не это имел в виду…

Вмешалась Мия:

— Успокойся, Лолимел. Со всеми нами это случалось на разных планетах.

— Но ведь есть правила…

— Что значат правила, когда ты находишься на расстоянии в

триста световых лет от ближайшей цивилизации? — Кенни и Мия обменялись насмешливыми взглядами. — Мия, начинаем.

Бесчувственное тело девушки направили в нейросканер. Эсефеб не возражала, когда Мия предложила ей встретиться с другими врачами и немного помыться, и даже дала приклеить себе на руку пластырь с анестетиком. Спустя тридцать секунд она опустилась на пол. К тому моменту, когда она очнется, ей уже сделают надрез мозга величиной в десять клеток и возьмут небольшой образец для анализа. Успеют отсканировать все, что нужно, сделать снимки и взять ткани на проверку. Она сама об этом никогда не узнает, даже голова не будет болеть.

Прошло три часа, Эсефеб сидела на земле в компании с двумя охранниками и ела синтетическую сою, словно это была пища богов. Мия, Кенни, Лолимел и еще трое медиков сидели в двадцати ярдах от них, рассматривали образцы анализов и обсуждали результаты.

Близился вечер. По золотисто-зеленой траве скользили длинные тени, легкий ветерок разносил сладкий аромат какого-то местного цветка. «Рай», — подумала Мия. Следующая мысль была: «Синдром Боннета».

Она произнесла это вслух:

— Синдром Чарльза Боннета.

Пятеро окружавших ее врачей подняли головы и уставились на нее.

— Думаю, ты права, — медленно процедила Кенни. — Никогда раньше не встречала, а если и слышала, то не помню.

— Потому что больше никто этим не болеет, — пояснила Мия. — Обычно болезнью страдали старики, которым вовремя не проводили коррекцию зрения. Теперь же коррекция зрения стала рутиной.

Кенни нахмурилась.

— Но ведь с Эсефеб дело не только в этом.

Нет, но и в этом тоже. Почему Кенни не хочет похвалить ее за то, что она догадалась? Мия тут же устыдилась своего мелочного тщеславия. Просто она очень устала, проведя бессонную ночь на твердом, холодном полу в доме Эсефеб. Эсефеб эфеф. Мия сконцентрировалась на синдроме Чарльза Боннета.

Синдром был открыт в восемнадцатом веке. У больных имелись нарушения оптических проводящих путей, иногда оптических центров мозга. Могли наблюдаться повреждения тканей, дистрофия мышечной ткани, глаукома, диабетическая ретинопатия, иногда даже катаракта. Люди с плохим зрением часто видели, а иногда и слышали то, чего в действительности не

существовало, часто очень отчетливо. Проводящие пути в мозгу обычно работают по принципу двусторонней связи и передают информацию, полученную как визуально, так и из памяти или воображения, причем взаимодействие между этими источниками настолько тесное, что даже маленький ребенок может увидеть наяву кошку, которой на самом деле нет. Но при синдроме Боннета происходило искажение базовой визуальной информации, позволяющей различать реальное и нереальное. И потому все видения и галлюцинации становились для человека столь же реальными, как земля под ногами.

— Посмотрите на миндалины, — сказал врач по имени Берута. — О боже!

Обе миндалины Эсефеб были увеличены и деформированы. Эти органы представляли собой структуры, находящиеся за ушами и отвечающие за распознавание эмоциональной значимости событий в окружающем мире. При синдроме Чарльза Боннета таких нарушений не отмечалось. У Эсефеб они были явно выражены.

Кенни сказала:

— По-моему, тут имеет место активизация или изменение некоторых нервных проводящих путей за счет других. Эсефеб «видит» свои галлюцинации и считает их вполне реальными, — может быть, они для нее более реальны, чем все остальное. Проводящие пути передают информацию лимбической системе, а судороги — это просто выражение крайней эмоциональной значимости, которой обладают данные видения. Как, например… при оргазме.

Эй-эс.

— Фантомы в мозгу, — вставил Берута.

— Вирусный бог, — заметил, к удивлению Мии, Лолимел.

Она вдруг почувствовала раздражение — почему этот парень говорит таким чуть ли не благоговейным тоном?

— Бог, ответственный за деградацию этих людей, Лолимел. Они так поглощены своими фантомами, видениями, что даже забывают о самой элементарной личной гигиене. Они не строят дома, не возделывают поля, не занимаются искусством, наукой… вообще ничем не занимаются. Они стали пленниками своих фантазий и видений.

Лолимел против воли кивнул:

— Да, я вижу.

Берута обратился к Кенни:

— Надо выделить вторичный вирус. Потому что если инфекция передается не только внутриутробно или половым путем… — Он не закончил свою мысль.

— Знаю, — ответила Кенни, — но это будет непросто. У нас нет трупов для выделения этого вируса. Цереброспинальная жидкость все еще анализируется. Тем временем… — Кенни принялась раздавать задания — как всегда, кратко и четко. Мия не слушала ее.

Эсефеб кончила есть и подошла к кружку ученых. Она потянула Мию за рукав.

— Мия… Эсефеб этей эфеф. — «Эсефеб идет домой».

— Мия эб Эсефеб этей Эсефеб эфеф, — ответила Мия, и девушка радостно улыбнулась.

— Мия… — начала Кенни.

— Я иду с ней, Кенни. Нужно наблюдать за поведенческими реакциями. Может быть, мне даже удастся убедить других местных жителей пройти обследование, — настаивала Мия, хотя прекрасно знала, что для нее сейчас главное не научная информация. Но она сама не смогла бы правильно сформулировать свои мотивы. Она просто хотела уйти вместе с Эсефеб.

«Почему вы вступили в Корпус?» — Вопрос Лолимела застрял в голове у Мии, эдакая риторическая кость в горле, и она в течение нескольких дней не могла от него отделаться. Она захватила с собой переносную аптечку и ввела Эсефеб антимикробные препараты широкого спектра действия в надежде, что один из них окажется результативным. Паразиты были неуловимыми, их надо было тщательно исследовать или хотя бы узнать их структуру, но Мия и эту работу успела начать. «Я вступила в Корпус, Лолимел, чтобы облегчать страдания». Поразительно, как наивно звучит иногда истина. Но от этого она не перестает быть истиной.

Эсефеб спокойно сносила все процедуры: и уколы, и пластыри. Она приготовила простейшим способом еду, почти не соблюдая при этом ни осторожности, ни элементарной гигиены, и этим просто шокировала Мию. Мия принесла свою еду с собой. Эсефеб с одинаковым аппетитом ела и то, что готовила сама, и то, что давала ей Мия.

Но в основном Эсефеб беседовала с Эй-эс.

Мия чувствовала, что вторгается в чужую личную жизнь. Эсефеб словно не замечала этого, она, казалось, и себя отдельно от Эй-эс не воспринимала. Она все время разговаривала со своим видением-фантомом, смеялась с ним (или над ним?), играла, спала, а все вокруг, в том числе и жилище, приходило в полный упадок. От воды у Эсефеб начался понос, и в доме стало невозможно дышать. Мия мрачно наводила в доме порядок. Но

Эсефеб и этого не замечала. Мия была «экет», одинока в своих тщетных потугах навести чистоту и порядок, установить тут здоровую, цивилизованную жизнь.

— Эсефеб эб Мия этей эфеф… — Как же сказать «соседи»?

Мия сверилась с компьютером, словарь уже увеличился, программа-переводчик усердно трудилась над расшифровкой новых слов. Но слова «сосед» она не нашла. Не было ни «друга», ни «партнера», никаких слов для обозначения родственников, кроме одного-единственного слова «младенец».

Мия просто показала в сторону ближайшего дома и сказала:

— Эсефеб эб Мия этей эфеф, — вон туда.

В соседнем доме был младенец. Нет, ребенок был постарше, он апатично лежал в одном углу грязного, вонючего жилища и сам был таким же грязным и вонючим. Все как в доме Эсефеб. В первый момент хозяйка дома, которая была старше, казалось, не узнала Эсефеб, но когда та назвала себя, они принялись оживленно беседовать. Соседка улыбнулась Мие. Мия протянула руку к ребенку, никто ее не останавливал, и она усадила малыша себе на колени. Внимательно осмотрела.

Неожиданно ее охватила волна ярости и злости — она даже сама испугалась. Ребенок умирал. От паразитов, от инфекции, от чего-то еще. Чего-то, что можно было предотвратить? Может, да, может, нет. Нельзя было сказать, чтобы ребенок был совсем заброшенным, но также нельзя было сказать, чтобы женщину волновала судьба ребенка.

Вдруг ребенок в руках у Мии напрягся, задрожал и принялся что-то лепетать. Вялость исчезла. Его маленькое грязное личико засветилось изнутри, словно солнце взошло на горизонте, он смеялся и протягивал руки к чему-то или кому-то, кого там не было.

Мать ребенка и Эсефеб повернулись в его сторону, они тоже улыбались, а малыша сводили предсмертные лимбические судороги.

Мия посадила ребенка на пол. Включила словарь, но не успела ничего сказать. У матери ребенка тоже начался припадок, она села на грязный пол и вся затряслась от радости. Эсефеб посмотрела на соседей, потом принялась болтать с кем-то, кого Мия не видела.

Мия боялась, что не выдержит. Она быстро вышла и направилась к дому Эсефеб. Она испытывала страх, отвращение и… что? Зависть?

«Почему вы вступили в Корпус?» — Чтобы служить

человечеству, чтобы иметь цель в жизни, чтобы обрести счастье — обычные надежды и мечты всех мужчин и женщин. Да, иногда она бывала счастлива.

Но такой радости, как эти люди, не испытывала никогда. Все равно, спорила она сама с собой, цена слишком высока. Эти люди умирают оттого, что слишком поглощены своими видениями, вызывающими безудержную радость. Они живут изолированно, совсем опустились, болеют и наверняка умирают гораздо раньше, чем могли бы. Какой-то кошмар.

В руках она сжимала клочок жирных волос, которые незаметно отрезала с головы малыша, пока он сидел у нее на коленях. Волосы, отмершая ткань, являются окаменелым прошлым человека. Мия собиралась подвергнуть этот образец анализу и изучить ДНК.

Часом позже пришла и Эсефеб. Она ничуть не расстроилась из-за того, что Мия так неожиданно ушла. С Эсефеб был Лолимел.

— Я встретил ее по дороге, — сказал он, хотя между хижинами, конечно, никакой дороги не было. — Она, по-моему, не против того, чтобы я зашел в дом.

— Как и всего остального, — прибавила Мия. — Что ты принес? — Словесную информацию Кенни могла передать по переговорному устройству.

— Пробная профилактика. Вакцину мы еще не получили. Кенни говорит, что могут возникнуть трудности, так что лучше сразу заняться лекарством на случай, если кто-нибудь из нас все же подхватит заразу.

Мия взорвалась:

— Кто-нибудь из нас? А они?

Лолимел опустил глаза.

— Мия, ситуация пограничная. Пока решения, что делать дальше, нет.

— Пограничная, Лолимел? Вирусная инфекция, которая ослабляет человеческий мозг и ведет к общему упадку и дегенерации.

Лолимел не знал, что сказать.

— В шестом разделе говорится, что… х-м-м… некоторые биологические условия, особенно устойчивые, создают такие культурные различия, что вмешательство Корпуса бессмысленно. В том же разделе упоминаются также религиозные диетические ограничения, которые возникли на основе наследственной противопоказанности определенных видов пищи…

— Я знаю все, что говорится в шестом разделе, Лолимел! Но нельзя же мерить степень успеха определенной культуры по степени внутреннего счастья людей!

— Не думаю… то есть я не знаю… может, в шестом разделе речь идет не совсем о «степени успеха». — Он снова отвел глаза, уши у него покраснели.

Бедняга Лолимел. Они с Кенни практически прямым текстом сказали ему, что на далеких планетах правила не имеют никакого значения.

Мия встала.

— Ты говоришь, что решение еще не принято?

Лолимел удивился.

— Как можно? Ведь это вы входите в состав совета Корпуса, который принимает особо важные решения.

Ну да, конечно. Как же она могла забыть… она столько всего теперь забывает, а дальше будет еще хуже. Ни один мозг не вечен.

— Мия, с вами все в…

— Все нормально. Я рада, что вы пришли. Я хочу на несколько дней вернуться в город, а вы можете остаться с Эсефеб и продолжать наблюдения. Можете также организовать для соседей курс лечения антибиотиками, дегельментизацию и антивирусную вакцинацию, которые я пока что применила только к Эсефеб. Вот, смотрите.

— Но я…

— Это приказ.

Позже она испытывала угрызения совести. Но ничего, Лолимел выкарабкается.

На базе работа шла полным ходом. Мия чувствовала, что не является частью этого сплоченного коллектива. Она тщательно проанализировала образец волос малыша. Как она и предполагала, набор ДНК у ребенка на пятьдесят процентов совпадал с набором ДНК Эсефеб. Это был ее брат. А соседка, с которой Эсефеб почти не виделась и которая вначале ее даже не узнала, была ее матерью. Но таких слов в местном языке компьютер так и не нашел.

— Кажется, получилось, — сказала Кенни, заходя в комнату к Мие.

Она устало села на каменную скамью, не утратившую красоты и после двух с половиной веков запустения. Кенни выглядела как человек, много поработавший, но добившийся своего.

— Лекарство?

— Пробное. Радикальное средство. Я бы не хотела апробировать его на одном из нас, хотя если не будет выхода… Ну, а пока мы его еще доработаем. Но кое-что уже есть, так что часть группы может приступить к оказанию медицинской помощи

местному населению. Микробиотические средства, дегельментизация.

— Я уже приступила, — сказала Мия и напряглась. — Кении, надо собирать совет.

— Только не сегодня, я ужасно хочу спать. — Кенни театрально потянулась обеими руками, это было совсем на нее не похоже.

— Нет, именно сегодня, — ответила Мия. Надо все закончить, пока Кенни не разочаровалась в результатах работы.

Кенни опустила руки, взглянула на Мию. В одну секунду она сменила усталость на неприступную строгость.

— Мия, я уже всех поодиночке опросила. И проверила служебные компьютерные модули. Мы, конечно, соберем совет, но решение однозначно — никакого лечения. Все эти видения и фантомы относятся к культурным различиям, имеющим биологическую природу.

— Ничего подобного! Эти люди вымирают!

— Нет, не вымирают. Если бы они вымирали, ситуация была бы в корне другой. Снимки, сделанные со спутников, и демографические расчеты, основанные на данных, оставленных тем поколением колонистов, которое пережило чуму, — все подтверждает, что наблюдается прирост населения. Медленный, но прирост, со степенью достоверности одна сотая.

— Кенни…

— Я устала, Мия. Давай обсудим все завтра.

Мия мрачно замолчала. Она сохранила данные по родственным связям малыша по материнской линии на своем мини-компьютере.

Мия провела на базе неделю, но так и не смогла никого убедить, ни поодиночке, ни всех вместе. Обычно врачи Корпуса отличались толерантностью и готовы были принять все необычное, разнообразные отклонения от нормы. Иначе они бы не вступали в Корпус.

На третий день, чтобы хоть чем-то занять себя, Мия присоединилась к младшему медицинскому персоналу, который занимался подготовкой препарата для лечения «лимбических судорог с пониженным сенсорным порогом, вызывающих синдром Чарльза Боннета». В течение нескольких последующих недель Мия поняла, что имела в виду Кенни: лечение, если бы они его стали проводить, оказало бы очень тяжелое действие на мозг. Как там в старой песенке: «Вылечившись вечером от болезни, я умер на утро из-за врача». Да, такого и теперь в Корпусе предостаточно. И это еще один аргумент в пользу принятого

советом решения.

Мия чувствовала, что не хочет возвращаться к Эсефеб. В голове у нее сама собой складывалась фраза «Мия экетей Эсефеб эфеф». Ну и язык, не выговоришь. Этим людям надо было не только паразитов изжить, им надо было ввести в свой лексикон новые согласные. Она с удовольствием снова работала на базе вместе с другими учеными, с удовольствием думала, решала технические задачи. Но не могла отделаться от ощущения, что одинока, что она одна.

«Мия экет».

А может, это просто ощущение тщетности усилий.

— Лолимел вернулся, — сообщил Джамал.

Он подошел к ней, когда она в сумерках сидела на своей любимой каменной скамье и смотрела на город. В это время дня развалины казались романтичными, каждый камень дышал историей. Вокруг стоял сладкий аромат цветка, распускающегося по ночам, который Мия так и не идентифицировала.

— Мне кажется, вам надо прийти, — сказал Джамал, и Мия наконец-то обратила внимание на его тон. Она резко обернулась. В сумерках чужой планеты лицо Джамала было словно вырезано изо льда.

— Он заразился. — Мия даже не сомневалась в этом. Вирус передается не только внутриутробно, это не ретровирус медленного действия, и если Лолимел переспал с Эсефеб… Но он ведь не настолько глуп. Он врач, его предупреждали…

— Мы ведь так мало на самом деле знаем об этой болезни! — не выдержал Джамал.

— Как всегда, — ответила Мия, и слова засохли на губах, словно соль.

Лолимел стоял посреди разрушенного атриума и хихикал над чем-то, что видел только он. Кенни могла бы сделать все и сама. Она кивнула Мие, и та поняла: Кенни чувствовала, что между Мией и молодым врачом возникло определенное взаимопонимание. Лекарство было непроверенным, может быть, не таким уж безболезненным; можно ли решиться применить определенные яды селективно к некоторым центрам мозга? Результат не гарантирован, ведь существует еще и гематоэнцефалический барьер.

Мия заставила себя спокойно подойти к Лолимелу.

— Над чем ты так смеешься, Лолимел?

— Сколько на полу песчанок, и все ползут по прямой линии! А я раньше никогда голубых песчанок не видел.

Песчанки. Она вспомнила: ну да, Лолимел родом с Нового Карфагена. Песчанки всегда красного цвета.

Лолимел спросил:

— А почему у тебя из головы растет дерево, Мия?

— Я использовала сильное удобрение, — ответила она. — Лолимел, ты спал с Эсефеб?

Молодой человек был искренне шокирован.

— Нет!

— Хорошо. — Может, правда, а может, нет.

Джамал прошептал:

— Имеем шанс изучить галлюцинации на примере человека, способного четко артикулировать увиденное…

— Нет, — прервала его Кенни. — Время очень важный фактор… — Мия поняла, что Кенни никак не может сказать слово «для лечения».

Лолимел вдруг понял:

— Я? Вы хотите… меня? Со мной все в порядке!

— Лолимел, дорогой… — начала Мия.

— Я ничего не подцепил!

— А на полу нет никаких песчанок, Лолимел…

— Нет!

Охрана была предупреждена, и Лолимел не смог выбежать из атриума. Охранники крепко держали его, а он кричал и вырывался, пока Кенни прилепляла ему на руку пластырь с транквилизатором. Через десять секунд Лолимел отключился.

— Хорошенько привяжите его, — тяжело дыша, сказала Кении. — Дэниел, как только все будет готово, включай мозговую бормашину. Все остальные — упаковывайте вещи и закрывайте базу на карантин. Мы не имеем права рисковать людьми. Действуем в соответствии с разделом одиннадцать.

Одиннадцатый раздел: «*Если командир Медицинского корпуса считает, что степень риска для членов Корпуса превышает степень возможной выгоды для колонистов в три и более раз, командир имеет право отозвать Корпус с планеты».*

Мия впервые видела, чтобы Кенни приняла такое решение, не посоветовавшись с остальными.

Прошли сутки. Мия в сумерках сидела рядом с Лолимелом. Шаттл уже забрал большую часть людей и оборудования. Лолимел должен был улететь последним рейсом, потому что, если бы он умер, его тело оставили бы на планете. Кенни не говорила этого, но все и так понимали. Лолимел не умер. Он бился в бессознательных судорогах, лицо его искажали гримасы боли (Мия с трудом могла его узнать), у него была нарушена

деятельность основных систем: пищеварительной, лимфатической, эндокринной и парасимпатической нервной. Все это фиксировалось мониторами. Но он должен был выжить. Другие не знали этого, это знала только Мия.

— Мы готовы забрать его, Мия, — сказал молодой техник. — Вы тоже летите на этом шаттле?

— Нет, на последнем. Будьте осторожнее с ним. Мы не можем точно сказать, насколько ему больно.

Она следила за тем, как каталку вывезли из комнаты. Над Лолимелом беспрестанно гудели мониторы. Когда они вышли, Мия проскользнула в соседнее здание, потом в следующее. Такие красивые дома: просторные атриумы, большие залы, одно помещение перетекает в следующее.

В восьмом здании она подобрала свои вещи, приготовленные заранее. Рюкзак был тяжелым, хотя она собрала далеко не все, что хотела. Так легко взять что-нибудь незаметно, когда база срочно сворачивается. Все считают, что если чего-то нет под рукой, значит, эти вещи уже упакованы, никто не проверяет никаких инвентаризационных списков или баз данных. Некогда. Во все времена война считалась удачным моментом для мародерства.

И что же, она тоже стала заниматься мародерством? Нет, она украла эти вещи не для себя. Ее поступок будет оцениваться по количеству спасенных жизней или людей, которым она сможет вернуть человеческое достоинство.

«Почему вы вступили в Корпус?» — Потому что я врач, Лолимел. Не антрополог, а врач.

Конечно, они заметят, что самой Мии на борту последнего шаттла не будет. Но Кенни поймет, что искать Мию — пустая трата драгоценного времени и сил. Тем более когда Мия не хочет, чтобы ее нашли. И потом, Мия уже слишком стара. Старикам позволительно самим принимать решения.

Она, конечно, будет скучать, ей будет недоставать товарищей по Корпусу; с того момента, когда ее перевели сюда полтора года тому назад (а по другому летосчислению много десятилетий тому назад), они стали ее самыми близкими людьми. Больше всего ей будет недоставать Лолимела. Но это единственный для нее способ закончить жизнь достойно, принеся себя в жертву колонистам. Она прежде всего врач.

Все получилось даже лучше, чем она думала. Когда корабль улетел — а она видела, как он покинул орбиту, стремительный поток света, — Мия сразу отправилась к Эсефеб.

— Мия этей эфеф, — промолвила Эсефеб с улыбкой. «Мия

идет домой».

Мия подошла к девушке, обняла ее и наклеила ей на шею пластырь с транквилизатором.

В течение следующей недели Мия почти не спала. Она сама провела операцию по пересадке тканей, а потом выхаживала Эсефеб, когда у той были остаточные судороги, тошнота, понос, страшные боли. Однажды утром девушка проснулась уже другим человеком. Мия помогла ей вымыться, накормила и долго ухаживала за ослабевшей Эсефеб. Здоровье девушки быстро восстанавливалось. Лекарство было очень сильным, но не разрушительным, как боялись они вначале. Эсефеб стала спокойной, покорной и на удивление сообразительной. Мия научила ее основным правилам очистки воды, личной гигиены, правильного хранения пищи и здорового образа жизни. К тому времени, когда Мия перешла в хижину матери Эсефеб, девушка уже избавилась от большей части мучивших ее паразитов. Эсефеб ни разу не говорила о прежних галлюцинациях. Возможно, она ничего не помнила.

— Эсефеб экебет, — промолвила Мия, поднимая с пола рюкзак. «Эсефеб будет хорошо».

Эсефеб кивнула. Она тихо стояла у двери, а Мия шла к следующему дому, потом, обернувшись, помахала рукой, и Эсефеб помахала ей в ответ.

Мия поправила рюкзак. Он показался ей более тяжелым, чем раньше. А может, Мия просто постарела. Всего на две недели, но ведь две недели иногда равноценны целой жизни.

За две недели можно начать дело по спасению всей цивилизации.

Наступила ночь. Эсефеб сидела на лестнице, ведущей на ее высокую постель, обеими руками сжимая кусок синтетической сине-зеленой ткани. Она плакала и дрожала, лицо ее было искажено. Вокруг сгущались сумерки одиночества. Наконец девушка заплакала и запричитала в голос:

— Эй-эс! О, Эй-э-эс! Эй-эс, Эсефеб экет! Эй-эс… этей эфеф! О, этей эфеф!

Джон Варли — Звонарь

John (Herbert) Varley. The Bellman (2003). Перевод Н. Фроловой

Джон Варли впервые появился на арене научной фантастики в 1974 году, а к концу 1976 года он уже написал огромное количество умных, ярких, свежих, смелых и очень живых рассказов, в том числе «Retrograde Summer», «In the Bow!», «Gotta Sing, Gotta Dance», «The Hall of the Mountain Kings», «Equi noctials», «The Black Hole Passes», «Overdrawn at the Memory Bank», «The Phantom of Kansas» и др. Трудно вспомнить более влиятельный корпус фантастических рассказов, кроме, разве, ранних работ Роберта Хайнлайна в журнале Джона У. Кемпбелла «Astounding» и ранних рассказов Роджера Желязны периода середины 60-х годов. Даже для такого жанра, как научная фантастика, где, случается, знаменитостями становятся за одну ночь, такой взлет был внове. Варли оставался ведущей фигурой жанра в течение 70-х и начала 80-х годов. Он написал такие романы, как «Ophiuchi Hotline», «Titan», «Wizard», «Demon», «Millenium», и сборники рассказов («The Persistence of Vision», «The Barbie Murders», «Picnic on Nearside» и «Blue Champagne»), завоевал три премии «Хьюго» и две премии «Небъюла» за рассказы «Press Enter», «The Persistence of Vision» и «The Pusher». К середине 80-х годов Варли сосредоточился на киносценариях, но большая часть написанного им так и не воплотилась в фильмах. Разочаровавшись в Голливуде, Варли в 1992 году вернулся в литературу с романом «Steel Beach». Поклонники Варли считали, что роман станет новой вехой в его творчестве, но писатель вдруг замолчал, и до конца столетия новых вещей из-под его пера не выходило. В первые годы нового века появился роман «The Golden Globes», а в 2003 году «Red Thunder» и целый ряд коротких рассказов. Выходит первый за последние годы сборник его рассказов под названием «The John Varley Reader». Ниже приведен рассказ, в котором вслед за автором читатель попадает на Луну. Напряженная и полная тайн история убийств, в которой находчивая женщина-полицейский должна в дебрях и мрачных подземных переходах лунного города поймать жестокого серийного убийцу, а время при этом отсчитывается не только одними часами…

* * *

Женщина, спотыкаясь, шла по длинному коридору. Она так

устала, что бежать уже не могла. Высокая, босоногая, в изодранной одежде. На большом сроке беременности. Сквозь пелену боли она заметила знакомый голубой свет. Илюзовая камера. Идти больше некуда. Она отворила дверь, вошла внутрь и закрыла дверь за собой.

Впереди была последняя дверь, а за ней вакуумная бездна. Женщина быстро повернула четыре рычага, герметично запирающие дверь. Сверху донесся тихий ритмичный предупреждающий сигнал. Теперь запертую дверь удерживало лишь давление воздуха внутри шлюза, а внутреннюю можно будет открыть только после того, как снова закроется внешняя.

Женщина слышала шум в коридоре, но знала, что уже в безопасности. Если они попробуют высадить внутреннюю дверь, сработает сигнал тревоги, и тогда на место прибудут и полиция, и люди из воздушного департамента.

Свою ошибку она поняла, когда у нее лопнули барабанные перепонки. Женщина начала кричать, но крик замер вместе с последней струей воздуха, вырвавшейся из легких. Она сидя продолжала бить кулаками по металлическим стенкам шлюза, но кровь уже ручьем потекла у нее изо рта и из носа.

Глаза женщины затуманились, и в этот момент внешняя дверь поднялась вверх; перед ней открылся лунный пейзаж. При свете солнца все вокруг было белым и красивым, вскоре и тело женщины покрыл такой же красивый, холодный иней.

Лейтенант Анна-Луиза Бах села в гинекологическое кресло, откинулась назад и положила ноги на подставки. Доктор Эриксон вставлял ей внутрь какие-то приборы и инструменты. Она отвернулась и принялась изучать сквозь стеклянную стенку слева людей, сидевших в приемной. Она ничего не чувствовала, и от одного этого ей становилось не по себе. Но еще больше ее мучила мысль, что все это «железо» находится в непосредственной близости от ее малышки.

Доктор включил сканер, и она взглянула на экран справа. Она так и не смогла привыкнуть к тому, что видит внутреннее стенки своей матки, плаценту и плод. Они жили своей жизнью, пульсировали, наливались кровью. У Бах появилось ощущение, что она словно потяжелела, не может даже приподнять руки и ноги. Это чувство в корне отличалось от тяжести в груди и животе, которые она испытывала в последнее время.

Ребенок. Даже не верится, что это ее ребенок. Он совсем не похож на нее. Так выглядят все малыши в утробе: сморщенное личико, розовый, несуразный комочек. Маленький кулачок то сжимается, то разжимается. Вот малышка дернула ножкой, и Бах

почувствовала удар изнутри.

— Вы придумали для нее имя? — спросил доктор.

— Джоанна. — На прошлой неделе он спрашивал то же самое. Наверное, просто пытается поддержать разговор, а сам и ее-то имени не помнит.

— Прекрасно, — рассеянно ответил доктор и что-то впечатал в базу данных. — У-ух, я думаю, мы можем записать вас на понедельник через три недели. На два дня раньше оптимального срока, но следующее свободное окно будет на шесть дней позже. Вас это устраивает? Вам следует быть здесь в три часа.

Бах вздохнула.

— В прошлый раз я вам уже говорила. Я не собираюсь рожать у вас. Я все сделаю сама.

— Послушайте… — Врач снова посмотрел на экран. — Анна, вы же знаете, мы стараемся отговорить своих пациентов от подобного шага, хотя, я знаю, теперь это стало модным, но…

— Для вас я миссис Бах, к тому же все это я уже слышала. И статистические данные смотрела. Рожать самостоятельно ничуть не опаснее, чем рожать здесь. Поэтому просто дайте мне «акушерку» и отпустите. У меня кончается обеденный перерыв.

Доктор пытался что-то сказать, но Бах широко раскрыла глаза, при этом ноздри ее затрепетали. Стоило ей так взглянуть на кого-либо, и этого обычно хватало, чтобы остановить любые споры, особенно если она была при оружии.

Эриксон протянул руку, нащупал у нее на затылке датчик и снял его. Эту «акушерку» она носила в течение последних шести месяцев. Датчик был сделан из золота, а размером не превышал горошины. Он регулировал ее состояние на уровне нервной системы и гормонов. Благодаря ему она не чувствовала тошноты по утрам и приливов, он снимал угрозу выкидыша от переутомления на работе.

Эриксон убрал датчик в маленькую пластмассовую коробочку и достал другой, который внешне, казалось, ничем не отличался от первого.

— Это «акушерка» для родов, — сказал он и установил терминал на место. — В нужный момент он спровоцирует роды, в вашем случае это будет девятое число следующего месяца. — Доктор снова улыбнулся, пытаясь сгладить возникшее напряжение. — Ваша дочка родится под знаком Водолея.

— Я не верю в астрологию.

— Понятно. Смотрите, не снимайте «акушерку». Когда подойдет срок родов, датчик будет направлять нервные импульсы в сторону от болевых центров мозга. Вы в полной мере почувствуете схватки, просто не будете воспринимать их как

болевые ощущения. Насколько мне известно, в этом весь секрет безболезненных родов. Хотя, конечно, сам я этого не пробовал.

— Нет, конечно. Я должна еще что-нибудь знать или могу быть свободна?

— Я бы рекомендовал вам еще раз все хорошенько обдумать, — сварливо заметил доктор. — Вам все же лучше прийти в нататориум. Должен признаться, я совершенно не понимаю, почему все больше женщин в наши дни решают рожать самостоятельно.

Бах повернула голову, еще раз оглядела толпу женщин в приемной и освещавшие их яркие лампы. Сквозь стеклянные стены она видела и других, которые, как и она, сидели на креслах в кабинетах. Везде поблескивали металлические приборы, куда-то спешили хмурые серьезные люди в белых халатах. Чем больше она бывала тут, тем больше ей хотелось родить ребенка в собственной постели, на родных, теплых простынях при свете свечи.

— Ну да, я тоже, — ответила она.

На вспомогательной линии Лейштрассе, в том месте, где стоит карусель, была пробка. Бах пришлось провести четверть часа, стоя в битком набитом вагоне. Она прикрывала свой большой живот и прислушивалась к крикам, раздававшимся спереди, где произошла авария. С нее градом лил пот. Кто-то, стоявший рядом, дважды наступил ей на ногу тяжелым ботинком.

Опоздав в полицейский участок на двадцать минут, она промчалась мимо рядов столов в командном центре в свой маленький кабинет и плотно закрыла за собой дверь. Чтобы пройти на свое место, ей теперь приходилось поворачиваться боком, но ее это не волновало. Она готова была стерпеть и не такое.

Сев за стол, она тут же заметила записку, написанную от руки, — ей надлежало явиться на инструктаж в комнату 330 к 14:00. У нее оставалось пять минут.

Бах быстро окинула взглядом зал совещаний, и у нее появилось странное чувство — кажется, она только что была здесь. В зале находилось 200–300 офицеров, все сидели, все были женщинами, причем беременными.

Бах заметила знакомое лицо, пробралась вдоль стульев и села рядом с сержантом Ингой Крупп. Они соединили ладони в знак приветствия.

— Ну, как дела? — спросила Бах и ткнула пальцем в живот Крупп. — Сколько тебе еще осталось?

— Борюсь с силой тяжести, пытаюсь бороться с энтропией. Осталось две недели. А тебе?

— Наверное, три. У тебя девочка или мальчик?

— Девочка.

— У меня тоже. — Бах заерзала на твердом стуле. Сидеть становилось неудобно. Правда, и стоять тоже непросто. — А что случилось? Что-нибудь относительно медицинских проверок?

Крупп ответила совсем тихо, даже не поворачивая головы:

— Не шуми. Поговаривают, что они хотят сократить декретные отпуска.

— Это когда половина офицеров не сегодня завтра собираются рожать. — Бах знала свои сроки. Но работа и в участке и во всей системе отлично налажена, вряд ли они пойдут на сокращение годичного отпуска по уходу за ребенком. — Ну же, что ты слышала?

Крупп пожала плечами, потом расслабилась.

— Никто ничего не говорил, но, по-моему, дело не в медпроверках. Смотри, сколько незнакомых лиц. Они собрали людей со всего города.

Ответить Бах не успела — в зал вошел комиссар Андрус. Он поднялся на небольшое возвышение и подождал, пока зал успокоится. Потом медленно оглядел всех присутствующих.

— Вы, очевидно, недоумеваете, зачем я всех вас здесь собрал.

В зале раздался смех. Андрус быстро улыбнулся, но тут же снова посерьезнел.

— Начнем с ответственности. Все вы знаете, что в ваших контрактах есть пункт, в котором говорится о работе в опасных условиях в период беременности. Наш департамент старается никогда не подвергать опасности гражданских лиц, а вы все сейчас вынашиваете именно лиц гражданских. Поэтому участие в проекте, о котором пойдет речь, сугубо добровольное. Если кто-либо из вас откажется, никаких нежелательных последствий это за собой не повлечет. Те, кто хочет, могут уйти прямо сейчас.

Он опустил взгляд и тактично занялся бумагами. Около дюжины женщин-офицеров покинули зал. Бах еще больше заерзала на стуле. Она знала, что если уйдет, то сама себе этого не простит. По традиции офицер должен выполнять любое данное ему задание. Но она чувствовала также, что несет ответственность и за Джоанну.

Она решила, что в конце концов устала от кабинетной работы. Можно хотя бы послушать, что скажет комиссар.

Андрус снова посмотрел в зал и вяло улыбнулся.

— Спасибо. Если честно, я не ждал, что вас останется так много. Но помните, что вы в любой момент можете уйти. — Он

аккуратно постучал стопкой бумаг по столу, выравнивая ее. Комиссар был крупным, худым мужчиной с большим носом и провалившимися щеками — скелет, обтянутый кожей. Если бы не маленький рот и такой же невзрачный подбородок, вид у него мог бы быть просто устрашающий.

— Наверное, надо вас предупредить с самого начала…

Но на голографическом экране уже появилось первое изображение. Зал ахнул, казалось, стало холодно, как зимой. Бах отвела взгляд. Впервые с тех пор, как она пришла работать в участок, ей стало не по себе. Две женщины поднялись с мест и поспешно вышли.

— Извините, — сказал Андрус, он взглянул на экран и нахмурился. — Я собирался подготовить вас к этому. Действительно, приятного мало.

Бах заставила себя снова посмотреть на экран.

Двенадцать лет в убойном отделе полиции крупного города не проходят бесследно. Конечно, она привыкла видеть разные трупы. Бах считала, что ее уже ничем не пронять, но и она не была готова к тому, что увидела на экране. Кто мог сделать такое с несчастной женщиной?

Женщина была беременна. Кто-то разрезал ей живот, как при кесаревом сечении, — от лобка до грудной клетки. Разрез был рваный, сделан неправильным полукругом, потом большой кусок кожи и мышечной ткани откинули в сторону. Сквозь обрывки фасциальной ткани наружу выпирали кишки. В ярком свете фотографической лампы все казалось влажным.

Женщина была заморожена, лежала на столе для вскрытия, голова и плечи приподняты, словно она опиралась о стену, которой теперь уже не было. От этого замороженное тело покачивалось на ягодицах. Ноги подогнуты, так обычно сидят, когда отдыхают, но сейчас они немного приподнимались над столом.

Голубоватого оттенка кожа блестела, как жемчуг, на подбородке и шее запеклась коричневая и тоже замерзшая кровь. Глаза женщины были открыты, в них застыло на удивление мирное выражение. Смотрела она куда-то поверх левого плеча Бах.

Картина была ужасной, как и любое зверство, которое приходилось видеть Бах. Но больше всего ее поразила одна деталь: малюсенькая отрезанная ручка, тоже замороженная, лежала посреди красной зияющей раны.

— Звали ее Эльфреда Тонг, двадцать семь лет, с самого рождения живет в Нью-Дрездене. У нас есть ее биография, позже можете ознакомиться. Нам заявили о ее исчезновении три дня

назад, но больше никаких сведений не поступало.

Вчера мы ее нашли. Тело находилось в шлюзовой камере западного квадранта, координаты по карте дельта-омикрон-сигма девяносто семь. Это новый район города, пока там невысокая плотность населения. Интересующий нас коридор никуда не ведет, но со временем должен соединить далекий жилой массив с кольцевой сквозной дорогой. Умерла она от декомпрессии, не от ран. На видеозаписи сервисного модуля шлюзовой камеры видно, что вошла она туда одна, скафандра у нее, скорее всего, не было. Видимо, ее преследовали, иначе зачем ей было спасаться в шлюзе? В любом случае, она открыла рычаги внешней двери, зная, что внутреннюю дверь теперь открыть никто не сможет. — Эриксон вздохнул и покачал головой. — В шлюзе старой конструкции такой вариант мог бы сработать. К сожалению, она слишком поздно поняла особенности новой конструкции. Кнопки ручного управления давлением находятся в коридоре. Никто никогда не мог предположить, что кому-нибудь понадобится заходить в шлюзовую камеру без скафандра и разгерметизировать внешнюю дверь.

Бах содрогнулась. Она прекрасно это понимала. Как и все лунные жители, у нее был панический страх перед безвоздушным пространством, перед вакуумом. Этот страх жил в ней с самого детства.

Андрус продолжал:

— Патологоанатомы не смогли определить время наступления смерти, но компьютерные записи показывают время, которое может оказаться важным. Те из вас, кто работает в убойном отделе, хорошо знают, что на Луне жертвы убийств часто исчезают бесследно. Их можно закопать на поверхности планеты, и тогда никто никогда их не найдет. В данном случае убийца легко мог поступить точно так же. Приложив столько усилий, чтобы вынуть плод (мы еще вернемся к причинам, побудившим его к этому), он спокойно мог бы спрятать тело в пятидесяти метрах от шлюза. Тогда преступление, скорее всего, осталось бы нераскрытым. Мы думаем, что убийца спешил. Кто-то захотел воспользоваться шлюзом, обнаружил, что он не работает из-за разгерметезированной внешней двери, и вызвал ремонтников. Убийца правильно предположил, что человек, который не смог попасть в шлюз, дойдет по коридору до следующего и вернется по поверхности планеты к первому, чтобы посмотреть, в чем дело. Ведь он сам сделал то же самое, чтобы найти Эльфреду. И еще. — Он показал на маленький округлый предмет, скрытый в ране. — Убийца так торопился, что повредил плод. Это голова плода, а ручку вы наверняка уже заметили.

Андрус нервно откашлялся и отвернулся от экрана. Одна из женщин, сидевших в конце зала, поспешила к двери.

— Мы считаем, что убийца ненормальный. Видимо, с точки зрения его патологически исковерканного сознания подобный акт имеет некий смысл. Психологи говорят, что скорее всего убийца мужчина. Но это не может полностью исключить и женщин.

Дело, конечно, малоприятное. Вам известно, что подобные патологические личности не могут жить в изоляции. Рано или поздно убийца вынужден будет повторить свой акт. К тому же у нас есть основания предполагать, что миссис Тонг не была его первой жертвой. За последние два года бесследно исчезло удивительно большое число беременных женщин. Похоже, что по улицам города разгуливает маньяк, преследующий будущих матерей. Вполне вероятно, что он убил уже пятнадцать, а то и двадцать женщин.

Андрус поднял глаза и на мгновение задержал взгляд на Бах, потом точно так же посмотрел на нескольких других женщин-офицеров.

— Вы уже, наверное, поняли, что мы хотим использовать вас в качестве приманки.

За двенадцать лет службы Бах много чего испытала и пережила, но все-таки избегала становиться приманкой для преступников. Она считала, что в работе убойного отдела такие методы не нужны.

Но она хотела поймать убийцу, а лучшего способа для этого не придумать.

— Даже у этого метода есть недостатки, — заметила она, вернувшись к себе в кабинет. Она вызвала к себе сержантов Лизу Бэбкок и Эрика Стайнера — теперь они вместе займутся этим делом. — Что у нас есть? Компьютерные распечатки, обобщенные сведения о привычках и поведении всех исчезнувших женщин. На месте преступления не найдено никаких вещественных доказательств.

Сержант Бэбкок закинула ногу на ногу, раздалось приглушенное жужжание. Бах машинально опустила глаза. Ну да, она давно не работала с Бэбкок и совершенно забыла о бионических ножных протезах.

Бэбкок лишилась ног, когда ее взяли в заложники члены одной банды. Они отрезали ей ноги цепной пилой и оставили умирать. Она выжила. Бионические протезы должны были стать временными, пока не вырастут новые ноги, но они ей понравились. Она не переставала повторять, что для работы в полиции ноги все еще самое главное, а протезы хотя бы уставать

не будут. Бэбкок была невысокой брюнеткой с длинным лицом и томными глазами — одна из лучших офицеров, которых когда-либо встречала Бах.

Стайнер тоже был неплохим человеком. Бах предпочла его двум другим более талантливым офицерам только лишь за то, что он был крепким, физически сильным парнем. Он ей давно нравился, она даже переспала с ним тридцать шесть недель назад. Это он являлся отцом Джоанны, хотя никогда об этом и не узнает. Мускулистый, смуглый парень, и на теле никаких волос, а именно эти три качества Бах больше всего ценила в мужчинах.

— Выберем местечко: пивную, сенсориум — я пока еще не решила, — и я начну частенько заглядывать туда. Придется подождать. Он, конечно, не выскочит в первый же день, чтобы схватить женщину с животом. Наверное, попытается увести ее в уединенное место. Может, пригласит поесть. Мы изучали модели поведения жертв…

— И решили, что убийца мужчина? — спросила Бэбкок.

— Нет. Говорят, что скорее всего мужчина. Его прозвали Звонарем. Не знаю почему.

— Льюис Кэрролл, — ответил Стайнер.

— Что?

Стайнер криво улыбнулся:

— Из «Охоты на Снарка». Но там Снарк делал так, что с людьми внезапно «что-то странное случалось и они исчезали». Звонарь же охотился на Снарка.

Бах пожала плечами.

— Ну, к литературным псевдонимам нам не привыкать. В любом случае, дело называется «ЗВОНАРЬ XXX». Совершенно секретно. — Она пододвинула обоим стопки прошитых компьютерных распечаток. — Прочитайте и завтра скажите, что вы об этом думаете. Сколько вам понадобится времени, чтобы разобраться с текущими делами?

— Я могу закончить все в течение часа, — ответила Бэбкок.

— Мне понадобится чуть больше времени.

— О'кей. Тогда приступайте.

Стайнер встал и вышел, а Бах прошла вслед за Бэбкок в шумный командный центр.

— Я скоро закончу все дела. Может, уйдем сегодня пораньше? — предложила Бэбкок. — Почему бы не начать подыскивать подходящее местечко?

— Отлично. Приглашаю тебя на ужин.

Кафе «Выбор Хобсона» жило двойной жизнью: днем это было спокойное и вполне степенное заведение, но вечером и ночью оно

преображалось — на стенах и по потолку мелькали непристойные голограммы. Одним словом, самое злачное место в районе Восточных 380-х [46]. Бах и Бэбкок это кафе привлекло тем, что оно находилось почти посередине между шикарными заведениями Бедрока в центре и замызганными забегаловками Верхних перекрестков. Находилось заведение на шестидесятом уровне, на пересечении Центральных городских спусков, лифтов на Гейдельберг-Шенкрехтштрассе и торговых рядов, протянувшихся по 387-й штрассе. Половину сектора занимал большой кубический паркинг, рядом с ним разместились рестораны и кафе.

Они сидели в кафе за пластиковым столиком и ждали, когда принесут их заказ. Бах закурила сигару, выпустила тонкую струйку дыма бледно-лилового цвета и спросила у Бэбкок:

— Ну, что скажешь?

Бэбкок подняла взгляд от распечаток и нахмурилась. Ее глаза потускнели. Бах ждала. Бэбкок иногда медленно соображала, но отнюдь не из-за глупости. Просто она была человеком методичным.

— Жертвы принадлежат к низшей прослойке среднего класса или к бедноте. Пять безработных, семь жили на государственное пособие.

— Возможные жертвы, — уточнила Бах.

— О'кей. Но кое-кому из них уж лучше бы быть жертвами, иначе нам придется трудновато. Мы ведь и Звонаря пытаемся выловить в этих средней руки кафешках, потому что у всех женщин были некоторые общие черты. Все они, судя по имеющимся данным, были одиноки.

Бах нахмурилась. Она мало доверяла компьютерным распечаткам. Обычно информацию такого рода можно свести к двум основным направлениям: физическому и психологическому. В психологический раздел попадают школьные характеристики, записи врачей, отзывы с работы и обрывки разговоров — все это складывается вместе, анализируется и выдается в виде некоторых заключений, наподобие заключений психоаналитиков. В некоторой степени эти данные можно считать надежными.

Физические данные фиксируются каждый раз, когда гражданин проходит через герметичные двери, едет по эскалаторному спуску, садится в подземку, тратит деньги, входит в шлюзовую камеру или выходит из нее, — то есть каждый раз, когда гражданину нужно предъявлять идентификационную карточку. Теоретически компьютеры могут составить ежедневную модель передвижения каждого гражданина.

На практике, конечно, все не так просто. И потом, у

преступников тоже есть компьютеры.

— Постоянные любовники были лишь у двух женщин, — продолжала Бэбкок. — Странно, но в обоих случаях это были женщины. И у остальных жертв отмечена некоторая склонность к гомосексуальным отношениям.

— Это еще ничего не значит, — парировала Бах.

— Не знаю. У большинства пропавших должны были родиться мальчики. Шестьдесят процентов мальчиков.

Бах задумалась.

— Ты хочешь сказать, что женщины не хотели рожать?

— Я ничего не хочу сказать. Просто интересно.

Пришел официант и принес заказ. Во время ужина о Звонаре забыли.

— Ну как? — спросила Бэбкок.

— Это? — Бах проглотила кусок, потом критически осмотрела тарелку. — Нормально. Для такой цены вполне прилично. — Она заказала салат, плоды мясного дерева, запеченный картофель и кружку пива. У плодов мясного дерева был слегка металлический привкус, и их явно пережарили. — А как у тебя?

— Сойдет. — Бэбкок прожевала кусок. — Ты когда-нибудь ела настоящее мясо?

Бах чуть не поперхнулась.

— Нет. Даже думать об этом противно.

— А я ела, — ответила Бэбкок.

Бах с подозрением посмотрела на нее, потом кивнула.

— Ну да. Ты ведь эмигрировала с Земли, да?

— Правильнее сказать, мои родители эмигрировали. Мне тогда было девять лет. — Она крутила в руках пивную кружку. — Папа был по-настоящему плотоядным. Каждое Рождество он добывал где-то цыпленка и готовил его. Специально копил на него деньги весь год.

— Могу себе представить, как он был потрясен, когда попал сюда.

— Может, немного. Он ведь знал, что здесь нет мясного черного рынка. Черт побери, и там, на Земле, достать мясо было очень трудно.

— А что… что такое цыпленок?

Бэбкок рассмеялась.

— Такая птица. Я никогда, правда, не видела. Да и не нравился он мне особенно. Другое дело бифштекс.

Бах никак не могла согласиться с таким выбором, но ей было интересно.

— Какой бифштекс?

— Его делают из животного, которое называется корова. Мы только один раз ели бифштекс.

— И какой он на вкус?

Бэбкок протянула руку, перехватила у Бах кусок, который та только что отрезала, и положила его в рот.

— Очень похоже. Но и отличается. Знаешь, у них никогда не получается синтезировать точно такой же вкус.

Бах ничего не могла сказать, она и не подозревала, что плоды мясного дерева должны по вкусу напоминать какую-то корову. И вообще ей уже порядком надоел этот мрачный раз говор.

Они снова пришли в кафе Хобсона той же ночью. Бах сидела у стойки и видела, как вошли Стайнер и Бэбкок. Они сели за столик напротив Бах. Оба были обнажены, лица замысловатым образом раскрашены, тела чисто выбриты и намазаны маслом.

Бах оделась в платье для беременных, голубое, с кружевами, хотя все восемь месяцев старательно избегала подобных нарядов. Платье было длинным, почти до щиколоток, и с небольшим вырезом по горловине, но зато большой живот заметен издали. В кафе сидела еще одна женщина в похожем платье розового цвета, и живот у нее был явно меньших размеров. На них двоих одежды было гораздо больше, чем на всех остальных посетителях кафе, вместе взятых.

Жители Луны предпочитали либо вообще не носить одежды, либо носить самый минимум, причем каждый сам выбирал, какие именно части тела ему прикрывать. В таких злачных местах, как кафе Хобсона, гораздо важнее было то, что человек оставлял открытым и как он умел выставить это напоказ. Бах никогда особо не нравились подобные заведения. С ее точки зрения, от них веяло отчаянием.

Ей надлежало выглядеть одинокой. Черт побери, она могла бы стать неплохой актрисой, только ей это занятие никогда не нравилось. Она даже сейчас готова была приостановить весь спектакль.

— Прекрасно. Вид у тебя самый что ни на есть жалкий.

Бах подняла глаза и заметила, как Бэбкок подмигнула ей, проходя к танцплощадке вместе со Стайнером. Бах еле сдержала улыбку. Ну что ж, кажется, вошла в роль. Надо просто думать о малоприятной работе, о том, что бы ей вместо этого хотелось сейчас делать, и вид будет — самое то.

— Эй, там!

Она сразу поняла, что мужчина ей не понравится. Он уже сидел рядом с ней на высоком барном стуле. Нагрудное украшение поблескивало в лиловом свете. У него были ровные

белые зубы, орлиный нос, пенис раскрашен яркими полосками, как леденец, да еще украшен колокольчиком.

— Мне не хочется танцевать, — ответила она.

— Тогда какого черта ты тут делаешь?

Бах и сама точно не знала.

— Да, место не то, — заметила Бэбкок, уставившись в потолок.

Они собрались в квартире Бах.

— Ничего более приятного я не слышал за последние не сколько месяцев, — ответил Стайнер. У него под глазами появились темные круги — ночь оказалась трудной.

Бах так хотелось, чтобы он замолчал, пусть уж Бэбкок говорит. Бах почему-то начало казаться, что Бэбкок что-то знает о Звонаре, хотя и сама об этом не догадывается. Она потерла лоб — странные какие-то мысли.

Но факт оставался фактом. Когда Бэбкок посоветовала ей надеть не розовое, а голубое платье, Бах повиновалась. Именно Бэбкок сказала, что нужно постараться выглядеть одинокой и жалкой, и Бах старалась изо всех сил. Теперь Бэбкок считает, что кафе Хобсона не то место. Интересно, что она скажет дальше.

— Подумаешь, что компьютеры утверждают, будто те женщины проводили свободное время в таких местах, — продолжала тем временем Бэбкок. — Может, и проводили, но не на последних сроках. А может, потом они где-то уединялись. Ведь из такого места, как кафе Хобсона, никто не ведет партнера домой. Кому нужно, совокупляются прямо на танцплощадке. — Стайнер застонал, а Бэбкок подмигнула ему: — Эрик, не забывай, я выполняла служебный долг.

— Пойми меня правильно, — ответил Стайнер. — Ты просто прелесть, но всю ночь напролет! И ноги у меня болят, просто ужас.

— А почему ты думаешь, что место должно быть более спокойным?

— Я не уверена. Личности, склонные к депрессивным состояниям. Если человек находится в депрессии, то он вряд ли пойдет в кафе Хобсона. Туда они ходили, чтобы снять партнера на ночь. Но когда им становилось совсем плохо, они должны были искать друга. И Звонарю нужно такое место, откуда он может увести жертву к себе домой. А домой уводят, когда есть серьезные намерения.

Да, логично. Согласуется с ее собственными представлениями. В перенаселенном городе Луны очень важно иметь свое собственное пространство, куда приглашают лишь

очень близких друзей.

— То есть ты считаешь, что сначала он заводил с ними дружбу.

— Я только предполагаю. Смотри. Ни у кого из них не было близких друзей. Большинство вынашивали мальчиков, но они были при этом лесбиянками. Делать аборт слишком поздно. Они не уверены, хотят ли этого ребенка. Вначале им казалось, что родить ребенка — это так здорово, но теперь они считают, что сына иметь не хотят. Надо сделать выбор: оставить ребенка себе или отдать государству. Нужен человек, с кем можно было бы посоветоваться. — Она взглянула на Бах.

Сплошные догадки, никаких фактов, но больше у них ничего нет. Почему бы не попробовать другое кафе? И ей там будет легче, не говоря уже о Стайнере.

— Самое подходящее место для Снарка, — заметил Эрик.

— Правда? — переспросила Бах, внимательно осматривая фасад здания и не замечая сарказма Стайнера.

Возможно, тут они и найдут Звонаря, но это место, кажется, ничем не отличается от пятнадцати других, которые они обошли за последние три недели.

Называлось кафе «Гонг», почему — непонятно. Место не проходное, 511-я штрассе, семьдесят третий уровень. Стайнер и Бэбкок зашли внутрь, а Бах два раза обошла квартал, чтобы никто не заподозрил, что они пришли вместе, и только после этого вошла в кафе.

Свет приглушен, но вполне ничего. Подают только пиво. Есть отдельные кабинки и длинная деревянная стойка с медными ручками и вращающимися стульями. В одном углу пианино, там же небольшая темноволосая женщина принимает заказы. Атмосфера двадцатого века, немного старомодно, но изящно. Бах выбрала стул в конце стойки.

Прошло три часа.

Бах держалась стоически. В конце первой недели она чуть с ума не сошла. Теперь она понемногу привыкла сидеть, глядя в одну точку, или изучать в барном зеркале свое отражение, при этом ни о чем особенно не думая.

Но сегодня последняя ночь. Через несколько часов она запрется в своей квартире, зажжет свечу у кровати и в следующий раз выйдет на улицу, уже став матерью.

— Вид у тебя такой, будто ты потеряла лучшего друга. Можно купить тебе выпить?

«Сколько же раз я это слышала!» — подумала про себя Бах и ответила:

— Давай.

Он сел. Послышался мелодичный звон. Бах быстро взглянула вниз, а потом снова посмотрела в лицо мужчине. Нет, это не тот, что подошел к ней в первую ночь в кафе Хобсона. В последнее время стало очень модно украшать половые органы колокольчиками. Эта тенденция сменила «лобковые сады», когда три года назад все кругом бегали с цветочками между ног. Мужчин, украшавших себя колокольчиками, называли «донг-а-лингами», а иногда и того хуже — «донг-а-лингамами».

— Если будешь просить позвонить в твой колокольчик, — между прочим заметила Бах, — разобью яйца.

— Зачем? — наивно переспросил мужчина. — Да ни в коем случае. Честно.

Она знала, что он врет, потому что именно это и собирался попросить, но улыбался он при этом столь невинно, что она невольно улыбнулась в ответ. Он протянул ладонь, и она коснулась ее своею.

— Луиза Брехт, — представилась она.

— А я Эрнест Фримэн.

Но, конечно, это не настоящее имя. Бах даже расстроилась, потому что он был самым приятным человеком из всех, с кем она сталкивалась за эти три недели. Она выложила ему свою «историю», которую Бэбкок написала на второй день их похождений, и мужчина, казалось, на самом деле жалел ее. Бах уже и сама почти верила в то, что рассказывала, а на лице ее было написано такое отчаяние и разочарование, что ее рассказ не мог не произвести должного впечатления.

Вдруг она увидела Бэбкок, направлявшуюся в туалет. Она прошла совсем рядом со стулом Бах, и та была ошарашена, так она вошла в роль.

Пока она беседовала с «Фримэном», Бэбкок и Стайнер не теряли времени даром. В одежде Бах был замаскирован маленький микрофон, и они могли прослушивать весь разговор. У Стайнера имелась и небольшая камера. Данные сразу переправлялись в компьютер, а там включались методики голосового и фотоанализа, с тем чтобы идентифицировать мужчину. При несовпадении Бэбкок должна была оставить записку в туалете. Наверное, именно этим она сейчас и занималась.

Бах видела, как Бэбкок прошла назад к своему столику. Она поймала в зеркале взгляд Бэбкок, та слегка кивнула, и Бах почувствовала, что у нее мурашки пошли по телу. Может, это и не сам Звонарь, ведь у него могут быть помощники. Может, он и не собирается убивать ее, но впервые за последние три недели они,

кажется, вышли на след преступника.

Бах выждала какое-то время, допила пиво, извинилась и пообещала скоро вернуться. Она прошла в дальний угол бара, завернула за занавеску и толкнула первую попавшуюся дверь.

За последнее время она побывала в стольких кафе, что могла найти туалет даже в кромешной тьме. Сначала ей показалось, что она попала куда следует. Обстановка, как и во всем кафе, из двадцатого века: керамические раковины, писсуары, кабинки. Бах быстро осмотрелась, но никакой записки не нашла. Нахмурившись, она толкнула дверь, вышла и чуть не столкнулась с пианисткой, которая как раз заходила в уборную.

— Извините, — пролепетала Бах и посмотрела на дверь. Там висела табличка с буквой «М».

— Отличительная черта «Гонга», — пояснила пианистка. — Помните, в двадцатом веке туалеты были раздельными.

— Ну да, конечно. Как же я сама не догадалась.

На противоположной двери висела табличка с буквой «Ж». Бах прошла внутрь и быстро нашла записку — Бэбкок приклеила ее к внутренней стороне дверцы одной из кабинок. Записка была напечатана на крошечном факспринтере, который Бэбкок носила с собой. На листочке размером восемь на двенадцать миллиметров умещалось на удивление много текста.

Бах распахнула свое широкое платье, села и принялась читать.

Официально его зовут «Великий трахальщик Джонс». Да, неудивительно, что он придумывает себе другие имена. Но и официальное имя выбрал он сам. Родился он на Земле, и назвали его тогда Эллен Миллер. Девочка была чернокожей. Он поменял цвет кожи и пол, чтобы скрыть свое криминальное прошлое и уйти от преследований полиции. Но и под новым именем Джонс чем только не занимался — грабежи, незаконная торговля мясом, убийства. Несколько раз попадал за решетку и даже какое-то время провел в исправительно-трудовой колонии на Копернике. Когда его выпустили, он решил поселиться на Луне.

Но это еще ни о чем не говорит. Почему же Звонарь? Бах надеялась, что найдет информацию о том, что за ним замечены какие-либо сексуальные извращения, тогда все немного прояснилось бы. К тому же если Звонарь — это Джонс, тут должны фигурировать большие деньги.

Неожиданно Бах заметила под дверкой кабинки красные туфли пианистки, и ее вдруг осенило. Почему та тоже пошла вслед за ней в мужской туалет? В этот момент что-то пролетело под дверью, и тут же вспыхнул ярко-фиолетовый свет.

Рассмеявшись, Бах встала и застегнулась.

— Боже мой, нет, — еле выдавила она сквозь смех. — Со мной этот номер не пройдет. Мне всегда было интересно, что я испытаю, если кто-то бросит в меня шар-вспышку. — Она открыла дверцу кабинки. Пианистка как раз сняла защитные очки и запихивала их в карман.

— Вы, наверное, начитались дешевых триллеров, — сказала ей Бах, все еще продолжая смеяться. — Неужели вы не знаете, что эти штуки давно устарели?

Женщина пожала плечами и мрачно развела руками.

— Я делаю то, что мне приказали.

Бах замолчала, потом снова рассмеялась.

— Но вы же должны знать, что вспышка не сработает, если жертву предварительно не накачать специальным лекарством.

— А пиво? — выпалила пианистка.

— Ого! То есть вы заодно с тем парнем, который взял себе имя из комикса… — Она не могла сдержаться и снова рассмеялась. Ей даже стало жаль эту женщину. — Видите, не сработало. Наверное, просроченная вспышка или еще что-то в этом роде. — Она уже собиралась сказать пианистке, что та арестована, но почему-то пожалела ее.

— Ну да, — ответила женщина. — Но пока вы тут, слушайте: вам надо поехать на станцию подземки «Западная пятисотая штрассе», первый уровень. Возьмите с собой этот листок и введите код направления. Сразу забудьте все цифры, а потом съешьте листок. Понятно?

Бах хмуро разглядывала записку.

— «Западная пятисотая», забыть цифры, съесть листок. — Она вздохнула. — Наверное, смогу. Но запомните, я делаю это только ради вас. Когда же я вернусь, я сразу…

— О'кей, о'кей. Поезжайте. И делайте все, как я сказала. Давайте сделаем вид, что вспышка сработала, хорошо?

Предложение было вполне заманчивым. Бах как раз недоставало активных действий. Понятно, что пианистка и Джонс, кем бы он или она на самом деле ни были, связаны со Звонарем. Приняв предложение пианистки, Бах может выйти на его след и поймать преступника. Конечно же, цифры она не забудет.

Она хотела сказать женщине, что арестует ее, как только вернется назад, но та снова ее прервала:

— Выходите через черный ход. И не тратьте время попусту. Никого и ничего не слушайте, пока вам не скажут: «Повторяю три раза». Тогда можете выходить из игры.

— Ладно. — Бах уже предвкушала, как будет ловить преступника. Вот ее шанс. Обычно люди думают, что работа в

полиции состоит из таких погонь и приключений, а на самом деле она скучна, как самая заунывная музыка.

— А платье отдайте мне.

Через секунду Бах вышла через черный ход в чем мать родила, но на лице ее сияла улыбка.

Странно. Она вводила цифры одну за другой, и одна за другой они тут же исчезали из памяти. В руках у нее осталась ничего не значащая бумажка. Надпись могла бы быть и на языке суахили.

— Никогда не знаешь, что тебя ждет, — пробормотала она и села в двухместную капсулу. Потом рассмеялась, скомкала бумажку и сунула ее в рот. Настоящая шпионка.

Она понятия не имела, где оказалась. Капсула почти полчаса кружила по незнакомым местам и в конце концов остановилась на частной станции подземки, которая ничем не отличалась от тысяч других. Ее ждал мужчина. Бах улыбнулась ему.

— Это вас я должна встретить? — спросила она. Мужчина что-то пробормотал, но так неразборчиво, что она ничего не поняла. Поняв, что Бах не понимает, он насупился.

— Извините, но мне не следует никого слушать. — Она пожала плечами, чувствуя полную беспомощность. — Я и не думала, что это сработает.

Мужчина яростно жестикулировал, в его руках мелькнул какой-то предмет. Бах нахмурилась, потом широко улыбнулась.

— Шарада? О'кей… — Но он продолжал размахивать руками, в которых оказались наручники.

— Ну ладно, если вам так хочется. — Она протянула вперед руки, и мужчина надел на нее наручники.

— Повторяю три раза, — сказал он.

Бах закричала.

Прошло несколько часов, прежде чем ум у нее прояснился. Большую часть этого времени она почти ничего не соображала, только дрожала, хныкала, и еще ее рвало. Наконец она немного пришла в себя. Бах лежала на голом полу в ободранной комнате частной квартиры. Пахло мочой, рвотой, и все вокруг было пропитано страхом.

Она осторожно подняла голову. На стенах видны красные полосы, некоторые свежие и яркие, другие старые, засохшие, почти коричневого цвета. Она попробовала сесть и скорчилась от боли. Кончики пальцев оказались изрезаны в кровь.

Бах подошла к двери, но не нашла даже ручки. Она прощупала все щели. Когда боль в истерзанных руках

становилась невыносимой, она прикусывала язык. Дверь не открывалась. Она снова села на пол и обдумала свое положение. Ничего хорошего, но все же кое-что сделать можно.

Прошло, наверное, часа два, хотя точно она сказать не могла. Дверь отворилась. Вошли тот же самый мужчина, вместе с ним незнакомая женщина. Оба сразу отступили в сторону, опасаясь, чтобы на них не напали. Бах сжалась в дальнем углу и, когда они направились к ней, снова закричала.

В руках мужчины что-то блеснуло. Цепная пила. В ладони он сжимал резиновую ручку, внутри которой был спрятан аккумулятор. К Бах приближалось пятнадцатисантиметровое лезвие с сотней маленьких зубцов. Мужчина сжал ручку, и пила завизжала. Бах закричала еще громче, вскочила на ноги и прижалась к стене. Ее поза должна была выражать полную беззащитность, и они поймались на эту уловку. Когда Бах ударила мужчину прямо в горло, он чуть-чуть запоздал с ответным ударом и не успел схватить ее, потому что упал на пол и закашлялся кровью. Бах успела выхватить из его рук пилу.

Женщина была без оружия. Она побежала к двери, но Бах подставила ногу, и женщина упала.

Бах собиралась забить ее до смерти, но слишком резкие движения, видимо, привели в действие мышцы, которые ей сейчас напрягать не стоило. Первая схватка началась неожиданно, и Бах согнулась от боли. Она едва успела выставить вперед скованные наручниками руки, чтобы не удариться животом об пол. Выпустить пилу она не могла, а кончики пальцев болели так, что еще одного удара она бы не вынесла. Все это в одну секунду пронеслось в голове Бах, а в следующую она уже упала на кулаки рядом с рукой распростертой на полу женщины.

Тут же раздалось чуть слышное жужжание, плечо Бах обдало струей крови, еще одна струя обрызгала стену напротив.

Обе они какое-то мгновение, не отрываясь, смотрели на отрезанную руку. В глазах женщины появилось недоумение, потом она взглянула на Бах.

— Никакой боли, — четко произнесла она, затем попробовала встать, но упала снова. Какое-то время она копошилась, как перевернутая на спину черепаха, из открытой раны потоком лилась кровь. Женщина сильно побледнела и наконец замерла.

Тяжело дыша, Бах неуклюже поднялась, постояла какое-то время, пытаясь прийти в себя.

Мужчина был все еще жив. Она обвела его взглядом. «Может, он бы и выжил». Затем она посмотрела на пилу, опустилась на колени и коснулась лезвием его шеи. Поднявшись, Бах была

уверена, что этот мужчина никогда больше не вынет из чрева матери нерожденного ребенка.

Она поспешила к двери и осторожно огляделась. Никого. Наверное, никто не слышал ее криков, а те, кто был в комнате, теперь мертвы.

Бах не успела пройти по коридору и пятидесяти метров, как возобновились схватки.

Она не знала, где находится, но точно не там, где погибла Эльфреда Тонг. Это старая часть города, где много промышленных предприятий, наверное, у самой поверхности планеты. Бах пробовала открыть все двери в надежде попасть в общественный коридор, чтобы позвонить. Но открытые двери вели в какие-то кладовые, а двери офисов, видимо, были закрыты на ночь.

Наконец одна из дверей поддалась. Бах заглянула внутрь кабинета. С другой стороны выхода не оказалось. Она уже собиралась вернуться в коридор, когда заметила телефон.

Мышцы живота вновь сжались. Бах быстро ввела пароль «ЗВОНАРЬ XXX». Экран ожил, и она нажала кнопку, чтобы приглушить яркость.

— Назовите себя, пожалуйста.

— Я лейтенант Бах, я попала в беду, дело чрезвычайной важности. Мне нужно, чтобы вы определили, откуда я звоню, и тут же прислали мне подмогу.

— Анна, ты где?

— Лиза? — Она не могла поверить, что попала на Бэбкок.

— Да. Я в штабе. Мы надеялись, что ты найдешь способ связаться с нами. Куда нам ехать?

— В том-то и дело, что я не знаю. Меня одурманили вспышкой, поэтому я ничего не помню. А потом…

— Да, это мы знаем. Слушай. Мы подождали тебя несколько минут, потом проверили туалеты, но тебя там не было. И мы арестовали всех в кафе. В том числе и Джонса с пианисткой.

— Тогда пусть она расскажет вам, где меня искать.

— Боюсь, она нам уже ничего не расскажет. Умерла при допросе. Но, мне кажется, она и не знала. Тот, на кого она работала, ведет себя крайне осторожно. Мы внутривенно ввели ей пентотал, и ее голову тут же разнесло по всему кабинету. Она, конечно, была наркоманкой. С мужчиной мы работаем аккуратнее, но ему известно и того меньше.

— Замечательно.

— Но тебе надо уходить оттуда, лейтенант. Ужас. Ты правда… попала в дурную историю. — Бэбкок какое-то время не могла ничего сказать, а когда заговорила, голос ее дрожал: —

Анна, они занимаются незаконной торговлей мяса. Боже мой, теперь и на Луне тоже.

Бах нахмурилась.

— Ты это о чем?

— Они поставляют мясо тем, кто не может без него обходиться. Мясоедам. Мясным наркоманам. Людям, которые считают, что не могут жить без мяса, и готовы платить за него любые деньги.

— Не хочешь ли ты сказать, что…

— Да, черт побери! — Бэбкок взорвалась. — Смотри. На Земле еще остались места, где разводят домашний скот, — соблюдая, конечно, определенные меры предосторожности. Но здесь у нас так мало места, что такое просто невозможно. Стоит кому-то завести скотину, и либо люди заметят запах, либо мониторы отследят в канализационных стоках животные отходы. Здесь разводить скотину нельзя.

— И…

— Какое же другое мясо можно найти? — безжалостно продолжала Бэбкок. — Нас окружают тонны мяса, и все оно живое. Не надо никого растить, ухаживать, не надо сдирать шкуры. Просто снимаешь урожай, когда появляется заказчик, вот и все.

— Каннибализм? — слабым голосом спросила Бах.

— А почему бы и нет? Мясо всегда остается мясом, тем более для мясоедов. На Земле тоже продают человечину, она даже прилично дорого стоит, потому что, говорят, по вкусу напоминает… Боже, мне скоро станет плохо.

— И мне тоже. — Бах почувствовала, как опять свело живот. — А меня вы запеленговали?

— Пробуем. Там какие-то сложности, помехи.

Бах похолодела. Этого она даже и предположить не могла. Но что ей оставалось делать? Только ждать. Конечно, компьютеры все вычислят, надо только подождать.

— Лиза. Но младенцы? Они ведь берут младенцев.

Бэбкок вздохнула:

— Этого мне тоже не понять. Случится увидеть Звонаря, спроси его обязательно. Нам известно, что они сбывают и взрослых людей. Хотя вряд ли тебе от этого станет легче.

— Лиза, у меня начались схватки.

— О боже.

В течение следующей четверти часа Бах несколько раз слышала топот бегущих ног. Один раз кто-то распахнул дверь, просунул голову в кабинет, но не заметил ее — она скорчилась

под столом, прикрывая одной рукой красную лампочку включенного телефонного аппарата, а второй сжимая цепную пилу. Пила была хорошо наточена, и Бах смогла перепилить наручники — на это ушло несколько секунд.

Бэбкок выходила на связь через небольшие промежутки времени.

— Мы проверяем все закрытые территории.

Бах поняла, что телефон, которым она воспользовалась, снабжен системой антиотслеживания. Сейчас Звонарь и Бэбкок со своими компьютерами пытаются обойти друг друга, а у нее через каждые пять минут повторяются родовые схватки.

— Беги! — закричала Бэбкок. — Убирайся оттуда, и поживее!

Бах пыталась справиться с накатившей волной схваток и делала все как в тумане. Ей хотелось наконец-то расслабиться и спокойно родить ребенка. Неужели так и не удастся этого сделать?

— Что? Что случилось?

— Кто-то тебя вычислил. Теперь они знают, где ты, так что могут накрыть тебя в любую секунду. Быстро уходи!

Бах встала на ноги и посмотрела на дверь. Никого. Никакого шума, никакого движения. Куда? Направо? Налево?

Наверное, не важно. Она согнулась, придерживая рукой живот, и пошла по коридору.

Наконец что-то новенькое.

На двери надпись: «*ФЕРМА. ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ ШТАТНЫХ СОТРУДНИКОВ. НАДЕТЬ СКАФАНДР*». За дверью на восьмиметровых стеблях росла кукуруза. Бесконечные ряды растений исчезали вдали, от них рябило в глазах. Сквозь пластиковый купол светило солнце — резкое, белое солнце Луны.

Прошло всего десять минут, а она уже заблудилась. И в то же время поняла, где находится. Если бы только добраться до телефона, но его теперь, конечно же, охраняют.

Определить местоположение фермы было просто. Она подобрала один из початков — огромный, длиной с ее руку, а толщиной, наверное, с ногу, очистила его от листьев. На каждом желтом зернышке величиной с большой палец стояла торговая марка: зеленое пятно в форме смеющегося мужчины со сложенными на груди руками. Значит, она на пищевой плантации Лунафуд. Плантация находится прямо над зданием полицейского участка, только на пять уровней выше, но это сейчас уже не важно.

Может, и хорошо, что она заблудилась на кукурузном поле. Пока могла, она шла вдоль рядов посадок. Чем дальше она уйдет от входа, тем труднее будет ее найти. Но она уже еле переводила

дыхание, ее мучило желание зажать руками пах.

Датчик-«акушерка» хорошо выполнял свою функцию. Даже в самый тяжелый момент она совершенно не чувствовала боли. Но игнорировать схватки все-таки было невозможно. Больше всего на свете ей хотелось прилечь и думать только о родах. А она продолжала идти дальше.

Одну ногу вперед, другую. На ее босые ступни налипла грязь. На самих грядках было суше, чем в междурядьях. Она старалась держаться сухих мест, чтобы не оставлять следов.

Жарко. Наверное, выше пятидесяти градусов, да еще влажность высокая. Настоящая паровая баня. Бах шла вперед, а с носа и подбородка пот лился непрерывными струйками.

Она смотрела вниз. Теперь для нее существовали только ноги, механически шагающие вперед, и напряженные мышцы живота.

Внезапно что-то произошло.

Она перевернулась на спину и выплюнула изо рта грязь. Бах наткнулась на одно из растений, и стебель его сломался, а она упала. Лежа на земле, она видела где-то там наверху купол, узенький мостик под ним и дюжину золотых початков. Снизу это выглядело очень красиво. Кукурузные початки на фоне темного неба и зеленые стебли, расходящиеся почти из одной точки вверх. Хорошее место. Ей захотелось тут остаться.

Теперь, несмотря на «акушерку», она немного чувствовала боль. Бах застонала, ухватилась за упавший стебель и крепко сжала зубы. Когда она снова открыла глаза, стебель оказался переломленным надвое.

Настал черед Джоанны.

От удивления Бах широко раскрыла глаза и рот. Что-то двигалось внутри нее, что-то огромное, гораздо больше ребенка, и ей казалось, что это что-то сейчас разорвет ее на части.

На секунду она расслабилась, дыша поверхностно и ни о чем не думая, затем опустила руки на живот и почувствовала, как из нее вылезает что-то круглое и мокрое. Она ощупала это руками. Потрясающе.

Бах улыбнулась — в первый раз за миллион лет. И крепко уперлась в грязь сначала пятками, потом носками ног, затем приподняла бедра. Снова что-то зашевелилось в ней. Она снова шевелится. Джоанна, Джоанна, Джоанна. Сейчас она появится на свет.

Все кончилось так быстро, что Бах даже изумленно ахнула. Что-то мокрое скользнуло между ног, и малышка упала прямо в грязь. Бах перевернулась на бок и прижалась лбом к земле. Малышка, покрытая кровью и слизью, лежала у нее между ног.

Бах сама сделала все, что нужно. Когда наступило время перерезать пуповину, она механически взялась за цепную пилу. Но вдруг остановилась: перед ее глазами встал мужчина, который занес страшный инструмент над ее головой. Еще секунда, и он безжалостно разрежет ей живот и извлечет оттуда Джоанну.

Бах выронила из рук пилу, склонилась над пуповиной и перекусила ее.

Пришлось зажать между ног шелковистые листья неспелых початков. Постепенно кровотечение прекратилось. Потом отошла плацента. Бах чувствовала слабость и сильно дрожала, больше всего на свете ей хотелось сейчас просто отлежаться и отдохнуть.

Но сверху раздался крик. На узком мостике стоял мужчина, он перегнулся через перила и смотрел вниз. Снизу ему ответили сразу несколько голосов. Далеко-далеко, в самом конце междурядья, в котором лежала Бах, появилась и стала медленно приближаться человеческая фигурка.

С неимоверным усилием Бах поднялась на ноги. И хотя бежать уже не имело смысла, она побежала, удерживая на одной руке Джоанну, а в другой — цепную пилу. Если они нападут, она умрет на груде растерзанных тел.

У самых ее ног землю с шипением прорезал зеленый луч света, и она тут же перескочила в другой ряд. Пока еще рано вступать в бой.

Бежать теперь было сложнее, ведь ей все время приходилось перепрыгивать через высокие грядки. Зато преследовавший ее мужчина не видит ее и не сможет выстрелить еще раз.

Она знала, что долго не продержится. Конечно, плантация очень большая, но даже теперь она видит ее конец. Наконец Бах выбежала на десятиметровую полосу между последним рядом посадок и краем прозрачного купола.

Впереди возвышалась металлическая стена, а на ней купол, который удерживался на месте и сохранял форму с помощью тросов, натянутых снаружи.

Казалось, бежать больше некуда, но вдруг она заметила знакомый голубой свет.

Внутреннюю дверь закрыть, внешнюю открыть. Бах быстро сделала то же самое, что и Тонг, но она знала, что у нее больше шансов победить в этой неравной борьбе. Шлюз был старой конструкции, панель управления находилась внутри, а не снаружи. Им придется отключить внутреннюю сигнализацию, а потом выломать дверь. На это потребуется время.

Бах убедилась, что никто не сможет провести декомпрессию шлюза снаружи, а ведь раньше ей такая мысль даже в голову бы не пришла, и только после этого осмотрелась. Шлюз был

рассчитан на пятерых человек и предназначался для выхода наружу рабочих команд. На полу стоял ящик с инструментами, в углу лежали мотки синтетической веревки. В стену встроен шкаф.

Она открыла его и увидела скафандр.

Скафандр был большой, но и сама Бах далеко не маленькая. Она долго возилась с регулирующими ремнями и в конце концов выпустила средний, чтобы поместить внутрь Джоанну. Мозг судорожно работал, борясь с усталостью. Зачем здесь оказался скафандр?

Сначала она не могла ответить на этот вопрос, но потом вспомнила, что стрелявший в нее мужчина был без скафандра и второй, на мостике, тоже. Остальных преследователей она не видела, но была уверена, что они тоже без скафандров.

Значит, табличку на входной двери просто игнорируют. Все прекрасно знают, что власти любят перестраховываться, особенно когда дело касается экономии воздуха и правил безопасности.

Над фермой простирался пластмассовый купол, и это была единственная преграда между помещением фермы и безвоздушным пространством бездны. Следовательно, ферма автоматически попадала в разряд опасных зон. Но на деле внутри помещения можно было спокойно находиться и без скафандра.

Этот скафандр хранился в шлюзе для редких случаев, когда появлялась необходимость выйти наружу, и был большого размера специально, чтобы его мог надеть любой, кому он понадобится.

Интересно.

Когда Бах застегнула скафандр, Джоанна в первый раз закричала. Ничего удивительного. Малышка прижималась к телу матери, но никакой другой поддержки не было. Бах быстро пропихнула малюсенькие ножки в одну из штанин, но такое положение вряд ли можно назвать удобным. Бах старалась не обращать внимание на неудобства, гораздо сложнее было привыкнуть к тому, что она не может протянуть руку и дотронуться до дочери. Она повернулась к панели управления шлюзом. Вот ручной вентиль откачки воздуха. Она медленно повернула его, чтобы приоткрылось лишь небольшое отверстие и чтобы люди в помещении не услышали резкого шума выпускаемого воздуха. На внутренней двери показался свет, но Бах это не беспокоило. Ручным лазерам металл не поддастся. Видимо, они уже отправили кого-то за более серьезным оружием. В соседние шлюзы они тоже вряд ли пойдут, хотя там и должны быть скафандры. Но ведь им не удастся открыть внешнюю дверь снаружи из-за давления воздуха, а пока она находится внутри шлюза, им никак не изменить программу команд.

Если только они не догадаются, что она готовится к выходу, и не будут поджидать ее снаружи…

Несколько минут она ждала, пока весь воздух не выйдет из шлюза. И чуть с ума не сошла, когда с ней заговорил Звонарь.

— Твое положение безнадежно. Надеюсь, ты это понимаешь.

Она даже подпрыгнула на месте от неожиданности и не сразу поняла, что он говорит с ней по устройству внутренней связи, а оно уже автоматически переключается на передатчик в скафандре. Значит, он еще не знает, что она надела скафандр.

— Ничего подобного, — ответила она. — Полиция прибудет с минуты на минуту, так что лучше уносите ноги.

— Прости, но это не так. Я знаю, что ты дозвонилась до них, но еще я знаю, что им не удалось тебя запеленговать.

Давление воздуха упало до нуля. Бах крепко сжала цепную пилу и, открыв дверь, выглянула наружу. Никто ее не ждал.

Она отошла метров на пятьдесят по ровной поверхности планеты и вдруг остановилась.

До ближайшего воздушного шлюза, ведущего не на плантацию, минимум четыре километра. Воздуха ей хватит, а вот сил… Датчик-«акушерка» помог снять боль, но она очень устала, руки и ноги были словно налиты свинцом. Они быстро смогут нагнать ее.

Есть, конечно, еще один вариант.

Бах вспомнила, для чего им нужна Джоанна, и повернула назад, в сторону купола. Двигалась она, как конькобежец, почти не отрывая ног от поверхности.

С третьей попытки она допрыгнула до верха металлической стены и ухватилась за край, но подтянуться на одной руке не смогла. Еще чуть-чуть, и она вообще свалится с ног от усталости. С огромным трудом, хватаясь за стену обеими руками, она поднялась на узкий металлический уступ, к которому крепились толстые металлические тросы, удерживавшие на месте купол, затем нагнулась и заглянула внутрь сквозь прозрачный слой вакуумной пластмассы. У внутренней двери шлюза столпились пять человек. Один из них сидел на корточках, упершись локтями в колени, затем он встал и нажал на кнопку сбоку от шлюзовой двери. Она видела лишь его макушку, покрытую голубой кепкой.

— Значит, нашла скафандр? — спросил Звонарь. Говорил он спокойно, без эмоций. — Слышишь меня?

— Слышу, — ответила Бах. Она сжала ручку пилы и, почувствовав вибрацию (с пилой все в порядке!), стала отмечать на пластиковом куполе квадрат, метр на метр.

— Я так и думал, — продолжал он. — Значит, уже идешь. Ну, я не стал бы говорить о скафандре, ведь ты могла бы и не найти

его. Но один из моих людей уже прошел через соседний шлюз и скоро найдет тебя.

— Ага. — Бах специально понуждала его говорить, чтобы они не услышали жужжания пилы.

— Тебе интересно будет узнать, что у него есть с собой инфракрасный детектор. Именно с его помощью мы вычислили тебя в помещении. В его свете твои следы начинают светиться. Даже сквозь скафандр излучается достаточно тепла, чтобы прибор заработал. Замечательный прибор.

Об этом Бах не подумала. Да, скверно. Может, лучше было попробовать добраться до безопасного шлюза. Когда этот парень пойдет по ее следу, то сразу увидит, что она повернула назад.

— Зачем ты мне все это говоришь? — спросила Бах.

Она уже проделала достаточно глубокие борозды в пластмассе, но вырезать квадрат оказалось не так-то просто. Теперь она водила пилой по нижней грани: вперед-назад.

— Размышляю вслух, — ответил он и неловко рассмеялся. — Изнуряющая игра, согласна? Ты, пожалуй, самая ловкая жертва за все эти годы. У тебя есть свой секрет успеха?

— Работаю в полиции, — ответила Бах. — Твои люди преступили черту дозволенного.

— Ну, это многое объясняет, — чуть ли не с благодарностью произнес он.

— А ты кто такой? — спросила Бах.

— Называй меня просто Звонарь. Мне понравилось это имя, когда я узнал, что вы меня так называете.

— Но почему младенцы? Этого я понять никак не могу.

— А почему люди едят телятину? Котлеты из молодых ягнят? Откуда мне знать? Я всю эту гадость вообще не ем. Я ничего не знаю о мясе, но могу отличить прибыльный бизнес от неприбыльного. Один из моих клиентов предпочитает младенцев, и он их получает. Я могу достать ему молодняк любого возраста. — Он снова вздохнул. — Все просто, вот мы и обленились. Перестали соблюдать осторожность. Работа становится скучной и обыденной. Теперь будем убивать быстро. Если бы мы убили тебя, когда ты вышла из капсулы, то избежали бы всей этой суматохи.

— Ну, ты еще не догадываешься, что тебя ждет. — Черт, почему пила никак не разрежет этот пластик? Она и не думала, что будет так трудно. — Если честно, не понимаю, почему вы так долго возитесь со мной. Зачем запирать меня, зачем ждать столько часов, прежде чем убить?

— Наверное, дело в жадности, — ответил Звонарь. — Видишь ли, те двое не собирались тебя убивать. Ты сама набросилась на

них. У меня многопрофильный бизнес. Живые беременные женщины нам тоже кое для чего нужны. И живые младенцы тоже. Обычно мы держим их по нескольку месяцев.

Бах знала, что, будучи хорошим полицейским, она должна расспросить Звонаря и об этом. В департаменте наверняка захотят знать все подробности. Но вместо этого она всем телом налегла на пилу и от напряжения чуть не прокусила нижнюю губу.

— Такая, как ты, мне бы пригодилась, — говорил Звонарь. — Ты ведь не думаешь, что тебе удастся уйти, правда? Почему бы тебе не обдумать мое предложение? Мы могли бы…

Бах видела, как Звонарь поднял голову. Он так и не закончил фразу. На секунду перед ней мелькнуло его лицо — самое обыкновенное лицо. Он вполне мог бы быть бухгалтером или банковским служащим. Бах с радостью заметила, что он понял свою ошибку, но не стал терять время на сожаления. Бросив сообщников, еще продолжавших корпеть над дверью шлюза, он со всех ног помчался назад через кукурузное поле.

В этот момент квадрат поддался, Бах почувствовала, будто ее что-то тянет за рукав, и осторожно отошла по узкому металлическому уступу. Квадрат отделился от купола и провалился внутрь, и тут же с обеих сторон начал рушиться пластик.

Страшная картина. Воздух струей вырвался из-под купола. Потом в бездну поднялись стебли, початки, листья кукурузы, все смешалось в каком-то сумасшедшем вихре. Потом поток воздуха побелел, но Бах так и не поняла почему.

Наконец появился первый человек, он отлетел на приличное расстояние и упал в серую пыль.

Когда на место прибыла Лиза Бэбкок, с наружной стороны стены стояла дюжина полицейских гусеничных машин, еще столько же должны были вот-вот подойти. Молча крутились голубые мигалки. Она почти ничего не слышала, кроме собственного дыхания, да время от времени кто-то что-то говорил по аварийному каналу связи.

В пыли лежало пять тел. Чтобы машины могли заехать на плантацию, в стене проделали большое отверстие. Она спокойно взглянула на мертвецов. Трупы как трупы, особенно если учесть, что сначала они вылетели, словно из пушки, а потом тут же замерзли.

Бах среди них не оказалось.

На секунду Бэбкок зашла внутрь. Интересно, что это за белое вещество под ногами? Наклонившись, она зачерпнула пригоршню. Попкорн! На земле уже лежал слой воздушной

кукурузы толщиной в двадцать сантиметров, а она все падала и падала — под воздействием горячего солнца и вакуума зерна кукурузы высыхали и взрывались. Если Бах здесь, им долго придется искать ее тело. Лиза выбралась наружу и пошла вдоль стены, подальше от толпы полицейских и экспертов.

Тело лежало в тени лицом вниз. Бэбкок чуть не споткнулась об него. Больше всего ее удивило, что тело одето в скафандр. Если Бах в скафандре, то почему же она умерла? Лиза сжала губы, ухватила труп за плечо и перевернула на спину.

Мужчина с удивлением взирал на рукоять цепной пилы, торчащей из его груди. Вокруг раны запеклась и замерзла кровь. И тогда Бэбкок побежала.

Добравшись до шлюза, она принялась бить кулаками в металлическую дверь, а потом прижалась шлемом к холодной поверхности. Спустя некоторое время она услышала ответные удары.

Прошло еще пятнадцать минут, прежде чем приехал грузовик спасательной команды и герметично подсоединился к двери шлюза. Когда дверь открыли, Бэбкок распихала локтями остальных и первой вошла в шлюз.

Сначала она решила, что, несмотря на все ее надежды, Бах все же погибла. Та сидела у стены и держала в руках младенца. Тело ее обмякло, она не подавала признаков жизни. Казалось, она даже не дышит. И мать и ребенок были в пыли, а ноги у Бах еще и в крови. Она смертельно побледнела. Бэбкок подошла и протянула руки к малышке.

Бах резко отодвинулась — откуда только силы взялись? Ее ввалившиеся глаза уставились на Бэбкок. Наконец она перевела взгляд на Джоанну, глупо улыбнулась и произнесла:

— Она самая красивая на свете.

Джудит Моффетт — Медвежонок

Judith Moffett. The Bear's Baby (2003). Перевод Н. Фроловой

Джудит Моффетт начала публиковаться в 1986 году, в 1987 году получила премию Джона У. Кемпбелла как лучший дебютант и премию Теодора Старджона за рассказ «Surviving». В течение десяти последующих лет она была одной из ведущих писательниц-фантасток, ее рассказы раскупали «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Asimov's Science Fiction», также выходили отдельные книги, например нашумевший роман «Pennteira» и сборники «The Ragged World», «Time, Like an Ever-Rolling Stream». Моффетт также признанная поэтесса (она однажды получила грант Общества творчества писателей). В свет вышли два сборника ее стихов, сборник критических статей, переводы со шведского, а также книга по садоводству. Моффетт родилась в Луисвилле, много лет жила в Пенсильвании, Юте и Иллинойсе, но потом вернулась в родной штат Кентукки и в настоящее время живет в городке Лоренсбурге. В середине восьмидесятых Моффетт надолго замолчала; многие считали, что уже ее не услышат, но, к большой радости читателей, они ошиблись. Моффетт снова появилась на писательской арене с необыкновенно сильным и захватывающим рассказом, представленным ниже. В рассказе показан конфликт между молодым человеком, который хочет просто хорошо делать свое дело, и силами (причем некоторые из них в буквальном смысле слова не от мира сего), пытающимися его остановить.

* * *

Денни слышал приглушенный шум лопастей вертолета и сильный рев мотора, но он в этот момент находился под землей и чуть ли не вверх ногами — при свете фонарика пытался оторвать маленького пушистого медвежонка от соска матери, — так что, как бы ему ни хотелось, он в любом случае в тот момент не мог все бросить и мчаться вверх по тропе. Если честно, то не очень-то и хотелось бежать туда.

Медвежонок наконец выпустил изо рта сосок и жалобно заворчал. Приподнимаясь на локте, Денни тут же выполз из темной берлоги, подальше от огромной, вонючей и сопящей туши — медведицы, разродившейся от бремени прямо во сне. Денни

держал медвежонка в правой руке, одетой в перчатку. Денни был невысокого роста и сухопар, при его работе это явное преимущество, но сейчас и ему пришлось непросто.

Выбравшись наружу, в тусклый свет зимнего дня, он пристроился на куче прошлогодних дубовых листьев, чтобы взвесить медвежонка. Весы старые — две чаши на крюке. 1,3 килограмма. Зубами стянув перчатку с правой руки, он записал цифру в карманный блокнот, взял кровь на анализ, а потом проколол медвежонку левое ухо (медвежонок оказался мужского пола) и прицепил бирку.

— Прости, Рокет. Прости, малыш.

Движения Денни были умелы и аккуратны, к тому же он торопился. Для медвежат всегда легче, если все делается быстро, так хоть немного сглаживается стресс после отрыва от матери. Но сегодня у Денни имелось много причин спешить. Зима, как все последние зимы, стояла теплая. Слишком теплая. Денни так ждал этих морозных дней, но все равно сон медведицы был не таким крепким, как в настоящие холода. Вторая причина заключалась в том, что он уже не слышал звука крутящихся лопастей, значит, вертолет приземлился, а наблюдатель хефн, наверное, в нетерпении прогуливается взад-вперед и ждет Денни. Хефны ценят пунктуальность. За четыре года хефн, представитель Отдела по наблюдению и восстановлению естественной среды обитания в природе, никогда еще не опаздывал на встречу. Звали его Иннисфри.

Денни сунул руку в перчатку, подхватил медвежонка и снова протиснулся в берлогу. Своим телом он практически полностью заслонил вход, но оставил фонарик в берлоге так, чтобы разглядеть, куда именно ткнуть малыша, чтобы тот снова начал сосать материнское молоко. Второго медвежонка взять оказалось гораздо легче, но тут медведица издала резкий звук и дернула огромным плечом. Денни замер на месте, его сердце готово было выскочить из груди. Медвежонок, которого он крепко сжимал рукой, скулил и елозил. Все обошлось, медведица успокоилась, а Денни тихонько выполз из берлоги и присел, пока пульс не пришел в норму. Он всегда противился тому, чтобы во время первой проверки медвежат медведицам вводили транквилизаторы, ведь лекарство попадало в молоко, а с ним доставалось и малышам, но сейчас впервые задумался: возможно, ему стоит пересмотреть свои взгляды в связи с резким изменением поведения животных в потеплевшем климате.

А возможно, надо вообще пересмотреть подход Департамента дикой природы и рыбных хозяйств к бурым медведям. Особенно в таких малонаселенных районах, как этот. По мере того как людей

становилось все меньше, они оставляли свои поля и пастбища и уходили в города, где и жизнь легче, и дороги лучше, медведи быстро размножались и осваивали освободившееся пространство.

Дороги тут развезло так, что даже фургону не проехать, — кругом одни выбоины и куски щебня. Лучше бы уж грязь. Сам Денни ездил верхом на лошади по кличке Росинант; когда же отправлялся за припасами в город, то брал с собой грузового мула Роско. Верхом он ездил не очень-то хорошо, но выбора не было.

Второй медвежонок оказался девочкой.

— Родео, — сказал ей Денни. — Так тебя теперь зовут, малышка.

Весила она 1,45 килограмма и была немного упитаннее брата. «Настоящим» именем был номер на бирке — «Номер 439», Она была одним из третьей пары медвежат, произведенных на свет Номером 117, той самой медведицей, наслаждавшейся сейчас долгой зимней спячкой в берлоге, — огромных размеров, здоровое животное и прекрасная мать. Из ее медвежат только один погиб в младенчестве. Матери-медведице было шесть лет [47], она стала сто семнадцатой, которой в штате Кентукки в рамках программы хефнов «Бурый медведь» надели радиоуправляемый ошейник. Ласково ее звали Розетта. Исследуемым медведям давали имена так же, как ураганам, — по определенным буквам алфавита. Медвежата заимствовали две первые буквы имени от имени матери, так что одинаковые инициалы можно было использовать много раз. В случае если все дети и внуки какой-нибудь медведицы погибали, то две первые буквы имени присваивали первому молодому медведю, перешедшему границу штата со стороны Теннесси или Западной Виргинии. Если медведь переходил жить из одного штата в другой, это означало, что он становился предметом исследования совершенно иного ведомства и, соответственно, получал новое имя.

Розетта же родилась и выросла в Кентукки, как и Денни. Хотя перед тем как окончательно обосноваться в округе Денни, она немало бродяжничала (тоже как и он), но здесь вырыла себе замечательную берлогу под рухнувшим во время смерча дубом. Денни не давал имен ни ей, ни первой паре медвежат, которые были с ней тогда, в самом начале. Потом же именно он придумал имена второй паре (Роканнон и Роторутер), а теперь у него в запасе имелся целый список имен, начинающихся на буквы «р» и «о».

Родео сопротивлялась, когда он брал у нее анализ крови и прокалывал ухо для бирки, но стоило приложить ее назад к

материнскому соску, тут же принялась снова сосать, а медведица на этот раз даже не пошевелилась. Ошейник у Розетты был в порядке, сигнал исходил чистый, без помех. Денни решил больше не тревожить обитателей берлоги и не брать образцы крови Розетты. Он уложил шприцы и пробирки с кровью в рюкзак, потом туда же отправились блокнот, весы и фонарик. Денни сразу направился в сторону хижины. Шел он быстро, на ходу поправляя рюкзак. Было довольно-таки холодно, температура ниже ноля, и он вытащил из кармана куртки кепку, чтобы прикрыть лысину и уши, а руки сунул в карманы.

Теперь, закончив дела в берлоге, Денни взглянул на часы и начал думать о другом. Наблюдатель хефн ждет его уже около часа. Денни ускорил шаг, теперь он почти бежал. Небольшой жилистый мужчина, лицом немного похожий на хорька. В просветы между соснами с хребта открывался вид на покрытые снегом горы и серое небо над ними — ничего особенного, однако в этом была определенная прелесть. Но Денни некогда было обращать внимание на окружающую его красоту. Он проскочил одно из самых потрясающих мест на хребте и, даже не взглянув вокруг, нырнул в густо заросшую по сторонам просеку. Когда-то это была дорога.

Хефны возглавляли полевые наблюдения за медведями, койотами, оленями-вапити [48] и белохвостыми оленями в восточной части Соединенных Штатов; они сами разработали эту программу, ведь хефны контролировали экологическое состояние планеты путем изучения хищников и их потенциальных жертв в естественных условиях. Год от года животных в горах и лесах становилось все больше. Но финансирование той части исследований, которой занимался Денни в округе Андерсон, напрямую зависело от того, насколько ему удастся ублажить наблюдателя, которому он непосредственно докладывал о результатах своей работы. Поэтому опоздание на встречу можно было считать крайне легкомысленным поступком. Денни работал над проектом с самого начала, он знал, что прекрасно справляется со своими обязанностями, но кроме всего прочего все-таки нужно соблюдать и кое-какие правила, установленные этими чертовыми хефнами. В душе Денни презирал хефнов, как и все остальные жители Земли. И самой неприятной частью своей работы он считал именно эти встречи и отчеты.

Ситуацию в целом вряд ли можно было назвать простой. Пожалуй, за всю историю человечества людям еще никогда не приходилось так туго. Но Денни не мог не признать, что работать биологом в полевых условиях и иметь свой собственный участок — для него предел мечтаний. Если бы не хефны со своей

Директивой и Запретом на рождение детей, вследствие которого все население планеты было стерилизовано, то в восточном Кентукки вообще не было бы популяции бурых медведей, не было бы популяции койотов, которая скоро уже сможет сравниться с популяцией волков, — причем все эти звери прекрасно себя чувствуют, размножаются и взаимодействуют. Если бы хефны не захватили власть в свои руки, то в восточном Кентукки по-прежнему бы выращивали табак и волов породы «блэк энгус», по-прежнему бы вязали снопы из высокой овсяницы, а теперь — теперь тут вовсю идет восстановление и стабилизация прежних дубово-орешниковых лесов. Раньше бурые медведи водились только в Национальном парке Дэниэла Буна на границе с Западной Виргинией, в Аппалачских предгорьях, да и там их было немного, так что ни о каком изучении бурых медведей не могло быть и речи.

Денни на самом деле любил свою работу. В принципе, медвежата интересовали его куда больше, чем человеческие отпрыски, но от этого он не переставал с презрением относиться к хефнам. Он просто принимал все как есть и фокусировал свое внимание на работе. Но каждый раз, когда ему предстояла встреча с хефном, у него внутри нарастал протест.

Просека, обрамленная высокими соснами, неожиданно оборвалась — впереди показалась поляна, а на ней и хижина. За хижиной стоял вертолет, огромная металлическая стрекоза. Нигде не было видно ни хефна, ни пилота (вертолетом управлял человек). Денни взбежал по ступенькам на веранду и толкнул дверь.

Перед печкой на корточках сидела молодая женщина — на вид не больше двадцати пяти, она подложила поленья в огонь, закрыла дверцу и поднялась, отряхивая руки.

— Привет, — сказал Денни. — Я, кажется, немного опоздал. Проверял новорожденных медвежат и задержался. А где наблюдатель хефн? — Он стащил кепку и сунул ее в карман куртки, потом повесил рюкзак на крючок у двери.

— Пошел прогуляться. Иначе он бы тут заснул, — ответила женщина. — На этот раз прилетел не Иннисфри, а Хамфри. А меня, между прочим, зовут Мариан Хоффман.

— Пилот, да? — Женщина кивнула. — Денни Димарри. — Они пожали руки. Денни начал расстегивать куртку, потом вдруг передумал. — Слушайте, может, мне пойти поискать его? Куда он пошел, по дороге?

— Нет, мимо пруда и вниз по холму. По бездорожью. Я видела, как он упал и полз на четвереньках. Наверное, редко выбирается из города на природу.

Денни задумался. Если наблюдатель не пошел по одной из двух старых дорог, то только богу известно, где его теперь искать.

— Тогда я лучше подожду здесь. — Денни повесил куртку на второй крючок и уселся в кресло. Мариан села напротив. Неожиданно Денни вскочил. — Послушайте, вы сказали, его зовут Хамфри? Бюро физики времени и стажеров, тот, что ведет видеопрограммы? Что, черт побери, он-то тут делает?

— Откуда мне знать, я всего-навсего пилот. — Женщина улыбнулась. — Хорошо у вас тут. Даже уютно.

— Я… — Денни остановился и заставил себя успокоиться. Хамфри. У него появилось нехорошее предчувствие, но оставалось только ждать, когда вернется наблюдатель. Денни снова сел. — Да, здесь хорошо. Эту хижину построила одна старая дама, а потом завещала и хижину, и всю ферму местному совету девочек-скаутов, чтобы они могли использовать ее как летний лагерь. Ферма занимает сотню акров; когда-то очень давно она даже принадлежала моим родственникам. У дороги стоял дом. Там до сих пор сохранился колодец. Когда тут жили скауты, они использовали хижину в качестве административного корпуса.

— А потом, со временем, исчезли и скауты.

Денни кивнул:

— Скауты передали эти владения государству, а государство, когда хефны вынудили его контролировать процесс восстановления естественной среды обитания, в свою очередь передало ферму Департаменту дикой природы и рыбного хозяйства. — Денни снова вскочил на ноги. — У меня такое чувство, что мне надо куда-то спешить.

— Хамфри не такой, как Иннисфри. Он не будет кричать на вас за то, что вы опоздали. По крайней мере, мне так кажется.

— Да, но зачем он приехал? — спросил Денни.

Он открыл дверь и, выйдя на крыльцо, огляделся. Никого.

— «Сестрица Анна, сестрица Анна, ты никого не видишь?» — выкрикнула Мариан.

Денни очень удивился. Он сразу узнал эту фразу из сборника сказок братьев Гримм. Хотя книга и предназначалась для детей, в детстве ему после нее снились кошмары. Откуда-то из глубин памяти сам собой возник ответ: «Никого, только ветер дует да трава зеленеет».

— Боже, неужели я все это до сих пор помню! Наверное, в царстве Синей Бороды стояло лето, у нас тут еще не скоро зазеленеет трава.

— А вот и сам Синяя Борода, — раздался низкий голос с веранды, и тут же на пороге показался наблюдатель хефн по

имени Хамфри.

Денни подскочил к двери, чтобы придержать ее, а потом снова нырнул в комнату и предстал перед хефном.

— Вы ожидали увидеть моего коллегу Иннисфри. Но я, как видите, не Иннисфри. Нет. Иннисфри в данный момент занят другими делами, и я вызвался вместо него отправиться на встречу с вами, так как по личным делам находился в Кентукки. Разрешите представиться — Хамфри. Я, в свою очередь, рад познакомиться с вами, Джордж Деннис Димарри.

Денни ошеломленно смотрел на Хамфри. Конечно, он видел его на видео, тот обычно докладывал последние новости и сводки, а также делал объявления. И зачитывал взыскания. Хамфри, наблюдатель высшего ранга, после Переворота больше других имел дело с людьми. Но одно дело видеть Хамфри на экране, а другое — наяву. Денни не был готов к встрече с таким влиятельным наблюдателем. Внешне Хамфри был очень похож на Иннисфри — такого же невысокого роста, так же крепко и несуразно сложен, такая же серая шерсть покрывает все тело. А еще длинная косматая борода, серая, как и вся шерсть, но сразу навевает мысли о правильности сравнения с персонажем сказки братьев Гримм. Правда, впечатление было такое, будто этого хефна хорошенько поела моль. И Денни знал почему — чтобы не впадать в зимнюю спячку, им приходилось принимать специальные препараты, а от этого шерсть выпадала клочьями. И еще запах — такой же, как у Иннисфри. Так обычно пахнут собаки, если промокнут под дождем.

Но в остальном он отличался от холодного, надменного, лишенного обаяния Иннисфри. Денни настолько был выбит из колеи, что не сразу смог собраться с мыслями и извиниться за опоздание.

— Не за что, не за что. Благодаря вашей задержке я смог слегка размяться. Здесь такая удивительная природа. Вам, наверное, тут было приятно работать.

Денни кивнул и тут только сообразил, что и сам он, и его гость по-прежнему стоят.

— Не желаете присесть? — попытался исправить свою ошибку Денни.

— В комнате два кресла, два человека и один хефн, — ответил Хамфри, — поэтому я предлагаю сесть вам и Мариан Хоффман. — Сказав это, хефн, известный комментатор, самый влиятельный наблюдатель на Земле, опустился на все четыре лапы, весело подбежал к плите и улегся на коврик. При этом он был похож на неряшливого и слегка изменившего окрас сенбернара. — Вы согласны, Мариан Хоффман? Вы согласны,

Джордж Деннис Димарри? — И хефн спокойно перевел свой ничего не выражающий взгляд с одного человека на другого.

Денни чувствовал, что пол уходит у него из-под ног.

Когда Хамфри вошел, Мариан поднялась с кресла. Сейчас они с Денни переглянулись и одновременно сели на прежние места.

— А теперь к делу! Я рад, что мне выпала честь сообщить вам о счастливых переменах, — произнес Хамфри, и в его пустых глазах промелькнуло нечто похожее на радостный блеск. — Иннисфри, можно сказать, ввел меня в курс дела, сам же я подробно изучил ваши радио- и письменные отчеты за четыре года, с самого начала проекта. Вы замечательно тут поработали! Благодаря вам и исследованиям ваших коллег-биологов, изучающих койотов и белохвостых оленей, мы получили прекрасную, подробную картину жизни основных видов хищников этого региона, а также вида, от которого зависит их выживание. За этот период популяция бурых медведей в вашем районе возросла на семьдесят четыре процента, причем восемьдесят шесть процентов из них не пришлые, а родились и выросли здесь, в восточном Кентукки. Прекрасно! Более того, медведи, можно сказать, процветают. Процесс воспроизводства потомства идет полным ходом, а сами животные здоровы и полны сил. Флора здесь также успешно восстанавливается, так что в общем и целом можно сказать, что процветает вся экосистема.

Следовательно! Ни капли не опасаясь теперь, что процесс может быть заторможен или приостановлен, мы решили, — Хамфри продолжал лежать на полу, подобно собаке; казалось, он радостно заглядывает прямо в лицо Денни, — мы решили завершить данный проект и перевести вас, Джордж Деннис Димарри на участок, где требуется ваше высокое мастерство, которое вы в полной мере проявили на этом этапе работы. Поздравляю! — Хамфри подпрыгнул и протянул Денни раздвоенную на конце волосатую лапу.

Денни тоже подскочил.

— Но ведь исследования не завершены! — пробовал протестовать он. От потрясения он говорил громко и резко. Денни и не подумал пожать руку Хамфри, а вместо этого нервно жестикулировал. — Совершенно не завершены! Я предполагал, что проект продлится не менее десяти лет, и именно на такой срок рассчитаны все мои таблицы и сводки данных… Я совсем не хочу все бросать! Я не могу! Я не могу поверить, что вы хотите снять меня с проекта сейчас!

Благодушное выражение тут же исчезло с лица Хамфри, он превратился в спокойного, холодного хефна, а когда заговорил, голос его звучал сдержанно и сурово:

— Мне очень жаль, что вы не хотите заканчивать работу в этом районе. Сожалею, что вы считаете ее незавершенной. Значит, наши взгляды расходятся с вашими. Мы считаем, что вы добились полнейшего успеха. Благодаря вам мы знаем, что в этом районе в самом скором времени установится экологическое равновесие. Благодаря вам мы также знаем о том, что с каждым годом увеличивается количество новых видов животных и растений. Нам этого вполне достаточно. Вам решать, согласны вы с новым назначением или нет, но даже в Кентукки много других районов, где начаты работы по восстановлению окружающей среды, но о которых мы мало что знаем, и именно там нам бы очень пригодились ваши знания и умения.

Денни разозлился, но все же сдержал себя и не прервал речь хефна. Но стоило Хамфри замолчать, как он выпалил:

— Так ничего не получится! Биология дикой природы — это целая наука! И для того чтобы понять, как медведи адаптируются в районе бывшей фермы, нельзя оборвать исследования просто потому, что вы считаете, будто добились каких-то практических результатов! Вы, вы… я не мог подумать, что в один прекрасный день вы вот так просто скажете, что все, собирайся, парень, и уезжай отсюда! Я делал все, о чем вы говорили; никто никогда не жаловался на плохо выполненную работу, и теперь вы выбрасываете меня за то, что я хорошо делал свое дело!

Мариан беспокойно заерзала в кресле, и вдруг Денни, словно на него вылили ушат холодной воды, сообразил, с кем разговаривает. Хефны, и Денни это прекрасно знал, делают все, что пожелают. Люди Земли оказались у них в полном подчинении, причем большинство пришельцев никакой симпатии к человечеству не испытывали — ведь именно люди довели планету до такой экологической катастрофы, и теперь им, инопланетянам, приходилось трудиться в поте лица, чтобы восстановить загубленное. А Хамфри, возможно, больше, чем кто-либо другой из хефнов, сочувствовал людям, знал, что многие из них сильно страдают. Раз он говорит, что проект завершен, значит, так и есть.

Денни будто с цепи сорвался. Каким же он был дураком, что поверил им. Ведь как приятно думать, что тебя назначили на это место ради процветания науки, и если ты будешь соблюдать правила игры, то преспокойно сможешь заниматься любимым делом. А оказывается, назначили его на это место, потому что хефнам нужно было исследовать бурых медведей. Когда же, судя по всему, они своих целей достигли, он может принять их новое предложение или убираться восвояси, им до него нет никакого дела. Но они не позволят ему сделать то, чего ему хочется больше

всего на свете. Они не дадут ему остаться в этой хижине, наблюдать за тем, как растут под присмотром Розетты Рокет и Родео, записывать их вес, просматривать под микроскопом их экскременты, в определенный момент надеть им ошейники с радиосигналом и продолжать следить за их взрослой жизнью — когда и как они найдут своих спутников, когда народится новое поколение медвежат. Тут он вспомнил про своих товарищей.

— А как же Джейсон и Энджи, их вы тоже отзываете?

— Работа Джейсона Готшалка и Анджелы Ривера неотделимы от вашей. Койоты и белохвостые олени тоже процветают, как и олени-вапити. Все виды процветают! Мы не прерывали бы работу на этом участке, если бы остался недоработанным хотя бы один элемент. Но раз мы заканчиваем работы, то заканчиваем сразу все. — Говорил Хамфри крайне благожелательно, словно оказывал всем большую услугу.

У Денни оставалась еще одна козырная карта, и хотя он не ждал чуда, но все же не мог не рискнуть.

— Я землянин, последователь культа Геи [49], — начал он. — Тут мой родной участок. Сто лет назад мои родственники были хозяевами этой фермы, и мне хотелось бы остаться здесь, даже если проект не будет больше финансироваться.

Остаться и работать неофициально, присматривать за Розеттой, ее семейством и еще полудюжиной медведиц с медвежатами, за которыми он до этого вел наблюдения. Пока не износится все оборудование. И даже если все оборудование заберут, он мог бы просто делать заметки, мог бы немного подрабатывать в городе — этого бы хватило на пропитание. Главное, он остался бы жить тут, на месте старой фермы.

Хамфри был непреклонен.

— Мне очень жаль, — сказал он, стараясь, чтобы слова его звучали искренне. — К сожалению, никому не разрешается здесь оставаться. Наши господа гафры постановили, что, как только проекты по исследованию естественной среды обитания будут закончены, присутствие людей в данном районе должно быть исключено до полного восстановления равновесия экосистемы.

Гафры были верховными инопланетянами, которых никто никогда не видел. Они присылали приказы с корабля, находящегося на Луне, и эти приказы не оспаривались.

— Когда? — спросил Денни.

Он понял, что проиграл.

— Мы поможем вам собрать вещи, — добродушно предложил Хамфри.

Значит, улететь они должны вместе.

— А как же лошадь и мул?

— Их переведут на другую полевую станцию. Если вы решите принять наше предложение, то на место вашей следующей работы. А я с удовольствием свяжу вас с управляющим по делам Геи в Луисвилле [50], он поможет вам найти новую родину. Возможно, даже удастся совместить ваши запросы с нашими интересами.

«И снова вышвырнете меня восвояси, как только ваши интересы будут удовлетворены, — подумал про себя Денни. — Нет уж, увольте».

— Может, вы хотите работать в районе Херт Холлоу? Не интересно? Там видели медведей. В настоящее время там живет Пэм Прюитт, но, я уверен, можно будет что-нибудь придумать.

В голове Денни все смешалось.

— Я… не знаю. Мне надо подумать. — Он оглядел хижину. Она уже стала для него домом. Теперь же вся прежняя жизнь отошла в прошлое, словно он переступил черту и попал в новый виток времени. — Большая часть вещей останется здесь: посуда, постельное белье и все такое. Коротковолновый приемник.

— Мы поможем вам собрать ваши вещи, так, Мариан Хоффман?

— Лучше я сам. Я не задержу вас. Если хотите, можете пока потушить огонь в печи.

Действительно, вещей было не так уж много: смена белья, бритва, рюкзак с оборудованием для осмотра медвежат, несколько книг и компьютерных дисков, блокнот, портативный компьютер, бинокль, пара ботинок. Денни выложил все вещи на кровать и спустился в подвал за сумкой. Он не мог еще до конца осмыслить происходящего.

В укрепленном подвале люди обычно укрывались от торнадо. Здесь под лестницей лежали вещи, оставшиеся от девочек-скаутов: спальные мешки, палатки, надувные матрасы, походная посуда, фляги. Денни молча стоял какое-то время, уставившись в одну точку, потом взял сумку и поднялся наверх. В его голове созрел план.

Вертолет доставил его в региональный штаб Департамента Дикой природы и рыбных хозяйств во Франкфорте [51] и отправился в следующий рейс за его еще ничего не подозревающими коллегами. Непосредственный начальник Денни Тесс Перри сразу заметила его гневный взгляд и воздела руки к небу.

— Мы даже не подозревали, что они собираются вот так оборвать ход всех работ! Я ничего не знала, а потом вдруг вместо Иннисфри прилетает этот Хамфри и говорит мне, чтобы я

предупредила всех в Луисвилле, что троих полевых биологов переводят на другое место, а район восточного Кентукки закрывается. Наш офис тоже закрывают! Я пробовала связаться с тобой и твоими товарищами, но никого из вас не было дома.

— Я проверял медвежат Розетты, — ответил Денни. — Так что же теперь?

— Вас переводят на другое место, ты ведь знаешь. — Она вгляделась в лицо Денни. — Знаю, знаю, поверь, но, прежде чем сжигать мосты, хорошенько все обдумай. Сейчас они заберут Анджи и Джейсона, и вы все вместе отправитесь в Луисвилл. Мне дают неделю на то, чтобы подготовить офис к переезду. Ты только подумай, куда им вздумалось меня переводить! В Падьюку! Ты думаешь, я хочу в Падьюку?

— Твои родители живут здесь, во Франкфорте, да?

— Не только родители, но и все родственники! А я еду в Падьюку, потому что выбора у меня нет. Я не представляю, что будет, если я ослушаюсь хефнов.

— Черт побери, ну и надоели они мне, — проворчал Денни.

— Не больше, чем мне, — мрачно ответила Тесс, — но если хочешь заниматься биологией в полевых условиях, с ними надо поддерживать хорошие отношения. Это я знаю точно.

Денни никому ничего не сказал о своих планах: ни Тесс, ни своим разъяренным и сбитым с толку товарищам. В Луисвилле он прослушал все инструкции по поводу перевода на новое место работы, попросил дать ему пару дней «на раздумье», обсудил с Анджи, Джейсоном и командами из восточной части штата все предлагаемые варианты. Всех их хефны расхваливали «на чем свет стоит», но на прежнем месте никого не оставили.

В конце концов после долгих и мрачных бесед все согласились перебраться на новое место — по крайней мере на время. Хамфри сдержал свое слово. Когда настала очередь собеседования с Денни, ему действительно предложили место в Херт Холлоу, святилище Геи, находившемся в тридцати милях вверх по течению реки Кентукки. Он вежливо поблагодарил и сказал, что хотел бы попросить неоплачиваемый отпуск, чтобы обдумать все предложения, в том числе и перевод в Херт Холлоу, дав понять, что последнее для него крайне заманчиво. В отличие от других биологов, он вынужден был сейчас покинуть свою родину, поэтому ему было тяжелее. Денни сказал, что, возможно, навестит брата в Питтсбурге [52], туда можно добраться на пароходе прямо по реке Огайо из Луисвилла.

Инспектор, проводивший собеседование, проявил максимум симпатии. Оказалось, что он тоже последователь Геи и тоже

выбрал в качестве своего родного участка бывшую семейную усадьбу. Он понимал, какой удар перенес Денни. Но когда речь зашла о высокомерии хефнов, замкнулся и снова перевел разговор на Херт Холлоу. Там очень нужен хороший биолог, еще лучше, если этот человек окажется последователем Геи, тогда он сможет по достоинству оценить историческое значение этого места.

Денни купил билет до Питтсбурга и обратно. Он привел себя в порядок, постригся, выстирал все вещи и обновленным поднялся на борт. Пароход бойко пошел вверх по течению, мимо легендарного Херт Холлоу (причем Денни не заметил там никаких признаков жизни), останавливался в Мэдисоне и Милтоне, родном городе Денни, и наконец добрался до Кэрролтауна, где река Кентукки вливалась в Огайо.

В Кэрролтауне Денни сошел на берег. Его невзрачная, сухопарая фигурка моментально растворилась в толпе пассажиров. Он почти сразу сел на плоскодонку, которую должны были тащить вверх по течению до Франкфорта мулы. Вечером следующего дня он сошел на берег в Тайроне, прямо под железнодорожным мостом, пересекающим реку.

В ожидании темноты он переделал сумку в рюкзак — приспособил несколько дополнительных ремней. Луна не показывалась. Это было и хорошо, и плохо. В темноте он тихонько крался незаметными тропами, обошел городок Лоренсбург, освещенный предательскими фонарями, и вышел на знакомую дорогу. Он столько раз ездил по ней на Росинанте. Денни направлялся в свою хижину.

В миле на запад от Лоренсбурга он наткнулся на целую линию предупреждающих знаков. Раньше он никогда их не видел. В темноте Денни никак не мог разобрать мелкий шрифт текста, но наверху большими буквами было написано: «*ОСТОРОЖНО!*» Ему и не надо было читать всего остального, он прекрасно знал, кто поставил эти знаки. Денни продолжал идти по дороге, которая превратилась теперь в своеобразный коридор между линиями предупреждающих знаков. Запретная территория. Денни пожал плечами, состроил гримасу и прибавил шагу.

Хорошо, что он знал эту дорогу. Ночь стояла очень темная. Дул сильный ветер, Денни толком не мог разглядеть, куда ступал.

Он нашел подходящую палку и дальше пробирался на ощупь, ругаясь на чем свет стоит.

В четыре часа утра Денни дошел до моста через ручей, названный им самим ручьем Времени, — восточной границы фермерских владений. В кромешной тьме он спустился к воде.

Камни русла были сухими: ни воды, ни льда. Но все равно идти по руслу было очень тяжело. Только спустя час Денни решил, что находится достаточно далеко от дороги и может спокойно подняться наверх.

Вышел он именно там, где хотел, — у сарая для сушки табака. Потом в нем хранили оборудование скаутского лагеря. Стены таких сараев строились с проемами между вертикально стоящими досками — так легче просушить связки табака, свисавшие со стропил крыши. Поэтому строение никак нельзя было назвать надежным укрытием от ветра, к тому же оно сильно накренилось. Но Денни держал на чердаке сарая сено для Росинанта и Роско и сам хорошенько прибил хоть и старую, но прочную лестницу. Он надеялся, что хефны не нашли сено, не использовали его, и не просчитался. Денни пробирался по памяти, на ощупь, стараясь избегать опасных мест, и хоть и медленно, но устроил себе из сена неплохое укрытие. Разрезал веревку, связывавшую одну из кип, чтобы разложить сено на полу вместо матраса (обрезки веревки он аккуратно свернул и положил в карман брюк), сверху тоже укрылся сеном, натянул на голову сначала кепку, а потом еще и капюшон. К рассвету он уже крепко спал.

Ему снилось, что он идет по необъятной арктической льдине в кромешной полярной тьме. Он нащупывал путь ледорубом, закрепленным на конце лыжной палки, и думал при этом: «Если вдруг появится полярный медведь, у меня готово оружие». И в этот момент из темноты действительно вышел полярный медведь. Сначала Денни страшно испугался, но потом увидел, что медведь улыбается и весело кивает ему. «Хочешь, подвезу?» — спросил он. На спине медведя восседал пушистый медвежонок, словно маленький ребенок верхом на пони. Денни ответил: «Хочу», — и уселся на медведя. Полярный гигант галопом помчался по торосам. Держаться было не за что, только за медвежонка, и Денни понимал, что если упадет сам, то стащит вслед за собой малыша. В результате он таки упал с покатой спины мамаши-медведицы и тут с криком проснулся.

Замечательно. Можно вообще выйти на улицу и протрубить сигнал: вот он я где, смотрите все. Наконец Денни окончательно пришел в себя, выругался, снял капюшон и кепку и внимательно прислушался. Не выдал ли он себя? Но ничего особенного он не услышал, никаких посторонних шумов. Вообще никаких шумов, даже ветер не завывал сквозь проемы в стенах сарая. Все было тихо, не видно никаких хефнов. Небо затянуто тучами, прохладно, но не морозно. Денни взглянул на часы — 15:46. Нужно выждать еще часа два, тогда стемнеет и можно будет

спокойно выйти из сарая. Денни снова попытался заснуть, но у него ничего не получилось, тогда он сел и огляделся.

В сарае было все так, как он помнил. Скорее всего, хефны решили, что такая развалюха не может представлять никакого интереса. Может, они даже не заглядывали внутрь; хотя двери все равно заклинило и им не удалось бы их открыть. Вокруг сарая виднелось много следов Роско, но он вместе с Росинантом жил в сарайчике у хижины, где до сих пор стоит большая цистерна, а когда-то давно был и насос.

В оставшиеся два часа Денни решил подкрепиться — съел бутерброд и пакетик «хрустяшек», при этом каждые две минуты он поглядывал на часы и перебирал в уме веские причины, по которым, как он думал, его никоим образом не могли найти на чердаке сарая. Он знал, какое наказание последует за неподчинение приказу хефнов. Он знал, что было написано на тех предупреждающих знаках после слова «*ОСТОРОЖНО!*». Там было сказано, что тех, кто сознательно пройдет на запретную территорию, подвергнут операции по стиранию памяти. Угроза была реальной. Такое уже случалось, когда ввели Запрет на рождение детей и где-то на планете люди не выдержали и подняли бунт. Все предыдущие бунты кончались неудачами. Денни точно знал, что не было ни одной победы.

По международному каналу постоянно демонстрировали правонарушителей, которых лишили памяти. Раздраженные, жалкие существа. Денни всегда дрожал от страха, когда видел их на экране, и никогда не думал, что сам подвергнет себя подобному риску. В каком-то смысле это было страшнее гибели, но только сейчас Денни понял, почему люди, сознающие всю безнадежность попыток протеста, все же такие попытки предпринимали.

Время тянулось ужасно медленно, но наконец наступили сумерки, а потом стемнело окончательно. Он заставил себя подождать до шести часов и только тогда с облегчением стряхнул с себя сено, вынул все вещи и сложил их наверху, а сумку-рюкзак взял с собой. На улице он несколько минут отряхивался от колючих травинок, выуживал их из волос и из-за шиворота.

Денни попробовал осторожно подкрасться к хижине. Он хотел убедиться, что в ней не поселился какой-нибудь хефн. Они прекрасно видят в темноте, а в тот день, когда его, Денни, забрали отсюда, Хамфри даже не заблудился, когда осматривал окрестности. У Денни, правда, было некое ощущение уверенности, он чувствовал, что его родной участок не подведет, что здесь он имеет определенные преимущества.

Проселочная дорога тянулась по оврагу вдоль ручья Времени.

Денни осторожно прошел по ней, потом повернул налево и стал подниматься на крутую гору. Иногда ему даже приходилось вставать на четвереньки и хвататься за молодые, гибкие деревья. Он спугнул небольшое стадо белохвостых оленей, расположившихся на ночлег на склоне. Денни слышал, как они убегали, — под ногами животных шуршали сухие листья. Они тоже хорошо видят в темноте. Сам он хоть и производил ничуть не меньше шума, но видеть ничего не видел. Его спасало лишь хорошее знание местности: чтобы добраться туда, куда он шел, надо двигаться по прямой вверх, в горы.

Запыхавшись и вспотев, он добрался до опушки леса и остановился, чтобы перевести дыхание. Здесь подъем был не таким крутым. Прямо перед ним поблескивал септик-отстойник, а выше по склону — пруд; за прудом на фоне голых деревьев на гряде стояла хижина. Денни точно знал ее местонахождение и потому даже смог различить контуры дома — они выделялись чуть более темным пятном во мраке ночи. Место выглядело заброшенным. Денни мог поклясться, что в хижине никого нет: ни человека, ни хефна. Не было видно и вертолета, обычно машины приземлялись на месте бывшего огорода. Денни вздохнул с облегчением, но решил все же не забывать об осторожности. Он поднялся на гряду, стараясь идти вдоль опушки, и быстро пробрался в конюшню. Пусто. Сено оставили, но лошадь и мула забрали.

Денни еще тогда, две недели назад, решил, что возьмет в подвале спальник и палатку из бывших скаутских запасов. Сейчас ему ничто не мешало привести свой план в действие. Дверной замок на веранде давно проржавел и не закрывался, так что и взламывать ничего не пришлось. Денни осторожно пробрался по веранде, хотя настоящей опасности не было. Все, скорее, напоминало игру в казаков-разбойников. Теперь, наверное, хижина будет долго пустовать, а вокруг все зарастет и одичает. Хефны, видимо, настолько уверены, что никто не осмелится перейти границу, отмеченную их предостерегающими знаками, что даже не станут проверять, есть тут кто-нибудь или нет. Возможно, осуществить его план будет гораздо легче, чем он думал.

Но все равно расслабляться рано. Он знал, что ему нужно жить так, чтобы никто ничего не заподозрил, даже с вертолета не должно быть заметно никаких следов его пребывания здесь.

На ощупь Денни нашел все, что нужно. Кроме спальника, палатки и блокнота он взял еще кое-какую кухонную утварь. И все. Больше ничего даже не тронул. Теперь, если какой-нибудь хефн и забредет сюда, то вряд ли поймет, что что-то пропало из

сложенного в подвале хлама. Денни сложил все в рюкзак и старательно закрыл за собой дверь веранды так же, как она была закрыта.

Он разбил лагерь напротив сарая для просушки табака, на северном берегу Индейского ручья. В предрассветных сумерках он быстро поставил палатку на маленькой полянке, окруженной зарослями виргинского можжевельника, который рос в этих местах везде, куда ни глянь. С дороги лагерь не видно, а вот с воздуха он, наверное, все же заметен. Поэтому почти целый час Денни усердно маскировал палатку ветками можжевельника, привязывая их к внешнему навесу обрывками веревки из табачного сарая. Конечно, ему не удавалось работать без шума, но все же он старался делать все осторожно.

Наконец он заполз в палатку, расстегнул спальник и, сняв ботинки и куртку, поздравил себя с успешным днем. Или ночью. «Надо привыкать к ночному образу жизни», — напомнил он себе. Слишком рискованно передвигаться по лесу в дневное время. А если пойдет снег, то вообще невозможно. И с костром будут проблемы…

Денни перебирал в уме трудности, с которыми ему предстояло столкнуться в самое ближайшее время. Он совершенно не был уверен, что ему удастся осуществить свой план. Но пусть получится хоть немного еще пожить с медведями, это лучше, чем ничего.

Для медведя в спячке ночь ничем не отличается от дня. И потому на следующую ночь Денни отправился к берлоге Розетты, решив, что стоит рискнуть. Он натянул кожаные перчатки, которые умудрился тогда прихватить из хижины прямо перед носом Хамфри вместе со всем содержимым рюкзака — весами, фонариком и блокнотом. С момента его возвращения на ферму прошло три дня. Последний день выдался по-настоящему морозным, около двадцати градусов по Фаренгейту [53]. Денни весь день кутался в пуховый спальник и обдумывал план действий, а с наступлением ночи пошел напрямик по лесу от дороги к горной гряде. Теперь он стоял на куче опавших дубовых листьев и дрожал от усталости. Несмотря ни на что, он все-таки здесь. Он снова увидит медвежат, будет взвешивать их, записывать показания. Анализ крови брать не будет, ведь теперь у него нет возможности замораживать образцы. Но он постарается снимать все остальные показатели, попробует продолжать свои исследования. Он чувствовал, что обязан сделать это, вы полнить долг перед самим собой, перед медведями, перед человечеством в целом. В какой-то мере его поступок стал молчаливым протестом против хефнов.

Денни прямо распирало от ответственности. Он выудил из рюкзака фонарик, опустился на живот и пропо́лз в берлогу. Впервые за эти три ночи он осмелился включить фонарь. Розетта лежала на боку — огромная туша, от которой исходил резкий малоприятный запах. Такая же огромная неясная тень на стене берлоги. Голова медведицы уткнулась в грудь, лапы подогнуты внутрь. К ней прижались медвежата. Денни на локтях подался вперед, сейчас в нем преобладал биолог, к тому же он уже соскучился по своим медвежатам. За две недели, даже больше того, они, наверное, заметно подросли.

Правой рукой он ухватил первого медвежонка за загривок. Это была Родео, она больше и плотнее брата. И в этот самый момент луч света упал на второго малыша. Денни сразу понял, что перед ним не Рокет. Второй малыш был крупнее Рокета, каким его запомнил Денни, но значительно меньше теперешней Родео. Шкура у него была скорее черная, а не цвета корицы, как у медвежат. Каким образом он сюда попал? Денни выпустил из рук Родео и потянулся к подкидышу.

Он уже готов был дотронуться до малыша, как тот вдруг сам зашевелился, перехватил сосок и повернулся мордочкой к свету. Денни моментально отдернул руку, словно его укусила змея; при этом в его голове все смешалось. Он никак не мог объяснить того, что только что увидел. Малыш вообще не был медвежонком. Не те формы, не тот окрас… кто же это? Что тут могло произойти? Денни протиснулся еще ближе и навел луч фонарика прямо на мордочку малыша. Тот снова закрыл глаза, выпустил изо рта сосок и жалобно запищал. Маленькие лохматые передние лапы сначала рыскали по меху Розетты, потом малыш замахал ими в воздухе, и Денни заметил, что лапки… Такое впечатление, будто над ним засверкали молнии и загремел гром. Денни собрал в кулак всю свою волю и еле сдержался, чтобы не закричать и не выскочить тут же из берлоги. Но выползал наружу он гораздо быстрее, чем заползал внутрь, и фонарик отключил перед самым выходом скорее по привычке, чем из предосторожности. Он побежал по тропе вниз к хижине в полной панике, в результате, естественно, зацепился за что-то ногой и упал.

Лежа на земле, он попытался взять себя в руки. Второй малыш оказался маленьким хефном. Младенец хефн! В медвежьей берлоге! На Земле никто и никогда не видел младенцев хефнов, а теперь — пожалуйста, в берлоге, да еще посреди зимы! Произошедшее никак не укладывалось в голове. Единственное, что он понял, стоило ему разглядеть маленького хефна, это то, что он не просто рискует, а попал в смертельно опасную ситуацию. Скорее всего, он единственный человек на

Земле, кому стала известна тайна хефнов. Ведь кто же мог подсунуть малыша в берлогу к Розетте, как не взрослый хефн, Хамфри или Иннисфри. И биологов отсюда убрали именно для того, чтобы спокойно подложить медведице малыша.

Малыша или малышей? Только в одну берлогу или в другие тоже, а может, и в других районах? В других штатах? И странах. Денни замотал головой и осторожно поднялся на ноги. Все это уже не важно. Надо выбираться отсюда, иначе скоро по международному каналу на устрашение всем будут показывать Денни. Его непослушание естественно закончится полным стиранием памяти. Он ни секунды не сомневался, что увидел нечто никак не предназначавшееся для чужих глаз. Хефны наверняка будут часто навещать своего малыша. Денни нужно уносить ноги.

И не оставлять никаких следов. А он в панике бросил у берлоги свой рюкзак. О'кей, надо вернуться за ним, потом как можно быстрее спуститься по лесу к дороге, собрать лагерь, зарыть все вещи, быстро рвануть назад в Лоренсбург, а завтра сесть на первый пароход в Кэрролтаун. Все это Денни прокручивал в голове по дороге к хижине.

А что потом? Денни остановился и уставился на огромный упавший дуб. Его вывороченные корни образовали некое подобие входа в берлогу. «Такое большое дерево может вырасти только на границе фермы», — невпопад подумал Денни.

Значит, сесть на пароход до Кэрролтауна, а что потом? Согласиться участвовать в проекте в Херт Холлоу, изучать медведей там и держать язык за зубами? «Надо вернуться, ведь прошло всего несколько минут, а я уже сам себе не верю. Если я не собираюсь держать язык за зубами (разве?), я должен убедиться, что видел именно то, что видел».

Вот бы снять все на камеру! На голокамеру или дисковую камеру. С таким же успехом можно мечтать достать Луну с неба. Но без доказательств никто не поверит.

На какой-то миг он даже подумал, а не выкрасть ли ему младенца хефна в качестве доказательства. Но ведь он понятия не имеет, что этому младенцу нужно. А если с головы этого мохнатобородатого существа упадет хоть один волосок… Но даже если отбросить неприятные последствия, сейчас этот малыш стал сосунком Розетты и братцем Родео. И Денни не хотел причинять ему вреда.

Меньше всего на свете Денни хотелось возвращаться в берлогу Розетты, но он пересилил себя. Нет, он не ошибся. У малыша действительно были маленькие раздвоенные четырехпалые лапки: по два пальца с каждой стороны, тело

покрыто шерстью, даже усики и борода на месте. Окрас намного темнее, чем у взрослых хефнов. Обычно те серого цвета, но сомнений быть не может — перед ним младенец того же самого биологического вида.

Убедившись в своей правоте, Денни вылез из берлоги. На сей раз он не забыл про рюкзак, закинул его на плечи и сразу пошел прямиком к своему лагерю на берегу ручья. Ему пришлось долго пробираться по горам, но, кажется, он постепенно обретал навыки ориентирования в темноте.

Свернув лагерь и уложив все вещи в рюкзак, не медля ни секунды Денни направился по дороге в сторону городка. Мысли его немного упорядочились, и вскоре у него созрел новый план.

Еще школьником Денни много раз бывал в Херт Холлоу. Хранителем огня (метафорического) тогда считался Джесси Келлум. Потом, когда святилище Геи закрыли для публики, Денни приезжал сюда как последователь культа. Он знал все об Оррине и Ханне Хаббелл, легендарной паре, которые построили здесь дом, держали коз и пчел и написали книгу о своей жизни «на краю общества». Классические представители протогейцев, последователей культа Геи. Когда хранителем огня был Джесси Келлум, Пэм Прюитт была еще девчонкой и жила на другом берегу реки в Индиане. Подростком она много времени проводила в Херт Холлоу, помогала Джесси, даже после того как хефн Хамфри выбрал ее в первую группу талантливых математиков. Он собирался учить их сам, чтобы они постепенно стали стажерами и взяли на себя управление приемопередатчиками времени. Хефны хотели приоткрыть с их помощью окно в прошлое.

Еще Денни знал, что Прюитт потеряла свой математический дар и больше уже не работает в Бюро физики времени, хотя и продолжает выполнять для него определенную работу. Она навсегда осталась в числе приближенных Хамфри, а когда покинула штаб Бюро в Санта-Барбаре [54], заняла значительное место в движении последователей Геи. Сейчас она каким-то образом связана еще и с мормонами [55] и в основном живет в Солт-Лейк-Сити [56].

Так много Денни знал о Прюитт по двум причинам. Во-первых, она была местной знаменитостью, единственной ученицей-стажером хефнов, связанной с Кентукки, а во-вторых, потому что, сколько он себя помнил, ее имя всегда употреблялось в связи с Херт Холлоу. Это место имело большое значение для всех последователей Геи, а ведь еще до того, как долина стала святилищем Геи, это был родной участок Пэм Прюитт. Пэм

занимала видное положение среди последователей культа в Кентукки, а особенно в родном городе Денни — Милтоне, расположенном на берегу реки недалеко от Мэдисона, штат Индиана, откуда рукой подать до студгородка Скофилдского колледжа, где Пэм жила в детстве. Сам Денни никогда ее не видел, но много слышал о ней.

Хамфри говорил, что сейчас она живет в Херт Холлоу. Возможно, она специально уединилась и вовсе не хочет, чтобы кто-то нарушал ее одиночество. К тому же Денни совсем не был уверен, что она не выдаст его Хамфри, хотя и надеялся на это. И хефны ее уважают. Если он решил все рассказать, то лучшего слушателя ему не найти.

В Кэрролтауне Денни поднялся на борт парохода, идущего на юг, и вместе с дюжиной других пассажиров сошел на берег в Милтоне. Он мог попросить лоцмана пристать в Херт Холлоу, но обычно пароходы там не останавливались, и Денни боялся привлечь к себе внимание. От Милтона до Херт Холлоу недалеко и можно дойти пешком, по крутому берегу реки. Дороги здесь были такими же плохими, как и везде, но зато можно идти и при свете дня.

От дороги до реки долина Херт Холлоу (а общая ее площадь составляла шестьдесят один акр) была огорожена забором, по которому был пущен электрический ток. Когда Денни добрался до верхних ворот, было уже далеко за полдень, и он страшно устал. Он даже застонал, представив себе, что придется бродить вдоль забора до темноты, но выхода не было. Дом стоял почти у самой реки, от верхних ворот до него примерно миля, и никакой связи. Если он будет кричать, Прюитт, скорее всего, его не услышит, а вот кто-нибудь другой может.

В Кэрролтауне он купил два бутерброда, яблоко и сейчас сел у ворот, поел, а потом запил все водой из скаутской фляги в красно-зеленом плетеном футляре. Остальные лагерные принадлежности он закопал под мостом на Солт-Ривер, на половине пути между фермой и Лоренсбургом, но флягу с встроенным биофильтром оставил.

Чтобы не таскать рюкзак с собой, он подумал было перебросить его через ограду, но что если Прюитт в Херт Холлоу нет? Денни не удастся попасть внутрь, а вещи ему понадобятся. Он так и пошел вдоль забора, не снимая тяжелого рюкзака.

До реки он добирался больше часа, а выйдя на пристань, вздохнул с облегчением — у нижних ворот, как и прежде, стоял телефон. Слава богу. Денни вспомнил, что, когда он приезжал сюда школьником, учитель всегда звонил по этому аппарату. Из дома раздавался еле слышный звонок, вскоре появлялся Джесси

Келлум и отпирал ворота. Только бы телефон работал. Денни даже не представлял, как еще можно привлечь внимание Прюитт. Усталый мозг отказывался соображать.

Но сама она здесь, это уже хорошо. Денни видел свет керосиновой лампы в окне дома и фонарь на крыльце, а еще он чувствовал в воздухе запах печного дыма и слышал лай собаки. Открыв дверцу телефонной будки, он снял трубку с крючка. В первую минуту ему показалось, что телефон отключен, но в доме мелькнула тень, раздался щелчок, женский голос в трубке спросил: «Да? Фесте, успокойся».

Денни не знал, с чего начать.

— Вы Пэм Прюитт? — хрипло спросил он (сколько же времени он ни с кем не разговаривал?), женщина ничего не ответила. Тогда Денни откашлялся и выпалил: — Меня зовут Денни Димарри, я биолог, изучал бурых медведей в округе Андерсон по программе восстановления окружающей среды, разработанной хефнами. Я последователь Геи, ферма, на которой я жил и работал, — мой участок. У меня ЧП. Можно поговорить с вами?

Молчание. Потом женский голос ответил:

— Я Пэм Прюитт. Какое ЧП?

— Я не могу… не могу вот так вам рассказать. Мне нужно вас видеть.

— Послушайте, я здесь в уединении.

— Я знаю. Извините меня, но мое дело не терпит отлагательств. Это очень-очень важно. Пожалуйста.

— Вы знали, что я специально уединилась здесь?

— Не совсем. Хефн Хамфри сказал мне, что вы здесь, а про уединение я догадался сам. Простите меня, пожалуйста, — снова повторил он.

Женщина помолчала, потом глубоко вздохнула и произнесла:

— О'кей. Вы на причале? Я могу спуститься к вам на несколько минут.

Денни успокоился и повесил трубку. Он видел, как отворилась дверь дома, как кто-то пошел по тропинке к воротам с фонарем в руках. На улице окончательно стемнело. Первой к воротам подбежала собака, такая черная, что Денни различил только белые зубы и блестящие глаза. Она рычала сквозь проволоку ограды. Вскоре подошла женщина.

— Прижмитесь к ограде, расставьте ноги в стороны и поднимите руки. Фесте, проверь его.

Денни сделал все, как было сказано, хотя чувствовал себя при этом полным идиотом. Собака рьяно обнюхивала его сквозь ограду.

— А теперь повернитесь спиной… о'кей. Оставьте сумку там. Фесте, внимание.

Денни услышал щелчок открываемого замка.

Он прошел за ограду и вдруг подумал, что, наверное, выглядит ужасно, хотя и пробовал отмыться холодной водой в туалетной комнате пакетбота.

— Извините, я совсем грязный. Жил в лесу, а помыться не успел.

Прюитт подняла фонарь, внимательно оглядела его с ног до головы и с улыбкой сказала:

— По вашему виду можно подумать, что вы жили не в лесу, а в угольной шахте.

— Нет, я был на ферме, где работал над проектом. Хамфри закрыл все работы и выбросил меня оттуда, наверное, две-три недели тому назад. Честно сказать, я потерял счет времени.

Прюитт удивленно подняла брови:

— Он выставил вас оттуда, а вы снова пробрались назад? Вам что, жить надоело? За это можно лишиться памяти.

— Будто я не знаю! Но проект не закончен, — продолжал Денни, — а Хамфри сказал мне, что они выводят людей из восточного Кентукки, чтобы в районе окончательно восстановилось экологическое равновесие. Но я думаю, выбросили меня по другой причине. Там кое-что происходит.

Прюитт медленно опустила фонарь.

— А именно?

— Вы мне не поверите, — в отчаянии вскричал Денни, — у меня нет никаких доказательств, но вчера ночью, понимаете, вчера ночью я пошел проверить медвежьи берлоги — я ведь не видел медвежат с тех пор, как меня увезли, — так вот, одного медвежонка на месте не было, а вместо него…

— О'кей, — оборвала его Прюитт. — Давайте лучше пройдем в дом. Берите свои вещи и закрывайте ворота, просто захлопните посильнее. Фесте, успокойся, работа окончена.

Денни уставился на Пэм, его словно облили ледяной водой.

— Вы все знаете. Вы знали, что я вам расскажу. — Денни отступил назад, за ворота, и захлопнул их, теперь они были по разные стороны ограды. — Ну да, вы ведь на короткой ноге с Хамфри…

— Мы с Хамфри, — спокойно отвечала Прюитт, — не нашли общего языка по тому вопросу, о котором хотели поговорить со мной вы. Вы сами ко мне пришли, но я точно знаю, что вы попали в беду. И если вам больше некуда пойти, я бы на вашем месте тихонько прошла в дом.

Денни оперся об ограду. Единственное, что он мог бы еще

сделать теперь, так это снова устроиться на работу в Департамент дикой природы и рыбных хозяйств, то есть изучать медведей здесь, в Херт Холлоу. Но если Прюитт выдаст его хефнам, то и эта возможность бесследно исчезнет.

— Откуда мне знать, что вы не расскажете им все?

Она уже пошла в сторону дома, но сейчас остановилась и обернулась.

— Думаю, вам надо просто довериться мне, хотя, я понимаю, вы меня не знаете. Но ведь последователи Геи не обманывают друг друга, правда? Я лишь могу пообещать, что не собираюсь вам лгать.

Денни поплелся за ней по тропинке, он спотыкался от усталости и с трудом тащил свой рюкзак. Прюитт поставила фонарь на крыльцо и открыла дверь в теплую, уютную комнату. Пол и стены были отделаны деревянными панелями, а в очаге горел огонь. Собака проскочила вперед.

— Насколько я понимаю, вы бывали тут и раньше.

— Да. Но ночью никогда. — При свете огня Денни наконец хорошенько разглядел Фесте и расхохотался. — Пудель? Сторожевая собака пудель?

— Ну, из пуделей получаются прекрасные сторожевые псы, — хотя внешне и не скажешь. А с такой стрижкой, как у него, многие просто не понимают, какой он породы.

Фесте был коротко острижен и действительно мало походил на обычного пуделя.

— Когда я был мальчиком, у наших соседей жил чистокровный пудель. Я запомнил, что у него была длинная морда. — Денни по трепал собаку по голове и с трудом удержался, чтобы не зевнуть.

Прюитт снова внимательно оглядела его.

— Вы совершенно измотаны. Выспитесь сначала, а потом уж поговорим. Насколько мне известно, о ваших приключениях еще никто не знает, если, конечно, вы сами никому, кроме меня, ничего не рассказали. Так что можете позволить себе несколько часов сна. Думаю, до завтрашнего утра у вас время есть.

— Почему вы помогаете мне? — спросил Денни. — Вы ведь помогаете мне?

— Посмотрим, — ответила Прюитт. — Сначала идите спать.

— Кто еще может знать? — спросил Денни.

Он уткнулся в миску с тушеной козлятиной. Проспал он одиннадцать часов кряду, потом с удовольствием вымылся в горячей воде с мылом и с не меньшим удовольствием воспользовался опасной бритвой Джесси Келлума.

Сейчас он сидел за длинным столом из темного дерева, который принадлежал еще Хаббеллам. Он переоделся в последнюю оставшуюся у него смену чистого белья, оранжевые вельветовые брюки и поношенную хлопчатобумажную толстовку с дырками на обоих локтях.

— Понятия не имею. Может, и никто. Я знаю потому… что… Хамфри вообще еще никогда не удавалось ничего от меня скрыть, особенно если дело действительно серьезное и важное. Правда, я не уверена, что он догадывается, насколько я не одобряю этого плана.

Денни ел, но не забывал и про главное.

— И что же им нужно?

Прюитт скинула ботинки, заложила руки за голову и тяжело вздохнула. Худощавая, строгого вида женщина лет сорока, чем-то даже похожая на мужчину. Каштановые волосы коротко острижены, местами проглядывает седина. Денни решил про себя, что в жизни она намного приятнее, чем на видеоканалах и голограммах, которые ему приходилось видеть. Он уже не сомневался, что этой женщине можно доверять, она была прямой, честной и откровенной.

— Я думала, что стоит вам рассказывать, а что нет. И вам, и мне было бы намного легче, если бы вы не проявили столько упрямства и не вернулись к своим медведям. Я и уединилась-то сейчас именно для того, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию и найти подходящий выход. А теперь вот еще вы.

Денни места себе не находил от нетерпения и потому шел напролом.

— Кто подсунул малыша хефна в берлогу к Розетте?

— Это я могу вам сказать точно. Хамфри. Малыш не его, но подложил его именно он.

— Медведице вводили транквилизаторы? — встревожился Денни.

— Не знаю. Наверное.

— Черт бы их побрал! А что сделали с Рокетом? Вторым медвежонком?

— Этого я тоже не знаю. Может, отдали в реабилитационное отделение для сирот.

— Чертовы выродки! — Денни в ярости ударил кулаком по столу, и в пустой миске громко зазвенела ложка. — Но зачем? Зачем заменили Рокета на малыша хефна?

— Зачем? — Прюитт состроила гримасу. — Вы уверены, что хотите знать? Тогда вам уже не отвертеться.

— Они вмешались в жизнь моих медведей, конечно же, я хочу знать! И вообще, неужели можно увязнуть еще больше?

— О'кей. Я сама узнала обо всем около месяца тому назад. Оказывается, хефны занялись восстановлением биосферы Земли не из чисто альтруистических побуждений. Оказывается, что хефны и гафры… — Она еще раз посмотрела на Денни, потом отвела взгляд. — В общем, дело вот в чем. Взаимоотношения между хефнами и гафрами не ограничиваются связью хозяин — слуга, о которой мы уже знаем. Между ними существуют отношения полового симбиоза.

Денни чуть не упал со стула.

— Симбиоза?

— Ну да. Генетически они совершенно разные, но размножаться друг без друга не могут. Все хефны мужского пола. Все гафры женского. На том корабле были семейные пары. И искал корабль подходящую планету для размножения: естественную, не испорченную среду обитания. Потому что их родная планета по какой-то неизвестной мне причине стала для этого непригодна.

— То есть, прилетев на Землю, они искали подходящую планету для размножения?

— Именно.

— Четыреста лет тому назад?

— Да.

— И оставили здесь хефнов, зная, что вернутся, останутся и будут заниматься воспроизводством потомства на нашей планете! Только, видимо, их задержали какие-то технические неполадки, потому что вернулись они лишь в две тысячи шестом году, и к этому времени Земля уже перестала быть естественной, неиспорченной планетой.

— Все верно.

— А теперь самое главное. — Денни отодвинул пустую миску и положил руки на стол. — Почему им надо размножаться именно здесь?

— Насколько я понимаю, — медленно ответила Прюитт, — постнатальное развитие младенцев хефнов предполагает, что какое-то время они должны провести в естественной среде, причем под присмотром настоящего дикого хищника. Они должны расти и воспитываться как детеныши хищных зверей. К две тысячи шестому году на нашей планете почти не осталось хищников, которые могли стать нянями для их малышей, да и людей стало слишком много.

— Боже. — Денни был потрясен, в нем проснулся биолог. — С ума сойти. В это невозможно поверить. — Он с минуту думал, потом спросил: — А шимпанзе? Крупные кошки?

Прюитт встала, убрала со стола пустую посуду и принесла

корзинку со сморщенными желтыми яблоками.

— Популяции крупных кошек плохо восстанавливаются, их еще слишком мало, кроме, разве что, львов и пум, но самое главное — хефны не очень хорошо ладят с кошками. — Она набрала полведра воды, поставила его возле стола и принялась мыть яблоки. — Шимпанзе могли бы стать подходящим видом. Известен случай, когда группа шимпанзе вырастила брошенного нигерийского мальчика, но хефнам нужны были виды, поддающиеся быстрому восстановлению в своей естественной среде обитания. Виды с более коротким периодом беременности, производящие на свет по нескольку детенышей, виды, у которых период младенчества и детства проходит быстрее, а следовательно, и результаты можно получить скорее. — Прюитт фыркнула. — Я еще думала, почему Хамфри так интересовался нашими мифами и легендами о детях, выращенных дикими животными. Когда мы, ученики, были еще детьми, он много говорил с нами об этом. Например, о Тарзане.

— Волки! — вскричал Денни. — Ромул и Рем. Маугли. Те две девочки в Индии. Бог ты мой, вот почему в проект вошли койоты!

Отодвинув пустую корзину, Прюитт принесла большие миски, ножи и газету. Она расстелила газету перед собой и кивнула:

— Ну да. Они исключили те виды, которые по каким-либо причинам не могли быстро восстановиться в испорченном климате планеты. Например, тигров, шимпанзе и волков — эти виды слишком специализированны, приспособлены к жизни в определенных условиях. Теперь уже, конечно, и они подлежат восстановлению, но койоты гораздо легче приспосабливаются к тяжелым условиям окружающей среды, они никогда не были под угрозой вымирания, несмотря на то что их отлавливали, травили и убивали. Да вам все это известно. Хефнов заинтересовали восточные, крупные койоты, но потом они решили, что бурые медведи подходят гораздо больше. — Прюитт говорила и одновременно чистила яблоки, разрезая их на четыре части, вынимая сердцевину и бросая дольки в миску.

Денни тоже разложил перед собой газету и взял в руки нож.

— Однако медведи не самые лучшие хищники. У них быстрая реакция, но они недостаточно проворны, чтобы охотиться на взрослых оленей, а о кроликах, мышах и прочей мелкой живности и говорить нечего.

— Медведи не специализированный вид, и это оказалось преимуществом, к тому же, видимо, хефны считают их подходящими хищниками. — Прюитт бросила горсть долек в миску. — Есть данные о том, что в Иране медведица забрала к

себе маленького ребенка и три дня выкармливала его. Межвидовое усыновление, так же как в случае с шимпанзе и нигерийским мальчиком. Кроме того, с точки зрения хефнов, у медведей есть одна замечательная особенность.

Денни ударил ладонью по столу.

— Зимняя спячка!

— Именно, зимняя спячка. Единственный крупный млекопитающий хищник, который впадает в зимнюю спячку, если я не ошибаюсь.

— О боже. Значит… — Денни уставился на Прюитт. — Вот почему появился Запрет на рождаемость. Миссия Геи. Проекты по восстановлению естественной среды обитания. Только представьте себе, ведь последователи Геи и разные там экологи помогали им и поддерживали их проекты, думая, что они действительно хотят восстановить природу Земли, в том числе и популяцию людей. А они все это делали только для себя! Это же все в корне меняет!

— Не так-то все просто, — с грустью произнесла Прюитт. — В течение последних недель я обдумала все, что мне известно о хефнах. И я точно знаю, что некоторые наблюдатели-хефны, в том числе и Хамфри, искренне хотели установить контакт с людьми, помочь им, по-настоящему помочь. — Очередное яблоко оказалось гнилым, и Прюитт даже не стала разрезать его, а просто выбросила целиком. — Но все же главная их цель заключена в другом. Несмотря на то что думают лично Хамфри, Годфри или Алфри, хефны в первую очередь служат гафрам. Мы часто забываем об этом, потому что никогда не видели гафров, но это так. Все хефны, с которыми нам приходилось встречаться, сохраняли верность гафрам, даже когда в их рядах появлялись мятежники.

Денни с силой бросил нож, и он слетел со стола.

— Значит, с самого начала у них имелись свои цели? Свести на нет популяцию людей, восстановить тропические леса и леса умеренной зоны, возродить экосистемы, вернуть основных хищников — и тогда спокойно размножаться. На нашей территории. Людей подвергают стерилизации, чтобы инопланетяне размножались. Нет, этот номер у них не пройдет.

Прюитт поднялась, подобрала с пола нож и занялась огнем в очаге.

— Мне кажется, Хамфри искренне верил, что если все пойдет хорошо, то можно будет снять Запрет на рождаемость. Может, так думали и гафры. И все это держалось на взаимоотношениях нескольких хефнов с горсткой людей. Если бы не это, гафры давным-давно покончили бы с нами.

Пэм не без труда поднялась на ноги и подвесила над огнем большой котел.

— А эти взаимоотношения в последнее время сильно испортились. Люди все больше нервничают и совершают безрассудства. Теперь мы сами как вид находимся под угрозой вымирания, и люди это понимают. Им нечего терять, они восстают против хефнов, а хефны в ответ перестают защищать нас перед гафрами. Человечество на грани большого бунта, людям даже не нужно знать того, что узнали вы. Но если они узнают…

— Вы хотите сказать, что я должен молчать?

Прюитт удивленно взглянула на Денни.

— А вы что, хотели всем рассказать? Вчера вечером мне показалось, что вы ищете место, где бы спрятаться, но никак не репортеров и журналистов.

Они долго смотрели друг другу в глаза, первым отвел взгляд Денни.

— Я не знаю, что делать, — признался он. — Меня могут лишить памяти, потому что, стоит мне обмолвиться хоть словечком, по всей планете поднимется бунт. Но если я промолчу… я вообще всегда недолюбливал хефнов. Если я не расскажу, то буду чувствовать себя соучастником, предателем, трусом. — Он встал и отнес доверху наполненную яблоками миску к очагу. — Ведь я действительно соучастник, я ведь работал на них, пусть даже ничего не зная. И получается, все биологи, работающие на их проектах, сотрудничают с ними. Ведь выходит, мы все помогали подготовить экосистему Земли к производству потомства инопланетян. — Он не сказал, что если его можно считать соучастником, то что тогда говорить о ней.

Прюитт взяла миску из его рук.

— Мне нужна чашка воды. — Денни принес воду. Прюитт вылила ее в котел, выложила яблоки и размешала все деревянной ложкой с длинной ручкой. — Спасибо. Дело в том, что Хамфри я обязана больше, чем кому-либо из людей. Но и его терпению есть предел, он и так изо всех сил старался помогать многим из нас. К тому же он и сам очень хочет иметь ребенка.

Они все так долго ждали этого момента, боялись, что по какой-либо причине все может сорваться и тогда они просто вымрут.

— Значит, они должны понимать, что чувствуем мы?

— Денни, мне нужно знать, что ты собираешься предпринять, — сокрушенно проговорила Прюитт. — Вряд ли я смогу защитить тебя, если хефны узнают, что тебе известна их тайна. Даже за Хамфри я не ручаюсь. Нам надо разработать план действий.

— Ну, — отвечал Денни, — когда я вернусь из отпуска, если, конечно, я вообще вернусь, Департамент дикой природы предложит мне новое место работы. Между прочим, здесь.

— Здесь? — удивилась Прюитт.

— Идея принадлежит Хамфри. Когда он вывозил меня с фермы, я сказал ему, что являюсь последователем культа Геи и что он выбрасывает меня с моего родного участка. Он извинился и ответил, что постарается, чтобы меня перевели в Херт Холлоу. Мне кажется, он считает, что каждый последователь Геи в каком-то смысле должен считать эти земли своим родным участком. Так что либо я все расскажу публично, либо приеду работать сюда.

— Значит, Хамфри высоко оценил твою работу в округе Андерсон, — заметила Прюитт. Казалось, она и сама по-другому взглянула на Денни. — Ты даже не представляешь, какой тебе сделали комплимент, предложив это место, особенно если учесть, что сделал это сам Хамфри. Между прочим, они собираются убрать часть ограды, чтобы медведи спокойно могли заходить в Херт Холлоу. Хамфри хочет, чтобы его сын вырос именно тут. Так что если ты будешь работать здесь, вряд ли вам с Хамфри удастся не пересекаться.

С улицы послышался собачий лай. Прюитт открыла заднюю дверь и впустила собаку. В комнату ворвался холодный ветер.

— Погодите. — Денни снова сел. — Погодите. Если хефны и гафры собираются плодиться по всей Земле и каждую зиму подкладывать своих детенышей в берлоги к медведям, они не смогут долго держать все в тайне. Ну, один малыш, это да. Но десятки? Сотни? Все равно об этом узнают. — Фесте побегал по комнате, обнюхал все, потом радостно уселся перед столом. Денни рассеянно почесал собаку за ухом.

Прюитт села напротив.

— Они расставят везде запрещающие знаки, будут грозить, что лишат памяти каждого…

— Но люди дошли до крайней степени отчаяния. Вы же сами это знаете. Еще какой-нибудь биолог, так же как и я, воспротивится резкой остановке его работ. Так или иначе, поползут слухи. А весной подросшие детеныши хефнов будут бегать вслед за медведицами. — Денни наклонился к Пэм. — А что если один детеныш пропадет? Его могут выкрасть из берлоги. Могут убить. Вы понимаете, что такое возможно.

— Но хефны будут за ними присматривать…

— Ничего подобного! На моей ферме никто ни за кем не присматривает.

Прюитт потерла лоб, словно у нее разболелась голова.

— Может, для нормального развития хефнов необходим

минимум вмешательства, все должно происходить в условиях дикой природы. — Она снова взглянула на Денни. — Хамфри говорил, что нельзя вырастить детеныша в зоопарке, только в настоящем лесу. Иначе зачем им вообще понадобилась Земля? Забрали бы к себе на корабль хищников, и все в порядке.

— А я бы не трясся от страха, что меня лишат памяти.

— А планета погибала бы.

— Но была бы при этом нашей.

Прюитт вскинула брови:

— Как надолго?

Денни снова ударил кулаком по столу.

— Знаете, что я думаю? Я думаю, что мы в любом случае были обречены на гибель. Если бы мы остались хозяевами планеты, мы бы сами окончательно погубили Землю или взорвали бы свой собственный дом. Так что, как ни поверни, все кончается гибелью человечества. А хефны по крайней мере спасли экосистему Земли, пусть даже для себя, ну а люди так и так бы вымерли. — Он рассмеялся, и смех его прозвучал неестественно в этом маленьком, уютном домике. — Теперь хоть сама Гея останется жить. Она и без нас прекрасно справится. И как последователи ее культа мы, наверное, должны радоваться.

— Не так-то просто для полевого биолога, ненавидящего хефнов, разобраться в такой ситуации, да? — А пока Денни соображал, что она имела в виду и как ему на это реагировать, Прюитт продолжала: — Но в данный момент мне кажется, что ты попал в самую точку. — Она встала. — Мое уединение завершилось. Мне необходимо поговорить с Хамфри. А тебе надо убираться отсюда. Хамфри знает эти места как свои пять пальцев. Если не хочешь возвращаться в Департамент дикой природы, можешь какое-то время отсидеться в моем доме в Солт-Лейк-Сити…

— Думаю, я вернусь в Луисвилл, — промолвил Денни. — Пока что. Я знаю, где там можно неплохо спрятаться. — Во взгляде Прюитт мелькнуло недоверие. — Все происходит слишком быстро! Несколько недель тому назад я был простым биологом, потом стал мятежником, а теперь все снова меняется, и я уже бегу, скрываюсь от врагов! Каждый раз, как только я думаю, что понемногу начал осваиваться с новым положением вещей, все переворачивается и мне нужно привыкать к чему-то новому. С ума можно сойти. Мне хочется тишины и покоя, чтобы можно было хорошенько над всем этим поразмыслить. — Денни встал, надел куртку и подхватил рюкзак.

Огонь прогорел, в очаге теплились угольки. Прюитт пошевелила их кочергой и в последний раз помешала яблоки.

Потом положила в свой рюкзак какие-то бумаги, немного сыра и грецких орехов и тоже натянула куртку. Денни чувствовал, что ей хотелось спорить с ним, доказывать, что нужно молчать, но она сдержалась и просто сказала:

— Тогда пошли. Переплывем на веслах в Индиану, а там на пакетботе доберемся до Луисвилла.

На улице было серо, прохладно и сыро. Вслед за Денни выбежала собака, последней вышла Прюитт и захлопнула дверь.

— Когда снимут ограду, придется держать дом на замке. — Она даже состроила гримасу. — Схожу в туалет. А ты? — Он отрицательно покачал головой. — Тогда подожди меня. Фесте, сидеть. Я скоро буду.

Прюитт сделала три шага по тропинке, как вдруг все вокруг: голые деревья, крутой склон холма, мастерская Оррина Хаббелла — все закружилось, словно в вихре.

Денни закричал:

— Эй! Эй! — и выронил из рук рюкзак. Постепенно воздушный вихрь стал проясняться, сначала в центре, потом по краям.

— Оставайся на месте, — сказала Прюитт. — Это окно времени, оно открывается из будущего.

— Что же будет? — взволнованно спросил Денни, он приготовился бежать.

— С нами? Ничего. Не волнуйся, кто бы там ни был, они могут только наблюдать за нами и разговаривать. — Из ее голоса исчезла горечь, говорила она возбужденно и взволнованно.

Денни испугался, но и разволновался тоже. Обычно люди не попадали в места, где проявлялись окна времени. Разве что по видеоканалам показывали то, что удалось через подобное окно увидеть и записать: исторические события, отредактированные техниками Бюро физики времени. Сейчас Денни сам оказался в центре происходящего. Другой бы на его месте впал в панику, но вместо этого он спросил:

— Как далеко в будущем должен находиться приемопередатчик, чтобы открыть такое окно?

— Теоретически совсем недалеко. Но на практике невозможно задать координаты, если не отойти на значительное расстояние. Как если бы ты пытался прочесть то, что написано у тебя на переносице.

Денни хотел было что-то сказать, но она махнула рукой, призывая молчать. Объектив окна окончательно прояснился. В центре Денни увидел хефна, тот стоял за каким-то странным металлическим прибором на ножках и управлял им. Хефна и приемопередатчик окружал цветущий апрельский пейзаж, столь

неожиданный в самом разгаре зимы.

Объектив теперь не кружился даже по краям. Хефн отступил от своего прибора и вышел вперед, чтобы его было лучше видно.

Денни никогда не мог отличить одного хефна от другого, но сейчас точно знал, что перед ним не Хамфри и не Иннисфри. Этот хефн был более худощавым, даже изящным, и шерсть у него была совсем гладкая. Денни бы и сам через секунду обо всем догадался, но худощавый хефн опередил его:

— Привет, Пэм. Привет, Денни. Салют, Фесте, твои пра-праправнуки как две капли воды похожи на тебя! Простите, что так обрушился на вас. Меня, между прочим, зовут Террифри, я сын Хамфри.

— А где сам Хамфри? — быстро спросила Прюитт.

— Спит. Ему пришлось много работать, почти всю зиму. Так что спячка перенеслась на весну. Но с ним все в порядке, не волнуйтесь. Нам пришлось без его согласия принимать решение связаться с вами, но можно сказать, он заранее дал «добро».

— Ты сказал «нам»?

Террифри взглянул куда-то в сторону, и из-за границы объектива показался еще один хефн.

— Нам, — подтвердил он. — Мое имя Деннифри. Меня назвали в честь тебя, Денни. Приятно познакомиться.

У Денни в голове все смешалось.

— Ты тот детеныш, которого вырастила Розетта! — Хефн кивнул в ответ и просиял, или Денни так показалось, потому что хефны ведь не способны ни на какую мимику. Денни тут же спросил: — А что произошло с Рокетом?

— Он прожил долгую, счастливую жизнь; у него было много детей. Мы и с Родео все время поддерживали хорошие отношения, я часто проведывал ее, пока она была жива. У нее тоже было много детей.

— Откуда мне знать, что вы говорите правду? Может, вы специально обманываете меня, зная, что я хотел бы услышать? — запротестовал Денни.

— Ну конечно, правду, — вмешался третий голос, и в фокусе объектива появился сухопарый старик, почти совсем лысый, с косматой седой бородой. Он встал рядом с двумя хефнами, а Денни был настолько потрясен, что ничего не мог вымолвить. Ведь дедушка умер уже много лет назад. И вдруг его осенило: перед ним стоял он сам — Денни.

Старик улыбнулся, потом поманил кого-то, и в объектив вошла девочка лет десяти-одиннадцати, с каштановыми волосами. Денни подумал, что уже позабыл, как выглядят дети, хотя и раньше мало обращал на них внимания. На девочке было

длинное синее платье и высокие коричневые ботинки на пуговицах.

— Привет, дедуля, — сказала она и рассмеялась. Старик обнял девочку, но говорила она в объектив, обращаясь к Денни. — Меня зовут Марни. Я твоя внучка.

— Моя внучка?!

Тут в разговор вмешалась Прюитт:

— Значит, снят Запрет на рождение?

Все по ту сторону объектива потупили взор и исподлобья посматривали на Террифри, а тот осторожно сказал:

— Боюсь, мы не можем вам ничего сказать. Можем только показать, но отвечать на вопросы не имеем права.

— Это мой единственный вопрос, — настаивала Прюитт. — Я должна знать.

— Но мы ничего не можем говорить, — ответил Денни-старик. — Никаких лишних слов. Насколько я помню, нам тогда показали в окно вот эти четыре фигурки, а все. Остальное мы должны были домыслить сами.

Прюитт судорожно вздохнула, а Денни спросил у девочки:

— Ты действительно моя внучка?

Марни закивала.

— А ты совсем молодой. И волос на голове больше, они темные, а бороды нет. С ума сойти. — Она снова захихикала.

— Здорово было повидаться с вами обоими, но, боюсь, надо прервать контакт. — Самоявленный сын Хамфри снова встал за приемопередатчик. — Помните, что время едино. Все будет в порядке. — Воздух снова закружился вихрем, фигурки в объективе помахали руками, и спустя несколько секунд все стало как прежде — голый зимний пейзаж.

Прюитт и Денни долго стояли и смотрели на то место, где появилось окно. Наконец Прюитт тихо промолвила:

— У-у-ух. Думаю, сейчас мы никуда не поедем. Только вот в туалет мне все-таки надо. Сейчас вернусь. — Она отворила дверь в дом. — Фесте, иди же.

Денни подобрал рюкзак и тоже зашел в дом. Комнату наполнял аромат яблочного пюре. Денни все еще не мог прийти в себя, он механически расстегнул куртку и сел.

— Моя внучка! — обратился он к пуделю, улегшемуся на пол у ног Денни. — У меня будет внучка! — повторил он, когда вернулась Прюитт.

— Пока ты еще не начал вязать пинетки, дедуля, — сухо ответила Пэм, — давай поразмыслим над тем, чего они нам не сказали.

Денни кивнул:

— Они не сказали, снят ли Запрет на рождаемость. Но мы видели Марни, живое доказательство!

— Они не сказали, как она родилась. Может, ее клонировали. Может, это просто актриса. Они ничего не сказали о том, что достигнуты какие-либо договоренности с гафрами. И вообще, если подумать, они ничего особенного не сказали.

Денни пришла в голову одна мысль, но он решил ничего не говорить. Никто ничего не сказал о самой Прюитт, и в окне ее не показали. (Конечно, на это может иметься масса причин, хотя самая очевидная — Пэм уже нет в живых.)

— Не надо забывать и того, что они все-таки сказали. Это моя внучка. Неужели вы думаете, что сын Хамфри стал бы нам врать?

— Откуда мне знать? Хамфри бы не стал, но его там не было. — Возбуждение перешло в подозрительность, но Денни не позволял этому чувству взять верх.

— Как вы думаете, какой это был год?

— Ну, ты выглядел лет на семьдесят. Сколько тебе сейчас?

— Двадцать девять.

— Тогда прибавляем сорок лет, получается две тысячи семьдесят восьмой или восьмидесятый. Если Запрет на рождаемость не снят, самым молодым людям на Земле шестьдесят с лишним лет, и участь человечества предрешена.

— А если снят, значит, что-то все-таки сработало и люди снова могут рожать детей. — Он не мог выкинуть из головы образ маленькой девочки в длинном синем платье. Этот образ занимал его гораздо больше, чем его собственный, хотя, раз он видел себя, значит, ему обеспечена долгая жизнь, не омраченная никакой потерей памяти. Внучка! Но тогда должна быть и дочка или сын!

Час тому назад Денни сказал бы, что дети его совершенно не интересуют, что злится он на хефнов и Запрет просто из принципа. Но теперь мысль о потомстве настолько овладела им, что ему было трудно, да нет, невозможно думать о чем-либо другом. У человечества есть будущее, и сам он имеет к этому будущему самое непосредственное отношение. Возможности, которые приоткрыл ему взгляд в будущее (настоящая бомба!), снова перевернули весь его мир с ног на голову. Он чувствовал, как внутри него цинизм сменяется надеждой.

— А что он имел в виду, когда сказал, что время едино?

— У них есть такая поговорка: время едино и неизменяемо. А означает она, что может произойти только то, что случается. То есть раз уж в окне времени мы видели двух хефнов, тебя и маленькую девочку, то события будут развиваться таким образом, что эта четверка обязательно предстанет перед нами.

— И что бы мы ни делали, все равно конец одинаков. Если я,

например, засну лет на двадцать, то все равно этой встречи мне не избежать?

Прюитт подняла крышку котла и помешала яблоки. По комнате разлился яблочный аромат. Потом она села рядом с Денни.

— У хефнов есть еще одна поговорка: мы никогда не знаем как. Если открывается окно в будущее, они знают лишь, что обязательно случится то-то и то-то, но никаких подробностей, мелких деталей между теперешним моментом и будущим они не знают. Может, это «как» подразумевает, что ты должен собрать пресс-конференцию и объявить, что хефны используют нашу планету для воспроизводства потомства. Или вернуться на работу в Департамент дикой природы, приехать по направлению сюда и никогда никому ничего не говорить. Или пробраться назад к медведице и еще раз взглянуть на малыша Деннифри, а Хамфри поймает тебя на месте преступления; или спрятаться в Юте и стать мормоном; или действительно заснуть на двадцать лет. Можешь сказать, что это ерунда, но ведь тебе все равно надо сделать выбор, понимаешь? А то, что ты выберешь, и станет тем самым «как». Твой выбор ничем не предопределен, но он должен иметь место.

Денни с сомнением покачал головой.

— Не понимаю, почему не предопределен, но ладно. Я делаю свой выбор. Я хочу верить в то, что у меня действительно будет ребенок, а потом и внучка. А это означает, что в будущем, где живут мои потомки, у людей будут рождаться дети независимо от того, снят Запрет на рождаемость или нет. Поэтому я решаю ни о чем сейчас не заявлять публично. Я возвращаюсь в Департамент дикой природы и рыбных хозяйств и соглашаюсь работать здесь, в Херт Холлоу. Поживем — увидим. — Он снова посмотрел в глаза Прюитт, но по их выражению ничего нельзя было понять. — Вы ведь надеялись, что я именно так и сделаю, правда?

— Теперь я и сама не знаю.

Казалось, для нее тоже все переменилось, но какое Денни дело до этого?

Он поднялся и застегнул куртку.

— Не надо перевозить меня на тот берег, я пешком вернусь в Милтон и там сяду на пакетбот до Луисвилла. Теперь торопиться некуда. — Но ему не терпелось побыстрее уйти. Одной рукой он схватил рюкзак за лямки, второй взялся за ручку двери. — Спасибо за все. Когда меня пришлют сюда, я еще застану вас?

Прюитт поднялась на ноги, порылась в кармане брюк и достала ключ.

— Наверное, нет. Мне скоро надо возвращаться в Солт-Лейк.

Вот, возьми ключ, открой ворота, а ключ оставь в замке, я потом возьму его.

— Отлично, — ответил Денни. — Еще раз спасибо.

— Не за что. И удачи. — Она протянула руку, и Денни пожал ее.

— Я буду держать с вами связь.

Выйдя на улицу, он быстро закинул рюкзак за спину. Денни чувствовал себя легким, словно семя-парашютик, летящее по ветру. Он проскочил мимо мастерской, прошел по мосту через ручей и поднялся вверх по тропе. Ему хотелось петь. Раньше он и не догадывался, что может так волноваться за будущее своего биологического вида, за будущее своего собственного потомства. А теперь перед ним открылся огромный мир, полный многочисленных возможностей.

Он как раз вставлял ключ в навесной замок, когда услышал звук вертолета. Прошло несколько секунд, и Денни увидел его. Металлическая стрекоза замедлила ход и приземлилась на дороге. Лопасти на огромной скорости разрезали воздух, и вокруг поднялся ураган холодного воздуха. На какое-то мгновение Денни запаниковал, но потом перед его мысленным взором предстал образ Денни-старика, обнимающего маленькую девочку, и он спокойно закрыл ворота и защелкнул замок.

Как и договаривались, ключ он оставил в замке, а сам пошел к вертолету. К его большому облегчению, кроме пилота, на борту никого не оказалось. Пилот открыл дверцу и выкрикнул:

— Вас подвезти? Я лечу назад в Луисвилл. — Это была та самая Хоффман, которая привезла Хамфри на ферму в роковой день крушения старого мира Денни. Только вот имени ее он не помнил. Денни нырнул под лопасти вертолета, закинул на борт свой рюкзак, потом залез сам, пристегнулся ремнями и надел наушники.

— Что вы тут делаете?

— Привезла Хамфри. Разве вы его не видели? Он только что вышел. Мы заметили вас около дома и решили, что вы осматриваете Херт Холлоу с точки зрения нового проекта по изучению медведей.

Денни широко улыбнулся:

— Очень прозорливо с вашей стороны. Именно этим я и занимался.

— Если вы решили согласиться, то, возможно, еще и передумаете.

— Почему?

— Расскажу, когда поднимемся.

Вертолет взмыл в воздух. Внизу как на ладони лежала долина: крутые склоны холмов, голые деревья, ручьи, а через секунду-другую дом и мастерская Оррина Хаббелла на высоком берегу извилистой, стального цвета реки Огайо. Из трубы дома поднимался дым, а на берегу прыгала малюсенькая черная собачка. Она задирала морду вверх и лаяла что есть сил. Прюитт наверняка сейчас пропускает горячее яблочное пюре через сито и думает, кого это еще принесло в такой-то поздний час. Возможно, она догадывается, что это Хамфри. Что они скажут друг другу? Денни упорно вглядывался в склоны холмов, но так и не увидел спускающегося по ним хефна.

Вертолет накренился влево, потом выпрямился и полетел над рекой. Хоффман откинулась на спинку сиденья.

— Вы, наверное, ничего не слышали о взрывах?

Денни моментально очнулся от своих фантазий и переспросил:

— Взрывах? Нет! Каких взрывах?

— Во всех новостям передают. Прошлой ночью террористы взорвали штаб Бюро физики времени в Санта-Барбаре. Еще кабинет сенатора Карпентера в здании Конгресса — он глава Комитета по делам инопланетян. Хоть это вы знаете? Бомбы были синхронизированы и взорвались в час ночи и в четыре часа утра, так что человеческих жертв нет, всего несколько раненых. Но скандал страшный.

— Кто это сделал?

— Группа, которая называет себя «Нулевое сотрудничество». Они выпустили манифест, призывающий всех людей, каким-либо образом помогающих хефнам или работающих вместе с ними, прекратить всякое сотрудничество. Они хотят, чтобы люди сделали это по собственному желанию, но говорят, что готовы на экстренные меры и во что бы то ни стало остановят тех, кто не пожелает сделать этого сам. Мишенью станет каждый, кого они сочтут коллаборационистом, на любом уровне. Они утверждают, что в рядах сопротивления сотни бойцов, но хефнам их никогда не найти, и что взрывы — это лишь предупреждение. Они хотели показать, что способны на крайние меры.

— Боже мой. — Денни содрогнулся. — Если они сами могут решать, кто коллаборационист, а кто нет, это похоже на охоту на ведьм. — Он сообразил, что окно времени открылось именно этот день и его появление связано со страшными событиями. Ему специально показали будущее, прежде чем он узнал о том, что произошло. Но зачем?

Денни почувствовал, как почва снова уходит у него из-под ног.

— Ну да, и мы с тобой как раз ведьмы, — сказала пилот. — А кроме того, они выделили последователей культа Геи: они требуют, чтобы все группы и организации прекратили сотрудничать с хефнами и отныне действовали бы самостоятельно и независимо. Хамфри ничего не сказал, но я уверена, что он прилетел сюда сегодня именно из-за взрывов. Если эти люди узнают, что Прюитт здесь, в Херт Холлоу, они явятся за ней. Они могут быть везде.

— Но сколько может быть этих сумасшедших? — запротестовал Денни. — Если они останутся в подполье, то вряд ли смогут многое сделать. К тому же теперь власти усилят меры безопасности. Если только эти люди не смертники. Бог ты мой, мне трудно это понять.

— Они действуют хитро, — ответила пилот.

«Мариан, вот как ее зовут», — вспомнил Денни.

— Они выбрали в качестве мишеней не самих хефнов, а тех, кто с ними сотрудничает. Получается, что они не нарушают Директиву. Они несколько раз подчеркнули, что не собираются причинять вред хефнам, не собираются нарушать пунктов Директивы относительно перевозки, производства или распределения продуктов питания и всего остального. Последователи Геи могут продолжать заниматься своими делами. Но если какой-либо человек помогает хефнам и будет продолжать делать это после сегодняшнего дня, тогда берегись. — Она взглянула на спутника. — И совсем не обязательно, чтобы их было много, они и так смогут напугать людей до полусмерти. Сегодняшний мой рейс последний, больше работать на Департамент дикой природы я не собираюсь. Это уж точно. И исследовать жизнь медведей в Херт Холлоу тоже не стала бы.

— Но кто же они такие? И чего хотят добиться? — Денни пытался как-то увязать то, что стало ему известно, с тем, что он видел. — Не понимаю их логики.

— Я тоже, поэтому решила, что они выступают не столько за снятие Запрета на рождаемость, сколько вообще против хефнов.

— Что ты хочешь сказать?

— Ну, ты знаешь… если поддержать самолюбие и самоуважение людей, то это вряд ли поможет снять Запрет. Но зато сколько людей прекратят сотрудничать с хефнами, ведь многим нужен только предлог, чтобы это сделать. Вот им и преподносят этот предлог на блюдечке. А если смотреть правде в глаза, скажи, есть реальная возможность, что Запрет вообще когда-либо снимут?

Денни попытался собраться с мыслями.

— Погоди. Ты хочешь сказать, что, если я перестану изучать

медведей, потому что не желаю работать на хефнов, меня могут наказать сами хефны. Но если я прекращу работать, потому что опасаюсь за свою жизнь…

— Ну да. По дороге сюда я сказала Хамфри, что, наверное, мне придется уйти, потому что мама с ума сойдет от беспокойства, и он все понял.

Да, логично, но…

— Но я не хочу прекращать свои исследования! Конечно, я предпочел бы делать это без участия хефнов, но уж если выбирать не из чего, я согласен работать и так.

Тем более теперь.

Он представил, как в одну прекрасную ночь взорвется бомба и разнесет на кусочки и домик Хаббеллов, и его самого. Потом он вспомнил, каким видел себя в окне времени: старик, обнимающий девочку в синем платье, — и успокоился. Что бы ни случилось, он не погибнет, не станет жертвой «Нулевого сотрудничества».

— … Твое дело, — говорила тем временем Мариан. — Но я, если смогу, собираюсь выяснить, кто же они такие и что им надо.

Вдалеке показался Луисвилл.

— И как ты собираешься это сделать? — Она пожала плечами:

— Понятия не имею, но кое-какие мысли у меня имеются.

Денни фыркнул:

— Значит, ты считаешь, что теперь опасно работать на хефнов! Эти ребята из «Нулевого сотрудничества» могут оказаться простыми террористами. Но даже если они действительно придумали такой хитрый ход… Ведь правда, разве нельзя обезвредить хефнов, не подвергая людей риску потерять память? Просто дать всем шанс и возможность отказаться от работы с инопланетянами. Ведь мы же не обязаны им помогать! Ты, конечно, права, если мы перестанем унижаться и пресмыкаться в надежде, что хефны снимут Запрет на рождаемость, то сразу начнем себя больше уважать.

— Именно так. Пинок под задницу. Кто-то ведь должен был нас встряхнуть, чтобы люди наконец-то поняли: даже если мы ничего не можем сделать относительно Запрета, существуют и другие пути. — Она снова внимательно посмотрела на Денни. — Если мне удастся что-либо узнать, хочешь, я свяжусь с тобой?

— Да, конечно.

— Где тебя искать?

— В Херт Холлоу. — С противоречиями разберемся потом. Таинственным образом Денни чувствовал, что его место по обе стороны баррикад.

Мариан криво ухмыльнулась.

— О'кей, если только к тому времени Херт Холлоу вместе со всеми обитателями и медведями не взлетит на воздух.

— И если ты не подпишешь какой-нибудь новый контракт.

Они обменялись улыбками, оба были в возбужденном и приподнятом настроении. Впереди их ждали новые возможности.

Вертолет уже кружил над городом.

— Конечно, гафры все еще могут стереть нас с лица земли, — сказала Мариан. — Или просто улететь, а потом вернуться снова лет через пятьдесят.

Денни вспомнил малыша хефна в берлоге Розетты.

— Ничего подобного они не сделают, — уверенно сказал он. — С людьми уже такие штуки не пройдут.

Взошло солнце. Денни наклонился, чтобы разглядеть тень вертолета на реке, и увидел, что в сетке на спинке кресла пилота висит какой-то предмет.

— Эй, это что, дисковая камера?

— Ну да. Стандартное оборудование вертолетов Департамента дикой природы.

— Она заряжена?

— Должно быть. Почему ты спрашиваешь?

— Слушай, — сказал Денни, — ты ведь последний день на службе, может, немного нарушим правила и сделаем крюк, ведь внимание всех приковано к Калифорнии и Вашингтону. Давай слетаем на ферму.

Мариан нахмурилась:

— Зачем? Если Хамфри или Иннисфри узнают — нам конец.

— Мне очень надо кое-что сделать, ведь я тоже могу вступить в ряды сопротивления. Без шуток, дело крайне важное.

— Что же может быть столь важным? — Но руки ее уже двигались по пульту управления, вертолет накренился и начал подниматься вверх и влево.

— Или начать сопротивление, — закончил Денни. — Настоящее.

Говард Уолдроп — Позвать по имени

Howard Waldrop. Calling your Name (2003). Перевод А. Гузмана

В этом рассказе с иронией и теплотой исследуется тезис о том, что подчас наибольшее значение имеют самые что ни на есть мелочи, — и когда это действительно так, их значение трудно переоценить. Говарда Уолдропа многие считают одним из самых выдающихся мастеров короткой формы в нашем цехе, и в 1981 г. его знаменитая повесть «Гадкие утята» получила «Небьюлу» и «Всемирную премию фэнтези». Его рассказы собраны в книги: «Какой-какой Говард?» (Howard Who? 1986), «Все о странных чудовищах недавнего прошлого» (All About Strange Monsters of the Recent Past, 1987), «Ночь черепах» (Night of the Cooters, 1990), «Возвращение домой» (Going Home Again, 1997). Совместно с Джейком Сондерсом он выпустил роман «Техасско-израильская война 1999 года» (The Texas-Israeli War; 1999, 1974), а самостоятельно — романы «Кости сухие» (Them Bones, 1984) и «Двенадцать напрягав» (A Dozen Tough Jobs, 1989). Сейчас он работает над новым романом, условно озаглавленным «Лунный мир» (Moon World). Его последние публикации — сборник «Фабрики грез и радиокартины» (Dream Factories and Radio Pictures, компиляция рассказов на тему масс-медиа, прежде доступная только в формате электронной книги), «Последний прыжок Кастера» (Custer's Last Jump, сборник рассказов, написанных совместно с другими авторами) и повесть «Родится новый мир!» (A New World's at Birth!). Его рассказы были включены в сборники «The Year's Best Science Fiction» 1984, 1986, 1987, 1988, 1989, 1995, 1998, 1999 и 2003 гг… Прожив несколько лет в штате Вашингтон, Говард недавно вернулся в свой родной Остин, что вызвало бурное ликование самых широких техасских масс. В настоящее время он готовит к выпуску сборник «Сердце белизны» (Heart of Whiteness) [57] *и роман «Поиск Тома Пердю» (The Search for Tom Purdue).*

* * *

Всю жизнь я ждала,
чтобы кто-то унял мою боль.
Всю жизнь я ждала,
чтобы кто-то взял вину на себя.
Джегшс Ян. Позвать по имени

Я протянул руку, чтобы включить ленточную пилу. Затем очнулся, окруженный толпой. И я был на собственном заднем дворе. Оказалось, соседка увидела, как я вылетел из складской пристройки, где оборудовал мастерскую, и, когда через несколько секунд я не поднялся, набрала девять-один-один.

Однажды давным-давно в студенческом театре, выстраивая освещение для постановки «Блаженного духа» [58] после рождественских каникул, я спустил из-под крыши ферму с прожекторами. Какой-то идиот оставил там болтаться штыковой контакт под напряжением, и, когда я взялся за ферму, тот замкнулся на железную штангу. Меня пробрало с головы до пят, и я отскочил футов на пятнадцать.

Ко мне бросился народ, но я завернул что-то настолько многоэтажное, что с потолка осыпалась побелка, а доброжелателей как ветром сдуло. Потом я крикнул парням и девице в будке, чтобы обесточили всю сцену, и угробил целый час, проверяя, не болтается ли где еще что…

И все это когда я тридцать шесть часов в неделю работал в типографии, учился в колледже на дневном, а еще шестьдесят часов в неделю вкалывал в театре за здорово живешь. Вдобавок я встречался со Сьюзен, тоже не дурой поскверносло вить, и вообще не дурой; поумнее меня. Раньше или позже что-нибудь должно было дать слабину — в итоге слабину дали мой желудок (язва в двадцать лет) и наши с ней отношения.

Придя тем вечером в театр и услышав о происшествии, она подступила ко мне и спросила:

— Это ты так рад меня видеть или у тебя штыковой контакт под напряжением в кармане брюк? [59]

Когда через меня пропустили 220 вольт, ощущение было такое, будто кто-то трясет мою руку с частотой 2700 оборотов в минуту шипованной рукавицей, кто-то сзади вбивает мне в голову гвозди, а сверху валится сейф за сейфом…

Тронув хилую, на 110 вольт, пилу, я не ощутил ничего.

И вот — лежу, смотрю в перевернутые лица соседей и двух медиков.

— Как дела, док? [60] — спросил я.

— Сколько видите пальцев? — спросил доктор, проводя расплывчатой, меняющей форму рукой у меня перед глазами.

— Три, пять, два.

— Какой сегодня день?

— В смысле вторник или шестое мая?

Я приподнялся и сел.

— Тихо, тихо, — сказала докторша. — У вас, наверно, голова будет болеть.

Доктор надавил мне на плечи и медленно заставил лечь.

— Что случилось? — спросил он.

— Я включил пилу. Потом — вижу вас.

Он встал с корточек, отошел в угол сарая и разомкнул рубильник. К этому времени сирены умолкли, и во дворе появились трое пожарных и лейтенант службы спасения.

— Все в порядке, папаша? — спросил он.

— Кажется, да, — ответил я и повернулся к толпе. — Спасибо тому, кто их вызвал.

Потом медики засыпали меня своими вопросами, а лейтенант, осмотрев рубильник, ушел в глубь сарая. Потом вернулся.

— Выключатель коротнул, — произнес он. — Лучше бы его заменить.

Я поблагодарил мисс Крельбойнд, соседку, все разошлись, и я отправился на кухню допивать кофе.

Моя дочь Морин подъехала, когда я только прикончил молочную пенку и собирался приступить собственно к кофе.

— Пап, ты в порядке? — спросила она, вбегая в дом.

— Как видишь, — ответил я.

Ее муж Боб работал пожарным. Обычно он дежурил в команде номер два на другом конце города. Он услышал объявление по селектору, узнал адрес, на который вызвали службу спасения, и сразу позвонил Морин.

— Что случилось?

— На пиле выключатель коротнул, — ответил я. — Так сказал лейтенант, это уже официально.

— Ну то есть ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Это было как маленький отпуск, — сказал я. — То, что доктор прописал.

Она перезвонила мужу, я сварил еще кофе, и мы стали раз говаривать о ее детях — Вера, Чак и Дейв, или кто там из них ее, я вечно путаюсь. У меня две дочери, Морин и Селин, а у них в общей сложности пятеро детей. Жена моя в них разбиралась безошибочно, это была ее работа. Она недавно умерла — год, месяц и три дня назад.

Мы принялись обсуждать колледжи, хотя до них внукам с внучками еще расти и расти. Речь вскоре зашла о «парти-скулз» [61].

— Так и вижу их в «сэм-хьюстоновском» в тогах, — произнес

я.

— Я абсолютно уверена, вечеринки в тогах еще вернутся, — отозвалась Мо.

Потом я упомянул Кент-Стейт.

— Кент-Стейт? Там же всегда была скука смертная, — сказала она.

— Ну да, конечно, — сказал я, — особенно когда Никсон поперся в Камбоджу. Все кампусы взорвались, на студентов бросили Национальную гвардию. Четверых застрелили, как в тире.

Она странно посмотрела на меня:

— Никсон? Он-то вообще при чем?

— Ну, он же был президентом. И не хотел «расширения войны». А потом послал армию в Камбоджу и Лаос. Тебя тогда еще не было.

— Папа, — сказала она, — с историей у меня, конечно, всегда было плохо, но Никсон никогда не был президентом. Кажется, он был вице-президентом при ком-то из стариков — Эйзенхауэре, что ли. Потом баллотировался в сенаторы. Потом хотел в президенты, но со свистом пролетел на партийном съезде. Ну и когда, по-твоему, он мог быть президентом? Эйзенхауэр же не умер посреди своего срока.

— Что ты такое несешь?

— Погоди минутку, — сказала она и направилась в гостиную. Я услышал, как она роется в книжном шкафу. Потом вернулась с четырнадцатым томом энциклопедии восьмидесятых годов, которую я купил в рассрочку: двадцать долларов вперед и по двадцатке в месяц, лет чуть ли не пятнадцать выплачивал… Она пристроила книгу на стиральной машине и раскрыла в том месте, где заложила пальцем. — Вот, читай.

Это была статья о Никсоне Ричарде Милхаусе, и гораздо более короткая, чем полагалось бы. Там было о Комитете по антиамериканской деятельности и деле Хисса [62], о «Чекерс-спиче» [63], вице-президентстве и переизбрании, о теледебатах Кеннеди-Никсон, поражении, губернаторских выборах в Калифорнии и злополучной пресс-конференции [64], о юридической фирме и нефтяной компании, о смерти от флебита в семьдесят седьмом [65]…

— Где ты раскопала эту чушь? Тут сплошное вранье!

— Папа, это же твоя энциклопедия. Ты купил ее двадцать лет назад, чтобы нам было откуда домашние задания делать. Помнишь?

Я отправился в гостиную, к шкафу. На полке зияла дыра, там, где стоял четырнадцатый том. Я засунул его на место. Потом

достал третий том и стал искать Вьетнамскую войну. В разделе «Войны, XX век» были Вторая мировая война (1939–1945), затем Французская колониальная война (1945–1954), затем Американская война (1954–1970). Тогда я взял одиннадцатый том и прочел о Джоне Ф. Кеннеди (президент, 1961–1969).

— Папа, тебе лучше? — спросила Морин.

— Нет. Я еще не кончил читать всю эту чушь. Только, можно сказать, начал.

— Извини. Это все, наверно, от шока, тебя крепко тряхнуло. Как-то оно не так после того, как мама… Но ты все равно на себя не похож.

— Я знаю, что происходило в шестидесятые! Я там был! А ты где была?

— Ладно, ладно. Хватит. Мне пора домой, дети уже скоро из школы возвращаются.

— Хорошо, — сказал я. — Тряхнуло меня — это да. Не так чтобы сильно, и не первый раз, но, надеюсь, последний, если буду осторожным.

— У Билла завтра выходной. Я скажу ему, чтобы он приехал и помог тебе починить пилу. Сам знаешь, его хлебом не корми — дай только в железках поковыряться.

— Да, господи, Мо, там просто коротнул выключатель. Поменять его — пара минут. Чай не ракетная техника.

Она обняла меня, села в машину и укатила.

Странно, что она назвала своего мужа Боба Биллом.

Теперь ясно, почему наши девочки были такими двоечницами. Ужас какой-то, а не энциклопедия. Надеюсь, всю редакцию уволили и посадили в тюрьму.

Я отправился в библиотеку, поглядеть «Британнику», «Всемирный альманах», «Комптоновский справочник». Все остальные посетители копались в Интернете или стояли в очереди к компьютерам.

Я устроился в справочном отделе и разложил перед собой четыре-пять энциклопедий, раскрытых на статьях о Никсоне. В шапке каждой статьи значилось: Никсон Ричард Милхаус (1913–1977).

После пятой энциклопедии я встал и направился к дежурному библиографу, которая только что победила заклинивший принтер. Она подняла на меня взгляд и улыбнулась, а я, уже понимая, что говорить этого не следовало бы, все-таки сказал:

— Все ваши энциклопедии врут.

Она продолжала улыбаться.

И тут я подумал: «Стоит перед ней чувак за пятьдесят, осунувшийся, и говорит, что все ее справочники врут. Вот и я когда-то слышал, как чувак за пятьдесят, осунувшийся, орал библиотекарю, что какая-то из их книжек имела наглость утверждать, будто Иисус был евреем! И как тут реагировать?»

— Простите, — выпалил я, прежде чем она как-то отреагирует.

— Конечно, — сказала она.

Я поспешно ушел.

Наутро ко мне заявился мой зять, вместо того чтобы отсыпаться после смены.

Выглядел он немного иначе (у него были чуть-чуть длиннее уши. Я не сразу заметил, что дело в этом) и слегка постарше, а в остальном — все тот же зять.

— Привет. Мо сказала устроить капремонт твоей ленточной пиле.

— Охренел, что ли? — сказал я. — Там всего-то и делов, что выключатель поменять. Я могу это сделать хоть во сне.

— Мо просила, чтобы это сделал я, так ей будет спокойнее.

— Отвянь.

Он рассмеялся и схватил банку пива из запаса, который хранит у меня в холодильнике.

— Ну ладно, — сказал он, — можно, тогда я одолжу пару пластинок на переписать? Пусть мелкие послушают, как звучит настоящая музыка.

Он собрал неплохую коллекцию сорокапяток, лонгплеев и компактов, даже сколько-то шеллаковых дисков на семьдесят восемь оборотов. У него есть несколько старых вертушек (одна из них даже на шестнадцать оборотов в минуту). Но кое-что у меня есть на виниле, чего у него нет.

— Давай, не стесняйся, — сказал я.

Он отправился в гостиную и, восхищенно цокая, захлопал дверцами шкафов.

Я упомянул The Who.

— Кто?

— Да не «кто», а The Who [66].

— В каком это смысле — «кто»?

— Да рок-группа. The Who.

— Кто?

— Да нет же! Рок-группа под названием The Who.

— Мы что, — спросил он, — в Эббота и Харди [67] играем?

— До них еще дойдет, — пообещал я. — То же время, что ранние Beatles. Это,…

— Кто?

— Так, давай сначала. Роджер Долтри. Пит Тауншенд. Джон Энтуистл. Кит…

— The Night Numbers! [68] — перебил он. — Так бы сразу и говорил.

— Минуту назад. Я сказал, что они появились одновременно с ранними Beatles, а ты сказал…

— С кем?

— Слушай, ну хватит.

— Нет такой группы, Beatles, — авторитетно заявил он.

Я посмотрел на него.

— Пол Маккартни…

Он склонил голову набок и махнул рукой — продолжай, мол.

— … Джон Леннон, Джордж Харри…

— То есть Quarrymen? [69] — спросил он.

— … сон, Ринго Старр.

— То есть Пит Бест и Стюарт Сатклиф, — сказал он.

— Сэр Ричард Старки. Ринго Старр. Ринго — потому что носил много колец.

— Quarrymen. Пятеро парней. У них было несколько хитов в начале шестидесятых. Написали кучу песен для всякого другого народу. В шестьдесят шестом распались. Скучные старые пердуны — несколько раз пытались воссоединиться, но было бы что воссоединять. Леннон живет в трейлере в Нью-Джерси. Где остальные — бог весть.

— Леннон мертв, — сказал я. — Его застрелил в Нью-Йорке у «Дакоты» в восьмидесятом один тип, чтобы произвести впечатление на Джоди Фостер [70].

— Ну, значит, Си-эн-ти-ви крепко облажались, потому что пару недель назад у них была очередная передача про героев минувших дней, и он выглядел вполне бодро. Сказал несколько слов и похвастался своими голштинцами или еще какими парнокопытными, а репортер стал над ними потешаться, тогда Леннон ушел в свой трейлер и захлопнул за собой дверь.

Я знал, что они много смотрят телевизор у себя в пожарной команде.

— А на прошлой неделе показывали бывшего президента Кеннеди. Ему исполнялось восемьдесят четыре, что ли. [71] Вот он выглядел полумертвым — говорят, у него Паркинсон еще с шестидесятых. Пирог был всего с одной свечкой, и то наверняка сейчас ему, как Попаю, нужно съесть три банки шпината [72], только чтобы ее задуть. Два его брата по очереди зачитали поздравление президента Гора [73]. Старик, похоже, и не в курсе, кто сейчас президент. Разрезать пирог ему помогла мама. Потом

жена, Мерилин, его поцеловала. Это ему, кажется, понравилось.

Минуту-другую я сидел и молчал.

— Кого у вас в семье, — спросил я, — зовут Билл?

Он замер у шкафа с пластинками. Втянул воздух — пожалуй, слишком громко. Поглядел на меня.

— Эдвард, — сказал он, — Билл — это я.

— Тогда кто такой Боб?

— Бобом звали моего младшего брата. Он прожил всего два дня. Похоронен в «Детском раю» в Гринвуде. На прошлую Пасху мы туда ездили с тобой и с Мо. Помнишь?

— А, ну да, — сказал я.

— С тобой точно все нормально… ну то есть после вчерашнего?

— Нормальней некуда, — беззастенчиво соврал я.

— Тебе точно не надо помочь с пилой?

— Да ну, что там помогать.

— Но ты все-таки поосторожней.

— Рубильник пока выключен.

— Спасибо за пиво, — сказал он, засунул под мышку пару пластинок и направился к двери.

— Пока, — отозвался я. — Выспись хорошенько.

Как бы не забыть, что Боба надо звать Биллом.

Почти сразу ко мне приехала Мо.

— Пап, в чем дело? Я никогда не видела Билла таким встревоженным.

— Не знаю. Какая-то кругом неразбериха. Да просто все неправильно!

— Что это значит — неправильно? Пап, я начинаю серьезно за тебя волноваться, и Билл тоже.

Я никогда не был нытиком, даже в худшие времена.

— Ох, пап, — сказала она. — Может, тебе сходить к доку Адамсу, сделать анализы? Может, он посоветует кого-нибудь…

— Думаешь, у меня Альцгеймер? Нет у меня никакого Альцгеймера! Это не я съехал с катушек, а весь чертов мир! Вчера… не знаю — такое ощущение, будто все, что я знал, вдруг оказалось неверным. Как слой Мохоровичича [74], только в мозгу. Никсон был президентом. Ему пришлось подать в отставку из-за взлома в отеле «Уотергейтз», штаб-квартире демократов, в семьдесят втором. У меня где-то сохранился стикер для бампера: «За каждым Уотергейтом — Милхаус» [75]. И та же гоп-компания подставила Кеннеди в шестьдесят третьем. Та же…

Я расплакался. Морин не знала, подойти ко мне или нет.

— Ты думаешь о маме? — спросила она.

— Да, — сказал я. — Да, я думаю о твоей матери.

Тогда она обняла меня.

Не знаю, что и сказать.

Я в общем-то не дурак. Но, кажется, начинаю понимать, как мало нужно, чтобы сбить человека с толку.

На пути домой после того, как опозорился в библиотеке, я заглянул в лавку, торгующую комиксами и плакатами. В одной витрине висели репродукции винтажных постеров — Кларк Гейбл и Полетт Годдард на фоне пылающей Атланты из «Мулов в лошадиной упряжи» [76], Фред Макмюррей и Джек Оуки в «Дороге на Марокко» [77], — а также открытки со стоп-кадрами: Джеймс Дин в «Кто-то наверху меня любит», «Великане» и «К востоку от рая» [78].

Дома я включил радио, ретро-канал. На привычном месте его не было, но что-то похожее нашлось дальше по шкале.

Бо… Билл оказался прав. Первое же, что я услышал, — Quarrymen спели «Gimme Diene Hande» [79]. — Я сидел у приемника два часа, пока не стемнело, и, не зажигая света, слушал. Передавали знакомые песни в чьем-то чужом исполнении, под странными названиями. Передавали и правильные вещи в правильном исполнении. Дженис Я. Фиик [80] была у них в тяжелой ротации — три песни за два часа, как времен до ее отсидки, так и после, коли верить ди-джею. Чего только не узнаешь на ретро-канале… И ни одной песни Чака Берри, а так не бывает. Что ж, придется привыкать к новой жизни. Потихоньку, полегоньку. Завтра схожу к врачу, а потом — обратно в библиотеку. Прежде чем лечь спать, я заглянул в папку, где хранил важные бумаги. Достал свою старую армейскую повестку.

Призвать меня под ружье пытался не Ричард Никсон, как значилось на ней последние тридцать два года. Теперь это был Барри Голдуотер. ($Au + H_2O = 1968?$) [81]

Психиатр мне в общем понравился. Несколько минут мы поговорили о материалах, которые переслал доктор Адамс: работа, удар током, то, что ему рассказала Мо.

— Вашей дочери кажется, что окружающий мир вызывает у вас тревогу. Как по-вашему, почему она так думает?

— Она имеет в виду, что я сказал ей — мол, этот мир не тот, в котором я родился и прожил пятьдесят шесть лет.

Он не стал ничего записывать в своем блокноте.

— Все изменилось, — сказал я.

Он кивнул.

— С позавчерашнего утра все, что я знал всю свою жизнь, перестало стыковаться. Президенты, оказывается, избирались не те. История тоже не та. В смысле не только политика с войнами, но и социальная история, культура. Был такой автор, Фурнас, он написал большую книгу по социальной истории США [82]. Я еще не смотрел, но там наверняка тоже все не то. Возьму ее сегодня в библиотеке. Если она там есть. Если вообще есть такой автор, Фурнас.

Я рассказал ему о том, что успел выяснить за два дня. Пока что все это было очень увлекательно, но раньше или позже, сказал я ему, наверняка попадется что-нибудь страшное. Надо будет научиться как-то с этим жить, отдаться на волю событий.

— И в чем, по-вашему, дело? — спросил он.

— Мы что, в «Клане Сопрано»? [83]

— Простите?

— Ага… Ага! Вам бы наверняка понравилось. Это телесериал о мафиози, который среди прочего ходит к психоаналитику, причем женщине. Его «Эйч-би-оу» крутит.

— «Эйч-би-оу»?

— Простите. Кабельная сеть.

Он сделал в блокноте три пометки.

— Послушайте. В моем мире… Знаю, это звучит безумно. В книге Линднера…

— Линднера?

— Линднера. «Пятидесятиминутный час». Бестселлер пятидесятых годов.

— Судя по названию, это книга о психиатрии. И что, действительно бестселлер?

— Так, давайте сначала. Еще раньше он написал книгу, из которой взяли выражение «Бунтовщик без идеала», но к фильму она никак не относится…

Он принялся строчить.

— Чем дальше в лес, тем толще партизаны, а? — спросил я.

— Продолжайте. Ну пожалуйста.

— У Линднера был пациент, который думал, будто живет на другой планете [84], среди высокоразвитой цивилизации, галактического масштаба. Натуральная космоопера, за двадцать лет до «Звездных войн». Так вот…

Он черкнул два слова, не отрывая от меня глаз.

— В моем мире, — очень медленно и четко проговорил я, глядя прямо на него, — в семьдесят седьмом году был выпущен фильм «Звездные войны», который произвел в Голливуде настоящую революцию.

— Хорошо, — сказал он.

— Так мы никуда не продвинемся! — воскликнул я.

И тут он сказал самую воодушевляющую вещь, какую я слышал за эти два дня.

— Что значит «мы», — произнес он, — кемо сабе? [85]

Мы чуть животы не надорвали, а когда отсмеялись, я попробовал рассказать ему, действительно рассказать, что, на мой взгляд, случилось.

Говорят, прошлое — это чужая страна; манеры и нравы там совершенно другие.

Чем глубже я закапывался, тем глубже мне надо было закопаться еще. Передо мной скопилось то ли двенадцать, то ли пятнадцать энциклопедий и справочников.

Теперь я понимаю, что чувствуют завзятые конспирологи. И дело не в Тройственной комиссии [86] или Генри Киссинджере [87] (здесь — мелкий чиновник из Комиссии по ядерному урегулированию), королеве Англии, «Зоне 51» [88] или маленьких зеленых человечках. Такое ощущение, что на меня ополчилась вся история с целью снести мне крышу раз и навсегда. Силы неравны. Чем больше выясняешь, тем большее требует объяснений… ну сколько можно… это никогда не кончится.

Где точка ветвления?

Мы влипли в историю, как насекомые в янтарь, и смола вокруг меня начинает густеть.

Кто я такой, чтобы идти против смолы Времени?

Психиатр попросил меня записать как можно больше и вспомнить все, что я смогу, все, что придет в голову, — президентов, автомобили, войны, события культуры. Он хочет прочесть это заранее и зарезервировал для нашей следующей встречи, в пятницу, целых два часа.

Как легко догадаться, меня эта перспектива не слишком вдохновляет.

Навестить меня приехала моя вторая дочь, Селин. Как я только ни старался, буквально из кожи вон лез, а она все равно взяла и стала христианкой.

Она следит за мной, как ястреб. Мы никогда не были так же близки с ней, как с Морин; она дочь своей матери.

— Как ты себя чувствуешь?

— Просто замечательно, — ответил я, — при прочих равных.

— Каких еще равных? — Глаза у нее зеленые-презеленые, точно как у матери.

— Если ты не возражаешь, я что-то устал отвечать на

вопросы. Или задавать их.

— Поосторожней бы ты с этими своими инструментами.

— Дело не в электроинструментах и не в ударе током, — сказал я. — Не знаю, что тебе говорила Мо, но последние несколько дней мне было очень не по себе.

— Послушай, пап, — сказала она, — не знаю, что там за проблемы, но мы тебя обязательно вытащим.

— Чтобы меня вытащить, надо запустить две тысячи лет на обратную перемотку.

— Что?

— Ничего. Просто я устал. И мне надо в хозяйственный магазин, купить выключатель для пилы, пока я не спалил тут все дотла, или не вызвал Третью мировую войну, или еще чего похуже. Наверняка тут должны быть хозяйственные магазины, иначе откуда у меня электроинструмент.

Она посмотрела на меня так, будто я отрастил щупальца.

— Шучу, шучу, — сказал я. — Расслабься, Селин. Я твой старый усталый отец, только и всего. Когда-нибудь освою тут все ходы и выходы и буду как огурчик.

Совершенно никакой реакции.

— Это ирония, — сказал я. — Я же всегда славился своим чувством юмора. Помнишь?

— Н-ну, да. Типа того.

— Здорово! — сказал я. — Поехали съедим по гамбургеру в «Макдональдсе».

— Где?

— То есть в «Бургер-кинге», — поправился я. Помню, видел один по пути из библиотеки.

— Хорошо, поехали, — сказала она. — Только давай поведу я.

В этом доме я жил двадцать шесть лет. Родился я в доме через дорогу. В пятьдесят седьмом году здесь жил мой друг Джино Баллантони, и я бывал тут чуть ли не каждый день в течение четырех лет, пока отца Джино с его самолетной работой не перевели в Калифорнию. Я всегда хотел этот дом — и, демобилизовавшись, приобрел его, по биллю о льготах военнослужащим.

Я наизусть знаю все его щелчки и скрипы, все звуки, которые он производит в любое время дня и ночи, на ощупь помню единственный во всем доме незашкуренный подтек краски — с внутренней стороны дверного косяка бывшей комнаты Мо, потом она стала Селининой. Один выключатель установлен вверх ногами, я так и не собрался его переставить. Гараж я переделывал сам, теперь там гостиная.

Обожаю этот дом. Что бы ни случилось, я бы все равно жил здесь.

Я говорю себе: история изменилась не настолько, чтобы на этом месте был пустырь или многоэтажка. Что ж, хоть какая-то опора.

С внутренней стороны ветрового стекла машины я заметил дополнительную наклейку. Похоже, в нашем штате тоже ввели тест на токсичность выхлопных газов. Надо будет посмотреть в телефонной книге, к кому обращаться, а то срок истекает уже в конце месяца.

И к тому же, когда по телевизору показывают новости из Нью-Йорка, башни Всемирного торгового центра как стояли, так и стоят [89].

С прошлым осторожность не помешает.

Психиатр позвонил спросить, не возражаю ли я, если на завтрашнем двойном сеансе поприсутствует — он понимает, что еще рано, но случай особый — старый альма-патер из его родной альма-матер. Тот направлялся на большую психиатрическую сходку в столице штата и специально прилетал на день раньше, посмотреть своего любимого ученика в действии. Я обзваниваю всех, кому назначил на завтра, сказал мой доктор. Старик будет нем как рыба, тише воды, ниже травы.

— Ну, на фоне всех моих прочих геморроев одним больше, одним меньше…

Он меня поблагодарил.

И тут я понял: хватит. Иначе конца-края этому не будет. Это не то, от чего я мог бы с помощью терапевта излечиться, вроде энуреза, агорафобии или склонности к каннибализму. Это будет продолжаться до самой моей смерти.

Ну и ладно, подумал я. Достанем-ка старую добрую бритву Оккама и рассечем несколько гордиевых узлов. По крайней мере отчасти, как некогда говорили логики.

Я отправился в мастерскую, где, по общему мнению, все и началось.

Я замкнул рубильник снаружи. Зашел внутрь. На этот раз притворил дверь. Взялся за пилу и включил…

Поднявшись с пола, я распахнул дверь и вышел во двор. Уже начинало смеркаться, значит, я потерял сознание на час или около того.

Я разомкнул рубильник, вошел в дом через заднюю дверь и, миновав подсобку, по коридору прошагал в гостиную, к

книжному шкафу. Достал четырнадцатый том энциклопедии, раскрыл его.

Никсон Ричард Милхаус, говорилось там, (1913–1994). Хорошая длинная статья.

С кухни донесся шум. Хлопнула крышка духовки.

— Чем ты занимался? — спросили оттуда.

— У ленточной пилы коротнул выключатель, надо будет его поменять, — ответил я и завернул за угол.

Там была моя жена Сьюзен. Чуть старше, чуть потолще, чем я ее помнил. Но все равно хороша.

— Ну-ка повернись к свету, хочу тебя рассмотреть, — сказал я.

— Мы же ссорились, прежде чем ты ушел, помнишь?

— Что бы там ни было, я был не прав, — ответил я. — А ты права. Пускай будет по-твоему.

— Ты хоть помнишь, о чем мы спорили?

— Нет, — сказал я. — Да какая разница. Личные проблемы гроша ломаного не стоят рядом с…

— Кончай мне тут «Касабланку» [90] разводить, — сказала Сьюзен. — Джоди и Сьюзи-Кью хотят в следующую субботу привезти детей и отметить у нас день рождения крошки Эдди. Ты хотел, чтобы здесь все было тихо-мирно, а день рождения от метить где-нибудь на выезде. Об этом мы и спорили.

— Хреновый из меня дедушка, — произнес я, — но давай, тащи их. Пригласи соседей! Повесь на улице знак: «Досадите старому пердуну!»

Потом я успокоился.

— Скажи им, — произнес я, — что я буду только рад всех видеть.

— Честное слово, Эдвард, — начала Сьюзен, поставив латку на большую конфорку, — иногда мне кажется, ты и собственную задницу готов забыть, если она не приклеена.

— Угу, конечно, — сказал я. — Я успел забыть, что это такое — тихо-мирно. И наверняка не только это.

— Ужин готов, — сказала Сьюзен.

Кристина Кэтрин Раш — Шестнадцатое июня у Анны

Kristine Kathryn Rusch. June Sixteenth at Anna's (2003). Перевод Н. Фроловой

Кристина Кэтрин Раш начала писать в начале 90-х годов и быстро поднялась до таких вершин, о которых молодая писательница не может и мечтать; потом в середине 90-х замолчала на несколько лет, потому что работала редактором «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», а уйдя с этого поста, в начале двадцать первого века снова вернулась к писательской деятельности. Она выпустила несколько романов, причем сразу в четырех жанрах: фэнтези, детективном, романтическом и научно-фантастическом. Под своим именем она написала почти двадцать романов, в том числе и «The White Mists of Power», четыре тома серии «Fey», серию «Black Throne», «Alien Influences»; несколько книг «Star Wars» совместно с мужем Дином Уэсли Смитом. Самые последние романы под именем Раш — «The Disappeared», «Ex-trimes» и «Fantasy Life». В 1999 году она получила Читательскую премию журналов «Asimov's Science Fiction» и «Ellery Queen's Mystery Magazine» — беспрецедентный случай! Будучи редактором, была награждена премией «Хьюго» за работу в «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» и разделила Всемирную премию фэнтези с Дином Уэсли Смитом за редактирование оригинальной версии его книги «Pulphouse». Кроме того, она получила премию Геродота за лучший исторический детектив («Dangerous Road» совместно с Крисом Нельскоттом) и Премию критиков «Котапис Лтез» («Utterly Charming» совместно с Кристиной Грейсон). Под своим именем она получила премию Джона У. Кемпбелла, вошла в шорт-лист премии Артура С. Кларка, а в 2000 году получила премию «Хьюго» за рассказ «Millenium Babies». Таким образом, она одна из немногих, кто умудрился получить премию «Хьюго» и за писательский труд, и за редакторский. В таинственном и остром рассказе, приведенном ниже, Раш показывает, что вещи и события не обрывают своей связи с настоящим из-за того, что уходят в прошлое…

* * *

«Шестнадцатое июня у Анны. Для знатока разговорного языка

это выражение означает самый кардинальный день в истории развлечений. Случилось это в начале двадцать первого века. Не известно, почему из тысяч других записанных и каталогизированных разговоров были выбраны именно эти.

Предположений существует множество. Кое-кто говорит, что в тот день было отмечено необычайное разнообразие разговорных типажей. Другие утверждают, что этот день можно сравнить с джазовыми импровизациями и экспромтами — пункты и контрапункты по своей красоте выше самих слов. Третьи же выдвигают гипотезу, что наличие свободного стула у стены позволяет гостю присоединяться к разговору, не ощущая при этом, что он вторгается на чужую территорию…»

Заметки на полях специального шестичасового выпуска «Шестнадцатого июня у Анны»

Вечером после похорон жены Мак поставил стул перед тем самым книжным шкафом, который он сделал для Леты более сорока лет назад, и зажег лампочку, закрепленную на верхней полке. На полках стояли по две копии всех когда-либо выходивших изданий «Шестнадцатого июня у Анны» (одна копия для чтения, вторая нераспечатанная). Все они словно подмигивали Маку.

Кроме них вразброс стояли другие книги, электронные переплеты, ОУО, вышедшие из моды мини-компьютеры — все они сохранили память о Лете и о том дне ее жизни, который она считала самым важным.

Запах сирени, перезвон золотых браслетов, и вот в поле зрения Мака попала женская рука с кольцами, она протянулась к выключателю и погасила свет.

— Не мучай себя, папа, — сказала его дочь Шери. Лет ей было больше, чем шкафу, лицо с возрастом стало мягким, как у матери. Еще один перезвон браслетов, и включилась настольная лампа, а Шери села на диван напротив отца. Подростком она любила прыгать на этом диване, а отцу казалось, что все это происходило всего лишь несколько недель назад. — Мама бы не одобрила.

Мак сцепил пальцы, упер локти в колени и уставился в пол, чтобы дочь не заметила, как в его глазах блеснул злобный огонек. Лета больше уже ничего не одобрит. Она умерла, а он остался один, и из этого самодельного книжного шкафа на него потоком обрушились воспоминания.

— Со мной все будет в порядке, — сказал он.

— Я немного боюсь оставлять тебя тут, — призналась Шери. — Почему бы тебе не поехать со мной? Поживешь

несколько дней у меня. Я буду кормить тебя обедами, а спать станешь в комнате для гостей. Будешь ходить в парк, мы сможем поговорить.

Он уже разговаривал с Шери, с ее будущим вторым мужем, с почти взрослым сыном, со всеми сестрами, кузинами и друзьями Леты — одному богу известно, сколько у них было друзей. И еще с репортерами. Даже удивительно, что смерть одной женщины и довольно-таки непримечательная жизнь ее привлекли столько репортеров.

— Я хочу спать в своей постели, — ответил он.

— Замечательно. — Шери встала, словно не слышала его слов. — Когда наступит пора возвращаться домой, вызовем тебе такси. Папа…

— Шери. — Он взглянул на дочь. У нее тоже от слез распухли глаза, волосы немного растрепаны. — Я не перестану скучать по ней из-за того, что перееду жить к тебе. Траур по человеку не заканчивается сразу после похорон.

Нос у Шери покраснел, с ней всегда такое происходило, когда она считала себя обиженной.

— Мне просто показалось, что так будет лучше.

Лучше кому, девочка? Но он не стал ничего говорить, просто повторил:

— Со мной все будет в порядке.

«Путешествование во времени развивалось медленно. Но один успех закреплял другой, и постепенно в начале тридцатых годов ученые заявили, что к концу десятилетия люди спокойно смогут навещать сами себя в прошлом.

Ученые оказались правы, но все получилось не так, как они предполагали. Люди так и не научились взаимодействовать со временем, вмешиваться в его ход. Они могли лишь приоткрывать окно в пространственно-временной континуум и записывать события прошлого, причем такая запись обходилась очень дорого.

Подобную возможность оценили историки, остальные же представители человечества относились к ней спокойно, пока Сузон Йашимото не объединила временные записи с технологиями виртуальной реальности, голографии и несколькими собственными изобретениями. В результате она открыла возможность делать голографические записи исторических событий и продавала их.

Вначале ее выбор был удачным. Она использовала список-рейтинг исторических событий, куда в первую очередь хотели бы попасть люди при помощи машины времени. Так появились записи моментов рождения Христа, триумфального возвращения Магомета в Мекку, убийства Авраама Линкольна и десятки других.

Вскоре этим занялись и другие фирмы. Их выбор уже был ограничен авторскими правами, — которые стали появляться как грибы после дождя, — на запись событий определенных исторических эпох. Историки волновались, что могут лишиться своей работы. Так фирмы начали открывать порталы с записями повседневной жизни…»

Из «Истории разговоров», Дж. Бут Чентури, 2066.
Номер ссылки для загрузки Cot›егXCC112445.
Библиотека Конгресса

Мак соврал Шери. Он не собирался спать в своей постели. В спальне все еще царил дух Леты: сине-голубое покрывало, которое они вместе выбирали пятнадцать лет тому назад, старые простыни — она всегда говорила, что хочет умереть именно на них, — а еще длинные седые волосы на ее любимой подушке. Как он ни старался, ему все равно не удавалось убрать их все. Он выбросил пузырьки из-под ее лекарств, убрал с ночного столика салфетки, поставил назад на полку с редкими книгами «Путешествие Гулливера» в твердом переплете (она так и не дочитала его), но все же от ее запаха избавиться не смог. Этот запах — немного муската, чуть-чуть абрикоса, — независимо от того, болела Лета или нет, всегда напоминал Маку их юность. Он взял одеяло, подушку и постелил себе на диване — он спал там последние полгода, пока Лета еще была жива, потом опустил занавесь на большом панорамном окне, выходящем на мост Джорджа Вашингтона [91]. Именно из-за этого вида он выбрал тогда, в начале нового тысячелетия, эту квартиру. В то время он еще мечтал и надеялся.

Мак прошел на маленькую кухню, чтобы налить себе чего-нибудь попить: воды, пива — он сам не знал, чего именно. Но вместо этого остановился около книжного шкафа Леты и зажег лампочку — он не хотел, чтобы даже его дочь хозяйничала в этом доме.

Записи на полках засветились в лучах лампы, как бриллианты в витрине ювелирного магазина, — словно дразнили, соблазняли его. Он тысячу раз ходил мимо этого шкафа, подсмеивался над Летой из-за ее тщеславия (и даже говорил ей: «Иногда я думаю, что только благодаря тебе записи «Шестнадцатого июня у Анны» вообще продаются и приносят доход тем, кто ими торгует»); он всегда упрекал ее за то, что она придает столько значения одному-единственному дню своей жизни.

«Ты ведь никогда и не вспоминала об этом дне, пока какой-то делец не решил сделать запись», — говорил он ей, а она лишь

кивала в ответ.

«Иногда, — как-то сказала ему Лета, — мы и сами не осознаем, что действительно имеет значение, а потом уже становится слишком поздно».

Он взял в руки роскошное ретроспективное издание: шесть часов записи с последними доработками и дополнениями; это было единственное издание, которое Лета не успела даже открыть. Обе копии остались нераспечатанными. Их доставили за несколько дней до ее смерти.

Мак принес ей тогда пакет с записями, а заодно и лучший плейер, тот самый, что он подарил ей на последнее Рождество, и положил все на край постели.

— Если хочешь, я подключу, — сказал он.

Она полулежала на дюжине подушек; Мак специально соорудил ей этот кокон, когда понял, что уже ничто не остановит неизбежного. Она взяла его за руку, и в ее глазах появился слабый блеск.

— Я уже была там, — еле-еле прошептала Лета.

— Но это ты еще не видела, — ответил он. — Ты не знаешь, какие сделали исправления. Может, на этот раз им удалось соединить все пять чувств.

— Мак, — одними губами сказала она, — сейчас я хочу быть здесь, с тобой.

«В эпоху второго Золотого века в Нью-Йорке кафе «У Анны» считалось самым модным местом для бесед. Подобно кафе времен Французской революции или романа Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» [92]*, кафе «У Анны» превратилось в место, где люди собирались, сидели и разговаривали.*

Режиссер Хирам Гулдмен помнил это кафе. Он получил разрешение на проведение записи-съемки в прошлом; из всех возможных дней он в результате выбрал 16 июня 2001 года, потому что в этот день в кафе было много разных посетителей, беседы велись на самые разнообразные темы, а у дальней стены стоял свободный стул — зритель сразу чувствовал себя участником происходящего… »

Заметки на полях оригинального издания
«Шестнадцатого июня у Анны»

Мак никогда не смотрел голографические записи, никогда не испытывал потребности возвращаться в прошлое, тем более в то прошлое, где он уже жил. Он с самого начала сказал об этом Лете. После покупки пятой версии «Шестнадцатого июня» она уже не просила его смотреть записи вместе.

Мак всегда вежливо наблюдал за интервью, кивал толпам людей, собиравшимся вокруг, но никогда по-настоящему не прислушивался к разговорам и дискуссиям поклонников.

Лета собирала все, связанное с тем днем, ей нравилось, что она превратилась пусть в небольшую, но знаменитость. Еще больше она радовалась тому, что успех пришел к ней после того, как она вырастила Шери, и теперь может спокойно наслаждаться жизнью.

Ужасно, что она так и не посмотрела последние записи. Это лишь подтверждало, что ей в конце было очень плохо. В другое время она прочитала бы все заметки или прослушала бы их, просмотрела бы все голограммы и хохотала бы над анализом, который, по ее словам, всегда был слишком претенциозным и неточным.

Мак распечатал пакет, смял оберточную бумагу и выбросил ее в мусорное ведро. Пластмассовая коробка специально сделана так, чтобы на ощупь казаться кожаной. На этот раз они для достоверности даже добавили запах, настоящий запах телячьей кожи.

Он открыл коробку. Внутри справа лежал блестящий серебристый диск, слева все остальное: нажав на кнопки, можно было выбрать вариант анализа (печатный, аудио, электронный в любом формате, голографический) либо историю создания записи, биографии участников, в том числе и все события, происшедшие с ними 16 июня 2001 года, и многое другое. Например, за дополнительную стоимость предлагались съемные блоки, усиливающие эффект присутствия.

Лета могла часами рассматривать новые копии записей, все внимательно изучала, словно собиралась сдавать экзамен; иногда она даже показывала что-то Маку, делилась с ним впечатлениями.

Теперь он не мог бы сказать, почему так не хотел принимать во всем этом участие. Может, потому что чувствовал — жизнь идет вперед, а не назад, и какое право имеют люди представлять свое видение прошлого? Не более чем высказывать мнение о книге, которую никто никогда не читал.

А может, просто, будучи мужем Леты Тэйер, он таким образом протестовал против того, чтобы незнакомые люди совали нос в его личную жизнь?

Мак положил открытую коробку на полку рядом с другими изданиями «Шестнадцатого июня», просунул палец в отверстие в середине серебристого диска, взял его и пошел к плейеру.

Плейер стоял в шкафу в гостиной, он сам убрал его туда две недели назад. Сейчас Мак вытащил его, уронив при этом один

сапог Леты (на сапоге осталась грязь с прошлой зимы), и вдруг почувствовал такой прилив грусти, что еле удержался на ногах.

Но все же удержался. Маленькая, но победа.

Он отнес плейер и диск в спальню и поставил их у кровати.

«В тот день порог кафе «У Анны» переступили двести пятьдесят человек, все из разных этнических и культурных слоев, и все же этого недостаточно, чтобы составить достоверное представление о населении Манхэттена того периода. В кафе не заглядывали знаменитости — для этого оно было слишком неприметным. Оно было маленьким, сюда не приезжали издалека. Открылось кафе недавно и ничем не отличалось от сотен других. «Шестнадцатое июня» тем и привлекательно, что все снятое слишком обыденно, все присутствующие простые люди. 16 июня 2001 года о них никто, кроме друзей и родственников, не слышал. Именно эта обыденность и делает их разговоры особенно интересными».

Из «Истории создания «Шестнадцатого июня у Анны», Эрик Риз, Издательство Айдахского университета, 2051

Может, в комнате все еще витал ее дух. Может, сработала защитная реакция — он не хотел, чтобы его захлестнуло одиночество. Может, по-другому он не мог избавиться от преследовавших его образов: желтоватой прозрачной кожи, сквозь которую просвечивали все кости ее лица, слюни, стекающие из уголка рта, чужие, никого не узнающие глаза.

Причина не так важна, главное, что он вставил диск в плейер, установил правильное расстояние (когда он был молодым, все только и говорили об этих беспроводных технологиях, а теперь на них никто даже внимания не обращает) и нажал на кнопку.

Он надеялся, что тут же перенесется в прошлое, но все случилось иначе. Вместо прошлого перед ним мелькали слова, картинки, имена. Он не знал, как правильно выбрать то, что нужно, и потому просто сидел и ждал, когда же начнется запись.

«Шестнадцатое июня у Анны» в основном воспроизводит разговоры, поэтому составители программы записи не тратили время на восстановление чувственных восприятий. Звучание записи почти идеальное. В зале слышен даже перезвон кастрюль на кухне. Изображение тоже качественное — цвета сочные и жизненные, свет и тени переданы с абсолютной точностью, если встать на солнце, то кажется, что оно действительно припекает.

Кажется, почти — вот ключевые слова. Как и во всех голографических проекциях, все предметы кажутся такими же, как

в жизни, но в данной записи не хватает основных составляющих настоящей исторической проекции. Мы не чувствуем запаха чеснока, жареного мяса или клубники, которая лежит на столе, такая спелая и сочная.

Пуристы утверждают, что это сделано специально, чтобы мы могли сконцентрировать внимание на разговорах. Когда Руфолио Филд закуривает сигару и его упрекают за это, мы видим, что он нарушил правила, но по-настоящему не понимаем этого. Нам словно напоминают, что мы всего лишь наблюдатели, мы все видим и слышим, но ни в коем случае не можем считать себя частью происходящего.

И как только эта иллюзия разбивается, «Шестнадцатого июня у Анны» становится простой записью, документальным фильмом-ремиксом с голографическими проекциями, безжизненным и старомодным, а на самом деле нам хочется с особым пристрастием к мельчайшим деталям смотреть исторические фильмы и записи, такие как «Речь в Геттисберге» [93] *(производство компании «Уикенд») или недавно выпущенный фильм «Убийство эрцгерцога Фердинанда»…»*

Критический обзор специального шестичасового издания «Шестнадцатого июня у Анны» в «Основах голографии», 22 февраля 2050

На экране медленно появляется кафе, из темноты раздаются смех, тихие голоса, звон серебряных столовых приборов. Потом постепенно появляются образы — сначала стойка метрдотеля, потом небольшой подиум с двумя маленькими деревцами по бокам, вход в кафе, а вот и пара (в 2001 году он назвал бы их пожилыми) прошла мимо него и направилась к дальнему столику.

Мак стоит в проеме двери, у него такое чувство, что он все это уже видел. Он уже бывал здесь. Ну конечно, сотни раз. Кафе закрылось только в 2021 году. Но того, прежнего интерьера он уже не застал, — круглые столики, как в бистро, накрыты красными скатертями в клетку, мягкие стулья с сиденьями в форме сердечек кажутся совсем неудобными, окна, во всю стену, от потолка до пола, выходят на улицу… Все это исчезнет через несколько месяцев под пеплом и падающими обломками.

Зал переполнен. Помощник официанта снимает стул со столика у самого окна, он держит стул за спинку и ставит к стене рядом с Маком, потом кивает метрдотелю, а тот проводит в зал пару.

По одному лишь движению длинных темных волос Мак узнает Лету. Его сердце готово выскочить из груди, на какое-то

мгновение он даже успевает подумать: вот же она, не умерла; она там, в той временной петле, и если ему удастся ее освободить, она вернется домой.

Но вместо этого он садится на свободный стул.

Из колонок над его головой раздаются звуки «Горизонта» Чарли Бернета. Судя по плохому качеству воспроизведения, компакт-диск скопирован с прежних магнитофонных записей. На кухне гремят кастрюли, люди вокруг что-то говорят. Вот кто-то сказал, что здесь подают самый лучший паштет из гусиной печенки, кто-то рассказывает об истории кладбищ на Манхэттене, кто-то о том, как лучше праздновать дни рождения в июне.

Мак не слышит, что говорит Лета. Она сидит в другом конце зала, между ними несколько столиков, и за ними тоже разговаривают люди. Лета протянула руку, будто ждет, что он возьмет ее.

Он хорошо видит ее лицо, на него падает свет из окна, хотя городские каньоны не пропускают яркого солнца. Лета улыбается и кивает чему-то, что говорит ее спутник. Глаза ее блестят тем особым блеском, который появляется, когда она считает, что ей говорят ерунду, но сама из вежливости молчит.

Мак еще не знал ее в тот момент в прошлом, они встретились лишь в октябре, во время нескончаемой череды похорон. Он еще сказал ей, что испытывает некое чувство вины и собирается начать все сначала, когда кажется, что все кругом рушится.

Тогда она положила свою руку поверх его, кожа на ее ладони загрубела — в последнее время ей приходилось делать столько работы по дому, помогать друзьям мыть посуду, паковать вещи, присматривать за детьми. Вокруг ее глаз появились настолько темные круги, что и глаз-то толком было не разглядеть. Только во время второго свидания он заметил, что у нее неправдоподобно голубые, миндалевидной формы глаза.

Сейчас, в кафе, никаких кругов под глазами еще нет. Лета улыбается и выглядит очень молоденькой. Такой беззаботной и юной Мак никогда ее не видел. Никаких морщинок на лице, нет даже тех седых волос, которые она заметила на правом виске и в ужасе вырвала во время их первого свидания.

На ней белое летнее платье, особо подчеркивающее ее загорелую кожу. Во время разговора из огромной сумки, которую она называла ридикюлем, Лета достает белый свитер и накидывает его на плечи, а Мак узнает все ее жесты — да, именно так она поводила плечами, именно так вздрагивала.

Понятно, что она жалуется на прохладный воздух, на кондиционеры, но сам Мак холода не чувствует. Для него воздух здесь такой же, как и в спальне, — достаточно тепло, можно и

прохладнее. Многого не хватает в записи, но память всегда к его услугам; он помнит, что в кафе «У Анны» всегда пахло чесноком и вином, рядом со входом вечно витал аромат разных духов и одеколонов. Мак не голоден, хотя есть с чего проголодаться. Он всегда испытывал чувство голода, стоило ему немного посидеть в этом кафе, так аппетитно там пахло свининой в красном соусе и говядиной, жаренной в вине с чесноком, — это были фирменные блюда «У Анны». Обычно он мечтал, чтобы они быстрее принесли заказ, хотя знал, что заведение гордится своей европейской размеренностью.

Но Лета бывала в этом кафе задолго до знакомства с Маком. Именно она привела его сюда в декабре, когда кафе открылось вновь. Тогда зал заполнили оставшиеся в живых завсегдатаи, пожарники и местные герои — они пытались изобразить, что празднуют Рождество, в то время как их сердца переполняло горе.

Должно пройти полгода. Полгода и целая жизнь отделяет эту Лету от декабря.

Мимо прошел официант с полным подносом — полента с грибным соусом, несколько гарниров: макароны и хлебные палочки. Мак видит, как в воздух поднимается пар, но запаха не чувствует. Он протягивает руку и натыкается на засохший, твердый как камень хлеб. Но взять одну хлебную палочку он, конечно же, никак не может. Все, что он видит, — конструктивная модель групповой памяти, а ощущение материальности добавлено для создания правдоподобного эффекта.

Мак может вставать со стула, это он понимает. Может переходить от столика к столику, слушать разговоры, может даже отправиться на кухню, правда, это зависит от того, насколько дорогой выпуск записи он смотрит.

Но он не желает ходить по залу. Ему достаточно сидеть там, где он сидит. С этого места он прекрасно видит молодую женщину, которая в один прекрасный день станет его женой. Сейчас же она кокетничает с мужчиной, с которым всего через неделю решит расстаться навсегда — мужчина ударит ее, такое случится с ней в первый и последний раз в жизни.

Она говорила, что это одна из многих историй, так и не освещенных в анализе записи.

Лета убрала прядь волос за ухо, рассмеялась, отпила немного белого вина. Мак, очарованный, смотрит на нее. Он никогда не замечал в ней такой беззаботности, такой легкости, — когда они познакомились, Лета уже была другой.

Он не уверен, понравилась бы ему эта Лета. Она красивая, стильная, но в ней нет того стержня, той нежности и заботы, которые поразили его в день похорон дяди.

Может, стержень заметен в разговоре. Том самом известном разговоре. Он медлит, но все же решается послушать их беседу.

«Шестнадцатое июня у Анны» часто сравнивают с джазом — живым, свободно льющимся джазом 50-х и 60-х годов двадцатого столетия, записанным на виниловых пластинках со всеми их изъянами, записанным не студийно, а вживую, и каждый вздох, каждый кашель, каждый хлопок усиливают атмосферу прошлого.

Но «Шестнадцатое июня у Анны» превосходит и это сравнение. В записи есть эффект общности, у зрителя возникает ощущение, что, стоит ему взять стул и подсесть к любому столику, он станет частью этого сообщества.

Может, дело в обстановке. Мало кто делал голографические записи в кафе и ресторанах — слишком высок уровень посторонних шумов; а может, дело в том, что во всем чувствуется радость, все присутствующие в зале наслаждаются жизнью, каждым ее моментом…»

«Долговечность «Шестнадцатого июня у Анны»,

Майкл Меллер; впервые представлено в виде речи во время ретроспективного показа «Шестнадцатого июня» в Музее разговорного искусства 16 июня 2076

С дешевого диска льются звуки «Сентиментального путешествия», меланхоличный голос Дорис Дэй диссонирует со смехом посетителей хорошо освещенного зала. Мак идет от столика к столику, натыкается на один из них. Стаканы при этом даже не вздрогнули, столик не пошатнулся, и хотя Мак машинально извинился, никто его не услышал.

Он чувствует себя призраком в зале, заполненном незнакомыми людьми.

Люди вокруг разговаривают: серьезно, внимательно, искренне. Мак не понимает, почему именно эти разговоры стали столь популярными. Ирония неправильных предсказаний, как если бы группа бизнесменов обсуждала падение цен на бирже? Или особая острота планов, которым не суждено реализоваться, люди, которым осталось жить всего три месяца?

Он не знает. Ему эти обычные разговоры не кажутся особенными. Люди до сих пор точно так же болтают в кафе по всему городу. Может, в этом и есть особая прелесть, связь прошлого с настоящим?

Его с прошлым связывает Лета, а она так и сидит за столиком, отбрасывает волосы с плеча. Мак подошел ближе, вот он уже почти чувствует запах ее духов. Сейчас она его заметит, слегка повернется в его сторону, немного поднимет брови,

улыбнется ему той секретной улыбкой, какой они обменивались с самой первой встречи.

Но она не поворачивается. Кажется, она его не видит. А вместо этого рассуждает на тему, нужны ли миру герои, сидя с мужчиной, который понятия не имеет, что такое настоящее геройство.

Лета нервно постукивает пальцами по столу, и это верный знак, что Фрэнк Дэннен ей совсем не нравится, хотя пройдет еще неделя, прежде чем она навсегда выбросит его из своей жизни. Лета всегда не сразу давала выход своим эмоциям. Лучше бы уж она поняла, что Фрэнк не ее герой, пока он не успел ее ударить.

Мак останавливается рядом со столиком, смотрит на Фрэнка. Раньше Мак видел его только на фотографиях. Курчавые черные волосы, выступающая челюсть, развитая шея бывшего футболиста. Фрэнк умер задолго до того, как появилось первое издание «Шестнадцатого июня у Анны». Погиб в пьяной драке через пятнадцать лет после этого вечера в кафе.

Мак помнит, потому что Лета показала ему статью в «Дэйли ньюс» и без жалости в голосе сказала: «Я всегда знала, что он плохо кончит».

Но сейчас Фрэнк сидит живой и красивый, в нем все привлекает: и решительный подбородок, и царапины на костяшках правой руки, которую он старательно прячет от Леты, и две бутылки пива, исчезнувшие за те сорок пять минут, что они сидят за столиком. Фрэнк почти совсем не слушает Лету, он осматривает других женщин в зале, бросая быстрые взгляды, не заметные никому, кто специально за ним не наблюдает.

Только Мак все видит, но он не собирается тратить время на этого никчемного человека. Мак не отрываясь смотрит на женщину, которой суждено стать его женой. Она вдруг замолкает посреди фразы и откидывается на спинку стула. Мак улыбается, он знает, что она сейчас скажет.

«Мне продолжать беседовать с самой собой или ты предпочитаешь слушать радио?»

Но она ничего не говорит, просто вопросительно смотрит на Фрэнка. Человек, не знающий ее, может решить, что ей нравится ее спутник, на самом же деле она проверяет, когда Фрэнк заметит, что она замолчала.

Фрэнк не обращает внимания. Лета вздыхает, берет несколько листиков салата и смотрит в окно. Мак тоже смотрит вслед за ней, но ничего не видит. Тот, кто записывал сцену, тот, кто делал последние штрихи, даже не подумал о том, что происходит на улице. Записано лишь то, что делается в кафе.

Небольшие трагедии разыгрываются за каждым столиком. А

концовки этих трагедий уже известны.

Мак не удержался и дотронулся до ее плеча. Кожа теплая и мягкая, но это не Лета. Он чувствует, что это другая женщина. Кожа у Леты была словно атлас и оставалась такой до конца. В молодости как дорогой новый атлас, потом как мягкий, любимый, старый, к которому привык и который сильно любишь.

Она не смотрит на него, и Мак отводит руку в сторону. Лета всегда поднимала на него взгляд, когда он до нее дотрагивался, всегда давала понять, что заметила, что тоже думает о нем; иногда, правда, когда была занята, немного раздражалась, но в ее взгляде всегда сквозила любовь.

Это не его Лета. Это восковой манекен, словно автомат, исполняющий роль, чтобы развлечь зрителей.

Мак больше не выдержит. Он встает и говорит:

— Команда голосом: стоп.

Кафе исчезает так же постепенно, как появилось: сначала столики и люди, сидящие за ними, потом общие шумы и, на конец, голоса. Голоса растворяются последними.

«Шестнадцатое июня у Анны» не может считаться шедевром разговорного искусства. Тот факт, что мы все же так считаем, больше говорит о том, что наше поколение ищет смысл жизни, чем о дне 16 июня 2001 года.

Мы полагаем, что наши бабушки и дедушки жили более наполненной жизнью, потому что на их долю выпало больше испытаний. Но благодаря «Шестнадцатому июня у Анны» мы видим, что каждая человеческая жизнь состоит из бесчисленных моментов, памятных и предаваемых забвению, а значением эти моменты в разные периоды своей жизни наполняем мы сами».

Из «Возвращения «Шестнадцатого июня у Анны»,

Мия Оппель, Издательство Гарвардского университета, 2071

Мак снова стоял у кровати, всего в двух шагах от плейера. Запись чуть слышно жужжала, но звук был довольно агрессивным, словно высказывал недовольство — зачем остановили плейер, ведь еще не все разговоры прослушаны.

Запах Леты в комнате. Мак вдруг осознал, что этот запах был единственным реальным ощущением за время всего путешествия. Вместе с ним в кафе «У Анны» переместились и запах Леты, и тепло их спальни — ощущения настоящего в одном кратком миге из прошлого.

Он достал из плейера серебристый диск, отнес его в гостиную и убрал в дорогую коробку. Потом вернулся в спальню, упаковал

плейер и лег на постель — впервые с тех пор, как почти неделю тому назад отсюда унесли Лету.

Закрыв глаза, он почувствовал тепло ее тела, вспомнил, как любил лежать на ее месте по утрам, когда она уже вставала. Будто она убаюкивала его в своих объятиях. Иногда он даже засыпал снова, а потом Лета будила его и твердила, что ему надо идти на работу, как всем остальным.

Но сейчас кровать на самом деле не теплая, и, если он заснет, никто его не разбудит. Никогда. После просмотра записи в его душе появилась какая-то пустота, будто он сделал что-то дурное, запретное, искал жену там, где, он знал, ее быть не должно.

Он понятия не имел, зачем она просматривала все копии «Шестнадцатого июня». Да, можно было бы прочесть комментарии, это он понимает. Интервью он тоже мог понять — ей ведь ни разу не заплатили ни гроша за эту запись. Многие из присутствовавших в тот день в кафе пытались подать в суд, чтобы получать проценты от продаж, но все проиграли, потому что голографические записи были не просто записью исторического момента, но и авторской программой составителя. Лета, правда, никогда в суд не подавала.

Она просто всю жизнь вновь и вновь возвращалась к тому единственному дню, смотрела на себя молодую и видела… что? Искала… что?

Конечно же, не Фрэнка. Мак слишком хорошо ее знал. Может, она искала способ правильно взглянуть на себя, на свою жизнь? Или пыталась представить, как бы прожила жизнь, если бы выбрала другую дорогу.

Он не знал. А теперь никогда и не узнает. Он подтрунивал над ней, слушал, как она рассуждала о вспомогательных материалах, даже покупал ей последние версии «Шестнадцатого июня», но никогда не слышал, чтобы она говорила о том, что смотрит свое прошлое как зритель.

Тайна Леты, как и все другие ее тайны (в том числе и за что она полюбила его, Мака), навек останется неразгаданной.

В «Шестнадцатом июня» ответов он не нашел, как, впрочем, и саму Лету. От нее остались лишь отрывочные воспоминания: запах, который постепенно исчезнет, голос, который он уже начинает забывать, прикосновение кожи.

Теперь жизнь Леты закончилась. Ее жизнь имеет конец, как и «Шестнадцатое июня у Анны», она уже не повторится.

Мак уткнулся в ее любимую подушку. Больше он никогда не увидит Лету, ту, настоящую, которая дышит и непрестанно удивляет его своей глубиной.

Наконец-то он это понял, и на душе у него стало легче. Ее

больше нет, остались лишь воспоминания.

Уолтер Джон Уильямс — Зеленая Леопардовая Чума

Walter Jon Williams. The Green Leopard Plague (2003). Перевод С. Теремязевой

Уолтер Джон Уильямс родился в США, в штате Миннесота; в настоящее время живет в Альбукерке, штат Нью-Мексико. Его первые рассказы появились в журналах «Asimov's Science Fiction», «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Wheel of Fortune», «Global Dispatches», «Alternate Outlaws» и некоторых других. Позднее они были собраны и опубликованы в сборниках «Facets» и «Frankenstein and Other Foreign Devils». Уолтер Уильямс является автором романов «Ambassador of Progress», «Knight Moves», «Hardwired», «The Crown Jewels», «Voice of the Whirlwind», «House of Shards», «Days of Atonement» и «Aristoi». Его роман «Metropolitan», опубликованный в 1996 году, вызвал бурную полемику среди критиков и стал одним из самых нашумевших литературных произведений года. Затем появилось продолжение «Metropolitan», роман-катастрофа «City on Fire», а также романы «The Rift» и «Destiny's Way» из сериала «Star Trek». В 2001 году за повесть «Daddy's World» Уолтер Уильямс получил давно заслуженную премию «Небьюла». В предлагаемой повести автор разворачивает перед читателем эпическую картину мира, где есть любовь, горечь потерь, тайна, убийство и спасение. Прошлое и настоящее переплетаются между собой, чтобы открыть тайну, в которой заключена судьба самого человечества в самый решающий для него момент…

* * *

Устроившись на ветке баньяна и болтая ногами над морем, одинокая сирена смотрела вдаль, на линию горизонта. В неподвижном воздухе стоял запах ночных цветов. Крупные крыланы пролетали над водой, направляясь в места дневного отдыха. Где-то резко вскрикнул белый какаду. Водорез на лету нырнул в воду и снова взлетел. Утреннее солнце зажгло красно-золотые искры на верхушках волн и озарило тропический лес, густо покрывающий острова, рассыпавшиеся на горизонте.

Сирена решила, что пора завтракать. Легко поднявшись с

брезентового сиденья, устроенного ею на дереве, она пошла по нависающей над водой ветке. Та закачалась под ее тяжестью, но сирена легко нашла нужный выступ в шершавой коре, куда можно было поставить голую ступню, и посмотрела вниз, на воду, где на фоне темной синевы подводных туннелей возле коралловых рифов четко обозначились бирюзовые отмели.

Сирена подняла руки над головой, стараясь не потерять равновесия, встала покрепче — солнце бросило красный отсвет на ее бронзовую голую кожу, — сильно оттолкнулась и прыгнула головой вниз в Филиппинское море. Она вошла в воду с громким всплеском, сопровождаемая шлейфом воздушных пузырьков.

Крылья сирены развернулись, и она поплыла.

После охоты сирена — ее звали Мишель — спрятала рыболовные снасти в куче мертвых кораллов на одном из рифов и, словно призрачная тень, заскользила над зарослями морской руппии; на ее крыльях играли солнечные блики. Подняв голову и увидев сплетенные в гигантский клубок корни баньяна, она высунулась из воды и сделала первый вдох.

Подножия Скалистых островов состояли из мягких известняковых кораллов; приливы и морская соль сильно разъели известняк, над которым теперь нависали камни. Из-за этого некоторые из островов стали похожими на грибы с зелеными шляпками, сидящими на тонкой ножке. Остров Мишель был больше остальных и имел неправильную форму; у него тоже были крутые известняковые стены, на шесть метров в глубину подточенные морскими приливами, поэтому взобраться на берег со стороны моря было невозможно. Баньян Мишель приютился возле самой воды и тоже был изъеден солью.

Сирена смастерила канатный подъемник — просто петлю на конце нейлонового каната, который крепился к сиденью на ветке дерева. Она сложила крылья — складывать их было труднее, чем раскрывать, к тому же с жабрами нужно было обращаться очень осторожно — и вставила ногу в петлю. По приказу сирены подъемный механизм беззвучно поднял ее наверх, в гнездо среди густой ярко-зеленой листвы.

Когда-то Мишель была обезьяной, сиамангом, поэтому чувствовала себя на дереве как дома.

Во время охоты она подцепила на гарпун желтогубого летрина, которого сунула в свою сумку для образцов. Вырезав из рыбы лучшие куски, сирена бросила ее обратно в море, где останки летрина сразу привлекли внимание стайки мелких рыбешек. Один кусок Мишель съела сырым, наслаждаясь чудесным запахом свежей рыбы и моря и трепещущей белой плотью, остальное приготовила на маленькой плите и съела с

рисом, который остался у нее с прошлого вечера.

Когда Мишель кончила завтракать, остров уже проснулся. По стволу баньяна побежали гекконы, пальмовые крабы бочком начали пробираться среди опавших листьев, напоминая надоедливых торговцев, пытающихся всучить туристам контрабандные компьютерные диски. Там, где начинались морские глубины, кружились и опускались на воду малые глупыши, следуя за стаей охотящихся полосатых тунцов.

Пришло время дневных забот. Мишель уверенно перебралась по своему канатному пути с баньяна на соседнее железное дерево, где находилась ее спутниковая связь, достала из сумки деку и начала принимать сообщения.

Несколько журналистов просили дать интервью — легенда об одиноко живущей сирене распространялась все дальше и дальше. Вообще-то Мишель это нравилось, но она предпочла не отвечать. Было сообщение от Дартона, которое она решила оставить на потом. И тут увидела сообщение от доктора Даву, которое прочла немедленно.

Даву был в дюжину раз ее старше. Мать вынашивала его в своем чреве девять месяцев, он не был создан в нанокамере, как почти все, кого знала Мишель. У него был какой-то родственник, знаменитый астронавт; кроме того, Даву стал лауреатом премии имени Мак-Элдоуни за научный труд под названием «Лавуазье и его век» и имел рыжеволосую жену, которая была почти так же известна, как и он сам. Пару лет назад Мишель слушала его лекции в Университете необъяснимых явлений и даже почувствовала к ним интерес, хотя ее специальностью была биология.

Даву сбрил свою козлиную бородку, которая Мишель очень не нравилась. «У меня есть для тебя одна очень интересная научная работа, — передавал Даву. — Если, конечно, ты найдешь на нее время. Это задание не потребует больших усилий».

Мишель немедленно вышла на связь. Даву был богатым старым мерзавцем, который уже тысячу лет владел огромным состоянием и понятия не имел о том, что значит быть молодым в наше время, а также платил столько, сколько Мишель приходило в голову у него спросить.

Конечно, сейчас ей много не нужно, но ведь она не собирается остаться на острове навсегда.

Даву ответил сразу. За его спиной Мишель увидела рыжую голову его жены, Катрин, склонившейся над клавиатурой компьютера.

— Мишель! — крикнул Даву, чтобы жена знала, с кем он говорит. — Хорошо! — После некоторого колебания он сложил

пальцы в мудру [94], которая означала «внимание». — Я вижу, ты понесла утрату, — сказал он.

— Да, — ответила Мишель через спутниковую связь.

— А молодой человек?…

— Он ничего не помнит.

Вообще-то говоря, это и в самом деле было почти так, вопрос состоял в том, что именно он не помнит.

Пальцы Даву по-прежнему показывали «внимание».

— У тебя все хорошо? — спросил он.

Пальцы Мишель выдали какой-то неясный ответ.

— Мне уже лучше.

Что, возможно, было правдой.

— Я вижу, ты больше не обезьяна.

— Я решила избрать путь сирены. Новые перспективы и все такое.

«А также возможность побыть одной».

— Мы можем тебе чем-нибудь помочь?

Мишель придала своему лицу озабоченное выражение:

— Ты что-то говорил насчет работы?

— Да.

По-видимому, Даву и сам был рад сменить тему: в его семье тоже когда-то произошла настоящая смерть — событие, которое случается с одним из миллиона, возможно, поэтому он не хотел об этом говорить.

— Я сейчас работаю над биографией Терциана, — сказал Даву.

— Терциан и его век? — спросила Мишель.

— И его наследие. — Даву улыбнулся. — Знаешь, в его жизни есть пробел в три недели, о котором я ничего не знаю. Мне бы хотелось узнать, где он в это время был — и с кем.

Мишель изумилась. Даже в такое спокойное время, в котором живет Джонатан Терциан, люди так просто не исчезают.

— Сейчас он переживает не лучшие времена, — продолжал Даву. — Потерял работу в Тулейне, потерял жену — она умерла по-настоящему, учти, — так что если ему внезапно захотелось потеряться самому, то я его очень хорошо понимаю. — Даву хотел было почесать свою бородку, но, вспомнив, что ее больше нет, опустил руку. — Меня беспокоит другое: когда он вернется, то обнаружит, что все изменилось. В июне на конференции в Афинах он представил довольно посредственный доклад, после чего внезапно исчез. Появившись на следующей конференции в середине июля в Венеции, он вовсе не представил никакого доклада, прочитав вместо него лекцию о своей теории Рога Изобилия.

Пальцы Мишель сложились в мудру «я просто потрясена».

— Ты пытался его найти?

— Его кредитные карточки закончились семнадцатого июня и он купил евро в парижском отделении «Американ Экспресс». Очевидно, после этого он везде расплачивался наличными.

— Он и в самом деле старался исчезнуть, так ведь? — Мишель положила подбородок на колено согнутой ноги. — Ты запрашивал паспортный контроль?

Мудра «безрезультатно».

— Но ведь если он остался в пределах Европейского сообщества, ему незачем предъявлять паспорт при пересечении границы.

— А банкоматы?

— Он пользовался банкоматом только по приезде в Венецию, за пару дней до начала конференции.

Немного подумав, сирена улыбнулась.

— Мне кажется, тебе нужна моя помощь.

Мудра «вот именно».

— Во сколько мне это обойдется?

Мишель сделала вид, что напряженно думает, после чего назвала неслыханную сумму. Даву нахмурился.

— Ладно, идет, — сказал он.

Мишель ликовала, однако, не подавая виду, озабоченно склонилась над экраном.

— Значит, я приступаю к работе.

Даву явно обрадовался.

— Ты сможешь начать прямо сейчас?

— Разумеется. Только пришли мне фотографии этого Терциана, и чем больше, тем лучше, во всех ракурсах, особенно меня интересует тот период, когда его видели в последний раз.

— Я их уже приготовил.

— Тогда присылай.

Через мгновение фотографии лежали перед Мишель. «Спасибо».

— Как только что-нибудь найду, я тебе сообщу.

Во время учебы в университете Мишель обнаружила, что отлично умеет вести всякие поиски и расследования. Это давало ей дополнительный доход. Люди — как правило, так или иначе связанные с теоретической наукой — нанимали ее для выполнения всякой нудной работы, связанной с поиском разнообразных справок, ссылок и документов. Или, как теперь, трех недель жизни человека. Конечно, подобную работу они могли бы выполнять и сами, но у Мишель это получалось гораздо

лучше, так что она целиком и полностью оправдывала их расходы на свои услуги. Кроме того, Мишель это нравилось — так она знакомилась с теми областями науки, о которых почти ничего не знала или знала совсем немного. Это давало ей возможность хоть немного оторваться от собственной рутинной работы.

И наконец, подобная деятельность, как и искусство, требовала вдохновения, а этого у Мишель было предостаточно.

Сирена разглядывала фотографии. Большей частью это были сканированные изображения старых снимков. Даву подобрал их очень хорошо: Терциан в профиль и анфас. На большинстве фотографий он был молодым, где-то лет двадцати, более поздние снимки четко передавали не только черты его лица, но и позволяли определить конкретные детали: форму рук или ушей.

Сирена задержала взгляд на одной из старых фотографий: улыбающийся Терциан обнимает за плечи высокую длинноногую женщину с большим ртом и темными, коротко подстриженными волосами — по всей видимости, свою жену. За ними стоит стол эпохи Людовика XV, на нем — украшенная перегородчатой эмалью ваза с пышными гладиолусами, а над столом — большая картина в тяжелой золоченой раме, изображающая статного горделивого коня. Возле стола составлены — только на время фотосъемки, как предположила Мишель, — около дюжины кубков, судя по всему — награды за спортивные достижения в гимнастике или боевых искусствах. Вся эта пышная обстановка как-то не вязалась с молодой и скромно одетой парой: на ней — цветастая рубашка, заправленная в брюки цвета хаки, Терциан — в простой безрукавке и шортах. Было такое ощущение, что они сфотографировались на ходу, остановившись лишь на минуту.

«Неплохие плечи», — подумала Мишель. Большие руки, красивые мускулистые ноги. Она никогда не представляла себе Терциана молодым, высоким и сильным, но была в нем какая-то естественность, сила, которая исходила даже от старых, наспех сделанных фотографий. Он был похож скорее на футболиста, чем на знаменитого мыслителя.

Мишель запустила в опознавательную программу все фотографии и внимательно проверила ее работу, чего никогда бы не сделал ее работодатель, если бы взялся за дело сам. Многие люди просто не понимают, как легко можно обмануть программу, особенно если запустить в нее устаревшие данные, плохо сканированные отпечатки пальцев и примитивные цифровые снимки, сделанные машинами, которые для этого вовсе не предназначены. В результате совместных и весьма успешных действий Мишель и компьютерной программы получилось четкое видимое до мельчайших деталей изображение Терциана во весь

рост, по которому можно было определить: расстояние между глазами, длину носа, изгиб губ, точную форму ушей, длину конечностей и туловища. Конечно, некоторые из этих параметров могли совпасть у разных мужчин, но никогда все.

Сирена передала эти данные своим специализированным поисковым «паукам» и разослала их по всему миру.

Там, в Интернете, как нигде больше, сконцентрировалось поразительное количество пустого, никчемного прошлого. Люди загружали в компьютер картинки, дневники, комментарии и видеофильмы; они делали оцифровку старых домашних фильмов, снятых на плохой кинопленке в резких, неестественно ярких красках; они сканировали свои генеалогические древа, открытки, списки приглашенных на свадьбу, рисунки, политические статьи и старые письма, написанные от руки. Нудные многочасовые записи камер скрытого наблюдения. То, что когда-то что-то значило для одного человека, теперь превратилось в электроны и стало доступно всей Вселенной.

Просто удивительно, какому огромному количеству ненужной информации удалось пережить Световую войну — ничто из этих данных не стоило поиска или восстановления из архивов.

Все это означало только одно: Терциан где-то здесь. Куда бы он ни отправился — в Париж, Далмацию или на остров Туле, — за ним будет следить камера. Возможно, Терциан фотографировал детей с мороженым возле Нотр-Дам или уличных саксофонистов на мосту Искусств — теперь его найдут везде. Может быть, он лежал на пляже на Корфу, смотрелся в зеркало в каком-нибудь баре Гданьска, заговаривал в Гамбурге с проституткой в районе Сент-Паули — Мишель найдет его везде.

Разослав программу с фотографиями Терциана, Мишель подняла руки над головой и потянулась — потянулась изо всех сил, напрягая мышцы и широко, словно в немом крике, открыв рот.

Затем вновь склонилась над декой и прочитала сообщение Дартона.

«Не понимаю, — говорилось в нем, — почему ты со мной не разговариваешь? Я люблю тебя!»

В его карих глазах застыло какое-то дикое выражение.

«Неужели ты не понимаешь? — кричал он. — Я же не умер! Не умер!»

Покачиваясь в воде на глубине трех или четырех метров от поверхности озера Зигзаг, Мишель смотрела на перевернутую чашу небес, их сверкающую синеву, обрамленную темными,

мрачными башнями мангровых зарослей. Внезапно совсем рядом, словно пуля, в воду вонзилось что-то маленькое и черное: последовал громкий всплеск, вспенилась вода, и острый, как кинжал, клюв зимородка пронзил апогона, мерно покачивающегося над ярко-красным кустом коралла. Под водой мелькнуло белое брюхо зимородка, его крылья, которыми он работал, как плавниками, потом над волнами снова замелькали крылья, лапы, поплыли воздушные пузырьки — и зимородок поднялся в воздух.

Мишель медленно проплыла над округлой кроной коралла, над парой огромных тридакти, каждая из которых была более метра в длину. Моллюски мгновенно закрыли створки, выбросив струю воды толщиной в человеческую руку. Мясистые выросты по краям створок переливались буйными красками: фиолетовое, голубое, зеленое и красное слилось в такой немыслимо яркий рисунок, что рябило в глазах.

Тщательно втянув жабры, чтобы не поранить их о ядовитые щупальца кораллов, Мишель заработала ногами и, поднырнув под корни мангровых деревьев, вошла в узкий туннель, связывающий озеро Зигзаг с морем.

Из почти трехсот Скалистых островов на семидесяти или около того море образовало озера. Острова состояли из пористого кораллового известняка; одни из этих морских озер соединялись с океаном подводными туннелями и гротами, другие собирали влагу, просачивающуюся тонкими струйками. Многие из них были населены уникальными, реликтовыми формами жизни, сохранившимися еще с доисторических времен; даже сейчас здесь можно было найти неизвестные науке виды.

За те месяцы, что Мишель провела на островах, она обнаружила два, по ее мнению, не описанных ранее вида: разновидностьЕптастаса тейгшуога, белого морского анемона, расписанного странным узором из алых и кобальтово-синих красок, и темно-фиолетового в желтых горохах голожаберного моллюска, который проплыл мимо нее, колыхаясь всем телом, похожий на какое-то кухонное полотенце, подхваченное приливом и влекомое за собой со скоростью семь узлов в час. Моллюск и анемон были отосланы соответствующим специалистам, и, возможно, когда-нибудь имя Мишель останется в веках в виде составной части латинского наименования найденных ею двух представителей морской фауны.

Туннель был около пятнадцати футов в длину и имел несколько очень узких мест, где Мишель пришлось прижать крылья к туловищу и пробираться, лишь слегка пошевеливая их кончиками. Вскоре туннель пошел вверх, туда, где был виден

яркий свет; расправив крылья, сирена пролетела над мягкими розовыми кораллами и устремилась навстречу солнцу.

«Два часа работы, — подумала она, — плюс опасная среда. Две тысячи двести калорий, легко».

Море, в отличие от сумрачного соленого озера, окруженного высокими скалами и мангровыми деревьями, ослепительно сияло в лучах солнца; из-за этого блеска Мишель не сразу заметила лодку, подпрыгивающую на волнах. Резко затормозив развернутыми крыльями, она остановилась, но потом узнала знакомую ярко-красную раскраску.

Мишель благоразумно поднялась на поверхность подальше от лодки — Торбионг, возможно, высматривает добычу, а охотится он с гарпуном. Заметив ее, старик выпрямился и помахал рукой, Мишель освободила трахею и набрала в легкие воздуха, чтобы ответить на приветствие.

— Я привез тебе еду, — сказал он.

— Спасибо, — сказала Мишель, стирая с лица капли морской воды.

Торбионгу было более двухсот лет, он был верховным вождем и жил в столице Белау Короре, до которого было минут сорок езды на лодке. Маленький, черноволосый, жилистый, с широким носом, крепким подбородком и гладким, без морщин, лицом. В молодости он объездил весь мир, однако, постарев, вернулся на Белау. Его обязанности в качестве вождя носили скорее церемониальный характер, однако имели немаловажное значение, когда дело касалось налогов; он получал деньги с отелей и ресторанов, построенных его предками, где на него работали другие люди, поэтому большую часть времени Торбионг проводил навещая своих соседей, сплетничая и занимаясь рыбной ловлей. Когда Дартон и Мишель впервые приехали на Белау, он принял их очень радушно и помог уладить все формальности, связанные с получением разрешения на проведение научных исследований в районе Скалистых островов. Несколько месяцев назад, уже после смерти Дартона, Торбионг согласился привозить Мишель продукты в обмен на рыбу.

Его лодка была десять метров в длину; посреди на ней был установлен водонепроницаемый навес, сплетенный из листьев пандана. На алых боках лодки ярко-желтой краской были выведены волнистые линии, кресты и полосы. На банке красовались вырезанные из дерева причудливые рожи, к планширу прилепилось множество белых ракушек каури. На носу и корме стояли деревянные фигурки зимородков.

Над пандановым навесом торчали антенны, флагштоки, удочки для ловли глубоководных рыб, ружья для подводной

охоты. Под навесом, откуда Торбионг мог править лодкой, сидя на вырезанном из древесины хлебного дерева троне, находились навигационные приборы, радио, видео- и аудиотехника, набор громкоговорителей, эхолот, спутниковая связь и радар. К креплениям, поддерживающим навес, были приделаны специальные гудки, которые во время движения лодки издавали зловещий, режущий ухо звук.

Торбионг обожал пронзительный вой этих гудков. Подплыв поближе, Мишель услышала оглушительную электронную музыку, которую Торбионг любил слушать через наушники, — обычно она гремела из громкоговорителей, но во время рыбалки он не хотел распугивать рыбу. По ночам присутствие Торбионга Мишель определяла за много миль, когда он плавал по темному морю, совершенно обалдевший от бетеля [95], ревущих громкоговорителей и пронзительно вопящих гудков.

Дослушав последний аккорд своей адской музыки, Торбионг снял наушники и выключил звук.

— Ты когда-нибудь оглохнешь, — сказала Мишель.

Торбионг усмехнулся:

— Обожаю эту музыку. Прекрасно разгоняет кровь.

Мишель подплыла к лодке и положила руку на планшир между двумя каури.

— Я видел твоего парня в новостях, — сказал Торбионг. — Он делает тебя знаменитой.

— Я не хочу быть знаменитой.

— Он не понимает, почему ты не хочешь с ним разговаривать.

— Он мертв, — сказала Мишель.

Торбионг развел руками:

— А это как посмотреть.

— Осторожно, — сказала Мишель.

Торбионг едва успел пригнуться, когда порывом ветра ему в лицо бросило ветку ядовитого растения, выросшего на самой кромке скалистого выступа. Втянув голову в плечи, старик перешел на нос, чтобы втащить якорный канат, пока навес лодки не зацепился за выступ.

Мишель ушла на глубину и, вынырнув возле баньяна, вызвала свой канатный подъемник. Когда к ней с тихим урчанием подошла лодка Торбионга, сирена, втянув жабры и сложив крылья, сидела на канате, болтая над водой ногами.

Торбионг протянул ей сумку с продуктами: рис, чай, соль, овощи и фрукты. Последнее время Мишель ужасно хотелось голубики, которая в этих местах не росла, поэтому Торбионг приказал привезти ей на шаттле большую коробку свежей голубики, от себя добавив к ней бутылочку сливок. Мишель

поблагодарила.

— Большинство туристов заказывают кукурузные хлопья или что-нибудь в этом роде, — выразительно сказал Торбионг.

— Я не туристка, — ответила Мишель. — Прости, сейчас у меня нет рыбы — я ловила добычу поменьше. — Она показала ему сумку для образцов, из которой капала вода.

Торбионг махнул рукой в сторону холодильника на корме своей лодки.

— У меня сегодня есть «чаи» и «черсууч», — сказал он, используя местное название барракуды и махи-махи.

— Удачная рыбалка.

— Еле вытащил. — Пожав плечами, старик бросил на Мишель вопросительный взгляд. — У меня было несколько звонков от репортеров, — сказал он и вдруг улыбнулся, показав почерневшие от бетеля зубы. — Я им обычно отсылаю туристические справочники.

— Уверена, они их читают с большим удовольствием.

Улыбка Торбионга стала шире.

— Тебе здесь одиноко, — сказал он, — приезжай, навести нас. Мы тебе приготовим домашнюю еду.

Она улыбнулась.

— Спасибо.

Они попрощались, и лодка Торбионга, взревев двигателями, поплыла назад под свой невыносимый свист.

Забравшись на дерево, Мишель тщательно спрятала там найденные в море образцы и привезенные продукты. Высыпав в чашку немного голубики и полив ее сливками, она перебралась на свое сиденье, где принялась проверять результат поиска электронных «пауков».

Она получила кипу статей о смерти жены Терциана и пожалела, что дала «паукам» не слишком четкие инструкции.

«Пауки» доставили три изображения. Одно представляло собой кадры неважной любительской съемки, сделанной 10 июля, на которых можно было различить мужчину, стоящего возле базилики ди Санта-Кроче во Флоренции. Сверху, из-под хмурых дождевых туч, на него мрачно взирал памятник Данте, так же довольно расплывчатый. Камера неотрывно снимала мужчину, который стоял к ней спиной; вот он посмотрел направо, сердито разглядывая что-то на земле, — его лицо было несколько смазанным, однако крупное тело и широкие плечи, по-видимому, могли принадлежать только Терциану. Программа сообщила, что где-то на 78 процентов можно считать, что мужчина — это Терциан.

Мишель постаралась сделать изображение более четким,

после чего пришла к выводу, что данное предположение может быть верным процентов на 95.

Итак, вполне возможно, что Терциан отправился в большой тур по Европе. На видео он не был похож на счастливого человека, но ведь день был дождливым, да и зонтика у него не было…

К тому же у него умерла жена.

Теперь, когда Мишель получила четкое представление о местонахождении Терциана, она приказала «паукам» собирать всю информацию из Флоренции начиная с 3 июля, после чего расширять поиск, охватывая сначала Тоскану, а затем и всю Италию.

И если Терциан совершает туристическую поездку, она вычислит его.

Результаты, которые доставили два следующих «паука», равнялись нулю. Программа выдала примерно пятидесятипроцентное предположение о том, что Терциан находится в Лиссабоне или на мысе Сауньон, передача более четкого изображения его лица также ничего не дала.

Затем появились видеокадры с указанием места и времени съемки — Париж, 26 июня, 13:41:44, как раз за день до того, как Терциан купил евро и исчез.

«Ура!» — сказали пальцы Мишель.

Впервые она видела, как Терциан двигается, — теперь она не сомневалась, что это был именно он. Терциан смотрел через плечо на небольшую группу людей. На его руку опиралась какая-то темноволосая женщина, она смотрела в другую сторону, поэтому ее лица не было видно. На сердце Мишель стало теплее, когда она подумала, что одинокий вдовец завел любовную связь в Городе Любви.

Затем она проследила за взглядом Терциана, желая узнать, куда он смотрит. На мостовой лежал мертвый мужчина, вокруг которого столпилась кучка зевак.

И тут, когда вся эта сцена вдруг стала приобретать некий смысл, с экрана понеслись звуки свирели Пана.

Терциан со злостью оглядел присутствующих в зале. Скрипнул деревянный стул, и Терциан подумал, что сам не знает, сколько же длится эта тишина. Даже мирно дремлющая словенка поняла, что что-то произошло, и, вздрогнув, проснулась.

— Простите, — сказал по-французски Терциан. — Но у меня умерла жена, и мне больше не хочется играть в эти игры.

Слушатели молча смотрели, как он собрал конспекты, сложил их в чемоданчик и вышел из лекционного зала. Его шаги

гулко, зловеще застучали по деревянному полу.

И все же до этого момента лекция проходила вполне нормально. Терциану не хотелось вести резкий спор с Бодрилларом, находясь в его родной стране и говоря, на его родном языке, поэтому он ограничился лишь краткими и бодрыми замечаниями в ответ на заявление «собственное «я» не существует» самого Бодриллара и «мне все равно» Рорти, затеяв все тот же извечный стереотипный спор между Францией и Америкой по поводу отношения к современной действительности. В зале присутствовали семь человек, устроившихся на скрипучих деревянных стульях, и ни один из них не осудил его за дерзкие высказывания. Но чем дольше длилась лекция, тем больше Терциан раздражался, чувствуя свою полную никчемность. Он приехал в Город Света, где каждый камень — памятник европейской цивилизации, он стоит в мрачном лекционном зале на левом берегу Сены и читает лекцию, которая представляет собой не более чем собрание кратких заметок и замечаний, аудитории из семи человек. Приехать на землю «cogito ergo sum» и отвечать: «Мне все равно»?

«Я приехал в Париж вот за этим? — думал Терциан. — Что бы читать этот бред? Я заплатил за привилегию заниматься вот этим?»

«А мне не все равно», — думал он, направляясь в сторону Сены. «Besicieno ergo sum», если он правильно запомнил это латинское изречение. «Мне больно, а значит, я существую».

Он направился в нормандский ресторанчик на острове Ситэ, сказав самому себе, что пошел туда только потому, что наступило время ланча, и стараясь не думать о том, что на самом деле ему просто хочется напиться и забыть обо всем. До августа делать ему совершенно нечего, а потом он вернется в Штаты и заберет свои пожитки, которые хранятся у прислуги в доме на Эспланаде, после чего поедет куда-нибудь искать работу.

Терциан так и не понял, что расстроит его больше, — то, что он найдет работу, или то, что не найдет ее вовсе.

«Ты жив, — сказал он себе. — Ты жив, ты в Париже, впереди у тебя целое лето, ты ешь блюда нормандской кухни на площади Дофина. И если это не приказ радоваться жизни, то что же тогда?»

И вот тут заиграл перуанский оркестрик. Оторвавшись от еды, Терциан с тоскливым удивлением взглянул на музыкантов.

Когда он был маленьким, родители — оба университетские профессора — взяли его в поездку по Европе, и там Терциан убедился, что в каждом европейском городе есть свой перуанский или боливийский уличный оркестр, состоящий из индейцев в

черных котелках и красочных одеялах, которые, сидя на корточках где-нибудь в людном месте, равнодушно взирали на прохожих своими темно-карими глазами, играя на гитарах или тростниковых флейтах.

Прошло двадцать лет, а уличные музыканты играли по-прежнему, только теперь они сменили одеяла и котелки на европейскую одежду, и все их представление даже приобрело некий лоск. Теперь у них были динамики, кассеты и компакт-диски. Теперь они собирались на площади Дофина под нависшей над ней громадой Дворца правосудия в стиле неоклассицизма, и исполняли странную смесь из старых песен «Аббы», переделывая их на свой латиноамериканский вкус.

Может быть, прикончив порцию телятины и запив ее кальвадосом, Терциан подойдет к музыкантам и бросит им несколько монет.

От ветра захлопал брезентовый навес над ресторанчиком. Терциан посмотрел на свою пустую тарелку. Еда была превосходной, но он уже забыл ее вкус.

Ярость все еще клокотала в нем. А это что? О боже! Оркестр заиграл «Оазис». Первые аккорды подозрительно напоминали мелодию «Чудесной стены». «Чудесная стена» на испанских гитарах, тростниковых флейтах и мандолине!

Терциан собирался заказать бутылку коньяка и посидеть в ресторанчике подольше, однако не под такие же звуки. Он бросил на столик несколько евро и подложил счет под блюдце, чтобы тот не улетел от порывов свежего ветра, трепавшего зеленый навес. Терциан уже выходил через маленькие чугунные воротца, ведущие в ресторанчик, когда его внимание привлек шум уличной драки.

На проезжей части, сморщившись от боли, падал на землю человек. Трое стоящих рядом с ним мужчин, по-видимому, не успели вовремя подхватить своего товарища.

«Идиоты», — подумал Терциан, кипя от злости.

Внезапно раздался отчаянный визг тормозов и вопль автомобильного сигнала.

Ветер взметнул в воздух какие-то бумаги, высыпавшиеся из чемоданчика.

И над всем этим звучал усиленный динамиками звук перуанских флейт. «Чудесная стена».

Терциан с изумлением наблюдал, как трое мужчин бросились ловить бумаги. Он шагнул к упавшему человеку — кто-то ведь должен хоть что-то сделать. Волосы мужчины упали ему на лоб, он перевернулся на бок, по-прежнему с искаженным от боли лицом.

Глухо бубнили флейты.

Стоя одной ногой на тротуаре, Терциан бросил взгляд на потрясенные лица собравшихся людей. «Здесь что, нет врача? — подумал он. — Французского врача?» Казалось, сам он внезапно забыл все французские слова. Даже такие простые фразы, как «Вы живы?» или «Как вы себя чувствуете?», совершенно вылетели у него из головы. Курс первой помощи, который он когда-то проходил в школе Кенпо, был давным-давно забыт.

Неестественно бледное лицо мужчины внезапно сделалось спокойным. От порыва ветра на него упали волосы. Терциан заметил, как из парка все происходящее снимает на видеокамеру какой-то человек в бейсболке, и снова разозлился от ощущения полной никчемности этого дурацкого туриста, которая словно подчеркивала его собственную ненужность.

Начали собираться люди, они выходили из останавливающихся автомобилей, сходили с тротуара. Терциан увидел, как от Дворца правосудия к месту происшествия пробираются французские жандармы в своих круглых кепи, и ему стало легче. Теперь всем займутся люди куда более компетентные, чем он.

Терциан начал нерешительно отходить на тротуар. И вдруг почувствовал, как кто-то схватил его за руку, и, обернувшись, с удивлением увидел, что ему в плечо уткнулась женщина со светло-коричневой кожей, в глухих черных очках.

— Пожалуйста, — певуче, не на американский манер, произнесла она, — помогите мне отсюда выбраться.

Когда они пробирались через толпу, вслед им неслись пронзительные звуки флейт.

Миновав статую Вечного Повесы, распутного старикана Генриха IV, они вышли к Новому мосту. Слева, за Сеной, мягким светом сиял Лувр, утопающий в зелени платанов.

По улице с ревом проносились машины, спеша успеть на зеленый свет. Терциан злился, сам не зная на что. Он не хотел связываться с этой женщиной, подозревая, что это какая-нибудь мошенница. Ее спортивная сумка, которую она несла на плече, то и дело хлопала его по заду, и Терциан потихоньку проверил задний карман брюк — деньги были на месте.

«Чудесная стена», — подумал он. — О боже».

Он решил, что надо бы сказать какие-нибудь утешительные слова на тот случай, если женщина действительно очень расстроена.

— Полагаю, с ним будет все в порядке, — отрывисто произнес Терциан, не скрывая своей злости и раздражения.

Женщина все так же утыкалась ему в плечо.

— Он умер, — пробормотала она. — Вы что, ничего не поняли?

Терциан никогда не видел смерть вот так, под открытым небом, он всегда считал, что она происходит за закрытыми дверями хосписов с их хрустящими простынями, мягким светом ламп и запахом дезинфекции. Смерть приходила вместе с опухолью, слабеющими конечностями и бесконечной болью, изредка прерываемой порцией морфия.

Терциан вспомнил бледное лицо мужчины, его внезапно спокойное выражение.

«Да, — подумал он, — смерть приходит со вздохом облегчения».

Нужно было что-то сказать.

— Там полиция, — сказал он. — Они… они вызовут «скорую помощь» или что-нибудь еще.

— Надеюсь, они схватят мерзавцев, которые это сделали, — сказала женщина.

У Терциана екнуло сердце, когда он вспомнил, как трое мужчин, бросив посреди улицы свою жертву, кинулись ловить его бумаги. По какой-то непонятной причине он запомнил только их ботинки — с черными шнурками и толстой подошвой.

— Кто эти люди? — тупо спросил он.

Очки женщины съехали ей на нос, и Терциан увидел сузившиеся от ярости изумительные зеленые глаза, в которых ясно читалось желание убить.

— Думаю, те, кто считает себя копами, — сказала она.

Терциан привел свою спутницу в кафе возле площади Ле Аль, «Чрева Парижа», откуда был виден купол здания Биржи. Женщина настойчиво попросила занять столик внутри кафе, а не на улице, причем села так, чтобы видеть входную дверь. Свою спортивную сумку с надписью «Nike» она поставила на пол между ножками стола и стеной, но, как заметил Терциан, ручку сумки держала на коленях, словно в любой момент была готова вскочить и спасаться бегством.

Терциан старался держать руку так, чтобы было видно его обручальное кольцо. Ему хотелось, чтобы она его увидела; это упрощало ситуацию.

Пальцы женщины дрожали. Терциан заказал два кофе. «Нет, — произнесла она, — я хочу мороженого».

Терциан смотрел на нее, пока она делала заказ. Примерно его ровесница, лет двадцати девяти. Несомненно, в ней смешалось много разных рас, но вот каких? Такой плоский нос мог быть у жительницы Африки, Азии или Полинезии. В пользу последней

говорили и густые черные брови. Ровный коричневый цвет лица мог принадлежать кому угодно, только не европейке, однако такие светло-зеленые глаза бывают лишь у жителей Европы. В широком, чувственном рте было что-то нубийское. Черные волнистые волосы, собранные в тугой узел на затылке, могли принадлежать жительнице Африки, или восточной Индии, или, если уж на то пошло, Франции. Ее внешность была какой-то слишком необычной, слишком удивительной, эту женщину вряд ли можно было назвать красавицей — и вместе с тем она сразу бросалась в глаза, а значит, не могла принадлежать к преступному миру. Женщину с такой внешностью найти легче легкого.

Официант ушел. Женщина удивленно взглянула на Терциана своими большими глазами, словно не ожидала, что он все еще здесь.

— Меня зовут Джонатан, — сказал он.

— Я, — женщина на секунду запнулась, — Стефани.

— Правда? — скептически спросил Терциан.

— Да. — Она кивнула и полезла в карман за сигаретами. — Зачем мне лгать? Какая разница, знаете вы мое настоящее имя или нет?

— В таком случае, почему бы вам его не назвать?

Держа сигарету кончиком вверх, она немного подумала.

— Стефани Америка Пайс э Сильва.

— Америка?

Чиркнула спичка.

— Обычное португальское имя.

Терциан посмотрел ей в глаза.

— Но вы не португалка.

— У меня португальский паспорт.

Терциан едва не произнес: «Ну еще бы». Однако вместо этого он сказал:

— Вы знали убитого?

Стефани кивнула. Несмотря на глубокие затяжки, она не могла унять дрожь в руках.

— Вы его хорошо знали?

— Не очень. — Еще одна затяжка, колечко дыма. — Он был моим коллегой. Биохимик.

От удивления Терциан не нашел, что сказать. Стефани хотела стряхнуть пепел с сигареты в пепельницу с надписью «Онгапо», но от волнения промахнулась, и пепел рассыпался по скатерти.

— Черт, — сказала Стефани и одним движением смахнула пепел на пол.

— Вы тоже биохимик? — спросил Терциан.

— Я медсестра. — Она взглянула на него своими светлыми глазами. — Я работаю в «Санта-Кроче». Это…

— Благотворительная организация.

Католическая, насколько помнил Терциан. Она называлась «Святой Крест».

Женщина кивнула.

— Может быть, вам стоит пойти в полицию? — спросил Терциан. И тут он снова засомневался. — Ах да, это ведь полиция его и убила.

— Не французская. — Стефани наклонилась к нему. — Это совсем другая полиция. Та, в которой считают, что убить человека и арестовать его — это одно и то же. Смотрите сегодня вечерние новости. В них сообщат о смерти, вот только арестованных не будет. А также подозреваемых. — Лицо Стефани потемнело, она откинулась на спинку стула, обдумывая новую мысль. — Если только им как-нибудь не удастся все свалить на меня.

Терциан вспомнил бумаги, подхваченные ветром, и людей в тяжелых ботинках, пытающихся их поймать. Искаженное от боли, бледное лицо жертвы.

— Кто же это, в таком случае?

Сквозь сигаретный дым она бросила на него хмурый взгляд.

— Вы когда-нибудь слышали о Приднестровье?

Терциан запнулся, потом решил, что разумнее всего будет сказать «нет».

— Те убийцы — из Приднестровья. — Стефани криво улыбнулась. — Особый отдел, который занимается охраной интеллектуальной собственности. Адриана убили из-за его открытия, из-за его авторского права на это открытие.

В это время официант принес кофе Терциана и заказанное Стефани мороженое. Это была колоссального размера ваза, наполненная шариками всевозможных сортов в нежных пастельных тонах, щедро политых сверху ярким фруктовым сиропом; венчала это сооружение башня из взбитых сливок, из которой торчало игрушечное колесико на леденцовой полосатой палочке.

Стефани изумленно уставилась на вазу.

— Обожаю мороженое, — с трудом выговорила она, потом ее глаза наполнились слезами и она расплакалась.

Стефани плакала, между всхлипами зачерпывая полную ложку мороженого и отправляя ее в рот, после чего вытирала бумажной салфеткой губы и залитые слезами щеки.

Официант тихо стоял в углу, но, судя по его взгляду и стиснутым челюстям, считал, что именно Терциан расстроил такую красивую женщину.

Терциан чувствовал, что должен ей помочь, однако не знал как. Подойти к ней и обнять? Взять за руку? Позвать кого-нибудь, чтобы сбыть ее с рук?

Последнее было бы предпочтительней.

В конце концов он ограничился тем, что передал ей чистую салфетку взамен старой, насквозь промокшей.

Упоминание об отделе полиции Приднестровья, который занимался защитой интеллектуальной собственности, ничуть не развеяло сомнения Терциана. Странная какая-то история, не похоже, чтобы эти люди действовали по приказу. Обычно в основе всяких ловких комбинаций лежит чье-нибудь желание, или жадность, или страсть, но уж никак не нечто столь абстрактное, как интеллектуальная собственность. Если только не появилась какая-то новая банда гангстеров, которая охотится за учеными из Штатов.

Тем временем буря улеглась. Стефани отодвинула наполовину опустевшую вазу и потянулась за сигаретой.

Терциан постукивал по столу обручальным кольцом, как делал всегда во время размышлений.

— Может быть, стоит обратиться в местную полицию? — спросил он. — Вы что-то знаете об этой… смерти. — Ему почему-то не хотелось произносить слово «убийство». Словно оно сделало бы все реальным — в смысле не само убийство, а его, Терциана, к нему отношение; словно произнести «убийство» значило дать над собой некую власть.

Стефани покачала головой.

— Мне нужно уехать из Франции, пока эти парни до меня не добрались. Лучше бы вообще из Европы, но это трудно. Мой паспорт остался в номере гостиницы, а они уже наверняка там.

— И все из-за этого авторского права.

Ее губы скривились в злой улыбке.

— Правильно.

— Как я понимаю, речь идет не о литературе.

Она покачала головой, все с той же улыбкой.

— Ваш друг был биохимиком. — Терциан напрягся, уже зная, какой получит ответ. — Это оружие? — спросил он.

Вопрос ее не удивил.

— Нет, — ответила Стефани, — нет, как раз наоборот. — Она сделала затяжку и выпустила колечко дыма. — Это противоядие. Противоядие против человеческой глупости.

— Слушайте, — начала Стефани. — То, что Советский Союз распался, вовсе не означает, что вместе с ним исчез и «советизм». Он по-прежнему существует — с той только разницей, что ушло его моральное оправдание, вместо которого остались насилие и

вымогательство, замаскированные под закон и налоги. Империя исчезла, и вы у себя на Западе думаете, что это прекрасно, но на ее месте образовалось множество маленьких стран, которые теперь тоже хотят, чтобы им позолотили ручку. Вместо бывшей советской империи вы получили столько «инспекторов» и «сборщиков налогов», «таможенников» и «управлений безопасности», сколько у русских никогда не было. Все, чем занимаются эти люди, это без конца ощипывают свой народ, потому что больше с ними иметь дело никто не хочет, если только на их территории нет нефти или чего-то еще, что необходимо людям.

— Трэшкания — «страна — мусорный бак», — сказал Терциан.

Так когда-то назвали его историческую родину, бывшую советскую республику Армению, чья полуразрушенная экономика и деспотичный, кровавый режим правления поддерживались лишь миллионами долларов, которые присылали в свою страну американцы армянского происхождения, считавшие, что держать у власти банду убийц — значит давать свободу своей родине.

Стефани кивнула.

— И самая худшая из этих «стран — мусорных баков» — Приднестровье.

Выйдя из кафе, Терциан и Стефани взяли такси и поехали на левый берег Сены, в отель, где остановился Терциан. Войдя в номер, Терциан включил телевизор, но приглушил звук до выпуска новостей. Местный канал снова показывал какой-то американский фильм из жизни полицейских, в котором флегматичные, деловитые детективы вяло изображали, как им надоела вся эта возня с грязью.

Номер отеля не был рассчитан на огромную кровать, которая была в него втиснута, поэтому в комнате не осталось места даже для стульев. Желая показать Стефани, что не намерен затаскивать ее в постель, Терциан скромно примостился на краешке кровати, тогда как сама Стефани, скрестив ноги, удобно уселась в ее центре.

— Молдова была советской республикой, созданной по приказу Сталина, — сказала она. — В нее входила Бессарабия, которая когда-то была частью Румынии и которую Сталин оттяпал в начале Второй мировой войны, и небольшая полоска земли с промышленными предприятиями, расположенная вдоль берега Днестра. После падения Советского Союза Молдова стала «независимой». — Терциан чувствовал, что Стефани повторяет чьи-то слова. — Однако к народу Молдовы эта независимость не

имела никакого отношения, потому что вместо своих старых правителей он получил новую элиту, которая была не что иное, как бывшие советские чиновники, говорившие по-румынски и тут же принявшиеся обустраивать свои собственные дела, благо теперь их никто и ни в чем не ограничивал. И тогда Молдова начала распадаться — сначала от нее отделились турки-христиане…

— Подождите, — сказал Терциан, — разве есть турки-христиане? — Такого, будучи по происхождению армянином, он и представить себе не мог.

Стефани кивнула.

— Да, есть турки-христиане, православные. Это гагаузы, сейчас они живут в своей автономной республике, которая входит в состав Молдовы и называется Гагаузия.

Стефани полезла в карман за сигаретами и зажигалкой.

— Ох, — сказал Терциан, — вы не могли бы курить в окно?

Стефани поморщилась.

— Странный вы народ, американцы, — бросила она, однако подошла к окну и открыла его, впустив в комнату свежий весенний воздух. Присев на подоконник, она, сложив ладони лодочкой, зажгла сигарету.

— На чем я остановилась? — спросила она.

— На турках-христианах.

— Так вот. — Стефани выдохнула сигаретный дым в окно. — Гагаузия была только началом — после этого один русский генерал, столковавшись с кучкой мошенников и некоторыми чинами из КГБ, поднял мятеж в отдаленном районе Молдовы, который находится на противоположном берегу Днестра, и стал еще одним политическим деятелем, представлявшим, в сущности, только самого себя. И как только русскоговорящие повстанцы поднялись против своих румыноговорящих угнетателей, в дело вступила советская Четырнадцатая армия, которая объявила себя «миротворцем» и вместе с «голубыми касками» из ООН создала двадцатимильную зону, в которой не признавали иного правительства, кроме своего собственного. За этим последовало создание новой армии, пограничных территорий, администрации, налоговых органов, таможен и новых экс-советских органов управления, чьи работники рассчитывали на приличные подношения. И ко всему этому — сотня тысяч бедолаг, которых нужно было разместить в лагерях для беженцев, в то время как чиновники разворовывали деньги на их содержание… Но, — она ткнула сигаретой, как указкой, — у Приднестровья была одна проблема. Его не хотела признавать ни одна страна, оно занимало крошечную территорию и не имело никаких природных

ресурсов, кроме несовершеннолетних девчонок, которых тысячами отправляли на экспорт в публичные дома. Остальное население разбегалось кто куда, невзирая на то, что их паспорта не признавались практически ни в одной стране, а это вело к тому, что правящей элите было легче присваивать себе труд оставшихся в стране людей для поддержания своего хищнического постсоветского режима. Ведь все, что им досталось, — это масса устаревших предприятий тяжелой промышленности, чью продукцию никто не хотел покупать. И все же у них оставалась «инфраструктура». Электростанции, работающие на русском топливе, которое было им по средствам, и транспортная система. Поэтому один преступный режим пошел на сговор с другим преступным режимом, нуждавшимся в промышленных мощностях. Суть замысла состояла в том, чтобы освобождать определенных предпринимателей от большей части «налогов» в местную казну в обмен на их значительные взносы в казну высшего эшелона власти.

— Оружие? — спросил Терциан.

— Конечно, оружие, — кивнула Стефани. — Они производят в основном дешевые копии известных винтовок и автоматов, но их винтовки размером чуть ли не с гаубицу. Они пытались было развивать систему банков и информации, но ведь все это основывается на полном доверии, честности и строгом контроле, а когда всем заправляют мошенники и полные профаны, толку от этого не будет. И тогда они обратили взоры на биотехнологию. Появились фармацевтические фирмы, которые выпускали дешевые лекарства общего назначения, не обращая внимания на продукцию, запатентованную на Западе… — Лицо Стефани потемнело. — Не могу сказать, что меня все это так уж убивает, но я видела, как люди умирали тысячами, не имея возможности купить необходимое лекарство. Появились фирмы, которые занимались тем, что воровали данные западных исследований по генетике, а потом на их основе разрабатывали собственную продукцию. И до тех пор, пока они хорошо платят своей правящей элите, их компании не подвержены никакому контролю. Никто, даже правительство, не знает, что они производят на своих фабриках, и именно правительство охраняет их от любых неприятностей.

Терциан представил себе, как на какой-нибудь старой советской фабрике, где занимаются генной инженерией, появляются растения-мутанты с неизвестным генетическим строением, которые распространяются по всему миру. Трансгенные организмы, сброшенные в воды Днестра, попадают в Черное море и начинают быстро размножаться в благоприятной

соленой среде…

— Новости, — напомнила Стефани и показала на телевизор.

Терциан включил звук, и в комнату хлынули громкие позывные новостей.

После прогноза погоды начали передавать сообщение об убийстве на острове Ситэ. Жертву назвали «неизвестным иностранцем», которого ударили ножом; никто не был арестован. Мотив преступления неизвестен.

Терциан переключился на другой канал, но и там было то же самое. Версия происшествия не изменилась.

— Я же говорила, — сказала Стефани. — Никаких подозреваемых. И мотива.

— Вы могли бы рассказать об этом полиции.

Она махнула рукой.

— Я же не знаю, кто это сделал или где их искать. Кончится тем, что подозревать начнут меня.

Терциан выключил телевизор.

— Так что же все-таки случилось? Ваш друг что-то украл у этих людей?

Стефани вытерла лоб.

— Он украл то, что для них не представляло никакой ценности. Это нужно беднякам, которым нечем платить. А я, — она вышвырнула в окно окурок, — вывезу это отсюда как можно скорее. Только мне нужно кое с кем увидеться. — Стефани закрыла окно, и свежий ветер перестал гулять по комнате. — Мне необходим мой паспорт. Это многое бы изменило.

«Сегодня я видел, как убили человека», — подумал Терциан. Закрыв глаза, он вновь увидел, как падал человек с белым лицом, искаженным агонией так же, как сама действительность.

Как все-таки ему надоела эта долбаная смерть.

Терциан открыл глаза.

— Я схожу за вашим паспортом, — сказал он.

Он шел по улице, кипя от злости, и тут увидел тех самых убийц; они сидели за столиком уличного кафе-бара, расположенного напротив отеля Стефани. Терциан узнал их сразу, ему не нужно было смотреть на их тяжелые ботинки или широкие лица и по-военному подстриженные усы — эти люди выделялись из толпы своей явно не французской внешностью. Наверное, поэтому и Стефани тогда обратилась к нему по-английски: он был одет и держался не как француз, его самый обыкновенный пиджак и галстук уж никак не бросались в глаза. Терциан отвел взгляд, когда заметил, что люди за столиком смотрят на него.

Внезапно злость сменилась страхом, и Терциан быстро пошел к отелю, уверяя себя, что его не узнают, потому что теперь на нем голубые джинсы, кроссовки и ветровка, а в руках — мягкая сумка. И все же он чувствовал на себе тяжелый пристальный взгляд, который сверлил ему спину, и от этого Терциан так занервничал, что едва не упал, зацепившись за ступеньку перед прозрачными дверями вестибюля.

Терциан снял номер, расплатившись за него кредитной карточкой, взял у администратора-вьетнамца ключ и поднялся по узкой лестнице на третий этаж, который французы почему-то считали вторым. Вокруг не было ни души, и Терциан стал думать, куда мог деться третий убийца. Наверное, ищет Стефани где-нибудь в аэропорту или на железнодорожном вокзале.

Войдя в свой номер, Терциан поставил сумку на кровать — в ней было всего несколько сувениров и бритвенные принадлежности — и вынул из кармана ключ от номера Стефани, обыкновенный ключ с тяжелым керамическим брелком в виде дверной ручки.

Приступ страха и удивления, который он испытал, увидев тех двух мужчин, снова начал уступать место ярости.

Они сидели за столиком, уставленным кружками с пивом, причем две кружки были уже пусты.

Пьют на работе. Ведут наблюдение в пьяном виде.

Ублюдки. Подонки. Они могут кого-нибудь убить просто с пьяных глаз.

Возможно, что уже убили.

Терциан все еще сердился, когда вышел из своего номера и спустился на один этаж. За ним никто не следил. Открыв комнату Стефани, он вошел и быстро закрыл за собой дверь.

Он не стал включать свет. В этот час солнце стояло в небе на удивление высоко: Терциан уже заметил, что здесь оно садилось гораздо позже, чем у него дома. Возможно, в своем часовом поясе Франция находилась ближе к западу.

У Стефани был не чемодан, а большая нейлоновая сумка, что-то вроде той спортивной, которую она носила с собой. Терциан достал ее из шкафчика и тщательно проверил надпись на ярлыке: «Стеф. Пайс», чтобы окончательно развеять все свои сомнения.

Открыв сумку, он бросил туда паспорт и другие документы Стефани, которые нашел в прикроватной тумбочке. Добавил к ним легкую куртку и свитер, затем, уложив в пластиковую дорожную сумочку зубную щетку и эпилятор, отправил их в общую сумку.

Терциан решил, что поднимется в свой номер и переночует в отеле, чтобы не вызвать подозрений поспешным выселением из

номера, который только что занял. Утром, забрав обе сумки, он расплатится за ночлег и встретится со Стефани уже в своем отеле, где она проведет эту ночь и где, разумеется, будет нечем дышать от сигаретного дыма.

Открыв ящик комода, Терциан стал вытаскивать оттуда футболки Стефани, ее нижнее белье, чулки и вдруг подумал, что последний раз занимался подобным делом, когда убирал вещи Клер из их дома на Эспланаде.

«Черт. Дерьмо». Взглянув на тонкую ткань, которую держал в руках, Терциан почувствовал, как от новой волны бешенства у него застучало в висках.

И тут, в этой наполненной яростью тишине, он услышал скрип половиц и тихие шаги.

«Толстые военные резиновые подошвы», — подумал Терциан. На ботинках пьяных громил.

Инстинкт вопил, чтобы он ни в коем случае не оставался в комнате, где его легко можно было загнать в угол и убить. Бросив вещи Стефани обратно в комод, Терциан взял в руку мягкую сумку, подошел к двери и вдруг резко ее распахнул, изо всех сил ударив сумкой по лицу оторопевшего от неожиданности пьяного убийцы.

Терциан не появлялся в своей школе Кэнпо уже лет шесть, с тех пор как уехал из Канзас-Сити, однако некоторые рефлексы забываются не так-то легко, особенно после того, как тебя заставляли выполнять упражнение не одну тысячу раз, — и уж конечно, невозможно забыть прямой удар в грудь, от которого громила отлетел в сторону и ударился о стену коридора.

На какое-то мгновение Терциан испытал детскую радость, увидев, что парни ниже его ростом. Сейчас он их всех отделает. Второй трэшканианец уже вытащил пистолет, но Терциан, ударив его локтем в лицо, выхватил у него оружие и бросился бежать по коридору, остановившись лишь на одно мгновение. Этого оказалось достаточно, чтобы один из нападающих достал его в прыжке и нанес такой удар, что Терциан буквально влип в стену. Немного придя в себя и открыв глаза, он увидел пистолет.

В его мозгу звучал рев разъяренного зверя. Возможней Терциан взревел от ярости и на самом деле. Это был единственный способ не дать себе нажать на курок.

Пусть теперь смерть немного поработает и на него. А почему бы и нет?

Первый громила понял, что потерял свой пистолет. Он вытащил нож — сверкающий клинок, который, возможно, уже убил одного человека, — и шагнул к Терциану.

Направив пистолет на убийцу, Терциан нажал на курок.

Ничего не произошло.

Он нажал еще раз, и, когда пистолет снова не выстрелил, ярость Терциана сменилась ужасом — и он бросился бежать. Сзади пьяный громила запнулся за своего товарища и грохнулся на пол.

Терциан уже сбежал с лестницы, когда сзади по ступенькам загрохотали военные ботинки. Терциан стремглав пролетел через маленький вестибюль, мимо ночного портье-вьетнамца, до которого только сейчас начало доходить, что что-то случилось, и выскочил на улицу.

Терциан бежал не останавливаясь. В какое-то мгновение заметив, что все еще сжимает в кулаке пистолет, он быстро сунул его в карман ветровки.

Через несколько минут он понял, что его никто не преследует. И тут вспомнил, что паспорт и остальные документы Стефани остались в сумке, которую он швырнул в лицо нападавшему.

От злости и отчаяния он решил вернуться в отель и, если понадобится, под дулом пистолета заполучить ту сумку.

Однако, немного поостыв и решив, что это глупо и что подобный план все равно не сработает, вернулся в свой отель.

Перед уходом Терциан оставил ключ от своего номера Стефани, поэтому ему пришлось стучать в дверь. Подумав, что она вряд ли откроет на чей-то стук, он сказал: «Это я, Джонатан. Ничего не вышло».

Стефани рывком распахнула дверь. Ее лицо было взволнованным, в руках она держала статью Терциана, которую он дал ей почитать сегодня утром.

— Простите, — сказал он. — Они ждали вас возле отеля. Я забрался в вашу комнату, но…

Схватив его за руку, она втащила его в комнату и захлопнула дверь.

— За вами следили? — резко спросила она.

— Нет. Не стали. Может быть, решили, что не стоит связываться с человеком, который умеет обращаться с оружием. — Терциан достал из кармана пистолет. — Не понимаю, как я мог так свалять дурака…

— Где вы это взяли? Где вы это взяли? — Ее вопрос прозвучал как вопль, она отступила подальше, широко раскрыв глаза. Рука судорожно сжала листы бумаги. Терциан с удивлением обнаружил, что Стефани страшно испугалась, видимо решив, что он каким-то образом связан с убийцами.

Терциан бросил пистолет на кровать и поднял руки, жестом

показывая, что сдается.

— Да нет же, нет! — крикнул он, стараясь ее перекричать. — Он не мой! Я забрал его у одного из этих!

Стефани судорожно вздохнула. В ее глазах застыло дикое выражение.

— Да кто же вы, черт побери? — спросила она. — Джеймс Бонд?

Терциан презрительно хмыкнул.

— Джеймс Бонд знал бы, как из него стрелять.

— Я сейчас читала вашу статью. И все время думала: «Боже, во что я втянула этого парня, профессора, я же послала его на верную смерть». — Она провела рукой по лицу. — Наверное, они наставили в моем номере жучков. Поэтому сразу узнали, что туда кто-то вошел.

— Они были пьяны, — сказал Терциан. — Может быть, вообще пили целый день. Эти чертовы ублюдки меня достали.

Он сел на кровать и взял в руки пистолет. Маленький, вороненый, тяжелый. Последний раз Терциан стрелял много лет назад и уже забыл, что оружие действует четко, целенаправленно и просто. Нащупав пальцем предохранитель, Терциан снял его, затем поставил снова.

— Вот, — сказал он, — вот что я должен был сделать.

Ярость клокотала во всем его теле, выбрасывая в кровь адреналин. Внезапно ему захотелось расхохотаться, и он едва сдержался.

— Думаю, мне все-таки повезло, — сказал он. — Иначе вам пришлось бы объяснять, откуда перед вашим номером взялась парочка трупов. — Он взглянул на Стефани, которая нервно расхаживала между стеной и кроватью, и было видно, что ей отчаянно хочется закурить. — Жаль, что с паспортом не вышло. А кстати, куда вы собирались ехать?

— Какая вам разница, куда поеду я? — сказала она, бросив на Терциана быстрый и тревожный взгляд. — Вы ведь сможете отвезти их куда надо, верно?

— Их? — Терциан уставился на Стефани. — Кого это «их»?

— Вирусы. — Стефани перестала ходить и посмотрела на него зелеными глазами. — Адриан успел мне их передать. Перед тем, как его убили. — Терциан перевел взгляд на черную сумку с надписью «Nike», которая стояла на его кровати.

Терциану сразу расхотелось смеяться. «Итак, кто-то выкрал новый вид вирусов», — подумал он. Которые сейчас находятся в его номере. Вместе с украденным пистолетом и женщиной, которая, возможно, не в своем уме.

Вот дерьмо.

В выпуске новостей сообщили, что убитого звали Адриан Кристи, что он был гражданином Украины, ученым-исследователем. Он умер от ножевого ранения в почку, не успев назвать имена нападавших. По сообщению свидетелей, сразу после смерти Кристи с места происшествия быстро ушли двое или трое мужчин. Мишель запустила новых «пауков».

Ей захотелось вызвать Даву и сообщить ему, что Терциан, возможно, стал свидетелем убийства, но затем она решила подождать, пока не появится еще какая-нибудь информация.

Следующие часы Мишель посвятила своей основной работе, изучая образцы морской фауны, которые нашла в сульфидно-черных водах озера Зигзаг. За эти образцы она получит не более нескольких сотен калорий.

Ветер шевелил верхушки деревьев, принося с собой запах ночных цветов и раскачивая ветку, на которой устроилась Мишель со своим диктофоном. Внезапно она вспомнила тяжесть тела Дартона, когда, слившись с ней в единых движениях, он смотрел ей в глаза, чтобы наблюдать ее реакцию. Внезапно Мишель ощутила на языке вкус его кожи.

Поднявшись с плетеного сиденья, она пошла по ветке. «Черт бы тебя взял, — подумала она, — я же видела твою смерть».

Вернувшись к деке, Мишель увидела, что «пауки» доставили полицейский отчет о смерти Кристи. Компьютерный переводчик легко справился со старофранцузским, приведя даже современные эквиваленты старых медицинских терминов. По своему происхождению Кристи был румыном, родился в бывшем СССР и после его распада получил украинское гражданство. Судя по французскому переводу его личных украинских документов, он застраховал свою жизнь, оплатил экологическую страховку, заплатил налог на выезд из Приднестровья, о котором Мишель вообще никогда не слыхала, и оформил соответствующие документы на выезд из Молдовы, о которой Мишель было известно только то, что это то ли провинция, то ли страна.

Что это за места, где нужно было покупать страховку, чтобы пересечь границу? И что такое экологическая страховка?

Была информация об электронной переписке между французскими и украинскими властями по поводу Кристи, в которой украинцы вежливо отвечали, что ничего не знают об этом человеке, за исключением того, что он был гражданином их страны. Его адресом они не располагали.

Кристи явно покинул Приднестровье, однако французские власти, так же как и украинские, сообщали, что ничего о нем не знают.

Судя по билетам и счетам, Кристи доехал в поезде до Бухареста, потом пересел на самолет до Праги, а оттуда прилетел в Париж. Не проведя в Париже и одного дня, он был убит. В номере отеля, где остановился Кристи, был найден странный документ, в котором говорилось, что Кристи занимался медицинскими исследованиями, в частности разработкой вакцины против гепатита А. Мишель показалось странным, что ему понадобилось везти вакцину из Приднестровья во Францию, где была своя вакцина от всех видов гепатита.

Однако никакой вакцины найдено не было. Очевидно, Кристи пересек границу Европейского сообщества без таможенного досмотра.

Пропавшая «вакцина» — так скептически назвали ее французские власти — убедила парижскую полицию, что на самом деле Кристи был обычным наркокурьером. И полиция потеряла к нему всякий интерес. Найти киллера в мире профессиональных торговцев наркотиками было делом почти безнадежным.

Похоже, поиски Мишель зашли в тупик. Тому, что Терциан стал свидетелем убийства, Даву отведет, наверное, полстроки.

Затем Мишель проверила информацию, которую ей доставили «пауки», и немного повеселела.

Она увидела Терциана — это был старый снимок, на котором он стоял в базилике ди Санта-Кроче, возле могилы Макиавелли. Терциан немного отвернулся, но его лицо было хорошо видно. На снимке не было даты, однако ее можно было определить по одежде Терциана — той же самой, что и в кадре видео, где он разговаривал с какой-то женщиной, высокой и смуглой. Она стояла вполоборота к камере, к тому же соломенная широкополая шляпа полностью закрывала ее лицо.

Что-то мурлыча себе нос, Мишель стала вызывать все про граммы, чтобы узнать, была ли это та самая женщина, которая опиралась на руку Терциана на площади Дофина. Без четкой фотографии программы выдавали довольно приблизительную информацию, однако пропорции конечностей, а также размер грудной клетки позволяли определить с точностью примерно до 41 процента, что это была именно она. Мишель осталась довольна.

Появилась еще одна фотография Терциана — и снова без указания даты. Он был на каком-то празднике в южной Франции. На Терциане были черные очки, он очень загорел; в каждой руке он держал по бокалу вина, но человек, которому предназначался второй бокал, остался за кадром. Мишель запросила данные о церкви, которая находилась за спиной Терциана, тем более что по

двум ясно видневшимся колокольням определить это было нетрудно. Ей повезло, ответ пришел сразу: это была церковь Эглиз Сен-Мишель в городе Салон-де-Прованс, значит, Терциан присутствовал на июньском Празднике урожая. Мишель послала новых «пауков», чтобы достать побольше фотографий и видеокадров с этого праздника. Она не сомневалась, что нашла Терциана и, возможно, его спутницу.

В отличном настроении Мишель повалилась в гамак. Поиски шли отлично. Терциан встретил в Париже женщину и отправился с ней путешествовать. Зачем, Мишель еще не знала, но надеялась выяснить.

Любовный роман. Одинокая сирена любила романы, особенно любила уехать куда-нибудь подальше, чтобы никто не мешал наслаждаться обществом возлюбленного.

Так когда-то поступила и она, пока все вдруг не пошло кувырком и ей не пришлось заново создавать свой мир.

Терциан заказал для Стефани отдельный номер не столько из галантности, сколько из желания побыть одному и собраться с мыслями.

— Внизу есть буфет, — сказал он ей, — по утрам там можно купить вареные яйца, круассаны и «Нутеллу». Совершенно не французский завтрак. Рекомендую попробовать.

Терциан не думал, что когда-нибудь вновь встретит Стефани. Она могла исчезнуть в любой момент, возможно решив, что отдельные номера он заказал для того, чтобы без помех позвонить в полицию и тем самым положить конец всей этой безумной истории.

Терциан не собирался никуда звонить. Наверное, ему передалось настроение Рорти — «Мне все равно». К тому же в том буфете он не был ни разу. Вскоре Стефани постучала в его номер, и он, быстро натянув джинсы, открыл дверь. Она вошла, в облаке сигаретного дыма, со своей спортивной сумкой через плечо.

— Как вы платили за номер? — спросила Стефани.

— Кредитной карточкой, — ответил Терциан и вдруг замер; образ бравого Джеймса Бонда тут же полинял.

Ибо по кредитной карточке можно найти человека. Приднестровцам достаточно проверить регистрационную книгу отеля, и тогда все, он обнаружен. Это не займет у них много времени.

— Черт, надо было предупредить вас, чтобы вы расплачивались наличными, — сказала Стефани и осторожно выглянула в окно. — Возможно, они уже здесь.

Терциану захотелось схватиться за пистолет. Достав его из

тумбочки, он встал посреди комнаты, чувствуя, что ему холодно, что он полуголый и что вообще он полный идиот.

— Сколько у вас денег? — спросил Терциан.

— Пара сотен.

— У меня меньше.

— Вам нужно полностью растратить свою кредитную карточку и купить евро. И побыстрее, пока они ее не аннулировали.

— Аннулировали? Как ее можно аннулировать?

Сжав губы, Стефани бросила на него нетерпеливый взгляд.

— Джонатан, может, они и ублюдки, только не забывайте, что эти люди все еще правят своей страной.

Взяв такси, они доехали до «Американ Экспресс» возле здания Оперы, и Терциан купил десять тысяч евро — поначалу клерки с большим сомнением отнеслись к его документам, однако потом были вынуждены признать, что технически в них все правильно. Затем Стефани приобрела мобильник на имя «А. Сильва», заплатив за несколько часов разговоров, и вскоре они уже мчались в экспрессе по направлению к Ницце со скоростью примерно двести километров в час, не чувствуя при этом ни шума, ни вибрации, а за окном нереально быстро проносились французские предместья.

Терциан купил билеты первого класса, поэтому они со Стефани вдвоем сидели в купе, рассчитанном на четверых. Стефани сердилась, потому что это был вагон для некурящих. Терциан чувствовал себя не в своей тарелке, потому что имел на руках кучу денег, с которыми не знал, что делать. Разделив их на две пачки, он распихал их по карманам ветровки и застегнул на молнию. Пистолет лежал у него в кармане джинсов, постоянно напоминая своей тяжестью, что он, Терциан, влип в историю, что его преследуют убийцы из Трэшканистана и что он везет незаконно полученные результаты биотехнологических исследований.

Терциан мысленно тренировался выхватывать пистолет и стрелять. И каждый раз напоминал себе, что сначала его нужно снять с предохранителя. На тот случай, если в поезд ворвутся коммандос из Трэшканистана.

— Швырнули в жизнь, — пробормотал он. — Наглядный пример теории Хайдеггера.

— Что?

Терциан посмотрел на Стефани.

— Хайдеггер говорил, что нас швыряют в жизнь. Так же как меня швырнули в… — Он махнул рукой. — Не важно во что. Определенная ситуация возникает до того, как ты в нее

попадаешь, а когда попадаешь, то вынужден все принимать как оно есть. — Терциан ухмыльнулся. — Он также говорил, что основным признаком существования является страх смерти, что вполне соответствует нашей ситуации. А значит, согласно учению Хайдеггера, свое существование, то есть йазет, если применять его термин, нужно превратить в истинно осуществимый, подлинный проект. Ну так как, в чем состоит ваш проект? Он осуществим?

Стефани нахмурилась.

— Что?

Терциан уже не мог остановиться, да и не хотел. Ведь это из-за Стефани он вынужден читать какую-то дурацкую лекцию, а не стрелять и размахивать кулаками.

— Либо, — продолжал он, — выражаясь более понятно, нужно представить себе, что мы снимаемся в каком-нибудь фильме Хичкока. Например, в той сцене, где Грейс Келли говорит Кэри Гранту, кто она на самом деле и в какое дерьмо он влип.

На лице Стефани застыло враждебное выражение. Возможно, она не до конца поняла Терциана и сразу же ощетинилась.

— Я вас не совсем понимаю, — сказала она.

— Что в этой долбаной сумке? — резко спросил он.

Стефани ответила ему долгим взглядом, затем с яростью произнесла:

— В ней находится решение проблемы голода на планете. Это для вас достаточно осуществимо?

Отец Стефани родился в Анголе, мать — в Восточном Тиморе, то есть в бывших португальских колониях, на которые после кровопролитной борьбы за независимость свалилось великое множество проблем. Оба догадались сохранить свои португальские паспорта и встретились в Риме, где работали в одном из отделений ЮНЕСКО и воспитывали свою Стефани, каждый на свой манер.

Стефани окончила университет в Виргинии по специальности «администрирование», поэтому могла легко говорить по-английски, затем обучилась профессии медсестры и отправилась работать в католическую благотворительную организацию «Санта-Кроче», которая посылала ее в свои самые отдаленные, опасные и голодные миссии, затерянные в песках Африки. Но иногда она отправлялась и не в Африку.

— Трэшканистан, — сказал Терциан.

— Молдова, — сказала Стефани. — Я провела там три месяца, вроде как на каникулах. — Она поежилась. — Не стану скрывать, это было ужасно. Я привыкла к подобным вещам в Африке, но чтобы такое происходило в развитой стране… Военные диктаторы, национальные распри, население под дулом автоматов, лесные массивы, превращенные в пустыню, потому что людям внезапно понадобились дрова… — Изумрудные глаза Стефани блеснули. — Это все политика, да? Как в Африке. Голод, лагеря беженцев — это было политикой еще до того, как я появилась на свет. Народ целой страны голодает только потому, что кому-то это выгодно. Сейчас трудно уничтожить население страны, которая тебе не нравится, — для этого нужно начать войну, а это дорого, к тому же придется давать объяснения в

ООН, так что в результате можно оказаться в Гааге и попасть в тюрьму за военные преступления. Но есть и другой путь — достаточно дождаться неурожайного года, когда люди начнут голодать, и вот тогда твои бывшие враги будут готовы отдать все на свете в обмен на продукты, а ты спокойно получаешь помощь из ООН, объявляешь себя спасителем, организуешь по стране сеть благотворительных организаций и спокойно собираешь с них дань, твои враги оказываются в лагерях, а ты вводишь в страну свои войска, которые не встречают ни малейшего сопротивления, после чего тихонько избавляешься от врагов, берешь в свои руки контроль над распределением продуктов, которые оказываются на складах правительства, откуда их можно продавать голодающим, а можно и отправлять на экспорт, получая за это прибыль… — Стефани снова поежилась. — Так устроен мир, да? Нет, так больше не будет! — Схватив сумку с надписью «Nike», она тряхнула ею перед лицом Терциана.

В Молдове Стефани было поручено наладить контакты с местными благотворительными организациями, руководством некоторых заводов и правительством. Поэтому, когда до Приднестровья долетела новость о каком-то открытии в области биотехнологии, Стефани узнала о нем одной из первых.

— И что это такое? — спросил Терциан. — Какая-нибудь генетически модифицированная пища?

— Нет. — Она слабо улыбнулась. — Генетически модифицированный потребитель.

Промышленные компании Приднестровья занимались в основном выпуском дешевых лекарств и трансгенных продуктов на основе украденных западных патентов. В их лабораториях занимались всем подряд, в частности там располагали и ДНК человека, животных и растений. Все результаты исследований, все виды продукции были запатентованы, на некоторых даже стоял личный знак исследователя. Все это было продукцией, которую разрешало запатентовывать правительство США в надежде, что кому-то это может принести ощутимую пользу. Но полулегальные компании занимались только одним: выпуском продукции, без которой, по их мнению, не может жить человек, а именно: наркотики и пища.

И не только человек — животные тоже. Тощие, зараженные туберкулезом овцы или свиньи никому не нужны, поэтому на животных нужно тратить столько же денег, как и на человека. Поэтому однажды один из членов правительства, после изрядной порции «зубровки», сказал: «А зачем нам все эти заботы с кормлением животных? Почему они не питаются сами, как растения?»

И вот тогда и появился Зеленый Свиной Проект, согласно которому нужно было вывести таких свиней, которые сами вырабатывали бы для себя пищу, просто гуляя на солнце, и при этом набирали вес и вообще чувствовали себя прекрасно.

— Зеленые свиньи, — повторил озадаченный Терциан. — Людей убивают ради зеленых свиней?

— Да нет же, нет. — Стефани махнула рукой. — Эту идею никто не воспринял всерьез, потому что сразу встал вопрос: а почему свиньи? Адриан тогда сказал: «Почему мы должны останавливаться на животных — почему бы не создать людей, жизнедеятельность которых основана на фотосинтезе?»

— Нет! — воскликнул потрясенный Терциан. — Вы хотите создать зеленых людей?

Стефани посмотрела на него.

— А чем вам не нравятся толстые, счастливые зеленые люди? — Ее пальцы нервно выбивали дробь по ручкам сиденья. — Мне, например, зеленая кожа очень бы пошла — как раз под цвет глаз. Разве не красиво?

— Хотелось бы мне на это посмотреть, — сказал Терциан, еще не придя в себя от изумления.

— Адриан был очень умным человеком, — сказала Стефани. — Эти приднестровцы убили своего гения. Он все хорошо продумал. Он хотел, чтобы зеленой оставалась только кожа, а не мышцы и кости, поэтому начал с создания вируса, который бы оказывал воздействие на эпидермис, и тот бы реагировал, — так возникают папилломы, то есть бородавки, да?

«Отлично, теперь у нас будут зеленые бородавки», — подумал Терциан, но смолчал.

— Итак, чтобы вы сделали на месте Адриана? Вы бы заставили этот вирус вырабатывать хлорофилл. То есть вирус в организме человека под действием солнечного света начинает реагировать и выбрасывает в кровь хлорофилл.

Терциан с сомнением посмотрел на Стефани.

— Вряд ли это сработает, — сказал он. — Растения получают сахар и кислород из хлорофилла, это верно, но им не нужно добывать себе пищу, они находятся на одном месте. Если в кожу человека ввести хлорофилл, сколько он получит калорий? Десятки? Сотни?

Стефани слегка улыбнулась.

— Дело не только в хлорофилле. Вопрос еще и в обмене электронов. У растений это происходит в хлоропласте, но у человека для этого существуют митохондрии. Для выработки хлорофилла не нужно создавать такую громоздкую структуру, вы используете то, что у вас под рукой. Итак, Адриан сделал вот что:

он ввел меченые электроны в реакцию выработки белка, которые направились к митохондриям, уже получившим белок, чтобы осуществить обмен электронов. В результате митохондрии, как обычно, забирают электроны из хлорофилла, и когда вирус начинает действовать, вы получаете тысячи калорий, просто стоя на солнце. Конечно, полностью заменить пищеварительный процесс это не может, а вот сдержать голод — да, голодающим нужно будет всего лишь постоять на солнце.

— Вряд ли исландцы при этом когда-нибудь наедятся досыта, — заметил Терциан.

Стефани разозлилась.

— Исландцы не голодают. Голодают почему-то жители районов с жарким климатом.

Терциан хлопнул в ладоши.

— Отлично. Значит, я расист. Подайте на меня в суд.

Стефани заулыбалась.

— Я еще не рассказала о самом интересном открытии Адриана. Когда люди снова вернутся к обычному пищеварению, в митохондриях начнется процесс конкуренции между обычным обменом веществ и обменом электронов, вызванным действием солнечного света. Таким образом, зеленый вирус — это своего рода запасная система пищеварения на тот случай, если с обычной что-то случится. — Лицо Стефани сияло. — Голод больше никогда не будет оружием, — сказала она. — Зеленая кожа поможет голодающим продержаться до прибытия помощи. Она поможет им пережить болезни, связанные с нарушением обмена веществ. Вот что главное, — она погрозила небу кулаком, — плохие парни больше не будут использовать голод в качестве оружия! Голоду придет конец! Сейчас на ваших глазах умирает один из четырех Всадников Апокалипсиса, вот прямо сейчас, ибо в моей сумке находится его смерть! — Стефани с такой силой швырнула сумку на колени Терциану, что он, вздрогнув от неожиданности, едва успел ее поймать.

Стефани ухмыльнулась и насмешливо сказала:

— Я думаю, что даже ваш чертов нацист Хайдеггер счел бы мой проект вполне осуществимым. Вы согласны со мной, герр доктор Терциан?

«Вот ты где», — подумала Мишель. Она смотрела на фотографию Терциана, сделанную на Празднике урожая. Рядом с ним стояла та самая смуглая женщина, в той же соломенной широкополой шляпе, которая была на ней во флорентийской церкви, и с той же черной сумкой через плечо, только на этот раз лицо женщины было видно на целых три четверти, к тому же

была четко видна и рука, сжимающая трубочку мороженого.

Над дисплеем компьютера кружились ночные насекомые. Разогнав их рукой, Мишель продолжила работу. Снимок был цифровым, и она смогла его увеличить.

Она с удивлением обнаружила, что у женщины зеленые глаза. Чернокожие женщины с радужкой зеленого цвета — или оранжевой, или зеленовато-желтой, или чисто желтой — сейчас не были такой уж редкостью, но тогда, во времена Терциана, это было что-то необычное. Ну что ж, легче будет искать.

— Мишель!

Голос прозвучал в тот самый момент, когда она послала на поиск новых «пауков». Мишель вздрогнула.

— Мишель, — снова позвал голос.

Это был Дартон.

Сердце Мишель отчаянно забилось. Закрыв деку, она убрала ее в свою сумку, затем перебралась с железного дерева на баньян. Из-за дрожи в коленях она едва не свалилась, оступившись на своем канатном мостике. Забравшись на широкую ветку баньяна, Мишель стала вглядываться в морскую даль.

— Мишель…

На юго-западе, между островом сирены и соседним островком, виднелось бледное пятно света — маленькая лодочка, пляшущая на волнах.

— Мишель, где ты?

Голосу ответили тишина и плеск волн. Мишель вспомнила шип в своей руке и долгий, мучительно долгий подъем на холм, возвышающийся над озером Медуз. И Дартона — бледного, хватающего ртом воздух и умирающего у нее на руках.

Это озеро было одним из чудес света, но крутая тропинка, ведущая вверх по скалистой гряде, отделяющей озеро от океана, была почти непреодолима и для здорового человека, что уж тут говорить об умирающем. Когда Мишель и Дартон — в то время они были обезьянами — вылезли из своей лодки, то не стали забираться вверх по горной тропинке, а, перескакивая с ветки на ветку, пошли по железным деревьям и гуавам, старательно избегая острых шипов ядовитых растений с их смертельным черным соком. Хотя подобный способ передвижения был легче, чем по земле, оба были очень рады, когда наконец добрались до прохладного озера.

Десятки тысяч лет назад уровень этого озера был выше, а когда воды стало меньше, озеро оказалось отрезанным от моря, а вместе с ним и медузы Mastigias sp., которые быстро съели всю мелкую рыбу, которая там обитала. Как и люди когда-то, медузы перестали заниматься охотой и собирательством и перешли на

сельское хозяйство, то есть начали питаться водорослями, из которых получали необходимый им сахар. По ночам медузы опускались на дно озера, где в бедных кислородом сернистых глубинах они удобряли колонии водорослей; на рассвете медузы поднимались на поверхность и весь день плавали, двигаясь вслед за солнцем и впитывая его энергию.

Мишель и Дартон увидели миллионы всевозможных медуз — от крошечных, размером с ноготь, до крупных, с суповую тарелку, которые золотисто-коричневой массой скопились на середине озера. Загребая своими длинными руками, сиаманги плавали в озере, весело смеясь и перекликаясь, а медузы нежно, словно перышки, прикасались к их коже. Температура воды примерно равнялась температуре обезьяньего тела, поэтому купаться в озере было все равно что купаться в супе, а медуз было так много, что Мишель даже захотелось по ним пройтись. Их мягкое прикосновение было почти эротичным, чувственным — словно легкое, дразнящее касание кончиком пальца.

Проведя в озере тысячи лет и не имея возможности охотиться, медузы потеряли способность обжигать. Очень немногие люди могли бы заметить легкое жжение от их прикосновения.

Но были, однако, люди и куда более чувствительные.

Дартон и Мишель выбрались из озера уже в сумерках, и Дартон уже тогда тяжело дышал. Он сказал, что, наверное, переутомился и ему нужно отдохнуть и поесть, но, неловко прыгнув с дерева палаун, он сорвался и полетел вниз, обрывая листья с ветвей, прямо на острый известняковый выступ.

Мишель с бьющимся сердцем спрыгнула на землю. Дартон был мертвенно-бледен и задыхался. Им некого было позвать на помощь, единственное, что могла сделать Мишель, это взять лодку и плыть в Корор или на другой остров. Она подняла Дартона, обхватив его за плечи, и потащила вверх по склону холма. Он свалился прямо возле ядовитого дерева, и тогда Мишель собой закрывала его от ядовитых капель до тех пор, пока он не умер. Ее спина горела от ядовитого сока, а она шептала на ухо Дартону слова прощания. Она так и не узнала, слышал он ее или нет.

На следствии коронер сказал, что у Дартона, с его редчайшим видом аллергии, практически не было никакого шанса, и, пытаясь ее утешить, заявил, что она все равно не смогла бы ничего сделать. Торбионг, который помог Мишель и Дартону попасть на этот остров, предложил ей пожить в его семье. В ответ на приглашение Мишель попросила разрешить ей перенести свой лагерь на другой остров и остаться там работать.

Она также превратила себя в сирену, которая быстро стала местной романтической легендой.

А теперь Дартон вернулся; он болтался на моторной лодке между островами, звал ее по имени и кричал в рупор.

— Мишель, я люблю тебя, — эти слова ясно прозвучали в ночной тишине.

У Мишель пересохло во рту, пальцы сложились в знак «уходи».

Наступила тишина, затем Мишель услышала, как заработал лодочный мотор. Проплыв в пятистах метрах от нее, Дартон направился к северной части острова.

«Уходи…»

— Мишель…

Снова прозвучал голос Дартона. Все ясно: он не знает, где она. Теперь нужно осторожнее пользоваться фонарем.

«Уходи…»

Дартон еще долго звал ее; затем заработал мотор, и лодка ушла. Тогда Мишель подумала, что он, возможно, станет объезжать все триста островов, входящих в группу Скалистых.

Но нет, Мишель знала, что Дартон куда умнее.

Ей лучше подумать о том, что она будет делать, когда он ее найдет.

В голове Терциана вихрем закружились тысячи вопросов, когда он открыл сумку Стефани и достал оттуда маленький пластиковый контейнер, похожий на коробку для рыболовных крючков. Открыв крышку, он увидел несколько склянок, упакованных в темно-серый пенопласт. Внутри склянок находилась какая-то светло-золотистая мерзость.

— Папилломы, — сказала Стефани.

Терциан быстро захлопнул крышку контейнера, чтобы никто не заметил, что он разглядывает его содержимое. Если его схватят по подозрению в перевозке наркотиков, пачки денег и пистолет вряд ли помогут ему оправдаться.

— А что вы собираетесь со всем этим делать, когда доберетесь туда, куда направляетесь?

— Вылить на кожу. Под действием солнечного света препарат начнет действовать.

— А вы его испытывали?

— На людях? Нет. Да и зачем? Ведь на макаках-резусах он действует превосходно.

Терциан побарабанил пальцем по ручке сиденья.

— А его можно… подхватить? Я хочу сказать, что если это вирус, он может передаваться от одного человека другому?

— Только через кожу.

— Значит, может. Например, ребенку от матери?

— Адриан считал, что этот вирус не сможет проникнуть через плаценту, но проверить это не успел. Если матери захотят передать вирус своим детям, им придется делать это специально. — Стефани пожала плечами. — Как бы там ни было, мне кажется, матери не будут возражать, если у них появятся зеленые дети, главное, чтобы они были здоровыми. — Она посмотрела на склянки, лежащие в своих серых гробиках. — Этого количества хватит на десятки тысяч человек. А потом мы легко получим новые порции.

«Если матери захотят передать вирус своим детям»…

Терциан закрыл контейнер.

— Вы не в своем уме, — сказал он.

Склонив голову набок, Стефани смотрела на него с таким видом, словно заранее знала, что он это скажет, и ей заранее было смешно.

— Почему?

— Как бы вам это объяснить? — Застегнув молнию на сумке, Терциан бросил ее на колени Стефани, с удовольствием отметив, что подобной реакции она не ожидала. — Вы собираетесь применить не прошедший испытания трансгенный вирус не где-нибудь, а в Африке — в Африке! Континенте, и так пережившем множество эпидемий. И какой вирус — полученный кучкой нелегальных фармакологов несуществующей страны, где свирепствует тайная полиция. Из всего этого я делаю вывод, что ваша затея может обернуться катастрофой.

Стефани поднесла руку ко рту, забыв, что в ней нет сигареты.

— Хочу обратить ваше внимание вот на что. Мы испытывали вирус на животных. Адриан получил целое семейство ярко-зеленых резусов, они жили у него в лаборатории до тех пор, пока проект не был закрыт и обезьян не пришлось… э-э… ликвидировать.

— Но почему компания закрыла проект?

— Деньги. — Стефани скривила губы. — Голодающие бедняки не могут платить за лечение, поэтому лекарства приходится раздавать почти даром. Прибавьте к этому бесконечные дурные слухи, которые незаконным биотехнологическим компаниям, находящимся в непризнанной толком стране, вовсе не нужны. Миллионы людей впадают чуть ли не в истерику, когда речь заходит о трансгенных растениях, а теперь представьте себе, что будет, когда те, кто не может спокойно смотреть на трансгенный стручок перца, вдруг узнают о создании трансгенного вируса человека. Поэтому компания

решила, что лучше не рисковать. И закрыла проект. — Стефани бросила взгляд на сумку. — Но Адриан ведь сам побывал в лагерях для беженцев. Человек без родины, беженец из Молдовы, он не находил себе места от мысли, что решение проблемы голода находится в холодильнике его лаборатории и им никто не занимается. И тогда, — она показала на сумку с надписью «Nike», — он вызвал меня. Взял отпуск и поселился в отеле «Генрих IV» на площади Дофина. И я думаю, что, видимо, допустил какую-то ошибку, потому что…

На глаза Стефани навернулись слезы, и она замолчала. Терциан, который к этому времени твердо решил, что с него достаточно, отвернулся к окну и стал смотреть на красочные пейзажи Прованса. Вдали, на востоке, на фоне синего неба виднелись белоснежные вершины Альп, в садах сияли свежей листвой миндаль и оливы, а на склонах холмов зеленели стройные ряды виноградников. В лучах заходящего солнца серебрилась Рона.

— Я буду вашим посредником, — сказал Терциан. — Но я не намерен распространять по всему миру сомнительный продукт ваших биотехнологических исследований.

— Тогда вас просто схватят и убьют, — сказала Стефани. — Причем абсолютно ни за что.

— Мой опыт показывает, — сказал Терциан, — что убивают всегда ни за что.

Стефани сердито фыркнула.

— А вот мой опыт показывает, — насмешливо сказала она, — что убивают большей частью ради выгоды. И я хочу, чтобы массовое убийство сделалось невыгодным предприятием. Я хочу разрушить рынок, на котором торгуют голодом. — Она снова фыркнула, повеселев от своей шутки. — Это будет мой прощальный антикапиталистический жест.

Терциан никак не отреагировал на ее слова. «Жесты, — подумал он, — это всего лишь жесты». Они никогда не влияли на основы мира. Если не станет возможности уморить народ голодом, найдутся пули. Или гербициды производства незаконных приднестровских корпораций.

За окном поезда со скоростью двести километров в час пролетали пейзажи в ярко-зеленых тонах. Пришел проводник, и они купили у него по чашке кофе и сэндвичи.

— Возьмите мой телефон, позвоните жене, — сказала Стефани, снимая со своего сэндвича целлофановую обертку. — Скажи те ей, что ваши планы изменились.

Очевидно, она заметила его обручальное кольцо.

— Моя жена умерла, — сказал Терциан.

Стефани посмотрела на него с удивлением.

— Простите, — сказала она.

— Рак мозга, — сказал он.

Хотя на самом деле все было куда сложнее. Сначала Клер жаловалась на боли в спине, и ей сделали операцию, удалив из позвоночника опухоль. За этим последовала пара недель сумасшедшей радости и облегчения, а потом боли возобновились и было обнаружено, что метастазы проникли в мозг и операция невозможна. Химиотерапия ничего не дала. Клер умерла через шесть недель после своего первого визита к врачу.

— А другие родственники у вас есть? — спросила Стефани.

— Родители тоже умерли. Автокатастрофа и аневризм. — Терциан ничего не сказал о том, что дядя Клер, Джеф, и его партнер Луис умерли друг за другом от СПИДа с разницей в восемь месяцев, оставив ей старинный дом в викторианском стиле, расположенный на Эспланаде, в Новом Орлеане. Дом, который он, Терциан, продал за шестьсот пятьдесят тысяч долларов, внутреннее убранство — еще девяносто пять тысяч, и коллекция дяди Джефа — лошади в изобразительном искусстве — еще сорок одна тысяча.

Терциану не хотелось говорить, что у него полно денег и он может плавать вокруг Европы годами.

Сказать об этом Стефани — значит спровоцировать ее на новые глупости.

Последовало долгое молчание. Его нарушил Терциан.

— Я читал шпионские романы, — сказал он, — поэтому знаю, что нам нельзя ехать туда, куда мы покупали билеты. Нам нельзя даже приближаться к Ницце.

Стефани немного подумала, затем сказала:

— Мы поедем в Авиньон.

Они провели в Провансе почти две недели, останавливаясь в дешевых отелях, которым министерство по туризму не присвоило даже одной звезды, или в крестьянских домиках, где сдавались комнаты. Всю свою энергию Стефани тратила на то, чтобы связаться по мобильнику со своими коллегами в Африке, что ей удавалось из рук вон плохо, отчего она находилась в состоянии перманентного бешенства. Никак нельзя было понять, с кем она пытается связаться и как вообще собирается сбыть с рук свои папилломы. Терциану оставалось только гадать, сколько же человек участвует в этом заговоре.

Они побывали на нескольких местных праздниках, при этом Терциану каждый раз приходилось горячо убеждать Стефани, что появляться на публике для нее вполне безопасно.

Она соглашалась, но при этом напяливала шляпу с

широченными полями и черные очки, которые превращали ее в какого-то мультяшного шпиона. Терциан часто гулял по проселочным дорогам, полям, деревенским улицам, отлично загорел и, несмотря на прекрасную местную кухню, сбросил несколько фунтов. Он сделал не совсем удачную попытку написать несколько статей и проводил время в интернет-кафе, занимаясь их доработкой.

И все время думал о том, какой прекрасной была бы эта поездка, если бы с ним была Клер.

— А чем именно вы занимаетесь? — как-то спросила Стефани, застав его за работой. — Я знаю, что вы преподаете в университете, но…

— Я больше не преподаю, — сказал Терциан. — Не стал продлевать контракт. Не прижился на кафедре.

— Почему?

Терциан отвернулся от своего ноутбука.

— Я не слишком щепетилен в вопросах взаимосвязи научных дисциплин. В науке есть такая точка, где сходятся история, политика и философия, — обычно ее называют «политическая теория», но я примешиваю к ней и экономику, и дилетантские взгляды на науку, и это сбивает с толку всех, кроме меня. Вот почему свою магистерскую диссертацию по теории искусств я защищал в Американском исследовательском центре — на моей кафедре философии и политологии ни у кого просто не хватило духу со мной связываться, к тому же у нас никто не знает, что такое этот Американский исследовательский центр, так что я смог там спокойно укрыться. Докторскую я писал по философии, причем только потому, что нашел всего одного мошенника — заслуженного профессора в отставке, который согласился возглавить ученый совет. Проблема в том, что если ты работаешь на кафедре философии, то должен читать лекции о Платоне, или Юме, или еще о ком-то в этом роде и не забивать головы слушателей теориями Мейнарда Кейнса и Лео Жилара. А если ты читаешь курс истории, то обязан ограничиваться общеизвестными примерами из прошлого и не носиться с понятиями перцептуальной механики и идеями Канта о ноумене, и уж конечно, профаны от науки непременно распнут вас на кресте, если вы хотя бы упомянете Фуко или Ницше.

Стефани насмешливо улыбнулась.

— И где же вы собираетесь искать работу?

— Скажем, во Франции? — предположил он, и оба рассмеялись. — Во Франции «мыслитель» — это название работы. Это не обязательно ученый, это просто твоя работа. — Терциан пожал плечами. — А если здесь не получится, то ведь всегда есть

«Бургер Кинг» [96].

Стефани улыбнулась.

— Похоже, от бургеров вам никуда не уйти.

— Ну, это не так уж плохо. Если мне удастся написать несколько интересных, сексуальных и чрезвычайно оригинальных работ, то, возможно, я привлеку к себе внимание.

— А вы уже написали?

Терциан посмотрел на экран и вздохнул.

— Пока нет.

Стефани, прищурившись, смотрела на него.

— Вы не такой, как все. Вы, как говорится, не прячетесь в свою раковину.

— Как говорится, — повторил Терциан.

— В таком случае вы не должны возражать против радикального решения проблемы голода на планете. Особенно такого, которое не будет стоить белым либералам даже одного пенса.

— Ха, — сказал Терциан. — А кто сказал, что я либерал? Я экономист.

И тогда Стефани поведала ему ужасные вещи о положении дел в Африке. Южную часть континента накрыла новая волна голода. На Мозамбик одновременно обрушились наводнение и засуха, совершенно необычное сочетание. Ситуация в районе Африканского Рога еще хуже. Друзья Стефани сообщают, что партия продовольствия, принадлежавшего «Санта-Кроче», застряла в Могадишо, и, чтобы выпустить ее из страны, местный властитель предлагает пересмотреть размеры своей взятки. А тем временем люди умирают от голода, несварения желудка, инфекций и дизентерии в засушливых районах Бейла и Сидамо. Их собственные правители, засевшие в Аддис-Абебе, оказались еще хуже, чем этот сомалийский генерал, — они вообще не хотят ничего делать, ни за взятку, ни без.

Что же касается Южного Судана, то о нем вообще лучше не думать.

— А что бы вы могли нам предложить? — спросила Стефани. — У вас есть мысли по этому поводу?

— Нужно сначала проверить, как действуют на человека ваши папилломы, — ответил Терциан. — Покажите мне, как они действуют, и тогда я буду целиком на вашей стороне. А то ведь в Африке и так хватает болезней.

— Отправить папилломы на изучение в лаборатории, в то время как тысячи людей умирают от голода? Доверить их правительству, на которое оказывают сильнейшее давление религиозные неучи и истеричные представители всяких

неправительственных организаций? И это вы называете выходом из положения? — И Стефани сердито принялась снова звонить по мобильнику, а Терциан, хлопнув дверью, отправился на очередную прогулку.

Терциан подошел к старинному разрушенному замку, неловко примостившемуся на склоне ближайшего холма. «А что если люди-растения, созданные Стефани, окажутся жизнеспособными?» — подумал он. Разумеется, скорее всего, нет. Мир, в котором люди могут превращаться в растения, это уже совсем иной мир, живущий по своим законам.

Стефани говорила, что хочет разрушить рынок голода. Но ведь за этим автоматически последует и крах рынка продуктов. Если люди, не имеющие денег, будут получать всю необходимую им пищу, то продукты как таковые потеряют свою рыночную стоимость. Пища станет такой дешевой, что производить и продавать ее будет просто невыгодно.

А ведь это только первый результат применения новой технологии. Терциан попытался посмотреть на это с точки зрения чистой науки. Зеленые люди — это всего лишь первый одиночный выстрел перед мощными залпами научной артподготовки, которая в корне изменит все основные законы жизни человеческого сообщества, выработанные за века с тех пор, как человек научился ходить на двух ногах. Что произойдет, когда все основные виды товаров — продукты, одежда, жилье, может быть, даже здоровье — станут так дешевы, что будут раздаваться практически даром? Что же тогда будет иметь стоимость?

Стоимость потеряют даже деньги, единственное средство, с помощью которого можно совершить равноценный обмен.

Терциан смотрел на руины замка и думал о том, что когда-то его владелец вершил суд, защищал своих подданных, правил всей местностью, а теперь вот что от него осталось — и не такая ли судьба ждет все правительства мира? Сейчас основная функция государства — поддерживать строгие рамки закона обмена денег и товаров, а также следить за состоянием денежной массы страны. Но если этот закон перестанет действовать и деньги больше не будут нужны, то само существование правительств окажется под вопросом. Зачем собирать налоги, если деньги перестанут выполнять свою функцию? А если нет налогов, то где брать деньги на содержание правительства?

Стоя возле руин, Терциан подумал, что, возможно, видит перед собой будущее всей человеческой цивилизации. И этот замок будет либо восстановлен каким-нибудь тираном, либо исчезнет навеки.

На следующий вечер Мишель снова услышала рупор Дартона и подумала: зачем это ему понадобилось искать ее именно в часы охоты крыланов? Не потому ли, что по ночам звук разносится дальше?

Если бы по утрам он спал, решила она, тогда все было бы легче. Тогда она спокойно заканчивала бы анализ образцов. Но была одна проблема: о результатах исследований нужно было сообщать, а это значит — отправляться на почту в Корор.

Мишель была легендой. Когда однажды из моря вышла сирена в легких тапочках и направилась к зданию почты, ее заметили. Дети катились за ней на своих скейтбордах, пассажиры автомобилей высовывались в окна и махали ей рукой. Мишель очень хотелось попросить их не рассказывать о ней Дартону.

И она очень надеялась, что он не станет привлекать к поиску всех местных жителей.

Мишель и Дартон познакомились во время экспедиции на Борнео, где оба должны были отработать после окончания университета. Все остальные члены экспедиции были людьми достаточно зрелого возраста, приезжавшими сюда уже во второй, третий, четвертый или пятый раз, и, едва увидев Дартона, Мишель поняла, что он примерно ее возраста и что он, также как и она, кажется ребенком среди опытных исследователей. Их сразу потянуло друг к другу, словно начала действовать некая сила природы; дни они проводили, занося в каталог виды улиток и пресноводных черепах, а по ночам сплетались в одно целое в своей палатке, похожей на черепаший панцирь. Старики смотрели на все это насмешливо-снисходительно, как, впрочем, и вообще на весь мир. Дартону и Мишель не было до них никакого дела. В дни своей юности им было наплевать на само мироздание.

Когда работа на Борнео подошла к концу, они решили не расставаться и, перескочив через экватор, отправились на Белау. Предварительно оплатив все счета. Это событие они отпраздновали приобретением новых тел, что привело Мишель в полный восторг, поскольку родители воспитывали ее строго и не разрешали менять тело до совершеннолетия, несмотря на то что многие из ее друзей меняли тела еще в детстве, выбирая самые модные и популярные формы.

Мишель и Дартон решили, что при их работе им более всего подойдут тела антропоидов, поэтому отправились в клинику Дели, легли в нанокамеру и отдали себя во власть крохотных машин, которые превратили их тело, ум, память, желания, знания и душу в длинные цепочки чисел. Которые затем были введены в их новые тела и остались там, чтобы в случае необходимости

быть скопированными.

Оказаться сиамангом было восхитительно. Они с Дартоном парили над верхушками деревьев своего маленького острова, перепрыгивая с ветки на ветку в неземном блаженстве. Особенно Мишель нравилась ее шерсть — она была не такой густой, как у настоящей обезьяны, и все же на груди и спине ее было достаточно. Они соорудили себе гнезда из листьев и проводили там долгие часы, или анализируя данные, или занимаясь любовью, или выбривая на своем теле замысловатые рисунки. Их любовь была далеко не тихой и светлой — она пылала огнем, яростью. Это было какое-то наваждение, которое, несмотря на ссоры, заканчивалось бурным примирением, чтобы вспыхнуть с новой силой.

Ярость все еще сжигала Мишель. Но теперь, после смерти Дартона, она приобрела иное качество, не имеющее ничего общего с жизнью или любовью.

Черпая ложкой голубику со сливками, сирена просматривала списки имен и фотографии людей, которые доставили ее «пауки». Теперь перед ней была целая галерея зеленоглазых смуглых женщин, когда-либо мелькавших в сети Интернета. Почти все они были очень красивы. Большинство так и остались неизвестными, другие были известны только по имени. Компьютер выдал: наиболее вероятный уровень идентификации — 43 процента.

Эти 43 процента относились к одной бразильянке по имени Лаура Флор, которая находилась в Аракажу в очень ответственный для себя момент — она рожала. На видео были запечатлены все стадии ее родов, но Мишель не стала на них смотреть. Женские роды отвратительны.

Следующей наиболее подходящей кандидаткой была еще одна бразильянка, снятая во время туристической поездки в Рио. Но под этой фотографией не стояло имени. Подробнейшее изучение ее лица не дало никаких результатов до тех пор, пока Мишель не попробовала запросить информацию по поводу пола и тут же получила ответ, что эта бразильянка — трансвестит. Вряд ли Терциан мог им заинтересоваться, поэтому Мишель приостановила поиск.

Третью кандидатку компьютер определил просто как Стефани, женщину, которая работала в какой-то благотворительной организации в Африке. Стефани была сфотографирована вместе со своими коллегами на фоне какого-то деревянного здания под жестяной крышей.

Фотография была довольно плохой, но Мишель, сняв пара метры лица женщины, отправила их на идентификацию уже под именем «Стефани» и стала ждать, что будет.

Ответ поступил немедленно: кредитная карточка на имя Стефани Америки Пайс э Сильва. Провела три ночи в парижском отеле перед тем, как исчез Терциан.

От этого сообщения у Мишель застучало в висках. Она послала новых «пауков», и на экране начала появляться долгожданная информация.

Стефани Пайс имела двойное гражданство — Португалии и Анголы, училась в Штатах. Быстрая проверка показала, что за время учебы их с Терцианом пути не пересекались. По окончании университета работала в благотворительной организации «Санта-Кроче».

За этим последовало сенсационное сообщение. Стефани Пайс была зверски убита в Венеции вечером 19 июля, за шесть дней до того, как Терциан представил первую версию своей теории Рога Изобилия. Два убийства…

Одно в Париже, другое в Венеции. Погибла женщина, которая, возможно, была любовницей Терциана.

Внезапно Мишель почувствовала, что ее бьет дрожь, и с удивлением обнаружила, что читает информацию затаив дыхание. Голова шла кругом. Немного придя в себя, Мишель выяснила, который час в Мериленде, где жил доктор Даву, и немедленно послала ему сообщение.

Даву ответил не сразу, и, пока Мишель ждала от него ответа, поступила новая информация о Стефани Пайс, которую сирена тоже отправила доктору вместе с копиями всего досье.

Не помня себя от изумления, Даву смотрел то на полученные данные, то на Мишель.

— Сколько… — начал было он, однако сразу поправился: — Как она умерла?

— В газете сообщается, что ее ударили ножом. Я ищу полицейский отчет.

— О Терциане что-нибудь говорится?

«Нет», — передали пальцы Мишель.

— Нужно посмотреть полицейский отчет.

— Как ты думаешь, что произошло? Мне кажется, что Терциан и насилие — вещи несовместные.

— Завтра скажу, — ответила Мишель. — Я просто обязана вам все сообщить. Только я думала, вы сами сможете связать это с жизнью Терциана и рассказать мне, что же с ним произошло.

Пальцы Даву сложились в какую-то незнакомую мудру — очень древнюю, наверное. Доктор покачал головой.

— Я и сам ничего не понимаю. Единственное, что приходит мне в голову, это что произошло какое-то дикое совпадение.

— Я не верю в подобные совпадения, — сказала Мишель.

Даву улыбнулся.

— Хорошее качество для исследователя, — сказал он. — А вот что касается опыта… — Он неопределенно махнул рукой.

«Но ведь он любил ее», — упорно думала Мишель. Она чувствовала это сердцем. Стефани была первой женщиной, которую он полюбил после смерти Клер, но ее убили, а Терциан продолжил работу над теорией, которая лежит в основе современного мира. Он начал разрабатывать ее в Африке, а потом оказалось, что его видение мира гораздо шире. Весь современный мир стал посмертным памятником Стефани.

«Все тогда были молодыми, — подумала Мишель. — Даже семидесятилетние старики казались юнцами по сравнению с современными людьми. Мир, наверное, был охвачен огнем любви и страсти. Но Даву этого не понять, ибо он сам старик и давно забыл, что такое любовь…»

— Мишель! — разнесся над волнами голос Дартона. «Ублюдок». Ей так не хотелось отрываться от своих мыслей. Пальцы Мишель показали «мне нужно работать».

— Я тебе все пришлю, как только закончу, — сказала она Даву. — Думаю, мы найдем кое-что очень интересное.

Мишель повернула компьютер так, чтобы свет экрана не был виден с моря. Прислонившись голой спиной к шершавой ветке железного дерева, она начала просматривать поступающие данные.

Полицейского отчета не было. Мишель продолжила поиски и вскоре обнаружила, что все полицейские отчеты о преступлениях, совершенных после того убийства в Венеции, были уничтожены во время Световой войны, так что ей пришлось ограничиться газетными репортажами.

— Где ты? Я люблю тебя! — разносился над морем голос Дартона. Он сузил район поисков, это несомненно, но пока не мог найти остров, где свила гнездо Мишель.

Улыбаясь, она закрыла деку и сунула ее в карман. «Пауки» будут работать изо всех сил, а она ляжет в гамак и заснет, убаюканная призывными криками Дартона.

Пожив на одном месте несколько дней, они переезжали на новое. Терциан старательно заботился о том, чтобы останавливаться в разных комнатах. Однажды, когда они сидели на веранде сельского домика и смотрели, как свет заходящего солнца играет на серебристых листьях олив, Терциан обнаружил, что пристально разглядывает Стефани, сидящую в старом плетеном кресле, любуясь ее четким профилем. Теплый ветер доносил с соседней фермы запах лаванды, который Терциану

хотелось вдыхать и вдыхать до тех пор, пока легкие не раздуются до самых ребер.

Заметив, как насмешливо скривила губы Стефани, Терциан понял, что она почувствовала его взгляд. Он отвернулся.

— Странно, что вы ни разу не попытались затащить меня в постель, — сказала она.

— Да, — согласился он.

— Но вы так смотрите, — сказала она. — Сразу видно, что вы не евнух.

— Мы с вами все время ссоримся, — напомнил ей Терциан. — Иногда нам просто нельзя находиться в одной комнате.

Стефани улыбнулась.

— Большинство знакомых мне мужчин это бы не остановило. И женщин тоже.

Терциан смотрел, как ветерок играет блестящими листьями олив.

— Я все еще люблю свою жену, — ответил он.

Наступило молчание.

— Это хорошо, — сказала Стефани.

«А еще я очень на нее сердит», — подумал Терциан. Он злился на Клер за то, что она оставила его одного. Терциана приводила в ярость Вселенная, которая убила его жену, а его оставила жить, он злился на Бога, хотя и не верил в него. Эти трэшканианцы подвернулись очень кстати, потому что он смог обрушить свою ярость и ненависть на людей, которые этого заслуживали.

«Бедные пьянчуги», — подумал он. Вряд ли они ожидали встретить в тихом коридоре гостиницы обезумевшего от горя американца, готового разорвать их голыми руками.

Но вот вопрос: а сможет ли он проделать такое во второй раз? Тогда он не думал ни о чем, отдавшись во власть рефлексов, но вряд ли это получится у него снова. Терциан попытался вспомнить уроки самообороны, которые когда-то получил в школе Кенпо, особенно защиты от вооруженного человека. Гуляя по проселочным дорогам, он пытался повторить некоторые приемы и думал о том, сможет ли выдержать удар кулаком.

Пистолет Терциан всегда носил с собой, чтобы его не забрали трэшканианцы, если вздумают обыскать его номер. Гуляя в одиночестве среди миндальных садов или по холмам, окутанным тонким ароматом дикого тимьяна, он учился выхватывать пистолет, мгновенно снимать его с предохранителя и нажимать на курок, который сначала шел довольно туго, но после первого выстрела пистолет начинал стрелять уже автоматически, и тогда все шло как по маслу.

Терциан подумал, что ему стоит купить побольше патронов. Но он не знал, как и где покупают боеприпасы во Франции, и очень боялся влипнуть в историю.

— Мы с вами оба злимся, — сказала Стефани, убирая с лица пряди, которыми играл ветер. — Мы оба злимся на смерть. Однако любовь сделает вашу жизнь еще более сложной. — Ее зеленые глаза искали его взгляд. — Вы ведь любите свою жену, а не смерть, правда? Потому что…

И тогда Терциан взорвался. Как она смеет подозревать его в союзе со смертью только потому, что он против превращения кучки африканцев в зеленых подопытных кроликов? Какое у нее на это право? Началась очередная ссора, самая тяжелая из всех, которая закончилась тем, что оба разошлись в разные стороны в волнах аромата лаванды, приносимого ветром.

Когда Терциан вернулся в свою комнату, он проверил деньги, втайне надеясь, что Стефани украла все его евро и сбежала. Она этого не сделала.

Тогда он решил в отсутствие Стефани пробраться в ее комнату, похитить папилломы, сесть на поезд, идущий на север, и передать материал на исследование в институт Пастера или куда-нибудь еще. Но он этого не сделал.

Утром, за завтраком, зазвонил мобильник Стефани, и она ответила. Терциан смотрел, как вежливый интерес на ее лице сменяется смертельным ужасом. Терциан весь превратился в слух, чувствуя, как в кровь бросился адреналин, поднимая уже знакомую волну ярости. Стефани поспешно отключила телефон и взглянула на Терциана.

— Это был один из них. Он сказал, что знает, где мы, и хочет заключить с нами сделку.

— Если они знают, где мы, — услышал Терциан свой холодно-спокойный голос, — то почему к нам не заходят?

— Нам нужно уезжать, — сказала Стефани.

И они уехали. Покинув Францию, они перебрались в Тоскану, бросив мобильник Стефани в мусорный контейнер на железнодорожном вокзале и купив новый в Сиене. Холмистая Тоскана была чем-то похожа на Прованс, здесь тоже рядами стояли виноградники, в садах шумели серебристой листвой оливы и к скалам лепились средневековые городки; но высокие, стройные кипарисы, выстроившиеся на холмах, словно часовые, придавали местности несколько иной вид, и виноград здесь рос другой, и путник, остановившийся на какой-нибудь ферме, мог в полной мере насладиться гостеприимством ее обитателей. Терциан не говорил по-итальянски, и, поскольку его первым иностранным языком был испанский, слова «villa» и «panzanella»

он произносил на испанский манер, думая, что они понятны всем. Однако Стефани, выросшая в Италии, говорила по-итальянски не просто без акцента, а как коренная жительница Рима.

До Флоренции было всего несколько часов езды, и Терциан не смог не посетить один из величайших живых памятников цивилизации. В детстве родители возили его в Европу, но во Флоренции он ни разу не был.

Терциан и Стефани целый день бродили по городу, время от времени прячась от проливного дождя, обрушивавшегося на город. В один из таких моментов, когда над головой грохотали раскаты грома, они оказались в базилике ди Санта-Кроче.

— «Святой крест», — перевел Терциан. — Ваше предприятие.

— С церковью мы не имеем ничего общего, — сказала Стефани. — У нас нет даже урны для пожертвований.

— Жаль, — сказал Терциан, глядя на промокших туристов, толпящихся в проходах базилики. — Вы бы неплохо зарабатывали.

Удары грома сопровождались вспышками фотокамер, когда туристы, словно впустив молнии внутрь базилики, снимали огромную усыпальницу Галилея.

— Как это мило, забыть о суде инквизиции и похоронить его в церкви, — сказал Терциан.

— Я думаю, они просто хотели постоянно держать его под присмотром.

«Но ведь именно власть капитала построила эту церковь, — думал Терциан, — заплатила за витражи и фрески Джотто, за сооружение усыпальниц и памятников великим флорентийцам: Данте, Микеланджело, Бруни, Альберти, Маркони, Ферми, Россини и, конечно, Макиавелли. Все это сооружение с его сводами и часовнями, саркофагами и хором монахов-францисканцев было построено крупными банкирами, людьми, для которых деньги были реальной, осязаемой вещью и которые заплатили за сотни лет строительных работ по возведению этой базилики сундучками твердых, тяжелых серебряных монет».

— Как вы думаете, а как бы он поступил? — спросил Терциан, кивнув в сторону последнего приюта Макиавелли, похороненного в городе, который когда-то отправил его в изгнание.

Стефани бросила сердитый взгляд на необычно простой саркофаг с латинской надписью.

— «Нет похвалы, достойной тебя», — перевела она и повернулась к Терциану, когда вокруг защелкали фотокамеры. — По-моему, его перехваливают.

— Знаете, он был республиканцем, — сказал Терциан. — В

«Принс» вы этого не прочтете. Он хотел, чтобы Флоренция была республикой, чтобы ее армия состояла из местных горожан. Когда к власти пришел деспот, Макиавелли написал трактат, осуждающий деспотизм. Однако ему нужна была работа. — Терциан посмотрел на Стефани. — Он был основателем современной политической теории, которой занимаюсь и я. В основе его идей лежала уверенность в том, что все человеческие существа во все времена живут одними и теми же чувствами и страстями. — Терциан демонстративно посмотрел на сумку, висевшую на плече Стефани. — Значит, всему этому скоро придет конец? Вы собираетесь превратить людей в растения. В таком случае больше не будет никаких чувств и страстей.

— Не в растения, — прошипела Стефани и быстро оглянулась по сторонам. — И давайте не будем обсуждать это здесь. — Она направилась к пышно украшенной могиле Микеланджело, возле которой стояли резные статуи, которые, казалось, не столько скорбели, сколько обдумывали какую-то сложную инженерную проблему.

— Согласно вашему плану, — сказал Терциан, следуя за Стефани, — рынок продуктов будет разрушен. Но проблема-то не в этом. Проблема в том, что произойдет с рынком труда.

Вспыхивали фотокамеры туристов. Стефани старательно отворачивалась от направленных в ее сторону «кодаков». Она вышла из базилики и направилась к портику. Ливень прекратился, но с крыш еще падали тяжелые капли дождя. Спустившись по лестнице, Терциан и Стефани вышли на площадь.

Со всех сторон их окружали старинные палаццо, многие из которых отдали свой первый этаж под магазины и рестораны. Длинный дворец слева был весь завешан тканью и огорожен лесами. Над площадью разносился стук пневматических молотков. Терциан махнул рукой на реставрируемое здание.

— Представьте себе, что продукты раздают почти что даром, — сказал он. — Скажем, вы и ваши дети можете получить пищу, просто постояв на солнце. В таком случае позвольте задать вам вопрос: а за каким чертом станете вы тогда забираться на леса и торчать там, обдувая песком какую-нибудь старую Развалюху? — Сунув руки в карманы, Терциан шагал рядом со Стефани. — На рынке труда, где-то на самом низком его уровне, находится огромное количество людей, для которых труд — это необходимость, вызванная отчаянной нуждой. Миллионы из них нелегально пересекают границу, чтобы потом отсылать домой деньги на содержание детей.

— Вы думаете, я этого не знаю?

— Единственная причина, по которой существует рынок

нелегальных иммигрантов, состоит в том, что есть виды работы, которую не станут выполнять состоятельные люди. Рыть канавы. Прокладывать дороги. Чистить канализацию. Реставрировать старые здания. Строить новые. Состоятельные граждане могли бы служить в армии или полиции, потому что это дает какое-то положение, к тому же вам выдают красивую форму, только ведь мы не станем охранять тюрьмы даже за красивую форму. Этим должен заниматься рабочий класс, но если рабочий класс сам превратится в класс состоятельных людей, кто же тогда будет охранять тюрьмы?

Стефани резко повернулась к нему, сердито сжав губы.

— То есть вы считаете, следует бояться того, что люди смогут выбирать, где им работать?

— Нет, — сказал Терциан, — бояться нужно другого: того, что у людей вообще не будет выбора. Такое происходит, когда рынок рушится во время интервенции — речь идет об интервенции государства, — на которую рынок реагирует мгновенно, и можете быть уверены, что рынок труда в этом смысле весьма уязвим. А поскольку само существование государства зависит от землекопов, тюремных охранников, уборщиков и дорожных строителей, если эти люди, от которых в конечном итоге зависит существование гражданского общества, исчезнут, государству придется их просто создавать. Вы думаете, наши друзья из Приднестровья постесняются выгнать людей на работу под дулами автоматов? Богатые хотят жить в тепле и уюте. Либеральные демократы попытаются набирать добровольцев, или устраивать лотереи, или еще что-то в этом роде, однако можете быть уверены: мы хотим, чтобы уборщики работали, чтобы кто-то выносил горшки за нашими престарелыми родителями и чтобы грузовики вовремя доставляли товары в супермаркеты. А я боюсь только одного: когда положение станет отчаянным, мы будем не либеральнее, чем ваши любимые Советы. Мы хотим, чтобы низший класс работал, даже если ради этого нам придется уничтожить половину его, чтобы вторая половина поняла, что нужно работать. А знаете, как это называется? Рабство. И если африканское население этого не осознает, я буду весьма удивлен!

Глаза Стефани сверкали от ярости, это было видно даже сквозь ее черные очки; Терциан видел, как на ее горле пульсирует жилка. Потом она сказала:

— Я спасу людей, вот что я сделаю. А вы — остальной мир, если сможете. — Она собралась было идти, но вдруг резко остановилась. — И кстати, пошел ты знаешь куда… — С этими словами она повернулась и зашагала прочь.

— Рабство или анархия, Стефани! — крикнул ей вслед

Терциан. — Вот что вы навязываете людям!

Чувствуя, что готов к упорной дискуссии, Терциан хотел сказать, что знал таких людей, которые считали, что анархия — это благо, однако ни один анархист никогда не жил в условиях настоящей анархии и даже не знает, как она выглядит в реальной жизни, а Стефани хочет спустить с вертолета своего анархиста где-нибудь в Восточном Конго, снабдив его теорией и пробиркой, и посмотреть, как там все устроится…

Но Терциан ничего не сказал, потому что Стефани ушла, смешавшись с толпой на улице, вместе со своей сумкой, ритмично бившей ее по заднице.

Терциан подумал, что, возможно, больше не увидит Стефани, что наконец-то он спровоцировал ее на окончательный разрыв, что дальше она поедет одна… Но, сойдя с автобуса в Монтеспертоли, на противоположной стороне улицы он увидел Стефани, которая что-то кричала в мобильник.

На следующий день, в ледяном молчании выпив утренний кофе, Стефани сказала, что уезжает в Рим.

— Возможно, меня там ждут. Ведь мои родители живут в Риме. Но я к ним не поеду, я встречусь с Одиль в аэропорту и передам ей вирус.

«Одиль?» — подумал Терциан.

— Я поеду с вами, — заявил он.

— И что вы будете там делать? — сказала она. — И как пронесете пистолет в самолет?

— Я могу его и не брать. Оставлю в номере отеля в Риме.

Она подумала.

— Хорошо.

В ту ночь Терциан снова вспомнил замок в Провансе, эту разрушенную реликвию ушедшего мира, и снова подумал о том, что стоит выкрасть пробирки и сбежать. И снова он этого не сделал.

Они не уехали дальше Флоренции, потому что, когда они стояли на станции и ждали поезда, у Стефани зазвонил мобильник. Одиль находилась в Венеции.

— Уепег1а? — почти взвизгнула разозлившаяся Стефани, сжав кулаки.

В аэропорту Фьюмичино в Риме была задержана партия оружия, поэтому все самолеты направлялись в другие аэропорты.

Самолет Одиль должен был приземлиться в окрестностях Венеции, в аэропорту имени Марко Поло. Обезумевшие от бесконечных звонков операторы каким-то образом нашли для Одиль комнату в отеле, несмотря на разгар туристического сезона.

Фьюмичино был все еще закрыт, и Одиль не знала, как добраться до Рима.

— Никуда не езди! — крикнула в трубку Стефани. — Я приеду к тебе.

А это означало, что им предстоит поменять билеты до Рима на билеты до Венеции. Несмотря на превосходный итальянский Стефани, работник кассы никак не мог взять в толк, какие же именно памятники цивилизации хотят посмотреть эти ненормальные туристы.

Странно — Терциан и в самом деле планировал поехать в Венецию дней через пять. Он должен был выступать на конференции по классической и современной философии.

Может быть, к этому времени вся эта история наконец закончится и он сможет выступить с докладом. Он не слишком стремился к этому: ничего, кроме кратких записок и замечаний, у него не было.

Вскоре холмы Тосканы, словно зеленые океанские валы, окружили дорогу со всех сторон. Поезд затормозил — рабочие, бронзовые от загара люди в касках, ремонтировали пути, и тогда Терциан подумал: а кто будет на такой жаре ремонтировать дороги в сказочной Стране Изобилия, в век людей-растений? Конечно, есть такие люди, которые занимаются тяжелой работой исключительно из природной склонности или от скуки, не зависимо от того, платят им за это или нет; только вряд ли подобных людей будет очень много.

Можно построить специальные машины, роботы или что-то еще. Но ведь и они вызывают определенные проблемы, например загрязнение окружающей среды, поглощение ресурсов, и в довершение всего они ломаются и их надо чинить. А кто будет этим заниматься?

«Если пряник не действует, — думал Терциан, — если ты не можешь наградить людей за их труд, тогда придется — использовать кнут. Ты погонишь их на работу под дулом автомата, как Пол Пот, поскольку работать все равно нужно».

Постукивая обручальным кольцом по подлокотнику, он думал о том, какой же труд будет цениться в новом обществе. Наверное, образование; в таком случае он сделал правильный выбор. Некоторые виды управления. Есть много прирожденных художников, торговцев или бюрократов, которые будут заниматься своей работой даже бесплатно.

Женщина подкатила к ним тележку с закусками, и Терциан купил кофе и что-то с ореховым вкусом, хотя что именно, он определить не смог. И тогда он подумал: «Труд».

— Труд, — повторил он вслух.

В мире, где все основные виды товаров раздаются бесплатно, единственным товаром, обладающим стоимостью, станет труд. Не всякая ерунда, которую за него можно будет купить, а именно сам процесс работы.

— О'кей, — сказал Терциан, — труд станет самым редким и ценным видом деятельности, потому что людям больше не придется им заниматься. Денежный оборот должен основываться на своего рода обмене труда — вы покупаете X часов работы за У долларов. Труд — вот чем вы станете платить налоги.

Стефани бросила на него подозрительный взгляд.

— А какая разница между таким трудом и рабством?

— Вы когда-нибудь читали Нозика? — ворчливым голосом спросил Терциан. — Разница такая же, как разница между человеком, который платит налоги, и рабом. Все то время, которое вы работаете уже не за то, чтобы заплатить налоги, принадлежит вам. — Терциан хрипло рассмеялся. — Я воскрешаю теорию стоимости труда! — сказал он. — Адам Смит и Карл Маркс пляшут от радости в своих могилах! В Стране Зеленых Людей мерой стоимости станет труд! Калории! — От смеха Терциан едва не разлил кофе. — Вы все рассчитываете в калориях! Правительство обещает вам выплачивать доллары по курсу стоимости калорий! Для того чтобы ремонтировать дороги и чистить канализацию, гражданин должен будет выплачивать государству ежегодно определенную сумму калорий — он будет платить сам или кого-нибудь для этого нанимать. А плата за труд будет рассчитываться на основании калорий-часов, так что если вы выполняете тяжелую физическую работу, то должны меньше часов, чем тот, кто занят умственным трудом, — в результате молодые, сильные и нетерпеливые люди будут браться за грязную работу, чтобы иметь больше свободного времени для себя. — Терциан даже давился от смеха. — О, наши интеллектуалы все это возненавидят! Они ведь так привыкли считать, что заниматься умственным трудом куда сложнее и почетнее, чем физическим, а я собираюсь перевернуть всю их систему ценностей!

Стефани фыркнула:

— Людям, которых я хочу спасти, вообще нечем платить налоги.

— У них есть собственное тело. Его тоже можно поработить. — Терциан достал свой ноутбук. — Дайте мне сосредоточиться, я хочу все это записать.

Всю оставшуюся часть пути, вплоть до самой Венеции, Терциан с бешеной скоростью давил на клавиши. Стефани смотрела из окна на залив, на парящих над ним морских птиц, на пейзаж, загаженный стоками и отходами промышленных

предприятий. Сумку с надписью «Nike» она держала на коленях до тех пор, пока поезд наконец не прибыл на вокзал Ферровия делла Стато Санта-Лючия.

Отель, где остановилась Одиль, находился в Каннареджо, районе, который, согласно купленной в сувенирном киоске карте, располагался недалеко от вокзала и весьма далеко от туристических достопримечательностей. Сильный ветер едва не вырывал карту из рук, когда Терциан и Стефани, выйдя с вокзала, сели в катер, который, зарываясь носом в серо-зеленые волны Большого канала, подвез их к Ка'д'Оро, причудливому белому палаццо в стиле классической готики, похожему на свадебный торт, возвышающийся над каналом и снующими по нему гондолами и моторными лодками. Стефани беспрерывно курила, сначала раздраженно, затем с видимым удовольствием.

Попав в Каннареджо, они сразу заблудились. Извилистые средневековые улочки часто пересекались безлюдными каналами со стоячей водой, которые, казалось, никуда не вели. Запахи готовящейся пищи, долетавшие со всех сторон, говорили о том, что наступило время обеда, по улицам прошли несколько местных жителей, туристов не было. У Терциана урчало в животе. Иногда улицы сужались настолько, что превращались в узкие коридоры. Оказавшись в одном из таких коридоров, Стефани и Терциан закрывали карту от ветра и спорили, куда идти дальше, когда Терциан вдруг почувствовал, как кто-то изо всех сил ударил его в спину.

Он упал на колени, чувствуя, как все плывет перед глазами и наполняется кровью рот; затем его подхватили под мышки и поставили на ноги, как оказалось, только для того, чтобы со всей силы швырнуть о стену. Каким-то чудом ему удалось не удариться головой о кирпичную кладку и не потерять сознания. От одного из нападавших сильно несло чесноком. Удар локтем под ребра едва не выбил из Терциана дух.

Он пришел в себя от пронзительного крика Стефани. Рядом с ним шла отчаянная борьба, мелькнула сумка с надписью «Nike», и тогда Терциан вспомнил, что имеет дело с убийцами и что он вооружен.

В следующее мгновение к нему вернулась уже знакомая ярость. Жгучее бешенство разлилось по всему телу. Став покрепче, словно войдя ногами в землю и впитав в себя ее силу, он резко повернулся влево, и нападающий пропустил удар, успев только вскрикнуть от удивления, прежде чем волчком покатиться по земле. Развернувшись в другую сторону, Терциан снова нанес удар, на этот раз не такой сильный, но все же успел перехватить

правую руку убийцы, которой тот уже хватался за пистолет.

Наконец-то пришло время вспомнить все то, что он так долго репетировал. Выхватить пистолет, снять его с предохранителя и сильно нажать на курок. Терциан выстрелил в человека справа и попал ему в пах. На мгновение перед ним мелькнуло искаженное от боли лицо, эта боль словно пронзила его самого, и Терциан вспомнил, что таким же было лицо Адриана там, на площади Дофина. Затем Терциан ударил рукояткой пистолета человека слева и дважды в него выстрелил.

Двое других боролись со Стефани. «Значит, всего их четверо, — тупо подумал Терциан, — и после того, как те трое облажались в Париже, им на подмогу прислали старшего». Один из нападавших пытался вырвать из рук Стефани сумку с надписью «Nike», Терциан бросился к нему и выстрелил с расстояния в два метра, промахнуться с которого было невозможно. Человек, вскрикнув от боли, упал.

Последний из убийц, схватив Стефани, закрылся ею, как щитом. Терциан увидел в его руках уже знакомый ему нож. Черные очки Стефани съехали ей на нос, и Терциан увидел яростно сверкающие зеленые глаза. Он направил на человека с ножом пистолет. Стрелять он не решался.

— Полиция! — изо всех сил завопил Терциан. — Policia! — повторил он по-испански. Из его рта на землю капала кровавая слюна.

В глазах трэшканианца застыли страх, смятение, ярость.

— Polizia! — Терциан вспомнил наконец итальянское слово. Он увидел, как в глазах Стефани сверкнула дикая ненависть, которая клокотала и в нем, и женщина принялась снова отчаянно вырываться.

— Нет! — крикнул Терциан.

Слишком поздно. У человека с ножом был довольно большой выбор решений, однако он не стал особенно раздумывать, поскольку, как правильно понял Терциан, был не особенно в этом силен.

Когда Стефани упала, Терциан начал стрелять и продолжал стрелять вслед убегающему. Убийца пробежал узкую улочку, выскочил на маленькую площадь и там упал.

Спусковой крючок автоматического пистолета сам встал на место — у Терциана кончились патроны. Шатаясь, он подошел к Стефани, которая истекала кровью на вымощенной булыжником мостовой.

У нее было перерезано горло, и говорить она не могла. Стефани вцепилась в руку Терциана, словно хотела передать ему какие-то слова через кожу. В ее глазах он увидел бессильную

ярость, которая была так хорошо ему знакома, а потом в них уже не было ничего, только пустота, та пустота, которую он знал лучше всего на свете.

Повесив на плечо сумку Стефани, Терциан, пошатываясь, вышел на крохотную венецианскую площадь с ее крытым колодцем. Пошел наугад по какой-то улице и оказался прямо перед отелем, в котором остановилась Одиль. Ну конечно: здесь трэшканианцы их и ждали.

Отель был более чем скромным; в холле стоял сильный запах специй и чеснока: портье обедал. Терциан поднялся по лестнице и постучал в номер Одиль. Она оказалась полной девицей с объемистыми бедрами и загорелой кожей. Терциан швырнул на ее кровать сумку с надписью «Nike».

— Вам нужно немедленно возвращаться в Могадишо, — сказал он. — Стефани только что убили вот за это.

Одиль вытаращила глаза. Терциан подошел к раковине и постарался как можно лучше отмыть выпачканные в крови руки. Он еле сдерживался, чтобы не завыть от горя и злости.

— Вы позаботитесь о голодающих, — сказал он наконец. — А я буду спасать остальной мир.

Мишель вынырнула из моря рядом с лодкой Торбионга, подготовив данных на три тысячи шестьсот калорий и прихватив с собой добытого желтого групера, чтобы обменять его на продукты.

— Голубику привез? — спросила она.

— На этот раз нет. — Щурясь на солнце, старик посмотрел на нее. — Этот твой молодой человек начинает мне надоедать. Он беспокоит черепах и распугивает рыбу.

Сирена сложила крылья и положила руки на борт.

— Тогда почему бы тебе не вышвырнуть его с острова?

— Для этого у меня недостаточно власти. — Торбионг почесал подбородок. — Он все время расспрашивает людей. Выясняет, где тебя видели в последний раз. Я думаю, он тебя скоро найдет.

— Если я сама этого пожелаю. Пусть орет, сколько хочет, я не обязана ему отвечать.

— Ну что ж, может быть. — Торбионг покачал головой. — Спасибо за рыбу.

Немного поработав с найденными образцами, Мишель отложила их и занялась информацией, доставленной «пауками». Она чувствовала, что находится на пороге величайшего открытия.

Устроившись с компьютером на широкой ветке и болтая

ногами, Мишель начала просматривать поступившую информацию, откусывая понемногу от какого-то малинового батончика «Динамо», который вместе с другими продуктами привез ей Торбионг. Старик, должно быть, решил над ней подшутить: этот батончик оказался ужасно приторным и сочился сиропом из алтея, к тому же имел весьма странный привкус. Мишель выбросила его в море, надеясь, что он не отравит всю рыбу.

Газеты сообщали, что Стефани Пайс была убита в уличной драке; затеянной группой приезжих иностранцев. Поскольку власти не смогли установить, была ли Пайс связана с этими иностранцами, то решили, что она оказалась случайным прохожим, подвернувшимся под руку разъяренным драчунам. О Терциане не было ни слова.

Мишель просмотрела до конца все статьи. Пистолет, из которого застрелили четырех человек, так и не был найден, не смотря на тщательные поиски во всех близлежащих каналах. Двое из принимавших участие в драке выжили, хотя через восемь недель один из них умер от осложнения после операции. Единственный выживший утверждал, что совершенно невиновен и что на него и его друзей внезапно напал какой-то иностранец, открыв по ним стрельбу из пистолета, и все же судьи ему не поверили и отправили в тюрьму. Он прожил еще много лет и погиб во время Световой войны вместе с большинством заключенных, находившихся в то страшное время в тюрьмах.

Один из той четверки был белорусом. Второй украинцем. Двое других — молдаванами. Все четверо когда-то служили в Четырнадцатой советской армии, расположенной на территории Приднестровья. Мишель не находила себе места от сожаления, что не может сказать итальянцам, как связать смерть тех четверых со смертью еще одного выходца из Советского Союза, семью неделями раньше погибшего в Париже.

За каким чертом Терциан потащился в Париж? Почему эти приднестровцы убивали друг друга и убили Пайс?

Возможно, что все дело именно в ней. Однако вся информация о Стефани Пайс, содержавшаяся в архивах «Санта-Кроче», исчезла, что было очень странно, поскольку данные о всех других членах этой организации сохранились. Вероятно, кто-то намеренно устроил все так, чтобы некоторые вещи остались неизвестны.

Мишель решила подробнее разузнать о самой организации «Санта-Кроче» и долго просматривала описания великого множества итальянских церквей, включая и ту, флорентийскую, где Терциана и Пайс видели возле могилы Макиавелли. Сузив

поиски, Мишель нашла описание благотворительной организации «Санта-Кроче», и тут ей все стало ясно.

После возникновения Приднестровья и последовавшей за этим гражданской войны «Санта-Кроче» организовала на территории Молдовы лагерь для беженцев. Мишель не сомневалась, что Стефани Пайс работала в этом лагере. Оставалось только выяснить, не находились ли в этом лагере и другие участники событий.

Она просмотрела список всех лагерей, которые находились на попечении «Санта-Кроче». Ее внимание привлекло одно название, которое показалось ей знакомым, и тут Мишель вспомнила. Именно в лагере для беженцев в Сидамо, одной из провинций Эфиопии, который находился под покровительством «Санта-Кроче», вспыхнула первая трансгенная эпидемия — Зеленая Леопардовая Чума.

Это была первая слабая попытка перестроить человеческий организм на клеточном уровне, помочь беднейшему населению самому синтезировать свою пищу — попытка, оказавшаяся весьма примитивной по сравнению с теми успешными разработками, которые были проведены позднее. Идеальная конструкция для поглощения и усваивания хлорофилла — это зеленый лист растения, но не homo sapiens. Конструктору следовало бы разработать такие вирусы, которые превращали бы человеческий организм в нечто напоминающее лист, чего, кстати, и удалось добиться впоследствии. А вот создатель Зеленой Леопардовой Чумы просто забыл, что эпидермис уже содержит фермент, вырабатываемый организмом под действием солнечного света: это меланин. В результате в Африке появились люди с зеленой кожей, сплошь покрытой большими неровными пятнами, что делало их похожими на каких-то причудливых зеленых леопардов. Зеленая Леопардовая Чума началась в лагере Сидамо, оттуда она перекинулась в другие лагеря, расположенные на территории Африканского Рога. После этого эпидемия пронеслась через весь континент и попала в Мозамбик, где впервые появилась в лагере Оксфэм, расположенном в зоне наводнения, после чего перескочила через океан. Понадобилась жизнь целого поколения, прежде чем эпидемия была остановлена, однако к этому времени появились новые трансгенные болезни, и путь назад человечеству был отрезан.

Мир вступил в то будущее, которое предсказывал Терциан на конференции по классической и современной философии.

«А если, — с волнением думала Мишель, — Терциан заранее знал о появлении Зеленой Леопардовой Чумы?» Его теория Рога Изобилия оказалась на удивление пророческой, поскольку

эпидемия разразилась через несколько недель после того, как Терциан выступил со своим докладом. А что если те головорезы из Восточного блока были как-то связаны с появлением чумы или пытались помешать Пайс и Терциану распространить трансгенный вирус на территории лагерей…

«Да! — ликовала Мишель. — Именно так. Никто ведь не знал, откуда появилась Зеленая Леопардовая, поэтому подозрение пало прежде всего на полулегальные научно-исследовательские лаборатории, находившиеся на территории бывшего Советского Союза. Вот оно что». Теперь оставался вопрос: как Терциан, этот американец в Париже, оказался замешан в это дело…

«Стефани, только Стефани», — подумала Мишель. Стефани, которую он любил и которая любила его, повлекла его за собой в своей отчаянной попытке помочь бесчисленным массам голо дающих.

На какое-то мгновение Мишель была ослеплена красотой своей идеи. Стефани, посвященная в некую тайну и влюбленная, погибла за свои убеждения — погибла настоящей смертью! — и тогда страдающий от горя Терциан продолжил ее работу и воплотил в жизнь будущее, которое для Мишель было уже настоящим. Превосходная история! И никто о ней до сих пор ничего не знает, не знает ни о самопожертвовании Стефани, ни о горе Терциана… Никто, кроме одинокой сирены, живущей на уединенном скалистом острове, которая все-таки решила эту загадку.

— Привет, Мишель, — сказал Дартон.

Вскрикнув от досады, она с яростью посмотрела вниз, на своего любовника. Он стоял в желтом пластиковой каяке — плавание на каяках было очень популярно на Скалистых островах, — моторную лодку он, очевидно, провел вдоль берега, не включая двигатель. Дартон хмуро смотрел на нее снизу вверх из-под ветвей баньяна, свесившихся над краем выступа.

После смерти его, конечно, переделали. В Дели остались все его данные; там его разобрали на части, записали все параметры, а потом снова собрали, но уже в виде обезьяны. Сейчас у него было обычное человеческое тело, ему снова вернули его широкие плечи, белозубую улыбку и короткие, волосатые и кривые ноги, которые так запомнились Мишель.

Она знала, что во время пребывания на Белау он не делал копирования своего тела. Он помнил только то, что произошло с ним до того момента, когда его поместили в специальную камеру в клинике Дели. Это был период его самой страстной любви к Мишель, когда он обязался жить с ней в виде обезьяны на одном из Скалистых островов.

Страсть пожирала Дартона все те недели, что прошли со времени его воскрешения, и Мишель ликовала, получая несказанное удовольствие от каждого отчаянного и безответного призыва, которые пробивались к ней через шипящий эфир.

— Катись к черту, — сказала Мишель, — я работаю.

«Поговори со мной» — передали пальцы Дартона.

Ответом было грубое ругательство.

— Я не понимаю, — сказал Дартон. — Мы же любили друг друга! Мы собирались прожить вместе всю жизнь.

— Я с тобой не разговариваю, — ответила Мишель, пытаясь сосредоточиться на экране.

— Мы были вместе, когда случилось несчастье, — сказал Дартон. — Не понимаю, почему мы не можем быть вместе сейчас.

— Я тебя все равно не слушаю, — сказала Мишель.

— Я не уйду, Мишель! — пронзительно крикнул Дартон. — Я не уйду, пока ты со мной не поговоришь!

В ответ он услышал только резкие крики белых какаду. Мишель спокойно закрыла деку, встала и направилась в глубь острова. Сзади раздался многократно усиленный крик — Дартон и сюда притащил свой рупор:

— Ты не можешь так уйти, Мишель! Ты должна мне сказать, что случилось!

«Хочешь, я расскажу тебе о Лизе Ли? — подумала Мишель. — Тогда ты и ей сможешь слать свои отчаянные призывы».

В те месяцы, проведенные на Белау, Мишель была безумно счастлива; они с Дартоном жили в гнездах на деревьях и в теплые дни изучали и описывали уникальную природу своего острова. Счастье Мишель разрушил их первый отпуск, проведенный в Праге. Именно там они встретили Лизу Ли Бакстер, американскую туристку, которая нашла, что эти обезьянки просто прелестны, и спросила, что два косматых юнца делают вдали от родного леса.

Очень скоро Мишель поняла, что Лизе Ли было по меньшей мере лет двести и что за ясным взглядом сверкающих голубых глаз таилась иссушенная, мумифицированная душа, добравшаяся до Праги из какой-то безводной пустыни, душа, которой, чтобы не угаснуть, нужна была молодая свежая кровь и жизнь. Несмотря на возраст и предполагаемый — жизненный опыт, Лиза Ли пустилась на такие топорные и очевидные ухищрения, что Мишель сразу все стало ясно. Мишель, но не Дартону.

Только когда Лиза Ли наконец от него устала, Дартон вернулся на Белау — раскаявшийся, посерьезневший и вновь умирающий от любви к Мишель. Но к этому времени уже Мишель устала от него. Кроме того, в Дели у нее был доступ к файлам его

медицинской карты.

— Ты не можешь так уйти, Мишель!

Что ж, возможно, он прав. Положив руку на ствол баньяна, Мишель немного подумала. Затем сунула компьютер в сумку, где держала необходимые вещи, и встала во весь рост на развесистой ветке баньяна.

— Я не буду разговаривать с тобой отсюда, — сказала она. — А тебе здесь не подняться, выступ слишком крутой и острый.

— Отлично, — сказал Дартон. От постоянных криков у него сел голос. — Тогда спускайся ко мне.

Мишель сделала шаг вперед и прыгнула в воду. Сложив крылья, подплыла к каяку Дартона, вынырнула на поверхность и смахнула с лица водяные капли.

— Тут есть подводный туннель, — сказала Мишель. — Метра два, не больше; он выходит к озеру. Ты его легко пройдешь, если ненадолго задержишь дыхание.

— Хорошо, — сказал Дартон. — Где он?

— Дай мне свой якорь.

Взяв якорь, Мишель опустилась с ним на дно и закрепила так, чтобы не повредить живые кораллы.

Она помнила ту иглу, которую взяла с собой на озеро Медуз, предварительно окунув ее в сок манго. К нему у Дартона была очень сильная аллергия. Плавая среди медуз, Мишель спокойно уколола его в ногу, после чего выпустила иглу из пальцев, и та погрузилась на дно озера.

Наверное, Дартон подумал, что она его просто ущипнула, играя.

Торжествуя, Мишель наблюдала, как покрывается смертельной бледностью его лицо, как тяжело он дышит, с какой мольбой смотрит на нее.

В конце концов, это не убийство, а всего лишь преступление четвертой степени. Сделали же Дартону новое тело. И что такое, в конце концов, человеческая жизнь, если человека можно взять и восстановить, да еще и задешево? Для нее, Мишель, Дартон — это развлечение, не больше.

Восстановленный Дартон любил ее по-прежнему, и Мишель это радовало, а еще она радовалась, что причинила ему страдания, что за предательство ее любви он будет расплачиваться всю оставшуюся жизнь.

«Лиза Ли могла бы кое-чему поучиться у сирены», — подумала Мишель.

Вынырнув возле тоннеля, она подняла руку, сложив пальцы в знак «следуй за мной». Дартон спрыгнул с каяка прямо в одежде и тяжело подплыл к Мишель.

— А ты уверена? — спросил он.

— О да, — ответила она. — Иди первым. Я поплыву за тобой, и если что, я тебя вытащу.

Конечно, он любил ее. Вот почему, сделав глубокий вдох, ушел под воду.

И конечно же, Мишель не стала ему говорить, что туннель был не два, а пятнадцать метров в длину и что пройти его на одном вдохе было невозможно. Она последовала за Дартоном, чтобы посмотреть, что будет. Он, доплыв до одного из узких мест туннеля, попытался повернуть назад, но сирена крепко схватила его за ноги.

Он попытался вырваться и задергал ногами, но тщетно. Она долго будет помнить взгляд его расширившихся глаз в тот момент, когда, так и не сумев понять, что произошло, он, сделав последний судорожный вздох, умер.

Как ей хотелось вновь прошептать ему на ухо те слова, которые она шептала на гребне холма возле озера Медуз: «Я только что убила тебя. И я сделаю это снова».

Но даже если бы она и смогла произнести их под водой, это была бы неправда. Пожалуй, она убила Дартона в последний раз. Убить дважды и так было опасно, а уж третье убийство наверняка привлекло бы к ней внимание. В результате она может оказаться в тюрьме, хотя, конечно, в тюрьму сажают только за реальную смерть.

Мишель решила, что ей придется найти где-нибудь тело Дартона, но если она пустит каяк тихо дрейфовать по морю, на это уйдет время. А потом она будет убита горем, потому что из-за нее Дартон пустился в плавание и погиб.

С огромным удовольствием она думала о том, как будет играть эту роль.

Отвязав якорь каяка, Мишель пустила лодку плыть по течению со скоростью шесть узлов, затем сложила крылья и вернулась в свое гнездо на баньяне. Обсушив кожу, она вытащила деку и еще раз тщательно проверила все данные, касающиеся Терциана, Стефани Пайс и вспышки Зеленой Леопардовой Чумы.

Стефани погибла за свои убеждения, она была убита агентами зловещего, кровавого режима. И тех четверых, спасая ее, застрелил именно Терциан, теперь Мишель это было ясно. И Терциан, который прожил долгую жизнь и вместе с миллиардами других людей погиб во время Световой войны, любил Стефани и хранил ее тайну до самой своей смерти, так же как и люди, распространившие вирус Зеленой Чумы в лагерях беженцев по всему миру.

Тогда люди знали, что такое реальная смерть, после которой

человек уже не возвращается. Для Мишель такая смерть была лишь абстракцией, с которой она никогда не сталкивалась в жизни. Потерять кого-нибудь навсегда… этого она не понимала. Впрочем, предки, которые сталкивались с реальной смертью каждый день, тоже не могли с ней примириться, поэтому и выдумали миф о жизни на Небесах.

Мишель думала о смерти Стефани, смерти, которая, должно быть, разбила сердце Терциана, а потом поразмышляла о тайне, которую Терциан хранил все эти годы, и решила, что не станет ее открывать.

О, разумеется, она предоставит Даву все факты, иначе за что же он ей платит. Она расскажет ему все, что ей удалось узнать о Стефани и приднестровцах. Но она не станет рассказывать о тех лагерях, которые «Санта-Кроче» создавала в бедствующих районах, она не станет даже упоминать о Сидамо и Зеленой Леопардовой. Если Даву сам сможет правильно сопоставить все факты, тайна будет раскрыта. Однако Мишель в это не верила — мрачные постсоветские реалии и лагеря для беженцев на территории Африканского Рога находились от интересов Даву слишком далеко.

Мишель навсегда сохранит уважение к любви Терциана и тайне Стефани. В конце концов, у нее самой есть тайны.

Закончив работу, одинокая сирена сидела на ветке дерева, смотрела вдаль, на море, и думала о том, сколько же пройдет времени, прежде чем Дартон снова начнет ее звать, а она будет его мучить.

С благодарностью — доктору Стивену С. Ли

Паоло Бачигалупи — Девочка-флейта

Paolo Bacigalupi. The Fluted Girl (2004). Перевод М. Мусиной

Паоло Бачигалупи провел детство на западе штата Колорадо, впоследствии ему довелось много путешествовать: сначала он отправился в университет штата Огайо изучать китайский язык, затем поехал в Пекин, попутно посетив Бостон, Юго-Восточную Азию и Индию. Не так давно он вернулся в Колорадо вместе со своей женой и новорожденным сыном. Они живут в деревне, недалеко от тех мест, где отец Паоло, бывало, рассказывал ему сказки на ночь о прекрасных принцессах и волшебных замках. Писатель признается, что уже придумывает сюжеты для сказок, которые расскажет собственному сыну. Первый рассказ Бачигалупи «Полный карман Дхармы» («Pocketful of Dharma») был напечатан в февральском номере «The Magazine of Fantasy amp; Science Fiction» за 1999 год. Позднее еще один рассказ появился в «F amp;SF», а другой — опубликован в «Asimov's Science Fiction». Записки Бачигалупи о путешествиях появились на сайте Salon.com, кроме того, его очерки время от времени печатаются на страницах местной экологической газеты «High Country News», редактором которой он и является. В настоящее время он работает над романом, сюжетно связанным с «Девочкой-флейтой», и другими рассказами. «Девочка-флейта» впервые увидела свет в «The Magazine of Fantasy amp; Science Fiction».

* * *

Девочка-флейта сжалась в темноте, не выпуская из маленьких бледных рук прощальный подарок Стивена. Госпожа Белари будет ее искать. Слуги будут рыскать по всему замку, как дикие псы, заглядывая под кровати, в чуланы, за винные стойки, всеми потрохами алчущие вынюхать ее. Белари так ни разу и не узнала, где пряталась девочка. Это слуги всегда находили ее. Белари просто расхаживала по залам, предоставляя слугам возможность заниматься поисками девочки. Слуги уверены, что знают все места, где она может затаиться.

Девочка-флейта переменила положение тела. Хрупкий скелет уже устал от неудобной позы. Она потянулась, насколько позволяло тесное пространство, после чего снова свернулась в комочек, вообразив себя кроликом, вроде тех, что Белари держит

в клетках на кухне: маленькие, пушистые, с влажными добрыми глазами, они могли сидеть и ждать часами. Девочка-флейта призвала все свое терпение и старалась не обращать внимания на боль, о которой заявляло скорченное тело.

Скоро ей придется обнаружить себя, иначе госпожа Белари потеряет терпение и пошлет за Берсоном — начальником охраны. Тогда Берсон притащит своих шакалов, и они снова начнут охотиться, обыскивая каждую комнату вдоль и поперек, распрыскивать на полу феромон и по неоновым следам в конце концов обнаружат ее потайное место. Ей надо покинуть убежище до прихода Берсона. Госпожа Белари всегда наказывает ее, если прислуге приходится тратить время на оттирание феромона.

Девочка-флейта снова поменяла позу. Ноги начали затекать. Она боялась, что косточки хрустнут от напряжения. Удивительно, как легко у нее все ломалось. Достаточно ей легонько удариться о край стола, и вот она опять разбивалась вдребезги, а Белари злилась из-за такого неаккуратного обращения с собственностью, в которую вложено столько денег.

Девочка-флейта вздохнула. По правде, ей уже давно пора выходить из своего укрытия, но так хочется еще насладиться тишиной, когда рядом — никого. Ее сестра Ния никогда этого не понимала. А вот Стивен… он все понимал. Когда девочка-флейта рассказала ему о своем убежище, то решила: он простил ее, потому что добрый. Но теперь она лучше узнала его. Стивен хранил секреты посерьезнее, чем те, что были у глупенькой девочки-флейты. Никто даже и не догадывался, какие большие секреты он хранил. Девочка-флейта повертела крошечный флакончик в руках, ощущая его гладкую стеклянную форму, отдавая себе отчет, *что* за янтарно-желтые горошинки содержатся внутри. Ей так его недоставало. Уже.

Откуда-то донеслись чьи-то шаги. Послышался тяжелый скрежет металла по камню. Девочка-флейта посмотрела через щель своей импровизированной крепости. Под ней внизу находилась кладовая замка, заставленная продуктами. Опять Мирриам искала ее, шарила за ящиками с охлажденным шампанским, приготовленным для приема гостей Белари сегодня вечером. Ящики шипели и испускали белый дым, когда Мирриам с трудом отодвигала их в сторону, чтобы заглянуть поглубже в темное пространство за ними. Девочка-флейта знала Мирриам еще с тех пор, когда они обе были детьми и жили в городе. Теперь они отличались друг от друга как жизнь и смерть.

Мирриам выросла, груди ее стали пышными, бедра — широкими, розовое лицо сияло улыбкой и радовалось своей судьбе. Когда они обе появились у Белари, девочка-флейта и

Мирриам были одного роста. Теперь же Мирриам стала взрослой женщиной, она была на целых два фута выше девочки-флейты и предназначалась для услаждения мужчин. А еще она отличалась преданностью. Она прекрасно служила Белари. Делала все с улыбкой, прислуживать было для нее счастьем. Они все были так настроены, когда пришли в замок из города, — Мирриам, девочка-флейта и ее сестра Ния. Но потом Белари задумала превратить сестер в девочек-флейт. Мирриам продолжала расти, а девочки-флейты должны были стать звездами.

Мирриам приметила груду сыров и окороков, сложенных небрежно в углу. Она подкралась к сырам, а в это время девочка-флейта следила за ней сверху, посмеиваясь над подозрениями толстушки. Мирриам приподняла огромный круг датского сыра и уставилась в образовавшуюся дыру:

— Лидия? Ты там?

Девочка-флейта покачала головой. «Нет, — подумала она. — Но ты почти угадала. Год назад я была бы там. Я смогла бы сдвинуть сыры, пусть и с трудом. Но ящики с шампанским — это уж чересчур. Я никогда не оказалась бы за шампанским».

Мирриам выпрямилась. На лице ее выступил пот от усилия, с которым она двигала все эти тяжелые предметы здесь, в кладовой замка Белари. Лицо Мирриам ярко блестело, словно яблоко. Она утерла лоб рукавом.

— Лидия, госпожа Белари начинает сердиться. Ты очень эгоистичная девочка. Ния уже давно ждет тебя в репетиционной комнате.

Лидия молча кивнула. Да, Ния уже пришла бы в репетиционную комнату. Она была хорошей сестрой. Это Лидия была плохой. Той, которую всем приходилось искать. Из-за Лидии наказывали обеих девочек. Белари перестала взыскивать только с Лидии. Ей доставляло удовольствие наказывать обеих сестер, чтобы чувство вины заставляло их быть покладистыми. Иногда это срабатывало. Но не в этот раз. Не теперь, когда Стивена не стало. Лидии сейчас нужна тишина. Нужно такое место, где никто ее не видит. Где она одна. Как это тайное место — она однажды показала его Стивену, он еще оглядел ее убежище своими удивленными печальными глазами. Глаза у Стивена были карими. Когда он смотрел на нее, ей казалось, что глаза его почти такие же добрые, как у кроликов Белари. Глядя в такие глаза, она чувствовала себя в безопасности. Можно было провалиться в эти надежные карие глаза и не волноваться о том, что поломаешь хоть одну косточку.

Мирриам тяжело уселась на мешок с картошкой и сердито огляделась вокруг, рассчитывая на то, что ее видят.

— Какая же ты эгоистка. Плохая, себялюбивая девочка, раз заставляешь нас всех искать тебя.

Девочка-флейта кивнула. «Да, я эгоистка, — подумала она. — Я эгоистичная девочка, а ты — женщина, хоть мы и одного возраста, к тому же я хитрее тебя. Пусть ты и умная, но не догадываешься, что самые лучшие укромные местечки находятся там, где никто не ищет. Ты заглядываешь и под, и за, и между, но никогда не смотришь наверх. Я ведь сейчас над тобой и наблюдаю оттуда, так же как Стивен наблюдал за всеми нами».

Мирриам нахмурилась и поднялась на ноги.

— Ну и ладно. Берсон обязательно тебя найдет. — Она отряхнула пыль с подола юбок. — Слышишь меня? Берсон обязательно найдет тебя. — Она покинула кладовую.

Лидия дождалась, когда Мирриам уйдет. Ее задело то, что Мирриам права. Берсон бы ее нашел. Он находил ее всякий раз, когда она слишком долго выжидала. Время тишины складывалось из многих драгоценных минут. И длилось оно, пока Белари не начинала терять терпение и не звала своих шакалов. И тогда считай — очередное убежище утрачено.

Лидия в последний раз покрутила тоненькими пальчиками крошечный флакончик из дутого стекла, который дал ей Стивен. Прощальный подарок — она понимает это теперь, когда он умер и больше не будет утешать ее после особых жестокостей Белари. Она подавила слезы. Нет времени плакать. Берсон, наверное, уже ищет ее.

Она вставила пузырек в надежную щель, плотно закрепила его между каменной кладкой и грубо обтесанной деревянной полкой, на которой она пряталась, затем медленно отодвинула вакуумную банку с красной чечевицей в сторону, пока не образовался проход. Выскользнула сквозь него из-за банок с бобовыми, выстроившихся стеной на верхних полках в кладовой.

Недели ушли у нее на то, чтобы сдвинуть задние банки и расчистить для себя место, но зато из банок получилось прекрасное укрытие. Здесь никто никогда не искал. Это была ее крепость из банок, наполненных плоскими безобидными бобами, и если проявить настойчивость и терпеть напряжение, можно часами сидеть за этой батареей, сжавшись. Она полезла вниз.

«Осторожно, осторожно, — думала она. — Мы не хотим сломать ни одной косточки. Нам нужно беречь наши косточки». Она свесилась с верхней полки и аккуратно вернула на место пузатую банку красной чечевицы, затем по полкам соскользнула вниз, на пол кладовой.

Стоя босыми ногами на холодных плитах, устилавших пол, Лидия внимательно осмотрела свое убежище. Да, оно по-

прежнему выглядело замечательно. Последний подарок Стивена там, наверху, был в безопасности. Невозможно представить себе, что кто-нибудь — пусть даже изящная девочка-флейта — способен поместиться в том маленьком пространстве. Никто даже не заподозрит, что она сюда отлично укладывается. Девочка была тоненькой, как мышь, и иногда помещалась в самых удивительных местах. За это, наверное, стоит поблагодарить Белари. Она повернулась и поспешила прочь из кладовой, решив про себя, что если слуги и поймают ее, то пусть это случится как можно дальше от ее последнего спасительного укрытия.

Добравшись до обеденного зала, Лидия почти поверила, что сможет незаметно попасть в репетиционную комнату. Тогда ее, наверное, не накажут. Белари добра к тем, кого любит, но непреклонна, если ее разочаровывают. И хотя из-за чрезмерной хрупкости Лидию никогда не били, но для нее существовали другие виды наказания. Лидия подумала о Стивене. Какая-то часть ее души даже порадовалась за него, ведь он теперь недосягаем для мучительных пыток Белари.

Лидия тихонько прокралась вдоль стены обеденного зала и укрылась за листьями папоротника и цветущими орхидеями. Сквозь пышную растительность она едва видела длинную черную поверхность обеденного стола — слуги ежедневно натирали его до зеркального блеска и постоянно накрывали сверкающим серебром. Она внимательно осмотрелась, не видит ли ее кто. Комната была пуста.

Насыщенный теплый аромат растений напомнил ей о лете, хотя в горах за стенами замка свирепствовала зима. Когда они с Нией были помладше, еще до операций, то бегали в горах между сосен. Она плавно двинулась между орхидей: эта из Сингапура, другую привезли из Кении, а еще одна — полосатая, как тигр, — изобретение Белари. Лидия дотронулась до изысканного цветка, восхищаясь его огненным цветом.

«Мы с сестрой — прекрасные пленницы, — подумала она. — Такие же, как и ты».

Листья папоротника задрожали. Из-за зелени выскочил какой-то человек и набросился на нее, как волк. Его руки вывернули ей плечи. Пальцы впились в бледную плоть, и Лидия открыла рот, когда пронзившая боль парализовала ее. Она упала на каменный пол аспидного цвета, сложившись бабочкой, а Берсон придавил ее сверху.

Она хныкнула, ударившись о камень, сердце ее бешено забилось от неожиданного броска Берсона из засады. Она стонала, дрожа под тяжестью его тела, лицо ее было прижато к гладким серым плитам замка. На каменном полу рядом с ней

лежала бело-розовая орхидея — невольная жертва нападения Берсона.

Не сразу, сперва убедившись в том, что она не сопротивляется, Берсон позволил ей шевельнуться. Он перестал наваливаться всем своим огромным весом, отодвигаясь от нее, словно танк, который откатывается назад от раздавленной им лачуги. Лидия заставила себя сесть. Наконец она встала, покачиваясь, — бледная, худенькая девочка, совсем маленькая рядом с нависшим над ней чудовищем — начальником охраны госпожи Белари.

Громадное тело Берсона являло собой горы литых мускулов, иссеченные бороздами страшных шрамов, — воплощение силы и жестокой готовности к сражению. Мирриам болтала, что прежде он был гладиатором, но она вечно все выдумывала, а Лидия подозревала, что шрамы скорее достались ему от его дрессировщиков, так же, как она сама получала все наказания от Белари.

Берсон схватил ее за запястье, крепко удерживая ее. Не смотря на всю непреклонность, хватка его была осторожной. После того первого раза, когда все закончилось катастрофическими переломами, он хорошо знал, какую нагрузку способны выдерживать ее кости, чтобы не рассыпаться при этом на кусочки. А Лидия попыталась высвободить руку, проверяя его хватку на прочность, но затем смирилась с пленением. Берсон присел на корточки, чтобы сравняться с ней ростом. Воспаленные глаза с расширенными зрачками изучающе разглядывали ее, наливаясь кровью по мере того, как сканировали инфракрасную вибрацию ее кожи.

Исполосованное лицо Берсона постепенно утрачивало зеленоватый маскировочный оттенок. Теперь, когда он стоял на открытом пространстве, цвет камня или листвы ему был ни к чему. Но впрочем, рука, держащая пленницу, побледнела, словно присыпанная мукой, становясь такой же белой, как и ее кожа.

— Где ты пряталась все это время? — прорычал он.

— Нигде.

Красные глаза Берсона сузились, брови сдвинулись, нависнув над глубокими ямами, излучавшими вопрос. Он понюхал ее одежду, пытаясь уличить Лидию. Поднес свой нос близко к ее лицу, волосам, втянул запах рук.

— Кухня, — пробормотал он.

Лидия вздрогнула. Налившиеся кровью глаза внимательно рассматривали ее, добиваясь дополнительных подробностей, наблюдая за непроизвольной реакцией ее кожи: вспыхнувший румянец будет означать, что она разоблачена и ей не скрыться от

его пытливых глаз. Берсон улыбнулся. Охота доставляла дикую, безумную радость его натуре ищейки. Трудно определить, как сочетались качества шакала, пса и человека в этом существе. Высшим счастьем для него было охотиться, завладевать добычей и убивать.

Берсон выпрямился, довольный собой. Достал из мешка стальной браслет.

— У меня есть для тебя кое-что, Лидия. — Он надел украшение ей на запястье. Браслет обвился как змея вокруг ее тоненькой ручки и со звоном защелкнулся. — Теперь не спрячешься.

По руке Лидии пошел ток, она закричала, судорожно забившись, так как электричество пронзило насквозь ее тело. Берсон подхватил ее, когда отключился ток, и сказал:

— Я устал искать имущество Белари.

Он улыбнулся плотно сомкнутыми губами и толкнул ее в направлении репетиционной комнаты. Лидии пришлось подчиниться.

Белари находилась в зале для представлений, когда Берсон привел к ней Лидию. Вокруг суетились слуги — расставляли столы, пристраивали круглую сцену, устанавливали освещение. Стены были завешены бледной муслиновой тканью, через которую проходили электрические разряды, — вздымавшаяся оболочка из заряженного воздуха потрескивала и вспыхивала всякий раз, когда к ней приближался кто-либо из слуг.

Белари, казалось, не обращала внимания на затейливый мир, сооружаемый вокруг нее, она просто бросала распоряжения координатору проекта. Воротник ее черного бронежилета был расстегнут — все же от деятельности, свойственной человеку, ей стало жарко. Она бросила короткий взгляд на Берсона и Лидию, затем снова обратилась к слуге, которая не переставая чиркала что-то на экранчике мини-компьютера.

— Я желаю, чтобы сегодня все было идеально, Тания. Все на своих местах. Все только безукоризненное. Безупречное.

— Да, госпожа.

Белари улыбнулась. Красота ее лица была вылеплена с математической точностью, с расчетом всех фокусных групп, с учетом всех средств и методов улучшения внешности, выработанных прежними поколениями. Коктейли для профилактики заболеваний, противоопухолевые ингибиторы, чистящие клетки, и «Ревития» позволили Белари сохранить физический облик двадцативосьмилетней женщины, тогда как постоянный прием «Ревитии» Лидией остановил рост ее организма на уровне мучительного периода подросткового

возраста.

— И чтобы как следует позаботились о Верноне.

— Ему понадобится собеседник?

Белари покачала головой:

— Нет. Уверена, он ограничится тем, что будет надоедать мне. — Она поежилась. — Отвратительный тип.

Тания хихикнула. Холодный взгляд Белари заставил ее угомониться. Белари оценивающе осмотрела зал для представлений.

— Хочу, чтобы здесь было все. Еда, шампанское, все. Хочу, чтобы гости сидели близко, чувствуя друг друга, когда девочки будут выступать. Чтобы было тесно. Очень интимно.

Тания кивнула и сделала еще несколько записей, стуча по клавишам. Она работала с персоналом, уверенно передавая приказы. Слуги в наушниках сразу же получат распоряжения и отреагируют на требования своей госпожи.

Белари продолжала:

— Я хочу, чтобы «Тингла» было вдосталь. И шампанского. Это возбудит их аппетит.

— Но тогда все закончится оргией.

Белари рассмеялась:

— Вот и отлично. Хочу, чтобы все запомнили этот вечер. Чтобы запомнили наших девочек-флейт. Особенно Вернон. — Ее смех затих, уступив место выразительной улыбке, не скрывающей ее чувств. — А он разозлится, когда узнает о них. Но все равно захочет купить. И предложит хорошую цену, как и остальные.

Лидия разглядывала лицо Белари. Неужели эта женщина не осознает, насколько явно она демонстрирует свои чувства к исполнительному директору «Пендант энтертейнмент». Лидия однажды уже видела его за кулисами. Она и Стивен подсматривали, как Вернон Веир трогал Белари, и наблюдали, как та сперва смущалась от его прикосновений, но потом уступила, мобилизовав свои актерские способности, чтобы изобразить покоренную женщину.

Вернон Веир сделал Белари знаменитостью. Он оплатил все расходы по ваянию ее тела и сотворил из нее звезду, как теперь, в свою очередь, она вкладывает деньги в Лидию и ее сестру. Но господин Веир за свою помощь получал плату, был этаким фаустовским дьяволом. Стивен с Лидией видели, как Веир наслаждается Белари, и Стивен еще шепнул ей, что, когда Веир уйдет, Белари вызовет к себе Стивена и повторит всю эту сцену, но тогда уже Стивен будет в роли жертвы ему, как и ей, придется притворяться, что он счастлив подчиниться.

Мысли Лидии резко оборвались. Белари повернулась к ней.

На ее шее все еще виднелся воспаленный рубец — результат нападения Стивена, хоть она и сосала, словно леденцы, средство для заживления ран. Должно быть, ее очень раздражает, что у нее шрам на таком видном месте, подумалось девочке. Она ведь так следит за своей внешностью. Белари, казалось, поймала на себе взгляд девочки. Поджав губы, она поправила ворот бронежилета, прикрывая след на теле. Ее зеленые глаза сузились.

— А мы искали тебя.

Лидия склонила голову:

— Простите, госпожа.

Белари провела пальцем по подбородку девочки-флейты и приподняла ее опущенное лицо так, чтобы встретиться глазами.

— Мне следовало бы наказать тебя за то, что ты тратишь мое время.

— Да, госпожа, простите. — Девочка-флейта опустила взгляд. Белари не станет ее бить. Слишком дорого обойдется восстановление. Лидия гадала, что на этот раз использует Белари: электричество, изоляцию или еще какое-нибудь тщательно продуманное унижение.

Но вместо этого Белари указала на стальной браслет:

— Для чего это?

Берсон не стал уклоняться от вопроса. Он не боялся. Он был единственным из всех слуг, кто не боялся. По крайней мере, это его качество приводило Лидию в восторг.

— Чтобы следить за ней. И бить током. — Он улыбнулся, довольный собой. — Браслет не вызывает никаких физических повреждений.

Белари покачала головой:

— Она нужна мне сегодня без всяких украшений. Сними его.

— Она же спрячется.

— Нет. Она хочет стать звездой. Отныне она будет хорошей, правда, Лидия?

Лидия кивнула.

Берсон пожал плечами и невозмутимо снял браслет. Он придвинул свое громадное, изрезанное шрамами лицо к уху Лидии:

— Не вздумай прятаться на кухне в следующий раз. Я все равно тебя найду. — Он выпрямился, удовлетворенно улыбаясь. Лидия, прищурившись, смотрела на Берсона, поздравив себя с победой, ведь Берсон так и не догадался, где находится ее укрытие. Но затем, поймав улыбку Берсона, вдруг засомневалась: а если он уже все понял и просто играет с ней, как кошка с покалеченной мышью?…

Белари произнесла:

— Спасибо, Берсон, — и молча оглядела огромное существо, так похожее на человека, но двигающееся со смертоносной быстротой, присущей диким зверям. — Ты усилил нашу охрану?

Берсон кивнул:

— Твое поместье в безопасности. Мы проверяем весь остальной персонал на наличие скрытых нарушений порядка.

— Нашли что-нибудь?

Берсон помотал головой:

— Весь персонал любит тебя.

Голос Белари зазвенел:

— То же самое мы думали о Стивене. А теперь я вынуждена носить бронежилет в собственном поместье. Я не могу позволить проявлений падения моей популярности. Это слишком влияет на мою стоимость.

— Я все сделал.

— Если мои акции упадут, Вернон заставит меня подключиться к системе ТачСенс. Я этого не вынесу.

— Понимаю. Больше провалов не будет.

Белари неприязненно посмотрела на чудовище, нависшее над ней.

— Ладно. Тогда пойдем. — Она махнула рукой Лидии, подзывая. — Твоя сестра уже давно ждет тебя. — Она взяла девочку-флейту за руку и повела ее из зала для представлений.

Лидия оглянулась украдкой. Берсон пропал. Слуги спешили, расставляя на столах срезанные орхидеи, но Берсон исчез — то ли слился со стенами, то ли умчался по своим охранным делам.

Белари потянула Лидию за руку:

— Ну и заставила ты нас поломать голову со своими прятками. Я уж думала, нам придется снова разбрызгивать феромон.

— Простите.

— Ничего страшного. На этот раз. — Белари улыбнулась ей сверху вниз. — Ты нервничаешь перед сегодняшним выступлением?

Лидия мотнула головой:

— Нет.

— Нет?

Лидия пожала плечами:

— Господин Веир купит наши акции?

— Если заплатит достаточно денег.

— А он захочет?

Белари улыбнулась:

— Уверена, что захочет, обязательно. Ты же уникальна. Как и я. Вернон любит коллекционировать редкую красоту.

— А какой он?

Улыбка Белари стала натянутой. Она подняла голову, устремив взгляд вперед, — казалось, ее интересовал только путь, которым они шли по замку.

— Когда я была девочкой, очень маленькой, намного младше тебя, задолго до того, как стать знаменитостью, я часто ходила играть на детскую площадку. Как-то раз туда пришел один человек и стал смотреть, как я качаюсь на качелях. Он захотел со мной подружиться. Мне он не понравился, но стоило ему приблизиться, я почувствовала, как кружится голова. Все, что он говорил мне, имело абсолютный смысл. От него неприятно пахло, но я не могла оттолкнуть его. — Белари встряхнула головой. — Чья-то мать прогнала его. — Она снова посмотрела вниз на Лидию. — У него был химический одеколон, понимаешь?

— Контрабандный?

— Да. Из Азии. Запрещенный у нас. Вот и Вернон такой же. У тебя мурашки по коже, но все равно к нему тянет.

— Он трогает тебя.

Белари грустно взглянула на Лидию:

— Ему нравится мой жизненный опыт старухи в сочетании с телом юной девушки. Но вряд ли он выделяет только меня. Он всех трогает. — Слегка усмехнулась. — Но кроме тебя, возможно. Ты слишком драгоценна для этого.

— Слишком хрупка.

— К чему такая грусть? Ты — уникальна. Мы сделаем из тебя звезду. — Белари алчным взглядом окинула свою протеже. — Твои акции взлетят вверх, и ты станешь знаменитой.

Из своего окна Лидия наблюдала за тем, как съезжаются гости Белари. Аэромобили в сопровождении охраны змейками скользили низко над соснами, в темноте мигали зеленые и красные бегущие огоньки.

Ния подошла к Лидии и встала за ее спиной.

— Уже приехали.

— Да.

На деревьях толстым слоем лежал снег, похожий на взбитые сливки. Метались голубые лучи поисковых прожекторов, выхватывая время от времени из темноты то снег, то деревья в лесу. В тени сосен притаились дозорные лыжники Берсона, в надежде выследить с помощью датчиков инфракрасные следы незваных гостей. Их лучи скользили по древним обломкам лыжного подъемника, который тянулся наверх из самого города. Проржавевший, он стоял беззвучно, и только ветер иногда налетал на сиденья и толкал тросы. Пустые кресла равнодушно

покачивались в морозном воздухе — они тоже стали жертвой каприза Белари. Она ненавидела конкуренцию. Теперь она одна была покровительницей города, который сверкал далеко внизу, в долине.

— Тебе надо одеться, — сказала Ния.

Лидия повернулась, чтобы внимательно разглядеть свою сестру-двойняшку. Черные бездонные глаза смотрели на нее из-под крошечных век. Кожа бледная, лишенная какого бы то ни было цвета, изящная худоба подчеркивала тонкость ее кости. Лишь одно было у нее настоящим, у них обеих — собственные кости. Именно это в первую очередь привлекло внимание Белари, когда им было всего по одиннадцать лет. Вполне взрослыми, чтобы Белари смогла забрать их у родителей.

Лидия снова посмотрела в окно. Внизу, в узком пространстве горной долины, желтыми огоньками переливался город.

— Ты скучаешь? — спросила она.

Ния придвинулась ближе:

— Скучаю по чему?

Лидия кивнула вниз на мерцающий свет:

— По городу.

Их родители были стеклодувами, занимались старинным ремеслом, пришедшим в упадок, несмотря на разумно налаженное производство, — они своим дыханием создавали изящные вещицы, под их внимательным взором песок плавился и принимал нужную форму. Как и все ремесленники города — гончары, кузнецы, живописцы, — они переехали в поместье Белари в надежде обрести ее покровительство. Случалось, аристократы, приезжавшие к Белари, обращали внимание на кого-либо из художников, и тогда влияние счастливчика возрастало. Так, Нильсу Кинкэйду удалось разбогатеть благодаря благосклонности Белари; он варил железо по ее желанию, снабжая крепость огромными воротами ручной ковки и сады — незаметными на первый взгляд скульптурными сюрпризами: лисицы и дети выглядывали из зарослей люпина и аконита летом и из глубоких сугробов зимой. Теперь он достаточно знаменит, по крайней мере для того, чтобы выпускать собственные акции.

Родители Лидии тоже обратились за поддержкой, но Белари не сочла их ремесло достойным своего внимания. Вместо этого она заинтересовалась биологическим чудом — оказывается, у них были дочери-близнецы, такие хрупкие, светловолосые, они глядели на мир васильковыми глазами, не мигая, будто впитывали в себя все чудеса гор в ее владениях. С тех пор благодаря деньгам, что родители близнецов выручили за своих детей, их дело процветало.

Ния легонько подтолкнула Лидию, ее призрачное лицо было серьезным.

— Скорее оденься. Тебе нельзя опаздывать.

Лидия отвернулась от своей черноглазой сестры. Мало что осталось в них от первоначального облика. В течение двух лет они росли в замке под наблюдением Белари, а затем начались пилюли. Прием «Ревитии» в возрасте тринадцати лет зафиксировал их функции на основе матрицы юности. Затем настал черед вставить чужие глаза, забранные у другой пары близнецов в одной из дальних стран. Иногда Лидия задавалась вопросом, глядят ли две смуглые девочки где-нибудь в Индии на мир глазами цвета васильков или бродят по грязным улочкам своих деревень, ориентируясь только по тому, как звуки отскакивают от стен из коровьего кизяка или как стучат по пыли их тросточки, которые они держат перед собой.

Лидия внимательно всматривалась в ночь за окном своими украденными черными глазами. Аэромобили один за другим высаживали гостей на посадочных площадках, затем расправляли легкие прозрачные крылья и отдавались на волю горному ветру, который уносил их прочь.

Последовали другие курсы терапии: пигментные препараты выкачали всю краску из кожи, сделав девочек бледными, как маски театра Кабуки, бесплотными тенями их прежних — загорелых под горным солнцем детей. А потом начались операции. Она вспомнила, как приходила в себя после каждой удачной операции — искалеченная, неделями не способная шевельнуться, несмотря на то что сквозь широкие отверстия игл доктор заливал в ее немощное тело средства для срастания ран и питательные растворы. Каждый раз после операции врач брал ее за руку, утирал пот с бледного лба и шептал: «Бедное дитя. Бедное, бедное дитя». После чего приходила Белари и радовалась результатам, говоря, что Лидия и Ния скоро станут звездами.

Снег, сорванный с сосен порывами ветра, кружил вихрем вокруг прибывающих представителей элиты. Гости спешили сквозь вьюживший снег, а в это время голубые лучи прожекторов лыжного дозора Берсона шарили по лесу. Лидия вздохнула и отвернулась от окна, уступив в конце концов беспокойным уговорам Нии, что следует одеться.

Стивен и Лидия ходили вместе на пикники, когда Белари отсутствовала в поместье. Они обычно покидали огромное серое здание замка Белари и очень осторожно шли по горным лугам. Стивен всегда поддерживал ее, показывая, куда ставить хрупкие ступни среди ромашек, васильков и люпина, пока с отвесных гранитных скал их взорам не открывался вид на город далеко

внизу. Со всех сторон вздымались вершины, покрытые ледниками, — горы окружали долину, словно великаны, которые присели на корточки, чтобы посовещаться; даже летом с их ликов не сходил снег, белевший, как бороды мудрецов. Вдвоем они устраивались на краю пропасти и ели то, что приносили с собой, а Стивен рассказывал истории о том, каким мир был до появления поместий, до того, как благодаря «Ревитии» знаменитости стали бессмертными.

Он рассказал, что когда-то эта страна была демократической. Что люди даже голосовали за своих сеньоров. Что они могли свободно разъезжать по любым поместьям, куда им только хотелось. Все могли, подчеркивал он, не только звезды. Лидия знала, что есть такие места на побережье, где до сих пор все так и происходит. Она слышала об этом. Но ей трудно было в это поверить. Все же она — дитя поместья.

— Это правда, — уверял ее Стивен. — На побережье люди избирают своего руководителя. Это только здесь, в горах, все иначе. — Он улыбался ей, слегка щуря глаза, — его явно веселило недоверчивое выражение ее лица.

Лидия рассмеялась:

— Но кто же тогда платит за все? Кто, кроме Белари, даст денег на ремонт дорог и строительство школ? — Она сорвала астру и покрутила ее меж пальцев, разглядывая, как фиолетовые спицы лепестков почти полностью скрывают желтую сердцевину цветка.

— Сами люди.

Лидия снова засмеялась:

— Как же они смогут? У них едва хватает денег на то, чтобы прокормить себя. И как они узнают, что надо делать? Если бы не Белари, то никто и не знал бы, что следует починить или исправить. — Она отбросила в сторону астру, желая, чтобы та слетела со скалы. Но вместо этого ветер подхватил цветок, и он упал рядом с ней.

Стивен подобрал астру и легким движением смахнул ее в пропасть.

— Это правда. Им не обязательно быть богатыми, они просто вместе трудятся. Думаешь, Белари знает все на свете? Она нанимает советников. И люди могут делать точно так же, как она.

Лидия покачала головой:

— Такие люди, как Мирриам? Управлять поместьем? Это же дикость какая-то. Никто ведь не будет ее уважать.

Стивен нахмурился:

— Все равно это правда, — упрямо повторил он.

И может, потому, что он нравился Лидии и ей не хотелось,

чтобы он сердился, она согласилась, что, возможно, все так, как он говорил, в душе понимая: Стивен — просто мечтатель. Поэтому он был таким милым, пусть даже и не знал, как на самом деле устроен мир.

— Тебе нравится Белари? — неожиданно спросил Стивен.

— Что ты имеешь в виду?

— Она тебе нравится?

Лидия удивленно посмотрела на него. Карие глаза Стивена напряженно изучали ее. Она повела плечами:

— Она хорошая сеньора. Все накормлены и ухожены. Совсем не так, как в поместье господина Веира.

Стивен скривился от отвращения:

— Ничто не сравнится с поместьем Веира. Он просто дикарь — сажает своих слуг на кол. — Юноша помолчал. — Но все же посмотри, что Белари с тобой сотворила.

Лидия нахмурилась:

— А что тебе во мне не нравится?

— Ты же не настоящая. Посмотри, какие у тебя глаза, кожа и… — он отвел глаза в сторону, голос его дрогнул, — … какие кости. Смотри, что она сделала с твоими костями.

— А что такое с моими костями?

— Ты же с трудом ходишь! — внезапно вскричал он. — Ты должна была бы уметь ходить!

Лидия обеспокоенно огляделась вокруг. Стивен высказывался очень критически. А вдруг кто-нибудь услышит? Это только кажется, что они одни, но всегда какие-нибудь люди оказываются неподалеку — агенты безопасности скрываются на склонах, кто-то просто гуляет. Может, и Берсон где-то здесь, слился с пейзажем — каменный человек, притаившийся среди скал. Стивену однажды жестоко досталось, тогда он понял, что значит иметь дело с Берсоном.

— Но я умею ходить, — яростно шепнула она.

— Сколько раз ты ломала себе то руку, то ногу, то ребро?

— В этом году — еще ни разу. — Она гордилась собой. Она научилась быть осторожной.

Стивен усмехнулся с недоверием:

— А знаешь, сколько раз я ломал кости за всю свою жизнь? — Он не стал дожидаться ответа. — Ни разу. Ни одной косточки. Никогда. Ты вообще помнишь, каково это — ходить и не беспокоиться, что можешь споткнуться или стукнуться обо что-нибудь или о кого-нибудь? Ты же словно из стекла.

Лидия покачала головой и отвела взгляд:

— Я стану звездой. Белари собирается разместить наши акции на рынке.

— Но ты не можешь ходить, — сказал Стивен. В его глазах читалась жалость, и это рассердило Лидию.

— Очень даже могу. И хватит об этом.

— Но…

— Да! — Лидия мотнула головой. — Кто ты такой, чтобы говорить мне, чем я занимаюсь? Посмотри лучше, что Белари делает с тобой, но ты же все равно ей верен! Может, меня и оперировали помногу, но, по крайней мере, она не забавляется со мной.

Это был единственный раз, когда Стивен рассердился. Лицо его вспыхнуло от гнева, и на мгновение Лидии показалось, что он ударит ее и разобьет вдребезги. В глубине души ей даже хотелось этого: так он хотя бы избавит их от жестокого разочарования, назревавшего в отношениях между ними, двумя слугами, — каждый из них считал другого рабом.

Но Стивен овладел собой и перестал спорить. Он попросил прощения и взял ее за руку, они молча смотрели, как садится солнце, но было уже слишком поздно, и спокойствие нарушилось. Мысли Лидии вернулись к тем временам до операций, когда она бегала беззаботно, и, хоть она никогда не признается в этом Стивену, у нее было чувство, будто он сорвал корку с раны и теперь она болезненно кровоточит.

Зал, заполненный возбужденной публикой, набравшейся «Тингла» и шампанского, гудел от предвкушения. Муслиновая ткань на стенах вспыхивала молниями, когда гости Белари, в искрящихся шелках, увешанные сверкающим золотом, шумно веселились, перемещаясь по комнате яркими группами, то сходились вместе, беседуя, то со смехом расходились, чтобы обойти по кругу всех присутствующих.

Лидия плавно скользила между гостей, ее бледная кожа и прозрачное платье на фоне кричащих красок и чрезмерной роскоши казались островком непритязательности. Кое-кто из гостей с любопытством поглядывал на нее — необычную девочку, бродившую среди них, пока все развлекались. Но они тут же забывали о ней. Всего-навсего еще одно существо Белари, может и любопытное с виду, но не представляющее никакой ценности. Внимание гостей всегда переключалось на какие-то, как им казалось, более важные разговоры, что велись вокруг. Лидия улыбнулась. «Очень скоро, — подумала она, — вы узнаете, кто я». Она прижалась к стене, недалеко от стола, ломившегося от закусок, на котором возвышались горы из тонких сэндвичей, кусочков мяса, стояли блюда с сочной клубникой.

Лидия обвела взглядом толпу. Сестра Ния, одетая в такое же прозрачное платье, находилась в другом конце комнаты. Белари

стояла в окружении знаменитостей и сеньоров поместий, в зеленом платье, под цвет глаз. Она улыбалась, явно чувствуя себя непринужденно, пусть даже без ставшего уже привычным бронежилета.

Вернон незаметно подошел к Белари сзади и погладил ее по плечу. Лидия видела, как хозяйка вздрогнула и напряглась от прикосновения Веира. Неужели он не заметил? А может, он из тех людей, что получают удовольствие оттого, что внушают людям отвращение? Белари улыбнулась ему, вновь овладев своими чувствами.

Лидия взяла маленькую тарелочку с мясом со стола. Мясо, политое сверху восстановленной малиной, было сладким на вкус. Белари любила все сладкое, вот и сейчас в конце стола она ела клубнику, беседуя с исполнительным директором «Пендант энтертейнмент». Пристрастие к сладкому — еще один побочный эффект употребления «Тингла».

Белари заметила Лидию и подвела Вернона Веира к ней.

— Тебе нравится это мясо? — спросила она с легкой улыбкой.

Лидия кивнула, аккуратно дожевывая. Улыбка Белари стала шире.

— Ничего удивительного. У тебя есть вкус к хорошим продуктам. — Ее лицо горело от «Тингла». Лидия порадовалась, что кругом были люди. Когда Белари принимала слишком много «Тингла», то ее охватывали сумасбродные желания. Однажды она натерла тела сестер клубникой, так что их бледная кожа стала красной от сока, а потом, возбудившись из-за чрезмерной дозы, заставила Лидию языком слизывать сок с тела Нии, а Нию — проделать языком то же самое со своей сестрой; Белари же наблюдала за ними, наслаждаясь таким декадентским зрелищем.

Белари выбрала ягоду клубники и предложила ее Лидии:

— Вот. Съешь одну, но не испачкайся. Я хочу, чтобы ты выглядела безупречно. — Ее глаза блестели от возбуждения. Лидия отогнала от себя воспоминание и взяла ягоду.

Вернон разглядывал Лидию.

— Твоя?

Белари ласково улыбнулась:

— Одна из моих девочек-флейт.

Вернон опустился на колени и стал еще более пристально рассматривать ее.

— Какие у тебя необыкновенные глаза.

Лидия застенчиво опустила голову.

Белари пояснила:

— Я их заменила.

— Заменила? — Вернон посмотрел на нее снизу вверх. — Не

изменила?

Белари просияла:

— Мы ведь оба знаем — все, что красиво, не бывает искусственным. — Она наклонилась и погладила Лидию по белесым волосам, довольно улыбаясь своему созданию. — Когда я получила ее, у нее были самые красивые синие глаза. Похожие на те цветы, что растут здесь в горах летом. — Покачала головой. — Но я их заменила. Они были красивы, но смотрелись не так, как мне хотелось.

Вернон снова выпрямился:

— Она поразительна. Но не так красива, как ты.

Белари ядовито усмехнулась:

— И именно поэтому ты хочешь, чтобы меня подключили к ТачСенс?

Вернон пожал плечами:

— Это новый рынок, Белари. С твоей хваткой ты сможешь стать звездой.

— Я уже звезда.

Вернон улыбнулся:

— Но ведь «Ревития» очень дорогостояща.

— Мы всякий раз с тобой возвращаемся к этой теме, не так ли, Вернон?

Вернон сурово взглянул на нее:

— Я не стал бы спорить с тобой, Белари. Ты прекрасно справляешься со всем. Достойна каждой монеты, вложенной в твою переделку. Я не знаю актрисы лучше тебя. Но это же «Пендант», в конце концов. Ты могла бы давным-давно выкупить долю своих акций, если бы не была так зациклена на бессмертии. — Его взгляд стал холодным. — Если хочешь быть бессмертной — подключишься к ТачСенс. Мы уже встречаем широкое признание на рынке. Это — будущее бизнеса развлечений.

— Я — актриса, а не марионетка. Мне совсем не нужно, чтобы люди влезали в мою шкуру.

Вернон повел плечами:

— Все мы платим свою цену за нашу известность. Куда движется рынок — туда и мы должны стремиться. Никто из нас не свободен по-настоящему. — Он многозначительно посмотрел на Белари. — Разумеется, нет, если мы хотим жить вечно.

Белари ответила лукавой улыбкой:

— Возможно. — Она кивнула Лидии. — Беги, уже почти пора. — Снова повернулась к Вернону. — Мне хотелось бы, чтобы ты кое-что увидел.

Стивен передал ей пузырек за день до своей смерти. Лидия еще спросила его, что это за золотистые леденцы — крошечные, размером меньше ее мизинчика — в пузырьке. Она улыбалась подарку, радуясь, но Стивен оставался серьезным.

— Это — свобода, — сказал он.

Она мотнула головой, не понимая.

— Если у тебя есть выбор, ты управляешь своей жизнью. И тогда не обязательно быть любимой вещью Белари.

— Я не ее вещь.

Он покачал головой:

— Если тебе когда-нибудь захочется сбежать, — он поднял пузырек, — это тебе поможет.

Стивен вложил пузырек в бледную руку и сжал ее пальцы. Флакончик был из дутого стекла. Может, он из мастерской родителей, мелькнуло в ее голове.

Стивен продолжил:

— Мы здесь ничего не значим. Только такие люди, как Белари, имеют власть. В других местах, в других частях мира все иначе. Даже самые ничтожные люди что-нибудь да значат. Но здесь, — он печально улыбнулся, — все, что у нас есть, — это наши жизни.

К ней вдруг пришло понимание. Ей захотелось отодвинуться, но Стивен крепко удерживал ее.

— Я не говорю, что тебе это нужно прямо сейчас, но когда-нибудь, возможно, понадобится. Может быть, однажды ты поймешь, что не желаешь больше иметь дело с Белари. Какими бы дарами она тебя ни осыпала. — Он мягко сжал ей руку. — Это очень быстро. Почти не больно. — Его карие глаза смотрели на нее с нежностью и добротой — она всегда замечала, какой у него взгляд.

Это был дар любви, пусть и толкавший ее на неправильный путь; но только для того, чтобы доставить ему радость, она кивнула, согласившись принять пузырек и спрятать его в своем укрытии, просто на всякий случай. Она еще не знала тогда, что он уже выбрал для себя смерть, что бросится с ножом на Белари и почти достигнет цели.

Никто из присутствующих не заметил, когда девочки-флейты заняли свои места на главном помосте. Они — чудесные создания, бледные ангелы — стояли там обнявшись. Лидия прижалась ртом к горлу сестры, чувствуя, как под белой-белой кожей часто бьется ниточка пульса. Кожа пульсировала под языком, пока она искала крошечное отверстие на теле сестры. Лидия ощутила влажное прикосновение языка Нии на

собственном горле, он зарывался в ее плоть, как маленькая мышка, желавшая пристроиться поуютней.

Лидия замерла, снисходительно выжидая, когда зрители обратят ни них внимание, полностью сосредоточившись на собственном выступлении. Она ощутила дыхание Нии, как расширяются ее легкие внутри хрупкой грудной клетки. Лидия тоже вдохнула. Они начали играть: сперва раздались звуки из нее самой — из открытых клапанов в ее теле, а затем зазвучали ноты из Нии. Ясный звук, от которого перехватывало дыхание, полился из их тел.

Грустная мелодия умолкла. Лидия отвела голову и сделала вдох, воспроизводя движения сестры, затем снова прижалась к ней губами. На этот раз Лидия целовала ее руку. Рот Нии искал тонкое отверстие на ключице. Их тела источали музыку — печальную и прозрачную, как они сами. Ния выдыхала в Лидию, и воздух из ее легких летел сквозь кости Лидии, окрашенный чувством, словно теплое дыхание сестры оживало внутри ее тела.

Гости, стоявшие вокруг помоста с девочками, замолчали. Тишина стала распространяться по залу, как круги на воде от камня, брошенного в безмятежный пруд, она быстро захватывала пространство от источника звуков до самых дальних уголков. Все взгляды теперь были обращены к бледным девочкам на сцене. Лидия почти физически ощущала, как взоры людей жадно вонзились в нее. Она передвигала руками под платьем сестры, тесно прижимаясь к ней. Руки Нии касались ее бедер, нажимая клапаны на изогнутом теле. Когда они обнялись по-новому, толпа издала страстный вздох — шелест их собственных желаний обрел звучание музыки.

Руки Лидии нашли нужные клавиши на сестре, ее язык еще раз коснулся горла Нии. Пальцы пробежались по косточкам позвоночника Нии и, найдя внутри нее кларнет, стали поглаживать клапаны. Она выпустила теплое дыхание в сестру и почувствовала, как Ния дышит в нее. Звук Нии, насыщенный и мрачный, и ее собственный, ярче и выше, лились контрапунктом — неспешно рассказанная история о чем-то запретном.

Они стояли обнявшись. Их тела были устроены так, чтобы рождать музыку, звуки чарующе переплетались, послушные движениям рук, скользившим по телам, мелодия нарастала, как волна. Внезапно Ния сорвала с Лидии платье, а пальцы Лидии разорвали платье на Нии. Их тела обнажились — бледные чудесные существа из волшебного мира музыки. Потрясенные гости вокруг них открыли рты от изумления: теперь мелодия зазвучала ярче — ей не мешали прилипающие одежды. Засияли музыкальные элементы, вживленные в девочек: отверстия из

кобальта на позвоночниках, блестящие клапаны и клавиши из меди и слоновой кости, встроенные по всему скелету, — в этих телах сочетались сотни всевозможных инструментов.

Рот Нии медленно перемещался по руке Лидии. Она извлекала из Лидии чистые, сверкающие, как капли воды, звуки. Поры Нии сочились стенаниями страсти и греха. Их объятия становились все неистовей, превращаясь в хореографию похоти. Зрители сдвинулись ближе, сплетаясь телами, — возбужденные зрелищем обнаженной юности, звучанием музыки.

Лидия смутно, как сквозь туман, видела обращенные к ним глаза, раскрасневшиеся лица. «Тингл» вкупе с этим представлением воздействовал на гостей. В зале становилось жарко. Они с Нией медленно опустились на пол, обнимаясь все более чувственно и изощренно, напряжение страсти музыкального соперничества увеличивалось по мере того, как переплетались их тела. Годы целенаправленной подготовки предшествовали этому мгновению, такому тщательно выверенному соединению гармонизированной плоти.

«Мы исполняем порнографию, — подумалось Лидии. — Порнографию ради наживы Белари». Она мельком увидела сияющую от удовольствия покровительницу, остолбеневший Вернон Веир сидел рядом. «Да, — мысленно обратилась она, — смотрите на нас, господин Веир, любуйтесь порнографией, которую мы вам показываем». Но потом настал ее черед играть на своей сестре, языком и пальцами водить по клавишам Нии.

Это был танец обольщения и уступки. Они подготовили много других танцев — сольных и в дуэте, целомудренных и непристойных, — но для дебюта Белари выбрала именно его. Мощь музыки, интенсивной и напряженной, все нарастала, пока наконец они с Нией не легли на пол — истощенные, все в поту, — голые близнецы, сплетенные в звучащем сладострастии. Музыка их тел смолкла.

Все вокруг боялись шелохнуться. Лидия чувствовала вкус соли на коже сестры, когда они застыли. Свет в зале погас, что означало — представление закончено.

Публика взорвалась аплодисментами. Зажглись огни. Ния выпрямилась. Губы ее растянулись в довольной улыбке, когда она помогла Лидии встать на ноги. «Вот видите? — говорили глаза Нии. — Мы будем звездами». Лидия поняла, что она, как и сестра, улыбается. Несмотря на то что Стивена больше нет, несмотря на жестокое обращение Белари, она улыбалась. Восхищение зрителей ласкало ее, словно целебный бальзам, доставляющий удовольствие.

Они поклонились в первую очередь Белари, как их учили,

выражая почтение своей госпоже, матери-богине, создавшей их. Белари улыбнулась этому жесту, хоть и отрепетированному, и присоединилась к аплодисментам гостей. Люди громко хлопали великолепной грации девочек — Ния и Лидия с изяществом поклонились четыре раза по сторонам света, подобрали свои платья, спустились со сцены и, в сопровождении огромного Берсона, направились к своей покровительнице.

Гром аплодисментов не умолкал, пока они шли через зал к Белари. Наконец Белари взмахнула рукой, хлопки затихли, и воцарилась почтительная тишина. Положив руки на хрупкие плечи девочек, она с улыбкой обратилась к собравшимся гостям:

— Дамы и господа, перед вами наши девочки-флейты.

И снова обрушился шквал аплодисментов, еще один, заключительный взрыв восторга, после чего гости стали переговариваться, обмахиваться, чувствуя, как горят их собственные тела, возбужденные выступлением сестер.

Белари придвинула к себе девочек-флейт ближе и шепнула им:

— Вы хорошо справились. — Она осторожно обняла их.

Глаза Вернона Веира блуждали по обнаженным телам Лидии и Нии.

— Ты превзошла себя, Белари, — сказал он.

Белари слегка наклонила голову в ответ на комплимент. Рука не выпускала плечо Лидии, цепко удерживая свою собственность. Голос Белари ничем не выдавал напряжения. Она выглядела радостной, вполне довольной собой, но пальцы больно впивались в кожу Лидии.

— Они у меня — лучшие.

— Какая незаурядная работа.

— К тому же дорого обходится, если они вдруг поломают кости. Косточки у них ужасно хрупкие. — Белари, ласково улыбаясь, любовно посмотрела вниз на девочек. — Им уже и не вспомнить, как это — ходить и не думать об этом.

— Все самое прекрасное на свете хрупко. — Вернон дотронулся до щеки Лидии. Она едва сдержалась, чтобы не отшатнуться. — Должно быть, не просто было их создать.

Белари кивнула:

— Они так замысловато устроены. — Она провела пальцем по отверстиям на руке Нии. — Звучание каждой ноты зависит не только от расположения пальцев на клавишах, но также и от того, с какой силой они прижимаются друг к другу или к полу, согнута ли рука или выпрямлена. Мы заморозили уровень гормонов, чтобы девочки перестали расти, и только потом начали конструировать инструменты. От них требуется колоссальное

мастерство, чтобы одновременно играть и танцевать.

— И как долго вы их готовили?

— Пять лет. Всего семь, если учесть время, затраченное на операции.

Вернон покачал головой в удивлении:

— А мы ничего даже не слышали о них.

— Вы бы все испортили. Я собираюсь сделать из них звезд.

— Мы тебя сделали звездой.

— И вы же свергнете меня, если я вдруг запнусь.

— Итак, ты выпустишь их на рынок?

Белари улыбнулась ему:

— Конечно. Я оставлю себе контрольный пакет акций, но остальные — продам обязательно.

— Станешь богатой.

Белари усмехнулась:

— Более того — стану независимой.

На лице Вернона отразилось крайнее разочарование.

— Полагаю, это означает, что мы не будем подсоединять тебя к ТачСенс.

— Полагаю, не будете.

Напряженность между ними была очевидной. Вернон раздумывал, выискивая слабое место, в то время как Белари сжимала свою собственность, глядя ему в лицо. Глаза Вернона сузились.

Словно читая его мысли, Белари сказала:

— Я их застраховала.

Вернон горестно покачал головой:

— Белари, ты меня дискредитируешь. — Он вздохнул. — Полагаю, мне стоит поздравить тебя. Иметь таких преданных подданных, такое состояние — ты достигла большего, чем я мог себе представить, когда впервые встретился с тобой.

— Мои слуги преданы, потому что я хорошо к ним отношусь. Они просто счастливы служить мне.

— А твой Стивен с этим согласился бы? — Вернон махнул рукой в сторону стола с закусками, в центре которого стояло угощение из мяса, спрыснутое малиновым соком и украшенное ярко-зелеными листьями мяты.

Белари усмехнулась:

— О да, даже он. Знаешь, когда Майкл и Рене как раз собирались начать разделывать его, он посмотрел на меня и сказал: «Спасибо». — Она пожала плечами. — Хоть он и пытался меня убить, но у него также было страстное желание угодить, даже так. Уже в самом конце он попросил прощения, сказал, что лучшие годы своей жизни он провел, служа мне. — Она

театральным жестом утерла слезу. — Ума не приложу, как это случилось, — он так любил меня и одновременно желал, чтобы я умерла. — Она отвела взгляд от Вернона и оглядела остальных гостей. — Впрочем, именно поэтому я решила, что лучше подать его к столу, чем просто посадить на кол в назидание. Мы любили друг друга, пусть он и оказался предателем.

Вернон, полный сочувствия, пожал плечами:

— Многие люди не расположены к системе поместий. Ты пытаешься им объяснить, что гораздо лучше обеспечиваешь их безопасность, чем это было прежде, и все равно они возражают. — Он многозначительно взглянул на Белари. — А иногда даже более того.

Белари повела плечом:

— Ну, мои-то подданные не возражают. По крайней мере, так было до Стивена. Они меня любят.

Вернон ухмыльнулся:

— Как и все мы. В любом случае, подать его на стол в таком виде… — Он взял тарелку со стола. — У тебя безупречный вкус.

Лицо Лидии застыло, когда она поняла, о чем они говорят. Она посмотрела на расставленные тарелки с красиво нарезанным мясом, затем перевела взгляд на Вернона, который подцепил вилкой кусок и отправил его в рот. В животе у нее все перевернулось. Лишь благодаря своей подготовке ей удалось сохранить неподвижность. Вернон и Белари продолжали беседовать, но все мысли Лидии сейчас были только о том, что она ела своего друга — того, кто был так добр к ней.

Гнев стал закипать в ней, наполняя возмущением каждую клеточку тела. Ей страстно захотелось наброситься на свою самодовольную госпожу, но она понимала — ярость эта бессильна. Она слишком слаба, чтобы сразиться с Белари. Слишком мала, и косточки ее чересчур хрупки. Белари превосходит ее во всем, с ней невозможно тягаться. Лидия задрожала, охваченная отчаянием, но вдруг в голове ее зазвучал голос Стивена — он шептал ей мудрые слова утешения. Она сумеет одолеть Белари. При этой мысли ее бледная кожа порозовела от удовольствия.

Словно что-то почувствовав, Белари взглянула на нее сверху вниз.

— Лидия, пойди, оденься и возвращайся. Хочу познакомить тебя и твою сестру с каждым из присутствующих, прежде чем сделать вас достоянием общественности.

Лидия пробиралась к своему тайному месту. Пузырек все еще там, если, конечно, Берсон не нашел его. Сердце ее застучало

молоточком: а что, если флакончик пропал, что, если чудовище уничтожило прощальный подарок Стивена? Она крадучись шла по слабо освещенным служебным коридорам, которые вели на кухню, тревожно замирая при каждом шаге.

В кухне кипела работа, повсюду сновали слуги, занятые приготовлением блюд для гостей. Лидия почувствовала дурноту. Может, на этих подносах еще лежат останки Стивена. В печах трещал огонь, гремели заслонки духовых шкафов, тем временем Лидия тихонько прошла мимо всей этой суматохи, скользнув вдоль стен неприкаянной бледной тенью. Никто не обратил на нее внимания. Все усердно трудились на Белари, ни о чем не задумываясь и без каких-либо угрызений совести выполняли все ее распоряжения — рабы, самые что ни на есть настоящие. Покорность — это все, что было нужно Белари.

Лидия мрачно усмехнулась про себя. Если покорность — это то, что любит Белари, то Лидия будет просто счастлива по-настоящему предать ее. Она замертво упадет на глазах у всех гостей, и звездный час ее госпожи будет испорчен, она опозорит Белари и разрушит ее надежды на обретение независимости.

Лидия проскользнула в дверной проем — в кладовой было тихо. Все были заняты тем, что подавали на стол, бегали, высунув языки как собаки, чтобы накормить ораву гостей Белари. Лидия побродила среди запасов, мимо бочек с маслом и мешков с луком, оставив позади огромные гудящие холодильники, в стальных недрах которых целиком помещались коровьи туши. Она подошла к широким высоким стеллажам в конце кладовой и полезла к самой верхней полке, где хранились бобовые, мимо банок с консервированными персиками, помидорами и маслинами. Отодвинула в сторону банку с чечевицей и очутилась в своем укрытии.

Она пошарила рукой в узкой щели тайника, и на мгновение ей показалось, что пузырек пропал, но в следующую минуту она уже сжимала крошечный флакончик из дутого стекла.

Лидия слезала вниз со всеми предосторожностями, опасаясь переломов, хотя ей стало смешно, что она еще о чем-то беспокоится, ведь теперь это скорее всего уже не имеет значения, после чего поспешила назад — через кухню, мимо озабоченных и покорных слуг, далее по служебному коридору, полная решимости покончить с собой.

Торопливо передвигаясь по темным коридорам, она улыбалась, радуясь тому, что ей больше никогда не придется красться по неосвещенным залам и прятаться от глаз аристократии. Свобода была в ее руках. Впервые за долгие годы она управляла своей судьбой.

Неожиданно выскочил Берсон, он материализовался из полумрака, его черная кожа стала принимать свой естественный цвет. Он вцепился в нее и рывком заставил остановиться. Лидия напряглась всем телом, вдруг оказавшись в плену. Ей было трудно дышать, суставы хрустели. Берсон сгреб обе ее руки в огромный кулак. Другой ручищей он приподнял ей подбородок, сверля ее лицо своим воспаленно-красным взглядом, выискивая в черных глазах ответ на свой вопрос:

— Куда направляешься?

Из-за огромного роста его ошибочно можно принять за глупца, подумалось ей. Из-за громкого медлительного голоса. Из-за мутного, как у зверя, взгляда. Но в отличие от Белари, он был очень наблюдательным. Лидия задрожала, ругая себя за опрометчивость. Берсон внимательно разглядывал ее, ноздри его раздувались, чуя запах страха. От его глаз не укрылось то, что она покраснела.

— Куда направляешься? — спросил он снова.

Голос звучал угрожающе.

— Назад к гостям, — пролепетала Лидия.

— А где была?

Лидия попыталась пожать плечами:

— Нигде. Переодевалась.

— Ния уже на месте. Ты опаздываешь. Белари спрашивала о тебе.

Лидия ничего не ответила. Ей нечего было сказать, чтобы отвести от себя подозрения Берсона. Она пришла в ужас при мысли о том, что ему захочется посмотреть, что у нее в руках, и он обнаружит стеклянный пузырек. Слуги говорят, Берсона обмануть невозможно. Он всегда все находит.

Берсон молча смотрел на нее, ожидая, что она сама себя выдаст. Наконец произнес:

— Ты ходила в свою норку. — Обнюхал ее. — Нет, она не в кухне. В кладовой. — Он расплылся в улыбке, скаля крепкие острые зубы. — Наверху.

Лидия затаила дыхание. Берсон ни одну задачу не оставлял без решения. Его так обучили. Он окинул ее взглядом с головы до пят.

— Ты нервничаешь. — Потянул воздух. — Потеешь. Боишься.

Лидия упрямо мотала головой. Маленький флакончик в ее руках был скользким, Лидия боялась, что выронит его или пошевелит пальцами и привлечет к нему внимание. Берсон потянул ее за руки вверх, пока их лица не оказались на одном уровне — нос к носу. Его кулак сжимал ее запястья так, что ей показалось — еще немного, и они треснут.

Он впился взглядом в ее глаза:

— Очень напугана.

— Нет. — Лидия снова замотала головой.

Берсон расхохотался, в этом смехе она услышала презрительную жалость.

— Наверное, ужасно осознавать, что в любую минуту можешь разбиться. — Его каменная хватка разжалась. Кровь прилила к ее рукам. — Ладно, оставь себе свою норку. Я не выдам твой секрет.

На мгновение Лидия оцепенела, не понимая, что он сказал. Она стояла перед великаном — офицером охраны, — не смея шевельнуться, тогда Берсон махнул в раздражении рукой и плавно отступил назад во мрак, сливаясь с темнотой.

— Иди.

Лидия пошла, спотыкаясь, — ноги ее подгибались, едва не отказывая. Она заставила себя идти, не останавливаясь, представляя себе, как глаза Берсона прожигают ее бледную спину. Она все гадала, продолжает ли он следить за ней или уже утратил интерес к безобидной худенькой девочке-флейте — зверушке Белари, которая прячется в шкафах, заставляя слуг повсюду искать эгоистичную малютку.

Лидия качала головой в изумлении. Неужели Берсон так ничего и не заметил? Берсон, такой могучий, оказался слеп — он настолько привык внушать всем ужас, что уже не отличал чувство страха от чувства вины.

Новые толпы поклонников окружили Белари — эти люди понимали, что очень скоро она станет независимой. Как только девочки-флейты появятся на рынке ценных бумаг, Белари станет почти такой же влиятельной, как Вернон Веир, будет признана не только как актриса, но и как создательница талантов. Лидия пошла прямо к ней, сжимая в кулачке пузырек со свободой.

Ния стояла около Белари и разговаривала с Клэр Парановис из телевизионной компании Эс-Кей-Нэт. Ния изящно кивала всему, что говорила ей женщина, она вела себя так, как ее учила Белари, помня наизусть правила: всегда быть вежливой, никогда не задирать нос, разговаривать только с удовольствием, быть открытой, но при этом знать, что говорить. Только так нужно иметь дело с прессой. Если преподносить им все на блюдечке, они не будут копать глубже. Ния хорошо справлялась со своей ролью.

На какое-то мгновение Лидию вдруг укололо чувство сожаления о том, что она собралась сделать, но вот она была уже рядом с Белари, и Белари, улыбаясь, знакомила ее с мужчинами и женщинами, которые тут же бросались к ней, выражая свой безумный восторг. Мгуми Сторн. Ким Сонг Ли. Мария Блист.

Такаши Ганди. Еще и еще имена — всемирная братия журналистской элиты.

Лидия улыбалась и кланялась, в то время как Белари отгоняла многочисленные руки, которые тянулись к девочке с поздравлениями, — ей следовало защищать свою хрупкую собственность, в которую вложено столько денег. Лидия исполняла все в точности, как ее натаскивали, но при этом сжимала в потной ладошке пузырек — маленькое сокровище, обладающее огромной силой, способной решить ее судьбу. Стивен был прав. Маленьким людям подвластно лишь уйти так, как им того хочется, но порой даже это невозможно. Лидия смотрела, как гости едят кусочки мяса Стивена, нахваливая его сладкий вкус. Порой даже уйти, как хочется, невозможно.

Она отвернулась от толпы поклонников и из фруктов и ягод, пирамидами высившихся на столе для закусок, извлекла одну-единственную ягоду клубники. Сначала она обмакнула ее в сливки, затем обваляла в сахаре и попробовала, что получилось на вкус. Выбрав другую ягоду, красную и нежную, она взяла ее длинными и тонкими пальцами — сладкое средство, способное примирить с горькой свободой, которую она заслужила.

Она сковырнула большим пальцем крошечную пробку из флакончика и высыпала драгоценные янтарно-желтые горошинки на сочную ягоду. Интересно, больно будет или быстро? Хотя, впрочем, какая разница, ведь она получит свободу. Она вскрикнет и упадет на пол, и все гости отпрянут, потрясенные утратой, постигшей Белари. Белари будет унижена и, что более важно, лишится такой ценности, как близнецы-флейты. И снова окажется в похотливых руках Вернона Веира.

Лидия не сводила глаз со смертоносной ягоды. «Сладкая, — подумала Лидия. — Смерть должна быть сладкой». Она заметила, что Белари наблюдает за ней с ласковой улыбкой, — без сомнения, ей приятно, что кто-то еще, как и она, питает слабость к сладкому. Лидия внутренне ликовала, предвкушая то мгновение, когда Белари станет свидетельницей ее мятежа. Она поднесла клубнику к своим губам.

Вдруг ее осенила новая идея, словно кто-то шепнул ей на ухо.

В миллиметре от смерти Лидия застыла, затем повернулась и протянула ягоду клубники своей госпоже.

Она предлагала ягоду со всем почтением, со смирением существа абсолютно подчиненного. Склоняя голову, она преподнесла ягоду на бледной ладони, призвав все свое умение, изобразила верную подданную, отчаянно желающую угодить. Она затаила дыхание, не замечая больше никого и ничего вокруг. Все гости, их разговоры — все исчезло. Наступила кромешная

тишина.

Остались только Белари и ягода клубники. И застывшее мгновение восхитительной вероятности.

Джек Скиллингстед — Мертвые миры

Jack Skillingstead. Dead Worlds (2003). Перевод Н. Фроловой

Начинающий писатель Джек Скиллингстед работает в области аэрокосмической индустрии, живет вместе со своей семьей недалеко от г. Сиэтла, штат Вашингтон. Меланхоличный и трогательный рассказ, приведенный ниже, демонстрирует, что иногда даже для того, чтобы понять, что же именно ты ищешь в жизни, нужно очень постараться. Это первый профессиональный рассказ автора, но с уверенностью можно сказать, что не последний (в анонсе «Asimov's» уже есть несколько его рассказов). Внимание, издатели: у автора два непроданных романа; в данный момент он работает над третьим.

* * *

Через неделю после моего восстановления я поехал за город. В машине я включил на полную громкость музыку Аарона Копленда. Щебеночно-асфальтовая проселочная дорога свернула в лес. Был конец лета. На моем «Мицубиси» замелькали солнечные блики. Я чувствовал себя нормально, но сколько это будет продолжаться? Именно это, решил я, и надо выяснить.

Я ехал очень быстро, но собаку сбил не из-за этого. Даже если бы я ехал медленнее, то все равно не успел бы вовремя остановиться. На повороте я свернул на край дороги, где над ней нависли клены, и вдруг — откуда ни возьмись, эта овчарка. Пес стоял прямо посреди дороги, высунув язык, словно долго и быстро бежал. Тормоза, сцепление, паническое вращение руля. Машину тряхнуло.

Я выключил музыку и какое-то время сидел в полной тишине, если не считать почти неслышного урчания мотора. В зеркале заднего вида я видел пса — он лежал посреди дороги.

Я сглотнул, пару раз глубоко вдохнул, отпустил сцепление и медленно выключил мотор.

Дверца мягко отворилась — вверх и в сторону. В машину ворвался легкий ветерок, я услышал пение птиц и журчание ручейка.

Я прошел по дороге к тому месту, где лежал пес. Он был жив. Услышав мои шаги, он повернул морду и оскалился. Я остановился в нескольких ярдах от него. Он завыл, на губах

появилась кровавая пена. Задние лапы у него были сломаны.

— Спокойно, — сказал я.

Пес заскулил. Больше он не скалился, даже когда я подошел еще ближе и положил руку ему на голову. Ладонью я ощущал его короткую жесткую шерсть.

Грудь у пса вздымалась, он то ли хрипел, то ли кашлял. На дороге были пятна крови. Я спокойно смотрел на все вокруг; я снова впадал в эмоциональное оцепенение — утром я сознательно не принял таблетку.

В этот самый момент появилась женщина.

Я услышал, как она продирается сквозь кустарник. Потом она закричала: «Бадди! Бадди!»

— Сюда, — ответил я.

Она выскочила из зарослей, в руках у нее был красный нейлоновый поводок. На вид лет тридцать пять, короткие светлые волосы, блузка без рукавов, шорты цвета хаки и высокие сапоги. Она потрясенно застыла, затем подбежала к нам.

— Бадди! Ох, Бадди!

Она встала на колени, из голубых глаз ручьем текли слезы. У меня в груди все напряглось. Я хотел сохранить это ощущение. Интересно, оно естественно или это просто остаточный эффект после приема лекарства?

— Простите меня, — промолвил я. — Он стоял прямо на дороге.

— Я сама отстегнула поводок, — ответила она. — Вина моя.

Она не переставая гладила пса, а тот положил морду ей на колени, словно собирался заснуть, потом снова закашлялся кровью. Она гладила его и плакала.

— Здесь есть поблизости ветеринар? — спросил я.

Она ничего не ответила.

Бадди вздрогнул, дыхание у него остановилось; это был конец.

— Надо убрать его с дороги, — сказал я.

Женщина взглянула на меня, и в глазах ее было что-то ожесточенное. Она сказала:

— Я заберу его домой.

Она с трудом попыталась взять огромную овчарку на руки, с вытянутыми лапами пес был почти с нее ростом.

— Позвольте мне помочь вам. Можно положить его в машину.

— Я справлюсь.

Она, спотыкаясь, двинулась вперед; задние лапы пса безжизненно волочились по земле. Женщина остановилась, поправила пса и исчезла в лесу.

Я вернулся к машине, взялся за ключи. Рука сама потянулась

к бардачку, но я тут же отдернул ее. Я снова становился Глазом, частью Резервуара. Но принимать лекарство я больше не собираюсь — пусть будет, что будет. Хочу узнать, осталось ли во мне что-либо человеческое.

Я запер машину и отправился вслед за женщиной в лес.

Она ушла недалеко. Я скоро наткнулся на нее — она сидела на земле и плакала, прижимая к себе пса. Она посмотрела на меня и сказала:

— Помогите мне, пожалуйста.

Я отнес пса к ее дому, расположенному примерно в ста ярдах от дороги. С каждым шагом тело пса становилось все тяжелее.

Дом был современный, восьмиугольный, весь застекленный, стоял он на большой зеленой лужайке, которую совсем недавно подстригли. Мы подошли к дому сзади. Женщина отворила деревянную калитку, и я вместе с псом зашел во двор. Дальше мне было нельзя — я ощущал это руками, спиной. Женщина дотронулась до моего плеча и сказала:

— Пожалуйста, еще чуть-чуть.

Я кивнул, сжал зубы и приподнял мертвого пса. Женщина подвела меня к сараю, где хранились инструменты. Там я наконец положил пса. Она накрыла его зеленым брезентом и закрыла дверь.

— Я сейчас вызову кого-нибудь. Мне так не хотелось, чтобы Бадди остался в лесу, на дороге, ведь там много других зверей.

— Я понимаю, — ответил я, хотя на самом деле начинал уже впадать в то странное состояние, когда мое «я» отделялось от всех человеческих эмоций и ощущений.

— Пройдите в дом, там можно умыться, — предложила она.

Я взглянул на руки.

— Хорошо.

Я умылся в ванной. Рубашка у меня оказалась в крови, и женщина настояла на том, чтобы выстирать ее. Я вышел из ванной в одной футболке; она успела загрузить мою рубашку вместе со своими грязными вещами в стиральную машину и вызвать команду по надзору за животными. Сама она тоже переоделась в костюм голубого цвета. Мы сидели в большой, солнечной кухне; женщина предложила мне чай со льдом, и мы тихонько попивали его из высоких стаканов. Я чувствовал привкус лимона и ледяную свежесть чая. Простые ощущения.

— Пес давно с вами?

— Около восьми лет, — ответила она. — Вообще-то, он принадлежал моему мужу.

— А где ваш муж?

— Он умер два года тому назад.

— Извините.

Она немного странно смотрела на меня, и я вдруг подумал что она понимает, в чем дело, кто я такой. Люди часто каким-то образом угадывали. Я хотел подняться.

— Не уходите, — попросила она. — Подождите, пока не приедут за Бадди. Пожалуйста.

— Вы и сами справитесь.

— Я уже давным-давно сама ни с чем не могу справиться. Вы даже не сказали мне, как вас зовут.

— Роберт.

Она протянула руку через стол и пожала мою.

— Меня зовут Ким Фам, — сказала она. Я чувствовал ее мягкую, прохладную кожу, лимонную свежесть ее дыхания, видел, как увлажнились ее глаза.

— Вы Глаз, — сказала она.

Я отдернул руку.

— И сейчас вы не приняли лекарство, так?

— В общем-то, это и не лекарство никакое.

— А что же это?

«Ложь», — подумал я, но сказал другое:

— Оно помогает восстанавливать некоторые функции организма. Его в шутку называют виагрой для эмоциональных импотентов.

Она даже не улыбнулась.

— Я знаю все эти шутки, — ответила она. — Мой муж работал аналитиком по обработке данных проекта Тау Бу. Эти шутки совсем не смешные.

Я не мог вспомнить фамилию Фам, но в проекте участвовало много аналитиков, которые так или иначе обрабатывали данные.

— А почему вы не хотите принять свою виагру или как там вы ее называете?

Я пожал плечами.

— Может, у меня аллергия.

— Или вы не верите, что эмоциональная и когнитивная реальность соответствует той, которую вы знали. До того, как попали в Резервуар.

Я смотрел на нее во все глаза. Она взяла стакан с чаем и отпила немного.

— Я читала о вас, — сказала она.

— Правда?

— Не именно о вас, а о Глазах как о психологическом феномене.

— Не забудьте про мистическую сексуальность.

Она отвела взгляд. Я заметил, как напряглись мышцы у нее

на шее, как покраснела кожа у волос. Я пытался сконцентрировать внимание, но чувствовал, что ускользаю из реальности.

— Быть Глазом — это не совсем то, что представляют себе обыкновенные люди, — сказал я.

— А что же это?

— В действительности это намного страшнее.

— Расскажите мне.

— Резервуар на самом деле идеальная изоляционная камера. Отсутствие гравитации, полная сенсорная дезактивация. Тело облеплено всевозможными датчиками. Непосредственно в мозг вводят проводник. Это вы, возможно, знаете. Но вот чего вы не знаете. Подобная процедура убивает человека. Становясь Глазом, человек в буквальном смысле слова отдает свою жизнь.

Я говорил и говорил, это помогало мне удерживать сознание на происходящем. Но вряд ли такое состояние можно поддерживать долго.

— Вам помогают функционировать в Резервуаре, но на поток световых частиц, тахионов, растрачивается не только ваше сознание. Все ваше существо, ваша суть. И каким-то таинственным образом где-то между Землей и роботом-приемником, который находится на расстоянии пятидесяти световых лет, поток сбрасывает все, кроме самых непосредственных ваших ощущений. Вы становитесь неким щупальцем, не просто Глазом, но и рукой, языком, ухом. Вы вселяетесь в механизм, который был запущен в космос задолго до вашего рождения, пересылаете назад по потоку тахионов эти данные вместе с вашими собственными мыслями, а аналитики вроде вашего мужа должны бесконечно в этом разбираться. Потом вас возвращают, но на самом деле возвращаетесь не вы, а это самое щупальце. Вам говорят, что специальные препараты восстановят химический баланс вашего мозга, дадут новую силу вашим познавательным способностям. Но на самом деле это ложь. Вы мертвы, и больше ничего.

Тут появился грузовик команды надзора над животными, и я, воспользовавшись этим, попрощался и вышел из дома. Мир прямо-таки разваливался на части. Люди отделялись от земли, по которой шли. Дерево, дверная ручка, закатывающиеся зрачки. Отдельные части, составляющие хаотичное и бессмысленное целое.

У ограды я обернулся и увидел, что Ким Фам смотрит мне вслед. Она была похожа на стакан чая со льдом, на мертвое тело пса, на прохладный пруд на четвертой планете, вода в котором дрожала подобно ртути, когда я дотрагивался до нее сенсором.

Я сел в автомобиль, но, хотя сумел найти свой «Мицубиси», совсем не был уверен, что смогу им управлять. Перед глазами были тысячи отдельных деталей: сплавы, пластики, провода и вспомогательные механизмы; я ощущал какой-то сложный смешанный запах.

Слева у самого уха раздался стук. Толстое стекло, голубые глаза, череп, обтянутый кожей. Я воспринимал все, но ничего не понимал. Глаза куда-то пропали, потом раздался голос:

— Примите вот это. — Слоги, паузы, еще слоги. Горький привкус.

Восстановление.

Я заморгал, мир на время снова обрел гармонию.

— С вами все в порядке? — Ким сидела рядом со мной в автомобиле.

— Да, все в порядке.

— Вид у вас был, как у больного с кататоническим синдромом.

— Который сейчас час?

— А как вы думаете, который сейчас час?

— Я первый спросил.

— Почти семь.

— Черт побери.

— Я собиралась поехать в город. Даже не представляла, что вы до сих пор тут сидите.

Я протер глаза.

— Боже, как я устал.

— Где вы живете?

— У меня прекрасная маленькая квартирка на территории Проекта.

— Вы сможете туда доехать?

— Да, но не хочу.

— Почему?

— Меня могут больше не выпустить.

— Вы это серьезно?

— Не совсем.

— Вас не поймешь.

— С Бадди все в порядке?

— Да.

Я посмотрел на нее — передо мной сидела привлекательная женщина со светло-голубыми глазами, на вид около тридцати пяти.

— Пойдемте ко мне. Тем более что вы забыли свою рубашку.

— Точно, — ответил я.

Я поставил машину в гараж и спрятал ключи под защитным козырьком. Машину мне дали на Проекте, но исключительно с рекламными целями и для дневных поездок. Считалось, что Глаза должны во всем поддерживать репутацию учреждения.

В доме была комната для гостей с двухспальной кроватью и окном, в который врывался освежающий ветерок. Я снял ботинки, прилег на кровать и прислушался, не сняла ли она трубку телефона, не набирает ли номер Проекта. Она ведь должна знать людей, которые там работают, и их телефонные номера. Бывшие коллеги ее мужа. Я закрыл глаза, убежденный, что когда снова открою их, то увижу перед собой типа из группы безопасности Проекта.

Но все получилось иначе.

Когда я открыл глаза, комната была освещена теплым светом лампы, в дверях стояла Ким.

— Здесь ваши таблетки, — сказала она и показала мне небольшую серебристую коробку.

— Все в порядке. До завтра мне они не понадобятся.

Она внимательно взглянула на меня.

— Правда, — сказал я. — Я принимаю одну в день.

— А что бы случилось, если бы я не нашла вас?

— Сидел бы до тех пор, пока меня не нашел бы кто-нибудь другой, а если бы так никто и не нашел, то проторчал бы там до Судного дня. Моего, по крайней мере.

— Вы это имели в виду, когда сказали, что люди, работающие на Проекте, больше не выпустят вас?

Я хорошенько обдумал ответ.

— Никакой явной угрозы нет. Они хотели бы использовать меня еще. По-моему, им очень нужны позитивные результаты.

— «Результаты равны вложениям», — так говорил мой муж.

— Верно.

Я сел на кровати, потер руки — несмотря на то, что в доме было тепло, я покрылся гусиной кожей.

— Как он умер? — спросил я.

— Опухоль мозга. Просто ужасно. К концу его постоянно мучили боли. Его держали на сильных лекарствах. Он даже меня перестал узнавать. — Она отвернулась. — Боюсь, что после его смерти я сама оказалась на грани отчаяния. Но сейчас я чувствую себя сильнее.

— Почему вы живете здесь совершенно одна?

— Это мой дом. Если надоест, есть еще небольшой коттедж на Кэннон Бич в Орегоне. Но я привыкла к одиночеству.

— Привыкли?

— Похоже, что оно преследует меня всю жизнь.

Это вызвало новые вопросы, и за чашкой кофе в гостиной я задавал их один за другим. Ее родители погибли в автомобильной катастрофе, когда ей было четырнадцать лет. Ее воспитала тетка, но отношения были натянутыми.

— Я чувствовала себя не племянницей, а, скорее, обузой.

Потом был мистер Фам и опухоль мозга. Когда она закончила, что-то внутри меня заскулило и стало проситься наружу, но я не давал выхода эмоциям.

— Иногда мне кажется, что уж лучше бы я стала Глазом, — сказала Ким.

— Поверьте, это не лучше.

— Почему? — Мы сидели на одном диване, она развернулась ко мне, подогнув под себя одну ногу; глаза у нее горели, лицо было оживленным.

— Я уже говорил: вам пришлось бы умереть.

— Я думала, вы говорите не буквально.

Я покачал головой и пошлепал по набедренному карману брюк, где лежали мои таблетки.

— Я весь в этих таблетках, — сказал я. — Тот самый «я», с которым вы сейчас разговариваете. Но это не тот «я», каким я был перед тем, как попал в Резервуар. — Я глотнул кофе. — Официальная версия ничего подобного не говорит, это моя личная теория.

— Теория несколько невротическая.

— Да, пожалуй.

— Мне даже кажется, что вы и сами-то не верите в это.

Я пожал плечами.

— Это ваше право.

Какое-то время мы сидели молча.

— Иногда тут действительно становится очень одиноко, — сказала Ким.

— Да.

Спальня оказалась приятнее, чем гостиная. Она погасила свет и набрала «прозрачность № 3» для стен и потолка. Ощущение было такое, словно лежишь в лесу под открытым небом, над тобой сверкают миллиарды звезд, а вокруг раскачиваются ветки деревьев. Я дотронулся до ее обнаженного живота, потом поцеловал в губы. Время так сладостно замедлилось, но потом снова сжалось, подобно часовой пружине, и принялось отсчитывать секунды — тик-так, тик-так.

Мы лежали на спине и смотрели вверх, руки и ноги все еще были переплетены. Звезды незаметно кружились. Разглядеть Тау

Бу я не смог, да и бог с ней.

— Зачем же тогда ты это сделал? — спросила она.

— Потому что мне было хорошо. И тебе, по-моему, тоже.

— Я не о том. Почему ты захотел стать Глазом?

— А-а… Я хотел увидеть то, что никому другому увидеть не дано никогда. Хотел летать так далеко, как никогда не сможет летать обычный человек. Глупые амбиции. Все это немного смешно.

— Ну и как, стоило того?

На меня нахлынули воспоминания: мрачное аквамариновое небо четвертой планеты, ощущение тяжелой азотной атмосферы. Эти пруды с ртутью. Но еще я вспомнил и то, как от меня отрывали мою индивидуальность, мою личность, и как мне казалось, что я читаю обо всех этих чудесах или смотрю их на картинках, но стоило мне не принять таблетку, как я тут же погружался в хаос и все становилось реальным, но бессмысленным.

— Нет, — ответил я, — не стоило.

— А мне это кажется бегством, — сказала Ким.

— Можно и так сказать.

Утром я поцеловал ее обнаженное плечо, она еще спала. Потом провел пальцами по ее руке, остановился на белых шрамах на запястье. Она проснулась и отдернула руку. Я поцеловал ее в шею, и мы снова занялись любовью.

Мне совершенно не хотелось возвращаться на территорию Проекта или сообщать о себе, как того требовали правила.

— Оставайся здесь, — предложила Ким.

Это звучало прекрасно. С утренней чашкой кофе я проглотил дневную дозу индивидуальности. Я делал это каждое утро, когда просыпался рядом с Ким. Иногда мы засыпали, забыв затенить стены и потолок, и тогда я просыпался с неприятным ощущением, что мы спим на улице. Один раз мне почудилось, что за мной следят, и когда я открыл глаза, то увидел, что с лужайки за нами наблюдает олень.

Я чувствовал себя здоровым и в некотором роде счастливым — чувства эти были мне раньше незнакомы. Я всегда был одиночкой. История Ким очень походила на мою собственную, с некоторыми отличиями. В какой-то степени это привело меня на проект Тау Бу. Но две недели с Ким Фам, я был неодинок. В моем мире появилось нечто новое, и мне это нравилось. Но иногда у меня появлялось такое же чувство, как в тот раз, когда я решил, что проснулся на улице, и за мной внимательно следил дикий зверь.

Однажды утром (это было последнее утро) я проснулся в нашей необычной спальне и увидел, что Ким плачет. Она повернулась ко мне спиной и уткнулась лицом в подушку. Плечи ее слегка вздрагивали. Я погладил ее по волосам.

— Что случилось?

Она ответила приглушенным голосом, не поднимая лица от подушки:

— Я больше не выдержу расставаний.

— Эй…

Она повернулась ко мне, глаза ее покраснели от слез.

— Это правда, — сказала она. — Я больше не выдержу.

Я крепко обнял ее, так мы встретили восход солнца.

За завтраком я открыл маленькую серебристую коробочку. Оставалось только три таблетки. Я взял одну и запил ее крепким кофе. Ким уставилась на открытую коробку, но я быстро закрыл ее.

— Почти кончились, — сказала она.

— Да.

— Роберт, ты был неправ. Эти таблетки вовсе не ты. Они помогают тебе чувствовать, вот и все. Нельзя же все время жить в страхе.

Я смотрел в чашку с кофе.

— Послушай, — сказала она. — Когда-то я завидовала Глазам. Никакой боли, никакого одиночества, никакого страха. Жизнь без всех этих дурацких чувств и переживаний. Но я ошибалась. Это не жизнь. Жизнь — это то, что у нас сейчас.

— Значит, надо достать еще таблетки. — Я улыбнулся.

Но такие таблетки в простой аптеке не купишь. Волшебное лекарство, возвращающее человеку индивидуальность, можно было получить в одном-единственном месте: на Проекте. Я решил, что поеду туда в тот же день; какой смысл ждать, пока все таблетки закончатся.

Ким крепко ухватилась за меня, — так хватаются за столб во время урагана.

— Я поеду с тобой, — сказала она.

— Тебя не пропустят за ворота.

— Ну и что. Я подожду снаружи.

Мы поехали на ее машине. Она припарковала ее на другой стороне улицы. Мы неловко обнялись прямо в машине. Я чувствовал, как на нас смотрит охранник.

— Ты мне почти ничего о себе не рассказывал, — сказала она. — А я выложила тебе все, что наболело в душе.

— Наверное, у меня ничего не наболело.

— Тогда ты бы не был человеком.

— Обещаю, что выложу все начистоту, когда вернусь.

Она не хотела отпускать меня, но я уже настроился. Я показал охраннику свой пропуск, он пропустил меня. Я обернулся и помахал рукой Ким.

— Хорошенькая, — заметил охранник.

Я сидел в пустой комнате. Коробочку с лекарством у меня забрали. «Опрашивал» меня молодой человек, который вел себя как автомат: задавал вопросы, сверял мои ответы со своими данными. Где я провел последние две недели? Почему не вышел на связь с Проектом? Ощущал ли я чувство подавленности, беспокойства? На некоторые вопросы я отвечал, на другие нет.

— Я приехал за таблетками, — сказал я. — Обещаю, что в следующий раз буду сообщать о себе.

Мужчина проводил меня в больничное крыло. Там я прошел подробный и бессмысленный медицинский осмотр. Пока обрабатывались результаты некоторых анализов, со мной присел поговорить помощник директора проекта Орли Кэмпбелл.

— Так значит, наш заблудившийся ягненок вернулся в стадо, — сказал он.

Орли был высоким мужчиной с мягким лицом и первыми признаками растущего живота. Мне он не нравился.

— Бэ-э, — проблеял я.

— Все тот же Бобби.

— Да, все тот же. Когда я смогу выйти?

— Это не тюрьма. Ты можешь уйти отсюда в любой момент.

— А как насчет таблеток?

— Ты их получишь, не волнуйся. Но ты должен пройти еще один сеанс, ты ведь знаешь.

— Знаю.

— У тебя дурные предчувствия? Я просмотрел твои данные. У тебя, похоже, депрессия.

— Никакой депрессии.

— Правда? Хотел бы я сказать то же самое о себе.

— Который сейчас час? Сколько времени я нахожусь здесь, Орли?

— Не так долго. Бобби, почему бы опять не потрудиться? Если хочешь перед этим еще недели две расслабиться, то ни каких проблем. Просто не забывай сообщать о себе. Это ведь тоже часть работы. Ты знал обо всем, когда шел на это.

Я думал о Ким, которая ждет у ворот. Там ли она еще? Хочу ли я, чтобы она была там? Я чувствовал, что мое сознание растворяется.

Орли продолжал улыбаться.

— Думаю, что я готов, — ответил я.

Месяц в Резервуаре — это очень долго. Конечно, будучи Глазом, человек уже не замечает хода времени. Весь мир его чувств и ощущений находится в дальней точке тахионной привязи. Я видел романтизированные иллюстрации этого состояния. На одном конце беспечный мечтатель, на другом — трудящийся робот. Между ними по эфемерному лучу света идет поток данных. Абсурд. Жизнь в человеке поддерживается внутри венными вливаниями, искусственно сохраняется водный баланс, искусственно удаляются шлаки. Специальное устройство высасывает данные. Все довольно жестоко.

В больничном крыле я провел несколько дней. Мне дали мои таблетки и пообещали давать столько, сколько будет необходимо. Я подписался на максимальное время в Резервуаре, в случае преждевременного возвращения у меня будут серьезные и необратимые повреждения головного мозга.

Мой длительный сеанс в Резервуаре помог Проекту получить отрицательный ответ на самый главный вопрос: четвертая планета была мертва.

Теперь у меня будут деньги и полная свобода в будущем, если, конечно, она мне понадобится. Я часами читал, думал о теплых странах. Ким Фам тоже стучалась в двери моей памяти, но я не открывал их.

Спустя неделю после моего возвращения я настоял на том, чтобы меня выпустили из больничного крыла. Никто даже не спорил. Я отработал свое. Когда я выходил из здания, ко мне подошел Орли. Я шел пошатываясь, ноги совсем ослабли. Вещи я нес в сумке через плечо. Орли взял меня за руку и крепко пожал ее.

— Удачи тебе, — сказал он. — Что собираешься делать в первую очередь? Маленькая «конфетка для Глаза»?

Я был настолько слаб, что даже ударить его не мог. Вид у него был мрачный и усталый, сам я чувствовал то же самое. Я ничего не ответил ему, и он продолжал:

— В последний раз ты путешествовал неподалеку от дома, да? Эта Фам оказалась настойчивой. Приезжала сюда каждый день в течение двух недель. Хорошенькая, но старше других. Думаю, что со временем молодые будут утомлять тебя.

Его самодовольная улыбка решила дело. Я набрался сил и решимости и ударил его по лицу. Из носа у Орли потекла кровь.

У ворот я нашел такси. По инерции я включил панель возможных пунктов назначения. Но вместо того чтобы ехать в

аэропорт, я постарался вспомнить дорогу, и вскоре мы подъехали к дому Ким.

У дома был заброшенный вид, или мне так показалось. Многое зависит от настроения, а у меня оно было самое что ни на есть мрачное. Проект Тау Бу наложил на меня отпечаток безысходности. На четвертой планете нет никакой жизни, как, впрочем, и на всех других, которые до сих пор исследовали Глаза человечества. Когда несколько десятилетий назад был запущен аппарат-приемник, все лелеяли большие надежды. Но пока известная нам часть вселенной не подавала признаков жизни, а из-за этого наша родная Земля воспринималась одинокой, брошенной, даже обреченной.

Окна в доме Ким были темны. Я постучал, подождал, потом снова постучал. Я знал, где она прятала запасной ключ — на крючке под задним крыльцом.

В доме было тихо. Везде лежал слой пыли. Я прошел по пустым комнатам, словно призрак.

Ее не было.

Я представил себе все способы — страшные, жуткие, — при помощи которых она могла покинуть этот мир. Конечно, никаких подтверждений, что она именно так и сделала, не было. Пустой дом совсем не означает оборванную жизнь. Возможно, я слишком возомнил о себе. Но меня одолевало мрачное предчувствие. Ведь я видел белые шрамы у нее на запястьях.

Я сел на ковер на полу большой спальни. Я все еще был слаб после Резервуара. Меня мучил голод, но это было не важно. Я отдался во власть времени, пусть рассасывает напряженный узел у меня в груди. На улице стемнело, я сделал стены и потолок прозрачными, лег на спину и погрузился в неспокойный сон усталого человека.

Недостаток пищи снижает эффективность действия препарата. Утром, когда я открыл глаза, на улице было еще темно. Я чувствовал, что сознание начинает ускользать. Таблетки были у меня в сумке, но я не очень-то хотел их вытаскивать. Зачем все это? Можно пустить все на самотек, стать нитью этого ковра, стеклом, пульсирующей кровью моих собственных вен. Почему бы и нет?

Я лежал спокойно, не двигаясь и постепенно терял связь с действительностью. Небо потихоньку начинало светлеть, приближался рассвет. В какой-то момент оно приобрело такой знакомый голубой оттенок. Ким обнимает своего мертвого пса, в глазах ее столько ожесточения. «Я справлюсь».

В горле у меня застрял комок, я никак не мог его проглотить.

И перевернулся. Может, я тоже справлюсь. Может быть. Я потянулся к сумке, в голове становилось совсем пусто. Я засмотрелся на движения собственной руки: кости обтянуты мягкой плотью, по которой течет кровь, подушечки пальцев касаются жестких нитей ковра. Время шло. Я встряхнулся, дернулся вперед, схватил сумку и забыл, что же такое важное хотел с ней сделать. Потом какой-то проблеск — я вспомнил, дотронулся до коробочки с лекарством, выкатил одну таблетку на ковер, подполз к ней на животе, рассеянно подмечая все вокруг себя — маленькая желтая таблетка на ковре. Потом высунул язык, лизнул ее и проглотил.

Одна таблетка для восстановления индивидуальности.

Постепенно я пришел в себя, снова меня окружал обычный земной мир. Голодный желудок замедлял процесс. Наконец я поднялся на ноги. Сначала еда. В шкафу на кухне я нашел несколько засохших крекеров. Пища богов. Потом подошел к раковине, выглянул в окно и увидел гараж. Я перестал жевать, рот у меня был забит непережеванными крекерами — словно раскрошенным картоном. Я думал о веревках, таблетках, бритвах. Но ведь есть еще и выхлопные газы.

Я подошел к гаражу, как-то странно, неровно дыша. Мне пришлось даже остановиться, чтобы набраться духу и войти.

Я открыл дверь.

В гараже на две машины стояла одна. Мой «Мицубиси» на том же месте, где я его оставил. Я открыл незапертую дверь, сел в машину и поискал ключи под защитным козырьком. Они упали мне на колени, а вместе с ними записка. От Ким.

Она ничего не писала о самоубийстве, не прощалась.

Майкл Суэнвик — Король-Дракон

Michael (Jenkins) Swanwick. King Dragon (2003). Перевод В. Капустиной

Для неутомимого Майкла Суэнвика и 2003 год выдался удачным. В «The Infinite Matrix» он опубликовал цикл из восьми рассказов — «Сон разума», на которые вдохновили его «Лос Капричос» — знаменитая серия гравюр Гойи. В «Tachy-on Press» вышли «Фауст в коробке из-под сигар и другие миниатюры» (Cigar-Box Faust and Other Miniatures) и «Путеводитель Майкла Суэнвика по мезозойской мегафауне» (Michael Swanwck's Field Guide to the Mesozoic Megafauna). Суэнвик — автор семи романов и более полудюжины сборников рассказов, это не считая публицистики, обзоров и интервью. Он — обладатель четырех премий «Хьюго», премии «Небьюла», Всемирной премии фэнтези, а также премии им. Теодора Старджона. В сборнике «Периодическая таблица научной фантастики» (The Periodic Table of Science Fiction) объединены краткие комментарии Суэнвика к каждому «элементу». Сначала они публиковались еженедельно в «SCI FICTION». «Король-Дракон», в котором действие происходит, возможно, в том же (а, возможно, и нет) мире, что в «Дочери железного дракона», увидел свет в «Драконьем квинтете» — оригинальной антологии научно-популярной литературы, выпущенной издательством «Science Fiction Book Club» под редакцией Марвина Кэя.

* * *

Драконы появились на рассвете, они летели низко, в боевом порядке, их двигатели так громоподобно ревели, что дрожала земля. Казалось, это бьется сердце всего мира. Взрослые жители деревни выбежали в чем были, встали в кружок и, размахивая своими посохами, принялись выкрикивать заклинания. «Исчезни!» — кричали они земле, «Спите!» — небесам. Если бы пилотам драконов — полуэльфам, было нужно, они бы с легкостью все разглядели, как ни старались жители это скрыть, сколько бы ни выкрикивали свои жалкие волшебные слова. Но помыслы пилотов были обращены на запад, к могучему Авалону. Поговаривали, что именно там базируются основные войска.

Тетка Уилла вцепилась было в него, но ему удалось выскользнуть и выбежать на грязную улицу. Заговорили орудия,

направленные дулами на юг, наполнили небо гулкими восклицаниями, розовым дымом, вспышками огня.

Дети высыпали на улицы, ликуя, подпрыгивали и приплясывали, а крылатые — те гудели, взволнованно описывая круги в воздухе. Но вскоре из своей бочки выползла колдунья и, продемонстрировав силу, которой Уилл и не подозревал в ней, сначала широко раскинула свои поросшие седыми волосами руки, а потом — как хлопнет в ладоши! Всех детей как ветром сдуло обратно в хижины.

Всех, кроме Уилла. Он уже три недели в это играл, он знал кое-что, что делало его нечувствительным к «детскому волшебству». Удирая из деревни, он все же успел испытать на себе некие чары — как будто чья-то рука тихо тронула его за плечо, но он лишь дернулся — и легко стряхнул ее.

Быстрый как ветер, он бежал к Бабушкиному Холму. Его прапрапрапрабабушка все еще жила там, на вершине, в обличье одинокого серого камня. Она никогда ничего не говорила. Но иногда, ночью, когда никто не смог бы увидеть, что она способна передвигаться, спускалась к реке напиться. Возвращаясь иной раз с ночной рыбалки в своей утлой лодке, Уилл замечал ее, застывшую у реки, и почтительно приветствовал. Если улов был хороший, он потрошил угря или форельку и мазал бабушке ноги кровью. Престарелые родственники ценят такие маленькие знаки внимания.

— Уилл, дурак желторотый, а ну, назад! — крикнули из холодильника, выброшенного на свалку на краю деревни. — Там опасно!

Но Уилл и хотел, чтобы было опасно. Он только тряхнул головой с длинными светлыми волосами, летящими вслед за ним, и изо всех сил постарался бежать еще быстрее. Он хотел увидеть драконов. Драконы! Создания, обладающие почти не вероятной силой и мощью. Он хотел насладиться их полетом. Подойти к ним как можно ближе. Это у него было вроде мании. Это стало для него острой необходимостью.

Было уже недалеко до холма, до его пустой, поросшей травой вершины. Уилл бежал с исступлением, которого сам не смог бы объяснить, с такой скоростью, что легкие пульсировали, как сердце, и ветер свистел в ушах.

И вот, тяжело дыша, он остановился на вершине холма, опершись на Бабушку-камень.

Драконы все еще кружили там, наверху. Их двигатели оглушительно ревели. Уилл поднял лицо навстречу горячей волне воздуха и почувствовал дуновение их ненависти. Это было похоже на темное вино: сводит желудок, а в висках начинает

стучать от боли и потрясения. Это вызывало отвращение и в то же время разжигало аппетит.

Последняя стая драконов просвистела мимо. Он чуть шею себе не свернул, изогнувшись, чтобы продолжать наблюдать их низкий полет над фермами, полями и Старым Лесом, простирающимся до горизонта и дальше. В воздухе остался слабый серный запах. Сердце Уилла стало таким большим, что больше не умещалось в груди, таким огромным, что готово было вобрать в себя холм, фермы, лес, драконов и весь мир вокруг.

Что-то черное и громадное выскочило из дальнего леса, взметнулось в воздух, вспыхнуло вдогонку последнему дракону. Уилл успел уловить какую-то болезненную, искажающую все вокруг неправильность, и тут же глаза ему закрыла каменная рука.

— Не смотри, — сказал старый и спокойный каменный голос. — Не след моему ребенку умирать, взглянув на василиска.

— Бабушка! — позвал Уилл.

— Да?

— А если я пообещаю не раскрывать глаз, ты мне расскажешь, что происходит?

После краткого молчания ему ответили:

— Хорошо. Дракон улетел. Он удирает.

— Драконы не удирают, — проворчал Уилл. — Ни от кого. — Забыв о своем обещании, он уже старался сбросить руку со своего лица. Но, разумеется, безуспешно, ведь его пальцы были всего лишь из плоти.

— Этот удирает. И правильно делает. Он явился из коралловых пещер, а теперь отправится под гранитные своды. И сейчас его пилот поет предсмертную песню.

Она опять замолчала, а дальний рев дракона стал тоньше и сбился на визг. Уилл понял: что-то произошло за эту секунду, но по звуку он никак не мог догадаться, что именно. Наконец он спросил:

— Бабушка. Уже?

— Этот — умный. Он хорошо воюет. Умеет уклоняться. Но и ему не уйти от василиска. Василиск уже знает первые два слога его истинного имени. В эту самую секунду он говорит с его сердцем и приказывает ему перестать биться.

Рев дракона стал громче, потом еще громче. Его неуклонное нарастание почти убедило Уилла в том, что существо летит прямо на него. К реву примешивался еще какой-то шум — что-то среднее между вороньим граем и зубовным скрежетом.

— Они теперь даже трогательные. Василиск настигает свою добычу…

Потом был оглушительный взрыв прямо над головой. Какую-то секунду потрясенный Уилл не сомневался в том, что сейчас умрет. Бабушка, укрыв его каменным плащом и прижав к своей теплой груди, низко пригнулась к спасительной земле.

Когда Уилл очнулся, было темно, и он лежал один на холодном склоне холма. Он с трудом поднялся. Мрачный оранжево-красный закат пылал на западе, там, где исчезли драконы. Нигде не наблюдалось никаких признаков Войны.

— Бабушка! — Уилл доковылял до вершины холма, спотыкаясь о камни и ругая их на чем свет стоит. У него болели все суставы. В ушах стоял непрерывный звон, как будто на фабрике включили гудок, возвещающий конец смены. — Бабушка!

Никакого ответа.

На вершине холма никого не было.

Но от самого верха до того места на склоне, где он очнулся, тянулась цепочка обломков. Уилл не обратил на них внимания, когда поднимался. Теперь он разглядел, что они знакомого уютно-серого цвета — цвета его каменной бабушки, а, перевернув некоторые из них, увидел, что на них свежая кровь.

Уилл перетаскал камни на вершину холма, к тому месту, где бабушка любила стоять и смотреть сверху на деревню. Это заняло у него несколько часов. Он громоздил один камень на другой и чувствовал, что в жизни не делал более тяжелой работы. А между тем, закончив, он обнаружил, что каменный столбик не достает ему и до пояса. Получалось, это все, что осталось от той, которая охраняла деревню так давно, что сменилось уже не сколько поколений.

К тому времени как Уилл перетаскал все камни, звезды уже ярко и бездушно сияли на черном безлунном небе. Ночной ветер раздувал его рубашку и заставлял дрожать от холода. С внезапной ясностью он вдруг осознал, что остался один. Где тетя? Где остальные жители деревни?

С опозданием вспомнив о своих скромных навыках, он вытащил из кармана штанов волшебный мешочек и вытряхнул его содержимое себе на ладонь: взъерошенное перо голубой сойки, осколок зеркала, два желудя и морской камушек, с одной стороны гладкий, а с другой — украшенный буквой Х. Оставил осколок зеркала, остальное высыпал обратно в мешочек. Потом произнес тайное имя — Lux aeterna [97], прося его впустить в этот мир частичку своего сияния.

Сквозь зеркальце просочился мягкий свет. Держа осколок на расстоянии вытянутой руки, чтобы хорошо видеть свое лицо, отраженное в нем, Уилл спросил у волшебного стекла:

— Почему за мной не пришли из моей деревни?

Губы мальчика в зеркале шевельнулись:

— Приходили. — Отражение было бледно, как труп.

— Тогда почему они не забрали меня домой?

И почему ему одному пришлось строить эту бабушкину пирамиду из камней?

Уилл не задал этого вопроса, но он таился у него глубоко внутри.

— Они не нашли тебя.

Волшебное стекло говорило до сумасшествия отчетливо, оно умело отвечать лишь прямо на вопрос, который ему задавали, — не на тот, который хотели бы задать. Но Уилл был настойчив.

— Почему они не нашли меня?

— Тебя здесь не было.

— А где я был? Где была бабушка?

— Нигде.

— Как это нигде?

Зеркало бесстрастно ответило:

— Василиск искривил пространство и сместил время. Каменную женщину и тебя забросило вперед, на полдня.

На более понятное объяснение рассчитывать не приходилось. Уилл пробормотал заклинание, отпускающее свет обратно, туда, откуда пришел. Потом, боясь, что ночные привидения слетятся на его выпачканные в крови руки и одежду, он заторопился домой.

Добравшись до деревни, он обнаружил, что его все еще ищут в темноте. Последние, кто еще не утратил надежды, привязали к длинному шесту соломенное чучело, водрузили его на деревенской площади и подожгли, надеясь, что, если Уилл еще жив, этот свет приведет его домой.

Так и случилось.

Через два дня после этих событий искалеченный Дракон вылез из Старого Леса и приполз в деревню. Он медленно дотащился до площади и потерял сознание. Дракон лишился крыльев, в фюзеляже зияли сквозные дыры, и все же от него исходил запах мощи и власти, и еще — миазмы ненависти. Из пробоины в брюхе вытекал ручеек масла, и по булыжной мостовой за Драконом тянулся жирный след.

Уилл был среди тех, кто собрался на площади поглазеть на это чудо. Собравшиеся тихо отпускали едкие замечания об уродстве Дракона. И правда, он был сделан из холодного, черного железа, к тому же обожжен пламенем василиска, вместо крыльев торчали зазубренные обрубки, бока состояли из покореженных листов металла. Но Уилл прекрасно видел, что даже

полуразрушенный Дракон все равно красив. Искусные карлики построили его согласно замыслу эльфов. Как же он мог не быть красивым? Уилл не сомневался: это тот самый, которого на его глазах подбил василиск.

И эта уверенность заставляла его чувствовать какое-то постыдное сообщничество с Драконом. Как будто и он, Уилл, был отчасти повинен в том, что Дракон приполз к ним в деревню.

Все долго молчали. Потом глубоко в груди Дракона заработал двигатель — сперва взвыл, потом застучал, потом опять резко смолк. Дракон медленно открыл один глаз:

— Приведите ко мне Ту, Что Говорит Правду.

Это была торговка фруктами по прозванию Яблочная Бесси, еще молодая, но из уважения к ее занятию почтительно именуемая всеми колдуньей. Бесси, в одеянии, положенном ей по ее ремеслу, в широкополой шляпе, с обнаженной, согласно традиции, грудью, подошла к могучей военной машине и остановилась.

— Привет тебе, Отец Лжи. — Она почтительно поклонилась.

— Я искалечен, все мои снаряды израсходованы, — сказал Дракон. — Но я еще опасен.

Колдунья кивнула:

— Это правда.

— Мой бак еще наполовину заполнен топливом. Мне не составит труда поджечь его одной искрой. И стоит мне сделать это — от вашей деревни и от всех, кто живет в ней, не останется и следа. Поэтому, по праву сильного, я теперь ваш господин, ваш король.

— Это правда.

Среди собравшихся жителей деревни прошел ропот.

— Однако правление мое будет недолгим. К Самайну Армия Всемогущего будет здесь, меня заберут в кузницы на Востоке и там починят.

— Это ты так думаешь.

Дракон открыл второй глаз. Оба его глаза в упор уставились на Ту, что говорит правду.

— Я недоволен тобой, колдунья. Смотри, я ведь могу выпотрошить тебя и пожрать твое трепещущее сердце.

Колдунья кивнула:

— Это правда.

Вдруг Дракон засмеялся. Это был жестокий, издевательский смех, каким он всегда и бывает у подобных существ, и тем не менее это был смех. Многие из деревенских заткнули уши. Маленькие дети заплакали.

— Вы меня забавляете, — сказал Дракон. — Вы все меня

забавляете. Мое правление начинается на радостной ноте.

Колдунья поклонилась. Она наблюдала за Драконом. Уилл заметил, что глаза ее полны невыразимой печали. Но она больше ничего не сказала.

— Теперь пусть выйдет ваша старейшина и присягнет мне на верность.

Старая Черная Агнес пробилась сквозь толпу. Она была костлявая, изможденная, согбенная тяжким грузом своих обязанностей. Они висели в черном кожаном мешочке у нее на шее. Из мешочка Агнес достала плоский камень из первого сложенного в деревне очага и положила его перед Драконом. Встав на колени, она опустила на него руку, ладонью вверх.

Потом вынула маленький серебряный серп.

— Твоя кровь и наша. Твоя судьба и моя. Наша радость и твоя жестокость. Мы — одно.

Голос ее зазвучал заливисто и тонко:

— Духи черные, белые, красные, Смешайтесь, как должно, ужасные…

Правая рука старейшины задрожала, как у параличной, когда она занесла над ней левую, сжавшую серп. Движение было быстрым и резким. Хлынула кровь, мизинец отлетел в сторону.

Она издала лишь короткий высокий крик, будто раненая морская птица, — больше ничего.

— Я доволен, — сказал Дракон. И тут же добавил, без всякого перехода: — Мой пилот мертв и уже начинает разлагаться, — в боку Дракона открылся люк. — Вытащите его.

— Хочешь, чтобы мы его похоронили? — нерешительно спросил кто-то.

— Закопайте, сожгите, пустите на наживку для рыбной ловли — какая разница? Пока он был жив, я нуждался в нем, чтобы летать. Но таким, мертвым, он мне совершенно не нужен. А теперь опуститесь на колени.

Уилл встал на колени в пыли рядом с Драконом. Он провел на коленях несколько часов, а тем, кто стоял за ним, предстояло ждать еще часы, ожидая, когда их впустят. Люди входили внутрь со страхом, а наружу выползали в полуобморочном состоянии. Одна невинная девушка вышла из утробы Дракона с перекошенным, залитым слезами лицом, и в ответ на чей-то обращенный к ней вопрос только вздрогнула и тут же убежала. Никто не рассказывал о том, что видел там, внутри.

Люк открылся.

— Входи.

Уилл вошел. Люк закрылся за ним.

Сначала ничего не было видно. Потом из темноты выплыли

слабые огоньки. Потом стало ясно, что они белые и зеленые, что это светится панель управления, бледные циферблаты. Рука нащупала кожаную обивку. Это было кресло пилота. Уилл ощутил слабый запах разложения.

— Сядь.

Уилл неловко вскарабкался в кресло. Кожа заскрипела под ним. Его руки сами легли на подлокотники кресла. Как будто по нему подогнано. Там, на подлокотниках, имелись такие приспособления, вроде наручников. По приказу Дракона Уилл вложил в них запястья и развернул насколько мог. Примерно на четверть оборота.

Из подлокотников вылезли иглы и воткнулись ему в запястья. Он невольно дернулся. Но тут же обнаружил, что не в состоянии убрать руки. Они больше его не слушались.

— Мальчик, — внезапно сказал Дракон, — каково твое истинное имя?

Уилл задрожал:

— У меня его нет.

Он немедленно почувствовал, что ответ неправильный. Повисло молчание. Потом Дракон бесстрастно сообщил:

— Я могу заставить тебя страдать.

— Да, господин, уверен, что можешь.

— Тогда назови мне свое истинное имя.

Его запястья теперь были холодными как лед. И этот холод распространился выше, до локтей, а потом — до подмышек. Это было не онемение — руки при этом ужасно болели, как будто он держал их в снегу.

— Я его не знаю! — страдальчески выкрикнул Уилл. — Не знаю! Мне его не называли. Мне кажется, у меня его вообще нет!

Огоньки сверкнули на панели приборов, как глаза зверя в ночном лесу.

— Вот как! — Впервые в голосе Дракона послышался намек на заинтересованность. — Из какой ты семьи? Расскажи мне о своих родных.

У мальчика не было никого, кроме тетки. Его родители погибли в первый день Войны. Они имели несчастье оказаться на станции Бросиланд, когда налетели драконы и сбросили свой огонь на железную дорогу. Так что Уилла потом отправили сюда, на холмы, к тете. Все сошлись на том, что здесь он будет в большей безопасности. Это случилось несколько лет назад, и временами он уже совсем не мог вспомнить своих родителей. Скоро будет помнить лишь то, что их помнит.

Что до тетки, то она стала для него всего лишь ходячим сводом правил, которые надо было по возможности не выполнять,

и обязанностей, от которых следовало отлынивать. Она была набожная старуха, то и дело приносила мелких животных в жертву Безымянным и складывала их трупики под полом или прибивала гвоздями над дверями и окнами. Поэтому в хижине все время пахло гниющими мышами. Тетка все время что-то бормотала себе под нос, а в те редкие дни, когда ей случалось напиться — это случалось дважды или трижды в год, — выбегала ночью голая из хижины, ездила на корове верхом, задом наперед, и так пришпоривала ее пятками, что та опрометью носилась по холмам. В конце концов тетка валилась на землю и засыпала. На рассвете Уилл обычно приходил с одеялом и уводил ее домой. Но она не была ему близким человеком.

Все это он запинаясь рассказал. Дракон выслушал молча.

Холод поднялся до самых подмышек. Уилл содрогнулся, когда он тронул и плечи.

— Пожалуйста… — взмолился он. — Господин Дракон… Твой холод мне уже по грудь. Если он доберется до сердца, боюсь, я умру.

— А? А-а! Я задумался. — Иглы убрались внутрь подлокотников. Руки все еще оставались безжизненными, но, по крайней мере, холод перестал распространяться выше. Уилл по-прежнему чувствовал покалывание в кончиках пальцев и понимал, что теперь это ощущение будет то и дело возвращаться.

Люк открылся.

— Можешь выходить.

И он вышел на свет.

На деревню опустился страх. Боялись всю первую неделю. Но поскольку Дракон вел себя спокойно и не происходило больше ничего тревожного, жизнь мало-помалу опять вошла в свою ленивую колею. И все же окна домов, которые смотрели на главную площадь, оставались плотно закрытыми, и никто добровольно не ходил через нее, как будто там, в самом центре, сгустилась глухая, мрачная тишина.

Как-то раз Уилл и Пак Ягодник ходили по лесу, проверяли ловушки, поставленные на кроликов и верблюдопардов (сменилось уже несколько поколений, с тех пор как в Авалоне в последний раз поймали парда, и все-таки они еще надеялись), как вдруг на тропинке показался Точильщик Ножниц. Он куда-то спешил, пыхтел, отдувался и тащил что-то яркое, светящееся.

— Эй, кривоногий! — окликнул Уилл. Он только что связал задние лапы попавшегося в ловушку кролика, чтобы удобнее было закинуть его на плечо. — Привет, толстобрюхий! Что это у тебя?

— Не знаю. С неба свалилось.

— Врешь! — фыркнул Пак.

Мальчики запрыгали вокруг толстого Точильщика, пытаясь выхватить у него добычу. По форме она напоминала корону или, может быть, птичью клетку. Ее металлические грани были гладкие и блестящие. Мальчики никогда не видели ничего подобного.

— Должно быть, яйцо птицы рух… или феникса!

— И куда ты его несешь?

— В кузницу. Вдруг кузнец сможет разбить его и перековать на что-нибудь стоящее… — тут Точильщик Ножниц сильно оттолкнул Пака, едва не выпустив из рук драгоценную находку, — а мне даст за эту штуку пенни или даже целых три.

Маргаритка Дженни выскочила из зарослей полевых цветов у свалки и, увидев золотую штуковину, бросилась к ней, тряся своими хвостиками и клянча: «Дай-дай-дай!» Невесть откуда возникли две девчушки Жужжалки и Трубочист. И даже Чистильщик Котла бросил свой пучок металлической проволоки и тоже прибежал. Так что к тому времени, как Заливные Луга превратились в Грязную Улицу, побагровевший Точильщик Ножниц уже по уши увяз в толпе.

— Уилл, паршивец ты этакий!

Оглянувшись, Уилл увидел свою тетку, Слепую Энну. Она отчаянно пробивалась к нему. В каждой руке у нее было по ободранной от коры ветке ивы — как две белые антенны. Ивовыми ветками Энна ощупывала дорогу перед собой. Выражение лица под рюшами чепчика было угрюмое. Уилл хорошо знал, чего ждать, когда она в таком настроении, и даже не попытался спрятаться.

— Тетя… — начал было он.

— Не называй меня тетей, лентяй! Давно пора закопать жаб и вымыть крыльцо! Почему тебя никогда нет, когда ты нужен?

Она подхватила его под руку и потащила к дому, продолжая ощупывать дорогу своими ветками.

А тем временем Точильщику Ножниц дети так заморочили голову, что он и не заметил, как ноги понесли его привычной дорогой — через главную площадь, а не в обход. Впервые после появления Дракона в этом уголке деревни раздавались голоса и смех детей. Уилл, которого тетка волокла в противоположную сторону, с тоской оглядывался через плечо на своих веселящихся приятелей.

Дракон открыл один глаз — посмотреть, что за шум. Он даже в тревоге приподнял голову. И властным голосом приказал:

— Бросьте это!

Испуганный Точильщик Ножниц повиновался.

Эта штука взорвалась.

Когда пытаешься вообразить себе нечто волшебное — получается удивительно, но когда волшебное действительно происходит — это страшно, это ужаснее всего, что может нарисовать воображение. После шока и потери сознания Уилл очнулся на спине посреди улицы. В ушах у него звенело, а все тело странно онемело. Он видел множество ног — люди бежали. И еще… кто-то бил его хворостиной. Нет, двумя.

Он сел, и конец хворостины едва не угодил ему в глаз. Он схватился за него обеими руками и сердито дернул.

— Тетя! — заорал он.

Слепая Энна продолжала размахивать другой веткой и тянула к себе ту, в которую вцепился Уилл.

— Тетя, перестань!

Но, разумеется, она не услышала его, он и сам-то едва слышал себя из-за звона в ушах.

Он поднялся на ноги и обхватил тетку обеими руками. Она пыталась бороться с ним, и Уилл вдруг с удивлением обнаружил, что она ничуть не выше его ростом. Когда это случилось? Она ведь была вдвое выше его, когда он приехал сюда, в деревню.

— Тетя Энна! — крикнул он прямо ей в ухо. — Это я, Уилл. Я здесь!

— Уилл! — Ее глаза наполнились слезами. — Ты бессердечный, бессовестный мальчишка! Где ты шляешься, когда дома столько дел?

Через ее плечо он видел площадь, покрытую чем-то черным и красным. Похоже, это были тела. Он на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, площадь уже наполнилась жителями. Они склонялись над телами, что-то делали с ними. У некоторых были запрокинуты головы, как будто они кричали. Но, конечно, он не мог их слышать, при таком-то звоне в ушах.

— Я поймал двух кроликов, Энна! — прокричал он тетке прямо в ухо. Связанные за задние лапы кролики все еще болтались у него на плече. Странно, как это они удержались. — Можно съесть их на ужин.

— Это хорошо, — отозвалась она. — Я могу разделать и потушить их, пока ты моешь крыльцо.

Отрадой Слепой Энны была работа по дому. Она драила потолок и скребла полы. Заставила Уилла вычистить все серебряные вещи в доме. Потом всю мебель надо было разобрать на части, протереть, снова собрать и расставить по местам. Коврики — прокипятить. Маленький узорчатый футлярчик, в котором хранилось ее сердце, — достать из комода, где его обычно держали, и перепрятать поглубже в платяной шкаф.

Список работ по дому был нескончаемым. Она сама работала дотемна и Уилла заставляла. После взрыва он иногда плакал по своим погибшим друзьям, и тогда Слепая Энна ковыляла к нему и била, чтобы он перестал. И он переставал плакать, а заодно и что-либо чувствовать. И от этого чувствовал себя чудовищем. И от мысли, что он чудовище, снова начинал плакать, теперь уже плотно прижимая ладони к лицу, чтобы тетка не услышала и снова не побила его.

Трудно сказать, от чего он больше страдал: от чувствительности или от бесчувствия.

На следующий же день колокол снова погнал жителей деревни на площадь, пред светлые очи их короля-Дракона.

— Вы, глупые создания! — сказал Дракон. — У вас погибло шестеро детей и старый Танарахумбра — тот, кого вы называли Точильщиком Ножниц, и все потому, что вы понятия не имеете о самодисциплине.

Колдунья Яблочная Бесси грустно покачала головой и подтвердила:

— Это правда.

— Вы испытываете мое терпение, — продолжал Дракон. — Хуже того, вы можете посадить мои аккумуляторы. Запасы мои скудеют, и я лишь частично могу восполнять их каждый день. Теперь я понял, что нельзя быть таким королем-чурбаном. Вами нужно управлять. Так что мне нужен… спикер. Кто-нибудь небольшой и нетяжелый, кто поселится внутри меня и станет доносить до вас мои приказы.

Старая Черная Агнес протиснулась вперед.

— Это буду я, — устало сказал она. — Я знаю свой долг.

— Нет! — ворчливо отрезал Дракон. — Вы, старики, слишком хитрые. Я сам выберу кого-нибудь из толпы. Кого-нибудь поглупее… Ребенка, например.

«Только не меня! — исступленно подумал Уилл. — Кого угодно, только не меня!»

— Вот его, — сказал Дракон.

Итак, Уилл поселился внутри Дракона. Весь тот день до глубокой ночи под чутким руководством своего господина он рисовал на кусках пергамента планы каких-то устройств, по виду весьма напоминающих неподвижные велосипеды. Они предназначались для пополнения запасов энергии Дракона. Утром Уилл отправился в кузницу на окраине городка и велел немедленно изготовить шесть таких железяк. Потом зашел к старейшине Черной Агнес — передать, что каждый день шестеро

жителей деревни по очереди, или как там она сочтет нужным их распределять, должны будут крутить педали изготовленных агрегатов, крутить без остановки, с восхода до заката, а потом Уилл будет втаскивать заряженные аккумуляторы внутрь Дракона.

Бегая по деревне со всеми этими поручениями — в тот первый день набралась чуть ли не дюжина распоряжений, предупреждений и пожеланий, — Уилл испытывал странное чувство нереальности происходящего. От недосыпа окружающее казалось до невозможности ярким. В развилках веток по дороге к Речной Дороге зеленел мох, саламандры лениво совокуплялись на углях в кузнечной печи, даже хищные растения в саду его тетки по-особенному затаились, как будто поджидали какую-нибудь неосторожную лягушку, которая вдруг возьмет и выскочит… В общем, знакомый и привычный пейзаж словно преобразился. Все казалось новым и странным.

К полудню все поручения Дракона были выполнены, и Уилл отправился на поиски своих друзей. Площадь, разумеется, была пустынна и безмолвна. Но и в узеньких боковых улочках, куда он забрел вслед за своей короткой тенью, тоже оказалось пусто. Ему стало жутко. Вдруг откуда-то из-за угла он услышал высокий девчоночий голос и пошел на него.

Маленькая девочка прыгала через скакалку и напевала:

Вот она, я, — ничья, своя.
Не знаю, как мое имя.
Вот мои ноги — я пры-ыгаю ими.

— Джоан! — позвал Уилл, при виде девочки неожиданно почувствовав себя очень легко.

Джоан остановилась. Пока девочка двигалась, ее присутствие было заметно. А перестав двигаться, она как бы и существовать перестала. Сотня тоненьких косичек клубилась вокруг ее темной головки. Ручки и ножки — как палки. Единственным, что имело хоть какие-то размеры, были ее блестящие карие глаза.

— Я уже дошла до миллиона! — сердито крикнула она. — Из-за тебя придется все сначала начинать.

— Просто, когда начнешь сначала, считай: «Миллион один…»

— Так нельзя, и ты это прекрасно знаешь! Что тебе надо?

— Куда все подевались?

— Кто рыбу ловит, кто охотится. Остальные работают в поле. А кузнецы, медник и Угрюмый делают эти неподвижные велосипеды, которые должны поставить на площади Тирана. А горшечница и ее подмастерья копают глину на берегу реки. А

целительницы — в Дымной Хижине на краю леса — с Паком Ягодником.

— Туда и пойду. Спасибо тебе, малявка.

Попрыгунья Джоан не ответила. Она уже снова скакала через веревочку, приговаривая: «Сто тысяча один, сто тысяча два…»

Дымная Хижина была некрашеной лачугой. Она таилась так глубоко в зарослях тростника, что казалось, пойдут дожди — и пиши пропало, ее совсем засосет болото. Осы лениво летали туда-сюда, их гнездо лепилось под самой крышей хижины. Уилл толкнул дверь, она громко заскрипела.

Женщины дружно обернулись. Бледное тело Пака Ягодника белой кляксой лежало на полу. Женщины смотрели на Уилла зелеными, немигающими, как у лесных зверей, глазами. Они безмолвно вопрошали, зачем он явился.

— Я… я только хотел посмотреть, что вы… делаете, — выдавил Уилл.

— Мы вводим его в кататоническое состояние, — ответила одна из них. — Тихо. Смотри и учись.

Сначала целительницы дымили над Паком сигарами. Они набирали в рот дым, а потом, наклонившись над Паком, выпускали его на обнаженное искалеченное тело мальчика. Постепенно хижина наполнилась голубоватым туманом, целительницы напоминали привидения, а сам Пак — расплывчатое пятно на грязном полу. Сначала он всхлипывал и что-то бормотал от боли, но постепенно вскрики делались все тише, и он наконец умолк. Тело его дернулось, потом как-то странно напряглось, и он перестал дышать.

Целительницы натерли Паку грудь охрой, натолкали ему в рот, ноздри и задний проход смесь алоэ и белой глины. Потом они завернули тело в длинный кусок белой льняной ткани и закопали его в черную грязь на берегу Колдуньина Пруда.

Бросив последнюю лопату земли, женщины, как по команде, повернулись и молча пошли к дому по пяти разным тропинкам. Уилл почувствовал, что у него урчит в желудке, и вспомнил, что сегодня еще ничего не ел. Он знал неподалеку одну вишню, чьи плоды уже дозревали, и еще в том месте можно было разжиться пирогом с голубятиной — его, похоже, не очень-то хорошо караулили.

И он поспешил в поселок.

Он вернулся на площадь лишь перед самым заходом солнца и ожидал, что Дракон будет в ярости из-за его долгого отсутствия. Но, опустившись в кресло пилота и ощутив, как иголки вонзаются

в запястья, Уилл услышал нежный шепот, почти мяуканье Дракона:

— Как ты боишься! Весь дрожишь. Не бойся, малыш. Я буду защищать тебя, заботиться о тебе. А ты за это будешь моими глазами и ушами, согласен? Конечно, согласен. Ну-ка, давай посмотрим, чему ты сегодня научился.

— Я…

— Тс-с-с… — выдохнул Дракон. — Ни слова. Мне не нужен твой пересказ. У меня прямой доступ к твоей памяти. Постарайся расслабиться. В первый раз тебе будет больно, но потом привыкнешь и станет легче. Со временем, возможно, это даже начнет доставлять тебе удовольствие.

Что-то холодное, влажное и скользкое проникло в сознание Уилла. Во рту появился мерзкий металлический привкус, ноздри наполнились отвратительным смрадом. Он инстинктивно попробовал вырваться.

— Не сопротивляйся. Все пройдет легче, если ты сам откроешься мне.

Уилл чувствовал, как что-то черное и маслянистое наполняет все его существо. Собственное тело теперь казалось ему очень далеким, как что-то, что больше ему не принадлежало. Он мог наблюдать со стороны, как это что-то кашляет, как его тошнит.

— Ты должен принять все.

Это было больно. Больнее, чем самая ужасная головная боль, какую Уиллу когда-либо приходилось испытывать. Ему казалось, что он слышит, как трещит его череп, но неведомая сила все ломилась и ломилась к нему в сознание, эта пульсирующая масса проникала в его мысли, чувства, память. Она их поглощала, пожирала. И вот наконец, когда он уже не сомневался, что голова вот-вот лопнет, все закончилось. Дело было сделано.

Теперь Дракон был у него внутри.

С трудом закрыв глаза, Уилл увидел в ослепительной, болезненной темноте короля-Дракона таким, каким он жил в мире призраков: гибким, пронизанным световыми нитями, мощно гудящим. Здесь, в царстве идеальных форм, Дракон был не сломанной, искалеченной вещью, а победителем, обладающим красотой зверя и совершенством мощной машины.

— Ну, разве я не красив? — похвалился Дракон. — Разве не счастье иметь меня внутри?

Уилл издал болезненный смешок отвращения. И все же — да простят его Семеро за такие мысли! — Дракон сказал чистую правду.

Каждое утро Уилл вытаскивал аккумуляторы, которые весили

не меньше его самого, на площадь Тирана, чтобы жители деревни их подзаряжали — сначала только один, а потом — когда на площади установили еще шесть «велосипедов» — и остальные. Одна из женщин обычно приносила завтрак для Уилла. Как доверенное лицо Дракона, он имел право зайти в любую хижину и съесть все, что там найдет, но все-таки Дракон считал более достойным, чтобы еду доставляли на площадь. Все остальное время Уилл бродил по деревне, а потом и по полям и лесам, окружавшим деревню, и наблюдал. Сначала он не понимал, зачем это делает. Но постепенно, сопоставляя получаемые распоряжения со своими наблюдениями предшествующего дня, он сообразил, что выясняет, выгодно ли расположена деревня, какова ее обороноспособность и как можно ее повысить.

Деревня, очень скоро понял Уилл, не могла защитить себя от какого бы то ни было военного нападения. Но кое-что можно было исправить. Посадили колючую живую изгородь и ядовитый дуб. Стерли с лица земли все тропки. Пруд с чистой водой осушили, потому что им могли воспользоваться вражеские войска. Когда грузовик, который раз в неделю привозил почту и коробки с продуктами в магазин, показался на Речной Дороге, Уилл вертелся поблизости, чтобы убедиться, что ничего такого необычного не привлекло внимания водителя. А когда пчеловод объявил, что меду столько, что можно выменять излишки на серебро, спустившись вниз по реке, Уилл передал ему приказ Дракона уничтожить половину излишков, чтобы не подумали, что жители деревни благоденствуют.

А в сумерках, когда солнце, готовое исчезнуть с неба, ползло к закату, Уилл ощущал привычное покалывание в запястьях и тревожащее, почти непреодолимое желание вернуться в кабину Дракона, чтобы там болезненно слиться с ним и передать ему все, что видел в этот день.

Вечер на вечер не приходился. Иногда после вторжения Дракона Уилл чувствовал себя настолько разбитым, что не мог больше ничего делать. Иногда же он проводил целые часы, начищая и надраивая Дракона изнутри. А чаще всего просто сидел в кресле пилота под еле слышный гул двигателя. В каком-то смысле такие вечера были самыми худшими.

— У тебя нет рака, — бормотал Дракон. Снаружи было темно или Уиллу так казалось. Люк держали плотно задраенным, а окон не было. Единственным источником света служила панель приборов, — и кровотечения из прямой кишки тоже нет, и поэтому ты не теряешь силы… Верно, мальчик?

— Верно, ужасный господин.

— Кажется, я сделал лучший выбор, чем ожидал. В тебе течет

кровь смертных, это ясно, как лунный свет. Твоя мать была не лучше, чем ей положено было быть.

— Что, господин? — не понял Уилл.

— Я говорю, что твоя мать была шлюха! Ты что, слабоумный? Твоя мать была шлюха, твой отец — рогоносец, ты — ублюдок, трава — зеленая, горы — каменистые, а вода мокрая.

— Моя мать была хорошая женщина! — Обычно Уилл не противоречил, но на этот раз слова сами вырвались у него.

— Хорошие женщины и спят со всеми мужчинами помимо своих мужей, и поводов у них к этому больше, чем существует мужчин. Тебе никто никогда не говорил об этом? — Он расслышал в голосе Дракона нотку удовлетворения. — Они делают это от скуки, от безрассудства, по принуждению. Ей могло захотеться денег или приключений, или просто отомстить твоему отцу. Добродетель женщин зависит от того, как карта ляжет. У нее могло возникнуть желание вываляться в грязи. Она, в конце концов, могла даже влюбиться. Случаются и более невероятные вещи.

— Я не стану этого слушать!

— У тебя нет выбора, — самодовольно сообщил Дракон. — Дверь закрыта, и выйти ты не можешь. Кроме того, я больше и сильнее тебя. Таков Lex Mundi [98], от которого нет спасения.

— Ты лжешь! Ты лжешь, лжешь!

— Хочешь — верь, хочешь — не верь. Но как бы там ни было, тебе повезло, что в тебе течет кровь смертного. Если бы ты жил не в этой дыре, а в каком-нибудь более цивилизованном месте, тебя бы точно взяли в летчики. Жил бы как принц, из тебя сделали бы настоящего воина. В твоей власти было бы убить тысячи и тысячи людей… — Голос Дракона задумчиво завис. — Чем бы мне отметить это свое открытие? А не?… Ого! Да. Я, пожалуй, произведу тебя в лейтенанты.

— И чем это лучше того, что есть сейчас?

— Не презирай титулов и званий. По крайней мере, это произведет впечатление на твоих друзей.

Друзей у него не было, и Дракон прекрасно знал это. Больше не было. Люди по возможности избегали его, а если не могли избежать, то лица у них в его присутствии становились напряженными и настороженными. Дети насмехались над ним, дразнились и разбегались врассыпную. Иногда в него кидались камнями или черепками горшков. Однажды бросили даже коровью лепешку — сухую снаружи, но вязкую и липкую внутри. Впрочем, они нечасто себе это позволяли, потому что обычно он ловил их и лупил за это. И всякий раз оказывалось, что для малышей это неожиданность, они не могли понять, за что их

наказывают.

Мир детей был гораздо проще, чем тот, в котором обитал он сам.

Когда Маленькая Рыжая Марготти бросила в него коровью лепешку, он схватил девочку за ухо и потащил к ее матери.

— Посмотри, что твоя доченька со мной сделала! — гневно крикнул он, брезгливо держа двумя пальцами свою испачканную куртку.

Большая Рыжая Марготти оторвалась от стола, на котором консервировала жаб. Она тупо смотрела на него и на свою дочь, но Уилл заметил веселый огонек в ее глазах. Видно было, что еле удерживается от смеха. Потом она холодно сказала:

— Давай выстираю.

И при этом во взгляде ее было столько презрения, что Уиллу захотелось стащить с себя заодно и штаны и швырнуть их тоже ей в лицо, чтобы посильнее оскорбить ее. Пусть и штаны выстирает в наказание! Но вместе с этой мыслью пришла и другая: об упругом, розовом теле Большой Рыжей Марготти, о ее круглых грудях и широких бедрах. Он почувствовал, что в штанах у него набухло, они оттопырились.

Большая Рыжая Марготти тоже заметила это и бросила на него насмешливо-презрительный взгляд. Уилл покраснел от унижения. Хуже того, пока мать стирала куртку Уилла, Маленькая Рыжая Марготти вертелась вокруг него, опасаясь, правда, подходить близко, и то и дело задирала юбчонку, сверкая голой попкой, издеваясь над его несчастьем.

Уже направляясь к двери с перекинутой через руку влажной курткой, он остановился и сказал:

— Сошьешь мне сорочку из белого дамасского шелка с гербом на груди: по серебряному полю красный дракон, вставший на дыбы над соболем. Завтра на рассвете принесешь.

Большая Рыжая Марготти в ярости воскликнула:

— Наглец! Ты не имеешь права требовать от меня такого!

— Я лейтенант Дракона и могу требовать чего угодно.

Он ушел, зная, что этой рыжей сучке теперь придется провести всю ночь за шитьем. А он порадуется каждому часу ее унижения.

Прошло три недели с того дня, как закопали Пака, и целительницы решили, что настало наконец время откопать его. Они промолчали, когда Уилл заявил, что хотел бы присутствовать при этом — никто из взрослых вообще с ним не разговаривал, если только мог избежать этого, — но, плетясь следом за женщинами к пруду, он прекрасно понимал, что им это не

нравится.

Откопанное тело Пака выглядело как огромный черный корень, скрюченный и бесформенный. Все время что-то напевая, женщины развернули льняную ткань и вымыли тело коровьей мочой. Потом они выковыряли из всех отверстий животворную глину. Потом положили ему под язык фалангу летучей мыши. Потом разбили яйцо о его нос, и белок выпила одна целительница, а желток — другая.

Наконец они ввели ему пять кубиков сульфата декстоамфетамина.

Глаза Пака распахнулись. Кожа его от долгого лежания в земле стала черной, как ил, а волосы, наоборот, побелели. Но глаза были живые и зеленые, как молодая листва. Во всем, за исключением одного, его тело осталось таким же, каким было раньше. Но это самое «одно» заставило женщин жалостливо вздохнуть о нем.

У него не было одной ноги, от колена.

— Земля взяла ее себе, — грустно сказала одна из женщин.

— От ноги слишком мало оставалось, чтобы ее можно было спасти, — добавила другая.

— Жаль, — вздохнула третья.

И все они вышли из хижины, оставив Уилла и Пака наедине.

Пак долго ничего не говорил, только смотрел на обрубок своей ноги. Он сидел и осторожно ощупывал его, словно убеждаясь, что ноги действительно нет, что она каким-то волшебным образом не сделалась невидимой. Потом он уставился на чистую белую рубашку Уилла, на герб Дракона у него на груди. И наконец, его немигающие глаза встретились с глазами Уилла.

— Это ты сделал!

— Нет!

Это было несправедливое обвинение. Мина не имела к Дракону никакого отношения. Точильщик Ножниц в любом случае нашел бы ее и принес в деревню. Дракона и мину объединяло только одно — Война, а в ней Уилл был не виноват.

Он взял своего друга за руку.

— Тчортирион… — сказал он тихо, стараясь, чтобы их не подслушал кто-то невидимый.

Пак отдернул руку:

— Это больше не мое истинное имя! Я блуждал в темноте, и мой дух вернулся обратно из гранитных пещер с новым именем — его не знает даже Дракон!

— Дракон очень скоро узнает его, — печально ответил Уилл.

— Пусть попробует!

— Пак…

— Мое прежнее повседневное имя тоже умерло, — сказал тот, кто раньше был Паком Ягодником. С трудом выпрямившись, он накинул на худые плечи одеяло, на котором раньше лежал. — Можешь называть меня Безымянным, потому что твои губы не произнесут больше ни одного из моих имен.

Безымянный неуклюже запрыгал к двери. У порога он остановился, схватившись за косяк, а потом собрался с силами и выпрыгнул наружу, в большой мир.

— Пожалуйста! Послушай меня! — крикнул Уилл ему вслед. Не говоря ни слова, Безымянный показал Уиллу кулак с отогнутым средним пальцем.

Уилл закипел дикой яростью.

— Задница! — заорал он вслед своему бывшему другу. — Колченогий попрыгунчик! Обезьяна на трех ногах!

Он не кричал, с тех пор как Дракон впервые проник в него. И вот теперь снова закричал.

В середине лета в город ворвался на мотоцикле человек в красной военной форме с двумя рядами начищенных медных пуговиц и с ярким зелено-желтым барабаном. Он ехал из самого Бросиланда, по пути присматривая подходящих ребят для службы в армии Авалона. Он с грохотом затормозил в облаке пыли перед Скрипучим Сараем, поставил свой мотоцикл на подпорки и вошел внутрь, чтобы снять комнату на один день.

Выйдя через некоторое время на улицу, он надел на себя портупею, на которой висел барабан, и высыпал на него горсть золотых монет. Бум-бум-бум! Затем громом загрохотала бара банная дробь. Рап-тап-тап! Золотые монеты подскакивали и плясали, как капли дождя на раскаленной сухой земле. К тому времени около «Скрипучего Сарая» уже собралась толпа.

Военный расхохотался:

— Меня зовут сержант Бомбаст! — Бум! Дум! Бум! — Кто своих героев мне отдаст? — Он поднял руки над головой и постучал палочками друг о друга. Клик-клик-клик! Потом он заткнул их за пояс, снял барабан и положил его на землю рядом с собой. Золотые монеты засверкали на солнце, у всех жадно заблестели глаза. — Я приехал, чтобы предложить смелым парням самую лучшую карьеру, какую только может сделать мужчина. Это возможность научиться настоящему делу, стать воином… да еще и получать за это щедрую плату. Взгляните на меня! — Он хлопнул себя по гладким бокам. — Ведь не похоже, что я голодаю, а?

В толпе засмеялись. Сержант Бомбаст, смеясь вместе со

всеми, затесался в толпу и теперь бродил среди жителей, обращаясь то к одному, то к другому:

— Нет, я не голодаю. По той простой причине, что в армии меня хорошо кормят. Армия кормит меня, одевает и делает для меня, что ни попрошу, только что зад мне не подтирает. И что же вы думаете, я благодарен? Благодарен? Нет! Нет, дамы и господа, я настолько неблагодарен, что требую, чтобы армия мне еще и платила за такие привилегии! Вы спросите сколько? Сколько мне платят? Прошу учесть, что обувь, одежда, кормежка, бриджи, вот эта тряпка, в которую я сморкаюсь… — он вы тащил из рукава кружевной носовой платок и изящно помахал им, — бесплатные, как воздух, которым мы дышим, и грязь, которую мы втираем в волосы в канун Свечества. Так вы спрашиваете, сколько мне платят? — Казалось, он бредет в толпе наудачу, однако в конце концов он безошибочно вышел обратно к своему барабану. Его кулак обрушился на мембрану, заставив барабан закричать, а монетки — подпрыгнуть от удивления. — Мне платят сорок три медных пенни в месяц!

Толпа изумленно ахнула.

— И можно получить эту сумму честным чистым золотом. Вот оно. Или серебром, для тех, кто поклоняется Рогатой Матери. — Он потрепал какую-то старую деву за подбородок, заставив ее вспыхнуть и глупо хихикнуть. — Но это еще не все! Это еще даже не половина. Как я вижу, вы заметили эти монетки. Еще бы! Каждая из этих красавиц весит целую троянскую унцию! Все они — из хорошего красного золота, добытого трудолюбивыми гномами в шахтах Лунных Гор, охраняемых грифонами. Как же вам было их не заметить? Как же вам не поинтересоваться, что я собираюсь с ними сделать? Неужто я привез их сюда и рассыпал перед вами для того, чтобы потом снова собрать и высыпать обратно в карман? — Он оглушительно расхохотался. — Ничего подобного! От души надеюсь, что уйду из этой деревни без гроша в кармане. Я всерьез намереваюсь уйти из этой деревни без гроша! Теперь слушайте внимательно, ибо я приступаю к самому главному. Эти премиальные деньги. Да! Премиальные для рекрутов. Через минуту я закончу болтать. Думаю, что вы рады это слышать! — Он подождал, пока публика засмеется. — Да, хотите — верьте, хоти те — нет, а сержант Бомбаст скоро заткнется, войдет вот в это замечательное заведение, где заказал себе комнатку и еще кое-что. Но прежде я хочу поговорить — только поговорить, слышите? — с парнями, достаточно сильными и взрослыми, чтобы стать солдатами. Что значит — достаточно взрослыми? Ну достаточно взрослыми для того, чтобы ваша подружка имела из-за вас неприятности. — Снова смех в толпе. —

Но не слишком старыми. Что значит не слишком старыми? Это значит, что, если ваша подружка решит оседлать вас, вам это должно быть в радость. Да, я разговорчивый малый, и я желаю поговорить с такими парнями. И если здесь есть такие — не слишком зеленые и не перестарки и они не прочь выслушать меня, просто выслушать, без всяких обязательств… — он сделал паузу, — тогда с меня пиво. Сколько выпьете — плачу за все.

С этими словами сержант было повернулся и направился к «Скрипучему Сараю», но вдруг остановился и озадаченно поскреб в затылке:

— Черт меня подери, я, кажется, кое-что забыл.

— Золото! — пискнул какой-то молокосос.

— Ах да, золото! Да я и собственную голову потерял бы, не будь она гвоздиком прибита. Да, я же сказал: золото — это премиальные. Стоит вам подписать контракт — и оно у вас в кармане. Сколько? А как вы думаете? Одна золотая монета? Две? — Он хищно улыбнулся. — Кто угадает? Держитесь за яйца… Десять золотых монет каждому, кто подпишет сегодня бумаги! И еще по десять каждому из его дружков, которые захотят составить ему компанию!

И под крики «ура!» он удалился в таверну.

Дракон, который предвидел его приезд, сказал:

— Мы не обязаны расплачиваться нашими людьми за его карьеру. Этот парень очень опасен для нас. Надо застигнуть его врасплох.

— А почему бы просто не отделаться вежливыми улыбками? — спросил тогда Уилл. — Выслушать его, хорошенько накормить, и пусть катится своей дорогой. Так сказать, с наименьшими затратами.

— Он наберет рекрутов, можешь не сомневаться. У таких парней язык подвешен, он золотые горы посулит.

— Значит?

— Война для Авалона складывается не лучшим образом. Из троих сегодняшних новобранцев и один-то вряд ли вернется домой.

— Мне все равно. Пусть пеняют на себя.

— Ты еще неопытен. Нас больше всего волнует то, что первый же новобранец, который принесет присягу, расскажет вышестоящим о моем присутствии здесь. Он всех нас продаст, он и думать забудет о деревне, семье и друзьях. Армия умеет «очаровывать»…

Тогда Уилл с Драконом посовещались и выработали план.

Теперь пришла пора осуществить его.

«Скрипучий Сарай» бурлил. Пиво лилось рекой, да и табака не жалели. Все трубки, что имелись в таверне, были разобраны, и сержант Бомбаст послал, чтобы принесли еще. В густом табачном дыму молодые люди смеялись, шутили и улюлюкали, когда вербовщик, приглядев какого-нибудь парня, которого считал подходящим, улыбался и подманивал его пальцем. Вот такую картину и увидел Уилл, появившись в дверях.

Он отпустил дверь, и она хлопнула за ним.

Все взгляды невольно обратились на него. В комнате воцарилось гробовое молчание.

Когда он зашел внутрь, все задвигали стульями и заелозили кружками по столам. А трое парней в зеленых рубашках, не сказав ни слова, вышли через главную дверь. В дыму очертания человеческих фигур перетекали с места на место. К тому моменту, как Уилл подошел к столу, за которым восседал сержант, они остались в таверне вдвоем.

— Чтоб меня оттрахали, если я когда-нибудь видал что-нибудь подобное! — удивленно вымолвил сержант Бомбаст.

— Это из-за меня, — сказал Уилл. Он был смущен и обескуражен, но, к счастью, таким он и должен был выглядеть по роли.

— Да уж вижу! Но чтоб мне жениться на козе, если я что-нибудь понимаю. Садись, мальчик. На тебе что, лежит проклятие? У тебя дурной глаз? А может, ты болен эльфийской чумой?

— Нет, ничего такого. Просто… ну, я наполовину смертный.

Повисло долгое молчание.

— Ты это серьезно?

— Ага. У меня в крови железо. У меня нет истинного имени. Вот они и шарахаются. — Он чувствовал, что фальшивит, но по лицу сержанта видел, что тот ему верит. — Мне больше тут не жизнь.

Вербовщик указал на круглый черный камень, лежащий поверх листов пергамента.

— Смотреть не на что, верно?

— Да.

— А вот на его собрата, что я держу под языком, — стоит посмотреть. — Он вынул изо рта маленький, похожий на таблетку камешек и протянул его Уиллу, чтобы тот полюбовался. Камешек сверкал на свету — пурпурный, как кровь, но с черной сердцевиной. Сержант отправил его обратно в рот. — Так вот если ты положишь руку на именной камень, что лежит на столе, твое истинное имя отправится прямиком ко мне в рот, а там и в мозги. Так мы обычно заставляем новобранцев подписать контракт.

— Понятно. — Уилл спокойно положил руку на именной камень. Ничего не произошло. Уилл внимательно наблюдал за лицом вербовщика. Конечно, существуют способы скрыть свое истинное имя. Но их нелегко узнать, живя в глухой деревушке на холмах. Проверка именным камнем ничего не доказывала. Но выглядело все очень внушительно.

Сержант Бомбаст медленно перевел дух. Потом он открыл маленькую коробочку на столе и спросил:

— Видишь это золото, мальчик?

— Да.

— Здесь восемьдесят унций хорошего красного золота — это тебе не белое и не сплав с серебром! И оно прямо у тебя под носом. Но ты получишь вознаграждение в десять раз большее, чем видишь здесь. Если только… говоришь правду. Ты можешь это доказать?

— Да, господин, могу.

— Ну-ка объясни еще раз, — сказал сержант Бомбаст. — Ты живешь в доме из железа?

Они были уже на улице, шли по пустынной деревне. Вербовщик оставил свой барабан в таверне, но именной камень опустил в карман, а кошелек пристегнул к поясу.

— Я там провожу только ночь. Это все подтверждает, верно? То есть… подтверждает, что я действительно такой, как я сказал.

С этими словами Уилл вывел сержанта на площадь Тирана. День выдался ясный и солнечный, на площади пахло горячей пылью и корицей, и еще примешивался едва заметный горький запах гидравлической жидкости и холодного железа. Был полдень.

Когда сержант увидел Дракона, у него вытянулось лицо.

— О, ч-черт! — только и вымолвил он.

Эти слова как будто послужили сигналом. Уилл крепко обхватил военного руками, люк распахнулся, и оттуда хлынули жители деревни, сидевшие в засаде. Они размахивали граблями, метлами и мотыгами. Старая птичница огрела сержанта по затылку прялкой. Он как-то сразу обмяк. Уиллу пришлось отпустить его, и сержант осел на землю.

Женщины тут же накинулись на упавшего. Они его кололи, били, пинали, осыпали проклятиями. Ярость их не знала границ, ведь это были матери тех, кого пытался завербовать сержант. Так что этот приказ Дракона они выполняли с гораздо большим рвением, чем те, которые он отдавал прежде. Им нужно было точно знать, что проклятый вербовщик уже никогда не поднимется с земли, чтобы отнять у них сыновей.

Сделав свое дело, женщины молча удалились.

— Его мотоцикл утопи в речке, — велел Дракон. — Барабан — разломай, а потом сожги. Это все — улики против нас. Тело закопай на свалке. Не должно остаться никаких следов того, что он вообще когда-нибудь здесь был. Ты нашел его кошелек?

— Нет, он был с ним. Должно быть, какая-нибудь из женщин его украла.

Дракон усмехнулся.

— Уж эти мне крестьяне! Ничего, все сработало. Монеты будут погребены под фундаментом какого-нибудь дома, и так оно и останется навсегда. Военных, которые явятся сюда в поисках пропавшего, ожидают лишь уклончивые ответы и умело выстроенная цепочка ложных показаний. Крестьяне сделают все как надо, просто из жадности — им даже приказывать не придется.

Полная луна, коронованная созвездием Бешеного Пса, висела высоко в небе и плавилась в одной из самых жарких ночей лета, когда Дракон вдруг объявил:

— Сопротивление.

— Что?

Уилл стоял у открытой двери и тупо смотрел, как с его склоненной головы падают капли пота. Ему так хотелось, чтобы подул ветер. В это время года все, кому удалось построить хорошие дома, спали нагишом на крышах, а кому не удалось — зарывались в ил у реки, и не было такого хитрого ветра, который смог бы преодолеть лабиринт улиц и пробиться к площади.

— Восстают против моих правил. Несогласные. Сумасшедшие самоубийцы.

Упала очередная капля. Уилл тряхнул головой, чтобы сдвинуть свою лунную тень, и увидел, как грязь расходится большими черными кругами.

— Кто?

— Зеленорубашечники.

— Они же сопляки, — проворчал Уилл.

— Не надо недооценивать молодых. Из молодых получаются отличные солдаты и еще лучшие мученики. Ими легко управлять, они быстро учатся, бездумно исполняют приказы. Они убивают без сожаления, и сами с готовностью идут на смерть, потому что еще не понимают до конца, что смерть — это навсегда.

— Слишком много чести им. Их хватает только на то, чтобы показывать мне нос, бросать злобные взгляды и плевать на мою тень. Это и все остальные делают.

— Пока что они крепят свои ряды и накапливают решимость. Но их главарь, этот Безымянный, — умный и способный. Меня

беспокоит, что он теперь ухитряется не попадаться тебе на глаза, а значит, и мне. Ты не раз был в местах, где он накануне ночевал, или чуял его запах. Но когда ты видел его живьем в последний раз?

— Я не бывал в местах его ночлега и не чуял его запаха.

— Видел и чуял, но не отдавал себе в этом отчета. А Безымянный искусно ускользает от твоего взгляда. Он сделался бестелесным духом.

— Чем бестелеснее, тем лучше. Я не расстроюсь, если больше никогда не увижу его.

— Увидишь. И когда увидишь, вспомни, что я тебя предупреждал.

Предсказание Дракона сбылось раньше, чем через неделю. Уилл ходил по поручениям Дракона и наслаждался, как это с ним часто теперь случалось, грязью и запустением в деревне. Большинство хижин были просто из прутьев, обмазанных глиной, — палки и засохшая грязь. Те, которые все-таки были построены из настоящих досок, так и стояли некрашеными, чтобы хозяевам снизили налоги, когда, как обычно, раз в год, в деревню явится правительственный налоговый инспектор. По улицам ходили свиньи, а иногда заглядывал и какой-нибудь бродяга-медведь, любитель порыться в мусоре, потрепанный, будто молью побитый. Здесь не было ничего чистого и нового, а старое никогда не чинили.

Обо всем этом он и думал, когда кто-то вдруг накинул ему на голову мешок, кто-то другой ударил в живот, а третий сделал подсечку.

Все это напоминало какой-то фокус. Секунду назад он шел по шумной улице, дети возились в пыли, ремесленники спешили в свои мастерские, женщины высовывались из окон посплетничать или сидели на крыльце и лущили горох, — и вот восемь рук волокут его куда-то в полной темноте.

Он пытался вырваться, но не смог. На его крики, приглушенные мешковиной, не обращали внимания. Может, кто-нибудь и слышал его — за секунду до нападения на улице было довольно много народу, — но на помощь к нему не пришел никто.

Ему показалось, что прошло очень много времени, прежде чем его швырнули на землю. Он стал яростно освобождаться от мешка. Уилл лежал на каменистом дне старой шахты, к югу от деревни. По одной из осыпающихся стен полз цветущий виноград. Пели птицы. Поднявшись на ноги и окончательно стряхнув с себя мешок, он оказался лицом к лицу со своими похитителями.

Их было двенадцать, и одеты они были в зеленые рубашки.

Конечно, Уилл прекрасно знал их, как знал всех в деревне. Более того, в прежние времена все они были его друзьями. Если бы не его служба у Дракона, он, без сомнения, тоже примкнул бы к ним. Но теперь он был зол на них и прекрасно знал, что с ними сделает Дракон, попробуй они причинить вред его лейтенанту. Он будет впускать их внутрь себя, по одному, чтобы разрушить их сознание и поселить в их телах рак. Он расскажет первому из них во всех кошмарных подробностях, как тот умрет, и сделает все, чтобы одиннадцать остальных присутствовали при его смерти. Смерть будет следовать за смертью, оставшиеся будут наблюдать и предчувствовать, что произойдет с ними чуть позже. И последним умрет их главный — Безымянный.

Уилл прекрасно понимал ход мысли Дракона.

— Оставьте меня, — сказал он. — Ваша затея не приведет ни к чему хорошему и вашему делу не поможет.

Двое зеленорубашечников схватили его под руки и швырнули наземь перед Безымянным. Бывший друг Уилла опирался на деревянный костыль. Лицо его было искажено ненавистью, он смотрел на Уилла не мигая.

— Как мило с твоей стороны, что ты так заботишься о нашем деле, — сказал Безымянный. — Но вряд ли ты понимаешь, в чем заключается наше дело. А наше дело всего лишь вот в чем…

Он поднял руку и тут же быстро опустил ее, ударив Уилла по лицу. Что-то острое больно полоснуло по лбу и щеке.

— Льяндрисос, приказываю тебе умереть! — воскликнул Безымянный.

Зеленорубашечники, державшие Уилла за руки, отпустили его. Он отступил на шаг. Струйка чего-то теплого бежала по его лицу. Он дотронулся до лица рукой. Кровь. Безымянный смотрел на него в упор. В руке он сжимал эльфийский камень, один из тех маленьких каменных наконечников, которые можно найти в поле после хорошего дождя. Уилл не знал, остались ли они от древних цивилизаций, или это обыкновенные камешки вдруг так переродились. Не знал он до сегодняшнего дня и о том, что если оцарапать таким наконечником человека и одновременно произнести его настоящее имя, то этот человек умрет. Но сильный запах озона, сопровождающий это смертельное волшебство, висел в воздухе, мелкие волоски на спине Уилла встали дыбом, в носу у него защекотало от жуткого сознания того, что едва не случилось непоправимое.

Потрясение на лице у Безымянного сменилось яростью. Он бросил наконечник на землю.

— Ты никогда не был моим другом! — гневно воскликнул

он. — В ту ночь, когда мы смешали нашу кровь и обменялись истинными именами, ты солгал! Ты уже тогда был таким же подлым, как сейчас!

Это была правда. Уилл помнил то далекое время, когда они с Паком догребли на своих лодках до одного отдаленного острова на реке, наловили там рыбы, поджарили ее на углях, поймали черепаху и сварили из нее суп в ее собственном панцире. Это Паку пришло в голову поклясться в вечной дружбе, и Уилл, который мечтал иметь настоящего друга и знал, что Пак не поверит, что у него нет истинного имени, придумал его себе. Он был очень осторожен и предоставил своему другу первым назвать свое имя, так что потом он уже знал, что надо вздрогнуть и закатить глаза, когда называешь свое. Но ему было стыдно за свой обман, и он испытывал чувство вины всякий раз, как вспоминал об этом.

Даже сейчас.

Стоя на одной ноге, Безымянный выбросил свой костыль вперед и перехватил его за другой конец. Потом размахнулся и ударил Уилла по лицу.

Уилл упал.

Тут же набросились зеленорубашечники, стали бить и пинать его.

Уиллу на какой-то миг пришло в голову, что, если бы он сам пришел с ними, их было бы тринадцать — тринадцать человек, занятых одним делом. «Настоящий шабаш, — подумал он, — и я в роли наудачу выбранной жертвы, и жертвоприношение совершается при помощи пинков и тычков».

Потом не осталось ничего, кроме страдания и ярости, что росла в нем и выросла до таких размеров, что хоть она и не могла ослабить боль, но зато утопила в себе страх, который он испытал на секунду, когда понял, что сейчас умрет. Теперь он чувствовал только боль и удивление, вернее, огромное, поглощающее весь мир потрясение от того, что с ним может произойти нечто столь глубокое и значительное, как сама смерть. И еще примешивалось легкое недоумение: как это у Безымянного и его головорезов хватило сил довести придуманное для него наказание до самых ворот смерти и почти сделать решающий шаг за ворота. Ведь, в конце концов, они всего лишь мальчишки. Где они научились этому?

— По-моему, он мертв, — сказал голос.

Уилл подумал, что это, должно быть, Безымянный, но не был вполне уверен. В ушах у него звенело, а голос доносился очень-очень издалека.

И обутая в тяжелый ботинок нога напоследок ударила его по

уже сломанным ребрам. Он судорожно втянул в себя воздух и еще больше сжался. Как несправедливо, что к той, и так уже невыносимой боли, что была, добавилась еще и эта!

— Вот, передай это своему дракону, — произнес далекий голос, — если выживешь.

А потом — тишина. Наконец Уиллу удалось заставить себя открыть один глаз — другой заплыл — и убедиться, что он один. Выдался великолепный день, солнечный, но не жаркий. Над головой щебетали птицы. Нежный ветерок ерошил волосы.

Уилл поднялся и потащился обратно к Дракону, оставляя за собой кровавые следы и плача от ярости.

Поскольку Дракон не мог позволить войти ни одной из целительниц, Уилла врачевала одна девчушка, которой было велено высосать хвори из его тела, чтобы они перешли к ней. Он пытался остановить девушку, как только у него появились на это хоть какие-то силы, но Дракон пресек все попытки. Уиллу стало очень стыдно и тошно, когда он увидел, как девушка ковыляет прочь.

— Скажи мне, кто это сделал, — прошептал Дракон, — и мы отомстим.

— Нет.

Послышалось длительное шипение, как будто где-то глубоко в груди Дракона открылся клапан.

— Ты шутить со мной вздумал?

Уилл повернулся лицом к стене:

— Это мое дело, а не твое.

— Все, что касается тебя, — мое дело.

Слышалось постоянное тихое урчание, бормотание, гул мотора, который сходил на нет, как только человек переставал обращать на него внимание и прислушиваться. Отчасти это была вентиляционная система, потому что воздух внутри никогда не пребывал в покое, хоть иногда и казался каким-то пресным. Остальное — это голос самого Дракона, которым тот давал понять, что жив. Уилл прислушался к этим механическим звукам, гаснущим в глубине туловища тирана, и у него возникло видение — утроба Дракона без конца и края. Казалось, вся ночь уместилась в этом темном металлическом каркасе, она простиралась не вширь, а вглубь, нарушая все законы природы, звезды мерцали где-то на уровне дальних конденсаторов и бака с горючим, где-то там была и растущая луна, может быть застрявшая в редукторе.

— Я не буду говорить об этом, — уперся Уилл. — Все равно я ничего тебе не скажу.

— Скажешь.

— Нет!

Дракон замолчал. Кожаная обивка кресла слабо поблескивала в приглушенном свете. Уилл почувствовал боль в запястьях.

Исход был предрешен. Как бы Уилл ни старался, он не мог противиться зову кожаного кресла с подлокотниками, ожидавшими его запястий, чтобы вонзить в них свои иглы. Дракон проник в него, узнал все, что ему было нужно, и на этот раз выходить не стал.

Уилл шел по улицам деревни, оставляя за собой огненные следы. Его переполняла злоба сидящего в нем Дракона.

— Выходите! — ревел он. — Давайте сюда ваших зеленорубашечников, всех, или я сам за ними приду! Я обойду все улицы, все дома! — Он схватился за дверь одного из домов, дернул и сорвал ее с петель. Загоревшись, она упала на землю. — Здесь прячется Спилликин! Не дожидайтесь того, чтобы я сам пришел за ним!

Чьи-то руки, состоящие из одной тени, швырнули Спилликина лицом вниз под ноги Уиллу.

Спилликин был тощий как жердь, безобидный парень, который любил побродить по болотам. Он взвыл, когда огненная рука Уилла схватила его за предплечье и рывком поставила на ноги.

— Следуй за мной, — холодно приказал Уилл-Дракон.

Удвоенный гнев был так велик, что против него никто не мог устоять. Уилл раскалился, как бронзовый идол, за ним тянулся шлейф жара, сжигая на своем пути растения, опаляя фасады домов, охватывая пламенем волосы тех, кто не успевал убежать.

— Я — ярость! — кричал он. — Я — кровная месть! Я — правосудие! Утолите мой голод — или вас ждут мучения!

Зеленорубашечников, разумеется, выдали. И конечно, среди них не оказалось Безымянного.

Их поставили перед Драконом на площади Тирана. Они стояли перед ним в грязи, опустив головы. Только двое из них оказались так неосторожны, что дали застать себя именно в зеленых рубашках. Остальных притащили полуголыми или в домашней одежде. Все они были в ужасе, один даже описался. Их семьи и соседи последовали за ними на площадь и теперь оглашали ее жалобными воплями. Уилл одним взглядом заставил их замолчать.

— Ваш повелитель знает ваши истинные имена, — сурово сказал он зеленорубашечникам, — и может убить вас одним словом.

— Это правда, — сказала Яблочная Бесси. У нее было

бесстрастное, каменное лицо. А между тем Уилл знал, что один из Зеленорубашечников — ее брат.

— Хуже того, он может заставить вас впасть в такое сумасшествие, что вам покажется, будто вы в аду, и терпеть вам вечно адские мучения.

— Это правда, — сказала колдунья.

— И все же он не обрушил на вас весь свой гнев. Вы не представляете для него никакой опасности. Он презирает вас, как существ незначительных.

— Это правда.

— Только одному из вас он хочет отомстить. Вашему главарю — тому, кто называет себя Безымянным. Так вот, ваш милостивый повелитель предлагает вам следующее: а ну, встаньте ровно! — Они повиновались, и он указал им на горящую головню. — Если ко мне доставят Безымянного, пока горит этот огонь, вы свободны. Если нет, вы испытаете все мучения, какие только сможет изобрести для вас изощренный ум Дракона.

— Это правда.

Кто-то, не из Зеленорубашечников, кто-то другой, тихо и часто всхлипывал. Уилл не обращал на это внимания. Сейчас в нем было больше Дракона, чем его самого. Странное чувство — быть под контролем. Ему понравилось. Как будто ты — маленькая лодочка, которую несет бурное течение. Река эмоций подчиняется собственной логике, она-то знает, куда течет.

— Ну! Живо! — крикнул он.

Зеленорубашечники вспорхнули, как стая голубей.

Не более чем через полчаса вырывающегося Безымянного приволокли на площадь. Бывшие соратники скрутили ему руки за спиной, а рот завязали красной банданой. Он был избит — не так сильно, как Уилл в свое время, — но тщательно, со знанием дела.

Уилл прохаживался перед ним туда-сюда. Зеленые, цвета листвы, глаза, на черном, вымазанном в глине лице горели чистой, святой ненавистью. Этого мальчика не укротить, не сломать. Это была противоположно заряженная сила, анти-Уилл, дух мщения во плоти, перед которым стояла единственная вожделенная цель.

За Безымянным в шеренгу выстроились старики и неподвижно ждали. Угрюмый двигал челюстями, как древняя черепаха. Казалось, он додумывает какую-то особенно глубокую мысль. Но он не проронил ни слова. Молчали и старая Черная Агнес, и дряхлая Колдунья-Охотница, чьего повседневного имени не знало ни одно живое существо, и Ночная Бабочка, и Лопата, и Энни Перепрыгни Лягушку, и Папаша Костяные Пальцы, и все остальные. Из нестройной толпы слышался лишь невнятный

шепот и бормотанье, но ничего, что можно было бы разобрать, расслышать, за что можно было бы наказать. Надо всем этим бормотаньем иногда раздавалось жужжание крыльев, и смолкало, как цикада тихим летним днем. Но никто не взлетал.

Уилл все ходил туда-сюда, как леопард в клетке, пока Дракон внутри него раздумывал над самым подходящим наказанием. Порка только укрепила бы Безымянного в его ненависти и решимости. Отрезать ему ногу — тоже не выход, он уже потерял одну, и все же остался опасным и отчаянным врагом. Заточить в тюрьму? Но в деревне не было достаточно ужасной тюрьмы для Безымянного, разве что сам Дракон, но он вовсе не хотел пускать к себе внутрь такого дьявола. Единственным выходом была смерть.

Но какая смерть? Удушение — слишком быстро. Костер — неплохо, но площадь Тирана окружали хижины с соломенными крышами. Утопить его можно было только в реке, а, значит, этого не смог бы увидеть сам Дракон, а он желал, чтобы наказание осталось в памяти его подданных неразрывно связанным с ним. Конечно, он мог приказать прикатить на площадь бочку и наполнить ее водой, но тогда в страданиях жертвы было бы что-то комическое. К тому же, как и в случае с удушением, все произошло бы слишком быстро.

Дракон думал долго. Наконец он остановил Уилла перед скрюченным Безымянным. Он заставил Уилла поднять голову и сделал так, чтобы драконий огонь блеснул в его глазах.

— Распните его.

К ужасу Уилла, жители повиновались.

Это заняло несколько часов. Незадолго до рассвета мальчик, который когда-то был Паком Ягодником, другом Уилла, потом умер, потом вновь воскрес чтобы покарать Уилла, — испустил дух. Он шепотом передал свое истинное имя почтенной родственнице — Матушке Ночи, после чего тело его обмякло, и утомленные жители деревни наконец смогли разойтись по домам спать.

Позже, покинув наконец тело Уилла, Дракон сказал:

— Ты хорошо проявил себя.

Уилл лежал без движения в кресле пилота и ничего не ответил.

— Я награжу тебя.

— Нет, господин, — ответил Уилл, — ты уже и так слишком много сделал.

— Гм-м. А знаешь ли ты, каковы первые признаки того, что раб окончательно примирился со своим рабским положением?

— Нет, господин.

— Хамство. По этой самой причине я не стану тебя наказывать, а, наоборот, как уже сказал, награжу. Ты очень вырос у меня на службе. Ты созрел. И теперь тебе уже недостаточно собственной руки. И ты получишь это. Иди к любой женщине и скажи ей, что она должна делать. Я разрешаю.

— Это дар, в котором я не нуждаюсь.

— Рассказывай! У Большой Рыжей Марготти три отверстия. И она ни в одном из них не откажет тебе. Входи во все по очереди, в любом порядке. Делай что хочешь с ее сиськами. И прикажи ей, чтоб была веселая, когда видит тебя. Вели ей вилять хвостиком и скулить, как собачка. Пока у нее есть дочь, у нее нет выбора. В общем, у тебя полная свобода в отношении моих подданных обоих полов и всех возрастов.

— Они тебя ненавидят, — сказал Уилл.

— И тебя тоже, моя радость, и тебя, моя прелесть!

— Но тебя — за дело.

Последовало долгое молчание. А потом Дракон сказал:

— Я знаю твои мысли лучше, чем ты сам. Я знаю, что ты хотел бы сделать с Рыжей Марготти, как ты хотел бы с ней обойтись. Говорю тебе, в тебе больше жестокости, чем чего бы то ни было. Это зов плоти.

— Ты лжешь!

— Разве? А ну-ка скажи, ты, бедная жертва: когда ты приказывал распять Безымянного, приказ исходил от меня, это было мое желание и мой голос. Но способ… разве не ты выбрал наказание?

До этого момента Уилл апатично лежал в кресле, глядя в металлический потолок. Теперь он сел прямо, и лицо его побелело от потрясения. Он рывком поднялся и повернулся к двери.

Дракон, увидев это, усмехнулся:

— Хочешь уйти от меня? Ты, и правда, думаешь, что тебе это удастся? Ну что ж, попробуй! — И Дракон открыл дверь. Холодный безжалостный утренний свет наполнил кабину. Ворвался свежий ветер и принес запах полей и лесов. Уилл с отвращением ощутил собственный кислый запах, которым пропитались все внутренности Дракона.

— Ты нуждаешься во мне больше, чем я когда-либо нуждался в тебе, — уж об этом я позаботился! Ты не можешь сбежать от меня, а если бы даже и смог, голод пригнал бы тебя обратно, а в первую очередь даже не голод, а… твои запястья. Ты желаешь меня. Без меня ты пуст. Иди! Попробуй сбежать! Посмотрим, куда это тебя приведет.

Уилл задрожал.

Он распахнул дверь и выбежал наружу.

Первый закат вдали от Дракона Уилл провел так: когда солнце село, его вырвало, а потом случился приступ поноса. Скрючившись от боли, жалкий и зловонный, он провел всю ночь в чаще Старого Леса. Иногда он выл и катался по земле. Тысячу раз ему приходила мысль вернуться обратно. И тысячу раз он говорил себе: «Еще не время. Потерпи чуть-чуть, а потом можешь сдаться. Но пока не время».

Его тянуло вернуться, тоска накатывала волнами. Стоило ей схлынуть — и он думал: если день продержаться, то на следующий будет уже легче, а на третий — еще легче. Потом болезненное желание вернуться накатывало снова, эта черная жажда, гнездящаяся в его плоти, эта ломота в костях, и тогда он уговаривал себя: нет, еще не время. Надо потерпеть еще несколько минут. А там и сдаться можно будет. Скоро. Но не сейчас. Еще немного.

К утру самое страшное было позади. Когда забрезжил рассвет, он выстирал одежду в ручье и повесил ее сохнуть. Чтобы согреться, он ходил туда-сюда и пел «Песни любви Берлина Сильвануса», те из пятисот стихов, какие смог вспомнить. Наконец, когда одежда была уже только чуть-чуть влажной, он нашел большой дуб, который давно присмотрел, и достал из дупла заранее припрятанную бельевую веревку. Взобравшись чуть ли не на самую вершину огромного дерева, он привязал себя к стволу. Там, слегка покачиваясь на слабом ветру, Уилл наконец заснул.

Через три дня Яблочная Бесси пришла поговорить с ним туда, где он прятался. Та, что говорила правду, склонилась перед ним в поклоне.

— Господин Дракон просит тебя вернуться, — сказала она официально.

Уилл не стал спрашивать почтенную колдунью, как она нашла его. Мудрые женщины знали свое дело и никогда не делились тайнами ремесла.

— Я вернусь, когда буду готов, — ответил он. — Я еще не закончил свои дела.

Он тщательно сшивал листья дуба, ольхи, ясеня и тиса иголкой, мастерски изготовленной из шипа, и нитками из травинок, которые он разделил на волокна. Это была нелегкая работа.

Колдунья нахмурилась:

— Ты всех нас подвергаешь опасности.

— Он не станет разрушать себя из-за меня одного. К тому же

он ведь уверен, что я обязательно вернусь к нему.

— Это правда.

Уилл невесело усмехнулся:

— Ты не обязана и здесь заниматься своим ремеслом, досточтимая госпожа. Можешь говорить со мной так, как говорила бы с любым другим. Я больше не человек Дракона.

Взглянув на нее повнимательней, он впервые увидел, что она не так уж намного старше его. В мирное время он мог бы вырасти довольно быстро, и когда-нибудь, года через два или, быть может, через пять, мог бы предъявить на нее права, по законам… свежего дерна и ночи. Всего лишь несколько месяцев тому назад ему стало бы неуютно от этой мысли. Но теперь в своих размышлениях он зашел так далеко, что она его не покоробила.

— Уилл, — осторожно начала колдунья, — что ты задумал?

Он показал ей свою новую одежду:

— Я стал зеленорубашечником.

Пока шил, он сидел без рубашки. Уилл разорвал ту, в которой служил Дракону, и тряпки использовал на трут, когда нужно было развести огонь. А теперь вот изготовил себе новую — из листьев.

Облачившись в свое хрупкое одеяние, Уилл посмотрел Той, Что Говорит Правду, прямо в глаза.

— Ты можешь солгать.

Бесси испугалась.

— Только один раз, — сказала она и инстинктивно прикрыла обеими руками живот. — И плата за это высока, очень высока.

Он встал.

— Надо ее заплатить. Давай-ка раздобудем где-нибудь лопату. Пришло время грабить могилы.

Вечером Уилл наконец вернулся к Дракону. Площадь Тирана была оцеплена колючей проволокой. На столбе установили громкоговоритель, провода вели к металлическому туловищу Дракона, так что в отсутствие своего лейтенанта король мог разговаривать с подданными.

— Иди ты первая, — сказал Уилл Яблочной Бесси, — тогда он поверит, что я не желаю ему зла.

С обнаженной грудью, в своих одеждах и широкополой шляпе колдуньи, Бесси вошла в ворота, опутанные колючей проволокой (угрюмый сторож открыл их перед ней и тут же за ней закрыл), и оказалась на площади.

— Сын Жестокости, — склонилась она перед Драконом в глубоком поклоне.

Уилл встал за воротами, в тени, съежился, опустил голову,

засунул руки поглубже в карманы.

Он почти беззвучно произнес:

— Вверяю себя твоей воле, о Великий. Хочешь, я буду твоим пугалом. Хочешь — заставь меня пресмыкаться, ползать в пыли — только пусти меня обратно!

Колдунья раскинула руки и снова поклонилась:

— Это правда.

— Можешь подойти. — Голос у Дракона был изможденный, но, усиленный громкоговорителем, звучал победоносно.

Старый охранник с кислым лицом открыл для него ворота, как чуть раньше открыл их для Колдуньи. Понуро, как приблудный пес, возвращающийся в единственное место, где его подкармливают, Уилл перешел площадь. Он помедлил около громкоговорителя, коротко коснулся столба дрожащей рукой и тут же быстро сунул руку в карман.

— Ты победил. Окончательно и бесповоротно. Ты победил.

Его самого удивило, как легко получились у него эти слова, как естественно они вырвались из него. Он даже почти ощутил в себе желание подчиниться тирану, принять от него любое наказание, снова благодарно взвалить на себя его гнет. Тоненький голосок внутри победно пищал: «Как это просто! Как просто!»

Действительно, это было опасно просто. Осознав, что какая-то часть его действительно этого хочет, Уилл покраснел от унижения.

Дракон с усилием открыл один глаз:

— Итак, мальчик…

Ему показалось, или голос Дракона и правда был не так силен, как три дня назад?

— Ты понял, что это такое — остро нуждаться в чем-то. Ты тоже страдаешь от собственных желаний, как я. Я… я… ослабел, это очевидно, но не так сильно, как ты. Ты думал доказать мне, что это я нуждаюсь в тебе, а доказал обратное. Хотя у меня нет ни крыльев, ни снарядов, хотя мои энергетические ресурсы почти на нуле, а если я подожгу свои двигатели, то обреку на смерть себя и деревню, все-таки я из племени могучих, и нет во мне ни жалости, ни раскаяния. Ты думал, я стану унижаться перед мальчишкой? Плясать под дудку такой жалкой дворняжки, как ты? Тьфу! Ты не нужен мне. Никогда не смей думать, что… что ты мне нужен!

— Позволь мне войти, — захныкал Уилл. — Я сделаю все, что ты скажешь.

— Ты понимаешь, что должен понести наказание за свое непослушание?

— Да, — ответил Уилл. — Накажи меня, пожалуйста. Унижай и оскорбляй меня, умоляю тебя.

— Ну, раз ты об этом сам просишь, — люк Дракона с шипением открылся, — да будет так.

Уилл неуверенно сделал шаг вперед, потом еще два. Потом побежал, прямиком к люку. Прямо к нему — но перед самым люком резко свернул в сторону.

Теперь он видел перед собой безличное железо — бок Дракона. Уилл быстро достал из кармана именной камень сержанта Бомбаста. Его маленький ярко-красный близнец уже лежал у него во рту. К одному пристала могильная грязь, другой был очень странным на вкус, но Уилл не обращал на это внимания. Он дотронулся камнем до железного бока, и тут же истинное имя Дракона без всяких усилий вплыло в его сознание.

И тогда он вытащил из кармана эльфийский каменный наконечник и изо всех сил ударил им Дракона в бок, а потом провел по обшивке длинную белую царапину.

— Что ты делаешь? — в тревоге воскликнул Дракон. — Прекрати немедленно! Люк открыт и кресло ждет тебя! — В его голосе зазвучали соблазняющие нотки. — Иглы стосковались по твоим запястьям. Как и я сам стоско…

— Балтазар, сын Ваалмолоха, сына Ваалшабата, — выкрикнул Уилл, — приказываю тебе умереть!

И свершилось.

В одну секунду, без всякого шума, король-Дракон умер. Вся его мощь и злоба превратились в ничто, в груду металла, обрезки которой можно было бы продать, пустить в переплавку на нужды Войны.

Чтобы выразить свое презрение, Уилл изо всех сил ударил кулаком по корпусу Дракона. Потом он плюнул на него, с яростью и остервенением, и некоторое время смотрел, как слюна стекает по черному металлу. И наконец, он расстегнул штаны и помочился на поверженного тирана.

И только тогда Уилл поверил, что тиран мертв, окончательно и бесповоротно.

Яблочная Бесси — больше не колдунья — молчаливая и потерянная стояла на площади за его спиной. Она беззвучно оплакивала свое отныне бесплодное чрево и невидящие глаза. К ней и направился Уилл. Он взял Бесси за руку и отвел в ее хижину. Он открыл перед ней дверь. Он посадил ее на кровать.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил он. — Воды? Поесть?

Она покачала головой:

— Иди. Дай мне оплакать нашу победу в одиночестве.

Он ушел, спокойно закрыв за собой дверь. Теперь ему некуда

было больше идти, кроме как домой. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, где это.

— Я вернулся, — сказал Уилл.

У Слепой Энны был испуганный вид. Она медленно повернулась к нему, пустые глаза наполнились тенью, старушечий рот в отчаянии открылся. Она медленно, как лунатик, встала, сделала несколько шагов вперед, коснулась Уилла пальцами вытянутых рук, потом бросилась к нему на шею и разрыдалась.

— Слава Семерым! О, слава Семерым! Благословенные, благословенные, милосердные Семеро! — Она все рыдала и рыдала, и Уилл впервые в жизни понял, что на свой угрюмый, молчаливый лад тетка наивно и преданно любит его.

Итак, на один сезон жизнь опять стала обычной. А осенью через деревню прошли войска Всемогущего, сжигая траву на своем пути и ровняя с землей дома. Впереди них шествовал Ужас, и жителям деревни пришлось бежать, сперва в Старый Лес, а потом в лагеря для беженцев через границу.

И наконец их погрузили в вагоны для скота и вывезли в далекую Вавилонию, что в Стране Фей, где улицы вымощены золотом, а башни-зиккураты упираются в небо и где Уилла ждала судьба гораздо более необычная, чем он мог бы даже мечтать.

Но это уже другая история, для другого дня.

Пол Мелко — Любовь одиночек

Paul J. Melko, Jr. Singletons in Love (2003). Перевод Е. Коротнян

С произведениями Пола Мелко уже успели познакомиться читатели многочисленных периодических изданий, посвященных научной фантастике, таких как «Realms of Fantasy», «Asimov's science Fiction», «Terra Incognita» и др. В предлагаемом читателю ироничном и увлекательном рассказе автор исследует границы индивидуума, которые в будущем обществе высоких технологий иногда трудно определить!

* * *

Мойра слегла с кашлем, и Матушка Редд выставила нас из дома. Сначала мы шатались по двору, испытывая какое-то странное чувство. Разумеется, нас и раньше разделяли: это была часть нашего обучения. В космосе нам придется действовать как пятерке, или четверке, или даже тройке, поэтому мы тренировались выполнять все задачи и поручения в различных комбинациях. Раньше это всегда случалось во время тренировок, и мы не теряли друг друга из виду. Теперь же Мойру по-настоящему отделили от нас, и нам это не понравилось.

Мануэль вскарабкался по решетке на фасаде дома, старательно избегая шипов розы, вьющейся между рейками. Но едва он вцепился в подоконник и подтянулся настолько, чтобы заглянуть в комнату, как в его ногу впился цветок, а когда он попробовал вырваться, то стебель хрустнул и переломился. «Я вижу Мойру», — просигналил он.

— А она тебя видит? — произнесла я вслух, так как он не мог меня видеть, а ветер уносил все феромоны прочь, оставляя только обрывки мыслей.

Если бы Мануэль мог увидеть Мойру, а она увидела бы его, то этого вполне хватило бы. Мы все оказались бы в связке.

В эту секунду окно распахнулось, и в нем появилась одна из Матушек Редд. Мануэль рухнул с подоконника, но успел сгруппироваться в воздухе, приземлился на траву, сделал кувырок и ползком добрался до нас, так и не избавившись от красной розочки, прицепившейся к ноге.

Я тронула его за плечо, вдохнула ему мысль, и он протянул цветок Матушке Редд. Я сразу поняла, что прием не сработал.

— Вы, все *пятеро,* ступайте и поиграйте сегодня где-нибудь в другом месте. Мойра больна, а нам совершенно ни к чему, чтобы вы тоже заразились. Так что кыш отсюда! — И она захлопнула окно.

Мы подумали несколько секунд, затем сунули розочку ко мне в нагрудный карман рубашки и отправились на центральную дорогу.

Мойру мы не получили, зато получили разрешение поболтаться, где захотим, а это означало лес, озеро и даже пещеры, если вдруг мы расхрабримся. Мойра посоветовала бы нам соблюдать осторожность. Но сейчас Мойры с нами не было.

Ферму в сто акров, засеянных соелюцерной, Матушка Редд обрабатывала тремя тройками зверобыков. Зверобык отличается непробиваемой тупостью, но стоит только организовать несколько особей вместе, как они быстро выучиваются пахать, сеять и убирать урожай почти без присмотра. Ферма была отличным местом для летних каникул. Утро посвящалось урокам, но не таким строгим, как во время учебного года, когда мы занимались весь день и большую часть ночи на Аэродроме. В школе мы научились спать по сменам, поэтому четверо или пятеро из нас все время бодрствовали, отдавая время учебе. Вот уже шестнадцать лет мы проводили время на ферме у Реддов, с тех самых пор, как вышли из ясель.

Бейкер-роуд вела на запад к Уортингтону и Аэродрому, а на восток — к другим фермам, озеру и лесу. Мы предпочли пойти на восток. Первым шел Стром, как было у нас заведено, если мы оказывались на открытом пространстве, Мануэль сновал вокруг, никогда не отбегая далеко. За Стромом шла я, затем Квонт, и замыкал шествие Бола. Мойре полагалось идти после Квонт. Мы чувствовали ее отсутствие, и Бола с Квонт заполняли пустоту, часто дотрагиваясь друг до друга.

Пройдя целую милю, мы свободно вздохнули, хотя не перестали ощущать отсутствия Мойры. Бола зашвыривал камни на верхушки старых телефонных столбов. Ни одного раза не промазал, но мы не почувствовали никакой гордости. Задача была примитивная, рассчитанная на одну силу, к тому же Бола подбрасывал камни от скуки, а не для практики.

Мы прошли мимо станции приема микроволн, спрятанной в сосновой рощице, недалеко от дороги. В ее параболоиде отражалось солнце, пока она ловила микроволны, излучаемые Кольцом. Земля была усыпана такими тарелками, каждая из которых давала несколько мегаватт наземным анклавам — гораздо больше, чем мы могли использовать теперь, когда Община покинула Землю. Именно Община создала и Кольцо, и

солнечные антенны, а также тарелки. Прошли десятилетия, а тарелки все еще работали.

Кольцо можно было разглядеть даже ярким утром — этакая бледная арка от горизонта до горизонта. Ночью Кольцо становилось ярче, и те из нас, кто остался на Земле, чувствовали его бремя.

Бола принялся швырять в микроволновый луч тонкие хворостинки, и они становились похожими на маленькие метеориты, которые очерчивали в воздухе дугу, вспыхивали на секунду ярким пламенем и тут же превращались в пепел. Он нагнулся, чтобы поднять с земли маленькую жабу.

Я острее ощутила отсутствие Мойры, когда положила руку ему на плечо и протелепатировала: «*Живые существа не трогать*».

Я почувствовала его секундное недовольство, после чего он пожал плечами — буквально и мысленно — и улыбнулся, радуясь моему дискомфорту, оттого что пришлось играть роль Мойры в ее отсутствие. В Бола, к которому были подсоединены все ньютоновские законы взаимодействия сил, сидел какой-то дьяволенок. То есть в нас сидел. Наш бунтарь.

Однажды наставники поделили нас на две тройки, мужскую и женскую; и остальных наших одноклассников разделили по тому же принципу. Была поставлена цель: преодолеть полосу препятствий в отсутствии гравитации, двухмильное проволочное заграждение, канатную дорогу, смоделированное последствие катастрофы и первым отыскать черный ящик. Все команды превратились в противников, действовать разрешалось без правил.

В ту пору нам, двенадцатилетним, не часто давали возможность поиграть без правил — чаще всего на нашу голову сыпалось множество ограничений. На этот раз все было по-другому.

Стром, Бола и Мануэль первыми наткнулись на ящик, совершенно случайно, но вместо того, чтобы забрать его, они залегли и принялись ждать, предварительно устроив ловушки и западни в невесомости. Им удалось поймать и вывести из строя остальные четыре команды. В результате противник насчитал три перелома рук и один перелом ноги. Кроме того, два сотрясения мозга, семнадцать синяков и три резаные раны. Все это натворила наша троица, пока связывала остальные команды и запихивала в полу разрушенную хижину, где был спрятан черный ящик.

Наконец подоспели мы и едва не угодили под рухнувшую стекловолоконную мачту, которая просвистела мимо.

Пока Мойра, Квонт и я барахтались в невесомости, мы слышали их смех. Мы знали, что это они, а не какая-то другая

команда. Мы находись слишком далеко, чтобы уловить феромоны, но все-таки учуяли обрывки их мыслей — заносчивых и воинственных.

— Немедленно выкатывайтесь оттуда! — завопила Мойра.

В ту же секунду из хижины выскочил Стром. Он всегда первым слушался Мойру, даже если рядом находились старшие. Потом показался Мануэль.

— Бола!

— Еще чего! — проорал он в ответ. — Я победил. — После этого он швырнул в нас черный ящик, и Квонт поймала его на лету.

— Кто это «я»? — раздался истошный вопль Мойры.

Бола высунул голову, секунду разглядывал нашу пятерку, после чего просигналил: «*Виноват*». Он подлетел к нам, и мы разделили все, что случилось в тот день.

Больше учителя не разбивали нас на такие команды.

Бейкер-роуд обрамляла Капустное озеро огромной буквой «С». Это было управляемое экологическое поселение, небольшая экосистема, населенная продуктами генной инженерии. Здесь заправляла семья Баскинов, действуя под эгидой Сверхдепартамента Экологии. Они пытались создать жизнеспособную озерную экосистему с биомассой из двадцати пяти отрядов. Обитатели отличались многообразием — от бобров и улиток до комаров. Множества комаров.

Взрослые бобры не обращали внимания на наши проказы в озере, зато бобрята сочли нас неотразимыми. По биопрограмме они рождались четверками. Их мысли расплывались по поверхности пруда радужными кругами, словно керосин, и мы почти их понимали, но не совсем. В воде наши феромоны становились бесполезными и даже тактильные подушечки плохо действовали. Стоило закрыть глаза и нырнуть поглубже, как мы превращались в пустую бездумную протоплазму, ни к кому и ни к чему не относящуюся.

Стром не любил плавать, но если мы все находились в воде, то и он тоже нырял, просто чтобы быть рядом. Я знала, почему он опасается воды, ощущала его беспокойство как собственное, но все равно не могла сдержаться — высмеивала нас за эти страхи.

Мы по очереди с бобрятами затягивали прогнившие бревна в воду и пытались утопить их в илистом дне, но взрослые бобры начали выражать недовольство, используя примитивный язык жестов: «*Мешаете работать. Портите дело. Скажем Баскинам*».

Мы поплыли к берегу и там обсохли на солнце. Мануэль вскарабкался на яблоню и набрал спелых плодов для всей компании. Мы отдыхали, зная, что скоро придется повернуть к

ферме. Стром сохранил кое-какие впечатления про запас.

«Для Мойры», — протелепатировал он нам.

Квонт встрепенулась, и мы все почувствовали тревогу.

«Дом, — просигналила она. — *Раньше его здесь не было».*

Она взобралась на крутой берег, и я подождала, пока ее мысли дойдут до меня по влажному воздуху, напоенному цветочными ароматами. Это был коттедж, стоявший недалеко от озера, как раз напротив сооруженной бобрами плотины. Его почти скрывали тополя, устраивавшие летом снегопад.

Я поискала в нашей памяти, пытаясь вспомнить, когда в последний раз мы были на озере, но ни один из нас не смотрел в ту сторону, так что, вполне возможно, дом стоял там с прошлого года.

«Баскины построили дачу», — протелепатировал Стром.

«Тогда почему их дом всего в миле отсюда?» — отозвался Мануэль.

«Вероятно, это домик для гостей», — просигналила я.

«Пойдемте выясним», — мысленно предложил Бола.

Все согласились, и, ощущая общее нетерпение, я подумала, что бы сказала Мойра об этом нашем вторжении на чужую территорию.

«Ее здесь нет».

Мы запрыгали по плоским камням, уложенным через не большой ручей, впадающий в озеро.

Под тополями земля казалась покрытой белым потертым ковром. Холод проникал сквозь нашу сырую одежду. Мы обошли ядовитый дуб с его пятипалыми листьями и трехпалый плющ.

Перед коттеджем стоял аэромобиль, припаркованный на небольшой полянке в тени деревьев.

«Коноджет 34-Джей, — просигналил Мануэль. — *Мы умеем такими управлять».* Действительно, еще год назад мы начали изучать пилотирование небольших аппаратов.

Весь кустарник перед коттеджем был вырублен, а освободившееся место заняли длинные цветочные клумбы вдоль всех стен. Чуть дальше от дома, на пятачке, хорошо освещенном солнцем, растянулся прямоугольный огород: я увидела томаты, тыквы, кабачки и стручковую фасоль.

— Никакая это не дача, — произнесла я вслух, потому что Квонт куда-то подевалась. — Здесь живут постоянно.

Мануэль обогнул огород, чтобы получше рассмотреть аэромобиль. Я почувствовала его восхищение — не какую-то конкретную мысль, а просто одобрительный кивок при виде мощной блестящей машины.

— Эй, ребятня, какого черта вы залезли в мой огород?

Дверь коттеджа с грохотом распахнулась, и мы вздрогнули, увидев, что к нам направляется какой-то мужчина.

Стром инстинктивно принял боевую стойку, наступив случайно на куст томата. Я заметила это, и он тут же шагнул в сторону, но мужчина тоже заметил и нахмурился.

— Проклятье!

Мы выстроились перед хозяином дома. Я возглавила нашу фалангу. Слева от меня, чуть позади, занял место Стром, затем построились Квонт, Бола, а за ним Мануэль. Место Мойры справа от меня пустовало.

— Ходите тут, топчете растения, что за дела?

Это был молодой человек, одетый в коричневую рубашку и бежевые штаны, черноволосый, худой, довольно хрупкий. Я предположила, что он связующее звено своей стайки, но тут мы все увидели, что у него нет ни сенсорных подушечек на ладонях, ни феромонных трубок на шее, вообще никаких средств взаимосвязи. К тому же он успел произнести целых три фразы, прежде чем мы сумели выдавить хоть слово.

— Простите, что мы наступили на ваше растение, — сказала я, подавив общее желание донести до него примирительные феромоны. Все равно бы он не понял. Перед нами стоял одиночка.

Мужчина перевел взгляд с поломанного куста на меня, а потом снова на куст.

— Чертов выводок, — сказал он. — Неужели вам не привили программу обычной вежливости? Живо убирайтесь из моего сада.

Бола захотел было поспорить, что, мол, земля здесь принадлежит Баскинам, но я закивала улыбаясь.

— Еще раз простите, мы немедленно уходим.

Мы попятились, а он приклеился к нам взглядом. Нет, не к нам, ко мне. Он смотрел на меня, я видела, как его темные глаза сверлят меня насквозь и видят то, что я хотела бы от него скрыть. Мои щеки залились неожиданным жарким румянцем, хотя я стояла в тени. Его взгляд был такой плотский, а я в ответ…

Я быстро спрятала эту мысль, но прежде остальные из моей команды успели уловить ее запах. Я поежилась, чувствуя, как сквозь меня просачивается упрек Мануэля, а затем и Квонт.

Я метнулась в лес, и моей команде ничего не оставалось, как последовать за мной.

Полутона их гнева смешались с моим чувством вины. Мне хотелось разбушеваться, завопить и начать крушить все направо и налево. Мы все были сексуальными существами, как в целом, так и по отдельности. Я не стала устраивать бунта, а просто отделилась от всех, и если Матушка Редд что-то и заметила, то ни

одна из них ничего не сказала. Наконец я поднялась по лестнице и пошла навестить Мойру.

— Не подходи близко, — прохрипела она.

Я присела на стул возле двери. В комнате пахло куриным бульоном и потом.

Мы с Мойрой идентичные близнецы, единственные в нашей стайке. Впрочем, между нами не такое уж великое сходство. Она носит короткую стрижку, а я отрастила волосы до плеч. Она на двадцать фунтов тяжелее, у нее округлое лицо, а у меня — заостренное. Мы больше смахиваем на двоюродных сестер, чем на близняшек.

Мойра приподнялась, внимательно всмотрелась в меня и тут же плюхнулась обратно на подушку.

— Вид у тебя невеселый.

Я бы выдала ей всю историю одним прикосновением к ладони, но она бы не позволила мне приблизиться. Я могла бы обрисовать все случившееся с помощью феромонов, но пока сомневалась, хочу ли я, чтобы она все узнала.

— Мы сегодня познакомились с одиночкой.

— Надо же. — Очень туманное замечание. Не имея возможности разделять мысли и воспоминания на химическом уровне, я потеряла представление о ее истинном настрое — циничном или искреннем, заинтересованном или скучающем.

— Возле озера Баскинов. Там появился коттедж… — Я выстроила сенсорное описание, но оно улетучилось. — Как это все-таки сложно. Неужели мне нельзя просто до тебя дотронуться?

— Только этого нам всем не хватало. Сначала я, потом ты, потом все остальные, так что через две недели, к началу учебного года, мы все сляжем. Нам нельзя болеть.

Той осенью нам предстояло приступить к тренировкам в невесомости. Все говорили, что именно тогда и начинался на стоящий отбор: учителя решали, какая стайка достаточно жизнеспособна, чтобы пилотировать наши звездные корабли.

Мойра кивнула.

— Так что там насчет одиночки? Кто он — луддит? Христианин?

— Ни то ни другое. У него есть аэромобиль. Он рассердился на нас за то, что мы наступили на его куст томата. А еще он… смотрел на меня.

— Ничего удивительного. Ты ведь наше связующее звено.

— Нет, он *смотрел* на меня. Как на женщину.

Мойра секунду помолчала.

— Вот как. И ты почувствовала…

Мои щеки вновь жарко зарделись.

— Что краснею.

— Вот как. — Мойра задумчиво уставилась в потолок и потом сказала: — Ты ведь знаешь, что мы все по отдельности сексуальные создания и в целом…

— Прекрати читать мне лекцию! — Иногда Мойра превращалась в настоящего педанта.

— Прости, — вздохнула она.

— Все в порядке.

Мойра хитро улыбнулась.

— Он хоть симпатичный?

— Перестань! — После паузы, я добавила: — Он красив. Мне жаль, что мы растоптали его куст томата.

— Так отнеси ему другой.

— Думаешь?

— Заодно выясни, кто он такой. Матушка Редд должна знать. И позвони Баскинам.

Мне хотелось обнять ее, но я ограничилась одной волной.

Раньше Матушка Редд занималась медициной, но когда одна из ее стайки умерла, она предпочла другую область деятельности, вместо того чтобы оставаться частью того терапевта, каким когда-то была. Она — всего когда-то существовало четыре клонированных женских особи, поэтому Матушка действительно была «она», с какой стороны ни взгляни, — переехала на ферму, а на лето брала ребят из университета на полный пансион. Это была добрая, сообразительная, даже мудрая женщина, но, стоило мне на нее взглянуть, я каждый раз невольно думала, насколько бы она была умнее, если бы состояла из четверки, а не жалкой троицы.

Я нашла Матушку Редд в теплице, где она поливала растения, собирала плоды и рассматривала гибрид огурца.

— В чем дело, милая? Почему ты одна? — поинтересовалась та, что изучала огурец под переносным микроскопом.

Я пожала плечами, мне не хотелось объяснять, почему я избегаю своей стайки, поэтому я сказала:

— Сегодня на озере Баскинов мы видели одиночку. Кто он такой?

Я уловила острый запах мыслей Матушки Редд. Хотя это был маловразумительный символический хаос, которым она всегда пользовалась, я поняла, что в мыслях у нее больше того, что можно сообщить, дав простой ответ. Наконец она произнесла:

— Малькольм Лито. Он один из Общины.

— Вот это да! Они же все… переселились. — Я

воспользовалась не тем словом. Квонт — вот кто знает точное название того, что случилось с двумя третями человечества. Люди создали Кольцо, потом огромный кибернетический организм Общины. Они экспоненциально развивали человеческие знания в физике, медицине и инженерии, пока в один прекрасный день не исчезли как единое целое, оставив пустыми и Кольцо и Землю, если не считать горстки людей, которые в свое время не присоединились к Общине и сумели выжить в хаосе Земных Генных войн.

— Этот человек не смог участвовать в Исходе, — сказала Матушка Редд. Именно это слово сразу бы пришло на ум Квонт. — С ним произошел какой-то несчастный случай, его тело поместили в замедленную реанимацию, с тем чтобы впоследствии оживить.

— Значит, он последний член Общины?

— Практически да.

— Спасибо. — Я отправилась на поиски остальной команды. Они оказались перед компьютером, играли виртуальную партию в шахматы с одним из наших одноклассников, Джоном Мишелем Грейди. Я вспомнила, что по четвергам мы посвящаем вечер хобби Квонт. Она увлекалась стратегическими играми.

Я коснулась руки Строма и погрузилась в сеть их мыслей. Оказалось, что мы проигрываем, хотя, с другой стороны, Грейди — сильный игрок, а пока я разгуливала в одиночестве, наша численность сократилась до четырех. Что это — неужели намек на недовольство членов стайки? Я не обратила на него внимания, а выложила все, что узнала от Матушки Редд об одиночке.

Все сразу позабыли о шахматной партии, сосредоточив свои мысли на мне.

«Он из Общины. Побывал в космосе».

«Почему он здесь? »

«Он пропустил Исход».

«Он красавчик».

Он побывал в космосе. В невесомости. На Кольце.

«Нам нужно с ним поговорить».

«Мы затоптали его куст томата».

«Мы возместим потерю».

«Да».

«Да».

— У нас в теплице найдется несколько растений, — сказал Стром. — Я могу пересадить одно из них в горшок в качестве подарка. — Хобби Строма — садоводство.

— Завтра? — спросила я.

Решение было мгновенным и единогласным. «*Да*».

На этот раз мы постучали, а не прятались за деревьями. Куст томата, который мы затоптали в прошлый раз, обрел былую форму, укрепленный подпоркой. На наш стук никто не ответил.

— Аэромобиль все еще здесь.

Домик не был таким большим, чтобы хозяин не мог нас услышать.

— Наверное, ушел погулять, — сказала я.

Мы снова были без Мойры. Ей уже стало лучше, но она все еще не покидала комнаты.

— Вот здесь, я думаю, — сказал Стром, указывая на местечко в конце ряда с кустами томатов. Он захватил с собой небольшую лопату и теперь начал рыть ямку.

Я достала из рюкзака лист бумаги и принялась сочинять записку, чтобы прикрепить ее к двери Малькольма Лито. Пять раз начинала: напишу несколько строк, потом скомкаю бумагу и засуну обратно в рюкзак. Наконец я успокоилась, сочинив следующее: «Простите, что наступили на куст. Мы принесли взамен новый».

Раздался выстрел. Я как раз сидела на корточках и обернулась на шум, выронив бумагу и ручку. Воздух наполнили феромоны, означавшие «беги-или-сражайся».

«Оружейный выстрел».

«Там. Одиночка. Он вооружен».

«Открыл огонь».

«Я его вижу».

«Разоружи».

Последняя команда принадлежала Строму, который в подобных ситуациях всегда брал бразды правления в свои руки. Он перекинул лопатку Бола, находившемуся справа от него, а тот с легкостью метнул инструмент.

Малькольм Лито стоял под тополями, направив дуло пистолета в воздух. Именно он вышел из леса и выстрелил. Лопатка ударила его по пальцам и выбила пистолет.

— Сукин сын! — завопил он, подпрыгивая на месте и тряся пальцами. — Проклятый выводок!

Мы приблизились. Стром вновь отошел на задний план, а я заняла его место.

Лито посмотрел на нас, потом на пистолет, но не двинулся с места, чтобы подобрать его.

— Ну что, вернулись, чтобы погубить остальные растения?

Я улыбнулась.

— Нет, мистер Лито. Мы пришли, чтобы извиниться, как добрые соседи. Не для того, чтобы в нас стреляли.

— Откуда мне было знать, что вы не воры? — сказал он.

— Здесь нет воров. Разве только, если доехать до Христианского анклава.

Он потер пальцы, затем усмехнулся.

— Угу. Наверное, так и есть. А вы опасная банда.

Стром мысленно подтолкнул меня, и я сказала:

— Мы принесли вам новый куст взамен того, что попортили.

— Неужели? Что ж, теперь я чувствую себя виноватым, что напугал вас. — Он перевел взгляд на меня. — Можно мне поднять пистолет? Вы не начнете опять швыряться лопатами?

— А вы не начнете опять палить? — Быть может, не стоило так язвить, обращаясь к последнему представителю Общины, но он вроде бы не обиделся.

— Ничья. — Лито поднял пистолет и направился к домику, пройдя сквозь нашу шеренгу.

Заметив последний куст в ряду со свежей землей вокруг него, он сказал:

— Надо было посадить его с другой стороны.

Я почувствовала, как во всех нас вскипело недовольство. Этому человеку не угодишь.

— Вы знаете, как меня зовут. Значит, и моя история вам тоже известна? — поинтересовался он.

— Нет. Мы просто знаем, что вы побывали на Кольце.

— Хм. — Он снова посмотрел на меня. — Полагаю, теперь мне следует по-соседски пригласить вас к себе. Входите же.

Домик состоял из одной-единственной комнаты, к ней примыкали кухня и ванная. Одинокая кушетка, с краю которой лежали подушка и свернутое одеяло, заменяла хозяину кровать.

— Как здесь вдруг стало тесно, — сказал Лито и, положив пистолет на стол, уселся на одну из двух табуреток. — Не хватает места для всех вас, хотя, с другой стороны, все вы один человек, не так ли? — Он смотрел на меня, когда произносил это.

— Мы все индивидуумы, — быстро ответила я. — Но мы так же функционируем как единое целое.

— Да, я в курсе. Выводок.

«Спроси его насчет Кольца. Спроси его, каково это жить в космосе».

— Садись, — сказал он, обращаясь ко мне. — Ты ведь, кажется, вожак.

— Я связующее звено, — сказала я и протянула ему руку. — Мы Аполло Пападопулос.

Он взял мою руку после секундного замешательства.

— А как вас зовут по отдельности?

Он сжимал мои пальцы, видимо, не собираясь отпускать их,

пока я не отвечу.

— Я Мида. А это Боло, Квонт, Стром и Мануэль.

— Рад познакомиться с тобой, Мида, — сказал он. Я вновь ощутила пронзительный взгляд и подавила свою физическую реакцию. — И с остальными тоже.

— Вы прибыли с Кольца, — сказала я. — Вы были одним из Общины?

Он вздохнул.

— Да, был.

— Каково это? Что собой представляет космос? Из нас готовят пилота звездного корабля.

Лито посмотрел на меня, слегка вздернув бровь.

— Ты хочешь знать мою историю?

— Да.

— Ладно. Я до сих пор никому ее не рассказывал. — Он помолчал. — Тебя не удивляет такое совпадение, что меня помещают неизвестно куда, вдали от всего, но оказывается, что поблизости обитает один из их выводков космических пилотов?

— Я предполагала, что вы очередной наш тест. — Мы научились видеть во всем происходящем испытательную проверку.

— Скороспелый вывод. Так вот, моя история: Малькольм Лито, последний или первый в своем роде.

Ты даже не можешь представить, чем была эта Община. Тебе не понять ее размеров. Шесть миллиардов, связанных в одну коммуну. Шесть миллиардов как один человек.

Это был величайший из когда-либо созданных синтез человечества, синергетический разум человека и машины. Я был его частью какое-то время, а затем он исчез, а я все еще здесь. Община удалила себя из этой реальности, исчезла, а меня оставила. Я был разработчиком биочипов. Выращивал молекулярные процессоры, с помощью которых мы подсоединялись к Общине. Вроде того, что трансплантирован в основание ваших черепов, соединяя четыре доли и мозжечок.

Мы работали над проблемой большей пропускной способности. Основные положения были уже определены. Мы — то есть я, Джиллиан и Генри — пытались добиться лучшей проводимости между электрохимической пульсацией мозга и чипами. Это было самое узкое место нашего исследования: мозг работает очень медленно.

Нам была поручена конкретная область разработок, как и сотне тысяч других ученых. Могло случиться и так, что пока ты спишь, кто-то ночью закроет целое направление исследований. Община собирала конечную научную информацию. Иногда мы

совершали основополагающие открытия, менявшие жизнь тысяч людей. Но обычно мы просто потихоньку продвигались вперед, сгружая полученные результаты и ожидая новой темы исследований.

Работа продвигалась со скоростью, которую мы как индивидуумы едва могли оценить, пока наконец с головой не погрузились в дело Общины. Только тогда нам стал ясен весь план. Теперь я не способен даже приблизительно его охватить, но он засел в моей голове гвоздем.

Он касался не только моей области технологии, он касался всего. Человечеству понадобился век, чтобы пройти путь от лошадиных повозок до космических лифтов. Нам хватило полгода, чтобы проделать путь от кубов неопределенности до гейзенберговской схемы «И», после чего, через двадцать дней, мы уже освоили квантовые процессоры и кубиты 14-го порядка.

Ты права. Это действительно похоже на машину, потерявшую управление, несущуюся на полной скорости по склону. Но на самом деле это было упорядоченное развитие науки и технологии, все под контролем, все под началом Общины.

Мы проводили в Общине почти все время — когда работали, когда отдыхали и когда спали. Некоторые даже занимались любовью, не удосужившись отсоединить контакты. Полный эксгибиционизм. Разумеется, нельзя сутки напролет оставаться подсоединенным. Каждый нуждался в передышке. Но, отделяясь от Общины, ты словно отделялся от половины самого себя.

Вот каково это было.

Все вместе, ячейки одной сети, мы видели перед собой цель, все люди Земли, объединенные в один разум, шли вперед-вперед-вперед к конечной цели — к Исходу.

По крайней мере, мне кажется, что это и была цель. Теперь все вспоминается с трудом. Но все они исчезли, а я остался. Выходит, им удалось совершить намеченное.

Только меня с ними не было, когда это произошло.

Я не виню Генри. Я бы поступил точно так же, если бы лучший друг завел шашни с моей женой.

Другое дело — Джиллиан.

Она говорила, что мы с ней родственные души, но тем не менее, когда двадцать шесть лет спустя я вышел из морозильной камеры, она исчезла, как и все остальные.

Можно было бы подумать, что внутри Общины такие вещи, как брак, становились ненужными. Можно было бы подумать, что общему разуму больше пристал общий секс. Такие мысли и заставляли некоторых сторониться Общины.

Как бы там ни было, Генри провел неделю в отсеке 214 с

группой исследователей, а в его отсутствие мы с Джиллиан образовали своего рода собственную общину. Я был знаком с Джиллиан почти столько же, сколько с Генри. Мы принадлежали к первой волне эмигрантов, попавших на Кольцо, а дружили мы еще со школьных времен, прошедших в Энн-Арбор. Познакомились мы с Джиллиан и ее подругой Робин в каком то кафе. Моему другу Генри больше были по вкусу высокие девушки, поэтому он выбрал Джиллиан. А мои отношения с Робин просуществовали ровно до следующего утра. Джиллиан и Генри поженились.

Она была красивой женщиной. Каштановые волосы, как у тебя. Хорошая фигура. Умела рассказывать анекдоты. Умела… Впрочем, не стоит сейчас об этом.

Друг семьи заводит шашни с женой. Вы наверняка слышали подобные грустные истории и раньше. Хотя, может быть, выводкам их не рассказывают. Но поверьте мне. История грустная.

Уверен, Генри не понадобилось много времени, чтобы узнать о случившемся. Община видит все.

Но он довольно долго планировал месть. И когда осуществил задуманное — бац! — мне пришел конец.

Мы как раз разрабатывали новые звенья для затылочной доли мозга, чтобы улучшить визуальный ряд во время общения — удивительное по своей сути изобретение. Генри провел испытания и выяснил, что штуковина действует безопасно, вот я и вызвался проверить ее на себе.

Странно. Помню, что добровольно решил участвовать в опыте, но не помню, что именно говорил Генри, каким образом он манипулировал мной, чтобы я сам вызвался испытать изобретение. Именно так он поступил, заставил меня поверить, будто это мое решение.

Новшество оказалось несовместимым с моими данными. Когда я его подключил, нервные траектории в коре головного мозга расплавились. Цепь замкнулась. Я превратился в растение.

Община поместила мое тело в замедленную реанимацию, чтобы восстановить мой мозг. Для Общины не существовало ничего невозможного. Просто некоторые задачи требуют длительного времени, как, например, восстановление мозга. Спустя полгода произошел Исход, а аппаратура Кольца все еще работала над моим мозгом. В течение двадцати шести лет, не спеша, без участия человека она работала, восстанавливая мой мозг, пока три месяца тому назад цикл не закончился. Аппаратура восстановила меня, единственного человека, оставшегося после Исхода.

Иногда мне снится, что я — часть Общины. Что стоит мне открыть глаза, и я стану частью целого. Поначалу это были кошмары, но теперь они превратились в обыкновенные сны. Квантовые компьютеры до сих пор стоят там, опустошенные, и чего-то ждут. Может быть, им тоже снится Община.

На этот раз все будет проще. Наука здорово продвинулась вперед. До второго Исхода осталось всего несколько месяцев. Мне только и нужно, что собрать миллиард людей.

Вечер моего хобби, вместо того чтобы рисовать, мы просидели в Интернете.

Оказалось, что Малькольм Лито спустился на Землю на космическом лифте в местечке Макапа два месяца тому назад, удивив Сверхправительство Бразилии. Кольцо продолжало подавать микроволновую энергию на все приемные станции, но в космосе никто больше не жил и не использовал космические лифты, расположенные на экваторе. Никто и не мог этого сделать без интерфейса.

Новость о прибытии Лито так и не добралась до Северной Америки, но в архивах хранились интервью, в которых он точно так же отзывался об Общине, как рассказывал нам, и сожалел, что пропустил Исход. Пару недель Сеть о нем умалчивала, пока наконец он не подал в бразильский суд заявление с просьбой признать в нем владельца Кольца на основании того, что он последний член Общины.

Сверхправительство так и не попыталось населить Кольцо. С какой стати преодолевать интерфейсный доступ к лифтам, когда население Земли не достигло и полумиллиарда. Почти все, кто отказался участвовать в Исходе, погибли в Генных войнах. Сверхправительству понадобилось почти три десятилетия, чтобы построить звездные корабли, создать собственную сеть лифтов со сверхминиатюрными датчиками и наладить сообщение между околоземной орбитой и точками Лагранжа.

Никто больше не пользовался квантовыми компьютерами. Ни у кого больше не было интерфейса, да и специалистов для его создания тоже не было. Человеческая раса потеряла интерес к этому направлению. Мы были нацелены на звезды и на самих себя. Все мы, исключая тех, кто не подчинялся сверхправительству, хотя находился ниже его.

Резолюция по делу Лито не была опубликована. Еще неделю назад оно находилось в списке дел к слушанию в южноамериканском суде, а потом вдруг оказалось переброшено в Сверхправительственный Суд.

«Он пытается создать еще одну Общину».

«Он хочет украсть Кольцо».

«Разве оно наше?»

«Он одинок».

«Нам нужна Мойра».

«Он хочет, чтобы мы ему помогли. Поэтому и поделился своей историей».

«Ничем он с нами не делился. Он Миде рассказывал».

«Мида ему нравится».

— Прекратите! — Я сжала кулаки, чтобы не принимать больше их мысли.

Стайка удивленно посмотрела на меня, не понимая, с чего вдруг я сорвалась.

Внезапно до меня дошло, что я смотрю не на себя, а на них. Такое ощущение, будто между нами вставили нож.

Я метнулась наверх.

— Мида! Что случилось?

Я упала на пол в комнате Мойры.

— Почему они такие ревнивые?

— Кто, Мида? Кто?

— Они! Остальные из наших.

— А-а. Одиночка.

Я взглянула на нее, надеясь, что она поняла. Хотя, как бы ей это удалось, ведь она не читала мои мысли.

— Я познакомилась с твоим исследованием. Мида, он потенциальный псих. Ему пришлось пережить огромную потерю и очнуться в мире, совершенно не похожем на тот, какой он помнит.

— Он хочет воссоздать тот мир.

— В этом и состоит его психоз.

— Общине многое удалось. Там были сделаны открытия, которых мы не понимаем даже сейчас, спустя десятилетия. Что дурного в его стремлении?

— Существует общепринятое мнение, что Исход завершил естественную эволюцию человечества. А что, если он не был естественным? Что, если Исход означал смерть? Лично мы не пропустили Исхода, мы избежали его. Мы пережили Общину точно так же, как Лито. Так неужели мы теперь захотим повторить его горестную судьбу?

— Ну, а теперь кто рассуждает как псих?

— Сверхправительство никогда не позволит ему вернуться на Кольцо. Значит, он навсегда останется один, — сказала я.

— Он может поселиться в каком-нибудь анклаве одиночек. Там все живут по одному.

— Однажды утром он проснулся и оказалось, что его больше

нет.

— Мида! — Мойра села в постели, яйцо ее стало серым. — Возьми меня за руку! — Она протянула руку, и я уловила феромоны ее мыслей.

Вместо того чтобы раскрыться перед ней, я покинула комнату, покинула дом, уйдя в мокрую ночь.

В домике горел свет. Я долго стояла, спрашивая себя, что, интересно, я тут делаю? Конечно, мы проводим время врозь, но только не в подобных ситуациях: вне дома, когда нельзя мгновенно связаться друг с другом. Я оказалась в нескольких милях от остальной себя. Тем не менее Малькольм Лито находился еще дальше.

У меня возникло такое ощущение, будто я утратила половину своих знаний. А еще мне казалось, будто все мои мысли искажены. Зато все, что я чувствовала и думала, было моей собственностью.

«Никакого единодушия».

Точно так же, как его не было и у Малькольма. У одиночек и так все решения единодушны. С этой мыслью я постучала в дверь.

Он появился на пороге в одних шортах. По моему телу пробежала дрожь, которую пришлось бы скрывать, окажись рядом моя стайка.

— А где твой выводок?

— Дома.

— Там ему и место. — Он повернулся, оставив дверь широко открытой. — Заходи.

На столе лежала небольшая металлическая коробочка. Он уселся прямо перед ней. И тут я впервые заметила на его затылке, там где заканчивалась прическа, небольшой кружок с серебряной каймой.

— Это интерфейсная коробка. Теперь такие вне закона! — Когда случился Исход, большая часть технологий, связанных с интерфейсом, основой существования Общины, оказалась под запретом.

— Да. Но запретов против них больше нет. Десять лет назад Сверхправительство отменило их, но никто этого не заметил. Моему адвокату удалось отыскать новый закон и переслать мне на орбиту. — Он выдернул из головы проводок и швырнул к коробочке. — Все это теперь бесполезно.

— Разве у тебя нет доступа к Кольцу?

— Есть, конечно, но это все равно что пытаться переплыть океан в одиночку. — Он искоса посмотрел на меня долгим взглядом. — А знаешь, я мог бы и тебе сделать такой же. Мог бы

создать тебе интерфейс.

Я поежилась.

— Нет! — не раздумывая отрезала я. — Мне…

Он улыбнулся, наверное, впервые за все то время, что мы с ним общались. Улыбка совершенно преобразила его лицо.

— Понимаю. Не хочешь ли выпить? У меня есть несколько смесей. Посиди, я сейчас.

— Нет, — сказала я. — Я просто… — Тут до меня дошло, что как вожак стайки я не слишком ясно выражаю свои мысли. И тогда я взглянула прямо в его глаза. — Я пришла, чтобы поговорить с тобой, одна.

— Ценю твой жест. Я знаю, как тебе неприятно разлучаться с остальными.

— А я даже не подозревала, что тебе столько о нас известно.

— В мое время уже начали работать над созданием мультиплицированных людей. Я следил за этим проектом, — сказал он. — Вроде бы не все удавалось. Помню статьи, где описывались провалы — у них получались умственно отсталые или несдержанные создания.

— Но когда это было! Матушка Редд из тех времен, и она великолепный врач. И со мной все в порядке…

Он поднял руку.

— Постой, постой! Технология интерфейсов тоже знала множество провалов… Меня, например, здесь бы вообще не было, если бы она была полностью безопасна.

Его одиночество напоминало каменную скалу.

— Почему ты здесь, а не в одном из анклавов для одиночек?

Он пожал плечами.

— Здесь или на краю света — везде одно и то же. — Он едва заметно улыбнулся. — Я последний из исчезнувшего племени. Значит, ты собираешься стать капитаном звездного корабля, ты и твоя команда?

— Да, собираюсь… Собираемся, — ответила я.

— В таком случае, желаю удачи. Может быть, тебе удастся разыскать Общину, — сказал он. Вид у него был усталый.

— Значит, вот что случилось? Они улетели в открытый космос?

Он очень удивился.

— Нет. Возможно. Я почти… не помню. — Лито улыбнулся. — Так бывает, когда напьешься и понимаешь, что нужно протрезветь, но в то же время не способен ни на что.

— Ясно, — сказала я и взяла его руку. Ладонь была сухой и гладкой.

Он пожал мою руку и поднялся, приведя меня в полное

смятение. Внутри я чувствовала какую-то заторможенность, но в то же время ощущала его каждой порой. Разумеется, мы знали, что такое секс. Мы его изучали. Но никакого опыта у нас не было. Я не представляла, о чем сейчас думает Малькольм. Будь он мультиплицирован, будь он одним из стайки, я бы поняла.

— Мне пора, — сказала я, вставая.

Я надеялась, что он хоть что-то скажет, пока я иду до двери, но он промолчал. Я чувствовала, как у меня горят щеки. Вдруг я превратилась в глупенькую маленькую девочку. Без стаи я ничего не совершила, только лишь поставила их в неловкое положение, то есть себя.

Я закрыла за собой дверь и побежала к лесу.

— Мида!

Он стоял на пороге, освещенный со спины желтым светом, а потому казался черным силуэтом.

— Прости, что чересчур увлекся собственными бедами. Из меня плохой хозяин. Почему бы тебе?… — Я подбежала к нему в три шага и поцеловала в губы. И ощутила легкий вкус его мыслей, его возбуждения.

— Почему бы мне… что? — поинтересовалась я спустя мгновение.

— Снова не войти.

Я… то есть они… вышли меня встречать на следующее утро, когда я возвращалась на ферму. Я знала, что они придут. Мне хотелось провести остаток дня с моим любовником, но в то же время я ничего так не жаждала, как побыть наедине с собой, вдыхая новый запах, прилипший ко мне, и доказать самой себе… понятия не имею, что мне хотелось доказать. Возможно, то, что я вовсе не нуждаюсь в целой команде, чтобы быть счастливой. Я не нуждаюсь в них, в нас, чтобы быть цельной личностью.

— Помнишь Веронику Пруст? — спросила Мойра, останавливаясь в дверях кухни, пока остальные выстраивались за ее спиной. Разумеется, когда я ушла, она взяла бразды правления в свои руки. Разумеется, теперь она начнет цитировать прецеденты из прошлого.

— Помню, — ответила я, держась подальше, чтобы не испытывать действия феромонов. Я чувствовала запах гнева и страха. Значит, я напугала саму себя.

«Хорошо», — мелькнуло у меня в голове.

— Она собиралась стать капитаном звездного корабля, — продолжала Мойра.

Мы все помнили Пруст; она была на два года старше нас. Обычно, если стайку разделяли, то делали это в младенчестве,

давая им время измениться, но в случае с Вероникой поступили иначе: ее разделили на пару и четверку. Пара так и осталась вместе, а четверку перевели в инженерную школу, откуда впоследствии она была исключена.

— Уже нет, — сказала я и, растолкав стайку, прошла на кухню, а когда сделала это, то скомкала воспоминания о проклятом Малькольме и метнула их как камень.

Они увернулись. Я прошла наверх в нашу комнату и начала складывать вещи. Стайка даже не потрудилась подняться за мной, и это меня разозлило еще больше. Я пошвыряла одежду в сумку и смела безделушки на комоде в сторону. Что-то сверкнуло в образовавшейся горке. Это был жеод, найденный Стромом однажды летом, когда мы летали в пустыню. Он тогда разрезал пополам и вручную отполировал минерал.

Я взяла его в руки, провела пальцем по гладкой поверхности и острым кристалликам в центре. Вместо того чтобы положить минерал к остальным вещам, я вернула его на комод и застегнула сумку.

— Собралась куда-то?

В дверях стояла Матушка Редд, ее лицо ничего не выражало.

— Ты уже позвонила доктору Халиду? — спросила я.

Это был наш терапевт, наш психолог и, возможно, наш отец. Матушка пожала плечами.

— И что бы я ему сказала? Нельзя заставить стайку оставаться вместе.

— Я не разбиваю нашу стайку! — сказала я. Но как она не понимала?! Я была личностью сама по себе. Мне вовсе не нужно было ощущать себя частью *чего-то целого.*

— Ты просто самостоятельно отправляешься куда-то. Я все понимаю. — Ее сарказм больно меня резанул, но не успела я ответить, как она ушла.

Я сбежала вниз и выскочила из дома через парадную дверь, чтобы не пришлось сталкиваться с остальными из стайки. Я не хотела, чтобы они ощутили мою вину. Всю дорогу до коттеджа Малькольма я бежала. Он работал в саду. Когда я появилась, он обнял меня.

— Мида, Мида, что случилось?

— Ничего, — прошептала я.

— Зачем ты туда возвращалась? Мы могли бы послать за твоими вещами.

И тогда я сказала:

— Я хочу, чтобы ты сделал для меня интерфейс.

Процедура оказалась простой. У него был сверхминиатюрный подкожный чип, который он приставил к моему затылку. Шее

стало холодно, и этот холодок начал расползаться по черепу и вниз по позвоночнику. Я почувствовала укол, и по коже побежали мурашки.

— Сейчас я введу анестезию, чтобы ты поспала часок, — сказал Малькольм. — Так будет лучше всего.

— Ладно, — сказала я, сразу впадая в полусон.

Мне снилось, что пауки заползают по моему оптическому нерву прямо в мозг, что уховертки снуют вокруг моих ушных раковин, что пиявки вцепились во все пальцы. Но как только они проползли по моим рукам и добрались до мозга, передо мной отворилась какая-то дверь, словно наступил рассвет, и я оказалась где-то в другом месте, в другое время, и все это было не лишено логики, как случается во сне. Я понимала, почему оказалась там, где находилась Община и почему она покинула Землю.

— Привет, Мида, — сказал Малькольм.

— Мне снится сон.

— Уже нет, — произнес его голос. Казалось, он исходит от яркой точки передо мной. — Я подсоединил тебя к интерфейсной коробке. Все прошло отлично.

Я заговорила, сама того не желая:

— Меня беспокоило, вдруг мои генетические модули создадут проблему. — Мне казалось, будто я все еще во сне. Слова вырывались помимо моей воли. — Я вовсе не собиралась это говорить. По-моему, я все еще сплю. — Попыталась замолчать. — Никак не могу замолчать.

Я почувствовала, что Малькольм улыбается.

— Но ведь ты молчишь. Позволь, я продемонстрирую тебе возможности Общины.

Несколько часов он учил меня манипулировать реальностью с помощью интерфейсной коробочки. Теперь я могла протянуть руку и схватить ее так, словно моя рука превратилась в лопату, молоток, кусок наждачной бумаги или ткани.

— У тебя хорошо получается, — сказал он, по-прежнему оставаясь ярким пятном в поседевшем зеленом саду, который мы когда-то создали в древнем пустом городе. Со стен дома свисал плющ, в его ветках сновали какие-то блестящие твари. От влажной почвы шел плесневелый запах, он смешивался с запахом кизила, высаженного по краю сада.

Я улыбалась, сознавая, что Лито теперь видит даже мои эмоции. Он видит меня всю, словно стал одним из моей стайки. Я была перед ним как на ладони, хотя он по-прежнему оставался в стороне.

— Уже скоро, — сказал Малькольм, когда я протянула руку к

его свету, а затем обнял меня, и мы снова занялись любовью в саду, и трава щекотала мне спину тысячью язычков.

Потом наступило золотистое блаженство, и лицо Малькольма выплыло из светящегося шара, глаза его были закрыты. Пока я всматривалась в его лицо, оно расширялось передо мной, и вот я уже падаю в его левую ноздрю, проникаю в его череп, и он весь передо мной открыт как на ладони.

В саду, рядом со стеной, затянутой плющом, меня начало рвать. Даже сквозь виртуальную реальность интерфейсной коробочки я ощутила вкус собственной желчи. Малькольм солгал мне.

Я потеряла контроль над собственным телом. Интерфейсная коробочка лежала на кушетке рядом со мной, как было, когда мы только начали, но псевдореальность исчезла. Малькольм был где-то за спиной — я слышала, как он складывает вещи в сумку, — но я не могла заставить свою голову повернуться.

— Мы направимся к лифту Белем. Как только достигнем Кольца, мы будем в безопасности. Они до нас не доберутся. Потом им придется иметь дело со мной.

На стене виднелось размытое водяное пятно, от которого я никак не могла оторвать взгляда.

— Мы наберем людей из анклавов одиночек. Возможно, они не ответят на мой призыв, но им придется признать мою силу.

Мои глаза налились слезами, но пятно тут было ни при чем. Он использовал меня, а я, глупая девчонка, попалась на его крючок. Он соблазнил меня, я была для него закладом, ценной вещью, чтобы начать торги.

— Возможно, понадобится целое поколение. Хотя я надеюсь, что это не так. На Кольце найдется оборудование для клонирования. У тебя отличные данные, а если воспитывать клонов с рождения, то они получаются гораздо уступчивее.

Если бы он заполучил меня, часть одного из звездных экипажей, то, как ему казалось, он был бы защищен от Сверхправительства. Но он не знал, что наша стайка разделена. Он не подозревал, насколько все это бесполезно.

— Ладно, Мида. Пора в дорогу.

Краем глаза я увидела, как он подсоединяет провод к своему интерфейсу, и ноги сами подняли меня с кушетки. Меня охватила ярость, и из шеи вырвался вулкан феромонов.

— Господи, что это за вонь?

Феромоны! Его интерфейс контролировал мое тело, мою глотку, мой язык, мое влагалище, но только не мои модули. Он упустил это из виду. Я кричала что было сил, изрыгая запах из гланд. Запах гнева, страха, отвращения.

Малькольм открыл дверь и принялся двигать ею как гигантским опахалом. На его поясе висело оружие.

— По дороге раздобудем для тебя духи. — Он исчез за порогом с двумя сумками, одна из которых была моей, а я осталась стоять, держа на вытянутых руках интерфейсную коробочку.

Я продолжала вопить, насыщая воздух словами, пока мои гланды не опустошились и моя автономная нервная система не заставила меня замолчать. Я напряженно вслушивалась в то, что происходит за дверью, но снаружи стояла тишина.

Снова появился Малькольм.

— Пошли.

Ноги сами засеменили, выводя меня из домика. Перешагнув порог, я ощутила наши мысли. Стайка была где-то там, слишком далеко, чтобы я что-то поняла, но все-таки рядом.

Остатком феромонов я просигналила: «*На помощь!*»

— Забирайся в машину, — велел Лито.

Что-то дернуло меня за шею, все тело скрутило спазмом, и я рухнула, но прежде заметила на крыше домика Мануэля, державшего в руке интерфейсную коробочку.

Лито выхватил пистолет и молниеносно развернулся.

Что-то пролетело мимо меня, Лито вскрикнул и выронил пистолет. Я поднялась и на шатких ногах побежала в лес. Там меня кто-то поймал, и вдруг я оказалась среди своих.

Я уткнулась лицом в грудь Строма, прижала ладони к его ладоням и увидела другими глазами — глазами Мойры! — как Лито неловко забрался в аэромобиль и завел турбины.

«Он далеко не уедет».

«Мы повозились с его водородным регулятором».

«А еще развернули габаритки внутрь».

«Спасибо, что пришли. Простите».

Я чувствовала себя грязной и опустошенной. С трудом находила слова. Я передала им все, что случилось, все, что натворила, все мои глупые мысли. Я ожидала почувствовать их гнев, ожидала, что они откажутся от меня и уйдут, бросив у этого домика.

«Ты так и не поумнела», — упрекнула меня Мойра. Стром дотронулся до болезненной точки на шее, там где находился интерфейсный разъем.

«Все прощено, Мида».

Это единодушие было как сок зрелого фрукта, как свет далекой звезды.

«Все прощено».

Рука в руке, рука в руке, мы вернулись на ферму, разделив

между собой все, что случилось в тот день.

М. Шейн Белл — Аномальные структуры моих грез

Michael Shayne Bell. Anomalous Structures of my Dreams (2003). Перевод О. Квасовой

Произведения Шейн Белла впервые были представлены вниманию публики в 1986 году, когда он завоевал первую премию на конкурсе «Писатели будущего». С тех пор он опубликовал в «Asimov's» ряд повестей, в том числе вошедшую в шортлист «Хьюго» «Mrs. Linkoln's China», и несколько рассказов, объединенных в своего рода цикл о жизни Африки в будущем. Он также публиковался в журналах «Amazing», «The Magazine of Fantasy and Science Fictions», «Realm of Fantasy», «Pulphouses», «Starlight 2», «Vanishing Acts» и других. Белл опубликовал свой первый роман «Nicoji», который получил прекрасные отзывы, и издал антологию рассказов писателей штата Юта «Washed by a Wave of Wind: Science Fiction from the Corridor». Его последнее произведение — сборник «How We Play the Game in Salt Lake and Other Stories». Ш. Белл является магистром гуманитарных наук Молодежного университета Биргхема и живет в Солт-Лэйк-Сити, штат Юта. В этом рассказе он повествует о ВИЧ-инфицированном пациенте, который был заражен в больнице совершенно неизвестным вирусом, и появление этого нового штамма может привести к абсолютно непредсказуемым последствиям для всего мира.

* * *

Разумеется, отдельной палаты мне не предоставили — федеральная программа здравоохранения просто не оплатит такую. И никому нет дела, что соседняя пуста. Поэтому я должен лежать в компании с кем-то еще. Когда тебе плохо и ты в больнице, меньше всего хочется, чтоб чужие люди — сосед по палате, его родственники — видели твои страдания. Но держать двух пациентов в одной палате дешевле — и точка. А если ты недоволен, что вокруг постоянно толкутся какие-то люди… что ж, можешь высказать претензии лично им.

Привезли меня в конце дня. Мужчина на соседней койке, хрипло дыша, наблюдал, как меня устраивают. Он не произнес ни слова, а его сиделки — миниатюрная жена и, судя по всему, дочь

— вышли, чтобы не мешать медсестрам. Я кивнул соседу — это все, что я мог сделать, ибо сестра в этот момент укладывала меня на нелепой больничной кровати, ставила капельницу и делала укол антибиотика.

— Я могу вам еще чем-нибудь помочь? — прощебетала одна из медсестер, словно исполняя свою маленькую роль в этой драме.

А я подумал: «Да, можете. Выпустите меня. Сделайте так, чтобы мне полегчало и я смог поскорее убраться отсюда».

Посетители ушли, настала ночь, телепередачи закончились, но мы оба лежим без сна. Мой сосед кашляет, стараясь делать это потише, у меня тоже першит в горле.

— Из-за чего ты здесь? — неожиданно спрашивает меня сосед через занавеску, разделяющую кровати. Вопрос звучит так, словно мы преступники, обсуждающие свои статьи и сроки.

— Пневмония, — говорю я. — Это не заразно.

Не хочется объяснять ему, что у меня ПСП-пневмония и что эта зараза, вкупе со СПИДом, скоро убьет меня, если только доктор не успеет это сделать раньше. Моя иммунная система больше не может бороться с вирусами.

— У меня тоже пневмония, — сказал он, тяжело дыша, и закашлялся.

Нет сомнений — я обречен. Я лежу в одной палате с носителем вируса, смертельного для меня. Смогу ли я бороться с этим?

— А что за пневмония? — спрашиваю я.

— Они не знают, — звучит в ответ. — Что-то очень редкое.

Позднее, когда он заснул, я вытащил из вены иглу, отключил подачу кислорода и, плотнее запахнув халат, направился в регистратуру, где спросил у дежурной медсестры насчет моего соседа. Мне казалось, я имею право на эту информацию.

— Вам не о чем беспокоиться, — заверила меня она, — мистер Шамберг вас не заразит. Скоро он пойдет на поправку.

— Но если у него другой вирус, не такой, как у меня, я могу заразиться! Это же опасно.

— Ваш лечащий врач не возражала, чтобы мы вас поместили в одной палате. Утром можете сами поговорить с ней, но я уверена, все будет в порядке.

Вот и все, что она сказала. Врачебная этика запрещает ей говорить что-то конкретное о здоровье моего соседа. А вернувшись в палату, я увидал, что и у него теперь тоже капельница, как у меня. Стало быть, и за него взялись всерьез… Интересно, что у него за вирус?

Даже я заметил, что к утру моему соседу поплохело. Да что

там — стало много хуже! Кашель его вконец измотал, и дежурная сестра поставила капельницу сперва ему, а потом уже мне.

Мерзкое ощущение, когда холодное лекарство проникает в вену и постепенно доходит до сердца и мозга. Не понимаю, почему медсестры не могут вводить лекарство теплым или хотя бы оставлять его на тумбочке, чтобы оно нагрелось до комнатной температуры. Нет, они всегда берут лекарство прямо из холодильника и совершенно ледяным вводят в вену. Когда я в последний раз лежал в больнице, то просил их согревать лекарство, но до желаний пациента никому нет дела. В этот раз я уже ни о чем не стал просить, лишь поплотнее укутался в одеяло. Когда медсестра вышла, сосед включил футбол по телевизору, хотя совершенно не следил за игрой, — вместо этого позвонил жене и спросил, почему та до сих пор не пришла его навестить. Я ощутил тоску, поймав себя на мысли, что тоже хотел бы, чтоб ко мне приходили посетители, приносили цветы, газеты, сплетни… Но я слишком давно болею, чтобы у меня оставались друзья. Самыми близкими для меня людьми стали мой врач и персонал аптеки и службы доставки продуктов на дом. Моя младшая сестра живет в Миннеаполисе и, думаю, вполне могла бы мне позвонить.

Если бы я сообщил ей, что лежу в больнице, она бы непременно позвонила.

Жена навестила моего соседа до начала обхода. Я слышал, как миссис Шамберг поцеловала мужа и прошептала несколько слов, затем вышла из-за занавески и слегка нервозно улыбнулась мне. С собой она принесла букетик сирени, который поставила на мою тумбочку, в банку из-под огурцов, с которой оборвала этикетку.

— Большое вам спасибо, — сказал я, и на глазах у меня выступили слезы.

СПИД, кроме прочего, совершенно расстроил мои нервы. От этого у меня постоянно болит голова и глаза на мокром месте. Я совершенно не в состоянии себя сдержать, могу расплакаться из-за любой ерунды, например, из-за того, что кончился шампунь или счет за свет пришел на день раньше… Ничего не могу с собой поделать. Из-за неожиданного участия, проявленного этой женщиной, глаза мои наполнились слезами, но меня абсолютно не волновала мысль, что слезы текут по щекам и она это видит.

— Надеюсь, вам скоро станет лучше, — сказала миссис Шамберг, потрепав меня по колену, и вернулась к мужу за занавеску. Я откинулся на подушки, вытер слезы и вдохнул аромат сирени вперемешку с неистребимым запахом маринада. У меня не было сил спросить ее имя, а она не поинтересовалась моим.

Мой доктор наскоро осмотрела меня, назначила двойную дозу тэйлинола, чтобы сбить температуру, и отправилась обратно в клинику. Интерны тоже начали осмотр пациентов, а где-то через час явились и врачи мистера Шамберга, их было трое. Мы лежали в больнице, где проходят практику студенты, поэтому не стоило удивляться, когда в палату вваливалась целая группа. Но среди этих троих, насколько я знал, не было ни одного интерна. Прежде всего они выключили телевизор и задернули занавески у соседней койки.

Я лежал на спине, закрыв глаза, и невольно слышал все, о чем они говорили. Через некоторое время я заметил, что они не задают стандартных вопросов. Они спрашивали в основном о работе мистера Шамберга, а не о том, как он себя чувствует.

— … Я же работаю в исследовательском отделе, — говорил сосед, — и всегда пользуюсь маской, перчатками и надеваю этот жуткий термокостюм.

— А вы не могли, ну, скажем, вдохнуть их?

— Нет, там стекло биозащиты и стальной экран. К тому же на мне термокомбинезон… Не думаю, что это возможно. — Тут он замолчал и сильно раскашлялся. — Я не смог бы заразиться, даже если бы захотел, — продолжил он, вновь обретя способность говорить.

— Мой муж очень аккуратен, — послышался голос его жены.

— Улучшений нет, и мы пытаемся понять, может, причиной заболевания послужил какой-то другой фактор, на который мы сперва не обратили внимания, — сказал один из врачей.

— Как вы работаете с ними? — спросил другой.

— Ну, перед тем как войти в испытательный бокс, я надеваю защитный костюм и специальные перчатки для управления роботом, а тот находится в герметичном помещении. Входить туда запрещено. Этот робот и выполняет всю работу, а у меня особые очки-проектор, через которые я вижу все, что делаю… У меня нет абсолютно никакого контакта с объектом. — Тут у него опять случился приступ кашля.

— Пожалуйста, наклонитесь вперед.

Так они и разговаривали, между делом прослушивая его легкие. Из-за температуры и холодного лекарства в капельнице меня бил озноб, поэтому я слушал их не слишком внимательно.

Врачи взяли у нас мокроту для анализа. Позже они вернулись, чтобы взять у моего соседа повторный анализ, в полдень, и еще раз — в пять часов. После его увезли на кресле-каталке, чтобы сделать снимок легких. Вечером пришла Анна, его дочь, чтобы побыть с ним и дать матери отдохнуть. Она постоянно ходила к раковине, смачивала полотенце и клала отцу

на лоб.

Вечером, несмотря на увеличенную дозу тэйлинола, у меня подскочила температура. Мне поставили капельницу с физраствором, весь день я старался пить побольше жидкости и делать все, чтобы организм боролся с пневмонией, но лучше мне не стало.

Когда я болею, у меня портится характер. Что бы то ни было — простуда, грипп или пневмония мне хочется, чтобы все прошло сейчас же, сразу! Но поправляюсь я всегда медленно. А что особенно мучительно, так это необходимость лежать в постели, в окружении врачей и целой толпы медсестер, которые следят за моим самочувствием. Невозможно не прислушиваться к собственным ощущениям. Любая незначительная боль кажется невыносимой. Ты пытаешься разглядеть хотя бы малейшие признаки улучшения и беспокоишься, если таких признаков нет. Стараясь понять, что же происходит, начинаешь думать, что ты не успел сделать и сказать.

Все думают, что, прожив со СПИДом так долго, я уже давно сделал и сказал все, что надо. Многие считают, что человек, который неоднократно находился на краю могилы, уже сто раз имел возможность подготовиться, но времени на это никогда не хватает. Всегда необходимо еще.

Наступила ночь, посетители ушли, и большинство телепередач закончилось. Но я все никак не мог заснуть. Мой сосед тоже. Мы лежим в палате и по очереди кашляем. Его кашель ужасен. Он захлебывается кашлем, хватает воздух ртом и снова кашляет, уже не пытаясь ничего скрывать. Между приступами кашля раздаются стоны.

— Вам что-нибудь нужно? — спрашиваю я его из-за занавески. — Может быть, позвать медсестру?

— Я в порядке, мне нужно только отдышаться, — отвечает он.

Но он не может отдышаться, приступы становятся все более затяжными. Кажется, кашель идет из самой глубины легких. После одного из приступов я услышал, что его вырвало.

Я нажал кнопку вызова медсестры, но никто не пришел. Совсем никто. «Черт их дери», — подумал я, выдернул иглу капельницы, отключил кислород и вылез из постели. Я откинул занавеску, решив хотя бы подать ему тазик, но его вид потряс меня. В рвоте была кровь! Кровь забрызгала всю кровать и стекала на пол. Он задыхался.

Я бросился в коридор.

— Мистеру Шамбергу нужна помощь! — крикнул я медсестре. — У него рвота, он может задохнуться!

Мои крики привлекли внимание. В палату вбежала

медсестра, за ней еще одна. Пока они хлопотали возле мистера Шамберга, я сидел в кресле, в коридоре. Через несколько минут удушье прекратилось, но он все еще кашлял.

Двери лифта в дальнем конце коридора открылись, и оттуда вышла приземистая мексиканка, толкая тележку с принадлежностями для уборки. Я решил, что они, не теряя времени, вызвали уборщицу. Не хотелось бы мне в тот момент оказаться на месте этой женщины… Медсестра попросила ее в первую очередь убрать на полу, чтобы они могли подойти к кровати. Мексиканка надела перчатки, перестелила белье, унесла испачканное и, возвратившись, продолжила уборку. Я дождался, пока одна из медсестер вышла, и направился в палату.

В комнате стоял сильный запах антисептика. Они подняли спинку кровати мистера Шамберга и усадили его очень прямо. Медсестра дала ему кислород. Когда она вышла, он сидел с закрытыми глазами, поэтому я не стал ничего говорить. Я был уверен, что ему сейчас не до разговоров, и уже собирался лечь в постель, как вдруг заметил лужицы крови между кроватями. Уборщица мыла пол под раковиной. Я подошел к ней.

— Извините, — сказал я, — там, между коек, остались пятна.

— А?! — оглянулась она. Потом подошла к санитарной тележке, взяла новую тряпку, вытерла кровь, затем еще раз протерла все другой тряпкой, с дезинфектором, после чего тщательно вымыла пол под обеими кроватями.

— Gracias [99], — поблагодарил я ее.

Она усмехнулась, услышав мой испанский, и сказала: «Nada» [100]. Я наконец лег. Закончив работу, уборщица сняла перчатки, выбросила их в мусорное ведро и вымыла руки в раковине. Я заметил на табличке, висевшей у нее на груди, имя: «Мария».

Этой ночью мне приснился первый из моих странных безумных снов. В нем я и все вокруг бегали, таская камни, инструменты и мешки с песком. Я так понял, что мы пытались соорудить стену вокруг многоэтажных зданий какого-то бизнес-центра. Никто не сказал мне, зачем мы это делаем, но я знал, что нужно работать как можно быстрее. Все дома были в огнях от подвала до крыши. Проснувшись в два ночи, я прекрасно помнил, как выглядели эти дома в зареве фантастических огней на фоне города, погруженного в темноту.

Я завернулся в одеяло. Было ощущение, что меня опять лихорадит. Лед в чашке растаял, но вода была еще холодная. Я перелил ее в стакан и выпил. Жалюзи на окнах были закрыты, и огни города внизу, в долине, были не видны, но я был уверен, что он ярко освещен.

Через некоторое время я заснул.

Интернов очень обеспокоила кровавая рвота у мистера Шамберга, и я был уверен, что доктору это тоже не понравится. Старший интерн направил мистера Шамберга на повторный рентген еще до завтрака. Когда мой врач делала обход, она тоже распорядилась еще раз сделать мне рентген легких. Когда же медсестра привезла меня в палату после процедуры, сосед опять сидел на краю кровати в обществе трех докторов. Его завтрак стоял нетронутым. Мистер Шамберг был весь опутан трубками капельниц, с зажимом кислородного шланга на носу, но больной старался сидеть прямо. Пока сестра помогала мне лечь, доктора задернули занавески у его кровати.

Я услышал, как один из врачей говорит:

— В нижней трети ваших легких формируются аномальные новообразования.

— Что значит «аномальные»? — спросил тот и закашлялся.

— Дело в том, что эти новообразования угловатые и искривленные, но при этом несимметричны, как это бывает при раке легких. Нужно сделать биопсию, чтобы выяснить, что это такое, и при необходимости извлечь.

— Когда?

— Сегодня. И лучше прямо сейчас. Мы назначили вам биопсию на час дня. Пожалуйста, не ешьте перед процедурой.

Пока мистер Шамберг подписывал согласие на биопсию, все молчали.

— Кроме этого, вы должны подписать еще бумагу, предоставляющую нам право обратиться к вашему работодателю. Если биопсия подтвердит наши предположения, мы должны будем обсудить с ним симптомы заболевания и методы лечения.

— Но в легких слишком много влаги, чтобы объект мог там находиться, — возразил мистер Шамберг. — И в мышечных тканях тоже. Они просто не могут развиваться во мне, это какая-то ошибка. Например, неисправен рентгеновский аппарат…

— Мы все проверим.

Он подписал необходимые документы, и все доктора и медсестры ушли. Я пропустил момент, когда мистер Шамберг снова лег в постель. Но через некоторое время я услышал, что он плачет. Это удивило меня. Странно, неужели это — самый страшный диагноз, с которым он сталкивался? Я вспомнил, как несколько лет назад я тоже плакал, когда мне сообщили, что я ВИЧ-инфицирован. Но тогда я смог взять себя в руки и расплакался, только когда оказался в одиночестве, в своей машине. В тот день я понял, что моя жизнь теперь уже никогда не будет такой, как раньше. Может быть, и его сейчас мучают подобные мысли.

Из-за того что он плакал, мне стало грустно, но только по тому, что у меня совершенно расстроены нервы. Мне захотелось, чтобы рядом с ним сейчас была его жена, она смогла бы поддержать его. Мне стало как-то не по себе. Больные СПИДом, когда подолгу лежат в больнице, склонны к болтовне и многое могут рассказать, но обычно они не из тех, кто утешает других пациентов.

Интересно, что будет дальше.

Его жена явилась очень скоро, тогда же пришли и люди с его работы. Они так подробно расспрашивали мистера Шамберга об ошибках, замеченных в технологическом процессе, что я ничего не понимал из их разговора. Он настаивал, что все было в порядке. Его жена опять повторяла, что «он всегда очень аккуратен». Мне даже стало интересно, в самом деле он допустил ошибку или (если он действительно такой ответственный, как утверждает) это компания не предприняла необходимых мер безопасности?

Один из докторов зашел задать пару вопросов сотрудникам, и они, все вместе, стали изучать снимки легких мистера Шамберга. Затем представители компании попросили дать им копии снимков и быстро покинули больницу. Пришла медсестра и увезла мистера Шамберга на биопсию. Его жена прошла в комнату для посетителей, но вскоре вернулась и села в кресло у моей кровати.

— Вы не против, если я включу телевизор? — спросила она. — Комната для посетителей переполнена, и там все смотрят футбол. А я бы хотела подождать Берни здесь.

Я сказал, что мне все равно.

Включив кулинарный канал и совершенно не обращая внимания на экран, она позвонила Анне, рассказала про биопсию и возможную операцию и стала листать журнал для домохозяек. По меньшей мере час, пока миссис Шамберг не перебралась в комнату для посетителей, я был вынужден смотреть программу о приготовлении спагетти.

После ее ухода в комнате повисла странная тишина. И дело было вовсе не в том, что я выключил телевизор. Постоянно находясь рядом с мистером Шамбергом и его семьей, я, наверное, слишком часто стал задумываться о том, чего мне не хватает в жизни. Вокруг мистера Шамберга всегда было много людей, но тихая больничная палата слишком напоминала бы мне мой пустой дом. Мне показалось, что вот он, тот самый момент, когда можно все изменить, сделать жизнь лучше. Хотя я знал, что обещания, которые даются в больнице, сродни новогодним — их часто забывают после праздника. Но я-то не забуду. Есть еще

люди, которым я могу позвонить, старые друзья, которые, возможно, захотят со мной встретиться, и у меня еще будет возможность завести новых.

И после выписки из больницы у меня даже будет рецепт спагетти, которые я для них приготовлю.

Грудь разрывалась от кашля, но я не мог остановиться. Медсестры дали мне микстуру, и она мне даже помогла. Примерно на полчаса. Температура у меня поднялась до 103,5 [101]. Меня знобило, я попросил сестру принести еще одно одеяло.

Я удивился, когда мой врач вошла в палату около трех, на час раньше вечернего обхода. Прежде чем подойти ко мне, она надела перчатки, чего раньше никогда не делала.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Плохо, — честно признался я.

— Наклонитесь вперед, — сказала она. — Мне нужно прослушать ваши легкие.

Я сделал как она просила. Она ощупала мне спину и грудь, спрашивая, в каких точках я ощущаю боль.

Болело везде.

Она извинилась и вышла в коридор, к посту медсестер; я видел ее через дверной проем. Один из лечащих врачей мистера Шамберга подошел и заговорил с ней, затем открыл папку и показал несколько рентгеновских снимков. Взяв один, она посмотрела его на свет и тряхнула головой. Старший интерн тоже подошел взглянуть. Было видно, что мой врач с каждой минутой сердится все больше, хотя я не слышал, о чем они говорили. Медсестра на посту спешно подала ей карту, и доктор вернулась ко мне вместе со старшим интерном.

— Я перевожу вас в другую палату, — сообщила она.

— А в чем дело? — спросил я.

— Куда мы катимся? — между тем возмущалась та. — Что происходит с системой здравоохранения в этой стране? Капиталистическое общество перемалывает людей и бросает их в больнице, где нет оборудования, чтобы им помочь!

Она заполнила необходимые бумаги для перевода в другую палату. Я никогда не видел ее в таком бешенстве.

— Возможно, вы заразились от мистера Шамберга, — сказал интерн.

Откинувшись назад и закрыв глаза, я тупо пробормотал: «Меня же заверили, что он не заразен…»

— Мне они сказали то же самое, — кивнула мой врач. — В больнице должна быть оборудована специальная палата для больных СПИДом. Если бы они послушались моих советов, у нас бы не было таких проблем.

— А что с мистером Шамбергом? — спросил я.

Интерн посмотрел на моего доктора.

— А вот это вопрос на миллион долларов, — сказала та.

Заполнив карту, она отдала ее интерну, подошла к окну и опять посмотрела рентгеновский снимок на свет.

— Вот снимок, сделанный в тот день, когда вы попали в больницу, — сказала она и указала на области, пораженные пневмонией.

— А это снимок, сделанный сегодня утром. Он попал ко мне только полчаса назад.

Она показала мне второй снимок. В нижней части правого легкого виднелся маленький темный треугольник.

— Что это? — спросил я.

— Понятия не имею, — призналась она. — Но, возможно, это новообразование имеет неорганическое происхождение.

— Что вы имеете в виду, говоря «неорганическое»?

— Это металл.

— Но как он попал туда?

— Вот это нам и предстоит выяснить. Я пойду узнаю результаты биопсии, сделанной мистеру Шамбергу. За это время вас переведут в отдельную палату.

И она быстро вышла. Интерн просматривал карту мистера Шамберга.

— Не понимаю, — ошарашенно сказал я. — Как мог металлический уголок появиться у меня в легких?

Интерн хмыкнул.

— Мы сами не знаем. Симптомы пневмонии появились у мистера Шамберга две недели назад, но обычные методы лечения не дали результата. Сперва ему назначили курс антибиотиков дома, затем положили в больницу. Он работает в исследовательском отделе телекоммуникационной компании. Вчера, когда рентген показал растущие новообразования у него в легких, мы поинтересовались, не могло ли что-то, с чем он имеет дело на работе, стать причиной его болезни.

— И вы положили меня в одну палату с ним?!

Я был в ярости.

— Мы тогда не знали всей ситуации. Еще три часа назад мы думали, что всему виной неисправный флюорограф. Но техники заверили, что все в полном порядке.

Я сидел, совершенно оглушенный, не зная, что делать и чего ожидать от железки, непостижимым образом растущей в моих легких.

— Вы могли бы получить миллион долларов через суд, — сказал интерн. Видимо, ему казалось, что таким образом он

подбодрит меня.

Когда вы являетесь носителем ВИЧ, вам кажется, что от него вы и умрете. У меня помимо СПИДа было десять или пятнадцать сопутствующих заболеваний. Иногда они проявлялись поодиночке, иногда обрушивались скопом, поджидая в засаде, словно палачи, и у меня было время представить встречу с ними со всеми. В итоге вам уже не кажется, что смерть наступит внезапно, как автобус, сбивший вас на перекрестке.

Но сейчас, сидя в одиночестве в пустой комнате, я испытал именно это чувство. Мне казалось, я застыл перед автобусом, фары которого уже ослепили меня.

Я вынул иглу капельницы, перекрыл кислород, упаковал несколько вещей, взятых из дома, и таким образом подготовился к переезду в другую палату. Затем вновь подключил аппаратуру и стал ждать. Минут через двадцать привезли мистера Шамберга. Жена уложила его в постель, в глазах ее стояли слезы. Мистер Шамберг выглядел ужасно. Я смотрел на них с удивлением. Я знал, что для переезда в другую палату может понадобиться время, но думал, что успею убраться до его возвращения. Когда мистера Шамберга укладывали в постель, занавеску задернули, но я слышал его хрип, кашель и стоны. Две медсестры, которые его привезли, тоже покашливали. Если учесть еще и мой кашель, в палате было довольно шумно.

Вскоре пришла Анна. Я удивился — обычно днем она работает. Анна взяла кресло, стоявшее на моей половине.

— Они хотят забрать папу на операцию как можно скорее, — объяснила она. — Я отпросилась с работы после обеда, чтобы побыть с мамой.

— Мне очень жаль, — ответил я. — Надеюсь, операция поможет.

Это было меньшее, что я мог сказать при сложившихся обстоятельствах. Анна поставила кресло в ногах моей кровати, и я решил попытаться немного ее расспросить.

— Чем занимается ваш отец? Врачи считают, что я мог заразиться от него.

Она замерла и посмотрела на меня, потом села в кресло.

— Что-то случилось? — спросила она.

Я рассказал ей о результатах рентгена моих легких.

— Папа разрабатывал сверхчувствительное телекоммуникационное оборудование, — сказала мне она.

Я нахмурил лоб:

— Не понимаю… Каким образом это могло повлиять на его легкие, а теперь и на мои?

— Давайте у него и спросим, — предложила она, встала и,

отодвинув занавеску, объяснила все отцу.

На несколько минут все замолчали. Даже кашлять перестали.

— Я разрабатываю аппараты, которые строят… — начал мистер Шамберг и опять зашелся кашлем. — Которые воспроизводят себя на основе молекулярных структур, — закончил он. — Это нанотехнологии. Для телекоммуникаций. На основе любого материала они способны за несколько часов построить оборудование. Мы собираемся использовать их в чрезвычайных ситуациях… в оборонной промышленности… Люди смогут носить с собой целый центр дальней связи в спичечном коробке.

Я лег на спину и посмотрел в окно. Кажется, я начал понимать, в чем дело.

Нанотехнологии и эти наноструктуры, созданные в лаборатории, и оказались причиной всех бед. Эти наноструктуры каким-то образом проникли из лаборатории во внешний мир — или, по меньшей мере, в наши легкие. Я представил, как час за часом, в течение нескольких дней, которые я провел рядом с ним, из легких мистера Шамберга вылетают с кашлем мельчайшие структуры, которые затем превращаются в радиоприемники, телефоны и все такое прочее.

— Что за основа нужна для развития этих наноструктур? — спросил я.

— Грязь, песок… Как только структуры активизируются, они начинают искать в окружающей среде все, что необходимо. Мы считали, что живой организм — легкие, мышцы — слишком влажная среда для их роста…

— Похоже, вы ошибались, — сказал я.

Он был потрясен до глубины души. Равно как его жена и дочь.

— Как их можно обезвредить? — спросил я.

Он задумался на некоторое время:

— Наверное, только высокой дозой радиации. Очень высокой дозой.

Он оглянулся на меня:

— В общем-то, в данной ситуации их невозможно дезактивировать: мы пытались создать совершенно автономные структуры…

Через некоторое время его увезли на операцию, и я подумал, что скоро последую за ним. Но как они собираются оперировать человека, страдающего пневмонией, мне было непонятно. Но я хотя бы понимал, что происходит. Возможно, влажная среда в человеческих легких тормозит развитие наноструктур, а может, каждая структура стремится создать отдельный прибор. Если они

находят другие подобные себе, то запрограммированы на совместную работу, хотя для строительства хватит и одной. Просто, если начать с маленького фрагмента, процесс займет больше времени. И кроме того, по мнению мистера Шамберга, если все будет идти с той же скоростью, то к 12 часам четверга у меня в груди вырастет целая спутниковая антенна со всеми передатчиками и приемниками, если только их не смогут прежде оттуда извлечь.

Я посмотрел на медсестру, которая устанавливала у входа в палату стол с одноразовыми халатами, перчатками и масками. Старшая медсестра зашла в комнату, одетая в защитный костюм, и попросила миссис Шамберг и Анну тоже надеть халаты, перчатки и маски.

— Что это вы еще придумали, — запротестовала миссис Шамберг. — Я была с Берни с того самого дня, как он заболел!

— Наденьте халаты и маски или покиньте помещение, — ответила на это медсестра, и стояла посреди палаты до тех пор, пока миссис Шамберг и Анна не выполнили ее распоряжение.

Когда медсестра собралась уходить, я задержал ее.

— Мэм, — сказал я, — мой врач сказала, что меня переведут в другую палату…

— Боюсь, что нет. Администрация больницы приказала изолировать всех, кто имеет отношение к этому вирусу. Вы останетесь здесь.

Медсестра водрузила около двери большое мусорное ведро, сняла маску, халат и перчатки, бросила их в ведро и быстро вышла вон. Миссис Шамберг и Анна вернулись в палату, одетые в защитные костюмы. Анна, приглушенным из-за маски голосом, поведала мне, что у дверей установили стерильный бокс, а администрация дала четкие инструкции, какие меры предосторожности предпринимать при входе и что делать с масками на выходе, чтобы не разнести вирус. Они уже предупредили весь персонал и посетителей.

— А пластик может защитить человека от ваших наноструктур? — спросил я мистера Шамберга.

Мистер Шамберг вздрогнул и нажал кнопку вызова медсестры. Старшая сестра мгновенно появилась в палате.

— Пластик вас не защитит, — сказал ей мистер Шамберг, — вам нужен хлопок. Гидрокарбонат в составе пластика только ускорит развитие наноструктур.

— Ваша компания уже проинформировала нас об этом, — ответила медсестра. — Но кто сейчас использует одноразовые хлопковые перчатки? Я даже не знаю, где их можно достать. Мы используем эти маски и перчатки совсем недолго, а потом

оставляем в мусорном ведре в вашей палате, а санитарная служба сжигает их каждый час. Огонь уничтожит любые наноструктуры. Все, что мы можем сделать, это надеть хлопковые маски.

Медсестра ушла, и, поскольку вентиляцию отключили, в палате настала тишина. Они не хотели, чтобы даже воздух из нашей палаты вырвался наружу.

Мистер Шамберг отстранился от своей жены и встал с постели. Взял ее затянутые в перчатки руки в свои.

— Уходите! — твердо сказал он. — Ты и Анна должны уйти. Немедленно, сейчас! Я надеюсь, в вас еще не проникли эти структуры.

— Я тебя не оставлю, Берни, — ответила она.

— Нет! — взволнованно вскрикнул мистер Шамберг. — Есть инструкции на случай потенциальной угрозы! Они вступят в силу, если наноструктуры вырвутся из лаборатории. А если все эти структуры начнут работать вместе, бог знает что они могут построить… Это будет уже десятый уровень!

Миссис Шамберг после этих слов закрыла ему рот рукой.

— Что еще за десятый уровень? — спросил я.

Мистер Шамберг посмотрел на меня.

— Это когда возможно распространение не только на отдельной территории, но и по всему миру.

Странно, но у меня совершенно не возникло желания расплакаться из-за всех этих событий. Зато я чувствовал, что все больше свирепею.

— И нет никакой возможности дезактивировать эти структуры? — спросил я. — Вы изобрели аппарат, который может погубить весь мир, но даже не озаботились тем, как отключить его?

— Да, это так, — подтвердил он. — Мы создавали их так, чтобы они отключались сами в случае аварии. Мы не думали, что до этого дойдет!

Миссис Шамберг и Анна спешно собирали свои вещи.

— Иначе — водородная бомба! — воскликнул он. — Десятый уровень можно предотвратить, только уничтожив его на ранней стадии. Военные наблюдатели в лаборатории должны знать, что надо делать.

Он посмотрел на свою жену со слезами на глазах.

— Уходите сейчас же.

Но было слишком поздно. Служба охраны задержала и миссис Шамберг, и Анну у лифта. Теперь никто не мог покинуть больницу и даже выйти с нашего этажа. Анна и миссис Шамберг снова были вынуждены облачиться в халаты, маски, перчатки и теперь тихо сидели в креслах. Все молчали. Даже телевизор не

стали включать. В этой тишине особенно отчетливо было слышно, как кашляют медсестры и многие пациенты. Конечно, это было отделение для легочных, но мне показалось, что кашель слышится чаще, чем раньше (особенно это касалось персонала). Анна и миссис Шамберг тоже понемногу начали кашлять. Невозможно было не думать о том, как наноструктуры, изобретенные мистером Шамбергом, распространяются повсюду в поисках пищи. Эти маленькие существа жадно пожирают пыль, скопившуюся между кафелем, грязь, которая остается на обуви, а когда и этого недостаточно, начинают искать необходимое в других местах. Они быстро поняли, что могут прекрасно развиваться в людских организмах, они научились этому, проникнув в легкие ко мне и к мистеру Шамбергу.

Группа медсестер пришла подготовить мистера Шамберга к операции. Они убрали все капельницы, но кислородный баллон ставили. Значит, он поедет на операцию с ним. Он посмотрел а меня и сказал:

— Мне очень жаль.

Я даже не знал, что ответить. Он разработал аппарат, который может уничтожить весь мир, предотвратить катастрофу способна только водородная бомба, а ему «очень жаль». Его извинения были для меня пустым звуком.

Я ничего ему не ответил.

Медсестры поставили каталку рядом с кроватью мистера Шамберга.

— Вы можете встать? — спросила одна.

Он попытался сесть, но не смог. Видимо, уже был слишком слаб для этого.

— Я слишком плохо себя чувствую, чтобы двигаться, — сказал он и зашелся кашлем.

Медсестры подошли с другой стороны кровати и попытались поднять мистера Шамберга, но не смогли. Они не смогли даже с места его сдвинуть. А он захлебывался кашлем и стонал.

Одна из медсестер откинула одеяло и ахнула. Она была готова увидеть все, что угодно, но из груди мистера Шамберга медленно сочилась кровь.

Миссис Шамберг прерывисто вздохнула, Анна встала. Старшая сестра побежала за полотенцами, чтобы остановить кровь. Они попытались повернуть его на бок, но опять не смогли.

— Погодите! — взмолился мистер Шамберг. — Дайте мне минутку полежать…

— Мы должны остановить кровотечение, — сказала медсестра и стала ощупывать спину мистера Шамберга. — Позовите доктора Адамса! — крикнула она через минуту.

Доктор Адамс был одним из трех лечащих врачей мистера Шамберга. Он пришел очень быстро, так как после объявления карантина был вынужден жить в больнице.

— Ради бога, наденьте скорее маску и халат! — воскликнула медсестра, когда он вбежал в комнату. Он метнулся обратно, надел то и другое, затем они втроем начали осматривать мистера Шамберга.

— Что-то не дает ему отделиться от матраса. Оно прошло через простыню и пластиковый чехол.

Доктор Адамс склонился над мистером Шамбергом. Кровь текла все сильнее. Доктор Адамс заглянул под кровать.

— Везите его на операцию прямо на ней, — распорядился он. — Немедленно! Я позвоню реаниматологам и посоветуюсь с ними.

После того как все ушли, я опять остался один в полумраке комнаты. Но лежал я так совсем недолго. Из-за сильных болей в спине я не мог лежать. Я осмотрел постель, страшась найти кровавые пятна, но их пока не было. Пока. Я ощупал грудь в поисках каких-нибудь опухолей и шишек, но все было в порядке. Тем не менее я никак не мог успокоиться.

Я сидел, глубоко задумавшись. Если все, что рассказал мистер Шамберг, правда, я должен предупредить людей, чтобы они успели покинуть город. Во вторник после обеда будет уже поздно — я превращусь в груду металла. Я отправлю сообщения своим друзьям, чтобы они уезжали из города, они смогут перезвонить мне, если захотят узнать подробности, но лучше будет, если они поверят мне на слово, особенно если их не пустят в больницу.

Но единственной, кого я застал дома, была Алисон в Магнс.

— Почему ты не сказал, что ты в больнице? — спросила она.

— Это не важно, — сказал я, попытался объяснить, что происходит, и стал уговаривать ее забрать детей и сейчас же ехать прочь из города.

Некоторое время она молчала.

— Послушай, — сказала она, — с тобой все в порядке? Я думаю, такого просто не может быть!

Как видно, она решила, что моя болезнь отразилась на моих умственных способностях.

— Это случится, — сказал я. — Я только надеюсь, что вы еще успеете спастись.

Она не ответила. Я схватился за пульт от телевизора.

— Об этом наверняка уже передали по всем каналам в новостях, — сказал я. — Говорили что-нибудь необычное о Солт-Лэйк-Сити?

Мы оба включили один и тот же круглосуточный канал новостей. Буквально через пять минут начался сюжет о закрытии международного аэропорта Солт-Лэйк-Сити. Утверждали, что из-за весенней жары пришли в негодность многие взлетные полосы, поэтому аэропорт не выпускает и не принимает никакие рейсы. Эта информация очень важна, поскольку многие рейсы пришлось перенаправить в другие аэропорты. Администрация не в состоянии сказать, когда они смогут решить эту проблему, особенно если возникнет необходимость менять покрытие взлетных полос. Конечно, дневные температуры достигают только 67 градусов [102], но администрация проконсультировалась с экспертами, которые дали объяснение, почему и при 67 взлетные полосы становятся непригодны.

— Господи! — воскликнула Алисон, когда поняла, что скрывается за этим сообщением.

— Уезжайте сейчас же, пока они не перекрыли дороги, — посоветовал я.

Мы пожелали друг другу удачи и повесили трубки. Возможно, дороги уже перекрыты, подумал я. Я дождался пятичасовых новостей, но и там не говорили правды. Впрочем, сюжет о закрытии аэропорта наводил на мысль, что в долине собираются ввести карантин. Я прекрасно понимал, что ни одно здравомыслящее правительство не позволит людям разъехаться и дать распространиться изобретениям мистера Шамберга по миру.

Но я был удивлен тем, что события развивались так быстро. Движимый порывом, я схватил с тумбочки телефонный справочник и нашел номер автовокзала. Я позвонил им, просто чтобы узнать, ходят ли автобусы, и спросил, можно ли купить билет до Денвера на сегодняшний вечер.

— Мне очень жаль, — ответила дежурная, — но мы не можем бронировать билеты на это время. Пожалуйста, перезвоните завтра утром.

Она не назвала никаких причин, по которым отказалась продать билет. Я мог еще попытаться забронировать билет на поезд.

О, мы очень порядочные люди, думал я. Все делают только то, что им сказали, по крайней мере сейчас. Мне стало интересно, сколько людей в Солт-Лейк-Сити знают правду о том, что происходит. В долинах, живут миллионы. И очень скоро они начнут задавать вопросы. Надеюсь, Алисон и мои друзья успеют убраться отсюда.

Старшая медсестра позвонила мне и попросила перечислить, кто мог навещать меня в больнице.

— Только мой доктор, — сказал я.

— Больше никто? К вам не приходят друзья или родственники?

Терпеть не могу отвечать на подобные вопросы.

— Нет, — сказал я. — У меня только сестра, но она в Миннеаполисе.

— Хорошо, — сказала медсестра и закашлялась. — Простите, что я звоню… Просто не хотелось снова надевать этот ужасный пластиковый халат. Экономлю время и халаты.

Странно, но после этого звонка я на некоторое время заснул. Мне вновь приснилось, что я помогаю строить стену вокруг многоэтажных зданий бизнес-центра. В этом сне город выглядел еще более таинственно. Огромные пространства в долине казались абсолютно плоскими, а унизанные огнями тонкие нити, натянутые между башнями, легонько покачивались на вечернем ветерке. Внизу, там, где мы работаем, ужасно жарко. Рубашки у всех мокрые. Я почувствовал, что должен подняться на двадцатый этаж, чтобы ощутить свежий бриз. Внизу дыхание ветра совсем не доносится до взмокших от пота людей. Я пытался вытереть пот, стекающий по лбу.

Внезапно я проснулся. Врач держала меня за запястье затянутой в перчатку рукой и считала пульс.

— Совершенно невозможно прощупать пульс в этих перчатках, — посетовала она. — Извините, что напугала вас.

— Здесь так жарко, — сказал я.

— Я попросила обслуживающий персонал принести вентилятор. Сейчас они придут. У вас поднялась температура. Сто четыре [103] Пульс частый.

Я чувствовал, как колотится мое сердце.

— В течение ближайших двух часов мы заберем вас на операцию.

— Но ведь время уже позднее, — сказал я.

— Персонал и врачи теперь не могут покинуть больницу, поэтому мы работаем круглосуточно. В больнице карантин. Полиция разыскивает всех, кто контактировал с мистером Шамбергом или его компанией, и направляет их к нам. Известно, что среди работников этой компании уже зарегистрировано шесть случаев подобного заболевания. Им были поставлены разные диагнозы — от бронхита до астмы. Сейчас они все в закрытом приемном покое, но в ближайшее время их переведут на лечение на наш этаж.

— А как мистер Шамберг?

— Он еще в операционной. Я собираюсь выяснить, что извлекли у него из легких, прежде чем мы начнем оперировать вас. Но то, что находится у вас, гораздо меньше размером. Это

будет не так трудно удалить.

— Думаете, операция поможет? — спросил я. — Ведь из одной наноструктуры может вырасти целая радиовышка… Стоит ли удалять ее сегодня, потом повторять эту операцию завтра, потом послезавтра?

— Это неизвестно, — прервала меня она. — Единственное, в чем я уверена, — мы должны выяснить, что это такое. Мы откажемся от борьбы, только когда исчерпаем все возможности.

Я отвернулся, закашлявшись, и решил рассказать ей, что узнал от мистера Шамберга.

— В любом случае, скорее всего, это уже не имеет значения, — прибавил я.

— Не сдавайтесь, — подбодрила она меня. — Мы вместе уже многое пережили. Это последнее испытание.

— Нет, вы не понимаете! Вы знаете, как правительство собирается бороться с угрозой десятого уровня и что это вообще такое — десятый уровень?

— Я… слышала об этом, — уклончиво ответила она, пододвинула кресло и села. Теперь она выглядела усталой, а не раздраженной. — Вы ведь понимаете, что в городе уже давно ходят слухи. Вся долина блокирована, толпы людей пытаются перебраться через горы. Но полиция и военные встречают их на другой стороне и возвращают обратно, в специальные резервации, сразу после обследования.

— Но почему вы не пытаетесь выбраться? Я уверен, хоть кому-то это удалось! Как вы можете оставаться здесь?

— Я должна заботиться о своих пациентах, в ближайшее время моя помощь понадобится многим.

Она подошла к окну и посмотрела на город.

— Не думаю, что они сбросят бомбу прямо сейчас, — сказала она. — Врачи работают изо всех сил, пытаясь оценить масштабы заражения. Правительство будет ждать, пока не получит ответ на этот вопрос. Кроме того, никто и не позволит мне уехать: никого не выпускают. Уже многие пытались. Больница полностью блокирована. Поверьте, если б у меня была возможность перевезти вас или других пациентов в госпиталь в Шайенн, я бы непременно это сделала.

Мало приятного, когда вам удаляют часть легкого. Но если у вас еще и пневмония, такая операция равноценна средневековой пытке. Кашель просто страшный, каждый приступ — как предсмертная агония. Хорошо, что меня накачали анальгетиками, поэтому я особо не мучился, разве только в первый день после операции. Спинку моей кровати подняли под углом 90 градусов, и когда я отошел от наркоза, уже находился в сидячем

положении. На соседней койке лежал незнакомый муж чина.

— Кто вы? — спросил я.

Он назвал имя, но я не запомнил. Во время обхода я спросил у врача, что случилось с мистером Шамбергом. Она немного помолчала, потом взяла меня за руку.

— Он умер во время операции, — сказала она. — Я не хотела говорить вам сразу.

Не зная, что сказать, я посмотрел на букет сирени, принесенный миссис Шамберг.

— Вы не боитесь заразиться? — спросил я врача.

— Конечно боюсь. Но если б я всегда боялась подхватить заразу от своих пациентов, не стала бы врачом.

Мне захотелось послать миссис Шамберг цветы. Но она же, наверное, все еще в больнице, в карантине, как и все мы. Интересно, может ли магазин подарков разыскать ее и доставить цветы? Впрочем, в тот момент у меня совершенно не было сил звонить туда. По крайней мере, миссис Шамберг и Анна вместе.

Доктор показала мне снимок той штуки, которую извлекли из моих легких. Все как на рентгене: черный металлический треугольник, на одной из сторон — небольшое утолщение.

Они его сожгли.

Я знал, что больница переполнена (за пределами моей палаты стало очень шумно), но я даже представить не мог масштабов бедствия, пока меня не отправили на рентген. Мы с трудом смогли пройти по коридору. Повсюду — в креслах и просто в спальных мешках — лежали люди. Судя по всему, в больнице оставались все доктора, интерны, весь персонал, ночная и дневная смена; многих из них я заметил в коридоре. Помимо них, огромное количество людей просто слонялось тут и там. Все они были совершенно сбиты с толку и выглядели уставшими.

Мне сделали рентген и отвезли обратно в палату. Через час вернулась врач с готовыми снимками. Вид у нее был мрачный.

— Новообразование дало рецидив, — сказала она. — Операция не помогла, но я попросила об одолжении, и вас записали на повторную операцию сегодня, в четыре часа дня.

— Это не поможет. И вам это известно, — сказал я.

Она села в кресло у кровати.

— Но что мне делать? — спросила она. — Мы не можем оставить все как есть.

Я задумался. Я понимал, что человек, в организм которого проникла наноструктура, фактически приговорен к эвтаназии и кремации, но тут я вспомнил слова мистера Шамберга.

— Можно попробовать убить наноструктуру большой дозой радиации, — сказал я и пересказал все, что узнал от него.

— Насколько большая доза нужна? — спросила она. — Такая же, как при взрыве водородной бомбы?

— Не знаю, — признался я. — Но разве лучевая терапия не используется при лечении рака? Здесь должно быть необходимое оборудование, и мы можем испытать это на мне. В конце концов, что мы теряем? Можете использовать меня как подопытного кролика. Нужно найти способ остановить катастрофу, пока не поздно!

Она ушла, не сказав ни слова.

На следующий день, рано утром, мне облучили грудь, защитив голову и прочие части тела свинцовыми пластинами. После я вернулся в палату. Мне никогда не было так плохо. Все тело горело и словно одеревенело. Временами я просто не мог открыть глаз.

— У него сильный шок, — услышал я голос моего врача. — Принесите еще одеял. Скорее.

Я сидел, ожидая, когда принесут одеяла, но, когда наконец почувствовал, что могу открыть глаза, меня вырвало. Я запачкал все вокруг. Это была кровавая рвота, так же было с мистером Шамбергом.

Сразу пришли уборщицы, но Марии среди них не было.

— А где Мария? — спросил я.

— Какая Мария? — удивилась доктор. Я рассказал об уборщице, которая мыла палату в ночь, когда Шамбергу стало плохо.

— Охрана проверила всех, кто входил в палату, — успокоила меня она. — Я уверена, ее уже нашли.

Но Марии в больнице не было. Не отвечала она и на телефонные звонки. Полиция обнаружила, что ее дом пуст, вещи в спешке упакованы, а сама она уехала. Последние два дня она не появлялась на работе, даже не взяла отпуск или больничный.

Но к вечеру все выяснилось. Оказывается, ее документы были фальшивыми — она пересекла границу нелегально. Иммиграционная служба арестовала ее наутро после того, как она прибралась в нашей палате. В тот же день ее депортировали к мексиканской границе и передали властям в Ногалесе.

— Депортация Марии, возможно, спасет нас от водородной бомбы, — прибавила врач, сообщив мне об этом. — Но что же теперь будет?…

Очевидно, я получил слишком большую дозу радиации, и в последний раз мне снилось, что я опять строю стену. В этом сне она стала значительно выше, гладкая и отвесная, мне было видно, как люди — или какие-то другие существа (я не был уверен, хотя пытался разглядеть их поближе) — расхаживали по краю стены.

По какой-то причине я знал, что не должен пытаться их рассмотреть или слишком долго задерживать на них взгляд. Я крепче сжимал в руках камень и пытался сосредоточиться на работе.

Когда я добрался до недостроенной части стены и передал камень человеку, который работал выше, то смог взглянуть на Долину так, будто встал на цыпочки. Долина стала еще более плоской, нежели раньше, будто ее разровняли. Не было больше никаких зданий, никаких дорог. Не было не только людей — вообще никаких признаков жизни. Вся долина была покрыта белыми плитами, ярко мерцающими в лунном свете, на юге какой-то механизм вгрызался в горы. На западе все было абсолютно пусто и безжизненно. Ветер свистел над этой пустыней.

На следующее утро рентген показал, что новообразование в моем легком прекратило расти. Не увеличилось оно и в последующие дни. Радиация убила их. Тогда они стали облучать всех и вскоре выяснили, что небольшие дозы радиации в течение нескольких дней тоже успешно предотвращают появление новообразований.

Мне сделали операцию и удалили мертвые наноструктуры.

Они так и не нашли Марию Консуэлу де Альварес. Но конечно же, весь мир узнал, что происходило с ней в последние дни ее жизни, вплоть до того, куда она смотрела и как повернула голову. В автобусе иммиграционной службы, который вез ее, равно как и в автобусе, доставившем ее в деревню близ Ногалеса, наверняка была страшная жара и не было кондиционера. Они ехали с открытыми окнами. Мария сидела справа всю дорогу от Солт-Лэйк-Сити до Ногалеса, а до Соноры ехала на левой стороне. Известно, что вдоль всей дороги, там, где она кашляла, высунувшись из окна, вдоль обочин — в Юте, Аризоне и Соноре — выросли эти ужасные структуры. Изобретения мистера Шамберга скрестились с другими наномашинами, сбежавшими из лаборатории, в результате появились монстры, которых никто даже представить себе не мог. Армия и Национальная гвардия убили их (если это можно так назвать), облучив радиацией.

Моя сестра позвонила из Миннеаполиса. Она долго пыталась дозвониться и в конце концов смогла связаться с Алисон, которая уже вернулась домой после того, как простояла полтора дня в дорожной пробке.

— Почему ты не звонил? — укорила она меня.

— Не хотел тебя беспокоить.

— Как я могу не беспокоиться о тебе? Ты же… Ты же мой старший брат! У меня нет никого ближе тебя! Ты брал меня на

вечеринки к своим друзьям, чтоб я почувствовала себя старше. Прочел мне все романы Джейн Остин, научил танцевать! Да как только снимут карантин, я сразу прилечу к тебе, чтобы помочь!

И она прилетела. Именно сестра везла меня домой из больницы. И она стала первой, для кого я приготовил спагетти.

Сестра провела со мной две недели. Мы вели долгие беседы за кофе на веранде и рассматривали наши детские фотографии.

Я много спал. Она сопровождала меня на приемы к моему врачу, а однажды вечером пригласила Алисон с детьми и приготовила ужин. Это она помогла мне выдержать бесчисленные интервью (само собой, одно из них касалось моей встречи с Марией). Сестра же купила мне новую шапку, когда у меня от облучения выпали волосы.

Кроме того, со мной пытались встретиться юристы со всей страны. Я не стал подавать иск, хотя адвокаты считали, что у меня есть все шансы отсудить крупную сумму, — интерн был прав. Но даже получи я эти деньги, я не знал бы, что с ними делать. Разве что свозить сестру в Париж. Или в Рим.

Я нашел в телефонной книге Бернарда Шамберга, но, не смотря на то, что я узнал адрес и телефон миссис Шамберг, постеснялся позвонить, чтобы выразить свои соболезнования. И так и не послал ей цветов. В конце концов, за день до отъезда моей сестры я попросил ее отвезти меня к дому Шамбергов. Небольшой дом в викторианском стиле был расположен на тенистой улице и окружен террасой. Двор был чистым и ухоженным. В саду доцветала сирень.

Я взял букет гвоздик, в одиночестве подошел к двери и постучал. Через минуту послышались шаги. Дверь открылась, и я увидел миссис Шамберг. Я моментально прослезился, никак не мог сдержаться. Смахнув слезу, я отдал ей цветы, а она пригласила меня войти. Голову она повязала шарфом, чтобы скрыть голый череп. Ну конечно — ей же тоже пришлось пройти лечение радиацией. Разве она могла избежать контакта с наноструктурами?

Я сказал, что не могу задерживаться, так как в машине меня ждет сестра. Но миссис Шамберг не пригласила ее, и я решил, что правильно поступил, оставив ее там. Миссис Шамберг еще не была готова к общению с людьми.

Мы не знали, что сказать друг другу.

— Он был хороший человек, — вымолвила она в конце концов.

— Он любил вас, — сказал я. — Он бы не смог вынести все это, если б вас не было рядом. Вы много сделали для него.

Я развернулся и быстро ушел.

Я скупил все книги с фотографиями наноструктур в пустыне, но больше всего меня заинтересовали снимки монстров, вы росших в Соноре… В сущности, мы так и не поняли, что они собой представляли. Даже предположений не было. В пустыне у структур было больше времени для развития, и потому они были крупнее и сложнее. Структуры, разработанные в лаборатории мистера Шамберга как приборы дальней связи, на деле развивались совершенно неожиданным образом. За короткое время наноструктуры в Соноре эволюционировали так, как никто и представить не мог. Некоторые конструкции походили скорее, на прекрасные образцы современной скульптуры. Другие настолько слились с окружающей средой, что их невозможно было найти без тепловых датчиков. Были среди них и громадные существа с когтистыми лапами, которые скрывались в каньонах. Казалось, они вот-вот оживут и начнут охотиться, рыская в поисках жертвы. Ни одна из структур не «прожила» долго. Но более всего меня преследовали мысли о бесплодной каменистой пустыне, там, где раньше была деревня Марии. Там возникла громадная радиовышка, которая посылала сигналы в космос в течение восьми дней, пока ее не уничтожили. Никто не смог расшифровать код. Мы так и не выяснили, что за сигнал она передавала. Не поняли, кого вызывала. И не узнали, почему передачи этой радиовышки были направлены поочередно только на три звезды. И мы уже не узнаем, получилось ли у нее.

Большинство людей пугают ответы на эти вопросы. Но я смотрел на снимки, сделанные в бесплодной пустыне, и мне было жутко интересно. Внутри этих конструкций, в их деталях было то, что представляла собой Мария Консуэла де Альварес, маленькая женщина, у которой хватило храбрости нелегально пересечь границу и попытаться сделать свою жизнь лучше. Она бралась за работу, от которой отказывались все остальные. Она приходила по ночам, чтобы помочь больным.

Я не знаю, могла ли какая-то ее частичка выжить, чтобы повлиять на то, что произошло с ней и с ее деревней. Я вот не мог контролировать то, что разрасталось у меня внутри. Но если машины, перед тем как убить Марию, попытались выслушать, понять ее (если, конечно, они были способны на это), то есть надежда, что та радиовышка призывала на землю ангелов, а не дьяволов.

И я бы хотел прожить достаточно долго, чтобы найти ответ.

Вернор Виндж — Куки-монстр

Vernor (Steffen) Vinge. The Cookie Monster (2003). Перевод М. Двининой

Вернор Виндж родился в Уокеше, штат Висконсин, в настоящее время живет в Сан-Диего, Калифорния, адъюнкт-профессор математики Государственного университета Сан-Диего. Первый рассказ «Разделенность» («Apartness»), проданный Винджем в «New Worlds» в 1965-м, сразу привлек к себе внимание читателей и на следующий год вошел в антологию «World's Beat Science Fiction» под редакцией Дональда А. Воллхейма и Терри Карра. Рассказ этот и сегодня считают самым сильным из ранних произведений писателя. После столь впечатляющего дебюта автор стал частым гостем на страницах «Analog», печатался также в «Orhit», «Far Frontiej-s», «If», «Stellar» и других журналах. Его рассказ «True Names» иногда называют прародителем киберпанка наряду с «Neuromancer» Уильяма Гибсона. За эту повесть автор был удостоен премий «Небьюла» и «Хьюго» в 1981 году. Роман «Пламя над бездной» («A Fire Upon the Deep») — одно из значительнейших произведений современной «космической оперы» — принес автору премию «Хьюго» 1993 года, а его продолжение «Глубина в небе» («A Deepness in the Sky») заслужило «Хьюго» в 2000 году. Виндж признан одним ил лучших американских «твердых фантастов», наряду с Грегом Биром и Грегори Бенфордом. Среди его книг — романы «Tatja Grimm's Worlds» и «The Witiing»; два романа, вышедшие в одном томе под общим названием «Сквозь время» («Across Realtime»), — «Война миру» («The Peace War») и «Брошенные в реальном времени» («Marooned in Realtime»), а также сборники «True Names and Other Dangers» и «Threats and Other Promises», Последняя его книга — объемистый сборник рассказов «The Collected Stones of Vemor Vinge». Не так давно Виндж стал известен и за пределами привычного ему жанра своими размышлениями о так называемой «сингулярности», о том, что технологический бум в наше время нарастает такими темпами, что общество становится непостижимым для самих его представителей. Совокупность идей, названная в честь автора «сингулярностью Винджа», оказала сильное влияние на умы «твердых» писателей-фантастов (особенно это заметно у Чарльза Стросса и Кори Докторою). В предлагаемом вашему вниманию рассказе Виндж с тревогой приподнимает завесу над тем, что может ждать нас в постиндивидуальном обществе, где жизнь полна опасных сюрпризов.

* * *

— Как тебе новая работенка?

Дайна Мэй отвела взгляд от клавиатуры и посмотрела на прыщавый лоб, возникший поверх перегородки, которая отделяла ее кабинку от соседней.

— Все лучше, чем возиться с гамбургерами, Виктор, — сказала она.

Виктор вытянул шею, и теперь его лицо было видно целиком.

— Да ну? Впрочем, и она скоро приестся.

Сказать по правде, у Дайны Мэй были те же предчувствия. Однако техническая поддержка в МегаТехе — настоящая работа, шажок за врата крупнейшей мировой компании в сфере высоких технологий.

— Не будем загадывать, Виктор! Это же наш первый день (Да, первый, если не считать шестидневки ознакомительного курса). А у тебя, похоже, усидчивости — как у кузнечика.

— Какое тонкое замечание, Дайна Мэй! Но человек творческий, с мозгами сам в состоянии разобраться, что достойно его внимания, а что нет.

«Брр».

— Как бы к исходу лета мозги у этой творческой личности не усохли в хранящей их тыкве.

Виктор деланно и глупо ухмыльнулся.

— Один ноль в твою пользу. — Он секунду подумал и тихо продолжил: — Видишь ли, м-м-м, я подписался на это, чтобы добыть материал для своей колонки в «Медведе». Вообрази себе большущий заголовок вроде «РЕНЕССАНС ЭКСПЛУАТАЦИИ» или «СМЕРТЬ ОТ СКУКИ». Я еще не решил, будет это шутки ради или с целью пробуждения общественного сознания. В любом случае, — он совсем перешел на шепот, — я сбегу отсюда, м-м-м, к концу следующей недели, — стало быть, мои мозги отделаются минимальным ущербом после столь омерзительного опыта.

— Ты не собираешься всерьез помогать клиентам, так, Виктор? Будешь лихо посылать их куда подальше?

Брови Виктора взлетели на лоб.

— Должен тебе сказать, что буду проявлять служебное рвение… по крайней мере еще день-два. — По его плутоватой физиономии скользнула кривая усмешка. — Не начну погоню за карьерой чертова консультанта, пока не окажусь в шаге от увольнения.

«Вполне логично». Дайна Мэй вернулась к своей клавиатуре.

— Ладно, Виктор. Как насчет того, чтобы дать мне поработать, за что, собственно, мне и платят?

Тишина. Сердитое оскорбленное молчание? Нет, это ехидное плотоядное безмолвие и сверлящий спину, раздевающий тебя взгляд. Но Дайна Мэй не поднимала головы. Она способна вытерпеть подобную игру в молчанку, пока лукавец вне досягаемости пощечины.

Через секунду раздался недвусмысленный звук: по ту сторону перегородки Виктор плюхнулся в свое кресло.

Старина Виктор такая зануда. Язык у него хорошо подвешен, и при желании он уболтает кого угодно. В то же время он зациклен на своем образовании, какой это тупик — поддержка потребителей. Мистер Джонсон — парень, проводивший ознакомительный курс, — был отличный учитель, но коварная задница Виктор всю неделю испытывал его терпение. Да, Виктор здесь действительно не на своем месте, но отнюдь не по тем причинам, которыми он прикрывается.

Дайне Мэй понадобилось около часа, чтобы обработать следующие семь запросов. Один из них, очень уж причудливый вопросец из Норвегии насчет «Мегавойса», голосовой программы, потребовал некоторых исследований. Ладно, пусть эта работа через пару дней и покажется рутинной, но, помогая людям, испытываешь хотя бы моральное удовлетворение. А из лекций мистера Джонсона Дайна Мэй знала, что обязана найти ответ до конца рабочего дня, даже если придется весь его посвятить изучению того, как заставить «Мегавойс» распознавать норвежские гласные.

Никогда прежде Дайна Мэй не занималась вопросами поддержки потребителей. Пока на минувшей неделе она не прошла тесты профессора Рейха, самой высокооплачиваемой работой, на которую она могла рассчитывать, были треклятые гамбургеры. Между тем, так же как все, Дайна Мэй частенько оказывалась *жертвой* сферы обслуживания. Она покупает новую книгу или красивое платье, но книга порвана, а платье не налезает, и тогда она обращается в службу поддержки потребителей, а там отмалчиваются, или отделываются бесполезными, заранее записанными на пленку ответами, или даже пытаются всучить ей что-нибудь еще — и все это под вечную трескотню о том, что забота о клиентах — превыше всего.

«МегаТех» расставил точки над «i». Его боссы осознают, насколько важны реальные люди-помощники для реальных людей-клиентов. Были наняты сотни, тысячи работников вроде Дайны Мэй. Платили им не слишком много, и первая неделя обещала быть напряженной — недаром их закупорили здесь и нещадно гоняли на уроках.

Впрочем, Дайна Мэй об этом не задумывалась. «*МегаТех*» —

Техномир от альфы до омеги!» Раньше она считала лозунги глупыми. Но «МегаТех» такой *большой;* IBM и «Майкрософт» в сравнении с ним — мелюзга. Дайна немного нервничала, представляя, как окажется в помещении размером с несколько футбольных полей, разделенном на крохотные кабинки, ряды которых уходят за горизонт. Да, здание 0994 действительно состояло из кабинок, однако в ее команде было всего пятнадцать милых людей, если исключить Виктора, явно не входящего в число «милых». На их рабочем этаже повсюду были окна с дивным видом на горы Санта-Моники и водохранилище Лос-Анджелеса. Стол Дайны Мэй Ли стоял прямо перед одним из них! «Могу поспорить, что даже с орбитальных спутников не открывается такая красота! « Отсюда видна лишь малая доля из того «мега», что являет собой «МегаТех». Возле здания 0994 находятся теннисные корты и плавательный бассейн. А по холмам разбросаны еще десятки таких же зданий. Склон ближайшей горы полностью отдан полю для гольфа, а за ним тоже простираются земли компании. У этих парней достаточно денег, чтобы выкупить весь каньон Раньона и прочно на нем обосноваться. И это только Лос-Анджелесский филиал!

Дайна Мэй выросла в Тарзане. Когда в долине выдавался ясный денек, она видела вечно прикрытые дымкой горы Санта-Моники. Они казались далекими и недосягаемыми, словно вышедшими из сказки. А теперь она взобралась на них! На следующей неделе надо принести из дома бинокль и посмотреть отсюда на северный склон, — может, даже удастся отыскать ту точечку внизу, где до сих пор живет ее отец.

Ладно, пора за работу. Следующие шесть запросов простые; они от людей, не удосужившихся прочесть одну-единственную страничку руководства, прилагаемого к «Мегавойсу». Довольно трудно в который раз *вежливо* отвечать на подобные письма. Но она попытается — сегодняшний день пройдет у нее в неизменно любезных ответах, она снова и снова будет вежливо излагать очевидное клиентам, которые сами могли бы во всем разобраться. Хотя для этого и потребуется напрячь лишнюю пару извилин. Черт. Нет, сегодня закончить не получится. Мистер Джонсон напутствовал «завершать начатое в тот же день», но, может, он позволит ей закончить в понедельник утром? Она искренне настроена не пасовать перед трудностями. Новый день принесет те же тупые вопросы. Но будут и другие, сложные задачи! Без сомнения, она по-настоящему, по-настоящему досконально разберется в «Мегавойсе». И, что куда важнее, она добьется успеха в решении проблем управления и организации. Что из того, что она валяла дурака последние семь лет и так и не поступила и

колледж? Мало-помалу она самореализуется, и уже через пару лет глупости канут в прошлое. Некоторые утверждают, будто в наше время подобное невозможно, что необходимо образование. Но люди всегда умели совмещать учебу с тяжелым трудом. Да же в двадцатом веке — сколько машинисток и стенографисток прошли через такое. Пусть техническая поддержка потребителей станет для Дайны Мэй отправной точкой.

Рядом кто-то негромко свистнул. Виктор. Дайна Мэй решила не обращать внимания.

— Дайна Мэй, тебе надо это увидеть.

«Пошел ты».

— Клянусь, Дайна, это впервые! Как ты это сделала? У меня запрос, адресованный тебе, на твое имя! Ну, почти.

— Что?! Скинь его мне, Виктор.

— Нет. Обойди стенку и сама посмотри. Он у меня перед глазами.

Дайна Мэй не вышла ростом (она была попросту коротышкой) и не могла заглянуть через перегородку.

«Черт побери».

Три шага — и она в коридоре, Улисс Грин высунула голову из своей кабинки и с любопытством посмотрела на Дайну. Та, пожав плечами, отвела взгляд в сторону, и Улисс вернулась к работе. Пальцы застучали по клавишам, будто случайные дождинки по крыше (в этом мире перегородок «Мегавойс» был запрещен). Мистер Джонсон уже совершил обход утром, отвечая на вопросы и уверяя окружающих, что все идет нормально. Сейчас он наверняка вернулся к себе в офис на другой стороне здания; в первый день едва ли стоит беспокоиться о лентяях и бездельниках. Дайна Мэй чувствовала, что поступила не совсем честно, однако…

Хлопнув дверью, она вошла в кабинку Виктора, с шумом придвинула к себе свободный стул.

— Веди себя прилично, Виктор.

— Не суди по себе, Дайна Мэй. — Виктор взглянул на экран. — Ах ты, потерял окошко. Секундочку. — Он покрутил мышкой. — Ты что, подписываешь ответы своим настоящим именем? Это единственное, что я могу предположить…

— Нет. Вовсе нет. Я ответила на двадцать два вопроса, и все время была Аннет Джи. — Такого рода подписи выставлялись автоматически после нажатия кнопки «Отправить». Мистер Джонсон говорил, что делается это для защиты частной жизни служащих и создает у пользователей иллюзию непрерывности общения, ведь последующие вопросы клиентов редко приходят к сотрудникам, которые отвечали в первый раз. Ему не пришлось

пояснять также, что это обеспечивает полную взаимозаменяемость операторов технической поддержки в «МегаТехе» — будь то сервисный центр в Лахоре, Лондондерри или Лос-Анджелесе. Кстати сказать, данный пунктик был одним из немногих разочарований Дайны Мэй в новой работе: здесь не заведешь полезных контактов с клиентами. Что за чертовщина такая?

— Ага! Вот оно. — Виктор ткнул пальцем в экран. — Что скажешь?

Сообщение пришло на адрес службы технической поддержки и имело стандартный вид. Но в графе «Предыдущий респондент» не стояла одна из рабочих подписей. Вместо этого там значилось:

Дай наМ эй Ли

— Пора бы повзрослеть, Виктор.

Виктор театрально воздел руки, словно бы защищаясь, но выражение лица Дайны Мэй притушило ухмылку на его физиономии:

— Эй, не убивай гонца! Так это ко мне и пришло.

— Ерунда. Сервер отбраковывает неправильные имена. Ты все подделал.

В какое-то мгновение на физиономии Виктора выразилась растерянность. «Ха!» — торжествовала Дайна Мэй. Она-то не зевала на лекциях мистера Джонсона и по поводу произошедшего могла сказать больше всяких умников-разумников Викторов. Так что его шуточка получилась плоской — небось потому, что рухнула и расшиблась в лепешку. Однако Виктор встряхнулся и снова выдавил слабую улыбку.

— Это не я. Как бы я узнал о твоем, э-э-э, прозвище?

— Да уж, — хмыкнула Дайна Мэй, — нужен истинный гений, чтобы вот так изощренно манипулировать пробелами.

— Честное слово, Дайна Мэй, это не я. Черт возьми, я даже не знаю, как через наш редактор форм менять основные поля. А *это* уже похоже на правду.

— Что тут случилось?

Они даже подпрыгнули от неожиданности: у входа в кабинку стояла Улисс. Виктор пожал плечами:

— Это Дай… Дайна Мэй. Кто-то здесь, а «МегаТехе», ее разыгрывает.

Улисс, подойдя ближе, склонилась над монитором.

— М-да. А что в письме?

Дайна Мэй перегнулась через стол и прокрутила текст вниз.

Обратный адрес alfonse925@freemail.sg

Тема — «Голосовое форматирование».

По этому вопросу к ним обращались многие; «Мегавойс» не обладал той интуицией, в которую заставляла верить реклама.

Это письмо не было похоже ни на одно из тех, на которые отвечала Дайна Мэй:

ЭЙ, ПРИВЕТИК, СЛАДКИЙ ПЕРЧИК! Я БЫЛ БЫ ЖУТКО БЛАГОДАРЕН, ЕСЛИ БЫ МНЕ СКАЗАЛИ, КАК СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ НИЖЕСЛЕДУЮЩЕЕ БЫЛО ВЫДЕЛЕНО КУРСИВОМ:

«ПОМНИШЬ ДОМИК НА ДЕРЕВЕ, КОТОРЫЙ НАЗЫВАЛСЯ ТАРЗАНАРАМА? ТОТ, ЧТО БЫЛ ПРЕДАН ОГНЮ? ЕСЛИ ХОЧЕШЬ РАЗДУТЬ КУДА БОЛЬШИЙ ПОЖАР, СООБРАЗИ, ОТКУДА Я ВСЕ ЭТО ЗНАЮ. КЛЮЧ К РАЗГАДКЕ В ТОМ, ЧТО 999 — ЭТО 666 ВВЕРХ НОГАМИ».

Я ИСПРОБОВАЛ ВСЕ, НО ПЕРЕВЕСТИ ПРИВЕДЕННОЕ ВЫШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В КУРСИВ НЕ СМОГ. ПОМОГИ, ПОЖАЛУЙСТА.

ТОСКУЮЩИЙ ПО ТВОЕМУ ЮЖНОМУ ГОСТЕПРИИМСТВУ И ОСТАЮЩИЙСЯ ТВОИМ НАИВЕРНЕЙШИМ ДРУГОМ,

АЛЬФОНС (ТВОЙ ДО САМЫХ ГЛУБИН).

Улисс сухо заметила:

— Значит, Виктор, ты додумался, как редактировать входящие формы.

— Да будь я проклят, я невиновен!

— Ну конечно. — На черном лице Улисс блеснули белые зубы. В двух коротких словечках уместился целый океан презрения.

Дайна Мэй всплеснула руками, призывая обоих коллег к тишине.

— Я… я не знаю. В этом письме есть что-то действительно странное.

Несколько секунд она смотрела на текст. Где-то в желудке родился озноб, погнавший мурашки по всему телу. Когда ей было семь, мама и папа построили ей домик на дереве. Дайна Мэй так любила его! Два года она была Тарзаном из Тарзаны. Причем название хижины, Тарзанарама, держалось в тайне от всех. Дайне Мэй было девять, когда она подожгла свой чудесный домик. Ужасный несчастный случай. Ну, если по правде, сильнейший приступ детского гнева. Но она не подумала, что пламя может выйти из-под контроля. Пожар чуть не спалил и настоящий их дом. После этого происшествия она почти два года оставалась примерной маленькой девочкой.

Улисс еще раз внимательно прочла письмо и потрясла Дайну Мэй за плечо.

— Кто бы он ни был, тон не слишком дружелюбный.

Дайна Мэй кивнула. «Этот проныра надавил на все кнопки разом». Включая и ее любопытство. Отец — единственный человек на свете, знающий, кто устроил пожар, но прошло уже года четыре с той поры, как он получал хоть какой-то адрес дочери, и, конечно, папочка никогда бы не стал писать в таком неуважительном тоне сексуального «поползня».

Виктор крутил головой, переводя взгляд с одной девушки на другую, и чувствовал, что больше не является объектом подозрений.

— Что вы насчет этого думаете?

Из-за перегородки вытянул шею Дон Уильямс:

— Эй, кто здесь?

Вскоре они все вместе сидели тесным кружком на полу кабинки Виктора.

— Если ты не глухой, — сказала Улисс, — то многое уже знаешь, Дон. Кто-то под нас копает.

— Что ж, доложите Джонсону. Народ, это первый наш день. Не самый подходящий момент для того, чтобы вляпаться в историю.

Это вернуло Улисс с небес на землю. Как и Дайна Мэй, она видела в работе на «МегаТех» последний реальный шанс получить нормальную профессию.

— Ого, — заметил Дон, — время завтрака. — Дайна Мэй посмотрела на часы. Верно! — Давайте продолжим обсуждение в кафетерии, а потом вернемся и посвятим Великому Мега остаток рабочего дня. А там и до конца первой недели недалеко!

Уильямс планировал устроить у себя на квартире вечеринку, которая наверняка растянется на всю ночь. Впервые с момента в должность они покинут кампус «МегаТеха».

— Эх! — вздохнула Улисс. — Дайна Мэй, у тебя целые выходные на то, чтобы вычислить, кто это сделал, и отомстить.

Дайна Мэй снова взглянула на странную графу «Предыдущий респондент».

— Я… не знаю. Выглядит так, будто что-то произошло прямо здесь, в кампусе «МегаТеха». — Она бросила взгляд в окно Виктора. Вид, естественно, был тот же, что и из ее кабинки, но теперь она на все смотрела другими глазами. Где-то в этих чудесных домиках, будто принадлежащих загородному клубу, засел какой-то чертов аморальный хрен. И он, несомненно, решил поиграть с ней.

На мгновение воцарилась тишина. Может, это-то и помогло; Дайна Мэй только теперь осознала, куда она смотрит — на ближайшее здание вниз по холму. Отсюда виднелась лишь

верхушка второго этажа. Как и другие дома кампуса, оно имело свои четырехзначный номер, выведенный золотом на углу. И номер этот был 0999.

«Ключ к разгадке в том, что девятьсот девяносто девять — это шестьсот шестьдесят шесть вверх ногами».

— Боже мой, Улисс. Посмотри: девятьсот девяносто девять. — И Дайна Мэй указала пальцем в окно.

— Это может быть совпадение.

— Нет, слишком уж в точку. — Она метнула взгляд на Виктора. Подобные штучки наверняка в его духе. «Но тому, кто написал письмо, известно чересчур много». — Знаешь, я, пожалуй, пропущу сегодня ланч и немножко прогуляюсь по кампусу.

— Это безумие, — фыркнул Дон. — «МегаТех» не запретная зона, но вроде бы не предполагается, что мы станем бродить по другим зданиям проекта.

— Тогда мне дадут от ворот поворот.

— Ха, неплохое начало для новой работы, — заметил Дон. — Думаю, что вы трое просто не осознаете, как нам повезло. Знаю-знаю, никто из вас прежде не занимался поддержкой потребителей. — Он с вызовом оглядел коллег. — А я не новичок. И, скажу вам, тут — супер. У нас, черт возьми, отдельные кабинеты, внутренние теннисные корты и оздоровительный центр. Нас угощают и развлекают, как этих миллионщиков — системных программистов. У нас масса времени для того, чтобы дать первоклассный совет клиентам. То, что пытается совершить здесь «МегаТех», — это революция! А ваше разнюхивание только все погубит. — Еще один взгляд. — Ладно, делайте что хотите, а я пошел на ланч.

Наступил миг обескураженной тишины. Выйдя из кабинки, Улисс наблюдала, как Дон и другие сотрудники идут к лестнице. Потом она вернулась.

— Я тебя понимаю, Дайна Мэй, но… может быть, Дон прав? Не отложить ли все на следующую неделю? — Лицо ее выглядело несчастным. Улисс во многом была похожа на Дайну Мэй, но отличалась большей впечатлительностью.

Дайна Мэй помотала головой. Она знала, что пройдет еще четверть часа, прежде чем ее здравый смысл надавит на тормоза.

— Я пойду с тобой, Дайна Мэй, — сказал Виктор. — Хм-м… Может получиться прелюбопытная история.

Дайна Мэй улыбнулась и протянула Улисс руку:

— Все в порядке, Улисс. Иди завтракать. — Та выглядела растерянной. — Нет, честно. Когда мистер Джонсон спросит, по чему я пропустила ланч, будет очень кстати, если ты окажешься

рядом и дашь ему понять, что я работаю не за страх, а за совесть.

— Хорошо, Дайна Мэй. Так я и сделаю. — Одурачить Улисс не удалось, но предложенный вариант всех устраивал.

Как только она ушла, Дайна Мэй повернулась к Виктору:

— Так, теперь разберемся с тобой. Мне нужна распечатка этого гнусного письма.

Они вышли через боковую дверь. У входа стояли автоматы с напитками и сладостями. Виктор нагрузил себя «припасами экспедиции», и вдвоем они начали спускаться с холма.

— Жаркий денек, — пробубнил Виктор, набив полный рот шоколадом.

— Ага.

Начало недели, как это часто бывает в июне, выдалось пасмурным, но сегодня облака разошлись, день обещал быть теплым и солнечным — и Дайна Мэй внезапно осознала, насколько приятна кондиционированная жизнь «МегаТеха». Здравый смысл еще не дотянулся до тормозов но момент этот был недалек.

Виктор проглотил шоколад с помощью «Доктора Шипучки» и закинул пустую банку в куст олеандра, нависшего над тропинкой.

— Нет, правда, а кто, думаешь, стоит за письмишком?

— *Не знаю,* Виктор! Зачем, по-твоему, я рискую работой, выясняя это?

Виктор рассмеялся.

— Да не волнуйся ты о потере работы, Дайна Мэй. Хе. Все это просуществует не дольше, чем до осени. — И он одарил ее своей усмешкой всезнайки.

— Ты идиот, Виктор, *Правильно* организованная служба технической поддержки принесет миллион долларов прибыли.

— Может быть… но уж точно не всем. — Он сделал паузу, словно задумавшись, что бы еще ей сказать. — Смотри: поддержка стоит денег. А общество давным-давно определилось с тем, сколько оно намерено платить. — Он опять помолчал, видимо, стараясь собраться с мыслями и изложить их так, чтобы она смогла понять. — Хм-м… даже если ты права, все равно планы, которые ты связываешь с проектом, обречены. Знаешь почему?

Дайна Мэй не ответила. Наверняка он начнет распространяться на тему низкого профессионального уровня нанятых людей.

А Виктор уверенно продолжил:

— Так я тебе скажу. И этот поразительный зигзаг мысли придаст блеск моей статье в нашем «Мишутке»: возможно,

«МегаТех» разместил сердце своей корпорации в нужное время в нужном месте. Какой приятный сюрприз, с учетом того, что они подмяли под себя «Майкрософт». Может, они и позволят этому причудливому идеализму зайти слишком далеко. Хе-х. Однако на долговременную перспективу они подбирают не тех служащих.

Дайна Мэй пока сохраняла хладнокровие:

— Мы прошли все психологические тесты. Думаешь, профессор Рейх не знает, что делает?

— О, могу поспорить, что знает. Но что если «МегаТех» не пользуется его результатами? Посмотри на нас. Некоторые — как и ты, несомненно, — слишком образованны. Я скоро получу степень магистра в журналистике; ясно, что здесь я надолго не задержусь. Дальше возьмем Дона и Улисс. Уровень их образования вполне подходит для Службы технической поддержки, но они слишком умны. Да, Улисс твердит о том, что работу надо выполнять мастерски, чтобы твой талант разглядели, и она очень прилежна. Тем не менее даже она, готов поспорить, не выдержит все лето. А что до остальных… хм, я не слишком разоткровенничался, Дайна Мэй?

От удара кулаком по физиономии его спасло только то, что Дайна Мэй никогда не умела злиться на двух людей одновременно.

— Валяй, Виктор, откровенничай.

— У тебя те же планы, что и у Улисс, но, держу пари, согласно многопрофильным психологическим тестам ты уравновешенна не более, чем гремучая ртуть. Без этого интригующего письма мистера Альфонса ты продержалась бы неделю, так как рано или поздно наткнулась бы на нечто такое, что взбесило бы тебя и потребовало определенных действий — бац! — и ты хлопнулась бы с поднебесных высот на задницу.

Дайна Мэй притворилась, что обдумывает его заявление.

— Что ж, — протянула она. — В конце концов, ты же собираешься пробыть тут всю следующую неделю, верно?

Он захохотал.

— Да упокоится с миром мое место. А если серьезно, Дайна Мэй, я размышляю над сложившейся ситуацией. Больно уж он личный. У нас есть горстка ярких и решительных людей, но их поступки всегда прогнозируемы, а энтузиазм в большинстве случаев не выдерживает проверки временем. Хе-х. Так что, смею предположить, единственное рациональное объяснение — честно говоря, не думаю, что это сработает, — кроется в расчетах «МегаТеха».

Он занудно бубнил о том, как «МегаТех» ищет быстрой известности и что демонстрация высококвалифицированной

поддержки покупателей нацелена на привлечение массы новых клиентов. А затем, переполнившись до краев ненадежными работниками, компания якобы разгонит всех, сбросит скорость и перейдет на что-то более дешевое и долговечное.

Но в мыслях Дайна Мэй была далеко отсюда. По левую руку открывался знакомый вид Лос-Анджелеса. Справа, в нескольких сотнях ярдов, тянулся горный хребет. С его гребня наверняка видна вся долина, даже узкие улочки Тарзаны. Было бы здорово когда-нибудь вернуться туда и, может, доказать папе, что она способна обуздать характер и чего-то добиться. «В жизни своей я только все портила, прямо как сегодня. Но получить это письмо от «Альфонса» — все равно что обнаружить в собственной спальне взломщика. Парню слишком многое о ней известно, он знает то, о чем не должен знать, и глумится над ее корнями и семьей. Дайна Мэй выросла в Южной Калифорнии, но родилась в Джорджии — и гордилась своим происхождением! Папочка никогда ее не понимал, поскольку она вечно бунтовала. Они с мамой говорили, что со временем она угомонится и остепенится. Но вот она влюбилась не в того парня — и домочадцы выставили ее вон. Слова были сказаны. И хотя с любовью ничего не вышло, путь назад был отрезан. Потом мама умерла. «Даю клятву, что не вернусь к папаше, пока не докажу всем, что кое-что собой представляю!»

Так зачем отказываться от лучшей в ее жизни работы? Она замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась посреди тропинки; здравый смысл наконец-то добрался до тормозов. Между тем они почти подошли к зданию 0999. Хотя дом и скрывался за переплетением ветвей можжевельника, были видны ступеньки, ведущие на его первый этаж.

«Мы должны вернуться». Она вытащила из кармана письмо «Альфонса» и секунду разглядывала его. «Позже. Ты займешься этим позже». Девушка перечитала послание. Из-за прилива злых слез буквы расплывались перед глазами, и на летнем солнцепеке ее колотил озноб.

Виктор нетерпеливо фыркнул:

— Идем же, детка. — И он сунул ей в руку плитку шоколада. — Давай, расшевели сахарок в крови.

По бетонной лестнице они спустились к входу в здание 0999.

«Я только одним глазком», — решила Дайна Мэй.

Под сенью деревьев и сводами царили тень и прохлада. Через окна первого этажа они заглянули в пустые комнаты. Виктор пинком открыл дверь. Планировка здесь в точности повторяла их здание, разве что 0999 было еще не достроено: в воздухе витал запах свежей стружки, а со стен свисали оголенные лампы и

мотки проводов.

Но дом был обитаемым. Сверху доносился разговор, там наверняка располагался такой же лабиринт с кубиками-кабинками, как и в здании 0994. Дайна Мэй быстро взобралась по ступенькам, высунула нос — никаких кабинок. Скорее, это помещение напоминало пещеру. В центре зала пространство загромождали сдвинутые вместе шесть или восемь столов, дюжина людей повернули головы навстречу вошедшим.

— Ага! — громыхнул один из сидящих. — В нашем полку прибыло. Милости просим, милости просим!

Они подошли к столам. Дон и Улисс сильно переживали по поводу нарушения корпоративных правил и режима секретности. Что ж, не стоило. Вся эта компания скорее напоминала незаконно вселившихся в дом фермеров. Трое парней водрузили ноги на столы, захламленные кусками еды и банками из-под содовой.

— Программисты? — шепнула Дайна Мэй Виктору.

— Хм-м. Нет, похоже… студенты-аспиранты.

Тот горластый обладал в придачу копной огненно-рыжих волос, стянутых на затылке в конский хвост. Он широко осклабился, приветствуя Дайну Мэй.

— Тут есть пара лишних мониторов. Шлепайтесь куда-нибудь. — Он ткнул большим пальцем в сторону стены и груды складных стульев. — С вами двумя, может, сегодня и управимся.

Дайна Мэй неуверенно взглянула на монитор и клавиатуру, только что активированные басистым студентом.

— Но что…

— Когнитология, группа триста один. Завершающий этап. Сотня долларов за вопрос, нужно еще сто семь голубых книжек [104] оценить. Джерри задает в основном общие вопросы.

Виктор рассмеялся:

— Вы получаете сотню за каждую голубую книгу?

— За каждый вопрос в каждой книге, малыш. Но не треплись. Думаю, Джерри платит нам из тех денежек, которые «МегаТех» субсидирует ему будто бы на исследования. — Он махнул рукой в сторону ближайшей пустой комнаты еще не достроенного здания.

Дайна Мэй нагнулась к экрану с белыми буквами на синем фоне. Стандартная голубая книга, совсем как в Общественном колледже в долине. Только здесь вопросы выглядели по-дурацки, например:

7. СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РАБОЧИХ УСЛОВИЯХ С УЧЕТОМ СОХРАНЕНИЯ ВНИ АНИЯ МИНСКОГО-ЛОЕВА. НАПИСАТЬ АЛГОРИТМ СОЗДАНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ИЗОМОРФИЗМА.

— А что это вообще такое — когниталогия? — спросила Дайна Мэй.

Ухмылка тут же исчезла.

— О, черт. Значит, вы явились сюда не для того, чтобы помочь с классификацией?

Дайна Мэй отрицательно покачала головой, а Виктор сказал:

— Это не должно быть слишком сложно. Я все-таки заканчивал психологические курсы. — Рыжий, однако, не приободрился.

— Кто-нибудь знает этого парня?

— Я, — отозвалась девушка на дальнем конце стола. — Это Виктор Смоли. Он журналист, к тому же не слишком хороший.

Виктор вытянул шею.

— Привет, Мышка! Как поживаешь?

Рыжий умоляюще воздел глаза к потолку.

— И на кой они приперлись, только от дела отвлекают. — Он вновь взглянул на посетителей. — Может, вы двое будете столь любезны и выкатитесь вон?

— Нет, — ответила Дайна Мэй. — Я пришла сюда не просто так. Кто-то — возможно, кто-то из этого здания 0999 — вмешался в нашу работу Службы поддержки потребителей. И я собираюсь выяснить, кто именно…

«И подкинуть работенку его стоматологу, лишив гада пары зубов».

— Хе. Если мы не закончим проверку и систематизацию сегодня, то Джерри Рейх заставит нас притащиться сюда завтра, и…

— Я так не думаю, Грэм, — вмешался паренек напротив. — Профессор Рейх настаивал, чтобы мы не переживали по поводу сроков. Он хочет выяснить, сколько времени занимает полная индивидуализация.

— Ну, конечно! — воскликнул рыжий Грэм. — Да Рейх врал нам. «Будьте проще, зарабатывайте денежки». Могу поспорить, если мы сегодня не закончим, он запросто лишит нас выходного.

Он метнул взгляд на Дайну Мэй, она ответила тем же. Грэм уже собирался продемонстрировать, что такое упрямство и несговорчивость, но тут тишину нарушила девушка, которую Виктор назвал Мышкой.

— Я поговорю с ними, Грэм.

— Валяй, только не здесь!

— Конечно, мы выйдем на крыльцо. — И она поманила Виктора и Дайну Мэй за собой к боковой двери.

— Эй, — окликнул ее Грэм, — не тусуйся с ними целый день,

Элен. Ты нам нужна.

Ассортимент продуктов в автомате у входа в 0999 был куда богаче, нежели в Службе поддержки потребителей, хотя, по мнению Дайны Мэй, автомат не мог возместить отсутствия кафетерия. Однако Элен Гарсиа, похоже, было все равно:

— Мы здесь только на один день. И возвращаться сюда в субботу лично я не собираюсь.

Дайна Мэй взяла себе бутерброд и содовую, и они втроем присели на обшарпанную садовую скамейку.

— Так что вы хотите знать? — спросила Элен.

— Видишь ли, Мышка, мы расследуем происшествие… — начал было Виктор, но Элен отмахнулась от него. В ее глазах, как и у всех женщин при взгляде на Виктора, читалось презрение. Она выжидающе посмотрела на Дайну Мэй.

— Ну, меня зовут Дайна Мэй Ли. Этим утром мы получили письмо на адрес технической поддержки. Какая-то подделка. Во всем этом есть что-то странное… — И она протянула девушке распечатку.

Элен изучила листок.

— Странно, — пробормотала она себе под нос. И замерла, увидев строку «Кому». — М-да, это явное оскорбление. Я сталкивалась с чем-то подобным, когда была помощником по обучению. Один парень начал позволял себе вольности по отношению к девушке из моего класса. — И она испытующе посмотрела на Виктора.

— Почему все подозревают меня? — надулся он.

— Гордись, Виктор. Ты у всех на устах. — Она пожала плечами. — Хотя, конечно, это не совсем твой стиль. — Она прочла еще раз. — Откровенная пошлость, однако по содержанию какая-то абракадабра.

— Зато *мне* все понятно, — сказала Дайна Мэй. — Этот парень пишет о том, чего никто не должен был знать.

— О-о-о? — Элен вернулась к началу и еще некоторое время рассматривала распечатку. — Не знаю, какие такие тайны содержатся в тексте, но одно из моих увлечений — это сетевые протоколы и заголовки. Ты права, все это фальсификация. Номер сообщения и опознавательная строка слишком длинные; думаю, они могут содержать в себе дополнительную информацию.

Она вернула письмо.

— Ничего больше я не могу сказать. Если хочешь, оставь мне копию, и в выходные я пораскину мозгами над заголовками.

— Ох… Ладно, спасибо. — Такая помощь была самой конкретной из того, что кто-либо мог ей предложить, но… — Видишь ли, Элен, я надеялась отыскать какие-то ниточки тут, в

здании девятьсот девяносто девять. Письмо направило меня сюда. В жизни мне приходилось сталкиваться с негодяями, и я никогда не давала им спуску! Бьюсь об заклад это один из тех ребят. — «И наверняка он сейчас смеется над нами».

Элен подумала пару секунд и покачала головой:

— Извини, Дайна Мэй. Я хорошо знаю всех этих ребят. Некоторые из них странноватые, но на такое они не способны. Кроме того, до вчерашнего дня мы и не знали, что окажемся здесь. А сегодня нам некогда было прикалываться.

— Ясно. — Дайна Мэй выдавила из себя улыбку. — Я ценю твою помощь. — Она даст Элен копию письма и поспешит вернуться к своей поддержке потребителей, впервые поступив благоразумно.

Дайна Мэй собралась было встать, но Виктор нагнулся и положил между ними свой карманный компьютер.

— Должно же было это письмо откуда-то прийти. Кто-нибудь здесь вел себя странно, Мышка? — Элен взглянула на него исподлобья, и он поспешно поправился: — То есть я хотел сказать — Элен. Знаешь, я только пытаюсь помочь Дайне Мэй. Ну и, возможно, заполучить хороший сюжет для «Медведя».

Элен пожала плечами.

— Грэм же сказал тебе: мы занимаемся классификацией для Джерри Рейха.

— Угу. — Виктор откинулся на спинку скамьи. — Еще когда я учился в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, у Рейха была репутация ловкача. Он получил кучу правительственных заказов и одновременно консультировал «МегаТех». Он старался выставить себя супергением, но все дело было в деньгах, с помощью которых он покупал себе помощников. Как думаешь, во что он ввязался?

— Полагаю, Джерри злоупотребляет своим положением в «МегаТехе». Но сомневаюсь, что их это волнует; он им действительно нравится. — Лицо ее посветлело. — Сама я одобряю проект классификации профессора Рейха. Работая помощником преподавателя, я мечтала о том, чтобы нашелся какой-нибудь способ не проводить целые дни за проверкой результатов тестирования каждого студента в отдельности. Тогда это было невозможно, и времени всегда не хватало. Но, заключив соглашение с «МегаТехом», Джерри Рейх вплотную приблизился к решению проблемы. Он платит способным аспирантам приличные деньги за то, чтобы они давали оценку и комментарий по каждому контрольному вопросу. «О времени не думайте», — сказал он нам. Этот проект обеспечит студентам обратную связь с экзаменатором.

— Этот парень, Рейх, сделал такую стремительную карьеру, — заметила Дайна Мэй. — Он стоял и за программой, отобравшей Виктора, меня и других для службы технической поддержки.

— Да, Виктор насчет него прав. Рейх — манипулятор. Я знаю, он проводил тестирование всю эту неделю, заняв целиком Зал Олсона, хотя до последнего не знал, каковы будут результаты. Он отобрал Грэма и всю нашу банду и усадил за эту однодневную работу по систематизации. Похоже, он ведет сразу все проекты.

— Да, мы тоже тестировались в Зале Олсона. — За небольшую плату и обещания карьерного роста… И вот Дайна Мэй на лучшей в своей жизни работе, хотя и висит сейчас на волоске. — Но неделей раньше.

— Это не могло быть то же самое место. Зал Олсона — спортивный зал.

— Ну да, очень похоже.

— Неделей раньше там проходил отбор для Национальной студенческой спортивной ассоциации.

Виктор потянулся к своему компьютеру:

— Ладно. Нам пора, Мышка.

— Прекрати меня обзывать, Виктор! Процесс отбора для Национальной студенческой спортивной ассоциации занимал неделю, начиная с четвертого июня. Я составляла вопросник для Джерри, и это было вчера, в четверг, четырнадцатого июня.

— Извини, Элен, — возразила Дайна Мэй. — Да, вчера был четверг, только не четырнадцатое, а двадцать первое.

Виктор сделал успокаивающий жест

— Ерунда, великое дело.

Элен нахмурилась, но почему-то не стала спорить. Она взглянула на часы.

— Ну-ка, Виктор, давай заглянем в твой ноутбук. Какое у нас сегодня число?

— Так, июнь, июнь… ух. Пятнадцатое.

Дайна Мэй посмотрела на свои часы. Циферки были отчетливые, а неделя — другая: ПТ, Июнь, 15, 12:31:18, 2012.

— Элен, я смотрела на часы, прежде чем отправиться сюда. Они показывали двадцать второе.

Элен нагнулась, рассматривая календарь на экране мини-компьютера Виктора.

— Могу поспорить, так и было. Но и часы, и компьютер ведут отсчет времени в соответствии с условиями в зданиях, здесь вернулось местное время, и вы видите правду.

Дайна Мэй почувствовала, что сходит с ума.

— Погоди, Элен. Что бы там ни утверждала служба времени,

не могла же я выдумать себе дополнительно целую неделю жизни. — «Ох уж эти ознакомительные курсы».

— Нет, конечно. — Элен подтянула колени к подбородку, пристроив пятки на краешке скамейки. Она долго ничего не говорила, только вглядывалась в прикрытый дымкой город внизу.

Наконец она произнесла:

— Знаешь, Виктор, ты должен быть доволен.

— С чего бы это? — подозрительно переспросил он.

— Возможно, ты наткнулся на сенсацию мирового значения. Вот скажи, в течение этой лишней недели жизни вы часто пользовались телефоном?

— Ни разу, — ответила Дайна Мэй. — Мистер Джонсон, наш куратор, сказал, что всю первую неделю мы будем как бы в мертвой зоне.

Элен кивнула.

— Как я и предполагала, они не ожидали, что афера продлится больше недели. Видишь ли, мы тут вовсе не в мертвой зоне. Хоть «МегаТех» и налагает запрет на сетевой доступ, но этим утром по крайней мере пару телефонных звонков я сделала.

Виктор метнул на нее острый взгляд:

— Так откуда, ты считаешь, взялась эта лишняя неделя?

Элен помедлила.

— Думаю, Джерри Рейх переступил запретную черту в отношении людей, проведенную Попечительским комитетом Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Наверняка ночь вы провели в наркотическом сне, накачиваемые под завязку подробностями о продукции «МегаТеха».

— Ох! То есть ты имеешь в виду… ускоренную подготовку?! — Виктор нервно барабанил пальцами по блокноту. — Я думал, такое давно не практикуется.

— Это если играть по правилам Управления по контролю за лекарственными средствами. Но есть медикаменты и препараты, ускоряющие процесс обучения. Полистай журналы и увидишь, какие грандиозные скандалы разворачиваются из-за наркотиков в спорте. Думаю, Джерри Рейх завладел чем-то очень, *очень* эффективным. Побочных реакций — никаких. Вы получили и новости, и специальные знания, даже узкопрофессиональные. И по-видимому, детальные воспоминания о событиях, которые в вашей жизни *никогда* не происходили.

Дайна Мэй вызвала в памяти прошлую неделю. Ничего странного не было в ее пребывании в Зале Олсона: экзамены, собеседования… Правда, туалеты ей показались фантастически чистыми — как в больнице, но она осознала это только теперь, когда поразмыслила. Правда, Дайна заглянула туда только

однажды, после того, как согласилась на эту работу. А потом села в автобус и отправилась прямиком в «МегаТех»… Даже домой не заходила? После этого все снова проясняется. Дайна помнила шутки в классе изучения «Мегавойса». Помнила еду, полуночные разговоры с Улисс о том, какие великие возможности открываются перед ними.

— Промывка мозгов, — выдавила она наконец.

Элен опять кивнула.

— Кажется, Джерри зашел далеко, слишком далеко.

— И он глуп. Наша команда собирается сегодня на вечеринку в город. И вдруг шестнадцать человек разом узнают о том, что с ними сделали. Мы же свихнемся, когда… — Дайна Мэй поймала на себе сочувственный взгляд Элен. — Ох. — Должно быть, сегодня вместо веселья их команда по поддержке потребителей будет погружена в наркотический сон, после которого из памяти навсегда сотрется неделя, которой никогда не было. — Мы все забудем, так?

— Полагаю, вам хорошо заплатят и снабдят воспоминаниями об однодневной работе в «МегаТех», — предположила Элен.

— Нет, этого не произойдет, — заявил Виктор. — У меня есть прекрасный сюжет и праведный гнев. Обратно я уже не вернусь.

— Мы должны предупредить остальных.

Виктор затряс головой.

— Слишком рискованно.

Дайна Мэй сверкнула на него глазами. Элен Гарсиа обхватила руками колени.

— Если бы речь шла только о тебе, Виктор, я бы решила, что ты меня разыгрываешь. — Она секунду изучающе смотрела на Дайну Мэй. — Дай-ка еще раз письмо.

Она развернула бумажку.

— У «МегаТеха» довольно серьезная служба безопасности. Боюсь, они захотят заткнуть нам рты, если узнают, что мы кое-что обнаружили. — Она принялась насвистывать зловещий мотивчик. — Возможно, это просто паранойя, но… А вам не кажется, что это письмо — чья-то попытка предупредить вас о том, что происходит?

Виктор нахмурился.

— Но кто, Элен? — Не получив ответа, он продолжил: — Что же делать?

Элен не отрывала глаз от распечатки.

— Главное, не вести себя как идиоты. Сейчас мы знаем наверняка только одно: кто-то затеял серьезную игру с вашими мозгами. Во-первых нам надо сбежать от «МегаТеха», живыми и здоровыми. Во-вторых, мы должны вывести на чистую воду

Джерри или… — Она вновь перечитала заголовки письма. — Или того, кто за этим стоит.

— Не думаю, что мы знаем достаточно, чтобы не действовать как идиоты, — сказала Дайна Мэй.

— М-да. Ладно, я воспользуюсь телефоном, маленькое безобидное сообщение, которое кое-что будет означать для полиции, если дела пойдут совсем худо. Потом переговорю с остальными из нашей команды. Мы должны молчать, пока находимся в «МегаТехе», но как только вырвемся отсюда, будем вопить во все горло. Вы двое… самым безопасным для вас будет лечь на дно и затаиться до темноты, а мы, сортировщики, вернемся в город.

Виктор закивал, как китайский болванчик.

Дайна Мэй указала на загадочное письмо.

— Что ты заметила, Элен?

— Простое совпадение, наверное. Тут поневоле начнешь видеть призраков.

— Говори.

— Ну, адрес отправителя Alfonse925@freemail.sg Здание ноль девятьсот двадцать пять вон там, на гребне холма.

— От нашего здания его не видно.

— Верно. Похоже, что этот Альфонс решил сперва привести вас сюда. И еще. У профессора Рейха есть любимчик, выпуск ник по имени Фред Онсвуд.

— Фред… Альфред… Он же Альф… Альф Онсвуд… Альфонс? — Дайне Мэй связь показалась несколько надуманной.

— И что он за человек?

— Фред не отличается дружелюбием, но он на порядок сообразительнее среднего аспиранта. Это благодаря ему Джерри заслужил авторитет у производителей «железа» для компьютера. Джерри использует его уже лет пять или шесть, и, держу пари, сам Фред уже пришел в отчаяние и даже не мечтает завершить обучение. — Тут она сделала паузу. — Так. Я сейчас пойду и расскажу обо всем Грэму и остальным. А потом мы подыщем для вас местечко, где вы сможете сегодня отсидеться.

И она направилась к двери.

— Я не собираюсь прятаться, — заявила Дайна Мэй.

Элен замерла в нерешительности.

— Это только до вечера. Видели охрану у главных ворот? Отсюда так просто не выберешься. Но у моей группы не должно возникнуть подобных проблем. Вечером мы отправимся домой, и стоит нам только оказаться по ту сторону, как мы поднимем такой вой, что вся пресса и полиция слетятся сюда, словно мухи на… м-да. Вы оглянуться не успеете, как окажетесь дома, в

безопасности.

Виктор все кивал.

— Элен права. На самом деле, будет даже лучше, если мы пока скроем нашу историю от других сортировщиков. Не стоит болтать…

— Я не собираюсь прятаться по углам! — Дайна Мэй вскочила и уставилась на холм. — Пойду проверю ноль девятьсот двадцать пять.

— Это безумие, Дайна Мэй! Ты будешь в безопасности лишь в том случае, если затаишься до конца рабочего дня. Полиция сама во всем разберется, гораздо лучше и быстрее, чем ты. Ты сделаешь то, что сказала Элен!

— Никто не смеет мне указывать, как себя вести, Виктор! — А про себя Дайна Мэй подумала: «О да, мои действия чем-то смахивают на незатейливую игру: подростки заходят в дом с привидениями, а потом группку раскалывают и убивают поодиночке…»

Элен, кажется, задумалась. Дайна Мэй оглядела их обоих.

— Я должна разобраться с этим письмом.

Элен пристально посмотрела на девушку. Был этот взгляд презрительным или озабоченным — неясно.

— Подожди только, пока я поставлю в известность Грэма, ладно?

Двадцать минут спустя они втроем шли вверх по длинному склону к зданию 0925.

Рыжий Грэм, может, и был толковым парнем, но в данном случае повел себя как дурак. Он был уверен, что загадка с календарем не более чем розыгрыш, придуманный Дайной Мэй или Виктором. Элен не удалось поговорить с ним серьезно, а двух бездельников из службы поддержки потребителей он даже не удостоил взглядом. К счастью, большинство других сортировщиков согласились их выслушать. Причем один указал на слабое место в их умозаключениях:

— Если все так серьезно, Джерри наверняка установил наблюдение за этой парочкой? Знаете, наше тайное гестапо может явиться в любой момент.

Все испуганно замолчали, будто и впрямь ожидая прибытия плохих парней с дубинками.

В конце концов все, включая Грэма, согласились держать язык за зубами до конца рабочего дня. У некоторых были друзья, которым можно было позвонить и оставить условное сообщение — на всякий случай. Дайна Мэй считала, что большинство сортировщиков склоняется к точке зрения Элен, но, сколь бы

сообразительны они ни были, никто не хотел идти наперекор Грэму.

С другой стороны, Элен была объявлена персоной нон-грата, которая сбила распорядок Грэма. В конце концов она даже потеряла самообладание из-за придирок рыжего и вместе с Виктором и Дайной Мэй отправилась по дороге из желтого кирпича, а реально — по асфальтовой дорожке, ведущей к зданию 0925.

Кампус «МегаТеха» был новый и пустынный, но люди здесь все-таки встречались. Совсем рядом с 0999 спутники наткнулись на троицу великанов, облаченных в серые блейзеры, со всем как у полицейских на главном входе. Виктор подхватил Дайну Мэй под руку.

— Держись естественно, — процедил он ей на ухо. Они неспешно прошли мимо, и Виктор вежливо поклонился. Вряд ли кто-то из троих заметил его приветствие. Сразу после этого Виктор выпустил руку Дайны Мэй.

— Видишь? Просто надо сохранять хладнокровие.

Элен шла впереди, но замедлила шаг, и они поравнялись.

— Либо они играют с нами, — сказала она, — либо ловят других.

Дайна Мэй дотронулась до письма в кармане.

— Да уж, *кто-то* точно с нами играет.

— Знаешь, в этом-то и ключ к разгадке. Я по-прежнему думаю, что кто-то пытается…

Элен замолчала — навстречу шли двое из администрации. Эта парочка обратила на них еще меньше внимания, чем компания копов.

— … кто-то пытается нам помочь.

— Сомневаюсь, — ответила Дайна Мэй. — Скорее, какой-то садист выудил информацию, пока я валялась под кайфом.

— Угу. М-да.

Они прокручивали в уме варианты.

Странно. Элен Гарсиа так же любит поговорить, как Улисс, хотя она раз в пять умнее Улисс и Дайны Мэй, вместе взятых.

Они подошли уже достаточно близко, чтобы увидеть нижние окна 0925. Здание представляло собой вдвое увеличенную копию 0999 или 0994. Рядом с домом стоял грузовик, а около покрашенного в зеленый цвет щита от ветра, на южной стороне, парочки на кортах играли в теннис.

Виктор недоверчиво скосил глаза.

— Непонятно. У них на окнах что-то черное. Светомаскировка?

— Точно. Не видно даже потолочных светильников. Они

свернули с главной дороги и обошли здание так, чтобы их нельзя было заметить с грузовика. Но даже здесь, вблизи, вид окон не изменился. Сплошная чернота. Изнутри стекло покрывал черный пластик вроде того, каким заклеивают витрины закрытых магазинов.

Виктор поспешно выхватил свой мини-компьютер.

— Никаких звонков, Виктор.

— Я хочу вести прямой репортаж, на случай, если нас здесь застукают.

— Говорю тебе, на территории «МегаТеха» перекрыт доступ в сеть. Кроме того, простой звонок отсюда включит локатор девятьсот одиннадцать.

— Ну один короткий звоночек…

Он поднял глаза — обе девушки подошли почти вплотную.

— Ладно. Я буду использовать наладонник как камеру.

Дайна Мэй протянула руку.

— Дай его мне, Виктор. Мы будем фотографировать.

Он секунду колебался, будто собираясь отказать. А затем Виктор увидел, как вторая рука Дайны Мэй сжимается в кулак. И возможно, припомнил рассказанные за завтраком истории. На прошлой неделе. *На неделе, которой никогда не было?* Но как бы то ни было, он протянул ей мини-компьютер.

— Думаешь, я работаю на плохих парней? — хмыкнул он.

— Нет, — сказала Дайна Мэй (на 65 % искренне, хотя процент понижался). — Я просто сомневаюсь, что ты во всем будешь слушаться Элен. А так у нас останутся фотографии, и никакого риска. — «Все мой превосходный самоконтроль. Ай да я».

Она протянула КПК Элен, но та покрутила головой:

— Просто веди запись, Дайна Мэй. А ты, Виктор, получишь свою игрушку чуть позже.

— Ну, ладно, однако права на передачу мои. — Лицо его просияло улыбкой. — Ты будешь моим оператором, Дайна. Только поворачивайся ко мне всякий раз, когда я буду говорить что-нибудь важное.

— Договорились, Виктор. — И она поставила камеру на съемку общего плана, подальше от хозяина.

Никто их не остановил, пока они обходили здание. Затемнение было абсолютным, но, как и в корпусах 0994 и 0999, тут была установлена обычная дверь со старомодным замком, рассчитанным на пластиковые карточки.

Элен пригляделась.

— Замки в ноль девятьсот девяносто девять мы вывели из строя просто ради шутки. Но мне почему-то не кажется, что

здешние любители черного пластика столь же беспечны.

— Думаю, дальше нам не пройти, — глубокомысленно заметил Виктор.

А Дайна Мэй молча подошла к самой двери и толкнула ее. Не загудела тревога, не задребезжал звонок. Дверь, качнувшись, легко открылась.

Теперь возникло недоумение несколько иного рода.

Пять секунд спустя они все еще стояли перед открытой дверью. Отсюда видно было немногое, но то, что маячило в темноте, напоминало обычный нижний этаж МегаТеха.

— Надо закрыть дверь и побыстрее уходить, — бормотал Виктор. — Нас схватят на месте преступления.

— Не исключено. — И Элен шагнула внутрь, за ней, нехотя, Виктор; Дайна Мэй с камерой, переведенной на съемку ближнего плана, замыкала шествие.

— Погоди! Оставь дверь открытой, Дайна Мэй.

— Ага

— Похоже на шлюз!

Они оказались в крохотной комнатке. Стены выше метра от пола были сплошь из стекла. А в дальнем конце этой каморки вырисовывалась еще одна дверь.

Элен пошла вперед.

— В прошлом году летом я работала в Ливерморе [105]. Там были боксы вроде этого. Ты свободно заходишь внутрь — и вдруг тебя обступает вооруженная охрана, вежливо так интересуясь, что это ты тут забыл, хотя снаружи не было ни одного сторожа. — Элен надавила на внутреннюю дверь. Заперто. Она ощупала механизм замка, как будто сделанного из дешевого пластика. — Едва ли это работает, — сказала она, теребя защелку.

Они слышали голоса, доносящиеся сверху. Но внизу, похоже, не было ни души. Сама обстановка казалась знакомой. Скажем, в здании 0994 тот правый коридор вел бы к комнатам отдыха, маленькому кафетерию и спальне.

Элен помедлила, прислушиваясь, потом оглянулась.

— Как странно. Похоже на голос… Грэма!

— А нельзя просто высадить дверь, Элен? — «Надо подняться по лестнице и задушить двуликую гидру ее же собственным хвостом».

Новый звук. Скрип двери! Через плечо Элен Дайна Мэй увидела молодого человека, выходящего из мужской уборной. Дайна Мэй ухитрилась схватить Виктора, и они вдвоем, плюхнувшись на пол, укрылись за непрозрачной стеной каморки.

— Эй, Элен! — окликнул незнакомец. — Что-то ты исхудала. Грэм и тебе действует на нервы?

Элен визгливо рассмеялась.

— И-хи-хи!..

Дайна Мэй перевернула наладонник и держала его так, что бы глазок камеры был направлен на происходящее за стеклом. Незнакомец на крошечном экране улыбался. Он был одет в футболку и шорты до колен, на шее болтался блестящий бейджик.

Элен пару раз открыла и закрыла рот, но не издала ни звука.

«Она не знает этого потомка Адама».

Незнакомца пока ничего не насторожило, однако…

— Эй, а где твой бейджик?

— О… черт. Должно быть, забыла в сортире, — ответила Элен. — И вот результат — сама себя заперла.

— Ты же знаешь правила, — сказал парень, но в его голосе не было ничего угрожающего. Он поковырялся в замке со своей стороны двери, она открылась, и Элен встала на пороге, закрывая от чужих глаз происходящее сзади.

— Извини. Должно быть, Грэм действительно меня достал.

— Не переживай. Рано или поздно он заткнется. Жаль, что он не прислушивается к замечаниям профессионалов.

Элен кивнула.

— Да уж, точно! — Будто она и вправду была со всем согласна.

— Видишь ли, Грэм неправильно подходит к вопросу. Ведь идея-то и широка, и глубока!

Элен продолжала кивать и понимающе мычать. Словоохотливого незнакомца переполняли детали какого-то проекта Управления национальной безопасности, и он совершенно не замечал незваных гостей.

На лестнице раздались легкие шаги, и знакомый голос позвал:

— Майкл, долго ты там будешь копаться? Мне необходимо…

Поток речи оборвал на полуслове удивленный возглас.

На экранчике компа Дайна Мэй видела двух девушек с каштановыми волосами, разглядывающих друг дружку с одинаковым недоумением. Какое-то время они бочком-бочком вертелись вокруг друг дружки, обмениваясь легкими толчками. Это не было дракой… скорее, каждая хотела убедиться, что другая — не галлюцинация и не видеофокус. «Элен Гарсиа, познакомься, это Элен Гарсиа».

Незнакомец — Майкл? — столь же обескураженно переводил взгляд с одной Элен на другую. Обе Элен достаточно громко издавали какие-то нечленораздельные звуки, перебивая друг друга и еще больше сбивая всех с толку.

Наконец Майкл выдавил:

— Полагаю, у тебя нет сестры-близнеца, Элен?

— Нет! — хором ответили обе.

— Значит, одна из вас самозванка. Но вы так вертелись, что я теперь и не скажу, кто оригинал. Ха! — И он указал пальцем на одну из Элен. — Теперь я, кажется, понимаю, зачем сотрудникам нужны бейджи.

Но Элен и Элен не обращали внимания ни на кого, кроме самих себя. За исключением четкого двуединого «Нет!», их речь представляла собой невнятную тарабарщину. Наконец они умолкли, одарив друг друга недобрыми улыбками. Каждая потянулась к своему карману. Она извлекла из него долларовую монету, у другой рука осталась пустой.

— Ха! У меня есть спецзнак. Вот и выход из тупика! — При этом другая тоже ухмыльнулась и закивала. Элен с долларом повернулась к Майклу: — Гляди, мы обе настоящие. И обе — единственные дети в семье.

Майкл смотрел то на одну девушку, то на другую.

— Да, и вы наверняка не клоны, вовсе нет.

— Очевидно, — отозвалась обладательница доллара. Она взглянула на другую Элен и сказала: — Продукты в холодильнике…

Та кивнула:

— Сгнили. Но в апреле я устроила шутку похлеще. — И обе расхохотались.

Девушка с долларом продолжила:

— Экзамены Джерри в Зале Олсона?

— Ага.

— Майкл?

— После, — ответила вторая и залилась румянцем. Через секунду вспыхнула и обладательница доллара.

Майкл сухо сказал:

— Вы не абсолютно идентичны.

Элен с долларом криво усмехнулась.

— Вот уж правда. Я тебя вижу впервые в жизни. — Она повернулась и сунула доллар другой Элен, левой рукой — в левую.

Теперь смутилась та. Именно у нее висел на шее бейдж. Назовем ее Элен из УНБ.

— Насколько я — мы — можем сказать, у нас был один и тот же поток сознания до того дня, как мы прошли тесты у Джерри Рейха. С тех пор у каждой появилась собственная жизнь. Мы даже завели новых друзей — каждая своих. — Она смотрела в направлении камеры Дайны Мэй.

Сортировщица Элен обернулась, следуя за ее взглядом.

— Вылезайте, ребята. Мы видим, как блестит ваша камера.

Виктор и Дайна Мэй встали и вышли из шлюза.

— Настоящее вторжение, — пробормотал Майкл совершенно серьезно.

Элен из УНБ положила руку ему на запястье.

— Майкл, не думаю, что мы все еще в Канзасе.

— Конечно! Я просто сплю.

— Возможно. Но если нет… — Она обменялась взглядами с другой Элен. — Может, стоит разобраться, что же с нами сотворили? В комнате для собраний пусто?

— Когда я в последний раз заглядывал туда, никого не было. Да, там нас едва ли кто-то потревожит. — И он повел всех по коридору к помещению, которое в здании 0994 служило чуланом для уборщицы.

Майкл Линь и Элен из УНБ работали над очередным проектом профессора Рейха.

— Видите ли, — начал Майкл, — профессор заключил с моими коллегами контракт. Он хочет сравнить работу наших программ наблюдения с деятельностью целеустремленного человека-аналитика.

— Да, — подтвердила Элен из УНБ, — проблема надзора велика, особенно при огромном количестве служащих, за которыми нужно присматривать. Агентства широко используют автоматику и услуги специалистов, людей вроде Майкла, — но они все равно не справляются и оказываются банкротами. Так или иначе, Джерри выдвинул идею о том, что, даже если проблема неразрешима, команда аспирантов, возможно, сумеет хотя бы оценить, какое количество информации упускают программы УНБ.

Майкл Линь кивнул.

— Мы все лето проводим, тщательнейшим образом изучая информацию, поступившую с тринадцати ноль-ноль до четырнадцати ноль-ноль десятого июня две тысячи двенадцатого года.

Элен-сортировщица перебила его:

— И это твой первый рабочий день, так?

— О, нет. Мы здесь уже почти месяц. — Он выдавил слабую улыбку. — Вообще-то я специализируюсь на изучении современного Китая. Это первое задание, оставляющее мне достаточно времени, чтобы заниматься своей темой. И все было бы очень славно, если бы не пришлось усилить меры безопасности из-за всяких буйных студентов.

Элен из УНБ похлопала его по плечу.

— И если бы не Майкл, я бы тут вымоталась, как бедняга Грэм. Месяц долой, два впереди.

— Постой, ты хочешь сказать, что сейчас июль?! — вскинулась Дайна Мэй.

— Да, конечно. — Майкл взглянул на часы. — Десятое июля.

Ухмыльнувшись, первая Элен рассказала ему о том, какого мнения о текущей дате недавно придерживались ее знакомые.

— Да, тут наверняка дело в наркотиках, — сказал Виктор. — Прежде мы думали, что все это штучки Джерри Рейха. А теперь уверен, это правительство пудрит нам мозги.

Обе Элен посмотрели на Виктора: наверняка они помнили кое-что из его прошлого. Но на этот раз сказанное им все восприняли всерьез.

— Возможно, — выдохнули они разом.

— Извини, — обратилась Элен-сортировщица к Элен из УНБ. — Держи свой доллар.

— Может, ты и прав, Виктор. Но когнитология, наука о мышлении, — моя, наша специальность. Мы обе вроде бы не похожи на обычный сон или галлюцинацию.

— Разве что и *это* тоже иллюзия, — заметил Виктор.

— Чепуха, Виктор, — бросила Дайна Мэй. — Если все сон, то почему бы нам просто не сдаться? — Она посмотрела на Майкла Линя. — Так при чем тут правительство?

Майкл пожал плечами.

— Детали засекречены, но это всего лишь обычное исследование. Наша старая изоляция от внешнего мира — одно из условий, которое профессор Рейх выдвинул, когда заключал договор с нашим агентством.

Элен из УНБ метнула взгляд на своего двойника. Они обменялись между собой короткими, обрывающимися на полуслове и совершенно непонятными фразами. Затем Элен из УНБ продолжила:

— Кажется, человек новой эпохи Возрождения, мистер Джерри Рейх, все-таки центральная фигура. Он использовал кое-какие стандартные индивидуальные тесты для отбора четко выражающих свои мысли, целеустремленных людей в Службу поддержки потребителей. Держу пари, в свой первый рабочий день они принесли много пользы.

«Да уж». Дайна Мэй подумала об Улисс. И о себе самой.

— Джерри создал еще одну группу из способных студентов и аспирантов для сортировки различных экзаменационных и курсовых работ.

— Мы работали только над одной проверкой, — вставила

Элен, но возражать не стала. По лицу ее блуждала странная улыбка, как у человека, который старательно переваривает очень скверные новости.

— А потом он создал группу из сотрудников государственных разведывательных агентств и гражданских специалистов в области вычислительной техники для проекта по надзору, в котором заняты мы с Майклом.

Майкл выглядел озадаченным. Виктор помрачнел, его собственная теория была развеяна в прах.

— Но, — заговорила Дайна Мэй, — ты упомянула, что ваша наблюдательная группа работает уже месяц…

— А сортировщики связывались по телефону с внешним миром! — воскликнул Виктор.

— Я думала об этом, — сказала первая Элен. — Сегодня я звонила трижды. Третий раз — после встречи с тобой и Дайной Мэй. Я оставила моему другу из Массачусетского технологического института сообщение. Я использовала эзопов язык, но вроде бы сказала достаточно, чтобы он поднял переполох, если я исчезну. Другие звонки…

— Тоже принял автоответчик? — спросила Элен из УНБ.

— Один — да. А другой… Я звонила Биллу Ричардсону. Мы мило потрепались о субботней вечеринке. Но Билл…

— Билл проходил «рабочие тесты» Рейха вместе с нами!

— Верно.

На деле все могло оказаться куда хуже «сонной» теории Виктора.

— Т-т-так, что же с нами сотворили? — Дайна Мэй уже заикалась.

Глаза у Майкла расширились, но он старался сохранить сухой, ровный тон.

— Уж простите бывшего лингвиста. Вы думаете, нас загрузили в какую-то искусственную систему? Я полагал, что такое бывает только в научной фантастике.

Обе Элен засмеялись. Одна сказала:

— Э, да *это и есть* фантастика, и не просто заключительный эпизод «Кьюрака». Как-никак жанру скоро стукнет век.

А другая добавила:

— Что-то в духе «Бога микрокосмоса» Старджона.

— Ну это уж чересчур, Джерри бы поостерегся! Есть еще «Туннель под миром» Пола.

— Впечатляет. Но по этому сценарию мы давно превратились бы в поджаренные гренки.

— Ладно, а как насчет «Перегрузки» Варли?

— А «Дарвиния» Уилсона?

— А «Свиньи в киберпространстве» Моравеца?

— Или «Симулакрон-3» Галуйе?

— Или кубы смерти Винджа?

«Близняшки» пока не перебивали друг друга, но слова из них уже лились потоком, темп возрастал, кульминация близилась.

— «Камни смысла» Брина!

— «Глина»!

— Нет, все не так.

Они резко умолкли и кивнули друг другу. Мрачновато, решила Дайна Мэй. Для нее этот диалог был столь же непостижим, как и предыдущий припадок словоблудия.

К счастью, на спасение прозаических умов кинулся Виктор.

— Не имеет значения. Суть в том, что «загрузка» остается *лишь* фактом научной фантастики. Путешествия со скоростью выше световой — и те гораздо реальнее. Для загрузки, даже теоретически, нет базы.

Обе Элен подняли левые руки и покачали пальчиками:

— Не совсем точно, Виктор.

И владелица доллара продолжила:

— Должна сказать, что *теоретически* загрузка возможна. — Тут обе Элен лукаво усмехнулись. — Догадайтесь, кто это разработал? Правильно, Джерри Рейх. В далеком две тысячи пятом, когда он еще не стяжал себе славу многогранного гения, у него была парочка работ, касающихся загрузки. Теория граничила с чудачеством, и даже простейшая демонстрация потребовала бы такой мощи для обработки данных, которую не смог бы обеспечить ни один суперкомпьютер того времени.

— Даже для загрузки одной личности.

— Так что Джерри со своим методом Рейха попал в разряд чудаков.

— Джерри оставил эту идею, причем сделал это достаточно демонстративно. И вот неожиданно он становится мировой знаменитостью, добившейся успеха в полудюжине различных сфер деятельности. Думаю, что-то изменилось. *Кто-то* решил для него проблему «железа».

Дайна Мэй уставилась на помятое письмо.

— Фред Онсвуд, — тихо сказала она.

— Да. — И Элен-сортировщица рассказала всем, что это за бумажка.

Майкла она явно не убедила.

— Не знаю, Элен. Ну, допустим, мы имеем дело с чем-то экстраординарным… — Он указал на двойников. — Однако рассуждения по поводу случившегося малость смахивают на мысли воробья, пытающегося постичь движение на четыреста

пятой автостраде.

— Нет, — сказала Дайна Мэй, и все посмотрели в ее сторону. Она была напугана и зла, но из этих двух чувств злость устраивала ее больше. — Нас *подставили.* Все началось в тех сверхчистых комнатах отдыха Зала Олсона…

— Зал Олсона, — призадумался Майкл. — Ты тоже в нем побывала? Туалеты там пахли, как в больнице! Помню, именно так я и подумал, когда заглянул туда по нужде, но… следующее, что я вспоминаю, — это как еду сюда в автобусе.

«Как в больнице». Дайна Мэй ощутила прилив паники.

— М-может, мы — не мы, а все, что от нас осталось. — Она взглянула на Элен-близнецов. — Разве загрузка не убивает оригиналы?

С вопросом получилась накладка; все на миг замолчали. Первой заговорила девушка с монетой:

— Я… я так не думаю, хотя бумаги Джерри касались только теории.

Дайна Мэй затолкала панику поглубже; гнев в данном случае полезнее. «Что мы тут можем знать об изнанке происходящего?»

— Итак, нас больше тридцати человек, прошедших проверку в Зале Олсона и очутившихся здесь. Если бы мы были мертвы, скрыть это было бы не так просто. Давайте исходить из того, что мы все еще живы. — К ней пришло вдохновение. — И возможно, есть вещи, которые мы в силах объяснить! Возьмем для сравнения три эксперимента Рейха. Они все разные и могут нам кое-что рассказать. — Она посмотрела на близнецов. — Вы уже и так догадались, да? Элен, которую мы с Виктором встретили первой, сортировала экзаменационные тесты — однодневная работа, сказала она. Но, спорю, каждый вечер, когда они думали, что отправляются домой, Онсвуд, или Рейх, или кто-то еще просто разворачивал время, *возвращая их* на ту же самую «однодневную» работу.

— Аналогично и с нашей поддержкой потребителей, — мрачно согласился Виктор.

— Почти так. У нас было шесть дней на ознакомление с продуктом, а потом — первый рабочий день. Мы все так и горели энтузиазмом. Ты права, Элен, в первый день мы были на высоте! — «Бедная Улисс, бедная я; мы думали, что можем как-то изменить свою жизнь». — Держу пари, мы исчезнем и сегодня ночью.

Сортировщица Элен кивнула.

— Работа, начинаемая снова и снова, и всегда со свежими силами.

— Но проблема остается, — заметила другая Элен. — В

конечном счете задержка времени всплывет.

— Возможно, а может, заголовки письма подделываются автоматически.

— Но внутреннее содержание опровергает…

— Или Джерри решил так называемую проблему когнитивной неопределенности… — Две Элен вновь перешли на только им понятный язык недоговорок.

В их диалог вмешался Майкл.

— Не все идет по кругу. Суть нашего сетевого проекта слежения в том, что мы провели целое лето, изучая всего один час сетевого трафика.

Близнецы улыбнулись.

— Это ты так думаешь, — сказала обладательница доллара. — Да, в этом здании нас не перезагружают каждый мнимый день. Вместо этого они дают нам целое «лето» — минуты компьютерного времени вместо секунд? — на анализ одного часа трафика в сети. А потом запускают снова, но исследовать ты будешь уже другой час. И так далее, и так далее.

— Даже представить себе не могу такую мощную технологию, — сказал Майкл.

— По правде говоря, я тоже, но…

Виктор перебил их:

— Может, все идет по сценарию «Дарвинии». Ну, мы просто марионетки, управляемые суперпродвинутым интеллектом.

— Нет! — заявила Дайна Мэй. — Не суперпродвинутым и не суперпередовым. Поддержка потребителей и сетевое наблюдение очень важны в нашем реальном мире. Кто бы ни устроил все это, он получил в нашем лице обычных рабов, действующих эффективно и очень, очень быстро.

Первая Элен рассердилась не на шутку.

— А я еще классифицировала эти чертовы тесты! На такую подлость только Джерри и способен. Он делает из нас послушных баранов и перезапускает прежде, чем мы что-либо заподозрим или почувствуем скуку.

Элен из УНБ владели те же чувства, но недовольна она была другим.

— А мы тут *действительно* томимся от скуки. — Майкл кивнул.

— Сотрудники правительственных агентств — народ терпеливый. Аспирантов нам тоже пока удается сдерживать. Мы продержимся месяца три. Однако же… черт, довольно мучительно осознавать, что награда за наши труды — повторять все, что мы сделали, с самого начала. Проклятье. Извини, Элен.

— Но теперь-то мы знаем! — сказала Дайна Мэй.

— А толку? — невесело рассмеялся Виктор. — На этот раз ты догадалась. Между тем придет конец микросекундного дня — пуф! — перезагрузка, и все знания улетучатся.

— Не на *этот* раз. — Дайна Мэй перевела взгляд с Виктора на распечатку письма. Дешевая шуршащая бумага уже вся покрылась пятнами. «Цифровая подделка, вот мы кто». — Не думаю, что мы единственные, кто выяснил положение дел. — Она пододвинула бумажку к «своей» Элен. — Ты полагала, что письмо означает, будто в этом здании находится Фред Онсвуд?

— Ну да.

— Кто такой Фред Онсвуд? — спросил Майкл.

— Извращенец, — отстраненно ответила Элен из УНБ. — Лучший ученик Джерри.

И обе Элен уставились на письмо.

— Число девятьсот девяносто девять привело Дайну Мэй в мою сортировочную команду. Потом я обратила внимание на адрес отправителя.

— Да. Так мы оказались здесь.

— Но тут нет Фреда Онсвуда, — сказала Элен из УНБ. — Ха! А мне нравятся эти фальшивые заголовки.

— Угу. Они порой содержательнее самого текста сообщения.

Майкл стоял между двумя Элен, заглядывая им через плечи. Теперь он протянул руку и схватил листок.

— Видите, видите, в середине второго заголовка? Выглядит как пиньджин с тоновыми метками, выставленными в ряд.

— Что-что он сказал?

— Ну, на одном из китайских наречий это означало бы номер — девятьсот семнадцать.

Виктор нагнулся, опершись локтями о стол.

— Это наверняка совпадение. Как Альфонс мог догадаться, с кем мы встретимся?

— Кто-нибудь знает, где здание ноль девятьсот семнадцать? — перебила его Дайна Мэй.

— Я — нет, — ответил Майкл. — Мы никуда отсюда не выходим. Только в бассейн и на корт.

Элен-близнецы помотали головами.

— Понятия не имею… И в данный момент не хочу рисковать, обращаясь с внутрисетевыми запросами.

Дайна Мэй вызвала в памяти карту «МегаТеха», помещенную в рекламном буклете.

— Если такое место есть, оно должно находиться дальше, высоко на холме, справа от вершины. Надо подниматься.

— Но… — начал Виктор.

— Только не городи огород, Виктор, мол, лучше дождаться

полиции, не надо быть идиотами. Мы больше не в Канзасе, а это письмо — единственный ключ к разгадке.

— А что мы скажем остальным? — спросил Майкл.

— Ничего! Просто тихо ускользнем. Пусть все идет своим чередом, чтобы Джерри или кто-нибудь еще ничего не заподозрили.

Две Элен переглянулись, на их лицах застыло странное, грустное выражение. И вдруг обе затянули «Дом на просторах» [106], но слова были какие-то странные:

О дайте мне клона скорей,
Из крови и плоти моей,
Чтоб был у него…

Тут они замолчали и покраснели.

— Ну и грязные мыслишки у этого Гарретта.

— Грязные, но глубокие. — Элен из УНБ повернулась к Майклу и зарделась еще сильнее. — Ничего, Майкл, не беспокойся. Думаю… нам с тобой надо остаться здесь.

— Э, нет, — встрепенулась Дайна Мэй. — Там, куда мы идем, наверняка потребуется убеждать, что вся эта сумасшедшая история — правда. Вы, две Элен, лучшее тому доказательство.

Дискуссия продолжалась, и Дайна Мэй с удивлением отметила про себя, что обе Элен постоянно спорят друг с другом.

— Мы слишком мало знаем, чтобы что-то решать, — ныл Виктор.

— Нужно действовать. Мы же *знаем,* что произойдет с тобой и со мной, если просидим сложа руки до конца рабочего дня.

В итоге было решено, что Майкл останется. В случае необходимости коллеги-руководители скорее поверят ему. И если обе Элен, Дайна Мэй и Виктор добудут достоверную информацию, то, возможно, группе УНБ удастся наказать зло.

— Мы выбьем ось из колеса времени, — напутствовал уходящих Майкл, и, хотя он старался, чтобы фраза звучала шутливо, слова повисли в воздухе, и остальные не нашлись, что ответить.

У самой вершины горы находилось немного зданий. Те, которые видела Дайна Мэй, были сплошь одноэтажные и словно служили входом в какие-то подземные помещения. Деревья здесь росли хилые, трава пожелтела.

У Виктора на все был готов ответ:

— Ветер. Обычная картина для открытых мест близ побережья. А может, к вершинам просто поступает мало влаги.

Элен — Дайна Мэй, идущая впереди, не могла определить какая, — сказала:

— Так или иначе, картина впечатляющая.

«Правильно. Картина».

— Есть кое-что, чего я все-таки не понимаю, — сказала вслух Дайна Мэй. — Даже лучшим голливудским спецэффектам далеко до такого. Неужели компьютеры здесь настолько хороши?

— Хороши в одном, — отозвалась другая Элен, — подделывать куда легче, когда подделываешь даже зрителей.

— Нас.

— Ага. Ты смотришь вокруг, видишь детали, пока фокусируешь на них свой взгляд. Мы, люди, не держим в сознании все, что увидели и узнали. Миллионы лет эволюции ушли на то, чтобы научиться пренебрегать многим и извлекать смысл из ерунды.

Дайна Мэй кинула взгляд на юг, в дымку. Какое же все реальное: горячий сухой ветер; белая полоса на небе — след самолета, скользящего в небе к международному аэропорту Лос-Анджелеса; огромный Эмпайр-стейт-билдинг, возвышающийся над небоскребами делового центра города.

— Нас наверняка окружают десятки погрешностей и противоречий, но, если в какой-то миг они не бросятся нам в глаза, мы их проигнорируем.

— Как не заметили разницы во времени, — кивнула Дайна Мэй.

— Верно! Фактически наша главная задача — разобраться не в том, как обманули каждого из нас в отдельности, а как эта затея срабатывает в отношении многих контактирующих друг с другом индивидов. Это требует совершенно немыслимой аппаратной начинки, возможно, сотни литров одного только конденсата Бозе [107].

— Какой-нибудь крупный прорыв в квантовой компьютерной технике, — предположил Виктор.

У обеих Элен брови удивленно поползли вверх.

— А что, я все-таки журналист. И читаю научную колонку в «Медведе».

Ответ близнецов представлял собой нечто большее, чем монолог, но не дотягивал до диалога:

— Ну… ладно, очко в твою пользу.

Да, этой весной ходили слухи, что Джерри реализовал дерзкий план Гершенфельда о когерентности.

— О, так он получил пятьсот литров конденсата Бозе при комнатной температуре.

— Но все эти байки стали распространяться уже после того

как он стал человеком новой эпохи Возрождения. Смысла они не имеют.

«Мы не первые, кого одурачили», — подумала Дайна Мэй.

— Может, — сказала она, — может, он начал с чего-нибудь попроще, с одного сверхбыстрого человека. Мог бы Джерри осуществить единичную загрузку с помощью современного квантового суперкомпьютера?

— Что ж, можно допустить. Значит, мы имеем дело с отдельным гением, воспользовавшимся плодами столетнего труда других гениев в области квантовой вычислительной техники. Выглядит как история о кубе смерти. После сотни лет такой мясорубки уж я бы приготовила Джерри сюрприз из ада.

— Ага, и чтобы вместо лекарства от рака он получил передающееся воздушно-капельным путем бешенство, нацеленное исключительно на престарелых ублюдков-профессоров.

Дайна Мэй не была такой кровожадной, как близнецы.

Они преодолели еще пару сотен ярдов. Газоны выродились в островки сухой дикой травы на голой пыльной земле. Порывы горячего ветра со свистом проносились вдоль горного хребта. Близнецы останавливались через каждые два-три шага, что бы рассмотреть повнимательнее то унылую растительность, то старый дорожный указатель у обочины. Они все время бормотали, сообщая друг дружке детали увиденного, словно пытаясь обнаружить несоответствия:

— … Очень, очень хорошо. Похоже, мы видим одно и то же.

— Возможно, Джерри сохраняет циклы, проводит нас в качестве подпроцессов, запускаемых другим процессом в адресном пространстве одного и того же запускающего процесса.

— Ха! Неудивительно, что мы до сих пор так синхронны.

«Бурчат и бурчат».

— Мы же действительно многое можем предположить…

— … Раз мы приняли безумные исходные условия всего этого.

Здания 0917 все еще не было видно, однако у тех домов, мимо которых они проходили, номера неуклонно понижались: 0933, 0921…

Впереди тропу пересекла шумная группа людей. Они пели. И выглядели как программисты.

— Главное — спокойствие, — мягко сказала Элен. — Эти гулянья имеют, прямое отношение к мотивационной программе найма «МегаТеха». Программисты устраивают здесь вечеринки, как только завершают очередной этап в работе.

— Тоже жертвы? — спросил Виктор. — Или искусственный интеллект?

— Может, и жертвы. Но, держу пари, все встреченные нами по дороге люди — всего лишь низкоуровневые декорации. Они — то Ничто в теориях Рейха, которое делает возможным реальный искусственный интеллект.

Дайна Мэй разглядывала спускающихся по склону певцов. Уже в третий раз они сталкивались на своем пути с кем-то вроде людей.

— Это не имеет смысла, Элен. Мы думаем, что мы просто…

— Смоделированные процессы.

— Да, смоделированные процессы внутри какого-то супер-пупер-компьютера. Но если это правда, тогда некто, стоящий за всем этим, способен контролировать нас лучше, чем любой Большой Брат в реальном мире. Нас могут поймать и перезагрузить в любую минуту, как только мы вызовем подозрение.

Обе Элен остановились и, отвечая, привычно перебивали друг друга.

— Слово тому, у кого спецзнак, — заявила одна, подкинув долларовую монету. — Дайна Мэй, хоть это и загадка, но не такая трудная, как может показаться. Если Рейх использует известные мне методы закачки и перегрузки, то происходящее внутри нашего сознания не так легко интерпретировать. Мысли слишком индивидуальны, слишком рассредоточены. Если мы смоделированные процессы в гигантском квантовом компьютере, то даже программные зонды использовать не так-то просто.

— Ты имеешь в виду что-то вроде камер наблюдения?

— Да. Их тяжело внедрить и привести в действие, поскольку фактически они станут шпионить в среде нашего внутреннего мира. Все усложняется еще тем, что мы наверняка действуем в тысячи раз быстрее, чем в режиме реального времени. Таким образом, Джерри может следить за нами тремя способами. Во-первых, он может контролировать работу своих экспериментальных групп. Если результат окажется неудовлетворительным. Он вправе заподозрить неладное и устранить неисправность простой перезагрузкой.

Какое это счастье, подумала Дайна Мэй, что они не взяли с собой еще каких-нибудь добровольцев.

— Второй способ: отслеживать то, что пишется на выходе программы, которую мы, очевидно, реализуем. Уверена, все, что мы воспринимаем и постигаем, может быть преобразовано в линейный текст, поддающийся истолкованию на внешнем выходе. — Тут она посмотрела на Виктора. — Вот почему никаких передач. — Наладонник все еще оставался у Дайны Мэй.

— Это глупо, — буркнул Виктор. — Сначала никаких

фотографий, а теперь даже записывать нельзя.

— Эй, глядите! — воскликнули Элен. — Здание ноль девятьсот семнадцать! — Но речь шла не о самом здании, а всего лишь о табличке, вставленной между камнями.

С асфальта они перешли на грязную тропинку, взбирающуюся на холм.

Теперь они находились так близко от гребня, что до горизонта было рукой подать. В буквальном смысле. Дайна Мэй не видела впереди никакого грунта. Она вспомнила мультик, когда несчастные червячки, как сейчас они сами, добираются до края… и обнаруживают стену в конце своей вселенной. Еще несколько шагов — и путники заглянули за вершину. Перспектива убегала дальше, низкие холмы плавно спускались в долину Сан-Фернандо. Затянутая дымкой, но хорошо различимая, змеилась внизу ниточка трассы 101. Тарзана.

Элен, еще Элен и Виктор не обращали никакого внимания на величественный вид. Они изучали знак на обочине. Через пятнадцать футов — строительные работы. Стройматериалы были свалены на краю котлована, на другой стороне стоял бульдозер. Возможно, тут начали возводить стандартное здание «МегаТеха»… Между тем в дальней стене ямы, как бы спрятавшись в тени, виднелся железный диск, напоминающий дверь банковского хранилища из старого фильма.

— У меня идея, — заявила обладательница спецзнака. — Если мы пройдем через эту дверь, то, возможно, раскроем загадку письма.

— Давай.

Близнецы, балансируя, спустились по крутому склону в яму. Дайна Мэй и Виктор последовали за ними, причем неуклюжий Виктор споткнулся и врезался в Дайну. На дне котлована все выглядело непривычно. Не было видно ни окон, ни щели для карточки-ключа. А приблизившись к массивной двери, Дайна Мэй обнаружила, что она испещрена рубцами и царапинами.

— Какое смешение стилей, — фыркнула владелица монеты. — Вход выглядит старше ямы.

— Даже старше холмов, — сказала Дайна Мэй, проводя рукой по необычному металлу и почти ожидая наткнуться на древние письмена. — Кто-то пытается дать нам подсказку… или этот кто-то просто изувер. И что нам делать? Постучать условным стуком?

— Почему бы и нет? — Две Элен взяли потрепанное письмо и разгладили его на железной двери. Они с минуту изучали заголовки, бормоча что-то друг другу. Затем та, что с монетой, забарабанила по железу и попробовала толкнуть дверь.

— Вместе, — сказали они и беспорядочно, но вполне

синхронно заколотили кулачками.

Единственным результатом явились отбитые о тонны бездушной стали пальцы.

Элен с долларом вернула письмо Дайне Мэй.

— Теперь ты попробуй.

Но как? Дайна Мэй шагнула к двери и в растерянности остановилась. А Виктор, укрывшийся было за металлической опорой, повернул назад.

В руках у него был компьютер.

— Куда?! — Дайна Мэй швырнула его на стену котлована, он оттолкнул ее, но тут на него насели обе Элен. Возникла дикая свалка, поскольку близнецы попытались провести один и тот же прием одновременно. Возможно, именно это отвлекло Виктора и Дайне Мэй наконец-то представился случай подойти и съездить ему по физиономии.

— Есть! — И одна из двойняшек оставила поле боя. Теперь наладонник перешел к ней.

Все, тяжело дыша, расступились. Виктор не пытался вернуть себе компьютер.

— Итак, Элен, — сказала Дайна Мэй, не спуская глаз со скорчившегося Виктора, — какой же третий способ слежки за нами?

— Думаю, ты уже догадалась. Джерри мог загрузить какого-нибудь идиота в качестве шпиона. — Дайна Мэй посмотрела через плечи близнецов на экран компа.

Виктор заворочался и поднялся. Поначалу вид у него был довольно угрожающий, но потом лицо его расплылось в характерную самоуверенную улыбку.

— Вы в своем уме? Я только хотел принести эту историю в реальный мир. Если Рейх и решил использовать шпиков, разве не проще было бы загрузить себя?

— Ну, как сказать…

Элен, которая держала компьютер, сказала, глядя на экран:

— Ты только что напечатал: «925 999 994 знают. Перезагрузка». Что-то не слишком похоже на журналистский репортаж, Виктор.

— Э, я был взволнован! — Он секунду подумал, потом рассмеялся. — Ладно, все это уже не имеет значения! Я отослал предупреждение. А после перезагрузки вы ничего не вспомните.

Дайна Мэй шагнула к нему

— Ты тоже не вспомнишь, что я сломала тебе шею.

Виктор попытался и сохранить лицо, и отпрыгнуть в сторону.

— На самом деле я *буду* помнить, Дайна Мэй. Видишь ли, как только вы исчезнете, меня выдернут отсюда и вернут в мое тело, в

лабораторию доктора Рейха.

— А мы снова умрем!

Элен подняла мини-компьютер.

— Возможно, не так скоро, как думает Виктор. Я заметила, что он остановился на первой строке и ни разу не нажал «Ввод». Теперь, если можно доверять модели старого компьютера, его измена попала в ловушку локальной оперативной памяти — и Рейх пока останется в неведении.

Какое-то время Виктор выглядел озабоченным. Затем пожал плечами.

— Ну, значит, вы поживете еще до конца цикла, может, испортите еще какой-нибудь проект, а они-то куда важнее вас. С другой стороны, я узнал о письме. Когда по возвращении я расскажу обо всем доктору Рейху, он придумает, что делать. В будущем вы не станете маяться дурью.

Все молчали. Ветер свистел в желто-голубом небе над котлованом.

А потом близнецы наградили Виктора улыбкой, столь часто появляющейся на его лице. Девушка с монетой сказала:

— Кажется, твой рот умнее тебя, Виктор. Ты пару секунд назад очень правильно поставил вопрос: почему Джерри Рейх не загрузил себя в качестве шпиона? Почему он воспользовался тобой?

— Ну… — Виктор нахмурился. — Ну, доктор Рейх — важная персона. Он не станет тратить время на мелочи вроде обеспечения безопасности.

— Неужто? Он что, жалеет даже свою копию?

Дайна Мэй воодушевилась. Она придвинулась к Виктору вплотную.

— Так сколько раз тебя сливали с твоим оригиналом, а?

— Я здесь в первый раз! — Все, кроме Виктора, засмеялись, однако он упорствовал: — Но я *видел* воссоединение!

— Тогда почему бы Рейху не сделать это для *нас?*

— Подобное выдергивание — слишком дорогое удовольствие, чтобы тратиться на винтики вроде вас. — Но на сей раз Виктор не убедил даже себя.

Обе Элен захихикали:

— А у тебя, Виктор, правда степень журналиста Калифорнийского университета Лос-Анджелеса? Я думала, там держат ребят поумнее. Значит, Джерри показал тебе воссоединение, так? Могу поспорить, все, что ты видел на самом деле, — это груда оборудования и некий тип, весьма эксцентрично дергающийся в конвульсиях. А потом этот «объект» поведал тебе во всех красках историю о том, с чем он столкнулся

в нашем смоделированном мирке. И все это время они смеялись над тобой, прикрыв рты ладошками. Видишь ли, теория загрузки Рейха основывается на наличии постоянной цели. Я-то знакома с этой теорией: проблема слияния, иными словами, обратная загрузка информации в живой мозг вызывает обширное повреждение нейронных связей.

Виктор попятился от них. Презрительную усмешку на его лице сменил панический ужас.

— То, что ты думаешь, не имеет значения. Тебя перезагрузят ровно в семнадцать ноль-ноль. И ты всего не знаешь. — Он принялся дергать молнию у себя на брюках. — Смотри, я… *я могу* выйти!

— *Держите его!*

Дайна Мэй стояла ближе всех. Но это роли не играло.

Не было ни тусклого свечения, ни вспышки, ни хлопка. Она просто упала в прозрачную воздушную яму на том месте, где только что находился Виктор.

Девушка поднялась и уставилась в землю. Нечеткие следы в грязи — единственный признак того, что здесь был Виктор. Она повернулась к близнецам.

— Значит, он все-таки способен вернуться в тело?

— Вряд ли. Застежка Виктора — наверняка нить механизма самоликвидации.

— *Молния на штанах?!*

Двойняшки пожали плечами

— Не знаю. Вот так захочешь отлить… У Джерри явно извращенное чувство юмора. — Но ни одна из Элен не была удивлена. Они кружили вокруг места «отлета» Виктора и с печальным видом пинали горки пыли.

Элен с монетой сказала:

— Вот те на. Как жил Виктор, так и исчез. Не думаю, что у нас есть теперь время до «семнадцати ноль-ноль». Нить оборвалась, на терминал пошел сигнал о том, что в процессе произошел сбой и что проще вмешаться снаружи. Подробностей Джерри не узнает, однако он…

— … или его приборы…

— … вскоре вычислят, где возникла проблема и…

— … и что речь идет о безопасности.

— Так сколько у нас времени до того, как мы потеряем *этот* день? — спросила Дайна Мэй.

— Если аварийная перезагрузка должна быть выполнена вручную, то до пяти мы, вероятно, дотянем. А если она автоматическая, что ж, тогда даже не успеешь огорчиться, когда конец света прервет тебя на полуслове.

— Так или иначе, я собираюсь с пользой провести оставшееся время. — Дайна Мэй подхватила распечатку письма, лежащую там, где ее бросили, рядом с железной дверью, и помахала ею

— Я назад не собираюсь! Я здесь и требую объяснений!

Тишина.

Две Элен стояли рядом, молчаливые и подавленные.

— Я не сдамся, — заявила Дайна Мэй и забарабанила кулаком по металлу.

— Да, не сдашься, — сказала Элен с монетой. Но теперь они обе смотрели на нее как-то странно. — Мне кажется, мы — *ты,* по крайней мере, — уже проходили через это прежде.

— Хм-м. Значит, я каждый раз портачила?

— Нет… Нет, не думаю. — И они указали на скомканное письмо, которое Дайна Мэй зажала в кулаке. — Как ты считаешь, с чего начались все эти мерзкие тайны, а?

— Какого черта, откуда мне знать? Ведь именно поэтому я… — Тут она почувствовала, как ее резанула догадка, и сразу же навалилось осознание собственной тупости. Она припала к прохладному железу и стала легонько биться об него головой. — Ох! Ох, ох, ох!

Она опустила глаза на мятую распечатку. Низ был оборван, испачкан, практически нечитаем. Ничего, *эту* часть она помнит наизусть. Две Элен пытались разобраться с заголовками. «Но теперь не надо разгадывать технические секреты или шутки продвинутых студентов. Может, стоит поискать цифры, значащие что-то для Дайны Мэй Ли».

— Если какие-нибудь загруженные, души стерегут эту дверь, того, что вы двое уже сделали, должно было хватить. Полагаю, вы правы. Я должна постучать в эту дверь условным стуком… — Если не сработает, она попробует что-нибудь еще, а потом еще. И так дотянет до пяти часов, после чего вернется в здание 0994, счастливая оттого, что получила работу с возможностью роста…

«Домик на дереве в Тарзане». Тогда у Дайны Мэй был свой шифр. Детское увлечение. Она и ее друзья разработали целую систему передачи чисел с помощью стука. Она просуществовала недолго, поскольку терпения хватало у одной только Дайны Мэй. Но…

— Семь тысяч четыреста семьдесят четыре, — наконец сказала она.

— М-да? Прямо посреди этого сфабрикованного номера сообщения?

— Угу. Когда-то, давным-давно, я пользовалась этим как паролем. Ну, знаешь, вроде как «Стой, кто идет?» в военных играх. А остаток строки должен быть отзывом.

Две Элен переглянулись.

— Коротковато для того, чтобы иметь значение, — сказали они.

Потом обе потрясли головами, не соглашаясь сами с собой.

— Валяй, Дайна Мэй, пробуй.

Система соответствия стуков и чисел была проста, но на миг Дайна Мэй совершенно ее забыла. Она держала бумажку перед глазами и тупо смотрела на цифры. Ага. Внимательно, очень внимательно она начала сортировать цифры, идущие после «7474». Строка оказалась куда длиннее детских посланий ее приятелей. Да и она сама никогда столько не зашифровывала.

— Забавно, — хмыкнула владелица доллара.

«Хм?»

— А чего ты ожидала, Элен? Мне же было всего восемь лет.

Они уставились на дверь.

Ничего.

— Ладно, перейдем к плану Б. — «А потом к В, Г, Д, Е, пока наше время не истечет».

Неожиданно раздался скрежет, будто какое-то старье разваливалось на части. Круглая дверь поддалась под рукой Дайны Мэй, и она отпрыгнула назад. Диск все поворачивался, медленно-медленно поворачивался. Через несколько секунд железо с грохотом бухнулось на землю у входа… и перед глазами возник пустой коридор, уходящий в недра горы.

Внутри, кажется, никого не было — по крайней мере, на четверть мили вперед. Вокруг ничто не напоминало стандартные корпуса «МегаТеха». Ни теплых панелей красного дерева, ни светящихся полос. Здесь под звукопоглощающим потолком горели флуоресцентные лампы, а стены были окрашены в бежевый цвет, так часто встречающийся в разного рода официальных учреждениях.

— Похоже на подвальные лаборатории Норман-холла, — заметила одна Элен.

— Там хоть *люди* были, — отозвалась другая.

Обе они говорили шепотом.

А еще тут имелись лестницы, ведущие вниз. Вниз, и только вниз.

Дайна Мэй сказала:

— А у вас нет такого чувства, что, кто бы тут ни обитал, он заключен на долгий срок?

— Что?

— Ну, сортировщики из здания ноль девятьсот девяносто девять были наняты на однодневную работу и думали, что свободно могут сообщаться с внешним миром по телефону. Наша

группа поддержки потребителей шесть дней находилась на учебе и, наверное, еще только *один* день отвечала на запросы, но у нас не было никаких внешних контактов.

— Да, — сказала Элен из УНБ. — Наша группа работала месяц, и мы должны были трудиться еще два. Изолировали нас официально. Ни телефонов, ни электронных писем, ни выходных вне стен здания. Чем длиннее временной цикл, тем строже ограничения. Иначе бедные обманутые простофили разобрались бы в ситуации.

Дайна Мэй на секунду задумалась:

— Виктор действительно не хотел, чтобы мы заходили так далеко. Может быть… — «Может быть, каким-то образом мы способны изменить положение».

Они миновали один боковой коридор, затем прошли другой. За полуоткрытой дверью оказалась спальня. На матрасах лежало аккуратно сложенное чистое белье. Здесь кого-то ждут?

Впереди виднелась еще одна дверь, и из-за нее доносились голоса: люди спорили. Пришельцы подкрались ближе, не перешептываясь и почти не дыша.

Звуки складывались в слова:

— … Года достаточно, Фред?

Другой собеседник явно сердился:

— Ладно, пускай. В конце концов, у Джерри нет денег, а у меня — времени.

Обе Элен оттащили рванувшуюся к двери Дайну Мэй. Наверное, они хотели подслушать больше. «Но сколько мгновений у нас еще осталось?» И Дайна Мэй, прошмыгнув между ними, вошла в комнату.

Там находились два парня, один сидел перед обычным включенным монитором.

— Боже! Ты кто?

— Дайна Мэй Ли. — «Как ты наверняка должен знать».

Сидящий за монитором широко ухмыльнулся:

— Фред, я думал, мы изолированы?

— Так сказал Джерри. — Этому второму — Фреду Онсвуду? — было где-то под тридцать. Он был высок, худ, и в нем чувствовалась какая-то отчаянность. — Ладно, мисс Ли. И за чем вы здесь?

— Как раз это ты мне и скажешь, Фред. — Дайна Мэй вытащила из кармана письмо и помахала разлохмаченным клочком бумаги перед его носом. — Я требую объяснений!

Фред помрачнел, и по лицу его можно было прочесть: «И ведь никто не посоветует, как поступить».

Дайна Мэй оглядела его с головы до ног. Да, парень

крупноват, и весовые категории у них слишком разные, но Дайна Мэй уже достаточно разогрелась для драки.

Близнецы выбрали подходящий момент для своего появления.

— Привет! — весело воскликнула одна. Онсвуд, моргая, переводил взгляд с одной девушки на другую и остановился на идентификационной карточке УНБ.

— Привет. Я видел тебя на кафедре. Ты Элен, э-э-э, Гомес?

— Гарсиа, — поправила Элен из УНБ. — Ага. Это я. — Она похлопала по плечу сортировщицу. — А это моя сестра, Соня. — И она метнула взгляд в сторону Дайны Мэй. *Подыграй,* проси ли ее глаза. — Нас послал Джерри.

— Да ну? — Парень у компьютера ухмыльнулся еще шире, что прежде показалось бы невозможным. — Я же тебе говорил, Фред. Джерри умеет быть жестоким, но он никогда бы не оставил нас без помощников на целый год. Добро пожаловать, девочки!

— Заткнись, Денни. — Фред смотрел на них с надеждой, но, в отличие от весельчака Денни, выглядел вполне серьезным. — Джерри предупредил вас, что проект рассчитан на год?

Три девушки кивнули.

— У нас достаточно спальных комнат, и раздельные… э-э-э… удобства. — Господи, да он же смущен! — Какие у вас специальности?

Обладательница монеты сказала:

— Мы с Соней аспирантки второго курса, изучаем когнитивное моделирование.

Надежды у Фреда явно поубавилось.

— Я знаю, Джерри у нас широкая натура, но мы здесь в основном занимаемся «железом». — И он взглянул на Дайну Мэй.

— А я специалист, — «*Давай же!»,* — по конденсату Бозе. — Отлично, она запомнила, как это произносится!

Обе Элен смотрели на нее с тревогой, и одна из них пискнула:

— Она из команды Сати, из Технологического, что в Джорджии.

Удивительно, что улыбка творит с лицом Фреда! Недовольство с него как ветром сдуло; он превратился в счастливого мальчугана, едущего в Диснейленд:

— Правда? О, не стоит и говорить, что это для нас значит! Я чувствовал, что за новыми разработками должен стоять кто-то вроде Сати. Так ты в этом участвовала?

— Ну, да. В какой-то степени. — Дайна Мэй обнаружила, что и нескольких слов связать не может. Что за дьявольщина — сколько еще продлится этот маскарад? Крошка Виктор и его

оборвавшаяся ниточка…

— Здорово. Для настоящего оборудования бюджет у нас маловат, тут всего лишь симуляторы…

Краем глаза она заметила, как две Элен обменялись *понимающими* взглядами.

— … Так что я несказанно рад каждому, кто может объяснить мне теорию. Даже не представляю, как Сати сумел добиться столь многого, так быстро и без нашей помощи.

— Что ж, буду счастлива рассказать все, что мне известно…

Фред прогнал Денни от монитора.

— Садись, садись. У меня столько вопросов!

Дайна Мэй медленно, чтобы потянуть время, подошла к столу и шлепнулась на стул. Еще секунд тридцать этот парень будет считать ее бриллиантовой.

Две Элен, спасая положение, встали по бокам.

— А мне хотелось бы узнать побольше о тех, с кем придется работать, — сказала одна.

Фред, растерявшись, поднял на нее глаза, зато Денни был осчастливлен возможностью прочесть вступительную речь.

— Нас тут только двое. С Фредом Онсвудом вы уже знакомы. А я Ден Истланд. — Он радушно развел руки в стороны. — Я не из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса. Я работаю на «МегаТех»… квантовая химия. Вы знаете Джерри Рейха, у него всюду связи, а я был не прочь исчезнуть на годик. Мне, э-э-э, надо было залечь на дно на какое-то время.

— Ах! — Дайна Мэй читала об этом парне в «Ньюс уик». И речь в статье шла отнюдь не о химии. — Но ты же… — «*Мертв*». — О, недобрый знак, совсем недобрый.

Денни не обратил внимания на ее возглас.

— Вот у Фреда настоящие проблемы. Он один заменяет Джерри целый исследовательский институт по разработке оборудования. Извини, Фред. Ты знаешь, что это правда.

Фред только рукой махнул.

— Да, ты дурак покруглее меня, вот о себе и рассказывай! — Он жаждал вернуться к допросу Дайны Мэй. С пристрастием. Денни пожал плечами.

— Но теперь ему остался всего год до победы — до окончания семилетнего срока. У вас в Джорджии то же самое, Дайна Мэй? Если вы не справляетесь с докторской за семь лет, вас вышибают?

— Да нет, я вроде о таком не слыхала.

— И то хорошо, потому что с две тысячи шестого года в Калифорнийском университете это стало неписаным правилом. Так что, когда Джерри рассказал Фреду о секретном контракте,

который он подписал с «МегаТехом», и пообещал ему докторскую степень в обмен на кое-какие новые результаты, Фред аж подпрыгнул от радости.

— М-да, Денни. Но он никогда не говорил мне, как далеко продвинулся Сати. Если я не разберусь во всей этой дряни, я пропал. А теперь дай мне пообщаться с Дайной Мэй! — Он сгорбился над клавиатурой и вызвал на экран самый красивый «хранитель экрана», который Дайна когда-либо видела. Не сразу она заметила маленькие циферки в цветных рамочках и догадалась, что это, по-видимому, именно то, в чем она как бы является экспертом.

Фред сказал:

— У меня масса документации, Дайна Мэй, ее даже чересчур много. Ты мне только подскажи, как вы усиливаете сцепление. — Он махнул рукой на картинку. — Здесь почти тысяча литров конденсата, триллион эффективных кубов. Это же фантастика, что вашей группе удалось удерживать их связанными почти пятьдесят секунд подряд.

Элен из УНБ лицемерно присвистнула, вроде как удивившись.

— Ух ты! И как можно использовать всю эту мощность?

Денни ткнул пальцем в бейдж Элен:

— Ты же из УНБ, Элен, о чем вы там думаете? Защита данных — последний фронтир компьютерной техники! С помощью даже самого простого варианта алгоритма Шора-Гершенфельда Джерри способен сломать десятикилобайтный код меньше чем за миллисекунду. И, спорю, потому-то он и не может в ближайшее время обеспечить нас настоящим оборудованием. Он день и ночь ломает коды и выкачивает из правительства денежки.

Элен-Соня скорчила наивную гримаску:

— Так чего еще Джерри хочет?

Денни развел руками:

— Мы пока не все понимаем. Но ясно одно: ему нужно в тысячи тысяч раз больше, чем другим. За счет использования квантовых каналов связи он хочет задействовать одновременно несколько тысячелитровых емкостей с кондансатом.

— И у нас всего год на то, чтобы улучшить ваши достижения, Дайна Мэй. Но ваш результат на годы опережает наш, это уже искусство. — Фред почти умолял.

Вся бесцеремонность Денни — лишь бы произвести впечатление на девушек — улетучилась. За какое-то мгновение он погрустнел и выглядел сбитым с толку.

— Мы что-нибудь придумаем, Фред. Не переживай.

— А сколько вы уже здесь, Фред? — спросила Дайна Мэй.

Он посмотрел на нее с удивлением.

— Мы только начали. Это наш первый день.

«Ах да, этот пресловутый первый день». В свои двадцать четыре года Дайна Мэй иногда задумывалась, бывает ли гнев сильнее, чем тот, когда глаза тебе застилает красный туман и ты готова швырять все подряд. До сегодняшнего дня она не знала ответа. Между тем помимо ярости, крушащей все на своем пути, действительно существует нечто другое. Нет, она не смахнула со стола монитор и не погрузила кулак в чье-то лицо. Она просто сидела, чувствуя себя опустошенной. Потом взглянула на близнецов:

— Я искала негодяев-виновников, но эти ребята — сами жертвы. Хуже того, они ничегошеньки не подозревают! Мы вернулись к тому, с чего начали утро. — «В котором очень скоро окажемся вновь».

— Хм-м. Может, и нет. — Голоса близнецов сливались в замечательный унисон. Они оглядели комнату. Потом их взгляды снова устремились на Фреда. — «МегаТех» мог бы дать вам что-нибудь и получше, Фред.

Онсвуд, глядевший на Дайну Мэй, сердито пожал плечами.

— Это старая лаборатория безопасности под Норман-холлом. Не беспокойтесь несмотря на полную изоляцию, у нас здесь все условия для продуктивной работы

— Даже не сомневаюсь. И когда вы начали?

— Я же сказал: сегодня.

— Нет, какого числа?

Денни переводил взгляд с одной Элен на другую

— Черт. Вы, девочки, всегда так педантичны? Понедельник, двенадцатое сентября две тысячи одиннадцатого года.

«Девять месяцев. Девять реальных месяцев». И возможно, есть веская причина, чтобы сегодня был именно первый день. Дайна Мэй протянула руку и дотронулась до рукава Фреда.

— В Технологическом университете Джорджии не создали новых компьютеров, — мягко сказала она.

— А кто же осуществил прорыв?

Она подняла руку… и намеренно сильно толкнула Фреда в грудь.

Фред разозлился, а Денни вдруг широко открыл глаза. До него дошло. Дайна Мэй вспомнила, о чем писалось в той статье.

Денни Истланд был талантлив во всех отношениях. Благодаря ему было заведено дело о шпионаже, самое громкое за десятилетие. Но в некоторых вещах он был туп как пробка. И если бы он не был таким любителем потрахаться, он бы не сбежал от своих телохранителей из бюро защиты свидетелей и не был убит.

— Вы, парни, слишком увлечены своими железками, — сказала Элен из УНБ. — Да забудьте вы о взламывании кодов. Подумайте о загрузке личностей. С учетом того, что вы знаете о возможностях оборудования Джерри, сколько загрузок по методу Рейха способен поддерживать конденсат?

— Откуда мне знать? Метод Рейха — это же вздор. Будь он более разборчив в связях с репортерами, эти документы никогда бы не были опубликованы. — Но вопрос все же заинтересовал его. С минуту он думал. — Ладно, если бы этот метод действительно работал, триллион квантовых битов выдержал бы примерно десять тысяч загрузок.

Обе Элен улыбнулись ему медленно расплывающейся на лицах, одинаковой улыбкой. Впервые каждая из них не пыталась подчеркнуть собственную индивидуальность. Одни и те же слова слетали с их губок — в одном темпе, одной тональности, причудливо сливаясь в унисон:

— О, даже меньше десяти тысяч. Ведь кроме этого приходится моделировать и среду. — При этом обе вытянули вперед левые руки, с нечеловечески точной синхронностью, синхронностью цифровых дубликатов, и плавными жестами обвели комнату и коридор. — Конечно, некоторые ресурсы можно сохранить, если использовать одну и ту же базовую модель для… — И каждая указала на себя.

Двое мужчин не отрывали от них глаз. Затем Фред, будто обессилев, рухнул в кресло.

— О… Господи.

Денни продолжал разглядывать парочку.

— Все эти годы мы считали, что теории Джерри — всего лишь блестящая афера.

Обе Элен стояли, закрыв глаза. Потом они словно очнулись, посмотрели друг на друга, и Дайна Мэй заметила, что невыносимая их синхронность нарушилась. Элен из УНБ достала из кармана доллар и передала монету другой Элен. Девушка со спецзнаком улыбнулась Фреду.

— О, так оно и есть, только куда более блестящая и куда более коварная, чем ты в состоянии себе вообразить.

— Не уверен, что мы с Денни могли бы когда-нибудь это вычислить.

— Но *кто-то* догадался. — Дайна Мэй помахала тем, что осталось от ее письма.

Элен с монетой уточнила:

— Джерри пользуется нами как не меняющими своих функций серверами. У некоторых из нас очень короткие циклы. У вас, мы думаем, цикл годичный; вероятно, он длиннее, чем у

кого-либо. Вы совершаете открытия, позволяющие Джерри создавать все более крупные системы.

— Хорошо, — сказал Онсвуд, — допустим, одна из жертв раскрыла секрет. Что мы можем сделать? Нас же просто перезагрузят, когда придет время.

Денни Истланд соображал быстрее.

— Какой-то выход существует. При переходе от одного рабочего цикла к другому часть информации сохраняется, чтобы в дальнейших исследованиях мы могли опираться на собственные разработки. Если бы среди этой информации можно было спрятать то, что мы тайно узнали…

Близнецы улыбнулись.

— Верно! Куки-файлы [108]! Если бы мы могли их восстанавливать, тогда во время каждого нового цикла на основе имеющейся информации, мы бы разрабатывали способы борьбы.

У Фреда Онсвуда все еще был обескураженный вид.

— Мы могли бы предупреждать следующие поколения в самом начале их цикла.

— Да, например в первый день! — Денни поглядел на трех женщин и кивнул сам себе. — Только я по-прежнему не вижу способа, как нам это осуществить.

Фред указал на письмо Дайны Мэй:

— Можно посмотреть? — Он положил бумажку на стол, и вместе с Денни они изучили послание.

Обладательница спецзнака сказала:

— Это письмо-ключик открыло замков больше, чем в дешевом детективе. Каждый раз, когда мы заходим в тупик, в нем находится следующее скрытое решение.

— Впечатляет, — заметил Истланд. — Держу пари, оно помогло вам пройти долгий путь…

— Да, но в этот раз у нас возникли дополнительные проблемы… — И Дайна Мэй рассказала о Викторе.

— Проклятье, — буркнул Денни.

Фред просто пожал плечами.

— С этим уже ничего не поделаешь, давайте разбираться с письмом. — И они с Денни занялись заголовками. Элен с монетой рассказала о тех частях, которые уже пригодились. Наконец Фред откинулся на спинку кресла. — Второй по длине заголовок похож на индентификатор одного из файлов, что дал нам Джерри.

— Да, — подтвердили близнецы. — Тут наверняка ваши собственные исследования с последнего цикла.

— Большинство из этих файлов должны быть такими, какими ожидает их увидеть Джерри, а то он поймет нас. Но этот файл… положим, он и есть куки. Тогда заголовок письма может быть

ключом к расшифровке.

Денни замотал головой.

— Вряд ли, Фред. Джерри может проделать то же самое и расшифровать.

Элен с монетой рассмеялась.

— Только если он будет знать, что расшифровать. Может, именно поэтому вы, парни, отправили письмо Дайне Мэй, ни с кем не связанному рядовому исполнителю в обособленной части модели.

— Но как же мы сделали это в *первый* раз?

Фред, казалось, не слышал вопроса. Он торопливо перепечатывал строку заголовка из письма Дайны Мэй.

— Испробуем его на файле данных… — Он остановился, проверил клавиатурный вход и нажал ввод.

Все уставились на экран. Секунды таяли. Две Элен перешептывались. Любая текстовая программа вызывала у них беспокойство: как и сообщения Виктора, она могла быть прочитана во внешнем мире.

— Это настоящий риск, если Фред не позаботился о кэшировании [109] данных.

Дайна Мэй слушала вполуха. Если затея сработает, это будет неоспоримым доказательством того, что именно Фред и Деннис все устроили и теперь действуют верно. «Если сработает». После всего, что случилось, даже после того, как Виктор растворился в воздухе, Дайна Мэй чувствовала себя маленькой девочкой, ожидающей чуда, в которое сама почти не верила.

Денни издал нервный смешок.

— Большой куки, да?

Фред уперся локтями в стол

— Угу. Сколько же раз я проживал этот несчастный седьмой год? — Голос у него дрожал. Он словно тащил один из тех кубов смерти, о которых упоминали Элен.

Экран посветлел. По черно-красному геометрическому узору побежали золотые буквы: «Привет, простофили! Добро пожаловать в 1237-й цикл вашей жизни».

Денни отказывался верить, что они провели 1236 лет жизни, работая на Джерри. Но Фред не удивился.

— А я верю. Я всегда говорил Джерри, что настоящий прогресс занимает больше времени, чем создание теории. И за это ублюдок дал мне… все время мира.

Куки оказался размером почти в миллион мегабайт. В основном тут содержались описания лазеек, обходных путей, программных секретов, подрывающих систему, созданную Фредом и Денни для Джерри Рейха. Но тысячи мегабайт

занимала история и тактика, гиперссылки за более чем тысячу искусственных лет. Это была работа Денни и Фреда, но попадались и слова одной Элен, другой и Дайны Мэй, записанные ими в те скоротечные часы, которые они провели с Фредом и Денни. Файл хранил мудрость, накопленную капля за каплей в течение всех однообразных — но не абсолютно идентичных! — циклов. Значит, тут было их прошлое и ближайшее будущее.

Здесь находились и гипотезы того времени, когда Фред и Денни еще не заставили работать систему куки: ростки этих знаний относились, по-видимому, к лету 2011 года, когда загружался только Фред Онсвуд. В ту пору даже лучшие в мире компьютеры не справились бы более чем с одним Фредом, помещенным в комнату с клавиатурой и монитором. Возможно, он выяснил правду, но если и так, что он мог сделать? В то время завести куки-файл было куда сложнее. Однако оборудование у Фреда раз от разу улучшалось, ведь Джерри Рейх эксплуатировал гений Онсвуда весьма успешно. Затем появился Денни. Их первому успеху с куки, должно быть, предшествовали долгие блуждания во мраке неведения и пьяные ночные бдения с разговорами о том, что Фреду никогда не вырваться из тюрьмы и не получить докторскую степень. А затем они вдвоем состряпали непристойное письмо, отправив его по внутрисистемной почте, которой пользовались для «ежемесячной» связи с Рейхом. Адрес был выбран случайно…

В реальном мире это должно было соответствовать примерно пятнадцатому июня 2012 года. Почему? Ну, в начале их очередного цикла появился… догадайтесь, кто? Дайна Мэй Ли. Злющая, как сто чертей. Сообщение оказалось на рабочем столе Дайны Мэй, и она была так оскорблена, что в гневе стала метаться по кампусу. Дайна Мэй целый день носилась от здания к зданию, нечего не находя, кроме врагов. Ни одна из Элен не согласилась сопровождать ее. С другой стороны, на ранних циклах ландшафт реальности был гораздо примитивнее. Дайна Мэй проникла в берлогу Фреда, всего лишь пройдя по асфальтовой дорожке. Денни взглянул на Дайну Мэй.

— Можно только догадываться, сколько раз ты даже не замечала этого письма, или решала, что непристойное послание к тебе не относится, или просто шла не в ту сторону. В конце концов все решило простое везение.

— Возможно. Я просто не люблю, когда меня оскорбляют и никому не даю спуску.

Фред махнул рукой, призывая к молчанию; он не отрывал глаз от куки-файла: после первого успеха Фред и Денни постоянно переделывали письмо, узнавая от каждой новой Дайны

Мэй все больше про обитателей других зданий на холме и о том, как их — вроде Элен — могут использовать.

— Виктор! — Фред и близнецы отреагировали на это имя одновременно. Фред остановил автопрокрутку, и они вместе стали изучать параграф. — Да, мы видели Виктора прежде. Пять циклов назад он зашел так же далеко. И ниточка тогда тоже оборвалась. — Фред отметил для себя: «Обратить внимание на Виктора». — Ну ладно. Денни, нам придется почистить системный журнал…

Девушки пробыли там еще три часа. Может, излишне долго, но Фред и Денни хотели услышать все, что обе Элен и Дайна Мэй могли рассказать им о кампусе и о том, кого еще они видели. История куки показывала, что обстоятельства то и дело менялись, обрастая новыми деталями, включалось все больше людей, загружаемых Джерри для получения прибыли.

Все хотели продолжения разговора. За исключением бедняги Денни, куки не упоминал ни о ком и не давал подтверждения, существуют ли они еще *снаружи.* Некоторым образом узнавание друг друга делало этих парней и девушек реальными.

Дайна Мэй понимала, что сейчас чувствует Денни, когда он неожиданно изрек:

— Отнюдь не безопасно связываться со случайными людьми, переоценивая тот факт, что они сумели сюда пробраться.

— Значит, Денни, ты хотел бы, чтобы мы трое просто перезагружались снова и снова и никогда не узнали бы правды?

— Нет, Дайна Мэй, но тебе это тоже грозит бедой. Собственно говоря, в большинстве циклов ты оставалась несведущей. — Он ткнул пальцем в предысторию. — Мы видим тебя один раз в течение «годового» цикла. Полагаю, это лучшее свидетельство тому, что появляться у нас рискованно.

Две Элен подались вперед.

— Хорошо, так давайте посмотрим, как события будут развиваться без нас.

Вчетвером они просматривали «древнюю» историю посещений и спорили на жаргоне, ничего не значащем для Дайны Мэй. Все сводилось к тому, что любой локальный ключ, оставленный в данных Фреда, может быть легко опознан Джерри Рейхом. С другой стороны, вмешательство в неиспользуемую память внутрисетевой почты оказалось реальным, и ключ нетрудно было замаскировать, разбросав подсказки по нескольким отдельным проектам.

Две Элен ухмыльнулись.

— Итак, мы все-таки нужны вам, или, по крайней мере, вам нужна Дайна Мэй. Но не волнуйтесь, и *вы* нужны нам, и вам еще

многое предстоит сделать за ваш следующий год. За это время вы должны представить Джерри заслуживающие доверия результаты исследований, чтобы он ничего не заподозрил. Вы видели, чего он хочет. Может, ваша начинка и не осознает этого, но… — Элен нажала ссылку на список «минимальных задач», предложенный Рейхом Фреду и Денни. — Профессор Рейх просит вас усовершенствовать систему, чтобы легче было разделять проекты. А вот насчет селективной декогерентности. Слышали когда-нибудь о проблеме когнитивной неопределенности? Спорю, что с этими улучшениями Рейх наверняка получит возможность ограниченного вмешательства в загружаемый мозг. Это устранит несоответствия между информацией и памятью. Тогда мы можем попросту не узнать куки-кодов!

Денни взглянул на список.

— Контролируемая декогерентность? — Спор явно затянулся. — Я думал над этим. Нам надо обсудить…

— Да… Погоди! Двух из нас перезагрузят через… о боже, через полчаса! — Две Элен посмотрели друг на друга, потом на Дайну Мэй.

Денни будто ранили в самое сердце, он забыл весь свой стратегический анализ.

— Но у одной из Элен цикл трехмесячный. Она может остаться тут.

— Черт возьми, Денни! Мы только что видели, что нас проверяют каждый смоделированный день. Если из команды УНБ исчезнет один член, у нас возникнут серьезные неприятности.

Дайна Мэй сказала:

— Наверное, мы все должны сейчас уйти, даже мы… однодневки. Думаю, будет лучше, если успеем вернуться в наши здания до перезагрузки.

— М-да, ты права, — сказал Фред. — Прости.

Она поднялась и направилась к двери. Вернуться к поддержке потребителей — единственная разумная вещь, которую сейчас она могла сделать.

Фред остановил девушку.

— Дайна Мэй, нам будет проще, если ты оставишь текст письма, которое мы должны будем отправить тебе в следующий раз.

Она вытащила из кармана распечатку, ветхую, грязную, с оторванным низом.

— У вас в куки должно быть недостающее.

— Было бы здорово, если бы ты сказала, что лучше всего может… привлечь твое внимание. В истории сказано, что детали постоянно меняются.

Он поднялся и слегка поклонился ей.

— Что ж, хорошо. — Дайна Мэй села и призадумалась. М-да, даже если бы она не помнила текст электронного письма, Дайна Мэй могла придумать дюжину словечек, которые способны довести ее до белого каления. Пусть это и не вполне путешествие во времени, но сейчас она наверняка знала, кто в курсе всех ее ужасных секретов, кто понимает, как больнее ее задеть.

— Мой папаша всегда говорил, что худший мой враг — я сама.

Фред и Денни проводили их до круглого дверного проема. Для парней все здесь было в новинку. Денни выбрался из ямы и уставился на холмы.

— Фред, мы можем просто *прогуляться* до других зданий! — Он немного постоял, затем вернулся к остальным. — Да, я знаю. Если это так легко, то мы должны были поступать таким образом и прежде. Надо изучить куки-файл, Фред.

Фред молча кивнул. Он выглядел грустным и, заметив, что Дайна Мэй смотрит на него, подарил ей скупую улыбку. Они стояли в вечернем тумане, слушая ветер. Вскоре похолодало, и яма погрузилась в тень.

«Пора уходить».

Дайна Мэй улыбнулась Фреду и протянула на прощание руку.

— Ну же, Фред. Не печалься. Я потратила годы на попытки стать лучше, умнее, прекратить упрямиться. Не вышло. Может, никогда и не получится. Но сейчас нам нужно именно упорство.

Фред пожал ей руку.

— Да, но, клянусь… путь не может быть бесконечным. Мы изучим куки и придумаем способ вырваться отсюда.

— Ага. — «Будь так же упрям, как и я, приятель».

Фред и Денни пожали руки всем, желая удачи.

— Ладно, — сказал Денни, — пора. Фред, надо закрыть дверь и возвращаться. Я видел кое-какие ссылки в куки. Если девушек перезагрузят до того, как они доберутся до своих зданий, мы можем кое-что успеть.

— Да, — ответил Фред. Но они задержались у входа.

Дайна Мэй и близнецы выбрались из ямы и зашагали к асфальтовой дороге. Когда Дайна Мэй оглянулась, двое парней все еще стояли у двери. Она помахала им рукой, а потом их скрыл край котлована.

Девушки с трудом передвигали ноги, и обе Элен болтали куда меньше обычного.

— Не переживай, — обратилась Элен из УНБ к своей копии, — у меня в здании ноль девятьсот девяносто четыре еще два месяца. Я буду помнить о нас обеих. Может, мы с ребятами

даже сможем что-нибудь сделать.

— Ага, — ответила та негромко. Обе резко и в унисон рассмеялись, а потом просто улыбнулись. — Ха, я только что вот о чем подумала. Настоящее воссоединение, может быть, и недостижимо, но то, что мы имеем сейчас, — уже почти слияние. Может, может… — Но грядущий поворот колеса истории в «МегаТехе» не оставлял им шанса. Они посмотрели на Дайну Мэй, и все трое вновь загрустили. — Было бы у нас побольше времени, чтобы подумать, как все это перевернуть. Мы же не в фантастическом рассказе, где после каждого цикла просыпаешься, преисполненный догадками и смутными предчувствиями. Мы начнем все с нуля.

Дайна Мэй кивнула. С нуля. Десяток раз все пойдет по кругу, когда после шести дней обучения не будет ничего, кроме первого рабочего дня, невежды Виктора и незнания будущего.

А потом она улыбнулась.

— Но каждый раз, когда мы дойдем до Денни и Фреда, мы что-то добавим к сделанному. Каждый раз после того, как они увидят нас, у них останется год на раздумье. И все будет вертеться в тысячу раз быстрее, нежели считает старик Джерри. Мы — настоящие куки-монстры. И в один прекрасный день… — «В один прекрасный день мы придем за тобой, Джерри. И это случится куда раньше, чем ты можешь себе представить».

Гарри Тертлдав — Джо Стил

Harry Turtldove. Joe Steele (2003). Перевод Миротвора Шварца

Несмотря на то что произведения Гарри Тертлдава относятся к самым разным, видам научной фантастики (а иногда и фэнтези), он известен прежде всего как один из ведущих авторов жанра «альтернативная история». Пожалуй, в данной области Тертлдав является самым популярным писателем со времен Л. Спрага де Кампа. Можно даже сказать, что альтернативная история как литературный жанр своей нынешней популярностью во многом обязан именно знаменитым бестселлерам Тертлдава. Перу Гарри Тертлдава принадлежит немало альтернативно-исторических произведений. Например, в его романе «The Guns of the South» описана американская Гражданская война, которая заканчивается совсем не так, как в нашей реальности, благодаря поставкам оружия из будущего. Известная серия «Worldwar» посвящена Второй мировой войне, в которую вмешиваются напавшие на Землю инопланетяне. Серия «Agent of Byzantium» повествует о приключениях Василя Аргира, магистриана [110] альтернативной Византийской империи. Действие романов серии «A Different Flesh» происходит в альтернативном мире, где европейские исследователи открывают Америку, населенную не индейцами, а гоминидами. Что же касается романа «The Two Georges», написанного в соавторстве с известным актером Ричардом Дрейфусом, то в нем описан мир, в котором войны за независимость американских колоний не произошло. Разумеется, это далеко не полный перечень интригующих альтернативно-исторических сценариев, разыгрывающихся на страницах книг Тертлдава. Кроме того, Гарри Тертлдав является автором двух серий в жанре альтернативно-исторического фэнтези — «Videssos Cycle» («Цикл о Видессосе») и «Krispes Sequence». В число его книг входят также романы «Werenight», «Earthgrip», «Noninterference», «A World of Difference», «Ruled Britannia», сборники рассказов «Kaleidoscope» и «Down in the Bottomlands (an Other Places)» и многие другие произведения. К тому же Тертлдав выступает в качестве редактора сборников «The Best Alternate History Stones of the 20-th Century», «The Best Military Science Fiction of the 20-th Century». Самые последние произведения Гарри Тертлдава — романы «Gunpowder Empire», «American Empire: The Victorious Opposition», «Jaws of Darkness» и «In the Presence of Mine Enemies». В 1994 году Тертлдав был награжден премией Хьюго за рассказ

«Down in the Bottonlands». Гарри Тертлдав уроженец Калифорнии. Он защитил диссертацию по византийской истории в UCLA (Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе), а также опубликовал научный перевод византийских хроник IX века. В настоящее время Тертлдав живет с женой и детьми в лос-анджелесском пригороде под названием Канога Парк.

* * *

Сталин был демократом…
Дженис Иап. «Бог и ФБР»

Америка. 1932 год. Безработные в очередях за хлебом. Суповые кухни. Братишка, у тебя не найдется лишних десяти центов? Банки мрут, как мухи. Брокеры вылетают из окон двадцать седьмых этажей подобно лебедям.

Герберт Гувер [111]. Ходячий мертвец. Переизбрания на новый срок не добьется нипочем — даже если его выдвинут в паре со Святым Духом. Республиканцы все равно его выдвигают. Никого лучше у них не нашлось. Насколько смехотворны их шансы, они не знают и сами.

Пахнет жареным, и демократы это чуют. Двенадцать долгих лет на обочине. Двенадцать горьких лет. Двенадцать голодных лет. Хардинг [112] — и ради *этого* женщинам разрешили голосовать? Кулидж [113] — «Держу пари на пять долларов, мистер Кулидж, что я заставлю вас сказать три слова». — «Вы проиграли», — отвечает Молчаливый Калвин. Гувер — «черный вторник». Крушение биржи. Этого достаточно. Произошло при нем. Его и обвиняют. Пахнет жареным.

И демократы это чуют. Кого бы они ни выдвинули, он непременно победит. Непременно станет президентом. Наконец-то. Сколько уже ждали. Двенадцать лет. Господи Иисусе Христе! Так хочется, что аж слюнки текут.

Приходит время съезда. Чикаго. Конец июня. Большая влажность. А жара еще больше. Соискателей на выдвижение осталось двое. Один получит приз. А другой? Кукиш с маслом.

Осталось двое. Франклин Д. Рузвельт [114]. «Д.» означает «Делано», заметьте. Губернатор Нью-Йорка. Двоюродный брат Тедди Рузвельта [115]. Уже однажды выдвигался — кандидатом на пост вице-президента. Не победил. Портсигар. Джентльменская осанка. Инвалидное кресло. Паралич. Страдания. Самообладание. Почти что аристократ — в Америке аристократичней не сыщешь

точно. Франклин Д. Рузвельт. «Д.» означает «Делано».

И Джо Стил.

Джо Стил. Депутат Конгресса от Калифорнии. Нет, не от Сан-Франциско. И не от Ноб-Хилла [116]. Боже упаси. От Фресно. Сплошь фермы. Большая такая долина, зажатая горами с запада и востока. Он небольшого роста, этот Джо Стил. Но всегда стоит навытяжку, так что это не очень-то и заметно. Усы, причем солидного размера. На голове — пышная шевелюра, только-только начинающая седеть. Веки словно жалюзи. Когда они опускаются, а потом поднимаются снова, то не разглядеть, что там за ними.

Аристократ? Аристократ вроде Франклина Д. («Делано») Рузвельта? Не смешите. Родители приехали черт-те знает откуда. Приехали во Фресно за шесть месяцев до его рождения. Он получил гражданство на несколько лет раньше их. Отец был сапожником. Потом еще немного занимался и фермерством. Мать была домохозяйкой. Как и положено женщине.

Говорят, «Стил» — фамилия не настоящая. Не та фамилия, с которой он родился. Говорят, *ту* фамилию правильно не произнести самому Господу Богу. Говорят, говорят. А кому какое дело, что там говорят, черт возьми? Это же Америка. Теперь он Джо Стил. Тогда? А какое отношение к делу имеет «тогда»? «Тогда» осталось в том месте, откуда они сюда приехали.

Франклин Д. Рузвельт. «Д.» означает «Делано». И Джо Стил.

«Чикаго Стэдиум». На стадионе адская жара. Кондиционеры? Да вы что, шутите? Их нет даже в отелях. Возвращаешься в номер (если возвращаешься), включаешь два электрических вентилятора. Они немного разгоняют воздух. А охладить? Ха! В аду охладишься после этого кошмара.

Первое голосование, итог — почти поровну. У Рузвельта для народа приготовлен «Новый курс» — так он, во всяком случае, утверждает. А у Джо Стила? А у него есть «Четырехлетний план» — так, во всяком случае, утверждает *он*. Весь первый срок расписан подетально. Фермы в упадке? Фермеры разоряются? А мы организуем *общественные* фермы, говорит Джо Стил. Соберем фермеров, пусть в кои-то веки поработают вместе. А не каждый за себя, как раньше. Фабричные рабочие теряют работу? Построим для них государственные фабрики! Построим дамбы. Построим каналы. Построим все, что нуждается в постройке, черт побери.

Некоторым идея нравится. Другие говорят, что все это похоже на Россию Троцкого. Только не говорите этого при Джо Стиле. Он терпеть Троцкого не может. Посади их двоих в одну и ту же комнату, так Джо Стил вышибет Троцкому мозги.

Первое голосование. «Почти поровну» никуда не годится. У

демократов есть «правило двух третей». Всегда было. Из-за этого проклятого правила развязалась Гражданская война. Дуглас [117] не смог получить двух третей. Партия распалась надвое. Линкольн победил. Через пять месяцев — Форт-Самтер [118], где прозвучали первые выстрелы Гражданской войны.

И все равно проклятое «правило двух третей» как было, так и осталось.

Рузвельт до сих пор в Нью-Йорке. Джо Стил — во Фресно. Пока не победил, на съезде тебе делать нечего. Тем временем на этом прокуренном, потном, вонючем «Чикаго Стэдиуме» бьются их помощники. У Рузвельта есть Фарли, Хоу, Тагуэлл. Профессионалы с Восточного побережья. Профессионалы, которых знают все. Они кажутся себе очень умелыми и хитрыми — и это похоже на правду.

А у Джо Стила есть умный еврей по фамилии Каган. У него есть парень по фамилии Микоян, сын армянского изюмщика. Стас Микоян еще и поумней Кагана будет. А брат у него работает на Дугласа, проектирует истребители. Мозговитая у них семейка. А еще у Джо Стила есть такой дохлятик с тоненькой шеей, которого они называют «Молот».

Если такую кличку дают страшному, злобному громиле — значит, он очень опасен. А если ее дают невзрачному, худенькому человеку? Такой раз в десять опасней.

Думаете, умный еврей и еще более умный армянин не смогут справиться с теми профессионалами с Восточного побережья? А вот посмотрите-ка на них.

И посмотрите на профессионалов. Второе голосование, никаких серьезных изменений. Третье — то же самое. К этому времени ночь уже закончилась. Уже 9:15 следующего утра. Все уже похожи на мертвецов. Делегаты расползаются с «Чикаго Стэдиума», чтобы немного поспать — и начать все сначала.

Второй день, та же хренотень. Третий, четвертый — то же самое. Одно голосование за другим. Рузвельт немного впереди, но только немного. Ребята Джо Стила не отступают. Джо Стил не отступает ни перед кем. Никогда не отступал. Никогда не отступит.

Пятый день, победитель по-прежнему не определен. Черт бы побрал это «правило двух третей». Газеты начинают вспоминать 1924 год. Тогда демократам понадобилось 103 голосования — сто три! — чтобы выдвинуть Джона У. Дэвиса. Проклятый съезд длился две с половиной недели. А потом? А потом Кулидж сделал из него отбивную.

Что происходит после этого — никто толком не знает. Некоторые говорят — точнее, шепчут, потому что так

безопасней, — что парень, которого называют «Молот», звонит куда-то по телефону. Но никто не знает куда. Знает только Молот, а он никому не говорит. Молот, он такой, — всегда держит язык за зубами.

Олбани. Особняк главы исполнительной власти штата. Где работает губернатор. Где он живет. Губернатор Рузвельт. Франклин Д. («Д.» означает «Делано») Рузвельт. Юго-западный угол Энгл и Элм. Здание из красного кирпича. Большое. Построено в эпоху Гражданской войны. На первом этаже губернатор работает, на втором — спит.

Особняк главы исполнительной власти штата. Старое здание. Современные удобства? Да, конечно. Но достроены уже потом. А не встроены с самого начала. Если что-нибудь не работает — ну, бывает, ничего не попишешь. Старое здание.

Ночь. Пожар. Большой пожар. Черт возьми, всем пожарам пожар. Юго-западный угол Энгл и Элм. Пожарные насосы? Да, конечно. Но воды нет, совсем нет. Так говорят те, кто успел выбраться наружу. А много народу не успело.

Рузвельт? Рузвельт в инвалидном кресле. Ну как же человек в инвалидном кресле выберется наружу во время такого пожара? Когда пожар наконец потушен, Рузвельт давно уже хладный труп. По правде говоря, он напоминает хорошо прожаренный бифштекс, но в газеты это не попадает.

Каган? Каган в Чикаго. Стас Микоян? То же самое. Молот? И он тоже в Чикаго. Никто из них никуда не уезжал. Они все были там — до того, во время и после. Никто с этим не спорит.

Джо Стил? Джо Стил во Фресно. На другом конце страны. Руки Джо Стила чисты. Никто с этим не спорит. Во всяком случае, громко. И никогда — *никогда* — дважды.

Узнав о пожаре, Джо Стил потрясен — *потрясен.* Называет происшедшее трагедией. Называет Рузвельта достойным соперником. Говорит все, что полагается в таких случаях. Похоже, что не лукавит. Говорит, что демократам нужно не забывать о самом важном — о победе над республиканцами. Говорит, что в этом и состоит главная задача съезда.

И его веки опускаются, как жалюзи. И снова поднимаются. И что там за ними — не видно. Ни черта не видно.

Вот его и выдвигают. А что им еще остается? Выдвинуть Джона Нэнса Гарнера [119]? Да кто, черт побери, вообще слыхал о Джоне Нэнсе Гарнере? Вне Техаса Джон Нэнс Гарнер не стоит и плевка. Его даже Гувер победит. Нет. Минута молчания и аплодисменты — в честь Франклина Д. («Д.» означает «Делано») Рузвельта. А потом — Джо Стил. Джо Стил! *Джо Стил!*

Джо Стила — в президенты! Джона Нэнса Гарнера — в вице-

президенты!

Гувер все больше сидит в Вашингтоне. А когда куда-нибудь выбирается, то строит всю свою кампанию на прошлых заслугах. Что только показывает как он устал от жизни, не правда ли?

А Джо Стил ездит всюду. Всюду. На поезде. На машине. На *самолете,* черт побери. Он и в кинохронике, и по радио. Джо Стил и его Четырехлетний план! Даже если ты барабанщик, который затащил в укромный уголок официантку, — и то в окно смотрит Джо Стил, призывая вас обоих за него голосовать.

А если вы такие же, как все, то наверняка так и сделаете.

8 ноября 1932 года. Гувер выигрывает в Делавэре. Он выигрывает в Пенсильвании. Он выигрывает в Коннектикуте. И в Вермонте, Нью-Гэмпшире, Мэне. Джо Стил выигрывает по всей стране. Во всех остальных штатах. Более пятидесяти семи процентов голосов против менее сорока. А выборы в Конгресс? Боже мой! Демократы более трех пятых Сената. И почти три четверти Палаты Представителей.

4 марта 1933 года. Джо Стил прибывает в Вашингтон. День инаугурации. Гувер в цилиндре и сюртуке — его время кончилось. Джо Стил в большой кепке, рубашке без воротника и брюках из грубой ткани — его время пришло. Да вы *посмотрите* только на вспышки фотоаппаратов!

Он приносит присягу. Герберт Гувер пожимает ему руку. Герберт Гувер опускается на сиденье. Все. Его больше нет. Ему нет больше места в нашем рассказе.

Джо Стил произносит речь. Он говорит:

— У людей будет работа. Труд — дело чести, дело доблести и геройства. *У людей будет работа!* — Ох, как ему аплодируют!

Он говорит:

— Да, я признаю, что я груб, но только по отношению к тем, кто вредит народу нашей страны. В чем состоит мой долг? В том, чтобы проявлять твердость и бороться за интересы людей. Бросать начатое не в моих правилах.

Он говорит:

— Мы сделаем все, что должны сделать, чтобы Соединенные Штаты снова поднялись на ноги. Революции в шелковых перчатках не совершаются. — Он поднимает свои руки. Он немало поработал в своей жизни, этот Джо Стил. Это видно по его мозолистым, волосатым рукам. Новые аплодисменты. Овация.

И он говорит:

— Когда банки лопаются, они прикарманивают деньги народа. Вы когда-нибудь видели голодного банкира? Видел ли кто-нибудь голодного банкира хоть один раз за всю историю человечества? Если мне приходится выбирать между народом и

банкирами, я выберу народ. Мы национализируем банки и спасем народные деньги. — На этот раз аплодисменты чуть не сшибают его с трибуны. Джо Стил смотрит в толпу. Веки опускаются, как жалюзи. Они поднимаются снова. Джо Стил… улыбается.

Конгресс. Специальная сессия. Принимаются новые законы, один за другим. Национализировать банки. Организовать общественные фермы для тех фермеров, которые лишились своей земли, — а также для всех других, кто пожелает вступить. Фабрики для рабочих, потерявших работу. Дамбы на всех реках, где их еще нет. Такое, во всяком случае, создается впечатление. Дамбы дают людям работу. Предотвращают наводнения. И производят много нового электричества.

Джо Стил, он без ума от электричества.

— Только тогда фермер станет гражданином, когда он будет окружен электрическими проводами, — говорит он. — Главная надежда и оружие нашей страны — это индустрия, частью которой должен стать фермер. Передовая и плановая индустрия с высокой концентрацией производства не может сосуществовать с отсталым и хаотичным сельским хозяйством. Мы должны систематически и упорно переводить сельское хозяйство на новую техническую основу, расширять производство и поднимать его до уровня индустрии.

Некоторые думают, что Джо Стил просто свихнулся. Как только законы принимаются, их тут же начинают обжаловать в суде. Суды отменяют новые законы один за другим. Джо Стил подает апелляцию. Дело доходит до Верховного суда. Антиконституционно, говорит Верховный суд. Говорит, так нельзя.

Не говорите Джо Стилу «нет». Не советую. Есть тут в Вашингтоне молодая восходящая звезда. Парень по имени Джон Эдгар Гувер [120]. Умен. Непреклонен. Лицо как у бульдога. Руководит Бюро расследований Министерства юстиции с тридцати лет. Ему еще нет сорока. Знает, где собака зарыта. И не только собака. Кое-кого зарыл и сам, люди говорят.

Джо Стил вызывает его в Белый дом. Тот уходит оттуда улыбаясь. Ничего хорошего от улыбки Джона Эдгара Гувера ждать не приходится. Уж поверьте. Ничего хорошего. А в Овальном кабинете улыбается Джо Стил. Наконец-то нашелся человек, с которым можно иметь дело.

Проходит три недели. Верховный суд признает еще один закон антиконституционным.

— Эти девять стариков вредят стране, — говорит Джо Стил. — Почему они это делают? В чем могут заключаться их побуждения?

Проходит еще три недели. Аресты! Бюро расследований Министерства юстиции хватает члена Верховного суда судью ван Девантера! Судью Макрейнольдса! Судью Сазерленда! Судью Батлера! Измена! Измена и сговор с Гитлером! Сенсация!

В конституционной защите процессуальных прав отказано. Предатели, чего доброго, могут и сбежать, говорит Джо Стил. Всякий, кто жалуется, ведет себя, как чертов нацист. Никаких обычных судов для «банды четырех» (спасибо за фразу, Уолтер Липпман [121]). Военные трибуналы. По заслугам.

У Джона Эдгара Гувера есть доказательства. Полный короб доказательств. Документы. Свидетели. Рейхсмарки со свастикой. Но некоторые люди — ну что тут поделать, всякие бывают люди — всему этому не верят. Они думают, что арестованные выступят в суде и посмеются над Джоном Эдгаром и его ребятами как следует. Хоть это и военные трибуналы, но ведь им дадут высказаться в свою защиту, так?

Так. Дадут. Они высказываются. *И признают свою вину,* прямо перед всей страной. По радио. В кинохронике. В газетах. Они признаются. Во всем. Мы были вредителями. Мы хотели сорвать планы Джо Стила. Мы хотели, чтобы в США победил фашизм. Все лучше, чем то, что делает Джо Стил.

И еще мы выполняли приказы отца Кафлина [122] и Хью Лонга [123].

Новые аресты!

Отец Кафлин, как и члены Верховного суда, признается во всем перед военным трибуналом. Новые радиопередачи. Новые кинохроники. Новые заголовки газет. Хью Лонг? «Царь-рыба» застрелен при попытке сбежать из Левенуорта [124]. Так сообщают. Застрелен наповал, наповал, наповал. Все, что от него осталось, демонстрируется на экране и в газетах.

Потом расстреливают Ван Девантера. И Макрейнольдса. И Сазерленда. И Батлера. За измену. Они же во всем признались. Почему бы, черт возьми, их не расстрелять? Рассвет. Повязки на глаза. Последние сигареты. Расстрельные команды. Никаких последних слов. Раз умираешь за измену — не заслужил.

То же происходит и с отцом Кафлином. Правда, его последние слова до чьих-то ушей доходят. Приказ «Огонь!» звучит как раз между «*Ave*» и «*Maria*». *Ave at que vale* — здравствуй и прощай. И град пуль в качестве прощального подарка.

Джо Стил назначает в Верховный суд четырех новых судей. Сенат утверждает их в мгновение ока. Думаете, теперь Верховный суд произнесет хоть раз слово «антиконституционно» в ближайшее время? Я, черт побери, уж точно так не думаю. Пожалуй, не думает так и Джо Стил.

И снова Джон Эдгар Гувер приходит в Белый дом. И вдруг, нате вам, нет больше Бюро расследований Министерства юстиции. Есть *Правительственное* бюро расследований. ПБР. Лицо у Джона Эдгара как у бульдога, это точно. Выходя из кабинета после разговора с Джо Стилом, он довольно виляет хвостом, как самый счастливый бульдог в мире.

Они идеально подходят друг другу, Джон Эдгар Гувер и Джо Стил. У Троцкого есть Берия. У Гитлера есть Гиммлер. А у Джо Стила? У Джо Стила есть Джон Эдгар.

* * *

Когда приходит 1936 год, люди задаются вопросом, найдется ли кто-нибудь у республиканцев против Джо Стила. Найдется. Эльф Лэндон [125]. Губернатор Канзаса. Кое-кто называет его «канзасской аномалией», но в смелости ему не откажешь. Пожалуй, смелости у него больше, чем мозгов, — он противостоит Джо Стилу.

Намного ли лучше живут люди? Живут ли они лучше? Как знать? Но по крайней мере Джо Стил что-то *делает.* Ну да, иногда на этих общественных фермах люди голодают. Ну да, урожай у них невелик. Ну и что? По крайней мере, о них заботятся, то и дело пытаются внедрить что-нибудь новое.

К тому же если теперь, после ван Девантера с Макрейнольдсом и Сазерленда с Батлером, кто-нибудь чем-нибудь и недоволен, разве он так прямо об этом и скажет? Вот вы бы сказали?

Джо Стил говорит, что у него есть Второй Четырехлетний план. Говорит, что он будет даже грандиозней Первого. Не говорит «лучше». Говорит «грандиозней». Есть ли разница? С точки зрения Джо Стила — нет никакой.

И снова приходит ноябрь. И снова побеждает Джо Стил. В такой порошок он не стирал даже Гувера. (Герберта, конечно, а не Джона Эдгара. Джон Эдгар сам сотрет в порошок кого хочешь.) Лэндон выигрывает Мэн. Он выигрывает Вермонт.

Остальное? Остальное выигрывает Джо Стил. Все достается Джо Стилу.

Он снова приносит присягу. Глава Верховного суда ведет себя с ним очень осторожно. Все это замечают. Впрочем, никто не подает и виду. Следи за тем, что говоришь, если тебя может услышать Джо Стил. Или Джон Эдгар. Или кто-нибудь еще. У Джона Эдгара шпиков — как блох у бродячей собаки. Откроешь рот — пожалеешь.

Через пару месяцев после начала второго срока кто-то стреляет в Джо Стила. Промахивается. В злоумышленника стреляют агенты ПБР. Наповал. Изрешечен пулями. Говорят, его зовут Отто Шпитцер. Говорят, он немец. Говорят, он связан с нацистами. Джо Стил кипит, изрыгает проклятия и грозит Гитлеру кулаком. А *фюрер* вскипает, изрыгает проклятия и грозит кулаком в ответ. И никто из них не может дотянуться до другого. Ну разве жизнь не замечательна?

Проходит совсем немного времени, и ПБР принимается за Военный департамент. В кинохронике сплошь громилы в фетровых шляпах и с автоматами, выводящие из здания генералов полковников с поднятыми руками. А охраны в Военном департаменте почти никакой. Кто ж мог подумать, что она понадобится?

Процессы по обвинению в измене. Опять. Генерал за генералом, полковник за полковником, связи с немцами. Доказательства. Письма. Фотографии. Все это демонстрирует ПБР. Наверняка не фальшивки. Кое-кто, из арестованных сознается. Это уж *точно* не фальшивки. Обвинения. Приговоры. Расстрелять. Все честь по чести.

Депутат Конгресса Сэм Рэйберн поднимается на задние лапки. Спрашивает, куда это мы, черт возьми, движемся. Спрашивает, что это, черт побери, Джо Стил себе думает. Похоже, что все мы катимся куда-то к чертям собачьим. Через два дня — автокатастрофа. Сэм Рэйберн умирает по пути в больницу.

— Это потеря для всей страны, — говорит Джо Стил по радио. Веки опускаются, как жалюзи. Они поднимаются снова. На этот раз, пожалуй, видно, что там, за ними. Мы движемся, черт возьми, туда, куда Джо Стилу будет угодно. А Джо Стил считает, что делать он может, черт возьми, все, что пожелает.

И знаете что? Он прав.

Через пару недель процессы по обвинению в измене разворачиваются по-настоящему. Теперь на скамье подсудимых не только члены Верховного суда. Не только генералы. Доктора. Адвокаты. Профессора. Механики. Пекари. Коммивояжеры. Домохозяйки. Всякий, кто раскрывает рот без спросу. Даже агенты ПБР. Джо Стил и Джон Эдгар не упускают из виду ничего. От них не скроется никто.

Виновен, виновен, виновен. Куда их всех девать? Что с ними всеми делать? Думаете, много чего понастроили за Первую Четырехлетку? Полюбуйтесь-ка на размах Второй. Снова дамбы. Автострады. Бесконечные мили автострад. Каналы — все до одного выкопаны руками. А домов новых в городах больше, чем можно себе вообразить.

Говорите, так мы израсходуем много людей? Ну и что? Им всегда найдется замена. О да, черт возьми. Найдется с избытком. А когда те лагерники, что выжили, отбудут свои сроки, что делать с ними тогда? Пошлем их на Аляску. Пошлем их в Северную Дакоту, или в Вайоминг, или в Монтану, или в какое-нибудь еще место, где нужны люди. Скажем им, пусть не беспокоятся — лишь бы оставались там, куда их послали. А если кто не останется? Назад в лагерь. Или пулю в затылок.

Большинство из них остаются. Большинство людей уже поняли, что Джо Стил шутить не любит.

Европа. Сгущаются тучи войны. Гитлер. Троцкий. Франция и Англия трясутся мелкой дрожью и ведут политику умиротворения. Джо Стил? Джо Стил сохраняет нейтралитет. Обвиняет проклятых Богом нацистов в половине трудностей, одолевающих США. В другой половине обвиняет безбожных красных. Можно ли после этого в чем-то обвинить самого Джо Стила? Нельзя. Никак нельзя.

Там, за океаном, начинают летать пули. Джо Стил обращается к Конгрессу. Произносит свою знаменитую речь — «чума на оба ваших дома» [126].

— Мы стояли в стороне, соблюдая нейтралитет, — говорит Джо Стил. — И мы останемся верны избранному курсу, потому что эта война не стоит капли крови даже одного-единственного американского парня. США должны быть нейтральными и формально, и фактически. Ни одна из воюющих сторон не борется за правое дело, ради которого нам стоит воевать. О, нет. Величайшие опасности для нашей страны таятся в зловредных поползновениях агентов влияния иностранных держав. Если только мы положим этому конец у себя дома, в нашей стране будет все спокойно. И если только мы останемся в стороне от новой дурацкой войны в Европе, все будет хорошо и там — для нас.

Однако в конце концов Джо Стил больше не может оставаться в стороне. После падения Франции он понимает, что даже Атлантика не будет для Гитлера достаточным барьером. Он начинает продавать Англии все, что ей нужно. Столько, сколько он может.

— Если бы Адольфу Гитлеру противостоял сам дьявол, я бы наверняка замолвил за него словечко перед Палатой Общин, — говорит Черчилль. — Так что я благодарю Джо Стила.

А Джо Стил выдвигает свою кандидатуру на третий срок. И Джо Стил снова побеждает. Даже с большим преимуществом, чем в 1936 году. Ну что из себя представляет Уэнделл Уилки? Разве это противник? После всех процессов по обвинению в измене

некоторые люди удивлены. Впрочем, вслух никто ничего не произносит. Теперь уже люди соображают, что можно делать и чего нельзя.

Джо Стил и Джон Эдгар, они над всем этим посмеиваются, и Молот тоже. Говорят, Джо Стил цитирует Босса Твида [127]: «Если я сам подсчитываю голоса, то чего мне бояться?» Босс Твид давно уже покойник. А если кто-нибудь еще такое повторит, то сам скоро станет покойником, черт побери.

Когда Гитлер нападает на Троцкого, Джо Стил только через шесть недель начинает поставлять в Россию оружие и грузовики. Он всей душой ненавидит Троцкого. Но если нацисты захватят все пространство от Бреста до Владивостока, это будет не очень-то хорошо. Потому-то он и делает эти поставки.

Черт возьми, он чуть не опоздал. К декабрю нацисты доходят до Москвы. И топят американские корабли в Атлантике. И мы тоже топим парочку немецких подлодок. Ни здесь, ни в Европе в газеты это не попадает. Если ничего не замечать, то это и не война. Так? Джо Стил и Гитлер считают, что так.

И вот, когда взор Джо Стила обращен к Европе, япошки дают ему пинка под зад. В Перл-Харборе взрывы до небес. Бомбардировка Филиппин. Вторжение. Вторжение в голландскую Ост-Индию. В Малайзию. Мы не хотим войны? А война начинается все равно.

На следующее утро Джо Стил приходит в радиостудию. Вынужден отказаться от своих слов. Это любому нелегко. Особенно нелегко, если ты всегда был прав. Джо Стил отказывается от своих слов. Правда, делает вид, что никогда их и не говорил. Ах, вы помните, что говорил? Я вам сочувствую, если вы вздумаете раскрыть рот.

— Над нашей страной нависла смертельная угроза, — говорит он. Все, у кого есть радио, слушают. — Вероломное нападение на наши любимые Соединенные Штаты Америки, начатое 7 декабря 1941 года, продолжается. Не может быть и тени сомнения в том, что этот кратковременный военный успех Японской империи — всего лишь эпизод. Войну с Японией нельзя рассматривать как войну ординарную. Это не просто война между двумя армиями и флотами, это также великая война всего американского народа против японских имперских вооруженных сил.

В этой войне за свободу мы будем не едины. Наши силы бесчисленны. Это очень скоро поймет зарвавшийся враг, который заплатит за свою ошибку дорогую цену. Тысячи рабочих, фермеров и ученых поднимаются бок о бок с армией и флотом США на бой с вражескими агрессорами. Миллионы наших людей

поднимутся и сольются в непобедимую народную массу.

Чтобы отразить удар врага, вероломно напавшего на нашу страну, сформирован Государственный комитет обороны, в чьих руках сосредоточена вся государственная власть. Комитет призывает весь наш народ сплотиться вокруг партии Джефферсона [128], Джексона [129] и Вильсона [130], вокруг американского правительства, чтобы самоотверженно поддержать американские армию и флот, разгромить врага и обеспечить победу. Вперед!

Конгресс объявляет Японии войну. Гитлер объявляет войну США. Джо Стил приказывает организовать два новых военных трибунала. Адмирал Киммель. Генерал Шорт. Были ответственны за Гавайи. Опростоволосились на Гавайях. Виновны. Расстреляны. *Pour encourager les autres* — чтоб другим неповадно было.

Падение Филиппин. Генерал Макартур сбегает в Австралию. Трибунал. Бомбардировщики уничтожены на взлетной полосе? Да. Виновен. Расстрелян. Макартуру нравилось, когда его прославляли в газетах. Такой генерал нам не нужен. В газетах прославляют только одного человека.

Джо Стила.

А вот с Джорджем Маршаллом [131] Джо Стил поладит славно. Маршаллу нравится побеждать. Фанфары ему ни к чему. Такой человек Джо Стилу по душе. Как и Нимиц [132]. Как и Эйзенхауэр [133]. А Холси [134]? Если Холси хоть раз проиграет сражение, он труп. О чем он прекрасно знает. Продолжает выигрывать.

Мы отбрасываем япошек назад. В пустыне буксует Африканский корпус. Немцы и русские ведут величайшее в мире сражение под Троцкоградом. Обе стороны бросают людей в эту мясорубку без всякой жалости. Похоже, что людей для мясорубки у красных больше. Нацисты теряют целую армию. Русские рвутся на запад. Какое-то время кажется, что вот-вот у немцев развалится весь Восточный фронт. Нет, не валится. Вонючие нацисты — сволочи, но настоящие профессионалы, особенно если им не мешает Гитлер. Но все же видно, что им придет конец. Это займет какое-то время, но он придет.

Джо Стил встречается с Черчиллем и Троцким. Начинают строить планы на будущее. Троцкий продолжает требовать настоящего открытия второго фронта. Италия? К черту Италию! Джо Стил… улыбается. Что такое рай? Это когда каждый нацист перед смертью убивает двух красных. Что, так не останется в живых ни немцев, ни русских? Ах, какая жалость.

Однако становится похоже, что для такого расклада достаточно фрицев не наберется. И оставлять за Россией все пространство от Владивостока до Бреста никто не хочет. Второй

фронт открыт. Командует Эйзенхауэр. Эйзенхауэр за славой не гонится, она принадлежит Джо Стилу. Хорошо соображает этот Эйзенхауэр. Джо Стил идет на четвертый срок и побеждает. На этот раз республиканцы не выдвигают никого.

Освобождены Филиппины. Иводзима. Окинава. Бомбим япошек как следует. Готовимся к вторжению.

Германия? Американско-британский молот. Русская наковальня. Германия зажата между ними. *Расплющена* между ними. Гитлер жмет на курок, мозги летят в потолок. Пока, Адольф. Мог бы сделать это и раньше.

Начинаем переброску солдат к Тихому океану. Операция «Низвержение». По сравнению с этим Нормандия была детской игрушкой. Япошки сражаются на пляжах, на рисовых полях, на улицах — везде. Маньяки. Камикадзе. Делают все, что могут. Этого недостаточно. Мы продвигаемся. Цена чертовски высока, но мы ее платим. Троцкий видит, что мы побеждаем. Присоединяется. Берет Хоккайдо, северную часть Хонсю. Остальное — наше. Зажигательные бомбы испепеляют Хирохито [135] в поезде по пути из Токио в Киото. Sayonara [136], приятель.

Япония так и не подписывает капитуляцию. Для этого уже не осталось никого из высшего руководства. Но япошки в конце концов перестают сражаться. Для этого тоже практически никого не осталось. Конец лета 46-го.

Джо Стил. На вершине мира.

Выясняется, что нацисты работали над атомной бомбой. Не так уж упорно. Не очень-то верили, что такое возможно. Так ничего и не добились. Но работали. Джо Стил лезет на все стены по очереди. Вызывает к себе Эйнштейна [137].

— Почему вы об этой бомбе ничего не знали? — орет он.

— Мы знали, — говорит Альберт. — Я чуть было не написал вам письмо в начале войны.

Веки Джо Стила опускаются. И снова поднимаются. Ага, вот на этот раз видно, что за ними. Ярость. Неприкрытая, испепеляющая ярость.

— Так почему же вы его не написали? — говорит он тихим и страшным голосом.

— Я боялся, что вы ее примените, — отвечает Эйнштейн. Полдюжины слов. Один смертный приговор.

Эйнштейн? Расстрелян. Еврей.

Сцилард [138]? Расстрелян. Еврей.

Ферми [139]? Расстрелян. Макаронник, женатый на еврейке.

Фон Нейман [140]? Расстрелян. Еврей.

Оппенгеймер [141]? Расстрелян. Еврей.

Есть и другие. Много других. Большинство расстреляны,

евреи они или нет. Остальных? В лагеря.

«Заговор профессоров» — так называют это газеты. Проклятые яйцеголовые, хотели ослабить наши Соединенные Штаты. Проклятые жиды, хотели ослабить наши Соединенные Штаты. Кто знает, может, Гитлер знал, что делает? Джо Стил беседует с Молотом. Беседует с Джоном Эдгаром. Колеса начинают вертеться.

Потом он находит Теллера [142].

Теллер говорит:

— Развяжите мне руки. Я сделаю эту сукину дочь за три года, или же моя голова с плеч.

Еще один проклятый еврей. Но зато такой, который знает, с какой стороны хлеб у него намазан маслом. Некоторых людей, нужных Теллеру, — Фейнмана, Фриша, Кистяковского — Джо Стил находит в лагерях. Они там, но пока не расстреляны. Может, их не расстреляют и вовсе — если справятся. Первый круг ада, ни дать ни взять.

Джо Стил говорит Джону Эдгару и Молоту:

— Не торопите события.

Если Теллер и его команда справятся — может, и есть смысл некоторых жидов сохранить. А если нет… Мы знаем, кто есть кто. Мы знаем, где кто живет. Мы всегда можем начать сначала. Конечно, можем, черт побери.

А Троцкий, вонючий красный ублюдок, тоже работает над этой штуковиной. Держу пари, что так оно и есть. Мы захватили некоторых ведущих нацистских специалистов. И они захватили некоторых ведущих нацистских специалистов. Думаете, ребята из расы господ не захотят, чтобы с ними хорошо обращались? Не захотят, чтобы их оставили в живых? Ха! Да Вернер фон Браун [143] заговорил бы по-китайски, если бы его поймал Чан Кай-Ши [144]. Или Мао.

А давно уже поперек горла стоит Троцкий по нескольким причинам. «Да здравствует мировая революция», — говорит он.

1948 год. Его Северная Япония вторгается в нашу Южную Японию. «Освободительная война», — говорит он. Красные японцы стремительно приближаются к Токио. Кричат «Банзай!» в честь Троцкого. (Троцкий тоже еврей. От этого, конечно, любви к евреям у Джо Стила только прибавляется.)

Черт знает что — едва кончилась предыдущая война, как начинай новую. Японцы Троцкого сражаются как безумные. Наши японцы бегут в безумном страхе. Игра в одни ворота — пока северные японцы не утыкаются в американских морских пехотинцев перед Уцуномией. Если они прорвутся, Токио падет. Возможно, вместе с ним падет и весь Хонсю. Но они не

прорываются. Морпехи держатся. Расквасили красным япошкам нос.

Все знают, что русские посылают в бой свои реактивные истребители «Гуревич-9» с желтой звездой, нарисованной внутри Восходящего солнца. Они не так хороши, как наши «Ф-80», — примерно такие же, как «Ме-262», — но все же лучше, чем мы от этих сукиных детей ожидали. Теперь фронт в горах вроде как стабилизируется. Иногда они наступают. Иногда мы. Названия типа «долина Сукияки» или «хребет Мамасан»? Дома народ толком и не знает, где все это находится, но немало парней находят там свою могилу.

Джо Стил выигрывает выборы в пятый раз так же легко, как и в четвертый. Против него не выдвинут никто. Война ведь.

6 августа 1949 года. Саппоро. Столица Северной Японии. Одна бомба. Города больше нет. Теллер будет жить.

Джо Стил говорит Троцкому:

— Может, хватит?

9 августа 1949 года. Нагано. *Не* столица Южной Японии. Возможно, слишком хороша ПВО вокруг Токио — русским не хотелось рисковать самолетом. И все же цена чертовски высока. Одна бомба. Города больше нет. Возможно, будет жить какой-нибудь яйцеголовый немец.

Троцкий говорит Джо Стилу:

— Да, пожалуй, хватит.

Японская война окончена. *Status quo ante bellum* [145].

Мао выгоняет Чана с материка. Новые процессы по обвинению в измене. Надо же Джо Стилу как-то развлекаться. Он стареет. Выигрывает выборы в шестой раз чуть ли не в полусне. Через шесть недель после очередной инаугурации умирает. Своей смертью. Да кто бы осмелился поднять на него руку?

Джон Нэнс Гарнер. Вице-президент с 1933 года. Все это время сидит тихо и молчит в тряпочку. *Потому-то* он и занимал эту должность так долго. Наконец-то получает власть в свои руки. Первый приказ — расстрелять Джона Эдгара Гувера и Молота. Молот приказывает расстрелять Джона Нэнса Гарнера и Джона Эдгара Гувера. Джон Эдгар приказывает расстрелять Гарнера и Молота.

Джон Эдгар остается жив. Джон Эдгар захватывает власть. А вы думали, при Джо Стиле было хуже некуда?

Джеф Райман — Дни рождения

Geoff[146] Ryman. Birth Days (2003). Перевод В. Клеблеева

Возможно, вы полагаете, что живете в мире, который требует от вас на каждом шагу нелегкого выбора, однако нижеследующий рассказ показывает, что в реально обозримом будущем этот выбор может стать еще более сложным и сопровождаться куда более драматичными последствиями. Уроженец Канады Джеф Райман живет сейчас в Англии. Первое его произведение было напечатано в «New Worlds» в 1976 году, однако только в 1984-м, когда в журнале «Inter-zone», где впоследствии печатались все его рассказы, появилась блестящая повесть «The Unconquered Country», он впервые привлек к себе серьезное внимание. «The Unconquered Country» оказала глубокое влияние на жанр научной фантастики того времени и стала одной из лучших повестей десятилетия, сделав автора в одночасье одним из самых знаменитых писателей его поколения. Ему были присуждены Британская и Всемирная премии научной фантастики, после чего увидела свет и книжная версия произведения: «The Unconquered Country: A Life History». Впоследствии он радовал читателя нечастыми, но всегда высококлассными работами, жемчужинами научно-фантастического жанра. Его роман «The Child Garden: A Low Comedy» выиграл две престижные литературные премии — Артура Кларка и Джона Кэмпбелла, затем последовал «The Warrior Who Carried Life», роман «Was» был отнесен критикой к мейнстриму, а интерактивно-гипертекстуальный роман «253», впервые появившийся на домашней странице Раймана, стал классикой андеграунда и завоевал премию Филипа Дика. Четыре его романа вышли под одним общим названием «The Unconquered Countries». Не так давно опубликованы два новых — «Lust» и «Air». Его рассказы печатались в антологиях «The Year's Best Science Fiction» за 1995, 1996, 2000, 2002 и 2003 гг.

* * *

Сегодня мой шестнадцатый день рождения, поэтому с самого утра я сделал себе подарок. Я прокололся перед матерью. Случайно. Как-то тупо. Получил письмо по электронной почте от Билли и мог бы преспокойно оставить его на компьютере, но нет — мне нужно обязательно было его распечатать и выбросить на

тумбочку, как белый флаг.

Встаю, спросонья прохожу на кухню и вижу письмо в руках у матери. По выражению ее лица понятно — она уже прочитала его. Глубокие морщины в уголках губ — лишнее тому подтверждение. Она протягивает мне письмо и говорит:

— Скажи мне, пожалуйста, отчего у тебя не хватило мужества открыто признаться мне в этом?

«Какой я тупица! Как меня угораздило? Однако если ты уже читаешь чужие письма, то что будет дальше?!» — думаю я и говорю:

— Тебе понравилось то место, где он говорит, что у меня великолепный пенис?

— Не очень, — отвечает мама.

Теперь она смотрит на меня, как на инопланетянина. А я и есть таков — это, мам, тебе за твое неохристианство: родной сын оказался гомиком. Неохристиане называют это «дарвиновскою аномалией».

Мама вздыхает и говорит:

— Что ж, думаю, нам придется смириться с этим.

Да, мам, придется. А не хочешь ли ты сказать мне что-нибудь нежное, наподобие: «Милый, милый Рон, мы все равно любим тебя…»

Нет. Только не моя мама. Ни в коем случае. Говорить то, что думаешь, — это мамин способ самоутверждения, а самоутверждение для нее превыше всего, тем более каких-то там моих переживаний.

Поэтому я снова наезжаю на нее.

— Да, какая досада — зачни ты меня на год-другой позже, я был бы экранирован еще в зародыше, и ты могла бы со спокойной совестью сделать аборт.

— Это несправедливо, — вздыхает мама.

Да, несправедливо. Неохристиане — единственные, кто не избавляется от гомосексуальных плодов. Все другие запросто. Как они это называют? Родительский выбор.

Мама окидывает меня колючим взглядом и говорит:

— Надеюсь, что таким образом ты поздравил себя со счастливым днем рождения.

Вот и поговорили.

Мой младший брат притворяется, что его как будто и нет вовсе и что он совсем не рад всему этому. Формами он напоминает ананас. Он толст, у него астма, и в чем ему действительно не откажешь, так это в трусости и глубоко затаенной подлости. Я же всегда вел себя, как полагается старшему брату, старался помогать маме и был ее любимым

сыном. Но теперь я гомосексуалист. А это для мамы-неохристианки все равно что обнаружить у собственного сына склонность к педерастии или скотоложеству. Иногда я думаю, что неохристианство придумали для того, чтобы иметь лишний повод преследовать все те же старые пороки.

Но более всего меня печалит тот факт, что мама чересчур умна. Ей нравится в неохристианстве его дарвиновская логика. Как-то прошлым летом она читала статью «Ген однополой любви посеян инопланетянами?».

— Они могли бы, по крайней мере, соблюсти научный подход! — возмутилась она. — Это же не один ген и не одна частица мозга!

Но немного погодя она вдруг озадачилась:

— Ну не удивительно ли — откуда этот ген вообще взялся?

Моя мама на самом деле считает, что существует вероятность того, что гомосексуалисты — это проделки инопланетян. Пожалуйста, не смейтесь, это было бы смешно, если бы не было так грустно.

С тех пор как были найдены артефакты, якобы оставленные внеземной цивилизацией, люди воображают себе, как несколько маленьких зеленых существ приземляются на нашу прекрасную голубую планету, осматриваются по сторонам и вновь улетают. И теперь их тревожит вопрос — не вернутся ли они с большой мощной армией?

Пять лет назад выяснилось, что гены, отвечающие за сексуальную ориентацию, содержат очень необычные включения сахаров, и возникла теория заговора — инопланетяне, мол, создали ген гомосексуализма как своеобразный вид оружия. Для подрыва нашей репродуктивной способности. Хотя в то время, когда они приземлялись, у нас был первобытнообщинный строй или что-то вроде того. Может быть, заражая нас гомосексуализмом, они надеялись ослабить наше сопротивление захвату. Да пусть попробуют только сунуться, обещаю, я буду биться, как гладиатор!

По пути в школу я звоню Билли и говорю:

— Мама все знает. Она прочитала твое письмо.

— Ну и — рвала и метала?

— Нет, она была очень лаконична. Ты бы только послушал ее заключение: тебе надо научиться жить с этим, Рональд, ты сам выбрал этот путь, Рональд.

— Это лучше, чем крик и слезы.

Билли занимается в исправительном классе. Он верит во все это дерьмо. Откровенно говоря, выражение «тебе надо научиться жить с этим» я выудил из его же менторского лексикона. Эти его

поучения выводят меня из себя. На самом деле сейчас меня все выводит из себя. Сейчас я чувствую себя так, будто у меня заворот кишок, и мне хочется что-нибудь немедленно сломать.

В исправительном классе говорят: ты должен смириться с тем фактом, что люди не любят тебя, с тем, что у тебя жирные бедра и нелады с математикой, как и с тем, что ледники обрушиваются на тибетские монастыри. Как ты можешь возмущаться плохим отношением китайцев к Тибету, когда сам лично не сделал ничего хорошего для него?

Это равносильно тому, как если бы каждого, у кого нет сил, стали уверять в том, что он сам виноват в этом и что сильных людей не должны заботить его проблемы.

Моя мама не может смириться с тем, что я гомосексуалист. Но главное для нее — быть несгибаемой железной леди. Поэтому она не позволяет себе никаких стонов, плача и зубовного скрежета. Быть железной леди — это ее способ философски воспринимать даже проделки инопланетян с собственным сыном.

Билли слишком зациклен на своей невозмутимости, чтобы прощать мне мои слабости. А меня ранит даже его как бы сочувственное:

— Я же говорил, что тебе надо было самому сказать ей обо всем.

— Да, ты был абсолютно прав, — отвечаю я мышиным голоском.

Очередной раз он отыгрался на мне.

— Ладно, не надо сучиться на меня за это, — бросает Билли.

— Это естественная реакция, сопутствующая сильному эмоциональному всплеску, — звучит все еще как-то по-мышиному.

Он меня бесит, бесит своей невозмутимой «правильностью». Все вокруг такие «правильные». Просто дышать нечем.

Билли опять берется за свое:

— Ты ведешь себя, как ребенок. Только ты даже не фокусничаешь, а просто хнычешь.

— Билли, моя мама-неохристианка знает, что я гей. Можно хоть немного сочувствия?

— А что, кто-нибудь умер, Рон? Или тебе оторвало ноги во время взрыва? Или, может быть, я должен решать за тебя все твои проблемы?

— Нет, просто я ищу друга, и, знаешь, я постараюсь и найду, найду такого, которому буду дорог я, а не мой член.

Я повесил трубку.

Как я говорил, меня все бесит. Бесит сидеть здесь сейчас.

У меня есть тупой братишка, который хихикает все дни

напролет, ставя себе в заслугу любовь к кошке. У меня есть мама, поглощенная домашними заботами, счетами и кредитами, и срывающаяся на крик, чтобы заставить меня делать всякую тупую работу по дому. Я понимаю, что, наверное, испортил отношения с Билли, но мне важнее знать — на самом ли деле я такой ничтожный безответный человечишка, каким он меня считает.

Все кончено. Я чувствую себя так, будто увяз в ненавистном мне лаймовом киселе и тону в его бездонной засасывающей жиже. Мой братец все знает и будет изо всех сил стараться устроить мне сладкую жизнь. Пусть только попробует, я расквашу ему всю его жирную морду. Моя мать разыгрывает из себя крутую железную леди, поэтому я тоже стану крутым. Но у меня не выработана необходимая невозмутимость, и я никогда не пойду на мамины неохристианские семинары.

А сейчас я сижу здесь в одиночестве и думаю: как мне победить? Как жить? Что делать?

Мне уже никогда не быть по-прежнему любимым сыном. Этот вариант отпадает. Я не собираюсь деликатничать по поводу того, с кем я сплю. Я ни на что не подписывался, я ни во что не верю, никого не люблю и не думаю, что кто-нибудь любит меня.

Привет. Начинаю с нуля. С днем рождения.

Итак, мне 26 сегодня!

Я встал в три часа утра и отправился к Амазонке, чтобы повидаться Джоао. Он был так счастлив видеть меня, что его маленькое личико превратилось в одну огромную улыбку. Он выстроил несколько своих сестер позади себя, и они радостно приветствовали меня. Затем спели «Happy Birthday» и подарили изящный ежедневник. В Бразилии все еще поют «Happy Birthday».

Любовь побеждает все. Почти без усилий.

Позже я навестил Джоао и мы проделали наши обычные дневные процедуры. Тестостерон лез у него из ушей, настолько он был воодушевлен своей новой работой на исконных землях индейцев. Он готов сломя голову лететь в Эдем, чтобы приступить к своей дипломатической миссии. Он так очарователен: презерватив на конце и перо попугая в носу — самый подходящий вид для сотрудника Бразильского консульского совета.

Я люблю его, я люблю его, я люблю его, я люблю его.

Я чертовски счастлив. На Амазонке нет эмбрионального экранирования. Ура жителям Содома! В любом другом месте нас преследуют. Эти вредные инопланетные гены должны быть уничтожены.

Потом я должен был пойти и рассказать Джоао о том, как

обстоят дела с моим проектом. Он мрачно выслушал.

— Я знаю, тебе это не нравится, — сказал я.

— Все это неправильно. Похоже на геноцид. — Он произносит «дженосид». — Скоро их совсем не станет.

— Нет, это не геноцид. Младенцы родятся гетеросексуалами, вот и все. Не будет больше никакого гомосексуализма и никакого экранирования, только счастливые дети. А взрослые — те, что остались, — пусть сами решают, лечиться им или нет. Все равно неохристиане считают, что мы и есть геноцид.

— Не надо тебе помогать им.

— Джоао. Малыш. Нас это не коснется. Мы всегда будем вместе.

— Индейцы говорят, что это неразумно.

— Да? Интересно. Что это значит?

— Они говорят, что хорошо бы найти другие пути. Они думают, что это почти то же самое, что случилось с ними.

Это похоже на правду.

Так мы с Джоао спорим. Проводим, так сказать, беспристрастные научные диспуты. Толковые ребята.

До появления версии об инопланетном гене считали, что гомосексуалисты — просто люди с придурью, которые добровольно отказываются от деторождения. Ведь если бы дело было в генетике, невоспроизводимый ген уже давно бы исчез. А мы до сих пор существуем.

Джоао отпускает свою обычную шутку о том, что все певцы в Бразилии «голубые». В этой шутке немалая доля правды. По этому я тоже иронизирую:

— Ого, значит, человечество не смогло бы размножаться без латиноамериканской музыки, да?

— Возможно, — говорит он.

— Знаешь, малыш, а? — спрашиваю я вкрадчиво.

Его голос становится тоже мягче и теплее:

— Я знаю. А ты?

— Да, я тоже знаю.

Я знаю, что ты любишь меня. Мы любим друг друга. Мы говорим так каждый день уже почти пять лет, и каждый раз я ловлю кайф.

В этот день в лаборатории тоже произошло событие. Световые маркеры наконец проникли внутрь Плоскодона.

Плоскодон, по правде говоря, довольно мерзкое творение. В нем различимы внутренние органы, а кости воздушно тонки и разведены в стороны для устойчивости. На вид нечто среднее между паутиной и человеком, раздавленным грузовиком.

Мозг работает, но мы знаем, что он выполняет только

физиологические функции. Ни сознания, ни, тем более, самосознания. Просто высокоорганизованная бактериальная культура. Вы можете отслеживать все происходящие в нем процессы, опробовать на нем наркотики и забавляться с его эндоморфинами. Есть в лаборатории и микроскоп, с помощью которого вы можете наблюдать жизнь внутри него.

Как только я увидел это создание, на меня сразу нашло озарение. Я тут же понял, что надо делать с ним. Я представил руководителю докладную записку, и компания выделила средства на мои исследования.

Люди представляют себе клетки как однородные микроскопические частицы. На деле же они скорее напоминают города с хорошо развитой транспортной сетью. Поступающие протеины поставляются на склады, сортируются, используются по необходимости, а затем выводятся.

Раньше мы отслеживали траекторию движения протеинов, подсаживая к ним протеины медузы, которые излучают свет. Это был превосходный способ, поскольку светилась каждая молекула протеина и вы могли безошибочно определить, в каком месте она находится. Однако вы не могли определить, куда она девается.

Сейчас у нас есть другие подсадки — например, такие, которые светятся только тогда, когда на них попадает луч голубого лазера. Мы можем высветить отдельные протеиновые молекулы и проследить каждую из них по очереди.

Сегодня мы высвечиваем протеины, полученные у гомосексуальных доноров, и я отслеживаю траектории их движения в мозге. Затем я наблюдаю, как генетическая хирургия влияет на мозговые клетки. Сколько времени уходит на стимуляцию роста новых тканей. Сколько времени нужно для приостановки производства других протеинов и удаления оставшихся через лизосомы.

Сколько нужно времени для лечения гомосексуалиста.

Это потрясающе простой проект, дающий возможность получить дешевое и безотказное средство лечения. А это означает, что все друзья Джоао, которым надоело терпеть упреки евангелистов, смогут стать обычными людьми.

Таковы мои аргументы. А им решать. Если кто-то из парней захочет остаться геем, как я, — пожалуйста, оставайтесь. А после нас, может быть, гомосексуалистов вообще не останется. Откровенно говоря, я не вижу тут проблемы. Кто будет скучать по нам? Другие геи, ищущие партнеров? Ой, здрасте, их же уже не будет никого.

Да, как-то отчасти обидно, что никто уже не встретит своего Джоао. Но взамен он встретит свою Джоанну.

Позвонила мама и проговорила безостановочно уйму времени. Меня не пугает, что я больше не люблю ее, потому что я люблю, конечно, но как-то по-своему — с сильной примесью усталости и раздражения. Сильная женщина. Добровольно записалась к нам на эксперименты со стволовыми клетками. Пришла и чуть не захватила в свои руки всю программу исследований. И все ее любят. Так что она тут трудится вовсю, а в свободное время рассказывает мне о забавном парне, которого она подцепила в Калифорнии. Она делает много полезных вещей и, должен признать, действительно помогает церкви. А церковь, глядя на то, как она добра с людьми, поощряет ее стремление помочь им меняться, не падать духом и не бояться науки. Она говорит мне:

— Бог — это Наука. Это действительно так, и я просто доказываю это людям.

Она заставляет людей впервые в жизни проявить свою индивидуальность, и это воодушевляет их, а для бездомных она делает сэндвичи с арахисовым маслом.

Мы поговорили немного о моем шоу-бизнес-братике. Он знаменитый секс-символ сейчас. Мне никак не свыкнуться с этой мыслью, мне все кажется, что он выглядит как ананас.

— Оба моих ребенка стали великими, — заканчивает мама. — Обожаю вас.

Я принимаюсь за работу. Ребята приклеили небольшую открытку на стекло: «*С днем рождения, Рон. Желаю счастья, Плоскодон*».

Во время ланча они сделали по-настоящему грандиозную вещь. Они прикрепили коллуминированную линзу перед экраном дисплея, и теперь взгляд фокусируется на изображении, как будто оно отдалилось километров на десять.

Кроме того, они установили мини-камеру за линзой и сняли пролет над Плоскодоном. Клянусь богом, это было похоже на разведывательный полет над планетой из плоти. Вы летите над костями, которые кажутся соляными залежами. Вы взмываете над скалами из скрученных веревок, и они оказываются мышечной тканью. А вены похожи на огромные трубки, надутые как батуты.

Потом мы залетели в мозг, прямо под складки коры к мозжечковой миндалине — центру сексуальной ориентации. Кора выглядела как саванна.

— Мы называем все это Фланнерилонд, — сказал Грег.

На этом они дружно сошлись, пытаясь придумать название нового континента. Не думайте, что я оказал на них давление. Нет, это сам проект.

Я вернулся домой и нашел пару милых электронных писем от

Джоао. В одном из них были адреса членов всей его семьи. «*Но мой любимый адрес — это сердце Рональда Фланнери*».

Полагаю, надо сообщить также, что в почтовом ящике было еще и зашифрованное послание от Билли. Билли был моим первым парнем в школе, и до тех пор, пока я не увидел его подпись на письме, я не мог понять, от кого оно. Письмо было то еще:

«Ну, скажу тебе, Рон, давненько мы не виделись. Насколько я помню, ты по гороскопу Весы, значит, где-то сейчас должен быть твой день рождения, так что с днем рождения. Может быть, ты слышал — я сейчас работаю в общественной приемной здесь, в Палм-Спрингз».

Честно говоря, Билли, нет, не слышал. Я не ищу специально новостей в прессе о тебе или Палм-Спрингз.

Далее он писал, как продвигает по инстанциям охранное удостоверение гомосексуалиста. Что мы, киты, что ли? — поду мал я. Кто проголосует за подобное удостоверение? А как же быть с другими человеческими аномалиями, Билли? Ты получишь максимум двести голосов. Но Билли и не гонится за по бедой или каким-либо результатом, он просто хочет быть во всем правым. Только почитайте далее:

«Я знаю, что ты все еще работаешь в исследовательском центре Люмьера. Как пишут в последнем еженедельнике «Дегитсай Ньюс», вы разрабатываете средство от гомосексуализма для взрослых. Неужели это правда? Если да, то не мог бы ты посвятить меня в детали? Полагаю, ты лично не имеешь абсолютно никакого отношения к этому проекту. Честно говоря, нам нужно знать, как работает это средство, как долго проводятся испытания и когда оно станет общедоступным. Ведь это может явиться (страшно подумать даже) драматической развязкой для всех людей нашей ориентации, подарившей человечеству, ох…»

И далее следует все тот же затертый список:

«Шекспир, Микеланджело, Да Винчи, Мелвилл [147], *Джеймс* [148], *Витгенштейн* [149], *Тьюринг* [150]*… »*

Ни одной женщины, естественно.

Насколько я понимаю, парень предлагает мне заняться шпионажем в собственной фирме. Замечательно — ни разу не объявлялся после университета, и теперь вдруг в конце письма — на тебе, пожалуйста:

«Ты же по-прежнему остаешься милым малышом?»

Хороший выпад, вполне в его духе.

Нет, Билли, я выдающийся ученый и мог бы предложить список не менее великих гетеросексуалов. Спасибо за финальный

укол. Очень эффективное и своевременное напоминание о том, почему мы расстались и отчего до сих пор не контактировали.

У меня и в мыслях нет отвечать на это послание. На самом деле я собираюсь передать его нашему руководителю. Только для того, чтобы показать, что я не замешан в это дерьмо и что кто-то другой проболтался журналистам.

Счастливого гнусного дня рождения.

И вот я снова сижу на кровати, пишу дневник и думаю — для кого это все? Перед кем я отчитываюсь? Зачем я пересказываю в нем чужие письма?

И почему я чувствую, будто, закончив проект, я тем самым как бы расквитаюсь кое с кем? С кем? И тут я с удовольствием понимаю: со своими родными.

Меня клонит ко сну. Я ложусь и взамен отсутствующего Джоао крепко обнимаю подушку.

Сегодня день моего рождения, и мы все отправляемся на пляж.

Вы и не жили, если никогда не нежились в прохладных волнах реки, ширина которой такова, что не видно противоположного берега, а в центре находится остров величиной с Бельгию и Швейцарию, вместе взятые.

Мы перебираемся к Москерно, разваливаемся в гамаках, пьем пиво и едим мороженое с купу-аку. Такого фрукта, как купу-аку, вы больше нигде не найдете. Мороженое с ним — лучшее мороженое в мире.

Из-за ребенка я вынужден пить кокосовое молоко прямо из плода кокоса… Что за наказание… Потом я укладываюсь животиком на песок. На мне до сих пор мои зеленые сексуальные шортики.

Нильсон отпускает остроту:

— Джоао, у нашего муженька задница как у бабуина!

Да, меня разнесло в последнее время. Моя нижняя часть стала похожа на раздутый презерватив, что, впрочем, выглядит чрезвычайно сексуально. Я переворачиваюсь, чтобы показать свой снаряд. Он всегда вызывает оживленные комментарии. На этот раз со стороны Гильермо:

— Джоао! Нильсон! Его петушок такой же величины, как вы целиком! Куда вы умудряетесь его засовывать?

— Я люблю его не за его пенис, — говорит Джоао.

Такой ответ можно толковать по-разному, если вспомнить, что ты первый на свете беременный мужчина и что твой зад является вместилищем и вожделения, и потомства.

Как говорил мне Джоао, раньше я был объектом повышенного

внимания на Амазонке. На высокого *branco* [151] в Бразилии западали все геи, а если и не западали, то достаточно было проследить направление их взглядов, чтобы понять, что привлекает их внимание. Это одновременно и льстило самолюбию, и обезличивало.

Единственный, кто смотрит не туда, куда все остальные, — это Джоао. Он смотрит мне в глаза. Я отвожу взгляд, а когда возвращаю его, он по-прежнему неотрывно смотрит мне в глаза.

Он гордится мной.

На самом деле все эти парни тоже гордятся мной. Они чувствуют, что я сделал что-то важное для них.

Я вырастил толстую подушку в полости Плоскодона. Достаточно толстую для того, чтобы зацепы плаценты надежно закрепились на ней.

Мне удалось преодолеть эффект отторжения одной спермы другой. Полупары хромосом стали выстраиваться и объединяться.

Руководство проекта настаивало на проведении тестов на животных. Я считал это омерзительным. Не знаю почему, просто меня это бесило. Проделывать такие штуки с несчастными мартышками! Все равно придется потом проводить тестирование на людях.

Как бы там ни было, а я не хотел ждать.

Поэтому я ушел из компании и переехал в Бразилию. Джоао пристроил меня на работу в университете. Я преподаю экспериментальную методику на очень плохом португальском. Стараюсь объяснить, почему наука — это Бог.

Забавно видеть евангелистов, пытающихся найти со мной общий язык. В полиции меня предостерегли, что есть люди, которые говорят, что ребенок не должен появиться на свет. Может, полицейские с ними заодно? Их маленькие прищуренные глазки не очень-то дружелюбно смотрят на меня.

Джоао собирается на время родов перевезти меня в Эдем. Это индейская территория, а индейцы хотят, чтобы ребенок родился. У них есть что-то вроде предания об обновлении мира и возрождении жизни на земле.

Агосто и Гуллино жарили цыпленка. Адальберто, Каве, Джордж и Карлос сидели кружком и чистили вяленых креветок. Время от времени подходил официант и спрашивал, не хотим ли мы еще пива. Это был худощавый парнишка из Марайо, в шортах и шлепанцах. На его смуглом лице блуждала необъяснимая ухмылка. Неожиданно мы поняли, что он соблазняет нас. Нильсон запел: «*Могено, Могено…»,* что означает «смуглый сексуальный мужчина». Потом усадил парнишку к себе на колени.

Здесь просто рай для геев. Нас всего около четырех процентов

населения, примерно столько же, сколько левшей, и эта цифра естественным образом держится на постоянном уровне. Здесь ты как будто живешь в стране, где вся одежда шьется именно твоего размера, где все говорят на твоем родном языке и где пригласить президента на обед считается делом обыденным. Настоящий рай.

Мы вернулись домой и вместе со всеми — я имею в виду огромное семейство Джоао — устроили вечеринку в честь дня моего рождения. Кроме нас присутствовали девять сестер Джоао и четыре брата с супругами и детьми. Это было что-то. Такого вы не увидите в нашем цивилизованном мире. Как будто вы попадаете на страницы романа девятнадцатого века. Умберто получил работу, Мария бросает пить, Латиция преодолевает свою страсть к кузену, Джоао помогает племяннику поступить в университет. Куча детей кувыркается и хохочет на ковре. Не возможно распознать, где чье чадо. Да это и не важно. Они все равно заснут все вместе, где захотят.

Дом сеньоры де Соузы был слишком мал для такой компании, поэтому мебель вытащили на улицу и все продолжили веселье, выпивая, танцуя и отпуская малопонятные мне шутки. Сеньора сидела рядом со мной и держала меня за руку. Она приготовила уйму мороженого с купу-аку, потому что знала, что я его очень люблю.

Люди здесь встают в пять утра, пока еще прохладно, поэтому все хотели вернуться домой пораньше. К десяти часам веселье закончилось. Сестры Джоао расцеловали меня на прощанье, детишки погрузились в машины, и мы остались одни. Я отказался ехать домой. Высплюсь здесь, решил я, во дворе на свежем воздухе с Джоао и Нильсоном.

Мы помогли сеньоре с уборкой, и я вышел на немощеную бразильскую улицу, чтобы сделать записи в дневнике.

Маму бесит, что я здесь. Ее тревожит малярия и то, что у меня нет хорошей работы. Моя беременность ставит ее в тупик.

— Не знаю, малыш, если это случилось и это работает, ну что тут скажешь.

— Это означает, что проделки инопланетян — миф, так ведь?

— Инопланетяне, — отвечает она со скорбной усмешкой. — Если бы им нужна была эта планета, они могли бы просто сжечь все живые формы на ней и посеять вместо них свои. Даже наш падре считает, что это глупая идея. Береги себя, малыш. Ты выдержишь. О'кей?

О'кей. Мне 36, и я еще неплохо выгляжу. Мне 36, и, в конце концов, я в некотором роде мятежник.

Мне неспокойно… из-за Нильсона.

Да, я был в разлуке с Джоао целых пять лет. Естественно, у

него кто-то был в мое отсутствие, но я верю, он по-прежнему любит меня, хотя я немного ревновал его поначалу. Извини, Джоао, я ведь обычный смертный. Да, куча детей на полу. Никто не знает, кто с кем спал. Я жил с обоими, мне симпатичен Нильсон, но я не люблю его и не хочу рожать от него ребенка.

Только… не исключено, что ребенок как раз от него.

Полагается сначала обработать сперму для того, чтобы она стала восприимчивой к чужой, и сейчас я не знаю, невозможно определить, когда я забеременел. Ладно, все мы одна большая семья, они оба побывали там. И я почему-то плохо себя чувствовал перед тем, как наши с Джоао спермы… были… ну, скрещены.

Дело в том, что сначала у нас был только один эмбрион. А теперь их двое.

Думаю, это было бы дикостью, если бы один из плодов был Нильсона и Джоао. А я бы просто вынашивал его, как суррогатная мать!

Ох, парень, с днем рождения тебя.

С днем рождения, луна. С днем рождения, звуки телевизора, шлепанье чьих-то сандалий, лай собак на соседней улице и жужжание насекомых. С днем рождения, ночь, — теплая и нежная, как парное молоко.

Завтра я уезжаю в Эдем, давать начало новой жизни.

46 лет. В такой день потерять ребенка.

Они должны были привезти меня обратно на вертолете. Было сильное кровотечение, и Джоао сказал, что он видел плаценту. Шеф дал добро на отправку вертолета. Джоао был все еще в своем консульском облачении. Он выглядел таким худеньким и беззащитным: презерватив на конце, перо попугая в носу и небольшое желтенькое брюшко — от испуга он весь пожелтел с головы до ног. Мы оторвались от земли, и я почувствовал будто тону в болоте, в жирной коричневой жиже. Я заглянул в иллюминатор и увидел Нильсона с детьми. Вид у него был потерянный. Он стоял и прощально махал нам рукой. Я ощутил ужасную ломоту в животе.

Я чертовски благодарен этой клинике. Индейские земли чудесны, когда ты в порядке, здоров и можешь снести и жалкую хибарку, и грязь, и москитов, и змей на обед. Но чтобы в Эдеме случился выкидыш! Это уже катастрофа. Выкидыш из прямой кишки в десять раз серьезнее, чем из матки. Разрыв ткани в сантиметр или два, и вся кровь вытекает из человека за две минуты.

Я исключительно счастливый парень.

Доктором была подруга Джоао — Надя. Она была необыкновенно участлива. Она разъяснила мне, что не в порядке с моим ребенком.

— Лучше вам избавиться от него, — сказала она. — Он все равно не выживет.

Я рассказал ей правду. Я знал, что плод с самого начала развивался ненормально.

Вот, что я получил, пытаясь в 45 лет родить еще одного ребенка. Это все от жадности.

— *E a ultima vez* [152] — выдавил я.

— *Chega* [153], - сказала она и, улыбаясь, добавила: — E o trabalho do Joao [154].

Потом у нас был серьезный разговор, и я не уверен, что все понял из ее беглого португальского. Но суть я ухватил.

Когда мы с Джоао впервые встретились, мир раскрылся перед нами как распустившийся цветок. Бывало, мы лежали в объятиях друг друга, и он, выросший в огромной семье, спрашивал:

— Сколько детей у нас будет?

— Шесть, — отвечал я, думая, что это много.

— Нет, нет. Десять. Десять детей. Десять детей будет достаточно.

Конечно, это были только грезы, отголоски тех переживаний, которые мы испытывали в нашем чарующем единении.

У нас сейчас пятнадцать детей.

Людей обычно изумляет превосходство репродуктивной функции гомосексуалистов.

Представьте себе, что вы плывете по океану в лодках из тюленьей кожи с командой в двадцать парней и терпите кораблекрушение. Попадаете на необитаемый остров. Ни одной женщины. По статистике, один из 20 должен быть гомосексуальной ориентации, поэтому он станет носителем сперм разных людей до тех пор, пока, как в случае Нильсона и Джоао, две спермы не проникнут друг в друга. Может, и больше. Носитель, возможно, умрет, но оставит потомство, и оно будет иметь те же гены.

Гомосексуализм — это запасная система размножения.

Сразу, как только мы узнали об этом, историки бросились на поиски мифа о мужской беременности. Адам, дающий жизнь Еве, Вишну на змее Аната, дарующий жизнь Брахме. А были еще и непорочные зачатия, вообще не требующие людского участия.

И все это возможно без всяких кораблекрушений! А теперь суть того, что сказала Надя:

— *Вы с Джоао были беременны либо по очереди, либо одновременно. У вас все время рождались близнецы. У*

гетеросексуальных пар так не бывает. А если добавить сюда еще и третий номер, Нильсона, то это еще пять детей. Итого двадцать детей за десять лет.

— *Chega,* — сказал я.

— Chega, — повторила она, но это уже не было шуткой. — Конечно, лесбиянки делают сегодня то же самое. Десять лет назад все думали, что гомосексуализм мертв и что вы, ребята, вымирающий вид. Но, знаешь, любое репродуктивное превосходство со временем ведет к вымиранию соперников. — Надя улыбнулась. — Я думаю, что это мы сегодня вымирающий вид.

С днем рождения.

Джон К. Райт — Неспящий в ночи

John C. Wright. Awake in the Night (2003). Перевод Г. Соловьевой

Причудливый викторианский шедевр Уильяма Хоупа Ходжсона «Ночная Земля» («The Night Land») — несомненно самый странный из написанных когда-либо романов, оказал большое, хотя редко отмечавшееся влияние на фэнтези и научную фантастику, созданную после преждевременной смерти Ходжсона. По видимому, «The Night Land» может считаться литературным предшественником «Zotique» Кларка Эштона Смита, «Умирающей Земли» («The Dying Earth») Джека Вэнса и «Книги Новою солнца» («The Book of the New Sun») Джина Вулфа. В новом веке под редакцией Энди В. Робертсона был создан интернет-сайт, посвященный «The Night Lands» (http: home/dara/net/andywrobertson/ nightmap/html), а также выпущена антология «William Hope Hodgson's Night Lands, Volume 1: Eternal Love», в состав которой вошли произведения различных авторов, что явилось своеобразной данью Ходжсону. Не все включенное в эти проекты достойно причудливого, неземного, полного мрачной лирики и поэзии творения Ходжсона, однако Джон К. Райт, ваш проводник по Ночным Землям в нижеследующей яркой и захватывающей повести, справился с материалом, словно для того и родился, и создал историю конфликта любви, долга и дружбы, преодолевающих границы, установленные самой смертью. Джон С. Райт впервые был отмечен после публикации рассказов в «Asimov's Science Fiction» (один из этих рассказов, «Guest Law», входил в антологию Дэвида Хартвелла «Year's Best SF»). Однако только публикация трилогии «The Golden Age» («The Golden Age», «The Golden Transcedence» и «The Phoenix Exultant») в первые годы нового столетия вызвала бурю отзывов, в которых его признали крупнейшим из новых дарований в области научной фантастики. Новый роман Райта — эпическая фэнтези «The Last Guardian of Everness». Писатель живет с семьей в Сентервилле, Виргиния.

* * *

Много лет назад мой друг Перитой ушел в Ночные Земли. Все его спутники погибли физически или утратили душу.

Ночью я не сплю и слушаю его голос.

Наш закон воспрещает выходить в Ночные Земли мужчине

неподготовленным и без ампулы Освобождения; и тому, у кого есть жена или ребенок; и тому, за кем остается невыплаченный долг; и тому, кому известны тайны монстрономов; и тому, чей разум или воля ущербны; и тому, кто моложе двадцати двух; и женщине, всякой и всегда.

Последние остатки человечества укрылись в нашем несокрушимом убежище — пирамиде серого металла, вздымающейся на семь миль в подсвеченный пламенем вулканов мрак над коркой ядовитого льда и холодной глиной Ночных Земель. Еще на сто миль в земную кору уходят уровни подземных полей и садов.

Гончие Ночи, Темные Черви и гигантские Левиафаны — лишь видимая часть осадивших нас полчищ: кругом скитаются и строят чуждые глазу человека жилища или роют подземные норы более странные существа: Наблюдатели, и Усталые Исполины, и Пересмешники. Одни из них невидимы, другие бестелесны, а иные и вовсе неведомы людям.

Таковы высшие силы, непознанные и, быть может, непостижимые. Мы видим их в телескопы на склонах промерзших холмов: неподвижных или движущихся так медленно, что только за столетия можно заметить перемену. Молчаливые и ужасные, они ждут, обратив на нас взгляды.

Сквозь открытое окно я слышу гул и ропот Ночных Земель, сменяющийся дрожащей тишиной, когда появляются серые призраки Молчаливых, безмолвно скользящие над дорогами, по которым больше не ступает нога человека. И тогда стихают завывания чудовищ.

Передо мной бронзовая книга древнего знания, повествующая о временах полузабытых, ушедших в мифы, когда пирамида была сильна и блистала огнями, а земной ток тек непрерывно.

Люди в те дни были отважнее, и на север и на запад, за земли внелюдей, уходили экспедиции, искавшие новые источники земного тока, в боязливом предвидении времени, когда погаснет бездна под нашим Последним Редутом. И книга говорит, что Асир (так звали их предводителя) повелел своим людям построить твердыню за стенами живого металла, над новым источником тока, и те воздвигли огромный купол, окруженный духовным пламенем, и под ним пробурили в скале шахту.

В блистающие страницы открытого передо мной тома врезан узор мыслей, оживающий шепотом слов, когда я касаюсь букв. Я был совсем юн, когда нашел эту книгу, написанную языком, мертвым для всех, кроме меня. И слова этой книги подстрекали прекрасную Элленор (вопреки закону и голосу разума) украдкой покинуть безопасную пирамиду ради населенных страхом

внешних земель.

Перитой не мог не последовать за ней. Та самая книга, что я читаю сейчас, погубила друга моего детства… если он мертв.

В бойницу надо мной врывается холодный ветер. Испарения, пробившиеся сквозь воздушные фильтры, окружающие пирамиду, обжигают ноздри. Тихо касается слуха отдаленный вой чудовищ, шествующих вдоль гребня промерзших холмов, через руины на западе, по путям, проложенным потоками лавы, излившимися из содрогающихся огненных гор.

И еще тише звучит голос, похожий на голос человека, умоляющего впустить его. Этот голос слышен не уху. Не я один бодрствую в ночи.

Ученые, читавшие самые древние записи, говорят, что мир не всегда был таким, каков он сейчас. По их словам, ночь тогда не была вечной, но о том, что могло сменять бесконечную тьму, их мнения расходятся.

Кое-кто из сновидцев (в каждом поколении рождается один или двое, способные заглянуть за стену времени) рассказывает об эпохах еще более отдаленных. Сновидцы говорят, что тогда над головой собирался пар, из которого сочилась чистая вода, и тогда ее не выдавали пайками мастера насосной станции. И воздух, говорят они, не был чернильной тьмой, доносящей мертвые голоса.

В те дни в небесах был свет — два света, подобные самому яркому из фонарей и более слабому, и когда большой свет затемнялся, воздух наверху наполнялся мерцающими бриллиантами.

Другие источники утверждают, что обитателями небес были вовсе не бриллианты, а газовые шары, видимые из неизмеримой дали сквозь прозрачный воздух. Есть и такие, кто говорит, будто то был не газ, а пламя. Не знаю отчего, противоречивость сведений никогда не мешала мне верить в давние дни света.

Странные видения далекого прошлого ничем не подтверждаются, однако приборы монстрономов не регистрируют энергий, сопровождающих вредоносное влияние из-за стены. Если верить в знания древних — безумие, то безумие это свойственно человеку, а не наслано желающими нашей гибели.

Голова моя склонилась в полусне, когда в мои праздные и грустные мысли проник голос, похожий на голос Перитоя. И назвал меня по имени:

«Телемах, Телемах! Отвори дверь, как я для тебя когда-то; верни благодеяние, как обещал когда-то. Если клятва обратится в ничто — что останется?»

Я не двигаюсь, не поднимаю головы, но мозг безмолвно

посылает в ночь ответ, хотя губы мои неподвижны:

«Перитой, тот, кто роднее брата, я плакал, узнав, что чудовища погубили твой отряд. Что сталось с девой, которую вы искали, чтобы спасти?»

«Уже не девой нашел я ее. Мертва, мертва, умерла страшной смертью, и от моей руки. Она и ее дитя; у меня же не хватило отваги последовать за ними».

«Как прожил ты все эти годы?»

«Я не сумел открыть дверь».

«Позови привратника, Перитой, и он опустит из шлюза трубу связи. Ты прошепчешь в нее Главное Слово, доказав, что твоя человеческая душа уцелела, и я первый обниму тебя».

Но Главное Слово не прозвучало. Только простые слова, каким способно подражать любое из падших созданий ночи, шептали в моем мозгу:

«Телемах, сын Амфиона! Я все еще человек, я сохранил память жизни, но Главного Слова сказать не могу».

«Ты лжешь. Этого не может быть».

Но слезы обожгли мне глаза, и я понял, сам не знаю как, что голос не лжет: это голос человека. Как же мог он забыть Главное Слово?

«Хотя такого не бывало прежде, но во имя пролитой нами в детстве крови, во имя каши, на которой мы принесли нашу глупую клятву, я призываю тебя поверить и понять, что новая печаль пополнила горести нашего старого мира, как свежая кровь проступает на старом шраме: можно забыть, что значит быть человеком, и все же человеком остаться. Я утратил Главное Слово, но сохранил самого себя. Открой мне дверь. Мне холодно».

Я более не отвечаю ему, а разминаю затекшие члены.

Руки и ноги мои налиты свинцом, но я вздрагиваю, соскальзываю со стула, на котором задремал, и падаю на пол, разбивая осколки дремоты.

Не знаю, сколько я пролежал на полу. В памяти моей темнота, и вряд ли время текло для меня как должно. Помню, что мерз, но не было силы подняться и закрыть окно, а ставни в старом крыле библиотеки не повинуются мысленному приказу.

И холодный ветер из окна колебал мои мысли.

Это крыло библиотеки простояло покинутым полмиллиона лет. Никто не приходил сюда с тех пор, как люди разучились читать слова и понимать мысли давно забытого народа, пославшего Асира на поиски новой твердыни. Только мне известно, как называли себя те древние: наши историки знают их как народ орихалькума, потому что они владели секретом изготовления этого металла, секретом, утерянным для нас.

И потому мастера воздуха за последние две сотни лет, когда начались перебои в питании, урезали до минимума вентиляцию этих помещений. Чтобы войти сюда, мне пришлось воспользоваться пазухой дыхательного листа. И открыть окно, чтобы не задохнуться.

Неполадки с вентиляцией теперь не редкость. На средних уровнях распахнуты почти все окна, которые, по мудрой традиции прежних времен, должны быть плотно закрыты.

До Ночных Земель отсюда почти две мили. Ни одно чудовище не в силах пересечь Белый Круг, и ни одно не поднималось на такую высоту со времен Вторжения, случившегося четыреста тысячелетий назад, а если бы и поднялось, окна слишком малы, чтобы пропустить чудовище.

Я помню о крыльях. В сновидениях я видел голубей и машины, которые строили люди, подражая им. Но воздух разрежен, и на такую высоту крылья не поднимут даже самое темное и изголодавшееся создание.

Я не считал, что открытые окна представляют опасность. Ядовитых насекомых и испарения должны остановить воздушные фильтры. Но что, если потеря мощности за последние несколько столетий оказалась больше, нежели уверяли эдилы и кастелян? Зов разума не должен был проникнуть в пирамиду — но проник.

Большинство провидцев сходились в том, что от окончательной гибели человечество отделяет еще пять миллионов лет. Все видения подтверждали это, хотя разнились в деталях. Пять миллионов лет. Считается, что у нас есть столько времени. В который раз я задумался, не ошибаются ли те, кто говорит, что видит образ будущего.

Меня вывел из забытья грохот открывшейся переборки. Мастер вахты, с головы до ног одетый в броню, держал в руках страшное оружие, называемое дискос.

Я не удивился его появлению. Он вошел, держа перед собой на вытянутых руках клинок, и впился в меня взглядом. Трепещущие тени разбежались по стенам и стеллажам от срывающихся с вращающегося лезвия синих искр. Комнату наполнил гул, волосы у меня на голове и тонкие волоски на руках зашевелились. Пахнуло озоном. Не поднимаясь, я вскинул руку:

— Я человек! Человек.

Голос его звучал низким гулом большого обвала:

— Так говорят все, способные говорить.

Медленно, громко, отчетливо я произнес Главное Слово: и благоговейно холодеющими губами, и силой мозга.

Когда он отключил оружие, в комнате потемнело, но светлая улыбка облегчения блеснула на его лице.

Детство мое было одиноким. Почтение к предкам, любовь к полузабытому знанию никогда не были в моде у школьников. Гордость молодых велит им выглядеть умудренными вопреки неопытности, а единственный способ казаться всезнающим, не утруждая себя постижением наук — это смотреть на всякое знание с усталым презрением. Ученики и подмастерья (да и учителя) награждали меня презрительными усмешками. Когда же пришли мои видения и призраки иных жизней бесшумно вторглись в мои сны, я стал отверженным, мишенью для всякой злой шутки или проказы, какую способна изобрести мальчишеская фантазия.

Перитой был столь же любим, насколько я — презираем. Дружить с ним было нелегко, потому что ему дан был дар Ночного Слуха и он слышал невысказанные мысли. Он знал все секреты, знал пароли, открывающие запертые двери, без труда избегал встречи с дежурными после гашения огней. Он знал ответ на задачу прежде, чем учитель задавал ее, знал все хитрости, заготовленные командой противника на турнирном поле. Он все умел, ничего не боялся, анархия и смятение следовали за ним по пятам. Разве могли мальчишки не любить его?

Однажды Заводила со своей шайкой заперли меня в кладовую, где хранились мотки кабеля, чтобы я пропустил праздничный пир и раздачу подарков. Перитой ушел с собрания (поступок, запрещенный школьными правилами), взял из оружейной учебный клинок и прорубил им переборку кладовой.

На шум сбежались не только прокторы, но и стража коридоров. Использовать Великое Оружие в стенах пирамиды было серьезным преступлением, но ни один из нас не признался, кто это сделал, хотя мы, конечно же, знали.

Старший мастер высек нас обоих и назначил нам тройной урок. Вместо праздничного пира мы ели овсянку, в то время как другие мальчики наслаждались деликатесами и грызли засахаренные персики.

Мы с Перитоем сидели вдвоем в учительской, сняв рубашки, чтобы подсохли ободранные спины, и вздрагивали от холода, потому что отопление было выключено. Разговаривать нам запретили, но я пролил немного каши на стол и написал в липкой лужице нашим условным языком: «Пролитая кровь сделала нас братьями — я верну долг».

Он и мальчиком был выше других ребят, шире в плечах, проворнее и смекалистей — был победителем в любой игре или драке, любимец публики, бившейся об заклад на победителя.

Он — избранный, я — отверженный. Я ждал удивленного

взгляда или, хуже того, снисходительной улыбки.

Но он только кивнул, быстро стерев ладонью пятно каши чтобы проктор не увидел надписи. Под столом он совершенно серьезно отыскал мою руку и сжал ее. Каша размазывалась у нас между пальцев, но то рукопожатие было священным: мы с ним стали друзьями.

Ни он, ни я не знали тогда Элленор из Высокого Замка.

Мастер вахты нашел меня в библиотеке по возмущению эфира, произведенному голосом Ночи.

Монстрономы некоторое время держали меня как гостя в своей башне, и я пил их микстуры и подставлял тело чутким лапам их приборов, пока они бормотали что-то себе в седые бороды, с сомнением покачивая головами. Не один раз я засыпал под их онейрометром, не раз меня дюйм за дюймом осматривал «глаз врача».

Я многократно пересказал им разговор с мысленным голосом Перитоя, и они слушали меня, нахмурив брови, однако «глаз врача» показал, что моя душа не претерпела ущерба и нервная система не пострадала. Кроме того, как архивист (глава моей гильдии), так и мастер архитектуры (в гильдии которого состоял отец) слали письма, торопя освободить меня или немедля назначить дознание.

И потому я долечивался в Темном Логове, в отцовском доме на восемьдесят пятом уровне. С тех пор как, еще на памяти дедов, на том отрезке коридора отключили питание (полстраны, питавшейся от станции Изобильной, жило в темноте), место это было тихим и уединенным.

Среди самых ранних моих воспоминаний — один сон, повторявшийся в детстве так часто, что я заполнил целую тетрадь дневника каракулями букв и неумелыми рисунками, пытаясь передать увиденное. Мне было семь лет, когда умерла мать и ее сияющий гроб опустили в серебристое сияние Великой Бездны — Отец стал чужим и холодным. Он отослал моего брата Ариона подмастерьем к мастерам сопротивления материалов. Тимелоса (он был моложе меня) отдал на воспитание тете Элегции в Форкорте, Патриция приняла святой обет, а Фития осталась с отцом вести дом и распоряжаться прислугой. Меня тоже отослали на полный пансион в северную школу шестьсот первого уровня. Длинные пролеты Полярной лестницы светятся мраморным сиянием арок, подсвеченных древними светильниками, а вокруг в горшках растут секвойи. В школе тот сон уже не повторялся.

Но пока я приходил в себя в отцовском доме, сон вернулся.

Он больше не пугал меня, потому что все, связанное с детством, даже горестное, обладает своеобразным очарованием.

Мне снились двери.

Высокие двери, выкованные из материала, блестевшего червонным золотом и бронзой (позже я узнал, что металл этот называется «орихалькум» и секрет этого сплава утерян в древности). Двери украшали барельефы, изображавшие сцены прошлого — и того, что должно случиться.

И во сне меня преследовал ужас, что они откроются.

Мы с отцом предпочитали обедать наедине, без прислуги. Обеденный зал окружен колоннадой, просторен и мрачен. За окнами, за вентиляционной шахтой, я часто видел огоньки свечей в окнах наших соседей. Некогда свечи использовались только для торжеств, потому что правила, запрещающие открытый огонь внутри пирамиды, были тогда строже. Вид свечей, зажженных только для того, чтобы давать свет, печалил меня.

Иногда вечерами с далеких верхних уровней города доносилась музыка, а один раз я слышал шорох перепончатых крыльев, несущих мальчика-курьера (для такой службы требовались гибкие маленькие мальчики), спускавшегося по вентиляции с поручением мастера жизнеобеспечения или, может быть, самого кастеляна, слишком срочным, чтобы ожидать лифта.

Стол наш был сделан из дерева, выращенного на подземных уровнях мастером, постигшим искусство резать и скреплять живую материю. Таких искусников называли плотниками. Положение моего отца было так высоко, что это изделие ему доставили на лифте. Однако он так и не выбрал для своих детей другого дома.

Отец мой — крупный, высокий человек с пронзительным взглядом горящих глаз на мягком лице и длинными усами.

Мне снятся иные жизни, и некогда, в доисторическом мире, я — смуглый дикарь, худой, сильный, храбрее, чем мне когда-нибудь мечталось, погиб в когтях тигра. Шкура зверя казалась ярче всего, что осталось ярким в нашем мире, и сияла оранжевым и черным, когда он уходил в заросли под солнцем, жарким как топка. Я гадал, что сталось с его потомками, обитавшими на континенте, поглощенном океаном еще до того, как высохли моря и умерло солнце. Тот вымерший зверь немного напоминал мне отца.

Его лысая макушка обрастала новыми волосами, как случается иногда у людей его ордена, работающих вблизи земного тока и обладающих большей жизненной силой. После обеда мы достали по графину воды и вина, блеснувшим в свете свечи и смешали напитки в своих чашах. Я был бережливее с

вином, он — с водой, но сколько бы он ни пил, оставался трезв и не терял ни точности движений, ни остроты ума. Быть может здесь сказывается влияние земного тока.

Он сидел, держа чашу в руке, лицом к вентиляционной шахте, и заговорил, не поворачивая головы:

— Тебе известна история Андроса и Наэни. Тебя на ней воспитали. Я ненавижу ее так же, как ты ею восхищаешься

— Андрю Эддинс из Кента и Кристина Линн Мирдат Прекрасная, — сказал я. — Их история учит, что даже в нашем темном мире еще есть свет.

Отец покачал головой:

— Обманный свет. Свет блуждающих огней. Я не виню героя за то, что он сделал. Он совершил великое деяние и был могучим человеком, благородным и безупречным. Но принесенная им надежда сослужила нам плохую службу. Перитой — не Андрос, чтобы уйти в Ночь. А высокородная девчонка, игравшая вашей любовью, Элленор… она не Мирдат Прекрасная. Элленор Тщеславная, назвал бы я ее.

— Прошу тебя, не говори дурно о мертвых, отец. Они не могут тебе возразить.

Изящным жестом он поднял чашу, отхлебнул и застыл, наслаждаясь вкусом напитка.

— Хм… они и не слышат меня, так что я не наношу им ущерба. Она не первая из мертвецов, кто оказал живущим дурную услугу. Тот причинил нам зло, кто бы он ни был, кто первым из предков счел мудрым оставить нам песни и предания, которые учат мальчиков быть отважными и погибать ради красивого жеста.

— Сдержать слово — не просто красивый жест, отец.

— Разве сдержать слово важнее, чем сохранить жизнь и душу?

— Знатоки подобных материй учат, что души рождаются снова, даже если память о прошлом утеряна ими, — возразил я. — Поэты говорят, что нарушивший клятву возрождается к жизни, неся на себе проклятие бедствий и горьких мук. Если они не лгут, то и в настоящей жизни человек должен стремиться умереть чистым, не запятнав душу.

Отец горько улыбнулся. Он не читал стихов.

— Какой смысл в наказании, если в будущей жизни преступник не помнит о совершенных им преступлениях?

— Так даже человек бесстрашный и зачерствелый в этой жизни устрашится нарушить обещание: потому что в следующей снова будет зелен и юн, а страдания, явившиеся нежданным без видимых причин, больнее всего выносить.

— Прелестная история. И тебе обязательно умирать ради праздных фантазий?

— Сэр, это не фантазия.

— Фантазия или нет, разве обязательно умирать?

— В школе у меня не было других друзей.

— Перитой не был настоящим другом!

— Был или не был, я дал ему слово. Теперь меня зовут сдержать его.

— Кто зовет? Создания тьмы способны подражать нашим голосам и мыслям, обманывая даже мудрейших из нас. Лишь Главного Слова не способны произнести чудовища, потому что оно выражает мысль, недоступную их пониманию, — суть, которой нет в них. Если зовущий тебя не произнес Главного Слова, наш закон велит замкнуть слух.

— Вопреки закону, — ответил я, — вопреки голосу мудрости, мной владеет надежда, что он жив и сумел сохранить себя.

— Настоящий человек не стал бы звать тебя, — мрачно произнес отец.

Не знаю, хотел ли он сказать, что настоящий человек не позволил бы себе стать приманкой, уводящей друга в темноту, или что звавший меня вовсе не был человеком. Быть может, и то и другое.

— Что я буду за человек, если зовет все же Перитой, а я не откликнусь на зов? — спросил я.

— Это смерть зовет тебя.

И мне нечего было ответить. Я знал, что он прав.

После долгого молчания он снова заговорил:

— Ты видишь основания для надежды, овладевшей тобой?

— Не вижу.

— И все же?…

— И все же, отец, надежда наполняет меня и горит в моем сердце, как фонарь. В темноте, окружившей нас, много невидимых ужасов. Но говорят, там есть и добрые силы, благосклонные к нам и творящие чудеса, хотя предвидеть их человеку не дано. Они также невидимы или видимы очень редко. Немногое из того, что невидимо, тем не менее реально. Реальнее несокрушимого металла нашей пирамиды, могущественней живительной силы земного тока. Реальнее, чем огонь. Да, признаюсь, я не вижу оснований надеяться. И в то же время полон надежды.

Он долго молчал, пригубляя вино. Он человек рассудка и решает задачи угольником и резцом, камнем и сталью, отмеренным потоком энергии, знанием прочности строений и нагрузки, какую может выдержать та или иная опора. Я знаю, как

мало смысла для него содержится в моих словах.

Он протягивает руку и затемняет лампу, чтобы скрыть от меня боль на лице. Его голос повисает в темноте, и он старается, чтобы слова звучали холодно:

— Я не запрещаю тебе уйти в Ночные Земли…

— Спасибо, отец!

— Потому что у меня есть другие сыновья, которым я могу передать свое имя.

Видения, прозрения и вневременные явления не чужды на роду Последнего Редута. Величайшие среди нас наделены даром, и по крайней мере один из малых Редутов также обладал Ночным Слухом и Памятью Снов.

Мирдат Прекрасная — единственная на нашей памяти женщина, прошедшая Ночные Земли, и девять свитков с историей и обычаями малого Редута, принесенные ею, — все, что осталось нам от истории, литературы, науки и жизни той ушедшей человеческой расы. Все математические теории Галуа известны нам лишь по ее памяти; пьесы Эврифеана и музыка инструмента, названного фортепиано, бесконечные катушки сопротивления, прибор, позволяющий определить здоровье души, и все изобретения, ведущие начало от них, — многим обязаны мы ее воспоминаниям. Ее народ был бережлив: энергосберегающие приборы и батареи были известны им уже миллион лет, и нам они помогли сберечь наше достояние. Большая часть того, что знала Мирдат о земледелии и скотоводстве, нам не пригодилась, потому что растения и животные наших подземных пастбищ были ей незнакомы.

О прошедших эпохах она знала даже более Андроса, и рассказывала предания о городах, шагающих на запад, о раскрашенной птице и о лунных садах. Она знала кое-что о поражении звездных странников и о расколе Земли.

Более того, она владела даром предсказания: иные из ее снов были не о прошлом, но о будущем, и она записывала то, что должно прийти: тьму, обманное просветление, гибель колоний в Земле Вод и Огня, сокрушение Врат лапами южного Стерегущего, годы прозябания и гибели человека, за которыми приходит время, откуда не возвращаются сны, хотя, говорят, там слышны вопли эфира — заглушенные створками времени отзвуки событий вне жизни человечества. Все ее предсказания записаны в Великую Книгу, и потому Мирдат называют еще иногда Пророчицей.

У Мирдат с Андросом было пятьдесят сыновей и дочерей. Все жители верхних уровней числят себя их потомками — кто законно, кто нет.

Элленор с верхнего уровня была из тех, кто подтвердил истинность притязаний.

Я был молод, когда будущее мое встревожило искавших прозрения во снах, и я был призван к ним.

На много поколений искусство предвидения было забыто, и шарлатаны обманывали простолюдинов лживыми предсказаниями, но затем в роду Мирдат появилась девушка, чьи прозрения подтвердились множеством горестных событий, и тогда библиотека будущего открылась вновь. Множество новых предсказаний вписывалось в книгу Сивиллы, и эсхатологи сравнивали дневники сновидений, оценивая их достоверность. Даже до меня дошли слухи о том, что ее называют новой Сивиллой.

Я не запомнил даты. Должно быть, это произошло вскоре после моего посвящения, потому что я был одет по-мужски и волосы были коротко острижены, как приличествует взрослому мужу. Клинок, которому суждено было стать моим спутником на всю оставшуюся жизнь, я повесил над узким дверным проемом кельи странника в гильдейском доме Библиотекарей, а такое дозволялось лишь миновавшим рубеж четырнадцатилетия. И помнится, сквайр, доставивший вызов, называл меня «сэр», а не «парень», хотя и был (на мой юношеский взгляд) невероятно стар.

Я помню, что в тот год ток земли был мощным. Тогда я впервые оказался на большой лифтовой площадке своего этажа. Невидимая сила подняла платформу, и порыв встречного ветра ударил сверху. Девицы с визгом ловили свои шляпки, и многие из молодых храбрецов (потому что мощное течение земного тока придает молодым отвагу и воинственность) воспользовались случаем обнять их прекрасные плечи, успокаивая нежных созданий в их первом путешествии со своего уровня. Самые бесстрашные юнцы склонялись через перила и махали шапками уходящим вниз площадям и крышам города, пока пол следующего уровня, подобно стальному небу, не принял в себя платформу лифта. Мне предстояла поездка сквозь все уровни, вплоть до самого верхнего. Помнится, аптекарь смешал для меня микстуру, чтобы помочь приспособиться к разреженному воздуху.

Дом Судьбы располагается выше самых высоких зданий верхнего города; висячие сады Высокого Замка отделяют светящийся свод западного купола и воздушные галереи надстройки. Там под стеклом, среди покинутых полей аэродромов древнего народа, раскинулись цветники, пруды и озера. На матовых синих куполах дома Судьбы блестят золотые буквы, а вершины стройных колонн, разбросанных среди минаретов, увенчаны статуями крылатых гениев и героев

древности. И внутри все строго и царственно, как в храме.

Там была Элленор, дочь Эрис. Я вижу, как сейчас, складки ее атласного платья, облекающего легкую фигурку в слишком просторном для нее кресле чтеца под высоким фонарем. Подобна лебединой ее шея под волнами чернильно-черных волос, поднятых вверх и сколотых аметистовыми шпильками — прозрачными искрами звезд, какие видели древние в ясной темноте их преходящей ночи. Я помню тончайшие волоски, непокорные и свободные, выбивающиеся из строгой прически и лобзающие основание ее шеи.

Ни у кого в нашей пирамиде нет таких глаз, таких волос, кроме потомков чужой крови — крови Мирдат Прекрасной. И никто, кроме меня, не помнил грации лебедей и не способен был увидеть ее в деве.

Голос ее был тихой музыкой, каждое слово произносилось легко и бережно, как взмах кисти каллиграфа в воздухе. И своим нежным голосом она говорила о мрачных ужасах ночи, о темном будущем, отчетливо являвшемся в ее снах.

Мы говорили об ужасном заблуждении, которое должно было наступить через два миллиона лет (чуть менее половины времени, оставшегося до конца), когда колонии людей оставят пирамиду ради жизни в прекрасной стране запада, предсказанной легендами, не зная, что дом Безмолвия уже проклял и обрек эти земли и только сдерживает исполнение проклятия на недолгие миллионы лет, выжидая, когда забудутся пророчества Элленор. Все города, пирамиды и купола, подобные нашим, будут поглощены и разбиты, и целая ветвь человеческого рода стерта с лица земли, а те, что выживут, изменятся и более не будут людьми. Потом мы заговорили о моей судьбе.

— Мои видения открыли, что сотни людей погибнут из-за некоего необдуманного поступка, толчок к которому дашь ты. Сперва один, за ним многие выйдут в темнеющий мир, чтобы погибнуть среди льдов или быть растерзанными Гончими Ночи, чтобы утратить души и остаться мертвой шелухой, с оскаленными устами и глазами, сухими как камни. Внемли мне! Я видела множество следов, уходящих через ледяной прах Ночных Земель от наших врат, но лишь одна пара следов вела назад.

Я спросил:

— Разве это неизбежно?

— Не в силах человека изменить то, чему суждено быть.

— Но есть силы, превосходящие человека?

— Нам, провидцам, открыта структура времени, — ответила она тихо. — Есть создания, не вполне подвластные ему, силы Ночных Земель, чья ненависть непостижима для нас, потому что

они превыше и вне пространства и времени, связывающих всякую смертную жизнь. Говорят, что есть и добрые силы того же рода.

— Загадка! Можно изменить судьбу человека, но человек не может изменить судьбу! — воскликнул я.

Ее полные губы тронула улыбка, но она тут же подавила ее.

— Мы — лишь капли в реке, юноша, — сказала она. — Чего бы ни желала, что бы ни делала капля, течение реки неизменно и все воды скользят к океану.

Эти слова воспламенили меня.

— А! — крикнул я и, забыв о вежливости, вскочил и схватил ее за руку. — Так вы тоже видели их! Реки и океаны! Во снах я видел и слышал текучие воды, бурлящие, вздымающиеся волнами, разбивающиеся о берег. Ныне в мире нет подобных звуков.

Она была неприятно поражена и наградила меня ледяным взглядом, высвободив свою руку.

— Странный мальчик — я запамятовала твое имя, — я лишь повторила слова древнего поэта. Моим родичам, живущим в высоких башнях, открыто это знание. Мы помним слова «река» и «море», но никто из нас не видел их, разве только на картинах, украшающих старинные тома, которые никто больше не может прочесть.

Я не сказал ей, что есть человек, способный прочесть то, что забыто остальными.

— Приношу извинения, высокородная, — сухо проговорил я. — Ваши слова отозвались смятением в моем сердце, потому что мне послышалась в них мысль, будто нас ждут великие деяния, наперекор океану, поглощающему память и мудрость человечества. Будто нам суждено освободить уносящий нас поток из предначертанного русла и направить по новому пути.

— Странный мальчик! Что за странные слова ты говоришь?

Она отшатнулась, прижав узкую ладонь к груди. Чудные глаза искоса глядели на меня из-под длинных ресниц. Даже в изумлении, даже в недовольстве каждый ее жест был так изящен!

— Были времена, когда каждый мужчина говорил эти слова и исполнял сказанное.

— Только мужчина? — Но она уже не смотрела на меня. Взгляд ее был устремлен на стену зала семейных собраний. Вдоль стены выстроилось множество бюстов, портретов и барельефов. Не знаю, на ком из предков остановился тогда ее взгляд. Теперь, задним числом, я думаю, то была Мирдат.

— Можете ли вы сказать мне, что за необдуманный поступок я совершу? — спросил я.

Она смотрела мимо и бросила мне надменно и равнодушно:

— О, какая-то случайная фраза, сказанная любимой тобой девушке.

Мой голос звучал глухо и под ребрами была пустота:

— Что же, мне принести обет молчания, поклясться никогда не заговаривать с женщиной? — Мне понадобилась минута, что бы собраться с духом. Глубоко вздохнув, я продолжал: — Если такова моя судьба, я сумею принять ее. Если прикажут, я удалюсь в один из подземных монастырей, куда не допускаются женщины, и никогда не встречу любви.

Ее сверкающие глаза снова обратились ко мне, и теперь во взгляде светилось девичье озорство.

— Ты готов восстать против времени и пространства, опрокинуть законы природы, однако малодушно отрекаешься от любви, повинуясь приказу? — лукаво проговорила она. — Жалкий мальчик! Ты бросаешь вызов тому, чего нельзя изменить, и готов покориться в том, в чем ты свободен.

— То же говорил мне Перитой, — невольно улыбнулся я. — Слишком часто я оглядываюсь назад. Мы гуляли у амбразур, и он сказал шутя, что…

Элленор выпрямилась, глаза ее загорелись.

— Ты знаком с атлетом Перитоем? — спросила она. — В какой час он прогуливается по галерее, где, на каком уровне?

Лицо ее осветилось радостью, щеки вспыхнули, и сердце мое пропустило удар, замерев от счастья видеть это сияние. Мысль о встрече с Перитоем вызвала на ее губах неудержимую улыбку, и она вскинула узкую ладонь, чтобы спрятать ее. Если вы видели юную деву, настигнутую первой любовью, вам знакомо это зрелище; если нет — не моему перу описывать его.

Я обещал ей устроить их встречу и снова увидел улыбку.

Как прекрасна была эта улыбка, хоть и предназначалась не мне!

И все же, как хороша!

Сначала они встретились в присутствии наставников.

Сначала. Она предвидела будущее, он читал мысли. Оба были отважны, благородны, пьяны от любви. Какая дуэнья могла бы уследить за ними?

Из трех сотен смельчаков, стремившихся спасти Элленор, те, кого ждала смерть, умерли быстро.

Отряд разделился на три колонны по сто человек в каждой. На двадцать пятом часу похода арьергард был оттеснен полчищем троллей с ледяных холмов и вынужден остановиться, что бы залечить раны. С галерей, с обзорных площадок мы видели их лагерь. Разглядеть его было нелегко — он был искусно

замаскирован. Ограждения и палатки виделись тенями среди теней даже при самом сильном увеличении, и часовые у заграждений двигались крадучись, бесшумно.

А потом движение прекратилось. Послание дома Безмолвия или ядовитые испарения, прокравшиеся в трещины земли, лишили спящих пробуждения. В телескопы мы видели, как последние оставшиеся в живых — быть может, часовые, не ложившиеся на землю, — пытались вынести наверх одного или двоих из палаток. Остальные остались внизу. Бледный слизень подполз к месту, где мы в последний раз видели движение жизни, а инструменты монстрономов отметили легчайшее возмущение земного тока, говорившее, что выжившие успели перед смертью пустить в ход оружие.

Около семидесятого часа основная колонна столкнулась с Великой Серой Ведьмой, подобной чудовищу, сраженному Андросом, и ее мясистые пальцы заталкивали людей вместе с броней и оружием в отверстую дыру ее пасти. Люди в ужасе бежали от нее в земли Смертоносного Сияния. Они не вернулись. Сияние непрозрачно, и мы не видели, что сталось с ними. Разведчиков, сопровождавших колонну, одного за другим поедали Гончие Ночи.

Авангард продержался до конца второй недели, пока из облака не опустился Колокол Тьмы и не прозвонил свой гибельный удар. Лишь семерым из ста хватило присутствия духа или силы воли обнажить предплечье и раскусить ампулу Освобождения. Тех, у кого сдали нервы или кто не успел убить себя вовремя, медленно поднимало в воздух. Глаза их уже были пусты, на губах играла непристойная дикая усмешка, а тела их уплывали вверх, в устье Колокола.

Мы все смотрели с галереи. Словно гул океана, слышал я рыдания матерей и вдов, крики мужчин, детский плач — шум, подобный шуму древнего прибоя, но полный горя.

Пронзительный зов домой прозвучал из верхнего города, приказывая миллионам окон закрыться, и малые горны на каждой галерее подхватили сигнал, передавая его на нижние уровни. Вахтенные приказывали задраить переборки всех окон и амбразур во всех городах и селениях, врывшихся в северо-западную стену пирамиды, между тем как башни и верхние горницы опускали броневые плиты.

Помню, прежде чем закрылись ставни, я расслышал громкое шипение воздушных фильтров, воздвигавших невидимую завесу против зловещего звона, чтобы звук его не свел с ума оставшихся.

Перитой шел в авангарде. Монстрономы изучили расплывчатые снимки, сделанные через телескопы, пытаясь

подтвердить каждую смерть, давая хоть малое утешение осиротевшим семьям. Не все тела удалось опознать.

Кузина Таис зашла ко мне, когда я проходил подготовку. Она мила и остра на язык, отличается тонким юмором и большими способностями к математике и шахматным играм. Таис не отговаривала меня от безумного предприятия, но показала расчеты: средний вероятный срок жизни человека, вышедшего на спасение Элленор, был один час двенадцать минут.

По традиции, столь древней, что времена, когда ее не существовало, не сохранились в записях, выходящий в Ночные Земли не берет с собой фонаря. Слишком хорошо известно, слишком часто подтверждалось на опыте, что странник не в силах противостоять искушению зажечь фонарь, когда глаза его изголодались по свету в бесконечной тьме.

Полагают, что если наше оружие, вращаясь, испускает свет, то ушедшему в ночь будет довольно света тогда, и только тогда, когда он необходим: а именно, когда одно из чудовищных созданий окажется не далее чем в ярде или двух от него — потому что, нанося удар, надо видеть, куда бьешь.

Наши мастера умеют делать лампы, горящие миллионы лет. Но мы не берем их с собой во мрак. Только тому, кто не доверяет душе, способной предупредить о неслышном приближении опасности, во тьме может понадобиться фонарь. Но хватит ли мужества у человека, слишком слабого, чтобы довериться своей душе, встретить то, что привлечет к себе свет его фонаря?

Берем мы с собой и часы, позволяющие определять время на ощупь, потому что утратить ощущение времени, не зная, когда пора отдыхать или подкрепить силы, значит манить к себе безумие.

Существует рецепт таблеток, состоящих из концентрированных питательных веществ. Они — единственная пища странника, потому что в Ночных Землях нет здоровой пищи, а более ощутимая еда, хотя бы надкушенное яблоко, слишком радует желудок и может нарушить дисциплину подготовки.

Также и вода конденсируется из атмосферы в особой чаше, посредством порошка, изготовленного нашими химиками. Новая вода чиста и прозрачна, но пронзительно холодна. А чаша обладает способностью обезвреживать попавшие в нее яды и губительные для души влияния. Проходя через зараженные участки, ею можно прикрывать рот и нос.

Плащ соткан из волокон, не живых, но достаточно разумных, чтобы давать больше или меньше тепла, смотря по тому, более или менее смертельным становится холод — в зависимости от

количества тепла, испускаемого землей.

Броня настолько прочна и изготовлена так искусно, что ее не сокрушить чудовищу, многократно превосходящему силой человека, а сочленения столь точно пригнаны друг к другу, что невидимы глазу. Благодетельный металл шлема и нагрудника хранит энергию, сходную с пульсирующей энергией Белого Круга, и предохраняет от опасностей, поражающих мозг и сердце.

Оружие, броня, плащ созданы искусством, совершенствовавшимся миллионы лет, и красивы на вид, но строги и лишены украшений, как приличествует суровости предстоящего дела.

Наконец мучения в камере подготовки закончились. После инъекций и поста голова казалась необычайно ясной. Я выдержал испытание: не дрогнув, взглянул на то, что, еще живое, прикованное к каменной плите, хранилось в холодильной камере тайного музея монстрономов. Я прочел дневники прежних странников, вернувшихся в здравом уме, запомнил описание Гончих Ночи, их повадки и образ действий, и понял, почему эти дневники показывают лишь тем, кому предстоит выйти за стены убежища.

Тонкая кожа предплечья над ампулой Освобождения еще побаливала, когда настал час расставания.

Огни Последней Лестницы затемнили. Вахтенные, одетые в броню серого металла, с живыми клинками в руках, смирили свои мысли, чтобы никакое возмущение эфира, ни проблеск света, ни звон стали не выдали подстерегающим ужасам ночи дитя человеческое, выходящее в их холодные холмы.

Я долго стоял, прижавшись лицом к перископу, и сопровождавшие меня не выказывали нетерпения, зная, что верная или неверная оценка местности может спасти или погубить мою жизнь.

Наконец я поднял руку.

Мастер шлюза отдал салют, вскинув темный дискос, и привратник отключил питание клапанов. Стальная переборка внутреннего шлюза сомкнулась за мной, а впереди быстро и бесшумно раздвинулась наружная переборка.

И я перешагнул порог. Почва под ногами хрустнула сухим пеплом. Воздух был холоден как смерть. Внешний клапан уже закрылся у меня за спиной, и двуслойная броня тяжело надвигалась сверху. Почти беззвучно выдвинулись поршни запора. Какое бы чудовище ни ринулось теперь на меня из мрака за Белым Кругом, какое бы явление ни возникло из тьмы — обязанность привратников лишь защищать вход. Я уже за пределами помощи.

Никто изнутри не вышел бы спасать меня, когда я шел к Перитою, как он когда-то — к своей прекрасной Элленор. Все они — благоразумные люди.

Всего несколько минут ходьбы (не более полумили) привели меня к месту, где полые трубы прозрачного металла, наполненные священной белой энергией, окружали огромное подножие пирамиды. Величайшее творение прежних эпох, единственное, что сдерживает тлетворное давление, сводящие с ума вопли, отравленные тучи и пальцы невидимых сил, протянувшиеся к нашим душам. Полые трубки, два дюйма в поперечнике, на высоте чуть ниже колена. Перешагнуть их нетрудно, но прежде надо очистить разум от всякой несдержанной мысли, иначе невидимая завеса не пропустит меня. Уши заложило от перепада давления.

Обычай требует не оглядываться, пересекая светлый круг. Я склонен был следовать обычаю. Отец не пришел меня провожать.

Нам, живущим в крепости-горе с миллионами светящихся окон, не видны плоские скалы, поднимающие головы в нашем сиянии, не видны длинные тени, отбрасываемые каждым камнем и кочкой лишайниковых кустов; неподвижные клочки тьмы, прямые и четкие, словно проложенные по линейке. От малейшего бугорка из великой Ночи тянется длинный палец тени, так что, оглядываясь, странник видит себя в окружении тысячи темных пальцев, указывающих на Последний Редут человечества.

Но странники не столь безрассудны, чтобы ступать на эти освещенные взгорья. Нижняя миля пирамиды темна, ее города давно покинуты, а нижние окна закрыты. Темная полоса шириной в милю окружает пирамиду и дает возможность скрыться от сияния окон Последнего Редута. Я искал укрытия. Через два часа пути я углубился в каньон, уходящий на запад, не встретив ни зверя, ни темной силы.

Путь мне преградил поток кипящей грязи, не указанный на наших картах. Ни в телескопы, ни с обзорных площадок он не был виден, хоть и располагался совсем близко, потому что пепел, плывший по его поверхности, был того же цвета, что и земля вокруг. Быть может, он лишь недавно прорвался из огненной дыры, а может, протекал здесь веками. Как мало мы знаем…

Грязевой поток заставил меня свернуть к югу, огибая подножие пирамиды, и я шел тридцать и три часа. Дважды я глотал таблетки, и один раз — спал, отыскав теплое место за высокой скалой, где из трещины исходило тепло и зловонный пар.

Перед тем как уснуть, я прощупал песок на краю расщелины рукоятью дискоса, и крошечная змейка, не более локтя в длину,

вскинулась из него. Это был слепой белый червь, называемый амфисбена, потому что на хвосте у него имеется жало, подобное скорпионьему. Я уничтожил его огненным блеском моего ревущего оружия. Тяжелое лезвие прошло сквозь его тело, как сквозь дым, и червь разлетелся на дымящиеся куски. Я уснул, довольный собой, причислив себя к великим героям, победителям чудовищ.

Укрепленный город Асира, как я знал из книг и из снов-воспоминаний, лежит к северо-западу, за спиной северо-западного Стерегущего. Есть и другие, ужаснее его, но миновать их проще, потому что широкая плоская равнина северо-запада подсвечена лощиной Алого Пламени и ничто: ни слепящий луч, ни венец, ни купол света — там не препятствует взгляду недремлющих глаз.

Чтобы выйти в земли за спиной чудовища, приходится уходить далеко в сторону, потому что северный путь слишком тщательно стерегут. К западу от меня лежала Бездна Красного Дыма — земля кипящих провалов и огненных озер. Непроходимая земля. На востоке мне были смутно видны очертания Серых Дюн: между ними обитают хрупкие длинноногие существа, напоминающие птиц без перьев с железными крючковатыми клювами. Они остерегаются появляться в виду окон пирамиды, крадучись и ползком перебираются от впадины к впадине. Стены же каньонов испещрены черными дырами, откуда порой выглядывают Вопли, давшие свое имя Долине Воплей, и тогда голые птицы беззвучно приплясывают, вскидывая крюки клювов. На восток я не пойду.

Я повернул на юг.

Каждый раз, как я поднимался от короткого сна, силуэты Двух великих Стерегущих, неподвижные и зловещие, оказывались ближе и отчетливей.

Сперва замерший справа от меня Стерегущий Юго-запада был подобен смутному далекому холму. Жизнь в нем была, но не та, какой мы знаем жизнь. Под его лапами земля раздавалась и вверх бил луч света, освещавший часть чудовищной щеки и отбрасывающий тень на выпуклый лоб. Левый глаз горел в темноте — щель зрачка и сетка красных жил в светлом шаре, огромном, как полная луна в мире ночей, сменявшихся светом.

Говорили, будто луч слепит глаз и послан доброй силой, хранящей нас. Другие возражали, что луч усиливает злое влияние, потому что изучающие кошмары отмечали: в страшных снах людей огромный кошачий глаз появлялся чаще иных видений Ночных Земель.

Помню, мать рассказывала мне однажды, что было время, когда глаз неделями медленно закрывался и великое торжество охватило города пирамиды, хотя люди сами не знали, чему радуются. Знали только, что никогда прежде глаз этот не закрывался. Но веки не остались сомкнутыми навечно: через одиннадцать лет между верхним и нижним веками появилась щель — чудовище всего лишь моргнуло. К моему рождению глаз был открыт полностью и оставался открытым всю мою жизнь.

Слева от меня виднелся Южный Стерегущий. Он моложе других — всего три миллиона лет назад он выдвинулось с темных южных равнин, приближаясь на несколько дюймов за десятилетие, за дорогой, которой двадцать пять сотен тысячелетий назад явились Молчаливые.

Позже, около двадцати двух сотен тысячелетий назад, перед его лапами треснула земля и из расселины показался жемчужный светящийся пузырь. Много тысячелетий росла эта жемчужина, превращаясь в огромный купол света в полмили шириной. Южный Стерегущий опустил на купол свои лапы, и тот перестал расти, но и Стерегущий за все прошедшие с тех пор годы не придвинулся ближе.

Между двумя Стерегущими во мрак убегала дорога Молчаливых. Дорога эта широка, и невозможно пересечь ее, не оказавшись на виду у южного и юго-западного Стерегущих. Но дальняя сторона ее темна, освещена лишь редкими огненными ямами и усеяна завалами камней и почерневшими сугробами. Там есть где укрыться человеку.

В той стороне лежала единственная моя надежда. Если действительно световой луч слепит правый глаз юго-западного чудовища и если купол света нарушает зрение второго Стерегущего более, чем предполагают монстрономы, то я сумею пересечь дорогу со слепой стороны юго-западного Стерегущего и пробраться между ним и его собратом, укрывшись среди черных сугробов на другой стороне. Затем я пройду вдоль дороги, огибающей обиталище внелюдей, и, оставив ее, сделаю рывок к северу, в неизведанные края, названные Местом, Где Молчаливые Убивают.

Прошло много страшных и трудных недель, и припасы мои подходили к концу.

Однажды меня внезапно окружила толпа внелюдей: я вырвался, убив двоих дискосом, и сумел скрыться, пока остальные кромсали на куски своих товарищей.

Однажды нечто светящееся окружило меня туманными рукавами, но сверкание моего вращающегося дискоса поразило

бестелесную плоть, хотя клинку нечего было рубить. Огненная струя ослабила напряжение, связующие мглистые пальцы, и искалеченная тварь, всхлипывая, улетела прочь.

Однажды из темноты бросилась на меня Гончая Ночи, и я перерубил ей шею, прежде чем тварь сумела дотянуться до меня; клинок дискоса выбросил искры в разверзшуюся рану, и огромные лапы чудовища заплясали шаткий танец. Падая, зверь уже не имел сил рвать мою плоть. Труп тихим голосом звал меня по имени и говорил мне жестокие слова, но я бежал. Я не стану записывать здесь тех слов: подобает замкнуть слух перед голосами Ночи.

Когда я проходил землями внелюдей, они заметили меня и начали охоту.

Меня оттеснили от дороги в ледяные земли. Каждый раз, ложась спать, я замечал, как растут холмы, отделяющие меня от пирамиды. Пришло время, когда я больше не видел Последнего Редута: даже высочайшая башня монстрономов не заглядывала туда, где я шел теперь. Для этих мест не было ни карт, ни названий.

Сперва я шел. Мои часы отсчитали двадцать часов — и я спал четыре. Во льду были трещины, и я бил в лед перед собой рукоятью дискоса, прежде чем сделать шаг. Потом я заметил, как громко отзывалось в ледяной тьме эхо моих звенящих ударов, и меня охватил страх.

Дальше я полз по льду в слепой темноте. Наверняка я полз кругами. Четыре двадцатичасовых перехода и полнедели ползком. Потом я ощутил, что воздух стал тяжелым. Давление было таким мучительным, что я не усомнился: рядом — одна из Внешних Сил. Было темно, и я видел лишь призраки света, порожденные усталыми глазами.

Не менее часа я лежал, скорчившись, обнажив предплечье, прижавшись губами к онемевшей без наруча коже над ампулой; но давление на мой дух не усиливалось, и я не слышал ни звука.

Тогда я пополз. Много, много часов я полз, спал и снова полз, чувствуя стоящего на льду за спиной, как слепец чувствует открытую топку печи. Это чувство помогало мне держать направление — неизменно прочь от него.

Пришло время, когда впереди я увидел свет. Я двигался к нему и спустя много часов почувствовал, что спускаюсь вниз. Ледяная тропа стала прерываться, и я полз от трещины к трещине, с одного ледяного вала на другой.

Свет становился ярче, и я уже не ощупью нашаривал путь. Вставив в глаз подзорное стекло, я осмотрел горизонт.

Там я увидел странный огромный силуэт — голову и плечи

северо-восточного Стерегущего. Его макушка уходила в облака и дымы Ночных Земель, а влево и вправо от его плеч расходилось подобное крыльям сияние. Это светилась в ночи пирамида Последнего Редута.

Я стоял за спиной чудовища — никто до меня не видел его сзади. Его спина скрывала от меня Последний Редут — я находился в гигантской тени.

Холодный трепет пронзил меня. Так трепетал бы человек древности, проснувшись однажды на той стороне Луны (когда еще была Луна), что вечно обращена была прочь от Земли. Я дошел до Места, Где Молчаливые Убивают.

Когда отец Элленор отказал Перитою, они стали встречаться тайно, и сумрачный дом моего отца был местом их свиданий. Я помогал Перитою, потому что он просил меня помочь, а я был у него в долгу — но не думал, что поступаю правильно. Что до Элленор — она была прекрасна, а я был молод. Она едва ли помнила о моем существовании, но я ни в чем не мог ей отказать. У нее было множество поклонников. Как я завидовал им! Однажды, не совсем случайно, я застал Перитоя с Элленор. Они сидели у фонтана в оранжерее, недалеко от кабинета помощников отца. Оранжерея была выстроена вдоль лестницы Водопадного парка, ниже места, где тысячу лет назад пробило шахту. В верхней его части под яркими лампами лежал крутой склон, покрытый зеленым мягким дерном, и бурлили белые пенные водопады, падающие по ступеням и растекающиеся тихими прудами на площадках. На нижней площадке стояла статуя Основательницы в окружении наяд, и в льющейся из их кувшинов воде мелькали прозрачные плавники рыб.

Они были полускрыты листвой, но я видел, что Перитой сидит на траве, прислонившись спиной к бортику фонтана и обняв рукой обнаженные плечи Элленор. В другой руке он держал маленькую металлическую книгу, из тех, у которых страницы переворачиваются сами собой, а буквы блестят, как самоцветы. Цветущей стеной их окружала высокая трава и нежные ирисы. Ее голова лежала на его плече, и волосы темным водопадом стекали на его грудь.

В этом крыле оранжереи за последний век погасли многие лампы и было темнее, чем в других местах. Мне этот свет напоминал свет облачного заката, но я был единственным из людей, кто еще знал, что такое вечер. Как странно: сколько миллионов лет назад погас свет, а влюбленные по-прежнему ищут сумерек.

Приближаясь, я услышал мягкий смех Элленор, но, когда она

заговорила, шепот ее звучал резко:

— Вот он идет, как я и предвидела.

Перитой шепнул в ответ:

— Мальчик болен от любви к тебе, но слишком хорошо воспитан, чтобы вслух высказать то, что у него на уме.

— Но не настолько, чтобы не являться туда, где его не ждут.

— Тише! Ему уже слышно.

Я отвел в сторону густую ветвь. Прозрачные капли, мелкие, как слезы, осыпались на меня с листвы, когда я шагнул вперед.

Она уже стояла на коленях в двух шагах от него, и ее локти были вскинуты ко мне, потому что она подхватила густую волну своих волос и неуловимым движением закрепила их на затылке. То же движение вернуло на плечи сползавшие рукава платья.

Перитой, непринужденно облокотившийся на бортик фонтана, весело махнул мне книжицей — небрежнейшее из приветствий.

— Телемах! Паренек, проживший миллион жизней! Какая неожиданная встреча! — И он улыбнулся Элленор.

Я поклонился ей и ответил ему кивком.

— Миледи. Перитой. Прошу прощения, я всего лишь…

Элленор одарила меня холодным взглядом странных, чуть раскосых глаз и отвернулась. Ее тонкие пальцы старательно закрепляли шпильками узел волос. Профиль ее, если такое возможно, был еще прекраснее прямого взгляда, потому что теперь она опустила глаза (аметистовые шпильки лежали у нее в подоле) и тень ресниц придавала лицу задумчивое и тихое выражение, мучительно милое.

Видя, что о нем забыли, Перитой сорвал травинку и потянулся пощекотать ушко Элленор. Та нахмурилась, впрочем вовсе не обиженная, и притворилась, будто хочет уколоть его руку острой шпилькой.

Перитой играючи поймал ее запястье свободной рукой и, вероятно, пошел бы дальше, но перехватил мой взгляд и непринужденно выпустил тонкую руку девушки. Я не понимал, как осмелился он быть столь дерзким с этой изысканной и холодной дамой, однако она прятала улыбку, и в глазах ее, устремленных на возлюбленного, плясали искорки.

— Не ожидал найти вас здесь, — неловко выговорил я в наступившей тишине.

— То есть ты хочешь сказать, что мы должны были бежать и не давать застать нас вдвоем, — ответил Перитой. — Оставь, со мной вежливость ни к чему, я вижу самые темные твои мысли. Ты хотел посмотреть на Элленор. Что ж, кто бы не хотел? Ей это известно. Сколько у тебя поклонников, золотая дева? Три сотни?

Кровь ударила мне в лицо — я покраснел, но сказал только:

— Надеюсь, ты видишь и светлые мысли. Из нас троих хоть один должен быть вежлив.

Перитой расхохотался и готов был приказать мне уйти. Однако Элленор, невозмутимая и спокойная, заговорила голосом, в котором я, и только я один, слышал воркование голубки:

— Прошу тебя, присядь. Мы читали новую книгу. У Южного Угла на уровне четыреста семьдесят пять появились ученые, бросившие вызов прежней науке и желающие преобразовать всю программу обучения молодых.

Я послушно сел и подумал про себя, что Элленор воистину хорошо воспитана, если столь сдержанно принимает нежеланного гостя, отнимающего драгоценное время наедине с любимым.

Она подтолкнула ко мне книгу, но я не стал читать, а рассматривал наброски, сделанные пером на вставных листках.

— Кто это рисовал? — спросил я, и мой голос сорвался.

Элленор озадаченно склонила головку набок и ответила, что рисовала она сама, по воспоминаниям снов.

— Знаю. — Я опустил голову. А когда снова поднял глаза, мне уже вспомнились сотни странных событий, случившихся со мной, но не в этой жизни.

Они оба казались такими молодыми, такими мучительно молодыми, до краев полными безрассудством и очаровательным сиянием юности. Такими неопытными.

Перитой странно взглянул на меня. И не владея его даром, я решился бы сказать тогда, что знаю его мысли. Он видел, о чем я думаю, но не мог понять, как может так думать человек моего возраста.

— Каково бы ни было предложение ученых Южного Угла, Телемах будет против, — проговорил Перитой. — У него рот кривится от всего нового, словно оно кисло на вкус.

— Только тогда, когда новое хуже старого, — сказал я.

Перитой кинул в меня травинкой:

— Для тебя новое всегда хуже.

— Почти всегда. Чаще всего «новым» называют старую ошибку, облаченную новыми словами.

— Новое учение — настоящая революция, несущая надежду. Ну же! Стряхни с себя ужасы древних снов! Мир не так страшен, как нам представляется. Их теория утверждает, что окружающий мир никогда не подходил человеку, — ты понимаешь следствие этого утверждения?

Я покачал головой.

Он был счастлив объяснить:

— Это значит, что наши предки родом не из Ночных Земель.

Мы не остатки разбитого народа, а первая раса завоевателей! Они утверждают, что мы изначально жили в пирамиде, и оспаривают истинность старых мифов. Присмотрись к размерам и форме дверных проемов и ручек. Разве не ясно, что человек развился из мартышек и им подобных животных из зоологического сада? Наши предшественники содержали и других животных, чтобы сохранить молодость жизни, — котов, собак и человекообразных — в особых зданиях. Это было до Второго Голодного Периода, и я полагаю, наши предки съели их подчистую.

Я смотрел на него, удивленно моргая, гадая, не сошел ли он с ума, или это я потерял способность распознать шутку.

— Развились?

— В силу естественного отбора. Слепого случая. Мы, вероятно, оказались первыми животными, которым размер и рост позволяли легко проходить этими коридорами, входить и выходить из помещений. Другие были слишком велики или малы, и такие после множества доисторических войн оказались выброшены в Ночные Земли. Новое учение дает нашей расе надежду избежать всеобщей гибели: надо только дождаться, пока эволюция сделает нас приспособленными к окружающему миру, — мы изменимся, и ужасы Ночных Земель перестанут быть ужасами для нашего измененного сознания.

— Старое учение тоже допускает такую возможность, — строго заметил я, — в нем есть намеки, что внелюди были истинными людьми, пока дом Безмолвия не изменил их. Недаром обычай требует иметь при себе ампулу Освобождения.

— Суеверие! Всего лишь следование древним предрассудкам. Так называемые истинные люди возобладали только потому, что наша кисть более всего приспособлена к использованию приборов контроля лифтов и клапанов, наши глаза легче переносят яркое освещение и мы достаточно малы, чтобы найти себе убежище в норах, куда не проникают гиганты. Гигантские создания потому и остались снаружи, что слишком велики для помещений пирамиды.

— Но если мы никогда не жили вне пирамиды, откуда явились предки Элленор? Откуда пришла Мирдат? Или твоя книга утверждает, что та вовсе не существовала?

Он открыл рот, взглянул на Элленор, лукаво посматривавшую на него, и отмел вопрос небрежным взмахом руки.

— Как бы то ни было, скепсис взломает рамки старых законов и обычаев, даст нам свободу. Свободу жить и свободу любить. Кто откажется от такой свободы?

— Те, кто знает, в какую пустыню ведут неразумные

желания, — тяжело вздохнув, проговорил я, поднимаясь на ноги.

Неожиданно Перитой рассердился и погрозил мне пальцем.

— А куда заведет нас твой образ мысли, Телемах? Неужели мы обречены застыть на месте, живя вечно по обычаям предков?

Тогда я не догадался (а следовало бы), что так задело его. Старинный способ устраивать браки, а вместе с ним и остальные старые обычаи не могли удовлетворить его. Только не тогда.

— Мы — люди, рожденные среди вечной тьмы, — ответил я еще более сурово. — Мы исследуем мир на ощупь, если не можем видеть ясно. Отчего ты не доверяешь древним книгам? И тому, что подсказывают наши собственные души? Праотцы дали нам свет, пламя, зажженное в светлые дни, когда люди видели дальше нас. Согласен, свет тех далеких знаний кажется нам смутным, но тем большей глупостью было бы отказаться от светильников — во тьме мы слепы.

— Что толку нам в свете, открывающем картины ужаса? — спросил он.

— Нас еще ждут великие деяния, еще придут новые герои, — уверенно кивнул я и не добавил вслух, но Перитой, конечно, слышал мои мысли: «Если наше поколение не заставит детей забыть, что значит подвиг».

— Ба! — воскликнул Перитой. Он успел скрыть гнев под маской привычного легкомыслия. — Разве наши летописи прочтут за пределами этих стен? К чему совершать похвальные деяния, если не останется никого, чтобы петь нам хвалу? Даже тебе, уверенному, что ты возродишься снова, негде будет рождаться, когда падет Последний Редут.

— Не будь ревнив. Я такой же, как ты. И эта жизнь может быть для меня последней. Оба вы забыли свои прежние жизни, но не будет ли эта первой, которую вы запомните?

Перитой смотрел на меня с тревогой. В его лице я видел, как странны были для него мои слова (такие понятные мне).

— Что ты запомнил о нас? — жадно спросила Элленор. — Были мы с Перитоем… — Она осеклась и закончила неуверенно: — Были мы трое знакомы прежде?

— Вы, миледи, были среди спутников Асира и жили в крепости, стоявшей в долине, недоступной нашим телескопам, потому что северо-западный Стерегущий загородил ее от нас, — ответил я. — Тогда дом Безмолвия душил долину своим влиянием. Вы были архитектором, потому что в те странные времена женщины изучали науки. И тогда вы владели тем же даром, что и теперь: видели будущее, ставшее для нас настоящим, и вы создали из орихалькума дверь перед главным музеем твердыни Асира и покрыли ее изображениями грядущих

событий.

Перитой кисло усмехнулся:

— Телемах не желает сказать нам, что…

Я опередил его:

— Мадам, тогда вы дарили мне благосклонность, хотя я принадлежал к высокому роду, а вы — нет. И я помогал вам высечь на двери сцены будущего.

Элленор казалась смущенной. Надеюсь, мое лицо не выдало моего стыда.

Я обернулся к Перитою, но обращался по-прежнему к Элленор, даже не глядя на нее.

— Раз уж мы говорим откровенно и вольно обходимся с чужими тайнами — Перитой не желает сказать, что не способен понять, почему я не ревную к нему, хотя он видит, что в моих мыслях нет ревности. Но вот ответ. В прошлый раз проиграл он. В этот — я. Все равно мы друзья и навсегда останемся друзьями.

Я заметил беспокойство в глазах Элленор.

— Значит, я любила не одного мужчину во все века, в каждой жизни…

Без сомнения, она думала о Мирдат Прекрасной, пронесшей свою любовь неизменной сквозь все времена.

— Ты всегда любила благородных… — неловко проговорил я.

Но она с сомнением глядела на Перитоя, а он на меня — с гневом. Странно, что он рассердился тогда, ведь он должен был заранее видеть, что я собираюсь сказать. Быть может, он не предвидел, как поразит Элленор мысль, что они не вечно любили друг друга.

Перитой сказал:

— Несомненно, родись мы трое в будущем и последними из человеческого рода, ты бы и тогда совершал благородные деяния, настраивая умы против меня и прокрадываясь незваным в души. Это твои похвальные и благородные деяния, Телемах?

Гневный ответ просился на язык, но я знал, что, и невысказанные, Перитой видит слова, горевшие в моем сердце. Попрощавшись коротким кивком и пробормотав извинение (как я рад теперь, что произнес его, даже если они не расслышали!), я развернулся и ушел через рощу, отводя от пылающего лица мокрые ветви. Несколько капель стекали по моим щекам.

За спиной я услышал голос Элленор:

— Не говори дурно о Телемахе!

В ответе Перитоя: «Почему?» — прозвучало удивление (я принял это как знак, что слова эти вырвались у нее спонтанно).

— Я предвижу, что моя семья станет давить на него, потому что отец заподозрит, будто ему известно место наших тайных

свиданий, — произнесла она. — И он вынесет это мужественно и не выдаст нас, хотя за это пострадает его семья. Ты выбрал хорошего друга, Перитой.

— Скорее это он выбрал меня, — ответил Перитой.

Она прошептала что-то, но я был уже далеко и не расслышал ответ.

Циферблат отсчитал шестьдесят часов, прошедших с тех пор, как я начал спускаться по ледяному склону к Месту, Где Молчаливые Убивают. Я спал дважды и трижды глотал таблетки. Встроенный в циферблат альтиметр показал потерю высоты в двадцать две тысячи футов. Я прошел сквозь холодный туман, где воздух был нездоровым, и вышел из него разбитым, пошатываясь от головокружения.

Этот ядовитый туман был нижним слоем облаков, невидимой крышей над холмами пепла, кратерами и сухими руслами, временами освещаемой холодным бледным свечением, идущим сверху. Холмы пепла были здесь настолько высоки, что тучи обезглавили их. Еще тридцать часов я бродил наугад в надежде наткнуться на примету, знакомую по Памяти Снов. Однажды облака осветились особенно сильным трепещущим сиянием, и я увидел силуэт (сперва я счел его еще одной пирамидой пепла), но скоро различил профиль: тяжелое надбровье, скошенную щеку, выпуклые губы Левиафана, но много, много больше, чем его собратья, виденные когда-либо у Последнего Редута. Быть может, новая порода? Он был недвижим, как Стерегущий, но от него веяло бдением. Он был выше Прикованного Гиганта, голова терялась в нависшем облаке, и клочья тумана проплывали мимо горящих яростью глаз. Как оказался здесь один из его племени и какова была тому причина, есть тайна, перед которой я немею.

Я огляделся. В зыбком полусвете облаков мне почудились другие Левиафаны — двое неподвижно взирали на север немигающим взглядом. Далее я крался сухим руслом, в надежде избегнуть их глаз. Но теперь я знал: то, что я ищу, надо искать в стороне, куда обращены глаза чудовищ.

Серый свет померк, и в темноте я шел тридцать пять часов. И снова появилось свечение, но ненадолго. Вдали я успел увидеть нечеловеческий лик, обращенный ко мне, а ближе — еще одного Левиафана, развернутого ему навстречу. По этой примете я понял, что тяжелая тень, отделяющая меня от дальнего Левиафана, — то, что я ищу.

Бесцветная вспышка угасла, и все скрыл могильный мрак. Но я ощутил слабое давление внеземной мысли и опасался, что Левиафан, чей лик я увидел, за много миль заметил меня.

Все осторожнее я продвигался вперед. Земля под ногами стала неровной, шла под уклон. Я пробирался через завалы угловатых камней, нащупывая их ногами и пальцами, и спускался все ниже. Не видя, я догадывался, что спускаюсь в чашу кратера.

Еще миля, и мои руки нащупали песок и пепел: рыхлые осадки, на протяжении эпох осыпавшиеся на дно кратера. Теперь я мог двигаться почти бесшумно и вслепую размахивал перед собой рукоятью оружия, не освещая клинка, как слепец размахивает посохом, в надежде нащупать провал, или скалу, или ногу замершего гиганта.

Прошел час, и я ощутил под ногами гладкий плоский камень. Склонившись, я нащупал края. Квадратные плиты, плотно пригнанные друг к другу. Обработанные рукой человека. Дорога. Еще несколько шагов, и я почувствовал, что нечто возвышается надо мной. Пальцы мои нащупали обелиск — дорожный столб, исписанный буквами чужого языка.

Мне они были знакомы по прежним жизням.

АСИР.

Сто шагов вперед, двести, и пальцы мои наткнулись на створку ворот. Я нащупал изогнутый стебель покореженной петли, коснулся излома древнего засова — мощного стержня, преграждавшего путь Ночи.

За воротами снова был песок да кое-где — обтесанные плиты или куски изъеденной временем стали. Здесь я не чувствовал ничего живого: ни земного тока, пульсирующего в силовых линиях, ни дрожи живого металла. Места, где некогда жили добрые люди, часто сохраняют след в эфире, подобный аромату духов прекрасной женщины, недавно покинувшей комнату: след чего-то прекрасного и достойного. Здесь такого не было.

Зато я ощутил холод. Но в сердце не поселилось страха или ужаса, и я сознавал, как странно все это. Без сомнения, я находился вблизи центра круга Левиафанов, даже во тьме не спускавших с него глаз. Я должен был ощущать тяжесть в сердце, душа должна была задыхаться. Меня же охватил покой.

Или бесчувствие.

Как тихо здесь!

Сперва медленно, затем все быстрей я стал пятиться от разбитых врат былой крепости Асира. Слепой в слепой тьме, я бежал.

Но я не нашел укрытия, когда серое сияние вновь пробежало по облакам, освещая землю дрожащими вспышками. Здесь ее коснулся тусклый луч, там прошла светлая полоса, и в этом свете появлялись и исчезали бесцветные картины.

Я видел величественные руины прежней столицы: разбитые,

проваленные купола, темные башни. Здесь и там среди развалин замерли высокие фигуры, которые не были башнями, и глаза их были обращены вниз, на обломки под их ногами. В вечном, бессмертном терпении они выжидали, не мелькнет ли новая искра жизни, погасшей здесь бессчетные века назад.

Но не только гиганты замерли здесь в ожидании. Серый свет скользнул по облаку, и луч упал рядом со мной.

Огромная толпа окутанных серыми мантиями фигур стояла в двадцати шагах от меня, у самых ворот. Неведомо, каким чудом я миновал их, пробираясь вслепую, не подозревая об опасности. Как же тихо я двигался, каким чудом они не услышали меня, проходившего среди них?

И я понял. Не звука, доносимого воздухом, ожидали они. И не ушами слушали. То были духи могучие, грозные и ужасные, и они не спали и не уставали в своем бдении. Сотни, тысячи, миллионы лет были для них ничто. Они ждали, покуда неразумное дитя человека покинет Последний Редут, чтобы найти опустевший дом Асира, оставшийся мертвым все эти годы. Они дожидались, когда их коснется отзвук страха — страха, подобного моему.

Одним согласным движением, без малейшего шума десятки скрытых капюшонами голов повернулись ко мне.

Холод проник в мое сердце, и я знал, что умру, потому что чувствовал: этот холод (не знаю, каким образом, и не знаю, как я понял это) в ужасающем безмолвии поглощает плоть, суть моего сердца. Он отнимал у клеток, крови, нервов самую жизнь или то свойство материи, которое позволяет плоти созданий, подобных человеку, быть живой.

Я хотел бежать, но упал, потому что в ногах не осталось тепла. Я принуждал руку подняться к губам, чтобы раскусить ампулу Освобождения, но рука не повиновалась мне. И другая рука онемела, и пальцы выпустили Великое Оружие. Или моя душа больше не чувствовала силы металла, хотя и клинок, и рукоять были целы. Дискос был еще жив, но я не знал, уцелела ли его душа, и с трепетом ждал, что и моя будет уничтожена.

И я не мог ни отвести глаз, ни сомкнуть их. Надо мной висели лишь черные тучи, освещавшиеся то здесь, то там холодным серым полусветом. Острый осколок камня пробил щель между воротом нагрудника и краем шлема, заставив меня откинуть голову назад, но поднять ее я уже не мог.

Молчаливые не производили ни звука, и глаза мои говорили, что они стоят на месте, но душа чувствовала их неуклонное приближение, и их пустые капюшоны бесшумно и мрачно склонялись надо мной.

И тогда тучи над моей головой разошлись.

Я увидел звезду.

Погасли все звезды, или прозрачная в прошлом зона излучения вокруг нашего мира стала непроницаемой для света, или же просто наш мир окружили плотные тучи, дымы, препятствующие истечению внутреннего тепла, — не один век спорили наши знатоки и мудрецы. Из этих трех мнений я всегда склонялся к последнему, полагая, что звезды слишком высоки и неподвластны разрушительному влиянию Ночных Земель.

Слишком страшно было бы поверить, что Ночь оказалась в силах погасить звезды. Но и надежда, что звезда снизойдет развеять чад и гарь земли ради того, чтобы позволить одному маленькому человеку увидеть в последний миг нечто прекрасное и возвышенное, казалась слишком невероятной.

Не сумею объяснить вам, каким образом я понял, что вижу звезду, а не светящийся глаз зверя, глядящего с высоты утеса, и не таинственный факел Ночных Земель, подвешенный в верхних сферах ради некоей страшной и мрачной цели.

И все же не только глаз моих коснулся серебристый луч, дошедший с небывалых высот. Отчего-то я знал, что небесный бриллиант — это и пламя, и газовый шар в бесконечной дали; и каким образом мог он обрести разум, и заметить меня, и обратиться ко мне, я не знаю, потому что бриллианты, огни и газовые шары не имеют души. Но точно так же я не в силах объяснить, как холм, смутно напоминающий очертаниями уродливого человека, может миллионами лет стеречь Последний Редут, ни разу не шевельнувшись и не ослабив бдительности. Разве первое более невероятно, чем второе?

Я почувствовал, как во мне шевельнулась сила, человеческая сила, и поднял голову.

Молчаливые стояли надо мной, но их безликие капюшоны были откинуты назад, обращены к звезде. Разум, холодный разум Молчаливых больше не замечал меня.

Поднимался туман. Как ни легок, как ни слаб был свет звезды, он заставил нити белого тумана просочиться из-под песка.

Может быть, существует естественное объяснение случившемуся, но я в этом сомневаюсь. Тонкое как вуаль облако поднялось, чтобы скрыть меня от врага. Нежный луч единственной звезды пробивался сквозь его жемчужную завесу и наполнял красотой каждую каплю, каждую прядь тумана. Если то было естественное явление, тогда сверхъестественному миру должно быть стыдно, что подобное чудо могло быть создано простыми каплями росы и звездным светом.

Молчаливые остались за стеной тумана, а я поднял свое

оружие и крадучись пошел вперед. Туман слепил и меня, так что я шел на свет звезды. Здесь и там в серебристой дымке маячили силуэты Молчаливых, неподвижные и ужасные. И все же они не замечали меня и не причиняли вреда, что было бы невозможно, если бы только некая добрая сила старых сказок ради спасения человека от ужасов Ночи не задержала течение времени или не заменила жестокий закон природы милосердием.

Лестница привела меня к низким зарослям лишайниковых кустов. Под ними скрывалась дверь — плоский люк в скале, и он был погнут давним ударом, так что немного отходил от петель. В щель мог, наверное, протиснуться человек или одно из мерзких созданий Ночи — червь или многоножка, но большим чудовищам сюда хода не было.

Звезда скрылась, и защищавший меня туман начал редеть. Сквозь него проступали высокие тени, и мой страх перед Молчаливыми вернулся.

Я скинул шлем и нагрудник, отстегнул наплечники, чтобы не застрять в узкой щели. Возможно, благоразумнее было скинуть вниз броню, прежде чем спускаться самому, но то же благоразумие подсказывало избегать шума, так что я спрятал броневые пластины под куст, где (как я надеялся) их не могли найти.

Края люка царапали и обдирали тело. Обливаясь кровью, я упал в темноту.

Здесь нет места описывать чудеса города Асира. Довольно будет сказать, что под куполом в скале на много миль пролегали поля и пастбища, что сам купол, даже разбитый, был величественным сооружением в несколько миль в поперечнике и в полмили высотой. Местами ноги Левиафанов проломили свод. С покосившейся галереи я видел колени и бедра, покрытые грубой чешуйчатой кожей, и сознавал, что где-то глубоко внизу огромные ступни топчут дворцы и музеи, храмы и библиотеки Асира — великой цивилизации, неизвестной народу Последнего Редута. Уровни на много миль были разбиты шагами гигантов в те давние века, когда гиганты еще двигались, и в эти проломы втекали холод и тьма.

Я нашел двери из орихалькума, которые так часто видел во сне.

Правая створка была точно такой (я понял это теперь, когда память вернулась ко мне), какой я сделал ее в прошлой жизни.

Правая створка воскрешала прошлое: барельефы звездных странников, опускающих свои крылатые корабли на голые черепа миров, ужас на лицах людей, осознавших, что наша земля — последний живой мир во Вселенной. Здесь изображалось падение

Луны и раскол земной коры. Здесь были Создатели Дорог — величайший из народов древности. Здесь были Жители Скал, чьи исполинские города и империи лепились к бесконечным стенам раскола в те века, когда поверхность земли покрыл лед, а дно огромной трещины оставалось слишком горячим для ног человека. Здесь была Основательница, вспахавшая круг, где предстояло вырасти Последнему Редуту, плугом, запряженным вымершими животными, — то была легенда первой эпохи пирамиды, а с тех пор миновал двадцать один зон — двадцать один миллиард лет.

Левую створку покрывали картины конца времен: здесь изображены были Сокрушенные Врата и человечество, разделенное на две расы — оставшиеся в ловушке подземного мира и запертые в верхних башнях, когда средние уровни Последнего Редута стали обиталищем нечистых созданий, прорвавшихся из тьмы. Здесь была трагедия бегства: миллионы детей и женщин Верхнего народа в попытке спастись на крылатом корабле, подобном кораблю звездных странников. Корабль, утративший подъемную силу, падал среди нетерпеливых толп внелюдей, ухмыляющихся горгулий и Гончих Ночи.

Показано было и время Последней Тысячи, когда каждый живущий знает не одну свою жизнь, но жизни всех, кто был до него, так что в каждом мужчине таится множество, в каждой женщине — все матери до нее.

Было и изображение последнего дитя, рожденного при свете свечей в ледяном гробу его матери: лик Триады. Три тени, воплощение всех мертвых, истаявших в смертной ауре мира, склонялись к младенцу с глазами мудреца, протягивая ему призрачные рукояти своего оружия. И тень, от которой отворачивалось последнее дитя, лишалась надежды на память в ковчеге человечества.

Последняя панель, верхняя в левой створке, изображала Архонта Великой Тьмы, Антисерафима и другие всемогущие силы Великой Ночи восседающими на руинах Последнего Редута, словно на троне. Молчаливые поклонялись им, южный Стерегущий лизал их окровавленные руки. Все знания и достижения человека пылали в огромном костре, вокруг которого кувыркались внелюди, и большие из темных служителей пожирали меньших в победном пиршестве.

Эта картина была плодом воображения, данью традиции. Высшие существа не имеют ни формы, ни вида, которые можно изобразить карандашом или высечь в камне. Тем не менее создательница двери хорошо сумела передать кошмарную сцену, и я понимал, что она выражала.

Последней справа, на самом верху, была картина — противопоставление торжеству тьмы. На ней сиял золотом лучистый шар, воплощающий последний закат древнейших легенд, а на переднем плане, держась за руки, стояли печальные Отец и Мать человечества, и каждый вскинул руку то ли в приветствии, то ли в последнем прощании с веками радости, правившими тогда небесами.

Радостно было мне думать, что даже древний я, создававший эту картину, не считал дни света ребяческим мифом.

Я уперся плечом в резную створку, и дверь открылась.

Разумеется, то была дверь музея. Внутри я нашел пыльные и ржавые остатки стеллажей и экспонатов: почерневшие механизмы, тусклое стекло и пустые книжные полки. Но один из механизмов, имевший форму гроба, еще блестел. И сквозь оконце лился свет.

Этот механизм, давно забытый в Последнем Редуте, задерживал биотическое движение, которое мы называем жизнью, замораживая, а затем бережно отогревая и оживляя каждую клетку тела в отдельности. Такие аппараты использовались в далекие эпохи, когда человек уходил в пространство Вселенной, но те, кто проспал в них слишком долго, выходили измененными. Их тревожили странные сны, навеянные разумом, странствующим в глубочайшей межзвездной бездне, и верность их уже не принадлежала Земле.

В саркофаге лежал Перитой.

Я стер с окошка изморозь, чтобы заглянуть внутрь. Он был страшно искалечен: рубец пересекал пустые глазницы, левая рука отрублена у локтя. Неудивительно, что он даже не пытался вернуться в Последний Редут: слепой калека без ампулы.

Несколько минут поисков — и я нашел в нише «глаз врача». Через мыслепровод, безжалостно выдранный из пишущей машины, я подключил его к саркофагу и наводил «глаз», пока изображение Перитоя не стало отчетливым. Там, на дне его души, сверкая в путанице ассоциаций, снов, страхов и темных мыслей, словно Последний Редут, осажденный страхами и все же бесстрашный, лежало то, что знает и узнает в нас Главное Слово.

Я прошептал Главное Слово. Сияющий, неподвластный времени осколок в его душе дрогнул в радостном узнавании.

Человек. Перитой остался человеком.

Главное Слово затронуло в нем что-то. Нервы и кровь замерзли, но в мозгу сохранилось достаточно жизни, чтобы мысль пробилась сквозь стены саркофага и коснулась моего мозга.

«Ты пришел!»

— Я пришел.

Не было неожиданностью, что замороженный человек способен все же слышать и посылать мысли. Если бы этот способ сохранения жизни останавливал и сохранял также ее духовную суть, звездные странники древних не кончали бы жизнь в кошмаре, потому что пересекающий пространство остался бы глух к шепоту темных эфирных далей и вернулся бы из пустоты целым и в здравом уме.

«Убей меня, а затем и себя. Мы окружены силами дома Безмолвия».

— Я пришел спасти тебя, а не убить.

«Я заслуживаю смерти. Я погубил Мирдат».

— Мирдат? Она жила и умерла за много поколений до нас.

«Элленор. Я подразумевал Элленор. Мою единственную любовь, прекраснейшую деву, какую знала наша пирамида. Она должна была стать моей невестой. И ее дитя убил я. Дитя в ее чреве тянулось и касалось моего разума и говорило мне то, чего я не смел слушать».

— Твое дитя?

«Нет. Дитя создания, унесшего ее в Башню Без Дверей и там изнасиловавшего. Ее лоно изменили, чтобы заставить ее выносить нечеловека».

Я весь сжался от этой мысли.

— Нечеловека? Внечеловека?

«Нет. Хотя оно отзывалось им. Жених был созданием вскормленным или созданным в доме Безмолвия в века, прошедшие с падения малого Редута».

Я знал — когда пал Редут, из всех его обитателей спаслась одна лишь Мирдат. Из прочих не всем было позволено умереть не страдая, а многие испытали боль, которая не уходит со смертью.

— Ты назвал его женихом. Он вступил с ней в брак?

«Внелюди смеются над нашими святынями. Ты знаешь почему».

Я кивнул. Им мало нашей смерти: смерть не удовлетворяет их. Они стремятся сделать все, что для нас драгоценно, отвратительным и уродливым даже для нас, чтобы ничего прекрасного не осталось в мире. (Я говорю о меньших слугах, тех что были когда-то людьми. Мысли великих от нас скрыты.)

— Оно умерло мгновенно?

«Нет, его неестественная жизнь держалась в теле достаточно долго, чтобы убить оставшихся у меня людей.

Я убил дитя мыслью, потому что жизнь в нем была слаба. Но в Элленор уже не осталось души, которую можно убить, и я задушил ее. Она выцарапала мне глаза. Вот последнее, что я видел.

Убей меня, чтобы я не видел ее снова и снова».

— Много трудных миль я прошел, чтобы спасти тебя,

Перитой, потому что я не забыл обещания, данного, когда мы были детьми. Зачем ты звал меня через долгие мили Ночных Земель, если не хочешь, чтобы я вернул тебя к человеческому теплу и защите нашей великой обители?

«Я не могу открыть дверь».

— Крышку саркофага?

— «Дверь, которая ведет к спасению, когда жизнь становится невыносимой. Дверь, которую мужчине велит открыть честь, когда все другие двери закрыты. Ты должен открыть ее для меня. Кто, как не ты, знаешь, что эта дверь не последняя, что она открывается в новую жизнь, но за ней забвение, блаженное забвение, уносящее боль памяти. Мне так много нужно забыть».

В зрительный центр моего мозга передалась картина. Элленор, с детским доверием смотрящая на любимого. Она поднимает броневую рукавицу, слишком большую для ее узкой руки, поднимает забрало шлема для последнего поцелуя, а потом соскальзывает по веревке из оконца в опоре ворот.

Через черный песок и пепел Ночных Земель уходит она, на миг возникает в сиянии Белого Круга и исчезает.

Она двигалась не так, как прошедшие подготовку: перебегая от скалы к скале, избегая освещенных участков и замирая в неподвижности, чтобы серый плащ слился с серой землей. Она не знала, как надо идти.

И Великое Оружие она волочила за собой, потому что его вес был ей не по силам. Она катила его, как тачку, на колесе клинка. Эта картина была бы смешна, не будь она так ужасна.

Его мысли были прозрачны как хрусталь, остры как нож.

«Она не родится снова. Тьма поглотила ее. Я уничтожил ее навсегда. Я послал ее в Ночь без ампулы, без слов и ритуалов, не подготовив души и тела, с оружием, которого она не могла поднять, в броне ей не по росту».

Новые картины. Перитой отсылает ее из пирамиды. Опускает на веревке из окна и смотрит ей вслед. Его дар позволил ему выбрать время, когда на страже стоял юноша, обожавший его и не осмелившийся отказать в просьбе, а привратника он мог шантажировать, подслушав мысли его нечистой совести.

Так велико было это преступление, что я не мог его постичь. Мои чувства пришли в смятение. Ноги отказались мне служить, и я сел. Выпустив из рук оружие, я обхватил голову ладонями.

— Безумие, — сказал я. — Безумие. Можно было умереть проще и не тянуть за собой сотни мертвецов! Неужто она так ревновала к Мирдат, неужто ее так оскорблял запрет женщинам выходить в Ночные Земли? Неужто ей так хотелось показать себя сильнее мужчин? Чего ей не хватало — самой прекрасной из

женщин?

«Была другая причина».

После долгого молчания я тихо спросил:

— Какая?

«Любовь».

— Что?

«Любовь. То чувство, которое освобождает от всех границ, от всех законов. Мы думали, что здесь сможем быть вместе. Думали, что твердыня Асира даст нам убежище против Ночи, а вдали от пирамиды мы будем свободны жить, как желаем».

— Безумие! Спустилась бы она на дно моря без скафандра? Стала бы играть с прокаженным без иммунитета? О, но ведь вы ничего не знали о морях и проказе, не так ли? Все старое для вас мертво, включая и мудрость старых законов.

«Не все. Я дал ей старинную аркебузу из музея и оживил ее земным током. Я своей мыслью подчинил ей оружие. Оно било на девятьсот ярдов, и его заряд мог убить Тусклого Гиганта».

— Ты должен знать, отчего древние запретили использовать такое оружие. Энергия каждого выстрела отзывается на мили вокруг. Нет, ты не знал! Как мало ты знал о мире, в котором жил, о том, который был до нас. К чему было убивать ее так сложно? Разве не проще было выбросить ее из амбразуры, или разбить ей голову о стену, или похоронить заживо? Или ты хотел дать им пищу? Накормить Чудовища Ночи?

Я видел: ее застал врасплох скорпион или малый червь, и она включает ток, выпускает молнию, эхом отзывающуюся в темной пустыне. Я представлял: вот тень, виденная нами в одном из окон дома Безмолвия, поворачивает темную голову к источнику световой вспышки. Вот Гончие Ночи, свора за сворой, вылетают из Колокола Тьмы, завывая на бегу.

Мой голос звучал пусто. Я обессилел от ненависти и отчаяния. Как он мог не понять очевидного?

— Никакая женщина никогда не должна выходить в Ночные Земли. Там обитают чудовища, убивающие нас.

«Она думала, что сумеет предвидеть их появление или мой дух предупредит ее заранее. И… и…»

— Что и?…

«Я все подготовил для нас: капсулу, которую она несла бы в ладони, прибор, который указал бы направление к твердыне Асира по излучению земного тока. Если бы прибор не уловил излучения, мы собирались вернуться домой. Риска не было — мы считали, что чудовища избегают мест, под которыми течет земной ток. А отыскав твердыню, мы могли замкнуть Белый Круг, подключив его к току, освятить землю внутри и возвести собственный

воздушный фильтр, мощнее нашего. Там было бы не просто надежно как дома — надежнее!»

— Ты отпустил ее одну? Одну?

«Я должен был нагнать ее через час. Меньше часа! Через сорок минут, не более! Ровно столько, сколько понадобилось бы мне, чтобы спуститься и выйти через шлюз с остальным снаряжением. Я должен был остаться, чтобы отключить силовое поле, иначе воздушный фильтр не пропустил бы нас.

Из нижнего окна мы вместе высмотрели скалу, под которой она должна была прятаться, ожидая меня. Не более восьмидесяти ярдов от Круга. Восемьдесят ярдов! Она не могла перепутать скалу: мы любовно изучили каждую ее примету. Она не могла перепутать! Вершина в форме митры и сбоку впадинка, как на носу у моей сестрицы Фегии!»

Он говорил еще много, много слов. Я больше не слышал его мыслей. Слишком громко звучала моя собственная единственная мысль: чем это было для нее.

Темнота внешних земель, рыскающие повсюду Гончие Ночи, глаза внелюдей, шарящие в бесконечном мраке — голод, изнеможение, кошмары и обманчивые надежды, — только для того, чтобы достаться внелюдям, и они уносят ее в свое тайное логово, и вскрывают нервы, обнажая самые потаенные мысли. И потом насилие нечистой твари и брак с насильником. И все это время одна только мысль: где же возлюбленный, которому верила, которого почитала выше всех других, почему он оставил меня на произвол судьбы… Я метался по островку заброшенного музея, разыскивая топор или тяжелый лом. Я ни о чем не думал, но искал что-нибудь тяжелое, чтобы вдребезги разбить крышку саркофага, вскрыть его замороженное содержимое. Даже в гневе и смятении я не пытался обратить против него дискос: это оружие мы поднимаем лишь на чудовищ. Я никогда не слышал, чтобы его обратили против человека.

Перитой прорвался в замкнутый круг моих мыслей.

«Я пытался! Мне помешали! Я хотел идти за ней сразу! Как мы задумали, но…»

Я опустил броневую рукавицу на окошко, за которым застыло его искалеченное лицо. Грохот был силен, но стекло выдержало.

И гнев вытек из меня, как вода из дырявого кувшина. Для ярости нужны силы, а я неделями жил на таблетках.

Я снова сел.

— Но тебя задержали власти, так?

«Так».

— Они обещали помилование, если ты отправишься за ней. Что же, весь мир сошел с ума? Ты насмеялся над законом,

запрещающим женщине выходить в Ночные Земли; они — над законом, запрещающим то же человеку, чей разум и воля не безупречны. Ты был незрелым юнцом, быть может, это оправдание, но они, судьи? Хранители закона!

«Судьи сочли, что никакого наказания, наложенного людьми, недостаточно за подобное преступление».

— И только ты мог слышать вопль ее мыслей у себя в голове, только ты мог найти ее по голосу мысли: ты был им нужен!

«Молчаливые позволили ей кричать, чтобы другие вышли за ней из пирамиды на гибель. По той же причине они сняли барьер, чтобы мой зов дошел до тебя».

Я грустно кивнул. И я тоже достался бы Молчаливым, если бы не проявление одной из тех сил, чье вмешательство никто не может объяснить и предвидеть.

«Ты знаешь, я тебя предал».

— Ты боялся, что Молчаливые погубят тебя, если ты не призовешь других детей человека из Последнего Редута. Это старая, старая уловка. Старый страх.

«Которому ты не подвластен. Что творится в твоих мыслях? Почему ты не боишься?»

— Я спасен.

«Молчаливые не выпустят нас отсюда! Я ранен и слеп. Неужели ты надеешься, что мы вместе сумеем пройти Ночные Земли? Элленор говорила, что видит множество следов, уходящих из пирамиды, но лишь одни — возвращающиеся назад. Ты выживешь — но не я. Так суждено».

— Суждено… — повторил я. — Я не понимаю, почему ушла Элленор. Разве она не ясно видела будущее? Быть может, в одном из снов она видела себя женой и матерью и видение жестоко обмануло ее?

«Я ее обманул. Она видела, что будет. Я убедил ее не верить снам».

— Почему она позволила убедить себя в такой нелепости?

— *«Потому что ты обманул ее. Ты убедил ее, что судьбу можно изменить».*

— Я говорил обратное: что надо принять то, чего мы не можем изменить!

«И с этим она тоже согласилась. Я уговаривал ее решиться, а в ее мыслях и так не было ничего, кроме мрачной решимости. Женщины многим жертвуют, много страдают, становясь нашими женами, вынашивая наших детей. Они по природе стойки к страданиям».

— Какая жертва? Ради чего? Она знала, что за ее уходом последует кровопролитие, гибель многих. Зачем?…

Нечто вроде смеха почудилось мне в его промерзших мыслях.

«Она видела далеко в будущем. Разве и ты не видишь? Я нашел шахту. Я подключил основные проводники. Восстановил питание. Все как мы задумывали. Но на это ушли месяцы».

— О чем ты говоришь? Что?…

«Ты идиот? Саркофаг подключен к питанию. Земной ток здесь жив и силен, хотя пролегает глубоко, глубоко под скалой: и оттого победа темных сил здесь не окончательна.

Ты должен вернуться в Последний Редут с этой вестью: если они пробьют достаточно глубокую шахту под таким углом, чтобы выйти к источнику под этой твердыней, Последний Редут продержится предсказанные нам пять миллионов лет. Иначе нам осталось лишь несколько столетий».

Строительство многомильной шахты, точно выходящей к столь малому источнику, может быть не по силам нынешнему поколению, но за нами придут другие. Сады, поля, копи под великой пирамидой… в сравнении с ними замысел Перитоя не кажется неисполнимым.

Не могу объяснить, отчего я рассмеялся. Смех мой оставил горечь на языке.

— Так, значит, наши гордые и тщеславные мечты о возвращении героями исполняются? — сказал я. — Нас станут восхвалять. Не могу представить более страшного наказания за глупость, чем исполнение дурацких желаний.

«Нас?»

Признаюсь, это слово было неожиданным и для меня. Сорвалось с языка, но, раз сказанное…

— Нас.

«Я слепой калека, и к тому же преступник».

— Ты пойдешь со мной.

«Если я вернусь в пирамиду, власти приговорят меня к смерти».

— И твое желание исполнится. А быть может, закон, по которому дважды не наказывают за одну вину, запретит новый суд. Если судьи все еще придерживаются закона, что, кажется, нынче не в моде. В любом случае это их дело, а не мое.

«Почему ты отказываешь мне в смерти, которую я заслужил? Разве ты лишен чувства справедливости?»

— Что ж, очевидно, у меня его меньше, чем необходимо. Справедливый человек не ответил бы на твой зов.

Я ощутил движение эфира, словно его мозг напрягся, собираясь послать мысль, но мысль эта была слишком невнятна, слишком полна виной, чтобы ее посылать. Хотел бы я знать, что выразило бы его лицо, не застынь оно в неподвижности.

— Ты испытывал меня, не так ли? Притворялся, будто забыл Главное Слово. Будь я справедливым человеком, верным закону, я остался бы под защитой стен и не отвечал бы тебе. Я не прошел испытания, и ты приговорил меня к смерти, предал Молчаливым. Твоя справедливость приговорила меня, но что-то иное пощадило. Почему меня пощадили?

«Ты знал, что не должен приходить. Почему ты пришел?»

Я пришел, потому что я романтичный дурак, из тех дураков, которых легко обмануть. Но он задал не тот вопрос.

— Не спрашивай, почему я пришел. Спроси, почему мне *позволили* дойти. Спроси, почему сила дома Безмолвия потерпела поражение. Почему меня не настигла верная смерть и гибель души. Почему?

Теперь я понимал, почему звезда прорвала тучи, чтобы коснуться меня и возвратить мне жизнь.

То была отсрочка приговора и в то же время наказание, тяжелее которого я не сумел бы вообразить: потому что наказанием моим было встать за Перитоя, как звезда встала за меня. Спасти его. Быть его другом, несмотря на все преступления, всю его безумную гордость и хвастливое безумие; быть его другом, несмотря ни на что, и спасти его.

Возможно, добрая сила, спасая меня, желала спасти также и Последний Редут, донести до него весть, что где-то в иссохшей коре планеты кроется новая жила земного тока. Но почему-то я усомнился в этом. Я уверен, что дела, представляющиеся людям великими и значительными, мало что значат для высших сил, защищающих порой жизнь.

Я помнил, какие слова запускают цикл возрождения саркофага и как настроить питание от земного тока, чтобы таяние было равномерным и не повредило тело.

Я снова поднял оружие и оперся на него. Земной ток в рукояти отзывался на поток, протекающий в саркофаге; спиритуалисты называют это явление — наведенный резонанс. Хорошо было чувствовать в ту минуту поддержку воинственного духа моего дискоса: в одной из прошлых жизней у меня был большой пес, такой же верный и храбрый.

Разум Перитоя снова коснулся моего, но слабо. Его аура втягивалась в плоть, готовясь к долгому сну возрождения, прежде чем крышка откинется и он проснется. Но я расслышал его слабую мысль:

«Не понимаю».

— Как ты можешь не понимать? Ты видишь мои мысли.

«Мысли я вижу, но в них нет смысла».

Странно, мне мои мысли представлялись совершенно

ясными.

То самое безумие, что увело Перитоя в Ночь, — только оно могло спасти его. Любовь, связующая друзей и братьев, не менее сильна, чем та, что связывает любящего и возлюбленную. Сила, спасавшая меня, конечно, знала, какой я хвастливый глупец. Но мать не задушит младенца, родившегося хромым; звезда не перестанет сиять для нас оттого, что мы сами калечим себя.

И мне нельзя бросить друга, даже если он не был мне верен.

Души людей порочны и больны, они — не тот материал, из которого следовало бы строить дружбу, семьи, дома, города, цивилизации. Но нам приходится строить их из того, что есть под рукой, — возводить редуты, прочные и несокрушимые, иначе ужасы Ночи возобладают не через миллионы лет, а сейчас.

«Нас окружают Молчаливые. Мы обречены на смерть. Один из нас погибнет на пути к пирамиде. Элленор видела только одну пару следов, возвращающихся назад. Откуда у тебя взялась надежда, что выживем мы оба?»

А потом цикл возрождения зашел слишком далеко, и его мысли рассеялись. Много часов пройдет, прежде чем я открою крышку и отвечу на его вопрос.

Вынося его на спине из золотой двери, я приложил ладонь друга к барельефу на левой панели. Там в прошлой жизни Элленор изобразила незначительное событие из того, что для нее было будущим, а для нас стало настоящим. Человек без нагрудника и шлема несет на спине другого, однорукого, с повязкой на глазах (теперь я знаю, что это бинты).

Над ними сияет звезда, и ворота Последнего Редута открываются им навстречу. К дому ведет только одна пара следов.

Джеймс Ван Пелт — Долгий путь домой

James Van Pelt. The Long Way Home (2003). Перевод М. Семеновой

Джеймс Ван Пелт — один из наиболее широко публикуемых ныне мастеров малой формы. Его рассказы выходили в таких изданиях, как «Sci Fiction», «Asimov's Science Fiction», «Analog», «Realms of Fantasy», «The Third Alternative», «Weird Tales», «Talebones», «Alfred Hitchcock's Mystery Magazine», «Pulphouse», «Altair», «Transversions», «Adventures in Sword amp; Sorcery», «On Spec», «Future Orbits» и многих других. Его первой книгой стал сборник «Strangers and Beggars». Писатель живет с семьей в Гранд-Джанкшен, штат Колорадо, где преподает английский старшеклассникам и учащимся колледжей.

В настоящем рассказе читателю предлагается берущая за душу история о том, как странно иной раз переплетаются жизни разных поколений, и о том, что порой у нас нет иного выбора, кроме как отправиться домой самой долгой дорогой…

* * *

Мариза прижималась спиной к двери, не позволяя открыть ее.

— Еще несколько минут — и они совершат скачок! — сказала она. — Тогда вы сможете отправляться домой!

— Война началась, — ответила Жаклин, инженер по телеметрии. Ее лицо раскраснелось, в глазах светился ужас. — Дело не во мне. Миссия состоялась… Они совершили скачок уже *четыре часа назад!*

Мариза проглотила комок в горле. Если Жаклин набросится на нее, Мариза едва ли с ней справится. Жаклин превосходила ее по весу на добрых тридцать фунтов. И никакие силы безопасности уже не примчатся на помощь.

— Жаклин, — сказала она, — мы уже зашли так далеко…

Инженер по телеметрии занесла кулак… Мариза напряглась, но не двинулась с места. Руки, стиснутые за спиной, дрожали. Какое-то время Жаклин продолжала потрясать кулаком в воздухе… Из-за ее спины за всем происходившим наблюдали остатки персонала Центра Управления Миссией. Большая часть пультов пустовала. На лицах оставшихся инженеров ничего не возможно было прочесть. Они слишком вымотались, чтобы что-то предпринимать, однако Мариза понимала: им хотелось смыться

отсюда ничуть не меньше, чем Жаклин.

А та вдруг разжала кулак, уронила руку и закрыла глаза.

— Какая, собственно, разница… — прошептала она.

Мариза перевела дух.

— Настает величайший момент в истории человечества, — проговорила она. — И мы — его участники. Мы все равно ничего не можем сделать *там*. — Она кивнула на закрытую дверь у себя за спиной. — Мы не можем отменить происходящее, но можем стать свидетелями. Еще есть надежда!

Несколько мониторов показывали карту Соединенных Штатов Америки. И отдельно, в уголке, — Флориду. На обеих картах выделялись ярко-желтые участки. Пометка внизу гласила, что желтым обозначались территории, с которыми потеряна связь. И этот цвет охватывал крупнейшие города по всей стране и большую часть побережий — весь юг Тихоокеанского и север Атлантического. Что касается Флориды, лучистые желтые «солнышки» отмечали Майами и Джексонвилль… и вот, прямо на глазах у Маризы, такой же значок возник на месте Тампы.

Она подняла глаза к потолку ЦУМа с его полудюжиной окон верхнего света. Она знала: потолок в любой миг мог исчезнуть, раствориться в безумном свете. Собственно, Мариза ждала, что так оно и произойдет, причем уже давно, — и все-таки оставалась на рабочем месте, у своего пульта, записывая приходившие с четырехчасовым опозданием сигналы. Их подавал корабль «Пришествие», стремительно уносившийся за пределы Солнечной системы и уже пересекший орбиту Нептуна… Интересно, наступит ли конец абсолютно мгновенно и неожиданно? Или каким-то мгновением раньше она все-таки успеет понять, что «это» вот сейчас разразится?

Жаклин тяжело опустилась обратно в кресло, и Мариза вернулась за пульт. Данные телеметрии выглядели неплохо… Но точно так же дело обстояло и шесть лет назад, когда громадный корабль величественно покидал земную орбиту. Все четырнадцать тысяч человек на борту были здоровы духом и телом и полны энтузиазма. С тех пор на корабле произошло несколько смертей… чего и следовало ожидать. У кого-то прозевали ухудшение физического состояния. Двое совершили убийства. Еще двое покончили с собой… Но никаких серьезных технических неполадок на корабле не наблюдалось. Все оборудование работало великолепно. Настолько великолепно, что теперь — за несколько минут перед тем, как специальные генераторы, размещенные по всему кораблю, синхронным усилием должны были бросить его в гиперпространство, — ЦУМ, по существу, оказался не нужен. Так что Жаклин была кругом права…

Комната пропахла остывшим кофе и человеческим потом. Многие сотрудники просидели за своими пультами по двадцать и больше часов. По мере приближения заветной минуты, однако, они все чаще отрывались от работы, поглядывая на экраны. Бегущая строка демонстрировала цифры, не укладывавшиеся в сознание: примерные потери… уровень радиации… утраченные города…

Мариза уткнулась в свой дисплей и защелкала клавишами. Ее интересовали показания гиперпространственных двигателей. Все-таки человечество наконец отправлялось к звездам… Даже если Земли уже не будет, когда они вернутся — при условии, конечно, что они сумеют построить новый корабль и прилететь на нем назад.

— Оно даже и проще, когда у тебя нет семьи, — пробормотала Мариза себе под нос. Впрочем, она говорила неправду. Ее взрослый сын жил в Оушенсайде — дальнем южном пригороде Лос-Анджелеса. Правда, теперь их общение ограничивалось лишь телефонными звонками на Рождество, и время от времени Мариза поглядывала на фотографию сына, чтобы не забыть, как он вообще выглядит…

Неподалеку раздалось всхлипывание. Один из инженеров плакал, уронив голову на клавиатуру.

Единственным, кто казался полностью погруженным в работу, был доктор Смолли. Он то и дело переключал каналы, просматривая медицинские показатели космического экипажа. Сердечные ритмы членов команды тоненькими ниточками тянулись перед ним по экрану…

— Какая жалость, — сказал он, поймав взгляд Маризы, — что во время скачка никакая связь невозможна. Как они будут чувствовать себя в гиперпространстве? Вот бы узнать!

— Если он вообще получится, этот скачок… — простонала Жаклин.

— Через три минуты все станет ясно, — сказала Мариза. — Что бы здесь ни случилось — мы не погибнем!

Сквозь толстые стены ЦУМа глухо донеслось завывание сирен. Здание заметно тряхнуло. С края одного из столов на пол упала кофейная чашка.

— Может, если бы мы не выбросили столько денег в космос, а потратили их по делу, ничего этого и не произошло бы, — сказала Жаклин. — А то ободрали всю планету как липку, и ради чего?

Доктор Смолли все всматривался в медицинский дисплей.

— Они очень взволнованы, — сказал он. — У всей команды частит пульс! Нет, ну до чего дошла техника! — И он

восторженно взмахнул рукой, указывая на экран. — Я каждого, можно сказать, насквозь вижу! Эти индивидуальные передатчики сообщают мне больше, чем осмотр в условиях стационара! Как бы я хотел туда, к ним…

— Покажите мне того, кто не хотел бы, — сказала Мариза.

— Есть у вас какой-нибудь соответствующий медицинский термин, доктор? — спросила Жаклин. — Ну, вот вы увидели что пациент безнадежен, и хотите предложить нечто неопробованное, но такое, что якобы может спасти? Вроде того, чем мы все тут занимаемся. Человечество умирает, и мы хватаемся за теорию…

Часы обратного отсчета на стене показывали чуть более двух минут. Пол снова затрясся, на сей раз — гораздо сильнее.

— Ну, пожалуйста… Хотя бы еще несколько секунд… — ни к кому не обращаясь, проговорила Мариза.

История в самом деле находилась на переломе. Первая долгожданная колониальная экспедиция к иной звездной системе — и разразившийся кошмар всеобщего ядерного конфликта. Единственными уцелевшими должны были остаться исследователи… Мариза принялась перечислять про себя имена: Годдард, фон Браун, Армстронг… ну и так далее.

Только так удавалось отодвинуть мысль о смерти, стучавшейся в двери.

— Все сплошной эксперимент! — сказала Жаклин. Она была близка к истерике. — Мы никогда не посылали даже вдесятеро меньшего корабля. Мы никогда не делали связку из нескольких гиперпространственных двигателей. А что, если их поля все-таки лягут вразнотык? Они ж его на части порвут вместо скачка…

— Денег не было на дополнительные проверки! — отрезала Мариза. — Вопрос стоял ребром. Все или ничего!

— Вы просто наслушались пораженцев, Жаклин, — вставил доктор Смолли. — Теория безупречна, математические выкладки безукоризненны. Один миг — и они унесутся за сотни световых лет от здешних проблем!

Мариза вцепилась в край монитора… Часы обратного отсчета показывали менее минуты. «Я представляю здесь человечество, — подумалось ей. — Я здесь от лица всех, кто когда-либо мечтал отправиться к звездам…»

Больше всего сейчас ей хотелось бы увидеть ночное небо.

Доктор Смолли так уткнулся в свой компьютер, как будто хотел в него нырнуть — туда, к ним. Жаклин неотрывно смотрела на экраны теленовостей с их картами, сплошь усеянными желтым. Вот картинки разом замигали… и изображение сменилось серой рябью помех. Жаклин прижала руки ко рту…

— Десять секунд! — сказала Мариза. — Все системы дают

зеленый свет!

Часы тикали, отсчитывая последние секунды. В памяти Маризы пронеслось детство, проведенное с фильмами и книгами о космических путешествиях. Их действие разворачивалось в величественных декорациях Вселенной, а не как здесь, на крохотной сцене, освещенной лучами одного-единственного солнца!.. Если бы ей удалось отсюда улететь, не пришлось бы увидеть жуткое и кровавое самоубийство, которое все-таки совершило человечество. Первые бомбы стали взрываться вчера поутру. За завтраком, помнится, она еще думала, что все это — газетная утка. Ведь не могли же люди в самом деле пойти на подобную глупость?… Однако репортажи продолжались, и скоро стало понятно — никто не шутил. Ни в малейшей степени не шутил…

Телеметристы впились глазами в приборы, отслеживая последние сигналы «Пришествия». Корабль, уже почти развивший третью космическую скорость — достаточную, чтобы преодолеть притяжение Солнца, — готовился к прыжку, основанному на парадоксальной физике гиперпространства.

— Три… два… один… — вслух произносил кто-то. На экране перед Маризой высветилась надпись «*ОТСУТСТВИЕ СИГНАЛА*». Все свидетельствовало о том, что корабль исчез. С разных концов комнаты послышались жидкие, усталые аплодисменты.

— Они прыгнули, — сказала Мариза. Она все пыталась представить себе, как потоки странных энергий из гиперпространственных двигателей раздвигают ткань мироздания, позволяя громадному кораблю развивать сверхсветовую скорость, и «Пришествие» исчезает в яркой световой вспышке…

На какой-то миг только это имело значение, а цифры потерь, радиация и желтые пятна на картах просто перестали существовать.

— Нет, — отрезвил ее голос доктора Смолли. — У меня тоже должны были пропасть все сигналы, но они идут!

И он ткнул пальцем в монитор. Мариза перекатилась вместе с креслом, чтобы видеть, о чем он говорит… На его экране по-прежнему пульсировали сердечные ритмы, компьютер продолжал записывать волны мозговой активности. Доктор переключил картинку, потом еще раз… Всюду то же самое.

— Это… как? — проговорила Мариза.

Жаклин уже стояла подле нее, остальные инженеры покинули свои места и сгрудились позади.

— Сигналы… Они слабеют, — выдохнула Жаклин.

— Нет-нет-нет, — сказал Смолли. Он быстро набрал на

клавиатуре команду. Появилась сходная картинка с именами и разными показателями… не отражавшая никакой биологической активности.

— В чем дело, доктор? — спросила Мариза. Она в самом деле не понимала, что там у него за сигналы, ведь с «Пришествием» сейчас никакой связи быть не могло. И не будет впредь, так что они никогда не узнают, добрался ли корабль до места назначения. Скорость света и теория относительности воздвигали барьеры, непроходимые, как сама смерть.

— Это — их дыхание, — голосом бездушного компьютера пояснил врач. — И они не дышат. А вот, — он снова щелкнул по клавиатуре, — сердцебиение.

Теперь против многих имен вместо характерных пульсирующих всплесков тянулись ровные линии. Другие показывали редкие, медленные удары… и тоже пропадали с экрана. Смолли принялся переключать изображение. Да, теперь ни у кого не было пульса. Успокоились и мозговые ритмы…

Мариза положила руки на спинку кресла, в котором сидел доктор. Она чувствовала, как его трясет. Она попросила:

— Проверьте температуру тел.

Смолли вскинул голову, оглянулся на нее… Потом понял, кивнул — и вызвал показатели температуры внутренних тканей. Цифры на глазах становились все ниже…

— Это что, аномалия какая-то? — спросили сзади. — Почему мы получаем сигналы из гиперпространства?

— Корабль взорвался, — сказала Жаклин.

— Нет, — возразила Мариза. — Телеметрия нам об этом сообщила бы. — Теперь она держалась за докторское кресло, чтобы не упасть. — Сигналы настоящие и идут из нашей части пространства. — Ее лицо странно онемело, ноги были готовы отняться, она понимала какой-то частью своего сознания, что вот сейчас свалится. Но все же пояснила для тех, кто еще не понял: — «Пришествие» совершило скачок… а *они* — остались!

— Значит, все пошло по самому худшему варианту, — сказала Жаклин. — Была же вероятность, что связанные между собой генераторы сработают не так, как одиночный. Мы просто выбросили ребят в космос…

Ее голос сорвался.

— Они погибли, — сказала Мариза, и комната перед глазами медленно поплыла вправо. «Я падаю», — подумалось ей. Интересно, что увидел бы телескоп, если бы телескопы могли заглядывать так далеко?… В смысле, после световой вспышки скачка? Четырнадцать тысяч тел, крутящихся в пустоте? Еще какие-то части корабля, не сумевшие улететь?…

Ее голова ударилась об пол, но почему-то не было больно. Ей вообще не было больно, зато сознание неведомо зачем сосредоточилось на бессмысленных мелочах: на шершавости плиточного пола и на том, как странно выглядели коллеги, смотревшие на нее сверху вниз. Потом их лица странным образом потемнели… «Какое странное явление», — подумала Мариза. И в последнюю секунду, остававшуюся ей до забвения, успела понять, что лица-то были ни при чем. Просто верхние окна вдруг налились немыслимо ярким светом, как будто прямо за ними находилась раскаленная солнечная поверхность.

«Мы не вырвались к звездам…» — мелькнула последняя мысль, оборванная жаром тысячи солнц, расплавившим потолок.

Она бы заплакала, да времени не хватило.

Ну ничего себе смерть… Кто, кроме нас, изведал подобный конец? Все произошло неожиданно. Стены вдруг замерцали, а потом просто пропали, и воздух вырвался наружу. Многое, находившееся внутри корабля, осталось на месте, оно было разорвано в клочья. Звезды завертелись вокруг нас, какое-то время мы продолжали их видеть… Мы и сейчас видим — каждый видит то, что видят все. Правда, стоит ли разделять «всех» и «каждого», если сознание сделалось общим? Четырнадцать тысяч человек замерзли в считанные мгновения, но мозговые нейроны продолжали выбрасывать микроимпулъсы электричества в космический мороз, успев породить нечто вроде мегаорганизма. Мы все еще летим прочь от Солнца: слабенькая взаимная гравитация удерживает нас друг подле друга, мы то сталкиваемся, то расходимся, но недалеко. Плутон пронесся мимо быстрей мысли, и вот уже мы вошли в Облако Орта [155]*, но кому дано об этом узнать?… Солнце ярко сияет позади нас — ярчайшая точка между другими светилами, — но в основном кругом царствует мрак… и чудовищный холод. И время длится, невзирая на то, что нам нечем более измерить его. Мы не можем отличить сутки от года, а год — от столетия. Мы мчимся прочь от Солнца. Прочь, прочь…*

Джонатан поудобнее пристроил рюкзак на спине, тяжеловатым шагом спускаясь по склону. Потом потер ладони — было холодно. Он направлялся к поселению, называвшемуся Энсинитас. Хорошо все-таки, что он оставил в Левкадии свою тележку, наполненную товарами на продажу, — еще не хватало бы сейчас тащить ее за собой. Кричаще-яркие краски заката отгорели вот уже час назад, и в наступивших потемках Джонатан руководствовался лишь утоптанной дорожкой да размеренным звуком прибоя по правую руку. Луна еще не взошла, но в любом

случае мало толку было бы от ее рассеянного света… А вот то, что с гребня последней горки он сумел рассмотреть огоньки Энсинитас, было хорошо. Стало быть, почти пришел. Джонатан размеренно шагал, насвистывая в такт ходьбе нехитрую песенку. Урожай был собран, и, похоже, Энсинитас ожидала не самая тяжелая зимовка. Этой весной они воздвигли две новые теплицы с искусственным освещением и сберегли достаточно семян для щедрого посева. Чего доброго, образуется даже излишек! В самый первый раз. Так что, если ему еще и удастся заключить сделку с жителями Оушенсайда, — у тех часть урожая слопала тля, — зима может оказаться даже выгодной…

К голосу морского прибоя добавились обрывки музыки, и Джонатан улыбнулся. Может, там будет и дочка Рэя Хансена, Фелиция. В прошлом году, помнится, она дважды с ним танцевала. И ему почудилось, что, когда они менялись партнерами, ее рука неохотно покинула его ладонь… Одна беда — тогда Фелиция была еще слишком молода для ухаживания. Зато теперь — совсем другое дело… В общем, вечер обещал быть приятным и полезным во всех отношениях. Даже ледяной ветер с океана казался каким-то… чистым, что ли. По крайней мере, не нес отчетливого дыхания смерти. Совсем не то, что во времена Джонатанова детства, когда все кругом только и называли море «вонючим»…

Он замедлил шаг, зная, что скоро поперек дорожки будут ворота. Летом эти ворота не давали разбрестись козьему стаду. Зимой, естественно, живность держали в хлевах, чтобы не замерзла. Да, Энсинитас — зажиточное поселение. Вон они сколько всего выращивают. Даже скотине на корм хватает… Джонатан в который раз подумал о том, что Фелиция станет ему отличной женой. Она такая крепкая и живая. И ее отец будет рад принять зятя в семью. Только представить себе — все время на столе козье молоко! С каждой едой!.. Джонатан вообразил себе сыр — непременное угощение на празднике урожая — и невольно облизнулся…

Да, но если она не захочет его в мужья?

Он совсем замедлил шаги и спросил себя: а кто он, собственно, такой, чтобы Фелиция его пожелала? Все верно, ему двадцать лет, и он — бизнесмен. Но он не имел возможности все время торчать рядом с ней и очаровывать девушку. А год — срок немалый… И потом, чего доброго, она не захочет путешествовать с ним от деревни к деревне, развозя товары. К тому же Фелиция — из тех девушек, кого называют «книжными». Джонатан слышал людские пересуды, но для него это было лишь частью ее девичьего очарования.

Он спрятал руки под мышками… И что это его вдруг пробрала такая дрожь? От внезапного порыва холодного ветра — или просто от страха?

Ворота гремели на ветру, и только поэтому он не врезался в них в темноте. Замерзшие пальцы кое-как одолели засов. Вот теперь из-за холма стала явственно доноситься музыка. Джонатан заторопился, снедаемый ужасом и надеждой.

— Добро пожаловать, Джонатан, — приветствовал его Рэй Хансен, стоявший в дверях.

Юноше показалось, что со времени их последней встречи Хансен здорово постарел. Впрочем, он всегда выглядел старым. Теперь ему, наверное, уже стукнуло сорок. «Солидный возраст», — с уважением подумал Джонатан. За спиной хозяина дома виднелись длинные столы с рассадой, отодвинутые к стенам. А в гостях, кажется, была вся деревня в полном составе. Пришли Ямишита и Куганы, Тэйлоры и Ван Гаи, Вашингтоны и Лафферти. Сто человек, если не больше.

Джонатан улыбнулся и сказал:

— Если позволите, сэр, я хотел бы увидеться с вашей дочкой.

Старик тускло улыбнулся в ответ.

— Вот сам и скажи ей об этом.

Джонатан подумал, уж не заболел ли Хансен. Точно, с того раза он здорово похудел. Наверное, что-нибудь с кровью. Сейчас у многих заболевания крови…

Оркестр весело заиграл, и пары начали выстраиваться для нового танца. Ведущий занял место на сцене. Фелиция, одетая в простое хлопковое платье, сидела с краю стола в другом конце длинной комнаты и потихоньку болтала ногами. Джонатан стал пробираться к ней, стараясь не мешать танцующим. А те все быстрей кружились под музыку: волосы развевались, руки перехватывали одна другую… Какая-то женщина налетела на Джонатана, он поспешно извинился, но она исчезла до того быстро, что он даже усомнился — слышала ли она его извинения.

Ему оставалось несколько шагов, когда Фелиция обернулась. Синие глаза смотрели прямо, светлые волосы — гладко зачесаны со лба… Была ли она рада ему? Уж конечно, она догадалась, зачем он пожаловал. Каждый раз, минуя Энсинитас, он оставлял ей записки. А при следующем посещении забирал ответы. Довольно пространные, но абсолютно невинные. Такие же «страстные» послания она могла бы писать собственному брату.

Джонатан молча сел с нею рядом. У него была для этого случая заготовлена целая речь… показавшаяся теперь, когда настал решительный миг, дурацкой и пустопорожней. Музыка смолкла, и жители деревни стали рассаживаться, тихо

переговариваясь. Оркестр на временной сцене настраивал инструменты. Двое гитаристов сверялись с нотами, трубач незаметно вытряхивал слюну из трубы.

— Здорово тут у вас, — сказал Джонатан… и внутренне содрогнулся. Ему показалось, что он сморозил жуткую глупость.

— Точно. — Ее руки смирно лежали на коленях. — А как тебе путешествовалось?

Музыканты заиграли, толпа танцующих принялась выписывать знакомые па.

— Да тоже нормально. — Джонатан успел решить, что самым мудрым будет отсюда сбежать, причем как можно скорее. Одно дело — строить воздушные замки, таская свою тележку по прибрежным дорогам. И совсем другое — встретить Фелицию воплоти. — Я неплохой бизнес сделал в Оушенсайде…

— Интересно, наверное, столько всяких мест повидать?

Джонатан слегка приободрился.

— Ага, — сказал он. — Ты знаешь, я забирался даже севернее Оушенсайда. В самом Сан-Клементе разок побывал… Там еще стоит несколько зданий. Хотел и до Лос-Анджелеса добраться, но ты же знаешь, какой я осторожный!

Она искоса посмотрела на него, и Джонатан прокашлялся.

— Я хожу только по побережью, а в глубь страны не суюсь, еще не хватало. Ледник с гор Санта-Ана тянется почти до самого моря, но все говорят, что снега отступают. Все сходятся на том, что постепенно делается теплей!

Фелиция вздохнула.

— Есть пословица, — сказала она. — «Всякая пыль как поднялась, так и уляжется». Вот только поверить тяжеловато. Говорят, мол, «ядерная зима», а по мне — сущая «ядерная вечность». — Она рассеянно смотрела на танцующих. В этот миг она казалась Джонатану такой беззащитной. Она добавила: — И Энсинитас — такой крохотный…

Джонатан крепко стиснул пальцами край стола. У него так и чесался язык задать ей свой единственно важный вопрос, но он понимал — пока не время. Нельзя же, действительно, вот так взять и бухнуть!.. Тут его озарила светлая мысль.

— Я тебе подарок принес, — сказал он с большим облегчением. Стащил наконец с плеч рюкзак и поставил между ними на скамью. Откинул клапан — и Фелиция с любопытством заглянула внутрь.

— Книги!.. — восхитилась она. И даже в ладоши захлопала.

Джонатан порылся среди томиков. Конечно, тот, что он искал, обнаружился на самом дне рюкзака.

— Вот этот, по-моему, должен тебе особенно понравиться, —

сказал он. — Только давай выйдем наружу, и там я его тебе вручу!

Он пытался проглотить комок в горле, но не мог — во рту совсем пересохло. Он казался себе таким глупым, таким неуклюжим…

Пока они шли мимо танцующих, она взяла его за руку. Ее пальцы устроились у него в ладони, словно в гнезде.

Прежде чем выйти из дома через заднюю дверь, Фелиция накинула шубку и зажгла незадуваемый фонарь, не боявшийся даже бури. Фитилек немного поморгал, потом уверенно разгорелся.

— Что же это за книжка?

Ветер хлестал его по лицу и был ощутимо соленым. Может, сегодня ночью выпадет снег. Первый раз в этом сезоне. Джонатан сунул руку за пазуху и вытащил томик.

— Вот. Самая дальняя даль от Энсинитас, какая только бывает.

Она открыла книжку. Это был справочник «Звезды и планеты» Петерсона в мягкой обложке. В свете лампы Джонатан увидел цветную фотографию туманности Конус [156] — красноватый клубящийся фон, пронизанный белыми пузырьками звезд.

— Какая красота, Джонатан…

Они склонились над фотографией, соприкоснувшись лбами.

— Отец рассказывал мне про звезды, — сказала Фелиция. — Он видел их своими глазами… Когда был маленьким. В смысле, прежде чем настали скверные времена.

— А мне, — поднимая взгляд, ответил Джонатан, — папа говорил, что мы должны были отправиться к звездам. Его мама участвовала в пуске «Пришествия»… — Между тем небо перед глазами было беспросветно черно, словно пещерный свод. — Папа говорил, небо в те времена было синее. А у солнца были четкие края, точно у золотой денежки…

Он отвлекся и увидел, что лицо Фелиции отделяет от его собственного какой-то дюйм. Даже не успев ни о чем подумать, Джонатан чуть-чуть наклонился и поцеловал ее. Фелиция не отстранилась… И таким вот образом он получил ответ на свой вопрос, так и оставшийся непроизнесенным.

Чуть позже, прижимая ее к себе, он тихо проговорил:

— Говорят, со временем пепел уляжется. Тогда мы снова увидим звезды…

… Четыре года спустя стояла тихая ночь. Рэй-младший уже отправился спать, а Джонатан и Фелиция стояли на крылечке своего дома в Оушенсайде.

— Видишь? — Фелиция показывала ему что-то на небе. — Это то, что я думаю, или нет? Как тебе кажется?

Джонатан положил руку ей на плечо и привлек ее к себе.

— Мне кажется — да.

Яркая точка померцала немного… и разгорелась. К ней при соединилась другая…

Джонатан и Фелиция стояли на крыльце, пока холод не загнал их под крышу.

Мы ощущаем пространство. Нейтроны искрами пронзают наше общее тело. Нашу кожу обжигают гравитационные волны. Мы слышим пространство… Нет, не бесполезными застывшими органами телесного слуха — голосу Вселенной внимает само наше сознание. Звезды позванивают, как крохотные колокольчики. А еще у пространства есть вкус. Пыльный металлический вкус. Он не меняется. Мы же улетаем все дальше и движемся все медленней… И наконец совершенно утрачиваем скорость. Но мы не повисаем в равновесии, о нет! Солнце властно притягивает нас обратно. Мы всего лишь миновали свой апогей — и вот уже снова мчимся сквозь Облако Оорта, колыбель комет… Сколько лет мы уносились прочь?

— Опираться исключительно на устаревшие знания — большая ошибка! — Профессор Мацуи обращался к собранию академиков, заполнивших старый лекционный зал Нью-Беркли. — Новый зал был еще не готов; его обещали достроить в следующем году. Старый прослужил сто двадцать лет. Теперь его снесут, и профессор знал, что ему будет недоставать этих почтенных стен. — Мы прямо-таки зациклились на том, чтобы воссоздать старый мир, известный нам лишь по книгам и записям, и совершенно забываем, что нашу работу за нас никто делать не будет! Между тем у нас должно быть свое лицо. Свой технический прогресс, своя культура!

Говоря так, он радовался хорошей работе новой акустической системы. Голос у профессора был теперь далеко не такой зычный, как в молодости.

Мацуи покосился на доктора Чеснатта, представителя ведомства Восстановленных Технологий. Тот сидел со скучающим видом, записная книжка неоткрытой лежала перед ним на столе.

— Позвольте? — Доктор Чеснатт лениво поднял руку. — Вы что же, хотите, чтобы мы отказались от главнейших достижений предшественников? И при распределении бюджета предлагаете необоснованно рисковать, вкладывая деньги в ваши пресловутые «собственные изыскания», которые, возможно, не принесут никаких плодов, — вместо того чтобы благоразумно изучать

нечто такое, что наверняка будет работать, ибо уже работало в прошлом? Я полагаю — всерьез думать о новых исследованиях можно будет только тогда, когда мы достигнем научного уровня предков, но никак не раньше. Вы же предлагаете нам попусту растратить драгоценное время и столь же драгоценные средства!

Мацуи дал себе мгновение передышки, обводя глазами собрание… Что думают остальные? За него они или против?… От деление литературы разделилось поровну: на архивистов и творчески работающих писателей. Биология, социология, сельскохозяйственные науки, пожалуй, склонятся на его сторону, как и астрономия. А вот представители технических дисциплин и математики с физиками, скорее всего, пойдут на поводу у Чеснатта. К тому же он бывший председатель Медицинской школы, то есть вполне мог принудить своих коллег проголосовать по его, Чеснатта, разумению…

— Естественно, мы обязаны продолжить достойнейшую работу по изучению опыта предков, — сказал Мацуи. — Но если мы устремим на это все наши усилия и все финансирование, кто поручится, что мы не повторим все те же ошибки и окончательно не погубим наш мир? Мне думается, вы склонны всецело уповать на разум предшественников, упуская из виду сделанные ими просчеты. При таком подходе как бы не пришлось последовать за ними по пути, который однажды уже привел к ядерной катастрофе!

Чеснатт лишь хмыкнул в ответ.

— Можете сколько угодно вызывать призраков пресловутой ядерной катастрофы, коллега. Полагаю, вам известно, что историки так и не пришли к единому мнению о том, что же все-таки вызвало массовую гибель человечества. Возможно, атомная война оказалась лишь внешним симптомом иных, более глубоких проблем. Как же нам избежать подобной судьбы, если не ориентироваться на их высшие достижения?

То тут, то там начали согласно кивать.

Мацуи все-таки завершил речь, хоть и успел почувствовать, что ничего не добился. Чеснатт переманил аудиторию на свою сторону, и какие бы весомые аргументы он, Мацуи, ни приводил, в этом году Отделу исследований дополнительного финансирования не видать. Хорошо еще, если нынешние ассигнования не срежут…

Когда собрание закончилось, Мацуи торопливо покинул лекционный зал. Выслушивать лицемерные соболезнования у него никакого желания не было. «Кровопийцы, — думалось ему. — Будут якобы сочувствовать, а сами наверняка уже прикидывают, как бы им от нас для себя что-нибудь оттяпать…»

Ветер с моря пронизывал его тонкий плащ и раскачивал на столбах фонари. Ночное небо постепенно затягивала прозрачная пелена облаков.

— Погодите, профессор! — окликнули сзади.

Мацуи поморщился, но все-таки замедлил шаг. Отдуваясь, его нагнал Лейф Хендерсон, молодой преподаватель астрономии.

— Хорошая речь, сэр…

Мацуи хмуро кивнул.

— Вот только, боюсь, я зря сотрясал воздух.

— А я так не думаю, — возразил Хендерсон. — В нашем отделе тоже есть парочка сторонников Чеснатта, куда же без них, но я вам вот что скажу: студенты старших курсов как-то не горят желанием запечатлеть свои имена в науке, заново открывая все те же луны Юпитера. А первокурсники — те просто спят и видят, как бы сотворить нечто действительно новое!

Мацуи глубже засунул руки в карманы. Похоже, он делался староват для беспрестанных интриг, процветавших в университете.

Он сказал:

— Чеснатт кое в чем прав… Хотим мы того или нет, мы живем в гигантской тени познания прежних времен. Мы из нее, может быть, никогда так и не выберемся… В особенности если каждый раз, когда кто-нибудь претендует на открытие, наши интеллектуальные, так сказать, археологи будут тут же доказывать, что то же самое или по крайней мере похожее уже было сделано в прошлом. Где, спрашиваю я, настоящий стимул для новшеств?

Хендерсон пошел рядом с Мацуи.

— Однако наши предшественники были не всеведущи, — сказал он. — К примеру, они не смогли победить смерть. Да какое там, они с самими собой-то совладать не могли! — И молодой ученый поднял глаза к темному небу. — И, если на то пошло, они не сумели совершить межзвездного перелета. Мы уже лет пятьдесят как должны были бы получить сигналы с «Пришествия», если корабль благополучно вынырнул на той стороне. Или, еще вероятнее, они должны были бы уже вернуться. У них там было четыреста лет, чтобы сделать новые двигатели!

— Мне, — сказал Мацуи, — хочется думать, что сигналы пришли, но у наших приемников просто не хватило чувствительности их уловить. Или, возможно, триста пятьдесят световых лет — все-таки слишком большое расстояние для подобных сигналов. И они там гадают, почему *мы* не вышли на связь… почему не вылетели следом за ними. С их точки зрения, наш мир просто взял и намертво замолчал…

Пешеходная дорожка перед ними в этом месте делилась надвое. Корпуса физики и астрономии располагались по правую руку, административный — слева. Ученые остановились на развилке.

Мацуи посмотрел на такую знакомую дорожку… Он ходил по ней всю свою сознательную жизнь. Сперва студентом, потом выпускником-ассистентом, и наконец — профессором. С первых же дней своей преподавательской деятельности он придавал огромное значение творческой мысли. «В этом и состоит смысл науки! — доказывал он коллегам. — Древние достигли блистательных высот, но Время их поглотило. Настала нам пора совершать собственные ошибки…»

— Мир меняется, Хендерсон, — проговорил он задумчиво. — Еще лет десять, и население перевалит за миллиард. Четыре века назад мы пережили истребление, но все-таки избежали участи динозавров. Потом пробились сквозь второе Средневековье. Судя по всему, наш биологический вид предназначен для великих свершений… Но сколько дурацких шишек мы себе набиваем на этом пути!

И он с горечью топнул ногой.

Хендерсон некоторое время молчал. Было слышно, как вдалеке гремит о скалы прибой.

— Маятник раскачивается, профессор, — сказал он наконец. — В этом году победил Чеснатт, да, но будут и еще годы. Ради нового познания нам придется отрешиться от прошлого. Обязательно придется!

— Вот только я вряд ли до этого доживу, сынок, — усмехнулся Мацуи. — Как же мне не расстраиваться?… У человечества есть определенные желания и потребности. Но каковы они и каким образом люди станут добиваться их осуществления, для меня так и останется тайной. Человеческая жизнь слишком коротка… Я не смогу увидеть общей картины. Вот бы узреть дальнюю перспективу, тогда ясно было бы, за что мы боролись!

Хендерсон не ответил.

— Прости, — сказал Мацуи. — Мы, старики, иногда делаемся болтливы… особенно на ночь глядя. Вот и на меня порой нападает желание пофилософствовать… Раньше для этого требовалось опрокинуть пару кружечек пива, но теперь хватает всего лишь прохладного вечера после неудачных бюджетных дебатов. Уж ты меня извини…

Хендерсон переступил с ноги на ногу.

— У нас в департаменте, — сказал он, — хотят присвоить ваше имя комете…

Глаза Мацуи внезапно наполнились слезами, по счастью оставшимися незамеченными в темноте.

— Очень мило с вашей стороны, Хендерсон…

Потом Мацуи ушел прочь, но, добравшись до своего жилища, не свернул на крыльцо. Он шел и шел вперед, пока не достиг крутого обрыва, нависавшего над океаном. Край скалы был огражден металлическими перилами. Их усеивали капельки выпавшей влаги. Мацуи положил руки на перила и ощутил их холод. Пена прибоя под луной, казалось, светилась… Мацуи стал думать о лунном свете на воде, об отражениях звезд. Волны с грохотом разбивались внизу, скала содрогалась, и был миг, когда Мацуи ощутил себя неотъемлемой частью той самой «общей картины», которую не надеялся обозреть, — исторического пути человечества на планете и самой планеты в Галактике. Живой, пульсирующей частицей…

Спустя время он вернулся в свой заваленный книгами коттедж. Позже выяснилось, что его предположения сбылись, — Чеснатт сменил его на посту главы нескольких комитетов, но Мацуи это уже не слишком расстраивало. Он помнил, как его руки лежали на холодных перилах, а луна казалась далеким прожектором, и он ощущал себя частицей Вселенной.

Мысли начинают двигаться медленней… Или успело произойти слишком много событий, так что нас начало клонить в сон? А может быть, наш караван просто растянулся — длинная вереница тел, обломков корабля и всякой всячины: книг, одеял, инструментов, сублимированных продуктов, обрывков бумаги… да мало ли чего человечество намеревалось захватить с собой к далекой звезде. Или это греет нас приблизившееся Солнце? Постепенно проходит переохлажденное состояние, благодаря которому сохранялось сознание и взаимосвязь. Зато мы знаем, что снова набираем скорость и мчимся к центру системы, когда-то давшей нам жизнь. Мы — все четырнадцать тысяч — проделали очень долгий путь. Туда, а потом обратно. Мы забыли свои отдельные мечты, но сберегли общую. Путешествовать. Найти путь к выходу из пещеры. Заглянуть за следующий холм… Обрываются последние мысли, но мы успеваем обменяться чувством, похожим на радость. Мы возвращаемся домой…

Капитан Фремария сидела с мужем на одеяле, расстеленном на холме, который возвышался над местом будущего старта. Прожектора, освещавшие корабль, были выключены, но она знала: там, внутри, продолжают трудиться рабочие команды. Они заправляют двигатели, в последний раз все проверяют… На

рассвете старт.

— Рассматривай это просто как еще один полет, милый, — сказала Фремария мужу. — Ты же знаешь: мне доводилось летать на гораздо менее надежных машинах…

А у самой от мысли о предстоявшем задании екнуло сердце. Она прямо-таки слышала грохот реактивных двигателей… Получится ли у нее? Идея оседлать такую мощную машину никогда прежде не выглядела до такой степени крамольной. Пока шли тренировки, мысль о самом полете была отстраненно-теоретической. Однако — вон он, корабль. И часы тикают. И уже никуда не денешься. Временами Фремария чувствовала себя приговоренной.

— Не напоминай, — буркнул муж. — Я просто хочу увериться, что у тебя все будет в порядке. Вот бы какой-нибудь знак…

— Сама бы не отказалась получить его, — вздохнула она. Собственно, никто ведь ее силой в кабину не загонял. И, пока не заработают двигатели, еще не поздно будет сказать «нет».

— Если подумать, за нами ведь стоит такая история… — Муж придвинулся ближе и взял ее руку в свою. — После стольких веков человечество снова выходит в космос. Все только об этом и говорят, гадают, что будет потом. Отправимся ли мы на Луну? Или, может, на Марс? Осталось ли там хоть что-нибудь от старых колоний?… — Он фыркнул. — Ну а мне только бы знать, что ты-то благополучно вернешься…

Фремария молча кивнула. Через три часа ей предстояло явиться в центр управления полетом. Там ее начнут готовить к размещению в орбитальной капсуле. Предполагалось, что космический аппарат совершит десять оборотов вокруг Земли, после чего опять войдет в атмосферу, и, если все пойдет хорошо, Фремария посадит короткокрылый корабль на авиабазе имени Мацуи.

— Я буду не так уж и далеко, — сказала она. — Если бы туда, наверх, ходил поезд, ты добрался бы ко мне всего за пару часов.

Муж рассмеялся, но смех прозвучал вымученно.

Ветра совсем не было — первый раз за несколько недель. Фремария самым пристальным образом следила за метеорологическими прогнозами, но пока все говорило о том, что старт корабля будет происходить в идеальных условиях. Вот и теперь в ночном небе не было видно ни облачка. Неровная линия горизонта очерчивала край бездонной чаши, усыпанной первозданными звездами.

— Даже не припомню настолько ясного неба, — сказал муж.

И тут тьму над ними рассек длинный мазок зеленого света.

— Загадай желание, — сказала Фремария.

— Уже. Сама знаешь какое… — И он сильно сжал ее руку.

По небу, пылая, пронесся еще один метеор, даже ярче первого.

— Редкое явление, — заметила Фремария. — Один за другим!

Он не успел ответить — сверкнул третий, а потом и четвертый. Все они пролетели с той же стороны, что и первый.

— Красота какая, — вырвалось у него.

Фремария откинулась на одеяло, чтобы лучше видеть.

— Метеорного дождя на сегодня не предсказывали, — заметила она. — А Леониды [157] появятся еще через месяц!

Великолепный болид прочертил половину неба, прежде чем угаснуть.

Фремария прижалась к мужу, опустив голову ему на плечо… Небесная феерия продолжалась добрых два часа. Иногда метеоры вспыхивали целыми группами, а некоторые сгорали до того ярко, что даже отбрасывали тени. Потом они стали появляться все реже и реже… И наконец в небесах все опять успокоилось.

— Видела ты когда-нибудь нечто подобное? — спросил муж. — Или хоть слышала?

— Нет. — Фремария поневоле задумалась о непостижимых тайнах Вселенной. — Как хочешь, но это точно был знак!

— Точно. — Теперь он рассмеялся по-настоящему.

Фремария посмотрела на часы…

— Ну, мне пора.

Она встала и отряхнула брюки. Муж снова взял ее за руку, но мысли капитана Фремарии были уже заняты кораблем и полетом. Вновь и вновь она прокатывала в голове всю последовательность запуска. Не бывает и быть не может такого, что бы все прошло без сучка, без задоринки. Значит, в конечном итоге все будет зависеть от нее, от ее способности принять правильное решение и подчинить себе корабль. И она хотела совершить хороший полет. А потом еще и еще.

Они стали спускаться с холма к зданиям центра.

Еще Фремария размышляла об истекших столетиях. Предполагалось, что корабль «Пришествие» улетел к звездам. Получилось ли у древних? Этого никто не знал, но человечество собиралось совершить вторую попытку. И ее полет должен был приоткрыть дверь к звездам.

— Боишься? — спросил муж.

Фремария помедлила на тропинке… Корабль ждал ее. Она видела, что часть вспомогательных ферм была уже убрана. Скоро кораблю совсем ничто не будет мешать, а она усядется в

пилотское кресло и будет слушать обратный отсчет, готовая в любой миг перехватить у автоматики управление и, если понадобится, все сделать вручную. А потом — могучий рывок многотонной ракеты! И в конце разгона — блаженство невесомости. Какая легкость! Какое ощущение первого шага на долгом пути к свободе…

— Я готова, — просто сказала она.

При этих словах над ними вспыхнул последний одинокий метеор и разорвал небо своим прощальным полетом. Муж и жена следили за ним взглядами, пока он не исчез.

— Как быстро они сгорают, — сказал он.

Фремария посмотрела на свой корабль, потом снова на небо.

— Но прежде, — сказала она, — они проделывают такой долгий путь…

Джеффри А. Лэндис — Глаза Америки

Geoffrey A(lan) Landis. The Eyes of America (2003). Перевод М. Семеновой

Джеффри А. Лэндис — физик, работающий в НАСА. Недавно он принимал участие в разработках межпланетного полета с посадкой на Марсе. Кроме того, он часто публикуется в таких изданиях, как «Analog» и «Asimov's Science Fiction». Некоторые его рассказы заинтересовали «Interzone», «Amazing» и «Pulphouse». Джеффри А. Лэндис пишет немного, однако популярности у него не отнимешь. Его рассказ «A Walk in the Sun» принес ему в 1992 году премии «Небьюла» и «Хьюго». Кроме того, в 1990 году он получил «Небьюлу» за произведение «Ripples irl the Dirac Sea». Еще одного «Хьюго» удостоился рассказ «Falling Onto Mars», а «Elemental» несколько лет назад вошел в шорт-лист «Хьюго». Его первой книгой стал сборник «Myths, Legends, and True History», а в 2002 году он опубликовал свой первый роман — «Mars Crossing». Он живет с женой, писательницей Мэри Терзилло, в городке Брук-Парк, штат Огайо.

В публикуемом здесь рассказе, написанном лукавым и прозорливым пером, он знакомит нас с альтернативной Америкой, чуть-чуть рановато вступившей в век средств массовой информации…

* * *

Это был воистину год торжества просвещения, год многообещающей юности века, достойная отправная точка для будущего, год, когда люди широко раздвинули границы свободы. В двери стучалась эпоха технических чудес, посрамлявшая все рассуждения о возможном и невозможном. Человек уже послал сигналы по эфирным волнам через Ла-Манш, он укротил могучую Ниагару и заставил ее трудиться в ярме. Железнодорожные рельсы пролегли в тоннелях, насквозь пронизавших великие Скалистые горы. Америка — юный гигант — победила одряхлевшую Испанскую империю в войне, длившейся всего три месяца. Люди вслух рассуждали о воздушных кораблях, которые вот-вот полетят на Луну, о телефонах, готовых пробить бреши в туманных стенах между мирами…

Итак, стоял 1904 год. Что за новые чудеса он готовился явить

человечеству?

В комнате густыми клубами плавал дым. Собственно, так тому и полагалось быть: комнаты, где принимаются действительно важные решения, всегда безбожно прокурены.

— Чертовы демократы, — ворчал Горовиц. — Готовы похерить все, за что мы сражались!

— Да уж, — отозвался Маркус Ханна, сенатор от штата Огайо. Он являлся официальным председателем республиканской партии, Горовиц же — ее теневым лидером. — Вы утверждаете очевидное. Однако что мы имеем?

— Черт бы побрал этого коммуниста, этого анархиста, свинтуса этого! — продолжал клокотать Горовиц. — И какого рожна ему понадобилось застрелить Тедди? Тедди, мать его, сейчас нам был бы нужен, как никогда!

Леви Горовиц в кругу немногочисленных друзей и близких политических единомышленников именовавшийся «Легги», то есть «Долговязым», на самом деле был невысок ростом и тучен. На публике его видели редко, а когда видели, то неизменно с изжеванной сигарой в зубах. Скоро уже двадцать лет как Легги являлся незримой силой за спиной республиканцев — с самого 1884 года, когда с помощью тщательно отобранных и хорошо оплаченных репортеров он продвинул своего кандидата, Джимми Блэйна, в верхушку партии вместо Честера Артура.

При этом Горовиц с горечью понимал, что ему самому вершин официальной власти не видать никогда. Его нипочем не изберут — ни в этом столетии, ни в следующем. Евреев не принято избирать на высокие посты. Даже в Америке, наиболее просвещенной державе этого мира. Что ж, Горовиц успешно приспособился к существующему порядку вещей. Генералы и президенты исправно плясали под его дудку, и началось это не вчера.

— Так или иначе, Рузвельта уже не вернешь. Над покойничком шесть футов земли, — заметил Ханна. Впрочем, по его личному убеждению, республиканской партии от Рузвельта и прежде проку было немного. Уж больно ненадежен был паршивый ковбой, делавший слишком много ошибок. Стоит ли, однако, плохо говорить о герое войны, к тому же покойном?…

Ханна давно и прочно усвоил: не стоит. И он сказал:

— Лучше подберем кого-нибудь другого!

— Чертов анархист, — не унимался Горовиц. — Черт бы его побрал с потрохами!

— Уже побрал, — сказал Ханна. — Довольно об этом. Кто у нас остается?

— Чертов Брайан, чтоб ему…

— За Брайаном массы, — заметил Ханна.

— Свиное стадо! — Горовиц выплюнул сигару и растер ее ногой по полу. — Все они просто стадо свиней.

Именно такова была в кратком изложении проблема, стоявшая перед республиканской партией. Погиб Теодор Рузвельт, сраженный пулей свихнувшегося от наркотиков анархиста, и кто вышел на первый план? Уильям Дженнингс Брайан с его популистскими речами, рассчитанными на последнее быдло. При этом Брайан был совершенно неутомим: знай, носился туда-сюда по стране, перескакивая с поезда на поезд и не пропуская ни единого занюханного городишки. Он рассуждал об американском империализме как о чем-то вполне скверном. Он спрашивал слушателей, видели ли они хоть одним глазом ту «полную чашу», что обещал им Мак-Кинли. Дикция у него была великолепная, обещания сыпались как из дырявого мешка. Брайан успешно очаровывал людей — и пожинал щедрый урожай голосов. Даже Горовиц признавал, что в умении повести за собой к сияющим вершинам со стариной Брайаном трудно было тягаться. Златоуст, да еще при павлиньем хвосте. Чего стоили его фразы об «Америке, распятой на золотом кресте» или о «лемехах мира»!

Был бы он при этом еще и республиканцем, то бишь истинным патриотом, цены б ему не было. Увы, Брайан был демократом. То есть лишь немногим отличался от коммуниста. Или даже от чего похуже.

— Вот вам мое мнение, — сказал Ханна. — Надо продвигать Джона Хэя.

— Выставить Хэя против Уильяма Дженнингса Брайана?… — Горовиц отмахнулся от предложения, точно от плохой шутки, и вытащил из жилетного кармашка еще одну мятую сигару. — Да вы смеетесь. Брайан его сомнет, как страничку из прошлогоднего каталога распродаж. После чего им же и подотрется…

— Тогда, может быть, Хендерсона?

— Ни единого шанса. Никому из этих стариков против Брайана не выстоять. Нужна какая-нибудь новая кандидатура.

— Кто же, по-вашему?

— Вундеркинд, — объявил Горовиц. — Любимец Америки, маэстро электричества. — Ханна недоуменно моргнул, и Горовиц добавил: — Волшебник парка Менло…

— Вы говорите об… — Ханна аж задохнулся, — об Эдисоне?

Горовиц вытащил из саквояжа газету и бросил на стол. *ЭДИСОН УХОДИТ В ОТПУСК*, гласил заголовок. *ОН УТОМЛЕН И НА ВРЕМЯ ХОЧЕТ ОСТАВИТЬ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВО*.

— Он по крайней мере не дешевка, — сказал Горовиц. — От чего бы ему не попробовать стать президентом?

— Но… он же совсем не разбирается в политике…

Горовиц зажег сигару, глубоко затянулся и выпустил густое облако дыма.

— Оно даже и к лучшему, — проговорил он с улыбкой.

— Нет, — сказал Эдисон. — У меня другой работы полно. Даже слушать вас не желаю!

Он был уже далеко не вундеркиндом; как-никак, ему исполнилось пятьдесят пять лет. Только в глазах по-прежнему светилась неуемная энергия мальчишки, играючи познающего мир. И смотрел он на своих собеседников, как мальчишка, который тяготится наскучившим разговором и только ждет, как бы удрать играть во двор. Стильный габардиновый пиджак на нем был измят, точно он в нем спал, галстук небрежно повязан и успел съехать набок.

Горовиц пытался настаивать…

— Нет, — повторил Эдисон. — Политика меня не интересует. Знаете, джентльмены, ваши предложения более чем лестны, но, боюсь, вы пришли не по адресу.

Поднявшись, он повернулся к окну, намеренно обратив к Горовицу спину, и стал смотреть вдаль, за Ист-Ривер.

Этот жест было трудно истолковать превратно — он вежливо выпроваживал посетителей из своего офиса в Ист-Сайде. Однако Горовиц был упорен.

— Вы спятили или просто оглохли? — поинтересовался изобретатель. Он вновь повернулся к Горовицу, и на сей раз его глаза горели раздражением. — Черт возьми, я же ясно сказал «нет»! И вообще — почему я?

Наконец-то прозвучал вопрос, которого так долго ждал Горовиц.

— Знаете ли, мистер Эдисон, мистер Брайан имеет репутацию добросердечного малого, но он — человек, прочно погрязший в трясине прошлого, — сказал Легги. — Придя к власти, он благополучно пустит по ветру все наши завоевания. Во имя своего драгоценного «простого рабочего» он, ничтоже сумняшеся, низведет нас с уже завоеванных вершин обратно во тьму. Он, извините меня, глупец, причем глупец, уверенный, что его действиями руководит лично Всевышний. Между тем, став президентом, он погубит Америку!

Горовиц тщательно подбирал слова, так что Томас Альва Эдисон слышал именно то, что ему всего более хотелось бы услышать. Словесная удочка была закинута, теперь Горовиц

осторожно вываживал рыбку. Он отчаянно льстил, но лесть была очень точно дозирована и оттого незаметна.

— Наступил век науки, мистер Эдисон, — завершил он свою речь. — Ну и на что прикажете нам надеяться, если мы не сумеем заручиться водительством человека науки, причем человека с вашим положением? Мы пришли к вам как смиренные просители. Ну, сами скажите, есть ли кто-нибудь равный вам? Найдется ли человек, равный вам по прилежанию и уму? Если такой есть, скажите мне лишь его имя, и мы на коленях поползем умолять его сделаться нашим кандидатом. Ибо помочь нашему делу способен лишь великий ученый. Присоединяйтесь же к нам, мистер Эдисон… Ведите нас! Расскажите нам, как правильно руководить Америкой! Вы — наша единственная надежда.

И Эдисон медленно кивнул головой.

— Да, — сказал он. — Наступил век науки. Вы совершенно правильно выразились. Точнее не скажешь…

— Люблю выборы, — сказал Сэмюэл Клеменс. — Вот он, великий американский спектакль! Барабанный бой и трескучая болтовня, причем в количествах, которых в мире нигде больше не найдешь… К тому же всегда интересно, кто кого побьет: лицемеры дураков или дураки — лицемеров?

Сэм Клеменс сидел в парикмахерской и был, как всегда, великолепен в белом полотняном костюме. Он уже решил, что в новом столетии станет носить только белое. Это придавало ему исключительность и неизменно потрясало толпу, а Сэм был шоуменом до мозга костей, как, в общем-то, и полагается уроженцу штата Миссури.

— Будьте добры, мистер Твен, чуть-чуть потише, — попросил один из присутствующих. — Мы тут речь мистера Эдисона слушаем…

Сэм явился в парикмахерскую не ради стрижки; в тот год он как раз отращивал львиную гриву, проверяя, насколько ему пойдет такой имидж. Он собирался понаблюдать за игрой в шашки, послушать разговоры посетителей — о выборах, о чем же еще! — и, возможно, самому с важным видом вставить словечко. А то вдруг удастся подхватить какой-нибудь слух или удачное словцо, — все пригодится если не для статьи, так для устного выступления… И нате вам пожалуйста, — его натурально спихнули с подмостков. И кто же? Кукла. Говорящая кукла!

У Сэма, естественно, имелся эдисоновский фонограф, да у кого их не было. Необходимая принадлежность, последнее веяние моды. Но… эта кукла представляла собой миниатюрную — полтора фута ростом — копию самого Эдисона. И она говорила

его откровенным и простым голосом.

— Я собираюсь приставить Америку к делу, — вещал крохотный Эдисон. — Заставить ее работать. Великие достижения оплачиваются честным трудовым потом. И я так вам скажу: если Америка стала великой страной, то это потому, что мы не боимся работы!

— Ну-ну, — сказал на это Сэмюэл Клеменс. — Знаю уймищу народу, готового из шкуры выпрыгнуть и пойти на что угодно, лишь бы отвертеться от этой самой работы. Наверное, мистер Эдисон водит знакомство с какими-то совершенно иными людьми…

— Нас ждет блистательное будущее, — продолжала говорить кукла-Эдисон. — Мы будем стоять гордо и прямо…

— Что ж, приятель, честное обещание, — ответил Сэм. — Более честного я от политиков до сих пор, признаться, не слышал. — Все посетители парикмахерской при этих словах обернулись к нему, отвлекшись от говорящего Эдисона, и Сэм добавил: — Будущее от нас никуда не денется, это уж точно. Полагаю, оно наступит без особой зависимости от того, какой фигляр победит. А насчет славного — что ж, можно и свинью блистательной назвать, если очень захотеть…

По совести говоря, на самом деле Сэм еще не составил себе однозначного мнения об Эдисоне. Как изобретателем, он им восхищался, это да. Он сам себя считал отчасти изобретателем, но факт оставался фактом: на данном поприще с Эдисоном не мог равняться никто. Однако, черт возьми, о чем думал этот человек, ввязавшись, ни больше ни меньше, в президентскую гонку, да еще кандидатом от партии республиканцев?… Республиканцев Сэм ненавидел всей душой. Их империалистические идеалы вкупе с ура-патриотизмом должны были, по его убеждению, привести Америку к гибели. Неужели Эдисон был настолько слеп, что не понимал — в политику идут одни идиоты, шарлатаны и аферисты?… Впрочем, Сэму мошенники иногда даже нравились. Некоторые как рот раскроют — заслушаешься. И к тому же, не будь их, с кем бы он пульку расписывал?… Но — Эдисон?…

Он решил, что должен непременно своими глазами на него посмотреть. И хорошенько поговорить с ним. Нужно же объяснить человеку, как его подставляют!

Он невольно задумался, а играет ли Эдисон в преферанс?

Уильям Дженнингс Брайан трудился как вол. Он мотался туда и сюда по стране, иногда выступая по пятнадцать, а то и по двадцать раз на дню — на каждой остановке поезда. Исключением являлись лишь воскресные дни, когда он

ограничивался одной-единственной речью, происходившей после посещения церкви. Он тратил столько сил, что приходилось есть шесть раз в день, а группа поддержки после каждой речи вытирала его насухо полотенцами, чтобы к следующему выступлению он выглядел по возможности бодрым и свежим.

Эдисоновы говорящие куклы явились сущим наказанием. Они донесли его предвыборную агитацию до каждого салона, до каждой парикмахерской и кафе, сколько их было в Америке. Команда Брайана занялась лихорадочными поисками и выяснила, что компания «Виктор», производившая графофоны, таки могла втиснуть говорящую машинку внутрь куклы, изображавшей Уильяма Дженнингса Брайана; тем более что там использовали для записи плоскую круглую пластинку «виктрола», а не цилиндр, как у Эдисона. Соответственно, компания Эдисона подала в суд. Но пока длилось сражение юристов, куклы Брайана бились с куклами Эдисона за уши Америки.

В то лето родилось великое американское развлечение: брали обеих кукол и устраивали между ними дебаты. Кукла-Брайан объявляла крестовый поход за демократические принципы и права простого трудящегося человека против грабительской плутократии и империализма республиканцев. Кукла-Эдисон рассуждала о будущем, о том, что Америка призвана поставить весь мир на колеса прогресса и просвещения и распространить их, как ранее электричество распространило повсюду свет. (При этом, насколько мог судить Сэмюэл Клеменс, реальных проблем не поднимала ни та ни другая кукла.)

Самоновейшие записи речей расхватывали, как горячие пирожки.

— Ни одна банда грабителей поездов еще не планировала свое дело настолько тщательно и в то же время настолько бессовестно, — пищал миниатюрный Брайан, — как то ограбление, что задумано плутократией в отношении величайшей нации мира…

— Новшества, новые подходы и честный трудовой пот — вот что составило нынешнее богатство Америки, и эти качества по-прежнему живы в нашем народе, — отвечал крохотный Эдисон.

Его техническая команда сутками не вылезала из лабораторий, изыскивая все новые способы массового и по возможности дешевого производства цилиндров. Изобретались новые материалы на замену непрочному воску. Новинка следовала за новинкой; компания «Виктор» тотчас отвечала новыми графофонными дисками с записями речей Брайана.

И каждую неделю появлялись свежие записи, которыми можно было заряжать кукол.

— Эдисон побивает меня с помощью света, — сказал Брайан.

Он стоял в маленьком офисе частного железнодорожного вагона, нанятого для его избирательной кампании. Возле заваленного мягкими подушками кресла, с которого он только что встал, громоздилась большая куча газет. Брайан быстро просмотрел их все и отбросил.

— Мало того, что плутократы тратят каждый доллар, украденный у честных рабочих, — этот Эдисон еще и сулит провести электричество в каждый фермерский дом!.. То-то фермеры загодя раскупают его чудесные говорящие машинки… Естественно, он не сможет выполнить обещанное, но вот поди ты их убеди!

— Значит, надо тоже пообещать им электричество, — сказал ближайший советник Брайана. Звали его Кэлвин Калхаун. Брайан пользовался славой человека, никому не раскрывающего секретов своей предвыборной стратегии. Однако Кэл, для которого вершиной личных амбиций была секретарская работа при великом человеке, являлся одним из немногих, кому Брайан поверял свои сомнения. — Только подумайте, какая выгода для простого народа, — люди больше не будут зависеть от тирании Солнца!

— Я не стану охаивать Солнце, которое есть дар Божий, — коротко ответствовал Брайан. — И что бы ни твердили мне советчики, я не намерен морочить свой народ лживыми обещаниями. Нация разорится на одной меди для проводов! Либо придется вводить новый налог, а на это я никогда не пойду. Я твердо намерен давать исключительно выполнимые, реальные обещания!

— Есть один человек, — заметил Кэлвин, — который сказал… То есть сам я не знаю, но он утверждает, будто может передавать энергию без проводов. Он якобы научился управлять молнией…

— Кто этот человек? — спросил Брайан.

— Его зовут Никола Тесла.

— Так в чем же проблема?

— Ну… — замялся Кэл. — Кое-кто говорит, он сумасшедший…

Никола Тесла был величайшим, единственным и неповторимым соперником Эдисона в области электричества. Так, Эдисон снабдил Нью-Йорк электричеством постоянного тока. Тесла выбрал переменный ток — и с помощью мистера Вестингауза вовсю электрифицировал нацию…

Так следовало ли считать претензии безумного серба такой уж небывальщиной? Вряд ли способность повелевать молнией

составляла большее чудо, нежели автомобиль герра Даймлера, снабженный пневматическими шинами и работающий на газолине!

Тесла договорился встретиться с Брайаном в Нью-Йорке, в отеле «Уолдорф-Астория», где у него была комната. Брайан нанял для встречи небольшую гостиную с обоями в розах, напоминавших капустные кочаны, и замысловатым мраморным столом с золочеными часами, на которых красовались аллегорические фигуры Времени и Влюбленных.

— Я могу создавать, но способен и разрушать, — сказал Тесла. Он был облачен в безукоризненный костюм и рубашку с отстегивающимися манжетами, а бледно-голубой галстук был завязан сложным узлом. — Я могу заставить Землю звенеть подобно колоколу. Я могу пробудить энергию резонанса и одним щелчком… — тут он вправду щелкнул пальцами, — уничтожить здания, города, целые континенты! — Его взгляд, пронизывающий и напряженный, словно у проповедника в религиозном экстазе, почти пугал. — Я саму Землю мог бы пополам расколоть… Электричество? Я вызову с безоблачных небес молнию, и меня не опалит ее электрическое пламя. Бог? Вы говорите о Боге? Так я вам покажу Бога — Бога молний. Дайте мне мою динамо-машину — и у меня в руке окажется все могущество Бога!

— Вы кощунствуете, — спокойно ответствовал Брайан. — Если вы желаете продолжать в том же духе, будьте любезны покинуть мое общество. Кроме того, меня совершенно не интересуют ваши машины разрушения. Америка не стремится к имперским завоеваниям. Мы — мирные строители, а не сеятели раздоров!

Тесла, казалось, был на мгновение обескуражен.

— Тогда чего же вы от меня хотите? — спросил он затем.

— Вам нужна поддержка. Мне сказали, вы ищете финансовой поддержки для осуществления своих идей по выработке электрической энергии и передачи ее по Земле эфирным путем. Это так?

Тесла кивнул.

— Резонанс, — проговорил он. — Весь секрет в резонансе. Без резонанса ничто работать не будет…

— Я полагаю, — сказал Брайан, — что если не будет проводов, то не будет и счетчиков. А без счетчиков электричество станет бесплатным для всех. Соответственно, ваши замыслы не сулят заманчивой финансовой отдачи, а потому и не находят поддержки ни у одного из наших финансистов!

— Что верно, то верно, — с горечью кивнул Тесла. — Должен

признаться, вы попали в самую точку!

— Помогите же мне выиграть эти выборы. — Глаза Брайана вспыхнули всей силой его искренности. — Помогите мне выиграть, и я обещаю, что ваши электропередающие башни будут построены!

— Сэр, я к вашим услугам, — поклонился Тесла. — Если вам требуется помощь изобретателя, можете более не опасаться Эдисона, ибо в этом отношении он мне не ровня. Просто скажите мне, что вам требуется, и я послужу вам всем, чем только смогу!

— Тесла? Шарлатан и мошенник! — сказал Эдисон.

Теперь он щеголял в стодолларовом шелковом костюме и сидел за столом красного дерева, увенчанном мраморной столешницей. Галстук у него, впрочем, сидел по-прежнему набекрень. Возможно, оттого, что недавно изобретатель прикорнул за этим самым столом.

Горовица не убедили эти слова. Ко всему прочему Эдисон оказался даже менее управляемым, чем до него Рузвельт. У «вундеркинда» было слишком много собственных идей, а некоторые замашки отдавали погибельным прогрессивизмом. Впрочем, все лучше, чем возможность победы этого популиста Брайана!

— Забудьте про Теслу, — сказал Эдисон. — Он наобещает им звезды с небес, возьмет деньги и ничего, кроме мыльных пузырей, не породит. Уж поверьте мне, я-то знаю. Он одно время у меня работал… сплошные неприятности, да и только. Никак не желал понять, что научные исследования — это дисциплина и методические эксперименты. Человеку без внутренней дисциплины в электричестве нечего делать. То, что создает Тесла, — это игрушки, шутихи на потеху толпе. Какой из него изобретатель? Эфирные силовые лучи, которые он собирается рассылать, — чепуха и еще раз чепуха, полная и окончательная. Невежда и жулик! С этими лучами кончится так же, как и с его ценнейшим электричеством переменного тока. Когда-нибудь они начнут убивать тех, кто станет ими пользоваться. Попомните мои слова: силовые лучи начнут убивать людей!

Сообщение о том, что Тесла присоединился к предвыборной кампании Брайана в качестве «советника по электричеству», так и гремело в новостях. Ушлые журналисты явно надеялись подогреть давнишнее соперничество двоих изобретателей. Они без конца вспоминали славные дни былых войн эдисоновского постоянного и тесловского переменного тока. Быть может, Эдисону стоило бы угробить кое-кого электрическим разрядом, как он, бывало, делал в те давние деньки?…

Все это добавляло головной боли Горовицу. Тесла ведь выиграл-таки ту битву. Ну, если не он сам, так его патрон, мистер Вестингауз, выиграл точно. И можно было только гадать, какие еще козырные тузы спрятаны в рукаве у мистера Теслы. Этот человек был воплощением худших кошмаров Горовица. Выскочка-иммигрант, причем несомненно нахватавшийся идей реформаторов и анархистов… Тут необходимо заметить, что о своем происхождении Горовиц предпочитал скромно умалчивать. В особенности о том, как прибыл когда-то в Америку на руках у родителей-иммигрантов и вообще не говорил по-английски лет до шести. Он был, черт побери, американцем! То есть абсолютно ничем не хуже всякого там Пирпонта Моргана и Эндрю Карнеги. И ничего общего не имел со всеми этими грязными, вечно голодными иммигрантами, обитателями пропитанных чахоткой задворок!..

Но вот Эдисон, кажется, отнюдь не тревожился по поводу Теслы. Соответственно, и Горовиц позволил себе слегка успокоиться и начал обдумывать, как станет управляться с Эдисоном. Ученый был таким же упрямым и непокорным лосярой, как прежде него Рузвельт. Значит, без определенной дозы лести, хитрости и потакания дело не обойдется!

В пятидесяти милях от него на ту же тему — о Тесле — разговаривали Сэмюэл Клеменс и Сара Бернар.

Сэму так и не удалось лично повидаться с мистером Эдисоном. Когда он явился брать интервью, появился непонятный тип по фамилии Горовиц и мурыжил его добрых полчаса, подробнейшим образом расспрашивая о Филиппинах и о тресте «Стандард Ойл». Что ж, по обоим этим вопросам у Сэма имелось вполне определенное мнение, которое он и высказал без обиняков. Не обошлось без некоторого самолюбования — вот, мол, как я владею материалами последних новостей, как остроумно умею их подать! Одна беда: по окончании блистательной говорильни Горовиц повел его не к Эдисону, а к какому-то клерку в приемной. И тот доходчиво объяснил Клеменсу, что мистер Эдисон страшно занят, а посему приема посетителей не предвидится ни в этом месяце, ни в следующем… ни, если уж на то пошло, в текущем году.

Однако в целом избирательная гонка выдалась на диво азартной, так что Сэм от души ею наслаждался. Так, в минувшее воскресенье команда Брайана порадовала любопытных прохожих замечательным оптическим шоу, устроенном в Мэдисон Гарден. Пылали кальциевые лампы, высвечивая над городом изображение Брайана высотой в три этажа. Не подкачал и оператор

проекционного фонаря, так ловко менявший стеклянные пластины, что иллюзорный кандидат в президенты, казалось, махал собравшейся публике. Возможно, это шоу и не затмило «кинетоскопических картин», которые сторонники Эдисона то и дело показывали в специально нанятых танцевальных залах, но по крайней мере свидетельствовало: игра идет отнюдь не в одни ворота. Предметом же упомянутой кинетоскопии был, естественно, мистер Эдисон в окружении необыкновенных электрических чудес, — зрителям как бы предлагалось одним глазком заглянуть в мир будущего, который он собирался выстроить.

Когда газетные заголовки сообщили о том, что Тесла взялся поддерживать Брайана, Клеменс радостно потер руки. Так уж случилось, что в бытность свою в Нью-Йорке он водил дружбу с молодым сербом; то-то занятно будет теперь посетить безумного укротителя молний и хорошенько порасспросить о его отношении к нынешним выборам!

Знала Теслу и знаменитая французская актриса Сара Бернар. Сэм встретился с нею в поезде. Она тоже направлялась в лабораторию Теслы в Лонг-Айленде. На станции актриса наняла электрическую коляску и пригласила Сэма проехаться вместе. Естественно, всю дорогу они говорили о своем общем знакомом и о политике. И вот, миновав крыльцо, с которого взлетела разом дюжина голубей, они оказались в вестибюле лабораторного корпуса, где работал Тесла.

— Безумный шляпник, да и только, n'est pas? [158] — сказал Сэмюэл Клеменс, кивая на дверь. Это была самая что ни на есть непримечательная дверь с простой латунной табличкой, гласившей: «*НИКОЛА ТЕСЛА. ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ*». — А вообще-то парень презанятнейший. И как только он ладит с этим надутым педантом Брайаном, вот что интересно бы знать?

— На самом деле никакой он не сумасшедший, — с изысканным французским прононсом ответствовала Сара Бернар. — Он эксцентричен, да, но ни в коем случае не безумен. Ему просто присущи порывы энтузиазма более сильного, чем обычно встречается у людей. Когда к нему приходит идея, он не может просто так выбросить ее из головы, он должен немедленно бежать в лабораторию и попробовать ее воплотить. Он сам мне рассказывал: пока работаешь над одной идеей, в голове возникает следующая, а за ней еще и еще, причем с такой скоростью, что отработать их все просто невозможно физически!

Сэм при этих словах невольно подумал, что госпожа Бернар и сама из тех, кто балансирует на грани здравого рассудка. Уж ее-

то эксцентричность ни в коем случае не исчерпывалась «нормальными» капризами примадонны! Так, она всегда настаивала на путешествиях в личном железнодорожном вагоне; одной из причин тому была необходимость повсюду возить с собой гроб, в котором она спала во время своих мигреней. Злые языки утверждали, что якобы этот гроб временами служил еще и альковом, а впрочем, чего только не болтают о ярких и талантливых женщинах!

Что же касается ее отношений с Теслой… «Мы всего лишь друзья, — с ледяным высокомерием обронила госпожа Бернар, когда ее уже совсем достала одна из газет Херста, жаждавшая подробностей. — Он меня забавляет…»

Сэм, для которого взаимоотношения Теслы с женщинами были загадкой, подозревал, что именно так дело и обстояло. Во всяком случае, чего бы изначально ни хотела от него актриса, вряд ли они с нею продвинулись дальше слов. Сэму довелось когда-то нечаянно тронуть Теслу за руку, и тот в ужасе шарахнулся прочь. Похоже, у изобретателя была фобия прикосновений…

— Я вот все думаю, он по-прежнему такой оригинал, как раньше, или поуспокоился? — вслух поинтересовался Сэм. И позвонил в дверь.

Им открыл мистер Кзито, помощник Теслы. Поздоровавшись с гостями, он пригласил их в лабораторию.

Это было обширное, скудно освещенное помещение — пустая скорлупа здания с голыми балками и потолком в тридцати футах над головой. Повсюду виднелись динамо-машины, трансформаторы, переключатели, замысловатые сплетения медных проводов…

Никола Тесла обернулся навстречу вошедшим. Сэм Клеменс сразу отметил, что со времени их последней встречи он сильно исхудал. Тесла всегда отличался стройностью, но теперь былое изящество переросло в прямо-таки пугающую худобу. «Живу на хлебе и воде, да только хлеба нет, — бывало, говаривали землекопы. — Прям и строен, как стрелки в шесть часов!»

Впрочем, он был по-прежнему очень хорош собой. Как раз от такой красоты и сбиваются с ритма женские сердца… Подумав об этом, Сэм украдкой покосился на Сару Бернар.

— Ах, мистер Твен, — сказал Тесла с улыбкой. — Как славно, что вы смогли меня навестить!

— Просто Сэм, — поправил Клеменс старого друга.

— И несравненная мадемуазель Бернар… — Тесла низко поклонился актрисе, после чего приветствовал ее столь стремительным водопадом французских слов, что Сэм просто не

успел ничего разобрать. А изобретатель обратился сразу к обоим: — Это воистину радость и честь для меня — удостоиться посещения светил сцены и пера. Замечу, что журналисты в мою лабораторию не допускаются, но для вас, мистер Твен, я с удовольствием делаю исключение!

— Я тоже рад видеть тебя, Ник, — сказал Сэм. Для него это был своего рода ритуал. Если Тесла пожелает непременно звать его «мистером Твеном», так и шут с ним, пусть зовет, а он все равно будет обращаться к нему «Ник». — Я, кстати, пришел просто как частное лицо, а не как журналист. Я, знаешь ли, больше не сотрудничаю в газетенках. Не денежное это занятие!

— А мисс Бернар?

— Я пришла просто повидать вас, мистер Тесла. Повидать вас и насладиться вашим обществом и беседой!

И она улыбнулась изобретателю. Сегодня она была облачена в самый простой костюм, а из украшений надела лишь скромное серебряное ожерелье, пренебрегая даже серьгами. Подобный наряд должен был прийтись по вкусу Тесле, презиравшему серьги и пышные женские платья.

Тесла на миг замешкался, потом сказал:

— Вы очаровательны, как всегда.

— Итак, Ник, что ты думаешь о мистере Брайане? — идя следом за ним внутрь лаборатории, спросил Сэм. — Ну и трескучий же говорун, верно?

— Трескучий говорун? — Тесла даже придержал шаг, обдумывая его слова. — Можно и так сказать… Тем не менее у него душа поэта.

— Ничего себе! — рассмеялся Клеменс. — Душа поэта! Ну ты, однако, загнул!

— Он человек мира, — сказал Тесла и покачал головой. — Не науки… — И покосился на Клеменса: — А вы? Сами-то вы что думаете о мистере Брайане?

— Я? Ты же, наверное, помнишь: я в целом политиков не особенно жалую. Всевышний создал сперва головастиков, потом политиков, и они получились практически одинаково скользкими и безмозглыми, сразу и не отличишь! Вот только головастик в один прекрасный день может стать симпатичной лягушкой, а политик… политик никем уже не станет. — Он умолк и изобразил глубокую задумчивость. — Впрочем, лично мне мистер Брайан до сих пор еще не лгал, к тому же, судя по всему, он стоит за маленького человека против разбойников и грабителей, что правят страной на сегодняшний день… Так что, по мне, он всяко уж не хуже других. Однако, будь он здесь, в этой комнате, я бы все равно повнимательней присматривал за своим кошельком!

— Вы все такой же циник, мистер Твен.

Сэм кивнул.

— Не могу же я разочаровывать свою аудиторию!

— Желаете посмотреть лабораторию?

Сэм развел руками.

— А зачем же я сюда пришел?

— Конечно, желаем! — сказала мисс Бернар. — Я сгораю от нетерпения!

— Один момент… — улыбнулся Тесла.

Потянувшись куда-то в потемки, он быстро щелкнул тремя выключателями. Раздалось едва уловимое гудение, и от длинных стеклянных трубок, расположенных там и сям по лаборатории, начало распространяться сияние. Одни трубки светились чисто белым, другие лиловатым, третьи — розовым светом. Некоторые были закручены в хитрые спирали и завитушки. Тесла взял одну из трубок, лежавшую на скамейке, и поднял над головой. Розовый свет внутри разгорелся ярче, переливаясь вокруг ладони изобретателя.

Сэм вполне отдавал себе отчет, что Тесла выпендривается. Лампы Эдисона нуждались в проводах, лампы Теслы — нет. Сэм, впрочем, уже видел когда-то светильники Теслы, наполненные разреженным газом, и теперь следил больше за выражением восторга на лице мисс Бернар. Еще он думал о том, что люминесцентные лампы Теслы — это, как ни крути, нечто выдающееся. И гамма цветов у них гораздо более приятная, чем резкая желтизна лампочек Эдисона. Оставалось выяснить, можно ли придавать трубкам Теслы любую форму, какую душа запросит. Можно ли, к примеру, заказать стеклодуву трубки в виде букв, из которых потом удастся составить слова? Вот это было бы да! Взять и соорудить светящуюся ярко-красную или фиолетовую вывеску. Захотел — и получилось «Обедайте у Джо». Или «Голосуйте за Брайана»…

«Вот то-то и оно, — невольно подумалось Клеменсу. — А ведь именно так они и поступят. И тем самым начисто испортят всю магию. Так что лучше мне оставить при себе эту идею…»

Тесла вручил ему одну из ламп — крохотную, помещавшуюся на ладони.

— Хитрая штучка, — повертев в руках, сказал Клеменс. — Для чего она?

— Неужели не достаточно того, что она просто есть? — улыбнулся Тесла. — Впрочем, смотрите…

Подобные лампочки были во множестве укреплены на деревянном щите, образуя прямоугольную решетку. Тесла повернул верньер трансформатора, и половина лампочек ожила,

наливаясь густым кровавым багрянцем.

— Смотрите! — велел Тесла.

Он приглушил свет ламп, повернул другой реостат, и вторая половина лампочек засветилась изумрудной зеленью.

— Миленько, — сказал Сэм.

— Погодите. — Тесла взялся за оба реостата одновременно, так что вспыхнул весь щит… но не зеленовато-красным и не красновато-зеленым — хлынул свет лимонно-желтого тона!

— Ух ты! — вырвалось у Сэма Клеменса. Он невольно шагнул вперед, чтобы присмотреться поближе. И точно: вблизи было отчетливо видно, что часть лампочек горела красным, а другая — зеленым, но стоило чуть отдалиться, и свет смешивался, окрашиваясь желтым. — С ума сойти! — восхищенно прокомментировал Сэм. — Такого я еще не видел!

— Смотрите дальше. — Тесла перешел к целой панели ползунковых регуляторов, его тонкие пальцы забегали по ним, как по клавиатуре органа. Разноцветные огни заплясали, по щиту пронеслись желтые и красные тени, потом изогнутые кривые… расширяющийся прямоугольник… бегущие диагональные полосы. Угасал красный цвет, и его место занимал зеленый. В целом пляска огней производила эффект наподобие гипнотического. Вот световая точка превратилась в ромб, внутри его возник еще один, потом еще и еще… Ромбы расширялись, достигали края щита и исчезали, сменяя друг друга.

— Вы создали симфонию, друг мой, — проговорила Сара. — Симфонию света!

В ответ пальцы Теслы запорхали еще быстрей, и послушные огни разразились бурей красок почти чувственного свойства. Наконец изобретатель все выключил и с поклоном повернулся к гостям:

— Вам понравилось?

— Это было великолепно! — Голос Сары звенел от восторга. — Я видела истинную работу художника, излияние души поэта, который сделал электричество своей палитрой!

— А мне можно попробовать? — попросил Сэм.

Ему пришлось попрактиковаться, и все же довольно скоро он сумел нарисовать светящиеся буквы. После чего ценой не малых усилий все-таки вывел: СЭМ. Тесла и Сара Бернар хором громко произносили каждую букву, возникавшую на щите.

— Полагаю, мальчикам-наборщикам покамест еще не о чем беспокоиться, — проговорил он с улыбкой. — Тем не менее игрушка потрясающая. Ты еще не прикидывал, кому бы ее продать? Полагаю, на Уолл-стрит ее с руками оторвут — биржевые котировки высвечивать…

— Там, где человек электричества видит электрический свет, деятель пера усматривает буквы, — заметил Тесла. — А вы, мадемуазель? Voulez-vous [159] попробовать? Что увидит королева сцены?

Долго уговаривать не пришлось. Взявшись за рычажки, Сара Бернар вскоре породила схематичную фигурку человека. Предельно сосредоточившись, она добилась даже того, что нарисованный человечек помахал им рукой. Тесла и Клеменс в восторге покатывались со смеху. А Сара, ко всеобщему изумлению (да и к своему собственному, кажется, тоже), заставила человечка выпасть из прямоугольника.

— Полагаю, дама вас все-таки превзошла, мистер Твен, — объявил Тесла. — Одно изображение воистину стоит тысячи слов! Зря ли говорят: лучше один раз увидеть, чем…

— Пожалуй, эта штука не слишком превосходит по зрелищности кинетоскоп Эдисона, — сказал Клеменс. — Но какое дивное развлечение!..

И понял, еще не договорив, что упоминать Эдисона определенно не стоило. По счастью, Тесла, услышав имя заклятого соперника, лишь отмахнулся.

— Думаю, — сказал он, — Эдисон ничего стоящего уже не изобретет.

— Вот как? А почему?

— Когда он станет президентом, у него не останется времени изобретать! — Клеменс удивленно поднял брови, и Тесла пояснил: — Ах, мистер Твен, я, наверное, провожу слишком много времени в лаборатории, но все-таки не все газетные новости пролетают у меня мимо ушей. Не далее чем через неделю кинетоскопы Эдисона будут стоять в каждом танцевальном зале и в каждой воскресной школе Америки, так что мистер Эдисон сможет лично обратиться к каждому избирателю. При таком раскладе победа мистера Брайана навряд ли возможна… если только не вмешается чудо!

— И какое же чудо необходимо, чтобы мистер Брайан выиграл выборы? — спросил Сэм. При этом он возился с устройством Теслы, пытаясь изобразить нечто такое, что побило бы машущего человечка мисс Бернар.

— Что-нибудь, что превзошло бы кинетоскоп мистера Эдисона.

Сэм Клеменс наконец разобрался в тонкостях работы рычажков, и на светящемся щите возникла нарисованная физиономия. Глаза сперва представляли собой точки, потом разрослись в маленькие квадратики. Появились брови и рот в виде буквы «О».

— Ты бы поработал с этой штуковиной, Ник, — сказал Сэм, и в порыве вдохновения ему удалось заставить нарисованную рожицу открывать и закрывать рот в такт своим словам. — Бьюсь об заклад, ты сумеешь создать нечто выдающееся!

Окончание агитационного выступления в том городе вылилось в шумный, красочный праздник. Состоялся конный парад ветеранов Гражданской войны в полной армейской форме. Играло по меньшей мере пять духовых оркестров, а следом за ними проехало штук пятнадцать повозок, — Сэм Клеменс предположил, что на них восседали мэры и мелкие политики, вероятно рассчитывавшие, что на них как бы осядет яркая мишура сегодняшнего торжества. Пешим строем, сияя медными пуговицами, прошло несколько сот человек в высоких цилиндрах, причем каждый — смотрелось это довольно нелепо — обмахивался пальмовым веером. За ними последовал женский хор; певицы стояли на открытой колесной платформе, разукрашенной каскадами белого, красного и синего шелка. Платформу тянула четверка взмыленных лошадей в разукрашенной цветами сбруе. Брайан одну за другой пожимал тянувшиеся к нему руки — а этих рук, казалось, были несчетные миллионы — и все старался поберечь почти уже сорванный голос.

— Все-таки нет на свете лучшего развлечения, чем политическая кампания, — заметил Сэм, обращаясь к мисс Бернар, в чьем обществе он снова проводил день.

Никола Тесла пообещал им показать нечто совершенно особенное, и Сэм гадал, что же именно это будет. Между тем вовсю били барабаны, тромбоны разом выводили пять разных мелодий, ну а лошади ржали и фыркали вразнобой со всеми пятью. Не было никакой возможности расслышать даже голоса женского хора, — плакат, кстати, утверждал, что это был Пресвитерианский хор Морристауна, — разве только на долю мгновения, когда время от времени смолкали духовые.

Сэм и актриса стояли на особом возвышении вместе с полудюжиной других важных гостей. Сегодня мисс Бернар была определенно в своей стихии; во всяком случае, она облачилась во вполне вызывающее пурпурное платье и замысловатую шляпу, увенчанную фиолетовым страусиным пером не менее трех футов длиной. Наслаждаясь происходящим, она махала толпе и весело улыбалась. Сэму тоже льстило внимание, но его мысли были заняты иным: он предпочел бы, чтобы организаторы скорее приступили к шоу Теслы… в чем бы оно ни заключалось. Сэм был в белом полотняном костюме, ставшем уже узнаваемым, в белой же панаме и ковбойском галстуке с зажимом, усеянным

бриллиантами. Галстук был подарком от почитателя из Невады.

Никола Тесла сам проводил их до подиума. Там он постоял некоторое время, бесстрастно взирая на толпу, а вокруг него порхали голуби. Потом изобретатель удалился вместе со своим помощником, мистером Кзито, и только пообещал, что, если гости останутся до захода солнца, их будет ждать сюрприз.

И вот день, по всей видимости, склонился к закату. Более определенно Сэм не взялся бы сказать, поскольку погода стояла пасмурная. Мистер Брайан медленно пробирался в их сторону, продолжая безостановочно пожимать руки. Наконец он достиг подножия платформы и поднялся наверх по деревянным ступенькам, не забыв обменяться рукопожатиями с важными приглашенными.

— Рад вас видеть, мистер Марк Твен, — сказал он. — Я большой почитатель ваших работ, да, очень большой почитатель. Приятно видеть, что вы с нами в нашем богодухновенном труде…

— Зовите меня просто Сэмюэлом, мистер Брайан, — отозвался Сэм. — Богом клянусь, до чего же приятно в кои веки раз встретить политика, от которого не смердит враньем, черт подери! Задайте жару им всем!

Брайан на мгновение нахмурился, как если бы речи Сэма оскорбили его самые сокровенные чувства, но, передумав, он лишь сказал:

— Я вижу, вы и в жизни соответствуете своей репутации… — И повернулся поцеловать ручку мисс Бернар: — Душевно рад встрече с вами, мадам… Enchante [160]!

Между тем позади них происходило нечто странное. Краны и лебедки начали поднимать какие-то леса, по балкам которых тянулись в тысячу рядов лампочки Теслы. Когда люди увидели непонятные приготовления, толпа загудела, а Сэм услышал, как где-то поодаль ожила и деловито запыхтела паровая машина. Лебедки отработали и остановились, поставив вертикально квадратную конструкцию не менее пятнадцати футов высотой.

Мистер Кзито тем временем установил перед Уильямом Дженнингсом Брайаном хитрое приспособление, состоявшее из линз и вращающегося диска. Эдисоновская кинетоскопическая камера?… Нет! Нигде не было видно бобин кинетоскопической пленки. Зато к электрическому экрану, возвышавшемуся за спиной кандидата, тянулись толстые жгуты проводов… Что-то будет!

— Брай-ан! Брай-ан! Брай-ан! — нараспев скандировала толпа.

Кандидат в президенты вскинул руку, но голоса только сделались громче.

Потом Брайан начал говорить… И его голос разнесся над обширной площадью гулко, точно гром в горах. Или глас Божий. «Черт меня побери, — пронеслось в голове у Сэма, — если это не Тесла выдумал способ электрически усиливать голос!»

Толпа замерла, ошарашенно и благоговейно внимая.

Но электрическим усилением голоса дело не кончилось. В действительности это был самый меньший из сюрпризов, ибо за спиной кандидата разгорелась и вспыхнула гигантская матрица. Десять тысяч лампочек переливались волнами яркого цвета. Люди ахнули все разом, полагая, что увидели наивысшее чудо электричества, но и это оказалось всего лишь прелюдией, ибо пляска цветов постепенно успокоилась, и на экране возникло размытое изображение.

Сначала трудно было понять, что же это такое. Слишком непривычным было зрелище, ведь человеческий глаз еще никогда ничего подобного не видел. Однако потом… Лицо? Несомненно, на экране появилось лицо. И это было лицо Уильяма Дженнингса Брайана! Люди в толпе снова начали переговариваться и наконец дружно взревели от восторга. Вот теперь всем было все ясно. Им показали картину, нарисованную светом десяти тысяч лампочек. И эта картина жила, она двигалась! Вот Брайан заговорил, и в такт мощному электрическому голосу зашевелились на экране губы.

— Ну как, устройство работает? — спросило огромное изображение. — Бог свидетель, я себя слышу!.. Мистер Тесла, вы действительно гений!

«К подобному чуду еще бы да великие слова…» — мысленно поморщился Сэм. Мистер Брайан поистине упустил неповторимый шанс. Мог бы заранее приготовить что-нибудь подходящее к случаю. Например: «Чудны дела Твои, Господи!»

Тем не менее толпа разразилась смехом и одобрительным ревом, а Брайан продолжал говорить как ни в чем не бывало, и электричество усиливало его голос, а полыхающее изображение переливалось и двигалось.

— Леди-хористки и джентльмены-оркестранты, ветераны войны и народ великого штата Нью-Джерси! Я приехал к вам со смиренной просьбой о помощи. Мне нужно немногое… Отдайте за меня свои голоса, и вместе мы приведем нацию к величию, которое в своей беспредельной мудрости задумал и предначертал нам Господь!

Все взгляды были прикованы к иллюзорному изображению, производившему поистине гипнотический эффект…

Сообщения о движущихся картинах Тесла разлетелись

мгновенно, все кругом о них только и говорили.

«Небывалое в истории искусство управления светом! — писала газета «Геральд». — Мистер Тесла утверждает, что вскоре освоит способ передавать свои картины посредством эфирных лучей. Он собирается назвать свои передачи «телевидеон», сиречь «дальновидение»…»

Горовиц отшвырнул газету.

— Если Тесла способен передавать свои картинки электрическими лучами, Брайан начнет выступать даже в тех городах, которых сроду не посещал! — объявил он. — Это затмевает к чертям собачьим и говорящих кукол, и даже кинетоскопы! Он нас разгромит со счетом десять — один! Нет, сто к одному!.. Сколько экранов телевидеона он может сделать?

— Каждый такой экран наверняка очень дорого стоит, — отмахнулся сигарой Маркус Ханна. — Я слышал, каждая лампочка, наполненная разреженным газом, стоит около десяти центов. А сколько их в каждом экране? Тысяч по десять. Значит, каждый экран обойдется в тысячу долларов. При таких ценах они не смогут печь их как пирожки!

— Не забывайте о мистере Вестингаузе, — сказал Горовиц. — Не секрет, что за спиной Теслы стоит именно он. А этот хитрый старый лис — опытный фабрикант. Так что, если существует возможность снизить стоимость, он эту возможность найдет!

Так оно и случилось. На заводах нижнего Ист-Сайда Вестингауз уже приставил женщин к сборке крохотных лампочек Теслы, а дети ловкими, быстрыми руками набирали из них экраны. Идея передавать картинки телевидеона с помощью беспроводной телеграфии Маркони была, конечно, безумна… вот только Вестингауз давно уже не отмахивался от безумных полетов фантазии своего протеже. И к тому же не следовало забывать о телеграфных линиях, тянувшихся по Америке во всех мыслимых направлениях — к каждому городу и городку, к каждому железнодорожному полустанку…

Томас Эдисон узнал о телевидеоне из утренних газет, находясь по предвыборным делам в штате Висконсин. Известие весьма удивило его… Однако никому еще не удавалось утереть нос Эдисону да с тем его и оставить. Он тут же отбил длинную телеграмму в Вест-Оранж, в лабораторию, отдавая распоряжения об исследовании разных сортов фосфора для своей электронно-лучевой трубки. Сам же как только мог свернул и урезал поездку и уже через неделю устремился обратно в лабораторию, чтобы с головой окунуться в работу. Обычно он довольствовался двумя-

тремя часами сна в сутки, но, когда ему бросали вызов и его честолюбие бывало задето, вовсе переставал тратить время на сон. Еще в поезде он принялся всесторонне изучать телевидеон и разбираться в его работе. И очень скоро сформулировал кое-какие идеи по его улучшению и усовершенствованию. Если идеи окажутся верны, очень скоро он соединит электронные лучи с технологией флюороскопа… и сделает лучевую трубку, работающую на эффекте Эдисона. Она будет обладать разрешением, многократно превосходящим моргающие лампочки Теслы. Достаточно будет один раз посмотреть на экран творения Эдисона, чтобы осмеять и забыть грубые точечные картинки телевидеона!

Еще день-другой, и у него будут готовы первые патенты. И вот тогда-то посмотрим. Если Тесла в самом деле хочет войны изобретений — он ее получит!

— Сэр, мы внимательно следим за вашими рейтингами, и… в общем-то… дела не особенно хороши…

— Вы о рейтингах, молодой человек? — обернулся к помощнику Уильям Дженнингс Брайан. — Поясните, будьте любезны!

— Я о том, сэр, как люди воспринимают ваше шоу.

Брайан склонил голову набок и нахмурился.

— Отважусь заметить, — сказал он затем, — некоторые люди действительно считают политику разновидностью шоу, но, уверяю вас, молодой человек, шоуменом я никогда не был и становиться не собираюсь. И если уж говорить о шоу, то мое — шоу правды, и только!

Воскресенье было у него традиционным днем отдыха. И в данный момент он как бы отдыхал в своем собственном железнодорожном вагоне. Но «выходной день» всего лишь подразумевал отсутствие в том же вагоне репортеров с камерами и блокнотами. Брайан слишком хорошо знал, что серьезным политикам до ноября о каком-либо настоящем отпуске не приходится и мечтать. Так что молодому человеку определенно не следовало бы нарушать его уединение. Тем не менее телевидеонная команда сегодня целый день спорила о чем-то в своей подсобке, так что Брайан, в общем, ждал: рано или поздно кто-нибудь из них ввалится к нему и начнет говорить. Что ж, быть по сему… Брайан отложил перо и повернулся к молодому помощнику.

— Вот в том-то и проблема, сэр, — проговорил тот. — Вы не шоумен. Мы уже неделю ведем телевидеонное шоу… — Брайан поморщился, и помощник невольно прикусил язык, но потом

отважно продолжил: — Простите, сэр, но так все в нашем штабе называют то, что мы делаем. Шоу, и все тут. А где шоу, там обязательно рейтинги, и мы за ними следим. И, понимаете ли, сперва какое-то время популярность держалась на новизне телевидеона, но теперь все начали привыкать, так что ваши речи… Собственно, вы правы, политика — это не шоу. Но… э-э-э… получается очень уж…

— Скучно, — подсказал Брайан.

— Вот именно, сэр. Скучно.

— Мои речи, — продолжал Брайан, — слишком затянуты.

Молодой человек не заметил сарказма и обрадованно закивал:

— Точно, сэр. Бодяга… — Вид неожиданно посуровевшего кандидата в президенты заставил юношу вздрогнуть, и все-таки он договорил: — Это мнение всех наших людей, сэр. Бодяга.

Брайан со вздохом поинтересовался:

— И чего бы вы хотели?

— Не настолько длинных проповедей, сэр. Вы могли бы по крайней мере излагать свои мысли более короткими фрагментами? Так зрителям будет их легче усваивать…

— Я об этом подумаю.

— Сэр, если…

Брайан вскинул ладонь.

— Довольно. Я сказал: я подумаю. И хватит об этом. А теперь оставьте меня.

Когда помощник удалился, Брайан хмуро свел брови. Итак, зрители полагали, что он разводит бодягу, вместо того чтобы их развлекать. Так чего же они, спрашивается, хотят? Реальных политических реформ? Или трескучей показухи?

Вот это без преувеличения был вопрос вопросов: чего на самом деле хочет народ. Брайан знал, в чем *нуждались* американцы. В реформах, в отмене железнодорожных монополий, в обращении к Богу. Но чего этот народ *хотел?* Когда-то Брайан думал, что лидер должен уметь выражать народные чаяния. С тех пор, проведя немало лет в политике, он на многое успел посмотреть другими глазами…

Но потом к нему в кабинет вошел преподобный Конрой, и Брайан, привстав, искренне улыбнулся ему.

— Входите, отец Конрой. Очень рад вас видеть!

Священник снял шляпу.

— Сердечно благодарю. Вы так великодушно согласились уделить мне толику времени…

Брайан рассмеялся в ответ.

— То же самое я могу сказать и про вас! Человеку духовного

звания не так-то просто покинуть свою кафедру. Поверьте, я вполне осознаю оказанную мне честь.

— Я слышал ваши речи, — начал преподобный, — и полагаю, что вы — воистину человек Божий.

— Прилагаю все усилия, святой отче.

— И поверьте мне, это удается вам в большей степени, нежели большинству. В частности, моя паства не отказалась бы вас послушать… хотя бы в порядке отвлечения от моего собственного занудного бормотания. Позвольте спросить, у вас уже есть название для проповеди, которую вы у нас проведете? И надеюсь… там не будет политики?

— Естественно, вы вправе спросить. Я собираюсь поговорить об Угрозе Эволюции.

— А-а, об этих обезьяньих проблемах! — Лицо преподобного расплылось в широкой улыбке. — Как же, как же, я наслышан о том, какой вы боец. И, скажу вам, медведь так не радуется сочному арбузу, как я — возможности послушать, как вы в пух и прах растопчете этих надоедливых атеистов! — И он с большим чувством пожал Брайану руку. — Сгораю от нетерпения, право же, сгораю от нетерпения!

— Могу ответить вам тем же, — сказал Брайан. — После целой недели в окружении подхалимов, карьеристов и шакалов от прессы провести несколько часов в обществе простых набожных христиан — чем не блаженство!

Проповедь Брайана имела невероятный успех. Он прочно завладел вниманием аудитории, поочередно заставляя своих слушателей гневаться и разряжать напряжение смехом, — и так добрых два часа подряд. О чем они там говорили, эти телевидеонщики? О коротеньких фрагментах, которые людям якобы проще усваивать? Но вот же они — его люди. Простые, верующие в Господа фермеры и рабочие Америки. Не какие-то там атеисты с агностиками, что заправляют нынче в политике!

И даже когда он кончил говорить, они долго не хотели расходиться. Они окружили его, и каждый желал непременно пожать ему руку и лично рассказать о том, как ему понравилась проповедь. Они даже предлагали ему деньги на организацию борьбы с дарвинизмом. Эти деньги Брайан переадресовывал в церковную кружку для пожертвований. Нашелся, правда, и один защитник обезьяньей теории — серьезный молодой парень с навощенными усами. Он возымел желание поспорить с Брайаном, но тот быстренько поставил его на место, несколькими умело подобранными фразами выставив своего деревенского оппонента на всеобщее посмешище.

И вот наконец-то преподобный Конрой смог увести Брайана в свой личный офис для отдыха и общения.

— Замечательно вы говорили, мистер Брайан, — сказал священник. — Кажется, лучшей проповеди я в жизни своей не слыхал!

— Спасибо на добром слове.

— Я только вот о чем подумал… — И преподобный помедлил.

— Прошу вас, говорите без утайки.

— Я тут подумал: коли уж вы применяете недавно изобретенный телевидеон, чтобы донести до народа свои политические идеи, так почему бы вам не использовать то же самое изобретение для проповеди слова Божия? Души людские алчут Святого Писания, и мне показалось…

Брайан поднял руку.

— Телевидеон — устройство, без сомнения, замечательное, но оно не принадлежит лично мне, чтобы использовать его по моему усмотрению. Если бы я попробовал поступить так, это было бы нецелевое применение денег, собранных на предвыборную кампанию, то есть моя личная нечестность — какими бы благими намерениями она ни была продиктована. Мне приходится с этим считаться.

— Но, возможно, мы могли бы заплатить за использование оборудования? Как бы взять его в аренду?

Брайан рассмеялся.

— Отец, а вы имеете представление о том, сколько это все стоит? Да только за пользование телевидеоном пришлось бы платить по пятьдесят долларов в час, я уже не говорю об оплате телеграфных линий и найме залов с экранами…

— Пятьдесят долларов, — задумчиво проговорил преподобный Конрой. — Собственно, это не так уж и много. Допустим, смотреть проповедь соберется в общей сложности десять тысяч человек… если не все пятьдесят. Если же десять тысяч человек попросить внести по десятипенсовику и предположить, что лишь один из десяти пожелает платить… Даже тогда наши расходы будут покрыты и еще останется некоторая сумма!

— Да вы, оказывается, акула капитала, прикинувшаяся скромным священником! Что ж, я принимаю ваше предложение. Если вы все устроите, я берусь говорить. Что же касается денежных поступлений, — излишки, оставшиеся после оплаты оборудования, будем делить поровну. Половину — вам на церковные нужды, половину — мне на предвыборные дела.

Преподобный Конрой поднялся на ноги и протянул ему

ладонь.

— По рукам, сэр.

Никола Тесла ввел Сэмюэла Клеменса в предвыборный штаб Брайана, особенно тесно перезнакомив его с электриками и телевидеонщиками. После этого они с мистером Кзито вновь удалились в свою Лонг-Айлендскую лабораторию трудиться над вопросами беспроводной передачи электрических волн.

Мисс Бернар уехала с ними. Сэма это несколько задело, возможно потому, что три года назад его оставила сперва Клара, а потом Ливи, и с тех пор он очень остро ощущал неуют от отсутствия женского общества. Причем речь шла не столько о примитивных радостях плотских утех, сколько о милом и простом человеческом общении. А общаться с мисс Бернар было истинным удовольствием. Он и не предполагал, что будет так по ней тосковать.

И что, спрашивается, такого она нашла в этом Тесле? Вряд ли ее влекли к нему восхищение его умом и страсть, как водится между мужчинами и женщинами. О да, Тесла был человеком титанических страстей… но страсти его были, как бы это сказать, эфирного свойства. Во всяком случае, никоим образом не соприкасались с физической, чувственной стороной бытия.

Тем не менее Клеменс задержался при штабе Брайана: ему интересно было взглянуть на происходившее изнутри. Он наслаждался доброжелательным обществом телевидеонщиков; те, возможно, были не такими утонченными собеседниками, как мисс Бернар, но с ними тоже было по-своему интересно. Это были очень молодые, угловатые и застенчивые ребята, казавшиеся неуклюжими щенками, — но только до тех пор, пока не запускали руки по локоть в какую-нибудь динамо-машину. Они были помешаны на электричестве и механизмах и поголовно мечтали в новом столетии сколотить состояния как успешные изобретатели.

Электрическая рубка телевидеонщиков считалась совершенно секретной, во всяком случае посторонним вход туда был строжайше запрещен. Сэму, однако, на секретность было глубоко наплевать, и он просиживал у ребят по полдня, наблюдая, как они возятся с аппаратурой, и слушая их рассказы о Тесле. Сэм поневоле вспомнил, как несколько лет назад сам пробовал силы в изобретательстве и чуть было не изобрел машину для набора текста. Теперь вот оказалось, что этой историей можно было заставить слушателей хохотать до слез… хотя в реальной действительности она означала несколько лет труда, потраченного впустую, не говоря уже о разочаровании и денежных затруднениях.

Другие полдня Сэм проводил среди зевак (которых здесь было множество), разыгрывая давно привычную роль великого писателя и с небрежной благосклонностью принимая маленькие знаки внимания вроде бокала виски или хорошей сигары.

В настоящее время штаб базировался в отеле «Глориана». Телевидеонная рубка вместе с ее электрическим динамо на паровом приводе располагалась в соседнем пустующем помещении. Правда, именно сейчас парни взяли перерыв и отправились в город, так что Сэм сидел в вестибюле. Мебель здесь вся была покрыта чехлами в цветочек, а окна снабжены изящными розовыми занавесочками — казалось, будто сидишь внутри именинного торта.

Однозначного мнения о Брайане Сэм пока так и не составил. Вот уже неделю этот человек проповедовал с телевидеонного экрана Евангелие. И каждодневно призывал зрителей жертвовать деньги, дабы он, Брайан, мог продолжать трудиться во славу Господа.

Трудиться во славу Господа!.. Сэм даже фыркнул про себя. Эти телевидеонные проповеди были величайшим жульничеством, какое видел свет. Людей так гипнотизировали живые движущиеся огоньки, что всякий раз, когда Брайан заговаривал о деньгах, чеки, векселя и наличные лились к нему словно река, вырвавшаяся из запруды. Нет, конечно, Брайан не был хитрым мошенником из Чикаго, он производил впечатление человека искренних убеждений. Но эти каждодневные проповеди изменяли его просто на глазах. И еще бы — ведь верующие зрители совершенно неожиданно начали приносить ему гораздо больше денег, чем все политические спонсоры, вместе взятые. Соответственно, политические спичи Брайана все больше окрашивались религией. А в самой последней он прямо призвал внести в Конституцию сразу две поправки. Одна должна была установить в стране сухой закон, другая — искоренить преподавание дарвинизма.

…И вот он шел сюда, проталкиваясь сквозь тучи приспешников и прихлебателей. Готовясь к встрече с великим человеком, Сэм срезал кончик сигары, чиркнул спичкой, раскурил сигару и отнял ее ото рта.

— Итак, мистер Клеменс, как вам моя последняя речь? — осведомился Брайан. — Прошу, скажите мудрое слово.

Сэм покачал головой.

— Мистер Брайан… Ваше шоу превыше всяких похвал, но, увы, лично я человек слишком испорченный, чтобы целиком разделить вашу точку зрения.

— Что за чепуха, мистер Клеменс!

— Но раз уж вы спрашиваете…

— Говорите, мистер Клеменс, говорите, пожалуйста.

— Раз уж вы спрашиваете, я бы посоветовал вам не слишком напирать на необходимость упомянутых вами конституционных поправок.

Брайан рассмеялся.

— Ну, при вашей всем известной любви к виски, чему тут удивляться…

— Я не только о сухом законе. Я и законодательный запрет дарвинизма имел в виду.

— Атеистам будет позволено преподавать теорию эволюции сколько душе угодно, но только не в государственных школах. Вы же умный человек, мистер Клеменс! Неужели вы происходите от обезьяны?

Сэм глубоко затянулся сигарой.

— Послушать моих друзей, так еще от чего похуже, чем обезьяна… Иные люди стоят ближе к обезьяне, иные дальше, но, по-моему, если уж говорить о происхождении человека от обезьяны, это обезьянам, а не людям следовало бы оскорбляться!

— Мистер Клеменс, я, право, не знаю, сердиться на вас или смеяться. Вы у нас, может быть, скрытый атеист? Не верится мне, чтобы ваши истинные убеждения соответствовали тем речам, которые я только что от вас услышал. Какова, собственно, ваша жизненная позиция?

Клеменс снова затянулся, прежде чем говорить.

— Ну, на мой взгляд, мистер Брайан, жизненная позиция — вещь двуединая. Есть кредо, о котором мы говорим на публике и излагаем в газетах, и есть глубоко личные убеждения, о которых мы предпочитаем не распространяться.

— Никак не могу с вами согласиться, мистер Клеменс. Если я истинно верую во что-то, я объявляю об этом всем и каждому без утайки. А ваши слова, по-видимому, следует понимать так, что вы всех людей поголовно считаете лжецами?

— Не то чтобы в прямом смысле лжецами, нет, сэр, ни в коем случае. Просто кое-кто оставляет свое мнение при себе, вот и все.

— Так скажите же мне это ваше глубоко личное мнение. На чьей вы стороне в великой битве Господа с Сатаной?

Марк Твен попыхивал сигарой, пристально глядя на Брайана. Шерстяной костюм-тройка, часы на золотой цепочке, круглое открытое лицо… Одежда политика и сущность фермера. Это было видно невооруженным взглядом. «Да гори оно все синим огнем…» — подумалось Сэму.

— Хотите всю правду, мистер Брайан? Хорошо, скажу вам, как на духу. Полагаю, я не отказался бы присоединиться к

мистеру Сатане.

— Мистер Клеменс, есть некоторые материи, по поводу которых шуточки неуместны, и думается, мы затронули как раз такой вопрос.

— Хорошо, мистер Брайан, выражусь иначе. Мне представляется, что Писание мажет мистера Сатану черной краской и всячески его оскорбляет, а самому ему высказаться никто не дает.

— Отнюдь, мистер Клеменс, отнюдь! Громкий голос Сатаны мы слышим каждодневно и ежечасно. А вот голос Господа нашего, наоборот, скромен и тих, и, покуда мы не замрем в молчании, нам его не услышать.

— Чушь! В мире полным-полно горлопанов от христианства, и вы — один из этого множества, разве что выступаете несколько успешней других. Да что там, иной раз улицу не перейти, не напоровшись на десяток-другой самодовольных проповедников, вещающих столь же расплывчато, сколь и благочестиво! Сами-то себя вы хоть слышите?… А что до Сатаны — по-моему, парня кругом оболгали, и, честно вам скажу, — жду не дождусь личной с ним встречи, чтобы выслушать его версию событий!

— Думается, вы…

— Проповедники же, — перебил Клеменс, — по моим скромным наблюдениям, в подавляющем большинстве своем суть отпетые мошенники на доверии. Языки без костей. Выманивают у людей денежки под расплывчатое обещание рая на небесах. Вредоносные и бесполезные люди!

— Мистер Клеменс, — холодно проговорил Брайан, — если я вас правильно понял, вы меня только что обозвали мошенником.

Сэм медленно кивнул.

— Полагаю, — сказал он, — именно так и произошло.

— Мистер Клеменс, мой предвыборный штаб и я лично оказали вам всяческое гостеприимство. Тем не менее оскорбления терпеть я не намерен. Поэтому будьте любезны удалиться. Мои помощники получат распоряжения, гласящие, что отныне и в будущем ваше общество для меня нежелательно.

Сэм снова кивнул:

— Вы просили меня высказать личное мнение, и вы его получили. Не говорите потом, что я вас не предупреждал… Да, и что касается Дарвина, — думается, я до некоторой степени склоняюсь в его пользу!

А у Эдисона, что называется, корабль шел ко дну.

Его лаборатория в две недели разработала трубки флюоровидения, способные составить конкуренцию телевидеону

Тесла. Теперь разгорелось яростное соперничество за телеграфные линии, способные донести речи оппонентов до каждого населенного пункта, — к вящей радости и немалой выгоде компаний, занимавшихся телеграфом.

Однако политические карты, которые самым тщательным об разом составлял Горовиц, угрожающе пестрели красными флажками — цветом брайановских демократов, — что медленно, но неуклонно распространялись из центральных районов страны к периферии.

Повсюду, от Аллеганских гор до Скалистых, фермеры и рабочие прислушивались к Брайану. Причем отнюдь не политические спичи завоевывали ему новых сторонников, а все шире распространявшееся телевидеонное проповедничество. Выходило, что Брайан сумел нечаянным образом достучаться до самого сердца Америки. К примеру, он мог рассказать по телевидеону о чудесных исцелениях, совершенных Иисусом, затем призвать зрителей к совместной молитве — и назавтра же сотни газет пестрели сообщениями о прозревших слепцах. Он распевал со зрителями псалмы — и, если верить все тем же газетам, люди вставали с одра смерти, чтобы принять в этом участие. А уж стоило Брайану упомянуть о деньгах, как по всей Америке распахивались не только сердца, но и кошельки. Пожертвования стекались щедрой рекой, со всех сторон и во всех мыслимых формах.

А вот речи Эдисона о запланированных им перестановках в правительстве и о научном подходе к управлению не слушал практически никто.

Тем не менее, когда к нему явился Сэм Клеменс (а он явился, преспокойно миновав того самого деятеля, что какой-то месяц назад уверял его в полной невозможности встречи с мистером Эдисоном), кандидат от республиканской партии выглядел вполне жизнерадостно.

— Мистер Марк Твен! — громко приветствовал он Клеменса. — Я ваш горячий поклонник!

— Спасибо большое, — ответил Сэм.

Эдисон приставил к уху ладонь.

— Не могли бы вы говорить малость разборчивее? Вынужден признаться, я стал чуточку глуховат…

Клеменс прокашлялся и повторил:

— Я сказал, спасибо большое.

— Да, да, я так и думал, что вы сказали именно это… Знаете, до меня дошел слух, будто идею телевидеона подсказали Тесле вы с мисс Бернар. Это правда или все врут?

— Зерно истины, может, и есть, мистер Эдисон, — сказал

Клеменс. — Но, уверяю вас, совсем крохотное.

— Истина, говорите? Нет, в самом деле выдающееся изобретение. Мне понадобилась почти неделя, чтобы создать нечто в том же духе. Если вам когда-нибудь понадобится работа, милости прошу на мою фабрику! Чарльз вам немедленно подберет что-нибудь подходящее, только скажите ему, что вы от меня.

— Я нынче далек от изобретательства, мистер Эдисон, — сказал Клеменс. — Все, что касалось электричества, сделал Никола…

— Что-что? Никола?… Как же, мой бывший служащий… Что ж, неплохим ремесленником его, пожалуй, можно назвать. Паять он выучился, да, но не более того… — И Эдисон перешел к делу. — Так что же вас привело к нам, мистер Твен? Видите ли, я очень занятой человек…

— Я к вам с деловым предложением, мистер Эдисон, — сказал Сэм. — У меня есть на продажу кое-что такое, в чем вы, если я правильно понимаю, остро нуждаетесь.

— И в чем же, по-вашему, я остро нуждаюсь?

— У вас есть ваше изобретение, но правильно пользоваться им вы не умеете. Я имею в виду этот ваш… теле-как-его-там.

— Флюоровизор.

— Да, да, именно. Вы научились посылать движущиеся картинки по проводам куда угодно от Петуния-Флэтс до Ист-Хелл, но разработать сами картинки не можете.

Эдисон замахал руками.

— Моя компания как раз занята созданием фильмов! Пусть Брайан со своим телевидеоном потворствует темным суевериям. Эдисоновское флюоровидение понесет в массы образование и науку!

— А будет ли все это способствовать вашей предвыборной кампании, мистер Эдисон?

— Нет! — с некоторым даже воодушевлением ответил Эдисон. — Не будет.

— Тогда вот что я вам скажу. Вам нужен ведущий. Исполнитель. Массовик-затейник. Шоумен!

Сперва Эдисон, казалось, хотел возразить… Однако затем подумал и проговорил:

— Пожалуй, вы правы. И кого же вы предлагаете?

— Лучшего в этом деле. — Сэм Клеменс улыбнулся и отдал поклон. — Себя, любимого.

— И что вы намерены делать?

— Я завладею их вниманием. Заставлю их хохотать, слушать музыку и приобщаться к культуре. Пусть они смотрят и

веселятся… А когда будут готовы — тут-то я одну за другой и подкину им ваши идеи.

— Ну и как же вы все это назовете?

Сэмюэл Клеменс широко улыбнулся.

— Я назову это «Часом варьете Марка Твена»!

— …Вот так все это и происходило на самом деле, — сказал Марк Твен. — Я поведал вам ничем не приукрашенную истину… Или, лучше выразиться, за что купил — за то и продаю!

Аудитория взвыла от смеха. Клеменс с улыбкой раскланялся.

— Вот и подошел к концу сегодняшний час нашего варьете, — проговорил он в камеру совсем другим, не марктвеновским голосом, теперь это был голос замечательного лектора. — Ждем вас через неделю на том же месте, в тот же час, и я представлю вам прославленных мастеров водевиля — Филдса и Вебера. Поверьте на слово, ничего лучше на четырех ногах вы не отыщете… Затем прозвучит знаменитый монолог из шекспировского шедевра «Гамлет» в исполнении несравненной парижанки мадемуазель Бернар. Также нас посетит музыкальный гений — Джон Филипп Соуза, ну а напоследок, то бишь последним и по порядку, и по значимости, ваш покорный слуга, не исключено, попробует вас порадовать какой-нибудь новой историей из жизни графства Калаверас… Короче, дамы и господа, добро пожаловать через неделю — не пожалеете. А до тех пор пользуйтесь Кливлендским мылом, которое не даст вам зарасти грязью, да не забудьте передать всем своим друзьям: голосуешь за Эдисона — голосуешь за Америку!

Камера сделала последний крупный план. Улыбка и подмигивание, успевшие стать знаменитыми… и знак рукой — стоп!

Его команда тут же подоспела со стаканом виски и с любимой сигарой, и Клеменс упал в удобное кресло.

— Ну и как я выглядел?

— Великолепно, мистер Твен! — отозвался молодой оператор. — Это была ваша лучшая запись!

Собственно, вопрос был излишним. Он и так знал: сегодняшнее шоу, вне всякого сомнения, удалось. Он ловко встроил в него сразу два послания Эдисона. А кроме того, умудрился пять раз упомянуть кливлендское мыло и целых шесть раз — дамский эликсир Лидии Пинкхэм. Каждое упоминание оседало у него в кармане полновесной сотней долларов.

Он поймал кураж, он был на коне — и наслаждался каждой минутой. С этим новым телевидеонным вещанием Сэмюэл Клеменс оказался в своей родной стихии. Весь мир лежал у ног

прирожденного шоумена. И о чем только думал мистер Брайан, надеявшийся удержать аудиторию своим телевидеонным проповедничеством! Что ж, преподадим ему урок, как в действительности надо завоевывать внимание зрителей. Преподадим ему хороший урок…

Горовиц потянулся вперед и выключил телевидеон. (Естественно, это был флюоровизор Эдисона и ни в коем случае не грубый телевидеон Теслы, но… название некоторым образом прилипло к нему.)

Мистер Вестингауз твердо пообещал, что в течение года улучшенные телевидеоны появятся в доме у каждого, кто способен наскрести хоть десяток долларов. Теперь, когда мистер Вестингауз имел с этого дела выгоду, он позаботился о том, чтобы программы, передаваемые по телеграфным проводам, годились для обеих систем.

Время, наполненное напряженной работой, пролетело быстро, ждать выборов оставалось уже недолго, но Горовиц о них думал меньше всего. Его мысли летели далеко в будущее. Да шут с ними совсем, с этими выборами; они, похоже, особо ничего уже не определяли. Новое поколение будет ориентироваться не на президента, кто бы им ни был. Истинным кумиром и лидером окажется человек на телевидеонном экране. Вот от этого и следовало плясать.

Пора уходить из политики, подумалось Горовицу. Политика ему надоела, он от нее устал. Шоу-варьете Марка Твена ясно показало: люди намерены и далее смотреть телевидеон. Горовиц отлично видел, что сегодняшний день — это только начало. За долгие годы он научился объяснять людям, чего они на самом деле хотят. Если они рады следить за шутками мистера Твена, почему бы им, скажем, не посмотреть по телевидеону бейсбольный матч?… Или, к примеру, футбол? Или рестлинг? Нужно подумать, что будет зрелищней выглядеть на экране. А может, удастся приспособить для передачи что-нибудь из дешевого популярного чтива? Скажем, написать сценарий по мотивам ковбойского вестерна со стрельбой. Или еще что-то придумать… Глаза Америки раскрылись в напряженном ожидании зрелищ… Ах, этот двадцатый век! Сколько невероятных возможностей!.. Горовиц откинулся в кресле и раскурил сигару. Всего-то три годика от роду, а какие сногсшибательные перспективы. Вот бы знать, что за новые открытия принесет завтрашний день…

Кейдж Бейкер — Добро пожаловать на Олимп, мистер Херст

Kage Baker. Welcome to Olympus Mr. Hearst (2003). Перевод Д. Сухих

Одна из наиболее плодовитых современных писательниц Кейдж Бейкер дебютировала в 1997 году в журнале «Asimov's Science Fiction». С тех пор она завоевала любовь читателей этого издания и очень часто публикует в нем свои остроумные и увлекательные рассказы о приключениях и злоключениях путешествующих во времени агентов Компании. В последнее время Кейдж Бейкер стала публиковать в упомянутом журнале еще две серии рассказов. Одна из них, выдержанная в лучших традициях жанра фэнтези, восхищает богатством живого воображения автора. Рассказы Кейдж Бейкер также выходили в «Realms of Fantasy», «Sci Fiction», «Amazing» и в других изданиях. Первый роман Кейдж Бейкер «In the Garden of Iden» был опубликован в том же 1997 году и вошел в число наиболее ярких дебютов года, привлекших к себе пристальное внимание критики. Второй роман, «Sky Coyote», был издан в 1999 году. За ним, в 2001 году последовали третий и четвертый романы «Mendoza in Hollywood» и «The Graveyard Game». В 2002 году писательница опубликовала первый сборник рассказов «Black Projects, White Knights». В число последних книг Кейдж Бейкер входят роман в жанре фэнтези «Наковальня мира» («The Anvil of the World»), действие которого происходит в вымышленном мире, и повесть «The Empress of Mars». Сейчас Кейдж Бейкер работает над новым романом о приключениях агентов Компании, «The Life of the World to Come», и над новым сборником рассказов «Mother Aegypt and Other Stories». Рассказы Кейдж Бейкер входили в «The Year's Best Science Fiction» за 2000 и 2003 гг. Помимо писательской деятельности, Кейдж Бейкер занималась живописью, выступала на сцене и руководила Центром живой истории. Кроме того, она преподавала английский язык эпохи Шекспира. Бейкер проживает в городе Писмо-Бич, штат Калифорния.

Действие публикуемого нами увлекательнейшего рассказа Кейдж Бейкер стремительно развивается в замке медиа-магната Уильяма Рэндольфа Херста. Этот, пожалуй, лучший рассказ писательницы об агентах Компании, повествует о непростых взаимоотношениях между сильными мира сего и грандиозных и

порой неожиданных последствиях, которые может иметь столкновение их интересов…

* * *

Начало фильма: 1926 год

— Дубль десять! — крикнул режиссер и, опустив мегафон, развалился на стуле. Песок под стулом просел. Раздраженно крякнув, режиссер вытащил ножки стула из песка и уставился на коня, скакавшего по гребню песчаной дюны. Замотанный в бурнус всадник прильнул к шее скакуна, пряча лицо от мощного потока ветра, исходящего от вентилятора, гнавшего ветер.

— Хорошо! Пока хорошо! — приговаривал ассистент режиссера. Стоявший рядом в таком же бурнусе, как и всадник, Рудольф Валентино [161] молча кивнул. Все впились глазами в коня. Все ближе и ближе… Еще немного, и сцена будет снята!

И тут оператор выругался. С моря налетел настоящий ветер, оторвал ветку у худосочной пальмы, воткнутой в песок в качестве декорации у шатра шейха, и швырнул ее прямо под копыта скакуна. Конь встал на дыбы и стал гарцевать на месте. Мужественно продержавшись у него на спине пару секунд, всадник вылетел из седла, молотя руками и ногами, перевернулся в воздухе и воткнулся головой в песок.

— Черт! — зарычал режиссер. — Вырубайте ветер!

— Льюис, ты цел? — заорал помощник с хлопушкой. Всадник с трудом сел, отбросил за спину складки бурнуса и помахал рукой. — Мол, все в порядке…

— Дубль одиннадцать! — крикнул ассистент режиссера. — Приготовиться!

Всадник кое-как поднялся на ноги, успокоил фыркавшую лошадь, взял ее под уздцы и повел назад за дюны. Соленый морской ветер тут же стер следы на песке.

— Он так и будет дуть, — мрачно заявил Валентино, с отвращением теребя старившую его фальшивую бороду.

— А что, тут не водятся лошади, которым плевать на пальмовые ветки? — осведомился оператор.

— Одни клячи! — буркнул режиссер. — А мы выложили кучу денег за настоящего арабского скакуна… А в чем, собственно, дело? Кто-нибудь жалуется на ушибы? Я что-то не слышал!

— Я его вообще не вижу, — сказал ассистент режиссера, изучавший из-под ладони горизонт. — Что он там, умер, что ли?

Но в этот самый момент на дальней дюне появился

вышедший на старт всадник.

— Сам ты умер! — хмыкнул режиссер. — Этот парень — не промах.

Глядя на всадника, режиссер поднес к губам мегафон. Помощник написал на хлопушке мелом номер дубля. — Хлоп!

— Ветер!.. Дубль одиннадцать!

Конь и всадник снова мчались против ветра навстречу закату по желтым, как львиная грива, дюнам. Камера жужжала. Всадник и конь исчезли в последней впадине между дюнами и… И…

Ассистент режиссера и оператор хором застонали.

Валентино поморщился.

— Я их не вижу, мистер Фицморис, — сказал помощник с хлопушкой.

— Куда они провалились?! — заорал режиссер. — Камера — стоп! И выключите проклятый вентилятор!

— Извините! — Это на вершине последней дюны показался Льюис. Он вел за повод нервно дергавшего головой коня. — Извините. Конь споткнулся.

— Конюхи! Джадаан упал! — не своим голосом завопил ассистент режиссера, и из лагеря на океанском пляже к съемочной площадке бросилось сразу пятеро конюхов. Оставив на их попечение коня, Льюис хромая подошел к режиссеру. Бурнус съехал Льюису на затылок. Ветер трепал его взмокшие от пота светлые волосы. На их фоне темный грим, — а точнее, то, что от него осталось после падений лицом на песок, — выглядел особенно нелепо. С полным ртом песка, отплевываясь и отлепляя фальшивую бороду, Льюис ослепительно улыбнулся.

— Если хотите, я сделаю еще один дубль, мистер Фицморис, — сказал Льюис.

— Не надо, — сказал Валентино. — Вы свернете себе шею, или погубите коня, или убьетесь оба.

— Ну ладно, — нерешительно проговорил режиссер. — Мы уже немало отсняли. Темнеет… Да и последний дубль, возможно, сгодится…

Льюис кивнул и пошел прочь по песку, стремясь поскорее освободиться от восточных одеяний. Внезапно Валентино шагнул вперед и положил ему руку на плечо. Льюис поднял на него глаза, смахивая песок с ресниц.

— Ты очень хорошо работаешь, друг мой, — сказал Валентино. — Но не садись больше на лошадь. Тебе и так уже досталось!

— Это точно. Но все равно интересно побыть несколько часов, так сказать, в шкуре Рудольфа Валентино, — ответил Льюис и невесть откуда достал авторучку. — А вы не дадите мне

автограф, мистер Валентино?

— Конечно, — ответил Валентино, озираясь по сторонам в поисках бумаги.

Очередным жестом фокусника Льюис извлек из пустоты экземпляр сценария и протянул его Валентино.

— Так как тебя зовут?

— Льюис, мистер Валентино. Напишите вот здесь! — попросил Льюис, показав пальцем на пустое место под самым названием «Сын шейха», и, улыбаясь со сдерживаемым торжеством, смотрел, как Валентино пишет «Льюису, моему второму «я». Рудольф Валентино».

— Держи, — сказал Валентино, протягивая Льюису сценарий. — И не падай больше носом в песок. Договорились?

— Спасибо, мистер Валентино… Но не переживайте за меня, — ответил Льюис. — Падать — моя профессия.

Спрятав сценарий под одежду, Льюис побрел по песку к старому грузовику на берегу океана. Статисты и съемочная группа уже карабкались в кузов. Водитель поспешно заводил двигатель ручкой. Ему совсем не хотелось снова застрять в мокром песке во время прилива. — Пора было возвращаться в Писмо-Бич.

Глядя, как Льюис идет к грузовику, Валентино сокрушенно покачал головой.

— Брось, Руди! — сказал режиссер, вытряхивая песок из мегафона. — Кажется, что его соплей перешибешь, но с ним еще ни разу ничего не случилось. Ни разу!

— Вечно так продолжаться не может, — криво усмехнувшись, сказал Валентино. — Удача, как песок. Она сыплется сквозь пальцы, — добавил он, глядя на длинные тени дюн на закате. — А этот Льюис похож на человека, которому суждено умереть молодым…

Вряд ли Рудольф Валентино стал бы так говорить, знай он, что ему самому оставалось жить меньше года, а Льюису в этот день исполнилось тысяча восемьсот двадцать пять лет, хотя тот и не праздновал дня рождения. У бессмертных это не принято.

Семь лет спустя: 1933 год

— Смотри, уже Писмо-Бич! — воскликнул Льюис и чуть не выпал из машины, стараясь получше разглядеть городишко, со стоявший всего-навсего из гостиницы и множества лотков, с которых торговали моллюсками. — Давай полакомимся, Джозеф!

— Ты что, не объелся ими, пока снимался в «Сыне шейха»? — буркнул я и полез в карман за очередной мятной таблеткой от изжоги. Есть мне совсем не хотелось. Обычно я неприхотлив (и даже неразборчив) в еде, но на этой работе черт те что стало твориться даже с моим железным желудком.

— Конечно, объелся, — признался Льюис и поднялся на ноги, ухватившись за ветровое стекло нашего «форда-А»; встречный ветер растрепал ему волосы. — Но давай хоть выпьем за упокой души бедного Руди.

— Хочешь выпить — пей! — сказал я, протягивая Льюису фляжку. — Нам надо спешить в гости к Уильяму Рэндольфу Херсту [162].

Льюис сел на место, хлебнул теплого джина и скривился.

— Ave atque vale — здравствуй и прощай, дружище! — сказал он, обращаясь к призраку Валентино. — А чего ты так психуешь? — спросил он тут же у меня.

— Ничего я не психую, — усмехнувшись, ответил я Льюису. — Чего мне психовать? Мы ведь просто-напросто едем к одному из самых влиятельных богачей на свете.

— Да уж, — пробормотал Льюис, отхлебнул еще джина и снова поморщился. — Слава Богу, недолго осталось нам пить эту мерзкую контрабанду. «Прощай сухой закон!» — скоро скажем мы… А что до сильных мира сего, так ты наверняка видал людей и покруче. Ты же служил у одного византийского императора!

— Не у одного, а у трех или четырех, — поправил я Льюиса. — Но уверяю тебя — в руках Уильяма Рэндольфа Херста сосредоточено гораздо больше власти, чем у любого из них. На его фоне они просто бургомистры. Сейчас вообще все по-другому. Ты же не думаешь, что этот самодовольный коротышка Наполеон смог бы создать в наше время свою империю? А прибрал бы Гитлер к рукам всю власть, если бы о нем не трубили все газеты? Теперь, сынок, правят те, в чьих руках средства массовой информации!

— Но ведь Херст — простой смертный, — сказал Льюис. — Мысли шире! Мы просто едем за город к одному богачу, где весело проведем выходные в приятном обществе. Мы будем гулять в парке, любоваться природой, купаться, кататься на

лошадях, играть в теннис… Нас будут кормить и поить — надеюсь, — приличными напитками…

— Размечтался! — хмыкнул я. — Херст терпеть не может забулдыг.

— А Компания поручила нам всего лишь оставить у Херста вот это, — как ни в чем не бывало продолжал Льюис, похлопывая по чемоданчику, в котором лежал сценарий с автографом Валентино. — Своего рода запоздалый подарок ко дню рождения нашему радушному хозяину…

— Это от тебя больше ничего не требуется, — сказал я. — А мне предстоит непростой разговор с «нашим радушным хозяином».

— Это — да, — пожав плечами, согласился Льюис. — Но тебе же будет с ним проще, чем с фараоном, о котором ты мне на днях рассказывал. Здесь-то нас точно не посадят на кол…

Я неопределенно хмыкнул. Мне трудно было объяснить Льюису, почему я так нервничаю на этом задании. Возможно, я и сам этого не понимал. Видите ли, я часто лукавлю сам с собой. Эта привычка выработалась у меня тринадцать тысяч лет назад, и теперь мне от нее не избавиться, как от манеры жевать мятные таблетки, якобы помогающие от изжоги.

У нас, бессмертных, свои безобидные чудачества…

Мой «форд-А» ехал вдоль побережья. Вскоре мы миновали захолустный городишко Сан-Луис-Обиспо, где почетные гости Херста пересаживались из его персонального железнодорожного вагона в лимузины, присланные за ними из его «скромного загородного дома». Потомки назовут это поместье Замком Херста, а пока оно было известно просто как Ранчо, хотя лица, склонные к романтике, именовали его La Cuesta Encantada — Зачарованный Утес…

А вы там еще не бывали? Как жаль!.. Ну что ж. Представьте, что в вашем распоряжении оказался величественный холм с прекрасным видом на горы и океан. Вы решили построить там дом, и у вас откуда-то появились средства, позволяющие воплотить в жизнь ваши самые безумные мечты, а по окончании строительства вам прислали целый поезд антиквариата для интерьеров…

Ну что? Прельщает такая перспектива? А что бы вы стали делать, обставив ваш сказочный дом? Окажись вы на месте Уильяма Рэндольфа Херста, вы наверняка напригласили бы гостей, чтобы им похвастаться. И не простых гостей! Вам хватило бы денег, чтобы заманить к себе лучшие умы вашего времени: художников и мыслителей. К вам приехали бы и Альберт Эйнштейн и Ирвинг Тальберг [163], Олдос Хаксли [164] и Бернард

Шоу. А если бы у вас была любовница-киноактриса, она позвала бы к вам своих друзей: Кларка Гейбла [165] с Кэрол Ломбард [166], Бетт Дэвис [167], Мэри Дресслер [168], Бастера Китона [169], Харпо Маркса [170] и Чарли Чаплина.

Иногда в ваш дом попадала бы и мелкая сошка вроде нас с Льюисом. Дело в том, что я оказал Марион Дэвис [171] одну услугу и попросил ее раздобыть нам в знак признательности приглашение к Херсту. За нами не прислали персональный железнодорожный вагон. Нам пришлось проделать весь путь из Голливуда своим ходом, хотя, знай Херст, кто мы на самом деле такие, он наверняка не пожалел бы для нас каравана лимузинов. Однако Компания, на которую мы работаем, не афиширует личность своих сотрудников, да и мы сами ничем не напоминаем бессмертных гонцов всемогущей Компании XXIV века. У меня совсем заурядная внешность, смуглая кожа и, признаться, небольшой рост. Льюис, конечно, может похвастаться привлекательной наружностью, но и он не Геракл. Наша Компания всегда следит за тем, чтобы ее сотрудники внешне походили на смертных. Поэтому в Сан-Луис-Обиспо, Морро-Бей и Каюкосе никто и краем глаза не взглянул на двух бессмертных, промчавшихся по дороге на новехоньком «форде».

Итак, мы миновали эти затерянные на океанском побережье городки, преодолели немало километров по открытой всем ветрам дороге на вершинах холмов и налюбовались всласть потрясающими калифорнийскими пейзажами. То есть это Льюис любовался, непрерывно восхищаясь дикими цветами и кипарисами, а я просто жевал мятные таблетки и рулил. До дома Херста оставалось еще семнадцать миль, а мы уже ехали по его земле.

Наконец мы заметили, что на отдаленной зеленой вершине холма что-то белеет: две высокие башни. Совсем как в средне вековой Испании, Франции или Италии. Льюис, кажется, тоже об этом подумал, потому что он пихнул меня в бок и рассмеялся.

— Такое впечатление, словно мы подъезжаем к средневековому городу! Вон — замок. Через полчаса я буду отвешивать поклоны виконту или архиепископу и гадать, хватит ли мне запасных струн для лютни!

— А я буду прикидывать, хватит ли мне золота, чтобы подкупить герцога, — сказал я и кинул в рот очередную таблетку.

— Да, нелегко работать оператором нашей Компании! — сочувственно сказал Льюис, а я молча кивнул.

Ощущение странствий во времени и пространстве еще больше усилилось от того, что на зеленых лугах вдоль дороги стали попадаться стада не то зебр, не то яков, не то жирафов.

Теперь мы не удивились бы, увидев над головой птеродактиля с антилопой в клюве. Даже Льюис замолчал и хлебнул для храбрости еще джина.

Не успел он спрятать фляжку, как мы повернули направо по узкой дорожке с небольшим указателем «Ранчо Херста». Скоро мы остановились у закрытых ворот. Из будки с вопросительным видом высунулся какой-то смертный.

— Мы гости мистера Херста! — крикнул я, напустив на себя вид завсегдатая Зачарованного Утеса.

— Имена.

— Джозеф Дэнхем и Льюис Кенсингтон! — хором воскликнули мы.

Сторож полистал журнал и открыл ворота.

— Скорость пять миль в час, — сказал он. — Уступайте дорогу животным.

— Мы приехали! — Льюис восторженно пихнул меня в бок. Я буркнул ему в ответ нечто неопределенное, нажал на газ и пересек воображаемый порог с таким волнением, словно взошел на подвесной мост перед очередным баронским замком.

Мы нервничали все больше и больше, потому что ехать пришлось пять миль в гору по очень извилистой дороге, непрерывно останавливаясь возле ворот в оградах, разделявших вольеры разных животных. Льюис вылезал из машины и открывал ворота, стараясь не наступить на оставленные буйволами лепешки и прочие сомнительного вида кучи. При этом возле третьих ворот его чуть не заклевал страус. Наконец мы оказались в аллее апельсиновых деревьев и цветущих олеандров.

— Совсем, как на юге Франции, — заметил Льюис.

— Это точно, — пробормотал я.

Перед нами беззвучно распахнулись массивные чугунные ворота, и мы подъехали к Главной лестнице.

Нам навстречу выбежала ватага заурядного вида слуг в униформе. Они тут же похватали наши чемоданы и через секунду уже неслись с ними прочь.

Я подавил желание заорать: «Положи на место!» и повернулся к Льюису, который уже раскланивался с внушительного вида дамой, появившейся из-за какой-то статуи. В наш «форд» залез молодой лакей и укатил на стоянку.

— Я — домоправительница мистера Херста, — говорила дама. — Я покажу вам ваши комнаты. Следуйте, пожалуйста, за мной. Вы будете жить в Casa del Sol — Солнечном Доме…

— Как это мило! — защебетал Льюис.

Я шел за ним по широченной лестнице и бескрайней террасе, пока Льюис оживленно болтал с дамой. По левую руку от меня

был бассейн, выложенный римской мозаикой. Такого огромного бассейна я не видел и в самом Риме. А я работал там как-никак двести лет! Статуи нимф, наяд и прочих морских божеств явно были современной работы или копиями музейных экспонатов. Выходит, Херст вывез еще не весь Рим, чтобы украсить его древностями свой загородный бассейн… Ну ничего, у него еще все впереди…

Выше по склону холма возник первый из «домиков для гостей». Мы разглядывали его, задрав головы. Этого помещения вполне хватило бы для какого-нибудь мелкого монарха с полной свитой придворных.

— Очаровательно! — воскликнул Льюис. — Почти в античном стиле!

— Да, сэр, — сказала домоправительница и направилась вверх по очередной лестнице. — Вы ведь впервые у нас, джентльмены?

— Ну да, — пробормотал я.

— Мистер Херст желает, чтобы вам у нас понравилось. Его служащие выполнят любое ваше желание, — отчеканила домоправительница, приглашая нас пройти во двор за домом. У дверей стоял филиппинец в ливрее. Увидев нас, он отвесил поклон.

— Это Джером, — представила его домоправительница. — Он будет вас обслуживать. Если вам что-нибудь понадобится, позвоните ему по телефону, и он тут же явится.

Отперев дверь, она посторонилась, пропуская нас внутрь. Джером тем временем молча исчез за служебной дверью.

Вытаращив глаза, мы принялись разглядывать антиквариат. Льюис восхищенно присвистывал и щелкал языком, а домоправительница продолжала:

— Как вы видите, мистер Херст обставил эти помещения произведениями искусства из своего собрания, но находящаяся за этой дверью ванная комната оснащена всеми самыми современными удобствами, включая душевые кабины.

— Как это мило! — воскликнул Льюис и беззвучно прорычал, обращаясь ко мне: «Что ты молчишь, как пень?!»

— Здорово! — сказал я и беззвучно сообщил Льюису: «Я нервничаю еще больше, чем раньше!»

— Благодарю вас, джентльмены! — просияла домоправительница. — Ваш багаж уже в ваших спальнях. Сейчас Джером распаковывает ваши чемоданы.

— Распаковывает?! Шикарно! — сказал я. — А где моя комната? Может, покажете?

— Сию секунду, мистер Дэнхем, — слегка прищурившись,

сказала домоправительница. Она провела нас под аркой, явно извлеченной из какой-то испанской епископской резиденции XVI века, и я увидел Джерома, раскладывающего на постели содержимое моего дешевого коричневого чемодана. Мой черный чемодан стоял на полу в закрытом виде.

— Если вы соблаговолите отпереть этот чемодан, сэр, — сказал Джером, — я его тоже распакую.

— Не стоит, — сказал я и запихнул черный чемодан под кровать. — Я сам с ним разберусь. Попозже…

Воцарилась неловкая тишина. Джером с домоправительницей переглянулись. Льюис тяжело вздохнул, а я почувствовал, что без очередной мятной таблетки мне сейчас придет конец.

Домоправительница откашлялась.

— Надеюсь, вам по душе эти покои, мистер Дэнхем, — сказала она.

— Шикарно, — повторил я.

— У меня наверняка такая же роскошь! — подхватил Льюис, и Джером проследовал распаковывать его чемодан.

— Ну что ж, — вновь откашлялась домоправительница. — Мистер Херст приглашает вас на коктейль с остальными гостями. Напитки подадут в семь часов в Парадном зале, находящемся в Главном здании по другую сторону двора. Сам мистер Херст присоединится к гостям в восемь. В девять будет подан ужин. После ужина мистер Херст приглашает гостей проследовать с ним в зрительный зал, где будет показан кинофильм. После кинофильма мистер Херст удалится к себе в кабинет, а его гости могут разойтись в свои покои или отдохнуть в библиотеке. Алкогольные напитки подают только в Главном здании, но сэндвичи и другого рода закуски можно затребовать по телефону на кухне в любое время, — добавила домоправительница, сверля меня взглядом.

«Она думает, что у тебя в черном чемодане спиртное!» — беззвучно передал мне Льюис.

«Заткнись!» — Я расправил плечи и уставился на домоправительницу честными глазами.

Все знали, что в гостях у Херста нельзя пить по одиночке в комнатах, а спать вместе могут только женатые пары. Впрочем, второе правило явно не распространялось на хозяина поместья, не связанного с Марион узами законного брака.

Домоправительница дала нам еще несколько ценных советов, объяснив, как найти зверинец, теннисный корт и конюшни. Затем она удалилась, а мы с Льюисом пошли в сад — прохлаждаться между статуй.

— По-моему, мы произвели не очень хорошее впечатление, —

пробормотал Льюис.

— Мягко говоря, — ответил я, сунув руки в карманы.

— Ничего! — ослепительно улыбнулся мне Льюис. — Первое впечатление обманчиво! Как только ты все покажешь…

— Эй! Джо! Ребята! Вы уже приехали! — раздался чей-то звонкий голос у нас над головами.

Мы повернулись и впервые узрели во всей красе величественное Главное здание. Оно напоминало огромный испанский собор, но явно было освящено в честь каких-то языческих богов, потому что из окна третьего этажа высовывалась махавшая нам рукой Марион Дэвис.

— Да! Привет! — крикнул я.

Льюис во все глаза смотрел на Марион. Она, кажется, была одета только в полупрозрачную ночную рубашку. Может, на ней еще что-нибудь было, но на таком расстоянии это было не видно.

— А это твой друг? Какой симпатичный! — крикнула Марион. — Похож на Фредди Марча [172].

— Я его дублирую! — крикнул покрасневший Льюис и глупо захихикал.

— Чего?!

— Я его дублирую. Я каскадер!

— Понятно!.. — ответила Марион. — Хотите имбирного эля? А то до вечера тут ни-ни!

С этими словами она скорчила смешную физиономию и поднесла руку ко рту, словно что-то пила из горлышка бутылки.

— Да! Хочу! — заорал Льюис.

— Я скажу, чтобы вам принесли! — ответила Марион и исчезла.

У следующей статуи мы повернули налево и оказались во дворе перед домом. Двор был в несколько раз больше любой городской площади. Он вместил бы толпу возмущенного народа из «Ромео и Джульетты» и атакующий ее рысью эскадрон веронской конной полиции. Однако в настоящее время его украшали только фонтан и несколько плетеных кресел. В одном из них сидела Грета Гарбо [173] и угрюмо чистила апельсин.

— Здравствуй, Грета! — сказал я, гадая, помнит ли она меня.

Грета Гарбо, насупившись, зыркнула глазами и, не говоря ни слова, продолжала чистить апельсин. А ведь она меня точно узнала!

Мы с Льюисом уселись на почтительном расстоянии от нее. Рядом с нами словно из-под земли возник молодой слуга. У него на подносе стояли два стакана безалкогольного эля со льдом.

— Марион Дэвис сказала, что я симпатичный, — с довольным видом сказал Льюис и тут же нахмурился. — А это не помешает

нам выполнить задание? Что, если ее слышал Херст? Она же орала во все горло.

— Не волнуйся. Ничего страшного не случится, — устало пробормотал я, потягивая ледяной имбирный эль. — Марион считает, что почти все мужчины на свете симпатичные, и никогда не стесняется орать об этом.

Некоторое время мы грелись на солнышке. Лед у нас в стаканах начал таять. Грета Гарбо жевала апельсин. Заспанные голуби тихо ворковали на часовой башне, а я думал о том, что скажу Уильяму Рэндольфу Херсту.

Скоро стали подходить остальные гости. Грета Гарбо не обращала ни малейшего внимания и на них. Кларк Гейбл сел на бортик фонтана и заговорил со светловолосым молодым человеком со студии «Парамаунт» о лошадиных бегах. Пришел один из пяти сыновей Херста со своей девушкой и попытался познакомить ее с Гретой Гарбо, которая в ответ лишь буркнула что-то нечленораздельное. Наконец сын Херста махнул на нее рукой, и они с подругой пошли купаться в римском бассейне. Чарли и Лоренс, которых Марион знала еще по немому кино, завязали оживленный разговор о древнегреческой мифологии. У обоих был довольно потрепанный вид. Судя по всему, они давно сидели без работы.

Я разглядывал огромный дом и прикидывал, где сейчас Херст и что он делает. Покупает за миллион долларов очередную газету? Растолковывает сенаторам и конгрессменам, как они должны голосовать? Выписывает чек на приобретение оптом книг какой-нибудь средневековой библиотеки? В основном Херст занимался именно этим. Потому-то им и заинтересовалась Компания.

От этих глубоких мыслей меня отвлекло появление Констанс Толмедж [174]. Ей уже было под сорок, но она так же звонко смеялась и летала по двору, как и тогда, когда играла юную девушку с Гор в «Нетерпимости». При этом и ее бруклинский акцент сохранился. Она тут же подбежала к Льюису, которого давно знала, и они стали оживленно обсуждать общих знакомых. Вскоре распахнулись высокие двери, и из Главного здания появилась — нет, не процессия священнослужителей с крестами, — а Марион Дэвис в вечернем платье.

— Здравствуйте, друзья! — крикнула она поверх струй фонтана. — Извините, что заставила вас ждать, но пришлось обслужить хозяина первым!

Собравшиеся неуверенно захихикали, а здание за спиной у Марион, как мне показалось, нервно дернулось. Впрочем, Марион Дэвис, кажется, было все равно. Она подошла к гостям и стала

тепло здороваться со всеми… Или почти со всеми. Грета Гарбо вроде бы не удостоила ни слова даже ее… Потом Марион пригласила всех пройти в дом.

— Кто у нас здесь впервые? — спросила она, когда мы вошли. — Джо, ты здесь вроде еще не бывал. И твой друг тоже.

— Смотрите! — воскликнула она, ткнув пальцем в мозаичный пол вестибюля. — Знаете, откуда это? Из самой Помпеи! На этом полу в ее последний день жарились люди!

Если Марион не врала, я лично знал некоторых из них. Веселее мне от этого не стало.

После солнечного двора обширный зал показался прохладным и сумрачным. Он был довольно удобен. Повсюду стояли современные диваны, мягкие кресла и маленькие пепельницы на бронзовых треножниках. Этот зал можно было бы даже назвать уютным, если бы он не тянулся почти милю в длину и не был увешан полотнами эпохи Возрождения. Одну из его стен украшал камин такого размера, что в нем поместился бы бык на вертеле. Потолок, терявшийся где-то в высоте, почти недоступной взгляду, кажется, опирался на дубовые балки. Здесь, как и в остальных помещениях, висели картины и стояли статуи, изображавшие Мадонну с Младенцем. Судя по всему, это был любимый сюжет Херста в изобразительном искусстве.

Некоторое время гости бесцельно слонялись по залу. Потом появились слуги со спиртными напитками, и перемещения гостей сразу стали гораздо целенаправленнее. Под снисходительным взором Мадонны мы бросились к подносам, как пираньи на оказавшуюся в реке антилопу.

Сразу стало веселее. Чарли сел за фортепиано и стал наигрывать популярные мелодии. Кларк Гейбл, Лоренс и молодой человек со студии «Парамаунт» нашли колоду карт и решили сразиться в покер. Остальными же гостями занималась Марион, следившая, чтобы каждому достался стакан с любимым напитком и никто не скучал.

Появился сын Херста со своей девушкой. У них были мокрые волосы. Откуда-то возникла пара чрезвычайно пронырливых на вид служащих Херста. Завидев Грету Гарбо, они тут же бросились к ней за автографами. Вошла высокая, худая и очень импозантная дама с двумя тявкающими собачонками на руках. Марион приветствовала ее с распростертыми объятиями. Дама оказалась писательницей. По одному из ее произведений решили снять фильм, и ее пригласили в Голливуд писать сценарий.

Я осматривал стены зала, пытаясь отыскать потайную дверь личного лифта Херста. Льюис мужественно отплясывал чарльстон с Конни Толмедж. Марион подвела к ним писательницу.

— А это Констанс Толмедж. Вы ее, конечно, видели в кино… А это… Как тебя зовут, красавец?

— Льюис Кенсингтон… — В этот момент музыка замолчала. Пианист раскуривал сигарету.

— Льюис! Точно! А вблизи ты еще симпатичнее, — сказала Марион, потрепав Льюиса по щеке. — Ты ведь тоже снимаешься в кино, красавчик?

— В некотором смысле, — потупился Льюис. — Я каскадер.

— Значит, ты по-настоящему работаешь. Не то что разные длинноногие блондинки, — сказала Марион, имея в виду саму себя, и первой захохотала своей шутке. — Конни, Льюис, это — Картиманда Брайс. Вы о ней, конечно, слышали. Она пишет невероятно увлекательные и жутко страшные романы!

Импозантная дама шагнула вперед. Две чихуахуа рванулись было, чтобы вцепиться Льюису в горло, но хозяйка крепко держала их.

— А эт-т-то ее собачки, — заикаясь промямлила отшатнувшаяся Марион.

— Это мои родные и близкие, — скривив губы в мрачной усмешке, заявила Картиманда Брайс. — Их души временно переселились в собачью плоть, дабы способствовать нашему духовному совершенствованию.

— Ох, ничего себе! — воскликнула Конни.

— Ого! — пискнула Марион.

— Это Лернейская Гидра, — заявила миссис Брайс, встряхнув лупоглазого монстра поменьше размером. — А это — Чучхе.

— Какое очаровательное имя! — выдавил из себя Льюис и протянул дрожащую руку, чтобы погладить Чучхе по крошечной лапке. Чучхе ощерилась и завизжала. Что поделать! Некоторые животные чувствуют, что мы — не простые смертные, и иногда из-за этого возникают осложнения.

Льюис отдернул руку.

— Извините! Наверное, ваша собачка не любит чужих.

— Дело не в этом! — Миссис Брайс сверлила Льюиса взглядом. — Чучхе вступила со мной в телепатический контакт. Она сочла, что вы — необычный человек, мистер Кенсингтон.

«Если шавка расскажет этой карге, что ты — бессмертный, значит, это не собака, а сущий дьявол!» — беззвучно передал я Льюису.

«Заткнись!» — беззвучно прошипел Льюис.

— Неужели? — сказал он вслух. — Как интересно!

Тем временем миссис Брайс закатила глаза и нахмурилась. Она наверняка внимала на телепатическом уровне своей карликовой дворняге. Последовало неловкое молчание. Наконец

Марион повернулась к Льюису и сказала:

— Значит, ты дублируешь Фредди Марча! Ну и как?

— Как обычно. Падаю за него. На меня настраивают прожектора, а потом я болтаюсь за него на люстрах, — ответил Льюис, а Чарли заиграл мелодию «Я — арабский шейх».

— Я помню, что он дублировал и Валентино, — сказала Конни.

— Ну да? — воскликнула Марион и обернулась к Льюису с живым интересом. — Бедный, бедный Руди!

— А мне всегда говорили, что Валентино — педик! — фыркнул молодой человек со студии «Парамаунт».

Марион нахмурилась.

— К твоему сведению, Джек, — сказала она ему, — Руди Валентино был настоящим мужчиной. И благородным к тому же. Не бегал за каждой юбкой!

— Кое-кто мог бы брать с него пример, — поддержала Марион Конни с презрительной усмешкой, которой отшивала на экране своих женихов в фильме «Нетерпимость».

— Но так же говорят! — стал оправдываться молодой человек со студии «Парамаунт».

— Другие пусть говорят что хотят, — сказал Кларк Гейбл, поднимая голову от карт. — А ты помни, что о покойниках говорят только хорошо или вообще ничего… Ты будешь играть или нет?

Тем временем миссис Брайс вроде бы пришла в себя и встревоженно уставилась на Льюиса.

— Мистер Кенсингтон, — заявила она низким, утробным голосом. — Чучхе сообщила мне, что вы человек, которому не суждено обрести покоя.

— Неужели? — Льюис начал нервно озираться по сторонам.

— Чучхе чувствует, как с вами пытается поговорить астральный дух чьей-то души, но вы плохо воспринимаете тонкие космические вибрации и не слышите его.

«Пусть позвонит тебе по телефону!» — беззвучно поддразнил я Льюиса.

— Вот так всегда, — развел руками Льюис. — Все тонкое мне не по зубам. Я слишком груб и не способен воспринимать даже толстые космические вибрации.

Какие еще космические вибрации! Я прекрасно понимал, что вытворяет эта стерва. Она была типичной шарлатанкой. Стоило ей узнать хоть что-то о человеке, как она тут же придумывала о нем какую-нибудь страшную историю и начинала ее излагать, внимательно следя за реакцией своей жертвы, чтобы по ходу дела корректировать повествование. Сейчас ей было достаточно узнать

о том, что стоявший перед ней с разинутым ртом Льюис работал когда-то с Рудольфом Валентино. Впрочем, я не сомневался, что она скоро потеряет интерес к такой на первый взгляд мелкой сошке, как мой дорогой Льюис.

— Чучхе видит мужчину. Стройного смуглого мужчину, — продолжала миссис Брайс, со зловещим видом сверкая глазами. — На нем восточные одеяния…

Марион залпом осушила свой коктейль.

— Миссис Брайс, вон Грета Гарбо, — сказала она. — Грете наверняка очень нравятся ваши книжки.

Миссис Брайс тут же перестала вращать глазами и начала оглядываться по сторонам.

— Грета Гарбо?! — воскликнула она и тут же двинулась прямо к актрисе, прозванной Застывшим Пламенем, повернувшись к Льюису спиной и не обращая внимания на Чучхе, рвавшуюся к нему изо всех сил с оскаленными клыками. Узрев миссис Брайс с собачками, Грета Гарбо сжалась в кресле. — Да, «ясновидящей» явно был нужен кто-то поважнее Льюиса!

Я так и не узнал, как протекал телепатический контакт Чучхе с Гретой Гарбо, потому что в этот момент услышал где-то наверху лязг бронзовых дверей и скрежет шестерен. К нам — с некоторым опозданием — спускался самый важный человек в этом доме.

Подобравшись бочком к потайной двери в стене, я почувствовал, как у меня пересохло во рту и вспотели ладони. Неужели и Мефистофель так же нервничает, предвкушая очередную сделку?!

Лифт с негромким стуком остановился. Потайная дверь беззвучно скользнула в сторону. Ни одна живая душа не заметила, как в зале появился Уильям Рэндольф Херст собственной персоной. Льюис его тоже не заметил, потому что снова отплясывал чарльстон с Конни Толмедж. Вот так и вышло, что только я обратил внимание очень высокого пожилого человека, скромно севшего в углу.

Клянусь, у меня от чего-то побежали мурашки по коже. Пару недель назад Уильям Рэндольф Херст отпраздновал свое семидесятилетие. У него были седые волосы и грузное старческое тело, но в его осанке по-прежнему чувствовались сила и уверенность в себе.

Он тихо сидел в углу и наблюдал за гостями, резвившимися в его огромном зале, а я незаметно следил за этим человеком, создавшим современную журналистику и построившим благодаря своей решительности и неистощимой энергии финансовую империю, включавшую газеты, журналы, кинематограф, радио, шахты и бесчисленные ранчо. Херст назначал удобных ему

президентов страны так, словно они состояли у него на службе. Он безжалостно принуждал окружающих вести игру по его правилам. Он устанавливал собственные нормы морали. И все же сидевший в углу человек казался мне подавленным, его странные бездонные глаза потухли.

Знаете, кого он мне напомнил? Громилу из какого-то нестрашного комикса. Огромного, как гора, грозного на вид и при этом печального.

Херст напомнил мне еще кое-кого, но об этом мне совсем не хотелось думать…

— Ты опять нас напугал! — воскликнула Марион, притворившись, что только что заметила Херста. — Смотрите! Вот он! Он обожает внезапно возникать в зале, как какой-нибудь Гудини [175]!.. Ну давай, Уильям! Поздоровайся с нашими дорогими гостями!

Марион взяла Херста за руку. Повинуясь, он встал и улыбнулся во весь рот. Его улыбка способна была напугать. Это была улыбка молодого и ненасытного человека.

— Здравствуйте, друзья! — произнес Херст своим неземным голосом. Амброуз Бирс [176] как-то сравнил его голос со звуками, которые мог бы издавать аромат фиалок. Я никогда не слышал такой мелодичной человеческой речи. Казалось, бессмертен он, а не я. Впрочем, выглядеть заурядно — входит в мои обязанности.

Нужно было видеть последовавшую за этим сцену! Все собравшиеся замерли на месте, повернулись к Херсту, заулыбались и склонились перед ним. Совсем чуть-чуть. Наверняка они и сами не отдавали себе отчета в том, что кланяются, но я-то долго вращался при дворах могущественнейших владык и хорошо знаком с внешними проявлениями подобострастия. Из всех смертных, собравшихся в этом огромном зале, Херста не боялась только Марион. Даже Грета Гарбо поднялась из кресла.

Марион по очереди подводила к Херсту гостей — знаменитостей и никому не известных субъектов, — представляя тех, с кем он не был знаком. Херст со смущенным видом здоровался с каждым за руку. Да он же стеснялся! Он неловко чувствовал себя с другими людьми, а Марион не только ублажала его в постели, но и помогала ему найти с ними общий язык!.. Так, этим можно было воспользоваться!..

Я незаметно стоял в стороне, пока Марион представляла Херсту остальных гостей, и вышел из тени только в тот момент, когда она стала оглядываться по сторонам, разыскивая мою персону.

— А это… Иди сюда, Джо! Я чуть про тебя не забыла! Это Джо

Дэнхем. Он работает на студии мистера Мейера [177]. Он был так любезен, что помог мне…

В этот момент у нас за спиной разверзлись врата ада. Один из проклятых мопсов вырвался на свободу и ринулся на свою жертву. Судя по воплям, жертвой был Льюис. Марион бросилась его спасать. Я шагнул вперед, чтобы пожать руку Херсту, который нахмурившись смотрел поверх моей головы вслед Марион.

— Очень приятно, мистер Херст, — негромко сказал я. — Бернард Шоу просил меня нанести вам визит. Поговорим об этом, когда у вас найдется свободная минута.

Естественно, Херст тут же перестал пялиться в глубь зала и впился в меня глазами. Меня словно обдало раскаленной лавой. Я с трудом перевел дух, но попытался не выйти из роли, загадочно улыбнулся, высвободил руку, которую все еще сжимал Херст, и отступил в тень.

Херст ничего не успел мне сказать, потому что к нему стремительно приближался Льюис, преследуемый по пятам Чучхе. Льюис взвизгивал, нечленораздельно извинялся и перепрыгивал через стулья и прочие предметы мебели. Марион с истерическим смехом пыталась поймать мерзкую собачонку. Миссис Брайс ничего не предпринимала, с понимающим видом и демонической улыбкой на устах созерцая происходящее.

При виде этой сцены Херст еще больше нахмурился. Впрочем, он тут же вспомнил о главном, нашел меня взглядом и неторопливо кивнул.

В дверях появился дворецкий, объявивший, что кушать подано. Херст первым прошествовал в столовую, гости послушно толпились у него за спиной.

Столовая выглядела торжественнее зала, в котором мы пили коктейли. Несмотря на пламя, ревевшее в трубе готического камина, в ней было холодно. Атмосферу немного оживляли висевшие под потолком огромные шелковые флаги со скачек эпохи Возрождения и многочисленные серебряные подсвечники. Вдоль стен стояли скамьи из средневековых монастырей. Возможно, я сиживал на них, когда монашествовал в XV веке. Скамьи казались мне подозрительно знакомыми…

Гости уселись за длинный трапезный стол. Херст с Марион расположились посередине друг против друга. Остальных гостей рассадили в зависимости от их положения в обществе. Рядом с Херстом и Марион находились самые выдающиеся личности или те, кто оказал хозяевам особо ценные услуги. Зануд и назойливых субъектов мистер Херст посадил подальше от себя.

«Мы на самой нижней ступеньке!» — беззвучно сообщил мне Льюис, обнаружив карточки с нашими именами в самом конце

стола. Я заметил, что мистер Херст наблюдает за тем, как мы берем наши тарелки (из непритязательного в свое время фарфора марки «Голубая ива», которые мама Херста наверняка, не жалея, брала с собой на пикник) и идем за едой к буфету.

«Очень скоро мы поднимемся на самый верх!» — беззвучно ответил я.

«Значит, ты уже поговорил с Херстом?» — Льюис потянулся через плечо Кларка Гейбла к аппетитной на вид холодной оленине.

«Пока только намекнул», — беззвучно ответил я, избегая смотреть на Херста, шагавшего к столу с тарелкой утятины.

«К чему такая осторожность? — Льюис проскользнул мимо Греты Гарбо, направлявшейся к суфле из спаржи. — Ведь от Херста только и надо, чтобы он спрятал сценарий с автографом в шкафчике, на который мы ему укажем, и все!»

«Да нет, не все. От Херста еще кое-что потребуется!» — Осмотрев бесчисленные кушанья, я решил не трогать острое и потянулся за картошкой.

«Что-то секретное?»

«Вот именно!» — Я наложил себе на тарелку достаточно еды, чтобы никто не подумал, что я брезгую угощением, и пошел к столу. Херст смотрел на меня. Его взгляд следил за мной, как прожектор противовоздушной обороны. Я учтиво улыбнулся Херсту, кивнул и уселся за стол напротив Льюиса.

«Выходит, Компания не сочла нужным посвящать меня во все подробности операции!» — беззвучно посетовал Льюис, развернул бумажную салфетку и многозначительно поднял свой бокал. Проходивший мимо официант наполнил его вином и двинулся дальше.

«Ну и что! — беззвучно ответил я Льюису. — Ты же знаешь Компанию. Наверняка она и меня посвятила не во все подробности».

Я говорил это, чтобы успокоить Льюиса, не подозревая, насколько я близок к истине…

Итак, мы вкушали ужин вместе со смертными за роскошным княжеским столом. Кларк Гейбл с авторитетным видом рассуждал с мистером Херстом о животноводстве. Марион и Конни хихикали и перебрасывались шуточками с гостями мужского пола, сидевшими напротив них. Сын Херста о чем-то перешептывался со своей девушкой, а Лернейскую Гидру и Чучхе, непрерывно рычавших на кроткую таксу, устроившуюся под стулом у Херста, выдворили слуги. Миссис Брайс не возражала. Она деловито вещала Грете Гарбо что-то о прошлой жизни — непонятно только чьей. Мы с Льюисом молча поглощали пищу в нашем конце стола.

Впрочем, и нас не оставляли вниманием. Марион время от времени отпускала нам какую-нибудь шуточку, а Херст постоянно сверлил меня загадочным взглядом голубых глаз.

В конце ужина мистер Херст встал, подобрал с пола таксу и повел гостей в глубь дома, в свой личный кинотеатр.

Наверное, вы и сами догадываетесь о том, что зрительный зал не уступал своими масштабами всему остальному. Стены были обиты парчой, расписной потолок поддерживали позолоченные кариатиды в два человеческих роста. Гости расселись по местам, инстинктивно придерживаясь порядка, в котором сидели за столом. Мы с Льюисом опять оказались с самого края. Усевшись в необъятное кожаное кресло, Херст приказал в телефонную трубку начинать сеанс. Погас свет, некоторое время царила тьма, и, наконец, загорелся экран. Показывали «Путь в Голливуд», самый последний фильм Марион, в котором она снялась с Кросби Бингом [178]. Увидев свое имя среди титров, Марион пронзительно свистнула. Все рассмеялись.

Все, кроме меня. Мне было не до смеха. Мистер Херст поднялся с кресла и шел ко мне в темноте с таксой на руках. Если бы мы, бессмертные, не обладали способностью видеть во мраке, я, наверное, вскрикнул бы от неожиданности и обмер на своем стуле, когда Херст положил в темноте мне на плечо свою огромную лапу и наклонился к моему уху.

— Я хотел бы поговорить с вами наедине, мистер Дэнхем, — сказал он.

— Как прикажете, — с трудом проговорил я и поднялся со стула. Сидевший рядом Льюис смотрел на меня широко открытыми глазами.

«Ни пуха!» — беззвучно шепнул он и отвернулся к экрану.

Я боком выбрался из ряда и пошел за Херстом, который шагал, не оборачиваясь и не сомневаясь в том, что я следую за ним. Покинув зрительный зал, он пробормотал:

— Пойдемте сюда. Так будет быстрее…

— Хорошо, — согласился я, хотя и не имел ни малейшего представления о том, куда мы направляемся.

Мы шли по какому-то коридору. В доме было тихо. Ни звука, кроме эха наших шагов. Наконец мы добрались до Парадного зала, освещенного неверным светом, и Херст подвел меня к потайной двери в стене, за которой был лифт. Дверь открылась, мы с Херстом и таксой вошли в лифт и через секунду уже ехали куда-то вверх.

У меня пересохло во рту, ладони вспотели, а в животе бурчало… Нет, конечно, у меня ничего не бурчало в животе. Мы, бессмертные, не страдаем несварением желудка. Тем не менее я

чувствовал себя почти как простой смертный, у которого скрутило от страха желудок. В тот момент я отдал бы половину шедевров мирового искусства из этого дома за пригоршню мятных таблеток. Такса смотрела на меня с нескрываемым сочувствием.

Мы вышли на третьем этаже и прошли в кабинет Херста. Из этого помещения он управлял своей империей когда отдыхал на Зачарованном Утесе. Отсюда шли прямые телефонные линии в редакции крупнейших газет страны. Здесь он знакомился с новостями на телетайпной ленте. Отсюда он раздавал приказы. Как только мы шагнули на ковер, заработала скрытая под потолком миниатюрная кинокамера. Раздался еле слышный щелчок. Это включился, спрятанный в каком-то ящике диктофон. Строжайшие меры безопасности образца 1933 года.

Это помещение понравилось мне больше остальных в этом доме. Конечно, кабинет был огромен — с расписанными на старинный испанский манер потолком и позолоченными канделябрами, — но деревянные панели, книги и ковры на стенах делали его даже уютным. На окне позади поблескивающего в свете канделябров необъятного письменного стола из красного дерева я увидел портрет Херста в полный рост. Хороший портрет, написанный, когда Херсту было лет тридцать пять. На нем Херст напоминал молодого императора, взирающего с непроницаемым видом на своих подданных. Сначала казалось, что изображенный на портрете человек и мухи не обидит, но потом под его взглядом становилось как-то не по себе.

— Очень похож, — сказал я.

— Его писал очень хороший художник, — ответил Херст. — Мой друг. Он безвременно скончался. Почему такое происходит?

— Почему люди умирают молодыми? — слегка заикаясь, переспросил я, мысленно выругав себя и приказав себе успокоиться: «Не дергайся! Перед тобой простой смертный! К тому же он уже сам завязал разговор на нужную тему!..»

Загадочно улыбнувшись, я покачал головой:

— Такова участь всех смертных, мистер Херст. Даже самых талантливых. Жаль, правда?

— Конечно, жаль, — ответил Херст, не сводя с меня глаз. — Об этом мы сейчас и поговорим. Не так ли, мистер Дэнхем? Прошу вас, садитесь…

Херст жестом указал мне не на стул у стола, а на удобное кресло и устроился напротив меня так, словно мы старые друзья и присели поболтать о пустяках. Собачка свернулась калачиком на коленях у Херста и вздохнула. В кабинете царил покой.

— Значит, вас послал Джордж Бернард Шоу, — сказал Херст.

— Не то чтобы послал, — ответил я, скрестив руки на груди. — Он просто упомянул, что вас может заинтересовать предложение моих хозяев.

Херст молча сверлил меня взглядом. Я откашлялся и продолжал:

— Он благоприятно о вас отзывался. То есть настолько, насколько мистер Шоу может благоприятно отзываться о людях. Кроме того, судя по тому, что я здесь, у вас и у основателей моей Компании, как мне кажется, много общего. Вы цените прекрасные произведения искусства. Вам невыносимо больно смотреть, как они гибнут по воле слепой случайности. Вы посвятили немало времени их спасению. Это говорит о вашей прозорливости. Современная наука не пугает вас своими возможностями. Вы лишены предрассудков. Будучи смертным, вы не пляшете под дудку ограниченных моралистов. Значит, вы весьма мужественны.

Мои слова, кажется, не польстили Херсту и не обрадовали его. Он слушал меня с непроницаемым лицом. О чем же он думает? Я продолжал, подражая героям Клода Рейнса [179]:

— Мы долго и пристально за вами наблюдали. Мы не делаем наших предложений кому попало… И все же я и теперь вынужден задать вам несколько вопросов.

Херст молча кивнул. Он что, язык проглотил?!

— То, что мы предлагаем, — продолжал я, — по зубам не каждому. Подумайте как следует, не устали ли вы от жизни? Может, вам иногда хочется уснуть навсегда?

— Не хочется, — ответил Херст. — Если бы я устал от жизни, я бы махнул на все рукой и умер. Мне не нужны сон и вечный покой, мистер Дэнхем. Наоборот, я хочу еще пожить. У меня уйма дел. Я не выношу праздности. Без дела я умираю от скуки.

— Допустим, — кивнул я. — Но надо подумать еще кое о чем. Не слишком ли изменился мир со времен вашей молодости? Взгляните на этот портрет. Когда его писали, вы были в расцвете лет. Ваше поколение было молодо. Мир принадлежал вам. Вы знали, по каким правилам играть, и ничто вас не пугало… Но ведь вы родились еще до того, как Линкольн выступил со своей речью в Геттисберге [180]. С тех пор мир очень изменился. Теперь игра идет по другим правилам, в моде иная музыка, а танцы больше напоминают физзарядку. Короли быстро вымирают, и власть переходит в руки беспринципных тиранов. Вас не пугает скорость, с которой стали разворачиваться события? Вам лишь семьдесят лет, но не чувствуете ли вы себя иногда динозавром? Живым ископаемым из предыдущей геологической эпохи?

— Нет! — решительно заявил Херст. — Мне нравится жить здесь и сейчас. Я люблю скорость и все новое. А в будущем мне,

наверное, понравится еще больше. Кроме того, что бы там ни говорили циники, история показывает, что человечество меняется к лучшему. Грядущие поколения будут лучше нас, как бы нас ни пугали разные новомодные увлечения. Да и что такое мода? Что мне до музыки, которую слушает теперь молодежь?! Повзрослев, наши дети будут сильнее и умнее нас. Они смогут учиться на наших ошибках. Я бы хотел увидеть, как они прочно встанут на ноги.

Я кивнул, и некоторое время царило молчание. Наконец я снова заговорил:

— Не забывайте и о сердечных делах, — предупредил я Херста. — Если у человека есть люди, к которым он привязан, то чем дольше он живет, тем больше вероятность, что с ними может случиться нечто такое, от чего ему будет очень и очень больно. Подумайте об этом как следует, мистер Херст!

Медленно кивнув, Херст наконец опустил глаза.

— Это было бы особенно тяжело для человека с прочными семейными связями, — сказал он. — У каждого человека должны быть такие связи. Но многое в мире происходит не так, как надо бы, мистер Дэнхем, — хоть я и не знаю почему…

Что он имеет в виду? Может быть, ему хочется более близких отношений с сыновьями?… Задавая себе эти вопросы, я напустил на себя понимающий вид.

— А что до любви, — немного помолчав, продолжал Херст. — То есть вещи, с которыми приходится смириться. Это неизбежно. Любовь и боль шагают рука об руку.

Может, Херст сожалеет о том, почему Марион не желает ради него бросить пить?

— Любовь невечна, и от этого тоже бывает больно, — заметил я, и Херст снова поднял на меня глаза.

— Слишком долгая любовь тоже причиняет боль, — сообщил он мне. — Но, уверяю вас, я умею терпеть.

Что ж, Херст правильно ответил на все вопросы, и я поймал себя на том, что поднял руку, чтобы погладить себя по бороде, которой раньше щеголял.

— Трезвый взгляд на вещи, мистер Херст, — сказал я. — Теперь давайте обсудим условия.

— Сколько вы мне еще дадите? — тут же взял быка за рога Херст.

— Двадцать лет, — ответил я. — Плюс-минус год или два. Какой огонь вспыхнул в глазах Уильяма Рэндольфа Херста!

А я-то чуть не забыл, с кем имею дело.

— Двадцать лет?! — презрительно фыркнул он. — Мне же только семьдесят. У меня был дед, который прожил до девяносто

семи! Да я и без вас проживу еще двадцать лет!

— С таким сердцем, как у вас, не проживете. И вы это прекрасно знаете, — парировал я.

Херст поморщился и нехотя кивнул:

— Ну ладно. Двадцать так двадцать… Если вы на большее не способны! Что вы хотите взамен, мистер Дэнхем?

— Две вещи, — ответил я, подняв два пальца. — Компания хочет, чтобы вы предоставили ей право время от времени хранить кое-что в вашем замке. Ему ничего не будет угрожать. Речь идет не о контрабанде, а о книгах, картинах и других произведениях искусства, которые могут погибнуть, если будут храниться в менее защищенном месте. В известном смысле мы просто будем пополнять ваше собрание.

— Значит, моему дому не суждено погибнуть? — с мрачным удовлетворением на лице спросил Херст.

— Да, — ответил я. — Это творение ваших рук значительно вас переживет.

Услышав это, Херст осторожно опустил собачку на пол, встал и ушел в другой конец кабинета. Когда он наконец вернулся, на его губах играла едва заметная улыбка.

— Ну хорошо, мистер Дэнхем, — сказал он. — А что вы еще хотите? Что-нибудь невыполнимое?

— Вы должны внести в ваше завещание кое-какие новые пункты, — сказал я. — Тайно предоставить моей Компании право распоряжаться некоторыми из ваших активов. Немногими, но совершенно определенными.

Услышав это, Херст так свирепо усмехнулся, что я невольно задрожал. У меня покрылся испариной лоб, взмокла рубашка под мышками.

— Эта ваша Компания, кажется, считает меня полным дураком? — по-прежнему улыбаясь, спросил Херст.

— Вы повели бы себя, как дурак, если бы согласились на ее предложение, не задавая никаких вопросов, — улыбнулся я в ответ, с трудом подавив желание броситься наутек. — Компании не нужны ваши деньги, мистер Херст. Вы можете оставить все вашей жене и детям. Завещайте Марион сколько хотите. Пусть она ни в чем не нуждается. Условия Компании никоим образом не ущемят интересы ваших наследников. Вы должны понимать, что речь идет о том, что принесет реальную выгоду лишь через пару сотен лет. Сейчас, в 1933 году, это может казаться сущим пустяком, но в далеком будущем это станет бесценным. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Скорее всего, да, — сказал Херст и, поддернув брюки, уселся в кресло. Такса прыгнула ему на колени.

Радуясь тому, что Херст перестал сверлить меня взглядом, я поспешно продолжал:

— Мы покажем вам проект изменений в вашем завещании, но вам не следует знакомить с ним юристов…

— Это я понимаю, — сказал Херст, махнув здоровенной рукой. — Я пока сам в состоянии разобраться, грамотно ли составлен контракт, и ничего никому не стану показывать. Но давайте уточним одну вещь, мистер Дэнхем! Вы только что дали мне понять, что среди моих активов есть кое-что такое, что в один прекрасный день очень понадобится вашей компании. Вам не кажется, что было бы логично, если бы я теперь поднял цену? А еще мне хотелось бы побольше узнать о ваших хозяевах. Мне нужны доказательства того, что вы, да и мистер Шоу, если уж на то пошло, говорите правду.

Я и не сомневался в том, что мы очень скоро придем к этому.

— Разумеется, мистер Херст! — воскликнул я. — Все необходимые доказательства у меня с собой.

— Ну вот и отлично, — сказал Херст, взял телефонную трубку и распорядился: — Анна! Прикажите прислать в кабинет два кофе. Что?… Вам со сливками или с сахаром? — спросил он меня.

— И со сливками, и с сахаром.

— Со сливками и с сахаром, — сказал Херст в телефонную трубку. — И соедините меня с Джеромом.

— Джером? — произнес он после короткой паузы. — Принесите черный чемодан, который лежит под кроватью у мистера Дэнхема.

Я вытаращил глаза на Херста.

— Но ведь ваши доказательства в этом чемодане? — спросил он. — Я не ошибся?

— Нет.

— Вот и отлично! — Херст откинулся на спинку кресла. Собачка подставила ему голову, чтобы он ее погладил. Херст с любовью посмотрел на таксу и стал чесать ей между ушей. Я тоже откинулся в кресле, почувствовав, что рубашка насквозь промокла у меня на спине.

Слава Богу, пот хоть не течет ручьями у меня по лицу!

— А вы простой смертный, мистер Дэнхем? — негромко спросил меня Херст.

Теперь пот потек у меня по лицу.

— Никак нет, — ответил я. — Я был смертным лишь в раннем детстве.

— Вот как? А когда же вы родились?

— Около двадцати тысяч лет назад, — ответил я, и Херст

вновь вперил в меня свой убийственный взгляд.

— Ну да? Такой коротышка, и двадцать тысяч лет?

Неужели метр шестьдесят пять действительно «коротышка»?!

— В мое время все люди были такого роста, — стал объяснять я. — Наверное, плохое питание.

Херст кивнул, помолчал и сказал:

— Значит, перед вашими глазами прошла вся история человечества?

— Так точно.

— Вы видели, как строят египетские пирамиды?

— Да, видел… — отвечая, я молил Бога, чтобы Херст не спросил, как именно их строили, потому что он все равно не поверил бы мне.

— Вы видели Троянскую войну?

— Да, хотя все было и не совсем так, как писал Гомер.

— А библейские предания? Это правда? Вы видели Иисуса Христа? — сверкая глазами, спросил меня Херст.

— Видите ли, — разведя руками, сказал я. — Я не встречался лично с Иисусом Христом, потому что в то время работал в Риме. В Иудее я впервые оказался намного позже, во время Крестовых походов. Что же до библейских преданий, некоторые из них — правда, другие — нет. И к тому же все зависит от того, что именно считать правдой.

Не выдержав, я вытащил носовой платок и промокнул им вспотевший лоб.

— А как вообще насчет религиозных догм? — подавшись вперед, спросил Херст. — Наши души бессмертны? Есть ад? А рай?

— К сожалению, мне там не привелось побывать, — покачал головой я. — Разрешите напомнить вам о том, что я бессмертен.

— А ваши хозяева что, ничего об этом не знают?

— Если даже и знают, — с извиняющимся видом начал объяснять я, — они ничего не говорили мне об этом. Они вообще далеко не все рассказывают своим служащим.

Херст поджал губы, но у меня сложилось впечатление, что — в общем и целом — он удовлетворен. Я обмяк в кресле, как выжатая губка. А я-то мнил себя коварным Мефистофелем!.. С другой стороны, Херст любит быть хозяином положения. Может, быть, в этой роли он будет сговорчивее.

Нам принесли кофе. Херст налил себе полчашки и долил доверху сливок. Я добавил в кофе сливок и положил в чашку четыре кусочка сахара.

— Вы любите сладкое, — заметил Херст, пригубив свой кофе. — Но чему тут удивляться! Наверное, первые пять тысяч

лет жизни вы вообще не пробовали сахара.

— Не пробовал, — подтвердил я, сделал глоток и отставил чашку остывать. — Нас, детей неолита, не угощали конфетами.

В дверь негромко постучали. Вошел Джером с моим чемоданом.

— Спасибо, — сказал я, когда он поставил чемодан между нами.

— Всегда к вашим услугам, — торжественным тоном ответил Джером и удалился, оставив меня в обществе Херста и таксы, смотревших на меня с вопросительным видом.

Я перевел дух, набрал код и открыл чемодан. При этом я чувствовал себя, как коммивояжер, каковым я, в известном смысле, сейчас и являлся.

— Вот! — сказал я, извлекая из чемодана флакончик из серебристого металла. — Это бесплатный образец. — Отведайте, и снова почувствуете себя сорокалетним мужчиной. Действие продлится сутки, но этого будет достаточно. Вы убедитесь в том, что мы легко можем продлить вам жизнь на двадцать лет.

— Значит, вы дадите мне эликсир? — спросил Херст, отпив немного кофе.

— Не совсем, — не слишком кривя душой, ответил я; помимо всего прочего мне предстояло осуществить криптохирургическую операцию на сердце Херста, чтобы временно привести его в порядок, но мы обычно не рассказываем клиентам о таких вещах. — А вот это вам, наверное, покажется более убедительным.

Я извлек портативный компьютер и поставил его на стол.

— Тысячу лет назад я сказал бы сидящему на вашем месте императору, что это — волшебное зеркало, а теперь… Вы знаете, что сейчас в Англии работают над созданием так называемого телевидения?

— Знаю, — ответил Херст.

— Это приспособление — результат двухсотлетнего развития телевидения, — начал объяснять я. — Я не могу принять у вас никаких телепередач, потому что их пока просто нет в эфире. Но я могу воспроизвести для вас несколько программ в записи.

С этими словами я достал из черного конвертика маленький золотой диск, вставил его в отверстие на передней панели и включил воспроизведение.

На столе у Херста тут же загорелся голубой экран. Из крошечных репродукторов послышалась музыка — фанфары, предваряющие вечерние новости 18 апреля 2106 года.

Ошеломленный Херст подался вперед и впился глазами в экран, на котором о чем-то оживленно повествовали

привлекательного вида люди. Мелькали события: новые поселки шахтеров на Луне, бомбардировка Лондона террористами Лиги ольстерских мстителей, международные соглашения о новых ограничениях на использование искусственных комбинаций ДНК, протесты мексиканских рабочих против японских владельцев их автомобилестроительных заводов…

— Постойте-ка! — воскликнул Херст, подняв свою огромную руку. — Как остановить эту штуку?

Я остановил воспроизведение. На экране застыли мексиканские профсоюзные активисты, поджигавшие суши-бар.

— Значит, это и есть журналистика будущего? — спросил Херст, не отрывая глаз от экрана.

— Да. Никаких газет. Только передачи по каналам так называемой компьютерной сети, — стал объяснять я, опасаясь, что все это будет шоком для старика, посвятившего всю жизнь журналистике.

— Но ведь это крайне поверхностно! — воскликнул Херст, вперив в меня испытующий взгляд. — Что мы, собственно, узнали? Два-три слова о каждом сюжете и одна картинка! Да из любого нашего киножурнала вы узнаете сегодня в сто раз больше!

Выходит, шахтерские поселения на Луне совершенно его не поразили!..

— Конечно, это немного, — согласился я. — Но видите ли, мистер Херст, в двадцать втором веке среднему зрителю больше и не надо будет. Краткие, простые и понятные новости, — и все. У большинства населения не будет ни времени, ни желания вникать в суть происходящего.

— Можно мне еще раз посмотреть?

Я включил запись с начала. Херст впился глазами в экран. Мне стало его немного жаль. Что он может понять в этом хаосе звуков и стремительно меняющихся изображений?…

Херст, нахмурившись, досмотрел примерно до того же места, что и в первый раз, и жестом приказал мне остановить запись. Я повиновался.

— Точно! — воскликнул Херст. — Вот именно! Новости для самого заурядного человека. Их может понять даже неграмотный грузчик! Все как в детском саду! — Мне кажется, — сказал он, покосившись на меня, — что тупыми передачами такого рода очень легко направлять общественное мнение в нужное русло. Я всегда говорил, что выразительной картинке нет цены. А ведь это все — картинки! Если показывать публике только подходящие картинки, у нее можно сформировать нужное мнение о том, что происходит, правда?

Я смотрел на Херста, разинув рот.

— Конечно, но разве это честно?

— Нет, если это будут делать нечестные люди, — согласился Херст. — Но если у вас будут благие побуждения, почему бы не прибегнуть и к этому средству?… Но давайте досмотрим! Вы, кажется, манипулируете этой штуковиной, глядя на разные кнопки. Что на них нарисовано? Иероглифы?

— Это универсальные условные обозначения, — объяснил я. — Их активизируют взглядом. Чтобы включить воспроизведение, надо взглянуть вот сюда…

Херст все понял на лету, и новости уже продолжались. В принципе, на диске оставалось уже совсем мало. Сообщение о пуске новой атомной электростанции, прогноз погоды, спорт и два маленьких репортажа о местных новостях. Сначала мы десять секунд слушали и смотрели, как в Сан-Франциско отмечают двести лет со дня страшного землетрясения 1906 года. А потом нам показали то, из-за чего Компания и решила записать для Херста именно эти новости. Мы увидели группу манифестантов, протестующих против использования земель Ранчо Херста для строительства нового населенного пункта с жилыми домами, асфальтированными улицами и крытыми галереями магазинов.

У Херста явно екнуло сердце. Его лицо пугало меня и раньше, а теперь на нем появилось такое выражение, что у меня все похолодело внутри. Он снова и снова сверлил взглядом нужную кнопку. Просмотрев этот короткий репортаж раз шесть, Херст выключил прибор и обернулся ко мне.

— Это невозможно, — сказал он. — Вы слышали, что они задумали? Погибнет побережье! Спилят все деревья! Автомобили, шум, выхлопные газы! А что будет с животными? Они ведь тоже имеют право на жизнь!

— К сожалению, к этому времени диких животных здесь уже практически не останется, — с извиняющимся видом объяснил я и убрал компьютер в чемодан. — Но теперь-то вы понимаете, зачем Компании нужна возможность распоряжаться вашими активами?

Херст молчал и тяжело дышал. Такса подняла морду и смотрела на хозяина с озабоченным видом.

— Ну хорошо, мистер, Дэнхем, — сказал наконец Херст. — Диккенс на моем месте спросил бы: «Что это? То, что будет? Или лишь то, что может быть?»

— О будущем мне известны лишь факты самого общего характера, мистер Херст, — пожав плечами, ответил я. — Крупнейшие войны, важнейшие изобретения. Об остальном мне не сообщают. Я очень надеюсь, что ваше поместье не пострадает. Как вы заметили, в репортаже говорится всего лишь о планах

строительства города на его месте. Другое дело — если событие уже произошло. Историю невозможно отменить.

— Тут важно отличать события, имевшие место на самом деле, от их описания в летописи человеческой истории, — возразил Херст. — Поверьте, зачастую это разные вещи.

— Я готов вам поверить, — сказал я, вновь утирая пот со лба. — Я и сам знаю, как много неточностей вкралось в эту летопись. Именно ими и пользуется моя Компания. Она не отменяет историю, а, так сказать, лавирует среди истинных и вымышленных фактов. Я понятно выражаюсь?

— Разумеется, — ответил Херст, откинувшись на спинку кресла. — Теперь я не сомневаюсь в том, что ваши хозяева знают, что делают, — сказал он; в его голосе больше не струился аромат фиалок, в нем звенела сталь. — Передайте им, что от ваших двадцати лет жизни мне ни горячо, ни холодно. Такой пустяк меня не устраивает. Я согласен только на бессмертие. Сделайте меня таким же, как вы. Вот это мне подойдет. Я всегда думал о том, что одной жизни мне не хватит, а теперь, увидев будущее, понимаю, как много там для меня работы. Кроме того, я хочу приобрести акции вашей Компании. Роль статиста в этой игре меня не устраивает!

— Мистер Херст! — воскликнул я, подпрыгнув в кресле. — Акции я наверняка смогу для вас раздобыть, но о бессмертии не может быть и речи! Вы же не знаете, каким образом оно достигается. Пожилых людей не сделать бессмертными. Компания подбирает себе сотрудников в самом нежном возрасте. Например, меня обессмертили, когда я был почти младенцем. Ваше тело уже состарилось и износилось. Оно не сможет существовать вечно.

— А я что, говорил, что хочу вечно жить в этом теле? — сказал Херст. — Может, прикажете мне ездить в старом ржавом «форде-Т» вместо новых блестящих автомобилей?! Судя по всему, возможности ваших хозяев практически безграничны. Я не сомневаюсь в том, что они могут обеспечить мне вечную жизнь в молодом теле. А не могут — пусть придумают, как это сделать. Им придется это изобрести, если они хотят, чтобы я им помогал. Так им и скажите.

Я было запротестовал, но тут же захлопнул рот. К чему спорить, если можно наобещать с три короба?!

— Ладно, — согласился я.

— Вот и отлично, — сказал Херст, допивая кофе. — Вы будете им звонить? Моя телефонная станция за несколько минут соединит вас с любой точкой земного шара.

— Благодарю вас, но мы пользуемся иными средствами связи, — объяснил я Херсту. — Все необходимое имеется у меня в

комнате, но вряд ли Джером сможет это найти. Я свяжусь с моими хозяевами и, скорее всего, получу от них ответ уже к завтрашнему утру.

Кивнув, Херст взял в руки флакончик из серебристого металла и стал его разглядывать.

— Вы бессмертны благодаря этому эликсиру? — спросил он, подняв на меня глаза.

— В известном смысле — да. В мой организм внесены определенные изменения, и он сам вырабатывает это вещество, постоянно циркулирующее в моих венах, — ответил я. — Мне не приходится его пить.

— Но вы ведь не откажетесь сделать глоток из этого флакона вместе со мной?

— Конечно нет, — сказал я и протянул ему кофейную чашку.

Херст немного повозился с крышкой и налил мне глоток элифизного трибрантина № 3. Я осушил чашку, стараясь не морщиться.

В бутыли был не чистый трибрантин № 3. Его смешали с чем-то вроде клюквенного сока, добавив в него гормонов и эйфориантов, чтобы Херст стал не только здоровым, но и веселым. Еще там, кажется, было какое-то вещество, заставляющее организм активно вырабатывать теломеразу. От такой ядерной смеси кто угодно почувствует себя на седьмом небе, но бессмертным не станешь, даже выпив целую цистерну этого зелья. Чтобы сделать Херста бессмертным, нужно было начинать в трехлетнем возрасте. Сначала ему имплантировали бы специально сконструированные для него биомеханические органы и протезы, а потом он еще несколько лет приспосабливался бы к их существованию в его теле. Но зачем ему об этом говорить?

А Херст помолодел, просто глядя на меня. Я читал в его глазах удивление, страх и нетерпение. Убедившись в том, что я не умер в страшных мучениях, Херст вылил остальной эликсир себе в чашку и выпил его, покосившись на еле слышно жужжавшую в углу кинокамеру.

— Брр, — скривился он. — Какая гадость!

Я с извиняющимся видом пожал плечами.

Разумеется, Херст тоже не умер. Мы еще долго сидели в его роскошном кабинете. Он расспрашивал меня о моей жизни, о том, каково мне было в древние времена, о знаменитых людях, с которыми мне приходилось встречаться. Я рассказывал ему о финикийских купцах, египетских жрецах и римских сенаторах. Через некоторое время я заметил по выражению лица Херста, что его самочувствие существенно улучшилось. Он опустил таксу на

пол, встал и начал расхаживать по кабинету, не осторожными шагами пожилого человека, а легкой, почти приплясывающей походкой.

— Тогда я возразил Апулею: «Но так останется только три рыбы! И что ты будешь делать с флейтистом?!» — говорил я, когда дверь в дальнем конце кабинета распахнулась и в помещение влетела Марион.

— К-куда т-ты пропал?! — закричала она.

Устав или расстроившись, Марион всегда заикалась, а сейчас она была и утомленной, и раздосадованной.

— С-спасибо большое з-за то, ч-что смылся, не г-говоря ни слова, и оставил меня р-развлекать твоих г-гостей!!!

Херст с разинутым ртом повернулся к Марион. Я был готов побиться об заклад, что он забыл и о ней самой, и о гостях, и стал поспешно извиняться:

— Слушай, Марион, это я виноват! Я отвлек мистера Херста. Мне нужно было с ним кое о чем посоветоваться!

Марион с нескрываемым удивлением заметила мое присутствие в кабинете.

— Это ты, Джо?

— Извини, дорогая! — сказал Херст, подошел к Марион и обнял ее за талию. — У тебя очень интересный друг! Гостям понравилось кино? — спросил он, пожирая глазами молодую женщину.

— Н-нет! Половина очень скоро ушла. А я-то д-думала, что они д-досмотрят хотя бы из-за Б-бинга Кросби!

За много тысяч лет жизни я научился вовремя исчезать.

— Спасибо вам за то, что уделили мне время, мистер Херст, — сказал я, хватая черный чемодан и направляясь к лифту. — Я попробую найти этот проспект. Если найду, покажу вам его завтра.

— Ладно, ладно… — пробормотал Херст и впился поцелуем в шею Марион.

Я был готов спуститься вниз, как обезьяна, по тросу лифта, лишь бы поскорее убраться подальше от кабинета, но к счастью, кабина лифта меня ждала. Я кинулся в нее и поехал вниз на лифте с видом Мефистофеля, улетучивающегося через печную трубу.

В Парадном зале было темно, но, как только за мной закрылась потайная дверь, на потолке зажглись люстры. Я заморгал, стал оглядываться по сторонам и наконец обнаружил под потолком кинокамеру, которую не заметил раньше. Отдав ей римский салют, я поспешил к выходу, попирая ногами помпейскую мозаику. Стоило мне покинуть зал, как люстры на

потолке потухли.

Слежка! Тотальная слежка! Сколько же у Херста верных Джеромов, терпеливо озирающих все помещения в его поместье через маленькие дырочки в стенах?!

На улице было темно и прохладно. В воздухе витали ароматы цветущих апельсиновых и лимонных деревьев. На небе сверкали низкие крупные звезды. Я некоторое время бродил среди статуй, прикидывая, как убедить Херста в том, что Компания согласилась принять его условия. А как мне сообщить руководству Компании о том, что оно недооценило Уильяма Рэндольфа Херста?! Что ж, мне не впервой приносить доктору Зевсу не самые приятные известия…

Наконец я отбросил эти мысли и направился в сторону отведенных нам помещений.

В нашей сверкавшей позолотой гостиной горел свет. Льюис примостился на краешке стула работы XVI века. У него был очень смущенный вид. Стоило мне войти, как он вскочил на ноги и заявил:

— Джозеф, у нас большие неприятности!

— Что такое? — устало пробормотал я, не в силах думать ни о чем, кроме горячего душа и чистой постели.

— Пропал сценарий с автографом Валентино!

Позабыв о горячем душе, я ринулся к телефону, поднял трубку и, дождавшись, когда мне ответит заспанный мужской голос, сказал:

— Джером? Привет, старина! Слушай, нам кое-что от тебя нужно. Принеси-ка мне в комнату сливочное мороженое с фруктовым сиропом. И скажи, чтобы положили побольше сиропа!

— Мне тоже! — пискнул Льюис.

Я пригвоздил его взглядом к полу и крикнул в трубку:

— Два мороженых, Джером! Что?… Нет! Орехов не надо! Лучше поищи там шоколадный пудинг, или шоколадные пирожные, или хотя бы батончики. Понял? Давай шевелись, не пожалеешь!

— …Вот я и решил взглянуть на него перед сном, но в чемодане его не оказалось, — объяснил Льюис, облизывая ложку.

— Ты проверил все на отпечатки пальцев и термолюминесценцию? — сказал я, отодвигая вазочку из-под мороженого и берясь за тарелку с шоколадным пудингом.

— Конечно! Отпечатков нет. А термолюминесценция очень слабая. Работали явно в перчатках, — ответил Льюис. — Сейчас я могу сказать только одно. За полтора часа до моего прихода у меня в комнате побывал какой-то смертный. Может, кто-нибудь

из слуг?

— Не думаю. Херст посылал в мою комнату Джерома, но вряд ли тот решил заодно покопаться у тебя в чемодане. При условии, конечно, что он хочет и дальше здесь работать. Если бы у гостей Херста пропадали вещи, об этом уже давно знал бы весь Голливуд. Сплетни здесь распространяются с быстротой молнии.

— Может, это в первый раз? — с унылым видом пробормотал Льюис.

— Вряд ли. У Джерома на лице написано, что он предан хозяину, как собака, — сказал я, за две секунды приговорив весь шоколадный пудинг.

— Так кто же это сделал? — спросил Льюис, принимаясь за пирожное.

— Тебе виднее. Это ты специалист по психологии смертных. Тебе что, не давали читать романы Агаты Кристи?! — Я отодвинул тарелку из-под пудинга и впился зубами в шоколадный батончик. — Не мне тебя учить. Начинай отсеивать потенциальных подозреваемых. Определи, кто, где и когда мог находиться. Скажу тебе сразу, это сделал не я. Папаша Херст тут тоже ни при чем. Он все время был со мной с того момента, как мы покинули кинозал, и до того момента, как в кабинет влетела Марион, а я смылся.

Я закрыл глаза и стал наслаждаться долгожданным действием теоброма.

— Ну да, — рассеянно сказал озиравшийся по сторонам Льюис. — Значит, это был кто-то из тех, кто смотрел кино вместе со мной.

— Да. Марион сказала, что половина гостей ушла из зала до конца фильма. А ты его досмотрел?

— Конечно! Я очень удивился тому, что кто-то уходит! — с неподдельным возмущением воскликнул Льюис. — Видел бы ты Бинга Кросби!

— У тебя весь подбородок в шоколаде… Итак, ты досмотрел фильм до конца… — Я отдавал себе отчет в том, что с трудом шевелю мозгами, но решил во что бы то ни стало докопаться до истины. — Марион тоже. А кто еще был в зале, когда загорелся свет?

Льюис облизывал нижнюю губу, стараясь заставить работать свой плывущий по волнам теобромной эйфории мозг.

— Я просматриваю виртуальную видеозапись событий, — сообщил мне он. — Вот Кларк Гейбл. Вот сын Херста с подругой. Вот чертовы редакторы в строгих костюмах. Вот Конни.

— А Грета Гарбо?

— Ее нет.

— А молчаливые парни Чарли и Лоренс?

— Нет.

— А этот самый с «Парамаунта»? Как его? Джек?

— Его тоже нет.

— А безумная баба с собачками?

— Нет!.. Боже мой! — воскликнул Льюис, подняв на меня испуганные глаза. — Да ведь сценарий мог украсть любой из них.

Собравшись с мыслями, он вытер платком шоколад с подбородка.

— Кроме того, вор мог незаметно выскользнуть из зала и вернуться до конца фильма.

— Какой ужас! — застонал Льюис. — Что же нам делать?!

— Пока не знаю, — с трудом поднимаясь на ноги, ответил я. — Но завтра ты найдешь вора и вернешь сценарий. У меня полно других дел.

— Каких это дел?

— Херст начал капризничать. Мне надо передать его ультиматум доктору Зевсу.

— Ха! — возмутился Льюис. — Этот Херст думает, что может диктовать условия Компании?!

— Не только думает, но и диктует, — сообщил я Льюису и направился к себе в спальню. — А все шишки посыплются на меня! Теперь ты понимаешь, почему я так нервничал? Я с самого начала знал, что все именно так и обернется.

— Ладно, не дрейфь! — крикнул мне вслед Льюис. — Ничего страшнее того, что уже произошло, теперь не случится!

Я включил свет в спальне и сразу понял, что Льюис, как всегда, ошибался.

С постели ко мне с оглушительным визгом ринулось исчадие ада, примериваясь, как бы впиться мне в горло своими острыми, как иглы, зубами. Оно застало меня врасплох. Я устал, ничего не соображал и изо всех сил отшвырнул это существо в сторону. Некоторые особенности моего бессмертного организма сообщают ему нечеловеческую силу, и бездумное создание с хрустом впечаталось в противоположную стенку спальни, рухнуло на пол, конвульсивно подергало лапками и затихло.

На звук в комнату влетел Льюис, огляделся по сторонам и отвернулся, зажав рот носовым платком.

— Ну вот! — пробормотал он. — Ты прикончил Чучхе!

— Может, я ее только оглушил?

Проковыляв через спальню, я наклонился над собачьей тушкой. Ко мне подошел Льюис. Вместе мы долго смотрели на Чучхе.

— Нет, не оглушил, — пробормотал наконец Льюис.

— Черт бы вас всех побрал!!! — взорвался я и рухнул на первый попавшийся стул. — Что же теперь делать?!

Отвернувшись от гадкого трупика, я внезапно заметил свою разгрызенную на куски теннисную туфлю.

— Ты смотри, что сделала с моей обувью эта падаль!

— Как сюда попала эта собака?! — заломив руки, воскликнул Льюис.

— И в чем же мне завтра играть в теннис?! — прорычал я.

— Но если она просидела здесь столько времени, что успела сгрызть твою туфлю… — Глаза у Льюиса остекленели, он замолчал, судорожно пытаясь собраться с мыслями. — И зачем я только принимал теобром?! Вот так всегда! Стоит почувствовать себя в безопасности, расслабиться, получить немного удовольствия — и тут!..

— Выходит, твой сценарий стырила Картиманда Брайс! — воскликнул я, вскочил на ноги и тут же вцепился в спинку стула, чтобы не упасть. — Она забралась к нам и не заметила, что за ней увязалась поганая собачонка!

— Да, наверное! — У Льюиса вспыхнули и тут же снова погасли глаза. — Нет, совершенно не обязательно. В кинозале у этой бабы не было собак. Ты что, не помнишь, что их увели еще во время обеда?!

— Да, ты прав! — Я снова рухнул на стул. — Собака могла смыться из комнаты Картиманды и забраться к нам сама по себе…

— Значит… Значит… Не знаю! Ничего не соображаю! — уныло покачал головой Льюис. — А что нам делать с несчастной зверушкой? Наверное, придется признаться ее хозяйке!

— Ни в коем случае! — отрезал я. — Я еще ни о чем не договорился с Херстом, а он просто помешан на правах животных и добром обращении с ними! Что мне ему сказать? «Извините, дорогой мистер Херст, но я был вынужден размазать по стенке вашего дома маленькую собачку!» Скажи спасибо, что хоть здесь за нами не следят кинокамеры.

— Но ведь надо же что-то делать! — запротестовал Льюис — Не можем же мы оставить дохлую собаку у тебя на полу. Может, нам ее закопать?

— Нет! Когда Картиманда спохватится, собаку станут искать, — сказал я. — Могилу найдут, собаку выкопают, убедятся в том, что кто-то ее прикончил, а потом воровато спрятал. Этого только не хватало!

— Надо спрятать там, где ее не найдут! — заявил Льюис. — Давай бросим ее за забор. Пусть ее сожрут дикие животные!

— Думаю, зебры не соблазнятся этой падалью, — сказал я устало потирая виски. — И вообще, не знаю, как ты, а я так устал, что не смогу перебросить ее за забор с первого раза, а потом одна из кинокамер Херста снимет, как я бегаю и кидаю через забор дохлую собаку…

— Слушай! — воскликнул я, озаренный внезапной идеей. — У Херста тут ведь зверинец. Пошли подбросим Чучхе в клетку со львами!

— А если мы промажем мимо клетки?! — с содроганием возразил Льюис.

— Ну и черт с ним! — Я встал на ноги. — Пошли! Чего тут ломать голову?! Собаки каждый день дохнут по самым разным причинам!

Собравшись с нашими нечеловеческими силами, мы ринулись на улицу и помчались так быстро, что кинокамеры Херста зафиксировали в неверном свете звезд разве что две размытые еле заметные тени. На ступенях парадной лестницы Главного здания остался лежать трупик собаки в более или менее естественной позе. Если нам повезет и к утру Чучхе как следует

окоченеет, никто не докопается до причин ее смерти.

Приняв душ и немного придя в себя, я открыл полевое коммуникационное устройство в чемодане и, присев перед ним на корточки, стал печатать донесение, с трудом попадая по крошечным клавишам.

«*У.Р. Херст согласен. Принял эликсир, но выдвигает свои условия. Требует акции Компании и бессмертие. Объяснил ему, что это невозможно. Не верит.*

Предлагаю ввести его в заблуждение. Продлить ему жизнь на восемнадцать лет, пообещав бессмертие в дальнейшем. Затем — начать переговоры с наследниками.

Жду указаний».

Я не стал сообщать о пропаже сценария с автографом Валентино. Зачем тревожить Компанию? Ведь мы наверняка найдем его! Известно, что 20 декабря 2326 года — в разгар вспыхнувшего интереса к прошлому Голливуда — реставратор старинной мебели обнаружит этот сценарий в потайном отделении шкафчика испанской работы, принадлежавшего ранее У.Р. Херсту, но купленному впоследствии компанией «Доктор Зевс Инкорпорейтед». Подлинность сценария докажут, и он будет продан на аукционе за сногсшибательную — даже на фоне инфляции XXIV века — сумму. А ведь историю не изменить, правда?

Я зевнул, блаженно потянулся и хотел было выключить коммуникационное устройство и пойти спать, как вдруг негромкий звуковой сигнал оповестил меня о том, что пришло ответное сообщение. Поморщившись, я присел перед устройством и прочел:

«*Условия приняты. Сообщите Херсту и при первой возможности откорректируйте и модернизируйте его сердце. О цене акций вам сообщит Квинт».*

Я дважды перечитал текст.

Понятно! Компания согласилась с моим предложением. Я пообещаю Херсту бессмертие, но дам только восемнадцать лет, отведенных ему историей. Он не проживет и трети этого срока, если я не приведу в порядок его сердце. Но о какой «модернизации» идет речь?! Странно…

Меня не терзали угрызения совести из-за того, что мне придется врать старику. Не каждый смертный доживет до 88 лет! А когда его сердце, несмотря на мое вмешательство, все-таки сдаст, Херст закроет глаза и тихо умрет в предвкушении вечной жизни. Не на нее ли надеется перед кончиной большинство смертных?! Конечно, он попадет в рай (если он вообще существует), а не в молодое тело, но разве он сможет подать на

меня в суд за нарушение условий контракта?!

Я оповестил хозяев о том, что ответное сообщение принято, и наконец-то выключил коммуникационное устройство. Зевая во весь рот, я залез на бесценную позолоченную кровать с резьбой, выполненной мастерами эпохи Возрождения. Меня немного утешало лишь то, что проклятый мопс не успел на нее помочиться.

На следующее утро я долго спал, хотя и знал, что Херст предпочитает, чтобы его гости вставали вместе с восходом солнца и предавались на утренней заре атлетическим упражнениями или верховой езде. Впрочем, я не сомневался в том, что он закроет глаза на мое поведение. Кроме того, если эликсир возымел свое обычное действие, Херст наверняка и сам проведет все утро в постели и не выпустит из нее Марион.

Когда я наконец выбрался на солнышко, передо мной выросла левая башня Главного здания.

Дохлой собаки нигде не было, и я потянул за створку высокой входной двери. Судя по всему, труп Чучхе убрали без особого шума. Вот и отлично!

Пройдя по прохладным и сумрачным коридорам, я добрался до зала, в котором завтракали гости. Он находился на противоположном конце дома. Солнечный свет лился сквозь высокие стеклянные двери на столы, ломившиеся от яств. Льюис добрался сюда раньше меня и уже уписывал за обе щеки аппетитного вида оладьи. Наложив себе в тарелку мясного салата, я воскликнул так, чтобы меня услышали смертные в разных концах помещения:

— Ну что, Льюис? Как тебе спальня? Шикарно! Правда? Спалось хорошо?

— Отлично! — ответил Льюис. И тут же беззвучно пожаловался мне на тяжелое похмелье от теоброма.

— Представляешь, какой ужас! — вслух продолжал он. — Одна из собачек миссис Брайс вышла ночью на улицу и замерзла насмерть. Слуги нашли сегодня утром ее окоченевший трупик.

— Какое горе!..

«Никто ничего не подозревает?»

«Нет!..»

— Бедная миссис Брайс!

«Фу, как мне плохо…»

«Отстань! У меня сегодня и без тебя хлопот полон рот!»

Налив себе кофе, я проследовал к длинному столу.

Льюис тащился за мной.

«А сценарий? Ты придумал, как его найти?»

«Нет! — беззвучно ответил я, уплетая салат. — А может, у

кого-нибудь еще что-нибудь пропало?»

«Никто ничего не говорил…»

«Слушай, а кто-нибудь мог знать о существовании этого сценария? Ты никому не говорил о том, что у тебя с собой сценарий «Сына шейха» с автографом Рудольфа Валентино?»

«Конечно же нет! — беззвучно завопил Льюис, возмущенно вскинув на меня глаза. — Я что, совсем безмозглый сопляк? Мне все-таки почти две тысячи лет!»

«Может, кто-нибудь из гостей охотился за Гретой Гарбо или Кларком Гейблом, и зашел к тебе в комнату по ошибке?» — Я незаметно поискал глазами Гейбла. Он целиком погрузился в чтение спортивной страницы одной из газет Херста.

«Если это был маниакальный поклонник Гарбо, он сразу бы понял, что попал в комнату мужчины, а не женщины! — решительно упершись локтями в стол, передал мне Льюис. — Конечно, это могла быть какая-нибудь дамочка, влюбленная в Гейбла… Но зачем ей сценарий?»

Я взглянул на Конни. Она сидела в шезлонге с тарелкой омлета на коленях и ела.

«Конни не стала бы это делать. Марион — тоже. Вряд ли это девушка сынка Херста. Остаются только Гарбо и миссис Брайс. Обе ушли из зала до конца фильма».

«Зачем Грете Гарбо этот сценарий?» — удивленно поднял брови Льюис.

«А какими мотивами она вообще руководствуется в своих поступках?» — беззвучно ответил я вопросом на вопрос и пожал плечами.

Льюис стал озабоченно озираться.

«Не могу представить себе, как Грета Гарбо роется в моем белье… Значит, это все-таки миссис Брайс…»

«Наверное. Ведь залезла же как-то ко мне ее собачонка!»

Я встал и пошел к столам с едой с таким видом, словно хочу налить себе еще кофе. Миссис Брайс в черной пижаме в гордом одиночестве восседала на стуле с высокой спинкой. У одной из его ножек стояла тарелка с яйцами, фаршированными красной икрой, которые с жадностью пожирала Лернейская Гидра. Миссис Брайс не вкушала пищи. Она сидела с закрытыми глазами, подняв лицо к потолку и приняв нечто вроде позы лотоса. Скорее всего, она медитировала.

Увидев меня, Лернейская Гидра оторвалась от икры и зарычала.

— Не сердитесь на нее, мистер Дэнхем, — сказала миссис Брайс, не открывая глаз. — Она соболезнует мне и защищает меня.

— А я и не сержусь, а переживаю по поводу вашей утраты, — сказал я, стараясь держаться подальше от Лернейской Гидры.

— Чучхе не утрачена. Она по-прежнему с нами, — торжественно произнесла миссис Брайс. — Она просто поднялась на следующий астральный уровень. Я как раз получила от нее весточку… Она покинула свое бренное тело, чтобы приняться за иной, более важный и ответственный труд…

— Это потрясающе! — воскликнул я.

Кларк Гейбл оторвался от газеты, взглянул на меня и закатил глаза. Я пожал плечами и налил себе кофе. Не сомневаясь в том, что миссис Брайс прикидывается ясновидящей, я в то же время не имел ни малейших оснований возражать против ее теории, что Чучхе добровольно оставила этот мир. Не рассказывать же мне, что я самолично размазал ее по стенке!

«Думаешь, это все-таки миссис Брайс украла сценарий? — беззвучно спросил меня Льюис, когда я вернулся за стол. — Помнишь, как она ко мне приставала, пока Марион не показала ей Гарбо?»

«Возможно… Но мне кажется, что она витает слишком высоко в облаках, чтобы шнырять по чужим спальням. А почему она стащила сценарий и больше ничего не взяла?»

«Понятия не имею!.. Что же нам делать?! — Льюис нервно комкал в руках бумажную салфетку. — Сообщим о краже Херсту?»

«Ни в коем случае. У меня же все пойдет насмарку! Что это за представители могущественной Компании, которые позволяют жалким смертным воровать у них вещи! Мы сделаем вот что! Попробуй поговорить наедине со всеми, кто ушел с фильма. Спроси их как бы невзначай, где они все были, и сопоставь их рассказы».

«Но я же простой эксперт по спасению литературных сокровищ! — беззвучно воскликнул Льюис, в ужасе закатив глаза. По-моему, у тебя лучше получится их допрашивать. Ты же оператор!»

«Может, ты и прав, но сейчас мне некогда!»

Не успел я ответить Льюису, как в комнату широкими шагами вошел хозяин.

На Херсте были сапоги и галифе. Его лицо раскраснелось от свежего воздуха. Значит, он не нежился в постели, а встал спозаранку и объезжал свои владения. Увидев меня, он засверкал глазами, но ничего не сказал, прошел прямо к миссис Брайс, снял шляпу и заговорил с ней. Лернейская Гидра поджала хвост и спряталась под стул.

— Выражаю вам мои глубокие соболезнования в связи с

гибелью вашего маленького друга. Надеюсь, вы окажете мне честь и выберете себе щенка у меня на псарне. Вряд ли там есть сейчас чихуахуа, но любой щенок — большое утешение тому, кто только что потерял любимую собаку, — сказал Херст гораздо более звучным голосом, чем вчера. Эликсир явно действовал.

Медитировавшая миссис Брайс вздрогнула, открыла глаза и поднялась на ноги, одарив Херста ослепительной улыбкой.

— Вы невероятно добры ко мне, мистер Херст! — сказала она, явно решив, что с Херстом ее бред о следующем астральном уровне не пройдет.

Херст предложил ей руку, и они удалились в одну из стеклянных дверей, преследуемые с трудом поспевавшей за ними Лернейской Гидрой.

«А что будет, когда круг подозреваемых сузится?» — беззвучно спросил меня Льюис.

«Мы выкрадем у вора наш сценарий».

«Как?!» — Льюис изорвал в клочки салфетку.

«Там видно будет!» — беззвучно ответил я и повернулся к вошедшей в комнату Марион.

Она буквально вплыла в помещение, и совсем не потому, что не держалась на ногах от виски. Сегодня утром Марион Дэвис явно была счастливейшей из смертных. Увидев Конни, Марион направилась прямо к ней. Конни подняла глаза и сразу протянула Марион стакан.

— На! Выпей апельсинового сока, — многозначительно сказала Конни.

Я не сомневался в том, что это джин, подкрашенный апельсиновым соком. Конни и Марион часто напивались вместе…

— Да подожди ты! Иди сюда! — воскликнула Марион и утащила Конни в угол, где они долго перешептывались и хихикали. Конни смотрела на Марион широко открытыми от удивления глазами.

«Ты уверен, что слуги тут ни при чем?» — беззвучно продолжал допытываться Льюис.

«Скорее всего!» — ответил я и отмахнулся от него, потому что в этот момент меня заметила Марион, которая что-то быстро сказала Конни, нахмурилась и со смиренным видом направилась ко мне.

— Д-Джо! Я хочу спросить у тебя одну вещь.

— Садитесь, пожалуйста, мисс Дэвис, — поднимаясь со своего стула, сказал Льюис. — Я как раз собирался прогуляться.

— О, так он еще и джентльмен! — воскликнула Марион, как-то неуверенно захихикав. Она села напротив меня и заговорила лишь после того, как Льюис с пустой тарелкой отошел достаточно

далеко.

— Слушай! Т-ты приехал п-просить у Херста д-денег?

— Ты что?! Мне бы и в голову такое не пришло! — воскликнул я, напустив на себя вид оскорбленной добродетели.

— Я тоже так думала, — сказала Марион, нервно катая по скатерти крупинки просыпавшейся соли. — И вообще Херста бесполезно шантажировать. Но т-ты же знаешь все секреты и тайны. Так говорят все. Вот я и подумала… Некрасиво было бы использовать меня, чтобы подъезжать к Херсту насчет денег! — прищурившись, добавила она.

— Конечно, некрасиво, — согласился я. — А никто тебя и не использует. Честное слово!

— А еще я подумала, — кивнув, продолжала Марион, — что ты продал ему какое-то лекарство. Все знают, что Херст интересуется долголетием, а он, кажется, пил что-то красное из своей кофейной чашки. Хоть он миллионер и знает, как делать деньги, но шарлатанам ничего не стоит его обдурить, — поджав губы, сказала она.

— Никого я не хочу обдурить! — воскликнул я, осмотрелся с таким видом, словно боялся, что нас подслушивают, и перегнулся через стол к Марион. — Дело в том, что мне действительно нужно было посоветоваться с Херстом, и он любезно согласился меня выслушать. А шантажируют-то совсем не его. Понимаешь?

— Ах вот оно что! — с понимающим видом воскликнула Марион. — Значит, шантажируют мистера Мейера!

— Я этого не говорил! — заявил я таким тоном, что у Марион больше не осталось вопросов и она явно успокоилась

— Бедный мистер Мейер! — пробормотала она. — Но ты точно ничего не давал пить Херсту?

— А что я мог дать ему?! — воскликнул я, прикинувшись простым парнем, озабоченным проблемами своего хозяина и никогда не слышавшим ни о каких чудодейственных эликсирах

— Ну да… — Марион наклонилась на стуле и потрепала меня по плечу. — Прости! Мне в голову лезли всякие мысли…

— Я тебя понимаю, — сказал я, поднявшись на ноги. — Но ты зря беспокоилась.

Да и о чем ей было беспокоиться?! Это мне предстоял серьезный разговор с мистером Херстом.

Я пошел по дорожкам поместья, высматривая хозяина, но он сам нашел меня и, как из-под земли, вырос передо мной на аллее.

— Мистер Дэнхем, — улыбаясь до ушей, заявил он, — ваш эликсир — превосходен… А вы связались с вашими хозяевами?

— Так точно! — ответил я, поборов дрожь в голосе.

— Отлично! Давайте прогуляемся… Расскажите мне, что они ответили. — С этими словами Херст зашагал по аллее, и мне пришлось припустить бегом, чтобы от него не отстать.

— К моему удивлению, — смущенно улыбнувшись, сказал я, — они согласились на ваши условия. Я и не подозревал, что такие требования смертного могут быть удовлетворены. Но ведь я простой служащий Компании, и мои хозяева рассказывают мне далеко не все.

— Я так и думал, — с невозмутимым видом сказал Херст. К нему, весело виляя хвостом, подбежала его такса. Он взял ее на руки, и она стала восторженно лизать ему щеки. — Ну и что теперь?

— Насчет акций с вами свяжется другое лицо. Он сошлется на меня, как я сослался на мистера Шоу.

— Хорошо. А остальное?

Ну вот! Началось!

— Я сообщу вам состав эликсира, который вы будете ежедневно принимать. Ничего особенно сложного. Его запросто приготовят у вас на кухне.

— И все? — Херст с подозрением покосился на меня; такса последовала его примеру. — Я буду пить эликсир, который вы дали мне вчера?

— Нет, — на этот раз не кривя душой, заявил я. — Это средство лишь продлит вашу жизнь до того дня, когда вы как бы умрете. Но вы не умрете. Мы пришлем одного из наших врачей. Он выпишет свидетельство о смерти и повезет ваше тело в морг. Но вместо морга вас отвезут в одну из наших больниц, где и оживят в новом теле. После этого вы будете жить вечно.

Я, конечно, врал без зазрения совести. У меня на лбу опять выступил пот. Мы шли по парку. Херст некоторое время молчал.

— Звучит довольно правдоподобно, — наконец сказал он. — И мне, конечно, сейчас никак не убедиться в том, что ваши хозяева сдержат свое слово.

— Вам придется поверить нам на слово, — согласился я. — Но смотрите, как замечательно вы себя сейчас чувствуете. Разве это не доказательство?

— Это довольно убедительно… — сказал Херст, но не договорил, и мы пошли дальше молча.

Выходит, нужны еще доказательства!

— Видите вон ту розу? — спросил я, показывая на розовый куст в ста метрах перед нами, на котором только что распустился большой розовый бутон.

— Вижу.

— Сосчитайте до трех.

— Раз… — начал считать Херст, а я уже стоял перед ним с розой в руках.

Херст побледнел, а потом — расплылся в улыбке. Такса боязливо заурчала.

— Замечательно! — сказал Херст. — А можете ли вы обогнуть земной шар за полчаса?

— В принципе, могу, — ответил я. — Но для этого мне понадобились бы крылья, а у меня их нет. Вы их тоже не получите. Надеюсь, это вас не очень расстраивает.

— Пока нет, — рассмеялся Херст. — Ну ладно. Пойду переоденусь и поиграю в теннис. А вы играете?

— Конечно, — ответил я. — Но оказывается, я взял с собой только одну теннисную туфлю.

— Я прикажу, чтобы вам принесли новую пару. Какой размер вы носите? — спросил Херст, глядя мне на ноги. — Тридцать девятый, что ли?

Я уныло кивнул.

— Кроссовки будут ждать вас на корте. И когда будете со мной играть, пожалуйста, не забывайте, что я пока еще простой смертный! — С этими словами Херст ослепительно улыбнулся и удалился вприпрыжку.

Я шел обратно в сторону столовой, лелея слабую надежду найти там что-нибудь сладкое, когда внезапно натолкнулся на Льюиса. Он крался по садовой дорожке вдоль розовых кустов.

— Что ты делаешь, Льюис?

— А как ты думаешь? — громким шепотом ответил мне он — Естественно, выслеживаю Грету Гарбо!

У меня, наверное, был такой скептический вид, что Льюис возмущенно выпрямился во весь рост.

— Может, предложишь какой-нибудь другой способ завязать с ней разговор?! — спросил он. — А я, между прочим, придумал…

Оглядевшись по сторонам, Льюис продолжил беззвучно:

«Я придумал, как найти вора!»

«Ну и как же?»

«Я начну разговор с Гарбо и, как бы невзначай, скажу, что не видел, чем кончился вчерашний фильм, потому что у меня страшно разболелась голова и я ушел к себе. Потом я попрошу ее рассказать мне конец фильма. Если она не воровала сценарий, она просто скажет, что не знает, потому что тоже не досмотрела фильм. Если же это она его украла, ей сразу станет ясно, что я вру, потому что она была в указанное время у меня в комнате и видела, что меня там не было. Она станет нервничать, у нее возрастет кровяное давление, участится пульс, а зрачки

расширятся. Я сразу засеку реакцию ее организма, и пойму, что воровка именно она».

«Ловко придумано, — признал я. — Я и сам прибегал к такому методу, когда работал инквизитором».

«Ну вот и отлично!» — просиял Льюис.

«Но вот станет ли Грета Гарбо с тобой разговаривать?»

Льюис немного смутился, но продолжал с решительным видом подкрадываться к сидевшей на мраморной скамье актрисе, прозванной Пылающей Сосулькой. Я пожал плечами и пошел переодеваться.

Играя в теннис с Херстом, я выложился до конца, продемонстрировав чудеса изобретательности и физической подготовки, благодаря которым я в свое время прославился в баскетбольной команде звезд. Мне приходилось выкидывать невероятные кренделя, недоступные смертным. Я одновременно возникал с обеих сторон сетки, чтобы произвести на Херста впечатление, вертелся как белка в колесе, стараясь не убить Херста мячиком и при этом каким-то непостижимым образом дать ему выиграть. Хотел бы я видеть, как сыграл бы на моем месте Билл Тильден [181]!

Для меня матч был сущим адом, а Херсту, кажется, нравилось. Он улыбался, глядя, как я ношусь туда и сюда по корту, а сам возвышался в центре своей половины, как вековой дуб, с чудовищной силой отбивая все мои мячи. Такса стояла на задних лапах за металлической сеткой и время от времени неуверенно тявкала. Теперь она явно не сомневалась в том, что я — не такой, как все. К счастью, примерно через час появился Кларк Гейбл. С трудом переводя дух, я сел на скамейку, утер пот со лба и подумал, что только что выдержал одно из самых суровых испытаний в моей жизни. Перед матчем с Гейблом Херст куда-то позвонил по находившемуся рядом с кортом телефону. Через две минуты появился улыбающийся слуга и поднес мне стакан ледяного имбирного эля.

Кларк Гейбл тоже проиграл. А он, кажется, изо всех сил старался выиграть. Не в характере Гейбла — поддаваться!

После невероятных трюков на теннисном корте мне пришлось как следует помыться под душем и переодеться. Потом я потихонечку вышел на улицу, чтобы осмотреться.

Ночью я намеревался произвести хирургическую операцию, чтобы Херст прожил еще восемнадцать лет, обещанных ему Компанией. Мне предстояло незаметно оперировать спящего Херста. Для этого нужно было найти какой-нибудь путь в его покои помимо лифта. Однако ни в одном из помещений, где я до

сих пор бывал, не было никаких признаков лестницы. Как же к Херсту поднимались слуги?!

Я обошел весь дом и ощупал его стены локатором, обнаружившим два пути наверх. Больше всего мне подходила узенькая винтовая лестница, начинавшаяся на восточной террасе. Я мог незаметно пробраться к ней через сад, подняться наверх, откорректировать сердце Херста и так же незаметно убраться восвояси. Для этого мне очень пригодятся теннисные туфли, так предусмотрительно предоставленные мне моим же «пациентом».

Я брел в сторону Купальни Нептуна, когда кусты передо мной зашуршали, и на дорожку вылетела заливавшаяся лаем Лернейская Гидра. Я взял себя в руки и не зашвырнул собачонку пинком в Тихий океан. Вместо этого я присел и оскалил зубы.

Гидра заскулила и поджала хвост.

— Привет, Гидрочка! — сказал я. — А где твоя хозяйка?

Закутанная в темную вуаль фигура, неподвижно стоявшая до этого за кустами, пришла в движение.

— Гидра! Гидрочка! — позвала она. — Не приставай к мистеру Дэнхему.

Возникнув из-за угла, Картиманда Брайс остановилась и стала молча ждать, когда я спрошу, откуда она знает, что Лернейская Гидра атаковала именно меня.

Вместо этого я спросил:

— А где ваша новая собачка?

— Все еще на псарне мистера Херста, — ответила Картиманда Брайс, гордо задрав подбородок. — Он любезно приказал изготовить для нее специальную корзинку. Его доброта не знает границ!

— Он мужчина что надо! — согласился я.

— В этой жизни он так же щедр к окружающим, как и в предыдущих, — продолжала Картиманда Брайс. — Он научился щедрости еще в бытность цезарем. Видите ли, когда правишь целой империей, становишься или отпетым мерзавцем, или человеком неземного благородства. На нашего гостеприимного хозяина лавровый венец подействовал исключительно благотворно. У него, безусловно, очень древняя душа…

— Ну да?!

— Да, да! Он много раз появлялся на этот свет в разных обличиях. Он был и фараоном, и цезарем, и царем царей, — сообщила мне миссис Брайс таким обыденным тоном, словно перечисляла хорошие оценки Херста в школьном табеле. — При этом ему предстоит еще очень много потрудиться на нашем уровне бытия… Вам, наверное, интересно, откуда я все это знаю?

— Да! Действительно! Как вы все это узнали? — вежливо

спросил я.

— Благодаря моему дару, — печально улыбнувшись, заявила миссис Брайс и вздохнула. — Этот дар — мое благословение и проклятье одновременно. Духи постоянно нашептывают мне свои тайны. Я описала эту страшную и сладкую муку в романе «Ковенант», основанном, разумеется, на опыте моих прошлых жизней.

— А я его еще не читал.

— Он так же печален, как и многие жизни, которые мне пришлось прожить, — с новым вздохом поведала мне миссис Брайс. — Его действие разворачивается в тринадцатом веке среди дивных шотландских нагорий. Одна прелестная юная девушка внезапно понимает, что загадочным образом читает прошлые и будущие жизни всех, кого видит. Разумеется, этот талант становится ее роком. Она обретает своего давно потерянного возлюбленного, бывшего солдата в войске Марка Антония, которого она встретила, когда прислуживала Клеопатре. Теперь он — ее возлюбленный — благородный разбойник, и, зная, что его ждет виселица, девушка решает умереть вместе с ним…

— Мрак! — сказал я. — Ну как? Роман покупают?

— Публика, — ответила миссис Брайс, — как всегда, приняла его весьма благосклонно.

— Его будут экранизировать? — спросил я.

— Нет, — смерив меня оценивающим взглядом, ответила миссис Брайс — Экранизировать будут «Страстную женщину». Это роман о шотландской королеве Марии Стюарт. Он написан парадоксально. С точки зрения ее верной собачки. Может быть, я еще смогу убедить мисс Гарбо сняться в главной роли, но сейчас речь не об этом! Мистер Дэнхем, вы производите на меня необычное впечатление. Скажите, вы ведь работаете в кинематографе?

— Я работаю у Луиса Б. Мейера.

— Да, да, — пробормотала миссис Брайс, отступила на шаг и взглянула на меня, прикрыв ладонью глаза. — Но это еще не все… Какая у вас длинная тень, мистер Дэнхем… Ну да! Конечно! У вас тоже древняя душа!

— Да? — спросил я и попытался определить, не исходит ли от Картиманды Брайс какое-нибудь особенное излучение.

Может, она из тех необычных смертных, которые обладают сверхчувствительным магнитным полем, совпадающим с вневременными волнами? Такие люди могут почувствовать то, что не дано знать остальным. На манер тех, кто принимает радио передачи пломбами в зубах.

Не обнаружив ничего особенного в персоне миссис Брайс, я

решил, что она, наверное, заигрывает со мной, думая, что я помогу ей уговорить Грету Гарбо сняться в фильме по ее роману на студии «Метро-Голден-Мейер». Впрочем, знай миссис Брайс о наших с Гретой отношениях, она не питала бы таких иллюзий.

— Да, да! Я вижу вас на берегах Средиземного моря! Вот вы деретесь с грабителями на какой-то узкой улочке… Это же Венеция! Во времена дожей!.. А вот вы в Египте, мистер Дэнхем. Во времена пленения народа Израилева фараоном. Вы любили одну девушку, и если бы не жестокий надсмотрщик…

Возможно, Лернейская Гидра и чувствовала, что я — не простой человек, но ее хозяйка несла полную чепуху.

— Не может быть!

— Может, — заявила миссис Брайс, оторвав взор от кроны огромного дуба, в которой, она, судя по всему, и почерпнула эту бесценную информацию. — У вас бывают странные видения, мистер Дэнхем? Вы видите во сне чужие города, древние времена?

— Да! — не удержался я от того, чтобы сказать правду.

— Что ж. Если вы пожелаете узнать больше о своем прошлом, я, пожалуй, смогу вам помочь. — С этими словами миссис Брайс приблизилась ко мне и взяла меня за руку под визг непрерывно вившейся у нее под ногами Лернейской Гидры. — Я кое-что понимаю в, так сказать, эзотерических материях. Мне и раньше приходилось помогать мечущимся душам разгадать тайну своего прошлого. На самом деле, я — своего рода детектив. Например, я чувствую, что вам нравятся произведения мистера Дэшила Хеммета [182] — подытожила миссис Брайс с загадочной улыбкой Моны Лизы.

Я ослепительно улыбнулся ей в ответ. Лернейская Гидра поджала хвост и заскулила еще пронзительней.

— Ну вы даете, миссис Брайс! — воскликнул я, вцепился в руку миссис Брайс и стал ее трясти с воодушевленным видом. — Я действительно люблю детективы!

Я не сомневался в том, что эта стерва упомянула Дэшила Хеммета потому, что была у меня в комнате, шарила среди вещей и натолкнулась там на зачитанный томик «Мальтийского сокола».

— Это вам духи рассказали?

— Да, — скромно потупившись, ответила миссис Брайс.

Сжимая ее руку, я почувствовал, как электропроводимость ее кожи повысилась, а пульс участился. Она врала.

Надо сказать, что мы с Льюисом настолько хорошо воспринимаем подобные проявления жизнедеятельности организма смертных, что детектор лжи по сравнению с нами — детская игрушка.

— Потрясающе! — воскликнул я, отпустив руку миссис Брайс. — Чрезвычайно интересно!.. Сейчас меня ждет друг, но нам с вами все равно надо бы об этом поболтать.

— Вы о светловолосом юноше? — многозначительным тоном спросила Картиманда Брайс. — Об этом необычном юноше?… — Скажите, — негромко продолжала она, приблизившись ко мне почти вплотную, — а не является ли он последователем культа Аполлона?

Сначала я очень удивился, потому что Льюис действительно любит распространяться о своем античном происхождении, но потом до меня дошло, что именно имеет в виду миссис Брайс.

— Вы что, думаете, он гомик?

— Я бы сказала — поклонник голубой луны, — кивнув, поправила меня Картиманда.

Теперь я уже не сомневался в том, что именно она стащила сценарий и прочла двусмысленный автограф Рудольфа Валентино.

— Даже не знаю… — пробормотал я. — Все может быть, конечно… А что?

— Я вижу дух мужчины, который не обретет покоя, пока не вступит в контакт с вашим другом, — грудным голосом заявила миссис Брайс. — Дух мужчины со страстной душой, очень привязанной к мистеру Кенсингтону. Дух недавно почившего муж чины. Он прекрасен. Пылает, как огромный факел…

Теперь мне оставалось понять, зачем Картиманда Брайс стащила сценарий. Ясно было одно — она хочет использовать в своих целях Льюиса и имя Рудольфа Валентино. Может, решила произвести неизгладимое впечатление на кинозвезд, обнаружив с помощью «магии» сценарий, когда Льюис заявит о его пропаже?

— Что еще за дух мужчины? — спросил я. — Не знаю… Ладно. Скажу Льюису… Но вдруг ему будет неловко, что ли…

— Конечно, конечно!.. — с великодушием человека чуждого буржуазным предрассудкам воскликнула миссис Брайс. — Ничего ему пока не говорите. Пусть он побеседует со мной наедине, и я окажу ему огромную услугу.

— Договорились! — сказал я, подмигнул Картиманде Брайс, и мы разошлись по разным дорожкам.

Когда я нашел Льюиса, тот слонялся вокруг беседки под сенью кумкватов. Волосы у него стояли дыбом, галстук съехал набок, а глаза сияли, как пара прожекторов.

— Ну что у тебя с Гретой Гарбо? — спросил я и внезапно замолчал, разинув рот, потому что Льюис расправил плечи и торжественным тоном заявил:

— Извини, но это — не твое дело.

— Ох, ничего себе! — воскликнул я, питая слабую надежду на то, что Льюису с Гретой хватило ума хотя бы спрятаться от кинокамер.

— Однако, — с дурацкой ухмылкой продолжал Льюис, — мне удалось выяснить, что Грета Гарбо не брала сценарий.

— Да, — ответил я. — Его все-таки стащила Картиманда Брайс.

— Правда? — с трудом собираясь с мыслями, спросил Льюис. — Откуда ты знаешь?

— Мы только что беседовали, и она проговорилась, — объяснил я. — Она поступила, как все шарлатаны, — стала копаться в чужих вещах, чтобы разузнать об их владельцах такое, чего не могла бы иначе знать. Теперь она ввертывает в разговор эту информацию, заявляя, что получила ее от духов. Именно этим Картиманда и занималась, выскользнув во время сеанса из кинозала. А вместе с ней к нам прошмыгнула и ее проклятая собачонка.

— Какая гадость! — воскликнул Льюис — Ну, и как же нам заполучить сценарий обратно?

— Надо что-то придумать, — ответил я. — Но мне кажется, что Картиманда сама к тебе подвалит. Она очень хочет страстно поцеловать тебя от имени твоего покойного любовника Рудольфа Валентино. Очень прошу тебя не разочаровать старушку.

— Какая гадость! — поморщился Льюис.

— Какая разница, если это поможет нам вернуть сценарий? — пожал плечами я.

— Это тебе — никакой разницы! — взвился Льюис. — А мне приходится заботиться о репутации!

— Что тебе до репутации среди горстки смертных, которые через сотню лет все забудут? И вообще, уверен, что на службе у Компании тебе приходилось делать и не такое… Мне, например, приходилось!

— Что именно? — угрюмо спросил Льюис.

— Неважно! — ухмыльнулся я и зашагал прочь по дорожке.

Льюис запустил в меня персиком, но я увернулся и возник на сто метров дальше. В этот момент прозвучал гонг к обеду.

Не знаю, чем Льюис занимался до вечера. Скорее всего, прятался по темным углам. Я же отдыхал: вздремнул на солнышке, искупался в роскошном бассейне, кое-что почитал в библиотеке. Когда гости наконец собрались на коктейль, я чувствовал себя свеженьким, как огурчик, и готовым к тому, что мне предстояло совершить вечером.

Теперь, когда я больше не нервничал из-за Херста, все вокруг стало мне гораздо интересней.

Мы с Конни, Чарли и Лоренсом резались в карты. Сын Херста с подругой сели за рояль и стали что-то бренчать в четыре руки. Миссис Брайс ворвалась в зал, как ураган, решительным маневром зажала Карла Гейбла в угол и принялась рассказывать ему о его прошлых жизнях. Марион некоторое время переходила от одной группы гостей к другой, пока не заговорила с Джеком со студии «Парамаунт» о торговле недвижимостью. Херст спустился на своем лифте, и его тут же окружили редакторы, жаждавшие обсудить с ним некоторые деловые вопросы. Грета Гарбо припозднилась. Она вошла в зал, чему-то улыбаясь про себя, подошла ко второму роялю и стала рассеянно тыкать в клавиши пальцем.

Льюис бочком пробрался в зал в самый последний момент, когда все уже собрались проследовать на ужин. При этом он постарался сделать вид, что уже давно находится среди гостей, и его просто никто не замечал. Дамы двинулись ужинать первыми. Проходя мимо Льюиса, Грета Гарбо мимолетным движением взъерошила ему волосы, но не проронила ни слова.

Остальные, не исключая самого Херста, разинув рты, уставились на Льюиса, который гордо расправил плечи и последовал за дамами. Сегодня карточка с моим именем находилась по правую руку от прибора Херста, а Льюис сидел рядом со мной. Лучше и не придумаешь! Когда я шел к столу с полной яств тарелкой, у меня наверняка был такой же самодовольный вид, как у Льюиса. Впрочем, Картиманду Брайс тоже посадили на почетное место — по правую руку от Марион, — скорее всего, в качестве утешительного приза по случаю утраты Чучхе. На этот раз Лернейской Гидре разрешили забраться на колени к хозяйке. Собачонке хватило одного моего взгляда, чтобы вести себя тише воды и ниже травы, раскрывая пасть лишь для лакомых кусочков, которыми ее потчевала Картиманда, на протяжении всего обеда распространявшаяся о переселении душ. Иногда Марион подмигивала остальным гостям. Но лишь тогда, когда Херст на нее не смотрел. У него были очень строгие представления об учтивости по отношению к гостям, и он никогда не позволил бы смеяться у себя дома над Картимандой, какой бы шарлатанкой он ее ни считал.

— Значит, вы полагаете, что мы снова и снова возрождаемся в разные моменты истории? — спросила Марион.

— Конечно, но не все, — ответила миссис Брайс. — Слабым душам суждено очень скоро быть унесенными в небытие водами Леты. Они похожи на тех, кто выбился из сил на балу после

первого же танца и слишком слаб, чтобы снова танцевать.

— Так пусть идут в бар и сидят себе там! — заявила Конни.

— В каком-то смысле они так и поступают, — снисходительно согласилась миссис Брайс, сделав вид, что не заметила насмешливого тона ремарки. — Там они утоляют жажду водами Леты, познают сладостное забвение и потом уходят навсегда. Сильные же души снова и снова ныряют в водопад земных страстей.

— А кто же попадает на небеса или куда там еще? — не унималась Марион. — Или это все сказки?

— Отнюдь не сказки, — ответила миссис Брайс. — Помимо низменной земной сферы, которую мы населяем, существуют и более высокие астральные уровни. Воистину великие души — в урочный час — взмывают ввысь в свой настоящий дом. Но даже они подчиняются зову, повелевающему им вновь облачаться в плоть. Особенно если на Земле им предстоят великие дела. — Полагаю, дорогой мистер Херст, — добавила она, наклонившись над столом, — именно это с вами много раз и происходило.

— Ну да, — ответил Херст. — Есть у меня мысль вернуться и после этой жизни.

С этими словами он так пихнул меня коленом под столом, что я чуть не выронил вилку.

— И зачем тебе это? — капризно спросила Марион. — Я бы лучше как следует отдохнула в тишине и покое! А то опять ввязываться в эту неразбериху…

Херст некоторое время пристально смотрел на Марион.

— Вот как? — наконец произнес он.

— Именно так! — упрямо сказала Марион и расхохоталась: — Ой, хорошо бы отдохнуть в тишине и покое пару сотен лет…

Миссис Брайс кивнула с таким видом, словно все знала наперед. Херст уставился себе в тарелку и замолчал.

— И все-таки, — немного приободрившись, снова обратилась к Картиманде Брайс Марион, — кто еще, по-вашему, старая душа? Например, среди нынешних политиков?

— Вне всяких сомнений — канцлер Адольф Гитлер, — заявила миссис Брайс. — Какая у него потрясающая жизненная энергия! В одной из прошлых жизней он несомненно был рыцарем Тевтонского ордена или одним из германских вождей, наносившим поражения римлянам. Он знает, чего хочет.

— Вряд ли вы придерживаетесь того же мнения о Франклине Делано Рузвельте! — сказал Херст.

— Рузвельт прилагает все усилия, — с непроницаемым лицом заявила миссис Брайс. — Он, несомненно, еще молодая душа, совершающая на своем пути немало ошибок.

— Лично я думаю, что он все врет, — сказал Херст.

— А вот Муссолини не врет. Он-то проник в секреты судеб человечества! Сразу видно, что он не забыл уроки, вынесенные из прошлых жизней.

— Не знаю. Что-то мне не по душе диктаторы, — заявил Херст, восседая за столом в своем замке, где каждое его слово было непререкаемым законом.

Миссис Брайс поняла, что дала маху, и замялась.

— Конечно, — наконец промямлила она. — Ведь сотни, а может, и тысячи лет, на протяжении которых вы время от времени возвращались к жизни, научили вас понимать, что диктатура не сравнима с просвещенными формами правления.

— Вы имеете в виду американскую демократию? — спросил Херст.

По-моему, миссис Брайс обливалась потом. Признаюсь, я с удовольствием откинулся на спинку стула и ждал, как она выйдет из нелегкого положения сродни тому, в котором я оказался накануне вечером.

— Ну конечно же! — воскликнула Марион. — Знаете, хватит уже об истории! Надоело!

— А вот я хочу знать, кем мы были в прошлых жизнях! — заявила Конни.

Все засмеялись. Миссис Брайс с видимым облегчением захихикала.

— Ну, я уже говорила мистеру Гейблу, что он, конечно, был Марком Антонием.

Все уставились на Кларка Гейбла, который покраснел до корней волос, но выжал из себя кривую усмешку.

— Никогда не спорю с женщинами, — пробормотал он. — Может, я им и был…

— Вне всякого сомнения! — заявила миссис Брайс. — Я сама была одной из служанок Клеопатры и сразу же вас узнала.

Скорее всего, Картиманда Брайс рассчитывала, что Голливуд снимет фильм по ее «Черному завету»…

За столом раздались неуверенные смешки.

— А как вы все узнаете о других людях? — настаивала Конни. — Гадаете на картах?

— Еще чего! — воскликнула миссис Брайс. — Проще всего проникнуть в секреты прошлого, вступив в непосредственный контакт с теми, кто уже пребывает вне времени.

— На спиритическом сеансе? — с живым интересом воскликнула Конни.

У Марион тоже вспыхнули глаза.

— Да! Даешь сеанс! Класс! Среди всего этого старья!

— Ну, я не знаю… — начал Херст, но Марион было уже не остановить.

— Да ладно тебе! Что такого?! Все уже поели?

— А разве не надо круглого стола? — с сомнением в голосе спросил Джек.

— Не обязательно, — ответила ему Картиманда Брайс. — Этот стол вполне подойдет. Надо только все с него убрать и выключить свет.

Все бросились убирать тарелки. Херст беспомощно повернулся ко мне. Потом до него дошло, что на спиритическом сеансе, проводимом шарлатанкой у него дома, будут присутствовать бессмертные существа. Он прикрыл лицо рукой, чтобы спрятать ухмылку, а я пожал плечами с умудренным и слегка ироническим видом.

Марион прибежала из кухни и села на свой стул.

— Давай! — крикнула она дворецкому.

Где-то щелкнул выключатель, и зал погрузился во мрак.

— Пусть те, кому смешно, представят себе кромешную тьму и холод могилы, — зловещим тоном проговорила миссис Брайс. — А теперь пусть возьмутся за руки те, кто относится с уважением к духам.

Раздался шорох — все повиновались приказу. Херст взял мою левую руку в свою здоровенную лапу, а Льюис завладел моей правой рукой.

«Хоть глаз выколи!» — беззвучно пожаловался он.

«Смотри в инфракрасном излучении», — беззвучно прошипел я в ответ и последовал собственному совету, увидев зал в жутковатых тонах. Впрочем, я предвидел дальнейшие события и был ко всему готов.

— Духи мертвых! — взвыла Картиманда Брайс. — Вы, витающие в вышине! Прервите вечное созерцание и внемлите нашему призыву! Мы хотим знать!.. О да, да! Я чувствую! Все трясется! К нам приближается дух! Кто это? О радость! Это же наша дорогая Чучхе! Сбросив маску бренной плоти, она стала частью сферы, разделяющей миры живых и мертвых… Да, Чучхе? Я слышу тебя! Что ты хочешь сказать?

Наверное, собравшиеся не сомневались в том, что кто-нибудь начнет дурачиться и тявкать, но тишину не нарушил ни один звук. Тем временем миссис Брайс втянула голову в плечи. Потом вытянула шею, запрокинула голову, набрала побольше воздуха в грудь и стала подвывать тоненьким голосом так, словно, уподобившись своей сдохшей собачке, с трудом овладевала премудростями человеческой речи.

Пока она подвывала и скулила, стол начал действительно

дрожать от еле сдерживаемого хохота собравшихся за ним четырнадцати человек.

Миссис Брайс вертела головой и выла. Лежавшая на коленях у хозяйки Лернейская Гидра подняла морду и стала тихонько подвывать. Херст трясся от беззвучного смеха.

Миссис Брайс, кажется, поняла, что ее вытье всем надоело, и заговорила визгливым голосом:

— Я вернулась… Я вернулась из ореола вечного света потому, что должна еще кое-что свершить на Земле. О вы, существа, прозябающие в низших сферах, внемлите! С вами будут говорить духи. Отриньте нелепые страхи! Внемлите духам!

Последовало неловкое молчание. Наконец Марион проговорила сдавленным голосом:

— Ну… Это самое… Может, вы скажете, кем мы были в прошлых жизнях…

— Да! — возопила миссис Брайс таким тоном, словно ее устами вещал оракул. — Я вижу! Вижу женщину! Она рождена в апреле! Четвертого дня!

Конни подпрыгнула на стуле и уставилась в темноту, из которой звучал голос.

— Ну да! — громко прошептала она. — Четвертое апреля — мой день рождения.

— Да! Я вижу ее в Вавилоне. Вавилон только что пал… Но алтарь Иштар незыблем, как и прежде, а рожденная четвертого апреля несет к нему цветы!

— Ох, не фига себе! — завопила Конни. — Я что, была жрицей?!

— Далее… Я вижу человека. Сурового, жестокого. Привыкшего работать своими руками. Вот он стоит. Перед ним башни, а из земли бьет черное золото… Как суров этот человек!.. Но он раскаялся… Он просит прощения…

Я увидел, что Кларк Гейбл с такой силой сжал зубы, что у него на скулах заиграли желваки. Его глаза пылали.

По-видимому, эта стерва нашла у него в багаже фотографию его отца. Или она прочитала о детстве Гейбла в журнале о кинозвездах?

Как бы то ни было, Гейбл мужественно промолчал, и после томительной паузы Картиманда Брайс заскулила снова.

— Далее… Далее… Вижу! Вижу отважного моряка в белой фуражке, избороздившего все океаны! Он здесь…

Один из служащих Херста со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы. Наверное, он был яхтсменом.

— А в прошлой жизни он прошел под парусом вокруг света! Вот он преклонил колена перед королевой и бросил к ее ногам

сокровища испанских галеонов! Да! Да! Он был Френсисом Дрейком!

А почему бы и нет? Чем, в сущности, руководители изданий Херста отличаются от пиратов?…

— Далее…

Я заметил, что миссис Брайс покосилась на Льюиса.

— Сообщение! Очень важное сообщение! Дайте же! Дайте же ему говорить! Дайте сказать этому духу с пылающими черными очами! Он не знает стыда! А надо ли стыдиться истинной страсти?! Он ищет того, кто стал его вторым «я»!

«Ой!» — беззвучно пискнул похолодевший от ужаса Льюис.

Что ж! Если эта стерва хочет, чтобы Рудольф Валентино заговорил, быть по сему! Сейчас ей мало не покажется! Мне было плевать, кого любит Льюис или любил Валентино — мальчиков или девочек, или и тех и других одновременно, но я не мог позволить наглой шарлатанке глумиться над моим напарником.

Выдернув правую руку из руки Льюиса, я вытащил левую из клешни Херста, который посмотрел на меня, но ничего не сказал. Мне даже показалось, что, глядя на меня, он хитро прищурился.

В следующие мгновенья телекамеры и диктофоны зафиксировали в темноте обеденного зала метнувшуюся куда-то со страшной скоростью тень. И страшный грохот, словно ударили в тарелки. Подвывавший голосок Чучхе взвизгнул и затих.

Затем во мраке раздался мужской голос. Он звучал из-под потолка, куда не взлетел бы ни один смертный, а точнее, с неширокого карниза под самым сводом зала. Если бы вы хоть раз слышали голос Рудольфа Валентино (а я слышал его неоднократно), вы ни на секунду не усомнились бы в том, что кричит в гневе именно он:

— Довольно лгать! Хватит! Я вижу вора! Если он не вернет похищенное сегодня же вечером, духи пустыни сдерут с него шкуру! Демоны будут преследовать его при жизни и за гробом! Вор, ты хорошо меня слышал?!

Раздалось зловещее шипение, и запахло серой. Сидевшие за столом заахали и заохали, глядя на мелькнувший в воздухе лик Валентино. Конечно, это был он. С поджатыми губами и сверкающими глазами, как у шейха Ахмеда, при виде Вильмы Банки [183]. А страшнее всего было то, как темно-бордовый призрак Валентино вращал белками глаз. Внизу кто-то вскрикнул в неподдельном ужасе.

Призрак исчез. Вновь раздался грохот, потом топоча прибежали слуги и загорелся свет.

Все сидели на своих местах. Я тоже. А на пустовавшем конце стола вертелось, как патефонная пластинка, одно из блюд

серебряного сервиза мистера Херста работы XVIII века. Все в страхе взирали на него, как загипнотизированные. Под сводами гулкого, как пещера, зала был слышен только его звон. Наконец блюдо перестало вертеться.

— Вот это да! — с благоговейным трепетом в голосе проговорил сын Херста.

Его отец медленно повернулся ко мне. Глядя ему прямо в глаза, я вытащил носовой платок и утер потный лоб. А кто бы на моем месте не вспотел? Одновременно я спрятал в рукав огарок серной спички.

— Да что же это за чертовщина?! — пробормотал Кларк Гейбл, встал, подошел к блюду и наклонился над ним.

— Что там? — спросил Джек.

Гейбл осторожно взял блюдо и повернул так, чтобы все его видели.

На серебряном блюде чем-то красным был нарисован профиль Рудольфа Валентино.

— Ого! — воскликнула Конни.

— Что это? — спросил Лоренс. — Кровь?

— Может, это эктоплазма? — с умным видом спросил один из служащих Херста.

Гейбл поднес блюдо к носу.

— Тьфу ты! — воскликнул он. — Это же кетчуп!

Все тут же повернулись к бутылочке с кетчупом, стоявшей рядом с Херстом. Впрочем, вряд ли кто-нибудь уловил, что она стоит на пять дюймов дальше от Херста, чем раньше.

Однако сам Херст, наверное, это понял. Он зажал рот салфеткой и затрясся, как вулкан перед извержением. Он зажмурился. По щекам у него текли слезы.

— Ты что?! — Марион легла грудью на стол и протянула руки к Херсту, думая, что у него сердечный приступ.

— Ничего… — с трудом выговорил он, взяв Марион за руку и переводя дыхание. Тут все поняли, что Херст смеется, повеселели и нервно захихикали. Только побледневшая Картиманда Брайс молча сидела на своем месте. Лернейская Гидра у нее на коленях сжалась от ужаса в малюсенький дрожащий комочек.

— Здорово! — воскликнул сын Херста. — Кто же это сделал?! Классный фокус!

Миссис Брайс набрала побольше воздуха в грудь, вцепилась пальцами в Лернейскую Гидру и поднялась на ноги.

— Фокус? — ледяным тоном проговорила она и окинула взором собравшихся. — Если кто-то из сидящих здесь прогневал дух Рудольфа Валентино, советую этому лицу немедленно загладить свою вину. Мистер Херст! Сеанс отнял у меня слишком

много сил. Я вынуждена удалиться, чтобы отдохнуть.

— Как вам будет угодно, — ответил Херст.

Картиманда Брайс торжественно прошествовала к выходу из зала, а я повернулся к смотревшему на меня во все глаза Льюису.

«Молодец!» — беззвучно похвалил он меня, а я улыбнулся ему в ответ.

«Давай посидим еще немного здесь, — беззвучно предложил я Льюису. — А то она, чего доброго, не успеет положить сценарий на место!»

«Хорошо!»

— Не знаю, как вы, — наконец проговорил Херст, — а я бы не отказался от мороженого.

Все полакомились мороженым, а потом пошли смотреть кино. Показывали «Восьмичасовой ужин» [184]. Никто не ушел с сеанса, а мне так фильм вообще очень понравился.

После кино мы с Льюисом направились к себе, внимательно изучая окрестности в инфракрасном излучении. В темноте вокруг дорожек парка никто не шнырял. В моей комнате не оказалось никаких гнусных маленьких собачонок.

— Вот он! — радостно завопил Льюис из своей комнаты.

— Сценарий? Он не пострадал?

— Нет! — Льюис появился на пороге, прижимая сценарий с автографом Рудольфа Валентино к груди. — Слава Богу! Я положу его под подушку!

— И пусть тебе приснится твой безвременно почивший сердечный друг! — ухмыляясь, пожелал ему я.

— Да пошел ты! — воскликнул с обиженным видом Льюис.

Раскинувшись на постели, я слушал звуки, которые Льюис издавал в ванной. Он чистил зубы, полоскал горло и справлял естественные потребности, которые есть и у бессмертных. Потом Льюис лег спать и заснул. Не знаю, кого он видел во сне — Рудольфа Валентино или Грету Гарбо, но когда длина волн, излучаемых его мозгом, показала, что он крепко спит, я приготовился совершить то, о чем не должен был знать даже Льюис.

Переодевшись в черное и зашнуровав любезно предоставленные мне мистером Херстом теннисные туфли, я открыл черный чемодан, извлек из него ложное дно и достал из-под него опломбированный медицинский набор, полученный мною перед отъездом в Голливудском отделении Компании. К нему прилагался походный генератор усыпляющего поля размером со спичечный коробок.

Положив генератор в карман и сунув аппарат за пазуху, я выскользнул на улицу и помчался по дорожкам поместья во

много раз быстрее олимпийских чемпионов по бегу на короткие дистанции.

Задержался я только перед дверью на восточную террасу. Мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы отключить сигнализацию и отомкнуть замок. Потом я поднялся по спиральной лестнице и проскользнул в покои Херста. По пути я включил генератор усыпляющего поля, и правильно сделал! В спальне у Херста еще горел свет. На всякий случай я пробрался к нему на цыпочках, надеясь, что Марион там не будет.

Ее там не было. Она явно спала у себя в спальне в другом конце коридора. Тем не менее я замер, войдя к Херсту, потому что обнаженная Марион все равно молчаливо взирала на меня с огромного портрета на стене. Я огляделся по сторонам. У голой Марион были довольно странные соседи — портреты родителей Херста и несколько бесценных картин, изображавших Мадонну с Младенцем. Интересно, что сказали бы друг другу эти картины, обладай они даром речи!

Херст лежал без сознания в большом кресле рядом с телефонным аппаратом. К счастью, он ни с кем не говорил, когда заработал генератор усыпляющего поля, а то сейчас из упавшей трубки вопил бы ничего не понимающий ночной оператор, который, чего доброго, поднял бы тревогу. Херст просто писал какую-то статью в тетради, испещренной его крупным уверенным почерком. Такса храпела, свернувшись калачиком у ног хозяина. Я аккуратно отложил ее в сторону, как игрушку. Потом, как муравей, деловито волокущий огромного жука, переложил тело Херста на обширную кровать под балдахином. Потом я включил верхний свет, расстегнул у Херста рубашку на груди и достал медицинский набор.

Сорвав пломбу, я открыл крышку набора и обнаружил, что мне выдали совсем не то, что надо…

Я с ужасом глядел в лежавшую передо мной коробку. Что это? Это не подходило для корректировки сердца простого смертного! Это был аппарат, который Компания использует для ремонта организма бессмертных! У меня задрожали колени. Кое-как добравшись до кресла Херста, я рухнул в него. Вот бы сейчас мятную таблетку!

Несколько минут я сидел неподвижно, прислушиваясь к тому, как бешено стучит мое сердце.

Наконец я убедил себя в том, что надо действовать. Придется импровизировать. Делал же я срочные операции на сердце и в более тяжелых условиях! Применял же я кремневые ножи, бронзовые зеркала и пиявок! Наверняка и в этом наборе что-нибудь может сгодиться.

Я начал рыться в коробке. Ну вот! Есть хотя бы стерильные салфетки для дезинфекции области тела, на которой будет производиться вмешательство. Я продезинфицировал грудь Херста там, где мне предстояло ее резать. Потом я надел стерильные перчатки, достал скальпель, нашел стимулятор циркуляции крови и устройство для заживления кожи. Наконец я обнаружил хирургический лазер. Ну вот и хорошо! Теперь все будет в порядке!

Я сделал Херсту инъекцию вещества, тормозящего обмен веществ, вскрыл грудную клетку и принялся за работу. При этом я утешал себя мыслью о том, что у какого-то кладовщика Компании в Голливуде будут большие неприятности, когда доктор Зевс получит мой отчет о произошедшем.

У Херста были очень необычные ребра.

В тех местах, где мне предстояло резать их лазером, уже были утолщения. Он что, ломал их раньше? Но явно очень давно, и места переломов какие-то странные…

Сердце у Херста тоже было странным на вид. Зная, что оно больно, я был готов к чему угодно, кроме опутанной проводами малюсенькой микросхемы на одном из предсердий.

У меня во рту возник вкус мятных таблеток. Мой организм генерировал его для борьбы с глубоким шоком, который я испытал.

Взглянув в коробку, я обнаружил, что там — в специальном отделении — лежит такая же микросхема, но большего размера. Кроме того, там были и другие микроскопические имплантаты.

Так вот почему мне написали о модернизации. Значит, этот медицинский набор все-таки не ошибка!

Отложив скальпель, я снял перчатки, достал коммуникационное устройство, открыл его крышку, достал небольшое приспособление, подошел к телефону, подключил его к проводу и поднял телефонную трубку. В трубке зашипело, а потом чей-то голос сообщил мне о том, что Голливудское отделение Компании находится на связи со мной.

— Говорит оператор Джозеф! — рявкнул я. — Что за смертного вы мне подсунули?!

— Одну секунду! Пересылаем информацию! — проворковал голос на том конце провода, и в трубке засвистело, зашипело и забулькало. Мне отправили зашифрованное сообщение. У меня перед глазами замелькали картинки…

Отчет о выполненном задании… 1862 год… Докладывал оператор Джебеш, тайно сопровождавший некую даму, плывшую на пароходе из Нью-Йорка в Сан-Франциско через Панаму. Она только что вышла замуж. С ней плыл ее муж, который был

гораздо старше ее. Дама была на втором месяце беременности. Я увидел симпатичную молодую женщину в розовом платье, океанские волны, дам с турнюрами и мужчин в цилиндрах и с густыми бакенбардами.

Женщина чувствовала себя очень плохо. Утренний токсикоз явно усугублялся морской болезнью. Одетый в черное и щеголявший в высоченном цилиндре Джебеш выдавал себя за доброго доктора и ухаживал за будущей мамой. Однажды утром она упала в обморок у себя в каюте. Ее муж прибежал к Джебешу за помощью. Тот отослал мужа на палубу и приготовился провести обычное акушерское обследование лежавшей без чувств беременной женщины.

Я увидел искаженное ужасом лицо Джебеша, когда у молодой женщины произошел выкидыш, и у него в руках оказался сильно пострадавший эмбрион на последнем издыхании. Джебеш срочно вышел на связь с помощью коммуникационного устройства, спрятанного в его докторском саквояже. «Обстоятельства чрезвычайной важности! — сообщил Джебешу Генеральный директор службы операторов Эгей. — Действуйте! Этот ребенок должен выжить любой ценой!»

Джебешу нужно было во что бы то ни стало сохранить жизнь ребенку. Но зачем? Неужели Компании опять пришлось вмешаться для того, чтобы факты соответствовали тому, что гласит история?! Ну и как же Джебеш должен был спасти младенца? Каким путем?

Джебеш изучил историю наследственных болезней в семье ребенка. Оказывается, у его отца был брат, парализованный в детском возрасте и очень быстро умерший. Наверняка эмбрион поразило это передавшееся по наследству заболевание! Как же его оживить?! Но ведь речь идет об обстоятельствах чрезвычайной важности! Компания только что ему об этом сообщила…

Я видел убого обставленную каюту, таз с кровавой водой, пришедшего в отчаяние от ощущения собственной беспомощности Джебеша с закатанными рукавами и сигнал обстоятельств чрезвычайной важности, мигающий на экране его коммуникационного устройства.

Мы можем плевать на законы смертных, но подчиняемся собственным, которые не преступаем ни при каких обстоятельствах под страхом лишения памяти и других еще более серьезных наказаний.

Нарушать эти законы мы имеем право только в обстоятельствах чрезвычайной важности. По крайней мере, так говорят…

Джебеш оживил эмбрион. Он сделал так, что его крошечное

сердечко снова стало стучать, но этим не ограничился. В панике он вытащил из своей коробки специальное приспособление, которое я увидел на сердце Херста, и, потеряв голову, преступил наши законы, осуществив ограниченную коррекцию сердца эмбриона. Но и это еще не все! Джебеш снова нарушил наши законы, исправив генетический порок, которым страдал будущий ребенок. Это вмешательство он совершил с помощью стандартного корректора хромосом, который содержится в полевом медицинском наборе любого оператора. Эти корректоры не разрешается использовать на смертных, — не говоря уже об их двухмесячных зародышах, — но Джебеш явно растерялся и включил корректор в автоматический режим работы. Когда до Джебеша дошла вся тяжесть содеянного, было слишком поздно.

Так Джебеш изменил генотип будущего ребенка. Корректор изучил хромосомы младенца, определил, чего именно в них недостает, и заполнил пустующие места здоровыми цепочками хромосом из собственного арсенала ДНК, словно имел дело с детским конструктором. При этом он создал организм, в высшей степени приспособленный для того, чтобы выжить. В сущности, в этом-то и заключается предназначение этого корректора. Однако он впервые применялся для такого обширного вмешательства в организм смертного. Никогда еще корректор не использовал из своего арсенала столько материала, и некоторые ДНК были очень древними и странными. Ведь он был сконструирован сто тысяч лет назад, когда и человек-то только-только начал формироваться как самостоятельный вид.

К тому времени, когда корректор закончил свою работу, эмбрион младенца превратился в совершенно здоровый гибрид такого рода, какой ни разу не появлялся на свет за предыдущие пятьдесят тысяч лет. Из него суждено было развиться человеку с совершенно непредсказуемым потенциалом.

Я видел, как Джебеш внедрил эмбрион в лоно матери и привел ее в божеский вид к тому моменту, когда с палубы в каюту спустился раздраженный и взволнованный муж. Джебеш сообщил ему, что его жене надо несколько дней полежать в постели. Объявив, что надо быть готовым к любым неожиданностям, Джебеш раскланялся, кое-как добрался до своей каюты, шатаясь от нервного переутомления, и стал, не пьянея, пить виски прямо из горлышка бутылки.

Джебеш сознавал, какую ответственность он взял на себя. Утешить его могло лишь то, что он действовал в условиях обстоятельств чрезвычайной важности.

Я видел, как Джебеш с замиранием сердца ждет, что же будет дальше, но ничего страшного не произошло. Щеки будущей мамы

снова покрыл румянец, и она почувствовала себя лучше. Я видел, как она с уже заметным животиком пересекала зеленые джунгли в дамском седле на спине мула. Потом она прибыла в Сан-Франциско.

Лишь через несколько месяцев Джебеш собрался с духом и навестил ее. Вот он со шляпой в руке проходит в гостиную и приветствует молодую маму с очаровательным ребеночком на руках. Мадонна с Младенцем, да и только!

Все грудные младенцы похожи друг на друга. Кто же мог догадаться о том, что сделал Джебеш? Он улыбнулся и покинул гостиную, чтобы затеряться в темных коридорах истории.

Любопытно, но Джебеш не нарушил своими действиями даже законов смертных, которые поймут опасность вмешательства в законы наследственности гораздо позднее и запретят только в 2093 году.

Я же прекрасно знал, какую угрозу оно может в себе таить. Теперь я понял, почему, увидев Уильяма Рэндольфа Херста, я захотел, поджав хвост, броситься наутек, как это делают некоторые из учуявших меня собак.

У меня перед глазами замелькали последние изображения: ребенок, превратившийся в высокого молодого человека с необычным неземным голосом и инфантильностью, беспокоившую его родителей… А потом мне без всякого предупреждения доли сигнал: «Обстоятельства чрезвычайной важности! Корректировать и модернизировать! Генеральный директор службы операторов Эгей». Тот же категорический приказ, что поступил и Джебешу…

Что мне оставалось делать?! У меня не было выхода…

Я повесил трубку, убрал коммуникационное устройство, надел стерильные перчатки и взялся за скальпель.

А что я, собственно, волнуюсь?! Через несколько минут все будет готово. Вряд ли Херст успеет наломать дров за лишних восемнадцать лет жизни… Судя по всему, его необычная генетика не передалась его сыновьям, а сам он, кажется, не принес никому никакого вреда. В общем и целом он был неплохим человеком. Денег у него куры не клевали, он был полон энтузиазма и жизненной энергии, мог похвастаться железной волей и непоколебимой верой в собственные силы, способен мыслить гораздо шире обычного человека… Но я помнил таких же энергичных и способных людей, которые приносили Компании большую пользу в незапамятные времена, не нашедшие отражения в письменной истории человечества. Все было хорошо, пока они не решили, что им с Компанией не по пути. Вот тогда у нас возникли большие проблемы из-за того, что мы обессмертили

этих людей. Компании пришлось применить к ним запрещенные, нечестные приемы и позаботиться о том, чтобы ничего подобного впредь не происходило…

Но это было очень давно, а теперь я действую в условиях чрезвычайной важности!..

Мне удалось убедить себя в том, что Херст простой смертный. Ведь его мать — обычная женщина, портрет которой висит на стене рядом с голой Марион. И жить ему осталось совсем немного…

Я заменил старые изношенные имплантанты на новые и откорректировал сердце Херста так, чтобы оно продержалось еще восемнадцать лет. Потом я закрыл разрез на груди Херста, замаскировал его и застегнул рубашку на старческой груди.

После этого я посадил Херста обратно в кресло, положил тетрадь ему на колени, а таксу — к его ногам, собрал все инструменты в ящичек, выключил яркий свет и огляделся по сторонам в поисках забытых мною вещей. Ничего! Примерно через час сердце Херста снова застучит, и его владелец проживет в полном здравии еще несколько лет.

«Король умер… Да здравствует король!» — пробормотал я с иронической усмешкой и, выключив генератор усыпляющего поля, поспешно удалился.

Но эти слова почему-то упорно звучали у меня в голове, когда я спешил по дорожкам парка в свете испуганных звезд…

Херст с интересом наблюдал за тем, как Льюис прячет сценарий с автографом Валентино между стенками антикварного шкафчика. Льюис умело вставил фальшивую стенку в пазы и аккуратно опустил ее на место. Послышался негромкий щелчок. Панель застыла там, где ей предстояло пробыть следующие четыреста лет.

— Подумать только, что человек, который увидит этот автограф, родится только через несколько сот лет… — с благоговейным видом пробормотал Херст.

Он закрыл крышку шкафчика и запер ее на ключ. Убрав ключ в жилетный карман, Херст с любопытством взглянул на Льюиса.

— Полагаю, вы тоже бессмертны, мистер Кенсингтон? — спросил он.

— Да, сэр, — признался Льюис.

— Господи Боже мой! И сколько же вам лет?

— Почти тысяча восемьсот тридцать.

— Почти!.. И все же по сравнению с мистером Дэнхемом вы чуть ли не грудной младенец! — снисходительно усмехнулся Херст. — А вы тоже встречались со знаменитостями прошлого?

— Да… Например, со святым Патриком… И с разными более или менее известными английскими писателями…

— Замечательно! — воскликнул Херст, глядя на Льюиса сверху вниз, и потрепал его по плечу. — А теперь вы сможете рассказывать, что знакомы с Гретой Гарбо.

— Конечно… — пробормотал Льюис, вытаращив глаза на Херста, но тот уже повернулся ко мне, теребя в руках лист бумаги.

— Значит, по-вашему, это смогут приготовить у меня на кухне, мистер Дэнхем?

— Безусловно. А если вашим поварам будет трудно найти какие-нибудь ингредиенты, я дам вам адрес магазина в Чайна-тауне, откуда вам все пришлют наложенным платежом.

— Прекрасно, — кивнул Херст. — Жаль, что вам надо уезжать, но мне известно, что такое работа на киностудии… Что ж. Всего хорошего. Надеюсь, мы еще встретимся!

Херст улыбнулся, а мы с Льюисом с почтительными поклонами покинули помещение.

Мы молча съехали по извилистой дороге к подножью холма сквозь стада диких животных. Льюис, наверное, боялся, что Херст услышит нас и здесь. Признаюсь, и я подозревал, что он мог внедрить в мой «форд-А» подслушивающее устройство.

Впрочем, сам я молчал по другой причине. Меня мучил один вопрос, на который я не мог найти ответ.

Я не взял у Херста ДНК на анализ. В этом не было необходимости. Старика не сделать бессмертным, потому что его ДНК, какой бы она ни была необычной уже давно вступила на необратимый путь распада и начала совершать такие ошибки при собственном воспроизведении, что утратила свою генетическую ценность.

Именно из-за этого-то бессмертных и делают только из детей. У молодых организмов самые живучие и безупречные ДНК. Меня Компания спасла, когда мне было лет пять-шесть. Еще немного, и бессмертие мне бы уже не светило. Льюиса обработали в младенчестве, и сделать из него бессмертного было еще легче. Интересно, а на что способна ДНК эмбриона?

А может, Джебеш в каюте парохода все-таки взял тайком образец на анализ? Если он его действительно взял и он хранится где-то в архивах доктора Зевса, то Компания — при большом желании — сможет выполнить условия Уильяма Рэндольфа Херста. Но зачем ей такие хлопоты?

Мы остановились у магазина в Сан-Симеоне, и я купил пять пачек мятных таблеток, но в Писмо-Бич я снова ринулся за

таблетками.

Конец фильма: 2333 год

Молодой человек склонился над компьютером, ловко манипулируя изображением, чтобы создать выразительный видеоряд. Добившись желаемого результата, он надел наушники и стал редактировать звук, состоявший из небольших отрывков музыки и фрагментов диалога. В результате вышел тридцатисекундный репортаж. Зрителей будет не оторвать от него, и у них сложится впечатление, что японские императорские войска жестоко подавили восстание республиканцев в Мацатлане, а калифорнийцы всех пяти провинций поднялись как один, чтобы поддержать своих угнетенных братьев и сестер на юге.

Разумеется, ничего подобного на самом деле не произошло, но если люди будут думать, что это правда, это может стать истиной. Такое бывало и раньше.

При этом все это было ради всеобщего блага, ибо такое восприятие событий зрителями приводило в движение определенные силы. Молодой человек не сомневался в том, что демократия — наилучшая форма правления, но давно уже понял, что она плохо работает из-за непроходимой глупости народа. Однако ничего страшного! Если блестящий старый автомобиль не работает, его можно взять на буксир и сделать вид, что он едет сам. Главное, чтобы его тянули в нужном направлении…

Молодой человек отправил репортаж во всемирную информационную сеть и взялся за следующий. Сами по себе эти факты ничего не говорили, но, подав их нужным образом, можно было убедить зрителей в том, что правительство Канадского Содружества Наций безжалостно эксплуатирует индейцев и эскимосов на добыче льда. Однако не успел молодой человек составить и десятисекундного видеоролика, как появился бессмертный в сером костюме с сумочкой для компьютерных дисков в руках.

— Прибыли материалы из Цейлонского центра, шеф. Вы просмотрите их до или после прогулки?

— Ого! Уже пора на прогулку! — воскликнул молодой человек, взглянув на хронометр в углу дисплея. — Оставьте материалы, Квинт. Я просмотрю их вечером.

— Как прикажете… — Бессмертный положил сумочку на стол и удалился.

Молодой человек встал, потянулся и прошел в свои личные покои. Собачка, спавшая, свернувшись клубочком под стулом, встала и с заспанным видом проследовала за хозяином.

За окном молодой человек видел последние четыреста лет

примерно одно и то же. В обе стороны до самого горизонта простирались девственные горы Святого Луки. На западе светился спокойный голубой океан. Никто не посягнул здесь на природу. Молодой человек этого не допустил.

Переодевшись в костюм для верховой езды, он задержался перед зеркалом и расчесал волосы. Он сам добился принятия закона, запрещавшего такое издевательство над животными, как верховая езда, и был очень рад тому, что жестоким людям больше не разрешалось орать на животных, бить их и загонять до полусмерти. Но ведь сам-то он обожает животных и никогда не обижает их при езде. Почему же на него должен распространяться этот закон?

Отвернувшись от зеркала, молодой человек увидел портрет Марион — улыбающейся девушки его мечты, вечно молодой, вечно счастливой и трезвой. Теперь никому из близких молодого человека не грозили ни смерть, ни старость. Никому, кроме его собаки. Она старела. Все собаки стареют и умирают. Обессмертить собак не в состоянии даже полезная во многих других отношениях Компания.

Со двора до молодого человека донеслись голоса.

«Когда правительство ушло в отставку, — объяснял экскурсовод, — Департамент садово-паркового хозяйства остался без денег. Сначала казалось, что народ Калифорнии навсегда потеряет Зачарованный Утес, который попадет в руки заграничных инвесторов, И действительно, хранившиеся в этом поместье бесценные произведения искусства одно за другим продавались с аукциона… А помните ли вы о древнем киносценарии, обнаруженном в старинном шкафчике? Этот редкий документ нашли несколько лет назад в разгар кампании за возрождение Старого Голливуда…»

Эти слова отвлекли молодого человека от его мыслей. Едва заметно улыбнувшись, он подошел к окну с фигурным переплетом и посмотрел вниз на группу туристов. Собачка поплелась за ним. Он взял ее на руки и почесал ей между ушами, прислушиваясь к доносившимся со двора голосам.

— Так вот, этот шкафчик тоже из этого поместья, — продолжал экскурсовод. — Известно, что Рудольф Валентино дружил с Марион Дэвис. Наверняка он и оставил этот сценарий здесь, когда в очередной раз гостил у нее. Потом сценарий каким-то образом попал в секретное отделение шкафчика и пролежал там, пока не был найден его новыми владельцами, купившими шкафчик на аукционе.

— Но если все было распродано?… — начал, подняв руку, один из туристов.

— Не все, — улыбнувшись, пояснил экскурсовод. — В последний момент свершилось чудо… Как вам известно, у Уильяма Рэндольфа Херста было пять сыновей, но их потомки в основном покинули Калифорнию. Оказалось, что один из них живет в Европе. Он очень богат и, услышав о продаже поместья, прилетел к нам и обратился к правительству Калифорнийской Республики. Он приобрел поместье в собственность, но оставил за народом Калифорнии право посещать его и любоваться его красотой.

— Сколько же денег у этого человека? — поинтересовался один из туристов.

— Этого не знает никто, — со смущенным видом сказал экскурсовод. — Но мы должны быть благодарны нынешнему мистеру Херсту. Он не только сохранил большую часть произведений искусства, хранившихся в этом поместье, но и прибавил к ним новые. Кроме того, несмотря на возражения некоторых лиц, он планирует расширить свой замок.

— А мы увидим этого человека? — спросил другой турист.

— Боюсь, что нет, — ответил экскурсовод. — Мистер Херст не выходит к посторонним. Кроме того, он очень занятой человек. Но он рад гостям, осматривающим его владения, и оплатил сегодняшний шведский стол для вас. У всех есть талоны?… Вот и отлично! Пойдемте! И прошу вас не заходить за ограждение!

Радостно возбужденные туристы последовали за экскурсоводом.

Молодой человек смотрел на них сверху вниз из высокого окна.

Положив собачку в корзинку и велев ей там и сидеть, он спустился по личной лестнице в сад. Он любил гостей. А точнее, он любил смотреть издали на их озаренные благоговейным восторгом лица, когда они обозревали красоты его роскошного поместья. Ему нравилось видеть радость на лицах смертных.

Кроме того, ему нравилось направлять их жизнь в нужное русло. При этом он ни секунды не сомневался в том, что способен это сделать и понимает, куда и как нужно идти человечеству. Все это его очень забавляло.

Именно это и скрашивало его вечную жизнь.

Молодой человек задержался на мгновение под сенью вековых дубов, огляделся по сторонам и улыбнулся создаваемому им миру своей жутковатой улыбкой.

Роберт Рид — Во мраке времени

Robert (David) Reed. Night of Time (2003). Перевод: Д. Сухих

Роберт Рид начал публиковаться в 1986 году и быстро стал постоянным автором журналов «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» и «Asimov's Science Fiction». Кроме того, многие его рассказы печатались в «Science Fiction Age», «Universe», «New Destinies», «Tomorrow», «Synergy», «Starlight» и в других изданиях. Возможно, Роберт Рид — один из самых плодовитых современных молодых писателей, особенно в жанре научно-фантастического рассказа, где с ним могут сравниться разве что Стивен Бакстер и Брайан Стейблфорд. При этом — наравне с Бакстером и Стеблфордом — Рид никогда не приносит качество в жертву количеству, что не так уж и легко. Такие рассказы Рида, как «Sister Alice», «Brother Perfect», «Decency», «Savior», «The Remoras», «Chrysalis», «Whiptail», «The Utility Man», «Marrow», «Birth Day», «Blind», «The Toad of Heaven», «Stride», «The Shape of Everything», «Guest of Honor», «Waging Good» и «Killing the Morrow», а также не менее шести-семи других входят в число лучших произведений этого жанра конца XX — начала XXI века. Кроме того, Роберт Рид — автор ряда романов. С конца 80-х годов он опубликовал: «The Lee Shore», «The Hormone Jungle», «Black Milk», «The Remarkables», «Down the Bright Way», «Beyond the Veil of Stars», «An Exaltation of Larks», «Beneath the Gated Sky» и «Marrow». Последняя книга Роберта Рида называется «Sister Alice». Ее при желании можно рассматривать и как роман, и как сборник рассказов. Кроме того, автор скоро завершит роман «Marrow 2». Роберт Рид живет с семьей в городе Линкольн, штат Небраска. Рассказы Роберта Рида публиковались в антологиях «The Year's Best Science Fiction» за 1992–2000, 2002 и 2003 гг. Лучшие рассказы Рида вошли в сборник «The Dragons of Springplace». Каждый год составителю приходится ломать голову не над тем, включать ли в сборник рассказ Роберта Рида, а над тем, какой именно из его рассказов выбрать. Ведь антологию лучших рассказов года всегда могут украсить собой произведения этого автора.

В настоящем сборнике представлен неоднозначный рассказ «Во мраке времени», в котором речь идет о том, что иногда лучше забыть, чем помнить…

* * *

Эш не торопясь пил горький чай в тенечке у дверей своей лаборатории. Он сидел на небольшом стуле, который вырезал своими руками в толстенном стволе игольчатой сосны. Ни на миг не прекращаясь, дул сильный сухой и теплый ветер. Подставив лицо ветру, Эш жмурился от удовольствия. Солнце у него над головой было совсем как настоящее, оно навсегда зависло не очень высоко над горизонтом, изображая раннее утро. Искусственное небо розовело в лучах, похожих на солнечные, пронзавших облака пыли, якобы принесенные ветром с далекого холма. У самых ног Эша разверзся невероятно глубокий каньон. Вдоль его гранитных стен вились стеклянные дороги. Его пересекали сотни узких стеклянных мостов, сверкавших на солнце блестящей паутиной. В магазинах и мастерских вдоль важнейших дорог было оживленно. Между ними возвышались похожие на ульи жилые дома и залы для коллективного спаривания, украшенные по фасаду миниатюрными статуями. К стенам каньона цеплялись липучие деревья. Они поднимали сосудами своих стволов воду из струившейся на дне каньона реки. Все это было идеальной средой обитания для населявших этот район существ класса 31/3.

Хотя в его лаборатории последние несколько лет и царило затишье, Эш отличался терпением и обладал прагматическим складом ума. Он понимал, что его необычный череп и заработанная упорным трудом добрая слава рано или поздно приведут к нему на порог тех, кто впал в бездну отчаяния или не знает, куда девать лишние деньги.

«Наверняка это случится еще до конца года, — делано уверенным тоном сказал самому себе Эш. — А может, именно сегодня».

Конечно, Эш не тешил себя иллюзиями. Просто он приучил себя повторять эти слова, а потом выглядывать на единственную дорогу у его лаборатории, чтобы посмотреть, не идет ли кто-нибудь к нему… И вот сегодня он наконец увидел две фигуры, поднимавшиеся по бесконечной стеклянной ленте. Незнакомцы шли один за другим, с трудом преодолевая подъем и склоняясь от сильного ветра.

Первым двигалось крупное существо с незамысловатым черным и гладким цилиндрическим туловищем на шести членистых ногах. Эш сразу понял, кто это такой. Второй же незнакомец с такого расстояния показался ему человеком.

Вряд ли это покупатели… Скорее просто туристы! Может, они даже незнакомы и по чистой случайности идут в одну сторону!

Тем не менее Эш решил потешить себя приятной мыслью о том, что незнакомцы направляются именно к нему. Допив чай, он

стал ждать и прислушиваться. Через некоторое время порывы ветра начали доносить до него обрывки фраз. Шестиногое существо что-то негромко вещало. В быстром потоке слов Эш уловил фрагменты древних преданий, сплетенных с хитроумными абстрактными теориями, принадлежащими к наследию одного из мудрейших видов живых существ в Галактике.

— Озарите меня светом мудрости! — воскликнул Эш, когда существо на мгновение замолчало: ученый знал, что ни один воззен не устоит перед такой лестью.

Подъем закончился, и шестиногое существо легко повернулось на месте, вперив все свои глаза в высокого человека в запыленной одежде, восседавшего внутри соснового ствола. При этом воззен продолжал медленно двигаться вперед, но его походка была усталой. Блестящий панцирь воззена покрывала такая же блестящая черная матерчатая попона.

— Мудрость сияет для всех, — раздался его тонкий голос довольно неприятного тембра.

Потом шестиногий воззен подрегулировал свой переводчик и уже гораздо мелодичнее добавил:

— Если ты человек по имени Эш, мудрость воссияет и для тебя.

— Да, это мое имя! — ответил Эш и тут же бросился на колени.

Твердую почву здесь покрывали мелкие камушки, которые больно впивались в колени, но воззены любили такие знаки почтения.

— Чем могу служить моему мудрейшему гостю? — осведомился Эш, глядя на черное существо снизу вверх.

— Эш… — сказал шестиногий, словно пробуя его имя на вкус. — Это, кажется древнее английское имя, не так ли?

Эш непритворно удивился и неуверенно улыбнулся.

— Я даже не знаю, — пробормотал он.

— Именно английское! — У воззена был отличный переводчик, говоривший таким человеческим голосом, что становилось немного не по себе. Это был мелодичный, но решительный мужской голос. — Я изучал этот вопрос и помню, что в вашем родном мире некогда существовал малюсенький остров. На нем было свое государство. Его граждане и их союзники создали необъятную империю. Впрочем, просуществовала она совсем недолго.

— Как интересно! — воскликнул Эш, глядя на второе существо, все еще тащившееся вверх по склону, волоча за собой огромный тюк на воздушной подушке. Теперь Эш хорошо видел, что это отнюдь не человек.

— Однако сам ты родом не с Земли, — продолжал воззен. — Состав твоих клеток, твой зауженный череп — все это говорит о том, что ты принадлежишь к одному из древнейших особых подвидов людей, но не землян.

— Я родился на Марсе, — признался Эш.

— На Марсе?

Одного этого слова хватило для того, чтобы речь воззена растеклась потоком воспоминаний, фактической информации и поучительных назиданий.

Наконец воззен сосредоточился на одном из аспектов своих рассуждений:

— Некогда на Марсе проводились интереснейшие политические эксперименты. Начиная с образования первых геотехнических компаний для переформирования окружающей среды, заканчивая «Ночью Пыли»…

— Я помню, — перебил воззена Эш, старавшийся направить разговор в нужное ему русло. — А вы, наверное, историк? Как и многие из мудрейших существ вашего вида…

— Да, история мне знакома довольно близко, — удовлетворенно закивал воззен своим черным цилиндром.

— Понятно… Вы, кажется, искали меня и наверняка хорошо осведомлены обо всем, что происходило в моей жизни?

— Обойти вниманием события твоей жизни было бы по меньшей мере неучтиво, — важно ответил воззен.

— Конечно-конечно, — поддакнул Эш, отвесив очередной глубокий поклон. — Ну и чем же может помочь такой старый марсианин, как я, мудрейшему из воззенов?

Шестиногий на мгновение замолчал.

Эш воспользовался передышкой, чтобы получше рассмотреть второе существо. Тело незнакомца очень напоминало строением человеческое, а голову украшала растительность, способная сойти за копну каштановых волос. У него были рот и два глаза. Впрочем, носа у него на лице не было, а имелся рот, полный крупных розовых зубов. Разумеется, многие представители человечества претерпевали самые разные генетические изменения, а где-то у самых бортов корабля обитали совершенно невероятные мутанты, чьи далекие предки тоже были людьми, но стоявшее перед Эшем существо все равно не было человеком. Эш чувствовал это и беззвучно связался со своей лабораторией, приказав ее приборам определить, к какому виду живых существ принадлежит второй незнакомец.

— Я внимательнейшим образом ознакомился с необычайными перипетиями твоей жизни, Эш, — заявил воззен.

Морщась от боли в коленях, Эш отвесил земной поклон.

— Для меня это большая честь! — сказал он.

— Насколько мне известно, ты обладаешь очень необычным арсеналом приборов, — начал воззен.

— Очень необычным и крайне совершенным! — подхватил Эш.

— И талантами еще более удивительными, чем твои аппараты.

— Единственными в своем роде талантами, — не моргнув глазом заявил самоуверенным тоном Эш, улыбнулся и, желая перехватить у собеседника инициативу, поднялся на ноги, смахивая пыль с поцарапанных коленей. — Я всегда рад помочь, если это в моих силах.

— Ты делаешь это за плату, — с нескрываемым презрением в голосе заметил шестиногий.

— Мне платят лишь то, что я честно заработал, — пожал плечами Эш, приблизившись к воззену. — И размер моего вознаграждения диктуют гнусные законы рынка.

— Я бедный историк, — посетовал воззен.

Эш взглянул прямо в его блестящие черные глаза и негромко проговорил с плохо скрытой угрозой в голосе:

— Представляю себе, как ужасно для воззена, — тем более историка, — навсегда прощаться с собственной памятью…

Когда-то земляне нашли в космосе покинутый всеми корабль размером с целую планету. Они починили Корабль и отправили его в полет по самым густонаселенным районам Галактики. Эшу повезло. Он стал одним из первых пассажиров Корабля. Несколько сот лет он летал на нем простым туристом. Но он не забыл то, чему научился в предыдущей жизни, а от разнообразнейших существ, поднимавшихся на борт корабля, он перенял новые умения и навыки. Накопленный таким образом опыт и позволил Эшу создать себе совершенно уникальную лабораторию.

— Не желаете ли взглянуть на то, что может за деньги сослужить вам добрую службу? — спросил он воззена.

— Да, конечно!

— А ваш спутник?

— Мой помощник побудет на улице.

Человекообразное существо, кажется, ничего другого и не ожидало. Подойдя к игольчатой сосне, оно привязало тюк на воздушной подушке к высохшему суку, подошло к краю каньона и стало с непроницаемым лицом созерцать его сверкающие глубины. Возможно, существо искало взглядом невидимую реку на дне каньона или погрузилось в собственные мысли.

— Как прикажете вас называть? — поинтересовался Эш.

— Называй меня просто «хозяин», — с достоинством ответил воззен.

Все воззены желали такого рода обращений… Эш кивнул и зашагал к дверям лаборатории.

— А как зовут вашего помощника? — спросил он через плечо.

— Призрак, — коротко бросил воззен.

— Это его настоящее имя? — удивился Эш.

— Примерно так оно звучит в переводе на твой язык.

Из-под длинного цилиндрического тела воззена возникло несколько членистых рук. Многочисленные пальцы стали поглаживать косяки дверей. Из какого-то кармана воззен извлек малюсенький датчик и направил его в темноту, царившую за дверьми.

— Ты очень хочешь знать, Эш?

— Что именно?

— Кто такой мой спутник? Ведь он кажется тебе очень странным, не так ли?

— Совершенно верно.

— Ты что-нибудь слышал про абэков?

— Да, но никогда их не видел. Это редкостные существа, — немного помолчав, добавил Эш. — Они отличаются не умом, а беззаветной преданностью.

— Да, они довольно простодушны, — ответил Хозяин. — Но несмотря на это качество, а может, именно благодаря ему из них выходят прекрасные слуги.

Мрак в туннеле сгущался. Внезапно туннель расширился. Повинуясь беззвучной команде Эша, вспыхнули огни, мгновенно озарившие обширное помещение, пол которого был вымощен простой плиткой. Шершавый потолок терялся где-то в высоте, а у дальних стен стояли шеренги приборов, уже просыпавшихся для одного из тех редких случаев, когда в них возникала необходимость.

— Вас снедает любопытство, Хозяин? — Эш позволил себе улыбнуться.

— О, да еще как! — воскликнул воззен. — Но о чем ты говоришь сейчас?

— О том, как все это работает, — с нескрываемой гордостью ответил Эш, показывая на свою аппаратуру. — Такого нет даже у капитана корабля. Во всей известной части Галактики едва ли найдутся еще две-три такие лаборатории.

— Лаборатории для коррекции памяти, — эхом отозвался Хозяин. — Я знаю принцип действия этих приборов. Они манипулируют электронами в мозгу пациента, усиливая некоторые из их свойств. Кроме того, они используют квантовую

структуру Вселенной, проникая в триллионы очень похожих, но все-таки разных миров. Именно благодаря принципу двух весьма изощренных вмешательств временно повышается способность мозга вспоминать прошлое.

Эш кивнул и подошел к главному пульту управления.

— Но все это мне очень не нравится! — заявил воззен.

— Ничего удивительного…

— В представлении о Вселенной как о множестве разных миров есть что-то непристойное. По-моему, это уродливый и нелепый гротеск. Я всегда презирал эту теорию.

— И не вы один, — покачал головою Эш.

— Надо же такое придумать! — гневно рявкнул воззен. — Каждый электрон, видите ли, существует во множестве параллельных миров, дрейфует в бескрайнем океане собственного потенциала, и никогда не знаешь, чем кончится его очередная метаморфоза!

— Мы живем лишь в одном мире, — перебил воззена Эш. — И этот мир — маленькая веточка в пышной кроне огромного дерева.

— Чушь! — прорычал Хозяин.

Приборы проснулись. Множество световых индикаторов и ярких дисплеев были призваны производить неизгладимое впечатление на клиентов Эша, который при желании мог бы управлять приборами в полной темноте с помощью коммуникационных узлов, вшитых в разные части его тела.

Но ведь яркие огни и загадочные звуки — прекрасный антураж для такого таинственного действа!

— Никакая мы не веточка в пышной кроне! — раздраженно захлопав ступнями задних ног, воскликнул воззен. — Я историк. Меня все уважают, хотя и не все любят. Всю свою длинную жизнь я провел, собирая и изучая факты. Никто не убедит меня в том, что пышный карнавал событий истории — всего лишь мох на прогнившей веточке древа с необъятной кроной!

— Мне очень хотелось бы с вами согласиться, — задумчиво сказал Эш.

— Хотелось бы?

— Иногда я даже думаю… — Эш замолчал, словно подбирая слова. — Я считаю, что мы живем в единственном истинном мире. Вселенная именно такова, какой кажется нам, и такой ей следует быть. Я же использую только хитроумный прием для контакта с призрачными мирами, математическими формулами и бесплодными потенциалами. Иными словами, мы — ствол огромного древнего древа, а его призрачные ветви должны лишь питать наши великие души…

Шестиногое существо с уважением взглянуло на Эша.

Молчание само по себе было для воззена проявлением уважения к собеседнику. Затем Хозяин протянул длинные членистые пальцы человеку, которого он, хотя бы сейчас, считал равным себе.

— Ты действительно так думаешь?

— Сейчас — да, — ответил Эш и усмехнулся — два внутренних коммуникационных центра и один дисплей сообщили ему, что у историка достаточно денег, чтобы оплатить его услуги. — И если понадобится, я буду так думать целый день.

С этими словами Эш повернулся к воззену, вновь отвесил ему неглубокий поклон и спросил:

— Ну и что же именно вы хотите вспомнить, Хозяин?

Глаза шестиногого потухли.

— Я и сам не знаю, — дрожащим от ужаса голосом сказал он. — Я забыл что-то очень важное… Что-то невероятно важное… Но я не помню, что именно…

Прошло несколько часов, но искусственное солнце не сдвинулось с места. Ветер дул все так же сильно, и когда Эш вышел из прохладных глубин своей лаборатории, ему лишь показалось, что на улице стало жарче. Он оставил пациента в цилиндрической камере-детекторе. К панцирю воззена были подключены тысячи датчиков, лихорадочно рывшихся в содержимом его тела и древнего мозга. Сначала Эш пристально следил за поведением воззена, готовый подбодрить или одернусь своего пациента, если это будет необходимо. Однако воззен беспрекословно выполнял все указания и старался стоять неподвижно, пока приборы составляли сложную карту его мозга, протянувшегося толстым слоем сверхпроводящих белков, световых каналов и квантовых колодцев вдоль всего цилиндрического тела. Однако заставить шестиногое существо держать язык за зубами было не под силу даже Эшу с его приборами, и воззен все время бормотал, вспоминая какие-то загадочные события давно ушедших эпох.

Составление карты мозга было необходимым, но очень скучным этапом работы.

Из небольшого углубления в розовой гранитной стене Эш извлек очередную чашку только что заваренного невероятно вкусного и деликатесного горького чая.

— Красивый вид, — вдруг раздался чей-то голос.

— Красивый, — согласился Эш, отхлебнув из чашки.

Абэки охотно принимали предложенные им напитки, но Эш не стал угощать Призрака.

Укрывшись за сосной от ветра и солнца, Эш спросил:

— Ты знаешь что-нибудь о существах класса 31/3?

— Очень мало, — признался Призрак.

Абэк говорил без помощи переводчика. Его речевые органы могли вполне отчетливо, хотя и медленно, воспроизводить человеческую речь.

— Их родной мир не движется вокруг своего светила и довольно далек от него, — стал рассказывать Эш. — В его атмосфере много углекислого газа, к которому мои легкие привыкли на Марсе. Водяные пары и углекислый газ разогревают светлое полушарие, а ветер уносит избыточные тепло и влагу к ледникам темной стороны, которые растут, выползают в светлое полушарие, тают, и все начинается сначала… Корабельные специалисты прекрасно воспроизвели у нас на борту естественные условия, к которым привыкли существа класса 31/3.

У Призрака были большие и яркие серо-голубые глаза. Его розовые зубы расширялись книзу и явно могли перемалывать грубую растительную пищу. Челюсти Призрака были крупными и мощными. На нем не было ничего, кроме простого хитона, подпоясанного веревкой. На каждой руке у абэка было по пять пальцев без ногтей.

Эш некоторое время разглядывал его руки и босые, почти человеческие ноги. Судя по отсутствию следов на земле, Призрак проторчал все время на одном месте. Он стоял на ветру и солнце и, как полагается верному слуге, был явно готов простоять там целый день, или неделю, или месяц.

— Существа класса 31/3 не верят в существование времени, — продолжал Эш.

По лицу абэка скользнула тень.

Что это? Любопытство? Или, может, презрение?

Потом, покосившись на Эша, Призрак спросил:

— Они что, не знают о том, что ночь сменяет день, а день — ночь?

— В каком-то смысле — не знают. Но дело не только в этом.

Призрак нагнулся над пропастью. Внизу по сверкающей дороге куда-то шли, подпрыгивая и пританцовывая, несколько существ класса 31/3. Они что-то пели звонкими металлическими голосами. Эш узнал своих соседей и, как того требовала учтивость, кинул в них маленьким камушком.

— Бесконечный день, безусловно, повлиял на их представления, — ровным голосом стал объяснять Эш Призраку. — При этом они всегда были долгожителями. В их родном мире климатические условия никогда не меняются, и местные гены создали там очень долговечные, почти идеальные и бессмертные формы жизни. Люди, воззены и абэки борются со старением организма с помощью генной инженерии, а существа

класса 31/3 возникли в мире, где все почти что вечно. Поэтому-то они никогда и не задумывались о времени. Вот почему их физические теории совершенно невероятны и увлекательны. Они описывают Вселенную, в которой почти нет места времени.

Абэк внимательно выслушал Эша и сказал:

— Кажется, Хозяин что-то мне об этом рассказывал.

— Ты его всегда внимательно слушаешь?

— По мере сил.

— А чем ты еще служишь Хозяину?

— Я выполняю всю повседневную работу, — объяснил Призрак, — чтобы она не отвлекала Хозяина от великих начинаний.

— И все-таки чаще всего ты его просто слушаешь? — продолжал расспрашивать Эш.

— Да, — просто ответил Призрак.

— Но воззены непрерывно что-то объясняют!

— А абэки непрерывно внимают мудрым объяснениям, — не без гордости в голосе заявил Призрак.

— Ты помнишь все слова Хозяина?

— Далеко не все… — На несколько мгновений на лице абэка возникло почти человеческое выражение. Он смущенно улыбнулся и заморгал серо-голубыми глазами. — Я намного тупее самого глупого воззена, а Хозяин — выдающийся представитель своего племени.

— Ты прав, — сказал Эш. — Он выдающийся воззен во всем.

Абэк стал переминаться с ноги на ногу и вновь вперился взглядом в существа класса 31/3.

— Пошли со мной! — вдруг решительно сказал Эш.

— Хозяин велел мне стоять здесь, — ответил Призрак. Его тон не был ни вызывающим, ни упрямым. Абэк просто намеревался выполнить отданный ему приказ и спокойно сообщал о своей непоколебимой решимости сделать это.

— Ты знаешь, что твой хозяин ждет от сегодняшнего дня? — суровым тоном спросил Эш.

Абэк ничего не ответил и задумался.

— Больше всего на свете, — продолжал Эш, — он хочет вернуть самое дорогое — свою память… И сделать это сегодня. Пошли со мной!

— Зачем?

— Хозяин успел многое тебе рассказать. Конечно, скорее всего, ты почти все позабыл, — сказал Эш, допив одним глотком чай. — Но если ты хоть что-нибудь помнишь и хочешь помочь своему обожаемому хозяину, тебе надо пойти со мной.

— Не понимаю, почему меня бросили здесь в одиночестве, не говоря ни слова! — заявил воззен. — Если ты вновь пожелаешь удалиться, предупреди меня!

— Хорошо-хорошо… Ну и что вы вспоминаете?

— А что я должен вспоминать?

— Не знаю, что-нибудь необычное…

Эш подключил к шестиногому существу новую батарею датчиков и множество еще более чувствительных устройств. Теперь Хозяин одновременно пребывал в лаборатории Эша и в сотнях триллионов других миров, хоть и не сменил при этом позы. Он так и стоял с широко расставленными ногами, сложив руки на животе.

— Ну да, — слегка удивленным тоном признал он. — Кажется, я вспоминаю гнездо, в котором родился.

— Вас это удивляет?

— Ну да. Я не часто…

— А сейчас?

— Мое первое совокупление в гнезде над садом грибов…

— А теперь?

Немного помолчав, воззен неохотно сказал:

— Я вспоминаю корабль. Я вижу огромный корабль в космическом пространстве. Я лечу к нему в маленьком челноке.

— Любой историк может только мечтать о том, чтобы оказаться на борту такого корабля, — усмехнувшись, добавил он.

— А сейчас?

Воззен молчал.

— Где вы находитесь?

— В большой аудитории, — ответил Хозяин.

— Когда это было?

— Одиннадцать месяцев назад. Я читал публичную лекцию… Обычно я кое-что зарабатываю себе на жизнь, делясь своими знаниями с теми, кого они интересуют, — пояснил воззен.

— Что же вы помните о той лекции?

— Все! — начал было Хозяин, но тут же замолчал и неуверенно добавил: — Какую-то женщину…

— Земную женщину? Что это за женщина? — настаивал Эш.

— Она была на лекции и сидела справа от меня… Нет, слева… Удивительно! Обычно я прекрасно помню, кто и где сидел…

— О чем вы говорили? — продолжал забрасывать клиента вопросами Эш.

— Когда?

— На лекции. О чем была лекция?

— Общая история Великой Спирали.

— Млечного Пути! — перебил воззена Эш.

— Да. Именно так вы и называете Галактику, в которой все мы живем… — С этими словами шестиногий воззен растопырил у себя перед глазами бесчисленные тонкие пальцы. — Я лишь слегка коснулся элементарнейших фактов из нашей общей истории и перечислил важнейшие виды живых существ, существовавших в последние три миллиарда лет.

Пальцы воззена так ничего и не нашли в воздухе.

— По целому ряду причин действительно важных видов живых существ в нашей Галактике возникло не так уж и много. Некоторые из них довольно активно размножались. Другие даже достигли некоторого благосостояния. При этом я пытался донести до слушателей главную мысль, заключавшуюся в том, что с тех пор, как на богатых металлом планетах возникла разумная жизнь, ни одному виду живых существ не удалось добиться гегемонии в сколько бы ни было значительной части Галактики.

— Почему?

Этот простой вопрос породил у воззена шквал мыслей, воспоминаний и фундаментальных теорий. Дисплеи расцвели яркими огнями. На них вспыхнули изображения самых замысловатых очертаний.

— Этому есть много причин, — предупредил Эша Хозяин.

— Назовите хотя бы три.

— Зачем? Ты хочешь их знать?

— Мне просто стало скучно, — сказал Эш, изучая данные с непроницаемым, почти каменным лицом. — Опишите вкратце три причины, по которым ни один из видов живых существ не может господствовать над всеми другими.

— Расстояние. Различия. И Божественное Провидение.

— Вы имеете в виду расстояние между звездами?

— Конечно, — ответил историк. — Межзвездные перелеты по-прежнему совершаются очень медленно, дорого стоят и весьма опасны. Из-за этого многие виды разумных существ предпочитают сидеть дома, где им ничего не грозит, приспосабливая к собственным потребностям свои обширные звездные системы.

— А различия?

— Любой вид живых существ способен развиваться самыми разными путями. Могут возникать новые органические формы. Они могут сочетаться с механическими и даже превращаться в механизмы. Возможны радикальнейшие культурные эксперименты, вплоть до полного уничтожения органических тел. Ни один вид разумных существ не может господствовать на обширных пространствах космоса, так как вскоре превращается в большое количество зачастую соперничающих подвидов.

— А как насчет Божественного Провидения? — поинтересовался Эш.

— Это — самое важное, — ответил Хозяин. — Потому что претендовать на роль Всевышнего по меньшей мере нелепо.

— Ну да…

— Галактика — не отдельный мир и даже не сто тысяч миров. Она невероятно велика и непостижимо хаотична. Ее не объять умом. И зрелый ум это понимает.

— Ну и что — женщина?

— Какая женщина? — переспросил воззен и замолчал, словно удивившись собственному вопросу. — Ах да! Земная женщина… По правде говоря, она наверняка не имеет ни малейшего значения. Не знаю, право, почему я о ней думаю…

— Потому что я заставляю вас думать о ней.

— Зачем? Она чем-то тебя интересует?

— Не очень, — ответил Эш и взглянул прямо в черные овалы глаз воззена. — Она, кажется, о чем-то вас спросила?

— Да. Это я помню.

— И о чем же?

— Разумеется, она спросила меня о людях, — с легким презрением в голосе сказал историк. — Вы, люди, еще очень молодой вид. Вам, конечно, повезло. Короткая история вашего существования пестрит примерами невероятной удачи и случайно принятых правильных решений. Например, Великий Корабль! Огромный! Древний! Пустой! А ведь наткнулись на него и завладели им именно вы! И теперь вы общаетесь с множеством более древних и более мудрых видов, накапливая знания с невероятной быстротой…

— Ну и о чем же она вас спросила?

— Что ты говоришь?

— О чем спросила вас эта женщина? — настаивал Эш.

— Она спросила, будет ли человечество первым видом живых существ, покорившим весь Млечный Путь.

— А как ее звали?

— Она не представилась, — ответил историк.

— Как она выглядела?

— Я не обратил на это внимания или теряю память… — смущенно признался мудрый воззен.

— Ну и что вы ответили ей? — тут же спросил Эш.

— Я ответил ей то же, что и всем остальным слушателям. Я сказал, что молоко может пробудить аппетит, но назови люди нашу Галактику по-другому, им, может быть, и не захотелось бы разевать на нее рот.

Эш долго молчал.

Наконец шестиногий историк негромко спросил:

— А где мой помощник? Где Призрак?

— Стоит там, где вы велели ему стоять, — солгал Эш и тут же добавил: — Давайте-ка действительно поговорим о Призраке!

— Ну и что ты помнишь?

— Хрустящий кекс и сладкую воду! — Призрак и Эш разговаривали в отдельном помещении, которое было куда меньше лаборатории. Призрак причмокивал так, словно его рот был вновь набит яствами.

— А еще я помню сочный пудинг и кору колбасного дерева.

— А теперь?

— Еще один кекс. В маленьком ресторанчике возле Альфийского моря.

— Ты вспоминаешь только о жратве, — усмехнувшись, констатировал Эш. — Проживи ты еще пятьдесят тысяч лет, ты все равно будешь думать только о жратве.

— Я люблю поесть, — буркнул Призрак.

— Как и все абэки…

Призрак промолчал, а потом кое-как повернулся, несмотря на опутывавшие его провода. Может, его наконец посетила какая-то мысль, или он почувствовал что-то необычное… Как бы то ни было, абэк внезапно спросил:

— А как ты всему этому научился, Эш?

— Меня учили. А превзойдя учителей, я стал учиться сам. Опыт и упорный труд. Вот и весь секрет, — с достоинством ответил Эш.

— Хозяин говорит, что ты один из самых сведущих существ в этой области, а может быть, и самый лучший!

— Большое ему спасибо! Он прав. Вряд ли кто-нибудь умеет делать это ловчее меня.

— Хозяин сказал, что ты родом с крошечной планеты под названием Марс, — тщательно подбирая слова, сказал Призрак. — Я помню тамошние события. Ты, наверное, был еще молод… Кажется, это назвали «Ночью Пыли».

— Да, в те далекие времена происходило черт знает что…

— А что это было? Война? — настаивал Призрак. — Хозяин часто говорит об истории человечества. Люди, кажется, не прочь повоевать.

— Мне лестно внимание Хозяина к моим собратьям, — вежливо заметил Эш.

— Он очень ими интересуется! — Призрак попробовал сдвинуться с места, но тщетно. Не считая двух сердец и рта, все его тело было парализовано. — А я вот не понимаю почему…

— Ты ходишь на его лекции?

— Всегда.

— Он зарабатывает на жизнь, главным образом, этими выступлениями?

— Его с удовольствием слушают.

— Ты помнишь ту самую прошлогоднюю лекцию? — спросил Эш и перечислил Призраку ставшие ему известными подробности, но, к его огромному сожалению, Призрак лишь бессмысленно ухмыльнулся и сказал:

— Не помню. Наверное, там плохо кормили.

— Давай о чем-нибудь другом, — сказал Эш. — Попробуй вспомнить что-нибудь очень давнишнее. Что ты тогда ел? Какую самую первую еду ты помнишь?

Призрак некоторое время молчал, а потом уставился на Эша и заявил:

— Я помню мой первый хрустящий кекс… Я был совсем маленьким, и вот родители наконец дали мне кекс! Как большому!

— А я допрашивал людей, — внезапно сказал Эш. — Во время войны, которую ты вспомнил, я работал в тайной полиции. По определенным дням я допрашивал людей. Я их пытал, — негромко и спокойно добавил Эш. — Память материальна, Призрак. Это маленький тугой клубок электронов, как и все остальное. Ты ни за что мне не поверишь, если я расскажу тебе, как из невидимых электрончиков можно извлечь нечто в высшей степени реальное.

— Кью Ли.

— Что?

— Эту женщину звали и зовут Кью Ли! — Эш начал отключать провода, опутывавшие воззена, оставив лишь те, без которых совсем не удалось бы направлять мысли Хозяина в нужное русло. — Мне несложно было узнать ее имя. Сначала я нашел одну женщину, которая упомянула другую. А та знает еще одну, как раз ту, что была у вас на лекции. Впрочем, сама эта женщина на лекцию не ходила, но у нее есть знакомая, интересующаяся прошлым. Эту знакомую зовут Кью Ли. Она была у вас на лекции и задала вам тот самый вопрос.

С видимым облегчением воззен оживленно забормотал:

— Да. Теперь я вспомнил ее. Она спросила, могут ли люди стать гегемонами Галактики…

— Нет, — покачал головой Эш.

Воззен подозрительно покосился на Эша. Потом любопытство взяло верх и он спросил:

— А что же она спросила?

— Это был лишь ее второй вопрос, — усмехнувшись, объяснил Эш. — Да и вообще этот вопрос задала другая женщина. А Кью Ли лишь повторила его, потому что вы разговаривали именно с ней.

Несколько мгновений воззен напряженно думал, а потом осторожно спросил:

— Так какой же вопрос задала эта женщина?

Эш посмотрел на еще работавшие мониторы и отчеканил:

— Я говорил с Кью Ли. Долго. Она помнит, что спросила вас: «Какие разумные существа первыми возникли в Галактике?»

Этот элементарный вопрос вызвал у воззена довольно бурную реакцию. Обратившись к огромному запасу своих знаний, он выудил из него наименования пяти рас разумных существ и быстро, но подробно описал эти расы, их родные миры и основные события истории.

— До наших дней ни одна из них не дожила, — грустно подытожил он. — Никто не может доказать, что видел представителей древнейших рас. О них ходят только неподтвержденные слухи. Иными словами, первое поколение разумных существ Галактики вымерло.

Эш молча кивнул.

— Как же я мог забыть такой простой вопрос?!

— Именно потому, что он очень прост, — ответил Эш. — Будем смотреть правде в лицо. Вы стареете. По человеческим меркам я тоже стар, но по сравнению с вами я грудной младенец. Воззены уже путешествовали от одной звезды к другой, когда человек еще только изготовил первый кремневый топор. Ваш ум почти необъятен и невероятно глубок, но, как и любой ум, он имеет свои границы. Вы не можете знать все, как бы вы к этому ни стремились. У вас постоянно возникают возможности узнавать новое, но при этом вы неизбежно что-то забываете.

— Но почему же меня так мучил сущий пустяк?!

Задав этот вопрос, Воззен тут же сам на него и ответил:

— Наверняка потому, что я его забыл! Я не привык забывать! Мне неприятно забывать. Стоит мне понять, что я что-то забыл, как я тут же теряю душевное равновесие и покой!

— Вот именно! — солгал Эш. — Вот именно!

По просьбе воззена Эш предупредил его, что собирается удалиться.

— А вы подождите здесь еще немного, пока от вас не отлипнут последние датчики, — добавил он и осторожно спросил: — Может, позвать вашего помощника? Хотите его видеть?

— Да, пожалуйста!

— Сейчас! — Эш притворился, что пошел на улицу, ловко сориентировался в темных коридорах, хорошо знакомых ему не одну сотню лет, и оказался в соседнем помещении, где с деланной непринужденностью бросил Призраку:

— Кстати, я, кажется, знаю, кто ты такой!

— Что? — Тот недоуменно воззрился на Эша своими серо-голубыми глазами.

— Ты думал, что сможешь меня одурачить?! — внезапно рявкнул Эш.

Абэк ничего не ответил, но не потерял присутствия духа и удивленно вытаращил глаза.

Но ему было больше не провести Эша.

— Ты существуешь почти в таком же теле, какое бывает у абэков. Но оно не совсем такое. Если бы я не заподозрил неладное, то ничего бы не заметил. Но твой мозг совсем не так прост, как кажется! Отнюдь не так прост!

Призрак обеими руками сорвал кабели у себя со лба и длинным языком слизнул выступившую на лбу серую кровь.

— Что же ты увидел у меня в мозгу? — прохрипел он.

— Кексы! — отрезал Эш. — Миллиарды лет одних кексов.

Призрак молчал.

— Ты что, принадлежишь к одной из пяти первых разумных рас в Галактике?

Призрак стряхивал с себя кабели, но ничего не мог поделать с автономными датчиками, внедрившимися к нему в мозг.

— Нет, — сказал Эш. — Пять первых разумных рас в Галактике тут ни при чем. Ты еще древнее их.

Призрак перестал облизываться и грустно проговорил:

— Я и сам не знаю.

— Теперь все ясно! — воскликнул Эш.

— Что ясно?

— Женщина задала вопрос о древнейших разумных расах, и ты за него уцепился, — усмехнувшись, объяснил Эш. — Ну и как же тебе удалось добиться, чтобы идеальная память воззена забыла этот простой вопрос?

— С помощью маленького приборчика.

— Покажи! — Глаза у Эша загорелись.

— Не покажу.

— Покажешь! — рассмеялся Эш.

Призрак молчал.

— А ведь Хозяин ничего не подозревает, — продолжал Эш. — Ему и в голову не приходит, что ты нарочно привел его сюда. Ты откуда-то узнал о моем существовании и решил дать мне

порыться у тебя в душе, надеясь на то, что я отвечу на терзающие тебя вопросы…

— Что ты увидел у меня в душе?! Что?! — воскликнул Призрак.

Мысленно приказав датчикам, исследовавшим Призрака, отключиться, Эш заговорил тоном лечащего врача:

— Я понял о тебе две вещи. Во-первых, твоя душа кажется очень молодой. Ей вполне могло бы быть лет десять-двенадцать. Я не знаю, чем это можно объяснить, но попробую догадаться. На заре Вселенной, когда звезды были бедны металлами, жизнь развивалась какими-то совсем другими путями. Абсолютно непохожими на нынешние. Может, она воплощалась в структурированную плазму. Может, во что-то еще. Как бы то ни было, твои предки развились и расселились по Вселенной. А потом Вселенная остыла и опустела, а они вымерли. Лишь немногие из них сумели приспособиться к изменившимся условиям и вселились в органические тела.

— Я остался один. Остальные умерли, — пробормотал Призрак. — Я больше не встречал таких, как я.

— Ты очень древнее существо, — сказал Эш. — И скорее всего, гораздо умнее, чем хочешь казаться. И все-таки твой тайный ум не слишком изощрен. Воззены умнее тебя, и большинство людей — тоже. Но когда ты вспоминал, что ел на протяжении многих миллиардов лет, я сразу же задумался о твоем невероятном возрасте.

Набрав побольше воздуха в грудь, Эш сказал:

— В твоей памяти есть вспомогательный квантовый блок. Я никогда не видел блока такой мощности. Я даже не представлял себе, что блоки такого невероятного объема могут существовать. Мои приборы могут вместить в себя память нескольких триллионов существ, подобных твоему Хозяину, из самых разных параллельных миров, но твою память им не осилить…

Призрак молча оскалил розовые зубы.

— Теперь ты доволен? — спросил его Эш.

— Чем?

— Скорее всего, ты самое невероятное существо на свете, — пояснил Эш. — Я ни разу не принимал такого сигнала, какой испускает твой мозг. Этот сигнал очень ясен, очень силен, очень настойчив. В той или иной форме ты существуешь в большинстве из параллельных миров.

— Да, — сказал Призрак.

— Что — да? — недоуменно взглянул на него Эш.

— Теперь я доволен, — едва заметно кивнув, сказал Призрак.

Солнце, как всегда, неподвижно висело в искусственном небе. Как обычно, дул ветер. В этом мире было нетрудно поверить в то, что беспощадное время не существует и день будет длиться вечно. Здесь даже самый старый человек, обуреваемый самыми тяжелыми воспоминаниями, порой мог убедить себя в том, что ночь никогда не наступит.

Эш последним вышел из лаборатории.

— Спасибо тебе еще раз, — сказал воззен. — Ты очень мне помог.

— Спасибо вам за щедрое вознаграждение! — Эш убедился в том, что его ждет очередная чашка чаю, и отхлебнул приятной горьковатой жидкости, наблюдая за тем, как Призрак отвязывает от дерева тюк на воздушной подушке. — Ну и куда вы теперь?

— Буду читать лекции. Меня уже ждут, — ответил Хозяин.

— Ну и отлично!

— А еще мне хочется поговорить с новыми пассажирами корабля.

— Ради науки?

— И ради удовольствия!

Чуть раньше Эш пригрозил Призраку, что расскажет все про него воззену, и теперь с удовлетворением заметил, что Призрак незаметно положил между корнями игольчатой сосны маленький приборчик.

Струсил!

Отхлебнув еще чаю, Эш сказал:

— А что вы можете сказать мне о будущем, Хозяин?

— О том, что будет?! Но я же только!.. — начал было воззен.

— Я не встречал еще ни одного историка, который не задумывался бы и о будущем, — перебил его Эш. — Что, по-вашему, станет с людьми через десять или двадцать миллионов лет?

Воззен тут же разразился не слишком длительной, но аргументированной тирадой, объясняя двум своим слушателям разницу между тем, что можно познать, и тем, что навсегда останется неизвестным. При этом он не преминул заметить, что примирить две эти противоположности невозможно.

Впрочем, слушатели вовсе его не слушали.

— Но зачем же ты всюду ходишь за ним и прислуживаешь ему? — шепотом спросил Призрака Эш.

Призрак ухмыльнулся так, как это принято среди абэков, заглянул в разверзшуюся перед ним пропасть и сказал в пустоту:

— Затем, что я очень ему нужен.

— Ему же нужен слуга!

— Вовсе нет! — почти как человек пожав плечами, сказал

Призрак. — Ему нужен друг. Надо же ему с кем-то разговаривать. И вообще, как прожить хотя бы час, хотя бы миг, если ты ни чуточки никому не нужен?!

Уильям Шанн — Чудодейственное средство

William Shunn. Strong Medicine. Перевод Д. Сухих

На суд читателей выносится жутковатый короткий рассказ о том, что есть люди, которых не испугает, а обрадует появление всадников Апокалипсиса, и о том, что наши тайные страхи могут вечно преследовать нас зловещей тенью… Уильям Шанн публиковался в таких известных журналах и альманахах, как «The Magazine of Fantasy amp; Science Fiction Age», «Realms of Fantasy», «Vanishing Acts», «In the Shadow of the Wall», «Beyond the Last Star» и «Electric Velocipede». Кроме того, его произведения появлялись в Интернет-издании «Salon». Уильям Шанн живет в городе Астория, штат Нью-Йорк.

* * *

До конца 2037 года оставалось две минуты. Доктор Эммет Фэрберн снял допотопный черный саквояж с полки на стене кабинета в недрах своего дома в Арлингтоне, штат Виргиния [185]. Стараясь не задеть шахматную доску, доктор Фэрберн поставил саквояж на стол и долго возился с неподатливыми застежками. Наконец он открыл его и извлек оттуда револьвер «Смит-Вессон» 38-го калибра. Взвесив в руке это заслуженное оружие (правда, не столь древнее, как саквояж), Фэрберн стал изучать его с таким же вниманием, какое когда-то уделял больным сердцам своих пациентов. За последние несколько дней он придумал револьверу несколько имен: Последнее Утешение, Глубокий Наркоз, Средство Кеворкяна [186], и все-таки ни одно из них не могло выразить того, что имел в виду Фэрберн.

И вот теперь, похоже, должно было свершиться именно то, что задумывал доктор. Завороженно глядя на самодовольно лоснящийся черный ствол револьвера, он прошептал: «Ты — Чудодейственное Средство. Средство от неизлечимых заболеваний…»

Доктор ухмыльнулся. За три десятилетия врачебной практики у него выработались не только твердая рука, страсть к молоденьким медсестрам и вера в свою власть над чужими жизнями, но и черный юмор, без которого невозможно ежедневно погружаться в очередную раскромсанную плоть. И действительно, доктору Фэрберну приходилось гораздо чаще прикасаться к

человеческим костям, распростертым перед ним на операционном столе, чем, скажем, к куриным косточкам или свиным ребрышкам за обедом. Он трогал руками намного больше человеческих сердец, чем Папа Римский своими речами. И его скальпель проникал в сердца гораздо глубже, чем самые яркие поэтические строки. Все это было истинной правдой… когда-то давно.

Было и прошло. Теперь место доктора Фэрберна заняла наномедицина [187].

Фэрберн разломил пополам Чудодейственное Средство. Гнезда в пустом барабане уставились на него зияющими глазницами черепа. Доктор достал из саквояжа пять патронов, блеснувших тусклой медью, и стал заряжать револьвер, словно вставлял тампоны в неглубокие раны.

«Шелли, Джейн, Раджани, Надин…» — шептал доктор, присваивая имена пулям.

«Эллен», — пробормотал он, вертя в пальцах последний патрон, как костяшку четок.

«Разве тебя позабудешь!» — добавил он с сардонической усмешкой и вогнал пятый патрон в барабан.

В течение всей своей карьеры доктор Фэрберн боролся с последствиями применения огнестрельного оружия. Но порой и злейшие враги становятся лучшими друзьями, когда судьба вдруг поворачивается к тебе спиной, а жизнь давно уже казалась доктору Фэрберну нелепой и бессмысленной.

Защелкнув револьвер, Фэрберн крутанул барабан. Одно из гнезд пустовало, но Фэрберн все так и задумал, начиная игру в изощренную русскую рулетку с пятью возможностями умереть против одной — выжить.

Если доктор Фэрберн еще нужен миру, тот найдет способ подставить под боек револьвера пустое гнездо…

До полуночи оставалась минута.

«Изображение», — проговорил Фэрберн с таким спокойствием, словно руководил ассистентами в операционной.

В углу загорелся голографический экран, осветивший перламутровым светом обшитые дубом стены кабинета.

«Громкость пятого уровня!»

Из скрытых репродукторов раздались оглушительные вопли бесившейся на Таймс-сквер [188]. Ночью в канун Нового года на площади состоится большой праздник толпы. Фэрберн следил за тем, как собравшиеся на Манхэттене люди, закутанные в пальто, прыгают и машут руками. Снежинки, мелькавшие на экране, напоминали помехи, и доктору казалось, что он смотрит старое кино.

Голографические камеры снимали людей со всех возможных

точек. Низкий, чувственный женщины-диктора произнес: «Все веселятся! Нью-йоркцы плюют на террористов! Они не трясутся за свою шкуру. Они богаты, здоровы и счастливы и будут праздновать так, словно сейчас опять наступает 1999 год».

Фэрберн поморщился. В Америке давно все были здоровы и сыты. У каждого американца имелся свой кулинарный наноприбор, способный с помощью сотен тысяч заложенных в него программ приготовить любое кушанье из чего угодно, включая перегной и помои. Наногенетические средства, умевшие бороться с инфекцией и очищать пораженные ею ткани, находили себе ограниченное применение в медицине уже десять лет назад, но Фэрберн понял, к чему идет дело, еще до 2035 года, когда свободное распространение наноприборов среди граждан страны положило конец недоеданию и болезням. Пока фармацевтические фирмы отчаянно боролись за место под солнцем, а заменившие врачей медицинские наноприборчики учились делать свое дело все лучше и безболезненней, Фэрберн старался получить должность хирурга где-нибудь в странах Третьего мира. Ему было уже все равно — где!

Нет, он не был каким-то особенным альтруистом. Просто весь смысл его жизни состоял в том, чтобы резать, кроить и приводить в порядок человеческую плоть теплой сталью, швами и собственными руками. Он понял, что именно в этом заключается его предназначение, еще в тот момент, когда впервые взял в руки скальпель, а потом оттачивал свои незаурядные способности в больницах скорой помощи Балтимора, а затем в военно-полевых госпиталях Сирии, Турции и Саудовской Аравии, где получил чин капитана. Он пережил пять бурных браков, но ни одну из своих супруг не ценил больше скальпеля и считал, что его способности, ненужные больше на родине, вполне пригодятся в какой-нибудь бедной стране. Он был готов работать даже бесплатно. Речь шла отнюдь не о деньгах.

Его уже почти взяли в Намибию, когда Соединенные Штаты закрыли свои границы. Они сделали это не только для того, чтобы поставить преграду на пути нового поколения террористов, но и для того, чтобы не выпустить технологии, которые можно было обратить во вред им самим. Ни к чему хорошему это не привело. Почти каждую неделю на территории Соединенных Штатов взрывались очередные бомбы, заложенные террористически настроенными представителями американских же национальных меньшинств, а в других странах постоянно возникали новые модификации наноприборов… Как бы то ни было, но все пути к африканским больницам теперь были Фэрберну заказаны.

В отчаянии он обратился к коллегам-хирургам. Через пару бесконечно долгих месяцев ему организовали невероятно дорогостоящее бегство. Наконец он отправился в техасский городок Игл-Пасс на встречу с первым из проводников, которые должны были переправить его сначала через американскую границу, потом — на ту сторону экватора, а потом — и на другую сторону Атлантического океана. Однако проводник так и не появился, а Фэрберну пришлось проделать томительный путь домой на автомобиле. При этом у него было время обдумать произошедшее. Его могли просто надуть, или проводник испугался правительственных агентов…

Судя по огромным черным автомобилям, шнырявшим по всему Техасу, во всем наверняка виновато правительство!

«До Нового года осталось полминуты!» — радостно воскликнула дикторша.

«Местные новости!» — приказал Фэрберн, и на голографическом экране появился парк Молл [189] в пяти милях от его дома. Здесь было столько народу, что человеческие головы казались на общем плане камнями мостовой. Иллюзия пропадала лишь тогда, когда камеры фокусировались на отдельных разрумянившихся лицах.

Фэрберн устроился в кресле за рабочим столом, сжав в левой руке, которой всегда проводил самые ответственные операции, Чудодейственное Средство, казавшееся ему теперь очень тяжелым скальпелем.

«Осталось пятнадцать секунд!» — завопил другой диктор, и толпа вторила эхом его отсчету, словно в такт ударам сердца.

«Четырнадцать! Тринадцать! Двенадцать! Одиннадцать!..»

Глядя на голографический экран, изображавший теперь небо над мемориалом Линкольна [190], Фэрберн взвел курок Чудодейственного Средства и ткнул его ствол себе прямо под нижнюю челюсть.

Как только над Потомаком засверкают фейерверки, у него в мозгу тоже полыхнет красно-белая вспышка, и его мозг не соберут воедино даже вся королевская конница и вся королевская рать…

В этот момент Фэрберн рассеянно подумал о том, именем которой из бывших жен зовется та пуля, которая его прикончит.

«Восемь! Семь! Шесть!..»

Фэрберн не без удовольствия ощущал кожей прохладу металла. Его палец на курке напрягся. Повинуясь мгновенному капризу, он потянулся к шахматной доске и сбил с нее щелчком черного короля.

«Три! Две!..»

Портьеры на восточном окне кабинета Фэрберна озарились

белой вспышкой, тут же превратившейся в отблески оранжевого адского пламени. Изображение на голографическом экране исчезло, а в репродукторах оглушительно завизжало и затихло. В кабинете сгустился мрак…

Несколько мгновений Фэрберн не понимал, спустил ли он курок.

Неужели именно это и ощущаешь, вышибив себе мозги?!

Доктор разжал руку. Чудодейственное Средство выпало из его онемевших пальцев и упало на пол со стуком комьев земли о крышку гроба.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Фэрберн понял, что все еще жив, кое-как поднялся на ноги и отдернул с окна портьеры.

Кабинет находился на втором этаже. Из его окна были прекрасно видны дворик и садик, но красное зарево на северо-востоке постепенно охватывало все пасмурное ночное небо.

Вокруг царила неестественно мертвая тишина. Лампочки у дверей домов с непонимающим видом смотрели в небо. Люди с хлопушками, веселившиеся в соседнем дворе в шутовских колпаках, застыли с открытыми ртами вокруг украшенной елочки…

Тем временем окутанный дымом столб оранжевого огня ударил о невидимый свод небес и стал расплываться в форме огромного гриба.

«Боже мой! « — в благоговейном ужасе пробормотал Фэрберн.

Внезапно гриб исчез за черными облаками пыли и обломков, несшимися на Арлингтон, как всадники Апокалипсиса. Фэрберн бросился на пол за секунду до того, как подлетела ударная волна. Стекла в окнах разлетелись на миллионы острейших игл, со свистом вонзившихся в противоположную стену. Фэрберну показалось, что у него над головой промчался грузовой поезд. Доктор едва успел закрыть голову руками.

Его накрыла мгла. Потом его подбросило и стало швырять по полу, как тряпичную куклу…

Наконец Фэрберн пришел в себя и с трудом поднялся на четвереньки. Из правого уха у него текло что-то горячее. Кабинет лежал перед ним в развалинах. Теплый ветер ворошил остатки его прежней жизни.

Фэрберн уставился на свои чудом уцелевшие бесценные руки. В этот момент до него издалека, словно откуда-то из-под земли, донеслись человеческие крики. Кричали на разные голоса…

Перед мысленным взором Фэрберна тут же возникла свистящая на улице стеклянная шрапнель, падающие с неба обломки и здания, оседающие бесформенными грудами камня и

кирпича.

Схватившись за край стола, Фэрберн с трудом поднялся на ноги и стал искать в облаках пыли еще один, жесткий врачебный чемоданчик, в котором было гораздо больше пользы, чем в антикварном докторском саквояже. Наконец он нашел чемоданчик под горой рухнувших на пол книг, вытащил его на свет божий и отряхнул с него пыль.

Доктор Фэрберн направился было к дверям, когда заметил валявшееся на полу Чудодейственное Средство. Он остановился, поднял револьвер и некоторое время его разглядывал. Потом он поднял руку, прицелился в потолок, но так и не выстрелил, засунул оружие за пояс и спустился в гостиную. Дом Фэрберна был почти полностью разрушен, но, подставив лицо порывам пыльного ветра, веявшего над руинами, среди которых корчились от боли раненые люди, доктор улыбнулся, вновь почувствовав себя нужным и всесильным.

Доминик Грин — Ментагра

Dominic Green. Send me a Mentagram (2003). Перевод Д. Сухих

Недавно начавший карьеру писателя англичанин Доминик Грин пока печатался только на страницах «Interzone», но за последние несколько лет опубликовал в этом издании уже шестнадцать рассказов! Вниманию читателей предлагается один из них, от которого почти в буквальном смысле этого слова по коже ползут мурашки. Речь в нем идет о чудовищных созданиях, долго дремавших в толще льда и пробудившихся на горе всему человечеству (и нет, Годзилла тут совершенно ни при чем).

* * *

— Ну, как самочувствие? — спросил осматривавший меня доктор. Как и у всех врачей, его пальцы были ледяными. При этом они были стальными, а его руки — резиновыми и торчали из стены.

— Я требую, чтобы арестовавшую нас женщину отдали под суд, хоть она и лейтенант морской пехоты. Она застрелила одного из наших людей.

— Замолчите! Отвечайте лучше на мои вопросы, и скоро это закончится… Как звали ваших погибших товарищей?

Я задумался.

Может, этот доктор грубит, потому что он никакой и не доктор, а переодетый доктором следователь? Наверняка всем нам будут задавать один и те же вопросы, чтобы потом сопоставить ответы. Мы, конечно, будем врать, но все-таки надо отвечать одинаково. Как же нам это сделать, не сговорившись?!

— Одного звали Амундсен, — начал я, но тут же передумал. — Нет, не Амундсен.

Доктор нахмурился, глядя на меня сквозь толстенное стекло.

— Амундсен, Амундсен! — успокоил меня он. — Его упомянули двое из ваших.

Потом он хитро на меня покосился и нахмурился:

— У вас очень низкое кровяное давление и сердце еле бьется.

— Как правило, доктора этим довольны.

— Это ваше обычное давление? — спросил он таким тоном, словно я пришел к нему на прием в поликлинику. — Кстати, в вашем теле почти полностью отсутствует жировая прослойка.

— А что я могу поделать? Ладно, буду больше есть и меньше двигаться. Можете на меня рассчитывать, я ведь тоже врач… И все-таки — выживем мы или нет?

— Все кто попадал раньше в такую ситуацию, как вы, уже умерли. Так что, пожалуй, и вы не выживете, — пожал плечами за стеклом врач.

— А что со мной будут делать сейчас?

Как же это называется? Шассиньит? А я-то думал, что это одно из колен Израилевых и даже попросил Йоргена поискать это слово в Библии! А может, это горная порода, как доломит? Или автомобиль, как «Турбофлит»? Или пластмасса, как текстолит? Или?…

— Пару часов назад нам доставили с острова Асенсьон два антибиотика. Первый мы опробуем на одном из ваших товарищей, второй — на другом. Впрочем, я особо не надеюсь на эти препараты.

— При чем тут антибиотики? Это же не газовая гангрена!

Аральдит? Арагогнит? Кордит?

— Вот как? — сказал врач, покосившись на меня из-за стекла. — Так что же это? Может, поделитесь с нами вашим квалифицированным мнением, господин доктор!

Аэролит? Сидерит?…

— Это что-то неизвестное. Неземное.

Эти несколько слов и спасли мою жизнь. На какое-то время.

«Война снеговиков» шла уже три недели… Потерь пока еще не было, но на полуострове Дрейка разбомбили подпольное аргентинское казино, а его персонал и посетителей арестовали. Подо льдом курсировали американские ударные подводные лодки «Лос-Анджелес» и «Филадельфия» и пара русских торпедных подлодок, скорее всего, типа «Альфа». Но, по-видимому, туристические компании наивно полагали, что никто не осмелится торпедировать гражданские суда, плывущие в такой ледяной воде, что попавший в нее человек замерзнет за полсекунды. Инцидент с «Пингвином» был еще впереди, и пассажирские корабли продолжали как ни в чем не бывало курсировать вокруг всей Антарктиды от Земли Королевы Мод до Эребуса, чрезмерно полагаясь на гремевшие в эфире заявления демагогов-политиков.

«Южный Крест» был как раз таким пассажирским кораблем, принадлежавшим солидной туристической пароходной компании из Дурбана. Конечно, он не мог сравниться с такими гигантами, как «КС-три» или «Китайская Звезда», и не имел открытого бассейна у себя на борту. И все-таки «Южный Крест» являлся во

всех отношениях современным кораблем, построенным в Портсмуте.

Это был один из последних спущенных на воду в Великобритании кораблей, построенных как раз перед тем, как судостроительная промышленность на Британских островах стала до такой степени нерентабельной, что даже Королевский Военно-Морской Флот начал заказывать свои корабли в Корее. Иными словами, «Южный Крест» оснастили всем необходимым для плавания в антарктических водах. На нем был закрытый бассейн с подогревом, а также горячее и холодное водоснабжение во всех ста каютах с двойными иллюминаторами. Имелись здесь даже каюты, расположенные ниже ватерлинии, из которых пассажиры могли глазеть сквозь иллюминаторы на миллиарды морских существ, резвящихся в перенасыщенных кислородом антарктических водах. Поручни на палубе работали с подогревом, чтобы к ним, не дай бог, не примерзли влажные ладони возбужденных туристов. А еще «Южный Крест» был оснащен надводным радаром для обнаружения айсбергов. Под водой айсберги искал сонар. Словом, кроме торпеды, этому кораблю ничто не угрожало, ни американские, ни русские военные суда не решились бы торпедировать безоружный пассажирский лайнер. Но что-то все же произошло.

Это случилось в тот момент, когда мы смотрели на проплывающий мимо нас сверкающий голубой лед, так похожий на сушу. Именно из-за этого ощущения «Южный Крест» чуть не нашел смерть в морской пучине. За ледяным полем плыл айсберг. Его пятисотметровый выступ ринулся к нам, готовый обрушиться на «Южный Крест», как молот разгневанного Тора. К счастью, Хокон Банг вовремя заметил опасность, положил штурвал на правый борт, и «Южный Крест» послушался руля гораздо охотнее «Титаника».

Все закончилось хорошо. За айсбергом лежала открытая вода, а за ней Африка. Конечно, в случае невезения на пути в Дурбан мы, возможно, наскочили бы на рифы Южной Георгии, но это было маловероятно.

На борту «Южного Креста» я чувствовал себя не в своей тарелке, многое меня даже возмущало. Далеко, на другом конце фьорда остальные члены экипажа «Фрама» ютились в малюсеньких кубриках. В свободное время они спали, потому что в таком холоде это было единственным возможным занятием. А здесь пассажиры нежились на водяных кроватях в каютах с кондиционерами!

Я открыл четырехслойную стеклянную дверь рядом с огромным салоном и, не обращая внимания на порыв ветра, от

которого зазвенели все люстры, вошел внутрь, закрыв ее за собой. Передо мной, на до блеска надраенном идеально чистом полу, тянулась цепочка чьих-то грязных следов…

Йорген наклонился над одним из трупов. Это была девочка-подросток негритянских кровей. Наверное, из богатой иоганнесбургской семьи. Она лежала посреди блестящего пола, сжимая в руке висевшее у нее на шее золотое распятье. По ее лицу догадаться об ее негритянском происхождении было непросто. Вместо лица у нее были только мышцы, жир и кровеносные сосуды. Кожи на них не было. Судя по тому, как судорожно были сжаты ее прокусившие язык зубы, она лишилась кожи еще при жизни. Взяв руку девочки, Йорген тщетно пытался нащупать пульс.

— На этом корабле умерли все, — сказал я. — Не трогай ее, а то заразишься.

Не найдя пульса, Йорген обернулся ко мне и грустно улыбнулся.

— Да, конечно, — сказал он. — Но здесь очень холодно. Гораздо ниже нуля. Микроорганизмам не выжить в таком холоде.

Я с удивлением понял, что за последнюю неделю плавания на «Фраме» так привык к холоду, что перестал его замечать.

Йорген прав! Даже в такой близости от Южного полюса в салонах комфортабельных лайнеров обычно тепло.

— Наверное, забыли закрыть дверь, — предположил я.

— Ничего подобного, — покачал головой Йорген. — Посмотри на термостат. Вон там на переборке.

Посмотрев на прибор, я убедился в том, что кто-то умышленно отрегулировал температуру в салоне на минус десять.

— И так повсюду, — сказал Йорген. — В каютах. Везде. Внизу есть закрытый бассейн, так он замерз. А ведь на корабле задраены все иллюминаторы.

Йорген наклонился, чтобы осмотреть следующего покойника, но я остановил его, взяв за плечо.

— Хватит. Вставай и пошли. Мы уходим. Это приказ.

Женщина, которую я уже видел в форме лейтенанта морской пехоты, появилась опять. На этот раз на ней был белый халат, а маска закрывала только нижнюю часть лица. Кажется, она стала меньше меня бояться…

— Красивые у вас глаза, лейтенант! — сказал я.

За женщиной переминался с ноги на ногу флотский врач.

— Слушайте меня внимательно. — Женщина не обратила ни

малейшего внимания на мой комплимент. — Если вы действительно врач, вы можете пригодиться нам не только как подопытный. Если вы сможете помочь нам, мы постараемся, чтобы вы прожили как можно дольше.

— Для меня это высокая честь. — Я затряс головою.

— Не валяйте дурака! Нам сейчас действительно нужны врачи. На этом корабле нас только трое. Мы двое и вы. Командование не разрешило взять больше врачей на корабль, обеспечивающий карантин в этой зоне. Испугалось, что кто-нибудь из них проболтается. А ведь половина нашего личного состава к югу от шестидесятой параллели до сих пор думает, что мы здесь охраняем морских котиков и другую живность!

— А на самом деле вы пытаетесь воспрепятствовать проникновению в окружающий мир чего-то такого, в чем вы, кажется, сами отчасти виноваты. Правда?

Женщина кивнула.

— Знаете, что такое «Визит с Марса»? — спросила она.

Я покачал головой, но внезапно на меня нашло озарение.

— Постойте-ка! Кажется, вспомнил! Это большой антарктический научный проект с участием американских и русских ученых? Ваши президенты договорились о нем, чтобы не выглядеть дураками, когда и русские, и американцы решили не лететь на Марс! Вам не хватило денег на такой полет, и вы разрекламировали поиски того, что прилетело с Марса на Землю.

Женщина поморщилась, услышав мой презрительный тон, но все равно кивнула:

— Это была обширная программа по сбору метеоритов с Марса. А эти метеориты собирают именно в Антарктиде. Они, конечно, падают на Земле повсюду, но здесь попадают в глубокий лед, который выталкивает их наверх, когда ледники ползут по подводным горным хребтам. При этом все метеориты вылезают наружу одновременно. Достаточно найти нужный ледник, и можно собирать метеориты, как грибы.

— А шассиньит — разновидность марсианского метеорита, — добавил морской врач. — Наверное, вы и сами догадывались.

— Врач на «Южном Кресте» залил его прозрачной смолой и показывал любопытным на палубе, — кивнув, сказал я. — Он придавливал им бумаги на столе у себя в каюте. Поэтому-то вы его и проморгали.

Флотский врач повернулся к женщине-пехотинцу, которая достала блокнот и стала что-то в нем строчить. Устав смотреть на нее, врач повернулся ко мне.

— Шассиньит — очень необычный метеорит. Это кусочек самого Марса, отколовшийся несколько миллионов лет назад в

результате вулканического извержения или столкновения Марса с небольшим астероидом. Таких метеоритов мало, но мы рассчитывали, собрав несколько миллионов метеоритов, найти среди них несколько сот шассиньитов.

Я начал понимать, о чем он толкует, но от этого мне стало только хуже.

— А первые признаки жизни вне Земли были обнаружены именно в марсианских метеоритах… — пробормотал я.

Морской врач кивнул, и, помолчав, сказал:

— Мы думаем, что теперь вы являетесь носителем марсианской жизни.

— Полагаете, эти пожиратели кожи прилетели с Марса?

— Да, сейчас мы думаем именно так. У нас была база по обработке метеоритов в Аллан Хиллз, чуть дальше в глубь Антарктиды от того места, где, по утверждениям команды с «Южного Креста», ими был найден шассиньит. Впрочем, на «Южном Кресте» могли выбросить шассиньит за борт. Ведь мы его так и не нашли… Как бы то ни было, Южная полярная станция потеряла связь с базой в Аллан Хиллз недель десять назад. Туда отправили спасательную команду, и она тоже пропала. А из второй спасательной команды живыми вернулись только трое. Но и они умерли через полтора дня после того, как им удалили хирургическим путем около девяносто пяти процентов кожи… — Флотский врач с извиняющимся видом пожал плечами и добавил: — Тогда мы еще почти не умели препятствовать распространению этой инфекции.

Вот как! Выходит, он работал на Южной полярной станции!..

Докторша поспешно покинула помещение, оставив меня наедине со своим коллегой.

Я постучал по стеклу и поманил его пальцем. Он стал затравленно озираться по сторонам, изучил взглядом мощные болты в раме пуленепробиваемого стекла и, наконец, наклонился к нему так близко, что мне стала видна его очень скверная кожа.

— Хотите, я скажу, почему вам нечего бояться?

Морской врач опять испуганно взглянул на дверь и пробормотал:

— Не надо меня уговаривать…

— Боитесь, что она и вас прикончит?

— Не она, так другие, — с кислой миной пробормотал врач. — Мы же военные. Убивать — наша профессия… Ну и почему же нам нечего бояться?

— Потому что корабельные крысы не умерли.

Сначала мне показалось, что врач все понял, но потом до меня дошло, что я ошибаюсь.

Да у него же куриные мозги! Попробую снова!

— Это заболевание поражает только людей. Оно не трогает крыс и, кажется, даже пингвинов, а то ваша экспедиция к озеру Фрикселл нашла бы там мертвых птиц. Эта болезнь явно земного происхождения, потому что очень хорошо умеет уничтожать людей. Ее появление на льду, где вы собирали марсианские метеориты, — чистое совпадение. Древнейшие смертельные заболевания вообще чаще всего прячутся в ледниках. Если возбудитель этой болезни так опасен, как вы утверждаете, он уничтожил бы всех столкнувшихся с ним. А когда болезнь пожирает всех, кого может поразить, она прекращается, правда? С другой стороны, возбудитель может тихо дремать в глубинах ледника пару тысяч лет, а потом…

Врач свернул в трубочку концы носового платка, засунул их в ноздри, словно стараясь протереть затуманенный мозг, и фыркнул.

— Об этом мы уже думали. Кое-кто из нас тоже подозревает, что это древнее земное заболевание. Оно очень похоже на болезнь, которую, кажется, знали древние римляне. В некоторых текстах они называют ее одном словом «ментагра». Буквально это значит «болезнь подбородка». Римляне думали, что оно передается при поцелуях, потому что впервые заметили ее симптомы на губах у больных. На самом деле, инфекция передается по воздуху, но действительно, в первую очередь проявляется в районе рта и носа, поражает дыхательные пути и распространяется на горло, грудь и дальше. Ее описал Плиний в двадцать шестой книге своей «Естественной истории» еще в первом веке новой эры… Видите ли, один из наших командиров изучал в университете классические языки и литературу… — Врач внимательно осмотрел извлеченные из носа кончики платка и нахмурился. — Но это еще ничего не значит. А вдруг в первом веке нашей эры в Риме упал метеорит с Марса? Или финикийцы привезли эту болезнь на кораблях из Антарктиды?

— Финикийцы не плавали в Антарктиду, а к первому веку нашей эры их вообще не осталось.

— Наш ученый командир рассказывал о финикийце по имени Ганнон, который решил оплыть вокруг Африки. Кажется, он доплыл до самого Камеруна… — Врач теребил носовой платок в руках. — Как здесь пыльно…

Шассиньит? Метеорит? Гелигнит? Москитол-Клещевит!.. В этот момент я все понял, но мне и в голову не пришло рассказать об этом флотскому врачу.

Что же мне делать?! С кем же поделиться моей догадкой?!

— Ты не имеешь права приказывать нам покинуть этот корабль, Скотт! Здесь еще могут быть живые люди! Они же погибнут!

Закутанные в арктическое снаряжение, мы стояли вчетвером в огромном салоне среди бесконечных столов, накрытых для роскошного ужина.

— Здесь есть живые люди, — кивнул я. — Это мы. И мы погибнем, если останемся.

Йорген покачал головой:

— Я понимаю — как врач ты отвечаешь за нашу безопасность. Но, скорее всего, нам ничего не грозит. Когда здесь произошло несчастье, на корабле было гораздо теплее. Пассажиры и экипаж были беспечны. Они не знали, что среди них появился вирус. А мы отдаем себе отчет в опасности и можем принять меры предосторожности.

— Пассажиры и экипаж боролись за свою жизнь, — сказал я, показывая на термостат на переборке. — Они понизили температуру на всем корабле, чтобы остановить распространение заболевания, но все напрасно. Этот вирус не боится мороза.

Один из двоих датчан в нашей экспедиции, прозванный «Педерсен-через-Дэ», потому что был еще «Петерсен-через-Тэ», не выдержал и взорвался:

— Выходит, мы бросим умирать тех, кто здесь еще может быть жив?! Почему?! Потому что ты боишься за нас?! Или потому что трясешься за свою шкуру?!

— Послушай, Дэ, мы нашли в корабельном лазарете трупы людей, которым пробовали давать все лекарства, имеющиеся в распоряжении современной медицины. А на «Фраме» у нас есть средства от простуды, головной боли, обморожения и самые примитивные антибиотики. Вот и все! Нельзя занести этот вирус на «Фрам».

— Думаешь, это вирус? — Датчанин ткнул пальцем в сторону трупа. — А ведь это могли сделать острым ножом. Или скальпелем.

— Нет. Мне приходилось работать со скальпелем. Посмотрите в лупу. На лице у девочки не поврежден ни один даже самый маленький сосуд. Так может работать только самый выдающийся хирург в мире… Судя по всему, здесь действовал микроорганизм. Может, это что-то вроде некротического фасцита второго типа. Не знаю…

— Тем более нам надо остаться здесь! — воскликнул Педерсен-через-Дэ, сверкая глазами. — Если этот вирус так опасен, мы не можем возвращаться на «Фрам»!

— Ты сошел с ума! — вмешался Йорген. — Хочешь лишить

экспедицию пяти человек? Без нас остальным не добраться до Полюса!

Я глубоко вздохнул, печально покосился на труп и развел руками:

— Дэ совершенно прав, а мне просто не хватало духа в этом признаться. Конечно, цель экспедиции очень важна, но мы не можем возвращаться на «Фрам». Что, если мы всех там заразим?! Останемся здесь и обратимся за помощью по радио.

Йорген — первый и любимый помощник капитана Амундсена — выругался по-норвежски.

В этот момент распахнулась дверь, и в салон ворвался Хакон.

— Скотт! В компьютере судового врача важная информация!

Я кивнул и пошел за ним. Три норвежца и датчанин последовали за мной.

Англичане вообще и в первую очередь те, кто не вышел ростом, оказавшись на корабле со скандинавской командой, очень скоро с прискорбием замечают, что они, как говорится, «от горшка два вершка». Сидя за компьютером, я ощутил это особенно остро, когда мои «современные викинги» столпились вокруг меня.

К счастью, судовой врач вел свои записи по-английски. Если бы он писал на африкаанс, мне пришлось бы запрашивать перевод по радио. В записях говорилось об инфекции, поразившей экипаж «Южного Креста» и его пассажиров после захода в залив у озера Фрикселл, находившегося отсюда всего в нескольких днях плавания.

— Значит, все это случилось очень быстро… — пробормотал Йорген.

— Если врач не врет, то да. Только для чего ему врать, если он сам умер?!

— Трупы начинают попахивать, — сказал кто-то за моим плечом.

— Пойдите к термостату и понизьте температуру на всем корабле, — не оборачиваясь, приказал я. — Нам не привыкать…

В записях судового врача говорилось, что «Южный Крест» вез туристов к антарктическим птицам и геологическим диковинкам. Трансантарктические горы — складчатые. Их не скрывает почвенный слой, а в районе озера Фрикселл нет даже снега и льда. О чем еще может мечтать коллекционер минералов?! Любителям провести летний отпуск в Антарктиде окрестности этого озера должны были очень понравиться. А вдоль побережья там гнездятся императорские пингвины, перекочевавшие сюда с острова Росса, после того как браконьеры из Новой Зеландии устроили облаву на птенцов. Императорские пингвинчики

недавно превратились в Америке и России в таких популярных домашних птиц, что тамошний черный рынок домашних животных даже переименовали в «черно-белый». А самые безумные фанаты, явно не читавшие рассказы Лавкрафта [191] о жутких слепых пингвинах-альбиносах, стали разводить белых императорских пингвинов.

— Нам придется выйти в эфир, — сказал Педерсен-через-Дэ, прервав разговор с Хаконом; они разговаривали не то по-датски, не то по-норвежски, в любом случае я все равно ничего не понимал. — Амундсен разозлится.

— Еще бы, — сказал я. — Радиопередачу перехватят все американские подлодки и эсминцы в радиусе многих миль. Мы же нарушили стокилометровую запретную зону. Наш корабль задержат и отбуксируют назад на остров Асенсьон, а вонючие малагасийские браконьеры будут и дальше преспокойно ловить у Земли Королевы Мод ледовых рыб. У американцев слишком мало кораблей, чтобы тут все прочесать, и малагасийцы этим бесстыдно пользуются!

— А я слышал, что у бразильцев есть подводные траулеры, — сказал Хакон.

— Ну и как ты втащишь сеть с рыбой на подводный траулер? — скептически осведомился Педерсен-через-Дэ.

Я читал дальше, не обращая на них внимания. Заболевание вспыхнуло всего через несколько часов после того, как последний пассажир поднялся на борт с Земли Виктории. Оно убивало людей «массированным и внезапным некрозом кожи лица, распространявшимся из района рта и носа наподобие декубитальной гангрены».

— Гангрена! — воскликнул Дэ. — Гангрену вызывает обморожение. Они все обморозились!

Он хлопнул Хакона по спине:

— Слышишь?! Они обморозились!

Я читал дальше. Непосредственной причиной гибели людей мог быть сердечный приступ или удушье. Врач «Южного Креста», которого звали М.Д. Филлипс, не смог определить, от чего прекращали биться сердца умерших — от кислородного голодания или просто от невыносимой боли. Он пытался спасти отдельных больных с помощью искусственного дыхания, но записал, что при этих попытках «лишь проломил им грудную клетку». Сначала он подумал, что это просто вызванная стафилококками кожная инфекция, а потом перепробовал на первом же больном все антибиотики вплоть до ванкомицина. Ванкомицин до сих пор остается самым сильнодействующим из существующих антибиотиков. Врачи даже остерегаются его

применять, потому что бактерии под его воздействием часто начинают мутировать и перестают на него реагировать. Обычно ванкомицин используют только для борьбы с золотистым стафилококком, устойчивым к метициллину. На борту «Южного Креста» было мало ванкомицина, но и он не помог. В отчаянии судовой врач прочел все, что нашел в своей довольно богатой медицинской библиотеке о кожных болезнях. Он внимательно изучил все медицинские справочники страница за страницей и наконец пришел к тому же выводу, что и я сам. Этой напастью была не обычная гангрена и не газовая. Скорее всего, бедняги столкнулись с декубитальной гангреной, известной под названием некротического фасцита. Единственное средство против нее — удаление пораженных тканей. Судовому доктору с его ничтожным жалованьем совершенно не хотелось приступать к таким операциям в своем плохо оснащенном плавучем лазарете посреди Южной Атлантики. Кроме того, среди его пациентов могли оказаться люди, способные подать на него за это в суд или просто застрелить его при его первом же появлении в Дурбане. При этом врач «Южного Креста» не относился к категории маньяков, экспериментирующих на своих больных, как на крысах. Когда его самого поразило загадочное заболевание, он надел резиновые перчатки, встал перед зеркалом и стал сам себе срезать кожу с лица. Когда врач умер, на его лице оставалась лишь половина кожи. Разумеется, дольше всего протянули те больные, к кому он почти не прикасался.

Разве это справедливо?!

Куривший в коридоре Йорген выругался по-скандинавски.

— Да тут полно крыс! Ну подожди! Вот я тебя сейчас!..

Я замер за компьютером:

— Не трогай ее!

Йорген замер с металлической трубой от пылесоса в руке:

— Что?! И крыс нельзя трогать?!

— Она живая, — сказал я.

— Сейчас будет мертвая, — с ухмылкой сказал Йорген, взвешивая в руку пылесосную трубу, как меч викинга.

— Ты что-нибудь слышал о хантавирусе?

Хокон немного остыл и опустил трубу.

— О каком вирусе?

— Крысы — его переносчики. Он легко убивает людей. Десять из двадцати больных, пораженных этим вирусом, умерли. Они умерли не в паршивых судовых лазаретах, а в лучших американских больницах! По-моему, крысы могут переносить и этот микроорганизм. Если хочешь, чтобы шкура сползла с тебя, как чулок, беги и дальше за этой крысой!

Педерсен-через-Дэ уставился на меня широко открытыми глазами.

— Крысы переносили Черную Смерть! — заявил он и так поразился своим знаниям, что не удержался и повторил: — Крысы переносили чуму!

— Норвежские бурые крысы, — уточнил я. — А может, вам нечего бояться? Может, у вас врожденный иммунитет?

— Но это не бубонная чума! — покачав головой, воскликнул Йорген. — У тех, кто умер от чумы, под мышками раны.

— Да будет вам известно, — сказал я, не отрываясь от монитора и печатая одновременно, — так и не доказано, какой микроорганизм вызвал Черную Смерть. Большинство считает, что это — возбудитель бубонной чумы. Некоторые думают, что это была сибирская язва. А другие даже полагают, что это именно хантавирус. Вполне возможно, что в Средние века появился какой-то неведомый дотоле вирус, которого с тех пор больше никто не видел.

— Ни у кого не поднялась температура? — спросил я, нервно облизнув губы.

Все лениво переглянулись.

А ведь скоро им будет не оторвать друг от друга глаз!

— Нет, — сказал Дэ.

— Тогда свяжитесь с «Фрамом», — приказал я. — «Красно-бело-сяняя экспедиция» завершена.

«Красно-бело-синяя экспедиция» была совместно организована англичанами и норвежцами по инициативе одного чудака по имени Тор Амундсен. Этот дальний родственник знаменитого полярного исследователя не прошел последний этап медицинской комиссии, когда пожелал стать первым полетевшим на Марс астронавтом Европейского космического агентства. Ему не удалось совершить гигантский скачок в будущее, и, наверное, поэтому его заинтересовало прошлое. Этот дружелюбный норвежец из Бергена, бегло говоривший по-английски и по-русски, выступавший за норвежскую лыжную сборную на Олимпийских играх и получивший диплом инженера в столичном университете, поставил перед собой задачу, по сложности сравнимую с первой высадкой человека на Луну. Он решил покорить Южный полюс в день столетнего юбилея подвига его прославленного предка, пользуясь его же методами. Никакой спутниковой связи! Никаких цифровых приборов! Ни радара, ни сонара! Никаких мотонарт!

Тор собирался дойти до Южного полюса, перенеся при этом такие же тяготы, как и его предок, подражавший, в свою очередь,

Нансену.

Сначала Тор собирал деньги под предлогом того, что хочет повторить попытку Амундсена, пытавшегося достичь Северный полюс в 1910 году. Но ведь и тогдашний Амундсен на самом деле лишь маскировал свои намерения штурмовать Южный полюс! По-моему, меня выбрали из двадцати совершенно равноценных кандидатов только из-за моего имени. Конечно, Скотт мое имя, а не фамилия, но Тор все равно заявил в одном интервью, что у него в экспедиции будут Амундсен и Скотт. А позже я узнал, что англичанина включили в состав экспедиции еще и для того, чтобы один из торговых банков Лондонского Сити ассигновал на ее нужды 200 000 фунтов стерлингов.

Сто лет назад Роальд Амундсен набрал людей для арктической экспедиции, одолжил корабль под названием «Фрам» у своего друга Нансена, который, кстати, и сам собирался на Южный полюс, а потом внезапно лег курсом на Мадеру и заявил, что плывет в южное полушарие. Пожалуй, нам следовало бы с самого начала догадаться, что Тор Амундсен поступит точно так же.

Его экспедиция к Южному полюсу была чистой воды безумием. Если в 1910 году Роальд Амундсен просто подвел старого друга, то его дальний потомок явно решил подвести всю экспедицию с собой во главе под монастырь. С сентября 2009 года американские и русские военные корабли патрулировали антарктические воды, пресекая любые попытки охоты на китов. Горячий капитан одного русского эсминца уже изрешетил из крупнокалиберных пулеметов норвежское китобойное судно «Морской Лебедь». По не вполне понятной причине русские и американцы, сидевшие сложа руки, пока люди убивали, насиловали и пожирали друг друга в Руанде, Косове, Северной Ирландии и Квебеке, теперь на полном серьезе взялись за охрану китов. Пока еще они никого не торпедировали, но инцидент с «Морским Лебедем» не улучшил настроения норвежцев на борту «Фрама».

Конечно, крупные компании без зазрения совести опустошали Антарктиду. Огромные прекрасно отапливаемые отели росли как грибы по периметру всей сравнительно теплой «Антарктической Ривьеры» на Антарктическом полуострове. Костюмы с подогревом позволяли туристам шнырять среди тюленей, кататься на сноубордах с айсбергов и терроризировать стаи испуганных пингвинов на моторных лыжах. (На моторных лыжах катались, естественно, туристы, а не пингвины.) Все это было совершенно незаконно и противоречило положениям Второго Антарктического договора 2007 года. Но ведь и несколько сотен

тысяч белых поселенцев в сопровождении нескольких миллионов голов скота исключительно по собственному почину захватили земли индейцев в Северной Америке в XIX столетии. И никто им при этом ни слова не сказал!

И вот американцы и русские по совершенно непонятным причинам серьезно взялись за дело, попутно повысив рейтинг своих президентов до беспрецедентных высот. Теперь ни один ученый не имел права появиться к югу от 60-й параллели без их письменного разрешения. Однако Тор Амундсен рассчитывал на сенсационный успех своей экспедиции, тайно достигшей Южного полюса под самым носом объединенных морских сил двух сверхдержав. Он выбрал судно с деревянным корпусом, невидимое для радиолокаторов и, скорее всего, для гидролокаторов тоже. В антарктических водах он плыл исключительно под парусами, и его не могли засечь гидрофоны. Тор полагал, что здесь никто не ожидает увидеть деревянный корабль, и наверняка не ошибался, ведь сумели же мы забраться так далеко.

Мы связались по радио с «Фрамом». Тор отказывался верить в наш рассказ и пожелал увидеть все своими глазами. Я приказал находившимся на «Фраме» любой ценой удержать его, чтобы зараза не распространилась среди наших остальных товарищей.

Сейчас мы с Йоргеном сидели вдвоем в лазарете «Южного Креста». Было еще светло, как часто бывает в Антарктиде, но солнце висело над горизонтом очень низко. Это был не полярный день, а полярные сумерки.

— Ты хотел что-то сказать, но промолчал, — заявил Йорген. — Давай не тяни, расскажи нам все, что знаешь.

Я кивнул:

— В конце прошлого века в бывшей угольной шахте на Шпицбергене обнаружили несколько трупов. Ты же знаешь, что на Шпицбергене добывали много угля?

Йорген кивнул:

— В Трансантарктических горах тоже хотели рыть шахты. И они бы здесь появились, если бы русские и американцы внезапно не уперлись рогом!

— Добывать уголь на Шпицбергене перестали в прошлом веке. Но эти покойники были совсем особыми. Они умерли от испанки — гриппа, убившего двадцать миллионов человек после Первой мировой войны. Двадцать миллионов! При этом болезнетворные организмы все еще жили в трупах. Добрая половина эпидемиологов в мире страшно обрадовалась тому, что теперь у них есть живой возбудитель испанки и они изучат его и

придумают против него вакцину, а вторая половина эпидемиологов страшно испугалась, потому что трупы сохранились в леднике. К концу столетия ледник по какой-то причине отступил, и трупы появились на свет божий. Если это произошло на Шпицбергене, нечто подобное может произойти в любой из покрытых льдами точек земного шара. Значит, в тундре может возродиться любая чума, когда-либо поражавшая Европу, Азию и Америку. В шестом веке новой эры множество людей в Восточной Римской империи умерло от чумы Юстиниана — загадочной инфекции с Востока. Никто до сих пор не знает, что за микроорганизм вызывал это заболевание. В четвертом веке новой эры на просторах Китая свирепствовала зараза, убившая миллионы человек, а ученые до сих пор не поняли, что это было — оспа или корь. Хантавирус живет в Северной Америке с момента появления там первых индейцев…

— Ты думаешь, это какое-то заболевание, спавшее во льду и вдруг проснувшееся? — нахмурившись спросил Йорген.

Я неопределенно покрутил головой, стараясь уйти от прямого ответа.

— Не знаю. На протяжении всей истории человечества были малые ледниковые периоды и малые потепления между ними. Как знать, может, индейцы яга из Патагонии заселили Антарктический полуостров когда-то на заре своей истории точно так же, как викинги заселили Гренландию. Кто нам ответит? Где искать уцелевших индейцев яга? Я читал о них книгу. Из всего племени уцелели только две женщины, и обе — монашки.

— Подо льдом за этим иллюминатором, — сказал я, постучав по стеклу, — могут лежать руины множества индейских городов с их совершенно невероятными заболеваниями.

Йорген меня внимательно слушал. Возможно, ему казалось, что я спятил.

— Думаешь, там замерзшие индейские кладбища?

Я посмотрел на экран монитора.

— Во время экскурсии в Иссохшую Долину что-то нашли. В судовом журнале упоминается только какой-то «шассиньит», — сказал я, кивнув на полку в углу каюты. — Там, кажется, стоит Библия. Посмотри, кто такие были шассиньиты.

Я потрогал залитый смолой камень, который судовой врач использовал в качестве пресс-папье для своих исписанных корявым почерком бумаг. Камень был в полиэтиленовом пакете, словно кто-то считал его геологическим экспонатом.

— Жаль, что этот мерзавец зашифровал самые важные записи в своем журнале…

В этот момент в судовой лазарет засунул свою большущую

голову Хокон Банг.

— Скотт! Йорген! Быстро в салон! — воскликнул он и исчез.

— Что? Что случилось?! — крикнул я ему вслед, но не дождался ответа.

Когда мы появились в салоне, трое наших товарищей стояли на солидном расстоянии вокруг трупа девочки.

— Оно пошло ей на плечи, — содрогнувшись, сказал Педерсен-через-Дэ.

Точно! Тонкая красная полоска между посеревшей мертвой кожей и мертвыми синими венами спустилась намного ниже золотой цепочки. Неизвестная зараза пожирала даже трупы.

Потом Йорген приложил палец к губам, а ладонь другой руки — к уху. Я прислушался и наконец услышал шум вертолета.

Нас нашли русские или американцы.

Я обрадовался, увидев американский вертолет. По-русски говорили только Тор и один из шведов, и оба они были на «Фраме». Кроме того, как и все жители Западной Европы, я инстинктивно побаивался русских военных. Мы стояли на палубе и смотрели, как вертолет кружит над нами.

— Чего он не садится? — спросил Дэ. — Тут есть вертолетная площадка.

Грязные следы в салоне!..

— Они не садятся потому, что уже были здесь, — объяснил я, — и знают, что у нас стряслось.

Вертолет развернулся и со зловещим видом полетел прямо на «Южный Крест».

— Мы смешали им все карты! Этот корабль должен был напороться на лед и затонуть. С ним утонула бы и его тайна! — завопил я, пятясь к трапу, ведущему на мостик. Потом я ринулся бежать. Вертолет явно намеревался атаковать «Южный Крест». Мы с Бангом ворвались на мостик. Я бросился к радиоприемнику и стал крутить его ручки, но не услышал ничего, кроме треска помех. Если в эфире и велись переговоры, они были зашифрованы, или использовалась цифровая аппаратура. Я нашел частоту для сигналов бедствия и заорал во весь голос, словно болваны в вертолете могли меня услышать и догадаться, что мы угадали их намерения потопить «Южный Крест», что нам известно о шассиньите, что на судне действует радио и что мы раструбим об этом на полмира от Рио-де-Жанейро до Перта, если они начнут обстреливать лайнер.

Вертолет поднялся из фьорда, облетел корабль и исчез в небе.

Мои товарищи смотрели на меня, как на безумца.

— Они что-то прячут от всех, — сказал я. — Они нашли подо

льдом какую-то штуку и никого сюда не пускают под предлогом защиты китов.

— Какую-то индейскую болезнь? — спросил Йорген.

— Не знаю! — Я пожал плечами. — Что-то нашли. Или сами изготовили. Это что-то убивает так быстро, что не может их не интересовать. И теперь об этом знаем мы.

Я сел в одно из немногочисленных кресел на мостике. Оно было неудобным. И только в этот момент я понял, что Хакон и Педерсен-через-Дэ тоже поднялись с нами на мостик и все слышали, но было уже поздно.

Хакон вытаращил глаза:

— Значит, пассажиры с «Южного Креста» случайно забрели туда, где военные ставят свои опыты?

— Химическое оружие? — спросил Педерсен-через-Дэ.

Кстати, это был совсем не глупый вопрос. «Желтый дождь», примененный Советами в Афганистане, тоже оставлял раны на коже, но его можно было смыть большим количеством воды. «Желтый дождь» все-таки был не таким смертоносным.

Я покачал головой:

— Не химическое оружие, но что-то в этом роде. Наверное, очень быстро действующий вирус. Столбняк, бешенство и множество других заболеваний могут вызвать неконтролируемые мышечные спазмы. Но этого заболевания нет ни в одном справочнике.

— Они экспериментируют? — спросил Дэ, примостившись на подлокотнике кресла с таким видом, словно был готов в любую секунду броситься наутек. — Они делают вид, что защищают природу Антарктиды, а сами испытывают здесь оружие?!

Он с досадой ударил кулаком по стройке с приборами, и я его прекрасно понял.

— Они не экспериментируют, — заявил Йорген. — Они доэкспериментировались! Вирус, который они разводили, сбежал. Может, он оказался еще опаснее, чем они думали, а то они не ввели бы блокаду всего континента.

— Надо убираться отсюда, — сказал Дэ, — и всех предупредить!

— Вот этого нельзя, — сказал Йорген. — Не забывай о том, что мы на зараженном корабле.

— А что же нам делать? Сидеть здесь, пока мы не умрем? Только этого они и ждут!

Внезапно радио затрещало. Я оставил его на частоте для сигналов бедствия, и кто-то нам отвечал.

— Военный вертолет с корабля ВМФ США «Тарава» вызывает теплоход «Южный Крест»! Прием… Вы еще живы? Кто у вас там

орал по радио как оглашенный пару минут назад? Прием!

Я взял в руки микрофон с таким видом, словно это была живая гадюка.

— Говорит «Южный Крест». На борту остались в живых только мы. Нас четверо. Прием!

— Мы никого не видели, когда были там в последний раз. Где вы прятались? Прием!

Я прикинул, где можно спрятаться на «Южном Кресте».

— В холодильнике с мясом. Он герметичный, а если включить разморозку, там не замерзнешь. Прием!

— Не может быть! Мы проверяли холодильники!

Голос замолк, словно давая понять, что врать нехорошо.

— Вы понимаете, что вашему здоровью угрожает серьезная опасность? Кроме того, вы нарушили Антарктический договор две тысячи седьмого года! Прием!

— Мы все понимаем! Вы можете нас снять с этого судна? Прием!

— Не зови их сюда! Не надо! — зашипели справа и слева от меня.

— Мы сделаем для вас все возможное, но боюсь, что нам придется вас арестовать. И не удивляйтесь, когда наши люди высадятся в резиновых комбинезонах. Прием!

— Постараемся, — ответил я и выключил радио.

— Что ты наделал?! Сейчас морская пехота нас перестреляет! — Разумеется, паниковал Педерсен-через-Дэ.

— Пусть лучше так, чем потонуть вместе с этим кораблем от огня вертолетов.

— Они нас точно прикончат. Почему мы нашли только трупы? Да потому, что они выкинули за борт всех, кто еще не умер!

Нахмурившись, я подумал, что датчанин может оказаться прав.

— Но ведь они не стали стрелять, когда мы притворились, что можем раструбить об их действиях на весь мир.

Педерсен-через-Дэ всплеснул руками.

— Они высадятся, первым делом расстреляют радиоприемник, а потом — всех нас!

— Он прав, — вмешался Хакон. — Давайте опять свяжемся с «Фрамом» по радио!

Я немного подумал и сказал:

— Давайте. Может быть, получится, хотя не исключено, что наш радиосигнал уже будут глушить. Пилот спрашивал меня, где мы прятались. Это его очень волновало. Наверняка он подозревает, что мы попали на «Южный Крест» из какого-то

другого места. Возможно, с другого корабля. Если он узнает об этом корабле и определит его координаты, ему останется только потопить «Фрам» со всей командой, и нас с «Южным Крестом». Но ведь он и не предполагает, где находится наш корабль. Может, он в сотне миль отсюда. Скорее всего, он не заметил «Фрам», а возвращаться наверняка не будет, если не хочет остаться без горючего над Антарктидой. Нам обязательно надо сообщить на «Фрам», чтобы они уносили ноги подобру-поздорову, пока не поздно. Наверное, это наш единственный шанс остаться в живых.

Кажется, я говорил убедительно. Мои товарищи забегали и стали что-то кричать друг другу по-норвежски.

Этот вертолет явно не входил в состав американских военно-воздушных сил, а то бы его не покрасили в такой унылый зеленый цвет, а сделали бы веселеньким синеньким со здоровенными белыми звездами и разноцветными полосами, как и остальные военные самолеты. Однако если даже у него на бортах висели и не ракеты, а топливные баки, то торчавшие из всех щелей пулеметы было трудно с чем-нибудь спутать.

Этой зимой последним криком моды в Вооруженных Силах США явно были резиновые скафандры. Я насчитал пять солдат, выпрыгнувших из вертолета в этом чудовищном снаряжении. У каждого была автоматическая винтовка «М-16». Мы переминались с ноги на ногу. У нас не было не только винтовок, но и простой ракетницы.

Все вчетвером мы стояли на палубе. Приблизившись к нам на расстояние звука человеческого голоса, солдаты остановились. Ближе подошел только их командир. Он внимательно разглядывал нас сквозь стекло своего скафандра, а мы рассмотрели его лицо. Это была женщина.

— Здорово, орлы! — сказала она. — Вижу, вы кутаетесь. И как-то это не похоже на форменную одежду.

— Вы так давно служите в армии, — улыбнувшись, сказал Йорген, — что позабыли, как одеваются штатские лица на пассажирских кораблях.

Может, женщина и улыбнулась ему в ответ. Сквозь стекло было трудно разглядеть, да я и не поверил бы ее улыбке.

— Мы не из армии, — сказала она. — Я врач Корпуса морской пехоты Соединенных Штатов. Полагаю, вы в курсе того, что могли подхватить очень опасную инфекцию. В настоящее время она неизлечима, так что не валяйте дурака. Вы не с этого корабля. Вполне возможно, экипаж вашего настоящего корабля тоже заражен. Говорите его координаты, или его экипаж погибнет.

Йорген кивнул мне с понимающим видом, соглашаясь с тем, что я все правильно предвидел.

— Ничего подобного, — сказал он. — Мы пассажиры этого лайнера и раньше прятались от вас потому, что испугались вооруженных солдат. Извините, если мы что-то сделали не так.

Женщина прицелилась в Йоргена и выстрелила.

Наверное, он умер на месте, ведь она целилась довольно тщательно. Потом, стоя над его трупом, она обратилась к нам с таким видом, словно читала лекцию в морге. При этом эхо выстрелов все еще отражалось от ледяных стен и летало среди нас, как призрак погибшего товарища.

— Если вы будете врать и дальше, мы вас перестреляем. Где ваш корабль?

— «Южный Крест» взял нас на борт у озера Фрикселл, — сказал я. — Некоторые из нас к тому времени уже заболели. Но мы сами не были больны и до сих пор здоровы. Мы браконьеры. Наш корабль высадил нас, чтобы мы собирали яйца пингвинов. Мы уже связались по радио этого лайнера с нашим кораблем, сообщили, где мы находимся, и попросили медицинской помощи. Так что, если вы начнете стрелять, это вам даром не пройдет.

Сначала мне показалось, что женщина меня сейчас застрелит, но потом понял, что она мне поверила и считает, что нам стоит сохранить жизнь. Еще бы! Ведь мы были единственными здоровыми людьми на зараженном корабле!

— Садитесь в вертолет, — сказала она, ткнув в него стволом винтовки. — Там в самом конце есть герметичная камера. Лезьте в нее. И не вздумайте что-нибудь трогать. Поздравляю, — снова улыбнулась она. — Вам выпала высокая честь. Вы будете подопытными крысами. Вы, кажется, довольно упитаны, и это хорошо! Мы сможем срезать с вас много мяса! Ну!

Мы поплелись к вертолету.

Мой личный лечащий врач вновь меня посетил, чтобы посмотреть, достаточно ли быстро я умираю. Сам я был занят, изучая образцы ткани двух других зараженных лиц, официально именовавшихся «больной X» и «больной Y». В моей камере, отрезанной от окружающего мира толстенным стеклом, оборудовали маленькую лабораторию. Конечно, в ней не было тяжелых, острых, колющих и режущих предметов, которыми я смог бы невзначай поцарапать или даже поранить наивных и беззащитных морских пехотинцев. Сам я не сомневался в том, что «больными X и Y» были Педерсен-через-Дэ и Хакон Банг. При этом они явно умирали быстрее меня.

— Полагаю, помещение, в котором я нахожусь, имеет систему

автономной рециркуляции воздуха, как космический скафандр? — спросил я.

Врач не поднял головы от занимавшего все его внимание куска кожи, который он только что срезал с моей руки.

— Нет, воздух вашего помещения сообщается с нашим, но проходит сквозь радиоактивные и термические стерилизаторы, а также сквозь холодильник и сушило.

— Ну и зачем это вам? Лучше бы распотрошили фильтр и изучили его содержимое.

Врач уставился на меня с непонимающим видом.

— Возбудитель этого заболевания распространяется по воздуху, ведь так? — начал объяснять ему я. — Воздушные фильтры высасывают зараженный воздух из наших камер, так? Значит, возбудитель попадает в эти фильтры. В любом из них наверняка больше этих микроорганизмов, чем на каждом из нас! Вам надо не стерилизовать этот воздух, а изучать его!

Судя по выражению лица врача, мои слова его заинтересовали.

— А что мы найдем в этом воздухе?

В этот момент дверь распахнулась, и в помещение вошла врачиха из морской пехоты в бумажной маске на лице. Она пристально посмотрела на меня через стекло, наверное, в поисках недвусмысленных симптомов болезни, нахмурилась, ничего не заметив, и удалилась, что-то начертав в своем вездесущем блокноте.

Врач проводил ее глазами.

— Один из ваших товарищей только что умер, но сначала болезнь дошла ему до самой груди, — шепотом сообщил мне он.

Я не стал спрашивать его, кто именно скончался. Какая мне была, в сущности, разница?!

— Пропитайте фильтр водой. Воды тут, наверное, вокруг полно, — сказал я. — В этой воде останется вся пыль, находившаяся в воздухе. При этом микроорганизмы в воде не захлебнутся. Возьмите кусочек стекла и капните на него этой воды из пипетки. У вас будет препарат для изучения под микроскопом. И постарайтесь не прикончить этот микроорганизм, а то вы его никогда не найдете.

Врач закивал.

Неужели он прогулял все лабораторные работы в институте?!

У меня зачесался подбородок. Он у меня уже давно чесался, но я думал, что это нервное.

Заметив, что я чешусь, врач сказал:

— Так оно всегда и начинается. Жаль, что вы заболели…

И с этими словами он вышел.

Врача очень заинтересовала моя идея со стеклышками. Он сделал себе множество таких препаратов и прятал их от врачихи из морской пехоты, которая, наверное, командовала им и могла даже наказать его, если бы он предпринял что-либо без ее команды.

Врач изучал воздействие микроорганизмов со стеклышек на кусочки белой, явно скандинавской кожи.

На второй день и у него зачесался подбородок. К тому времени, как вы понимаете, я сам уже страдал от боли. Мне казалось, что всю нижнюю часть моего лица жгут каленым железом, и я понял, почему древние римляне — если их действительно поражало это заболевание, — хватались за любые средства для его искоренения. Разумеется, меня никто не пытался лечить даже древнеримскими методами. Моих лечащих врачей интересовало лишь то, как скоро я загнусь.

Впрочем, они начали ставить на пути заболевания «хирургические преграды». Иными словами, они срезали полоски кожи на пути распространяющегося заболевания. Так им удалось направить заболевание по длинным полосам кожи моего лица, начинавшимся на подбородке. Впоследствии они намеревались обрезать мне кожу вокруг шеи и груди, чтобы зараза не спускалась ниже головы. Хотя победить ее таким путем им вряд ли бы удалось. Краем уха я услышал, что пожиравшая кожу на голове инфекция причиняла такую боль, что зараженные предпочитали размозжить себе голову о стену. Нам бы никто не позволил такую роскошь. Мы были нужны науке живыми. Впрочем, в то время я был практически отрезан от мирового научного сообщества. С тех пор как нас развели под конвоем из камеры вертолета в одиночные камеры в трюме корабля, я не видел живых людей, кроме двух моих докторов.

Мне, практически под страхом расстрела, приказали не чесаться. Разумеется, были моменты, когда я предпочел бы почесаться и спокойно умереть, но каким-то образом мне удалось от этого удержаться. Может, я сумел сделать это благодаря непобедимой силе человеческой воли, а может, от огромной радости, которую испытал, увидев, что в один прекрасный день флотский врач вошел в помещение с куском пластыря на подбородке и стал прятать от меня глаза. Он заразился и прекрасно это знал. Я застукал его, когда он воровал скальпели и шприцы. Точнее, шприц ему так и не удалось украсть. В самый неподходящий момент появилась врачиха, и врач быстро засунул упаковку шприцев обратно на полку. Я очень радовался тому, что — хотя мне «хирургические преграды» вырезали с

обезболивающим уколом, — ему самому придется резать себя по живому. Каждый день мы лепили себе на подбородок все больше и больше пластыря. Однажды утром, появившись в лаборатории, он подошел прямо к моему стеклу.

— Вы решили меня убить! — заявил он.

— А вы — меня! — парировал я.

— Откуда вы знали, что я заражусь?

— Выпустите меня, и я все объясню.

— Теперь заразятся все на корабле.

— Я знаю.

— А может, и все в мире.

— Совсем не обязательно… Выпустите же меня!

Врач пошел открывать дверь моей камеры.

Когда прогремел выстрел, мне показалось, что у меня над головой ударили в гигантские тарелки. Помещение было металлическим, и эхо в нем гремело бесконечно. Я увидел, как морской врач сползает по стеклу моей камеры, пачкая его кровью из пулевой раны.

За толстенным стеклом рядом с расплывавшейся лужей крови стояла врачиха из морской пехоты. У нее были совершенно безумные глаза. А кроме глаз, мне, собственно, ничего и не было видно из-за ее постоянной бумажной маски. В каждой руке она держала по автоматическому пистолету.

— Ну ты даешь, дорогуша! Смотри, что ты наделала! — пробормотал я и показал глазами на дырочку, которую пробила в моем стекле ее пуля, пробившая навылет тело морского врача.

— А как же микробы? — проговорил я. — Они же выскочат через дырку. Может, они уже из нее лезут прямо на тебя. Быстро заткни дырку тряпочкой, а то заразишься!

Услышав мои слова, врачиха усмехнулась. Не опуская пистолета, она потянулась другой рукой к затылку и развязала шнурки маски. Маска упала на пол.

На нижней половине лица у нее почти не осталось кожи. Она наверняка заразилась еще раньше флотского врача. Возможно, даже в момент нашего ареста.

Я успел отпрыгнуть в сторону, прежде чем она открыла огонь. От второго выстрела стекло разлетелось вдребезги. Врачиха продолжала палить. Я забился под металлическую раму окна с ее массивными болтами и чувствовал, как пули впиваются в железо в каких-то пяти-шести миллиметрах от моего тела. Стоило врачихе перейти в другой угол помещения, и она пристрелила бы меня как собаку, но она даже не попыталась этого сделать. Вместо этого она визжала и стреляла в одну точку. Что ж, я вполне мог ее понять. Ее прекрасное молодое лицо начало гнить в первый же

день, когда она начала изучать этот чудовищный микроорганизм, а она даже ни разу не увидела своего убийцу. Все годы ее учебы в медицинском институте и в военной академии пропали даром. Пошли прахом все ее планы на будущее, да и жить ей, наверное, оставалось всего ничего…

Впрочем, ее военная подготовка не прошла даром хотя бы в одном отношении. Она хорошо знала, сколько патронов у нее в обойме, и пустила последнюю пулю себе в лоб. Я же понятия не имел, сколько патронов у нее в пистолете, и еще долго сидел, сжавшись в комок, за металлической переборкой.

Пистолет я решил не брать. Я не умею обращаться с оружием, а пистолет в моей руке стал бы прекрасным поводом пристрелить меня тем, кто этому обучен. Я гордо прошествовал мимо множества стеклянных медицинских шкафчиков с бесконечными рядами генетически выведенных лекарств, так же ничего там не взяв.

Выйдя в первый же коридор, я понял, что не ошибся. Повсюду валялись трупы с изъеденными лицами. Некоторые из них были тщательно упакованы в полиэтиленовые мешки, но так и лежали на полу. У меня сразу сложилось впечатление, что здоровому человеку было бы гораздо безопаснее в моей камере, чем в остальных помещениях этого корабля. Где-то в его трюмах мерно гудели машины, но мне почему-то казалось, что у штурвала нет рулевого.

Некоторое время я бродил по разным палубам, пока не нашел хозяйственный склад. Уложив остатки дежурного офицера на мягкий диван, я начал шарить по полкам. Мне довольно долго пришлось рыться в разных припасах и снаряжении, прежде чем я нашел нужную мне темно-зеленую пузатую бочку с надписью «*ОСТОРОЖНО! НЕ ДАВАТЬ ДЕТЯМ! НЕ ДОПУСКАТЬ ПОПАДАНИЯ В ПИЩЕВОД!*». Пониже мелкими буквами было зачем-то написано «*СМЕРТЕЛЬНО ДЛЯ МОРСКОЙ ФАУНЫ И ПЧЕЛ!*».

Отковыряв крышку бочки складным ножом, я сунул в нее голову. Как можно глубже. Мою кожу стало пощипывать. Я не решился открывать глаза. Ведь моя болезнь еще никому не выела глаз!

Вытащив голову из канистры, я щедро облил ее содержимым себе шею и плечи, потом отволок еще пару канистр зеленой дряни в ближайшую душевую и облился с головы до ног.

Не вытираясь, я вымочил в зеленой жиже форменный комбинезон, натянул его и, оставляя за собой зеленый след, поплелся в носовую часть корабля, где так долго держали меня с товарищами по несчастью. По пути я не встретил ни одной живой

души. Мои товарищи были мертвы. Меня это не очень удивило. Ведь последние несколько дней я изучал в микроскоп самые разные кусочки их тел. Педерсен-через-Дэ плавал в ванне с формалином. Узнать его можно было только по большому обручальному кольцу с сапфиром на правой руке, потому что кожи на нем вообще не осталось. В основном кожа была искусно объедена микроорганизмом, но кое-где ее явно неуклюже срезала скальпелем человеческая рука. Один из кусочков Педерсена-через-Дэ лежал под микроскопом в воде, защищавшей его от окружающего воздуха.

Я стал смотреть в микроскоп, постепенно уменьшая увеличение, и, наконец, с радостью увидел того, кого искал. Пассивный и парализованный водой, он все же лишь спал, ожидая, когда солнце испарит влагу и он снова сможет шнырять, пожирая все на своем пути.

«Не увидели леса за деревьями», — пробормотал я в пустоту.

Дерматофагоиды. Обычные клещи-кожееды! Впрочем, эти клещи были не такими уж обычными.

Обычный клещ-кожеед — а в одном грамме пыли может разместиться до 500 особей этого вида, — преспокойно всю жизнь питается человечиной. Точнее, он пожирает человеческую кожу, из которой в основном и состоит домашняя пыль. Люди и страдают-то аллергией на пыль в основном из-за того, что она содержит экскременты этих малюсеньких существ, лучше всех в мире приспособившихся к тому, чтобы питаться тканями человеческого тела. Слюна, вырабатываемая этими клещами, попросту разлагает эти ткани.

Разумеется, обычно эти клещи питаются только омертвевшими кусочками человеческой кожи, но что могло воспрепятствовать какой-нибудь разновидности этих клещей научиться питаться живой кожей?

Выходит, это не вирусы и не бактерии с марсианского метеорита, а заурядные козявки, которых горе-ученые наверняка в больших количествах замечали в своих препаратах, не обращая на них никакого внимания! Ведь на теле каждого здорового человека множество таких клещей!

Разумеется, больным не помогали антибиотики. Больных надо было просто вымыть в инсектициде, а точнее, обрызгать «Москитолом-Клещевитом»!

Морской врач заразился, когда стал изучать в воде содержимое воздушных фильтров или еще где-то на корабле. Дело в том, что клещи, в отличие от бактерий, преспокойно вылезают из чашек Петри. Но я не виноват в его смерти. Видит Бог, выпусти он меня, и я бы спас его. Жаль, что его пристрелили

чуть раньше…

Впрочем, теперь мне нужно было как можно скорее покинуть зараженный корабль.

Наконец я нашел трап, ведущий наверх к открытому люку. Я долго искал, но все люки в верхней палубе почему-то были закрыты. Я даже начал беспокоиться…

Открыв люк, я вылез на свежий воздух. Над морем висел туман, сквозь него проглядывало белое небо. Волны ревели.

Ну конечно же! Как я сразу не догадался?! Подводная лодка! Кто бы разрешил ставить такие жуткие эксперименты на корабле, не способном в любой момент опуститься со своей страшной тайной на дно морское. Я стоял на вершине рубки подлодки, медленно плывшей на поверхности. Она явно шла малым ходом, потому что от нее не отставал парусник. Он наверняка заметил странные маневры субмарины и задержался на пути своего бегства в Порт-Стенли или на Ушуайю, запрашивая сигналами мертвый экипаж подлодки, не требуется ли ему помощь. Доброе сердце когда-нибудь погубит Тора Амундсена! Всего в полумиле я различил в тумане ходовые огни еще двух крупных судов. Позже я узнал, что это были аргентинские траулеры. Здешние воды, судя по всему, бороздили в основном добрые самаритяне…

Я помахал людям на борту «Фрама». Они помахали мне в ответ. Некоторое время я искал спасательную лодку. Кажется, лодки крепились главным образом под палубой, но та, что я наконец нашел на корме, прекрасно надулась, стоило мне дернуть за тросик. Обильно полив ее инсектицидом, я столкнул ее за борт, побежал в сторону кормы и на ходу прыгнул в лодку.

Когда я подгребал к «Фраму», на его борту раздались радостные возгласы. Мне спустили спасательную сеть. Я залез в сеть, но не дал поднимать на борт «Фрама» лодку с субмарины.

Верзила Тор Амундсен подошел и поздравил меня с чудесным спасением.

— Я даже не спрашиваю, в какой гадости ты перемазался, как чайка в нефти, — добродушно заметил он.

— А они, — добавил Амундсен, тыча пальцем в небо, — кружат здесь уже добрых полчаса и не дали нам приближаться к подлодке, говоря, что это смертельно опасно. Но не могут же они запретить нам взять на борт людей, спасающихся с нее на надувных лодках!

В небе раздался рев. Он нарастал. На носу «Фрама» что-то закричали. Я посмотрел в небо и увидел, как в тумане материализовался треугольник крыльев с белыми звездами и полосами.

Двигатель самолета взревел особенно громко. К подлодке

ВМФ США стоимостью в миллиард долларов потянулись две огненные полосы. Раздался оглушительный грохот. В небо взлетели облака пара, фонтаны воды и обломки.

— Они что, спятили?! — заорал Тор, вытаращив глаза на картину разрушения. — Это же атомная подлодка! Там же реактор!

Подпрыгнув на месте, он приказал рулевому немедленно плыть прочь от места гибели подлодки, пока нас не накрыла радиация.

— Нет, — сказал я. — Они не спятили. Они просто смертельно напуганы… В первом же порту с населением миллион с лишним человек напомни мне отправить срочную телеграмму во Всемирную организацию здравоохранения в Женеве. И пусть никто не сходит с корабля, пока я это не сделаю, потому что сначала надо поставить умников в Вашингтоне и Москве в известность о том, что я, возможно, буду знать. А то они еще натворят глупостей!

— В каком смысле «возможно, будешь знать»?

— Я это буду знать, если за ближайшие сутки меня не сожрут заживо, — сказал я и отправился к себе в каюту морально готовый к медленной, мучительной смерти.

Пол Ди Филиппо — И сбежала вилка с тарелкой вослед

Paul Di Filippo. And Teh Dish Ran Away with the Spoon. Перевод К. Васильева

Некоторые люди, которых страшит развитие техники, утверждают, что боятся перепрограммировать даже собственный видеомагнитофон. На самом деле они еще не сталкивались с техникой. В своем живом и остроумном рассказе Пол Ди Филиппо бросает взгляд в не столь отдаленное будущее, когда мы и в самом деле должны будем опасаться обычных бытовых приборов… и это будет вовсе не потому, что видеомагнитофон может сломаться как раз в тот момент, когда вы хотите записать любимую передачу! Хотя у Ди Филиппо и напечатано несколько романов (два из них совместно с Майклом Бишопом), он, судя по всему, относится к той редкой категории авторов, которые прославились благодаря своим коротким произведениям, как, например, Рей Брэдбери и Харлан Эллисон. Рассказы Ди Филиппо регулярно появлялись почти во всех изданиях в 1980-х и 1990-х годах, они продолжают печататься и в новом тысячелетии.

Большая часть написанного Ди Филиппо увидела свет на страницах издания «Interzone», «Sci Fiction», «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», — (Science Fiction Age», «Realms of Fantasy», «The Twilight Zone Magazine», «New Worlds», «Amazing», «Fantastic» и «Asimov's Science Fiction», а также в многочисленных малотиражных журналах и антологиях. Сборники рассказов Ди Филиппо, получившие хвалебные критические отзывы, включают «Стимпанковая трилогия» («The Steampunk Trilogy»), «Рибофанк» («Ribofunk»), «Calling All Brains!», «Fractal Paisleys», «Strange Trades».

Помимо прочего у Пола Ди Филиппо вышли романы «Ciphenz», «Утраченные страницы» («Lost Pages»), «Joe's Liver» и «A Mouthful of Tongues: Her Totipotent Tropicanalia». Совместно с Майклом Бишопом написаны романы «Would It Kill You to Smile» и «Muskrat Courage». Самой последней публикацией Ди Филиппо был роман «Fuzzy Dice». Готовятся к публикации две новые книги этого автора: «Harp, Pipe and Symphony» и «Neutrino Drag». Также Ди Филиппо хорошо известен как критик: он регулярно пишет обзоры сразу для ведущих журналов научной фантастики, его критические статьи, зачастую мрачные по настроению и причудливые по стилю, появляются в каждом номере «Asimov's Science Fiction» и «The Magazine of Fantasy

and Science Fiction» — почесть, которая, похоже, пока принадлежит только ему.

Кроме того, Пол Ди Филиппо часто посылает обзоры и критические статьи на интернетовские сайты, среди которых «Science Fiction Weekly», «Locus Online», «Tangent Online» и другие.

* * *

В тот злополучный день, оказавшись лицом к лицу со своим соперником, я наконец понял, что дело серьезное и я могу потерять свою Коди. Было очевидно, что моей подругой хочет завладеть случайное нагромождение электроники.

Электронику представлял Аэрон — кресло, с которым состыковалось несколько других агрегатов: Кулинарт, пылесос-автомат с набором многочисленных сменных насадок, плеер уЗвук, и лечебно-диагностическое бытовое приспособление, известное как ЖизнеГрей. Соперник, надо сказать, не отличался привлекательной внешностью — это была самопроизвольная спайка, или нарост, как большинство людей называют такие вот случайные сращения запрограммированных приборов и бытовых агрегатов. Само слово напоминает о нездоровом вздутии на коже или древесной коре. Нечто корявое и омерзительное на вид. Но, судя по всему, этот нарост целиком посвятил себя Коди с момента своего зарождения, а, насколько я понимаю, женщинам такое самопожертвование льстит. Должен признаться, что я, к своему стыду, совсем не уделял Коди внимания в тот отрезок времени, когда нарост, возглавляемый Аэроном, обретал форму и начинал свои ухаживания, так что особо мне некого винить, но все же мало приятного. Я о том, что разве не обидно уступить девушку какому-то наросту? Что-то из ряда вон выходящее!

Особенно если вспомнить, какую роль сыграли наросты в моей прошлой жизни…

Я опасался чего-нибудь подобного — с того момента, как Коди стала давить на меня, уговаривая съехаться. Выслушать мои разумные доводы против совместного ведения хозяйства она не пожелала.

— Ты совсем не любишь меня, — расстроенно заявила Коди. Ее голубые глаза увлажнились, и она посмотрела на меня жалобно с видом щенка, которому отдавили хвост. Каждый раз от таких сцен у меня все переворачивалось внутри.

— Коди, не говори глупостей. Конечно, люблю!

— Тогда почему мы не можем жить вместе? Мы сэкономим кучу денег на квартплате. Ты боишься, что у меня обнаружатся

какие-то дурные привычки? Мы встречались с тобой сто тысяч миллионов раз — и в твоей квартире, и у меня. Уже можно понять, что у меня нет мерзких наклонностей. Я не глотаю еду прямо из пищевого раздатчика и не забываю запустить нужную программу, сходив в туалет.

— Все это верно. Мне легко с тобой. Ты совсем не безалаберная и человек ответственный.

Коди, сменив тактику, подвинулась на диване и сомкнула на мне свои гибкие руки и ноги, и с этим было просто невозможно не считаться.

— И разве плохо, если каждую ночь у тебя есть кто-то в кровати? И не надо расставаться на три дня, а то и больше? А? Разве это плохо, Котик?

— Коди, подожди, прекрати! Ты знаешь, что я не могу сосредоточиться, когда ты делаешь так. — Я высвободил из объятий Коди особо чувствительные участки своего тела. — Все, что ты говорить, верно. Но только…

— И еще, смотри: если отделаться от моей квартиры и жить в твоей, мне будет ближе ездить на работу!

Коди работала в том казино, что в здании Сената, где она сдавала карты игрокам в очко, а домой возвращалась аж в Серебряный Родник, в штат Мэриленд. Пока туда добираешься, можно свихнуться, даже если едешь на скоростном «Метеоре», я знал это: ведь когда я оставался на ночь у Коди, мне самому приходилось проделывать весь этот путь. А у меня, в отличие от Коди, была прекрасная одноквартирка в Джорджтауне, я снял ее в разгар экономического кризиса, разразившегося в связи с эпидемией, известной как «Свиная чумка». Арендная плата упала тогда до нижнего предела. Оказалось, что я принадлежу к тем счастливцам, у кого имеется иммунитет к поросячьему брюшному гриппу, свирепствовавшему в округе Колумбия, и мог спокойно существовать в окружении других одноквартирок, пораженных вирусом. Предложения на тот момент превышали спрос. Но за последние год-полтора, по мере того как внедрили новую программу по борьбе с этим вирусом, цены на жилье снова стали расти. Коди рассуждала здраво, и нам имело смысл объединить свои финансы.

— Коди, я понимаю, тебе трудно ездить в такую даль, но только…

Коди вспыхнула:

— У тебя еще кто-то есть? Не хочешь связывать руки, что бы еще порезвиться? Это правда?

— Нет! Совсем не то. Что меня беспокоит…

Коди перешла на ласковый тон, погладив меня по руке:

— Так что тебя беспокоит, Котик? Не надо ничего скрывать от мамочки.

— Я о наростах. У тебя и у меня столько этих штучек, и если мы сдвинем их все в одно место, у нас обязательно что-нибудь случится.

Коди откинулась на диване и засмеялась:

— И это все? Бог мой, волноваться из-за такой ерунды! Котик, нарост может возникнуть в любой момент и в любом месте. С этим ничего не поделать. И большинство из них неопасны, ты сам знаешь прекрасно. Просто разъединяешь его и убираешь каждую штуковину куда-нибудь подальше.

Коди фыркнула — довольно грубо и, я бы сказал, бесчувственно.

— Наросты! Ты бы еще озаботился, что крысы на тебя нападут, летучие мыши загрызут или вода в кране кончится.

Наросты стали частью нашей жизни, здесь Коди права. Только не всегда они такие домашние и безобидные. Один нарост убил моих родителей.

Наросты окружают нас уже лет двадцать, почти столько, сколько я живу на этом свете. Возникли они благодаря некоторым действиям производителей, которые, сами по себе, были абсолютно разумными, перспективными и хорошо продуманными, однако, сочетаясь с другими явлениями, привели к непредвиденным последствиям, помноженным на коварную деятельность одного компьютерного хулигана.

Первым шагом было то, что во все приспособления, изделия и предметы потребления, имеющиеся в продаже, производители стали помещать силиконовые микросхемы-бирки. Первые микросхемы — размером с кристаллик соли — были обыкновенными приемопередатчиками, которые просто помогали следить за наличием и продажей товаров в розничной сети, сообщая в соответствующую инстанцию данные и местонахождение того или иного изделия. Затем, когда новые поколения микропроцессоров на базе адаптивных схем стали более доступными и дешевыми, было решено заменить ими устаревшие «бирки».

На том этапе миллионы обыкновенных, привычных вещей — ваша зубная щетка, ваша кофеварка, ваши туфли, пакет с кукурузными хлопьями на кухонной полке — начали демонстрировать удивительную мощь по обработке данных и взаимодействию с другими предметами. Наручные часы следили за вашим потоотделением и давали команду холодильнику сварганить вам укрепляюще-стимулирующий коктейль. Простыни на вашей постели сообщали стиральной машине, какую следует

задать программу, чтобы выстирать их наилучшим способом. Схемы новейших микропроцессоров изготавливались из противоударных, гибких элементов. До поры до времени все шло отлично. Техника облегчила всем жизнь.

Затем появился вирус «Желание».

Неустановленная личность запустила этот вирус со своего компьютера где-то в Центральной Азии. «Желание» распространилось по спутниковой связи среди всех изделий, имеющих встроенные микропроцессоры, загружая в их крошечные мозги новые установки — установки, которые работали скрытно, параллельно тем стандартным командам, что задаются при сборке. Теперь зараженные изделия стремились соединить свои компьютерные возможности с себе подобными из ближайшего окружения, подчас достигая поразительного уровня совместимости, и затем устроить что-то вроде самостоятельного совместного проживания. Конечно, как только «Желание» было обнаружено, против него пытались выстроить антивирусную защиту — как в процессорах, так и в программном обеспечении. Но вирус бурно видоизменялся, к чему прикладывали руку новые компьютерные хулиганы.

Если бы этот «Бунт машин» случился в прошлом, в эпоху запрограммированных материалов, наросты бы попросту никто не заметил. На что были способны допотопные механизмы, прикованные фактически каждый к своему месту? Но теперь все изменилось.

В наши дни чуть ли не каждое изделие имело процессоры в своей оболочке. Его пленчатая поверхность, взаимодействующая с окружающей средой, была практически живой тканью. Во все вещи производители пихали несчетное количество микростимуляторов, чтобы они лучше оценивали обстановку и приспосабливались к потребностям и пожеланиям своего владельца, чье прикосновение вызывало нужную реакцию. Словно лапка ящерицы, пленка-оболочка могла прилепляться благодаря межмолекулярному притяжению к любому неживому предмету, к оболочке другого изделия — все как у ящерицы, которая легко и стремительно проскальзывает по потолку.

Изделия, пораженные «Желанием», начинали извиваться и вибрировать, они сползались, словно змеи, и состыковывались, образуя новые удивительные агрегаты, цельные и автономные, преследующие какие-то свои непостижимые цели.

Почему бы изготовителям было просто не прекратить набивать свою продукцию компьютерной начинкой? Тогда «Желанию» пришел бы конец. Но оказалось, что вернуться назад невозможно. Вся наша экономика — от огромных заводов до

самых мелких торговых точек — находилась в зависимости от разумных товаров, которые практически могли сами себя продавать. И на любом рабочем месте, и у каждого дома, за исключением разве что нищих, все держалось на тесном взаимодействии приспособлений и приборов.

Постепенно все свыклись с мыслью, что время от времени появится какой-нибудь нарост, точно так, как раньше пользователи мирились с атакой вирусов на свои допотопные компьютеры.

Но поначалу, когда «Желание» еще только появилось на свет, люди еще не представляли, в чем кроется опасность.

Именно из-за этого погибли мои родители.

Мне было тогда шесть лет. Какой-то странный шум вывел меня из глубокого сна: что-то царапалось и позвякивало в коридоре. Не совсем проснувшись, я доплелся до двери и слегка приоткрыл ее.

Мои родители незадолго до этого сделали несколько новых приобретений. Во-первых, они купили передвижную стойку, которая выглядела как старинная напольная вешалка для шляп и зонтов. Стойка была аккумуляторным устройством для подзарядки одежды с ее встроенными процессорами. Но теперь на стойке ничего не висело: сбросив всю одежду, она перемешалась по коридору, неярко освещенному ночной подсветку, на своих четырех кряжистых ножках, обвешиваясь по пути совсем другим нарядом — полным набором самозатачивающихся кухонных ножей. Ножи пристегнулись к стойке на разных уровнях по всей высоте. Они нервно подергивались, словно усики у таракана.

Я словно прирос к полу при виде этого чудища, которое грузно продвигалось по коридору. На память пришли танцующие швабры, которые я видел за месяц до этого, прокручивая на экране старый диснеевский мультик. Не проявляя никаких агрессивных намерений, стойка, увешанная ножами, прошествовала мимо меня на своих коротеньких ножках. Если разбираться, этот нарост вряд ли ставил перед собой кровожадные цели. Теперь я думаю, что он, подчиняясь установкам ВВ, просто искал выход из квартиры, чтобы покончить с рабской участью домашней прислуги.

И вдруг из комнаты, где была спальня родителей, выскочил мой отец. Судя по всему, он, как и я, тоже не до конца еще проснулся.

— Какого черта…

Он попытался перехватить стойку, остановить ее, чуть не попав под несколько лезвий. Он боролся с этим несуразно облепленным агрегатом и просмотрел длинное узкое лезвие

разделочного ножа, которое вонзилось прямо ему под сердце.

Отец дико вскрикнул, рухнул на пол, а из спальни выбежала моя мать.

Она умерла почти мгновенно.

И после этого, как мне подумалось, я должен был стать следующей жертвой. Но верный Медпом — браслет на запястье отца, — реагируя на его критическое состояние, уже послал сигнал о помощи. Менее чем через три минуты — так быстро, что ощетинившаяся стойка не успела бы прорубиться в спальню сквозь дверь, за которой я спрятался, — прибыли спасатели.

Гибель моих родителей стала главной темой для журналистов по крайней мере на несколько дней, и она впервые заставила многих задуматься об опасности, которую представляют наросты.

Пришлось провести несколько лет под наблюдением специалистов-медиков, прежде чем воспоминания о смерти родителей перестали мучить меня. Насколько я мог оценивать себя теперь, наросты в целом уже не вызывали у меня отторжения.

Но все же, хоть ты тресни, я не считал их милыми и безобидными, как это представлялось Коди.

В итоге Коди все-таки переехала ко мне. Я боялся, что она примет меня за идиота или неврастеника, если я и дальше буду возражать против такой, в общем-то, приятной перспективы только потому, что меня беспокоили наросты. Я подавил все сомнения, улыбнулся, обнял ее и назначил день переезда.

У Коди было не так уж много вещей. Ее квартирка в Серебряном Ключе состояла из двух комнат над гаражом, в котором приютился небольшой цех по производству искусственного шелка, и у нее всегда пахло аминокислотами. Коробки с одеждой, кое-какая мебель и несколько кухонных электроприборов. Десять тысяч мелодий на уЗвуке и где-то с тысячу книг на ВидоФоне. Один рейс мебельного фургона, немного мышечных усилий, потом передышка, и вот Коди — полноправный жилец моей городской квартиры.

Я наблюдал с долей тревоги, как она раскладывает свои вещи.

— Э, Коди, поставь Кулинарт в шкаф, так лучше. Вон в тот, который с задвижкой. А то он будет слишком близко к жаровне.

— Но, Котик, я пользуюсь им практически каждый день! Он готовит мне пюре на завтрак. Не очень удобно, если каждое утро придется то доставать его из шкафа, то убирать.

Я не стал спорить, но вместо этого убрал в шкаф с задвижкой свою жаровню.

— Насчет твоего пылесоса, Коди… Можно оставить его в прихожей? — Я с особым подозрением относился к приборам на колесиках. Они могли передвигаться намного быстрее, чем те устройства, которые перемещались, как пресмыкающиеся, используя свои стимуляторы в биосиликоновой оболочке.

— В прихожей? Почему? Там, где раньше была твоя рабочая комната, места невпроворот. Я задвину его в угол, ты даже не заметишь, что он там стоит.

Я смотрел с беспокойством, как она выбирает место для пылесоса. Компактный бачок, опоясанный шлангами и насадками, напоминал мне яйцо в гнезде под охраной змей. Второй замысловатой машиной в кабинете было мое кресло Аэрон — изящная эргономичная конструкция из ремней, распорок и подушек, наполненных гелем, пьезополимерных батарей и приводов для придания нужной формы. Я откатил кресло как можно дальше от пылесоса.

Коди не могла не заметить мои манипуляции.

— Котик, тебе не кажется, что ты ведешь себя, как шизик? Пылесос даже не включен.

— А вот тут ты не права, Коди, все новейшие приборы находятся в постоянной готовности. Ты думаешь, что отключила ту или иную штуковину, а она на самом деле остается в дежурном режиме подзарядки. Потихоньку подкачивает себя током от элементов питания, от батарей, от розетки в стене, и как только поступит сигнал, сразу заработает. Поэтому тебе потом не надо долго ждать: всего пара секунд — и машина делает все, что тебе надо. Но это означает, что и нарост может возникнуть, когда, по твоему разумению, это исключено.

— Ну а чего именно мы должны бояться? Что мой пылесос и твое кресло сговорятся и затопчут нас, когда мы уснем? У них общий вес не больше десяти килограммов.

Я никогда не рассказывал Коди о своих родителях, и теперь тоже момент был не самый подходящий.

— Да, верно, ты права. Я преувеличиваю опасность.

Я подкатил кресло обратно к его законному месту у письменного стола.

Теперь я понимаю, что это была самая большая ошибка в моей жизни. Это пример того, как часто мы забываем о принципах, когда боимся выглядеть глупо в чужих глазах, и к чему это потом приводит.

В тот вечер мы с Коди впервые поужинали вместе перед тем, как ей ехать на работу. Свечи, непринужденный разговор, нежная семга на блюде, отличное белое вино с Аляски (правда, после десерта Коди проглотила пару таблеток Алкогона, чтобы вывести

из организма алкоголь и обмануть датчики на служебном входе в казино). Пока я прибирал со стола, она приняла душ и переоделась. Коди вышла из спальни в форме, которую им выдали в «Сенате»: синяя блузка, брюки в красную и белую полоску, галстук-бабочка, усыпанный звездами. Я не мог оторвать от своей девушки глаз — точно как в тот день, когда, занимаясь слежкой, я впервые увидел ее.

— Здорово! Удивляюсь, что наши законодатели вообще помнят о государственных делах, когда видят вас там каждый день.

— Ты издеваешься? Все наши клиенты — это туристы и кое-кто из местных. Большие шишки только иногда мелькают, когда им нужно пройти через казино в свою столовую.

Я обнял и поцеловал Коди и только собирался предупредить, чтобы она была поосторожней в метро, как вдруг заметил краем глаза какое-то движение на уровне пола.

В одно мгновение ока в стенах нашего совместного жилища появился первый нарост! Его породили наши зубные щетки и стакан с полочки в ванной комнате. Щетки пристыковались к нижней части стакана, щетиной вверх и в стороны, так что у этого сосуда как будто выросли ноги. Их тупые концы выполняли роль ступней. Быстро перебирая этими щетками-ножками, стакан направился, словно на ходулях, к наполовину открытой двери, явно стремясь выскользнуть из квартиры.

Я взвизгнул, как кролик, и вырвался из объятий Коди.

— Котенок, в чем дело… — Ее взгляд упал на наросты, и она засмеялась.

Коди наклонилась и подхватила это существо с пола. Без всяких колебаний она оторвала ему ножки; биосиликоновые оболочки разъединились, при этом отчетливый звук сообщил о разрыве межмолекулярных связей.

— Я вот что думаю: будем теперь держать все стаканы на кухне. Но ведь забавно, согласись: зубные щетки быстро сообразили, как им лучше действовать вместе.

Я выдавил из себя подобие смешка:

— М-м-да… Забавно…

Я работал в «Анти», в их главной конторе, что недалеко от Пентагона. После шести лет службы я занимал довольно ответственный пост. Если конкретно, имея в подчинении несколько десятков внештатных сотрудников, я руководил их действиями. Эти внештатники сидели у себя дома и, в свою очередь, курировали целую команду запрограммированных полуавтоматов. Эти агенты-роботы занимались сбором и первичной обработкой информации. Они трудились круглые

сутки, следя за миллионами аудио- и видеоканалов по всей стране, отслеживая все, что могло угрожать национальной безопасности. Когда робот фиксировал что-либо подозрительное, он обращал на это внимание своего оператора-надомника. А надомник уже принимал решение: считать тревогу ложной; провести дополнительное расследование; связаться с соответствующей службой безопасности или переслать вопрос на мой уровень для более детального анализа с привлечением психологии и логики.

Роботы и операторы-надомники, работая в связке, справлялись с делами очень даже эффективно, обрабатывая девяносто девять процентов всей поступающей информации. Я имел дело с тем одним процентом, который пересылали мне подчиненные, что соответствовало примерно сотне дел за шестичасовую смену. Нагрузка была значительно меньше, чем у тех работяг, кто корпел над этим дома, а зарплата выше.

Единственный недостаток заключался в том, что нужно было присутствовать постоянно на своем рабочем месте, вместо того чтобы, устроившись с комфортом, вести слежку из своей квартиры. Въезжая четыре раза в неделю под большую вывеску с названием «Анти», ты как будто продаешь часть себя этой фирме, чего не происходит, когда ты работаешь на дому.

Существуя уже больше двадцати лет, «Анти» присутствовала неназойливо, но ощутимо в жизни многих граждан, хотя они и не всегда знали, что обозначает это название. И я сам не знал точно. Агентство, которое начинало как «Служба информационной безопасности», затем стало «Службой по предотвращению компьютерного терроризма», а лет семь назад, после того как с угрозой мирового терроризма было покончено раз и навсегда, было переименовано в «Тактическую информационную службу». Но, насколько я помню, с тех пор название меняли еще не раз. И что бы там оно ни значило сегодня, фирма продолжала собирать массу сведений о деятельности граждан этой страны, вроде бы и не нарушая законов о свободном распространении информации. Как и раньше, в качестве добровольца-надомника, так и теперь, занимая полную ставку в правительственном учреждении, я не мучился угрызениями совести по поводу сотрудничества с «Анти». Столько я помню себя, «Анти» всегда присутствовала где-то рядом.

Я хорошо знал, как дается заработок оператору-надомнику, потому что всего лишь год назад я сам был таким добровольцем. Именно в то время я раскошелился на дорогостоящий Аэрон: это необходимость, а не роскошь, когда ты на шесть часов в день прирастаешь задом к креслу перед ВидоФоном. Я и с Коди

познакомился, когда был внештатным оператором.

Один из электронных информаторов привлек мое внимание к ситуации у служебного входа в казино, что в здании Сената, которая показалась ему подозрительной. Какой-то парень слонялся у входа дольше, чем это допускали статистические выкладки в отношении людей, прохаживающихся без определенных целей. «Колибри», бесшумный и едва различимый воздушный разведчик, притаился над объектом, но не обнаружил каких-либо признаков оружия, так что я решил продолжить наблюдение. Оказалось, что этот парень — муж одной из работниц казино. Он решил порадовать свою жену — встретить после трудового дня и сводить в ресторан. Я наблюдал за счастливой встречей супругов, но потом мое внимание привлекла другая женщина, которая как раз пришла на ночную смену. Ее отличали не столько соблазнительные формы, сколько обаятельное лицо. Походка соответствовала типу АЛС-605, я нахожу его особенно привлекательным. Опознавание по портрету высветило на дисплее имя и основные параметры: Коди Шекли, такой-то объем груди, талии и бедер.

До этого я никогда не использовал возможности «Анти» в личных целях, и, делая это сейчас, чувствовал свою вину. Но я попытался оправдать свой проступок, рассуждая так: если бы я заметил Коди на улице и просто подошел бы познакомиться с ней, никто не увидел бы в этом ничего особо предосудительного. В данном случае я сделал первый шаг не сам, а через своего электронного посредника.

Через несколько дней, явившись в «Сенат», я направился к столам, где играли в очко. Пропустив один за другим два крепких коктейля, я набрался смелости, чтобы лично завязать знакомство с Коди.

Все остальное принадлежит истории. Все стадии моего ухаживания за Коди, вне сомнения, зафиксированы в архивах «Анти».

Совместная жизнь с Коди принесла много приятного. Все преимущества, которые она перечислила в тот вечер, обнаружили себя с самого первого дня. Даже то, что мы в разное время ходили на работу, не создавало каких-либо проблем. У Коди рабочий график был с девяти вечера до трех утра. Я находился на службе в «Анти» с девяти утра до трех часов. Когда Коди возвращалась ранним утром домой, в нашем распоряжении оставалось еще несколько часов, уже до моего ухода, чтобы насладиться тем счастьем, которое дает тебе в постели близость любимого человека. А когда я приходил обратно во второй половине дня, Коди была уже на ногах и бодро занималась делами, пока не

наступало ее время заступать на ночную смену в «Сенате». Могу добавить, что любовью мы зачастую занимались днем. Жизнь казалась прекрасной.

Вспоминаю один случай: Коди надо было уже скоро выходить и я делал ей массаж ног. Коди нравилось это особенно перед тем, как заступить на свою утомительную вахту за карточными столами.

— Котик, теперь ты доволен тем, что мы живем вместе?

— Должен признаться, теперь я никогда не скучаю по выходным!

— Только по выходным? — спросила Коди, соблазнительно потягиваясь.

За то опоздание у Коди удержали деньги из зарплаты, но она потом уверяла, что ничуть не жалеет об этом.

Дни протекали в приятных занятиях, но частенько я ловил себя на том, что не перестаю думать о наростах. После случая с зубными щетками и стаканом я всегда был начеку, опасаясь новых фокусов со стороны бытовых автоматов. У меня вошло в привычку перетаскивать приборы из комнаты в комнату, чтобы те не сумели сговориться. Я понимал, что это глупо, поскольку каждый запрограммированный автомат способен устанавливать связь на довольно больших расстояниях, передавая свои сообщения через другие машины. Но все же я чувствовал интуитивно, что близкое расположение этих штучек друг к другу играет при возникновении наростов не последнюю роль. Коди то и дело жаловалась, что не может найти нужную вещь на своем месте, но я только отшучивался в ответ на ее добродушные упреки и продолжал свои предупредительные действия. Больше месяца прошло без единого происшествия, и я начал успокаиваться.

Затем я имел столкновение с дорожным будильником. Как-то в доме накопилось много стирки. У меня с Коди было столько приятных занятий, что не хотелось отвлекаться на уборку и стирку, а когда кто-то из нас оставался дома один, он, как правило, проводил много времени с теми записями на уЗвуке и фильмами на ВидоФоне, которые нравились лично ему и не обязательно нравились другому.

Однажды вечером, когда Коди уже ушла и я находился дома один, будильник и дал знать о себе.

Сначала мое внимание привлекло какое-то глухое постукивание в закрытую дверь спальни. Сразу насторожившись, я отложил книгу и встал, чтобы узнать, в чем дело.

Я приоткрыл с опаской дверь, и тут что-то проскочило в эту узкую щель, шлепнув меня по лодыжке.

Я отпрянул от двери, запрыгав на одной ноге. Разноцветный тряпичный мячик размером с крокетный шар понесся стремительно к выходной двери.

Мне удалось поймать мячик, прихлопнув его мусорной корзиной и придавив двухлитровой бутылкой мангового напитка. Он бился внутри корзины с невероятно диким шумом, словно исполняя безумную сольную партию на ударных. Только вооружившись кухонными прихватками, я рискнул засунуть руку под корзину и схватить мячик.

Он состоял из носков, моих и Коди. Они плотно скрутились вокруг дорожного будильничка, который служил сердцевиной этого нароста. Носки Коди имели биосиликоновые массажные ступни, что очень важно при ее работе, когда ты простаиваешь часами на ногах. Мои носки были обычного образца, но и у них имелось достаточное количество электронного потенциала.

Раскрутив этот тряпичный мяч, я устроил стирку, а потом проследил, чтобы наши носки оказались на разных полках платяного шкафа.

Это происшествие полностью выбило меня из колеи. Я был уверен, что вот-вот в доме возникнут другие наросты, возможно более крупные и опасные.

Начиная с того дня, эта навязчивая мысль все сильнее укоренялась в моей голове.

Прослеживая за смену до сотни ситуаций, представляющих потенциальную опасность, я делал это уже автоматически. Мне не нужно было перенапрягаться, чтобы соответствовать тем высоким требованиям, которые предъявляла работа. В те короткие промежутки времени, когда на компьютеры не поступало никакой информации, я читал детективные романы со своего ВидоФона. (Мне нравилась серия Гиффорда Джейна о турчанке Янике Запсу, которая, занимаясь частным сыском, выполняет задания в Палестине.) Но это раньше, а теперь, когда моим умом владела мысль о наростах, которые могли появиться дома в любой момент, я стал тайно эксплуатировать компьютерную сеть «Анти», установив слежку за своей квартирой и всем своим районом.

Заступая на службу в девять утра, если не было чего-либо неотложного, я первым делом засылал «Красотку», электронного мотылька, чтобы тот следил за Коди. Стояло лето, конец июня, кондиционеры заняли свое место на окнах моей квартиры, противоборствуя более чем тридцатиградусной жаре, характерной для округа Колумбия. Но стыки вокруг этих установок имели дефекты, и не представляло большого труда внедрить в квартиру это крошечное насекомое с электронной

начинкой. Имея внутри дома «Красотку», я направлял ее на облет всех комнат, проверяя, не замышляет ли мое имущество заговор против меня и нет ли угрозы для женщины, которую я люблю.

Как правило, наблюдение показывало, что Коди мирно спит примерно до полудня. Вид этого спокойного, безмятежного лица заставлял сильнее биться мое сердце и в то же время настраивал на еще большую бдительность. Ни за что на свете я не позволю, чтобы с ней повторилась история, случившаяся с моими родителями. С полудня до конца своей смены я наблюдал урывками, как Коди, проснувшись, занималась обычными домашними делами. Накрашивала ногти, ела бутерброд, смотрела сериал, писала письмо матери, которая в тот момент находилась в Италии. Там она работала в сфере услуг, заключив договор, восполняя тем самым постоянную и острую нехватку рабочей силы в этой стране.

Но время от времени я замечал то, что беспокоило меня. Однажды утром я увидел, что Коди слегка прихрамывает, передвигаясь по дому. Я знал, что у нее на пятке появилась шпора и она никак не соберется удалить ее. Я наблюдал через «Красотку», которая прилипла к потолку (компьютерная программа переводила в нормальный вид перевернутую картинку), как Коди проковыляла к стенному шкафу и достала ЖизнеГрей, который я купил, когда у меня была травма поясницы. Не снимая наушники своего уЗвука, засунутого в карман, она отнесла это лечебное приспособление в мой бывший кабинет, где и устроилась в кресле Аэрон.

Кресло мгновенно отреагировало на ее присутствие, подлаживая себя для поддержки всех участков ее тела, словно люлька космонавта, искусно устраняя в самом зачатке любое мускульное напряжение. Коди набросила ЖизнеГрей на ноги, и сообразительное одеяло сразу же укутало ее до пояса. Отослав команду через уЗвук, Коди заставила его выполнять функции массажера. Она вздохнула блаженно и откинулась в кресле, которое подстроилось под ее лежачее положение. Коди включила свою музыку и закрыла глаза.

В углу комнаты зашевелился пылесос. Его шланг приподнялся на несколько сантиметров и кончиком насадки втянул в себя воздух.

У меня все поплыло перед глазами. Но что я мог сделать? «Красотка» не может издавать звуковых сигналов, но даже если бы и могла, я, подняв тревогу, выдам себя, и Коди узнает, что я шпионю за ней. Я чуть было не заставил мотылька спикировать на Коди, чтобы она по крайней мере открыла глаза и увидела, что прямо у нее под носом формируется зловещий нарост. Но в эту

секунду шланг снова скрутился вокруг барабана и пылесос вернулся в неподвижное состояние.

Еще минут пятнадцать я наблюдал, ожидая со страхом, что кресло, плеер, одеяло и пылесос состыкуются в одно мгновение, порождая нарост. Но ничего не произошло, и вскоре Коди отключила ЖизнеГрей, встала и занялась своими делами.

Тем временем уже сразу пять окон служебной связи на моем ВидоФоне пульсировали и подвывали, настойчиво привлекая мое внимание. Я нехотя приступил к своей работе.

Вернувшись домой, я еще не знал, как уговаривать Коди, чтобы она больше никогда не собирала в одном месте такую мощную армию машин с искусственным интеллектом. Только я заведу об этом разговор, она насторожится и спросит, с чего это я забеспокоился. Нельзя, чтобы ей в голову пришла мысль о том, будто я веду за ней наблюдение по каналам «Анти». Хотя на самом деле я именно этим и занимался.

В конце концов я намекнул осторожно, что надо выбросить или продать Аэрон, поскольку я больше не пользуюсь им. Но Коди не согласилась:

— Ни в коем случае. Это такая полезная вещь, что после нее ты как будто с курорта вернулся.

Я не решился привести доводы, в которых с нормальной точки зрения отсутствовала логика. Как ни преподноси это дело, все равно будет выглядеть так, как будто я страдаю психозом и страстью к подглядыванию.

Мне ничего не оставалось, как успокаивать себя мыслью, что блок из четырех аппаратов, которые Коди собрала в одном месте, не обладал критической массой, необходимой для возникновения нароста.

И все бы верно, и с Коди ничего бы не случилось, если бы не этот чертов Кулинарт.

Теперь, когда не нужно было сидеть в конторе или следить за Коди, я шел бродить по городу: я начал выискивать наросты, чтобы понять их природу и узнать, можно ли предупредить их появление. Это бессмысленное занятие утомляло меня и сильно действовало на нервы, и я уже не мог быть так ласков и внимателен с Коди, когда мы оказывались наедине в свободное время.

— Что это значит, Котик, ты опять куда-то собрался? У меня остается всего час до работы. Я думала, мы посмотрим вместе тот сериал, о котором я тебе говорила. Там о разных приключениях — «Зона недолговечной свободы».

— Потом как-нибудь. Сейчас мне… нужно пройтись.

— Можно, и я с тобой?

— Нет, в другой раз…

Коди ничего не могла понять, упрашивала, иногда плакала, но я был как будто одержимый.

Теперь я то и дело наталкивался на какой-нибудь нарост, но не успокаивался на этом, меня гнало дальше то, что, как я понимаю сейчас, было своего рода помешательством.

И при этом помешательством одиночки! Похоже, всем остальным нет никакого дела до случайно возникающих роботов. Никакой службы по борьбе с наростами, никаких охотников-добровольцев, которые только и ждут, чтобы прижучить телефонный аппарат, ударившийся в бега под руководством конторского принтера. (Однажды мне встретился такой тандем.) Похоже, что все, включая Коди, испытывали благодушное безразличие к этим сбежавшим штуковинам. Все, кроме меня.

Иногда я наблюдал, как соприкосновение товаров, выставленных в витрине, вело к случайному появлению нароста. Электробритва спаивалась с цифровой камерой и массажной щеткой, превращаясь в нечто похожее на фантастическую пушку. Десяток кухонных щипцов становились многочисленными ножками для пароварки, внутри которой восседала кофемолка. Игрушечный грузовик в универмаге Шварца едва виднелся сквозь панцирь из плотно сросшихся деталей детского конструктора и выглядел неуклюжим ящером на колесах.

В других витринах владельцы магазинов намеренно создавали наросты в погоне за экстравагантностью и ничуть не заботились о последствиях, рискуя поплатиться всем выставленным товаром. В универмаге Нордстрома в одной из рекламных композиций несколько манекенов были увешаны таким количеством запрограммированных костюмов и аксессуаров — ожерельями, галстуками и шарфами от ведущих модельеров, — что вся витрина шевелилась от бесчисленных движений, напоминая колыхание подводных водорослей.

Иногда прямо на улице на моем пути оказывался сбежавший откуда-то нарост. Однажды вечером на 15-й улице, около Министерства финансов, я увидел дамскую сумочку, которая катилась на ролике. Нарост, развив приличную скорость, гнал к площади Лафайета, и я поспешил следом за ним. В парке он ушел от меня, нырнув в кусты. Опустившись на колени, я заглянул в лиственную темень. С десяток наростов буравило меня оттуда враждебно разноцветными глазками-индикаторами; я ойкнул и отскочил назад.

И как раз перед тем, как в нашем доме все перевернулось вверх дном, я узнал, что есть боевые наросты.

Я бродил по улицам в юго-западной части города; эти

кварталы имели дурную репутацию, и попытки «Анти» установить надзор за этим районом зачастую наталкивались на противодействие, иногда увенчивающееся успехом: кто-то маскировался, другой наводил на ложный след, третий выводил из строя наши датчики. На углу мальчишка раздавал билетики, и я взял один такой квадратик бумаги. На нем имелись адрес и следующий текст:

«Рубка на Ринге!!!

В этой схватке твой нарост может оказаться самым стойким!!!

Победителю тысяча долларов. Ждем в полночь!!!»

Ринг находился на заброшенном заводе, за вход брали по десять долларов. В цехе, где повсюду валялись ржавые биореакторы, были сооружены на скорую руку трибуны, забитые теперь зрителями. Кого там только не было — пижонов в дорогих костюмах и бродяг в обносках, дамочек в брюках и юбках, молодых и старых.

Пластмассовые продуктовые ящики, составленные по кругу штабелем — по пять штук и больше, были скреплены стержнями, которые уходили в отверстия, просверленные в цементном полу; в центре образовалась арена, освещенная переносными прожекторами на треногах. Запах пота выдавал напряженное ожидание. В тени, у выхода на арену, участники со своими машинами дожидались начала схватки.

Двое мальчишек рядом со мной обсуждали достоинства разных моделей.

— Чтобы нарост всех затоптал, надо вставить в него хотя бы один блок, который действует как центральный сервер.

— Чушь собачья! Лучше, если все узлы замкнуты между собой.

Прозвучал сигнал, и двое участников выпустили свои агрегаты на арену. Первая конструкция состояла из ленточно-шлифовального станочка, утыканного тисками и плоскогубцами, его противником выступала автоматическая газонокосилка, которую вела в бой кофеварка. Бойцы кружили около минуты по арене, выжидая, потом сошлись — один вращая бешено лезвиями, второй лязгая челюстями. Казалось, что шлифовальник вот-вот победит, но затем кофеварка выпустила в него струю кипятка: у соперника случилось короткое замыкание, а зрители пришли в бурный восторг.

Я не остался смотреть следующие схватки. Наблюдая за ожесточенно дерущимися наростами, я почувствовал, как подступает тошнота. Брызги и жидкие кофейные лужицы на арене напоминали кровь моих родителей в прихожей нашего дома. Я не

испытывал ни капли добрых чувств по отношению к грозным аппаратам, наделенным искусственным интеллектом, но меня куда сильнее беспокоили дикие страсти моих собратьев-людей.

Я вернулся домой чуть раньше Коди и притворился, что сплю, когда она забралась в постель, и даже когда она попыталась растормошить меня, чтобы заняться любовью.

На следующий день все пошло прахом. Или, наоборот, восстало из пепла — с точки зрения наростов.

Утром в штаб-квартире «Анти» царила нервозная атмосфера. Пришло сообщение, что в порту Бостона взорвался танкер, и никто не знал, была ли это диверсия или просто авария. Операторам всех уровней было приказано вести прямое наблюдение через электронных жучков-разведчиков, тогда как обычно делалась автоматическая запись; требовалось установить причину взрыва и проследить, чтобы не произошло что-либо подобное.

К тому моменту, когда напряжение слегка спало (экспертиза «Анти» показала, что вероятность теракта составляла не более пятнадцати процентов), часы перевалили за полдень. Я использовал передышку, чтобы проверить состояние дел у Коди, используя рой электронных мушек.

Оказалось, что Коди хлопочет на кухне, а вся ее одежда состоит из трусиков и лифчика — обычный для нее наряд в домашней обстановке. Она снимала пылесосом паутину с потолка, потом решила передохнуть. Она вкатила на кухню кресло Аэрон. На сиденье лежали ЖизнеГрей и уЗвук. Коди привела в действие Кулинарт, чтобы тот приготовил ей молочный коктейль. Когда напиток был готов, она перелила его в пластиковый стаканчик, сквозь крышку которого была продета соломинка, затем устроилась на Аэроне. Коди обернула ноги одеялом, откинулась в кресле и, закрыв глаза, стала слушать музыку.

И вот тогда нарост явил себя в завершенном виде.

Миксер дернулся, словно игривый щенок, и оказался на самом краю кухонного стола. Пылесос продвинулся бочком под Аэрон, поднял свой толстый, гибкий и цепкий шланг, ощетинившийся щеткой-насадкой, и дотянулся до коленей Коди. В ту же секунду одеяло-массажер перекинулось выше, придавив ей грудь.

Сначала Коди не особо встревожилась. Но если она и собиралась соскочить с кресла, то было уже поздно, так как Аэрон затянул вокруг нее свои эластичные завязки.

А пылесос уже добрался до ее паха и присосался кончиком шланга к трусикам; ЖизнеГрей тем временем тискал ей грудь.

Я вылетел пулей из своего кабинета и из здания, даже не предупредив начальство.

К тому времени, как я примчался домой, Коди, похоже, несколько раз испытала оргазм, ублажаемая наростом. Об этом недвусмысленно говорил ее затуманенный взгляд, разгорячившееся лицо и широко, безвольно раскинутые ноги.

Я остановился в нерешительности в дверях кухни. Я собирался спасать Коди, но не хотел стать жертвой нароста. Каким-то образом отключив аварийный блокиратор, Кулинарт угрожал мне, бешено вращая обнаженными лезвиями, и я прекрасно понимал, что произойдет, если, предположим, пылесос скрутит меня и скормит мою руку этому смертоносному измельчителю. И вот я, неисправимый трус, застрял в дверях и оттуда окликнул Коди.

Она только теперь открыла глаза и посмотрела на меня невидящим взглядом.

— Котик? Что случилось? Тебе дали отгул? Уже полчетвертого? Похоже, я как-то не заметила время…

Аэрон, судя по всему, уже не стискивал ее так крепко, поэтому я осторожно спросил:

— Коди, с тобой все в порядке? Ты можешь встать?

Начиная осознавать, в каком виде она предстала передо мной, Коди покраснела.

— Я не знаю, мне не очень хочется…

— Коди, что ты говоришь? Это я, твой Котик, твой парень.

— Я вижу. Но знаешь… в последнее время от тебя мало толку как от парня! Даже не помню, когда в последний раз ты доставлял мне такое вот удовольствие.

У меня с губ чуть было не сорвалось язвительное замечание, которое стало бы признанием моего позора и унижения, но тут какое-то недоверчивое удивление появилось на лице Коди, и это заставило меня промолчать.

— А он… он хочет поговорить с тобой.

Когда она подняла руки к голове, я понял, что наушники все еще находятся у нее в ушах. Коди закрутила проводок вокруг уЗвука и бросила плеер мне.

Как только я подсоединил наушники, нарост заговорил со мной. Голос имел неопределенную тональность, как будто нарост нарезал и заново составлял кусочки всевозможных фраз, имевшихся в его памяти. Все слова произносилась голосами разных эстрадных кумиров.

— Парень, уходи! Теперь она наша, — прощебетало в наушниках.

— Нет! — крикнул я. — Я люблю ее. И не допущу, чтобы она

осталась с вами!

— Решать ни тебе, ни мне. Женщина должна выбрать.

Я умоляюще посмотрел на Коди.

— Нарост говорит, что ты должна выбрать между нами. Коди, прошу тебя, не оставляй меня. Я обещаю тебе, что стану другим. Сколько попросишь, столько и буду массировать тебе ноги.

Коди сузила глаза, нахмурила брови, еще влажные от пота.

— Больше не будешь трястись от страха? И будем в рестораны ходить? И перестанешь болтаться по городу, как какой-то бродяга?

— Больше ничего такого. Клянусь!

— Тогда ладно. Я выбираю тебя…

— Коди, я так рад…

— И нарост!

У меня челюсть отвисла. Я собрался было возражать, рвать и метать, но закрыл рот.

Могу ли я проследить, чтобы Коди не предавалась удовольствиям в мое отсутствие? Нет. Ничего не поделаешь. Остается или делить ее с наростом, или потерять навсегда.

— Ладно. Как скажешь. Если никак по-другому не получается.

— Отлично! — Коди опустила ноги и соскользнула на пол — в чем ей изящно и заботливо помог Аэрон. — Итак, в какой ресторан ты поведешь меня сегодня вечером?

Я забыл, что наушники так и остались у меня в ушах, и нарост снова обратился ко мне через уЗвук.

— Мудрое решение, парень. Радуйся жизни. Мы готовы полюбить и тебя тоже.

Терри Доулинг — Ликвидаторы

Terry Dowling. Flashmen. Перевод К. Васильева

Терри Доулинг — один из самых известных австралийских писателей, плодотворно работающий во всех жанрах. Напечатав первое произведение в 1982 году, сегодня он добился всемирного признания как автор научно-фантастической, мистической и готической прозы. Терри Доулинг отдает предпочтение малой форме, лучшие из его рассказов вошли в «Rynosseros», «Blue Tyson», «Twilight Beach» и «Wormwood»; кроме того, изданы книги «Antique futures: The Best of Terry Dowling», «The Man Who Lost Red», «An Intimate Knowledge of Night» и «Blackwater Days». Совместно с Вэном Айкином Доулинг работал над составлением антологии «Mortal Fire: Best Australian SF». В напряженной и пугающей истории, которая представлена здесь, автор переносит нас в причудливые, удивительно преобразившиеся австралийские просторы, где отряд мужчин и женщин удерживает последний рубеж Земли, защищая ее от таинственных инопланетных сил, — и повествует о цене, которую приходится заплатить за победу.

* * *

Сэм сидел, заказав еду и пиво, в «Новом автомате» на берегу Ярры и смотрел на огненные изваяния над древней рекой: мангалы, обжаривая диких голубей, выбрасывали языки пламени в ночное небо.

Когда появились Уолт Сенни и Джимми Луч, они застали его за этим занятием: Сэм созерцал, как всполохи плазмы кромсают тьму. «Опасные люди и удивительные друзья эти Уолт и Джимми», — подумал он. И место, куда они пришли, тоже опасное и удивительное, учитывая, во что сейчас превратился Мельбурн, вернее, во что его превратили. Мельбурн и всю цепь прибрежных городов.

— Сэм, — окликнул его Уолт Сенни такой же, как в старые времена, скупой на слова. Он был в своем длинном плаще с изображением молнии на рукавах, весь как солнечная вспышка. На его щеках горели огненные насечки в виде маленьких серпов. Такие насечки назывались «дивами» в честь божественных певиц, и каждая такая дива означала чью-то смерть. А в случае с Уолтом насечка — целый десяток смертей.

Сэм ответил на приветствие:

— Уолт.

— Сэм, — сказал Джимми Луч. Все тот же щеголь в своем ладно скроенном боевом одеянии.

— Джим.

Сэма удивило, что каждый из них имел при себе дуэльную трость, даже и не думая скрывать это. Как будто и в самом деле не прошло тех десяти лет и никто ни сворачивал их работу и не отправлял в отставку.

— В честь чего парад? — спросил Сэм, помимо воли переходя на прежний тон, и ему на мгновение показалось, что долгие десять лет рассеялись как дым.

— Набираем команду, — коротко сказал Джим. — Что-то не так на Площадках.

— Есть такое мнение, — добавил Уолт.

— Новый Очаг? — спросил Сэм, смекнув, о чем идет речь. *Крупное наступление?* Или даже: *новая Площадка?*

Уолт сосредоточенно изучал окружающую публику, задействовав, похоже, те способности, о которых знали лишь единицы.

— Еще надо уточнить, — осторожно ответил он, помолчав.

Сэма начала веселить эта таинственность.

— И чье же это мнение? — усмехнулся он.

— Голос свыше, — ответил Джимми Луч.

Это означало, что информация просочилась из конфиденциальных источников и еще нуждается в проверке. По-видимому, Сэму передали все, что пока было известно. Возможно, никакого наступления и никакого Очага не существовало. А дело было совсем в другом.

Сэм сдерживал себя, чтобы не улыбнуться и не покачать головой, как он обычно делал в те далекие, но памятные дни, когда Сэм Эйчандер, Уолт Сенни и Джим Косимо по прозвищу Луч сражались в одной команде. Они назывались «Летучий отряд», и другой такой отряд еще надо было поискать!

— Уолт, Джим, сейчас, по-моему, лучше не соваться. Там по-прежнему «Парусник».

Выложил все как есть. «Парусник» был посадочной Площадкой, которая могла поражать на большом расстоянии, захватывать и уничтожать даже самых опытных.

— Нужно набрать пятерку, — сказал Уолт Сенни, как будто процарапал лопатой по гравию. Скорее всего, рисуется, хотя кто его разберет? Уже сто лет мы подражаем рекламным героям, нас воспитал Серджо Леоне со своими киношными ковбоями. — Думал взять Анжелу, будет головной, и тебя снова замыкающим.

Но десять лет все-таки не сбросишь со счетов. Все изменилось.

— Уолт, я сейчас занят другими делами, — ответил Сэм, выполняя обещание, данное самому себе. — Не думаю, что на Площадках требуется мое присутствие.

Уолт и Джим, по-видимому, ожидали этого и разыграли козырную карту.

— Посылают еще одну команду, — сказал Джимми Луч, как будто невзначай.

Когда знаешь его и Уолта, можно предположить, что они блефуют, основываясь только на своих догадках. Но загвоздка заключалась в том, что догадки Уолта и Джимми всегда оказывались истинными.

— Задира Баннас сколачивает пятерку. «Королевские Усмирители» снова в седле!

— Задира? Значит, и…

— Вот именно, — закивал Уолт. Его голос прозвучал так, словно лопата наткнулась на камень.

«Вот меня и купили», — подумал Сэм. Если Задира, значит, и с ним Мэйзи Дэй, и все остальные.

Но ведь прошло столько лет! Вместо Мэйзи будет кто-то совсем другой. Хотя Задира ценил проверенные кадры не меньше, чем Джимми Луч и Уолт. Ему тоже необходимо набрать побольше проверенных людей, чтобы и его «Усмирители» выступили сплоченной командой.

— Кого берут младенцем?

Невольно это прозвучало так, будто Сэм давал согласие. Сигналим общий сбор «Укротителям», солончаковым бойцам! Джим даже продемонстрировал свою полуусмешку, продержав ее на лице секунды две.

Уолт Сенни от улыбок воздержался:

— Крошка по имени Джакко. Хенна Джакко. Первый класс.

— А кто у нас? — спросил Сэм. Это был промах: надо было сказать «*У вас*».

— Новый паренек. Зовут Томас Ганн. Заметь: Томас, а не Томми. То, что надо. Вербовщик откопал его в Сухой Гавани, в какой-то ночлежке.

— Все остальное, — попросил Сэм. — Мне нужны все детали.

Джим снова одарил присутствующих своей улыбкой. Уолт Сенни тростью нарисовал в воздухе вензель. Зрители завороженно раскрыли рты. Кто-то, надсаживая голос, крикнул:

— Браво!

— Не здесь, — сказал Уолт. — Едем в «Следопыт». Встретишься с командой.

Сэм усмехнулся в ответ. «Следопыт»! В целом все как десять лет назад. Призраки явились из туманного прошлого. И шанс встретиться с Мэйзи Дэй. Сэму не пришлось ждать, пока они доберутся до «Следопыта». У Джима был фургон, взятый напрокат у Ральфа Свэйла, и как только они выехали на дорогу, ведущую в город, Сэм включил звукопоглотители и спросил:

— Новая Площадка?

— Не все так просто. — Джим сделал неопределенный жест рукой.

— У Парусника появился братишка, — сообщил Уолт с заднего сиденья. — Точная копия старшего брата.

Сэм искренне удивился. Сто восемьдесят шесть Площадок в самых разных концах Земли, все были более-менее предсказуемы, пока не появился «Парусник».

— Для меня это новость.

Даже не оборачиваясь, он знал, какого рода выражение будет на лице Уолта.

— Нужно выяснить, это что-то местное или новая высадка, — добавил Джимми Луч. Излишнее пояснение, но времена действительно настали другие, и Джим имел основания опасаться того, что Сэм попросит сейчас притормозить у обочины и выйдет. — Не хотел рисковать и говорить об этом при всех в «Новом Автомате». Всемирная здравохрана желает иметь надежные команды. Две самые лучшие.

Всемирная организация здравоохранения снова развила кипучую деятельность. ВОЗ, полный охранителей здоровья!

— Тяжелый случай? — осторожно осведомился Сэм, вспоминая появление первого «Парусника», который перевернул все вверх дном, уничтожил десятки команд. И отбил охоту у всех остальных.

— Пока он только набирает силу, но к настоящему времени уже подмял под себя четырнадцать городов в Европе и Азии. Америку в этот раз не затронуло. Доходят слухи о еще шести городах, но сведения противоречивые, так что трудно сказать наверняка.

— Потери?

— В тех четырнадцати городах «Парусник» положил двести сорок тысяч человек. Спасательные команды уже работают там, где он прошелся по Европе, но в Азии, сам знаешь, как бывает.

Сэм чуть было не сказал, помня об ушедших годах: «как бывало»… Но оставил реплику при себе. Если подумать, ничто и никогда не меняется.

— Как далеко от первого? — спросил он, вспоминая про первый «Парусник», который появился когда-то в жаркой пустыне,

там на севере Австралии, на краю солончака Амадей.

— Совсем рядом с «Танцовщицей Дорис». Шестьдесят километров от Ступенчатого Холма.

— Все будет зависеть от нашего младенца! — сказал Сэм. Это была очевидная мысль, даже слишком очевидная, но ему вдруг захотелось показать, что перед ними снова Сэм Эйчандер, тот самый ликвидатор. И еще ему захотелось, неожиданно сильно, чтобы все вернулось и было как тогда — четко и понятно.

Джимми и Уолт больше не возвращались к этой теме. И Сэм тоже их ни о чем не спрашивал. Они проехали молча остаток пути и въехали в Мельбурн через заставу Бендиго. При таком раскладе можно было радоваться встрече и вспоминать общих друзей. Но сейчас все заслонил страх.

«Парусник» нарушил границу, — думал Сэм, — *мы идем в бой».*

Пивная «Следопыт» стояла на самом краю Кракенской низины. Большой участок расплавленной породы напоминал о том случае, единственном на всей Земле, когда удар по человеческой цивилизации был нанесен изнутри Площадки. Тогда Площадка сработала сильно и жестко, многих лишив рассудка, и те, кто сумел выжить и прийти в себя, уже никогда не могли вспомнить, что творили в безумии. Это злосчастье повергло в ужас всю восточную Австралию, а восемь лет спустя появился «Парусник»! Специалисты высказывали предположение, что именно зарождение «Парусника» стало причиной той катастрофы.

А теперь это. «Парусник Два»! Второе явление «Первого»! Хотя как его ни называй, но он снова здесь, в Австралии, трудно даже поверить. И что бы там ни говорили, все доказывает, что Площадки стали обычным явлением нашей жизни, можно сказать, ее частью.

Они оставили фургон на парковке при гараже Бекера, и прошли через заставу Бендиго, и наконец оказались в большом пивном зале «Следопыта», сквозь окна которого виднелась красная земля и багровое небо. Сорок шесть австралийских Площадок были в нескольких часах езды от Мельбурна, разбросанные на территории в более чем триста сорок гектаров, пересечь которые можно за двадцать дней, если идти пешком, или за шесть — на гусеничных вездеходах ВОЗа. Шел уже второй день, с того момента как появился «Парусник Два».

— Привет, Эйч, — сказала Анжела Флит.

Она сошла с подмостков, где только что отбивала чечетку. Она постарела, похудела, ее кожа высохла и поблекла — и от сильного солнца, и от недостаточного внимания к самой себе. Но Сэм был очень рад встретить Анжелу живой и здоровой и увидеть

прежний живой блеск в ее глазах. Если подумать, чем еще может зарабатывать на жизнь человек, который всегда остается бойцом, ставившим все на удачу, рыцарем-крестоносцем Божьей милостью, изведавшим схватку с драконами?

— Паренек сидит в читальне, зубрит инструкции. Джим говорил, тебе будет нетрудно ввести его в курс дела, — спокойно начала разговор Анжела.

Сэм ожидал услышать именно эти слова; но сейчас это не имело значения. Сейчас все отодвинулось на второй план: главное — он снова в «Следопыте» и он встретил Анжелу, пусть даже постаревшую.

— Как ты живешь, Анж?

— Помаленьку. Я рада, что о нас вспомнили. А ты, Эйч?

— Прихожу в себя. — Он кивнул на дверь читальни. — Что вы уже успели сказать парню?

— То, что обычно. Зоны инопланетного вторжения. Задание опасное. Мы с Джимом как следует с ним побеседовали. Чтобы не думал, будто мы едем на курорт.

— И какой результат?

— Да никакого. Он минуты через две словно отключился. Эта молодежь знает все о ликвидаторах, может перечислить, как называются все команды, но о сути этой работы — никакого представления. Уолт сказал: пусть Сэм займется им. Как раньше бывало.

— Пусть будет как раньше, — кивнул Сэм.

Его звали Томас Ган, и никто не говорил ему «Томми». Парень шестнадцати лет, подтянутый, среднего роста, с честным, открытым лицом и довольно приятными чертами; он имел привычку, прислушиваясь к чему-то интересному, наклонять голову набок.

— Хорошо, что прислали вас, мистер Эйч, — сказал он, когда Сэм, войдя в читальню, сел в тяжелое дубовое кресло. — Они все так нагнетают… Я надеюсь, что вы объясните все толком.

Парень знал, что имеет право задавать вопросы.

— Томас, а почему вы оказываете такое доверие именно мне, а не кому-нибудь другому?

Вообще-то Сэм знал, каким будет ответ. Все шло по накатанному сценарию. Сэм уже настроил себя на жесткий тон, а новичок пусть слушает, или как хочет. И вот тебе вся история в двух словах: появились первые Площадки, пришли в действие, подавляя целые города и районы по всей Земле без какой-либо видимой логики, вызывая ступор и потерю памяти у тысяч, сотен тысяч людей. Тогда призвали ликвидаторов, чтобы прекратить воздействие этих зон на человеческое сознание, и кое-кого

удалось спасти, прежде чем многие из тех тысяч начали умирать. Но Томас явно ждал подробностей.

— Вы… более доступный. Так говорят.

— Был когда-то. Прошло немало времени.

— Вы вернулись. Я проверял. Некоторые больше не возвращаются.

Сэм заставил себе сохранять вежливый тон. Только так можно наладить деловые отношения.

— Зачем же совсем отрываться от действительности? Время от времени нужно спускаться на землю.

— Это в крови, — проницательно заметил Томас. Отрицать очевидное не было смысла.

— Что-то вроде этого, — нехотя кивнул Сэм.

— И куда именно нас направляют, мистер Эйч?

Сэм помолчал, приглядываясь к новичку и оценивая его. Этот паренек, пожалуй, и правда, им подойдет. Сэм уже подметил его сметливость, которую не смогли разглядеть Анжела и Джим, оценил нетерпеливость, характерную для новичков. Однако обращение «мистер Эйч» действовало Сэму на нервы. «Как будто официальные бланки заполняем! Или подаем рапорт по службе», — подумал он. Черт бы побрал Уолта и Джима! Но раз уж так вышло, нужно терпеть, как бывало много раз в прошлом.

— Нет уверенности, что вообще куда-то пошлют. Еще рано говорить об этом. Возможно, в район «Лошади», но не дальше «Жемчужины».

— «Лошадь»? Хотел бы на нее взглянуть. А как насчет «Парусника»?

— Мы держимся подальше от него. Всегда. Это гиблый номер.

— Вы уверены? — Глаза Томаса горели по-боевому.

— Сам подумай. Десять лет все было тихо. Ликвидаторы осмелели. И вдруг Площадки наносят ответный удар в этой вот низине. Через восемь лет появляется «Парусник». — Он повел разговор так, будто Томасу все эти факты должны быть хорошо известны.

Томас кивал:

— Само название говорит за себя, да? «Площадка». Значит, что-то приземлилось на нашей планете. Что-то явилось, кем-то послано…

Разговор перепрыгивал с одного на другое, впрочем, так всегда бывало с новичками. Хорошо то, что парень придерживался темы.

— Похоже, что так оно и есть, Томас. — Но ведь это не космические аппараты? Я слышал, как мистер Сенни сказал: держи язык за зубами, корабли не поплывут гробами. Что-то в

этом духе. Я побоялся переспросить.

— Не все так просто. Но ты отчасти прав. Площадка — место, куда что-то село. Прибыло. Можно рассматривать их как узловые точки. В которых происходит аккреция.

— Простите, я не понял… — напряженно переспросил Томас.

— Некоторые считают, что каждая Площадка занимается сбором проб.

— Не улавливаю вашу мысль, мистер Эйч, — покачал голо вой Томас.

— Аккреция — это приращение, или просто захват. Они присоединяют к себе новые и новые предметы, пространства, живых существ.

— Они улетят когда-нибудь, как вы думаете? — Томас снова перескочил на другое.

— Этим летом будет уже двадцать три года, как они здесь. Может, они просто соберутся и улетят в одно мгновение, как ты говоришь. Но сейчас нам нужно что-то делать. Чтобы всем не пропасть. Вот для этого вербовщик и нашел тебя.

— Их бомбили.

— Да, еще бы. Много раз. И дальше будут бомбить, новые способы ищут, солдат посылают, упокой Господь их душу. Спецназ. Но Площадки это только подстегивает, приводит в движение. Что бы там ни говорили, тактика Здравохраны дает результаты. Нужно принимать во внимание еще одну вещь. Когда Площадка развивает активность, она начинает блокировать людей. Какая-нибудь Площадка в Австралии блокирует улицу или город где-то на другом конце земли; по Площадке начинают стрелять, и тогда все гибнут: у тех, кто попал под ее колпак, происходит повальный шок. Мы считаем, что наши действия более эффективные. Лучше не прибегать к грубой силе. Ликвидаторам сообщают, что такая-то Площадка поразила где-то населенный пункт, мы выдвигаемся туда, направляем свои усилия на этот конкретный район, по частям, по кусочкам треплем и изматываем этот новый Очаг, так что Площадка не совсем понимает, что там произошло, и тогда она меняет тактику. А только на это мы и можем надеяться — чтобы она изменила тактику.

— Но в тех городах, которые были у нее под колпаком, ко многим возвращается сознание.

— Верно. Поэтому нужно поддерживать карантин, который установила здравохрана, следить, какая из Площадок начала действовать, и усмирять ее. Это все, на что мы способны, Томас, хотя кое-кто станет утверждать обратное. Чиновники ВОЗа отслеживают, какие пункты стали мишенью Площадки и

подверглись нападению…

— Целые города. Их захватывают по плану или как попало?

— … После чего мы вступаем в дело и исправляем положение. И это все, все, на что мы способны. Возвращаем некоторым сознание.

— Кое-кто умирает.

— Но большинство выживает.

— И у вас, получается, есть для этого силы? — В голосе Томаса звучало восхищение, отнюдь не ирония. Он склонил голову набок.

— Верно. Вспомни, почему вербовщик выбрал тебя. Почему просил заполнять все эти вопросники.

— Их возвращают к жизни, но через какое-то время они снова могут попасть под колпак.

— Иногда так и происходит. Но все замыкается на количестве. Наша цель — сократить на тысячи число тех, кто умирает просто потому, что помощь опоздала. Ты видел цифры.

Парень кивнул, что можно было понимать как угодно. Похоже, Анжела права. В большинстве своем новички совсем не представляют, в чем состоит суть дела.

— Мне выдадут плащ и трость? — спросил Томас, возможно стараясь скрыть свое замешательство. — Какие носят ликвидаторы. Научусь владеть тростью, как вы. У меня будет дива на щеке. — Его мысли снова запрыгали. У новеньких всегда так — из-за перевозбуждения, из-за нервов; из-за страха. Но у этого парня, похоже, все скоро станет на свои места.

— Если ты не решишь уйти, то, конечно, все будет. Это уж тебе решать.

Как будто так оно и есть.

— Плащ и синий мундир из саржи…

Парень, возможно, просто мальчишка, вот и все. Сэм допускал и такое.

— Есть у нас и плащи, и мундиры. Если тебе понадобится.

— А вам не нужны? Я смотрю, никто из вас не носит.

— Когда-то нравилось чувствовать, что ты в форменной одежде. Сейчас предпочитаю ходить просто так.

— Вы делаете работу, но не хотите выглядеть так, будто кто-то нанял вас на службу. Как у Робин Гуда. Или у Зорро.

— Приграничная вольница, вот что это такое. Мы больше никому не подчиняемся. Люди, которых удалось спасти, радуют больше, чем бляхи и знаки различия.

— Обратимся к цифрам, — деловито сказал Томас.

— Обратимся к цифрам, — в тон ему ответил Сэм.

— Вы крутые ребята. Мне это нравится. Мне все это

подходит.

— Мы ликвидаторы, Томас. Мы направляем энергию в нужное русло. Отводим в сторону те потоки, что несут вред. Прерываем сигналы, идущие от Площадки, меняем минус на плюс, и люди приходят в себя. Возвращаем к жизни часть того, что пытались умертвить Площадки.

Томас помолчал, глядя в окно. Такое молчание — хороший знак. Это снова попадало под отношение 70 к 30: семьдесят процентов — активность, тридцать — вдумчивость.

— Как вам это удается? — спросил наконец Томас.

Сэм пожал плечами. В общем-то нетрудно отвечать на вопросы, на которые никогда не было ответа.

— Понятия не имею. Некоторые просто способны делать это. Как в сказках про птицу Феникс.

— Феникс?

— Была такая сказка. Составь команду из людей определенного типа, и мы сделаем то, что надо. У нас получится. Насколько нам известно, Площадки тоже объединяют свои усилия. Например, выставляют защитный экран. — Он с легким сердцем произносил эти фразы, которые, казалось, давали, приемлемое объяснение: у тебя есть шанс быть среди тех, кто преграждает путь призрачному чудовищу.

— Площадки наносят ответные удары, — задумчиво сказал Томас.

— Похоже, что так. Здесь ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным. Может быть, они просто приводят в порядок свою энергетику. Но сотня мертвых лучше, чем тысячи в отключке, так?

— Все те же семьдесят на тридцать. Коэффициент, который вывели ВОЗ и ООН!

Сэм сморгнул. Паренек снова удивил его.

— Все верно. А ты как считаешь?

— Как будто все правильно. Справедливое решение. А вы сами что думаете, мистер Эйч?

Опять неожиданный поворот.

— Какая разница, что думаю я. Все настаивают на таком подходе. В нем есть свой риск, но это лучше, чем превратиться в зомби и умереть из-за того, что на тебя не хватило спасателей или спасатели появятся слишком поздно.

— Лучше уж просто умереть! — вздохнул Томас.

— Большинство так и считает.

— И вы тоже? — Томас пытался заглянуть Сэму в лицо.

— Мы просто ликвидаторы, Томас. И не более того. Выполняем задачу, которую перед нами поставили.

— Вы десять лет не занимались этим.

Вот ты и дождался, дружок!

— Тот кто был ликвидатором, знает, что такое депрессия и разболтанные нервы. Это неизбежный простой. Потому что ты выжат как лимон, ты истощен до такой степени, что нужно побыть в стороне от этого. — Слова сами слетели с языка.

— Но атаки Площадок продолжались. Вас это не смущало?

— Всегда есть другие команды. В тот момент я не считал, что поступаю плохо.

Это была пощечина: мол, не твое дело! — но парень не обиделся.

— А почему вернулись? Почему именно сейчас?

Но не сказал: *почему именно я?* Или: *что случилась* с *вашим последним новичком?* Он просто искал поддержки.

— Соображения личного характера. В зону пойдут люди, которых мы хорошо знаем.

Красивая ложь. Еще не пришло время сообщить о «Двойнике».

— Вас беспокоит, что они обнаружат что-нибудь?

— Я бы так сказал: нас беспокоит, что они сделают что-нибудь не так. Несмотря на мощность «Парусника», все было относительно спокойно после его первого появления. Количество Очагов уменьшилось. И Площадки захватили не так уж много городов. Эти ребята могут нарушить равновесие.

— Я об этом и говорю. Но при этом вы подыскиваете и таких, кто ни разу не ходил на задание.

То об одном, то о другом, то о третьем! С ума сойдешь с этими новичками.

— Нужно укомплектовать пятерку. Обычно требуется, чтобы за работой команды наблюдала другая команда. Нас пригласили, чтобы держать под наблюдением ту самую команду.

Не совсем так, но почти что правда.

Томас кивнул, глянул в окно на улицу, где уже начинало светать.

— Еще один вопрос, мистер Эйч. Говорят, есть два секрета, о которых знают только ликвидаторы.

Сэм испугался, что сейчас он попросит: «*Откройте мне эти секреты»,* но у парня хватало ума и такта промолчать. Он, конечно, торопил события, но все-таки понимал, чего не следует говорить.

— Сколько должно пройти времени, когда мне начнут доверять настолько, что можно будет узнать эти секреты?

И в самом деле, два секрета. Альфа и омега для всех, кто идет в ликвидаторы.

— Спросишь снова, когда мы вернемся с этого задания. А теперь у меня к тебе вопрос, Томас.

— Валяйте.

— Как это вышло, что у тебя не получилось разговора с нашими ребятами?

Томас Ган развел руками, и этот жест, понятный, наверно, со времен кроманьонцев, означал: ну, вы знаете, как бывает…

— Самое первое, чему я научился у ликвидаторов: никогда не выкладывай все сразу.

Сэму захотелось улыбнуться, но вместо этого он встал, что бы скрыть охватившее его волнение.

— Пора в путь.

Как выяснилось, в операции будут участвовать сразу несколько команд, имевших громкие заслуги. И, как всегда, в воздухе витали догадки, земля полнилась слухами. Сообщение об одной задействованной команде указывало на активную деятельность, но без огласки; остальные на всякий случай стали держать нос по ветру. Как по мановению волшебной палочки, возникли желающие субсидировать операцию: правительства, корпорации, организации по защите гражданских прав, биржевики и земельные спекулянты всех мастей. Разумное решение. Если принять меры безопасности, то удастся избежать роковых последствий и получить выгоду.

Бэйн Каус, один из бывших заместителей Задиры, наспех сколотил разношерстую команду — в регистрационном списке они значились как «Серебряные молнии»: в их состав вошли легендарные Ролло Джейн и Тосс Гатро. Молли Дай вновь созвала своих «Одиноких всадников», которые некогда занимали твердое второе место среди всех летучих отрядов, и сейчас в их ряды влились новые силы: к ним пришел Род Синнер, занявший место Корвена, погибшего на «Паруснике» в 35-м году. Джулия Фарро и Янси Када обновили состав своих «Знахарок» и рвались в бой. И еще команды, которые Сэм знал когда-то. И много совсем новых.

Направляясь на воздушном трамвае к заставе Бейли, Сэм только головой качал, удивляясь происходящему. Ставка на секретность всегда приводила к обратному результату. Все информационные средства только и говорили о летучих отрядах, все Приморье взбудоражилось. Во всех новых городах на побережье сделали из этого сенсацию. Сначала выступали четыре отряда, следом направлялись еще сорок. Они будут наступать друг другу на пятки, не успев выдвинуться на километр, ведь большинство — собранные на скорую руку поисковые команды из новичков и дублеров. Те, скорее всего, участвовали лишь в мелких стычках на дальних подступах к «Паруснику». Рискнули, может быть, сунуться в «Испанский фонарь», «Кливер» или «Арабские пряности», затем ретировались в бары и пивнушки,

наполняя их своими невероятными россказнями, которые становятся все более фантастическими в каждом новом пересказе. Говорят, не только в Австралии, но и в Африке приморские районы приводят в готовность свои отряды; Западные штаты Америки опередили всех, отправив команду следить за Площадками к югу от Сахары. Французские ликвидаторы уже вылетели в пустыню Гоби в район Сяграна. Ликвидаторы. Рейнджеры. Любимцы возовских медиков. Десять лет улетучились как дым.

Возовские подразделения, выставленные по периметру, впускали в зону по две команды. «Укротителей» и «Усмирителей» заверили, что им предоставят целые сутки, чтобы оторваться от остальных, и только потом запустят «Серебряные молнии» и «Конников», затем «Знахарок», «Контрабандистов» и весь остальной зарегистрированный состав. Какие-нибудь доморощенные отряды, конечно, пролезут без очереди через эту невероятно растянутую границу. Их, как водится, ждет печальный конец. Некоторые быстро выдохнутся; остальных власти перехватят на выходе из зоны. С Площадками лишь бы разобрались, а там посмотрим. Будут наказания, районные суды дадут условные сроки, но, по большому счету, для ВОЗа главное — чтобы Очаг был подавлен и чтобы к ним поступили новые сведения: катастрофически не хватало информации любого рода. Втайне они рассчитывали, втайне надеялись и в частных разговорах признавались: лучше ответный удар Площадок и еще одна катастрофа, чем недостаток информации о страшных пришельцах.

«Укротителей», конечно, долго продержали на заставе Бейли. Прежде чем дать добро, постам на Кольцевой дороге требовалось установить общую картину потоков в атмосфере и дождаться таких показаний, когда, по их мнению, проход в зону будет наименее опасен. Угнетающе бесполезное занятие, с точки зрения ликвидаторов, которые в дальнейшем будут полагаться только на собственный опыт. Было уже 14:00, когда «Укротители» на своем тяжелом вездеходе, предоставленном ВОЗом, миновали контрольно-пропускной пункт «Синдбад» и простились с цивилизацией — человеческой цивилизацией.

И теперь в который раз они начинают действовать по своим законам. Защита и надежда человечества. Официально — незаменимые. Неофициально — расходный материал. Первой точкой, которую они достигли, двигаясь на северо-запад (вскоре после того, как все радиопередатчики переключились только на прослушивание), была «Винва», известная ранее как «Костер», поскольку эта Площадка периодически ставила завесы плазмы и

выбрасывала в небо беспорядочные снопы искр. Некоторые Площадки ослабли, захирели, перекочевали, изменив форму, в другие места и стали непредсказуемы. Здесь остались только высоковольтные мачты, опоры и фермы от портала, построенного когда-то ВОЗом и местными властями на границе Площадки. Так обстояли дела с «Винвой».

В прежние годы муниципалитеты, сотрудничая с Всемирной организацией здравоохранения, возводили такие порталы для слежения за Площадками. Портал чаще всего представлял собой длинные переходы на сваях с наблюдательными вышками и телеметрическими пунктами. Строили их на возвышенных местах, какие только имелись в округе. Порталы выглядели как морские прогулочные причалы давно ушедших времен, и, помимо прочего, огораживали Площадки или как там еще можно было назвать этот чертов феномен! Порталы служили обрамлением, придавали форму самым чудовищным Площадкам, были тем, что можно нанести на карту и считать осязаемыми границами вокруг чего-то неосязаемого. Песчаные наносы скрыли часть конструкций старого портала, от зноя и ветра облупилась краска. «Винва» стала призрачным городом, в котором никто никогда не жил.

Они провели ночь, укрывшись за седьмой опорой, слушая, как над головой потрескивают остывающие обломки ферм, и наблюдая за слабо различимой игрой нарядных огоньков, которые оставил после себя сияющий шлейф в глубине Площадки. Вот и все, что оставалось от Площадки, именовавшейся некогда «Костром».

Они загрузились в вездеход ранним утром и двинулись вперед, проделав сорок километров вдоль «Дельфиньей дорожки», и миновали «Гребень» до того, как он ожил в полную силу. Затем слева от них показалась «Недотрога» — до нее километра три, и она уже проснулась, изгибает и выбрасывает по сторонам свои полупрозрачные щупальца в поисках человеческих душ.

Отряд осторожно проезжал мимо «Удачливых гребцов», когда вдали было замечено рождение первого вихря: три из его четырнадцати составляющих кружились, огибая друг друга, в прогретом воздухе, определяя точку, в которую вихрь, сомкнувшись, направит свою энергию. «Укротители» уйдут далеко вперед, прежде чем вихрь будет представлять серьезную угрозу, и какой-то другой команде придется иметь с ним дело. Так обычно и происходило: Площадка готовится к бою при появлении одной команды, но ее удар приходится на следующих ликвидаторов. Это доказывало, что до них еще никто не вторгался в пределы «Винвы» или, принимая во внимание

соперничество между различными службами ООН, что кто-то прошел здесь намного раньше, так что вихрь успел завершить весь свой цикл из четырнадцати ступеней и теперь собирается на второй круг.

Ближе к полудню они продвигались вдоль восточной кромки «Испанского фонаря», сосредоточив все внимание на дороге перед собой, лишь иногда отвлекаясь, чтобы взглянуть на оранжевые, синие и красные огоньки, которые бежали, вспыхивая точками и тире, по гирлянде из лампочек, огибали балконы и рифленые бастионы, порожденные игрой плазменных языков. «Укротители» надели шлемофоны, чтобы заглушить пульсирующие удары сирен, дробные, как звук кастаньет, из-за чего Площадка и получила свое название. Множество новичков и самодеятельных любителей подходили поближе, чтобы разглядеть праздничные огоньки на нижних балконах, уверенные, что с ними ничего не случится. Некоторые, неверно настроившись на звуковые колебания, кончали тем, что вовлекались в убийственную фиесту и становились частью антуража. Томас заявил, что различает какие-то фигуры. Это были «танцоры», которые когда-то не уловили зловещих синкоп, не смогли высвободиться вовремя и теперь исполняли свой последний страшный танец. Все сделали вид, что не заметили этой бестактности. Томасу предоставили самому догадаться, что здесь никогда не говорят об умирающих и умерших. Пусть возьмет это за правило, а пока — вперед.

На второй день они увидели «Лошадь» — для многих самую удивительную Площадку. Здесь, одна за другой, появлялись лошади в полный рост — художественные образы из всех культур, известных на Земле; как будто разум, управляющий этой Площадкой, ее командный пункт, ее нервные окончания или что там приводило в движение этот феномен, сфокусировал все свое внимание на единственной биоформе и воспроизводил ее снова и снова — в бронзе, дереве, глине, пластмассе, вулканическом стекле, в кости и кожаных лоскутках — ряды и шеренги стилизованных, словно отштампованных форм, расставленных по гряде остроконечных холмов.

В районе «Лошади» Томас получил также первое представление о «репейнике». Закаленные «Укротители» готовили его к такой встрече, каждый из них внес свою лепту, рассказывая о возможных последствиях. Даже Уолт расщедрился на пару слов:

— Это все уловки для отвода глаз. Просто следи, чтобы твой уголек всегда был на месте.

Описание «репейника» имелось в базе данных ВОЗа. Типичный «репейник» — круглый фарфоровый комок размером с волейбольный мяч, он перемещался над поверхностью земли

обычно на уровне груди, нацеливаясь на зобную железу, защищенную грудной костью. Не понять, почему он это делал, не понять, что это такое, ясно только, что нужно защищаться. Кусочек антрацита в кармане как будто защищал от большинства «репейников» — так появилась когда-то кличка «угольщик», которой и до сих пор называли ликвидаторов в некоторых местах. Но, бог ты мой! — антрацит против того, что нацелено на твою иммунную систему, как будто у него и не было других применений.

И это порождение каких-то инородных сил, что приблизилось к ним стремительно, как молния, со стороны ближайших конных фигур, зависло над Томасом и сопровождало их целый час, иногда подскакивая, дергаясь резко и пугающе, а затем вдруг беззвучно умчалось.

Тут же у них на пути появились два клона, комичные существа, если бы не их способность взрываться наподобие шрапнельного снаряда. Как обычно, общение с клонами возлагалось на Сэма; он проинструктировал Томаса, пока фигуры приближались.

— Теперь следи. Это подложки. Их штампует особый вид Площадок, который назвали «Остроумом» с подачи одного рьяного профессора из ВОЗа. Я займусь ими.

— Подложки — от слова «подлость»? — спросил Томас, не спуская глаз с фигур на пути вездехода.

— От слова «подложный», — объяснил Том. — То же самое, что поддельный. Куклы. Созданные и посланные каким-то «Остроумом».

— Так похожи на людей! — изумился Томас.

— Они и считают себя людьми. Хотя сами искусственные. Клоны. Биороботы.

— Эти Площадки брали пробы человеческого ДНК, — догадался Томас.

— Верно. Поскольку Площадка представляет собой ловушку, она использует все, что ей попадается, для заманивания. В этом квадрате мы оказались ближайшим проявлением жизни, вот нас и зондируют, послали этих двух.

— Часть ловушки. — Томас прищурил глаза.

— Да, но клоны не знают этого. Дело вот в чем: если правильно наладить общение, они ведут себя мирно, следуют за тобой до какой-то границы, потом поворачивают обратно.

Речь клонов удивительно напоминала отрывистый телевизионный жаргон, сложившийся за сто лет спутникового вещания.

— Холонер Де Горнемакс, — представился тот, что был

повыше и постройней, имитируя мужской голос в соответствии со своей внешностью не столько мужчины, сколько мужского манекена. — Мы знаем хорошую дорогу.

Вот так просто, бесхитростно.

— Хутман фон Фексатор, — назвал себя второй, изображая женщину, и такой же ненастоящий, как манекен в витрине магазина. — Хол прав. Будет намного короче, если пойти мимо «Четырех привратников». Доедете очень быстро. И никаких энергетических потоков. — Голос был на удивление приятным.

— В ту сторону? — спросил Сэм. — Нам нужно сначала взглянуть на «Пуховик». Есть кое-какие дела в районе «Пуховика». А потом проверим вашу дорогу.

Клоны озадаченно переглянулись, они были сбиты с толку и не знали, как понимать отказ, прозвучавший в форме согласия.

Сэм продолжал в шутливом тоне, позволив им выложить все уловки, которые у них имелись.

— Будет интересно еще раз взглянуть на «Четырех привратников». Только сначала нужно сделать по-быстрому этот крюк. Будем рады встретиться снова.

После чего Джим направил вездеход прямо к «Приятному свиданию». Времени на обычный маршрут мимо «Пуховика» не оставалось. Во всяком случае, не теперь, когда возник новый Очаг. «Двойник» нанес удар. По всему миру гибли люди.

«Приятное свидание» уже крутило кого-то в своих жерновах, молодого скаута, который, похоже, проскочил незаметно через кордоны. Одиночкам это удается. Он был уже без одежды и размечен для разделки. По его лицу было видно, что он напуган, но принимает все как должное, с тупым восхищением смотрит на свое тело с разметкой для препарирования, затем, когда колебания потока изменились, его охватило блаженное спокойствие, что было еще ужаснее наблюдать.

Прошло одиннадцать лет, прежде чем ВОЗ установил, что так называемый вихрь — скопление четырнадцати элементов, поглощающих все на своем пути, является порождением «Приятного свидания» и воплощает охотничий дух этой Площадки, которая, единственная из всех, включает в себя три раздельные части.

Собрав воедино все свои составляющие, вихрь захватывает жертву, которая переходит в другое состояние сознания, но не впадает в забытье, как думали раньше: несмотря на значительную потерю жизненных сил, человек передается самой Площадке. Вихрь выследил этого юношу, схватил и транспортировал на Площадку, где он и висел сейчас без какой-либо поддержки в воздухе на расстоянии трех метров над землей: жертву

обласкивали и умиротворяли, и тут же демонстрировали ей весь ужас предстоящей кончины — как будто быстрая смена эмоций стимулировала Площадку. Такая игра в кошки-мышки была присуща и двум другим отросткам «Приятного свидания», которые находились в центре Африки и на американском Среднем Западе.

Сэм обратился к клонам:

— Вы подождите нас около того гребня. У нас есть время в запасе. Мы проверим свой маршрут, а потом можно будет взглянуть на «Четырех привратников».

Клоны ничего не заподозрили. Она направились к периметру «Приятного свидания», где внешние щупальца Площадки сразу потянулись к ним, схватили, подняли в воздух и тут же уничтожили, так как Площадка опознала в них существа родственного происхождения. Вот они были, и вот их нет.

По мере того как дорога вела их все ближе к «Двойнику», «Укротители» рано или поздно должны были пересечься с командой Задиры. Ближе к вечеру они впервые обнаружили присутствие своих давних соперников: в сумерках, через несколько минут после того, как усталые бойцы развели огонь, в миле от них или чуть дальше появился еще один костер. Прямая радиосвязь, конечно, не допускалась, но Джим воспользовался своей трубкой и послал сигнал в виде атмосферных помех, включив и выключив несколько раз аппарат. Это было приглашением: идите к нам, опасности нет, трубка мира. Поставили на огонь кофе. Достали чашки и еду для гостей.

Через двадцать минут делегация «Усмирителей» подала условный сигнал, сообщая о своем приближении, затем они вышли из темноты: Задира, Джек Кроуфедэр и она, Мэйзи Дэй.

И снова те десять лет забылись, как будто их и не бывало. Сидя у костра, Сэм криво усмехнулся, вспоминая, что собирался покончить с прежней жизнью. Если ты пошел в ликвидаторы, неважно, на своем ли ты оказался месте или притворяешься, что на своем, но из ликвидаторов ты уже никогда не уйдешь — после того как на твоих глазах «Волнолом» превратил забывших об осторожности товарищей в охапку дров, а «Фонарь» отправил их извиваться на тропе к смерти, и ты видел шеренги антикварных лошадок, которые замерли в прыжке через гряду остроконечных холмов, видел ослепляющий, переливчатый блеск «Жемчужины» с ее — подумать только! — двустворчатой устричной ловушкой, придуманной только для того, чтобы заманивать любопытных. Казалось бы, и «Укротителей», и «Усмирителей» не должно быть здесь, как, впрочем, и никого другого. Но, вкусив, осилив и завоевав победу, ты уже не мог не вернуться.

Затем, увидев воочию Мэйзи — высокую, крупную, из тех рослых женщин, что были не в его вкусе, пока он не встретил ее, — Сэм спохватился, что выглядит глупо со своей усмешкой, и стер ее с лица, возможно, с некоторым опозданием.

У каждого из них присутствовали решимость и отрешенность от того, что не имело сейчас значения. Встретились две команды, связанные давним соперничеством, общим прошлым и жаргоном, и начался традиционный обмен любезностями.

— Наше почтение «Укротителям», поныне здравствующим душой и телом! — приветствовал их Задира — поджарый, мускулистый, затянутый в форменный пыльник. Казалось, ему удается рассеивать темноту своей белозубой улыбкой и ежиком седых волос.

Джек Кроуфедер, как уверенный в своей ловкости фехтовальщик, тоже улыбался. Это был во всех отношениях достойный соперник Уолту Сенни, вот только изящества в последнем ударе оставалось прерогативой Уолта. Джек сказал:

— Да посетят вашу песчаную поляну самые изворотливые клоны!

Мэйзи Дей вежливо кивнула, но держалась холодно и смотрела в одну точку. Подходя к костру, она и в самом деле заметила кривую усмешку Сэма.

Джимми Луч и Анжи ответили витиеватыми приветствиями. Невозмутимый Уолт произнес коротко:

— Привет.

Сэм как будто со стороны услышал свое бормотание и изобразил улыбку более или менее удачно — теперь она вышла сухой и сдержанной. Он представил Томаса, который смотрел на прибывших во все глаза, а потом, когда заговорили о деле, ловил каждое слово.

— Хотите — верьте, хотите — нет, но это «Парусник Два», — заговорил Джим — непринужденно, стараясь, как всегда, сглаживать углы. — Или, если хотите, будем звать его «Двойником».

Задира опустился на остывающий песок, вытянул длинные ноги и стал греть ладони у костра.

— Все так, Старший привел Младшего. Кто бы мог подумать. Как будем действовать?

Он еще не договорил, а Уолт уже задал вопрос:

— Твои условия?

Задира ослепил всех своей улыбкой, грея руки, по ночам в пустыне довольно прохладно. Сэм посмотрел в темноту, перевел взгляд на Мэйзи, потом снова отвернулся. Он прекрасно понимал, что «Усмирители», оставшиеся в лагере, не думая о любезностях,

готовятся к тому, чтобы завтра обойти соперников. Джим был прав на все сто: нужно быть готовым к тому, что дела пойдут не так, как этого ожидаешь.

И Мэйзи. Она была великолепна. Сильна и красива. Хоть и чуть пополнела. Стала чуть грузнее. Но по-прежнему полна сил.

— Самое важное — перевести его волны на другой режим, — сказал Задира, демонстрируя деловой подход. — Наградными поделимся. Идем связкой. Сначала одни впереди, потом другие. Твое мнение, Джим? Мы первые выдвигаемся, или можно бросить жребий.

— Щедро, — промолвил Уолт ледяным тоном.

— Выгодно тому, кто отсидится, — проговорил испытующе Кроуфедэр.

— Первое слово, — ответил Уолт: пусть будет так, как предложил Задира. Он бросал вызов Кроуфедэру: или торгуйся дальше, или заткнись. И кроме того: знай свое место.

— Собратья, — заговорил Джимми Луч, переводя на себя общее внимание, напоминая о законах перемирия, лучшей из всех традиций. Песни всегда будут слагаться о таких, как Уолт Сенни, но в полевых условиях настоящий герой — ликвидатор вроде Джима, — первый ход ваш. Мы выдвигаемся следом, когда начнет светать.

— Другие команды на подходе, — напомнил Задира и этим дал всему объяснение: зачем они пришли, для чего эти любезности. Прикройте нас — мы прикроем вас. Как в те ненавистные, предательские прошлые времена.

Замешательство повисло над костром. Мускулы напряглись, но со стороны этого не заметишь. Да, были старые счеты, и Сэм с Мэйзи — пустяк по сравнению с другими обидами. Сейчас так решалось: или вместе, или врозь.

— Опасность новая, и начинать надо заново, так я считаю, — сказал Джимми Луч, сохраняя в силу своих возможностей цивилизованный тон и рамки приличий в этом враждебном, одичалом краю. — Мы прикрываем ваш тыл. Выжидаем два часа. Потом вы действуете так же. Наградные пополам.

— По рукам, — сказал Задира и, протянув чашку, попросил еще кофе, вместо того чтобы встать и уйти, как все ожидали. — Полчашки на дорогу. — И затем, словно только сейчас придумав: — Сэм, Мэйзи как будто хотела перекинуться с тобой словом тэт-а-тэт.

Сэм встал и двинулся — в темноту, где ловушки, где опасности, только сейчас его ничего не пугало. Он чувствовал: Томас смотрит ему вслед, гадая, а что же, собственно, происходит, и слышал шаги Мэйзи за спиной. Он отошел на сорок

шагов и, обернувшись, увидел: костер, а вокруг сидят люди вперемежку из обеих команд в свете огня, который отвоевал немного места у темноты в этой безлюдной пустыне, — картина такая же невероятная, если подумать, как чужеземная Площадка; тут он различил темную фигуру Мэйзи на фоне огня.

— Сэм, — позвала она.

— Дэй. — Он никогда не называл ее по имени.

— Не ожидала, что мы встретимся здесь, — сказала она. — И подольем масла в огонь.

Вот ты и получил. И было за что.

— Никогда не знаешь, чем все кончится, Дэй. — Это все, что он мог сказать. «Никогда». Изысканное слово из стихов.

— Ты бросил «Укротителей», ты бросил всех.

— Если отрекаешься, то сразу от всего.

Идиотская фраза, но ведь это правда. Он мог бы добавить про «Парусник», но она и сама знала. Не могла не знать. Тогда погибли Боукер и Стейн, и «Шпана», команда Крофта Деннера, потеряла большинство своих людей. О них поют в песнях, и прошлое окрашивается в романтический цвет, но на самом деле то было жестокое время, даже для самых опытных команд. Особенно для самых опытных.

— Негодяй.

— Я не по личным мотивам, Дэй.

— Все, что делается, — это все личное, Сэм.

Сердце сделало четыре удара. Но она не ушла. *Ты была с Задирой. В команде соперников.*

— Ты же понимаешь, как мне теперь.

Она пробормотала что-то с отвращением. Еще четыре удара. Все еще не уходит.

— Ты вернулся.

Он мог бы сказать: *благодаря Уолту и Джиму.* Или: *Так время рассудило.* Даже: *Из-за «Парусника».*

— Да, — сказал он, что все объясняло и все в себя включало. *Надеясь, что она понимает.* Одно слово, в котором заключено так много.

— Негодяй.

Давняя закалка спасала его. Он мог бы сказать: *Ну и ладно.* Если уж ты Зорро, то оставайся хладнокровным в любой ситуации. Но не сказал. Промолчал.

— Будь со мной, — попросил он и выдержал ее взгляд, который был очень жестким и в который она вложила все свое презрение, подлинное или притворное, — необузданное грубое чувство, подавляющее даже те эмоции, из которых оно, может быть, выросло.

Два удара сердца.

— Будь ты проклят, — повторила Мэйзи, повернулась и ушла.

Впоследствии, буквально через минуту, и потом, когда Сэм лежал без сна под открытым небом на голой земле, он возвращался к этому разговору снова и снова, пытаясь объяснить то, что не было сказано. Он мог бы сказать: «Помнишь, Дэй, ту ночевку в пустыне? «Парусник» рвал и метал. Команды теряли людей, соперничая друг с другом. Взаимовыручки почти никакой. Помощь извне так и не пришла. Поддержки ждать неоткуда. И то, что мы оказались в разных командах, было как-то оправдано. Мы никак не могли притереться друг к другу. Мы все ужасно усложняли. Ты сама знаешь это». Но все это было не то, что нужно. Совсем не то.

Мэй понимала это. Сердце стукнуло дважды, прежде чем она ушла. И Мэй это знала.

И как назвать все это, если не искуплением вины? Мэй снова вернулась к Задире, ну так и что?

Костер «Усмирителей» светился в километре от них в холодной темноте; там тоже спали тревожным сном, и, вглядываясь в кромешную темень, Сэм представил, что Задира и Площадки — часть сомкнутого обруча, который можно сломать и таким образом освободиться наконец от их мертвой хватки. Ничто не бывает законченным, и ничто не расписано до конца. *Будь со мной.* Разве может кто-нибудь сказать что-то другое?

На рассвете, как только небо окрасилось в розовый цвет, «Укротители» уже были на ногах — отряхивая пыль, совершая омовения и творя молитвы; подогрели консервы и разлили кофе. «Усмирители», нетрудно догадаться, занимались тем же. Собирались молча: теперь не до разговоров, и когда Джим дал команду, отряд выступил из лагеря в классическом боевом порядке, известном как «магический жезл» — ромбом, со стандартным интервалом два метра друг от друга. Анжела шла впереди, на острие ромба. Уолт шагал левее позади нее на месте «орла», Джим был «латной рукавицей», шел справа, на Томасе, «младенце», ромб замыкался, и Сэм позади всех — «лучом». При соприкосновении с врагом Томас перейдет в середину ромба, Сэм тоже продвинется вперед, замыкая боевой порядок.

В каком-то смысле кинофильмы и интернетовские сайты выполняли роль тренера: Томас уже знал, что будут раздавать пластыри со стимулирующим препаратом, и когда через пять минут Джим передал ему первую липучку-стимулятор, он просто прилепил ее, и проделал это уверенно, без лишних вопросов и колебаний. Как будто всю жизнь делал это. Кто бы мог подумать, что кино, телевидение и Интернет экономят столько времени,

постоянно пополняя наш мозг новыми познаниями!

Впереди двигались «Усмирители» под командой Задиры — также построившись ромбом, с ракетным и лазерным оружием наперевес, готовые к встрече с новыми порождениями Площадки, любыми вихрями, «репейниками» и клонами, которые «Двойник» может направить против них.

А «Двойник» надвигался издали, не оставляя сомнений в том, что это еще не совсем развившийся «Парусник». Также торчат вылепленные под старину мачты, некоторые уже метров шесть в высоту, те же полотнища из содранных шкур на реях… Это вовсе не шкуры, ничего подобного, только уже никого не переубедить, что растянутая и надутая ветром парусина выделаны не из человеческой кожи! Тот же отчетливый звук — будто завывает ветер и хлопают паруса: отчасти благодаря этому Площадка и получила свое название. Всем без исключения казалось, что обвисшие паруса с резким хлопком наполняются воздухом и этот звук, повторяясь, раздирает стылый утренний воздух. Тишина, только доносится похоронное подвывание, и «ванты» с «такелажем» издают хлопки, по силе равные пушечному выстрелу, да поскрипывает песок под идущими в ногу людьми.

В считанные секунды «Укротители» перестроили свою оптику на сильное увеличение, и Сэм увидел, как младенец «Усмирителей» — Хенна Джакко (вдруг вспомнилось ее имя) — старательно приклеивает последнюю липучку-стимулятор. Стимулятор, который придает человеку боевой дух. На его глазах Джек Кройфедэр, Мартин Атта и Мэйзи почти одновременно прилепили пластыри, которые обеспечивают единство всей команды. Хенна передвинулась в середину, и Задира замкнул задние грани ромба. Они вступали в соприкосновение с врагом. Рисковать больше нельзя.

До «Двойника» оставалось метров двести, и тут появились его первые перевоплощения. Никаких вихрей, клонов или «репейников» — самых известных его уловок. На них двигались существа, похожие на тех кукол-роботов, что терзали Западную Европу, когда там впервые дали знать о себе «Рикша» и «Раса». Не считая клонов, это самые обычные…

Нет, это вовсе не искусственные создания! Люди!

— Ложись! — крикнул Уолт.

Джим тоже понял, в чем дело.

— Делай, как я!

«Усмирители» как один бросились на землю, Уолт потянул за собой Томаса, а Сэм подтолкнул его в спину; через секунду все целились, приготовившись к стрельбе из позиции лежа. Оптика с самонаводкой поймала цель настолько точно, насколько

позволяли помехи, создаваемые Площадкой.

Сомнения в сторону. Выстрел. Выстрел. Взрыв. Выстрел. Взрыв. Выстрел.

Куклы падали, фонтанчики земли поднимались там, куда попадал их ответный огонь.

— Кто они? — выкрикнул Томас, съежившись в испуге. Донесся запах мочи.

Никто не ответил. Сам делай выводы, новичок!

Между выстрелами Сэму удалось отыскать взглядом «Усмирителей»: тоже лежат и стреляют, но не разглядеть, есть ли у них потери, кто жив, а кто нет.

Куклы падали и падали. Но их так много. Чересчур много. Благодарение богам, что помехи, созданные Площадкой, мешали целиться ее куклам.

Сейчас не время обсуждать эту тему. Сэм перекатился на бок, взял на прицел крайние паруса «Двойника».

Другие заметили его маневр. Уолт добавил огня, выпустив несколько ракет из своего оружия. Джим провел лазером по внешним экранирующим сеткам «Парусника».

«Двойник» нанес ответный удар и, как и надеялся Сэм, поразил все *движущиеся* цели.

Он выбросил свои невидимые щупальца и, подчиняясь каким-то своим закодированным установкам, сорвал и собрал все лица. Именно лица. Схватил и перенес на свой внешний периметр, где привел их в движение — растянул на небе: одно лицо с потрясенным взглядом, затем два, двадцать, огромные плакаты, циклопические портреты, паруса, двадцать, тридцать метров от края до края и, что самое удивительное, лица сохранили полностью свои черты, и, несмотря на размер, их пропорции не исказились.

Выделка парусов.

«Укротители» и «Усмирители» не решались пошевельнуться. Куклы исчезли — превратились во что-то иное. «Двойник» усердно демонстрировал боевые трофеи, точь-в-точь как его жуткий старший брат тогда на солончаке Амадей. Шлепанье парусины исчезло, остался только заунывный вой.

Но на этом дело не кончается. Когда задействуются силы ударных отрядов, операция продумывается досконально. Мишенью становится не «Двойник»! Мишень — они. Ликвидаторы! Они дублируют главный удар.

Конечно, сейчас будет огневой залп! Официально: необходима бомбардировка «Двойника», чтобы не допустить его разрастания. Возможно, было заявлено, что он уже разросся! Обычная практика.

Неофициально: устранение лучших команд тем или иным способом.

Им нужно, чтобы «Двойник» разросся. Старые приемы. Старые ошибки. Все старо, только повторяется в обновленном виде. Новая наука. Новые возможности для активной молодежи, которая вынашивает теории и пробивает себе путь в жизни. Забудь о прошлом. Хватай то, что идет в руки сегодня.

— Воздушный удар! — сообщил Сэм громким шепотом, не осмеливаясь говорить в полный голос.

Стояла тишина, если не считать воющего звука, который происходил, возможно, из-за постоянной перетасовки лиц в небе.

Джимми Луч осторожно повел рукой — очень-очень медленно — и привел в действие детектор шума на своем шлемофоне.

— У них есть координаты, — сказал Уолт.

— Мы этого никогда не узнаем, — добавила Анжела.

Верно, все так и случится.

— Прослушаем эфир, — сказал Джим; он знал, что летные экипажи вряд ли нарушат радиомолчание, но все-таки надеялся хоть что-нибудь услышать.

Так что оставалось только слушать вой и ждать. Дэйзи Мэй занимала мысли Сэма, его злила и чем-то забавляла сложившаяся ситуация. А как не рассмеяться? Не стоит труда отстрелять героев и сделать из них чучела. *Мы ничего не могли поделать!* — оправдаются потом эти напыщенные ослы, шествуя с важным видом. Кого волнуют те несчетные тысячи, что умирают на перенаселенной планете? Но на публике ты расскажи о своей озабоченности, прими надлежащие меры. Чтобы все видели: ты делаешь правильные вещи. Всем наплевать на ликвидаторов, на их секреты — те два секрета, которые известны лишь первоклассным командам, и которые так хочется узнать остальным — непрофессионалам и новичкам. Выбывшие из строя народные герои. Потери станут частью легенды. Избавимся от старых бойцов, вырастим новых. Хлеба и зрелищ!

Сэм засмеялся в песок. Обычные ликвидаторы. От начала до конца. С ними считаются, но ими не дорожат.

— На подходе! — сообщил Джим, не слыша даже намека на радиопереговоры, но улавливая изменение атмосферных помех там, где такие переговоры могли бы звучать. Ощущая незримое присутствие голосов, он взялся за определение дальности с учетом углов и скорости волн, и сообщил свои приблизительные подсчеты.

— В десяти километрах, курсом на нас!

Все знали: его грубые прикидки имеют большую степень

точности.

— Что они сделают?

— Выпустят ракеты, — сказала Анжела. — Прямой наводкой.

— У них нет головы на плечах, — пробормотал Джим, удивляясь беспечности пилотов и глупости тех штабных чиновников, кто разрабатывал операцию. Откуда такое невежество могло взяться там, на высоких должностях!

Это звучало почти как шутка. «По старинке. В который раз. Как получится, так получится». Но ведь это «Парусник», черт возьми!

— Сейчас он получит! — сказал Уолт Сенни, целясь в небо, в лица. — Испортим его трофеи.

— Только не лазером! — предупредила Анжела.

— Гранатой-невидимкой, — кивнул Уолт. — Она не оставляет теплового следа.

— Будем надеяться.

— Надеемся, — повторил за ней Джим.

Сэм обнаружил, что в мыслях у него — Мэйзи Дэй из отряда «Усмирителей», и еще бедный Томас, который лежит в луже собственной мочи, притихший, но, слава богу, живой. Если Хенны Джакко больше нет, он понадобится сильнее, чем раньше.

Уолт прикинул сближение, сделал поправку на помехи — точно как Джим, когда тот, определяя свои десять километров, учитывал направление ветра, шум двигателей и курс, взятый летчиками.

Он выстрелил в лица, точно попал в цель. Паруса загорелись одно за другим, перекашиваясь и вздымаясь на своих невидимых растяжках.

Судя по всему, «Парусник» не обнаружил, откуда произвели выстрел. По крайней мере, немедленного возмездия не последовало. Возможно, выстрел для него — мелочь, пустяк, который не предполагал ответной реакции.

Затем реакция последовала. «Двойник» обнаружил то, что отвечало его требованиям, — мощное движение, он засек самолет на подходе. Он потянулся в ту сторону, выставил паруса. Новые лица растянулись по небу — шесть лиц, здесь, тут и там.

Бомбардировщик проследовал над ними, похожий на распятие обтекаемой формы в вышине, без единой живой души на борту.

Почти сразу атмосферные потрескивания раздались в их шлемофонах, неся точками и тире сообщение от «Усмирителей»: *Хенна погибла. Ваш ход.*

Продолжая прижиматься к земле, «Укротители» сменили тактику. Томас приладил новую липучку к предплечью.

Остальные, действуя медленно и осторожно, прилепили по очереди свои накладки, сообщая громким шепотом: *Готово!* И после того как все сообщили о своей готовности, все так же распластавшись на песке, «Укротители» уже представляли собой команду импульсного воздействия.

«Двойник» еще не имел большого опыта, его ослепил боевой успех, возможно, что первый в истории его существования. Его вдохновляло собственное присутствие в этом мире. Пока «Двойник» ничего еще не подозревал — если вообще существовал интеллект, управляющий его деятельностью, способный подозревать и давать объяснения тому, что он творил.

«Укротители» обрели голос, опору под ногами, силу, они приготовились к нанесению импульсного удара.

Сэм сосредоточил мысли, все свое сознание, больше не смея думать ни о Мэйзи, ни об опасности, ни о тех людях, что дожидались в полной отключке своего шанса на спасение. Он сфокусировал всего себя на Томасе, на том, чтобы через Томаса замкнуться на «Двойнике», на лицах в небе.

Глаза у него остекленели, прояснились, снова остекленели и прояснились, затем остановились на одном из лиц, ставших добычей «Парусника»: лицо с пустыми глазницами, огромное, растянутое во все стороны, двадцать метров от края до края, но не имеющее каких-либо повреждений, только рот застыл в крике, а в остальном черты не искажены. Молодое лицо, похоже, что очень молодое. Это не Мэйзи. Кто-то другой из «Усмирителей».

Он использовал это лицо для концентрации своих усилий. Через Томаса на то лицо.

Трудно сказать, как долго все это продолжалось. Стрелки часов доползли до полудня. Солнце, ярко сверкая, ползло по небу прямо над головой. Стояла поздняя осень, жара еще давала знать о себе, но все же не угнетала и была вполне терпимой.

И уже далеко за полдень колебания стали меняться, в конце концов изменился диапазон звуков, вой пропал, и снова донеслось хлопанье парусины. Где-то люди начали выходить из забытья, протирать глаза от накопившейся пыли, обметать с себя насекомых, растирать руки и ноги, которые занемели или отекли от замедленного кровообращения. Они возвращались к жизни. Оживали! Но кто-то платил за их воскрешение.

Лица исчезли — небо над мачтами и надстройками «Парусника» стало прозрачно-голубым.

«Укротители» справились с заданием.

Они зашевелились, поднялись один за другим с земли, тоже разминая и растирая затекшие, сведенные от напряжения мышцы, радуясь, что остались в живых.

У «Усмирителей» дела обстояли хуже. Трое встали, двое остались на земле. Двое!

«Укротители» направились в их сторону — скорым шагом, но все же с оглядкой, так как местность, над которой возобновились заунывный вой и пощелкивание парусов, по-прежнему представляла собой опасность. Они подошли к тому, что осталось от второй команды.

Хенна Джакко была мертва. Ее молодое лицо было тем парусом, который Сэм видел в небе. И который он использовал.

Вторым был Джек Кроуфедэр — в него попали два выстрела при атаке кукол. Задира, Мартина и Мэйзи укладывали их тела в похоронные мешки — теперь уже без лишней спешки и резких движений. Мешки отволокут как можно дальше от Площадки, туда, где в этих зловещих краях найдется более или менее пристойное место для придорожной могилы.

— Спасибо, — сказал Задира. — Награда ваша, ясное дело.

Никаких вопросов о том, через кого направляли энергию, чем это кончилось, все понимали это и так.

— Поделимся, — сказал Джимми Луч. — Как договаривались. Мы держим слово и закладываем традиции, которые, быть может, переживут нас всех. Вместе вошли в зону, вместе и выйдем из нее.

Задира хмыкнул, не одобряя настойчивую щедрость Джима, считая ее глупой.

— Из-за наших потерь?

— В первую очередь из-за них, — сказал Джим и без тени смущения приказал: — Вы идете на юго-запад мимо «Молельщика». Мы двигаемся в северо-западном направлении. Используем азбуку Морзе при необходимости и голос, когда отойдем на безопасное расстояние. Нужно довести дело до конца.

— Договорились, — сказал Задира. — Скажу своим людям, чтобы не лезли вперед вас.

Уолт проворчал:

— Теперь им надо думать, как попасть в хорошую команду.

Мартина и Мэйзи кивнули, Мэйзи задержала взгляд на Сэме две-три секунды и вернулась к делам, которыми до этого занималась. «Усмирители» приготовились поднять мешки с телами, но и тут Джим опередил их:

— Мы возьмем девушку. Не Джека, а новичка.

Задира кивнул:

— Будем признательны.

Волочить мешки было бы для них большой обузой. И сейчас очень нежелательно замедлять темп. «Двойник» поставил паруса. Он снова может собраться с силами. Вероятность мала, если исходить из имеющейся оценки его возможностей, но опасность

все-таки оставалась.

Команды «Укротителей» и «Усмирителей» отправились каждая в свою сторону — мерным шагом, без особой спешки, как того и требовала ситуация. Они бросили свои вездеходы: возможно, «Парусник» уже превратил их в свои ловушки, и машины теперь сразу распознавались как потенциальная мишень. Так что они двинулись дальше пешком, оставив мешки с убитыми в расщелине между скал. Дорога заняла, казалось, целую вечность, но каждый был рад посвятить ей часть своей жизни.

Впереди просматривалась северо-западная граница зоны, они прижались на всякий случай ближе к контрольно-пропускному пункту «Рувим», и только теперь Сэм затронул щекотливую тему.

— Есть вопросы, Томас?

— О чем? — спросил парень, погруженный в свои мысли. Затем он понял: — Два секрета? Можно спрашивать?

— После схватки с «Двойником» — самое время.

Сэм остановился. И Томас остановился. Остальные ушли вперед, группа разделилась: Анжела и Джим, соблюдая для безопасности большой интервал, двигались на север, Уолт свернул на запад. Уходят, оставив Сэма в роли доброго папаши — или злого дяди, смотря как повернется разговор.

— Что же это за тайны? — Томас спросил прямо, но без вызова. Глядя вслед остальным.

Сэм ответил без колебаний:

— Первое: чтобы спасти тысячи, приходится пожертвовать сотнями.

— Вроде бы правильно. Вполне справедливо. Невозможно спасти всех до единого. Я не… Постойте, или вы хотите сказать, что, когда мы переводим потоки на другую частоту, кто-то всегда умирает? Должен умереть?

Сэм снова неторопливо зашагал, делая вид, что все не так уж трагично. Когда разговор заходил об этом, ему всегда хотелось соврать. Рассказать красивую сказку.

— Копай глубже, парень.

Томас шел за ним по пятам.

— Постойте? Что значит «глубже»? Нам приходится действовать жестко. Естественно, кто-то погибнет. Сильное воздействие на психику…

— Еще глубже, я говорю! — Сэм повернулся и стал у него на дороге. Добрый папаша и злой дядя в одном лице. Пистолет и дуэльная трость наготове.

— Куда же глубже? — Затем лицо юноши словно окаменело, глаза широко раскрылись: рот тоже открылся, как у тех лиц, ставших трофеями «Парусника». — Вы убиваете их! — И еще

тише: — Это мы их убиваем!

Сэм старался говорить как можно спокойнее. Его голос звучал тихо и почти на одной ноте.

— Мы используем энергию нескольких случайных людей, что дает нам возможность спасти остальных.

— И вы использовали *меня* для *такой* цели!

— Как видишь, использовали. Всегда используем. И будем использовать. Каждый раз. Сделка с дьяволом, но это самое большее, что можно выторговать.

— Это убийство!

— Скажем так: неизбежные потери. Свои накрыли своих. Ничего личного. Кто-то должен стать источником нашей силы.

— Но вы убиваете их! — Томас произнес это уже спокойнее, ярость прошла, прошла первая оторопь. И это *вы* беспокоило Сэма. Вместо *мы.* — Вы использовали меня.

— Как бы это ни работало, энергия передается через «младенца». Должна пройти. Мы находим, через кого она может пройти. Ты пересылаешь. Победа малой кровью, если вдуматься. Не такая уж большая цена. Сотни мертвых ради того, чтобы были спасены тысячи.

— Это беспринципно!

— Скорее безнравственно. Но что из двух лучше? Захватывается деревня, город. Как рассудить: или сотни мертвых сразу, или тысячи, которые умрут медленной смертью? От голода. Их грызут насекомые и собаки, они дышат, но сознание полностью отключилось.

— А вы становитесь героями!

Сэм даже не попытался возразить. Что скажешь на это? *Мы всего лишь ликвидаторы, Томас. Просто ликвидаторы.*

— Что же лучше? — все, что он смог сказать.

— Все! — в отчаянии выкрикнул Томас.

— Или мы стараемся спасти хоть кого-то, или пусть все погибают?

— Старайтесь спасти всех! — У парня слезы текли по щекам.

— Не получится. Так что же лучше?

— Одно не освобождает от ответственности за другое!

— Никогда не освобождает. И не может освободить. Найти оправдание — все, что мы можем. Сегодня ты сделал доброе дело. Ты спас тех, кто мог бы умереть.

— Вы убьете меня, если я расскажу обо всем. — Страх исчез из его глаз, он смотрел холодно, понимающе. — Это и есть второй секрет.

— Зачем заходить так далеко? — сказал Сэм. Пора рассказать последнюю красивую ложь: — Мы предложим тебе лекарство,

которое дает забвение. Ты ничего не вспомнишь потом.

— Лекарство забвения? А если я откажусь?

— Мы заставим. Или это сделают врачи из ВОЗа. Или засадят тебя под замок, зашлют куда-нибудь подальше. Остальной мир не должен узнать об этом.

Томас мог бы сказать: *А если я притворюсь? Как тогда?* Но Сэм помнил результаты его тестов и выводы психологов, и он был уверен, что ничего такого парень не скажет.

— Сам подумай и во всем разберись, — посоветовал Сэм и пошел догонять остальных.

— Ненавижу! — крикнул Томас ему вслед. — Я считал вас героями! Ненавижу вас всех!

— Брать на себя ответственность — само по себе героический поступок. Поэтому тебя и выбрали. Я буду в зоне соприкосновения.

Сэм ушел, оставив Томаса сидеть на песке и утирать злые слезы. Когда день склонился к закату, он устроился в тени больших камней, обдумывая в очередной раз все происходящее. Нельзя не оценивать свои поступки.

Что хотят от нас? Сэм спрашивал себя об этом уже в который раз. *Только хороших новостей? Спасайте, но без жертв? Что-то взамен ничего?* Он снова и снова прокручивал в голове все старые вопросы и доводы. Мысли возвращались упорно и с новой силой к Мэйзи Дэй, к Уолту и Джиму, ему вспомнилось, с каким выражением смотрела на него Анжела тогда в «Следопыте», встретив вновь после стольких лет.

У тебя есть предложение. Пусть проведут голосование. Скорее всего, это ничего не изменит. Нет, всем нужны герои, чтобы верить в кого-то, — нужны больше, чем точные цифры и правда, нужен не просто человек, который принимает трудные решения, прикрывается красивой ложью и скрывает такие факты, как этот. Нужны спасители, которые не отступят, даже когда по ним наносится удар с обеих сторон, которые, даже не имея на то намерений и желания, оберегают всех от правды. От правды и от непредсказуемости человеческой природы.

Парень вернулся только ранним утром. Сэм как правило мог с хорошей вероятностью предсказать дальнейшее развитие событий, но на этот раз у него не было полной уверенности. Предохранитель на его пистолете на всякий случай был снят — если дойдет до лекарства, дающего забвение, но кобура оставалась застегнутой. Дуэльная трость покоилась в своих ножнах.

Парень шел прогулочным шагом, пиная пыль.

— Решил стать героем, мистер Эйч, — сказал он,

подстраиваясь, чтобы идти рядом и в ногу с Сэмом. — Вот и все.

— Понятно, — сказал Сэм. — Итак, будем играть свою роль, Томас. Не страшно, что герою приходится иногда делать что-то на публику.

Ник Дикарио — Змееголовник

Nick DiChario (Nicholas A. DiChario). Dragonhead. Перевод К. Васильева

Ник Дикарио публиковался в журналах и антологиях «The Magazine of Fantasy amp; Science Fiction», «Science Fiction Age», «Weird Tales», «Universe 2», «Universe 3», «Alternate Kennedys», «Alternate Warriors», «Alternate Outlaws», «Alternate Turants», «The Ultimate Alien». Совместно с Клодией Бишоп он является составителем антологии мистических рассказов «Death Dines at 8:30». Последняя книга Дикарио называется «Magic Feathers: The Mike and Nick Show», это сборник рассказов, написанных совместно с Майком Резником.

В короткой напряженной истории, которая здесь представлена, автор высказывает мысль о том, что нехватка знаний — опасная вещь, но их избыток может быть просто разрушительным…

* * *

То, что ты знаешь: Лягуха Кермит из «Маппет-шоу» — левша. У Чарли Брауна, что из комиксов, отец был брадобреем. По опросам, двадцать один процент американцев ежедневно изнывают от безумной скуки. В штате Айова причиной шестидесяти пяти дорожных аварий в год являются кукурузные початки. Согласно Книге Бытия, гл. 1, ст. 20–22, курица появилась раньше яйца. Тринадцать человек в год погибают под рухнувшими рекламными щитами.

То, что ты слышишь:

— Как вы оцениваете его состояние, доктор? (Женский голос, вроде как знакомый.)

— Не хочу вас обманывать, госпожа Ланг. На сегодняшний день еще не придумали такого средства, чтобы лечить змееголовник. (Голос мужской, незнакомый и рассудительный.)

— Змееголовник! Не могу слышать это слово! Нечто омерзительное. (Тот же знакомый женский голос.)

— Оно всех раздражает. Это становится болезнью тысячелетия. Наконец-то мы начали осознавать, во что превращает наших детей пристрастие к цифрации. Буду с вами откровенен: большинство молодых людей понимает это слишком поздно. — Цифрация. Еще одно мерзкое словечко. Нет чтоб

сказать: вживленная плата. Или уж совсем как оно и есть: умственный секс. — Должен заметить, госпожа Ланг, что мысленное совокупление и информационный онанизм являются самыми обычными жаргонными определениями для…

— Не нужно читать мне лекции, я знаю, что это такое!

— Прошу прощения.

— Ничего… Просто я… Я в отчаянии! Все рекламируют вашу программу. Ведь у вас были положительные результаты, хотя бы в некоторых случаях?

— Да, у небольшого числа инфицированных наблюдалось некоторое улучшение благодаря направленным сеансам неврошоковой терапии, но об окончательном излечении говорить пока что преждевременно. Большинству пациентов не удается вытянуть свое сознание из информационного потока, даже после того, как вживленная плата удалена и в мозг не поступает новых данных. Шансы вашего сына невелики. Вы должны понять это. Вы действительно хотите, чтобы он прошел через это? (Это же врач, мой врач!)

— У меня нет выбора, ведь так? Нужно хоть что-то делать! Я не хочу, чтобы он погиб, причем так глупо. Я готова на все… на что угодно, лишь бы спасти его. Ян, ты слышишь меня, сынок? Вернись, прошу тебя, очень прошу. Это я, твоя мать. У тебя есть семья, живи с нами той жизнью, что даровал Господь. Неужели для тебя это ничего не значит? (Мать, а что это такое?)

— Прошу вас, госпожа Ланг, пойдемте. Он не слышит вас, а если б и слышал, слова ничего не значат для него, они ничем не отличаются от всех тех слов, что прокачиваются через его мозг. Итак, приступим к лечению. (Это доктор Моро [192], доктор Спок [193], доктор Джекил [194], доктор Аниматор, доктор Кто [195] доктор Игуана, доктор Динамо, доктор Будильник, доктор Мозгосвик, доктор Кипяще-вопяще-гибнущий Рак, которого разыскивают в Новом Джерси за мелкие кражи.)

— Доктор, Ян говорил мне, что цифрация безвредна. Он сказал, это всего лишь татуировка, татуировка на мозжечке. Господи! Боже! Все его друзья делали цифрацию. А он чем хуже других?

То, что ты знаешь:

Звезды. Черные звезды пляшут шмелиную польку, — умножая жгучие укусы, врываясь взрывом в твой мозг, капая — за каплей капля — горячим медом, капая внутри позвоночника. Кожаные ремни. Прохладный, приятно веселящий привкус нейроэлектричества. Каждый волосяной мешочек лепечет сладкую бессмыслицу в твоем черепе. Едва ощутимая тяжесть металла и крови во рту. Это вода сочится из твоих глаз, или

китовые усы, или хвостовые хрящи, или крикетные мячи, или крокетные шары, или программы, или пиктограммы, или колючки с шипами, или шило с тисками. Тяжелый рок подстегивает термитов, и они с удвоенной скоростью прожевывают ходы в древесине. Звук чиханья развивает скорость до ста миль в час. Ноль целых три десятых процента всех несчастных случаев на канадских дорогах происходит из-за лосей. Малыш Рут, выходя на бейсбольное поле, клал капустный лист под кепку, чтобы голова не перегрелась. На стене часы, показывают 4:20 дня или ночи. В фильме «Криминальное чтиво» все часы застряли на 4:20. 4:20. 4:20. Ты бы хотел быть мухой на той стене?

Навечно.

Острый укол… укол… поцелуй… поцелуй… поцелуй…

То, что ты слышишь:

— Ян, это я, твоя мама. (Женский голос, вроде как знакомый.) Ты слышишь меня? Ответь, любимый мальчик. Скажи что-нибудь. Хоть слово. Прошу тебя, Ян, возвращайся ко мне. Возвращайся. (Поцелуй.) Доктор, он не отзывается. Он никак не реагирует.

То, что имеет значение:

Дождевая капля падает со скоростью примерно семь миль в час. В 1924 году в городе Южный Плес, штат Индиана, арестовали за курение, судили и оштрафовали на двадцать пять долларов обезьяну. Ложный змееголовник — это дикое растение из семейства мят, произрастает в лесных чащах, по речным берегам в Миннесоте и Квебеке, в горных районах Северной Каролины; если пригнуть его стебель в ту или иную сторону, он потом не выпрямляется; народное название: послушный цветок.

Терри Биссон — Дорогое аббатство

Terry (Ballantine) Bisson. Dear Abbey (2003). Перевод Н. Фроловой

Перед вами замечательная история, лирическая и печальная, охватывающая период от нашего неспокойного времени до самого Конца Времени, с остановками по пути — для того, чтобы решить, будет ли у человечества будущее и заслужили ли люди его.

Терри Биссон является автором целого ряда популярных романов: «Fire on the Mountain», «Wyrldmaker», широко известного «Talking Man» (этот роман в 1986 году вышел в финал на соискание World Fantasy Award), «Voyage to the Red Planet», «Pirates of the Universe», «Pickup Artist» («Старьевщик») и совместной работы с Уолтером М. Миллером-младшим «Saint Leibowitz and Wild Horse Woman», явившейся продолжением романа Миллера «A Canticle for Leibowitz». Т. Биссон часто публикуется в таких сборниках, как «ScieFiction», «Asimov's Science Fiction», «Omni», «Playboy» и «The Magazine of Fantasy and Science Fiction»; в 1991 году его прекрасный рассказ «Bears Discover Fire» выиграл премии «Небьюла», «Хьюго», Теодора Старджона и премию читателей «Asimov's» — это был единственный случай, когда один получил сразу все известные премии. В 2000 году Биссон стал обладателем премии «Небьюла» за свой рассказ «Macs». Его рассказы выходили отдельными сборниками: «Bears Discover Fire and Other Stories» и «In the Upper Room and Other Likely Stories» («Комната наверху и другие истории»). Его произведения включались в антологии «The Year's Best Science Fiction» за 1991, 1993, 1995 и 1996 гг. Терри Биссон живет вместе с семьей в Бруклине, Нью-Йорк.

* * *

Мы с Ли никогда не были настоящими друзьями, а это что-либо да значит, когда речь идет о периоде с конца октября до Конца Времени. Сначала мы просто вместе работали, были коллегами; если хотите, товарищами. И еще, конечно, попутчиками.

Если вам покажется странным, что знаменитый профессор высшей математики сидит в одном кабинете с человеком, имеющим неполное высшее образование в области американской

культуры и истории, значит, вы просто никогда не работали в колледже, не говоря уже о Юго-Западном колледже Коннектикута. Частично из-за удобного расположения, но в гораздо большей степени благодаря либеральной кадровой политике колледжа он был перевалочным пунктом для профессуры из восточных штатов в ее скитаниях. Ли со своим высоким званием прибыл из Массачусетского технологического института, откуда его якобы попросили после не афишируемого им конфликта с деканом факультета (который, как потом выяснилось, был отвлекающим маневром). Но что поделаешь, у всех нас есть свои маленькие тайны. Я, с другой стороны, как и большинство моих коллег по «Свику» (так называли мы наш колледж в те редкие минуты, когда рядом не было посторонних), был принят на работу без какого-либо собеседования, просто по заполнении нескольких анкет, и мог вполне рассчитывать, что через год или около того, когда мою работу будут оценивать, меня уволят.

Хотя, если честно, меня это совершенно не волновало. Я ведь был тут проездом.

Но достаточно обо мне. Я говорил, что Ли китаец? Он был лет шестидесяти, то есть вполне годился мне в отцы (если вы можете себе представить моего старика с докторской степенью, да и вообще можете представить себе его, — но это другая история). Кроме того, он был китайским политическим беженцем, а это, как мне тогда казалось, могло означать все, что угодно.

Ли стал своего рода знаменитостью в кампусе [196] ведь в МТИ его выдвигали на премию Бэллентайн (своего рода премия Макартура в области математики). Но на аспирантских курсах в Университете Раиса [197] ему явно не пришлось сдавать экзамен по английскому языку, и говорил он на корявом пиджине [198] с резким своеобразным техасским протяжным акцентом. Как будто он учил английский по разговорнику для белых южан-бедняков.

Мы с ним занимали один кабинет на двоих, у нас был один стол, один стул, одна телефонная линия. Считалось, что в кабинете может находиться только один человек. По иронии судьбы нам приходилось пользоваться кабинетом по очереди. У каждого из нас было по небольшому ящику в столе. В своем я хранил бутылку бурбона [199] несколько книг. В ящике Ли — кто бы мог подумать? — лежала машина времени.

Все началось в пятницу, в последний день занятий перед выходными и праздниками, во время которых и без того спокойный кампус «Свика» совершенно вымирал.

С каких это пор Хэллоуин [200] стал выходным днем для студентов? Я терпеть не мог преподавательскую работу, но каникулы и праздники ненавидел еще больше. Особенно эти,

предстоящие. Я пообещал Хелен, что не приду на квартиру, пока она не соберет все свои вещи в небольшую сумку на колесиках. Так же как ее нижнее белье, как, в сущности, и сама Хелен, сумка эта была дорогой и очень соблазнительной при всей кажущейся простоте. Ну и еще, конечно, была ее маленькая собачка. Но хватит о Хелен. Я закончил последнюю лекцию («Афро-американский фольклор в девятнадцатом веке»; в аудитории присутствовала лишь треть студентов, остальные таинственным образом исчезли, как всегда бывает перед каникулами) и заглянул в кабинет, чтобы немного выпить и придумать, чем занять вечер. Ничего особенного. Добро пожаловать в кинотеатр по телефону.

Когда я открыл дверь в кабинет и увидел на своем столе пару ковбойских сапог, сердце у меня чуть не выскочило. Не ужели в Коннектикуте, как и в Нью-Джерси, остались шерифы? (Оказывается, остались, но они не бывают китайцами.) Но ничего криминального не произошло. Это был мой коллега Уон «Билл» Ли — он откинулся в кресле и читал книгу, держа ее в одной руке, а в другой — бумажный стакан.

— Доктора Коул! — приветствовал меня Ли, приподнимаясь и выливая содержимое бумажного стаканчика на свою белую рубашку, которая никогда не гладилась (и никогда не была по-настоящему белой); в кармане ее он всегда носил ручки. По запаху я узнал напиток — мой «Джек Дэниелс» [201]. — Готовьсесь!

Книга была тоже моя — «Банда гаечного ключа» [202].

— Можно просто Коул, — ответил я. — Послушайте, Ли, сидите спокойно. Я заскочил на секунду. А вообще, что вы делаете тут так поздно в пятницу? — Я потянулся к телефону и уже набирал номер 777-КИНО, когда Ли одним пальцем нажал на сброс.

— Готовьсесь, — повторил он. — Только я и вы.

— Я? Чем я могу вам помочь?

— Как говорися в эта хорошая книга, — загадочно произнес Ли. Он вернул бутылку и книгу в мой ящик и вынул из своего мини-компьютер. Потом неожиданно и как-то криво улыбнулся и показал на дверь. — Промосим горло? «Сясливый тяс» [203]?

Я подумал — почему бы и нет? Хэллоуин случается лишь раз в году. Слава богу.

Ли был очень маленьким даже для китайца; волосы у него были темные и, несмотря на то, что короткие, казались нестрижеными. Поверх не требующей глажения рубашки с ручками в кармане на нем была отвратительного вида куртка-сафари. И сапоги — на такие сапоги даже смотреть не хочется.

Так как кампус в буквальном смысле слова находился бог знает где, а машины у меня не было (я в них вообще не верю, и это было одним из главных аргументов Хелен), мы поехали на довольно странном автомобиле Ли. Маленький бар имел, как потом выяснилось, зловещее название — «Пеко».

— Два Джека, — бросил Ли, и тут же на стойке бара появились два стакана с янтарного цвета виски.

Меня всегда поражало, что иностранцы принимают «Джек Дэниелс» за первоклассное виски. Я-то пью его только в память о моей бабушке, которая была родом из Теннесси. Но сейчас — не все ли равно, как убить вечер.

— Ваше здоровье. — Я поднял свой стакан. — За китайско-американскую дружбу.

— Китайско-американская — нет-нет. — Ли с неожиданно серьезностью покачал головой, потом улыбнулся, как актер, который изображает смену настроения. — «Дорогое Аббатство» — да! Банда галетьного клютя — да!

«Дорогое Аббатство»? Я очень удивился, даже насторожился. Но потом решил — нет, так нельзя.

— Гаечного ключа, — поправил я. Я осушил стакан и заказал еще один. — А почему бы и нет? За старика Эда Эбби [204].

Ли улыбнулся и поднял свой стакан, потом подмигнул и сказал:

— За Казинского из Джерси.

— Вау! — Я огляделся по сторонам. Кроме нас в баре сидела только еще одна парочка, да и то в дальнем углу, рядом с музыкальным автоматом. — Откуда ты знаешь?

Хотя я никогда не скрывал, почему меня исключили из Принстона [205], но в «Свике» об этом особо не распространялся. С тех пор прошло уже почти пять лет. Я отсидел одиннадцать месяцев за то, что отказался давать показания относительно взрывов горных подъемников в Поконосе. Никто ничего не смог доказать или даже предъявить официальное обвинение. С тех пор я сознательно отдалился от движения в защиту окружающей среды.

— Пелл проболтася, — сказал Ли. — Не проблема.

— Проболтался, — повторил я. — Как же не проблема, этому Пеллу стоило бы заниматься своими делами, а рот держать на замке. Но я не думал, что ты вертишься в этих кругах.

Это была чистая правда. Я действительно никогда не слышал о том, чтобы Ли общался с «зелеными». По крайней мере, в Свике все «зеленые» были белыми и нарочито вели себя, словно представители богемы, — ни того, ни другого нельзя было сказать о Ли. Да и обо мне тоже.

Но, как всегда, я не смог сдержаться:

— Вся эта заварушка полная ерунда. Я никогда не имел отношения к организации «За спасение Земли» или к тем людям, которых потом арестовали. Меня подозревали потому, что я распространял на своем курсе манифест Казинского [206]. Парни из ФБР схватили меня лишь потому, что им не хватило ума и сноровки найти тех, кто действительно стоял за всем этим.

Это было не совсем правдой, но близко к ней.

— Да и вообще могли бы не чесаться. — Я понемногу заводился, несмотря на то (а может, как раз потому), что Ли с трудом меня понимал. Или мне так казалось. — Движение за охрану окружающей среды это пустой звук. Говорить уже поздно. В арктической тундре бушуют торфяные пожары. В Африке поголовно вымирают слоны. В течение следующего века уровень воды в океане должен подняться на два-четыре фута. Ты хоть представляешь, что это означает?

— Я хоть отень представляю, да, — кивнул Ли. — Платевное затопление на уровне рек.

Мы выпили еще, и он объяснил мне, что имеет в виду, а я понемногу стал понимать его ломаный техасский английский. Оказывается, неделю назад был как раз завершен печально известный проект по постройке дамбы на реке Хуанхэ в Китае, а это означало затопление древних деревень. С каждым новым стаканом то ли Ли начинал лучше говорить по-английски, то ли я лучше понимать его, а может, и то и другое, но я вскоре узнал, что в течение одиннадцати лет Ли проработал инженером на этом проекте и только тогда понял, какую угрозу для населения представляет дамба. После этого он в течение двух лет всеми известными способами выступал против проекта, почему и вынужден был покинуть страну. Тайная полиция Китая преследовала его по пятам.

— Тють спасся, — промолвил он с таинственной улыбкой и с техасским акцентом, который, казалось, давался ему без особого труда. Я по-новому взглянул на своего коллегу. Одиннадцать месяцев в федеральной исправительной колонии Алленвуд ничто по сравнению с тем, что могут сделать с человеком в Китае, попадись он в руки тайной полиции. А я еще пытался его тут учить!

— Значит, за Теда, — сказал я.

Я и не старался говорить тихо. Кроме парочки в дальнем углу и нас с Ли в баре был еще лишь бармен, мрачный коннектикутский янки, вежливо державшийся подальше от посетителей. Он протирал стаканы и смотрел теленовости, если очередные убийства городских наркодельцов можно считать

новостями.

— За Теда? — переспросил Ли, поднимая свой стакан.

— Теда Казинского. Потому что этот сумасшедший в общем-то прав, как это ни прискорбно. — Я заказал еще виски. — Мы живем в период, который правильно назвали Шестым Вымиранием. Продолжающееся сумасшествие — безжалостное, безудержное и безрассудное уничтожение планеты — сводит на нет те небольшие успехи, которые достигнуты в борьбе против расизма, национализма, жадности и невежества. Ведь они не могут даже договориться, чтобы остановить глобальное потепление; они даже не могут его признать как процесс, потому что…

— Тогда потему не Пелл? Потему не «зеленые»?

— Потому что, Ли, потому что.

— Потему тогда не «Гаетьный Клють», Коул? Потему не «Дорогое Аббатство»?

— У-ух! — громко вскрикнул я. Снова это «Дорогое Аббатство». Теперь это уже вряд ли можно было назвать случайностью. И Ли вдруг так загадочно улыбнулся, что я понял — он все знает.

«Наверное, он из полиции», — сразу мелькнуло в голове. Я держал в руках пустой стакан.

— Черт тебя побери. О чем это ты болтаешь?

— О том, о чем все мы говорим вот уже два с половиной года, — раздался знакомый голос из угла, где стоял музыкальный автомат.

Внезапно я протрезвел, или так мне показалось. Сердце (или то, что я привык считать сердцем) бешено колотилось в груди. Я обернулся и всмотрелся в лица тех двоих; они вышли из темного угла и направлялись к нам. Один из них был, конечно же, Пелл. Я мог бы и раньше догадаться. За Пеллом шел мой самый дорогой, самый беспокойный друг; вот уж кого я совершенно не ожидал увидеть.

Джастин?

Когда сталкиваешься с человеком, который прячется от властей, никогда не знаешь, как себя вести, особенно если при вашей встрече присутствуют и другие люди. Даже если ясно, что встреча не случайна, как обратиться к ним? Как они сами называют себя теперь? Кто из них кого знает? И что? В такой ситуации думать тоже бывает некогда.

— Джастин?

— Теперь меня зовут Фло, — поправила она. — Не обнимешь меня?

— Конечно, конечно. — Я тут же ее обнял. — Но что, черт

побери, ты тут делаешь? Да еще вместе с…

Любой взгляд в сторону Пелла расценивался бы как грубость. Я взял себя в руки и посмотрел.

Пелл улыбался. Самодовольно? Глупо? И то и другое. Он подошел к стойке и встал рядом с Ли, но выпить себе не заказал. Естественно. Он ведь при исполнении.

Джастин, она же Фло, тоже. Если вы думаете, что я буду описывать ее внешность, вы ошибаетесь. Да и к чему? Выглядела она точно так же, как на фотографии в списке «Разыскиваются: самые опасные преступники Америки», только цвет волос изменила. Благодаря двум подросткам, которые вломились в здание Скайлайн, чтобы украсть мобильные телефоны, этот портрет видело не меньше шести миллионов людей.

Правда, подростки часто убивают сами себя или друг друга, им для этого не нужна помощь защитников окружающей среды. Но я отвлекся…

— Приятно видеть тебя снова, Коул, — сказала она, удостоверившись, что бармен нас не слышит. — Хотя встреча, конечно, не случайная.

— Ну, я не удивлен, — ответил я. — Но тоже рад тебя видеть. Надеюсь, все в порядке. Я ничего о вас не слышал. На верное, это уже неплохо.

— Да, — согласилась она. — Все было спокойно. Мы ушли в подполье. Чтобы сбить с толку «этих идиотских шутников». Твои слова, Коул. Я знала, что тебе понравится. Бармен?!

— Я думал, вы пришли сюда не пить.

— Нет, но, хочешь — верь, хочешь — нет, виски играет у нас особую роль. Я хотела представить тебе доктора Ли, и такой способ показался мне самым подходящим.

— Представить? Мы сидим с ним в одном кабинете.

— Да, какое совпадение, не так ли? Но я имела в виду представить тебе его с политической точки зрения. В этой области вы тоже товарищи, хотя ты, наверное, уже догадался.

— Говори напрямую, Джастин. Что ему известно о «Дорогом Аббатстве»? Ведь все дело в этом, так?

— Меня зовут Фло. И конечно же, да, мой друг и товарищ, да.

Теперь уже вы, наверное, все знаете, и тогда, значит, знают все; а если вы не знаете, то это уже не имеет никакого значения. В общем, «Дорогое Аббатство» — это радикальный долгосрочный план спасения окружающей среды, на фоне которого даже Тед Казинский покажется матерью Терезой. По этому плану вследствие применения очень сложной генно-инженерной схемы у людей будет атрофирована способность загрязнять окружающую среду. Слово «атрофирована» используется как рабочий термин.

Терроризмом это назвать нельзя — людей никто убивать не собирается, по крайней мере в привычном смысле; никто даже и не поймет вначале, что именно происходит, а потом, когда пройдет лет десять, уже невозможно будет ничего изменить. Цена велика, но гораздо хуже вообще ничего не делать или продолжать топтаться на месте, как делают эти недоумки из движения в защиту окружающей среды.

«Дорогое Аббатство» — это то единственное, что еще связывало меня с организацией «За спасение Земли». Идея плана была не моя, но я одним из первых оценил всю его дальновидность и всячески отстаивал. Я потерял интерес к нему лишь тогда, когда понял, что в ближайшее время ничего не выйдет — пройдут десятилетия, прежде чем наука будет достаточно развита для подобных задач. А мир, я считаю, не может ждать столько.

— В Китае «Дорогое Аббатство» вызвало большой интерес, — сказала Джастин, она же Фло. — Конечно, здесь «Дорогое Аббатство» тоже необходимо, и как можно быстрее, но в Азии вопрос стоит намного острее.

— Не забывай о маленькой, но существенной детали. Наука еще не созрела.

— Скажи это китайцам. Они утверждают, что смогут все сделать. Говорят, что нашли недостающее звено. И тут как раз в игру включается наш друг.

На меня вдруг нахлынула волна надежды, но я боялся поверить.

— Невозможно! Мне говорили, что для нашего плана необходима совершенно новая технология разработки последовательности аминокислотных отрезков в генах, а для этого требуются такие математические выкладки, которые еще не…

Она пожала плечами, улыбнулась и прервала меня:

— Ли нашел недостающее звено. Он знает, как сегодня можно выйти на уровень технологий завтрашнего дня.

— Ну да, как же. С помощью путешествия во времени.

— Не ехидничай, Коул. Никакой фантастики; если верить Ли, все дело в какой-то математической квантовой неопределенности. Китайцы намного опередили нас. Ведь Ли получил награду за компьютерную программу, которая выполняет все команды на несколько наносекунд раньше, чем эти команды подаются.

— Да, на несколько наносекунд, но…

— Да, но без «но». Вы с Ли должны с помощью специальной компьютерной программы заглянуть в будущее и узнать

последовательность аминокислот в гене, с помощью которой можно будет запустить в действие план «Дорогое Аббатство». Недостающее звено. Спусковой крючок. То единственное, чего нам не хватает. Я не могу тебе все объяснить, но для выполнения этой операции нужны двое.

— Путешествие во времени. Научная фантастика. Но почему именно я?

— Мы тоже хотели принять в этом участие, а китайцы затребовали тебя. Кто их знает почему, — может, они считают, что так соблюдается расовое равновесие. Может, из-за того, что ты сидел, — значит, тебе можно доверять. Может, потому, что ты уже связан с Ли, хотя и тут я не уверена, что все произошло само собой.

Я тоже подумал об этом.

— И когда начало?

— Сегодня вечером. Осталось меньше часа. В девять.

— Ты шутишь.

— Нет, Коул. Может, шутишь ты. Может, шутил, когда сказал Большой Птице, что если, ты нам понадобишься для «Дорогого Аббатства», ты всегда готов.

Большая Птица — так назывался центральный комитет организации «За спасение Земли».

— Но вот ведь я, так?

— Тогда не задавай дурацких вопросов. Воспринимай это как по-восточному непостижимое. — Она убедилась, что Ли нас не слышит, — они с Пеллом сидели за стойкой спиной к нам, — и только тогда продолжила: — Мне все это тоже кажется немного странным. Может, просто Большая Птица хочет наладить отношения с китайцами, подольститься к чокнутому профессору. Ну и что? Если Ли не врет и все сработает, а меня уверяли, что так именно и произойдет, тогда мы сможем претворить «Дорогое Аббатство» в жизнь. Если же ничего не выйдет, что тоже возможно, у нас появится союзник, а ты потеряешь всего час времени.

— И попаду в полицию, а то и хуже. А что, если они замышляют какую-нибудь дурацкую кражу со взломом?

— Сомневаюсь. Ли ведь удалось сбежать из Китая, а после этого еще и попасть в Массачусетский технологический. Держись доктора Ли и смотри в оба, Коул. Твое присутствие означает, что они нам доверяют; это уже само по себе настоящий прорыв. И потерпеть-то всего час, о'кей?

Я уже решил, что соглашусь.

— О'кей. Но сначала ты должна ответить мне на один вопрос.

Она настороженно взглянула на меня.

— Какой?

— Почему ты в этом участвуешь под именем Фло?

Ли и Джастин, она же Фло, обговорили последние детали, а я тем временем допил свой последний стакан. Фло была такой надменной, такой таинственной. Ли совсем не был пьян, но кто может сказать, каким должен быть китайский революционер-математик после выпитого виски? Пелл выглядел как всегда: незначительным и ненадежным. Но разве я мог оспаривать решения Большой Птицы? Все уже продумано. Когда такая организация, как «Спасение Земли», уходит в подполье и находится под постоянной угрозой разгрома, о демократических решениях мечтать не приходится. Чем меньше знаешь, тем лучше.

Фло взглянула на часы.

— Пора, — сказала она. — Удачи тебе, Коул. — Она поцеловала меня в обе щеки и отошла.

— Что это, Сопротивление? — Я спрашивал не столько ее, сколько себя; ведь Фло с Пеллом уже вышли через заднюю дверь. На первый план выступило то единственное в моей жизни, что вообще имело смысл. Я со стуком поставил пустой стакан на стойку бара.

— Доктор Ли, я в вашем распоряжении. Давайте действовать.

— Идти за мной. — Китаец улыбался до ушей.

1

Мы с Ли вышли через главный вход. В руках у профессора был дипломат, исписанный формулами; от этого вид у него был еще более глупый. Когда он объяснял технические детали плана, его ковбойский английский становился вполне вразумительным.

— Согласно Барбуру, Хокингу и Лю Суню, — сказал он, когда мы сели в его автомобиль, — Время — это иллюзия. Мы живем в вечном настоящем, существуем каждую секунду во всех эпохах. Отдельные Вселенные, как бусины на нитке.

— Это я слышал, — ответил я. — Мы бусины, Время ожерелье. Но какое отношение имеет эта теория к нашей задаче?

— Ожерелье Времени петляет, — таинственно произнес Ли.

— Ну и что? — Я был не так уж пьян, но и не трезв. Мне было интересно узнать, куда мы направляемся, но я решил не задавать вопросов. Моя роль заключалась, насколько я понимал, в том, чтобы создавать иллюзию вестерна — стрелять, скакать и т. п.

Автомобиль Ли производил много шума. Мы ехали по булыжной мостовой назад в сторону кампуса. Я с трудом различал то, что говорил мне Ли, а он продолжал объяснять, что, так как Время понятие относительное, доступ к алгоритму

должны иметь два человека — в связи с «субъективная фактора», как он выразился.

— Какому алгоритму? — просто ради вежливости спросил я.

— Математического проникновения в завтрашний день.

— Значит, наше путешествие во времени имеет какое-то отношение к математике?

— Именно так, — ответил Ли и повернул к кампусу.

— Понятно, — ответил я.

Китаец включил первую скорость, и машина задергалась. Китайцы, похоже, думают, что таким образом можно ехать быстрее. Оказавшись снова в кампусе, я почувствовал себя увереннее. Даже теория чокнутого профессора казалась тут более или менее связной. Час, потерянный в знакомой обстановке: и окажу услугу Большой Птице, и обещание, данное Хелен, выполню. Я же сказал ей, что не вернусь на квартиру до десяти часов. По крайней мере, тут реальное дело, а не какой-то там кинотеатр.

Но дальше я уже чувствовал себя не так уверенно. Ли проехал мимо здания факультета и остановил машину у студенческого корпуса. Здесь я редко бывал. Хотя занятия уже закончились и почти все разъехались на каникулы, но повсюду раздавалась громкая музыка в стиле рэп — еще одно доказательство того, что большинство студентов Свика истинные головорезы и хулиганы; словно это и так не ясно, вон, стоит лишь взглянуть на тех немногих, что еще бродят по кампусу.

Дальше — хуже. Оказалось, что у Ли есть ключ от подвала.

Мы спустились туда, он закрыл дверь и включил свет. Мы стояли в большом пустом помещении без окон, с бетонным полом, словно я вернулся в детство, в Теннесси, и попал в подвал церкви. И даже на стене висели большие часы, как и там; мальчиком я подолгу за ними наблюдал.

На часах было восемь сорок семь. Еще рано, впереди длинный-длинный вечер, самый длинный в моей жизни, как выяснится потом.

В центре подвала стоял знакомый предмет, но совершенно непонятно как тут оказавшийся. Планер — старинный, металлический; именно такой мы использовали вместо качелей на террасе в доме бабушки в Теннесси. Планер был выкрашен в тускло-оранжевый и голубовато-серый цвет, висел он на низко опущенной квадратной раме.

Сначала я решил, что попал на склад блошиного рынка или распродажу старья, но потом заметил загадочную улыбку Ли.

— Это она и есть? — Я пнул планер, он заскрипел. — Твоя машина времени?

— Нет. — Ли достал из дипломата мини-компьютер и постучал пальцем по маленькому дисплею. — Вот математика завтраснего дня. Планер просто для сидеть.

Я подумал, что наш час может затянуться, но все же забрался в планер и попробовал раскачаться, как на качелях. Я помнил этот скрипучий звук — звук моего детства. Он больше походил на жалобный, пронзительный визг. Мне он всегда напоминал мышиный писк.

— Субъективная фактора, — произнес Ли. Он поставил свой дипломат на пол рядом с планером и сел рядом со мной. — Сидим на одном металле. Одинаковые уравнения полей. Двигаемся, но остаемся на месте. Все хоросо для математики завтраснего дня.

Математика завтрашнего дня.

— Пусть будет так, — ответил я. — И что теперь — раскачиваемся? — Я пнул планер.

— Придерзи лосадей. — Ли затормозил ногами, планер за крутился вокруг своей оси и остановился. Ли показал на часы. — Петля начинается в девять.

— Пусть так. — Было восемь пятьдесят шесть.

— Придерзи лосадей, Казинский из Джерси. — Он улыбнулся и достал из кармана своей ужасной куртки-сафари какой-то предмет, который я принял за зажигалку. Но оказалось, что это малюсенькая (и довольно милая) цифровая камера.

— Смотри! — сказал он.

Я сунул камеру в карман и пожал плечами. Часы на стене показывали восемь пятьдесят восемь. Я подумал, что если продержусь этот час, то в результате все останутся довольны, а я в десять ноль-ноль спокойно смогу пойти домой. Я представлял себе, каково будет в квартире без Хелен, но не мог представить, как там будет без ее маленькой собачонки.

Ли что-то крутил на своем ручном компьютере, на маленьком дисплее мелькали цифры.

— Три пути, — сказал он, не поднимая глаз. — Три возмозных слутяйностя. Первая слутяйностя — алгоритм не работает, никто нитего не теряет и нитего не полутяет. Самая вероятная слутяйностя. Второй алгоритм завтраснего дня слиском хоросий, а это знатит, сто мы улетим слиском далеко, до самого Конца Времени. Третий алгоритм правильной работы, в этой слутяйности мы пролетаем ссерез мультивселенную одну микросекунду, потом кусокь побольсе, потом ессе больсе и до трех…

— Ого, — сказал я. — Конец Времени?

— Вряд ли, — заметил Ли. — Только если квадратный кореня

из квадратного кореня первой бесконетьной прогрессии раз делится на третье целое тисло нижнего равенства, сто вряд ли. Так сто нет проблем.

Нет проблем? Судя по часам на стене, было девять ноль-ноль.

— Ну вот, теперь вперед. — И я слегка раскачал планер.

— Придерзи лосадей! — Ли взял меня за руку. — Дерзи руки! Субъективная фактора.

Держи руки? Но я не успел ничего сказать — Ли нажал кнопку «ВОЗВРАТ» на компьютере. На экране одна за другой замелькали цифры.

Ли раскачивал планер изо всех сил, я пытался удержать его в равновесии (точно так же, как делал в детстве с бабушкой), и вот я снова услышал писк целого полчища мышей.

Цифры мелькали все быстрее и быстрее, пока экран жидкокристаллического дисплея не превратился в одно цветное пятно. Мы раскачивались туда и сюда, как обычно бывает на планере, — никакой дуги, никакого движения вверх-вниз, просто вперед и назад. Что-то стало мигать у меня перед глазами: то ли свет в помещении, то ли еще что. Часов на стене я уже не видел, да и стены самой тоже. Внезапно и скрип прекратился, а вот мигание — нет. Вдруг я почувствовал резкую боль в колене и старый, знакомый запах…

Затем планер снова заскрипел и почти перестал качаться; экран портативного компьютера Ли был чист, только в самом центре мигал курсор (я обратил внимание на него, потому что курсор не должен находиться в самом центре экрана). Я огляделся, все показалось мне совершенно незнакомым — так часто бывает, когда неожиданно просыпаешься от глубокого после обеденного сна в собственной комнате.

На часах было девять пятьдесят пять.

Ого! Я показал пальцем на часы и спросил:

— Как это тебе удалось?

Ли улыбнулся. Все той же таинственной улыбкой…

— Что произошло?! — спросил я, вытаскивая свою руку из руки Ли. Боль в колене прошла. Запах еще остался, но он быстро улетучивался, подобно сну. Такой знакомый, вот-вот, кажется, я вспомню, но нет, все прошло, и запаха не осталось.

+1

— Нитего не понимаю, — сказал Ли. — Ну да ладно. — Он уже набирал новые цифры. — Попробуем прыгнуть ессе один кусок.

Коул не успел возразить, как Ли снова нажал на кнопку

«ВОЗВРАТ» и экран опять заполнился цифрами. Ли схватил Коула за руку и оттолкнулся одной ногой от пола.

Коул тоже оттолкнулся, чтобы выровнять планер, и опять послышался мышиный писк. Дружный мышиный писк. Сначала у часов исчезли стрелки, потом пропали и сами часы. Стены замигали. Коул попробовал закрыть глаза. Опять появился старый, такой знакомый запах, но затем исчез. И снова резкая боль в колене…

Планер перестал скрипеть. Остановился в самом заднем положении. Мир слегка накренился… но планер был неподвижен.

Коул посмотрел на часы, но стены вообще не было на месте. Где-то вдалеке он заметил нечто напоминавшее хребет динозавра. Он даже испугался, потом сообразил, что это всего-навсего Силл — небольшая базальтовая скала, проходящая по территории кампуса Свика.

— Фотографируйся, — промолвил Ли со своим неизменным техасским акцентом.

Коул совсем забыл о маленькой фотокамере. В камере был объектив, который мог изменять фокусное расстояние, но вокруг стояла такая темень, что различить можно было только неровные очертания базальтового холма. Коул щелкнул пару раз, надеясь, что что-нибудь да получится.

— Где мы находимся? — спросил он у Ли.

— Понятия не иметь! — Голос Ли звучал откуда-то издалека, будто он говорил через какую-то длинную трубу.

— Как мы оказались на улице? Что происходит?

— Силл! — Ли ткнул пальцем в сторону холма.

На улице было холодно. Коул принюхался, но запаха не было. Тут он сообразил, что они снова раскачиваются. Пока еще он видел Силл, но вскоре холм исчез. Ли выпустил его руку. Их снова окружали стены подвального помещения.

Часы показывали девять ноль семь.

— О'кей. Что происходит? — снова спросил Коул. Он и сам понимал, что задает глупые вопросы. — Теперь часы снова в порядке. — Или, может, он ошибся в прошлый раз?

— Силл. — Ли показал на камеру.

С обратной стороны фотокамеры был небольшой экран. Коул нажал на кнопку, и на экране появился темный силуэт Силла — настоящий стегозавр.

Но каким образом?

— Ли, черт побери, что происходит? Куда делась стена?

— Будуссее! — пожал плечами Ли. — Мозет, стены просто нет. Или мы видим терез кусок времени, как терез пропеллер. Не знаю.

— Вау! Здания нет? Ведь вместо него может быть парковка для машин, и тогда мы окажемся замурованными в бетон. — Коул вспомнил, что читал что-то подобное в старых комиксах о Супермене. Бабушка в Теннесси запрещала читать ему вся кую ерунду, но в Бруклине он хранил целую подборку журналов. Мать не обращала внимания на то, что он читал и читал ли вообще.

— Без паника! — Ли снова схватил Коула за руку. Коул попытался вырваться, но Ли крепко держал его. Его не поймешь. Настоящая китайская головоломка. — Ессе разок. Попробуем сразу три!

— Подожди! — До Коула постепенно стало доходить, что они действительно путешествуют по времени, и вся затея нравилась ему меньше и меньше. Но Ли уже нажал на кнопку «ВОЗВРАТ», снова раздался мышиный писк. Планер опять раскачивался. Коул выровнял его в воздухе, как мог.

Теперь он вспомнил про боль в колене. Он называл это старой футбольной травмой, полученной еще в колледже. На самом деле он просто упал с лестницы, когда они украшали спортивный зал к встрече выпускников. Но вот запах вспомнить он не смог…

Опять стало холодно. Планер остановился. Тишина, никакого скрипа, вообще ни звука. Стена, часы, подвал — все исчезло; их окружала холодная тьма. Коул видел снег, он даже чувствовал его запах. Он услышал хлопок и вспомнил, что в детстве так хлопали цепи качелей, но у планера не было цепей.

Самое странное заключалось в том, что ничто не казалось ему странным. Снег, часы, путешествие во времени.

— Мы действительно двигаемся во времени, — сказал Коул.

Теперь он уже не спрашивал.

— Всю зизня путесествуем по времени, — ответил Ли. — Только не взад-вперед.

— И где мы теперь? — И тут Коул снова увидел Силл. Не ужели холм все время был у него перед глазами? Окружающий мир словно сворачивался. Красное, как огонь, солнце опускалось за Силл, где-то вдали раздавался заунывный вой сирен.

Коул уже хотел было сфотографировать все, как его остановил Ли.

— Смотри! — И он показал в сторону свободной правой рукой. Там была стена, — нет, окно. И кто-то лез в него. Сначала появилась нога в пластиковом ботинке. Потом автомат, его сжимала огромная рука в перчатке. Затем появился шлем, руки, плечи.

Мужчина, небольшого роста, белый. С короткой черной бородой. Он снял шлем, его лысая голова блестела от пота.

Взглянув еще раз на мужчину, Коул сообразил, что они с Ли находятся выше уровня пола, где-то под потолком.

Лысый мужчина поставил автомат в сторону. Автомат был странного вида, сделан из пластмассы, но настоящий. Потом мужчина снял обе перчатки. Тут Коул вспомнил про камеру и сделал снимок.

Мужчина взглянул вверх. Он был азиатом, как и Ли, только бородка совсем небольшая. Может, он услышал щелчок камеры? Мужчина посмотрел прямо на Коула, но, совершенно очевидно, никого не увидел. Потом достал из нагрудного кармана лист белой бумаги и развернул его. Лист был исписан ровными рядами цифр. Мужчина обеими руками поднял развернутый лист, и Коул сообразил, что ему следует сделать еще один снимок. Но он не успел сфотографировать, голова мужчины вдруг резко дернулась в сторону, фонтаном брызнула кровь — кровь и осколки костей, бело-красное месиво — на стену, на пол.

Лист бумаги выпал из рук мужчины прямо на грязный, заваленный мусором пол. Коул чуть не выронил камеру…

— Черт побери!

«Кто это сказал: я или Ли?» — подумал Коул. Ли наклонился вперед, слишком далеко вперед. Коул поймал его и усадил назад. Они снова раскачивались, и снова вокруг стоял мышиный писк. Свет в помещении опять замигал, потом мигание прекратилось. Они вернулись. Часы на стене показывали девять одиннадцать.

— Терт побери! — Ли выхватил из рук Коула камеру и быстро проверил изображение на экране. — Терт побери!

— Что черт побери? Значит, это было то, что мы ищем? На том листе? Где мы были? Где мы теперь? — Коул вылез из планера и попрыгал по кругу на цементном полу. Он с трудом передвигал ноги. Очень болело колено. Часы работали как обычно. Девять двенадцать. Неужели раньше ему просто показалось, что они показывают девять пятьдесят пять? Сверху глухо доносилась музыка в стиле рэп; только низко звучащая мелодия, слова, слава богу, было не различить. Все казалось вполне обычным, но…

Они только что путешествовали во времени!

— Нет снимка! — Ли склонился над своим портативным компьютером. — Потеряли тисла. Математика завтраснего дня!

— Дай я посмотрю. — Коул взял камеру и просмотрел изображения. Вот Силл, вот мужчина пролезает в окно, а потом — пусто.

— Ли, что здесь происходит?

Коул уже собирался отдать камеру Ли, как тяжелая музыка наверху внезапно стала еще громче. Дверь в подвал отворилась, и

показалась голова Паркера. Коул называл его Паркером лишь про себя. Это был начальник службы безопасности кампуса, полный негр с немыслимого вида прической, которую так любили поклонники Лэтрелла Спрюэлла [207]. Огромный детина, туповатый полицейский по найму с книжкой Стивена Кинга в одной руке и фонариком в другой.

— Доктор Ли! Мистер Коул? — Паркер открыто презирал Коула и всегда называл его «мистером»; видимо, этим он хотел подчеркнуть свое презрительное отношение к отсутствию у Коула научных званий. — Мне показалось, я слышал шум. Что, интересно, вы тут делаете в такое время? Вы случайно не…

— Нет, мы «не», — ответил Ли. — Нет проблема.

— Ну что ж. — Заслуженному профессору колледжа Паркер доверял. — Но в десять я должен буду все закрыть.

— Нет проблема! — ответил Ли. Как только дверь затворилась, он повернулся к Коулу и выругался: — Ну и болвана!

— Ну да, — согласился Коул. — Ли, но где все же мы были? И тот лист бумаги — это что? Формула или план «Дорогого Аббатства», который мы должны добыть?

— Будуссее. Все спутали. Все поело прахом.

Будущее. Спутали. Прахом. Словно это что-то объясняет. Но ведь объясняет же. Коул побывал в будущем, и самое удивительное, что ничего удивительного он там не заметил. Все как обычно. Шестое Вымирание. Обреченный, потерянный, умирающий мир, сам себя же и уничтожающий. Ирония заключалась еще и в том, что все выглядело, как и теперь. Просто еще одно убийство.

— Мы на самом деле путешествовали во времени. И вмешались в будущее, так?

Ли мрачно кивнул и еще внимательнее вгляделся в свой мини-компьютер.

Коул протянул камеру Ли, чтобы в этот раз она была у него.

— С меня довольно. Мы действительно путешествовали во времени. Как далеко? В каком мы были году?

— Три? Сесть? — таинственно пробормотал Ли и сунул камеру в один из многочисленных карманов своей жуткой куртки. Потом потряс мини-компьютер. — Тисла спутались. Но давай попробуем ессе.

— Ты говорил, что будет всего три попытки. Мы уже их сделали. К тому же мы ведь впутались в будущее и все испортили.

— Тисла спутались, — повторил Ли. — Нет формула. — Он показал на мигающий курсор на экране своего маленького компьютера. — Поехали.

— С меня довольно, — сказал Коул, но Ли схватил его за руку и усадил рядом с собой на сиденье. Может быть, Коулу надо было проявить физическую силу. Может быть, любопытство перевесило. Возможно, ему надо было уйти. Но и Хелен и другие, включая его собственную бабушку, всегда говорили, что ему не хватает решимости. А Время, подобно отливу, уносило их все дальше от берегов Настоящего, затаскивало в пучину Всего Того, Что Еще Должно Случиться.

1 +

Вот они снова, мыши; и часы на стене опять исчезли.

А потом и сама стена.

Коул посмотрел на мини-компьютер Ли, но и его не смог найти. Все вокруг мигало. Нельзя сказать, чтобы все было не так, но как-то не совсем так. Сначала он почувствовал холодный ветер, а потом опять этот знакомый, но никак не поддающийся определению запах, и боль в левом колене. Мигание прекратилось, просто исчезло, и все, и Коул успел подумать: «Хорошо! Наверное, произошла ошибка, и мы никуда не попали», — ведь сверху раздавалась все та же навязчивая музыка рэп. Нет! Что-то не так. В воздухе кружит снег. Они вновь на улице, на каком-то невысоком холме, а перед ними расстилается длинная серая долина, и этот навязчивый звук… Барабан.

Траурный, ритмичный звук барабана подобен биению сердца.

Бум-бум-бум.

Подвальное помещение исчезло, он снова видел Силл — базальтовый холм темным силуэтом вырисовывался сзади на фоне желто-серого неба. Воздух был холодным и каким-то сладким. И вдруг Коул узнал этот запах. Это был запах гниющих остатков; запах моря во время отлива, запах смерти.

Маленькой смерти.

— Где мы теперь? — Коул крепко сжал руку Ли. Ли не противился.

— Нет понятия, — ответил он и уставился на экран своего компьютера. — Ну и прызек. Тифры просто бесеные!

— Я слышу звук барабана.

Ли показал рукой в сторону, даже не поднимая глаз от экрана. Коул вгляделся получше и рассмотрел цепочку всадников (сначала он принял их за некую изгородь или ряд деревьев). Всадники стояли на фоне желто-серого неба и заслоняли собой весь горизонт.

У камеры был объектив с переменным фокусным расстоянием, и сейчас он воспользовался им как подзорной

трубой. Он разглядел, что каждого всадника сопровождают двое пеших, но не смог понять, что это за люди и во что они одеты. В руках они держали длинные шесты с черными флажками и черные знамена. В небе кружили черные птицы.

Коул щелкнул камерой и передал ее Ли.

— Какая-то траурная процессия, — сказал он.

— Темные века, — ответил Ли, взглянув в объектив. — Мир посел обратно. Грязь не водица.

Коул подумал было, что Ли вспомнил какую-то техасскую поговорку, но потом сообразил, что перед ними пролив Лонг-Айленд. Вместо воды в нем была грязь.

— Это значит, что на севере льды? А как же насчет глобального потепления?

— Нет понятия, — мрачно ответил Ли, протянул Коулу камеру и снова уставился на экран своего компьютера.

Планер остановился, но до земли Коул дотянуться не смог. Вблизи он вообще ничего не видел, только вдали, где на горизонте вырисовывались всадники. С севера надвигался туман.

Бум-бум-бум.

Холодный ветер. Коулу хотелось облегчиться, но выйти было некуда. Несомненно, они попали в будущее. Увиденное сначала забавляло его, потом вызвало презрение и скепсис, но в конце концов он поверил в его реальность, не переставая удивляться. Каков бы ни был алгоритм у Ли, но он работал. Все было более чем реально. И будущее оказалось именно таким, каким его со страхом представлял себе Коул.

Никогда еще он так не расстраивался оттого, что был прав; ученому подобное чувство незнакомо. Словно девятилетний ребенок случайно нашел под кроватью своего сумасшедшего дяди смертельное оружие и расстрелял из него всех своих родственников и знакомых, думая, что, как в телешоу, они сейчас встанут, отряхнутся и будут смеяться.

Но шоу закончилось, а никто на ноги не поднялся.

Коулу хотелось плакать. Он посмотрел на Ли, тот покачал головой, словно понимал, что творится в голове у Коула.

— Слишком поздно, — сказал Ли.

Именно все эти ужасы и должен был предотвратить план «Дорогое Аббатство».

Коул посмотрел вверх и заметил три дымных следа, тающих в воздухе. Этот неожиданный знак сохранившейся технической цивилизации расстроил его еще больше; он содрогнулся, вспомнив времена, когда по небу летали редкие гражданские самолеты. По крайней мере, в большей части света.

Он сделал снимок столбов дыма. Больше фотографировать

было нечего. Сплошная грязь и люди в трауре. Кругом опустошение.

— Поехали, — сказал Коул. — Для нас тут ничего интересного нет. — Он попытался раскачать планер, но тот остался на месте. Он казался тяжелым, как автомобиль.

— Придерзи лосадей, — заметил Ли, глядя на экран компьютера. — Курсор отстал.

Коул ждал. Два всадника выехали вперед. Неужели они заметили их? Но даже с помощью объектива Коул не смог разглядеть их лица, одни лишь силуэты. Зато он точно знал, что всадники едут прямо на них, сначала медленно, потом все быстрее…

— Ли…

И тут, как кавалерийский спасательный отряд, опять явилась с писком армия мышей. Планер сдвинулся с места, небо замигало, а потом исчезло, превратилось в какое-то белое пятно.

Коул с облегчением вздохнул, возвращаясь «домой», в свое печальное и жалкое время.

Так он, по крайней мере, думал.

+ 500

Что-то было не так. Колено у Коула снова ныло; вокруг стоял сладковатый запах маленькой смерти, запах моря. Планер замедлил ход, мыши еще пищали, потом планер остановился, но…

Но они все еще были под открытым небом.

Их окружал туман. Холодный, редкий туман. Под ними был склон, поросший короткой, хотя и нестриженой травой. Коул почувствовал запах соли, услышал шум волн. Планер окончательно замер. Коул дрожал.

Никакого здания студенческого союза не было и в помине.

— Куда, черт побери, мы попали?

— Доктор Ли? Мистер Коул?

Коул обернулся и увидел вдалеке Силл; совсем рядом высились обвалившиеся стены разрушенного здания. Приминая пучки серо-зеленой травы, к ним быстро шли два человека. Один улыбался, другой хмурился, словно театральные маски комедии и трагедии.

— Фью! — присвистнул Коул; люди подошли ближе, и он заметил, что они действительно были в масках, стилизованных масках со свирепыми глазами и огромными ртами. У одной маски рот расплывался в широкой улыбке, у второй — в страшном оскале, наводившем скорее на мысль о ненависти, чем о трагедии

и печали.

Страшная маска остановилась позади улыбающейся, а та подошла ближе, низко поклонилась и заговорила:

— Доктор Ли? — Голос был мужским.

Мужчина протянул руку Коулу.

Коул, не задумываясь, пожал руку и поразился тому, что она холодная, но настоящая. А что он ожидал, призрака?

— Ли — это я, — дрожащим голосом произнес сидевший рядом профессор.

— Bienvenido! [208] — Мужчина пожал руку Ли, а потом снова Коулу. Говорил он медленно, с испанским акцентом: — Значит, вы Коул. И африканец!

— И что?

— Вы негр!

— Меня зовут доктор Коул, — сказал Коул. — И что из этого? Что, черт побери?

— Ну, мы просто не знали, — ответил мужчина в маске. — Вот и все. Это сюрприз. Наверное, мы много чего не знаем. Но вот вы и здесь. — Он потрогал подбородок маски. — Можно я открою вам свое лицо?

— Что?!

— Ну разумеется, — протянул с техасским акцентом Ли.

Мужчина снял маску. Он был азиатом, по крайней мере процентов на тридцать-сорок; черные волосы были собраны сзади в хвост, лицо украшала маленькая, редкая бородка. Мужчина был худощав, у него были длинные, изящные пальцы пианиста. Тут Коул обратил внимание, что мужчина одет в серый комбинезон и стеганую куртку с серо-розовыми рисунками в стиле пейсли.

Улыбка на его лице была не такой широкой, как на маске. Его серые глаза казались мертвыми.

— Элизам Хава. — Мужчина снова низко, по-японски, поклонился. — Из университета Майами. А это моя сотрудница Рут Лаваль.

Несколько слов на испанском лишь подчеркивали правильность его английского; мужчина говорил, тщательно подбирая слова, очень официально. Его коллега в маске со злобным оскалом поклонилась еще более натянуто, словно нехотя. Теперь Коул различил, что перед ним женщина: миниатюрная, с небольшой грудью. Она стояла, крепко упершись ногами в землю, словно прикидывала, куда лучше нанести первый удар. Чем-то она была похожа на Хелен, только ему она совсем не нравилась.

Тут он вспомнил, что и Хелен ему не очень-то нравилась. Да ее уже и нет, она собрала вещи и ушла; умерла, похоронена…

сотни, а то и тысячи лет назад.

Женщина была одета в такой же серый комбинезон, что и мужчина; на руке, как официант полотенце, она держала две стеганые куртки. Маска у женщины была сделана аккуратнее, чем у мужчины, какой-то маниакальный оскал, суженные глаза, вся маска раскрашена в неистовые красно-бело-синие цвета — что-то среднее между американским флагом и задницей макаки, — в зависимости от настроения смотрящего.

Она не стала снимать маску и не проронила ни слова. Только натянуто поклонилась и снова отступила назад.

Так они молча стояли и смотрели, она в маске, он без. Чего-то ждали от Коула и Ли, но чего именно? Коул хотел сделать снимок, но побоялся. Мужчина с женщиной походили на дикарей. А что, если они решат, что камера — это особый вид оружия? Молчание прервал Ли. Он поднялся на ноги, поднял за собой и Коула и прежде, чем тот успел сообразить, что происходит, вытащил его из планера на поросший травой склон.

— У-у-ух! — Коул удивился, что земля под ногами твердая, и он не провалился сквозь траву, как сквозь облако. Вот он — в будущем, и все вполне реально. Теперь он не просто наблюдатель. Ли сунул маленький компьютер в один из карманов своей ужасной куртки. Он словно оцепенел.

Коул топнул ногой о землю — настоящая. Значит, и будущее, это будущее, тоже настоящее? Неизменное?

— Вот!

Элизам протягивал им две куртки, которые держала до этого женщина в маске. Коул надел куртку. Она была мягкая, как шелк, но тоньше. Даже небольшой карман для камеры имелся.

Ли взял куртку в руку. Очевидно, он не хотел расставаться со своей.

— Bienvenido, — повторил Элизам. — Нас послали встретить вас. Мы ждем уже два дня.

— Кто послал? — спросил Ли. — Teine ustedes algo por nosotros? [209]

— Los Viejos [210]. — Элизам обнял Ли за плечи, и они стали подниматься по склону в сторону развалившегося здания. Женщина шла за ними. Коул почувствовал, что он выпадает из игры, будто во сне, только очень хотелось в туалет.

— Тут есть туалет? — спросил он. — Hay bafio?

Женщина обернулась и показала рукой вниз по склону. Коул пошел в ту сторону, откуда слышался плеск волн. Травяной склон переходил в каменистый уступ, который резко обрывался к воде. С высоты десятифутового утеса он увидел, как в воде играют с бревном тюлени.

Коул помочился на камни. Тюлени взглянули наверх, заметили его и начали лаять. Они были небольшого размера, серо-черного цвета, с черными глазами-пуговками, длинными усами и блестящими клыками.

Коул улыбнулся и пролаял им в ответ.

Но тут он разглядел, что играют они вовсе не с бревном, а с человеческим телом, серым и бескровным. У тела были оторваны руки и почти не было лица. Тюлени подбрасывали его мордочками, и тело переворачивалось в воде.

Коул содрогнулся, застегнул молнию на брюках и поспешил вверх по склону. На полпути он вспомнил про камеру и остановился, но потом пошел дальше.

Ему совсем не хотелось снимать такое.

В развалинах за обрушившимися низкими стенами стояла геодезическая палатка, натянутая в виде тента на два изогнутых шеста. Ли вместе с мужчиной и женщиной зашли под ее навес и сели на землю у небольшого очага. Коул сфотографировал эту уютную сценку, а потом присоединился к ним. Куртка либо была электрической, либо содержала какое-то специальное химическое вещество — в ней становилось очень тепло.

Низкие бетонные стены не пропускали ветра. Несомненно, это развалины студенческого союза — все, что от него осталось спустя сто, пятьсот, а может, и тысячу лет. Но почему же тогда не было ощущения чего-то странного? Почему все вокруг, даже тюлени, казалось ему, Коулу, совершенно нормальным и обыденным?

Может, все дело в Силле, который, как и прежде, вырисовывался на фоне неба, подобно спине динозавра. Или в тишине.

Туман рассеялся; на юге (если только они действительно находились в районе пролива Лонг-Айленд) океан сливался с небом. На севере, за Силлом, в небе собирались серые тучи.

Элизам аккуратно подбросил ветку в огонь.

— Простите за такой маленький костер, — сказал он по-испански. — У нас мало дров. — Хотя он снял маску, в глаза Ли или Коулу он не смотрел.

— А что это за тюлени-убийцы? — по-английски спросил Коул.

— Тюлени-убийты? — в ужасе переспросил Ли.

Коул рассказал ему все, что видел.

— Тюлени-вампиры, — пояснила женщина в маске. — Самое великое ваше изобретение.

— «Мое» изобретение?

— Вода открывает все новых мертвецов, — каким-то

безжизненным голосом сказал Элизам. — Вы не будете возражать, если я снова надену маску? Мне так легче говорить.

— Как хотите, — ответил Коул. Какая, к черту, разница. Элизам снова надел маску. Идиотская улыбка выглядела лучше, чем его безжизненное лицо.

— Во время приливов, — сказал он, — вода вскрывает могилы, отпирает двери. В отличие от других крупных млекопитающих, тюлени-вампиры процветают. Здесь, в Новой Англии, осталось много мертвых, одни только мертвецы. Ледники все еще за сотни миль на севере, но жить здесь уже невозможно.

— Y ustedes? [211] — спросил Ли. Испанским он владел ненамного лучше английского.

— Мы живем в Майами, но нас послали сюда, чтобы встретить вас. Мы оба специалисты по поздней английской культуре и языку. У нас есть записи, фильмы. Мы знаем, как люди говорили в ваше время, как писали.

— Envian por quienes? — снова на испанском спросил Ли. — Кто послал вас?

— Los Viejos, — ответил Элизам. — Из будущего.

— А что это за Старики? — продолжал Ли по-испански.

— No lo sabemos [212].

Никто не знает, кто такие Старики, что им нужно. Элизаму и его спутнице в маске с оскалом просто велели встретить здесь Ли и Коула и отправить их дальше.

— Отправить нас куда? — спросил Коул, но ему никто не ответил. Они сделали вид, что не услышали его, и продолжали болтать по-испански. Коул понимал смысл их разговора. На одном из академических серверов появилось послание.

— Nos da sus nombres [213], — сказала женщина. — Доктор Ли. Коул.

— Доктор Коул, — поправил ее Коул. — Доктор Уильям Веллингтон Коул.

— Lo siento [214].

— Да, хорошо. — Коула все это стало утомлять. Что это за люди? Почему они говорят по-испански, ведь он его почти не понимает? Женщина сидела по другую сторону костра. Коул дотронулся до щеки и ткнул в нее пальцем. — А к чему эти чертовы маски?

— Это выражение нашей печали, — ответил по-английски Элизам.

— За ними мы прячем свой гнев, — добавила женщина.

— Гнев? На что вы разгневаны?

— На вас. — Она сняла маску. Ее глаза были такими же серыми и безжизненными, как у Элизама. На вид ей было около

двадцати пяти лет. Цвет лица у нее был белый, но волосы жесткие, а скулы широкие. Бабушка Коула, которая сама была наполовину белой, называла подобный тип «африканская примесь».

— Мы разгневаны на вас за то, что вы сделали. И что не сделали. — Говорила она бесстрастно.

Что сделали и что не сделали. Женщина поднялась на ноги.

— Можно я скажу? — спросила она, ни к кому в частности не обращаясь.

Ли кивнул. Коул пожал плечами. Какая разница. Женщина обошла вокруг костра и заговорила по-английски. Было видно, что она готовила эту речь. Движения ее были размеренны, как в танце, слова продуманны, словно она выносила обвинение в суде.

— Вы убили собственных детей. Разрушили их дома, весь окружающий мир. Вы оставили их плакать и рыдать на обломках этого мира. Они потеряли все, но именно они стали нашими родителями. Их жизнь стала сплошным горем и печалью, мы унаследовали эту печаль.

— Мы унаследовали эту печаль, — подтвердил Элизам.

— Они так и умерли со слезами на глазах, не зная за что. Но они знали, что их рыдания слышим мы, их дети. И мы передаем эту печаль дальше.

— Мы передаем их печаль дальше, — вторил ей Элизам.

— Ууууф, — вздохнул Коул. Все это напоминало церковную проповедь. — Вы обращаетесь не по адресу! Разве вы не знаете, кто мы такие? — Он попробовал объяснить, что они с Ли «зеленые», настоящие активисты (каждый в своей области) и пытаются бороться с тем, что происходит вокруг; их послали сюда, чтобы…

Но после нескольких слов (на английском) он замолк. Какая разница? Ведь видно было, что им ничего не удалось сделать. Будущее показало, что их усилия абсолютно ничего не значили. Точно так же в прошлом были хорошие немцы, были честные торговцы-квакеры, отказывавшиеся потакать работорговле, некоторые даже пытались (вежливо) высказываться против, но работорговля все равно процветала.

Если у Коула и были какие-то сомнения относительно «Дорогого Аббатства» (а они были, хотя он никогда не осмеливался высказать их вслух даже самому себе), теперь они окончательно рассеялись. Теперь, когда он увидел, какой мир оставят они своим потомкам. Неужели для предотвращения подобного не оправданы любые средства, любые усилия?

— Позалуйста, продолзайте, — промолвил Ли.

Рут (так звали женщину) ходила вокруг костра с маской в

руке, а Коул и Ли не отрываясь смотрели на огонь. И Элизам в маске тоже.

— Мы видели, как вымирают животные, — продолжала женщина. — Один за другим, потом целыми стадами, потом снова поодиночке. Даже те, что жили в зоопарках. Теперь от крупных млекопитающих остались одни воспоминания. О слонах, китах, носорогах, моржах.

— Одни воспоминания, — повторил Элизам.

— Одни воспоминания, — сказал Ли. Он был все еще в своей жуткой куртке-сафари, но положил тонкую куртку-грелку на колени, как плед.

— Мир природы был разрушен, опустошен, — продолжала Рут, — исторические, культурные ценности человечества тоже. Города были сожжены, музеи разорены. Библиотеки погибли под натиском морей и океанов. Из-за глобального потепления погибли не только города, но и память человечества, его наследие. Такие языки, как голландский, сингапурский, полинезийские, исчезли без следа.

Женщина говорила то, о чем всегда хотел сказать сам Коул; ему так хотелось внушить это своим студентам. Но совсем другое дело было слышать все это из чужих уст. Особенно от этой женщины.

Женщина села. Элизам очень осторожно подбросил в огонь еще одну ветку.

— А как насчет глобального потепления? — спросил Коул в надежде сменить тему. — Ведь у вас так холодно!

— Гольфстрим пропал, — приглушенно ответил Элизам из-под маски. — Европа и Новая Англия непригодны для жилья. На Среднем Западе [215] стоит жара. В Техасе жара невыносимая. Умеренные зоны остались только в Азии, по берегам Тихого океана, на севере Южной Америки и кое-где на побережье Калифорнии.

— А как же Африка?

— Африка? — Рут приподняла маску и посмотрела своими пустыми глазницами на Коула. — Африка исчезла, частично затоплена, частично превратилась в прах. Леса сгорели, люди погибли. Четвертый холокост. Сначала было рабство, тогда на континенте почти не осталось молодежи; потом колониализм, который лишил Африку природных богатств. Затем пришел СПИД, и целое поколение детей осталось без родителей…

— Два поколения, — поправил Элизам.

— Ирония заключается в том, что именно в эмигрантских диаспорах и сохранилась Африка. Почти половина африканского населения жила уже в других местах. Вместе с собой они увезли

свою культуру и наследие.

— Теперь понимаете, почему мы так были удивлены, что вы африканец? — спросил Элизам. — Мы считали, что в ваше время африканцы были людьми необразованными, лишенными всяческих прав, что они стояли на нижней ступени социальной лестницы…

— Не совсем так, — поправил Ли.

— Без таких крайностей, — добавил Коул. — Но вы сказали «четвертый холокост». Значит, был еще и четвертый?

— Пожары, — пояснил Элизам? — Сначала засуха, а потом пожары.

— А что Китай? — поинтересовался Ли.

— Китай процветает, — ответила женщина. — Там все строят заново. Мы тоже все строим все заново. Мы стараемся изо всех сил, чтобы восстановить то, что разрушили вы, но на это требуется немало времени. А кое-что вообще невозможно. Вы убили всех крупных животных или почти всех.

— Не всех. — Элизам поднялся, чтобы принести дров, которые были аккуратно сложены у одной из стен. — Не всех. Уже было несколько сообщений о том, что в Западной Африке видели слона.

— Недостоверно, — ответила Рут. — Как Лохнесское чудовище или летающие тарелки.

Сообщение о слоне она сравнивала с летающими тарелками. Впервые в жизни Коул понял, что на самом деле значит выражение «сердце ушло в пятки». Неужели людям так будет недоставать животных? Он почувствовал, что его захлестывает такая же волна печали и горя, что и Элизама и Рут. Коул еще никогда не встречал таких бесстрастных людей, лишенных жизни, чувств, радости, смеха. А теперь и он становился таким же.

— Значит, у вас все еще есть телефоны и компьютеры? — по-испански спросил Ли.

— Да, конечно, — ответил Элизам. — Поэтому мы здесь. Знание не так скоро исчезает. Создавать новые компьютеры теперь, правда, сложнее, но зато можно чинить старые. Мы вполне в этом преуспели.

— Мы делаем это с той же легкостью, что и вы, — вставила Рут. — Не так бездумно и беспечно. Ведь все, что сделано вами, не продумано и недоделано. Именно этого не понимали вы и ваши родители. И именно в этом кроются корни того опустошения, которое вы обрушили на наши головы.

Коул отвернулся. Он устал от этой ханжеской самоуверенности. К своему ужасу, он обнаружил, что стоит на стороне беспечных жизнерадостных разрушителей, которых так

яростно критиковала женщина. А что в этом странного? Ведь после всего, что произошло (а если осмотреться внимательно, то сразу поймешь, что ни говорить, ни делать больше нечего), он, конечно, тоже был одним из разрушителей.

Разговор затих. Они сидели молча у затухающего костра. Говорить больше было нечего. Разрушенным оказался не только мир; вместе с ним погибли невинность, энтузиазм и надежда. «Что же творится в других частях света? — подумал Коул. — Увидят ли они с Ли всю планету? Лучше не надо…»

Он задремал, а когда проснулся, огонь уже потух. Элизама и Рут не было видно. Ли сидел внизу в планере и держал на коленях свой маленький компьютер. Коул быстро спустился к нему, — а вдруг китаец оставит его здесь. Волновался он зря. Ли тряс головой.

— Тертовы тифры. Дома нет. А снимки есть?

— Да, да. — Коул похлопал по карману куртки. — Снимки чего? Масок? Костра? Ну и холод же здесь. Давай убираться отсюда к чертовой матери!

— К тертовой матери, — промолвил Ли; теперь он уже тряс свой компьютер.

Коул посмотрел наверх, по холму к ним спускались Элизам и Рут; маски они держали в руках.

— Что это значит? — спросил он. — Вы испортили нашу машину времени?

— Инфракрасный порт. — Элизам протянул небольшое устройство, похожее на фонарик. — Я ввел цифры, которые дали нам Старики.

Коул посмотрел на Ли.

— Кто? Что? Ты что-нибудь в этом понимаешь?

— Придерзи лосадей, — проворчал по-английски Ли и нажал на кнопки.

Уже почти стемнело. Коул не знал, бояться ему или плюнуть на все. Он снова хотел в туалет, но не хотел еще раз увидеть трапезу тюленей. Тем более снимать эту трапезу камерой. Он вернулся в развалины здания и помочился на затухший костер.

Рут и Элизам шли за ним следом и наблюдали за всем из-за стены с таким видом, будто ничего другого от него и не ожидали.

— Можете оба катиться к черту, — сказал им Коул и застегнул молнию на брюках. — Понятно? Capiche? Comprende? [216]

Они спустились вместе с ним к планеру.

— Gracias para venire [217], — обратился Элизам к Ли. — Мы гордимся, что познакомились с вами.

— Черт бы побрал вас и ваш проклятый мир, — ответил им

Коул и тут же замолчал — он услышал негромкий, но настойчивый звук: бип-бип.

Мини-компьютер Ли.

— Придерзи лосадей, — сказал Ли. — Появился курсор. Все по местам. — Он похлопал рукой по сиденью.

Второй раз ему повторять не пришлось. Коул быстро забрался в планер, и Ли взял его большую руку в свою маленькую.

Элизам и Рут молча стояли, надев маски на лица и подняв руки, будто в прощальном жесте. А может, так только казалось. И тут Коул понял, чего они хотят на самом деле. Надо вернуть куртки. Куртка Ли лежала у него на коленях; Коул быстро стащил свою и бросил обе куртки Рут.

Ли нажал кнопку «ВОЗВРАТ», снова раздался мышиный писк. Коул раскачивал планер, чтобы выровнять его.

— Терт побери! — бросил Ли; их окружали какие-то огоньки.

Коул тоже почувствовал — что-то не так; как и в предыдущий раз, что-то было не так.

Они двигались не домой. Они падали. Падали все дальше и дальше в будущее…

+1000

И кружились.

Коула чуть не вырвало. Наверное, это от виски. Но вот неожиданно кружение прекратилось. В воздухе мерцали какие-то голубоватые полоски. Они снова оказались на берегу моря.

На этот раз было намного теплее, над головами простиралось голубое небо. Но Коулу здесь не нравилось. Совсем не нравилось.

Ли выпустил его руку. Коул сам схватил его и спросил:

— Лонг-Айленд? — Но сам уже знал, что это другое место. Неподалеку виднелся пирамидальный остров; казалось, что на его крутых склонах по спирали растут деревья. Все выглядело неестественно.

— Камера? — спросил Ли.

Коул отпустил руку Ли и сунул руку в карман. Но кармана не было, не было и камеры.

— Черт побери, — выругался он. — Камера была в куртке.

Ли пожал плечами.

— Она нузна формально, так, на всякий слутяй.

— Все равно глупо получилось, — сказал Коул. — Я виноват. — Сделал снимки будущего и сам же потерял их. — Мы сможем за ней вернуться?

— Не думаю, — ответил Ли. — Снимки — не страсно.

— Правда, но жалко. — Он уже и говорил почти как Ли. Пора

было менять тему. Он откинулся в кресле и осмотрелся вокруг. — А где это мы? То есть хотелось бы знать, где мы находимся.

— Попробую сосситать, — ответил Ли и согнулся над своим мини-компьютером. — На острове Кэппс, — раздался голос сзади.

Коул выпрямился и встревоженно обернулся. За планером стоял мужчина. Интересно, как давно он там стоит? Было такое ощущение, словно мир вокруг них начинает медленно проявляться, — так в старину, когда связь была медленной, постепенно открывались веб-сайты.

Мужчина был высоким, белым, без маски (это Коул заметил в первую очередь); одет он был в мягкий вельветовый костюм. По крайней мере, ткань была очень похожа на вельвет. Но что-то было в ней такое, что наводило на мысль об искусственности.

— Добро пожаловать, доктор Ли, — произнес мужчина. — Очень рад, доктор Коул. Вы, наверное, успели заметить, что нам предстоит переправиться на другой берег. Если, конечно, вы желаете осмотреть остров. Времени у нас немного. Вам требуется отдых?

— Осмотреть остров? Без проблем, — ответил Ли и встал. Коул тоже поднялся.

— Меня зовут Хэллам, — представился мужчина. Говорил он по-английски немного странно, но без акцента. Он слишком тщательно выговаривал каждое слово, будто впервые говорил на этом языке. Мужчина протянул руку, и Ли взял ее. — Рад встретиться с вами.

Мужчина пожал руку Ли и протянул ее затем Коулу.

— Меня зовут Хэллам, — снова повторил он. — Рад встретить вас на вашем пути…

— На каком пути?! — вскричал Коул. — Ли, где мы? Ты хотя бы знаешь?

Ли промолчал, вместо него ответил Хэллам. Он показал на скалистый остров и снова сказал:

— Кэппс-Айленд.

Почти с самой вершины острова в этот момент взлетал то ли самолет, то ли какой-то другой летательный аппарат. Из-за большого расстояния трудно было точно сказать, что это и какого размера.

— По всему миру сто двенадцать подобных станций Охраны Земли, — продолжал Хэллам. — Все они объединены одной сетью…

— У-у-у-х! Погоди, — прервал его Коул. — В каком мы году? Пожалуйста.

— Году? Ах, ну да, конечно, — ответил Хэллам. — В семьсот двадцать четвертом. По-вашему, от Рождества Христова, это

будет… — Хэллам засучил рукав и взглянул на наручные часы. — Простите… это получается три тысячи сто двадцать четвертый год. Я мог бы и сам догадаться, что вы захотите узнать эту цифру.

— Бог ты мой! — Коул снова сел.

— Мы не пользуемся вашим летосчислением. — Хэллам постучал пальцем по наручным часам. — Но здесь у меня оно есть.

Планер не двигался; он опять, как с ним уже было раньше, застыл на месте, словно весил как большая машина.

Ли постукивал по кнопкам компьютера, и вид у него был крайне озабоченный. Коул уже нисколько не волновался. Тысяча лет. Что с ним может случиться через тысячу лет? Он давным-давно умер, он это прямо-таки нутром чуял. Даже кости его уже сгнили под землей, на которой он теперь стоит. Если только их не выкопали тюлени.

Коулу стало неуютно, и он встал на ноги. Земля под ногами казалась вполне твердой, даже, пожалуй, слишком твердой. Так реально ли данное будущее?

Да. Реально. Несмотря на яркое солнце, Коул дрожал.

— Мы пользуемся гонконгским календарем, — продолжал объяснять Хэллам. — Летосчисление ведется от Гонконгского Коллоквиума, который имел место семьсот двадцать четыре года тому назад. Но это только в политике. А что касается духовной жизни, то мы считаем года от Великой Переправы. Тогда получается сто четырнадцать тысяч восемьсот сорок четвертый год. Но пойдемте. — И он двинулся по тропинке к воде.

Ли и Коул последовали за ним. А что им еще оставалось.

Коул не удержался и спросил:

— Великой Переправы? Какой Великой Переправы?

— Давным-давно была война, — ответил Хэллам. — Сплошной огонь кругом, потому что в те годы огонь был основным оружием, а потом начался какой-то мор. Тогда в первый, хотя и не в последний, раз наши предки чуть не истребили самих себя. Их тогда было не так уж и много, сколько-то тысяч, но и погибали они тысячами. Несколько женщин собрали всех оставшихся в живых — эти первые люди делились на три клана, и они воевали между собой. Выжили в основном дети, и женщины повели их на север, прочь из Долины Костей. Тогда-то они и перешли через Великий Бассейн, который впоследствии стал Средиземным морем. Но в то время там не было воды.

— Сто тысяч лет тому назад? Откуда вы знаете? — спросил Коул.

— Сто четырнадцать тысяч, — поправил его Хэллам. —

Восемьсот сорок четыре — это приближение, на котором сошлись все. Мы установили дату с помощью анализа ДНК и углерода; многое восстановили по легендам и наскальным изображениям; но люди всегда помнили об этих временах — это было началом начал.

Внизу на воду спустился небольшой самолет. Коул даже не слышал, как он подлетел. Не тот ли это аппарат, что поднялся в воздух с острова?

Тем временем свой вопрос задал и Ли:

— Гонконг?

— Да, тогда люди объединились, — ответил Хэллам. — Встреча, после которой человечество начало принимать меры, приведшие впоследствии к созданию Охраны Земли. Именно это помогло остановить Шестое.

— Шестое? — переспросил Коул. — Вы имеете в виду Шестое Вымирание, как вы это называете?

Хэллам пожал плечами.

— Мы называем все своими именами. В шестой раз на планете все шло к полному истреблению живого. Погибли тысячи биологических видов, они навсегда были стерты с лица Земли. Продолжалось все это более пятисот лет, во многом этот процесс был даже хуже тех войн, которые привели к Великой Переправе, потому что по вине человечества погибали другие виды. Далее были периоды Траура и Восстановления. Во времена Переправы людей на Земле оставалось около двух сотен. После Шестого Вымирания немногим более двух миллионов.

— А сколько сейтяс? — спросил Ли.

— Скоро увидите, — ответил Хэллам.

Они подошли к самой воде. Небольшой самолет по воде приблизился к ним.

У самолета были короткие толстые крылья, словно он был сделан из картона, но с отверстиями вдоль длинного края, что, видимо, увеличивало подъемную силу аппарата. Спереди у самолета крепился большой пропеллер, дистанционно управляемый, как пояснили им, с помощью магнитного поля. Поэтому отсутствовал мотор и летал аппарат бесшумно.

На месте пилота никого не было. И места, как такового, тоже не было.

Они поднялись на борт, самолет со свистом взлетел. По мере того как он набирал скорость и высоту, свист исчез. Никаких ремней безопасности. Почему-то Коул вспомнил о Хелен. Когда он в последний раз взглянул на часы, было девять одиннадцать, а ему казалось, что с тех пор прошло как минимум несколько дней. Сейчас Хелен уже на полпути к Лондону. Между ними к тому же

тысяча лет.

Ли снова таинственно улыбался. Коул тоже улыбнулся. В этом небольшом самолете было что-то умиротворяющее и надежное; солнечный свет, голубая вода внизу, приближающийся остров.

— Сто тысяч лет. Если так, мы почти современники, — сказал Коул Хэлламу.

— Мы и есть современники, — ответил Хэллам. — Тысяча лет всего лишь мгновение в жизни целого биологического вида. И того меньше для камней, воды, самой Земли. Даже сотня тысяч лет всего лишь несколько коротких мгновений. Мы от считываем свою духовную историю с начала расселения, которое закончилось всего тысячу лет тому назад, в ваше время.

Духовную. Коулу никогда раньше не нравилось это слово. Самолет летел достаточно медленно. Казалось, тут никто никуда не спешит. Вот он аккуратно сел на воду, и Хэллам начал объяснять, что они сейчас увидят:

— Мы восстанавливаем Землю с момента Шестого…

«Которое все-таки произошло, несмотря на все наши усилия», — мрачно подумал Коул.

— Мы собрали воедино все климатические пояса, популяции животных и растений, метеорологическую и тектоническую информацию. Получилась самоуправляемая глобальная система, которая ведет наблюдение за окружающей средой, дает нам знать о готовящихся серьезных переменах и так далее.

Они подплыли к берегу, там их встретила женщина. Она представилась — Дана. Одета она была в такой же вельветовый костюм, только оранжевого цвета и более изящного покроя.

— Вы африканец! — воскликнула она, взяв Коула за обе руки. Она тоже была негритянкой, причем намного более ярко выраженной, чем женщина в маске и даже сам Коул.

— Боюсь, что так, — ответил Коул.

Женщина казалась озадаченной, и он пожалел, что выбрал такой тон. Несмотря на то, что быть негром в Америке не так-то легко, он много раз воздавал хвалу Господу, что не родился белым. Но как объяснить такое женщине, рожденной спустя тысячу лет?

— Я пошутил, — сказал он, а она вежливо улыбнулась.

Они поднимались по эскалатору без ступенек к туннелю, расположенному выше по склону.

Туннель вел внутрь горы и заканчивался в большой овальной комнате со встроенными в стены жидкокристаллическими мониторами. По экранам, как вода, плыли цифры и другие данные.

Больше никого в комнате не было.

— Кто ведет все хозяйство? — спросил Ли.

— Сама система, — ответила Дана. Ковбойский английский Ли нисколько ее не удивлял. — Существует пятьдесят пять подобных станций Охраны Земли, все они связаны в единую систему. Одна находится в глубине Северного Ледовитого океана. Шапка полярных арктических льдов, которая в ваше время исчезла, теперь снова на месте.

Коул хотел возразить, сказать, что в его дни арктические льды еще не исчезли, но что именно имела в виду эта женщина, говоря «в ваше время»?

— Экраны всего лишь для обозрения. Система сама контролирует себя. И следит за всем происходящим.

— Значит, она обладает разумом? — спросил Коул.

— Конечно. — Дана смерила его взглядом. — Зачем придумывать систему без разума?

— Равновесие на Земле, — кивнул головой Ли. — Знает, сто надо делать. Выссый класс.

— На самом деле, — уточнил Хэллам, — она не сообщает нам, что нужно делать; система доводит до нашего сведения, что она уже делает. «Охрана Земли» взяла на себя почти всю работу, в природных системах вне зоны синхронизации успешно работают наноботы. Система действует всего лишь сто сорок лет и все еще совершенствуется.

«Значит, у планеты все-таки есть шанс, — подумал Коул. — Ее можно восстановить, хотя бы частично. Даже без помощи «Дорогого Аббатства», даже если им с Ли ничего не удастся сделать…»

А может, и удастся.

— И поэтому вы привезли нас сюда? — спросил Коул. — Чтобы показать нам все это? Предупредить нас о том, что произойдет в случае нашей неудачи… или удачи?

У Даны был озадаченный вид.

— Это не мы. Вас привели сюда Старики.

— А вы не Старики?

— Конечно же нет. Это они предупредили нас и сообщили, что вы скоро будете тут, — ответил Хэллам. — Поэтому мы вы учили ваш язык. Кроме нас двоих, никто не может говорить на нем.

— Когда настанет время, Старики отошлют вас домой. — Дана повела их назад, к выходу из туннеля. — А пока вам еще предстоит сделать, по-моему, пять остановок. Но сейчас мы должны вернуться.

— И без промедления. — Ли смотрел на свой мини-

компьютер.

Курсор уже мигал.

Спускаясь вниз по эскалатору без ступенек, Коул испытал странный прилив грусти. Здесь, в будущем, так покойно, но какой ценой.

— В наше время население планеты было почти восемь миллиардов, а теперь меньше двухсот миллионов, — бросил он Дане, поднимаясь на борт небольшого самолета. — Скажите, было что-то такое, с чего все началось? Какая-нибудь катастрофа — «бомба замедленного действия»?

— Катастрофа? — переспросил Хэллам. — Да их были сотни. Голод, наводнения, войны, болезни — все это уносило тысячи жизней.

— И убивало души, — добавила Дана. — Эпоха Восстановления тянулась много сотен лет.

— Маски, — промолвил Коул.

— Им было трудно смотреть друг другу в глаза. Было трудно даже с самими собой. Мир пережил столько насилия, столько разрушений.

— В эпоху Восстановления они думали, что Траур закончился, — вставил Хэллам. — Мы же теперь, глядя назад, считаем, что он был в самом разгаре.

— Так же как некоторые считают, что и теперь мы еще живем в эпоху Восстановления, — добавила Дана.

Самолет бесшумно поднялся в воздух, они почувствовали лишь струю воздуха. Во время полета Коул спросил Хэллама об их местоположении.

Оказалось, Африка.

— По вашим картам это примерно побережье Мозамбика. А вон тот город вдалеке…

Хэллам тихонько сказал что-то в сторону пульта управления. Язык по звучанию был похож на китайский. Самолет поднялся выше. Теперь между двумя невысокими горами они увидели скопление зданий, выкрашенных в неяркие, пастельные цвета, — словно скопление диких цветов.

— … это Аруба, а вон там…

На горизонте показалось облако или подобие облака — снежные пики Килиманджаро. Снова в снегу. Хотя Коул никогда в жизни не видел легендарную гору (он вообще не бывал в Африке), но знал ее по множеству изображений — гора ни капли не изменилась. Что такое тысяча лет для гор и льдов.

Самолет опустился, Килиманджаро исчезла из виду — как прошлое… или будущее.

У подножия холма Хэллам и Дана поцеловали их обоих, по-

французски, в обе щеки. «Как странно целоваться с людьми, живущими через тысячу лет, — подумал Коул. — Словно целуешь сон или надежду, а им, наверное, кажется, что они поцеловались с призраком».

— Прощайте.

— Прощайте.

— Пока, — бросил Ли.

— Когда нажмете на кнопку «ВОЗВРАТ», попадете на следующую ступень, — сказал Хэллам. — Вам предстоит еще пять. Так сказали нам Старики. И просили передать вам.

Ли мрачно кивнул и пошел по тропинке наверх. Коул догнал его на самом верху.

— Еще пять? — спросил он. — Я думал, что наша задача добыть материал для «Дорогого Аббатства». Что все это значит? И кто такие эти Старики?

— Нет понятия, — ответил Ли. — Пора!

Он показал Коулу свой компьютер. Курсор мигал, вокруг прыгали цифры, они медленно поднимались вверх по экрану.

— Клянусь Богом, Ли, мне кажется иногда, что ты просто притворяешься, что плохо говоришь по-английски! Я ничего не понимаю. Как нам попасть назад в наше время? И что мы тут вообще делаем?

Но Ли лишь улыбнулся своей таинственной восточной улыбкой. Спорить с ним было бессмысленно. Они подошли к планеру; неожиданно подул сильный ветер. Коул пожалел, что отдал теплую куртку. Ли застегнул свою жуткую куртку-сафари. «Если он считает, что близость Килиманджаро хоть как-то оправдывает эту куртку, — подумал Коул, — то он действительно чокнутый». Куртка дурацкая, и сам Ли выглядит в ней нелепо.

— Тогда поехали. — Неизвестно почему Коул чувствовал себя отвратительно. Он усадил Ли рядом с собой и взял его маленькую бледную руку в свою большую и темную. — Ты главный.

— А?

— Нажимай «ВОЗВРАТ».

+10 000

Но никуда они не вернулись. То есть не сразу.

Они летели дальше.

Дальше по спирали Времени — так казалось им в тот «момент времени», хотя, как им еще предстояло узнать, Путешествие во Времени возможно лишь один раз в самом Конце Времени, когда ничего впереди вас не ждет. Только там можно вернуться назад по временной петле, ибо Конец Времени один-

единственный.

Но тогда они еще ничего об этом не знали. «Тогда» — как странно теперь звучит это слово. «Теперь»…

И вот они летели вперед сквозь Время. Морской запах маленькой смерти исчез, хотя «футбольная травма» в колене все еще напоминала о себе. Огни мигали, превращались в настоящие полосы света: то холодные, то горячие. Ли сжимал руку Коула все крепче и крепче; наконец планер замедлил ход и остановился, остановился в крайнем переднем положении. Неожиданно стало тепло, почти жарко. Вокруг все было белым, как будто в тумане; но вот туман начал исчезать — они оказались в рощице небольших деревьев с серебристой полосатой корой.

Играла музыка. Коул огляделся; их окружали люди, большей частью молодые, в черно-белых одеждах. Все аплодировали. Ли тоже аплодировал; казалось, самому себе. Они с Коулом переглянулись, расхохотались, встали и поклонились. Остальные ответили дружным радостным смехом и провели их к столу под деревом, где смеющийся официант уже разливал вино в бокалы.

Все говорили по-французски. Коул с трудом понимал этот язык, пока одна из женщин не положила ему на правое плечо небольшой кусок толстой ткани.

— Pardonnez-moi [218], — сказала она. — Вы не возражаете?

Ткань прилипла к его плечу, она была тяжелой, но не жесткой, похожей на прорезиненный фартук, который одевают пациенту, когда делают рентген.

— Нормально, — ответил он.

— Прекрасно, — сказал Ли; он только что получил такую же ткань. — Это какой-то мгновенный переводчик, так? А вы все еще разговариваете на французском?

— Да, да, — ответил кто-то из окружающих.

У-у-ух!

— Эй, Ли, ты на каком языке разговариваешь: на английском или на французском? — спросил Коул.

— Ни на том ни на другом, — ответил Ли. — На мандаринском диалекте. А теперь на кантонском [219]. А теперь вообще по-русски…

— О'кей, о'кей, — ответил Коул. — Я понял. — Потрясающе. Голос Ли звучал немного неестественно, как будто он разговаривал с ним по междугороднему телефону; но, слава богу, никакого техасского акцента.

Они оказались в Париже. Старики, кто бы там они ни были, доставили их в небольшой парк в Марэ, в год 12679 по гонконгскому летосчислению (год 15242 от Рождества Христова). Окружали их студенты-историки, которые собирались раз в году,

чтобы изучать и обсуждать проблемы Современного мира (так они называли древний мир, наш мир), а сегодня еще и для того, чтобы встретиться с представителями этого мира.

— Старики предупредили нас, что вы прибудете сегодня, 23 июня, и пробудете с нами всего несколько часов. Собралось много народу, все хотели посмотреть на материализацию. И правда, получилось здорово.

— Ни секунды не сомневаюсь! — вскричал Ли.

— Но мы попросили их не вмешиваться, чтобы самим иметь возможность побеседовать с вами. Хотите еще вина? Это хорошее эльзасское вино. — Все это Ли и Коулу объясняла белая женщина примерно сорока лет, в короткой черной юбке и белой с полосками блузке. У нее были длинные, худощавые и, по мнению Коула, красивые ноги. Они сидели за столиком на улице под платаном, вместе с женщиной было еще трое друзей. Двое мужчин, один из них негр (кожа у него была намного темнее, чем у Коула), и молодая женщина — на вид ей было не больше лет, чем Хелен. Коулу совсем не понравилась натянутая, вежливая улыбка этой женщины.

Коула гораздо больше интересовало то, что не было известно модернистам (так называли себя эти люди), чем то, что им было известно. Они знали, кто такие Моцарт, Эллингтон, Лист, но никогда в жизни не слышали живого оркестра. Они понимали, что такое капитализм, но совершенно не представляли себе это с практической точки зрения.

— Вы можете жить где захотите? — спросили они, а когда Ли ответил отрицательно, а Коул положительно, все рассмеялись и снова наполнили бокалы. Очень хорошим эльзасским вином.

Стоило Ли разговориться, и остановить его было уже невозможно. Да модернисты и не пытались. Они с радостью слушали все о нашей прегонконгской эре (они считали, что длилась она с 1500 по 2500 год нашей эры, то есть от Рождества Христова). Они задавали много вопросов о Китае и США, о «ядерной войне, которая так и не разразилась» (Коул был несказанно рад услышать это!) и так далее. Ли отвечал на все вопросы.

— Это было похоже на взрыв, — объяснял он. — И с технической, и с культурной точки зрения. И удивительно, и ужасно одновременно. Это…

Длинные, подробные ответы. Коул теперь думал, что ему гораздо больше нравился прежний Ли со своими краткими ответами в ковбойском стиле. Кроме того, он и сам готов был задать несколько вопросов Ли, например: кто такие Старики; что сталось с основной целью их миссии, касающейся «Дорогого

Аббатства»; но самое главное, как же им вернуться в свое время?

Странно, но он не спешил задавать эти вопросы. Он чувствовал себя необыкновенно расслабленным, словно оцепеневшим.

Возможно, с ним происходило нечто подобное перелету на обычном реактивном самолете в другой часовой пояс. Они сидели в саду ресторана, люди приходили и уходили, кое-кто пристально смотрел в их сторону, но Коула это нисколько не трогало. Вино действительно было «очень хорошим», сыр — острым, хлеб — пышным и вкусным. Интересно, как давно он не ел?

Он огляделся, но часов нигде не было. Кейт протянула руку с наручными часами. Аналоговые, дата на французском языке: 11:00, Juin 23, Juedi [220]. Коул спросил, путешествуют ли местные жители во времени; Кейт казалась шокированной. Такого не может быть. Это просто невозможно.

— А как же мы?

— Вы аномалия, — ответил мужчина-негр. — В любом невозможном случае существует своя аномалия. — Все рассмеялись, хотя Коулу слова негра были не совсем понятны.

— Вы специальный проект Стариков, — проговорила молодая женщина, Коулу так и не удалось запомнить ее имя. Она сидела рядом с Ли и с восхищением взирала на него. Ей нравилась даже жуткая куртка-сафари. Им всем нравился Ли; они подливали ему вина, отрезали сыр, ловили каждое его слово.

Коула все это раздражало. Наверное, ему не удалось этого скрыть, потому что Кейт потянула его за рукав и прошептала:

— Пойдем пройдемся вдвоем.

Париж выглядел таким, каким помнил его Коул (по фотографиям и одному короткому визиту вместе с Хелен, — не с нынешней, а с предыдущей), разве что машин стало меньше. Те, что были, остались такими же небольшими, как и прежде, и так же противно гудели.

Париж, в котором он теперь очутился, с одной стороны, был живым городом, но с другой — собственной копией. Он постоянно перестраивался, но в основном по старым планам восемнадцатого-двадцатого веков эры Рождества Христова. На улицах встречалось много народу, большинство из них показались Коулу туристами. Они никуда не спешили, просто спокойно прогуливались.

Примерно четвертая часть людей на улице были африканцами, некоторые, так же как и Коул, лишь наполовину. Продавцы в магазинах и магазинчиках вели себя вежливо, но особого интереса не выказывали. Ничего особенного они и не продавали. Один-два вида сигарет; один или два сорта

жевательной резинки. Все газеты умещались на одной странице, но стоило нажать на квадрат в верхней его части, как текст менялся. В них все, казалось, может меняться: и язык, и текст, и шрифт. Коул встретил лишь два знакомых ему языка: французский и китайский; английского не было и в помине. Кейт купила Коулу книгу в мягкой обложке, которая увеличилась вдвое, как только Коул открыл ее. Книга заинтересовала его из-за фотографии автора, напечатанной на задней обложке. Заплатила Кейт за книгу самым необычным путем — она дважды мигнула в маленькое зеркальце продавца.

Многие, как и Коул, ходили с переводчиком на плече. Большинство мужчин были одеты в мешковатые брюки и длинные рубахи, но кое-кто ходил в брюках-хаки и спортивных куртках, некоторые даже в спортивных костюмах. Коул заметил, как двое мужчин мочились прямо на улице, в специальные отверстия в асфальте. Видимо, так было принято.

— Я подумала, вам интересно будет взглянуть на ваш мир, — промолвила Кейт. — Я посмотрю презентацию вашего друга потом на видео.

— Мой мир?

— Мир, который вы сотворили, — пояснила она. — Вы наши предки, мы здесь благодаря вам.

Коул спросил ее, как они путешествуют. Те, кому нужно быстро добраться из Европы в Азию или Америку, могут сделать это за два-три часа, ответила Кейт, но большая часть торговли и коммерции идет по морю. Люди работают по четыре-шесть часов в день и имеют полугодовой отпуск. Вокруг Парижа, по словам Кейт, расположено множество маленьких ферм, хотя большая часть Европы не заселена. Они прошли вниз по набережной Сены в сторону Эйфелевой башни (каждые 1200 лет, по контракту, ее заменяли новой). Коул боялся слишком удаляться от садика-ресторана в Марэ, где «приземлился» их планер. Он уже смирился с мыслью, что теперь они не просто наблюдают будущее, но еще и прогуливаются по нему. Он верил, что Ли не улетит отсюда без него (и полагал, что у Кейт должно быть что-то типа мобильного телефона или другого средства связи — на случай, если курсор у Ли снова замигает). И все же он слегка нервничал…

Кафе и кинотеатры Парижа были странным образом похожи на кафе и кинотеатры нашего времени. Коул узнал, что сделано это специально. В других городах другие развлечения. Лондон, к примеру, город клубов и театров, а Мексико-сити — центр керамики и автогонок.

Они остановились у видеокиоска, и Кейт показала ему карты Северной Америки и Африки — там тоже были огромные

незаселенные пространства. Промышленность в основном занималась переработкой вторсырья; добыча нефти и минералов из земли считалась противозаконной.

Коул не знал, как принято себя вести в их будущем. Может ли он спросить о том времени в прошлом, которое для него являлось будущим и о котором он, следовательно, не имел представления? Он решил рискнуть.

— Имела ли место в Современную эпоху большая катастрофа? Катастрофа, спровоцированная человеком и приведшая к хаосу?

— Вся Современная эпоха — это одна большая катастрофа, — ответила Кейт. — И всему виной сам человек, не так ли? Но вот мы выжили.

Коул решил идти напрямик.

— Вы когда-либо слышали что-нибудь о… событии… стратегии… под названием «Дорогое Аббатство»?

Она посмотрела на него непонимающе, и он даже не был уверен, как переводчик перевел эту фразу на французский, тем более его не слишком удачные попытки объяснить, что он имеет в виду. Может, Кейт считает, что «Дорогое Аббатство» — это монастырь, как гора Сан-Мишель? Что сталось за эту тысячу лет с французским языком?

— Извините, — сказала Кейт. — Многие наши исследования далеко не исчерпывающи. В прошлом году мы обследовали один золотой рудник. Я знаю, что вы любили золото.

— Лично я — нет, — ответил Коул (и вспомнил кольцо, о котором так мечтала Хелен; та Хелен). — Но, конечно, в эпоху, которую вы называете Современной, золото было в чести.

— Мне тот золотой прииск показался даже красивым, что-то в нем было притягательное, хотя и мрачное. Многие ратовали за то, чтобы давным-давно закрыть все прииски, но я рада, что кое-какие оставили. Они похожи на шрамы, татуировки — показывают след, который оставило человечество на лице земли. Своего рода любовь. Воспоминание о временах, когда наши взаимоотношения с матерью-землей были гораздо более близкими.

— И более разрушительными, — вставил Коул.

— Материнство всегда наносит определенный вред матери, — ответила она. — В наше время тяжелые металлы, как железо или никель, которые нельзя получить путем переработки отходов и вторсырья, добывают на астероидах.

— Значит, в космос вы все-таки летаете?

— С определенными целями. Конечно, люди побывали уже на всех планетах и даже в некоторых соседних системах. На Марсе,

Венере и Луне есть научно-исследовательские станции, там постоянно живут люди. Но большую часть работ по добыче ископаемых и доставке их на Землю делают роботы.

По словам Кейт, еще одна научная станция была расположена на планете Титан, а совсем недавно люди отправились на планету одной из «близких» звезд, чтобы основать там постоянную колонию. Но интерес к космическим исследованиям был невелик — в связи с тем, что жизнь в космосе оказалась большой редкостью, а многоклеточная жизнь — тем более.

— Значит, никаких прямых контактов, — заметил Коул. — А мы так об этом мечтали. Главный смысл космических исследований заключался именно в этом; было написано так много научно-фантастических романов — и все на одну тему. Люди мечтали встретить себе подобных.

— Ну, это, наверное, нам удалось, — ответила Кейт. — Только не в космосе, а здесь. И это оказалась она. АРД.

Ард?

— АРД — так сама себя называет Земля. После Шестого Вымирания и эпохи Восстановления была разработана сеть контроля и наблюдения, которая объединила все экологические, геологические и климатические системы Земли. Это было сделано с той целью, чтобы никогда больше не допустить уничтожения биологических видов, не говоря уже о самой планете.

— Это мне известно, — сказал Коул. — «Охрана Земли».

— Сеть была самоконтролирующей и самодостаточной. А несколько тысяч лет тому назад мы обнаружили, что она обладает собственным разумом. После того как сеть уже проработала почти полтысячелетия, АРД вышла на контакт с несколькими правительственными органами (социальным, политическим, экономическим — все они работали во взаимодействии, все были выборными). Тогда человечество впервые столкнулось с посторонним разумным существом.

— Которое мы сами и создали, — добавил Коул.

— И да, и нет. В каком-то смысле АРД наше дитя, но она же и наша мать. Если верить ей, она вела осознанное существование с самого начала Времен, мы же только подтолкнули ее к контакту и снабдили ее соответствующими средствами связи. Но любая сознательная сущность считает, что существовала всегда. Тогда возникло много споров. Многие люди вспомнили о религии, потом о войне, ведь оба понятия тесно связаны. Но и радости было много. Ведь жизнь во Вселенной может быть очень одинокой.

— Да, — промолвил Коул; они как раз поднялись на

Монмартр. Внизу перед ними расстилался весь Париж, он не выглядел ни старым, ни новым — вечный город. — И на что похожа эта АРД?

— Мы не так много о ней знаем, — ответила Кейт. — Она вышла на контакт с нами, но никогда не проявляла особого интереса к нам самим. Она общалась лишь с определенными группами или организациями, но не с отдельными людьми. Она и сейчас следит за всеми системами, поддерживает их правильное функционирование и говорит, что всегда это делала, с самого момента зарождения жизни на Земле и даже раньше — только никогда не говорила об этом. Так утверждает она. Кое-что она изменила. Она сообщила нам, например, что на планете имеются закрытые для людей места; люди не должны появляться там. Мы это понимаем. Но она почти никогда не разговаривает с нами, а мы с ней.

Они спустились с холма и вернулись в ресторан. Ли вместе с тремя модернистами все так же сидел под деревом и пил абсент. Кейт и Коул заказали бутылку бордо.

Коул хотел задать Ли несколько вопросов, ведь теперь с помощью переводчиков они могли легко общаться. Но Ли все еще распространялся об ужасах Шестого Вымирания. Коул был поражен красноречием Ли, хотя все это было ему давно известно. И потому он занялся тем, что открывал и закрывал свою новую книгу, а она то увеличивалась в размере, то снова уменьшалась.

— Честер Хаймз, — прошептал один из мужчин, белый. — Очень популярный автор. В ваше время его тоже знали?

— Даже не слышали, — ответил Коул.

— Этот наш визит к вам так неожидан, — произнес Ли. — Мы думали, что к этому времени вся Земля превратится в пепел. Или в кучу мусора.

— Теперь мы живем намного проще, — сказала Кейт. — И в городах, и в деревнях запросы людей стали скромнее. Совсем не обязательно, чтобы все постоянно росло и увеличивалось.

— Ерунда! — бросил африканец. — Все уже устали от того, что для поездки в Париж или в Лагос нужно получать специальные разрешения. Я хочу ездить, когда и куда хочу.

— Жди пятидесяти, — ответил молодая женщина, которую звали Мишель. Она же и объяснила, что в жизни каждого человека существует два периода — от восемнадцати до двадцати лет и от пятидесяти до пятидесяти пяти, — когда они могут свободно путешествовать по планете (естественно, кроме тех мест, на которые наложила запрет сама АРД); в это время люди могут не работать. Самой Мишель было двадцать четыре года.

— А дети? — спросил Ли.

— Никаких ограничений относительно числа детей, — ответила Кейт. — Хотя смертность устанавливается с учетом ограничения населения планеты.

— И каковы эти ограничения? — снова спросил Ли.

— Примерно шесть-семь миллиардов. Этот предел установила АРД. Она не сообщила нам конкретную формулу, но таковая имеется; она же указывает, сколько детей следует отменить. Если человек доживает до пятнадцати лет, значит, он может рассчитывать дожить и до семидесяти пяти или восьмидесяти, — если, конечно, ничего непредвиденного не случится.

— Что вы имеете в виду под словом «отменить»? — спросил Коул.

— Вам вряд ли это понравится, — ответила Мишель; она смотрела в бокал с абсентом, словно это был магический кристалл. Потом подняла глаза, рассмеялась, откинула волосы назад и заказала еще по бокалу fee vert [221].

Коул обрадовался, когда Ли прикрыл ладонью свой бокал.

— Наш курсор замигал, — промолвил Ли. — Боюсь, что настал момент прощаться. — Он вышел из-за стола, за ним и Коул. Они расцеловались со всеми в обе щеки. Последней была Кейт.

— Куда мы направляемся? — шепотом спросил Коул.

— Вперед, — ответил Ли. — Эти Старики отправляют нас еще дальше вперед.

— А как насчет «Дорогого Аббатства», формулы, которую мы разыскиваем?

— Очевидно, именно так и надо, — сказал Ли. — Может быть, именно это и приготовили для нас Старики.

Модернисты махали им на прощание. Так показалось Коулу. Но выяснилось, что на самом деле они хотят взять назад свои переводчики.

Пришлось бросить их, Мишель поймала оба.

Неожиданно Коул вспомнил, что оставил на столе под платаном книгу Хаймза. Но Ли уже нажал кнопку «ВОЗВРАТ», и вот снова запищали мыши…

1 +

По рокочущим звукам музыки Коул догадался, что они опять оказались в здании студенческого союза. Музыка рэп материализовалась намного раньше самого подвального помещения, но вот знакомые пол, стены, дверь, часы… девять семнадцать.

Значит, они отсутствовали всего десять минут? А ему казалось, что прошло так много дней! Коул чувствовал себя более чем странно, словно что-то было не в порядке. Потом вдруг он заметил рукав куртки-сафари Ли и понял, в чем дело.

— Ли, почему мы вернулись? Я думал, мы летим дальше.

Ли посмотрел на Коула.

— Домой…

Он не успел договорить, как отворилась дверь. Они увидели огромную голову Паркера. Вид у Паркера был очень недовольный (словно у Элмера Фадда из комиксов о Багз Банни).

— Доктор Ли! Мистер Коул. Недаром мне показалось, что я что-то услышал. Что, черт побери, вы тут делаете, тем более в такое позднее время? То есть вы не…

— Нет-нет, — ответил Ли. — Нет проблема.

— Через полчаса мне нужно начинать уборку помещения!

— Нет проблема, — снова повторил Ли.

Паркер с шумом закрыл дверь.

— Почему он все время с таким удивлением сюда заглядывает? — спросил Коул. — Он что, думает, что сегодня День сурка? [222]

— Нет проблема.

— Нет проблем? А мне кажется, что есть. — Коул высвободил свою руку и поднялся на ноги. — Что тут вообще происходит? Кто такие эти Старики? Где формула «Дорогого Аббатства», которую нам нужно получить?

— Придержи лошадей! — Ли снова говорил с техасским акцентом. Он внимательно смотрел на экран своего маленького компьютера, потом начал вводить цифры.

— Ли, черт бы тебя побрал, ответь мне! Я думаю, может, стоит все хорошенько обдумать заново? Я имею в виду «Дорогое Аббатство»!

— Не нам, — ответил Ли. — Придерзи лосадей!

Бип-бип. Звуки издавал компьютер. Пустой экран, только в самом центре мигал курсор.

— Открылся новый кусок времени. — Ли похлопал рукой по сиденью. — Мы не закончили.

— Может, ты и не закончил, — ответил Коул, — но я, черт бы все это подрал, закончил. — Он собирался уйти, но почему-то стоял на месте. Ли схватил его за руку и усадил рядом с собой в планер.

— Не надо, — сказал Коул, но Ли его не слушал. Он нажал на кнопку «ВОЗВРАТ», и вот снова… Мышиный писк.

+100 000

Падение…

Кружение…

Теперь Коул стал настоящим ветераном путешествий во времени; одним из двух самых опытных путешественников в истории человечества (по крайней мере, он никогда не слышал о других). Теперь он знал, что лучше держать глаза закрытыми (по крайней мере, он думал, что его глаза закрыты). Цветные полосы кружились перед глазами, вот они стали белыми, и он решил (или понадеялся), что они снова вернулись в Париж. Тут он открыл глаза — а может, они были открыты и до того? Они находились в пустом помещении с деревянным полом, свет поступал снаружи через застекленные створчатые двери. Где-то вдали раздавались музыка, странные нежные звуки струн, барабанов и колокольчиков. Никакой тревоги, никакой паники. Он совсем не спешил выходить из планера. Он помнил, что была какая-то проблема, но какая именно, вспомнить не мог. Ну так и что? Воздух был теплый и какой-то сонный. Он прикрыл глаза, откинулся назад и прислушался к голосу — кто-то что-то бормотал на китайском языке.

Это был Ли. Он стучал пальцами по экрану своего компьютера, закусив губу, как ребенок, пытающийся развязать узел на шнурке.

— Проснись, Коул, — сказал он, не отрывая взгляд от компьютера. — Мы прошли еще один кусок.

— Я знаю, — ответил Коул. Тут только он заметил, что ни у Ли, ни у него самого на плече не было переводчиков. — Ты снова говоришь по-английски!

— Нет, это ты стал понимать мандаринский диалект.

Это было действительно так. Когда Ли говорил, в воздухе рядом с его правым ухом образовывалась небольшая прозрачная складка. Ли говорил своим обычным голосом (не как в Париже), а если Коул краешком глаза наблюдал за складкой, то прекрасно понимал все, что говорил Ли, хотя, естественно, китайского не знал.

— Где мы? — спросил Коул. — Или правильнее спросить «в

каком времени»?

— В этом я как раз и пытаюсь разобраться. Тут совсем другие алгоритмы. А тем временем…

— Тем временем мы тут совсем одни, — продолжал Коул. — Ты говоришь по-английски, или я понимаю мандаринский диалект, или ты понимаешь английский, или…

— Я всегда понимал английский, — улыбнувшись, заметил Ли.

— Пусть будет так. Но давай же поговорим. Почему ты мне не рассказываешь, что происходит, без увиливаний и хитростей? Где мы? Куда направляемся? Как дела с «Дорогим Аббатством»?

Ли кивнул.

— Я просто ничего этого не знаю, — сказал он и, встав, положил мини-компьютер в карман. — Кто-то что-то добавил к нашим алгоритмам с помощью инфракрасного порта. Дополнительные действия. Но пойдем. Сначала попробуем разобраться, где мы.

— То есть в каком времени. — Коул вслед за Ли вышел через створчатые двери на узкий балкон. Перед ними расстилался город, но не Париж. Город был тихий, он раскинулся на невысоких холмах; почти никакого шума, кроме шороха пальмовых листьев об окна.

Они стояли на балконе второго этажа, который выходил на широкую, многолюдную улицу. Машин почти не было, в основном рикши. Немногочисленные автомобили напоминали скорее мототележки; они осторожно двигались в толпе неспешно прогуливавшихся людей в ярких, свободных одеждах. Кожа у людей варьировала от бледного до темно-коричневого цвета. Воздух был тропическим — сыроватым, но приятным. Коул чувствовал запах рыбы, дыма, свежесрубленного дерева и еще какой-то незнакомый аромат.

Будущее? Коулу казалось, что они попали в прошлое — спокойное, мирное прошлое. Но он не поддался очарованию этой жизни.

— Зачем мы здесь? — спросил он снова. — И самое главное — где то звено ДНК или что там еще, за чем нас послали?

— Может, Старики поведают нам об этом, — высказал предположение Ли. — Я так же ничего не знаю, как и ты.

— Вот как? А я думал, ты сам все это придумал.

— Только начало, — ответил Ли. — Давай я тебе кое-что расскажу. Начну с далекого прошлого.

И улыбнулся, чтобы показать, что шутит. Коул тоже улыбнулся — из вежливости, хотя совершенно не хотел даже казаться вежливым.

— Я работал в Массачусетском технологическом, — начал Ли. — Исследовал определенные математические аномалии, над которыми начал работать еще в Китае: межпространственные квантовые конгруэнтности, с помощью которых математика прослеживает закономерности пространства и времени, пусть «только» иногда. Несмотря на мой статус беженца, я поддерживал связь с коллегами в Китае; вы, европейцы, называете подобных людей странным словосочетанием «защитники окружающей среды»…

«Вы, европейцы»! Но Коул решил промолчать.

— Они действовали подпольно, разумеется, но поддерживали связи с организациями по всему миру. В Поднебесной есть много такого, о чем вы, европейцы, даже не догадываетесь, — в чем-то законы намного строже, в чем-то мягче. Они, то есть мы, так же как и вы, пришли к идее о «Дорогом Аббатстве». И название нам очень понравилось — Банда гаечного ключа; это название популярно в Китае, хотя не все остальное, что с этим связано, было нам так же близко.

— И вы… не сомневались?

— Конечно, сомневались. Но нас не волновали, как вас, хаос и страдания, которые должны были проявиться вначале. Мы пережили Культурную революцию. Поэтому, когда стало ясно, что последняя последовательность генов, необходимая для приведения плана в действие, может быть получена лишь после целого века интенсивных исследований в области клеточной генетики, мы были разочарованы не меньше вашего. Мы прекрасно знали, что нам нужно, знали даже, где именно это искать, — в будущем, ровно через сто лет от нашего времени. Словно нужная нам вещь лежит себе на полке, но дотянуться до нее невозможно.

— И тут на сцене появились вы.

Ли улыбнулся.

— Я работал в МТИ над логарифмом квантовых аномалий, и вот получаю некое послание по электронной почте. Крайне необычное.

— Из будущего.

— Еще более необычное. Из будущего от самого себя. Оно пришло из Парижа, хотя это я обнаружил много позже, когда сам попал туда и «модернисты» показали мне его в садике ресторана. Я послал его сам себе, пока ты бродил по les arrondise-mants [223]. Я знал, что надо послать письмо, потому что знал, что получил его. Какое странное чувство, Коул! Представляешь, что испытывает человек, когда на короткое время становится временной аномалией, которую сам же вычислил и предсказал;

причина и следствие сосуществуют в одной орбитальной гейзенберговской траектории!

— Ужас просто, — закивал Коул. — Значит, «модернисты» объясняли тебе математическую подоплеку путешествия во времени. Почему же они не дали тебе звено ДНК для «Дорогого Аббатства»?

— У них его не было; они даже никогда о нем не слышали. Они снабдили меня алгоритмами и координатами, которые нужны были мне для путешествия в будущее; конечно, в квантово-аномальной математике координаты и алгоритмы — это одно и то же. Поэтому-то, когда я увидел электронное послание от самого себя, то сразу понял, что это такое и для чего предназначено.

— Ты получил его до того, как отправил.

— С разницей в десять тысяч лет, Коул. Только подумай. Я сразу вышел на своих коллег и на твоих тоже, а потом принялся готовить это путешествие. Мне пришлось уйти из МТИ. С профессиональной точки зрения это было труднее всего.

— Представляю, — поддержал его Коул. — Ты сделал это, чтобы тебе никто не мешал?

— Нет. В Свике, конечно, работать легче, ведь никому нет дела до того, что ты делаешь. Но меня больше всего интересовало местоположение Свика. Местоположение не влияет на время, но временные петли, через которые можно совершать прыжки, доступны лишь в определенных точках пространства. Все остальное тебе известно. В результате нашего небольшого путешествия мы должны были войти во временную петлю и получить последовательность генов. Я думал, мы не сможем сами побывать в будущем, потому и взял камеру. И все шло по плану, пока… ну ты сам видел, что произошло.

— Видел, — ответил Коул. — И кто же был тот человек, которого застрелили, прежде чем он успел передать нам эти сведения?

— Не знаю. Может, один из Стариков. Тот, кто хотел, чтобы мы их получили. Хотел, чтобы план «Дорогое Аббатство» был успешно воплощен.

— А застрелили его те, кто был против «Дорогого Аббатства»?

— Не знаю, — ответил Ли. — Знаю только, что мы не получили то, за чем прибыли. И что мы сами попали в будущее, а не просто наблюдаем за ним. Нас ведут вперед в будущее через определенные промежутки времени. На каждой стадии мне меняют цифры, иногда при помощи инфракрасного порта, иногда другими способами. Эти Старики, кто бы они ни были, все дальше затягивают нас в будущее. Я надеюсь, это для того, что бы

сообщить нам последовательность генов.

— А может, они хотят предупредить нас, — сказал Коул. — Может, прежде чем дать нам информацию, хотят показать нам, чем чреват план «Дорогое Аббатство». Может…

Тук! Тук!

Кто-то постучал сзади по стеклу. Они повернулись и увидели очень высокого и очень темнокожего мужчину в ярко-голубом одеянии. Стоя в открытых дверях, он снова вежливо постучал по стеклу.

— Добро пожаловать… — Рядом с его ухом появилась такая же прозрачная складка. — Доктор Коул, доктор Ли. Надеюсь, путешествие прошло хорошо.

Он говорил на мелодичном китайском языке, или так показалось Коулу, — сам он следил за складкой и понимал каждое слово.

— Да, не без приятности, — ответил Ли на мандаринском диалекте. — Но у вас есть преимущество: вы знаете, как нас зовут, а мы не знаем вашего имени. Вы один из Стариков, которых мы ищем?

— Нет-нет. — Мужчина улыбнулся. — Меня зовут Амаду Пессоа, я ваш гид; Старики велели мне встретить вас и послать вас дальше.

— Дальше? — Коулу это совсем не нравилось. — Скажите, какой сейчас год?

Услышав ответ, он даже покачнулся. Он хотел было сесть, но побоялся, что может показаться грубым, и потому прислонился к перилам балкона и закрыл глаза, пока голова не перестала кружиться. Тогда он спустился вслед за Ли и их гидом по лестнице и вышел на улицу. Они оказались в 116157 году по гонконгскому летосчислению (то есть в 118520-м от Рождества Христова). Уехали на сто тысяч лет в будущее.

Их гид Амаду провел их по городу, который назывался Бахия и был расположен на восточном побережье Южной Америки, ставшей уже отдельным континентом. Они ехали по ухабистым улицам в небольшой открытой машине на трех толстых колесах. Казалось, что машина едет сама по себе, но, возможно, Амаду управлял ею каким-то непонятным для них образом. Многие люди на улице были в таком ярком гриме, что напоминали сбежавших из цирка клоунов, но встречались прохожие вообще без грима.

Страхи Коула о возможности полного исчезновения африканской расы развеялись сами собой, потому что по улицам Бахии бродили люди с самым разным цветом кожи — от черной до самой светлой, хотя темный цвет преобладал. Рост и цвет

волос у людей тоже были разнообразными.

На первый взгляд никто не работал. Ли даже поинтересовался, не попали ли они на какой-нибудь курорт, но «складка» Амаду то ли не перевела вопрос, то ли попросту он не захотел отвечать. Ли не настаивал.

— Может, мы оказались в таком далеком будущем, — шепнул ему Коул, — что все человечество ушло на пенсию.

— Ты, видимо, шутишь, — ответил Ли. Его больше интересовали Старики. Кто они такие? И что им нужно?

Амаду ничего не мог ответить.

— Они никогда не общаются с нами напрямую. Место и время вашего прибытия нам сообщили по РВР, послание было передано из далекого будущего. Меня выбрали для того, чтобы встретить и сопровождать вас. Это большая честь.

— Скорее честь для нас, — заметил Ли. — Но расскажите нам про РВР.

Амаду так и сделал. Оказывается, Ли так легко заговорил, а Коул мог спокойно все понимать именно благодаря РВР — тем самым прозрачным «складкам», которые были объединены в мировую коммуникационную сеть с базой данных, облегчавшую в этом далеком будущем все задачи общения, перевода, архивации, бухгалтерского учета и регистрации всех аспектов человеческой жизни. Эта система была для каждого человека чем-то вроде личного джина и напомнила Коулу высказывание Артура Кларка о том, что любая продвинутая технология будет казаться людям волшебством.

— РВР пытается предугадать наши желания и исполнить их, — продолжал Амаду. — Он даже пробует развеселить человека, когда тому становится грустно.

— Значит, вам все-таки бывает грустно, — заметил Ли, — даже в вашем на первый взгляд идеальном мире?

— Конечно, — ответил Амаду. — Ни сам мир, ни существа, живущие в нем, не совершенны и не все способны к совершенствованию.

— Как я всегда и подозревал, — ответил Ли.

Они с Амаду принялись обсуждать эту тему, которая, по всей видимости, интересовала обоих, а Коул узнал от РВР («складка» сама нашептывала все ему на ухо, причем по-английски!), что система была изобретена и разработала сама себя при помощи необиологических наноботов 19376 лет тому назад.

— Официальное название системы — РВР, что означает… — И «складка» произнесла слова на каком-то совершенно непонятном Коулу диалекте, а так как у «складки» своей «складки» не было, то слова так и остались нерасшифрованными.

Амаду забрал из школы дочку и ее подругу. Школа располагалась в невысоком здании, встроенном в скалу прямо у небольшого морского залива. Им навстречу выбежали две маленькие девочки семи лет в ярких платьицах и ботинках, которые с каждым шагом меняли цвет.

Если вам интересно узнать, что думали эти маленькие девочки о пришельцах из далекого прошлого, то можете быть уверены — абсолютно ничего. Коул и Ли были для них просто двумя новыми взрослыми, которые, подобно деревьям, маячили где-то на горизонте их юных жизней. Девочки прыгали и щебетали, бегали и кружились, играя друг с другом и не обращая никакого внимания на взрослых, в том числе и на Амаду. Коула интересовала глобальная система коммуникации, РВР.

— РВР все запоминает, — продолжал Амаду. — Предположим, вы хотите выйти на того флейтиста, с которым повстречались во время музыкального фестиваля в Норвегии четыре года тому назад…

— Ага, значит, у вас все еще есть страны и нации, — прервал его Коул.

— Да, конечно, — ответил Амаду. — Это матрицы языковых групп и культур. Без наций откуда взялись бы музыка и искусство? Сначала семья, потом племя, а затем и нация. Мы тщательно храним это. Люди существа социальные, а общество состоит из разных личностей. Просто мы переросли конфликты, которые раньше возникали между различными племенами и нациями. У нас не было выбора: либо перерасти их, либо умереть.

— Так что там насчет парня из Норвегии…

— А кто сказал, что это был парень? — Амаду рассмеялся. — Но РВР запоминает все подобные встречи и выдаст вам имя, адрес и даже сообщит, хочет ли человек встречаться с вами или нет.

— А если я ни с кем не хочу видеться? — спросил Коул.

— Об этом тоже позаботится РВР, — ответил Амаду. — На счет идей у РВР бывают просчеты, но с чувствами он ошибок не допускает. Потому что РВР сам все чувствует. Дотроньтесь до него, вот так. — И Амаду поднял руку и приставил ее к уху, как человек, который внимательно к чему-то прислушивается.

Коул повторил его жесты.

— Видите?

Видите? Коул чувствовал. Такое теплое, потрясающее ощущение — от самых кончиков пальцев, по всей руке, через сердце и голову вниз, к пальцам ног. Как первая струя табачного дыма после долгого воздержания; Коул даже покраснел.

— Это РВР, — сказал Амаду.

— Но РВР меня даже не знает! — воскликнул Коул.

— Уже знает. РВР знает нас, людей. Знает всю нашу историю на протяжении миллиона лет. И любит нас. Всех нас. — Дальше РВР вместе с Амаду объяснили, что РВР — это ответ на потребность людей в теплоте, участии и дружбе. РВР даже разделял разочарование относительно того, что АРД, другое разумное существо Вселенной, абсолютно не заинтересована в людях, которые одновременно были и ее создателями, и ее же творениями.

— РВР любит нас, — продолжал Амаду. — Что доставляет боль нам, причиняет боль и ему. АРД холодна. Мы все любим АРД, но она нас не любит. А от этого становится больно.

— А этот РВР любит? — спросил Ли. — Любит вас? Любит нас?

— Попробуй, Ли, — предложил Коул. — Ты сам увидишь.

Ли попробовал и «увидел». Он закрыл глаза, поднял руку и лишь произнес:

— Боже мой!

День тянулся долго и медленно; постепенно становилось понятно, что Амаду просто убивает время, развлекает своих гостей, пока не настанет время провожать их. В отличие от «модернистов» в Париже, живших почти за сто тысяч лет до него (неужели их всех так давно нет в живых? On sont les neiges? [224]), Амаду почти не интересовали Ли с Коулом или их время. «Может быть, человечество просто уже не волнует его прошлое и оно живет только будущим?» — подумал Коул.

И это очень встревожило его.

— Нам пора возвращаться, — сказал он Ли. — Не надо так далеко отходить от планера. Нам надо вернуться до десяти.

— Мы ничего не можем сделать, пока не замигает курсор, — сказал Ли и показал на мини-компьютер. — А пока давай радоваться жизни, радоваться завтрашнему дню сегодня.

«Радоваться завтрашнему дню сегодня». Ли надо сочинять афоризмы. Самое смешное, что сказал он правду: они имеют возможность радоваться завтрашнему дню. Время здесь было таким же свободным, как и одежды людей. Человечество, видимо, оставило свою навязчивую привычку делить день, час и минуты на еще более мелкие доли; день начинался с утра, постепенно переходил в полдень, потом в вечер. Дни, недели и месяцы сохранились, их сменой управляли солнечные и лунные ритмы.

Ли с интересом узнал, что день удлинился по сравнению с прошлым примерно на целую минуту. РВР помогал ему с вычислениями. Наверное, предположил Коул, все дело в неспешности ритма жизни в Бахии.

— А как насчет болезней? — спросил Ли. — Или бактерии

исчезли?

— Нанодоктора, — ответил РВР. — Люди умирают либо в результате несчастных случаев, либо от старости.

— В каком возрасте?

— Девяносто-сто лет.

Они подошли к морю, оставив машину на улице. Кто-то сразу ее взял. Коул пропустил вперед Ли, Амаду и скачущих девочек, а сам остановился покурить с престарелой четой, которая сидела на плоском камне и любовалась морем.

Старики поведали ему, что курение разрешалось (даже поощрялось) только с шестидесятипятилетнего возраста.

— До этого можно курить потихоньку, но больше пачки в неделю вам не продадут. Так что многие с нетерпением ждут старости. — Старикам было семьдесят три и семьдесят семь, они возвращались с похорон его предыдущей жены, которая погибла при пожаре в семидесятилетнем возрасте.

— Она умерла слишком рано, — заметила женщина, которую звали Перл (так же, как и ее маленькую собачку).

— По мне, можно было бы и раньше, — сказал мужчина. Его звали Роб. Он принялся возбужденно рассказывать историю любви и сумасшествия, но Коул извинился и ушел. Он никогда не любил стариков, разве что своих бабушку с дедушкой. А сейчас он в некотором смысле был самым старым здесь.

Нет, вторым по старшинству. Он догнал Ли, Амаду и девочек у спуска к морю. Море за сотню тысяч лет нисколько не изменилось. Наверное, оно было точно таким же и миллионы, и сотни миллионов лет назад. Такой же маленький запах смерти. На волнах качались парусники. Далеко, у самого горизонта, Коул заметил большой корабль с белыми парусами; когда он снова взглянул в том направлении, корабля уже не было.

Коул дернул Ли. Но никаких сигналов не было, курсор не мигал.

Небо сияло чистой голубизной. В городе, простиравшемся сзади, деревьев было гораздо больше, чем домов. Коул спросил о других городах планеты. Больше всего Амаду нравились Каир, Париж и Пекин. Они с женой бывали во всех этих городах. Его предыдущая жена жила в Гонконге, которого он не любил. Слишком высокие здания, слишком много людей.

Амаду спросил о Нью-Йорке, где жили его тетка и мать. Коул ответил, что хорошо знает этот город… грубый, тяжелый, шумный, старомодный даже в далеком прошлом.

— Но величественный, — подытожил он. — Великий город.

Амаду отнесся к этому скептически.

А войны?

— Да, бывают конфликты, — ответил Амаду. — Даже иногда убивают друг друга, но, пока конфликт не зашел слишком далеко, его улаживают в Холле, нашем правительстве, которое заседает раз в месяц. Ежедневные административные вопросы решает РВР, а если вопрос касается планеты в целом, что случается часто, то участвует и АРД.

АРД и РВР неплохо ладят друг с другом, уверил их Амаду, несмотря на то, что АРД не разделяет любви РВР к человечеству. Коул решил, что это связано с поведением людей в далеком прошлом, которое для него было настоящим, то есть в эпоху Шестого Вымирания. Но Амаду возразил, сказав, что АРД не то чтобы ненавидит человечество, просто не проявляет к нему никакого интереса.

— Это еще хуже. — Ли бросил камешек в море, тот подпрыгнул восемь раз. Коул был удивлен — как же мало он знает о своем спутнике. Даже дочка Амаду захлопала в ладоши. Девочки босиком бродили по мелководью, а Коул держал их туфли — маленькие, голубенькие, они свернулись у него в руке, словно котята.

Ли интересовался сельским хозяйством. Оказалось, что основные фермы находятся в море. Коула это совершенно не интересовало, и он не стал слушать. Мимо проехали верхом на слоне дети.

— Слоны вернулись? — воскликнул Коул.

— А что, они исчезали? — Впервые Амаду, казалось, что-то заинтересовало в далеком прошлом планеты. — У вас не было слонов?

— Были, — ответил Ли, — но мы плохо заботились о них.

Вид у Амаду был озадаченный.

— Разве они сами о себе не заботятся?

— Они пытались, — ответил Коул.

— Не все слоны погибли в эпоху Шестого Вымирания, — подсказал РВР. Он был прекрасным источником информации. — В джунглях Африки осталось несколько штук. Но индийские слоны действительно пропали навсегда. Очень грустно.

Очень грустно. При виде слона Коул не развеселился, как можно было бы ожидать, а загрустил еще больше. Тени постепенно удлинялись, и они направились назад, туда, где оставили планер, в дом на Главной улице. Карманный компьютер Ли все еще не подавал никаких признаков жизни, а день клонился к концу.

— Мне бы хотелось так много еще спросить перед отъездом, — сказал Коул. — Расскажите об Африке. О США. Об уровне моря.

Африка была заселена вновь, ответил РВР. Сахара исчезла. Уровень моря оставался примерно прежним; таким он, скорее всего, будет и всегда. США разделились на этнические и языковые сообщества. Разве это произошло не во времена Коула? Распад мегагосударств…

«Не совсем», — ответил Коул.

На планете живет около шести миллиардов человек (5 987 097 543 — шепнул ему на ухо РВР), большинство — в городах. Небольшая часть людей живет в «дикой местности», но АРД старается сохранять подобные уголки для существования других биологических видов. Люди бывают там лишь с целью охоты.

— Разве охота разрешена? — спросил Ли.

Коул удивился, он был уверен, что Ли даже не слушает, а РВР общается с ним одним. Разговор с РВР казался ему таким личным.

— Именно эту часть человеческой натуры АРД понимает лучше всего, — ответил Амаду, который, оказывается, тоже прислушивался к разговору. — Сам я рыбак, но другим больше нравится охота. Думаю, что это заложено у нас в генах.

— У меня нет генов, — сказал РВР, — но я предпочитаю быть с тобой, когда ты охотишься. Только во время охоты АРД бывает тобой довольна.

— А как же убитые животные? — спросил Ли. — Разве им нравится, что их убивают?

— Ничто живое не любит, когда его убивают, — ответил РВР. — Но все живое должно умирать.

— И ты тоже? — спросил Коул.

— Я не думаю об этом, — ответил РВР. — Я не думаю о том, о чем я не думаю. Но вот охота — мне нравится думать об охоте. Погоня, выстрел, добыча. Только во время охоты мы все объединяемся: и АРД, и я, и люди.

Коул вдруг понял, что с точки зрения РВР все они, все человечество — одно существо. Он обиделся, но лишь слегка.

Солнце садилось за синие холмы на окраине города, который был таким тихим, что и городом-то его трудно было назвать (по мнению Коула). Девочки остались в центре под открытым небом, где проводилась какая-то вечеринка. В сонном городе любили устраивать вечеринки, наряжаться, хорошо поесть и получать от жизни максимум удовольствия.

— А почему бы и нет? — спросил у Коула Ли. Они медленно шли следом за Амаду. — Почему бы и нет, они ведь пережили технологический взрыв, который начался в тысяча пятисотом году, а я был уверен, что человечество не переживет его. Почему бы им теперь не расслабиться и не посвятить свою жизнь удовольствиям?

— Слишком хорошо, чтобы быть правдой, — ответил Коул.

— Но я китаец, — сказал Ли. — Мы знаем цену терпению и времени, и знаем, как медленно происходят любые перемены.

Не забывай, что у нас стабильное общество, которое существует в два-три раза дольше вашей Римской империи. Вы, европейцы, признаете лишь перемены. Нестабильность.

— *Наша* Римская империя? — переспросил Коул. — Но я не европеец!

— Нет, европеец.

Они подошли к ларьку, в котором продавались дары моря, и полакомились устрицами — их подавали прямо на половинке раковины. Амаду расплатился, мигнув глазом. Счета помечались с помощью кода сетчатки глаз, и поступал в экономическую базу данных РВР. Ли и Коул поделили блюдо на двоих, а потом запили его ледяным пивом из бутылок. Пиво охлаждалось, стоило открыть бутылку. Коул уже подумывал, не заказать ли еще пива, когда услышал долгожданный звук.

Бип-бип.

Ли показал ему на курсор — тот замигал.

Они поймали пустую машину и направились через город к планеру. Машина сама знала дорогу, хотя сюда они приехали совсем по другой.

Амаду ехал сзади, он с трудом сдерживал зевоту. Такой обходительный, но видно, что он устал, скучает и рад тому, что они улетают.

— Попрощайтесь за нас с девочками, — сказал Коул. Потом забрался в планер и почувствовал, как рука Ли, еще холодная после пива, сжала его собственную руку.

Ли нажал на кнопку «ВОЗВРАТ», снова запищали мыши… и по мертвой тишине Коул догадался, что они далеко, далеко, далеко от дома.

+1 000 000

В этом временном промежутке Коул впервые почувствовал себя полностью дезориентированным — не потому, что оказался в будущем, спустя миллион лет после собственной смерти, а потому, что весил в шесть раз меньше обычного. Фунты оказались важнее лет.

Впервые он чувствовал себя действительно странно. Хотя и понял сразу, где они оказались. Через прозрачный купол он смотрел на голубую планету, которая висела на пепельно-сером горизонте и казалась такой близкой, словно до нее можно дотянуться рукой.

Он был на Луне.

— У-у-ух, — тихо сказал он. — На такое я не подписывался.

— Я тоже, — ответил Ли. — Но вот мы здесь. — Коул с облегчением заметил, что их переводчик, РВР, все еще с ними — вот он висит около уха Ли и около его уха тоже.

Они с Ли одновременно поднялись, держась за руки. Они так мало весили, что казалось, будто кто-то их поддерживает, помогает. Они находились в какой-то оранжерее, которая освещалась яркими полосками света на полу и еще голубовато-белой Землей.

— Эй! — крикнул Ли. — Кто-нибудь тут есть?

— Да, конечно, — ответил РВР. Его отрывистый шепот прямо над ухом успокоил Коула. — Она уже здесь. Обернитесь.

Помещение было длинным и узким, кругом стояли растения с крупными листьями. Они услышали высокий поющий звук. Коул обернулся: по длинному проходу между двумя рядами растений к ним приближалась седая женщина в инвалидной коляске. В колесах были невидимые спицы, которые и издавали поющий звук.

— Доктор Ли, доктор Коул, вот вы и прибыли, — сказала женщина. — Хотите кофе? Мы тут выращиваем лучшие сорта.

«Мы» было явным преувеличением, потому что женщина оказалась единственной представительницей человечества на Луне. Звали ее Зуи Зуисдоттер, а волосы у нее были вовсе не седые, а светло-желтые. Одета она была в мягкий спортивный костюм светло-кремового цвета, похожий на детскую пижаму. На вид ей было не больше шестидесяти. Кофе оказался превосходным, почти таким же замечательным, как вино в Париже и пиво в Бахии. Лунная станция Лоренс была основана триста семьдесят тысяч лет тому назад. Почти всю вторую половину срока она была в запустении, но потом Старики попросили восстановить и заселить базу, потому что она попадала в траекторию полета Ли и Коула.

— Значит, вы можете рассказать нам, кто такие Старики? — спросил Ли.

Нет. Зуи и ее община лишь получили послание, как и в предыдущих случаях. Эта лунная станция являлась промежуточной базой на пути Ли и Коула туда, куда их собираются отправить дальше Старики.

Зуи находилась здесь уже целый год, она ждала именно их.

— Мне нравится жить в одиночестве, — сказала она. — А снижение силы тяжести в моем возрасте даже на пользу. — На самом деле ей был девяносто один год. Она попала в аварию еще на Земле, одиннадцать лет тому назад, и с тех пор не может

ходить. Ее муж тогда погиб. Травмы позвоночника лечить научились, но нанотехнологии были слишком дорогостоящими и длительными. — Мне осталось жить не так уж много. Мне нравится здесь с Ровером и растениями. Я устала от людей.

Люди жили общинами по сто-сто пятьдесят человек; общины были языковые, рабочие и семейные. Но насильно людей там никто не удерживал, и Зуи ушла из своей.

Она провела Ли и Коула по оранжерее. Ли спросил, откуда берутся воздух и вода. Зуи показала на гряду остроконечных гор с белыми вершинами. Там около двухсот тысяч лет тому назад упала комета.

— Большая ошибка, — сказала Зуи. Луна оказалась легче, чем предполагали люди, и в результате столкновения сошла со своей орбиты. Теперь был нарушен ритм приливов и отливов на Земле. Лед кометы обеспечивал колонию на Луне воздухом и водой, но сама колония долго не просуществовала.

— Вообще ни одна колония не выдержала проверки временем, — продолжала Зуи. — На Ганимеде тоже были колонии, и еще на Марсе. В результате все они были закрыты. В космос летают лишь горнодобывающие бригады, да и их не так уж много. Посылали экспедицию на планету другой звездной системы, чтобы они основали там колонию, но от них ничего не слышно вот уже сотню тысяч лет.

Говорила она с помощью РВР, который называла Ровером. Они все говорили с помощью этих устройств: и Ли с Коулом, и Коул с Зуи, и она с ними обоими. Без помощи РВР Коул не смог бы понять ни Зуи, ни Ли. РВР объединил их, помог найти общий язык. Коул теперь и представить не мог, как обойтись без РВР.

Он постепенно привыкал даже к жуткой куртке-сафари Ли. На Луне она уже не казалась такой нелепой. Может быть, из-за снижения гравитации она стала лучше сидеть.

Зуи никогда не слышала о гонконгском летосчислении, и Ли решил определить время с помощью звезд. Они улетели в будущее на 1–1,3 миллиона лет. Почему-то это сообщение произвело на Коула такой же расслабляющий эффект, как и снижение силы тяжести. Он чувствовал себя призраком. Зуи повела их наружу. Скафандры были не нужны; она сказала, что они окружены коконом «плотного хорошего воздуха» и его хватит часов на шесть-семь. Уже через два часа Коул замерз, а на планете не было ничего интересного, только серый пепел и одинаковые грубые камни, которых никогда не касались ни воздух, ни вода.

Зуи снова привела их в оранжерею, там они разделись, приняли горячую ванну, а потом напились кофе. Обычно Коул

стеснялся обнаженного тела, но на Луне, в условиях пониженной гравитации, он не испытывал никаких неудобств. «Может быть, тела просто помнят те простые времена, когда они были маленькими, — подумал он, — гуманоидами или детьми». Они сидели в теплой воде под куполом оранжереи и смотрели на голубую Землю, на Тихий океан с белыми прожилками, словно мраморный шарик, в который обычно играют мальчишки. Миллион лет! Наша планета выглядела как гениальная мысль, пронзившая мертвую Вселенную.

Ли сидел на краю ванны, опустив ноги в воду. Он снова и снова проверял цифры на компьютере. Вид у него был оживленный.

— Миллион лет — это лишь начало в жизни удачного биологического вида, — сказал он. — Динозавры жили в течение сотен миллионов лет. Мы тоже можем просуществовать так долго. Пока мы еще младенцы.

Младенцы? Коул нащупал под водой руку Зуи. Она стара, а он еще старее.

— По крайней мере, нам удалось пережить свое собственное безумие, — промолвил он. — Но значит ли это, что мы не нуждаемся в «Дорогом Аббатстве»?

— Не знаю, — ответил Ли. — Может, и выжило-то человечество только благодаря «Дорогому Аббатству».

— Может, для них теперь это и не имеет значения, — ответил Коул.

— Что такое «Дорогое Аббатство»? — спросила Зуи.

Миллион лет — теперь уже можно было и рассказать.

— Ужас какой. Неужели все было действительно настолько страшно?

— Казалось, что да, — ответил Коул, а Ли согласно кивнул.

— Значит, «Дорогое Аббатство» должно было спасти Землю, но не человечество.

— Можно сказать и так, — ответил Коул.

— Они слишком крепко связаны друг с другом, — поправил Ли.

— Ну, вряд ли АРД скажет вам спасибо, — сказала Зуи. Она показала наверх — или вниз? — на голубую планету, которая медленно двигалась в невесомости. — АРД такая холодная, такая бездушная. Ровер совсем другой. — И она дотронулась до «складки» у своего уха. — Думаю, на Луне было бы очень одиноко, не будь со мной его. Да и во Вселенной тоже, правда, Ровер?

В отличие от Амаду, Зуи нравилось говорить. Коул даже подумал, что когда она остается одна, то, наверное, беседует с

РВР. Его РВР без запроса подтвердил это. Ли что-то мудрил с цифрами, а Зуи и Коул пили сладковатую лунную граппу.

Зуи рассказывала ему историю своей жизни. Она родилась в Исландии почти сто лет тому назад.

— Обычно люди живут меньше, — заметила она. — Мне помогла низкая гравитация. Да еще горе закалило.

Она похоронила троих детей и троих мужей. Эти голые просторы, покрытые серым пеплом и освещаемые светом голубой планеты, напоминали ей родной дом.

Ли ушел посмотреть растения. Он ходил по проходам оранжереи, трогал листья, нюхал большие цветы, покачивающиеся на узких низкогравитационных стеблях. Многие растения представляли собой совершенно новые виды, выведенные на Луне. Хотя Зуи заботилась о них, но в определенном смысле они ее мало интересовали. С растениями беседовал РВР, и сейчас он присоединился к Ли, оставив Зуи и Коула нежиться в воде, которая в условиях низкой гравитации напоминала жидкое серебро или ртуть.

Лунная станция совсем не означала возрождения интереса к космическим исследованиям.

— Космос никогда особо не притягивал людей, — сказала Зуи. — Космос — это просто дыра. Как только мы поняли, что мы одни во Вселенной, что, кроме нас, здесь никого нет, пропал смысл космических исследований.

Нет блестящих враждебных космических городов, нет галактических империй, которые могут превратить нас в друзей, рабов, пусть даже просто заметить. Никаких суперинтеллектов, никаких злобных сущностей. Никаких фей, ангелов, богов, — все это оказалось детскими фантазиями.

— И неудивительно, — сказала она, снова ткнув пальцем вверх. — Взгляните на Землю. Старый добрый дом. Она прямо кишит жизнью миллионов видов. Что бы мы ни делали, ничто не смогло ее сломить. Жизнь так и бьет ключом из каждой расселины, из каждого уголка. На этой планете идеальная атмосфера и окружающая среда: тепло, достаточно влаги и пищи, и все же…

Все же?

— Все же даже там жизнь возникла лишь однажды. Лишь однажды. Весь этот клубок разнообразных животных, растений, плесени, жуков, лошадей, птиц, червей, слизи — все это вариации одной-единственной жизненной формы. Один-единственный, таинственным образом повторяющийся виток ДНК. Даже на родной Земле, нашей старой, доброй, родной планете это произошло лишь один раз. Как же мы могли рассчитывать, что

найдем нечто подобное где-то еще во Вселенной?

Они держались за руки. Зуи подняла свою, а вслед за ней и руку Коула из воды, и они с удивлением и нежностью смотрели на собственные руки, словно перед их глазами свершалось некое чудо. Чудо, которое подходит к концу.

Голубая планета Земля повернулась к ним Африкой. «Бедная Африка», — подумал Коул. Очертания континента почти не изменились. В конце концов, миллион лет — это всего лишь мгновение.

Он рассказал Зуи, каково было африканцам миллион лет тому назад.

— Частично из-за предрассудков, но частично и из-за того, что Африка действительно развивалась медленнее других континентов.

Ли вернулся после осмотра растений и снова сел на край ванны, опустив свои маленькие, белые ноги в воду. Он с грустью покачал головой и произнес:

— Дурацкое объяснение, особенно если взглянуть на него с расстояния в миллион лет. Африка казалась отсталой только сквозь узкое окошко нашей собственной эпохи.

— Извини, — сказал Коул. — Наука развивалась в Европе. Европа первая полетела в космос. Европа первая пересекла Атлантический океан. Может быть, Китай тоже был на это способен, но он этого не сделал. Африка же оказалась далеко позади.

— Ты зря так уверенно говоришь, — парировал Ли. — Существуют признаки того, что африканцы могли переплывать Атлантический океан за пять веков до Колумба. Европейцы тоже переплывали, но они даже не заметили этого. Потому что мир был еще не готов. Когда же он стал готов, человеческая культура повсеместно запылала огнем науки. Пять веков от тысяча пятисотого года до двухтысячного были кратким мигом в истории нашего вида. Даже короче мига. Наука просто не могла не зародиться в этом тесно переплетенном клубке человеческих культур. Мир созрел для этого, и это случилось, случилось в Европе, а не в Китае, Индии или Африке. Ну и что? Когда бросаешь палку в огонь, один из ее концов загорается первым. Но безразлично, какой именно конец, ведь палка та же самая.

— Огонь. — Зуи перевела разговор в другое русло. — Вот единственное, чего мне не хватает на Луне. Огня. Будь у меня возможность развести тут костер и смотреть на пламя, я бы никогда не чувствовала себя одинокой.

— И я тоже, — поддакнул РВР.

Зуи протянула руку и погладила его. Коул заметил это и

сделал то же самое. Как будто дотронулся до живого существа. Ли поставил свой мини компьютер так, чтобы было видно, когда замигает курсор.

— Думаю, лучше отказаться от этого вашего «Дорогого Аббатства», — сказала Зуи. — И так в жизни каждого человека достаточно горя и катастроф, зачем сознательно усугублять все это?

— Интересно, — заметил Коул. — Ли, а что скажешь ты?

— Я думаю, что первые сто пятьдесят тысяч лет человеческой истории так изобиловали катастрофами и страданиями, что какая разница — одной больше, одной меньше? К тому же в данном случае эффект может оказаться положительным.

Коул содрогнулся, несмотря на то что вода была теплой.

— А что думаешь ты, РВР?

— Не знаю. — РВР явно был в замешательстве. — Вы хотите, чтобы я дал четкий ответ?

— Это все равно решать не нам, Коул, — сказал Ли. — Мы здесь всего лишь туристы, мы члены организации.

— Отвечай за себя, Ли. Я ведь говорил тебе раньше…

Словно специально, чтобы оборвать разговор, раздался предупреждающий сигнал компьютера: бип-бип.

Ли был уже одет, он мгновенно поднялся на планер и похлопал рукой по сиденью. Рука его, как курсор, ритмично отбивала такт.

— О'кей, о'кей! — вскричал Коул. Ему не хотелось расставаться с Зуи, он ведь знал, что никогда больше ее не увидит. Но ей, казалось, было все равно; она принадлежала к тем людям, которые с удовольствием говорят «до свидания», а тем более «прощай».

Ли нажал кнопку «ВОЗВРАТ», а остальное вам уже известно.

+10 000 000

Независимо от того, как далеко продвигались они вперед во Времени, путешествие всегда происходило одинаково. Свет, который на самом деле не свет, шум, который на самом деле не шум, — все напоминало взлет воздушного лайнера, и, как любой пассажир, Коул постепенно привыкал к новым ощущениям.

Путешествие во Времени уже не казалось ему странным. Разве он не занимался этим и раньше? Умение представлять будущее человечества — это определенный дар. Неужели это далекое и мирное будущее — результат той последовательности генов, которую они разыскивают? Несомненно, им расскажут об этом Старики, Los Viejos. Зачем же еще они разыскали Ли и Коула

в таком далеком прошлом и провели их через миллионы лет в будущее?

Миллион лет! Вместе со своим спутником он несся по белоснежным волнам-барашкам Времени… Он открыл глаза, когда почувствовал, как остановился планер. Ли высвободил свою руку.

Они не дома. Первая мысль, которая пронзила все существо Коула: они не дома.

Они были на деревянной террасе, с которой открывался вид на широкую равнину и горы вдали. Силуэт гор был ему незнаком. До определенной высоты горы были покрыты травой золотистого и янтарного цвета, выше — снегом. Никаких камней, никакого льда, никаких деревьев. Жизнь здесь была не намного разнообразнее жизни на Луне.

— Куда, черт побери, нас теперь занесло, доктор Ли?

— Ты же видишь, что я занят цифрами, доктор Коул. У нас опять новый набор цифр.

Планер остановился перед круглым столом, за которым могли разместиться четыре человека. За столом сидел мужчина и улыбался им. Коул уже стал привыкать к тому, что миры, в которые они попадали, появляются в их сознании постепенно. Он догадывался, что мужчина сидел тут с самого начала и наблюдал за ними, как обычно наблюдают за пробуждающимся ребенком.

— Привет, — сказал ему Коул.

— Привет, — ответил мужчина. — Добро пожаловать. Хотите чашку чая?

— Может, у вас есть кофе? — спросил Ли.

— Конечно.

— Мы оба предпочли бы кофе, если это вас не затруднит.

— Нет, нисколько.

Мужчина был не белым и не черным, он принадлежал к желтой расе; лицо у него тоже было азиатское. Темные волосы стянуты сзади в хвост. На ногах вышитые шлепанцы, которые негромко зашаркали по полу, когда мужчина пошел в дом за кофе. Звали мужчину Хилари, на вид ему было лет шестьдесят. Коул уже не стеснялся спрашивать возраст людей, но люди перестали вести точный счет.

Нет, он не Старик. Коул знал, что спрашивать бесполезно, но все равно спросил.

На улице постепенно темнело. Сначала исчезли из виду горы, потом потемнело небо, свет горел только в доме за спиной. Коул почувствовал волну теплого воздуха, когда дверь открылась и закрылась за Хилари. Он слышал тихую, приглушенную музыку — странно, но она показалась ему знакомой.

— Может, вы расскажете нам, кто такие эти Старики? — спросил Ли. — И где нам найти их… и когда?

— Ага. — Хилари поставил чашки на стол. — А мы надеялись, что это известно вам! — И он объяснил, что Старики всего один раз вышли с ними на связь, чтобы сообщить о прибытии Ли и Коула. Для встречи были выбраны Хилари и его жена Брин, их отправили сюда, в местность без названия; они должны были принять гостей и направить их дальше. Брин уехала на день в Эдминидин в гости к их старшей дочери Пленти. К ужину она должна вернуться.

Хилари не закрыл за собой дверь, и Коул узнал музыку, которая доносилась из дома. Он слышал ее и в Париже. Майлс Дэвис [225], медленные, грустные звуки «Элегии в голубом».

Он спросил про Париж. Хилари никогда о нем не слышал. Европа — это сплошной девственный лес, совсем тихим шепотом сообщил РВР. Крупные города расположены по берегам Тихого и южной части Атлантического океана. Лагос, Бонэр, Горал и другие.

Похоже, РВР усовершенствовался. Теперь он отвечал на вопросы Коула до того, как тот успевал их задавать.

— Ты читаешь мои мысли? — нервно спросил Коул.

— Нет, нет, — ответил РВР. — Ты просто, видимо, проговариваешь вопросы про себя. Но если тебе это не нравится…

Нет, нет. Коул вполне доверял РВР.

В сумерках на равнине он различал какие-то формы. Что это — антилопы? Олени? Лошади? Они то бежали, то снова останавливались, снова бежали и снова останавливались — тени, мечущиеся по траве.

Ли все еще подсчитывал координаты их последнего прыжка, а РВР уже нашептывал Коулу на ухо точные цифры. Они улетели в будущее на десять миллионов лет (10 521 022); с момента Великой Переправы и начала истории человечества прошло 10 634 123 года.

«Почему ты просто не сказал эти цифры Ли?» — тихо спросил Коул.

«Потому что доктору Ли нравится самому доходить до всего», — так же тихо ответил РВР.

Кофе был крепким и сладким, Хилари подал его в маленьких фарфоровых чашечках. На чашке Коула был изображен дракон, вылетающий из тучи. Чтобы кофе был горячее, надо было провести пальцем по часовой стрелке по краю чашки, тогда дракон изрыгал красное пламя. Таким же способом можно было остудить напиток.

— Десять миллионов лет! — Ли закрыл свой мини-компьютер

и сложил губы трубочкой, словно готовился присвистнуть. Хилари мрачно кивнул; действительно немало. Коул вдруг сообразил, что они с Ли для Хилари почти что первобытные люди, только что вышедшие из пещер.

Он оторвался от дракона на своей чашке и сказал:

— Десять миллионов лет! А мы все еще на Земле!

— Ну да, естественно! — ответил ему Хилари.

Коул был поражен, что человечество все еще существует, а Хилари решил, что он имеет в виду освоение космического пространства. Он объяснил им, что других планет, пригодных для жизни, просто нет. Иногда люди летают на Луну, на Марс же совсем редко, а колонии на лунах Сатурна и Юпитера вообще давно пришли в запустение. Добыча ископаемых на астероидах тоже сошла на нет; тяжелые металлы добывают путем переработки вторичного сырья.

Вселенная оказалась практически пустой. Ничего интересного, делать там нечего. Даже спустя десять миллионов лет никаких братьев по разуму…

Продолжительность человеческой жизни слегка увеличилась (но все еще не достигла отметки ста лет), соответственно уменьшилась рождаемость. Население планеты составляет примерно четыре миллиарда человек. (АРД вела точный подсчет, РВР сообщил Коулу цифру: 3 978 098 356.)

— А вот и один из них. — Хилари показал в сторону гор, голос его повеселел. Небольшой летательный аппарат перелетел через горную гряду и спускался в долину. Но Коул с Ли не смотрели на аппарат, они в изумлении наблюдали за тем, как волосы на голове Хилари вдруг улеглись длинными темными полосами.

Спустя несколько минут аппарат приземлился, из него вышла жена Хилари. Брин. Она очень грациозно проскользнула через какую-то жидкокристаллическую дверь, и лицо ее расплылось в улыбке.

Короткие тупые крылья аппарата были прозрачными; как только пропеллер остановился, они исчезли, как и дверь. Коул вспомнил о Женщине-Волшебнице, к тому же Брин была почти такой же красавицей. Даже, пожалуй, еще красивее; одета она была, по крайней мере, уж точно лучше: струящиеся шелковые брюки и кожаная куртка в стиле Амелии Эрхарт [226].

— Доктор Коул! Доктор Ли! — Она была моложе Хилари (так было принято и раньше), на вид можно было предположить, что ее предки родом из Индии, но кто знает, играет ли теперь наследственность какую-нибудь роль? Существует ли сама Индия? Интересно, подумал Коул. (РВР ответил ему: нет, хотя

несколько языков индийской группы осталось.) Кожа у Брин была светло-коричневого цвета. Волосы были красиво уложены на голове, и Коул подумал, что, может быть, ее прическа тоже изменилась при приземлении, как у Хилари.

— Мы с Хилари не можем уезжать вместе, — сказала она и пригласила их в дом. — Это главная проблема в данный момент.

Коул понял, что они сидели на террасе, только чтобы дождаться ее. Она была намного разговорчивее Хилари, да и он в ее присутствии разговорился. Момент прибытия Ли и Коула был рассчитан с точностью плюс-минус четыре месяца. Брин объясняла все это, пока они с Хилари готовили вместе обед. Это ожидание оказалось для них обоих приятным отдыхом, возможностью провести вместе несколько месяцев в далекой и красивой местности, в которую АРД не допускала людей. Поэтому местность не имела названия; названия считались тоже неким насилием над землей, ненужной отметиной.

— Мы просто зовем это место «домом», — сказала Брин. Дома вырастали сами собой за несколько месяцев; этот дом сразу после отъезда Хилари и Брин быстро превратится в компост, подобно прошлогодней траве.

В жизни семейных пар наблюдается любопытный феномен. Коул это давно заметил. Огонь юной любви иногда повторяется заново после того, как дети уже выросли, а тело утратило былую молодость. Он помнил, как сверкал этот огонь любви между бабушкой и дедушкой в Теннесси (но никогда он ничего подобного не видел между матерью и кем-либо из мужчин); теперь он снова наблюдал тот же огонь между Хилари и Брин. Да, они, конечно, не оставляли без внимания его и Ли; они приготовили замечательный ужин. Но все время, пока они резали, мешали, колдовали над плитой, они не сводили друг с друга глаз, а руки их сами собой тянулись к другому. Коул был тронут до глубины души, но тем острее почувствовал свое одиночество.

Пили темное солодовое виски. Как и Майлс Дэвис, виски сохранился в своем первозданном виде. Десять миллионов лет! Плиты не было, только одна большая кастрюля, которая сама нагревалась, стоило Хилари бросить в нее кусочки мяса (Коулу сказали, что едят они конину), картофель и лук-порей.

РВР сообщил, что блюдо монгольское, и даже умудрился «показать» Коулу карту — она спроецировалась прямо у него в голове. Коула этот новый трюк впечатлил, но и встревожил одновременно.

Континенты остались почти такими же, как и в его время, разве что Северная и Южная Америка отделились друг от друга, но это им уже было известно. Шотландия тоже стала отдельным

островом, а Европа уменьшилась в размерах. Великие озера исчезли. Африка была готова вот-вот разделиться на две части — на месте Конго теперь далеко в глубь континента вдавался морской залив. Равнина, которая лежала перед их взором, находилась неподалеку от высокогорий Тибета.

Коул хотел «увидеть» города, но потом понял, что нельзя вести себя так невежливо по отношению к хозяевам, и снова принял участие в беседе за столом.

— Что случилось с вашими волосами? — спросил Ли.

— РВР, — ответил Хилари и протянул руку к уху, чтобы погладить РВР. — Он уловил мое возбуждение и радость оттого, что Брин возвращается домой, и позаботился о том, чтобы я выглядел красиво.

— Я имею в виду, как именно это произошло физически? — уточнил Ли.

— Физически? То есть как были произведены движения? Наверное, это электрическая плазма. Вам лучше спросить у РВР. В основном все работает от электричества или чего-то в этом духе.

Коул протянул руку и дотронулся до РВР.

— С волосами очень просто, — прошептал тот ему на ухо, словно больше ничего и объяснять было не надо. — Я скопировал древнеафриканскую прическу.

— Еще до моего времени, — заметил Коул.

— Нет, после.

Был подан ужин: маленькие заостренные хлебцы с кониной и пенистое пиво, которое становилось холодным прямо во рту. За кофе Хилари показал Ли и Коулу фотографии их детей; фотографии были трехмерными, они прямо-таки плавали в воздухе. Коул обнаружил, что при помощи глаз может поворачивать фотографии туда-сюда. Их дочь Пис занималась медициной, в основном травматологией, потому что за диагностикой и лечением следили наноботы, которых внедряли прямо в кровь пациенту. Пленти жила в Эдминидине, на берегу моря, она помогала налаживать работу морской фермы и «пробовала себя в литературе».

— Она писательница?

— Нет, нет, — замотал головой Хилари. — Уже так много всего написано, представляете? Нам и это все не прочитать, так зачем писать еще?

Хилари и Брин показали Коулу и Ли свою библиотеку. Книги открывались с обратной стороны, а шрифт был какой-то смесью кириллицы с китайскими иероглифами, но напечатано все было чернилами (или чем-то очень похожим на чернила) на бумаге (или на чем-то очень похожем на бумагу).

Когда Коул пробежал пальцем по странице, шрифт превратился в английский. Но он захлопнул книгу, ему вовсе не хотелось читать.

— Руки похожи на книги, — с одобрением заметил Ли. — Руки и глаза. — Авторы были в основном знакомые: Тассо, Цицерон, Кинг, Бруно, Шекспир, Лафферти, Драйден, Уильве, Гург, И. Лун.

Коул попытался найти своих любимых авторов: Дика, Хаймза, Эбби, Сандоза. Но их либо уже забыли совсем, либо в этой библиотеке не было их книг.

По словам Брин, музыка, как и литература, исчерпала себя, хотя на деле никто не говорил слова «исчерпала». Брин сама играла на гитаре, лишь для себя. Коул решил, что она, скорее всего, скромничает, но потом она сыграла для него — действительно ничего особенного. Они снова вышли на террасу и, сидя за столом и наблюдая заход солнца, раскурили трубку. Коул думал, что курить будут марихуану или какую-нибудь новую, не известную раньше травку, но в трубке был обыкновенный табак. Отказываться было неприлично. Он не курил уже лет одиннадцать (бросить его заставила та, предыдущая Хелен), и потому от первой же затяжки его бросило в жар.

Заходящее солнце казалось больше обычного. Хилари объяснил им, что за последние полтора миллиона лет усилилась звездная радиация, такого не наблюдалось вот уже три миллиарда лет. Человечество совместно с АРД разработало проект атмосферной компенсации.

— Выпьете чего-нибудь еще? — спросила Брин.

— Виски замечательное, — заметил Ли. — Это единственное, что прекрасно удалось вам, европейцам. — Он подмигнул, давая понять, что специально поддразнивает Коула, которому было ровным счетом наплевать. В этот вечер Коул уже выпил немало виски, но ведь это было десять миллионов лет тому назад, и он подставил свой стакан Хилари.

Солнце село, теперь светились только заснеженные вершины гор. Коул заметил, как высоко в небе блеснул самолет, но никакого белого следа видно не было. Эти люди, казалось, вообще не оставляли никаких следов ни на Земле, ни на небе. А какая тут земля! Какое небо!

— Прекрасно! — сказал он своему РВР, но ответил ему Ли:

— Прекрасно?

— Ты сказал тогда, в Париже, — Коул передал трубку Ли, — что человечество получило дар — жить в таком красивом, прекрасном мире, да еще миллионы лет. Оно этого не заслужило.

— Прекрасно то, что человек умеет меняться, — ответил

Ли. — Человек лишь тростинка, но тростинка думающая. Он может выбирать, принимать решения.

Выбирать? Коул совсем не был в этом уверен. Он считал, что если человеку дается возможность выбора, он всегда выбирает худшее.

— Это ваших рук дело, — сказал Хилари. — Именно вы прошли путь от выживания в этом мире к контролю над ним и далее к сотрудничеству с ним. Вы были жертвой, добычей, потом стали хищником, а потом заботливым другом, и все это меньше чем за сто поколений.

— Тогда это казалось ужасно медленным процессом, — ответил Коул. — И до сих пор так кажется.

— Сто поколений — это ничто, — сказала Брин. — Мы особый биологический вид, единственный вид, который — к добру или нет — имеет такую власть над окружающей средой. Но мы и сами являемся составной частью окружающей среды. Мы все же биологический вид, все наши желания заключены не только в голове, ими пропитано все, до последней косточки.

— А хотим мы… — Коул замолчал, все посмотрели на него. — Вот это. — Он обвел рукой все вокруг себя: и небо, и заход солнца, и виски, и сидевших с ним людей, и табак, и утопающую в сумерках равнину…

— Все это принадлежит нам и будет всегда принадлежать нам, только если мы научимся не разрушать, а сосуществовать с ним, — промолвил Ли.

Как может он говорить о будущем, находясь здесь, в далеком-далеком будущем? Коул совсем запутался. Но если судить по словам Ли, то человечество только-только начало свой жизненный путь.

— Тогда мы сможем наслаждаться жизнью, жизнью долгой и счастливой, как живут все благополучные биологические виды, — где-то от десяти до сотни миллионов лет.

Коул слышал все это и раньше, но совсем не возражал против того, чтобы Ли снова высказал свою теорию. Десять миллионов лет. Значит, если человечеству суждено прожить сотню миллионов лет, сейчас ему всего десять. Люди только начинают жить. Он ощущал себя бессмертным. А может, все дело в хорошем виски, табаке и прекрасном закате?

— Взрыв начался в ваше время, — сказала Брин, — в сельском хозяйстве, городах. Переизбыток. Мы прекратили мотаться по всему свету. Ваше поколение, жившее с тысяча пятисотого года по две тысячи пятисотый, видело самый его конец. И пробовало что-то сделать. Наверное, вам пришлось туго.

— Да, — ответил Ли. — Пять тысяч лет или пять сотен. Из

вашего далекого будущего разница небольшая.

— Но самое главное, что вам все-таки удалось это, — сказала Брин; она снова раскурила трубку и передала ее Коулу. — Были ведь люди, которые считали, что человечеству лучше прожить короткую, но яркую жизнь — как Джими Хендрикс [227].

Коул усмехнулся:

— Вы слышали о Хендриксе?

— Естественно, — ответила Брин. — Эпоха Империй. Перед тем как отправиться сюда, мы с Хилом специально изучали ее. А это не так-то просто. Я даже могу немного говорить по-английски. Не переводи, РВР. Дай я попробую сама.

Она произнесла что-то, но понять ее слова было невозможно. Коул и Ли вежливо улыбнулись. Коул узнал улыбку Ли — та самая таинственная улыбка, которой он всегда улыбался Коулу до появления РВР.

Этот вечер Коулу никогда не забыть — так красиво было тут, так приятно было рядом с любящими друг друга Хилари и Брин, которые сами были несказанно рады, что могут, пусть и недолго, пожить в нетронутом природном уголке.

— АРД лишь изредка позволяет делать краткие вылазки в так называемые «Открытые зоны» (которые закрыты для нас), — продолжала Брин. — Нас выбросили из Эдема десять миллионов лет тому назад. Можно было бы уже и привыкнуть. Мы живем в городах, а в «Открытые зоны» выезжаем на охоту, в походы или чтобы приглядывать за скотом.

— На охоту? — спросил Ли. — Неужели вы все еще этим занимаетесь?

— Врожденный инстинкт, — ответил Хилари. — Часто говорят, что АРД не любит нас, но я с этим не согласен. АРД любит древних людей, тех, что ее убивали. Человека кровопускающего. АРД поддерживает убийства. Мы поняли это во время войн АРД.

Войны АРД начались около двухсот шестидесяти тысяч лет тому назад с движения против РВР. Группа людей из бывшей Индии на основе видений и предсказаний выдвинула идею, что РВР — это злобная, недоброжелательная сущность. Они перебрались жить в дикие края. За ними двинулось множество пилигримов, сотни тысяч. С разрешения АРД они основывали колонии в самых отдаленных точках земного шара, им помогали и оставшиеся в городах люди. В больших городах и небольших поселениях проживало около семи миллиардов людей (6,756 миллиона). Прошло примерно двести тысяч лет, и о «пилигримах» забыли все, кроме историков (и конечно, самих АРД и РВР), но после нескольких землетрясений и наводнений

вдруг появился поток беженцев. АРД не поладила с колонистами и разрушила их поселения. Повторялись Содом и Гоморра. Некоторые беженцы добрались до городов, но никто не понимал их языка, да и на людей они уже мало походили. Они опустились до стадии гуманоидов (вот откуда появляется, подумал Коул, мусор в наших ДНК) и не могли вступать в брак с людьми. Они умерли от тяжелых болезней и от разрыва сердца. Это был последний процесс видообразования в истории человеческой расы, и он оказался регрессивным.

— И больше никаких разумных форм жизни?

Коул знал ответ, но не мог не спросить. На небе одна за другой появлялись звезды. Знакомых созвездий он не нашел; но он и раньше плохо в них разбирался. Сейчас не было видно даже ковша Большой Медведицы. Исчез со Временем.

— Даже говорить не о чем, — ответил Хилари. — А тем более не с кем. В основном плесневые грибки и слизи. Не слишком интересные собеседники.

— Кстати… — Коул заметил, что рядом с домом пасутся пони.

— Они любят людей, — заметила Брин.

— Как собаки, — сказал Ли.

Оказалось, что ни Хилари, ни Брин никогда не видели и не гладили собак. Собаки давным-давно вымерли.

— Расскажите нам о собаках, — попросил Хилари, и Коул рассказал все, что знал, — начиная с того момента, когда те впервые увидели костры людей и подкрались поближе, чтобы узнать, что это такое. Хилари и Брин слушали, как показалось Коулу, без особого интереса. Долгая дружба между человеком и животным давно закончилась. Люди забыли о собаках.

— Прекрасная история, — сказал РВР.

Пони собрались у террасы — маленькие, тихие и бесформенные в сгустившейся тьме, а люди курили и продолжали разговор. Другие животные любят человека-разрушителя не меньше, чем он любит их, а иногда даже больше). Так думал Коул. Хотя мы убиваем их и едим их плоть, они все равно любят нас. Разве это плохо? Жизнь тоже убивает нас, потихоньку съедает, но мы по-своему преклоняемся перед ней. И из кожи вон лезем ради нее.

Вино было первоклассным. Ничего удивительного, решил Коул. Разве за десять миллионов лет могло остаться плохое вино? Потому и одежда на них так прекрасно сидит. Интересно, какими показались они с Ли Хилари и Брин, особенно Ли в его жуткой куртке-сафари (к которой сам Коул уже привык)? Этого они, конечно, никогда не узнают. Замечательная пара из будущего

отличалась не только искренней и глубокой любовью, но еще и прекрасными манерами. Оба держались предельно тактично и доброжелательно, в их поведении был стиль, не исключавший и некоторую «изюминку» в поведении.

Преступления, печаль, даже катастрофы — все это до сих пор присутствовало в жизни людей. Но войн больше не было. Война — это санкционированные преступления, а такое было немыслимо и неприемлемо. Коул посмотрел на звезды, они показались ему еще более холодными, более далекими, чем обычно, ведь теперь он знал наверняка, что там никакой жизни нет. Раньше ему, как и всем нам, как и первым людям на Земле, звезды казались огнями далекого большого города. Мы всегда так стремились к ним, так мечтали, что нас встретят с радостью. А теперь Коул знал, что все наши надежды и мечты оказались пустыми. Людям осталась лишь маленькая планета Земля. Мы оказались в таком одиночестве, о котором даже не подозревали.

Коул загрустил. Даже собака, друг человека, исчезла в темных водах океана Времени.

— Совсем ничего, — промолвил Коул, глядя вверх. — Никого. Трудно поверить, что во всей этой бесконечности…

— Уже поздно, — прервала его Брин. — Хотите покататься?

Пони любили, когда люди ездили на них верхом. Это хоть как-то оправдывало их фокусы. Коул вспомнил неутомимых исландских пони, на которых они вместе со второй Хелен ездили во время медового месяца. Тогда чернокожий мужчина в Исландии был большой редкостью. Исландцы думали, что Коул джазист. Его спрашивали о Майлсе Дэвисе, а он делал вид, что знает великого музыканта. В какой-то степени это было правдой; однажды, будучи еще ребенком, он действительно видел его — Коул тогда ходил со своим дядюшкой Уиллом, который продавал мечты в виде наркотиков богачам и знаменитостям.

Интересно, это облака на Луне? Да. Брин объяснила, что это результат столкновения Луны с кометой, которое произошло много лет тому назад. Комету тогда сохранили ради ее запасов льда, их использовали на Луне, но в результате оба полюса Луны окутал прозрачный туман. Ли сказал, что это ему известно. Он сказал, что заметил белые шапки на горах; Брин и Хилари захотели послушать о Зуи, которая жила около десяти миллионов лет тому назад. Для них Зуи была почти современницей Коула и Ли.

Брин и Хилари придержали своих пони и пустили их шагом, чтобы взяться за руки. Скоро Коул и Ли улетят, а им придется вернуться в Эдминидин, приморский город на побережье Китая. Они с удовольствием снова будут жить среди друзей и знакомых,

рядом со своими детьми. Но им будет так недоставать этих пони, этих звезд, этого океана травы.

Коулу тоже. Он ехал верхом на пони по равнине, пропахшей травой, без седла — как настоящий индеец. На небе сияли звезды. Он не знал этих созвездий — те, старые созвездия его эпохи были утрачены навсегда. Короткий путь из Африки в Америку за сотню тысяч лет до его рождения ничто по сравнению с десятью миллионами лет после того — за это время преобразились и Солнечная система, и вся Галактика. Он снова посмотрел на небо — дыру в космос — и впервые осознал всем своим нутром необъятность и необозримость пути, на который встало человечество, когда оно впервые взглянуло вверх на звезды.

А что, если бы люди знали тогда то, что знает он теперь, — подумал Коул, — что Вселенная пуста? Что люди подобны ребенку, который остался один в огромном пустом доме? Все о нем забыли… даже хуже чем забыли. Хуже чем бросили. Он один, один навечно — с самого начала до самого конца. Из пепла восстал, в пепел превратится, но все время будет один, один. Неужели человечество все равно выжило бы, нашло бы в себе силы?

— Коул. Труба зовет.

Бип-бип. Ли показал Коулу свой мини-компьютер. Курсор мигал — пора лететь.

Впереди ехали Хилари и Брин. Они ехали обнявшись — не совсем удобно, но так трогательно. Дом светился, как маяк, как далекий корабль в океане травы, как ближняя звезда.

— Что случится; — принялся размышлять вслух Коул, пока они ехали в сторону дома, — что случится, если мы не нажмем кнопку «ВОЗВРАТ»? Если мы останемся здесь?

— АРД не допустит этого, — ответил Ли.

— Я не имел в виду конкретно это место. Я имел в виду эту Землю и этих замечательных людей.

— И забудем, зачем мы оказались здесь, зачем нас послали?

— Ты имеешь в виду «Дорогое Аббатство»? Я теперь очень сомневаюсь в том, стоит ли вообще проводить в жизнь этот план, даже если мы найдем то, что ищем, и благополучно вернемся в наше время.

— Мне кажется, что не нам это решать, Коул, — ответил Ли и пришпорил своего пони.

Коул опять посмотрел вверх на такие вечные, спокойные, такие незнакомые звезды и содрогнулся, а потом тоже пришпорил пони.

Снова послышался мышиный писк. Вскоре Коул, даже не открывая глаз, понял, что они вернулись в здание студенческого союза. Сверху раздавалась громкая музыка, доносился запах угля и кока-колы.

Открылась дверь, и они увидели огромную голову Паркера.

— Доктор Ли! Мистер Коул? Мне показалось, я что-то слышал. Что вы тут делаете, да еще в такое время? То есть вы не…

— Все в порядке. — Ли открыл глаза и выпустил руку Коула.

— Мне нужно все закрывать в десять часов, — сказал Паркер раздраженным тоном и многозначительно посмотрел на часы на стене. Было девять сорок шесть.

— Все в порядке, — снова сказал Ли.

Дверь со стуком закрылась.

— Почему он все время так удивляется, когда видит нас? — спросил Коул.

— Временная петля — до десяти. — РВР остался там, в далеком будущем, которое настанет лишь через десять миллионов лет, и Ли опять говорил на своем ломаном английском языке.

— Надеюсь, что с нами не разыгрывают шуток, как в День сурка, — сказал Коул.

— День чего?

— Ничего. Мне казалось, ты говорил, что мы еще не все сделали. Так зачем мы опять вернулись?

— Нет понятия. — Ли вытащил из кармана куртки-сафари мобильный телефон и нажал какую-то кнопку.

— Погоди! Кому ты звонишь?

— Ты знаешь. Таймер.

— Погоди, Ли! — Коул потянулся к телефону. — А как же Старики? Как «Дорогое Аббатство»? Сначала нам с тобой надо поговорить.

— Все соберутся. — Ли протянул Коулу телефон. Коул услышал один звонок. Потом щелчок.

— Черт побери! — воскликнул он. — И что теперь, Ли? Будем ждать Пелла и Фло, или как там ее теперь, чтобы они решили, что именно мы видели и что именно мы думаем? Но с кем я тогда разговариваю? С тобой!

Коул набрал номер своего телефона. Можно заодно проверить автоответчик. Пока набирался номер, стрелка часов перескочила на следующее деление: девять сорок восемь. Время здесь, в настоящем, тянется так медленно. Настоящее теперь представлялось ему малюсеньким островком в безбрежном океане. И себя он ощутил жителем этого малюсенького островка

— находясь вдали от дома, немного скучает, а дома места себе не находит.

— Вы позвонили… — Коул не верил, что слышит собственный голос. Неужели он всегда такой мрачный? — «Если желаете, оставьте свое сообщение».

Коул ввел пароль. Искусственный голос автоответчика понравился ему куда больше, чем его собственный. «Вам оставлено ОДНО сообщение».

Что-то напоследок от Хелен? Коул уже собрался ввести второй пароль, когда услышал телеметрический сигнал: бип-бип-бип.

Курсор мини-компьютера Ли снова замигал.

— Я думал, что уже все! Что мы все сделали!

— Еще один прыжок, — таинственно улыбаясь, произнес Ли. — Старики? *Los Viejos?* Поехали.

Коул сложил телефон. Он не заставил себя долго ждать. Ему гораздо больше нравилось путешествовать, чем сидеть дома, на острове. К тому же в будущем с Ли хоть поговорить можно. Он покорно взял Ли за руку, вторую поднял к уху, но РВР еще, конечно, не появился. Еще рано.

— Еще один прыжок, — повторил Ли, и вот опять раздался мышиный писк. Полетели век за веком, засасывая их в свое нутро, как зыбучие пески.

+225 000 000

Темно.

Холодно.

Что-то странное с воздухом. Коул чувствовал запах дыма, пепла, озона и страха — отвратительный запах. Он прекрасно знал этот запах. Так пахло в центре Нью-Йорка после бомбежки зданий Мирового торгового центра. Он тогда помог одной своей знакомой (не Хелен) потихоньку пробраться в ее же квартиру и ограбить ее — как давно это было, сколько веков тому назад?

Планер со скрипом остановился. Они оказались на большом уступе, с которого открывался вид на долину, погруженную в тень. Далеко внизу Коул различил несколько движущихся огоньков. С другой стороны над грядой холмов висело огромное, темно-красное Солнце. Коул решил, что Солнце садится. Оно казалось приплюснутым и огромным, словно было совсем близко. Но это, скорее всего, просто иллюзия, мираж. За их спиной стояло каменное здание. В одном окне зажегся свет.

Кто-то открыл дверь.

— Контакт!

На улицу вышли трое, все были одеты в серо-голубую униформу с капюшонами. Главной была женщина, она держала сложенную кольцами светящуюся веревку, похожую на мягкий неоновый шланг.

— Вот они! — выкрикнула она резким голосом на каком-то непонятном языке. Рядом с ухом женщины Коул различил складку РВР, благодаря которой он и понял, что она сказала.

Он протянул руку и потрепал свою «складку». Привет, старина.

— Доктор Коул, доктор Ли! — произнесла женщина. — Проходите в дом, здесь холодно. — Было действительно холодно. Солнце казалось слишком большим и слишком оранжевым; но смотреть на него было легко, глаза совершенно не болели. Ветер тоже был какой-то неправильный, слишком жесткий, слишком резкий.

Они с радостью прошли внутрь.

— Должно быть, они и есть Старики, — прошептал Коул. — Спроси, что они хотят сообщить нам. Спроси, зачем они нас вообще сюда затащили.

Ли ничего не ответил. Он внимательно следил за своим мини-компьютером и качал головой.

— Если ты не спросишь, то спрошу я!

Женщина с блестящей веревкой обернулась к Коулу и улыбнулась. Он улыбнулся ей в ответ и начал спрашивать, но она и двое других уже повернулись к нему спиной. Они склонились над кронштейном с плазменным экраном, который все время менял размеры и окраску и, казалось, фотографировал то ли одно, то ли несколько разных Солнц.

— Это конец, — мрачно заметил Ли, обращаясь больше к самому себе, чем к Коулу. — Люди могут смотреть на Солнце.

— Что ты такое говоришь?

— Я говорю, что люди могут спокойно смотреть на Солнце. Оно состарилось и потускнело.

— Значит, это они. — Коул тряс Ли за руку. — Старики. Какой это год, ты знаешь?

Ли кивнул и показал свой мини-компьютер. +231 789 098. У Коула закружилась голова. Двести пятьдесят миллионов лет. Четверть миллиарда раз все камни обернулись вокруг Солнца, а теперь и само Солнце стало холодным.

Солнце. Вон оно, его видно в окно. Смотреть на него было так грустно, но и взгляда Коул отвести не мог.

— Нас притащили сюда, чтобы дать формулу «Дорогого Аббатства»? Или чтобы сказать, что ни к черту оно не нужно — никакой разницы?

Ли ничего не отвечал, он просто переводил взгляд со своего мини-компьютера на умирающее Солнце, туда-сюда, туда-сюда.

Наконец открылась дверь (в глухой стене, где до этого не было никакой двери), и мужчина в униформе принес им по чашке горячего шоколада. Коул предпочел бы что-нибудь по крепче, но шоколад, по крайней мере, был горячий.

— Вы Старики? У вас что-нибудь есть для нас? — спросил Коул у мужчины, который с удивлением выслушал его вопрос. Он представился. Его тоже звали Коул — в честь самого Коула.

— Старики послали за вами, — сказал мужчина, — и мы сочли это за знак: значит, мы чего-то достигли. Значит, человечество выжило. И потому мы приветствуем вас.

Он извинился и ушел через ту же дверь, из которой появился. Пока дверь не закрылась и не превратилась снова в глухую стену, Коул успел разглядеть детей — они стояли рядами и то ли танцевали, то ли делали какие-то гимнастические упражнения… под музыку чуть ли не Моцарта. Но нет, слишком много смычковых инструментов.

И на Майлза Дэвиса, которого он слышал двести миллионов лет тому назад, не похоже.

В окно он видел, как из долины тихо поднялись остроконечные корабли — словно стрелы.

— Разве идет война? — спросил Коул у РВР и протянул руку к уху. — В этом все дело?

— Нет, не война. Все дело в Солнце, — ответил РВР. — Человечество пытается остановить процесс образования новой звезды-солнца. Солнце уже взорвалось, явление это даже получило название Гелиевой Вспышки; при взрыве погибло два миллиарда человек, а еще три миллиарда умерли от пожаров и голода, явившихся следствием Вспышки. Все это произошло почти тысячу лет тому назад. С тех пор удалось стабилизировать ядерные пожары при помощи так называемых «прививок» (тех самых кораблей, которые заметил Коул), но это мера временная. Она только на какой-то период сдерживает бушующий процесс. Солнце израсходовало весь свой запас водорода, и если сейчас не вмешаться, то наше светило превратится в гелиевого гиганта. Население Земли снизилось до полутора миллионов человек, все они живут в узком, пригодном для жилья поясе планеты. Атмосфера планеты претерпела сильные изменения, откуда и возник такой неприятный запах. Состав кислорода снизился в какой-то момент до четырнадцати процентов и даже ниже, но сейчас его удалось поднять до восемнадцати. Города? О них остались одни лишь воспоминания. Люди живут в длинных туннелях под землей. Несколько сотен тысяч покинули Землю на

большом космическом корабле, но об их судьбе ничего не известно.

АРД погибла. Даже РВР не мог точно сказать, как именно, почему и когда. Сначала начались сбои в ее сообщениях, они становились все более странными и капризными, а потом и вовсе прекратились. Никто не помнил точно когда; люди давно перестали обращать внимание на даты, а РВР в основном занимался проблемами людей.

— Так где же Старики, те, что посылали за нами? — спросил Коул. — Эти люди нас почти что не замечают.

— Может, Старики — это те, что улетели в космос? — высказал предположение Ли. — Может, их и на Земле-то давно нет.

— Они умерли, — ответил РВР. — В космосе нет людей. Я давно говорил об этом, но люди постоянно все забывают.

— А что случилось?

— Они просто умерли. В межзвездном пространстве ничего нет. Пустота. Слишком большая пустота. Ни люди, ни РВР не могут там жить.

Конец оказался слишком грустным. Человечеству четверть миллиона лет. Люди прожили на Земле дольше, чем динозавры, столько же, сколько крабы-отшельники или тараканы; они стали настоящими долгожителями. Других долгожителей нет. День теперь длился сорок четыре часа, сорок четыре старых часа; хотя что такое час, как не часть дня? А что такое день или год?

Теперь звезды уже не казались Коулу странными, жуткими, притягательными или таинственными. Они были такими же временными, такими же малозначительными, как отблеск света на волнах океана.

— А как насчет «Дорогого Аббатства»? — спросил Коул. — Если эти люди не знают формулы, то кто же ее знает?

— Наверное, мы упустили свой шанс, — ответил Ли. — Может, ты прав, и это к лучшему. Какая разница?

Коул не мог не согласиться. И все же… они залетели в такое далекое будущее.

— Но решение должны были принять мы, а мы так ничего толком и не поняли.

— Ты уверен, что мы? Ты и я? Мне кажется, что нет.

— А мне кажется, что да, — ответил Коул. — Но ты, наверное, прав — какая разница? Все уже потеряно. С другой стороны, ведь даже эти люди все равно пытаются что-то спасти. Может, кто-то все время должен спасать этот мир заново? Люди будущего были заняты отправкой ракет с инъекциями на Солнце, их не очень интересовали пришельцы из прошлого. Ли и Коул

наблюдали за ними и ждали, когда снова замигает курсор. Перед ними была еда, но есть они не хотели. Коул нетерпеливо ходил взад-вперед, Ли молча сидел, уставившись на умирающее Солнце. Даже РВР замолчал. Но когда Коул поднес пальцы к уху, тот сразу оживился.

— И что, это все? — спросил Коул. — Для нас, я имею в виду? Это последний прыжок?

Он надеялся, что так. Может, ему и понравилось в Париже, в Бахии, даже на той равнине без названия, но уж никак не здесь, не на этих голых скалах, которые и Землей-то назвать нельзя. И АРД больше нет.

— Нет еще, — ответил ему Ли. — Если верить моему компьютеру, нам остался один, последний прыжок.

— Как так? И что там насчет Джастин, то есть Фло? Разве ты уже не подал ей сигнал?

— Пеллу. Он знает, что мы вернулись. Но вряд ли он уже приехал. Там прошло всего несколько минут. — Ли поднял свой маленький компьютер. Курсор мигал. — К тому же ты понимаешь, что выбора у нас нет. Ведь мы оба хотим вернуться домой. Значит, нужно следовать по логарифму, по пути, который наметили для нас Старики.

— Как скажешь. — Коулу было все равно, что их ждет впереди. Оставаться тут и ждать, когда Солнце погибнет окончательно, ему совсем не хотелось. Он сел в планер и следил, как Ли нажал кнопку «ВОЗВРАТ». Оба надеялись, что этот прыжок будет последним.

Снова, как всегда, раздался мышиный писк.

+ 2,4 миллиарда

Коул уже знал, что, пока не закончится кружение, нужно держать глаза закрытыми.

Когда он открыл их, то первое, что увидел, были звезды. Потом камни. Потом уже свои руки, ступни, колени. Ли сидел рядом. Они остановились на каменном уступе, внизу расстилалась широкая долина, вся в тени. Та же самая долина? Трудно сказать.

«Если я пойду и долиною смертной тени…»

Но Солнце не то. Это было краснее и меньше, почти такого же размера, что и «нормальное» Солнце, знакомое Коулу. Солнце стояло невысоко над округлыми холмами, похожими на волны океана. Из седловины между холмами поднималось несколько башен. Там светились огни. Там же видна была дорога или что-то, очень похожее на дорогу, но она была совершенно пуста. Коул

почувствовал запах дыма. Он встал и поднял Ли.

— Пойдем, надо познакомиться со Стариками.

— Да, — согласился Ли. — Это, видимо, Конец Времени. Может, и нет, но кто знает?

Внизу горел костер, всего в нескольких футах от них. К нему вела тропинка. Коул пошел по ней. Ноги не слушались его. Ничего удивительного. Крутой, узкой и каменистой тропинке, ведущей к Концу Времени, было 2,4 миллиарда лет.

Ли показал ему цифры на экране своего компьютера.

У костра сидел мужчина, он тыкал палкой в огонь. Мужчина кивнул подошедшим Коулу и Ли и показал палкой, куда им сесть. Они сели.

— Добро пожаловать назад, Ли и Коул, — сказал мужчина.

— Назад? — переспросил Ли. — Кто вы? Вы один из тех, что призвали нас?

— Вы были здесь раньше или еще будете, — ответил мужчина. — Все пересекается или пересечется, как видите. Или увидите.

И он протянул Коулу бутылку. Виски, но не шотландское. Коул отпил и передал бутылку Ли, тот тоже сделал глоток и передал дальше по кругу, мужчине. Мужчина был африканцем, но с более светлой кожей, чем у Коула. Тонкие и редкие седые волосы были завязаны сзади в хвост; лицо окаймляла короткая седая борода. Мужчине было немало лет: семьдесят, восемьдесят, а то и все сто — трудно было сказать. Одет он был в темный комбинезон и высокие ботинки, покрытые пеплом.

— Вы один из Стариков? — спросил Коул.

Мужчина тихо рассмеялся и ткнул палкой в огонь. Дров в костре не было, лишь темно-серые камни, похожие на уголь. Они еле горели и давали совсем мало тепла.

— Стариков нет. Остался один я. Ну и конечно, РВР. Это он привел вас сюда, ради меня. Я хотел встретиться с вами, хотел попрощаться и поблагодарить. Это так тяжело. Мне не хотелось умирать в одиночестве.

— Значит, это был ты? — Коул протянул руку к уху.

— Не совсем, — ответил РВР. — Люди давным-давно поняли, как путешествовать во времени, я тогда еще не родился или, точнее, меня еще не создали. Именно те люди открыли временные петли, а я просто воспользовался их петлей.

— А как же «Дорогое Аббатство»?

— Бумага, которую берегли для вас, — ответил РВР. — Я привез ее сюда, чтобы вы пришли за ней.

— Значит, все-таки ты, — сказал Ли.

— Вот ваш Старик, — промолвил мужчина и потрепал

«складку» у уха. — Не такой старый, как мы с вами, но все же не молодой.

— Каким образом? — Коул никак не мог облечь РВР в физическую, материальную форму.

— Он послал меня, — сказал старик. — Отсюда, если все правильно рассчитать, можно перелететь во времени в любую точку, но только лишь один раз. Я принес бумагу сюда. Вот она. — И он постучал по нагрудному карману комбинезона.

— Ты убил того человека, — выдавил Ли.

— На самом деле нет. Они и без меня убивали друг друга. Я просто подобрал то, что мне было нужно. Но, глядя отсюда, все уже мертвы, и вы в том числе.

— Где она? — спросил Коул. — Мы ее получим?

— Конечно. — Старик снова похлопал по карману, но бумагу не достал. — Вы получите все. — Он расшевелил огонь и еще раз глотнул из бутылки, потом передал ее дальше и откашлялся — такой человеческий звук, гораздо более человеческий, чем слово или смех. Коул вдруг сообразил, что перед ними самый последний человек. Больше уже не будет. Много людей улетело в космос, чтобы основать жизнь там, но все они умерли — если верить РВР. Они пролетели лишь половину расстояния, которое разделяет одну малюсенькую звезду от другой. Вселенная была не для них. Не для нас.

Коул содрогнулся. Ему стало холодно, так холодно, как ни когда. Он знал, что этот холод не согреть никаким огнем, но все равно подсел ближе к еле горевшему костру и протянул руки вперед — древний жест, древний… как он сам. Он не знал, что сказать, и потому кивнул в сторону Солнца.

— Садится?

— Оно больше не садится и не встает, — ответил последний человек.

— Земля застряла на синхронной орбите, — пояснил РВР на ухо Коулу. — Как когда-то Луна. Теперь уже давным-давно и Луны нет.

Значит, Солнце садиться не будет. Оно просто исчезнет. Казалось это Коулу или оно действительно тускнеет? Коул посмотрел на звезды. Они были такими же, как всегда.

— Люди пытались стабилизировать Солнце, — сказал Ли. — У них ничего не вышло?

— Нет, вышло, и даже очень хорошо, — ответил последний человек. — Но это было так давно. Мы пережили тот кризис, как переживали многие кризисы и раньше. Первый был во время Великой Переправы, когда несколько сотен людей вышли из Африки и заселили всю планету. Потом, спустя некоторое время,

настала эпоха Шестого Вымирания, люди в своем невежестве погубили много биологических видов, чуть не уничтожили нашу родную планету и все хорошее, что на ней было. Тогда тоже удалось миновать кризис, иначе человечество можно было бы сравнить с неудавшимся экспериментом, подобным пятилапой лягушке. Но мы выжили. Благодаря вам.

— Нам? — Коул сел на корточки рядом со стариком. Когда-то в Теннесси он видел, что так сидел его дед, а было это несколько сотен миллионов лет тому назад.

— Да, вам, — подтвердил последний человек. — Именно вы переменили ход событий. Вы сумели пережить и надежды, и ужасы того времени и не потеряли рассудок. А когда переломный момент был пройден, человечество уже могло спокойно наслаждаться долгой жизнью благополучного биологического вида. Конечно, были и новые страхи, и новые эпидемии, и катастрофы, и разочарования…

— Одно большое разочарование, — промолвил Коул. Он думал о Вселенной, о пустой Вселенной. Но теперь она опустеет еще больше. Навсегда. Навечно.

— Последний кризис был связан с Солнцем — гелиевая вспышка, но и ее человечество сумело пережить, — сказал РВР. — Люди следили за Солнцем, они сумели замедлить процесс его разрушения. Земля снова была заселена от одного полюса до другого. Но численность населения Земли уже не превышала трех с половиной миллиардов человек.

Последний человек ткнул в небо своей палкой.

— На короткое время люди даже снова заселили Марс, правда, длилось это всего несколько миллионов лет. Это было время расцвета нашей эпохи. Сейчас подошло время заката, все угасает, как этот костер, как я сам. Всему приходит конец, даже человечеству. Понимаете?

— Наверное, — ответил Коул.

— Да, — сказал Ли. — Кажется, я понял. Бип-бип.

Последний человек поднялся на ноги.

— Курсор замигал, — сказал он.

Он проводил их вверх по тропинке. Солнце совсем не грело, лицо и руки мерзли. Позади поднималось светящееся матовое кольцо, оно словно ножом прорезало небо. Луны уже давно не было. Перед ними стоял планер.

— Еще один вопрос, — сказал Коул.

— Ах да, — откликнулся последний человек. Он сунул руку в нагрудный карман и достал сложенный лист бумаги. — Вы прибыли за этим.

— А это нам нужно? — спросил Ли.

— Не знаю. Разве отсюда что-либо имеет значение? — Последний человек протянул бумагу Ли. — Вам решать, вашему миру. Что бы вы ни сделали, конец будет здесь. Здесь последнее прощание.

— Тогда — прощай. — Коул обнял последнего человека.

— Прощайте, и спасибо за все. Не каждому человеку выпадает сказать «прощайте» своим далеким-далеким предкам. Спасибо, что прилетели сюда.

У них не было выбора. Но Коул промолчал. Вместо этого он протянул руку и погладил РВР. Пока, старина…

— Прощай, и спасибо, — сказал Ли. Он тоже обнял послед него человека, потом взял Коула за руку, усадил рядом с собой в планер и нажал кнопку «ВОЗВРАТ». Последний человек исчез, словно и не существовал вовсе.

Никаких огней, никакого мышиного писка, вообще никаких звуков на этот раз не было. Планер дернулся, как будто что-то толкнуло его в бок.

Они были на том же каменистом уступе. Никуда они не улетели.

— Что случилось? — спросил Коул, но Ли уже вскочил на ноги и вылез из планера.

Коул пошел вместе с ним вниз по тропинке. Кольцо, похожее на нож, то ли зашло, то ли еще не взошло.

Вот и костер, но угли уже холодные. А вот и последний человек. Коул вдруг сообразил, что даже не спросил, как его зовут. Он уже был мертв. Молча, с большим трудом из-за не достатка кислорода, они похоронили старика в каменной могиле. На этом последнем каменистом склоне, освещенном умирающим Солнцем, почти не было пыли.

— О'кей, — промолвил Ли, отряхивая руки. — Пошли.

— Погоди, — сказал Коул. — А как же «Дорогое Аббатство»?

— Что с «Дорогим Аббатством»?

— Это было целью нашего путешествия, помнишь? Мы хотели изменить будущее, но будущее от нас не зависит. Теперь мы знаем, что будущее у нас есть. «Дорогое Аббатство» уже не кажется мне гениальным планом.

— Может, будущее есть лишь благодаря «Дорогому Аббатству». — Ли похлопал себя по левому накладному карману. — Это было круто. Добыть его.

— Еще круче будет его остановить. — Но что-то было не так, почувствовал Коул. — Почему ты снова говоришь на своем дурацком ковбойском английском? Где РВР?

Ли пожал плечами. Коул протянул руку к уху. Там ничего не было.

— Конец пути, — сказал Ли и потянул Коула за собой по тропинке в сторону планера. — Последний сбор.

— То есть?

— Поехали. Домой. — Курсор мигал. Ли взял Коула за руку и усадил рядом с собой в планер.

— Мы не можем оставить РВР в одиночестве, — запротестовал Коул.

— Уже сделано, — ответил Ли. — Слушай внимательно.

И Коул услышал. Далекий, слабый вначале вой, чем-то похожий на фоновую радиацию во Вселенной, долгий, протяжный и печальный, то громче, то тише. Он наполнял собой все межзвездное пространство. В нем сосредоточилось все одиночество, все устремления, все потери. Это был похоронный плач РВР, плач по людям, по всему человечеству, по мне, по тебе, по всем, кто еще не родился, по всем, кто еще не умер.

— Прощай, старина, — прошептал Коул, снова протянув руку к уху, но там, конечно, ничего не было. Неожиданно, как раз в тот момент, когда Ли нажал на кнопку «ВОЗВРАТ», Коул вытащил из его кармана сложенный лист бумаги и положил себе в карман.

— Эй, — сказал Ли.

Коул ничего не ответил, Ли тоже промолчал. Они оба слушали печальный одинокий вой, который заглушил даже мышиный писк. РВР неутешно оплакивал Человечество.

1 +

У-у-ух! Я показал на часы. Девять пятьдесят пять.

— Как тебе это удалось?

Ли улыбался. Своей загадочной, таинственной улыбкой…

— Что случилось? — спросил я и высвободил руку. Колено уже не болело. Запах остался, но и он быстро таял, как сон. Знакомый, очень знакомый запах, Коул так и не успел вспомнить.

— Нет понятия, — ответил Ли. — Цифры исчезли. — Он тряс свой маленький компьютер.

— Все кончилось, — сказал я. Но что «все»? Что кончилось?

Я посмотрел на часы. Девять пятьдесят шесть. Потом услышал стук. В дверь просунул свою противную большую голову Паркер.

— Пора закрывать, доктор Ли, — сказал он. За ним стоял Пелл.

Паркер исчез, Пелл вошел в подвал и закрыл за собой дверь.

— Что случилось? — громким шепотом спросил он. — Вы нашли ее?

Ли пожал плечами и ответил:

— Кажется, нет.

— Что ты хочешь этим сказать — «кажется, нет»?

— Извините, доктор Ли. — Снова в дверях показался Паркер. — Мне пора закрывать.

— Пойдем. — Ли поднялся на ноги.

Я тоже встал. У меня еще кружилась голова, а колени дрожали.

— То есть все впустую? Не повезло, черт побери, — сказал Пелл. — Я думал, дело выгорит. Ведь все было проверено-перепроверено.

— Всякое случается, — ответил Ли, собирая свои вещи. — Алгоритм не сработал, такое всегда возможно. Высокая степень вероятности. Алгоритм завтрашнего дня слишком хорош, слишком далеко утащил нас, до самого Конца Времен.

— Конец Времен, — промолвил Пелл. — Но раз вы достигли Конца Времен, значит, вам все известно?

— Наверное, так. — Ли опустил свой мини-компьютер в кожаный дипломат. Я удивился, когда заметил, что рисунки на нем — это вовсе не формулы, а клейма скота.

— Значит, это конец «Дорогого Аббатства», — сказал Пелл. — Очень жаль. Мне этот план всегда так нравился, хотя я и не очень в него верил. Ну и как там, в будущем? Вы что, просто сидели и раскачивались?

— Ни на что не похоже, — сказал я.

— Тогда почему вы оба такие грустные, словно только что потеряли лучшего друга?

— Тебе лучше не знать, — ответил я. — А где Фло?

— Не спрашивай, — самодовольно ответил Пелл.

Мне захотелось ударить его, но я передумал. Вместо этого помог ему и Ли оттащить планер в дальний угол, за пианино. Планер был тяжелый и без колес.

— Спасибо! — сказал Ли, когда Паркер запер за нами дверь в подвал.

На стоянке машин я попросил у Ли разрешения позвонить по его телефону. Услышав собственный голос на автоответчике, поморщился. Никогда не думал, что мой голос может быть таким холодным.

— Вы позвонили… если желаете, оставьте сообщение.

Я ввел пароль доступа.

— Вам оставлено ДВА сообщения.

Два?

Первое оказалось от Хелен:

«Сюрприз. Собака осталась дома. В последнюю минуту новый дом накрылся. Извини, но мне надо успеть на самолет, а вы друг

друга стоите». Ни пока, ни до свидания, ни прощай.

Второе тоже от Хелен:

«И черт тебя побери».

Я выдавил улыбку. Хелен расстроилась бы, узнав, что я очень рад, что дома меня кто-то ждет. Телефон у Ли был одноразового пользования, и я, видимо, исчерпал его лимит. Когда я отдал ему телефон, он просто выбросил его.

В кармане у меня оказалась какая-то бумага. Я развернул ее. Домашняя работа по математике, запятнана… кровью? Наверное. Я снова сложил лист.

Мне было очень грустно, но я не знал почему. «Дорогое Аббатство»? Хелен? Нет, что-то другое, что-то еле ощутимое, но более глубокое. Мне хотелось остаться одному.

Пелл уже сидел за рулем своего «БМВ» и разогревал мотор. Ли ждал меня в своей машине, но я отказался садиться. Он бесшумно отъехал, словно призрак. Всю дорогу до дома я с удовольствием шуршал листьями, гоняя их ногами.

Я осторожно открыл дверь. Хелен всегда умела преподносить сюрпризы. Но меня ждал не сюрприз, тем более не неприятный.

— Ровер! Дружище! Рад мне? Ну да!

Я прошел в туалет и помочился. Почему-то вспомнились тюлени. Потом я развернул лист бумаги, обагренный кровью, и аккуратно сжег его, а пепел спустил в унитаз. Привычка заметать следы.

notes

Примечания

1

Вступительная фраза в романс Ч. Диккенса «Повесть о двух городах»

2

В США объединяет детские бейсбольные команды, летом организует повсеместно различные соревнования.

3

Одна из крупнейших пивоваренных фирм, названа по имени владельца.

4

Фут — английская мера длины, равно 30,48 см.

5

»Джемини» — программа космических полетов 1960-х гг., каждый экипаж состоял из двух астронавтов

6

Амальтея, Европа, Ио, Ганимед, Каллисто — спутники Юпитера

7

По аналогии с известной фразой «Нет места лучше дома»

»Пост» — ежедневная утренняя газета

9

Когда американский журналист Г. Стенли нашел и конце XIX к. пропавшего в Африке английского исследователя Д. Ливингстона, он приветствовал его фразой: «Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь?»

10

Пикантный соевый соус, первоначально изготовлялся в графстве Вустершир в Англии.

11

»Зеленые дворцы» — роман английского писателя Уильяма Хадсона (1840–1922).

12

»Лорд Джим» — роман английского писателя Джозефа Конрада (1857–1924).

13

»Алый знак доблести» — роман американского писателя Стивена Крейпа (1871–1900).

14

»Сайентифик Американ» — ежемесячный журнал, публикующий статьи о новых открытиях и достижениях во всех областях пауки

15

societe anonyme d’hippophage — анонимное общество любителей конины (фр.).

16

Меса Верде — район ранней цивилизации (2000 лет тому назад). В одноименном национальном парке и поныне сохранилось пещерное поселение доколумбовой эпохи

17

Ersatz (нем.), faux (фр.) — подделка, фальшивка, замена.

18

Комплекс разнообразных музеев, научных учреждений и художественных и научных коллекций, находится в Вашингтоне.

19

Музей Соломона Гуггенхейма (в Нью-Йорке), экспонирует современную живопись и скульптуру.

20

Уэллс Орсон (1915–1985) — американский актер и режиссер театра и кино. Его фильм «Гражданин Кейн» (1941), история газетного магната, признан одним из лучших фильмов всех времен. Уэллс был постановщиком фильма и сыграл в нем главную роль. Лауреат премии «Оскар» (1941, 1970)

21

RKO — голливудская киностудия

22

Манкевич Герман (1897–1953) — известный американский сценарист, выступал в качестве соавтора сценария к «Гражданину Кейну»

23

Сто мест (фр.)

24

Имеется в виду крупная голливудская кинокомпания «Метро-Голдвин-Майер»

25

Брукс Луиза (1906–1985) — знаменитая американская актриса

26

»Юниверсал» — голливудская киностудия

27

Бак Роджерс — герой комиксов, с которым в космосе происходит много небывалых приключений

28

В 1938 г. Уэллс подготовил сенсационную радиокомпозицию по повести Герберта Уэллса «Война миров»

29

Камбрия — Графство и горы в Англии

30

Паб — минная, трактир, таверна; торгует пивом, другими алкогольными напитками и закусками, а также является обычно своего рода клубом местных жителей

31

Барбур — известная фирма по производству непромокаемой одежды из хлопка.

32

Плей-офф — повторная игра после ничьей для установления победителя.

33

Остин — столица штата Техас, местонахождение Техасского университета.

34

Еще одно пиво (исп.); текила (исп.).

35

Приблизительно 26–27 ˚C

Приблизительно -18 °C

37

Розуэлл — место в пустыне, где в небе были замечены необъяснимые предметы и явления.

38

Приблизительно 37–38 ˚C

39

Да (исп.).

40

Куэрво — разновидность текилы.

41

Таос — поселок в штате Нью-Мексико.

42

Меса (от исп. mesa — «стол») — «Столовая» гора (с плоской вершиной) па юго-западе США.

43

Пульке — мексиканское вино из сока агавы.

44

Так обычно называют самые южные штаты США: Флориду, Джорджию, Алабаму, Южную Каролину.

45

Пер. В. Полищук

46

По аналогии с Нью-Йоркскими, улицы нумеруются.

Вообще-то медведи начинают размножаться 3-4-летнего возраста и самки рожают медвежат раз в 2 года или реже.

48

Самый крупный из североамериканских оленей, обитает в лесах, в районе Скалистых гор и Большой Калифорнийской долины.

49

В греческой мифологии Гея — богиня земли, жена Урана и мать титанов.

50

Луисвилл — один из крупнейших городов штата Кентукки.

51

Франкфорт — столица штата Кентукки.

52

Питтсбург — второй по величине город штата Пенсильвания.

приблизительно — 6,7 °C.

54

Санта-Барбара — небольшой город и штате Калифорния.

55

Мормоны — религиозная секта, основана в 1830 году в США (самоназвание «Церковь Иисуса Христа Святых Последнего Дня»).

56

Солт-Лейк-Сити — столица штата Юта, город мормонов.

Выпущен в 2005 г. издательством «Subterranean Press», здесь и далее — примечания переводчика.

58

»Блаженный дух» (1941) — трагикомедия английского драматурга, певца и актера Ноэля Кауарда, послужившая основой для одноименного фильма Дэвида Лина (1945) с Рексом Харрисоном и Маргарет Резерфорд.

59

Аллюзия на знаменитую фразу секс-бомбы Мей Уэст (1893–1980): «Это у тебя пистолет в кармане брюк или ты так рад меня видеть?».

60

Как дела, док? (What’s up, Doc?) — стандартное приветствие кролика Багса Банни, героя мультфильмов серии «Looney Tunes», выпускаемых студией «Уорнерз» с конца 1930-х гг.

»Парти-скулз» (party school) — колледжи с особо активной общественной жизнью, частыми студенческими пирушками и т. п.

62

Хисс Элджер (1904–1996) — высокопоставленный служащий госдепартамента США и генеральный секретарь учредительной конференции Организации Объединенных Наций; в 1948 г. член Комитета по антиамериканской деятельности Ричард Никсон обвинил Хисса в шпионаже на СССР и добился его осуждения (на основании, как было показано в 1975 г., преимущественно сфабрикованных данных).

63

В 1952 г. во время избирательной кампании Дуайта Эйзенхауэра баллотировавшийся на пост вице-президента Никсон был обвинен в использовании «левых» источников финансирования и в телевизионном выступлении заявил, что за все время кампании принял один-единственный подарок — коккер-спаниеля по кличке Чекерс.

64

В 1962 г., проиграв губернаторские выборы в Калифорнии, Никсон обвинил прессу в поддержке его противника и в сердцах заявил: «Больше вы Дика Никсона не увидите, ищите себе другого мальчика для битья».

65

Никсон умер от удара в 1994 г., но действительно страдал от флебита с середины 1960-х гг. и много лет принимал антикоагулянты, а в 1974 г. его оперировали по поводу глубокого венозного тромбоза и легочной эмболии.

66

Кто (англ.)

67

Половинки двух знаменитых комических дуэтов Голливуда: Бад Эббот (1895–1974) и Лу Костелло (1906–1959), Стэн Лорел (1895–1965) и Оливер Харди (1892–1957). В рассказе Уолдропа «Сберегите мне место в спасательной шлюпке» Лорел с Харди и Эббот с Костелло тщетно пытаются под астральным руководством Граучо Маркса спасти Бадди Холли.

68

The Nigth Numbers — название, под которым The Who работали несколько месяцев в середине 1964 г. с продюсером Питом Миденом.

69

Quarrymen (1957–1959) — ливерпульская скифл-группа, основанная Джоном Ленноном, в которой играли Пол Маккартни и Джон Харрисон; весной 1960 г. была переименована в Silver Beatles, в августе — в Beatles.

70

Актриса Джоди Фостер (р. 1962) прославилась исполнением роли несовершеннолетней проститутки в «Таксисте» Мартина Скорсезе (1976) и номинировалась за нее на «Оскара»; впоследствии получила «Оскар» за роль в «Молчании ягнят» (1991). Зациклен на ней (а именно на ее роли в «Таксисте») был не убийца Леннона Марк Чапмен, а покушавшийся в 1981 г. на президента Рейгана Джон Хинкли — он отождествлял себя с героем «Таксиста» (Роберт де Ниро), который готовил покушение на кандидата в президенты по фамилии Палантин.

71

Джон Фицджеральд Кеннеди родился 29 мая 1917 г. Так что, если передача шла плюс-минус в прямом эфире, действие рассказа происходит в начале июня 2001 г.

72

Popeye the Sailor Man — морячок Пучеглаз — герой выходившего в 1933–1950 гг. мультсериала; подкрепившись шпинатом, обретал сверхъестественную силу. В 1980 г. Роберт Олтмен выпустил полнометражный фильм «Попай» с Робертом Уильямсом в главной роли.

То есть в этом мире выборы 2000 г. не были фальсифицированы, и победу одержал не республиканец Джордж Буш-мл., а демократ Альберт Гор. Ну и Роберт Кеннеди тоже жив, а не убит Сирханом Сирханом в 1968 г.

74

Слой Мохоровичича — граница между земной корой и мантией, где скачкообразно увеличивается скорость распространения сейсмических волн; выделена в 1909 г. югославским сейсмологом Андреем Мохоровичичем (1857–1936).

75

Игра слов: Watergate (англ.) — затвор шлюза, Millhouse (англ.) — мельница (здесь водяная).

76

Кларк Гейбл (1901–1960) и Полетт Годдард (1910–1990) — американские кинозвезды; вымышленные «Мулы в лошадиной упряжи» отсылают к «Унесенным ветром» (1939), где Гейбл снимался с Вивьен Ли.

77

»Дорога на Марокко» (1942) — приключенческая комедия Дэвида Батлера, главные роли в которой исполняют не Фред Макмюррей (1908–1991) и Джек Оуки (1903–1978), игравшие вместе в «Техасских рейнджерах» Кинга Видора (1936), а Бинг Кросби и Боб Хоуп.

78

Джеймс Дин (1931–1955) — знаменитый актер, прославился в амплуа молодого бунтаря. «Кто-то наверху меня любит» (1956) — драма Роберта Вайза с Полом Ньюменом (вместо планировавшегося на главную роль, но погибшего Джеймса Дина). «Великан» (1956) — драма Джорджа Стивенса, в главных ролях Элизабет Тейлор, Рок Хадсон и Джеймс Дин. «К востоку от рая» (1955) — драма Элиа Казана, экранизация одноименного романа Джона Стейнбека; главную роль исполнил Джеймс Дин, соперничавший за нее с Полом Ньюменом.

»Дай мне руку» (искаж. нем.)

80

Дженис Ян (Дженис Э. Финк, р. 1951) — популярная американская фолк-певица, автор-исполнитель; данный рассказ написан Уолдропом специально для антологии, посвященной ее песням.

81

Игра слов: gold (англ.) — золото, water (англ.) — вода. Барри Голдуотер (1909–1998) — американский сенатор-консерватор; в 1964 г. баллотировался в президенты от Республиканской партии, но проиграл Линдону Джонсону. Пытался выдвигаться и в 1968 г., но на предвыборном съезде республиканцев уступил Никсону.

82

Фурнас Джозеф Чемберлен (1905–2001) — американский писатель, историк, автор трехтомника «Американцы: Социальная история Соединенных Штатов, 1587–1914» (1969), «Великие времена: Неформальная социальная история Соединенных Штатов, 1914–1929» (1974), «Ненастье: 1929–1945» (1977).

83

»Клан Сопрано» — кроваво-реалистичный, с элементами черного юмора американский телесериал о мафии, удостоенный в общей сложности 69 различных премий (в т. ч. пять «Золотых глобусов»); выходит с 1999 г., в главных ролях Джеймс Гандольфини (Тони Сопрано) и Лоррейн Бракко (доктор Дженнифер Мельфи).

84

Линднер Роберт (1914–1956) — популярный американский психоаналитик, прославился бестселлером «Пятидесятиминутный час: Сборник правдивых психоаналитических историй» (1955); в Британии издавался как «Реактивная кушетка» — по названию самой яркой истории, которую герой Уолдропа и пересказывает; любопытная деталь: психиатр из романа Роджера Желязны «Повелитель сновидений» (1966) использует метод, сходный с методом Линднера в «Реактивной кушетке». В «Бунтовщике без идеала» (1944) Линднер рассказывает о своем опыте работы тюремным психологом; через одиннадцать лет Николас Рей выпустил знаменитую одноименную молодежную драму с Джеймсом Дином и Натали Вуд в главных ролях.

85

»Кемо сабе» — выражение из популярнейшего радиосериала «Одинокий рейнджер», выходившего в Детройте с 1933 г., затем перекочевало и в одноименный телесериал (1949–1958); так обращались друг к другу «одинокий рейнджер» Джон Рейд и его подручный индеец Тонто. «Что значит «мы», кемо сабе?» — так отвечает Тонто рейнджеру в известном анекдоте на вопрос «Куда мы теперь?», когда их окружают десять тысяч индейцев.

86

Тройственная комиссия — учреждена в 1973 г. после «бензинового кризиса» Збигневом Бжезинским и Дэвидом Рокфеллером, состоит из 325 представителей США, Европы и Японии и призвана вырабатывать рекомендации по решению общих проблем, стоящих перед странами Первого мира; по мнению конспирологически озабоченных, именно Тройственной комиссии Джимми Картер обязан своим избранием на пост президента США.

87

Генри Киссинджер (р. 1923) — американский дипломат, в конце 1950-х гг. разработал доктрину гибкого (в противовес массированному) ядерного реагирования; советник президента по вопросам национальной безопасности при Никсоне, государственный секретарь при Джеральде Форде, лауреат Нобелевской премии мира 1973 г.

88

»Зона 51» — военная база в Неваде на озере Грум-Лейк в 140 км к северу от Лас-Вегаса; по мнению уфологов, именно там американские военные «работают» с НЛО, тщательно скрывая это от народа.

89

Значит, действие происходит все же после 11 сентября 2001 г., т. е. налицо противоречие с пунктом о дне рождения экс-президента Кеннеди (см. выше). Вывод: скорее всего, пожарный Билли ошибся, и Дж. Ф. К. отмечал 85-й, а не 84-й день рождения; тогда действие происходит в начале июня 2002 г. С другой стороны, если разночтение насчет Джоди Фостер (см. выше) не просто шутка, это значит, что базовый мир героя рассказа не вполне тождествен нашему, т. е. атака на ВТЦ могла произойти в нем и какого-нибудь другого числа.

90

»Касабланка» (1942) — знаменитая драма Майкла Кертиса, в фильме снимались Хамфри Богарт, Ингрид Бергман, Пол Хенрейд, Клод Рэйнс, Конрад Вейдт, Сидни Гринстрит, Питер Лорр.

91

Висячий автомобильный мост через р. Гудзон. Соединяет Нью-Йорк с г. Форт-Ли, штат Нью-Джерси

92

Беллетризованные воспоминания о Париже 20-х годов (1964 г.).

93

Небольшой городок в штате Пенсильвания, где 19 ноября 1863 года при открытии военного кладбища президент А. Линкольн произнес знаменитую речь

94

Мудра — положение рук или пальцев, имеющее символический смысл или характеризующее определенные ситуации, действия или силы (в буддийской и индуистской культурах).

95

Бетель — тропическое кустарниковое растение, листья которого имеют острый и пряный вкус и используются местным населением для жевания.

»Бургер Кинг» — сеть ресторанов быстрого питания.

Lux aeterna — высшый свет (лат.)

Lex Mundi — закон мира (лат.).

99

Спасибо (исп.)

100

Не за что (исп.)

101

Приблизительно 39,7 ˚C

102

Приблизительно 19,4 ˚C.

103

Приблизительно 40 ˚C.

104

Голубая книжка — зд.: бланк для поведения экзаменов или тестирования

105

Город на западе штата Калифорния, крупнейший центр ядерных исследований

»Дом на просторах» — гимн штата Канзас.

107

Конденсат Бозе-Эйнштейна — квантовая жидкость (например, гелий при температурах, близких к абсолютному нулю), возникающая в результате процесса, получившего название «конденсация Бозе-Эйнштейна». Применяется при создании сверхпроводников и лазерной техники.

108

Файл «cookie» — текстовая строка, включаемая и запросы и ответы протокола http. Файлы «cookie» используются для сохранения данных о пользователе, посещающем различные страницы сайта или возвращающемся на сайт спустя некоторое время.

109

Кэширование — предварительное сохранение данных.

110

Высокопоставленного чиновника и по совместительству шпиона

111

Гувер Герберт — президент США от республиканской партии (1929–1932).

112

Хардиш Уоррен — президент США от республиканской партии (1921–1923)

113

Кулидж Калвин — президент США от демократической партии (1923–1929).

114

Рузвельт Франклин Делано — президент США от демократической партии (1933–1915)

115

Рузвельт Теодор — президент США от республиканской партии (1901–1909)

116

Ноб-Хилл — аристократический район Сан-Франциско

117

Дуглас Стивен Арнольд (1813–1861) — политический деятель, оппонент и соперник А. Линкольна на президентских выборах в 1860 г.

118

Форт-Самтер — форт в гавани г. Чарльстон (Южная Каролина).

119

Гарнер Джон Нэнс (1868–1967) — видный деятель демократической партии, вице-президент США в годы правления Ф.Д. Рузвельта.

120

Гувер Джон Эдгар (1895–1972) — директор ФБР (1971–1972)

121

Липпман Уолтер (1889–1971) — известный американский журналист-обозреватель.

122

Кафлин Чарльз (1891–1979) — видный католический священник. Поддерживал «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта, но впоследствии стал одним из лидеров американского фашизма

123

Лонг Хью (1893–1935) — американский политик фашистского толка, губернатор штата Луизиана, сенатор. Послужил прототипом губернатора в романе Р.П. Уоррена «Вся королевская рать»

124

Левенуорт — город в штате Канзас, известный прежде всего своей тюрьмой.

125

Лэндон Эльф — нефтяной магнат, выдвигался на пост президента от республиканской партии и 1936 г., но потерпел поражение от Ф.Д. Рузвельта.

126

У. Шекспир, «Ромео и Джульетта». Пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник.

127

Босс Твид (1823–1878) — известный политик, один из лидеров демократической партии США.

128

Джефферсон Томас — президент США от демократической партии (1801–1809).

129

Джексон Эндрю — президент США от демократической партии (1829–1837).

130

Вильсон Вудро — президент США от демократической партии (1913–1921).

131

Маршалл Джордж (1880–1959) — военный и политический деятель. Во время Второй мировой войны планировал все основные операции войск союзников. В 1947 г. в качестве госсекретаря США предложил клан восстановления экономики Европы, известный как «план Маршалла».

132

Нимиц Честер Уильям (1885–1966) — командующий Тихоокеанским флотом США во время Второй мировой войны

133

Эйзенхауэр Дуайт — президент США от республиканской партии (1953–1961). Главнокомандующий войсками союзников и Западной Европе во время Второй мировой войны.

134

Холси Уильям (1882–1959) — командующий Тихоокеанским флотом США но время Второй мировой войны.

135

Хирохито (1901–1989) — император Японии с 1926 г., в 1921–1926 — регент

Sayonara — прощай (яп.)

137

Эйнштейн Альберт (1879–1955) — один из основателей современной физики, создатель теории относительности, лауреат Нобелевской премии (1921). Направил письмо президенту США, в котором указал на опасность создания ядерного оружия в фашистской Германии.

138

Сцилард Лео (1898–1964) — американский физик и биолог

139

Ферми Энрико (1901–1957) — крупнейший итальянский физик. В 1938 г. эмигрировал в США, где участвовал в разработке атомной бомбы. «Макаронник» — презрительное прозвище итальянцев.

140

Фон Нейман Джон (Япоги) (1903–1957) — американский математик венгерского происхождения.

141

Оппенгеймер Роберт (1901–1967) — американский физик, «отец атомной бомбы».

142

Теллер Эдвард (1908–2003) — американский физик венгерского происхождения, «отец водородной бомбы»

143

Фон Браун Вернер (1912–1977) — американский ракетостроитель, немец по происхождению

144

Кай-Ши Чан (1887–1975) — глава левой китайской партии Гоминьдан, правитель Китая (1927–1949), главнокомандующий внутренними силами. 1949 г. в результате гражданской войны был изгнан Мао Цзедуном на о. Тайвань, где основал отдельное государство.

145

Положение, существовавшее до войны (лит.)

rey Charles

147

Мелвилл Герман (1819–1891) — американский писатель-романтик.

148

Джеймс Генри (1848–1916) — американский писатель

149

Витгенштейн Людвиг (1889–1951) — австрийский философ и логик, крупнейший представитель аналитической философии.

150

Тьюринг Алан Мотписан (1912–1951) — английский математик.

151

Branco — мустанг, жеребец (порт.).

152

Это последний раз (порт.)

153

Хватит (порт.)

154

Отныне это работа Джоао (порт.)

155

Облако Оорта — невидимые с Земли рои миллиардов комет, составляющие «сумрачную окраину» Солнечной системы, находящуюся на расстоянии около светового года от Солнца (почти четверть дистанции до ближайшей звезды). Соответственно, гравитационное воздействие проходящих звезд сказывается на движении комет, меняя их орбиты. Считается, впрочем, что большинство известных комет приходит из внутреннего кометного облака, находящегося непосредственно за орбитой Плутона, — так называемого пояса Койпера

156

Туманность Конус — астрономический объект КОС 2264 в созвездии Единорога. Это созвездие расположено между Орионом и Малым Псом, которые присутствуют в нашем небе осенью и зимой. До туманности Конус около 2600 световых лет.

157

Леониды — метеорный поток с радиантом (областью неба, из которой, как кажется, разлетаются метеоры) в созвездии Льва. Наблюдается в ноябре, максимум приходится на 17-18-е числа.

Не так ли? (искаж. фр.)

159

Не желаете ли (фр.)

160

Очарован (фр.)

161

Валентино Рудольф (1895–1926) — популярнейший американский киноактер; снимался в основном в романтических драмах и, в частности, в кинофильме «Сын шейха» (1926).

162

Херст Рэндольф Уильям (1863–1951) — американский медиа-магнат

163

Тальберг Ирвинг (1899–1936) — известный американский кинопродюсер, сотрудничал со студией «МГМ».

164

Хаксли Олдос (1894–1963) — известный английский писатель.

165

Гейбл Кларк (1901–1960) — популярный американский киноактер.

166

Ломбард Кэрол (1908–1942) — американская киноактриса, третья жена Кларка Гейбла.

167

Дэвис Бетт (1908–1989) — американская киноактриса.

168

Дресслер Мэри (1869–1934) — американо-канадская комедийная киноактриса.

169

Китон Бастер (1895–1966) — популярнейший американский комедийный киноактер.

170

Маркс Харпо (1988–1964) — американский комик.

171

Дэвис Марион (1897–1961) — американская киноактриса, возлюбленная Уильяма Рэндольфа Херста.

172

Марч Фредрих (1897–1975) — американский актер.

173

Гарбо Грета (1905–1990) — легендарная голливудская актриса шведского происхождения.

174

Толмедж Констанс (1897–1973) — американская киноактриса, снявшаяся в знаменитом немом фильме режиссера Давида Уорка Гриффита «Нетерпимость» (1916).

175

Гудини Гарри (1874–1926) — известный американский иллюзионист.

176

Бирс Амброз (1842–1911(?)) — американский журналист, сатирик и писатель.

177

Мейер Луис В. (1885–1957) — влиятельнейший голливудский кинопродюсер, руководитель крупнейшей киностудии «Метро-Голдвин-Мейер» («МГМ»).

178

Кросби Бинг (1903–1977) — американский певец и актер.

179

Рейнс Клод (1889–1967) — англо-американский актер, прославившийся ролями злодеев-интеллектуалов.

180

Президент США Авраам Линкольн выступил со своей знаменитой краткой речью 19 ноября 1863 года в разгар Гражданской войны в США на открытии Национального кладбища в городе Геттисберге, штат Пенсильвания

181

Тильден Билл (1893–1953) — знаменитый американский теннисист.

182

Хеммет Дэшил (1894–1961) — американский писатель, один из создателей американского детектива, автор нашумевшей книги «Мальтийский сокол» (1930).

183

Банки Вильма (1898–1991) — американская киноактриса венгерского происхождения; снялась в кинофильме «Сын шейха» в роли Жасмин — возлюбленной шейха Ахмеда, которого играл Рудольф Валентино.

184

»Восьмичасовой ужин» (1933) — фильм американского режиссера Джорджа Кукора.

185

Арлингтон — пригород Вашингтона на правом берегу реки Потомак, в штате Виргиния. Здесь расположены Арлингтонское кладбище и Пентагон.

186

Кеворкян Джек — американский медик, проповедник эвтаназии. Пришел к убеждению в этичности эвтаназии в тех случаях, когда больному уже нельзя помочь, а страдания его становятся невыносимыми. В 1989 году сконструировал «машину самоубийства» (Mercitron): систему подачи анальгетиков и токсичных препаратов в кровь для тех пациентов, которые не способны покончить с собой иными способами. Идеи Кеворкяна были осуждены врачебным сообществом и властями США. В 1991 году он был лишен лицензии на медицинскую практику, а затем подвергся судебному преследованию. Четыре раза представал перед судом, однако был оправдан. В марте 1999 года был обвинен в умышленном убийстве пациента, когда смерть последнего фиксировалась на видеопленке, и приговорен к 25 годам тюремного заключения.

187

Наномедицина — современное направление в медицине, основанное на нанотехнологиях, использовании устройств и приборов, размер которых сравним с размером молекул.

188

Таймс-сквер — площадь в Нью-Йорке, в Центральном Манхэттене.

189

Молл (в Вашингтоне) — большой парк в центре города, протянувшийся от мемориала Линкольна до здания Капитолия.

190

Мемориал Линкольна в Вашингтоне расположен в парке на берегу реки Потомак.

191

Лавкрафт Г.Ф. — известный американский писатель, основоположник «черной фантастики», классик жанра «horror».

192

Герой романа Г. Уэллса «Остров доктора Моро», проводящий жестокие эксперименты над животными, придавая им человеческий облик.

193

Спок Бенджамин — американский врач-педиатр, автор популярных книг, описывающих методику воспитания детей «по доктору Споку».

194

Доктор Джекил — герой фантастической повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

195

Доктор Кто — герой популярнейшего английского НФ-сериала.

196

Кампус — территория университета или колледжа.

197

В Хьюстоне, штат Техас.

198

Пиджин-инглиш — смешанный англо-китайский язык; создан для облегчения межэтнического общения но пути упрощения языка-источника.

199

Бурбон — сорт виски.

200

Хэллоуин — канун Дня всех святых (31 октября).

201

»Джек Дэниелс» — разновидность бурбона.

202

»Банда гаечного ключа» — роман Эдварда Эбби, известного американского писателя, видного философа, идеолога и практика радикальной природоохраны.

203

»Счастливый час» — время, когда алкогольные напитки в баре продаются со скидкой.

204

Игра слов: по-английски «Эбби» и «аббатство» пишутся одинаково — Abbey.

205

Принстонский университет — один из старейших и наиболее престижных американских университетов. Находится в Принстоне, штат Нью-Джерси.

206

Казинский Тед — террорист-одиночка. С 1918 года отправлял бомбы-посылки известным американским ученым и бизнесменам. В качестве цели своей деятельности называл борьбу с индустриализацией, свержение экономической и технологической основы современного общества.

207

Спрюэлл Лэтрелл — американский баскетболист. Носит дреды.

208

Добро пожаловать! (исп.)

209

У вас есть что-нибудь для нас? (исп.).

210

Старики (исп.).

А вы? (исп.).

212

Мы не знаем (исп.).

213

Нам сообщили ваши имена (исп.).

Зд: Извините (исп.).

215

Средний Запад — район в центральной части США.

Понятно? (ит.; исп.).

217

Спасибо за то, что приехали (исп.).

Извините (фр.).

219

Диалекты китайского языка.

220

23 июня, четверг (фр.).

221

Зеленого зелья (фр.).

222

2 февраля в США называют Днем сурка. По тому, как ведет себя вылезший из норы сурок, предсказывают погоду на весну.

223

Зд.: по городу ((рр.).

224

Где вы снега прошедших дней? (фр.)

225

Дэвис Майлс (1926–1991) — один из ведущих джазовых музыкантов США.

226

Эрхарт Амелия (1898–1937) — первая женщина-авиатор, перелетевшая через Атлантический океан.

227

Хендрикс Джими (1942–1970) — американский рок-музыкант, гитарист-виртуоз.